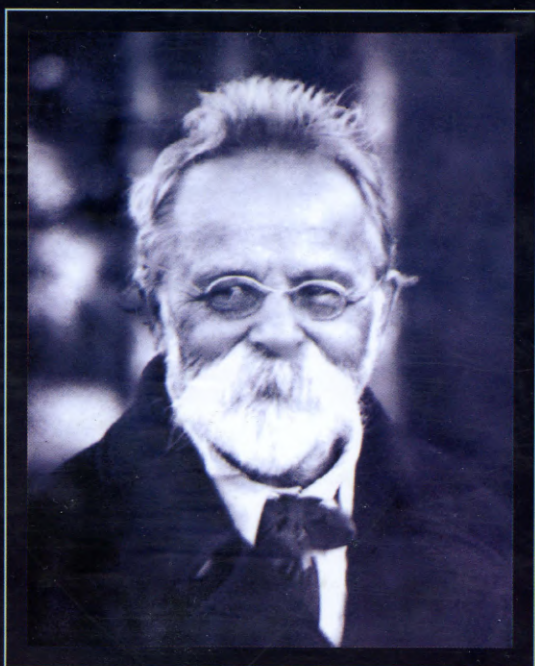

К 150-летию Н.А.МОРОЗОВА

С.И.Валянский • И.С.Недосекина

ОТГАДЧИК ТАИН, ПОЭТ И ЗВЕЗДОЧЕТ

К 150-летию Н.А.МОРОЗОВА

С.И.Валянский • И.С.Недосекина

ОТГАДЧИК ТАЙН, ПОЭТ И ЗВЕЗДОЧЕТ

О жизни и творчестве
русского ученого-энциклопедиста

Николая Александровича

Морозова

(1854 – 1946)

Издательство «Крафт+»

Москва 2004

УДК [3+5](470)(092)Морозов Н.А.
ББК 2д(2)Морозов А.Н.+60д(2)Морозов А.Н.
В16

«Мироведение XXI»

Совет по изучению научного наследия
Морозова Николая Александровича

Председатель – В.Б.Бирюков

Члены: С.И. Валянский, С.В. Виноградов, Т.Г. Захарова,
Д.В. Калужный, М.А. Кононов, А.Г. Макаров,
А.Ю. Недосекин, И.С.Недосекина, К.К. Озеров,
А.А. Румынский

В16 Валянский, Сергей Иванович, Недосекина И.С.

Отгадчик тайн, поэт и звездочет: О жизни и творчестве рус.
ученого-энциклопедиста Н.А. Морозова / С.И. Валянский,
И.С. Недосекина. – М.: Крафт+, 2004. – 784 с. – На тит.
л.: К 150-летию Н.А. Морозова. – ISBN 5-93675-078-7

И. Соавт.

Агентство СІР РГБ

Он ярко заявил о себе в 70-х годах XIX века и исчез на 30 лет в каземате Шлиссельбурга. Как птица-феникс, возродился из небытия в начале XX века и стал известен «всей читающей России». После революции занимался наукой, был директором уникального научного учреждения – Государственного естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта и членом Академии наук. После смерти Н.А. Морозова его имя стали вспоминать все реже и реже, хотя он был известным общественным деятелем и ученым, которого можно сравнить с Леонардо да Винчи. Прославился своими разработками в области химии, астрономии, физики, математики, метеорологии, биологии, истории, филологии, геофизики... Он был неутомимым пропагандистом научного знания и пионером отечественного воздухоплавания, проявил себя как яркий публицист, поэт в науке и ученый в поэзии.

ISBN 5-93675-078-7

9 785936 750786

© Текст, С.И. Валянский, И.С. Недосекина, 2004

© Библиография, В.Б. Бирюков, 2004

© Подбор иллюстраций, Т.Г. Захарова,
А.Ю. Недосекин, 2004

© Оформление, верстка, серия, издательство
«Крафт+», 2004

*Секрет
Витасис & Кати*

Пролог

Осенней ночью с небосклона
Чуть блещет Северный Венец.
Его не снимет для короны
Ни царь земной, ни пышный жрец.

Его Жемчужина над нами
Звездою скромною горит,
И тихо нежными лучами
Она нам с неба говорит:

«Сверкать блестящим пышным светом
Я в годы рабства не хочу,
Не улыбнусь своим приветом
Я ни лжецу, ни палачу.

Я не сойду в страну покорных,
В страну приниженных рабов,
Когда так много рукотворных
Толпою созданных венцов.

Но час пробьет... Утихнут стоны
И новый свет блеснет во тьме,
Потускнут пышные короны
На обновившейся земле,

И я тогда в красе нетленной
Сойду с сияющих небес
Сказать, что к жизни вдохновенной
Весь мир проснувшийся воскрес.

И тех из вас узрят народы
В сияньи Звездного Венца,
Кто в дни гонений и невзгоды
Был верен правде до конца.

«По ту сторону» был август 1883 года. «По эту сторону» времени не существовало. Был лишь серый клочок пространства – камера «вечного узника» Алексеевского равелина Петропавловской крепости. И была мысль, способная уноситься отсюда далеко-далеко...

Сегодня ему впервые за последние полтора года дали книгу. Тюремное начальство сочло наконец, что он достаточно вкусил одиночества, чтобы испытать потребность в «божьем слове». На свет извлекли Библию на французском языке, оставшуюся, быть может, еще от сидевших здесь когда-то декабристов. Но стражи ошиблись. Вовсе не смирение и желание подумать о душе заставило изможденного постоянным недоеданием и болезнями узника с огромным интересом погрузиться в чтение. Во-первых, в его однообразной жизни это было хоть какое-то развлечение. А во-вторых, он уже давно хотел заняться изучением Библии как образчика древнехристианской литературы, богатейшего материала для изучения древнего мировоззрения.

С чего же начать? Хотя бы с «Откровения Иоанна Богослова». (Эта книга более известна как «Апокалипсис» – перевод с греческого слова «откровение».) Со слов Рахметова, героя романа Чернышевского, он знал, что это «произведение сумасшедшего». Но он знал и то, что многие замечательные умы разных времен и народов пытались постичь его тайный смысл. В стремительной прошлой жизни революционера-народовольца не нашлось времени для «Откровения». Но нет худа без добра – при теперешних обстоятельствах он сможет тщательно разобраться в этом загадочном произведении и сложить о нем собственное мнение.

Он и раньше быстро читал, а сейчас, после долгого отсутствия книг, буквально проглатывал страницу за страницей, упиваясь возможностью узнать нечто отличное от его серого, нестерпимо однообразного существования, заглушить боль в пораженных цингой ногах...

Внезапная перемена в освещении вернула его в привычные стены. Читать стало решительно невозможно. Длинная, худая фигура узника потянулась к маленькому оконцу. Раскаты грома и стремительные росчерки дождя на мутном стекле все разъяснили – в «том» мире начиналась гроза. И непокорная мысль уже неслась туда, навстречу грому и молниям...

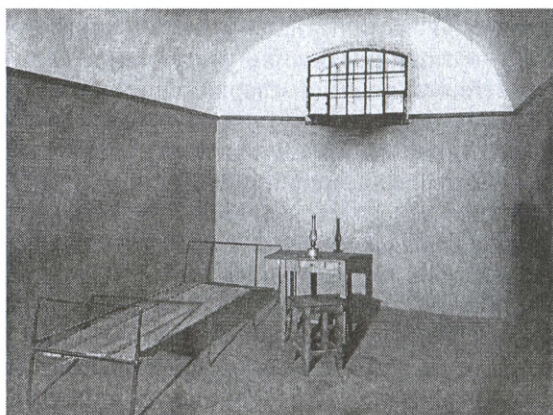
Он отчетливо представил себе отцовское имение Борок и ту неизбежную грозу, в которую он попал будучи еще гимназистом.

Отец послал его в ближнее село Веретею с поручением, разрешив ехать верхом. Путь предстоял всего в несколько верст, и всадник не очень торопился, но, подъезжая к намеченному месту, заметил, что небо над сельской колоколенкой приобрело мрачный оттенок. Приближалась гроза. Быстро закончив дела, он погнал своего коня к дому, в противоположную от надвигающейся стихии сторону...

Юноша всегда испытывал некоторое восторженное чувство при виде приближающейся и потом бушующей кругом грозы. Он обернулся на-

Алексеевский рavelин

Камера в Петропавловскэй крепости

зад: свинцово-сизая туча почти поглотила предзакатное солнце и наступил тот особый род освещения, при котором все, на что ни падает тень от тучи, приобретает особенный мрачный колорит. Казалось, все в природе замерло в ожидании чего-то страшного и необычного. Картина настолько завораживала, что стоило больших усилий, не глядя по сторонам, немедленно скакать в какое-нибудь укрытие...

Еще раз обернулся назад и... чуть не свалился с лошади, увидев прямо перед собой лицо разгневанного старца. Казалось, тот пытается просунуть голову между двумя слоями туч и разглядеть, что же такое творится на земле. Но через секунду все стало ясно: это верхний край узкого просвета в темных тучах принял вид густой шевелюры снежно-

белых волос над разгневанным ликом солнца, а нижний край как бы укутывал его подбородок воротником меховой шубы. Все это было так неожиданно и страшно, что хотелось спросить с суеверным ужасом:

– Что такое случилось, что тебе нужно?

Доскакать до укрытия так и не удалось. Первая грозовая туча догнала его и умчалась дальше к горизонту, окатив присмирившую землю крупным ливнем. Мокрый до нитки, всадник уже подъезжал к дому, когда стих первый порыв дождя. Он выжидающе посмотрел на небо. Там, наверху, увлекаемые мощным ураганом, друг за другом гонялись облака самой причудливой формы. Сцепившись передними лапами, в диком танце неслись огромные жабы, неведомый вестник трубил в охотничий рог, а допотопный гигантский ящер бесстрашно сражался с многоголовой гидрой. Но проходили минуты, и фантастические картины оборачивались обычными кучевыми облаками...

Пока он мысленно путешествовал во времени и пространстве, гроза за окном его камеры кончилась, тучи разошлись, и можно было продолжать прерванное чтение. Поправив очки, он пробежал глазами ошавленную страницу и задержался на такой строчке: «Вот идет он в облаках, и увидит его всякий глаз...»

– О чем это? – в сознании еще не улетучились картины недавних воспоминаний. – Не о солнце ли, сверкнувшем между двумя слоями облаков?

Мелькнувшая догадка требовала подтверждения. И вдруг – о чудо – этот запутанный текст начал приобретать ясность и простоту. Подобно ботанику, который узнает свои любимые растения по нескольким словам их описания (в то время как у непосвященных эти слова вызывают лишь неясные образы), он стал узнавать в апокалиптических чудовищах наполовину аллегорическое, а наполовину буквально точное и чрезвычайно художественное описание давно знакомых ему грозовых картин. Кроме того, глаз астронома распознал в них замечательное описание созвездий древнего неба и планет в этих созвездиях. Быть может, ему открылся тайный смысл «Откровения»? Читая дальше, он уже почти не сомневался, что имеет дело с описанием зловещего астрологического расположения планет по созвездиям во время землетрясения, сопровождаемого грозой...

Но ведь по расположению планет в зодиакальных созвездиях можно вычислить дату описанного здесь события, если автор честно описал то, что он видел. Автор?.. Узник представил себе неизвестного Иоанна, одиноко сидящего на берегу острова Патмос и погруженного в грустные размышления. Он ожидал вычисленного им на этот день солнечного затмения и старался определить из астрологических соображений время страстно желаемого им второго пришествия Спасителя, не замечая надвигающейся сзади грозы. А тут еще более страшное событие – землетрясение. Он в ужасе пал на колени, и все, что было

потом, стало представляться ему сплошным рядом знамений, ниспосланных ему с тем, чтобы он записал и растолковал их так, как подсказывало ему «божественное вдохновение», знакомое всякой истинно поэтической натуре.

Древний автор вообразился человеком с глубоко любящим сердцем и чрезвычайно отзывчивой и поэтической душой, но страдавшим и измученным окружающим лицемерием, ханжеством и раболепством современной ему христианской церкви перед «царями земными»... И это уже был не далекий Иоанн, а он сам, Николай Морозов. Это его отзывчивой и поэтической душе было невыносимо душно в гнетущей атмосфере, поглотившей родное Отечество. Всю жизнь он мечтал заниматься наукой, искренне веря, что наука — самый верный путь к общечеловеческому Великому счастью. Но путь этот необходимо было расчистить. Можно ли строить дорогу к счастью в стране, где столько несправедливости, безграмотности, суеверий, где занятие естественными науками почитается за государственное преступление? Он пробовал вести просветительскую работу среди народа: и среди крестьян, и среди рабочих. Кругом обнаруживалось одно и то же: прежде, чем проповедовать революционные идеи, нужно удовлетворить обычные элементарные запросы мало знающих людей, т.е. преподавать им самые элементарные сведения. Но не лучше ли, в таком случае, делать это, служа в земстве, а не преподавать тайно, рискуя угодить в тюрьму или на рудники? Не лучше ли, в таком случае, низвергнуть правительство, считающее народное образование опасным для своего существования, и заменить его новым, которое бы использовало науку как основу государственной прочности? Он предложил и метод борьбы — уничтожение главных виновников нынешнего состояния народа...

И вот теперь «государев преступник», участник покушения на жизнь Александра II и личный враг Александра III, обречен на медленное умирание в этом сыром каменном склепе...

Морозов медленно поднялся и, с трудом переставляя изуродованные очередным приступом цинги ноги, серой тенью заскользил по камере: четыре шага вперед — четыре назад, четыре вперед, четыре назад... Он должен двигаться, чтобы жить. Он обязан остаться жив! Его лишили возможности активной борьбы — он будет бороться здесь. С ним его наука, и он будет работать. Если не дадут книг — мобилизует все свои знания, накопленные за недолгие годы свободы. Не дадут бумаги — будет писать на стенах. Рано или поздно это дойдет до народа, до тех, для кого он будет трудиться, вопреки желаниям своих врагов... И его «Откровение в грозе и буре» тоже найдет своего читателя и разгадчика, пусть даже через века...

А сейчас надо работать. Надо работать! В голове уже рождаются идеи, как, не имея астрономических таблиц, попытаться вычислить дату, зашифрованную в древнем гороскопе...

Коля Морозов

Часть первая

Коля Морозов

В мире вечного движенья,
В превращениях вещества
Возникают на мгновенья
Все живые существа.

Но, явившись на мгновенье,
Знать уж хочет существо,
В чем же вечное движенье?
Что такое вещество?

И зачем в земном создании
Отражается порой,
Как в безбрежном мироздании,
Вечность жизни неземной?

Брат Петр и сестры: Груша, Надя, Вера, Катя, Варя

Глава I

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

– Коля, обедать! Мамаша ждет! – через весь парк несло от барского дома.

Руки двигались с трудом от усталости и холода. Он плавал в пруду без перерыва с утра, прибежав сюда сразу же после завтрака. Ведь настоящего путешественника во время экспедиции могут подстергать разные неожиданности. Например, кораблекрушение... И вот он проверяет себя. Готов ли к будущим испытаниям? Но надо вылезать и подниматься к дому, иначе мамаша будет сердиться. У нее и так тяжелая жизнь, и главная причина в отце...

До самой Октябрьской революции Морозов в официальных документах на вопрос о социальном происхождении писал: «незаконнорожденный сын дворянина» или «незаконный сын дворянина».

Отец Николая, Петр Алексеевич Щепочкин, был одним из богатейших помещиков Мологского уезда Ярославской губернии. До реформы 1861 года за его именем Борок числилась 1061 десятина земли, да в Череповецком уезде Новгородской губернии имелось свыше 350 десyatин. После реформы в надел крестьянам отошло 624 десятины.

Род Щепочкиных принадлежал дворянству Рязанской губернии, а в Борке один из его представителей оказался случайно. Историю своего рода Николай узнавал постепенно от матери, няни, отца и кое-что позже из семейных документов, когда вступил в наследование Борком. Вот что он в итоге узнал.

Борок. На географической карте России немало мест с этим милым названием. Борок Морозова находился в 25 километрах от города Мологи¹, ныне лежащего на дне Рыбинского водохранилища. Ближайшее к нему большое село Верхне-Никульское с окрестными деревнями, в числе которых был и Борок, с XVI века принадлежало богатым русским князьям Солнцевым. Их усадьба и парк располагались на высоком левом берегу реки Ильдь, недалеко от ее впадения в Волгу, а на правом берегу жили их крепостные крестьяне. В конце XVIII столетия последний владелец земель из этого знатного рода Иван Егорович Солнцев разорился, и то ли с сумой ушел по стране, то ли покончил жизнь самоубийством, только имение осталось без хозяина.

Вскоре эти земли купил сосед, обер-гофмаршал князь Николай Михайлович Голицын (1726–1787), сын талантливого полководца петровского времени, участника Северной войны 1700–1721 годов, генерал-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына (1675–1730).

Затем их хозяином стал Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин, получивший их в качестве приданого после женитьбы на дочери князя Н.М. Голицына княгине Анне Николаевне Голицыной.

Граф А.А. Мусин-Пушкин был известный русский ученый и государственный деятель, член Лондонского королевского общества и почетный член многих европейских академий наук, в том числе и Петербургской. Его научные интересы лежали в области химии и технологии металлов платиновой группы. Он разработал новый метод отделения платины от железа, исследовал сплавы платины с медью и серебром. А.А. Мусин-Пушкин участвовал в переговорах о присоединении Грузии к России. Он организовал изучение минеральных богатств Кавказа и Закавказья, содействовал развитию там горного дела. В 1805 году во время очередной экспедиции в Закавказье в возрасте 45 лет он неожиданно скончался.

Его вдова, и до этого проводившая большую часть времени в Петербурге, после смерти мужа продала большую часть своих владений графу Ивану Яковлевичу Мусину-Пушкину. (Его сын, Алексей Иванович Мусин-Пушкин, видный государственный деятель, известен как первооткрыватель «Слова о полку Игореве».) Поначалу вдова оставила за собой земли Верхне-Никульского церковного прихода. Но вскоре поняла, что не имеет возможности заботиться о них, и уступила их в 1807 году Егору Алексеевичу Алексееву, чиновнику из Мологи. При этом она дала «вольную» крестьянам двух деревень своей вотчины, Григорева и Дьяконова, изъявившим желание стать «вольными хлебопашцами». Это было сделано на основании указа императора Александра I от 20 февраля (4 марта) 1803 г. «Об отпуске помещиком на волю своих крестьян на основании обоюдного заключенного согласия». Он еще назывался указом о свободных хлебопашцах².

Между Григоревым и Дьяконовым когда-то находилась деревня Борок, но на тот момент прошло уже около пятидесяти лет с тех пор, как она сгорела и все ее прежние жители разбрелись кто куда, а некогда принадлежавшее погорельцам место отошло к крестьянам этих двух поселений. А.Н. Мусина-Пушкина документ о переходе крестьян деревень Григорева и Дьяконова в состояние «вольных хлебопашцев» оформила безупречно. А вот Е.А. Алексеев отнесся к этому весьма легкомысленно...

Тут следует немного рассказать о духовном центре этих мест – селе Верхне-Никульском. Еще при князе Н.М. Голицыне в этом селе была построена церковь во имя Святой Троицы. Так случилось, что у этого храма оказалось два попечителя: хозяева земли и помещики Глебовы, представители старого боярского рода. Имение Глебовых находилось в селе Нижне-Никульском, располагавшемся на правом берегу Волги, в низине, из-за чего сельское кладбище часто затапливалось

весенними водами. А именно там находился некрополь их рода. Поэтому, когда стали строить новую церковь, они приняли в этом участие и попросили разрешения перенести сюда могилы предков. Со временем Глебовы и сами перебрались поближе к Верхне-Никульскому, построив в живописном месте, впоследствии получившем название село Мурзино, красивый барский дом, вокруг которого был разбит пейзажный парк.

Тот вид, который храм имеет сегодня, он приобрел в результате большой перестройки, начатой в 1803 году и законченной лишь весной 1820 года. Она была начата городничим города Мологи Н.Н. Глебовым и графом А.А. Мусиным-Пушкиным, а закончена при новом хозяине Верхне-Никульского Е.А. Алексееве и сыне Н.Н. Глебова.

Большая часть Верхне-Никульского прихода совпадала с землями, принадлежавшими владельцам усадьбы Борок. На церковном кладбище покоятся несколько поколений хозяев усадьбы, в том числе мать Морозова, брат и две сестры.

Интересно отметить, что в церкви Святой Троицы на протяжении всего времени со дня ее освящения никогда не прерывалась служба: ни в те времена, когда владельцы этих земель разорялись и продавали свои владения, ни в советское время, когда многие храмы были закрыты.

Храм Святой Троицы имел свою святыню. Уроженец одной из деревень, входящих в Верхне-Никульский приход, игумен Иосиф Мраморный проходил послушание на Святой горе Афон с 1908 по 1913 год. За особо ревностную службу по желанию послушника и по благословению наместника монастыря в подарок ему была написана и освящена копия очень почитаемой на Афоне иконы Богородицы «Достойно есть». Эта икона была прославлена многими чудесами и исцелениями. В подаренной ее копии три частицы с мощами мученика Трифона, священномученика Харлампия и Нила Синайского. На лицевой стороне иконы надпись: «Сия святая икона писана и освящена на Святой горе Афон в русском общежительном скиту Святого Апостола Андрея Первозванного». Привезя святыню в Россию в 1915 году, игумен Иосиф подарил ее родному приходу. Долгое время икона находилась в церкви Св. Троицы. Празднование ее, установленное 24 июня (11 июня), всегда собирало в этот отдаленный приход множество народа.

С селом Верхне-Никульским связаны имена братьев Солнцевых – Федора Григорьевича и Егора Григорьевича – выдающихся русских художников XIX века. Они были детьми крепостных графа И.А. Мусина-Пушкина (сына А.И. Мусина-Пушкина). Существовало предание, что их отец был незаконнорожденным сыном исчезнувшего князя Солнцева. Когда графу доложили об одаренных художественным талантом детях, он посетил деревню, чтобы лично убедиться в полученных сведениях. Согласно преданию, увидев старшего из братьев, граф отметил, что в нем видна порода. Дабы исправить несправедливость, он дал отцу семейства «вольную». Это решение графа дало возможность

Федору Григорьевичу, а затем и Егору Григорьевичу поступить в Петербургскую Императорскую Академию художеств. Оба брата закончили ее с золотыми медалями.

Старший брат Федор Григорьевич в качестве художника участвовал в строительстве Большого Кремлевского дворца. По его эскизам отделаны парадные залы дворца, в том числе и самый большой, Георгиевский. За эту работу он был награжден орденом Святой Анны. Им была выполнена громадная работа в 7000 рисунков, на которых он запечатлел древности Российского государства: царские регалии, вклады русских царей в монастыри и храмы, костюмы и облачения светских и церковных особ высокого ранга, сокровища императорских хранилищ. В середине XIX века он много работал в Киеве над восстановлением Софийского собора.

В 1858 году министр государственных имуществ князь М.Н. Муравьев по воле императора Александра II дал распоряжение принимать в Петербургскую Академию художеств одаренных детей из крепостных крестьян для обучения на казенный счет. Попечителем этого отделения был назначен Ф.Г. Солнцев. В этой должности художник трудился более 30 лет.

Его младший брат Егор Григорьевич после окончания Академии в 1847 году в составе группы из 4 художников был отправлен в Италию для совершенствования образования в мозаичную студию известного итальянского мозаичиста М. Барбери. В то время в Петербурге возводился Исаакиевский собор, для украшения которого требовались художники-мозаичисты. В 1851 году они приступили к выполнению монументальных работ в главном иконостасе Исаакиевского собора. В течение 10 лет Е.Г. Солнцев работал над мозаичными образами Спасителя и Апостола Петра. За свою работу он был награжден большой золотой медалью.

В этом же году художника пригласили работать в Эрмитаж, где строились новые залы. В одном из них было смонтировано огромное мозаичное панно, копия с античного оригинала, находящегося в Риме, во дворце Ватикана. В этой работе принимал участие и Солнцев.

Мозаичные работы очень вредны. Художнику приходится постоянно иметь дело со свинцом, ртутью и т.п. Поэтому Егор Григорьевич скончался в возрасте 46 лет, в расцвете творческих сил.

Знаменитые земляки не теряли связь с Верхне-Никкульским. Отец Николая Морозова часто приводил в пример сыну братьев Солнцевых, которые своим трудом и талантом добились огромных успехов и положения в обществе. А в том, что у Николая есть таланты, отец не сомневался.

Но вернемся к Е.А. Алексееву (1772–1829), новому хозяину 13 деревень с проживающими в них крепостными крестьянами в количестве 530 душ.

Он был солдатским сыном, но, закончив в 17 лет существовавшую в то время школу для солдатских детей, вступил в военную службу в унтер-офицерском звании. С 3 декабря 1797 года он был зачислен в свиту его императорского величества Павла I, а в 1800 году по высочайшему приказу уволен с военной службы в звании подпоручика. Таким образом, в 28 лет он получил право на потомственное дворянство. Это было возможно благодаря принятому Петром I закону о порядке государственной службы в Российской империи, так называемой Табели о рангах³. В гражданской службе он оказался на должности помощника надзирателя питейных заведений. Немного разбогатев, Егор Алексеевич решил приобрести имение, чтобы стать настоящим потомственным дворянином-помещиком. Но собственных сбережений на покупку не хватало, и он взял в государственном Земельном банке крупную сумму денег со сроком погашения в 25 лет.

Прежде всего новоиспеченному помещику необходимо было построить усадьбу – будущее родовое гнездо. Выбор пал на холм, где раньше находилась деревня Борок. Правда, крестьяне сел Григорьева и Дьяконова использовали эти земли как сельскохозяйственные угодья. Но новый хозяин отобрал земли у свободных хлебопашцев, невзирая на их статус, выделив взамен другие, существенно худшие. Крестьяне были очень недовольны, но им пришлось уступить.

В 1812 году строительство усадьбы было прервано из-за войны России с Францией. Хозяин был вновь призван на военную службу и только после окончания войны возвратился к прерванным занятиям. Финансовое положение его было очень плохим. Строительство имения затянулось. Нужно было платить в казну налоги по земским сборам и своевременно гасить полученную в государственном Земельном банке денежную ссуду. Сам он вел очень экономный образ жизни, считал каждую копейку. Его даже прозвали скупым рыцарем. Чтобы иметь дополнительный доход, Е.А. Алексеев возвратился на службу в звании коллежского секретаря. У него умерла жена, он женился второй раз на московской дворянке Аграфене Борисовне и переехал со всем своим семейством в ее большой трехэтажный дом в Москве. К этому времени у него было пятеро детей: четыре дочери – Мария, Вера, Пелагея, Анна – и сын Яков. Но долги росли, а источник дохода был один – крестьяне. И поборы с крестьян продолжались. Те, что были его крепостными, только кряхтели, а вольные хлебопашцы решили бороться.

Через григорьевского крестьянина Филиппа Петрова, работавшего в Петербурге каменщиком, они разыскали графиню А.Н. Мусину-Пушкину и пожаловались ей. Анна Николаевна вникла в беды своих бывших крестьян и для их защиты наняла за свой счет двух опытных адвокатов. В мае 1817 года, тщательно изучив положение дел, адвокаты представили в Мологский опекунский совет документ, в котором подробно изложили все противозаконные действия нового помещика.

Дело из Мологи пошло в Ярославскую палату гражданского суда. Ситуация становилась критической. Е.А. Алексеев послал в Петербург прошение по поводу своего бедственного положения. Не имея наличных денег на уплату долгов, он просил Правительствующий Сенат дать предписание Ярославскому губернскому правлению принять в залог дворянскую усадьбу Борок и выдать ему на это свидетельство.

В это же время Ярославское губернское правление направило в Петербург, в Правительствующий Сенат и императору Николаю I официальный документ по делу помещика Е.А. Алексеева.

Указом его императорского Величества и постановлением Правительствующего Сената мологского помещика Е.А. Алексеева *«за изнурение им крестьян неумеренными и неопределительными денежными налогами и другого рода повинностями»* предлагалось предать суду, а имение Борок продать с публичных торгов на пополнение числящихся на этом имении недоимок земского сбора в количестве 50 тысяч рублей.

Егор Алексеевич написал несколько писем императору, в которых подробно изложил суть своего тяжелого положения. Кроме того, написал письмо великому князю Константину Павловичу, сыну Павла I, напомнив ему, что в молодости служил в свите его отца. В это же время в Мологское уездное правление поступило письмо от крестьян Григоревых и Дьяконовых. Они писали: *«Мы теперь уже обустроились, имеем хорошие сенокосные угодья и выгоны для скота. Пусть у нас остается этот барин, мы привыкли, а то придет новый, тогда наши деревни Григоревы и Дьяконовы совсем сковырнут».*

Уголовное дело против помещика Алексеева было прекращено при условии срочного погашения в казну числящейся за ним задолженности в 50 тысяч рублей. Егор Алексеевич стал занимать, где только можно. Где три, где пять, где восемь тысяч рублей – кто сколько мог дать. В итоге он с казной рассчитался, но после всех этих переживаний скончался от сердечного приступа, оставив наследникам огромные долги.

Не прошло и сорока дней после его смерти, как кредиторы стали осажать двери его дома. Кто им теперь будет возвращать долги? Это был критический момент для имения Борок. Но все обошлось.

Вот с этого момента в Борке и появились Щепочкины.

Егор Алексеевич Алексеев был прадедом Николая Морозова. Когда мальчик заходил в парадные комнаты отцовского дома, он видел портрет этого удивительного человека, начинавшего карьеру с самых низов, достигшего определенного благополучия и так и не сумевшего его удержать.

Рядом висели еще два портрета – молодого офицера и девушки. Это были дед и бабушка Николая, умершие молодыми, – Алексей Петрович Щепочкин и дочь Е.А. Алексеева Вера Егоровна. Алексей Петрович был сыном богатого рязанского помещика Петра Григорьевича Щепочкина, имевшего также владения в других губерниях Империи, и

Екатерины Алексеевны, урожденной Нарышкиной, принадлежавшей к тому же роду, что и мать Петра I. П.Г. Щепочкин ушел в отставку в звании секунд-майора и жил в своем родовом имении, владея 228 душами крестьян. Он был вписан в родословную книгу Рязанской губернии, в 3-ю часть, куда вписывалось родовое дворянство. Туда же были вписаны и два его сына. Один из них – Алексей Петрович Щепочкин, 1802 года рождения.

В начале 1819 года Алексей Петрович вступил в службу юнкером в конную артиллерию, через три года получил чин прапорщика, а через четыре – подпоручика. В этом же году он познакомился в Москве с дочерью Е.А. Алексеева Верой, которая была на два года моложе его. Они поженились еще при жизни отца Веры Егоровны. Венчались в Москве 18 июля 1827 года в церкви преподобного Пимена. П.Г. Щепочкин выделил сыну в собственность имение в Орловской губернии со 105 душами крестьян. Сразу после свадьбы, там же в Москве, молодожены заказали два больших овальных портрета, написанные маслом на холсте. Вот эти портреты и висели у отца.

В 1828 году началась русско-турецкая война, и артиллерийская рота, которой командовал подпоручик А.П. Щепочкин, была отправлена на фронт, в действующую армию⁴. За мужество и отвагу во время боевых действий он был награжден орденом Святой Анны 4-й степени и большой серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью: «За храбрость». 3 февраля 1829 года по высочайшему приказу по болезни в чине поручика он был уволен с военной службы.

Среди семейных бумаг сохранилась копия служебной характеристики артиллерии подпоручика кавалера Алексея Петрова, сына Щепочкина, данной начальником штаба артиллерийского корпуса. Вот что в ней было, в частности, сказано: *«Алексей Петров сын Щепочкина. Воинская выправка безупречна. Блестящий офицер, дерзок, смел и отважен. Способности ума здравые. Пьянству не предан, в карты не играет. Знает свободно немецкий и французский языки. Российскую грамоту знает, читать и писать умеет. Знает арифметику, геометрию, тригонометрию, физику и всеобщую историю. Военно-артиллерийскую науку знает. Суду не подвергался. Женат на Вере Егоровне, дочери титулярного советника Егора Алексеевича Алексеева».*

После смерти тестя заботу о Борке взял на себя А.П. Щепочкин. Возможно, и отставка была частично связана с этим. Ему необходимо было выправить дела. И он с молодой женой и маленькой дочерью Екатериной, которая родилась в 1828 году, переехал в Борок.

А здесь все складывалось очень плохо. Кредиторы уже подали в суд. Ярославская палата гражданского суда постановила: *«Для уплаты долгов дворянскую усадьбу Борок продать с молотка. Продаже подлежат усадьба Борок, село Верхне-Никкульское и 13 дере-*

вень с проживающими в них крестьянами – мужчин 530 человек. Продаже не подлежат деревни Вольных хлебопашцев Григорово и Дьяконово».

В это время предводителем Мологского уездного дворянства был надворный советник помещик Николай Дмитриевич Соковнин, владелец дворянской усадьбы Нескучное. Он помогал всем: и богатым, и бедным. Для своих крестьян он построил в 1841 году на собственные деньги в селе Раево церковь во имя Святого Василия. Позже его родственники открыли здесь же школу для крестьянских детей. Он умер в 1864 году и был похоронен на кладбище села Козьма-Демьян, находящегося недалеко от Верхне-Никульского.

Н.Д. Соковнин предложил свою помощь новому владельцу имения, чтобы спасти его от продажи. По своим каналам он связался с управляющим кредитного банка при Московском опекуном совете. Банк согласился помочь, но потребовал предоставить ему из Ярославской палаты гражданского суда оценочную ведомость всего имения Борок. Условие было такое: если цена его окажется выше 50 тыс. рублей, то сделка состоится, если ниже – разговора не будет. Началась оценка. Авторитетная губернская комиссия оценила Борок в 77 600 рублей. Для получения кредита сумма была вполне достаточна. Его дали на 24 года. Если в течение этого времени долг не будет погашен, банк будет вправе отобрать усадьбу Борок. На какой-то срок была получена передышка.

Постепенно жизнь в Борке стала налаживаться. А.П. Щепочкин был расчетливым хозяином. Он закончил строительство барского дома. Примерно в версте от усадьбы поставил красивые резные ворота, от которых до самого дома шла густая липовая аллея. Начал аккуратно перечислять денежные взносы в Московский кредитный банк. Подал прошение о внесении его в 3-ю часть дворянской родословной книги Ярославской губернии.

7 октября 1832 года в доме его тещи А.Б. Алексеевой родился его наследник, сын Петр, отец Николая, а через два года – вторая дочь, Варвара. Уездное дворянство избрало его своим предводителем³. Теща завещала ему все свое имущество. Казалось, что, наконец, начинается спокойная жизнь...

А 21 сентября 1840 года произошла трагедия. Трое дворовых, Игнатий Артемьев, Дементий Федоров и Сергей Андрианов, по предварительному сговору взорвали барский дом. При взрыве погибли Алексей Петрович и Вера Егоровна.

Причина этого их поступка не совсем понятна. Говорили, что Алексей Петрович устроил разнос Игнатию Артемьеву и Дементию Федорову, возможно, и с рукоприкладством, а те решили ему отомстить. План мести родился у них во время их совместной пьянки.

Исполнителем плана стал Дементий Федоров, которого проинструктировал Игнатий Артемьев. Ночью через сад Федоров проник в бар-

ский дом. Пробравшись в комнату на первом этаже, над которой этажом выше находилась барская спальня, он положил в печку большой мешок с порохом. Сделал в мешке дырочку, поставил в нее зажженную свечу и закрыл дверцу печки. Взрыв разнес часть дома, где находились хозяева. К счастью, дети были в другом крыле и не пострадали. Об этом убийстве, потрясшем многих, министр внутренних дел доложил императору Николаю I.

Провожали в последний путь хозяев Борка ярославский губернатор и все вологодское уездное начальство, все графы Мусины-Пушкины, князья Волконские, Соковнины, Глебовы — соседи А.П. Щепочкина, окрестные крестьяне. Приехали из Рязани его отец, мать и брат. Алексея Петровича и его жену Веру Егоровну похоронили близ алтаря в храме в селе Верхне-Никульском.

Для разбирательства этого дела из Ярославля в Борок прибыл капитан корпуса жандармов И.М. Богданов. Очень скоро следствие добралось до виновников. Вологодский уездный суд признал их виновными в совершении тяжкого преступления и приговорил к большим срокам каторги. Кроме того, приказывалось наказать на месте преступления кнутом, пятьюдесятью ударами каждого, всем троим на лбу и на щеках поставить несмываемые штемпельные знаки — номера статей, по которым их судили. После этого их отправили в Сибирь, в Тобольскую губернию. Назад они уже не вернулись.

За успешно проведенную операцию по розыску и аресту преступников капитану корпуса жандармов И.М. Богданову Николай I объявил благодарность и приказал вручить большую денежную премию.

После смерти хозяев над Борком опять нависла опасность. Наследники были еще малолетними, а большая часть долга не погашена...

Так Петр Щепочкин в 8 лет стал круглым сиротой. Его сестер определили в Московский благородный пансион ордена Святой Екатерины, а его самого в Кадетский корпус. Опека над детьми и имением была передана их дяде, Николаю Петровичу Щепочкину. Так как опекун жил в Рязанской губернии, дела Борка шли не очень удачно. Правда, дядя исправно вносил текущие платежи, чтобы сохранить Борок для будущих владельцев — его племянников.

В Кадетском корпусе Петр Щепочкин учился хорошо. Особенно ему нравилось возиться с лошадьми. Он был прекрасным наездником. Однако военная карьера Петра Щепочкина не удалась. По окончании учебы он провел в службе всего год. А потом случился скандал на романтической почве, из-за которого ему пришлось оставить полк и подать прошение об отставке.

Но Петр Алексеевич не очень опечалился. Он вернулся в Борок, где не был с раннего детства.

Первым делом он обнаружил, что жить ему негде. Старый дом после взрыва никто восстанавливать не собирался. Хозяйство Борка нахо-

дилось в упадке, крестьяне окрестных деревень обнищали, сумма долга была достаточно большой. Кроме того, сестры Екатерина и Варвара через суд потребовали причитающуюся им долю по наследству. По решению суда Петру Алексеевичу следовало отдать старшей сестре 15 000 рублей серебром, а младшей – 590 десятин земли в разных местах и 81 человека крепостных крестьян в деревнях Верхне-Никульского церковного прихода. Вполне возможно, что он сам был инициатором подачи сестрами иска на него через суд. Возможно, таким образом он хотел в случае наложения ареста на Борок защитить их интересы. Более того, он освободил младшую сестру от дальнейших взносов в Московский кредитный банк, решив погасить их самостоятельно. Да и вообще отношения с сестрами были у него очень хорошими. В завещании 1865 г. П.А. Щепочкин писал: *«Обращаюсь к любимым сестрам моим Екатерине Алексеевне Зеновой и Варваре Алексеевне Любавской, надеюсь на их родственную любовь, чтобы воля моя в Завещании была исполнена, за что наградит их Бог»*.

Для выхода из кризиса Петр Алексеевич решил заняться разведением русских рысаков. Благо, он достаточно понимал в этом деле. В Борке были построены три большие конюшни, одна из них каменная, для особо отборных рысаков. В хозяйстве содержалось более 100 лошадей. Было несколько десятков конюхов. Порядок на конюшнях и безупречный уход за лошадьми вскоре дали свои результаты.

В Петербурге Петр Алексеевич вступил в существовавшее в то время Беговое общество, которое владело всеми ипподромами в России и получало большие доходы. Эти средства использовались для поощрения владельцев призовых лошадей. Лошади из Борковского коневодческого хозяйства были постоянными участниками самых престижных соревнований и всегда занимали призовые места. Тут же на аукционе они продавались по очень высокой цене. Дела помещика Щепочкина пошли на поправку. Были моменты, когда его собственность составляла больше миллиона рублей. Но это потом. А в первые годы все было не так радужно. Опасность того, что не удастся выбраться из долговой ямы, существовала достаточно долго. Не исключено, что Щепочкин не оформлял свой брак с матерью Николая, считая, что в трудный момент сможет жениться на богатой невесте и деньгами жены поправить положение...

История знакомства будущих родителей Николая была такой. Задумав всерьез заняться хозяйством, молодой помещик первым делом решил объехать все свои земли. Они были раскиданы по трем губерниям – Ярославской, Тверской и Новгородской. Во время такого объезда ему случилось остановиться в доме своего крепостного, кузнеца деревни Усищево Череповецкого уезда Василия Николаевича Плаксина. Здесь и произошла встреча Петра Щепочкина с будущей матерью Николая. Дочь кузнеца Анюта поразила молодого помещика не только

красотой, но и необычайной живостью ума. Она была, по тем условиям, на редкость образованной. Была не просто грамотна, но имела начальные сведения по арифметике, истории, географии. Довольно хорошо представляла себе русскую литературу, знала наизусть много стихов Пушкина, Лермонтова. Грамотными были отец и дед Анюты. В их доме имелось достаточно книг.

Родители девушки не одобряли их отношений. А Петра Щепочкина остановить было некому, ведь он был сиротой. И хотя Анюта была его крепостной и он волен был поступать с ней как захочет, двадцатилетний помещик решил сделать эту юную, чрезвычайно стройную и изящную блондинку с синими глазами хозяйкой своего имения Борок. Для начала он дал ей «вольную» и перевел в мещанское сословие города Мологи, поменяв фамилию на Морозову. А потом взял ее в экономки и сделал хозяйкой своего дома.

Родившийся 8 июля 1854 г. их первенец Николай также стал числиться по документам «мещанином г. Мологи». Он получил фамилию матери, а отчество — по крестному отцу (восприемнику) мологскому помещику Александру Ивановичу Радожицкому.

В этот же год Петр Алексеевич окончательно рассчитался с Московским кредитным банком, и судьба усадьбы Борок стала более понятной. Вместо разрушенного дома был построен новый, метрах в 500 от старого. На втором этаже его размещались парадные залы с большими, от пола до потолка, зеркалами и огромными бронзовыми люстрами. Промежутки стен занимали картины знаменитых европейских художников. Под ними — мраморные столики, мягкие диваны, кресла и стулья с резными спинками.

На первом этаже была большая бильярдная и оружейная комната, вся увешанная средневековыми рыцарскими доспехами, рапирами, медными охотничьими трубами, черкесскими кинжалами с золотыми надписями из Корана, пистолетами, револьверами и большой коллекцией ружей всевозможных систем, от старинных арбалетов до последних, скорострельных. Рядом с большой залой находилась комната с портретами предков в золоченых рамах. В доме было много дорогостоящей посуды, сервизов, бронзы и серебра, богатая библиотека.

Слева от главного здания располагался небольшой флигель, в котором жили дети со своей нянькой Татьяной.

О политических взглядах своего отца Николай постепенно узнавал, присутствуя при его разговорах с соседями-помещиками. Отец был англофилом, сторонником парламентарной монархии, выступал за освобождение крестьян без земли и был в оппозиции к правительству после реформы, считая дворянство обиженным и не вознагражденным. Такая позиция была характерна для значительного слоя крупнопоместного дворянства.

Человек незаурядный и честолюбивый, Петр Алексеевич тяготел к общественной деятельности. В уезде пользовался влиянием – дважды избирался в предводители мологского дворянства (в 1861–1863 и 1872–1874 гг.). Первое трехлетие его предводительства, совпавшее с проведением крестьянской реформы, по причинам особых трудностей этого времени было, по-видимому, не совсем успешным. Почти десять лет после первых выборов Щепочкин в предводители не баллотировался. Однако принимал активное участие в работе Мологского уездного земского собрания. Неоднократно избирался он в земские гласные, состоял членом разных земских комиссий. Баллотировался он и в мировые судьи в 1867 г. (но не был утвержден на эту должность сенатом, возможно, из-за несоблюдения каких-то формальностей при выборах) и в 1871 г. (успешно). Его близкие друзья, соседи-помещики С.М. Селифонтов, Н.А. Глебов, Н.А. Чистяков, задавали тон в уезде, выбирались в предводители. Именно они были указаны в его завещании как душеприказчики. Избрание Щепочкина в предводители Мологского уезда в 1872 г. должно было, по-видимому, послужить началом нового этапа его общественной деятельности, окончательным утверждением его на этом поприще. Однако по истечении положенного трехлетия вновь он на эту должность не баллотировался. Более того, он стал отходить от активной общественной деятельности. Не исключено, что свою роль сыграло раскрытие в годы его предводительства злоупотреблений и растрат в Мологской земской управе (на сумму свыше 13 660 руб.), что могло вызвать недовольство ряда влиятельных лиц в уезде, имеющих отношение к этому преступлению. Однако решающее воздействие на общественную карьеру Щепочкина, по-видимому, оказал арест сына.

Поначалу казалось, что для Анны Васильевны все складывалось хорошо: она стала полной хозяйкой в доме и в имении, была введена в круг близких друзей своего благодетеля, который ее по-своему любил и был прочно привязан к семье. Но это было далеко не так. Петр Щепочкин был верен традициям своего класса и, не сумев преодолеть сословные предрассудки, не спешил узаконить ее положение. Взять в жены свою крепостную, пусть и бывшую – это стало бы вызовом тому дворянскому миру, в котором он жил. Конечно, он мог бы поступить столь экзотично, но окружающие этого не поняли бы. Окрестные помещики не принимали его увлечение всерьез. В доме не переводились гости, имевшие целью заполучить в зятя богатого соседа. Анна Васильевна все это видела и понимала, сколь зыбко ее положение. Тревога ее многократно усилилась, когда появился Николай, а за ним и другие дети (семеро!). Теперь это уже была тревога не за себя, а за их судьбу. Но, обладая развитым чувством достоинства, она никогда не напоминала Щепочкину об обещаниях обвенчаться с ней, хотя, конечно, страдала от двусмысленного положения и тревоги за будущее де-

тей. Отец все это прекрасно понимал и, чтобы хоть как-то успокоить Анну, в 1865 г. составил завещание, по которому все состояние оставлял *«бывшей вольноотпущенной крестьянке, а ныне мологской мещанке А.В. Морозовой и ее незаконнорожденным детям»*. Анне Васильевне определялся в пожизненное пользование дом со всем имуществом в имении Борок. Земля и капитал делились поровну на две равные части: одна доставалась двум сыновьям (Николаю и Петру), а вторая – пятерым дочерям. (Правда, воспользоваться своей долей наследства Николаю Александровичу не пришлось. В 1886 г., когда умер отец, он уже был лишенным всех прав состояния «государственным преступником». И только благодаря матери его доля была частично сохранена для него.)

Но неопределенность общественного положения Анны Васильевны от этого ничуть не менялась. Кроме того, она понимала, что если ее бросят, то кто помешает изменить сделанное ранее распоряжение? Коля часто видел мать плачущей у себя в комнате и рано стал догадываться о причине этих слез. Понемногу он начал замыкаться перед отцом относительно всего, что касалось его внутренней жизни, начал замечать и преувеличивать слабые стороны его характера и даже давать в душе превратные толкования мотивам некоторых его поступков. Мальчик знал, как и все остальные, о завещании отца, но эта материальная часть его мало интересовала. И временами он стал мечтать о том, что когда вырастет большим, не воспользуется завещанием, а сам пробьет себе дорогу в жизни исключительно своими личными усилиями. Он во многом походил на мать: и лицом, и характером. «Тонкие черты лица», отмечавшиеся позже в качестве «особых примет» в жандармских документах, были унаследованы им от матери.

К детям Петр Алексеевич относился своеобразно. Вне сомнения, он их любил, но старался свою любовь не выказывать. Дети жили в отдельном флигеле, и отец очень редко их там навещал. Но они каждое утро должны были приходить к нему в кабинет здороваться. Подарки были очень редкими, только на именины да на дни рождения. Николай получал особые подарки, в духе отцовских увлечений. Из года в год это было игрушечное оружие и деревянные кони, а когда мальчик подрос, появилось настоящее оружие и маленький пони для верховой езды. Столь своеобразное отношение отца имело и свои положительные стороны: до поры до времени Николай имел полную свободу.

Забота о доме не позволяла матери постоянно быть с детьми. Все время с ними была няня Татьяна – простая крестьянка, религиозная, полная суеверий и предрассудков. Она знала огромное количество сказок и сказаний. Именно няне Коля был обязан своим особым отношением к природе. От няни он узнавал все и считал ее самым умным человеком на свете (для нее не существовало вопросов, не имеющих ответа). Она рассказывала о мучениках за веру и святых, и Коля захо-

тел стать столпником и сорок лет простоять на одной ноге или уйти в монахи и жить в одинокой лесной келье. Но, начав читать книги, мальчик увлекся рассказами о путешествиях и решил непременно стать настоящим следопытом. А для этого нужно было учиться ориентироваться в лесу, спать под деревьями, укрывшись плащом и прижав к себе подаренное отцом ружье, уметь стрелять из различных видов оружия. Для этого он и решил полдня проплавать в пруду...

Жизнь в деревне была прекрасна. Всякий новый день начинался с того, что мальчик здоровался с каждым деревцем, каждым кустиком. Как же иначе – ведь во всем есть живая душа, есть тайна, которая открывается далеко не всем. Постигнет ли он когда-нибудь эту тайну?..

Первой заниматься с ним начала мать. Она учила сына грамоте, причем так же, как когда-то учили ее саму, по старославянской азбуке.

«Аз, буки, веде, глаголь, добро, есть...». Коля готов был разреваться. Как освоить всю эту премудрость? Блестящие золотом корешки книг в отцовском кабинете давно будоражили его воображение. Он знал, что там написано много интересного – мать иногда читала ему из них. И он жаждал начать читать сам. Но как он сможет это сделать? Он с таким трудом разбирает строчку, а тут сотни, тысячи страниц... Да ему жизни не хватит, чтобы осилить их. Но уже через несколько дней учебы мальчик стал достаточно сносно читать. И тут для него открылся целый мир. Первой самостоятельно прочитанной книжкой были «Сказки» Пушкина. А к десяти – одиннадцати годам он прочитал уже всего Пушкина, Гоголя, Жуковского, Некрасова, Лермонтова. Причем два последних автора были им особо любимы.

Анна Васильевна учила детей не только грамоте и основам арифметики. Ее не менее заботило и то, какими душевными качествами они будут обладать. Главные ее уроки – это уроки справедливости и участия к окружающим. Их Николай запомнил на всю жизнь. Вот, например, ее постоянное напоминание: *«Всякий раз, когда ты хочешь сделать что-нибудь, касающееся другого человека, сначала представь себе, что это самое сделали с тобой, и если ты сочтешь такой поступок дурным по отношению к себе, то он нехорош и с твоей стороны»*. Он не раз применял этот принцип к своим поступкам, чтобы сделать им надлежащую оценку. Потом он узнал, что многие его друзья (В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, А.Д. Михайлов) тоже испытали нравственное влияние своих матерей. Для них мать оставалась нравственным идеалом не только в детстве, но и на протяжении жизни.

Отец же на первых порах не вмешивался в процесс образования сына. Он просто разрешил ему беспрепятственно пользоваться своей библиотекой. Часть книг была собрана еще предками Петра Алексеевича, но немало сил к ее пополнению приложил и он сам, будучи хорошо образованным человеком. Здесь были полные собрания сочинений рус-

ских литераторов, много толстых литературных журналов. Были книги на иностранных языках и переводная литература. Имелись работы по самым разным отраслям знания. Именно из библиотеки отца Коля почерпнул начальные теоретические сведения об устройстве окружающего мира.

Другие знания, необходимые для построения собственной картины мира, мальчик добывал путем наблюдения и обобщения, руководствуясь исключительной любознательностью.

К примеру, он хорошо запомнил такой случай. Каждое утро мать спускалась в погреб, чтобы достать продукты на день. Коля любил эти утренние походы – в подвале было так таинственно, интересно... Но больше всего ему нравилось, когда они возвращались назад, получать морковку, яблоко или еще какое-нибудь лакомство... Как-то, проходя через строй банок с заготовленным на зиму вареньем, Коля заметил, что у одной из них бумажка слегка надорвана и через дырку можно попытаться вытащить одну земляничку, ведь их плавают в сиропе так много. Он осуществил свой замысел: взял только одну ягоду, раскусив, что банка большая и пропажи одной ягодки никто не заметит... Так продолжалось некоторое время, пока однажды мать не обратила внимания на ополовиненную банку:

– Коля, это ты съел варенье?

– Нет...

– Как же нет? Вот у тебя и куртка испачкана в варенье.

Мальчик опустил глаза и с ужасом увидел засохшую каплю сиропа... Но он не мог признаться, считая, что это сделал не он. Ведь он ел не больше одной ягодки, а тут полупустая банка. Как же это могло случиться?

За съеденное варенье мальчик был сильно наказан. И не за то, что съел, а за то, что сделал это без спросу и, что самое неприятное, стал отнекиваться и отпираться... Так Колей Морозовым был открыт фундаментальный закон: большое количество малых величин в сумме может дать большую величину. Этот пример он запомнил на всю жизнь.

Позже он не раз удивлялся тому, какие сильные следы оставляют на всю жизнь в наших головах первые образы детства! Даже самый характер мышления получает своеобразный отпечаток. Вот, например, мамаша не раз указывала ему в очертаниях облаков разные фигуры: лошадиных голов, всадников, городов и других удивительных вещей, которые он тогда принимал за настоящие. Но даже и потом, когда узнал и сущность, и причины этих явлений природы, он все-таки при виде каждого кучевого облака старался отыскать в нем сходство с каким-нибудь живым существом или воздушным замком.

Но вот пришло время учить детей всерьез. И старшие из них, Николай и Катя, вместе с их первой гувернанткой Глафирой Ивановной, поселились в главном доме. «Графиня Ивановна», как по простоте на-

зывала ее няня, любила больше всего лишь громко хохотать, а к детям относилась чисто формально и равнодушно, вследствие чего ученики относились ко всем преподаваемым ею предметам с непреодолимой зевотой и заботились лишь о том, как бы поскорее отделаться от них. А так как Коля был тогда довольно предприимчивым мальчиком, то вскоре придумал способ сокращать этот неприятный для них промежуток дня. Как только гувернантка зачем-нибудь уходила из классной комнаты, так он сейчас же брал кочергу и переводил ею стрелку висевших под самым потолком стенных часов на полчаса или минут двадцать вперед. Возвратившись назад минут через пять, она сейчас же взглядывала на часы и восклицала:

– Ах, просто удивительно, как быстро летит время! Кажется, ушла всего на минутку, а прошло уже полчаса.

Уроки кончались раньше положенного времени, и ребята отправлялись бегать по парку. А потом, когда всех приглашали обедать, юный часовщик находил способ вернуться в классную и перевести стрелку обратно на сколько следовало. Так это и продолжалось целую зиму и часть лета, пока не произошло, наконец, неминуемое разоблачение этой выдумки (гувернантка увидела в окно, чем занимается ее ученик в ее отсутствие), положившее конец упражнению в часовом искусстве.

Все пошло совершенно иначе, когда Николаю взяли гувернера, обрусевшего француза Николая Карловича Мореля. Он должен был подготовить мальчика для поступления в гимназию. Учитель был молод и умел внушить к себе симпатию, а потому и все, что он преподавал, поглощалось с жадностью, а время занятий стало казаться даже слишком коротким. Морель был страстным поклонником естествознания, и эта склонность сейчас же передалась его подопечному, при этом многократно усилившись.

С той поры все окружающее сделалось для Николая предметом научного исследования. Вместе с учителем они часами бродили в окрестностях Борка, собирая различные минералы, растения, насекомых, а вечерами долго беседовали о разных разностях из жизни природы. Теперь он верил, что рано или поздно ему откроется тревожная тайна природы. Он будет естествоиспытателем!

Но еще более сильное впечатление произвел на мальчика один известный петербургский популяризатор и педагог, один из лучших переводчиков естественнонаучных книг, Федор Федорович Резнер. Он приехал раз на лето в семейство помещиков Глебовых, заниматься с их старшей дочкой, и они всей компанией приехали в Борок. Федор Федорович с первой же встречи отнесся к занятиям и коллекциям Николая как к серьезному делу и толковал с ним об этом без внешних признаков снисхождения, как будто с товарищем. Потом, когда он прислал на память мальчику только что переведенную им книгу «Микроскопи-

ческий Мир» Густава Эгера с надписью: «от переводчика», он стал для него кумиром...

В это же время Николай обнаружил в библиотеке отца две «Астрономии» – Зеленого и Перевощикова. Он прочел их на одном дыхании. Непонятными остались математические формулы, но сейчас не это было главным. Главное – у него в руках была карта звездного неба. Старые знакомые созвездия внезапно обрели имя и выстроились в стройную систему. По вечерам, забравшись на крышу флигеля, он радостно приветствовал их появление на небе. В такие-то вечера он и начал сомневаться в рассказах няни Татьяны о хрустальных небесах, Боге и ангелах. Но кто разрешит эти сомнения? Отец и мать, вечно занятые какими-то делами, с большой неохотой отвечали на его вопросы, а большей частью и вовсе оставляли без внимания. Няня? Няня отвечала на все вопросы, но теперь ее ответы, к сожалению, не удовлетворяли мальчика. Предстояло разобраться во всем самому. Все должен был решить тщательно продуманный эксперимент.

Улучив момент, когда поблизости никого не было, Николай проскользнул в свою комнату, снял со стены икону и, сжавшись в ожидании страшного удара, выбросил ее в окно... Прошла минута, другая – Николай Мирликийский смиренно лежал в кустах сирени. Не дождавсь неминуемых катаклизмов, Коля спустился в сад, вызволил из зарослей поверженного святого и повесил икону на прежнее место. Он ничего никому не сказал об этом случае, но для себя решил вопрос окончательно.

Со временем он заметил, что и отец не отличается большой религиозностью. Быть может, по этой причине он и не венчался с матерью в церкви? Однако Николай осуждал отца: коль скоро мать придает этому обряду большое значение, что стоило бы ее успокоить?

Помимо астрономии, в библиотеке отца были обнаружены книги по кораблестроению. Новое занятие увлекло Николая. Он уже имел некоторый опыт в постройке небольших корабликов. И даже сделал очень поразившее его открытие. Он смастерил маленький кораблик с бумажными парусами и пустил его плавать в медном тазу с водой, дуя на паруса и наблюдая направление его движения при различных установках парусов, и вдруг увидел, что при очень косом их положении его кораблик начинает двигаться почти прямо к нему навстречу! Очень быстро он разобрался, что косо поставленный парус тянет не туда, куда дует ветер, а перпендикулярно к своей поверхности, и что сам кораблик тоже стремится двинуться не туда, куда тянет его парус, а всегда по направлению своего киля, разрезая воду, и что эти две комбинации сил действительно могут заставить парусное судно двигаться почти прямо против ветра. Мальчик пришел в такой восторг, что несколько дней ходил как в тумане, думая, что сделал необыкновенное открытие. И вот теперь, прочитав курс кораблестроения, он узнал, что все

это было сделано за тысячу лет до него, и понял в полной мере чувства того, кому выпало счастье первому осуществить такое диво!

По замыслу отца, жизнь сына должна была пойти по продуманному им плану: сначала домашнее образование, затем гимназия, потом университет. Потерпев неудачу на военном поприще, Петр Алексеевич не настаивал на нем и для сына. Решено было остановиться на карьере ученого, поскольку мальчик рано обнаружил незаурядные способности. Надежда отца состояла и в том, что при удачном окончании университета сын получит личное дворянство, а немного послужив – и потомственное, и с полным правом войдет во владение имением и большей частью его состояния. Не случайно он приводил ему в пример братьев Солнцевых.

Глава II

В КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Для продолжения образования было решено отвезти четырнадцатилетнего мальчика в Москву. Предполагалось, что жить он будет в доме учителя Мореля, а учиться – во второй классической гимназии, где учились младшие братья француза и куда последний намеревался устроиться репетитором. В дальнейшем предполагалось купить дом в Петербурге, в котором Николай будет жить после окончания гимназии и поступления в Петербургский университет.

Итак, в августе 1868 года 14-летний Коля Морозов поступает во 2-й класс Московской 2-й гимназии.

Она находилась на Разгуляе, в здании, которое ныне занимает Московский инженерно-строительный институт. Чуть более чем за тридцать лет до поступления туда Николая этот дом был куплен у наследников графини Е.А. Музиной-Пушкиной, чтобы оборудовать там 2-ю Московскую классическую гимназию. Ее первым директором был действительный статский советник Филипп Николаевич Королев, математик по образованию. Но уже

через год он был переведен в директоры Петровской академии, а на его место заступил другой действительный статский советник – Николай Иванович Сосфенов. При нем готовилась и проводилась в жизнь учебная реформа, ставившая своей целью введение классической системы образования. Сосфенов первым, среди прочих директоров, ввел у себя новый устав гимназий, вышедший летом 1871 года.

Согласно новому уставу, в гимназиях прекратили преподавание естественной истории и заменили ее логикой. В этом был некоторый смысл, так как преподавание естественной истории велось формально, без экскурсий, практически без наглядных пособий, а проверка

Морозов – гимназист

знаний гимназистов по этому предмету показала полное их отсутствие. Уменьшили число часов, занятых законом божьим, и прибавили уроков математики и древних языков. Расписание занятий было следующим. Закона божьего – всего два урока в неделю. Физику и космографию преподавали лишь с пятого класса, тоже по два урока в неделю. Русской и славянской словесности было по 4 урока в младших классах и по 3 – в старших. Латинского – по 5 уроков, а с третьего класса прибавляли еще и греческий, сначала по 3 урока, а с шестого класса – по 5. Французского или немецкого, по выбору, – по 3 урока в неделю. Математики – по 3 урока. Историю начинали учить с третьего класса, по 3 урока. Географию же, напротив, изучали до четвертого класса, по два урока в неделю. В младших классах был очень важный предмет – чистописание и рисование, в первом и втором классе – по 4 урока в неделю, в третьем – по 3, в четвертом – по 2. Важность этого предмета подчеркивалась следующим обстоятельством: если преподаватель считал, что ученик недостаточно усерден, он мог заставить его приходить в класс по выходным, и даже по праздникам, и по часу заниматься чистописанием. Это приносило определенные плоды. Когда Морозов учился в гимназии, оттуда еще не было изгнано рисование. учитель был настоящий художник. Николай обладал определенными способностями к этому предмету, и его рисунки выставлялись вместе с немногими другими в приемной зале на показ публике. Он много копировал и рисовал пером по естественным наукам (животных, растения, и в особенности по анатомии), и с течением времени у него накопилась целая горка таких рисунков.

В тот год, когда Николай поступил в гимназию, там было наибольшее за всю ее историю количество учащихся – 506 человек. Потом год от года, их число постепенно уменьшалось. Плата за обучение составляла 30 рублей в год. При миллионном состоянии ИЦепочкина это была весьма незначительная сумма.

Когда вопрос поступления Коли в гимназию был решен, Петр Алексеевич, ободренный успехами сына, поспешил уведомить об этом жену: *«Любезная Анна Васильевна, нонче Коля держал экзамен, выдержал хорошо, его приняли во 2-й класс гимназии, в который и приготавливали, поздравляю тебя с этим. Николаю Карловичу [Морелю] я очень благодарен. Мы приехали в Москву 5-го утром, и он занимался с Колей вплоть до экзамена, Коля вел себя и учился хорошо, желаю, чтобы и впредь так продолжать, бумаги, которые нужно было выправить в Мологе и Ярославле, проездом через эти города получил и представил в гимназию, теперь осталось его поместить, когда все устрою и сошью узаконенную ему форму платья, вернусь в Борок. Здесь ужасная жара, страшная пыль, и ни капли дождя. Зная, что ты с нетерпением ждешь известий, тороплюсь уведомлением в тот же день...»*

Но дальше все стало складываться далеко не так, как предполагалось Щепочкиным. Гимназисту Морозову не понравилось все, с первого же дня. Классы – унылы и однообразны: темно-зеленые с черными столешницами парты, серые стены, прикрытые географическими картами, икона в углу. Головы гимназистов походили на пыльный склад сухой и безжизненной информации, хотя подчас и полезной. Основной метод обучения – зубрежка. Учебный год длился нестерпимо долго, почти без каникул...

Особую нелюбовь Николая вызвали два предмета – латынь и закон божий. По латыни он успевал, и даже зачастую помогал товарищам в переводе трудных мест, но совершенно не переносил бездумного заучивания, чем вызвал взаимную нелюбовь учителя. Результатом их сложных взаимоотношений являлись частые единицы и апогей – оставление на второй год из-за неудовлетворительной оценки по этому предмету. Позже он вспоминал об этом периоде так: *«Латинисты и греки в моей гимназии смотрели на учеников, как на своих личных врагов, да и мы сами так на них смотрели и ненавидели их от всей души, хотя к остальным учителям и относились очень хорошо. Я со смехом вспоминаю теперь, как в одном из средних классов, после успешного экзамена из латинского и греческого языков, мы (и притом все лучшие ученики!) собрались вместе и, убедившись, что некоторые из наших латинских и греческих книжечек уже не будут нужны в следующих классах, решили расстрелять их из комнатного ружья-монтекристо. Так и погибли под градом пуль ни в чем неповинные Ксенофонты и Юлии Цезари...»*

С законом божьим была другая история. Священник Рубцов, магистр Духовной академии, который вел этот предмет, был, в общем-то, добрейшим старичком. Но, к сожалению, истины, которые он излагал, сильно противоречили тем начальным сведениям из естествознания, которые уже успел приобрести Николай.

Николай скучал по дому и родителям и с нетерпением ждал редких приездов отца в Москву. Вот фрагмент его письма отцу от 22 окт. 1870 г.: *«...Я жду вас с нетерпением. У нас в гимназии так много перемен. Например, в прошедшем месяце, в бытность в Москве Государя, сказали, что он обещал быть у нас в гимназии, вследствие чего нас начали, как баранов, стричь и брить усы, которые у меня хотя и были, но не очень заметны, но все-таки я получил приказание от инспектора их снять, все мои объяснения не послужили ни к чему, брить, да и все тут, а после этой операции они еще больше выросли. В настоящее время еще новые требования, чтобы не ходить в черных плащах, которых форма должна быть серого сукна со светлыми пуговицами. Вот уже наступают холода, а я хожу в летнем плаще, теплый надел, меня воротили домой, как и всех других. Что же делать теперь? Дома сидеть не хочется, бе-*

гаю в холодном и жду Вас с нетерпением... Приезжайте Бога ради поскорей...»

Классическая система образования, не удовлетворяющая запросам юного естествоиспытателя, потерпела крах. И уже со второго или третьего класса он по целым дням и ночам просиживал над естественно-научными книгами, ища в них не одних сухих знаний, часть которых давала и гимназия, но больше всего разъяснения мучивших его почти с двенадцати лет извечных вопросов:

Кто объяснит нам – что тайна от века,
В чем состоит существо человека,
Как он приходит, куда он идет,
Кто там, вверху, над звездами живет?

В своих исканиях Николай оказался не одинок. Еще со второго или третьего класса его страсть к естественным наукам начала увлекать многих наиболее способных одноклассников, и скоро у них образовалось тайное общество с целью занятий естествознанием. Тайное! Ибо с точки зрения гимназических нравоучителей дарвинизм, например, был «ересью», подрывающей основы существующего порядка. Николай написал устав общества, в котором говорилось, что *«каждый из его членов обязуется заниматься естественными науками, не щадя своей жизни»*; затем указывалось, что *«от процветания и развития этих наук зависит все счастье человечества, потому что они позволяют человеку облегчить свой физический труд, и этим самым дадут ему возможность посвятить свободное время умственному и нравственному совершенствованию – без этого же человек всегда останется рабом»*.

Этот документ, составленный весьма юным человеком, во многом оказался программным для его последующей жизни. Анализируя в дальнейшем свой жизненный путь, Николай Александрович отмечал, что именно здесь находятся первые проблески всех тех идеальных стремлений, которые впоследствии привели его в Шлиссельбургскую крепость.

Достаточно было в то время кому-нибудь насмешливо отнестись к их занятиям естественными науками или, еще хуже, к самим этим наукам, и он уже не мог ни забыть, ни простить тому человеку, как верующий не прощает насмешки над своим божеством или влюбленный над предметом своей любви. Но зато всякое недоверие к его личным качествам или способностям не возбуждало в нем ничего, кроме огорчения. Он сам еще не мог определить, несмотря на ежегодные награды, получаемые в гимназии, что он такое — способный человек или «еще не разгаданный никем идиот»? Когда удавалось одолеть в науках что-нибудь особенно трудное, ему казалось, что он не лишен способ-

ностей и может принести пользу науке. В другое время, натываясь на неразрешимые вопросы, впадал в глубокое отчаяние...

С годами их Общество развивалось и крепло. Члены его постепенно обновлялись, и вновь вступившие уже ничего не знали о прежнем уставе. Вся формальная сторона со временем совершенно исчезла, но цели и стремления кружка остались те же самые. Свобода, равенство, братство и их осуществление в жизни путем реорганизации общественного строя, считали члены Общества, важны и необходимы только с точки зрения справедливости, но они не принесут человечеству, взятому целиком, никаких материальных выгод. Это то же, что привести в новый порядок перепутанную мебель в своем жилище, но, как бы мы ее ни перераспределяли, от того не прибавится ни одного нового стула, ни одной новой кровати... Только изучение законов природы и обуславливаемая знанием истины власть человека над ее силами могут увеличить общую сумму жизненных благ и, сняв с человечества всю тяжесть физического труда, превратить его в простое развлечение, в одно из удовольствий, подобных танцам и играм, которого никто не захочет чуждаться, а, наоборот, все будут к нему стремиться наперерыв.

Общество собиралось на квартире, в которой Морозов поселился по приглашению одного из его членов, Печковского. Этот очень добрый и даровитый юноша, увлекавшийся главным образом физикой, был на два года моложе Николая и относился к нему как к авторитету по естественнонаучным вопросам. Его брат, инженер В.Н. Печковский – начальник ремонта путей и зданий Рязанской железной дороги, имел большую казенную квартиру в одном из зданий Рязанского вокзала. Не спросив отца, а лишь уведомив его короткой запиской, Николай поменял место жительства. Впрочем, отец уже предоставлял ему некоторую самостоятельность в выборе жилища, с одним условием, чтобы окружающие люди не были дурного тона, то есть очень бедные и грубые. Ребятам выделили три комнаты с отдельным выходом на улицу, и они чувствовали себя вполне самостоятельно.

Каждую субботу в квартире у Рязанского вокзала свершалось некое таинство. В гостиной раздвигали большой стол, раскладывали стопки бумаги, карандаши и зажигали свечи в массивных бронзовых канделябрах. В углу появлялась доска, как в аудитории. И гимназист Николай Морозов, неизменно председательствующий за столом, торжественно открывал очередное научное заседание «Общества естествоиспытателей», которое насчитывало тогда человек пятнадцать – двадцать.

Доклады обыкновенно происходили в виде чтения заранее приготовленных статей, которые нередко иллюстрировались коллекциями и представляли собой недурные популяризации. Один из докладов Николая произвел большой фурор среди членов общества. В нем он, исходя из гипотезы Лапласа, доказывал, что если количество атомов в каждой изолированной звездной системе ограничено, то должно быть ограниче-

но и число их комбинаций в пространстве. Но всякий звездный мир, с механической точки зрения, сводится к комбинациям атомов, и вся его дальнейшая жизнь, до последних мелочей, определяется этими комбинациями. Из одинакового развивается одинаковое, а в таком случае история одной мировой системы должна в точности повторяться в бесчисленном количестве других систем, прошлых, настоящих и будущих, так что в бесконечности времени миры должны сменяться мирами, как волны в океане. Доклад заканчивался так: *«Таким образом, через то или другое число квадрильонов лет после нашей смерти мы можем вновь оказаться сидящими в этой самой комнате и обсуждающими эти самые вопросы, не подозревая того, что мы уже здесь были и обсуждали все это, как мы ничего не подозреваем теперь о том, что было с нами до рождения, – все в жизни природы должно совершаться периодически»*.

Как и подобает членам тайного общества, юные естествоиспытатели создали свой рукописный журнал, в котором помещали статьи научного содержания, рефераты статей, лирические стихи. Особое место в журнале занимали публицистические работы на тему, условно именуемую «Наука и общество». Автором последних был исключительно Николай Морозов. Он же – главный редактор. Но к журналу и всей цепочке событий, с ним связанной, нам еще предстоит вернуться чуть позже.

Весной и осенью почти каждый праздничный день посвящался экскурсиям в окрестности Москвы, главным образом с палеонтологическими целями, хотя Николай собирал коллекции и по другим наукам. Ему и его спутникам часто приходилось ночевать на сеновалах, мокнуть под дождем и под грозой и даже подвергаться серьезной опасности сломать себе шею. Но эти походы неизменно приносили результаты, подчас и нетривиальные...

Профессор московского университета геолог Г.Е. Щуровский в сильном возбуждении сбежал со ступенек здания «альма-матер» и вскочил в свою коляску, где его с нетерпением ждал молодой гимназист. Лошади рысью понеслись за город.

– Ну где, где Вы это нашли? Показывайте скорее.

Лошади еще не успели остановиться, а Щуровский уже соскочил с коляски и трусцой побежал к обрывистому берегу Москвы-реки. Не удержавшись, он упал на спину и скатился с откоса, основательно испачкав форменный сюртук, однако оставил этот неприятный факт без внимания.

– Ну где это место, покажите? – просил он скатившегося за ним следом гимназиста.

Больше часа профессор исследовал берег, но, к сожалению, больше ничего интересного найти не удалось. Да это и немудрено...

Почти постоянным спутником Николая в его палеонтологических экскурсиях был сын председателя пробирной палаты генерала Шанделье. Несмотря на молодость, друзья-гимназисты Морозов и Шанделье прекрасно понимали значение своей находки и внимательнейшим образом осмотрели место вокруг нее. А нашли они челюсть плезиозавра в отложениях юрского периода, где этот ящер никак не мог оказаться, так как общепринятым временем его обитания считался более поздний период — меловой. Это было выдающееся событие. Щуровский распорядился как можно быстрее срисовать находку и поместить рисунок вместе с кратким описанием места находки и именами первооткрывателей в «Университетских известиях». В качестве премии молодым изыскателям предложили взять любую окаменелость из имеющихся в университетских коллекциях дубликатов. Кроме того, им разрешили заниматься в минералогическом и зоологическом музеях. Вскоре юноши стали там своими. Особенно они подружились с хранителем минералогического музея профессором К.О. Милашевичем, который видел в них будущих ассистентов. Они еще не раз приносили из геологических экскурсий окаменелости, представляющие определенный научный интерес. Особо ценные находки оставались в музее, а некоторые его экспонаты, полученные взамен, перекочевали к Рязанскому вокзалу...

Новое жилище Николая вскоре превратилось в настоящий кабинет ученого. Одну стену занимали естественнонаучные книги, большинство из которых было редкого издания. На пополнение этой библиотеки он тратил все свои карманные деньги. Другая стена была сплошь увешана коллекциями насекомых. Этажерка в углу завалена гербариями, тетрадями с выписками и рисунками из научных книг. У входа громоздилась пирамида деревянных ящиков, о которые он постоянно разбивал ноги. В этих ящиках хранилась его гордость — палеонтологические коллекции. Здесь и обосновались дары Московского университета. Прочие экспонаты коллекций были собраны на Волге, неподалеку от отцовского имения, или в окрестностях Москвы. Другая часть ящиков была наполнена большим количеством раковин. На окне стоял микроскоп, несколько луп и ряд склянок с настоями для инфузорий.

В это время Николай мечтал только об одном — быть профессором университета или великим путешественником, исследующим с опасностью для жизни неведомые тогда еще страны Центральной Африки, Тибета, полярные области. Последнее — на тот случай, если он окажется лишенным научного творчества и умственной инициативы, а потому негодным в профессора или ученые. В предвкушении же этого будущего счастья он весь отдавался своим наукам, предоставив гимназической латыни и остальной классической схоластике как можно меньше времени — лишь бы не получать дурных отметок.

По гимназическим предметам успехи становились все хуже и хуже. Но за пределами гимназии, куда все более перемещались его интересы, шло глубокое и серьезное самообразование. К пятому классу он уже прочел по нескольку раз Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, читал Ч. Дарвина, М. Фарадея, К. Фохта, Э. Геккеля и труды по астрономии. Карманные деньги тратились на литературу по естественным наукам.

Казалось бы, эти мечты не противоречили намеченному отцом плану. Но научные увлечения сына оставались, по-видимому, ему неизвестными. Он был недоволен гимназическими успехами Николая, бранил его за недостаток прилежания. Слова «осел» и «дурак», которыми он награждал сына за несданный экзамен, ранили самолюбие юноши, с которым на равных беседовали профессора университета. Однако Николай предчувствовал, что рассказ о его подлинных научных успехах за пределами гимназии не только не встретит сочувствия отца, но вызовет нарекания и запрет, ибо научная карьера сына не укладывалась в традиционные рамки.

Чем больше Николай занимался сам, тем меньше ему хотелось ходить в гимназию. Куда лучше было, накинув на плечи клетчатый плед, по обыкновению тогдашних студентов, бежать на лекции в университет или в анатомический театр на вскрытия. Там он чувствовал себя не мальчиком-гимназистом, а почти анатомом-профессионалом. Подражая знакомым студентам-медикам, он мог, например, отложить скальпель и тут же поужинать хлебом с колбасой... Куда лучше мертвой латыни были живые романы Чернышевского, Гюго, романы из жизни итальянских карбонариев. Они вызывали в юноше негодование против всякого угнетения и несправедливости, потребность пожертвовать собой для блага человечества.

Тогда же он узнал, что кроме монархии существуют и республики. И что симпатичный ему по соображениям отвлеченной справедливости республиканский образ правления достигался в иностранных государствах путем тяжелой общественной борьбы. Появилась потребность познакомиться с историей этой борьбы, хотя к обычной истории с ее бесконечной перипетией войн, пограничных и династических изменений, без указания каких-либо законов общественного развития, он никогда не имел особенной склонности и, подобно большинству, предпочитал знакомиться с жизнью человечества непосредственно по романам. Время от времени он брал из библиотек книги по истории революционных периодов и к восемнадцати годам перечитал, вероятно, все, что имелось по этому предмету в русской литературе. Таким образом, несмотря на постоянное увлечение естественными науками, он передумал по общественным вопросам почти все, что было передумано и перечитано большинством современной ему развитой молодежи.

И лозунг французской республики «Свобода, Равенство, Братство» стал его лозунгом, только он добавил еще одно понятие – «Наука». Однако вплоть до девятнадцати лет он думал, что, кроме него да нескольких его друзей-гимназистов, не было в России никого, разделяющего эти мнения и чувства.

Наука и Гражданская свобода – вот две звезды, которые светили Морозову в те годы, но первая пока была ярче.

Родители Н.А. Морозова Петр Алексеевич Щепочкин и Анна Васильевна

Глава III

КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А дальше случилось то, что неминуемо должно было случиться: прямой и ясный путь в науку, с детства предсказываемый Николаю, внезапно утратил однозначность. Так где же лежала точка ветвления?

Шанделье, постоянный его товарищ по геологическим экскурсиям, немного завидовал Николаю в том, что именно у него на квартире происходят заседания Общества, и увлекся идеей устроить одно из очередных заседаний у себя. Он и предлог нашел для этого. Объявил, что хочет прочесть лекцию про юрские окаменелости и для демонстрации потребуется его коллекция. Не тащить же ее к Рязанскому вокзалу? А отца он попросит предоставить им зал для ученых заседаний в Пробырной палате. Ну что же, причина показалась достаточно веской, и в очередную субботу решено было собраться у Шанделье.

К назначенному сроку Николай подошел к генеральскому дому. Швейцар, узнав молодого человека (тот был частым гостем здесь), проводил его до зала, где должно было происходить заседание. Переступив порог, Морозов внезапно замер от яркого света. Зал был богато убран и щедро освещен. Большая часть Общества уже собралась. Ждали нескольких опаздывающих. Чтобы заполнить паузу, председатель решил пройти к хозяевам дома и поблагодарить их за проявленную заботу.

Гостиная неожиданно оказалась полна народу. После взаимных приветствий мадам Шанделье обратилась к Морозову с просьбой разрешить ее гостям присутствовать на заседании. Эта просьба смутила молодого человека. Он знал, что товарищи придут в ужас от подобного предложения и вряд ли останутся сами собой в такой обстановке: не примут участия в обсуждениях, да и докладчикам будет непросто. Сумеют ли они выступить в широкой аудитории? С другой стороны, отказать хозяевам дома после доставленных им хлопот было неудобно. Да и родителей можно понять. Им хотелось узнать, чем же каждую субботу занимается их сын, к тому же показать гостям, что сын растет не оболтусом — собирает какие-то коллекции, вот будет делать научный доклад. Пришлось согласиться.

Когда последняя новость была доведена до членов Общества, начался страшный переполох. Все запланированные докладчики, кроме Шанделье, наотрез отказались выступать. Чтобы не ударить в грязь лицом перед посторонними, Морозову пришлось самому закрывать образовавшуюся брешь. И заседание все-таки началось. После палеонтологического доклада выступил Николай. Он затронул не конкретно

научную, а довольно широкую тему: «Значение естественных наук для умственного, нравственного и экономического прогресса человечества». К счастью, с ним оказалась тетрадка, в которую были выписаны различные примеры из истории науки, касающиеся данной темы. Основным тезисом доклада было утверждение, что без естественных наук человечество никогда бы не вышло из состояния, близкого к нищете, а благодаря им люди со временем достигнут полной власти над силами природы, и только тогда на земле наступит длинный период такого счастья, которое мы в настоящее время даже и представить себе не можем.

Аудитория довольно благосклонно приняла оба выступления и наградила докладчиков аплодисментами. В завершение хозяева пригласили всех в столовую пить чай. Во время этого перемещения к Морозову подошел студент-медик, с которым они и раньше встречались в доме Шанделье и были немного знакомы. Вручив Николаю бумажку с адресом, студент просил как-нибудь зайти к нему в гости, чтобы «поговорить о разных предметах», в частности, и об Обществе.

— Да, кстати, я слышал, что Вы издаете журнал? Захватите его, пожалуйста, мне бы очень хотелось с ним познакомиться. Так я Вас жду, заходите, — закончил он, отходя от Николая.

Если бы Николай знал, что сулит ему эта встреча, как круто изменит она его жизнь, пошел бы он на нее?.. Да, пошел бы, обязательно пошел, так как всей предыдущей жизнью готовился к ней. Его отец часто вел дома разговоры с приятелями, выражая неудовольствие губернской администрацией, ее нерасторопностью, взяточничеством, бюрократией. Отца можно было понять. Это был помещик новой волны. Часть своих богатств он вкладывал в промышленные предприятия, покупал акции страховых обществ, железных дорог. Конечно же, он был недоволен ущемлением деятельности промышленности государственной администрацией, пренебрежением к нарождающимся русским капиталистам. Но, разумеется, не эти либеральные разговоры, при которых он присутствовал, толкнули Николая принять приглашение студента. Хотя отец и сыграл здесь определенную роль.

Когда Петр Алексеевич привез сына в Москву, в гимназию, он выступал не как отец, а как доверенный мещанки Морозовой. Он устраивал в гимназию не своего сына Николая, а сына женщины, доверенным которой являлся. Дальше — больше. При 2-й Московской гимназии был пансион, куда принимали лишь дворянских детей. А кто он, Коля Морозов? Его отец — дворянин. Мальчик и в деревне замечал особое к себе отношение соседей по имению. Теперь он понял, что его не принимали всерьез, так же как и его мать. И позже, когда он уже жил в Москве, Николай чувствовал, что к нему относились несколько странно, особенно родители его соучеников. Но разве в нем что-нибудь изменится, если отец официально признает его своим сыном и он станет дворяни-

ном? Будет ли он умнее, красивее, воспитаннее? Нет, конечно, он останется тем же самым Николаем. Но что же это за порядок, при котором в человеке ценят нечто внешнее, постороннее?

Еще с четырнадцати или пятнадцати лет он задавал себе вопросы о современных общественных условиях и решал их вполне определенно. Чем разнится простой мужик от князя или графа? На анатомическом столе лучший профессор не был бы в состоянии отличить одного от другого, как бы он ни разрезал их мозги или внутренности. Значит, все дело только в образовании и широте взглядов, которую доставляет образование. А умственное развитие заключается вовсе не в дипломах, а в одной наличности развития. Кольцов был погонщиком волон, а между тем его стихи больше трогали Николая, чем стихи Пушкина, и знакомство и дружбу с ним он предпочел бы дружбе с любым князем. Значит, зачем же употреблять бессмысленные названия: дворяне, духовенство, крестьяне, рабочие, мещане? Не лучше ли просто разделить всех на образованных и невежд, и тогда все стало бы сразу ясно, и всякий невежда, позанимаясь и подучившись немного, сейчас же присоединялся бы к образованному классу.

О сословных интересах, о борьбе классов как главном двигателе истории в то время у него не было даже и малейшего представления. Все сословные и имущественные различия людей он смело и решительно относил в область человеческой глупости и не желал даже заниматься ими.

Студент-медик свел его с неким А. Блиновым, студентом университета, у которого хранилась тайная студенческая библиотека, а в ней, по словам медика, было много всяких книг и по научным, и по общественным вопросам. В первый раз Николай взял у Блинова несколько естественнонаучных книг. На следующий раз ему были предложены заграничные запрещенные издания. Это был журнал «Вперед», редактируемый П.Л. Лавровым, и книга Н.В. Соколова «Отщепенцы».

С величайшей жадностью набросился он на чтение этих еще невиданных им изданий и обе книжки проглотил в один вечер.

Казалось, что целый новый мир, чудесный и неожиданный, открылся перед его глазами. Во «Вперед» ему особенно понравились те прокламационные места, где были воззвания к активной борьбе за свободу. Их смелый и прямой язык, сыплющий укоры земным царям, казался ему проявлением необыкновенного, идеального героизма. «Отщепенцы» — книжка, полная поэзии и восторженного романтизма, рассказывала о лучших представителях человеческого рода, которые при существующем общественном устройстве превращаются в его отщепенцев. Вышедшая в 1866 г., она была уничтожена по постановлению цензуры и в 1872 г. переиздана за границей революционным кружком «чайковцев». Читая ее, Морозов ощущал в себе нечто родственное этим

людям и готовность отдать за них душу. Вот, оказывается, что делается и готовится втайне кругом него, а он до сих пор думал, что кроме их кружка, в России нет никого, разделяющего его взгляды!

Места тогдашних социально-революционных изданий, где возвеличивался серый простой народ, как чаша, полная совершенств, как скрытый от всех непосвященных идеал разумности, простоты и справедливости, к которому мы должны стремиться, казались ему чем-то вроде волшебной сказки.

Все здесь противоречило его собственным юношеским представлениям и впечатлениям из окружающей деревенской жизни, и все, между тем, было так чудно хорошо! При чтении этих мест ему невольно хотелось позабыть о своих собственных глазах и ушах, которые – увы! – не помогли ему вынести из случайных соприкосновений с крестьянами никаких высоких идей, кроме нескольких непристойных фраз, невольно прилипших к ушам вследствие повсеместного употребления. Ему страстно хотелось верить, что все в простом народе так хорошо, как говорят авторы этих статей, и что «не народу надо учиться у нас, а нам у него».

Несколько дней Николай ходил как опьяненный. Он пробовал поделиться новыми идеями со своими гимназическими товарищами и был страшно поражен, что эти идеи не вызвали у них такого сильного душевного отклика, как у него. Проявляя сочувствие, товарищи говорили, что эти идеалы едва ли осуществимы в жизни, что для миллионов современного им поколения стремления интеллигенции совершенно непонятны. Он и сам это чувствовал, но это даже увеличивало его энтузиазм. *«Разве не хорошо погибнуть за истину и справедливость? – думалось ему. – К чему тут разговоры о том, откликнется или не откликнется народ на наш призыв к борьбе против религиозной лжи и политического и общественного угнетения? Разве мы карьеристы какие, думающие устроить также и свои собственные дела, служа свободе и человечеству? Разве мы не хотим погибнуть за истину?»*

Вскоре Морозов убедился, что люди, которыми он так восхищался, существуют не только в книгах.

В очередную встречу, побеседовав о прочитанном, Блинов вдруг сказал:

– С Вами хотели бы познакомиться некоторые люди, занимающиеся революционной деятельностью. Но только Вы должны держать это знакомство в строгой тайне, иначе все дело погибнет.

Николай был сильно взволнован: он только что познакомился с новыми социально-революционными идеями в нелегальных изданиях, и вот ему предлагают познакомиться с людьми, практически воплощающими эти идеи, под впечатлением которых он находился последние дни. Блинову он ответил безоговорочным согласием...

Это было в начале 1874 года. В назначенное время Николай явился в библиотеку. Далее все происходило на менее романтично, чем в недавно прочитанных книгах. В зимних сумерках его водили с квартиры на квартиру, перепоручая друг другу и предупреждая о строгой секретности предстоящего мероприятия. И наконец, свершилось!

В большой комнате типа гостиной, с роялем у стены, мягкой мебелью и задрапированными окнами, находилось десятка два молодых людей. Среди них, к удивлению Николая, было несколько девушек. Особенно его поразила красавица с густыми темно-русыми волосами, лет двадцати двух. Позже он узнал, что это была хозяйка квартиры Олимпиада Алексеева. Среди мужчин он выделил двух бородачей. Впоследствии выяснилось, что это были Николай Саблин и Сергей Кравчинский. Знакомство выглядело очень странно. Все присутствующие пожали ему руку, но имени своего не назвали. Не сделал этого и Николай. Затем хозяйка дома усадила юношу возле себя и, к его удивлению, достала издаваемый им журнал. Показав на статью «В память нечаевцев», она спросила:

– Вы не можете сказать, кто автор этой статьи?

– Я.

– Очень хорошая статья. И написана просто и очень трогательно.

Николай собрал все свои силы, чтобы скрыть распивавшую его радость. Дабы разделить лавры успеха с товарищами, он решил обратить внимание на статью одного из них, помещенную в этом же номере. Но, к его удивлению, хозяйка эту работу не одобрила.

– Слишком фразиста, – охарактеризовала она ее.

За чаем разговор стал общим, и Коля был незаметно вовлечен в спор с одним из гостей. Тот доказывал, что нечаевцы стояли на ложном пути, потому что вели пропаганду среди интеллигенции, испорченной своим паразитизмом на трудящихся классах и потому ни на что не годной, и что надо искать обновление в среде простого народа. Эти идеи Николай уже встречал в литературе, они ему нравились, как поэзия, но на практике казались большим недоразумением или ошибкой. Собрав все свои силы, чтобы не показать своего волнения, он мужественно возражал, что пропаганда нужна во всех сословиях, ведь наука дает интеллигентным классам более широкий кругозор и привычка к мышлению развивает в них более глубокие чувства, а подчас и такие великодушные порывы, которые совсем неведомы неразвитому человеку.

Он испытывал скрытый страх от того, что его взгляды могут быть не восприняты этими замечательными людьми, с которыми так хотелось сойтись, и что его могут даже выгнать. К тому же он никогда не был спорщиком ради спора и всегда старался находить пункты согласия, а не отмечать разногочия, особенно с первого же знакомства, полагая, что при дальнейшем сближении все частные разногочия постепенно устранятся. Но высказать свое мнение было необходимо – ведь

он пришел сюда по убеждению и должен свою точку зрения изложить сразу.

К удивлению юноши, часть присутствующих встала на его сторону. Особенно ярким защитником оказался Кравчинский, к которому постепенно перешла инициатива в споре, и Николай, чтобы не быть центром внимания, пересел в угол. Отсюда он мог более внимательно разглядеть своего заступника. Это был высокий, крепко сложенный человек лет двадцати пяти с густой шапкой волос на голове, небольшой курчавой бородкой и усами, с огромным лбом и блестящими черными глазами. Он выглядел монументально, немного грубовато, но очень одухотворенно. Теперь Николай понял: именно эта монументальность привлекла его внимание с самого начала. В дальнейшем Сергей Михайлович Кравчинский стал для него наиболее ярким воплощением тех черт, которые он встретил в разных представителях революционной среды. В цельном и сильном характере Сергея сочетались ум и воля, верность и отвага, бескорыстие и ответственность. «Мой лучший в мире друг» — так называл он Кравчинского всю жизнь. В отношении этого опытного, зрелого революционера к Морозову не было ничего покровительственного, равенство сразу утвердилось в их дружбе.

В конце вечера хозяйка спела несколько песен, аккомпанируя себе на рояле. Это придало всей встрече некоторый возвышенный характер. Тем страшнее было предположить, что его не примут в это общество — общество людей таких прекрасных, и внешне, и внутренне. С ними было необычайно интересно...

При уходе Алексеева пригласила Морозова бывать у нее еще.

Николай не знал, что за этой встречей наблюдал еще один человек — Д.А. Клеменц, один из руководителей этого общества. Он не знал и о том, что на другой день общество снова собралось, чтобы обсудить кандидатуру Морозова. Мнения были далеко не единодушные. Многим новый кандидат не слишком понравился, но решили не делать поспешных выводов и присмотреться к нему. Решительно «за» выступили Кравчинский и Шишко — оба артиллерийские офицеры и хорошо образованные люди. Им была особенно симпатична готовность Николая отстаивать свои основные убеждения, даже в среде совсем незнакомых людей. *«Что же касается дам, то я им всем понравился без исключения, хотя, конечно, не в такой степени, в какой понравились мне они сами»*, — вспоминал позже Николай Александрович.

Огромная, всепоглощающая радость, что такие прекрасные люди приняли его в свою среду, доверяют ему и считают равным себе, не покидала Морозова те несколько дней, которые он, соблюдая приличия, с трудом выдержал до следующей встречи. Он двигался как на крыльях, и все ему замечательно удавалось.

По прошествии нескольких дней Николай стал посещать загадочную квартиру ежедневно, с восьми — девяти вечера и допоздна (другое

время он еще посвящал обычным занятиям). Это был своеобразный общественный салон, где собирались представители разночинской интеллигенции, сочувствующие революционерам, молодежь из университета и Петровской земледельческой академии. Приходили и революционеры из московского кружка «чайковцев» — В.Н. Батюшкова, Т.И. Лебедева, Л.О. Лукашевич, Н.П. Цакни, Н.М. Аносов, К.В. Аркадакский, И.К. Львов, И.А. Устюжанинов. Реже бывал М.Ф. Фроленко, у которого имелся свой кружок «петровцев». После «провала» петербургского кружка «чайковцев» переместились сюда С.М. Кравчинский (известный здесь как Михайлов), Д.А. Клеменц (которого знали под именем Ельцинского), Л.Э. Шишко. Душой собраний была хозяйка квартиры Олимпиада Григорьевна Алексеева. В Москве она проживала с двумя детьми и с их няней. Ее муж — тамбовский помещик — уже длительное время находился в психиатрической лечебнице. Натура богато одаренная, не удовлетворенная жизнью и местом, которое отводилось женщине в обществе, Алексеева искала всего необычного, яркого, романтического. И все это нашла в революционной среде: именно здесь узнала она людей благородных, смелых, духовно развитых, каких не встречала в привычном ей провинциально-помещичьем окружении. Молодая и красивая хозяйка этой полуконспиративной-полуявочной квартиры умела приветить, «разговорить» вновь пришедших, сблизить едва знакомых. Изю дня в день слушая споры и речи революционеров, она научилась разбираться в основных направлениях народнического движения. К моменту знакомства с Морозовым Алексеева еще не была членом организации «чайковцев», но оказывала им ряд важных услуг: хранила нелегальную литературу (а летом 1874 г. — библиотеку московского кружка), предоставляла кров скрывавшимся от полиции, служила своеобразной связной между революционерами, давала возможность им регулярно собираться на ее квартире для обсуждения своих дел. Прекрасная певица (Алексеева окончила консерваторию), она оживляла эти собрания музицированием. Морозов услышал здесь «Бурный поток» Ф. Шуберта, «Утес Стеньки Разина», «Последнее прощанье» погибшего на каторге поэта 1860-х годов М.Л. Михайлова. Хором пели «Нелюдино наше море» (на слова Н.М. Языкова). С неизменным волнением Николай слушал романс «По чувствам братья мы с тобой». Сильным контрапунктом Олимпиада Григорьевна запедала казавшиеся ему исполненными особого значения слова: «Когда ж наступит грозный час, восстанут спящие народы — святое воинство свободы в своих рядах увидит нас». Некоторые присутствующие были недовольны по поводу чрезмерного, как им казалось, преобладания музыки. Д.А. Клеменц саркастически замечал, что здесь «дело мешают с бездельем». Но молодой, жаждущей романтики душе Морозова эти музыкальные часы представлялись логическим завершением деловых переговоров, раскрывавшим их внутреннюю, скрытую поэзию.

Очень сильное впечатление на Николая произвело первое знакомство с Клеменцом. Однажды в комнату, где собралось общество, вошел мужичок в засаленной фуражке, черном кафтане нараспашку, под которым виднелась жилетка с медными пуговицами, надетая на простую крестьянскую рубаху навыпуск, в синих полосатых брюках, заправленных в смазанные сапоги. Желтоватое лицо его обрамляла окладистая борода. Редкие прямые волосы были пострижены в скобку. В общем, типичный деревенский староста. Только огромный лоб указывал на нетривиальность его обладателя. Когда вошедший заговорил своим скрипучим голосом, окающим говором, все вокруг отложили дела и стали внимательно его слушать.

– Кто это? – тихо спросил Николай у Алексеевой. – Замечательно умный рабочий.

– А это не рабочий, – ответила Липа (так звали ее «свои», в круг которых входил и Николай). – И даже не из народа, а из привилегированного сословия. Его фамилия Ельцинский, а настоящая – Клеменц. Его уже больше года разыскивает полиция, так что его нужно беречь. Никогда не говорите о нем с посторонними.

Это обстоятельство сразу же создало вокруг Клеменца ореол героя: «Все, кто попадают, сразу же бегут за границу, а он остался, и каждый день встречается с полицией, и не бежит, а делает свое дело. Вот настоящая храбрость!»

Через несколько дней он узнал, что еще два человека из этой компании усиленно разыскивались полицией: Кравчинский и Шишко. Это обстоятельство заставило Николая смотреть на них троих с особенным благоговением. Тогда ему даже и в голову не приходило, что скоро будут также разыскивать и его...

При чтении нелегальной литературы у Морозова голова кружилась от многочисленных названий различных партий и направлений. Последователи Бакунина причисляли себя к анархистам, последователи Лаврова – к простым социалистам, последователи Ткачева – к якобинцам и т.д. К какому же направлению принадлежит он со своими новыми друзьями? Когда он задал этот вопрос, ему ответили:

– Мы радикалы.

Потом он неоднократно слышал это «мы радикалы» в противоположность «либералам», к которым относили всех тех, кто только говорит о свободе и других высоких предметах, но не способен пожертвовать собой за свои идеалы. А «радикалы» – это были люди дела. Были еще «нигилисты» – так называли всех нечесаных и неопрятных, независимо от их убеждений.

Впоследствии Морозов отмечал, что вся волна тогдашнего движения с сотнями деятелей прокатилась в буквальном смысле через его голову, и, оставаясь правдивым, он не может причислить их «ни к какой определенной кличке»¹.

При всех попытках разобраться в различных социальных вопросах, которые тогда интересовали Николая, он ни от кого не получал помощи. Его собеседники считали для себя обязательным выражать сочувствие социалистическим идеалам и социалистической литературе. Но когда заходила речь о деталях будущего общественного строя, ему стереотипно отвечали, что они ничего не хотят навязывать народу, который, получив возможность распорядиться своими судьбами, сам устроит все так хорошо, как мы даже и вообразить себе не можем. Все, что нужно сделать, это — освободить его руки, после чего дело будет закончено, и можно будет совершенно устраниваться.

Уже одна эта неопределенность воззрений показывала ему, что корни революционного движения семидесятых годов находились вовсе не в одних социалистических идеях, которые дебатировались по временам среди новых знакомых. Чувствовалась какая-то другая, скрытая пружина, которой они и сами не подозревали. И эта пружина была не что иное, как полное несоответствие существовавшего самодержавного режима с тем высоким уровнем умственного и нравственного развития, на который успела подняться лучшая часть молодого поколения того времени. Наверное, свою роль сыграла и замена в средних учебных заведениях живой науки классическою мертвечиной. Введение классицизма сыграло очень важную роль, по крайней мере, в его судьбе, так как оно сразу придало и ему самому, и его «Обществу естествоиспытателей» резко революционный оттенок. Свою роль сыграло и стеснение студенчества, выражавшееся в ежегодных студенческих историях, массовых высылках и преследованиях.

Позже он оценивал движение семидесятых годов как борьбу русской учащейся, полной жизненных сил интеллигенции со стесняющим ее правительственным и административным произволом. Русское студенчество и ряд солидарных с ним интеллигентных слоев боролись за свою свободу, которую они сливали со свободой всей страны, за свое будущее, за живую науку в университетах и других учебных заведениях. Не чувствуя за собой достаточно сил, они обратились за помощью к простому народу под первым попавшимся идеалистическим знаменем и сделали из крестьянства себе бога.

По мере того как приближалось лето, на место теоретических споров пришли вопросы практические, связанные с непосредственной работой в деревне.

С.М. Кравчинский поставил задачу — изучить какое-нибудь ремесло для того, чтобы получить доверие народа, а затем начать словесную пропаганду и приготовить крестьян к социальному перевороту. Эти призывы встретили в кружке с энтузиазмом. Решили, что ремесло должно быть «бродячим», дабы иметь предлог путешествовать по деревням и останавливаться в каждой, сколько нужно. Например, са-

пожник. Для обучения будущих бродячих сапожников пригласили из Петербурга молодого финна Иоганна Пельконена, сочувствовавшего делу. Он уже обучал своему ремеслу участников революционного движения в петербургской и других мастерских. Чтобы открыть школу-мастерскую, требовалась надежная квартира. Николай нашел ее. Лучшей квартиры и не надо было. Ее сдавала в своем доме на Плющихе мать Печковского. Если у дворника возникнут какие-то подозрения, он первым делом сообщит об этом хозяйке. Она обязательно поделится со своими сыновьями, а те, в свою очередь, с Николаем, как с близким семье человеком. А получив такой сигнал, мастерская сменит квартиру, не обостряя ситуацию.

Одновременно начали готовить литературу для народа. Многие книги и прокламации для пропаганды были созданы самими «чайковцами». «Сказка о копейке», «Сказка о Мудрице Наумовне» С.М. Кравчинского, «Сказка о четырех братьях» Л.А. Тихомирова, прокламация Л.Э. Шишко «Чтой-то, братцы, так тяжело живется нашему брату на русской земле!» прочно вошли в обиход пропагандистов и использовались вплоть до конца 1870-х годов.

В качестве первого шага в народ некоторые кружковцы завели в трактирах и харчевнях знакомства с молодыми рабочими, выдававшими своим более высоким развитием. Дебют Морозова в этой деятельности произошел так. Однажды в салоне Алексеевой к нему подошел Кравчинский с предложением:

– Если хочешь познакомиться с бытом простого народа, пойдем со мной в харчевню обедать.

– Но как же я пойду без рабочего костюма?

– Ничего страшного, у меня есть запасной. Я тебе его дам.

И вот два новоявленных молодых рабочих отправились в одну из самых бедных харчевен на окраине Москвы...

За грязными столами сидело несколько извозчиков. Возле них сно-валя дюжая хозяйка заведения. Новых гостей встретила строго:

– Вам чего?

Юноши растерялись, не зная, как говорить. Первым нашелся Сергей:

– А что у вас есть?

– Шти есть.

– Ну, дайте щец.

– С солониной или со щеквиной? – снова озадачила их хозяйка.

Но Сергей уже освоился и решительным тоном сказал:

– Со щеквиной.

Им принесли щи в одной миске и две деревянные ложки.

– Деньги вперед! – властным тоном заявила хозяйка.

Когда с ней были покончены все счета и она удалилась, друзья с опаской отведали щеквины, коей оказались крошеные кусочки

бычьих щек, и попытались завязать разговор с соседними извозчиками. Но те спешили, и разговора не получилось.

Морозов провел детство в деревне и видел, что в массе своей крестьяне — это невежественные и суеверные люди. Поэтому, в отличие от своих друзей, он их не идеализировал, считал, что не надо опускаться до крестьян, а напротив — поднимать их до своего уровня. И первое, что надлежит сделать, — это заняться просвещением широких масс, иначе крестьяне станут первыми врагами всякой истинной свободы. Навряд ли мужики сразу воспримут их мысли, чувства и желания, как не поняла бы несчастная кляча на улице, по каким мотивам защищают ее от побоев члены общества покровительства животным. Только с народом было бы несравненно хуже: кляча не оказала бы своим защитникам никакого сопротивления, а эти несчастные, наверно, приписали бы им какие-нибудь своекорыстные мотивы и постарались бы нарочно испортить им дело.

Начиная с апреля 1874 г. квартира Олимпиады Алексеевой стала своеобразным перевалочным пунктом. Сюда приходили все, кто, отправляясь в народ, проезжал через Москву. Николай, по природе своей очень влюбчивый, старался как можно больше времени проводить возле предмета своего обожания. И весь этот поток проходил перед его глазами.

В народ шли, чтобы готовить его к революции путем пропаганды. Целесообразным считалось создавать из недовольных крестьян кружки, связанные между собой. Предполагалось побуждать распропагандированных в деревне к тому, чтобы они, в свою очередь, развернули агитацию среди своих односельчан, ибо «влияние на личности и влияние на массу должно идти одновременно рука об руку».

Николай тогда думал несколько иначе. Ко всем безграмотным и полуграмотным людям он относился в то время совершенно отрицательно. Серая народная масса представлялась ему вечной опорой деспотизма, об инертность которой разбивались все величайшие усилия человеческой мысли и которая всегда топтала ногами и предавала на гибель своих истинных друзей. Николай привык мечтать о будущих поколениях человечества, как стоящих на еще большей ступени умственного и нравственного развития, чем самые образованные люди современности, и всю массу будущего народа представлял себе ничем не отличающейся от интеллигентных людей.

Но его новые друзья боготворили крестьян, а он боготворил их. Значит, он должен идти их путем.

Оставалось сделать последний шаг — разорвать старые связи с семьей, гимназией, старыми друзьями, отказаться от всякой личной собственности и, по сути дела, поставить себя вне общества — уйти на нелегальное положение. В те несколько дней, когда он стоял одной но-

гой здесь, а другой там, он совершенно измучился и похудел. Роковой вопрос он пытался решить один, ни с кем не советуясь.

Как его уход воспримут в семье? Отец, узнав, с кем связался его сын, навсегда запретит вспоминать его имя. Но мать — не то. Уход сына доставит ей много горя... Но ведь и у каждого из товарищей тоже есть семья, и они жертвуют ею для освобождения человечества...

Как быть с мечтами о карьере ученого? Но именно потому, что служение науке было в его понимании самым счастливым вариантом человеческой судьбы, он сомневался в своем праве заниматься ею в то время, как его товарищи готовились отдать все силы революционной борьбе. В С.М. Кравчинском, Д.А. Клеменце, Л.Э. Шишко он чувствовал потенциальных ученых. Они ушли по научному пути дальше него, на несколько лет дальше, но, оставив мысль о личной карьере, безоглядно посвятили себя освобождению народа. Да и возможно ли заниматься наукой при окружающих условиях, не сделавшись человеком, черствым душою? А ведь черствому человеку природа не захочет открыть своих тайн. Значит, об этом предмете теперь нечего и думать. Если он равнодушно оставит своих новых друзей идти на гибель, то навсегда потеряет сам к себе уважение и ни на что порядочное уже не будет способен.

Ему представлялась партизанская война, которая должна непременно начаться этим летом, и все опасности, подстерегающие его друзей. В ушах непрерывно звенел голос Алексеевой:

Бурный поток,
Чаща лесов,
Голые скалы —
Вот мой приют!

«А я буду в это время спать в своей мягкой постели!» — думалось ему.

Для него лично мысль об опасности была жутко-привлекательной еще с детства, ночевки в «чаще лесов» под деревьями парка он постоянно устраивал себе каждое лето. О тюрьмах он думал тоже не раз, и они его нисколько не пугали. Он представлял себя умирающим в пытках, никого не выдав, и сам себя хоронил заживо, как жертву за свободу...

Он думал несколько дней и, наконец, сделал окончательный выбор.

В программе «чайковцев» «первым условием деятельности в народе» ставилось *«полнейшее отречение от всяких признаков барства, понижение своей материальной обстановки почти до уровня той среды, где человек намерен действовать...»*. В соответствии с этим требованием Морозов, еще не будучи членом организации, начал готовиться к новой жизни, разрывая нити, связывающие его со старой. Это оказалось очень нелегким для него — раздать коллекции, научную библиотеку, созданную своими руками лабораторию с микроскопом и баночками с инфузориями. В конце концов он раздарил все, даже белье и

одежду, оставив себе только кошелек с деньгами, часы и револьвер, ибо для чего ему теперь было все остальное? Родным он решил ничего не писать, а просто исчезнуть для них, как исчезают без вести.

И вот последний шаг. Он пошел в ряды и купил себе рабочий костюм. Постригся «в скобку», смазал волосы постным маслом, расчесал на прямой пробор. В таком виде Николай явился к друзьям, работавшим в сапожной мастерской, и объявил о своем решении идти «в народ» вместе с ними.

Пятый класс стал для будущего академика последним в его официальном обучении.

Примечания к первой части

К главе I

¹ Город Молога – бывший уездный город Ярославской губернии, находившийся в месте впадения реки Мологи в Волгу, на левом берегу последней. Время основания Мологи неизвестно. До 1321 года Молога была частью Ярославского удела. Затем она стала центром самостоятельного княжества. Здесь находился так называемый Холопий город, в 50 верстах от устья Мологи, куда еще и в XIV веке съезжались для торга немцы, поляки, литовцы, греки, армяне, персияне, итальянцы. Торг шел меновой в течение 4 летних месяцев. С торговцев поступало в казну одной пошрины 180 пудов серебра. При Иоанне III Молога вместе с Угличем была отдана его сыну Дмитрию. Мологской крепости досталось в смутное время от казаков, поляков и литовцев.

В 1777 г. Молога стала уездным городом Ярославской губернии. В это время в нем было чуть больше 2 тысяч жителей, чуть больше 400 домов и 20 лавок. Ко времени рождения Николая Морозова здесь уже насчитывалось без малого 5 тысяч жителей.

Это был обычный волжский город. В центре него располагались собор и торговая площадь. По главной улице шли двухэтажные, каменные, без украшений домики с магазинами и трактирами.

В городе имелись 4 церкви, а близ города находился Афанасьевский монастырь. Город успешно развивался. Главным занятием жителей было земледелие. В городе действовали одно трехклассное городское училище и два приходских. Кроме того, в конце века городской голова открыл здесь гимнастическую школу, в которой преподавали кегли, велосипед, фехтование, столярничество, мортирную и ружейную стрельбу. В 1868 году был открыт Городской общественный банк с капиталом в 10 тыс. рублей. В городе работали земская больница на 30 коек, городская лечебница, глазная лечебница. При этом город содержал на свои средства врача, фельдшерицу-акушерку и 2 сиделок. В городе жил один купец первой гильдии, 68 – второй и проходило по три ярмарки в год.

В Мологском уезде после реформы 1861 года было более 170 тысяч десятин крестьянских земель и более 200 тысяч десятин владельческих земель. В уезде числилось более 200 дворян, около 700 человек духовного звания, без малого 300 купцов, почти 3 тыс. мещан и почти столько же военных. Крестьян было почти 120 тысяч.

В уезде было 17 волостей, 732 населенных пункта, которые состояли более чем из 21 тысячи дворов. При этом чуть более десяти процентов из них составляли безземельные дворы. На душу приходилось по 2,3 десятины земли. Поэтому больше 8 тысяч человек занималось отхожим промыслом.

В уезде было 53 земских народных училища и 30 церковно-приходских. Ежегодно в них училось более 5,5 тысяч учеников. Земство содержало 3 больницы. В селе Новом на Сити с 1872 года работала учительская семинария, где за 25 лет подготовлено было 500 народных учителей.

После сооружения Рыбинской ГЭС и водохранилища территория города была затоплена. Жителей города Мологи переселили в Рыбинск, где был выстроен целый новый город под названием «Новая Молога».

² Суть крепостного права заключалась в том, что крестьянам запрещалось уходить со своих земельных наделов. Беглые подлежали принудительному возврату. При этом крестьяне подчинялись административной и судебной власти хозяина земли. Им было запрещено отчуждать земельные наделы и приобретать недвижимость.

До конца 16 века крепостная форма эксплуатации охватывала лишь отдельные категории сельского населения. Временное, а затем и бессрочное запрещение крестьянского выхода подтверждено указом 1597 г., но при этом устанавливался пятилетний срок сыска беглых (урочные лета). И лишь Соборное уложение 1649 г. определило бессрочность сыска, т. е. возврату подлежали все крестьяне, бежавшие от своих владельцев.

В 1-й половине 17 в. начинается фактическая, а в последней четверти 17 в. и юридически узаконенная продажа крестьян без земли. Со 2-й половины 17 в. вводятся телесные наказания для крестьян, не подчиняющихся воле землевладельца. С 1741 помещичьи крестьяне устранились от присяги, происходит монополизация собственности на крепостных в руках дворянства. Во второй половине 18 века завершился этап развития государственного законодательства, направленного на усиление крепостного права в России: указы о праве помещиков ссылать неугодных дворовых людей и крестьян в Сибирь на поселение (1760) и каторжные работы (1765), а затем и заключать в тюрьмы (1775). Продажа и покупка крепостных без земли не была ограничена ничем, кроме запрещения торговать ими за 3 месяца до рекрутского набора (1766), но это не касалось старых и малолетних, при конфискации или продаже имений с аукциона разрешалось разлучать родителей и детей (1760). Закон предусматривал наказание только за смерть крепостного от помещичьих истязаний.

При вступлении на престол Александр I обнаружил желание облегчить положение крепостных крестьян. Самою важной мерой в этом отношении было решение не отдавать казенных крестьян в частную собственность. Кроме того, был поднят вопрос о запрещении продажи крестьян без земли. В ноябре 1802 г. С.П. Румянцев представил государю проект «постепенного уничтожения рабства», который, с некоторыми изменениями, получил 20 февраля 1803 г. силу закона.

Содержание этого закона было следующее: разрешалось отпускать крестьян родовых и благоприобретенных имений на волю, как поодиночке, так и целым селением, но с обязательным наделением их землей. Условия, заключенные обеими сторонами, представляются на утверждение Государя. Крестьяне, не исполнившие своих обязательств, возвращаются на прежнем основании своим помещикам. Все получившие свободу на основании нового закона, если не пожелают приписаться к другим сословиям, могут оставаться на своих землях, образуя «состояние свободных хлебо-

пашцев», платя в казну подушный оклад наравне с владельческими крестьянами и отбывая рекрутскую и земские повинности наравне с казенными. Свободные хлебопашцы могли продавать, оставлять в наследство полученную землю, с одним только условием — не раздроблять на участки менее 8 десятин. Они могли покупать землю, переселяться и т. д.

При утверждении договоров крестьян с помещиками министр внутренних дел должен был наблюдать, чтобы помещик не обезземеливал крестьян, оставшихся у него крепостными, и чтобы каждый свободный хлебопашец получал определенный участок в собственность.

Широкого применения указ не получил. За время царствования Александра I в свободных хлебопашцев было превращено только 47 тыс. человек мужского пола, то есть около 0,5% от всех крепостных крестьян.

Немногие помещики отпускали крестьян без всякой платы, большинство — за определенную, самую разнообразную (в среднем от 100 до 200 руб. с души мужского пола) плату, вносимую единовременно или с рассрочкой, или с обязанностью исполнять барщину. Были случаи, когда и казна помогала крестьянам выкупиться на свободу. Случаев неисполнения крестьянами принятых на себя обязанностей за все время действия закона о свободных хлебопашцах было всего три, то есть касалось всего 477 душ. В этих случаях крестьяне вновь возвращались в крепостное состояние.

Вторая попытка была предпринята через 39 лет. Согласно указу, 2 апреля 1842 был разрешен переход части крепостных крестьян на договорные отношения с помещиками. Указ явился итогом работы секретного комитета, учрежденного 10 ноября 1839 для определения условий освобождения крестьян независимо от указа о вольных хлебопашцах. По соглашению помещиков с крестьянами, утверждавшемуся правительством, крестьяне приобретали личную свободу. Земля оставалась в собственности помещика, предоставлявшего крестьянам надел за «соразмерный» оброк или барщину. Ограничения власти помещиков не предусматривалось. Заключение подобных договоров не было обязательным для помещиков. По указу 1842 из 10 млн крепостных до 1855 в обязанных крестьян было переведено 24 708 душ мужского пола.

19 февраля 1861 в Петербурге Александр II подписал «Манифест» об отмене крепостного права и «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», состоявшие из 17 законодательных актов. Согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» крестьяне получали личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом. При этом помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, однако обязаны были предоставить в пользование крестьянам «усадебную оседлость» (жилой дом и хозяйственные постройки) и полевой надел «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком». За пользование наделной землей крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк и не имели права отказа от неё в течение 9 лет. Размеры полевого

надела и повинностей должны были фиксироваться в уставных грамотах 1861, которые составлялись помещиками на каждое крестьянское имение и проверялись мировыми посредниками. Крестьянам предоставлялось право выкупа своей усадьбы.

«Манифест» и «Положения» были обнародованы с 7 марта по 2 апреля. Крестьянство, недовольное кабальными условиями реформы, ответило на неё массовыми волнениями.

Проведение реформы началось с составления уставных грамот, которое в основном было закончено к середине 1863. На 1 января 1863 крестьяне отказались подписать около 60% грамот. Цена земли по выкупу превышала ее рыночную стоимость в несколько раз.

Эта реформа – пример действий правительства, когда недовольны все, кого она касалась. Если бы помещиков такой подход устраивал, то они давно бы вывели своих крестьян в состояние «свободных хлебопашцев» по указу 1803 года.

По этому указу помещик, который желает дать крепостным крестьянам землю, должен в этих условиях указать:

1. С какой деревней или частью деревни заключается соглашение.
2. Какие именно земли, леса, угодья и в каком количестве он отдает крестьянам в собственность.
3. Какую цену обязались заплатить крестьяне за полученную пахотную землю, за угодья, за освобождение от некоторых повинностей или за полную свободу.
4. В какие сроки обязались заплатить крестьяне плату за вольных хлебопашцев. В 1 год, 10 или более лет. Сколько обязуются платить, когда именно или вечно, самому помещику или его наследникам.

Когда все вопросы были согласованы, помещик собственноручно подписывал согласительный лист, а крестьяне давали разрешение сделать подпись доверенному лицу. Этот согласительный документ направлялся императору России на его высочайшее утверждение, после чего через Правительствующий Сенат отсылался в губернскую Гражданскую палату для регистрации.

³ Табель о рангах (таблица чинов), закон о порядке государственной службы в Российской империи, был утвержден 24 января 1722 императором Петром I, который активно участвовал в его подготовке. В основу этого закона легли заимствования из «расписаний чинов» французского, прусского, шведского и датского королевств.

Первоначально закон состоял из собственно Табели (таблицы) чинов и 19 «Пунктов» (статей), пояснявших ее и устанавливавших штрафы за ее нарушение. Постепенно необходимость в «Пунктах» отпала, и в 19 веке их не включили в Свод законов Российской империи.

Содержание пояснительных пунктов сводилось к следующему. Принципы императорской крови имели при всяких случаях председательство над всеми князьями и «высокими служителями российского государства». За этим исключением, общественное положение служащих лиц определялось

чином, а не породой. За требование почестей и мест выше чина при публичных торжествах и официальных собраниях полагался штраф, равный двухмесячному жалованию штрафуемого. При этом $\frac{2}{3}$ штрафных денег должно было поступать в пользу доносителя, а остальное — на содержание госпиталей. Такой же штраф полагался и за уступку своего места лицу низшего ранга.

Лица, состоявшие на иноземной службе, могли получить соответствующий чин не иначе как после утверждения за ними «того характера, который они в чужих службах получили». Сыновья титулованных лиц и вообще знатнейших дворян хотя и имели, в отличие от других, свободный доступ к придворным ассамблеям, но не получали никакого чина, пока «отечеству никаких услуг не окажут».

Гражданские чины, как и военные, давались по выслуге лет или по особым знатным — служебным — заслугам. Каждый должен был иметь экипаж и ливрею сообразно своему чину. Публичное наказание на площади, а равно и пытка влекли за собою утрату чина, который можно было возратить лишь за особые заслуги именным указом, публично объявленным.

Замужние жены «поступали в рангах по чинам мужей их» и подвергались тем же штрафам за проступки против своего чина. Девицы считались на несколько рангов ниже своих отцов.

По Табели все чины делились на 14 классов (классных чинов), высшим был 1-й класс. По Табели все чины подразделялись на 3 типа: воинские, статские (гражданские) и придворные. Воинские чины состояли из 4 разрядов (сухопутные, гвардия, артиллерийские и морские) и объявлялись выше соответствующих им по классу статских и придворных. Чины в гвардии были на класс выше других воинских чинов. Чинопроизводство устанавливалось строго в порядке возрастания классов и старшинства в получении очередного чина. В Табель о рангах не были включены унтер-офицеры и низшие государственные служащие (копиисты, канцеляристы, писари, курьеры и т. п.).

Все лица недворянского происхождения после производства в 14-й класс получали личное, а в 8-й (для военных — в 14-й) — потомственное дворянство. Причем дворянское звание распространялось только на детей, рожденных уже после получения отцом этого чина. Если же по получении чина детей у него не родится, то можно просить о пожаловании дворянства одному из прежде рожденных детей. Вот по этому положению Алексеев и стал потомственным дворянином.

Первоначально в Табель, кроме собственно чинов, было включено много различных должностей (общее число чинов и должностей — 262). Так, среди статских чинов в 3-м классе был генерал-прокурор, в 4-м — президенты коллегий, в 5-м — вице-президенты коллегий, в 6-м — президенты в надворных судах и т.д. Чины имели и профессора высших учебных заведений, члены Академии наук и Академии художеств. В 9-м классе значились «профессоры при Академиях» и «докторы всех факультетов, которые на службе обретаются». В конце 18 века должности из Табели были исключены

или превратились в чины (прежде всего придворные). Классность отдельных чинов была изменена. Лица, окончившие университеты и др. высшие учебные заведения, при поступлении на государственную службу получали чины 12–8-го классов.

В этом и состояла надежда П.А. Щепочкина. При удачном окончании университета сын получит личное дворянство, а немного послужив – и потомственное, и с полным правом войдет во владение имением и большей частью его состояния.

Закон 9 декабря 1856 определил получение потомственного дворянства только с 4-го (для военных с 6-го), личного – с 9-го класса. Теперь лица, имевшие чины, не дававшие дворянства, получали права почётных граждан. Табель о рангах создавала стимул для службы чиновников, предоставляла некоторую возможность выдвижения для выходцев из непривилегированных сословий.

⁴ Русско-турецкая война 1828–1829 годов была вызвана борьбой европейских государств за раздел Османской империи, которая переживала острый кризис в связи с греческим национально-освободительным движением. Греки обратились к России за помощью; 9 мая 1828 года Россия объявила войну Турции. На Дунай была направлена 95-тысячная русская армия под командованием фельдмаршала П.Х. Витгенштейна с задачей занять Молдову и овладеть крупными турецкими опорными пунктами — крепостями Шумлой и Варной.

Русским войскам противостояла 150-тысячная турецкая армия Хусейн-Паши. 8 июля 1828 года русские форсировали Дунай, и главные артиллерийские силы на территории Болгарии подошли вплотную к сильно укрепленной турецкой крепости Шумла. Дни и ночи артиллерийская батарея под командованием подпоручика Алексея Петровича Щепочкина в составе других подразделений штурмовала турецкую крепость. Но овладеть сильно укрепленной турками крепостью они не смогли.

Фельдмаршала П.Х. Витгенштейна император Николай I отстраняет от управления войсками и заменяет его генералом И.И. Дибичем, который изменил тактику и стратегию боевых действий. После неудавшегося штурма крепости Шумла русские войска двинулись на Варну и сходу взяли эту крепость. Моральный дух турецких войск, оборонявших крепость Шумлу, пал, и русские войска овладели ею. А в последующем выход русских войск к Константинополю вызвал панику у турок, и 27 сентября 1829 года Турция заключила с Россией Андрианопольский мирный договор, по которому к России отошло Черноморское побережье Кавказа, а Греция получила независимость от Османской империи.

⁵ Уездный предводитель дворянства являлся полным хозяином уезда. Именуемый и в официальных бумагах «предводителем уезда», он восполнял отсутствующее звено в бюрократическом аппарате, возглавляя все уездные учреждения, все органы местного управления. Не подчиняясь ни гу-

бернскому правлению, ни губернскому предводителю дворянства, уездный предводитель менее, чем губернский, зависел от губернатора, обладая всей полнотой местной власти.

Дед Морозова А.П. Щелочкин был уездным предводителем с 1831 по 1840 год.

К главе III

¹ Революционеры, с которыми познакомился Морозов в Москве весной 1874 г., были членами крупной народнической организации начала 1870-х годов, имевшей отделения в Москве, Петербурге, Одессе и Киеве. В воспоминаниях Морозова она фигурирует как «Большое общество пропаганды». Более традиционно название «чайковцы», идущее от фамилии одного из членов кружка, ведавшего его внешними сношениями, – Н. В. Чайковского.

Н.А. Морозов затруднялся отнести «чайковцев» к какому-либо одному определенному направлению народнического движения. По-разному характеризуют кружок и современные исследователи. Внутренняя жизнь этой организации, синтезировавшей в себе различные тенденции в народничестве, была самобытна. В записке, составленной П.А. Кропоткиным, «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», принятой после обсуждения и соответствующих исправлений в качестве программы, нашли отражение элементы и бакунизма, и лавризма. Программа утверждала анархический идеал будущего общества; политических требований в ней не выдвигалось. Однако сам путь подготовки революции мыслился не по-бакунински. Для М.А. Бакунина это был путь боевой, «бунтовской», состоящий в том, чтобы поднять крестьян на революцию, не тратя времени и сил на пропаганду. Народ мыслился готовым к революции в силу «нищеты и рабства примерного», порождающих в нем протест, развивающих его революционный инстинкт. В России, по убеждению Бакунина, «народ находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню». Задача революционеров состояла в том, чтобы «поднять разом все деревни». «Чайковцы» же исходили из того, что «дело всякой революционной партии – не вызвать восстание, а только подготовить успех готовящегося восстания». Эта *подготовительная* деятельность мыслилась как самая серьезная организационная и пропагандистская работа в народе. Думается, в этом правильнее увидеть не только воздействие учения П.Л. Лаврова, но и результат внутренней работы кружка. Да и анархистские тенденции в программе «чайковцев» вряд ли стоит рассматривать исключительно как результат влияния Бакунина. Его основной программный документ – «Прибавление “А” к книге “Государственность и анархия”» – начал распространяться в России с осени 1873 г., тогда же и была принята в качестве программы записка П.А. Кропоткина. Объективные закономерности развития народничества неизбежно приводили к сходу программ действующих революционных организаций с разными направлениями в

идеологии крестьянской демократии. Ни одно из них не смогло воплотиться в этих программах в чистом виде.

Задачам пропаганды служило налаженное «чайковцами» «книжное дело» – издание и распространение запрещенной и «хорошо подобранной тенденциозной легальной литературы», способной служить теоретическому просвещению интеллигенции, а также и рабочих с целью подготовки из этих последних пропагандистов для деревни. К такой литературе «чайковцы» отнесли произведения К. Маркса и П.-Ж. Прудона, Л.И. Герцена и Луи Блана, Н.Г. Чернышевского и В.В. Берви-Флеровского, А.Н. Радищева и Н.В. Соколова, Н.А. Добролюбова и П.Л. Лаврова.

Основные положения программы «чайковцев», с которыми Морозов познакомился на собраниях в квартире О.Г. Алексеевой, были ему понятны и близки: он уже отчасти был подготовлен к их восприятию чтением революционных изданий и демократической журналистики. Однако некоторые из них, в частности понимание соотношения науки и революции, настораживали и вызывали на спор. Призывы «забыть все, чему нас учили, и искать обновления в среде простого народа», которые пришлось услышать от некоторых из новых знакомых, уже попадались ему в нелегальных изданиях. Морозов только ошибочно приписывает их Лавровскому «Вперед». Как раз в двух первых книжках «Вперед!» за 1874 г. была помещена статья П.Л. Лаврова «Знание и революция», отстаивавшая мысль, что «знание есть основная сила подготовляющейся революции». Возможно, спор на собраниях у Алексеевой о роли науки и поднялся в связи с этими статьями, оживленно обсуждавшимися в народнических кружках весной 1874 г. Вряд ли правильно считать, что позиция Лаврова резко расходилась со взглядами большинства участников движения этого периода. Отстаивавший значение науки Морозов сразу же был поддержан С.М. Кравчинским и другими «чайковцами». Алексеева объясняла, что, выступая против науки, многие имеют в виду лишь науку официальную, казенную. Однако основание для подобных дискуссий было.

Нигилистический взгляд на знания получил отражение в той части «Записки» кн. П.А. Кропоткина, которая посвящена устройству будущего общества и (как не столь актуальная) обсуждалась с меньшим вниманием, менее подверглась правке. В «Записке» говорилось о нежелательности выделения в послереволюционном строе класса умственной интеллигенции наряду с демократией черного труда. Высказывался взгляд на целесообразность закрытия университетов и открытия вместо них школ-мастерских, которые, устранив ненужный балласт бесполезных знаний, ускоренными приемами будут готовить работников, одинаково способных к умственному и физическому труду. Так что Морозов столкнулся с недооценкой роли науки у своих новых товарищей.

«Воробей»

Часть вторая

«Воробей»

Некуда деться от муки и боли!..
Порча какая случилась, что ли,
Желчь ли во мне разлилась в эту ночь?
Право, не знаю!.. Но только невмочь!
Против любимой недавно отчизны
Льются из сердца слова укоризны...
Русская жизнь! Из веков темноты
Как неуклюже сложилась ты!..
Русский радетель о благе народном!
Мнишь ты народ и нагим и голодным,
Только причины несчастий не те:
Горе в духовной его нищете!
Скуден народ наш не кровом, не пищей!
В слабости знаний его гноевище,
Косность властей и беспечность глупцов
Создали целое племя рабов.
Русская мысль! Ты была беззаступна,
Творчества радость рабу недоступна,
Раб променяет тебя на мошну,
В знаньи увидит наживу одну!
Ты же в низину сошла с пьедестала,
Править собою слепых призывала,
И среди русской огромной земли
Труженик мысли валялся в пыли!
Что ж ты не свергнешь кумиров из глины?
Мира не сдвинут твои властелины,
Узки умы их и тесны сердца,
И не создашь ты вождя из слепца!
Русская мысль! Разверни свои силы!
Вызови жизнь из гниенья могилы,
Некогда плакать, не время стонать:
Надо ошибки отцов поправлять!
Встаньте ж, грядущего верные стражи!
Мыслью свободной развеите миражи,
И, обездоленных братьев любя,
Люди идей, уважайте себя!

Глава I

В НАРОД!

Поезд приближался к границе Швейцарии. Николай стоял у вагонного окна и с восторгом смотрел на прибрежные холмы Рейна, развалины старинных замков, завораживающие вершины Альп...

Прошло всего три недели с того момента, как он покинул заснеженный Петербург в самый разгар зимы. А здесь время как бы пошло вспять. Пока ехали по Германии на запад, а потом на юг, он попадал сначала в позднюю осень, потом – в раннюю, нынешним же солнечным утром, когда показались отдаленные вершины Швейцарских гор, он въехал в лето. Кругом зеленели луга с уцелевшими кое-где предосенними цветами, и деревья еще сохранили листву. Это неожиданное движение вспять вызвало в памяти события последнего года, которые, развиваясь со стремительной скоростью, привели его к эмиграции – как Герцена, как Бакунина, как Огарева, как Лаврова. Теперь он тоже изгнанник, борец за гражданскую свободу, вынужденный покинуть Родину.

Кончался апрель 1874 г. Николай стал самым ревностным учеником сапожной школы-мастерской и в качестве «выпускного экзамена» сшил маленькие полубашмачки из козловой кожи для своей обожаемой

Липы, подтвердив тем самым свое умение в только что освоенном ремесле сапожника. Это оказалось единственным произведением, попавшим из их сапожного предприятия на человеческую ногу. Мастерскую пришлось закрыть по причине ее бесперспективности и слабости связи между шитьем сапог и освобождением человечества.

Липа Алексеева

К этому времени он уже недели три жил, как птица поднебесная, не имея ничего своего и никакого определенного местопребывания. Ночевать приходилось большей частью в квартире Алексеевой, на стульях или на ковре в том самом памятном зале, куда его привели в первый раз. Вместе с ним постоянно ночевали Саблин, Кравчинский, иногда Шишко и человек пять-шесть посторонних, направляющихся из Петербурга в народ. В этом стихийном ночном клубе иногда до рассвета дебатировались различные политические вопросы.

После закрытия мастерской товарищи предлагали ему на лето остаться в Москве, чтобы вместе с Алексеевой служить центром связи

всех ушедших в народ. Такое предложение объяснялось тем, что он еще не был на учете у полиции как неблагонадежный и большими знакомствами. Пришлось руками и ногами отбиваться от ужасной перспективы не быть вовлеченным в рискованные мероприятия, которые рисовались его воображению. Морозов уговорил отправить его «на дело». Но помимо романтической стороны этого дела, была и вполне рациональная.

Николай стремился «в народ», чтобы получить представление о тех, кто составлял подавляющее большинство населения страны, из личных впечатлений, а не из рассказов других. К тому же он не хотел быть просто наблюдателем. Хорошо бы самому попробовать оказаться в их шкуре и попытаться понять строй их мыслей, чтобы оценить, насколько можно на них рассчитывать в предстоящей трудной борьбе за свет и свободу. Ну а проповедь новых общественных и политических идей – это как бы необходимое приложение к его плану. Если его друзья считают, что так надо, то следует попробовать, а когда накопится собственный опыт, можно будет внести и свои предложения.

В напарники ему предложили его тезку, студента-медика Николая Александровича Саблина, который был на четыре года старше него.

В начале мая два Николая, переодетые в рабочих, с фальшивыми паспортами (у Морозова он был выписан на имя Семена Вахромеева) прибыли в Даниловский уезд Ярославской губернии, в усадьбу Потапово, расположенную рядом с большим торговым селом Вятское.

Пропаганда велась здесь уже с 1872 г. под руководством самого помещика Александра Ивановича Иванчина-Писарева. Это был талантливый и хорошо известный в революционной среде и журналистике человек лет двадцати пяти. В дальнейшем оказалось, что он, как и Николай, увлекался геологией.

Хозяин усадьбы был предупрежден об их приезде. Он должен был помочь гостям в проведении политической пропаганды среди окрестных крестьян. Увидев Николая, Иванчин-Писарев рассмеялся:

– Напрасно думают, что для деятельности в народе нужно непременно одеться мужиком. В своей среде крестьяне слушают с уважением только стариков да отцов семейства. Если же молодой, неженатый и, особенно, безбородый человек начнет проповедовать им новые идеи, его только высмеют и скажут: «Что он понимает? Яйца кур не учат». Совсем другое, когда человек стоит несколько выше их по общественному положению, – такого человека будут слушать со вниманием.

Так Николай получил первый урок работы в народе.

В Потапове уже работали столичные гости Д.А. Клеменц и И.К. Львов, а также жившие в селе Вятском акушерка М.П. Потоцкая (получившая образование в Цюрихе) и врач П.П. Добровольский. Позднее приехала Липа Алексеева. Образовалась своеобразная революционная колония.

Писарев был рассудительным, практичным человеком. Дело пропаганды в его имени было поставлено на широкую ногу. И результаты

этой деятельности постепенно стали приобретать в глазах Николая все более и более грандиозные размеры.

В Потапове была открыта школа для крестьянских детей, работала столярная мастерская, в которой вел пропаганду сам Иванчин-Писарев. В лавках, устроенных в селе Вятском, раздавались вместе с разным товаром книги для народа. Распространяли их и сами крестьяне, из среды которых уже появились «самостоятельные внушители». Десяток рабочих-крестьян, с которыми познакомился Николай, жили по различным деревням волости и служили как бы опорными пунктами для проведения в народ новых общественных идей. Для одного из них Писарев выхлопотал у начальства разрешение быть книгоношей, т.е. ходячим продавцом по деревням народных изданий. Вверху его короба лежали различные божественные книжки, а внизу — вся запрещенная литература, разносившаяся пропагандистами в это лето и в других областях России. Николая особенно смешило тогда, что на внутренней стороне обложек у всех светских революционных изданий было напечатано «Одобрено цензурой», а на книжках псевдорелигиозного содержания красовалась надпись «С благословения святейшего синода».

В апреле сюда из Москвы привезли типографский станок и создали нелегальную типографию для выпуска пропагандистской литературы. Беседы с крестьянами на общественные темы заводились при каждом удобном случае — о земле и о непосильных платежах, о царе и местных сельских властях. На гуляньях шли в ход переделки народных песен, высмеивающие существующие порядки.

К тому моменту, когда Морозов с Саблиным приехали в Потапово, главная работа в этой местности казалась законченной. Через две-три недели пребывания там его начали мучить сомнения: «Для чего я здесь живу? Что я могу прибавить к тому, что уже сделано? Стоило ли ради этого бросать все?» Романтическая сторона его души, жаждавшая опасности и приключений, снова заговорила в нем. И товарищи нашли ему стоящее дело.

В двенадцати верстах от Потапово в совершенно глухой местности, среди болот и лесов, находилась староверческая деревня Коптево. Морозову предложили одному вести здесь пропаганду. Чтобы иметь официальное прикрытие, он решил поступить в ученики к кузнецу. Эту специальность он выбрал, вспомнив своего деда-кузнеца. Сочинили легенду, согласно которой он сын московского дворника, бывшего крестьянина, вырос в Москве, учился три года в городском училище. Весной его родители умерли от тифа, и он остался без всяких средств к существованию. Теперь хочет выйти в кузнецы...

Он овладевал кузнечным ремеслом в маленькой закоптелой кузнице при дороге у въезда в деревню. Здесь же в конце дня он вел неспешные беседы с крестьянами, собиравшимися у кузницы из-за любопытства к новому человеку, появление которого было большим событием

в этой глухой деревне. Предметы их обсуждений были чрезвычайно разнообразны, но большей частью философского характера. Распространять книжки здесь не пришлось из-за почти поголовной неграмотности.

Работал новый ученик старательно. Так старательно, что хозяин кузницы долго вспоминал приключившуюся с ним историю.

Однажды, когда они вместе сваривали шину, кусок раскаленного железа заскочил Николаю в сапог. Страшная боль пронзила ногу.казалось, что было слышно, как огненная горошина с шипением входит в тело. Но Николай даже не показал виду, а продолжал как ни в чем не бывало размеренно бить молотом по горячей заготовке. Только когда работа была окончена, он отошел в сторону, снял сапог, и изумленный кузнец увидел прожженную кожу на ноге ученика.

В деревне вновь вспыхнуло его увлечение ботаникой и геологией. И Николай, откликаясь на ту любознательность, с какой крестьяне отнеслись к собиранию им растений, устроил для них популяризацию начал естествознания.

Здесь, в Коптеве, Морозов получил второй урок работы в народе. На предложение о том, чтобы взять власть народу в свои руки, рассудительные крестьяне ответили:

– Как же это сделать? У начальства сила, а у нас все врозь. Никто другого не поддержит, все разбегутся...

– Да, так и будет, – подумал про себя Николай, – уж слишком темен и забит народ.

Николай все больше и больше убеждался, какой же это огромный бич – безграмотность. И безграмотность не только крестьян, но и большинства прочих членов общества. Ведь безграмотность – это не просто неумение писать и читать, это и неумение думать самостоятельно, слепое следование устоявшимся стереотипам и предрассудкам. И вот какой случай привел его к этому убеждению.

Летом того же 1874 года, скрываясь от слежки, он вместе с Алексеевой уехал в Курскую губернию к одному либерально настроенному помещику, который хотел поближе познакомиться с революционерами. И здесь, на другом уровне, проявилось то, с чем он уже столкнулся в крестьянской среде, где со вниманием слушали либо людей пожилых, либо стоящих выше по социальному положению. В доме приютившего их помещика к познаниям Николая, а следовательно, и к нему самому, относились с большим предубеждением. Разве может столь несолидный и не имеющий официальных дипломов молодой человек знать больше хозяина? В результате он с горечью отметил, сколь трудно получить признание среди обычного малообразованного общества. Когда Морозов излагал свои взгляды специалистам в естественных науках, те живо интересовались его идеями. Почувствовав, как он со смыслом и пониманием произносит специальные термины разрабатывае-

мых ими наук, рассуждает о новейших и старых теориях, ученые сразу же забывали о его молодости и недипломированности и начинали говорить как с равным. Но стоило заговорить о научных проблемах с людьми, считающими себя средне образованными (на самом деле – слабо образованными), старшими по возрасту, как его переставали слушать, заявляя:

– Нам не интересно знать Ваше мнение. Важно, что думают по этому поводу серьезные ученые.

Чем же такое общество отличается от простого народа? Его также надо воспитывать и образовывать. Это не меньший, чем темный народ, тормоз на пути к светлому будущему. Трудно быть пророком для таких людей, которым диплом дороже подлинного знания, научная работа, признанная «специалистами», важнее нового слова в науке... Из этого следовал вывод: главная задача, которой нужно посвятить жизнь – нести людям знания и бороться с ограничениями, мешающими решению этой задачи.

В Коптеве ему удалось прожить очень недолго. Крестьянин Тимофей Буков, недовольный, что его сын, в ущерб собственному хозяйству, работал в столярной мастерской, донес на пропагандистов начальству. Так он решил вернуть сына, а заодно и нажиться на доносе на хозяина усадьбы Потапово (так как считал, что за донос ему непременно должна перепасть часть имущества опального помещика). Он сообщил властям об обстановке в имении. В середине июня 1874 г. были арестованы Добровольский и Потоцкая. Но Иванчин-Писарев, Клеменц, Саблин и Львов успели уехать в Петербург. В имении остались лишь не успевшая уехать Алексеева и жена Писарева с малолетними детьми, против которой не должно было быть обвинений, так как в делах мужа она не принимала деятельного участия. Тем не менее, их вскоре взяли под домашний арест.

Морозова предупредили о провале. Но бежать, не попытавшись выручить арестованных дам, казалось ему совершенно немыслимым. Он вспомнил, как в детстве, начитавшись Майн Рида, искусно пробирался в траве ползком куда угодно, пугая взрослых неожиданностью своего появления. «Нужно пробраться в Потапово по способу краснокожих, а там увидим, что делать», – решил он. Так и получилось. Пробравшись ночью в дом, охраняемый полицией, он предложил свою помощь и, убедившись, что таковая не требуется, так же незаметно покинул опасное место. В течение двух дней, скрываясь в лесах, Николай пробирался к железной дороге. Приблизившись к станции, он дождался первого поезда, быстро вошел в здание вокзала, взял билет и, прыгнув в отходящий вагон, уехал в Москву.

Здесь его ждало неприятное известие, полученное через Печковского. Вскоре после отъезда Морозова из Москвы было произведено

несколько арестов, и в ходе следствия кто-то назвал его имя как человека, уже давно занимающегося пропагандой среди учащихся. Жандармы тотчас же явились в гимназию и забрали оттуда все его документы. Узнавший об этом попечитель Московского учебного округа князь Н.П. Мещерский немедленно распорядился исключить Морозова из числа учащихся 2-й Московской классической гимназии без права поступления в какое бы то ни было учебное заведение России. Как тогда говорили, его выгнали с «волчьим билетом». Законоучитель произнес пред общим собранием гимназистов громовую речь против разрушителя государственных устоев. Но эта речь, как говорили потом Николаю, возымела обратное действие, вызвав всеобщее сочувствие к молодому социалисту.

Много позже Николаю стало известно, что в это же время отец, обеспокоенный его отсутствием (сын должен был приехать домой на каникулы), сам приехал в Москву и здесь узнал обо всем. По-своему любя сына и считая, что мальчик стал жертвой хитрых жожаков-нигилистов, вербующих неопытную молодежь для осуществления своих темных целей, Щепочкин отправился к Слезкину – представителю Третьего отделения в Москве. Последний, принимая во внимание немалое состояние просителя и его вес в обществе, обещал посмотреть на деятельность Морозова сквозь пальцы, если тот сам придет с повинной. Но... все это стало известно много позже. Тогда же Николай узнал лишь то, что отец был в Москве и теперь все знает...

В какой-то степени отец сам способствовал тому, что случилось. Рано оставшийся сиротой и предоставленный самому себе, Щепочкин довольно спокойно относился к тому, что и сын с четырнадцати лет будет вести самостоятельную жизнь в Москве. Но даже если бы Николай жил в Москве с родителями, он вряд ли остался бы в стороне от тех больших дел, которые затронули очень многих молодых людей того времени. Возможно, это произошло бы чуть позже, после окончания гимназии или во время учебы в университете...

Так сами собой порвались все нити, связывавшие его с прошлой жизнью. Все, кроме одной.

Отдавшись революционной деятельности, он все-таки не сумел полностью отрешиться от былых научных увлечений. Он постоянно размышлял на разные научные темы. И иногда это приносило пользу для его новой деятельности.

Как-то ему поручили проверить, не арестовали ли товарищей из Петровской земледельческой академии. Достигнув Москвы-реки, Морозов не удержался и спустился по обрывистому берегу, чтобы посмотреть, нет ли там каких-либо редких окаменелостей. Но тут же сдохнул: «Зачем я это делаю?» И вдруг мелькнула шальная мысль, что окаменелости послужат прекрасным прикрытием в предстоящей не-

безопасной вылазке. Теперь можно будет спокойно подойти к нужному месту. Если кто-нибудь заподозрит неладное, можно будет достать свои окаменелости и сказать, что он ищет такие же для научной коллекции. Так и получилось. Сделав вид, что занят собиранием камней, он все разведal, не вызвав ни у кого подозрения, и спокойно вернулся в Москву.

В другой раз, во время путешествия по Воронежской губернии, фантазия увела его от преследователей... на дно речки. Ведь если использовать небольшую соломинку, то можно сидеть под водой сколько угодно. А еще лучше всегда носить с собой гуттаперчевую трубку с поплавком на конце. Да с таким устройством можно будет ходить по дну! Только в воде плохо видно, потому что в воде преломление света глазом становится существенно меньше. Но если сделать выпуклые очки, то можно избавиться от этого недостатка. А если еще сделать для рук перчатки с перепонками, как у утки, то можно будет отлично плавать под водой... Он все дальше и дальше удалялся от первоначальной мысли о спасении от преследования, с которой началась эта причудливая цепочка...

Безудержная фантазия бросала его из одной стихии в другую. Однажды, дожидаясь Алексееву у нее на квартире, он раскрыл номер тогдашнего научного журнала «Знание» и тут же увлекся переводной статьей о полете насекомых. В статье говорилось о том, что крыло всегда движется под углом к направлению движения насекомого, наподобие винтовых поверхностей. И в голове уже возникли проекты о возможности полета человека на крыльях, устроенных подобным образом. А еще лучше — сделать устройство, состоящее из двух винтов, надетых на одну ось и вращающихся в разные стороны. Это сооружение можно было бы использовать для подъема вверх вместо воздушных шаров... Дальнейшие размышления о перспективах воздухоплавания были прерваны приходом Алексеевой.

Мечтая, он всегда оставался естествоиспытателем. И он считал, что занятия наукой были отложены лишь до поры до времени. Уйдя на нелегальное положение, он сложил все свои записи в небольшой сундучок и отдал на хранение одному из гимназических товарищей. Надо ли говорить, как глубоко поразила его дальнейшая трагическая судьба этих документов!

Вернувшись в Москву, Морозов узнал, что товарищ сжег все его бумаги. Ему показалось, что под окнами ходят какие-то подозрительные люди, похожие на шпииков, а это означало, что в доме возможен обыск. Товарищ испугался... Николай был потрясен. Ведь в этой шкапулке находились только научные работы, и товарищ был с самого начала предупрежден об этом. В огне погибли все его юношеские размышления о сущности человеческого сознания, о строении Вселенной и о возникновении жизни. Было несколько совсем готовых статей по общим естественнонаучным вопросам, наблюдения жизни и нравов

диких и домашних животных, описание научных экскурсий в окрестностях Москвы и Борка, были различные заготовки для будущих статей... Да товарищ, пожалуй, и не виноват. Виновато правительство, которое заставляет людей опасаться наказания лишь за то, что они видели опального Николая Морозова и не донесли на него...

Не успел он еще освоиться в Москве после деревенских приключений, как получил сообщение о том, что его работой довольны и рекомендуют в члены тайного революционного общества, самого большого и деятельного из существующих теперь в России обществ. Радость была огромна. Опять всплыли романтические мечты юности, навеянные романами о карбонариях – членах тайного революционного общества Италии. В воображении уже мелькали ночные собрания тайного общества в горных пещерах, переправа через границу оружия для водворения в стране республики, вызволение товарищей из неприступных темниц, лихие вечера у лесных костров вместе с ватагой единомышленников... Но все оказалось совсем не так.

В назначенный день и час он с трепетом вошел в подъезд дома неподалеку от Арбатской площади. Поднявшись на второй этаж, он постучал в единственную на этой лестничной площадке дверь. Что ждет его за ней, какие испытания перед приемом? Быть может, как у масонов, чтобы проверить твердость духа? Успокаивало только одно: раз в обществе есть члены, которые также должны были пройти через эти испытания и прошли, значит, в испытаниях нет ничего сверх физических возможностей человека, а раз так, то и он их пройдет.

Но заветная дверь открылась, и его встретил широко улыбающийся... Сергей Кравчинский. Он радостно обнял Николая. В комнате, где заседало общество, за исключением нескольких лиц, не было никого ему не известного. Морозова познакомили с программой, уставом и историей общества.

Общество имело своей целью подготовку государственного и общественного переворота. Сначала предполагалось подготовить общественное мнение, а потом, с оружием в руках, осуществить сам переворот.

Все началось с нескольких петербургских студентов, которые решили наладить в России издательство книг для борьбы против предрассудков и суеверий во всех смыслах. Было это в конце шестидесятых годов. Для начала они взяли книги, которые были изданы легально, но плохо расходились. Например: «О равноправии женщин» Милля, «Азбука социальных наук» Флеровского, «Эмма» Швейцера, произведения Дарвина, Фохта и т.д. Так, о книге Флеровского «Положение рабочего класса в России» К. Маркс в письме к членам русской секции I Интернационала от 24 марта 1870 года писал: *«Это настоящее открытие для Европы... Это – труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художни-*

ка и прежде всего человека, возмущенного против гнета во всех его видах...» Договорившись с издателями, члены этой группы отправили книги на периферию со студентами, разъезжавшимися домой на каникулы. Литературу очень легко удалось распространить и рассчитаться с издателями. Дело пошло так хорошо, что многие издатели стали открывать обществу кредит до 1000 рублей и более. Так быстро образовался сбыт хороших книг, благодаря чему почти у каждого интеллигентного человека можно было найти эти издания.

Позже в общество был принят Н.В. Чайковский. Он очень активно включился в его деятельность и очень скоро возглавил центр, через который, главным образом, шла вся работа. Общество стало называться обществом «чайковцев», и это название сохранилось за ним даже теперь, когда сам Чайковский эмигрировал в Америку.

Согласно уставу общества, в крупных городах должны были функционировать его кружки. Но пока они существуют лишь в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. Центральный кружок — петербургский, он самый большой и деятельный. Все члены общества были равноправны и избирались каждым кружком самостоятельно, однако, если у других кружков нет возражений. Членом мог стать лишь тот, за кого проголосовали все, ибо, в случае опасности, общество должно быть уверено в каждом члене. Капитал общества состоял из добровольных пожертвований его членов, отказавшихся от частной собственности. К моменту вступления Морозова он составлял полмиллиона рублей. О финансовом положении общества вновь избранным сообщалось специально, чтобы при обсуждении различных мероприятий они знали, на что могут рассчитывать.

Николай тут же получил первое поручение от общества, суть которого сводилась к следующему.

Учащиеся Первой классической гимназии образовали у себя научное общество, подобное созданному в свое время Морозовым. Однако его руководитель, некто Карелин (будущий известный профессор Московского университета), не признавал ничего, кроме эстетики и искусства. Поэтому весь кружок, к большому сожалению наблюдавших за ним «чайковцев», мало интересовался насущными политическими проблемами. Морозову, как близкому по возрасту и уже знакомому с такого рода работой, предложили повлиять на этих ребят. Понятно, что подобное задание не вызвало у Николая особого энтузиазма, так как шло несколько вразрез с его представлениями о героической деятельности тайного общества. Но не смея подвести доверявших ему людей, он стал главой нового московского кружка, поставившего своей целью распространение революционных идей среди учащихся средних учебных заведений. К этому кружку он вскоре присоединил и свой прежний, бывшее «Тайное общество естествоиспытателей». Они собрали в разных местах с тысячу книг и устроили общественную библиотеку. Тог-

да это считалось лучшим средством для привлечения к движению наиболее активной в умственном отношении части молодежи.

Однако из-за летнего времени, число членов его кружка, оставшихся вблизи Москвы, с каждым днем становилось все менее и менее. Тоска бездействия начала овладевать Николаем.

Во время вынужденных каникул он решил еще раз сходить «в народ», пройти пешком от Курска до Воронежа. На этот раз он решил действовать один. Путь подсказал товарищ по гимназии А. Мокрицкий (сын известного в то время художника, ученика К.П. Брюллова). Когда он жил в качестве домашнего учителя в имении на границе Курской и Воронежской губерний, то обратил внимание на одного интересного местного крестьянина, у которого можно попытаться устроить опорный пункт для революционной деятельности в окрестностях. Эту идею следовало проверить.

Но и это, второе, хождение в народ принесло много разочарований.

Книги, приготовленные для раздачи крестьянам, у него никто не брал из-за катастрофически малого количества грамотных. А если брали — то для раскуривания. «Уж больно бумага хорошая», — в порыве откровенности высказался один крестьянин.

Не раз ему пришлось столкнуться с бесчестным отношением крестьян друг к другу. Причем понятие чести у них забавно трансформировалось. Крестьянин считал бесчестность злом, если она применялась к нему самому, и не считал таковым, когда это происходило с другими или он сам был автором бесчестного поступка.

Как-то за обед, стоивший гривенник, хозяйка корчмы взяла с Николая 20 копеек, а вместо сдачи стала кричать на него и выталкивать вон. Сидевшие рядом крестьяне со смехом наблюдали за этой сценой, в душе одобряя хозяйку за оборотистость. В то же время один из этих крестьян громко возмущался своим приятелем, который взял у него целые сапоги, а вернул с дыркой. Эти же крестьяне с восторгом рассказывали, как они брали у своего барина взаймы деньги, когда тот прогуливался по своим угодьям в компании женщин и считал неудобным в подобных условиях отказать в просьбе. Теперь барин разорился, но никто из крестьян не собирался отдавать долги. Сожалели лишь о том, что мало заняли.

В этот же раз Морозов узнал об отношении крестьян к земле. Судьба свела его с одной компанией, ехавшей делить купленную землю. Наслушавшись в Москве разговоров о том, что крестьяне даже не представляют себе, как это земля, созданная богом для всех, может быть частной собственностью, Николай спросил мужиков, зачем они собираются ее делить, ведь обрабатывать вместе сподручнее. Ответ был прост:

— Запасись сначала сам землей, а тогда поймешь, что значит обрабатывать ее вместе. Земля всегда должна быть чья-то. Ничья она там, где никто не живет.

А вот, например, формула отношения крестьян к Богу: «Если Бога нет, то немного времени пропадет на молитвы, а если он есть, то воздаст сторицей».

Николаю становилось ясно, что все виданное здесь мало годилось для осуществления затеваемого ими нового строя, основанного на всеобщем равенстве и братстве. Но, несмотря на разочарование в основной цели путешествия, новый своеобразный мир, открывшийся перед ним не где-нибудь в Тибете или Туркестане, а внутри собственной страны, невольно увлекал его на дальнейшие исследования, как увлекали до тех пор астрономия, геология, физика и другие науки. Казалось, что происходящее кругом много интереснее всякой сказки. Он действительно находил в крестьянах много оригинального, такого, чего не замечал в них в своем прежнем, привилегированном положении.

За две недели он наколесил около 300 верст. Встретился и с крестьянином, о котором говорил Мокрицкий. С ним удалось договориться о помощи революционерам, если те придут к нему. В Москву он вернулся в начале июля 1874 г. уже с некоторым опытом. Но общее впечатление об этом путешествии у него осталось как о неудачном.

В Москве мнение об этом путешествии было иным. Его считали героем, который, переодевшись рабочим, прошел триста верст пешком на глазах недремлющих властей да, кроме того, нашел опорный пункт для будущего восстания. По «Даниловскому делу» он разыскивался полицией. Для людей, далеких от периферии, его поход по глубинным губерниям по своей трудности и опасности казался равносильным путешествию в Центральную Африку. Один из друзей, восхищенный его деятельностью, даже посвятил ему большое стихотворение под названием «Пропагандист» с посвящением «Н. А. М.». Вот небольшой фрагмент из него:

Простота в небогатом наряде,
Блеск ума и развития в очах, –
Все черты несдающейся силы,
Неспособной пассивно страдать...

Это событие так поразило Николая, что он несколько дней находил-ся под впечатлением и в результате обнаружил, что и у него слова стали складываться в рифмованные фразы:

То не ветер в темном лесе над вершинами гудет,
То не волны на побережье буря по морю несет,
То идет толпа народа, по пути она растет
И о воле, о свободе песнь призывную поет:
«Собирайтесь, ребята, вместе с нами заодно,
Уж настало время сбросить рабства тяжкое ярмо!
Мы навстречу угнетенью темной тучею пойдем,
Нашу волю дорогую мы добудем и умрем!»

Или еще:

Нет, друзья, не вернется обратно,
Что бывало лет триста назад,
Время бунтов прошло безвозвратно,
Наступила пора баррикад...

Так вместе с рождением революционера произошло рождение поэта.

В Москве продолжались аресты, и товарищи отправили Морозова и Алексееву в середине июля в имение Леонтьевых в Кашкино Курской губернии. Убежище это нашел для них Сергей Кравчинский через профессора Петровской земледельческой академии – родственника и однофамильца хозяев имения. Пробыли они здесь около месяца – до 13 августа 1874 г. Местные власти заинтересовались гостями, и предупрежденные об этом Морозов и Алексеева решили ускорить отъезд. Едва они уехали, как в имении был произведен обыск, а хозяева имения Леонтьевы привлечены к следствию по делу о пропаганде в империи.

Позже друзья рассказывали Николаю о том, какое мнение сложилось о нем у Леонтьевых. Морозов казался им просто мальчишкой. Увлеченно удил рыбу, вечерами бегал по саду, обрывая яблоки. Обратили они внимание и на полудетскую влюбленность в Алексееву. По первому знаку Олимпиады Григорьевны он мог залезть на высокую сосну и сидеть там, «как ястреб». Справедливости ради они отметили удивившее их несоответствие в его поведении. Столь безалаберный, по их мнению, мальчишка часами корпел над книгами, что-то писал (по его словам, статью). Видели у него на столе учебники (он говорил, что готовится к экзаменам).

Николай, Липа и навестивший их накануне Сергей Кравчинский уехали из Кашкина вместе. В Курске они расстались. Николай поспешил в Москву, а Кравчинский и Алексеева поехали далее на юг. Разыскиваемая, как и Морозов, по «Даниловскому делу», Алексеева некоторое время скрывалась в имении матери в Тамбовской губернии, но это ее не спасло. Вскоре она была арестована.

По приезде в Москву Морозов решил написать письмо отцу. Он писал, что не приехал на каникулы, так как не сдал экзаменов, ему было стыдно ехать домой, и поэтому он нанялся репетитором, чтобы зарабатывать на жизнь, и уехал сначала в Серпухов, а затем в Курскую губернию. Просил известить его о том, как живут сестры, брат и мамаша, на адрес их московской знакомой А.И. Раевской, по которому он обычно получал из дома письма и деньги. Ответа от отца он не получил, и это его расстраивало.

Несколько отвлекло его от грустных мыслей предложение Кравчинского заняться подготовкой освобождения из тюрьмы Ф.В. Волховского. Морозов разработал блестящий план побега, проявив присущую ему фантазию. Но в самый разгар подготовки Волховского нео-

жиданно перевели в Бутырский замок. Весь труд оказался напрасным, так как это место было для побега более трудное и требовало иной подготовки.

Близкий «чайковцам» студент Московского университета И.А. Устюжанинов, предчувствуя близкий арест, попросил Николая заменить его в качестве руководителя рабочего кружка. Цель кружка состояла в подготовке из рабочих пропагандистов для деревни: соответственно и строились в нем занятия. Особое внимание он рекомендовал обратить на рабочего Ивана Союзова, весьма образованного и оригинально мыслящего молодого столяра. Вскоре Устюжанинова арестовали, и весь кружок, вместе с Союзовым, по наследству перешел к Морозову.

Николаю было интересно познакомиться с рабочими поближе. Друзья относились к ним несколько пренебрежительно, считая их крестьянами, покинувшими свою среду и потерявшими в результате этого большое количество народных традиций.

Но пропаганда среди рабочих его мало удовлетворила. Три–четыре крошечные книжки, составлявшие весь революционный репертуар того времени для народа, он прочитал своим ученикам за неделю, но потребности пробужденного гражданского сознания остались неудовлетворенными. Ведь нельзя же было каждый вечер подряд перечитывать, как евангелие, одну и ту же «Сказку о четырех братьях» Тихомирова да брошюру Шишко «Чтой-то, братцы, плохо живется народу на святой Руси», да еще составленный Клеменцом народный песенник в шестнадцать страничек. А рабочему хотелось знать и о звездах, и о солнце, и о луне, и о чужих странах, и о порядках в них! И «преступная пропаганда» очень скоро свелась к простым школьным занятиям, на которых изучалась география, история, этнография, космография. И это тайный кружок! Морозов высказал свои сомнения товарищам:

– Не было бы эффективнее, если бы всем этим, вполне легально, занимались школьные учителя?

– Что же делать, если правительство не разрешает школ для обучения рабочих легально, приходится обучать их тайно, с риском для собственной жизни, – ответили ему.

– А не лучше ли, в таком случае, низвергнуть правительство, считающее народное образование опасным для себя? Ведь при нормальных условиях народными учителями за десятилетие будет сделано то, чего мы не сделаем за всю свою жизнь...

На него зашумели:

– Это уже было во Франции. После революции пришла контрреволюция, и все стало еще хуже, чем прежде. Рассчитывать на горстку интеллигенции – неправильный путь. Революцию должен поддержать народ. И его надо сначала подготовить, а уж потом думать о революции.

– Ну что же, – сказал Николай, – это очень важный вопрос. Я хочу еще раз сходить в народ, чтобы составить себе окончательное мнение

о возможности пропаганды в деревне. От этого будет зависеть тот путь, по которому я пойду дальше и который буду проповедовать.

Собравшиеся согласились. И Николай вместе с Союзовым, с которым он очень сдружился в рабочем кружке, в один из тусклых дней конца октября покинул Москву и отправился в сторону Троице-Сергиевой лавры. Идти решили в родную деревню Союзова Щелково, Московской губернии, Дмитровского уезда, Морозовской волости.

В этот раз Морозов оделся чернорабочим, чтобы еще больше сблизиться с крестьянами, так как обычные рабочие считались в народе своеобразной аристократией. Первым результатом такого переодевания оказалось то, что их никуда не пускали переночевать: одни боялись, а другие считали зазорным для себя пускать в дом такой серый люд. Им, как нищим, подавали кусок черного хлеба и отправляли дальше, не предлагая даже войти. Ночевать приходилось в лесу, прямо на первом сыром снегу. В Щелкове они появились в начале ноября. Встречены были крестьянами и местными сукновалами доверчиво и сочувственно.

На сходке сукновалов, устроенной в валяльне под видом вечеринки, друзья получили единодушное согласие поддержать восстание, если оно начнется. Подсчитывались имевшиеся в наличии охотничьи ружья, строились планы, как запастись оружием для всех сочувствующих восстанию.

Из Щелкова пришлось уезжать из-за доноса местного попа на подозрительное поведение приезжих. Слухи о появлении «внушителей» в деревне в разгар «хождения в народ» мгновенно поднимали на ноги местное начальство. Если в самом начале движения о подозрительных приезжих сначала разузнавали, выслеживали, к ним присматривались, то осенью 1874 г. их прежде всего хватали, а потом уж разбирались, кто они и в чем «повинны».

Пришлось бежать, оставив местным крестьянам свои книги. Николай заметил, что грамотных крестьян здесь было больше (Москва ближе!), и книги читали, а не изводили на сигарки.

Устроиться в каком-либо другом месте беглецам так и не удалось. Их всюду искали. Чтобы сбить с толку преследователей, Николай предложил ехать не к Москве, а в обратном направлении — в Ярославскую губернию. Его тянуло посмотреть на место работы их дружной революционной колонии в Даниловском уезде. Внешне все здесь оказалось спокойно, никаких признаков крестьянской активности. И все же какие-то следы их деятельности остались. Морозов ощутил их в разговорах мужиков о добром и справедливом барине, который «пострадал за народ».

Нашлись среди них те, которые не только помнили Морозова, но и захотели ему помочь — укрыть от местных властей, содействовать его делам. А ведь власти в уезде были настороже — не кончились розыски и преследования. Но встретились и крестьяне, утверждавшие, что «агитаторы» выступали против царя за то, что он уничтожил кре-

постное право. Николай легко обнаружил, что источником подобных слухов являлось местное начальство.

Остаться в Потапове Морозову, разыскиваемому по «Даниловскому делу», было рискованно, и спустя несколько дней друзья берегом Волги стали пробираться в Костромскую губернию. Здесь, в имении Шипова, они тайно повидались с П.Л. Иванчиной-Писаревой, которая жила тут у брата — хозяина поместья и красильного завода. Она отговорила их поступать на завод: слухи о пропагандистах встревожили Шипова, и за всеми новыми рабочими тщательно следил управляющий.

Николай и Союзов устроились в пильщики, но работу на лесоповале смогли выдержать лишь неделю. Крестьянская община, которой принадлежал лес, платила им по 7 копеек за сажень. А они при всем старании всего сажень и успевали заготовить, то есть свалить и очистить от сучьев. Заработанных денег едва хватало на самое скудное пропитание.

Сложные условия ночевки в лесу, пока они добирались до места, работа по колено в воде и очень тяжелая рубка леса на болоте — все это привело к тому, что Союзов заболел. Тогда было решено бросить эту работу, которая все равно не оставляла им ни времени, ни сил не только для пропаганды, но даже для простых бесед с крестьянами.

Пришлось срочно возвращаться в Москву.

На пути в Москву вновь зашли в Потапово, чтобы захватить типографский станок, зарытый в известном Морозову месте в лесу.

Ящик со станком взялся переправить в Москву верный распропагандированный крестьянин.

На этот раз Морозов ходил в народ с паспортом на имя Воробьева. В дальнейшем это стало поводом для появления партийной клички «Воробей» — в память о последнем хождении в народ. (Товарищи в шутку его иногда называли Орловым.)

Вернувшись в ноябре в Москву, Николай узнал, что аресты еще более обескровили организацию. При обмене мнениями с товарищами они согласились, что подготовка крестьян к революции — дело более сложное и длительное, чем это казалось им ранее.

Как много произошло за эти несколько месяцев! Еще недавно он был недоучившийся гимназист. Теперь он вернулся из деревни человеком, умеющим жать, пахать, косить, рубить дрова, валить лес, крыть крыши соломой, постигшим кузнечное, столярное и плотницкое ремесло. Теперь он и его товарищи не только понаслышке, не только из литературы знали о тяжести мужицкого труда, они на своем опыте, не со стороны, а «изнутри» постигали трудности крестьянской доли.

В ноябре 1874 г. Николая телеграммой вызвали в Петербург, где остатки «чайковцев» (Сергей Кравчинский, Дмитрий Клеменц, Дмитрий Лизогуб, Софья Перовская, сестры Корниловы и еще несколько человек) обсуждали ближайшие планы организации. Решено было вре-

менно послать за границу двух членов уже прекратившего существование московского кружка, Николая Морозова и Николая Саблина, для содействия создающемуся в Женеве революционному журналу для народа. Николая это известие обрадовало: оно сулило новое интересное дело, новые впечатления и встречи.

Из Петербурга Морозов, Н. Саблин и присоединившийся к ним член петербургского кружка «чайковцев» Н. Грибоедов отправились в декабре 1874 г. в Вильно к Арону Зунделевичу, рекомендательное письмо к которому дала близкая «чайковцам» А.М. Эпштейн. Восемнадцатилетний Зунделевич был организатором местного революционного кружка, сотрудничавшего с «чайковцами». Зунделевич сопровождал их из Вильно до прусской границы. Здесь его знакомые контрабандисты со знанием дела помогли революционерам внешне преобразиться. Соответствующие костюмы и приклеенные пейсы превратили русских интеллигентов-разночинцев в типичных для тех пограничных мест евреев-коммерсантов (Морозов же с его нежными и мелкими чертами лица был переодет еврейской девушкой). Переправившись через границу в 20 верстах к северу от Вержболова, они оказались в маленьком прусском городке Ширвиндте. Из Германии выехали в Швейцарию: Саблин и Грибоедов — в Берн, а Морозов — в Женеву.

И вот теперь он подъезжает к цели своего путешествия — Женеве. Захотелось подвести итог. Что же он вынес из своего хождения в народ?

Все, что он видел в народе, показывало, что если бы правительство не помешало им в то лето ходить по деревням со своими книжками и раздавать их неграмотным или полуграмотным прохожим на сигарки, то к осени они все без исключения возвратились бы в свои учебные заведения. Новый бог, которого они создали себе в тогдашнем крестьянине вместо старого, библейского, был еще не в состоянии осуществить их идеалы и немедленно создать новую жизнь. Но начальство, проявившее удивительную недалекость и неумность, своими арестами сделало то, чего никто не смог бы сделать помимо него. Насильно закрыв начатую ими дорогу в народ, оно заставило их пойти в центры, в города, в заговоры.

Глава II

НА РОДИНЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ТЕЛЛЯ

Пока горы стоят на своих основаниях,
Не забудут стрелка Телля!

Шиллер

Небольшая квартирка на втором этаже одного из домов Женевы. Здесь, в двух крохотных комнатках без обоев и практически без мебели, разместилась типография редакции «Работника». Все их нехитрое хозяйство – наборные типографские кассы да большой ворох бракованных печатных листов в углу. Когда весенний луч солнца заглянул в комнату, ворох неожиданно зашевелился и вытолкнул из своих недр заспанного молодого человека. Тот сладко потянулся и посмотрел на небольшие стенные часы напротив:

– Ого, уже десять часов! Я, кажется, проспал. А где же наборщики? Ах, да, сегодня же нерабочий день... Чем же заняться?

Все эти мысли быстро пронесли в голове Николая (а это был именно он), пока он рассеянным взглядом изучал комнату. Взглянув в окно, он сразу же решил, чему посвятит сегодняшний день...

День ото дня ему становилось все невыносимее в Женеве. В последнее время он все чаще уходил на маленький островок Руссо, скрытый со всех сторон плакучими ивами, или поднимался на темную громаду горы Салев, у подножия которой лежала Женева.

Вот и сейчас он решил бежать поскорее в горы. Здесь, наедине с природой, он не так остро чувствовал всю тяжесть тоски по Родине.

Тонкий снежный покров, успевший выпасть за ночь, отдаленно напоминал Россию. Николай с радостью встречал редкие кусты и, как в детстве, приветливо с ними здоровался. Немного утомившись, он присел на вершине и стал зачарованно смотреть на небо, на непрерывно мелькающий калейдоскоп облаков. На облака он мог смотреть сколько угодно...

Но вот по изменившемуся цвету неба он почувствовал, что наступает вечер и пора возвращаться. В типографию идти не хотелось.

Три месяца назад приехав в этот город, Морозов поселился в маленькой комнатке в Hotel du Nord, традиционном для русских эмигрантов. Экономя деньги, Николай вообще не топил камин. Другим он объяснял это тем, что закаляет себя. Когда же не стало средств для оплаты и этого неотопливаемого номера, он перебрался жить в типографию. Как когда-то в России на сеновалах, «бездомный гражданин свободного человечества» спал здесь в листах революционных изда-

*Н.А. Морозов
в 1870-е годы*

ний. Он не имел ничего, кроме того, что было на нем надето, смены белья, отдаваемой в стирку, да некоторых мелочей, которые обычно носил с собою в повешенной через плечо сумке. За это, с легкой руки известного парижского коммунара Лефрансе, до самого конца эмигрантской жизни его называли «вечный пугник». И чем дольше он так жил, тем более нравилось ему это, и не хотелось возвращаться в обычную обстановку квартир с мебелью. Есть он старался как можно меньше и очень переживал, что не может устоять перед своей любовью к фруктам и время от времени тратит на них деньги.

Первое время он не мог надышаться воздухом свободы. Казалось, здесь можно будет вернуться во всю ширь своих возможностей. Можно организовать издание отличной газеты

для пропаганды в России, а свободное время посвятить учебе в Женевском университете. Можно поближе познакомиться с эмигрантами-революционерами из разных стран и из первых рук узнать о самых последних развиваемых ими учениях.

Но реальность оказалась далеко не столь прекрасной. Здесь он застал эмигрантов разных революционных поколений. Одни покинули родину после первого демократического подъема, еще в самом начале 1860-х годов, другие, причастные к нечаевскому делу – на рубеже 1860–1870-х годов. Были здесь эмигрировавшие в начале 1870-х годов участники раннего этапа «хождения в народ» и более поздних народнических кружков, действовавших одновременно с «чайковцами». К последним относились супруги Жебуневы. Они, как и Николай, эмигрантами себя не считали и, приехав на время, думали вскоре вернуться на родину.

В основном эти эмигранты группировались вокруг трех направлений, названных по именам их лидеров – М.А. Бакунина¹, П.Н. Ткачева² и П.Л. Лаврова³. Правда, «лавристы» пребывали в основном в Лондоне и участвовали в работе издававшегося там журнала «Вперед!». Да и «якобинцев» во главе с П.Н. Ткачевым в Женеве насчитывалось сравнительно немного. Так что Николая окружали в основном «бакунисты». И идеи анархизма, ими проповедуемые, были совсем не близкими для него.

Конечно, кое-что удалось. Его жизнь в Женеве была очень насыщенной. Работа в редакции и типографии, занятия в русской библиотеке М.К. Элпидина, лекции в Женевском университете, заседания секции Интернационала, наконец, традиционные собрания в кафе Грессо – своеобразном клубе русских эмигрантов, где их кормили в кредит. Здесь

обсуждались вести с Родины, читались вслух письма оттуда, здесь звучали русские и французские революционные песни.

В Женевском университете он слушал лекции К. Фохта, Э. Реклю. С последним, Элизе Реклю, членом I Интернационала, бойцом национальной гвардии в период Парижской коммуны, он свел личное знакомство. Особое уважение к трудам этого известного географа и социолога Морозов пронес через всю свою жизнь. В библиотеке, устроенной М.К. Элпидиным, он мог знакомиться с книгами, которые в России можно было достать с огромным трудом: А.И. Герцена, М.А. Бакунина, К. Маркса... Особое впечатление произвел на него «Капитал». Знакомство с ним он считал своим главным здешним достижением. Вот какая книга нужна России в первую голову, считал он. Удалось освоить очень нужную для подпольщика специальность – научиться наборному делу. Теперь он сам мог довести свое детище – статью или листовку – до того, чтобы оно стало достоянием многих.

Но это – «кое-что». С основной задачей, ради которой он здесь находился, дело обстояло значительно хуже.

Главной целью пребывания Морозова в Женеве было участие в создании газеты для народа. Он был послан сюда «чайковцами» как один из ее редакторов и сотрудников, хорошо знающий положение дел в стране, знакомый по личному опыту с «хождением в народ». Идея народной газеты созрела в ходе революционной пропаганды среди народа, показавшей недостаточность пропагандистской литературы. Будущая газета «Работник» адресовалась прежде всего рабочим, хотя ее предполагалось распространять и среди крестьянства.

Основу ее редакции составляли «старые» эмигранты Н.И. Жуковский, А.Л. Эльсниц, З.К. Арборе-Ралли, Л.Б. Гольденберг и лишь трое новеньких: Н.А. Жебунев, Морозов и Саблин. Но никогда все трое в редакции одновременно не работали. Первоначально планировалось, что после выхода нескольких первых номеров газеты Морозов с ними вернется в Россию, с тем, чтобы обсудить окончательный состав редакции и планы дальнейшей работы.

Задачи нового издания были указаны в передовице первого номера, озаглавленной «Почему мы печатаем газету». В ней говорилось, что ее задача – вести с народом правдивый разговор о его нуждах, о его положении, об условиях его труда, раскрывать ему глаза на несправедливость общественных порядков, будить протест.

В пылких многочасовых спорах, в редакционные «четверги», вырабатывалась линия газеты, складывался ее облик. Но главная проблема заключалась в том, что у разных членов редколлегии был разный взгляд на народ, его мироощущение и стремления, а в соответствие с этим и на то, о чем и как говорить с ним. Естественно, Морозов и Жебунев (Саблин приехал в Женеву несколько позже), еще не успевшие остыть от своих недавних «хождений», имели совсем другие взгляды

на проблему, нежели эмигранты, которые, вертясь в водовороте западной жизни, отстали от русской действительности.

И это были не просто споры. Большинство добивалось появления в газете только тех фактов, которые подтверждали традиционные положения народнической идеологии. Все то, что вступало с ней в противоречие, что могло внушить сомнение в установившихся взглядах на народ, с ходу отвергалось редакцией, безжалостно вычеркивалось. Попытки Николая искренне и правдиво рассказать о тех впечатлениях, которые пропагандисты вынесли от соприкосновения с деревней, ничего в них не меняя, ничего не приукрашивая, встречали протест. Его желание – сначала накопить достаточное количество объективных наблюдений и на их основе сделать анализ – оказалось ненужным. Ведь они знали, как должно быть, и если факты этому противоречат, то тем хуже для фактов.

В стремлении создать орган с единой линией, с твердой народнической платформой, редакция установила своеобразную «идейную диктатуру». Как ни парадоксально, утвердили ее сторонники «анархии и коллективизма», ярые противники авторитаризма, централизации и т.п. В редакционной практике они на каждом шагу нарушали свои же анархические принципы, теоретическая приверженность к которым в это время была характерна для многих русских революционеров.

Протестовавший против такого произвола Жебунев был «почетно удален» из редакции. Морозову же пришлось смириться, так как он работал в газете по заданию «чайковцев» и только с их согласия мог оставить свой пост. «Ангел-миротворец», как насмешливо прозвал Жебунев Морозова, он старался в редакционных разногласиях нащупать то общее, что объединяло бы сотрудников газеты. Не случайно, что с отъездом Морозова в редакции усилился разлад и начались открытые ссоры.

Много усилий сотрудники газеты тратили на поиски доходчивой формы подачи материала. Порой они прибегали к стилизации под народную речь, чтобы путем предельно простого изложения сделать общественные темы доступными неграмотному крестьянину или мастеровому. Однако именно Морозов обратил внимание редакции на недопустимость примитивизации и упрощенчества в органе, который будет читаться не только народом, но и интеллигенцией. И несмотря на все свое «миротворчество», он насмерть вставал против материалов, имеющих низкое литературное качество.

Николай лично принимал участие в выпуске только первых трех номеров «Работника».

Он сам написал для первого номера заметку о «Даниловском деле», хоть и нарочито просто, но с юмором, который, как он знал, ценится в народе. Она была составлена от имени сметливого и расторопного кре-

стьянина, сочувствующего пропагандистам. Опубликована она была в виде «Письма» из Даниловского уезда без подписи.

Заметка «Село Рябово» появилась в отделе писем «Работника» № 3, вышедшего 1 февраля 1875 года, за подписью: Н. В-в (Н. Воробьев). Здесь был рассказ о красильных заводах Шипова, на которых самому Николаю работать не пришлось, но удалось наблюдать рабочих этих заводов, идущих на работу или после нее по домам. Зато о работе пильщиков на лесоповале в этой же заметке рассказано хотя и скупо, но выразительно. Он достоверно воссоздал неимоверно тяжелые условия их работы по самым низким расценкам, до изнеможения, на износ, работы, на которой без водки не обойтись.

Транспортировка «Работника» была налажена быстро и четко — в среднем очередной номер доходил непосредственно до предприятия, на котором велась пропаганда, в течение месяца после выпуска. Примерный тираж газеты составлял около тысячи экземпляров.

Для Морозова это была первая школа редакционной и издательской работы.

Если организационные вопросы издания газеты были практически налажены, то с получением материалов с мест оставалось много проблем. Здесь было очень мало людей, которые сами ходили «в народ», с интересными непосредственными впечатлениями. Потому очень скоро встал вопрос: что печатать, где брать материал? Для его решения надо было вернуться на Родину.

Да и с эмигрантами вышло не совсем ладно.

Сначала они произвели на Николая впечатление тем, что на различных митингах и заседаниях открыто призывали к свержению эксплуататоров, к объединению тружеников, к социальной революции. Но очень скоро он понял, что все это казалось чем-то особенным лишь потому, что в России такое можно было произносить только в кругу очень близких друзей, чтобы тут же не угодить на каторгу. Что до самих выступлений, то, прослушав их несколько раз, Николай понял, что содержание их одно и то же, а красноречие ораторов зависит от количества слушателей.

Личные же отношения между эмигрантами оставляли желать лучшего. Оторванные от Родины, не имеющие ни малейшей надежды вернуться назад, эти люди погрязли в мелких взаимных дразгах. Морозову стоило больших усилий успокаивать вспыхивающие время от времени страсти. Становилось все труднее вести дела и общаться с ними, не возбуждая ненужного раздражения, но он старался, считая, что ему легче, чем им. Он не считал себя эмигрантом и готовился к возвращению на Родину.

Тем не менее работа в нелегальном издании дала ему некоторый положительный опыт — понимание специфики работы в подобных изданиях.

Николай заметил, что в нелегальном издании, где все статьи помещаются без подписей, весь журнал смотрится как целая книга. Поэтому

му, если там будут разночтения, разные взгляды на один и тот же предмет, ничего, кроме неудовольствия читателей, такой журнал не вызовет. Выправить положение может только редакция. Но в этом случае она сама должна придерживаться единого мнения по разбираемым вопросам и, сообразно этому мнению, править статьи своих корреспондентов. Со стороны это очень плохо смотрится, так как приводит к диктатуре редакции, но, к сожалению, только при таких жестких условиях может существовать нелегальный журнал.

В эмигрантской среде Николай получил и другие весьма полезные уроки на будущее, наблюдая, как пишутся некоторые «свидетельства очевидцев» и рождаются слухи.

Со «свидетельствами очевидцев» дело обстояло так.

Однажды Д.А. Клеменц, находящийся в Берлине, передал для напечатания в «Работнике» информацию о процессе над крестьянином М.П. Малиновским. Последний работал в Петербурге в мастерской медника и был осужден за социальные убеждения. Клеменц добавил от себя, что с этого процесса начинается новая эра социально-революционного движения и что один такой рабочий стоит тысячи интеллигентов. Другой информации не было. Но здесь, на месте, была написана большая статья, основное место в которой занимала заключительная речь Малиновского, громящая все порядки царской России и призывающая к борьбе. Морозова несколько удивила такая вольность обращения с исходной информацией. Но товарищи по редакции убедили его, что как социалист-революционер Малиновский не мог сказать ничего другого по существу, ну а в какой форме он это сказал – не суть важно... По выходе статьи случился скандал: оказалось, что Малиновский вообще ничего не говорил на процессе и даже отказался от последнего слова...

Этот эпизод Морозов часто вспоминал много позже, когда занялся изучением трудов древних авторов, их критическим анализом. Обнаруживая большие куски из произведений древних в работах более поздних авторов, он себе ярко представлял, как они создавались потомками по одним лишь названиям или упоминаниям. «Что иное мог произнести тот или иной святой или философ, кроме того, что я сейчас написал от его имени?» – примерно так мог рассуждать средневековый монах или историк, занятый составлением биографий или речей древних ораторов и лишенный при этом всяких источников, кроме кратких упоминаний.

А вот как возникают и развиваются легенды.

Допустим, некто Х получил письмо из России, повествующее о том, что его знакомая нашла крестьянина, сочувствующего ее убеждениям. Он рассказывает своему другу, что в таком-то месте России идет активная пропаганда. При следующем пересказе к слову «пропаганда» добавляется «широкая». Далее увеличивается площадь, охваченная

пропагандой, и т.д. Наконец, этот слух возвращается к первоисточнику, но в такой искаженной форме, что принимается им за чужой. И господин Х уже говорит, что и ему сообщали о ведущейся там пропаганде. Далее возникает дополнительный слух, что информация получена из двух источников. Так спираль, описывая цикл за циклом, приобретает гигантские размеры.

Николаю не раз приходилось распутывать подобные слухи, чтобы иметь достоверную информацию для журнала. Он начинал с конца и добирался до первоисточника. Причем замечал, что иногда слухи дробились на несколько ветвей и развивались самостоятельно в нескольких вариациях: из одного маленького события вдруг возникал ряд больших, совершенно различного содержания, и каждая вариация уживалась рядом с другой, как в религиозных книгах современных народов уживаются в независимом виде разные вариации одних и тех же первоисточников. Да и вся их эмигрантская атмосфера страшно напоминала ему жизнь первых христиан в эпоху гонений, начиная от страстной веры в быстрое возрождение братства всех народов и кончая взаимной нетерпимостью различных сект и фракций...

Среди эмигрантов он особенно сблизился с Ткачевым, часто бывал у него в гостях. Первым, к кому Морозов явился в Женеве с рекомендательным письмом от видного народника И.Н. Мышкина, был именно он. Русские «якобинцы» и их лидер Ткачев серьезно интересовали Морозова. Они мыслили не в общей народнической струе, а даже шли против нее. Они не верили в революционность крестьянства. Ткачев с особым интересом слушал откровенные рассказы Морозова о его «деревенских» впечатлениях, о тех сомнениях, которые возникли в нем после «хождения в народ». Вот и сейчас Николай решил отправиться в его гостеприимный дом.

Петр Никитич Ткачев был невысокого роста, коренастый, с интеллигентными чертами лица и умными наблюдательными глазами. На вид ему можно было дать лет тридцать пять, хотя он был всего на десять лет старше Николая.

Идеолог «русского бланкизма»⁴ происходил из среды мелкопоместного дворянства. После учебы во 2-й Петербургской гимназии Ткачев в 1861 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Однако учиться ему не пришлось: начались студенческие волнения, университет был закрыт, и Ткачев в числе активных участников волнений был заключен сначала в Петропавловскую, а затем в Kronштадтскую крепость, из которой был выпущен через месяц и по повелению царя оставлен в столице под ручательство матери. Спустя семь лет он сдал экстерном экзамены за полный курс университета, представил диссертацию и получил степень кандидата права, которой, однако, не мог воспользоваться как поднадзорный. Вся его сознательная

жизнь была связана с движением разночинной интеллигенции во всех его общественных и подпольных формах. Во второй половине 1860-х годов, активно сотрудничая в журналах, он сложился как публицист, чей авторитет и популярность в радикальных кругах приобрели устойчивый характер. После ареста в 1869 г. Ткачев четыре года провел в заключении, а затем был отправлен в ссылку, откуда бежал в декабре 1873 г. В эмиграции он находился уже около двух лет. В 1869 году Ткачев впервые в легальной русской литературе опубликовал свой перевод устава I Интернационала.

Николай еще в Москве познакомился с этим документом. Здесь же, в Женеве, он в качестве гостя неоднократно посещал заседания секции Парижской коммуны – центральной секции Интернационала в Европе, не предполагая, что станет членом такой авторитетной революционной организации. Попал он туда при следующих романтических обстоятельствах.

Во втором номере газеты «Вперед!», вышедшем 1 февраля, был опубликован «Список лиц, привлеченных к дознаниям, но еще не разысканных». Первыми по порядку в списке из 53 революционеров значились: Д.М. Рогачев, С.М. Кравчинский, Д.А. Клеменц, О.Г. Алексеева, В.П. Обнорский, И.Н. Мышкин, Н.А. Саблин, восьмым – Н.А. Морозов. Там же сообщались его особые приметы: «Роста высокого, лицо круглое, бледное, с тонкими чертами, борода и усы едва заметны, носит очки». Авторитет Морозова в эмигрантских кругах сразу же вырос, ведь он числился не просто в списках самых опасных русских заговорщиков, а в их первых рядах.

На следующий же день через секретаря секции Интернационала Л.Б. Гольденберга ему было передано предложение председателя секции Густава Лефрансе – вступить в члены Интернационала. А дальше, обсудив кандидатуру Морозова, члены секции единодушно проголосовали за то, чтобы принять его в международную ассоциацию революционных рабочих.

В членской книжке вновь принятого товарища было написано по-французски: «Член Интернационала Николай Морозов, кузнец».

Считалось, что все члены секции должны владеть каким-нибудь ремеслом, так как в обществе будущего все должны будут трудиться, а потому очень важны профессиональные навыки. Профессию же кузнеца Николай считал своей наследственной профессией.

Но вернемся к Ткачеву. Морозов так близко сошелся с ним не случайно. У Петра Никитича образовались сложные отношения с русской эмиграцией. В России он был близок с Сергеем Нечаевым, с именем которого связывали «генеральство» и «центризм» в революционных организациях, неискренность, нечестность, лозунг – «цель оправдывает средства». И когда за границей Нечаева выдали русским властям,

за него никто не вступился. Но Ткачева связывало с Нечаевым другое. Он искренне считал, что добиться успеха в России можно не на пути подъема широких народных масс, а только с помощью хорошо законспирированной организации интеллигентов. В этом он сходиллся со знаменитым французским революционером Луи Огюстом Бланки⁵, с интересом относился к идеям последнего. Что касается Николая, то после своих хождений «в народ» он окончательно убедился, что сейчас поднять народ не удастся, а как изменить положение в России к лучшему, он не знал. Поэтому ему были интересны идеи Ткачева.

В беседах с ним Николай не был пассивным слушателем. Он спорил с Петром Никитичем, предлагал собственные решения тех или иных проблем. Так, в последнее время он был занят разработкой некоторых вопросов политической эволюции, привлекая для решения идеи из физики и математики.

Идея была такова. Социальное развитие — это направленный процесс, поэтому его можно характеризовать некоторым вектором, длина которого зависит от условий, благоприятствующих или препятствующих течению этого процесса. Например, выбрана некоторая общественная цель. Кажется, что цель близка, однако противодействие ее достижению огромно; но имеются другие направления, в которых противодействие не столь велико, и если двигаться по такому пути, проекция на нужное направление будет хоть и не большой, но достаточной, чтобы достичь цели. Таким образом, наилучший результат принесет не прямолинейное движение, а некоторое обходное; и задача состоит в том, чтобы находить эти обходные пути. Увлекательная ласточка даже кругами и зигзагами скорее долетит до цели, чем мудрая улитка, взвесив все шансы за и против, доползет до нее прямым путем. Вот почему он не мог враждебно относиться ни к одному из существовавших тогда течений: ни к легальным либералам, ни к анархистам, ни к лавристам. Все эти течения представлялись ему вырабатываемыми самой жизнью. Во многом либералы казались ему логичнее тогдашних социалистов, он и сам ставил ближайшей целью гражданскую свободу, а не передел имуществ, но он сознательно шел с социалистами, потому что тогдашние либералы были вялы, неспособны прямо бросаться на штурм врага, не щадя своей жизни. Хотя социалисты во имя опрощения и идут значительно вкось от того направления, по которому фактически должна направляться русская жизнь, но благодаря своей энергии и самопожертвованию они в сотни раз сильнее двинут ее даже и по пути к гражданской свободе, чем те вялые люди.

А вот другая идея. Очень часто намеченное действие оканчивается результатом, противоположным задуманному. В физике примером, иллюстрирующим это положение, является подъем груза через блок: чтобы поднять груз вверх, надо тянуть веревку вниз. Следовательно, не всякая сила, приложенная в желаемом направлении, приведет туда

общество. В подтверждение правильности своей мысли Морозов приводил пример действия бюрократии по пресечению деятельности пропагандистов среди крестьян: гоняясь за ними по разным уездам, представители власти разносили о них пропаганду гораздо шире, чем могли это сделать сами пропагандисты; так что вместо пресечения пропаганды власти сами «пропагандировали».

Следствием этих размышлений стал поиск более активных форм борьбы за улучшение жизни. Над этим он и думал последнее время, об этом же собирался сегодня поговорить с Ткачевым...

И вот Николай в уютном кабинете своего старшего товарища. В камине весело пляшут языки пламени, бросая отблески на лица троих – Николая, Петра Никитича и его милой жены, преданного товарища Ткачева в нелегких испытаниях. В разговорах она обычно поддерживает мнение своего мужа.

Петру Никитичу нравился пылкий юноша. Он с интересом слушает его рассуждения; доброжелательно называет их ересью, так как высказываемые идеи идут вразрез с теми, которые проповедуют эмигранты, товарищи Морозова по редакции. В заключение он в задумчивости замечает:

– Вам бы готовиться к профессорской деятельности, а не пускаться в опасные политические мероприятия...

Угли в камине догорали, и пора было уходить. Николай уже давно задерживался взглядом на трагедии Шиллера «Вильгельм Телль», лежащей на столе.

– Можно, я возьму ее почитать? – наконец решился спросить юноша. – Завтра же я верну ее Вам, – быстро добавил он.

Зажав книгу под мышкой, Николай весело побежал в редакцию – его теперешний дом.

С текстом драмы он был знаком давно, еще с детства; но здесь, на родине главного героя, под впечатлением волновавших его в последнее время мыслей, вся книга произвела совершенно новое, ошеломляющее впечатление.

В эту ночь он не спал. Стало ясно, что находиться здесь далее не имеет смысла. Техническая сторона издания налажена хорошо. Есть проблема с материалами. Вот он и поедет в Россию. И не только за готовым материалом, а для непосредственного участия в событиях, которые послужат материалом для будущих статей. Только там, на месте, можно ответить на вопрос, какой путь к достижению цели правильнее.

Решено! Назад, в Россию!

Но где взять деньги? Многие были бы готовы помочь Николаю – ведь он возвращался туда, где его усиленно разыскивает правительство, и возвращался активно работать; но, к сожалению, мало у кого имелись свободные средства...

Вместе с Саблиным, также рвавшимся на Родину, они написали (через Д.А. Клеменца, находившегося в Берлине) в Петербург «чайковцам», прося санкцию на возвращение и средства для этого. Друзья сообщили, что выпуск газеты налажен и редакция сможет его продолжать без них. В России, доказывали они, даже для того же «Работника» они смогут быть полезнее, посылая регулярные корреспонденции с Родины. Но раньше, чем переписка с «центром» дала какие-либо результаты, деньги нашлись здесь. Их дала бернская студентка Вера Фигнер.

Тут, в Швейцарии, впервые сошлись их пути и потом надолго переплелись. Наслышавшись о Морозове от Н.А. Саблина и Н.А. Грибоедова, Фигнер специально приехала познакомиться с ним из Берна. Ее поразило сочетание: умный, ласковый взгляд и приоткрытые детские губы; ум, знание, серьезность в рассуждениях и, вместе с тем, веселые детские выходки, детская непосредственность. Из разговоров с ним Вера поняла, что Николай много и серьезно размышляет о Родине и революции. Единственный из ее знакомых, Морозов убеждал ее сначала закончить обучение, а потом уже идти в народ; он считал, что интеллигенция не должна опускаться до уровня полуграмотных масс, а поднимать массы до своего уровня. В то же время его самого тянуло туда, где кипела освободительная борьба. Именно в 1875 г. он подумывал об участии в восстании республиканцев на Кубе. Он мечтал о «плавающей революции» – особом революционном корабле, который, блуждая по морям и океанам, будет всегда готов спустить десант в той стране, где надо защищать свободу и справедливость. Таким он оставался всю жизнь. И всю жизнь он был для Веры Николаевны «Морозиком».

Приготовление друзей к отъезду взбудоражили русскую эмиграцию в Женеве. Нечасто революционеры, разыскиваемые властями на Родине, возвращались туда. Тем более что за три месяца их успели оценить и полюбить. В начале марта 1875 г., забыв взаимные распри, представители различных групп эмигрантской среды дружно явились на перрон, чтобы проводить героев. Подобные проводы устраивались им на всем пути, где имелись эмигрантские общины, до самой России.

Такое скопление народа было явно неконспиративно, ведь царские шпионы имелись и в Женеве. Но Морозов и Саблин рассчитывали, что сбить их со следа поможет непростой и не прямой путь на Родину: первая остановка на два дня предстояла в Кларане, где также была колония русских эмигрантов (хотя и значительно меньшая, чем в Женеве или Берне). Друзья попрощались здесь с А.Л. Эльсницем – одним из редакторов «Работника». Несколько дней провели затем в Берне у Веры Фигнер.

В Веру Фигнер Николай влюбился еще в первый день их знакомства в Женеве, когда обсуждал с ней различные моральные и общественные проблемы. Ему казалось тогда, что ее словами с ним говорила сама его совесть. Вообще-то он был в таком возрасте, что был

Вера Фигнер

влюблен в это время во многих. Он не забыл еще тогда и юной гувернантки своих сестер, и Алексеевой, и Батюшковой, и Лебедевой, и Лизы Дурново, но они остались далеко в России. Здесь же у него было три предмета обожания: Олико Гурамова и Машико Церетели в Женеве, а в Берне – Вера Фигнер. Но Вера отличалась от них во многом: она была сильна душою, она была серьезнее и глубже, и это сразу чувствовалось. Сравнивая этих женщин, он находил, что перевес остается за нею. Но он не признавался в любви еще ни одной женщине, считая себя обреченным на гибель за свободу своей Родины.

Все предотъездные дни в Женеве Морозов жил возвращением на Родину. Теперь на пути домой он, подводя итоги пребывания в эмиграции, с благодарностью думал о том, что дала ему Швейцария, прощаясь с друзьями, многих из которых уже не суждено было увидеть снова. Из Берна он послал в Женеву огромное, на 32 страницах, письмо трем неразлучным подругам – Олико Гурамовой, Машико Церетели и Като Николадзе. Дружба с этими грузинскими девушками, слушавшими лекции в Женевском университете, была одним из самых поэтичных воспоминаний об эмиграции. Непременные посетители заседаний секции Интернационала, они были и неутомимыми спутницами Морозова в его походах в горы.

После Берна был Берлин, где их встречал живший там тогда Д.А. Клеменц. Они провели здесь несколько дней, трижды посетив собрания немецких социал-демократов. От заседаний Женевской секции Интернационала собрания эти отличались большей деловитостью. Чувствовалось, что тут говорят люди, не оторвавшиеся от своей среды, от родной им жизни, что здесь слова – только подготовка реального дела.

На Морозова и Саблина незабываемое впечатление произвел прием, оказанный им немецкими социал-демократами, которые горячо приветствовали явившихся к ним «первых русских товарищей».

Из Берлина Морозов и Саблин отправились в Кенигсберг, где их уже поджидал Арон Зунделевич, чтобы проводить до границы. Теперь им оставалось только сесть на поезд...

Глава III

ИСПЫТАНИЕ ОДИНОЧЕСТВОМ

Дверь распахнулась, и в комнату, где собралось общество, вбежал, весь красный от мороза, Юрий Богданович. На лице его было написано отчаяние.

— Неприятные новости, — начал он. — В «верхах» выразили недовольство приговором. С санкции царя из 90 человек, оправданных судом, более 80 будет сослано административно. Вот список пятерых, которых сошлют в первую очередь.

Увидев Морозова, он сокрушенно сказал:

— В этом списке фигурируешь и ты. Против твоего имени стоит: «К родителям на попечение и под надзор». Как хорошо, что ты послушался нас и после освобождения не пошел в канцелярию градоначальника с сообщением о месте своего пребывания.

Это было неприятное, но вовсе не неожиданное известие. Когда после освобождения Николай поселился в кабинете редакции журнала «Знание», заваленном разного рода научной литературой, его первым желанием было углубиться в книги. Но он ни на минуту не поверил, что его оставят в покое, так как для правительственных чиновников гораздо проще сделать карьеру на преследовании российской молодежи, несогласной с существующими условиями, нежели на поприще улучшения жизни в стране. Он был готов к такому повороту событий.

Захотелось побыть одному, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Морозов вышел на улицу, намереваясь пройти к Финскому заливу.

Побыть одному... Что это, привычка трех лет одиночного заключения? Совсем наоборот. В одиночном заключении узник никогда не бывает один — за ним постоянно наблюдает невидимый чужой недоброжелательный глаз. Стоит лишь задуматься о чем-то своем, как тут же кто-то крадется по коридору, приоткрывает клапан за стеклышком круглого отверстия в двери, и в нем появляется глаз, некоторое время в упор наблюдающий за тобой; потом клапан закрывается, но через мгновение открывается вновь, так как тебя хотят застать врасплох, что-то выследить. А на прогулке еще хуже: с башни, почти не отрываясь, смотрят на тебя два жандарма. Нет большей пытки, чем эта — быть постоянно на виду у недоброжелательных наблюдателей. Здесь же, на переполненной людьми улице, где все спешат по своим делам и всем, в общем-то, нет дела друг до друга, можно остаться наедине со своими мыслями...

Николай свернул с Мойки влево, по Английскому проспекту дошел до Екатерининского канала и, повернув от него направо, к морю, вдруг

остановился как вкопанный: на фоне уже темневшего неба возвышалось величественное здание из темно-красного кирпича, напоминавшее средневековый замок; на каменном мосту, переброшенном через канал к зданию, гирляндами висели железные цепи. Это была Коломенская часть — зловещее место, где он провел первые месяцы одиночного заключения. Все пережитое за последние годы встало перед глазами...

Арестовали их с Саблиным прямо на границе в местечке Кибарты Вилковышского уезда, Сувалкской губернии. Одеты они были так же, как и другие путешествующие коммерсанты — в черные дорожные сюртуки, коричневые жилеты, темные войлочные шляпы. А вот поведение их было необычно. В поезде, который шел в Россию, не оказалось вагонов третьего класса, а отказавшиеся от всякой частной собственности молодые революционеры не могли себе позволить произвольно тратить средства общества; они решили ждать следующего поезда, но тем самым привлекли внимание пограничного комиссара. Стражи порядка заметили, что в Кибартах они появились в компании контрабандиста, известного властям как сомнительное лицо, занимающееся провозом русских за границу. Дальше — больше. Ехали они с прусскими паспортами на имена Вейсмана (Саблин) и Энгеля (Морозов), но переговаривались между собой по-русски. Вполне возможно, что имел значение их бурный отъезд из Женевы: наверняка местным начальством была получена агентурная информация об их желании нелегально перейти границу...

Обнаруженные при личном досмотре револьвер, 12 патронов и листок из революционной политической книжки поставили последнюю точку.

За неимением в Кибартах арестантского помещения начальник уезда майор В.Н. Смельский (за счет задержанных) снял две комнаты в разных гостиницах, где арестованных неусыпно охраняла земская стража, так как здесь и полиции не было.

Стражники ежедневно делали донесения о поведении задержанных, которые тщательно протоколировались и внимательно читались начальником уезда. Согласно этим донесениям, Саблин сильно нервничал, ничего не читал, со стражей разговаривал главным образом о своей матери, сокрушаясь о том горе, которое ей причинит известие о его аресте. Богу не молился. Морозов же много и спокойно спал, ел мало. Богу также не молился. Он также вспоминал в эти дни мать, рассказывая стражникам, какая она у него хорошая. Но больше говорил о себе, пытаясь объяснить смысл своей и своих товарищей деятельности. По его словам, в компании, к которой он принадлежит, около пятидесяти человек, в том числе два князя. Их цель — чтобы крестьяне и помещики были все равны и чтобы с крестьян не взыскивали бы подати.

Полицейский комиссар, арестовавший молодых людей, решил сделать на них карьеру. Он сам взялся выяснить личности задержанных и доставить их в Петербург. По разосланным всюду описаниям примет наиболее опасных политических преступников он догадывался, кто перед ним, но хотел получить письменное признание от задержанных.

Смельский ежедневно допрашивал арестованных. Первые два дня (12 и 13 марта 1875 г.) были особенно тяжелыми для Николая. Получив признание Саблина о его настоящем имени, Смельский во что бы то ни стало стремился выбить такое же признание и у Морозова. Для этого он посадил в тюрьму помогавшего им переходить границу контрабандиста, а в комнату Морозова привел жену и детей арестованного, объявив им, что отпустит мужа, если Николай назовет себя. Отчаявшаяся семья с громким плачем бросилась к нему, и, чтобы прекратить их страдания, Морозов вынужден был это сделать.

Допросы были такими долгими и мучительными, что запомнились Николаю как многодневные.

Теперь перед Смельским стояла задача добиться разрешения самому доставить опасных преступников в Петербург. Он справедливо полагал, что они – его счастливый билет в дальнейшем карьерном росте.

В рапорте губернатору 12 марта 1875 г. Смельский доложил, что по приходе прусского поезда лично задержал двух политических преступников с фальшивыми прусскими паспортами. Один из них в тот же день назвал себя Николаем Александровичем Саблиным, другой упорствует, отказываясь дать показания. Но уже на другой день Смельский докладывал губернатору имя и второго задержанного – Николай Морозов.

Обратив внимание, что оба арестованных разыскиваются по предписанию секретного циркуляра от 31 января 1875 г., начальник уезда просил разрешения лично конвоировать их в Петербург. Губернатор Головин в тот же день в ответной телеграмме потребовал немедленно под строгим караулом препроводить арестованных в Сувалки к нему лично. Он также искал выгоды для своей карьеры от этих двух задержанных. Но Смельский был не так прост. Он не сдавался и, напирая на распоряжение III отделения, добился нужного приказа от губернатора. 14 марта поданной в 11 часов утра телеграммой майору предписывалось: «Если есть распоряжение III отделения, то отправьте арестантов под строгим караулом и Вашим личным надзором». Это была победа.

Арестованные были отправлены в Петербург порознь с разницей в сутки. Морозова отконвоировали в столицу 18 марта. Там его поместили в здание «Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии»; об этом он узнал по штампу в журналах, выданных ему для чтения.

Первые дни заточения страшны неизвестностью того, что ждет впереди, и это придает нервозность всей обстановке; последующие дни еще хуже – уже известен распорядок и время тянется нестерпимо медленно.

20 марта Николай был доставлен в Петропавловскую крепость, где его допрашивал майор корпуса жандармов Чуйков. Морозов признал свое пребывание в мае 1874 г. в имении А.И. Иванчина-Писарева и объяснил, что после ареста хозяина имения, боясь оказаться причастным к его следственному делу, скрылся за границу. А что касается распространения революционной пропаганды и участия в каком-то тайном обществе, то это неправда. Но, к сожалению, в руках следствия оказалось весьма красноречивое свидетельство принадлежности Морозова к тайному обществу. В декабре 1874 года он послал из Женевы отцу письмо следующего содержания:

«Папаша, обстоятельства заставили меня бежать из России. Я попался в одном тайном обществе, по которому в настоящее время производится следствие. До сих пор я скрывался в России и поэтому не мог ничего написать и Вам, потому что если бы письмо мое распечатали в почтамте, то узнали бы, где искать меня.

В Москве я приходил к Вам в Кокоревскую гостиницу в назначенное время, но не застал Вас, а на другой день меня уже предупредили, чтобы бежать из Москвы.

Теперь я нахожусь в Женеве. Напишите, что делается в семье. Крепко целую всех.

Н. Морозов. Hotel du Nord №24 M-elle Marie.»

Письмо было предоставлено в распоряжение жандармов самим П.А. Щепочкиным вместе с копией своего ответа из Мологи в Женеву:

«Любимый Коля, письмо твое из Женевы я получил, из него узнал, что ты сделал два преступления: 1) замешан в тайном обществе, 2) бежал из России. Можно было бранить тебя, для твоей же пользы, когда ты не переходил из класса в класс, теперь же действия твои настолько дурны и преступны, что о таких людях можно только сожалеть. Вследствие этого сожаления я решил написать тебе и дать следующий совет.

Немедленно поехать в Россию и отдаться в руки Правительству; затем чистосердечно и откровенно рассказать о своих действиях. Ты еще так молод и, думаю, не смог сделать чего-либо особенно важного — суд примет во внимание и твои лета и раскаяние — смягчит приговор. Если ты меня не слушаешь, преступление твое с каждым днем будет увеличиваться, как ты сам увидишь из твоих же действий: тебя вначале уговорили принять участие в каком-то тайном обществе, ты принял и тем сделал первое преступление; затем были средства, и ты бежал из России — второе преступление. Наконец, те, которые тебя погубили, не так легко тебя оставят, они будут встраивать тебя в новые проступки, и ты из несчастного молодого человека превратишься в самого негодного.

Если ты не имеешь средств доехать до России, явись или в Русское Посольство или к консулу и проси их тебе помочь. Трудно тебе, я знаю, будет исполнить мой совет, — надо немало смысла и характера. Молись и проси Бога помочь тебе.

Все на Борке здоровы.

Петр Щепочкин.»

Возможно, отец считал, что таким образом помогает сыну встать на путь исправления. Он не собирался вникать в причины, по которым его сын связался с государственными преступниками. Вырвать Николая из их рук было основной его задачей. Несколько другая цель была у чиновников. Для них разоблачение государственного преступника — ключ к карьерному продвижению. И чем более опасного преступника они разоблачат, тем лучше для них.

В месте своего первого заключения Николай задержался недолго. После допроса, на котором он не изъявил ни малейшего желания давать показания по существу дела, его отправили в Коломенскую полицейскую часть — уголовную тюрьму, где в этот период массовых арестов пропагандистов, за нехваткой мест в тюрьме III отделения, часть камер была отведена для политических.

Узнав об аресте Морозова, друзья рассчитывали, что он «выкрутится». Но ситуация была очень плохой. Николай продолжал отказываться от показаний, по-прежнему отрицал причастность к революционной организации, но при наличии упомянутых улик его поведение рассматривалось уже как злостное заперительство. К тому же в ряде случаев его показания вступали в противоречие с показаниями других революционеров, которых жандармам удалось «разговорить».

Единых правил поведения на следствии и суде революционная среда еще не выработала, и подследственные действовали вразброд. Многие из «чайковцев» и их окружения уже называли Морозова в числе посетителей квартиры О.Г. Алексеевой, а он продолжал стоять на своем: «Алексееву видал два раза у Писарева, но не бывал у нее. Кравчинского, Михайлова, Клеменца, Аркадакского, Аносова, Цакни, Лебедевых, Фроленко не знаю».

В отличие от большинства других заключенных, Морозова никто не навещал, никто не приносил ему с воли передач. Родственники не знали, что он здесь находится, а друзья не могли к нему прийти, чтобы не навести подозрение на себя и Николая. Начиная с ареста в марте 1875 г., он существовал в тюрьме только на казенный счет, т.е. находился в состоянии непрерывного недоедания. На содержание заключенных казна выделяла по 10 копеек в день на человека. На эти деньги смотритель покупал ему кусок черного хлеба и маленький кусочек колбасы или жареной трески. Этого хватало только для того, чтобы не умереть с голоду. И лишь позднее, когда Николай вступил в контакт с соседом

по заключению М.Н. Кокушкиным, последний стал делиться с ним продуктами, которые ему приносили в тюрьму родственники. Родные Кокушкина возмущались его революционной деятельностью, проклинали его, оплакивали, умоляли порвать с товарищами, но регулярно навещали и приносили прекрасные передачи – ветчину, апельсины, виноград.

А контакт с ним был налажен таким образом.

Как только Морозова поместили в камеру, он услышал шаги за стеной. Значит, там кто-то есть. Но как установить с ним связь? Он прилег на кровать, обдумывая этот вопрос, как вдруг услышал легкий стук соседа. Николай быстро подбежал к стене и решил дать знать о себе, отстучав соседу какую-то арию. В ответ ему тоже что-то простучали, правда, не очень музыкальное. Тогда Николай стал барабанить мелодию уже двумя руками, и получилась такая музыка, что хоть уши затыкай. Но сосед ничего не ответил на его старания...

Николай опять вернулся на свою кровать и задумался. Ведь если он слышит соседа, а сосед слышит его, то можно попробовать передать фразу по буквам, поставив в соответствие каждой букве ее номер в алфавите. Обрадованный этим открытием, он опять подбежал к стенке и старательно отстучал свою первую фразу: «Кто Вы?». Пришлось повторить ее несколько раз, прежде чем его поняли и тем же способом передали: «Кокушкин».

Таким образом они переговаривались несколько дней, пока Кокушкин не объяснил ему более экономичный способ передачи букв – так называемую тюремную азбуку. Суть ее заключалась в следующем. Весь алфавит был разделен на шесть групп, по пять букв в каждой. Получалась некоторая таблица. Чтобы передать ту или иную букву, достаточно было простучать номера строки и столбца, в которых она расположена. В качестве упражнения Николай начал выстукивать на ладони любимое стихотворение Некрасова:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна...

Добравшись до конца стихотворения, он уже достаточно твердо освоил новую азбуку.

Впоследствии он узнал, что этот способ общения придумал декабрист Бестужев. Им пользовались петрашевцы, друзья Николая, сидевшие в Петропавловской крепости; так как стены камер были обиты, чтобы заключенные в отчаянье не разбили себе головы, «переговариваться» приходилось ногами – шаги были довольно хорошо слышны.

Но и в Коломенской части Морозов надолго не задержался. Летом 1875 года его перевезли в Москву для допросов по делу о московском кружке.

В первую же ночь в одиночной камере Тверской полицейской части, куда его поместили в Москве, он проснулся от того, что по комнате

бегали мыши и что-то грызли. Наутро ему пришла мысль попытаться их приручить. Тому были две причины. Во-первых, делать здесь было совершенно нечего. А во-вторых, вспомнилось, как однажды он попал в цирк. На арену выбежали с десятков лошадей и начали делать из себя пирамиду. Пораженный этим зрелищем, он захотел разобраться, чего можно добиться приручением животных. Эта задача занимала его еще с детства: он мечтал приручить больших птиц, чтобы летать на них.

С мышами, правда, удалось добиться только того, что они перестали его бояться и ели прямо из его рук.

Потом его мысли были заняты проектом города будущего. В общих чертах это виделось так. Все крыши домов надо построить в один уровень, и все они должны быть плоские. Каждый дом будет иметь выход со стороны крыши и внизу, как теперь. По нижним улицам будут ездить, а по верхним исключительно ходить. Купола разных общественных зданий должны подниматься выше обычных домов. Через перекрестки улиц нужно перебросить легкие мостики, а на крышах разбить цветники и поставить скамейки. Дома не обязательно делать традиционно четырехугольными, а можно и шестиугольными, как соты. В центре каждого шестиугольника — сквер, а посередине стороны — арка для прохода, так что будет выход во все шесть сторон; лестницы и входы в дома можно разместить в вершинах шестиугольников...

Здесь, в Москве, была проведена очная ставка с финном-сапожником И. Пельконненом, учившим его шить сапоги в мастерской на Плющихе перед первым уходом в народ. Николай по-прежнему придерживался своей старой тактики — не помогать следствию. Сапожник также его «не признал» и не подтвердил его причастность к московскому кружку «чайковцев».

В ходе следствия многие крестьяне Потапова дали подробные показания, изобличающие деятельность в их среде «внушителей» (и в первую очередь хозяина имения). А вот крестьяне Щелкова отказались признать в Морозове того, кто возбуждал их к неповиновению и бунту. Николай видел, что они его, несомненно, узнали при очной ставке на следствии: об этом говорили их смущенные лица, слезы, выступившие на глазах у некоторых из них. Их коллективное заpiresательство было своеобразной формой протеста против властей и выражением сочувствия и поддержки арестованному революционеру.

Заключение в темнице Третьего отделения при Тверской части было удобней во многих отношениях, чем в других, где тоже находились политические. И оставшиеся на свободе «чайковцы» (В.Н. Батюшкова, Н.А. Армфельдт, Н.Ф. Цвилленев) сумели, наконец, наладить переписку со своим оказавшимся там товарищем. Главной темой переписки был план побега, навязчивая мысль о котором не покидала Николая уже более месяца. Он разрабатывал планы один фантастичнее другого. Наконец остановился на варианте, который был одобрен товарища-

ми: при прогулке засыпать стражнику глаза табаком и, выскочив за ворота, умчаться в заранее приготовленной пролетке. Побег сорвался из-за того, что в решающий момент кучер отказался участвовать в столь опасном предприятии. Несколько позднее, в 1876 г., похожий план был продуман кн. П.А. Кропоткиным¹ и блестяще осуществлен. Так что, если бы не трусость извозчика, Николай был бы свободен.

Провал плана побега, изолированность от соседей (с ними не удалось наладить контакт, как когда-то с Кокушкиным) и невозможность заняться чем-либо серьезным привели к тому, что его стали мучить кошмары. Казалось, что он сходит с ума. Ему постоянно виделся страшный сухой старик, который приходил к нему и начинал душить. Сумасшествие было страшно для Николая тем, что в таком состоянии он мог проболтаться и выдать товарищей; и он привлекал все силы, чтобы прогнать мучивший его кошмар. Но спасение пришло совсем не обычным способом.

Однажды его вывели из камеры и отвезли на вокзал, затем опять доставили в Петербург и привезли в какой-то незнакомый дом. Отведя в ванную комнату, заставили вымыться и одеться в жесткое белье, грубые черные войлочные штаны и такую же куртку. Мелькнула мысль о психиатрической лечебнице, но вскоре все разъяснилось.

Утром к камере Морозова подошел служитель и спросил, нет ли у него каких-либо заявлений прокурору.

— Где я нахожусь? — спросил Николай.

Служитель замялся, но через некоторое время ответил, что это Дом предварительного заключения. Его недавно построили, и Морозов удостоен чести быть одним из первых политических заключенных в этой тюрьме. Далее служитель пояснил правила и порядок поведения заключенного. К удивлению Николая, в отличие от прошлых мест заключения здесь можно было брать книги для чтения, и он тут же воспользовался этим, заказав приключенческий роман Брет Гарта «Золотоискатели». К вечеру книга была ему доставлена, и когда под утро его снова стал преследовать кошмар, чтобы отвлечься, он занялся чтением выданной накануне книги. Николай, более полугода лишенный какого-либо чтения, с восторгом углубился в книгу. Затем ему принесли другую, третью... и мучивший кошмар исчез навсегда.

В новую тюрьму свезли из разных мест политических заключенных. Правительство готовило большой процесс по делу революционной молодежи, которая «ходила в народ».

У многих заключенных в городе находились родственники, знакомые, которым было разрешено их посещать и передавать кое-какие вещи. Имя Морозова было известно среди товарищей. Они знали также, что он в разладе со своими родственниками, поэтому, как могли, помогали ему. А он общался с товарищами посредством стука; боль-

шинство, так же, как и Николай, выучилось этому средству связи в местах предыдущего заключения.

Прежде всего, он попросил книг по общественным наукам, которыми, как не требующими лаборатории, хотел попробовать здесь заняться. На воле осталось много сочувствующих, и они старались помочь узникам чем только возможно. Так что недостатка в необходимых ему книгах он не испытывал. Бросив чтение романов, он с жадностью накинулся на них. Начал он с истории, и эти книги ему очень не понравились. Привыкнув в естествознании иметь дело с фактами только как с частными проявлениями общих законов природы, он старался и здесь найти обобщения и общие закономерности, но их не было и близко. Но особо ему не нравилось, что все приводимые факты приходилось принимать на веру. Как в естествознании? Ты сам можешь проверить все, что угодно, в случае сомнения. А здесь больше вера, чем знание.

Месяца четыре у него продолжался период сплошных исторических занятий. Он работал не менее чем по двенадцати часов в сутки, да и остальное время ни о чем другом не думал. Это соответствовало не менее чем двум годам обычных занятий на свободе, когда человек постоянно отвлекается от своих главных работ и размышлений окружающими людьми или своей посторонней деятельностью.

Итак, изучение книг по истории мало удовлетворило его, не показав никаких общих законов, и он решил попытаться отыскать их сам.

И вот, по аналогии с современными зоологиями и ботаниками, ему захотелось написать естественную историю богов и духов, и он достаточно быстро составил ее план. Но, чувствуя, что ее детальная отделка требует редких материалов, которые можно добыть только в академических библиотеках, он оставил тот общий набросок работы, который можно было сделать в данных условиях, и принялся за изучение истории экономики.

После двух-трех месяцев постоянных занятий был составлен план и сделаны наброски для новой книги, опять по образцу зоологий, которую он назвал «Естественная история человеческого труда и его профессий».

Вот как в этих работах он выводил, например, градацию экономических отношений.

Рабовладельчество — это абсолютная монархия в производстве. Современные фабрики и заводы с их уставами представлялись ему мелкими конституционными монархиями общественного труда, правда, еще без постоянных выборных представителей от рабочих, ограничивающих власть фабрикантов. А окончательную, высшую ступень он видел в демократизации труда, в республиканской федерации различных родов производства, организованных в большие союзы, управляемые выборными органами...

Так набрасывал он мало-помалу свои заметки в полутемной камере Дома предварительного заключения, но ему не суждено было их

там окончить. Работая по целым дням, он переправлял свои рукописи, по мере их готовности, на волю, но с ними произошло несчастье. Люди, которые их хранили, подверглись обыску и прежде, чем пустить полицейских в дом, сожгли тетради Морозова. Это необходимо было сделать, чтобы не объяснять, как работы Морозова из тюрьмы попали на волю, иначе можно было погубить много людей; кроме того, хранители тетрадей не знали их содержания и могли предполагать, что в записях такого известного революционера, каким им представлялся Морозов, содержатся сведения, способные ему повредить. Но все эти аргументы были малоутешительны для Николая, так как погиб его труд, помыслы, которыми он жил в течение некоторого времени.

В будущем ему неоднократно приходилось сталкиваться с уничтожением его трудов, и он выработал для себя правило: считать работу законченной только тогда, когда она выйдет из печати...

Николай даже и не предполагал, что за стенами его тюрьмы идут серьезные хлопоты об его освобождении и что эти хлопоты ведет не кто иной, как его отец, с которым, как ему казалось, он порвал всякие сношения из-за разницы в убеждениях...

П.А. Щепочкин до поры до времени вел себя так, как будто и не знал, что сын его арестован. Но ему пришлось проявить себя. Друзья Николая связались с ним и посоветовали ему поторопиться с хлопотами о взятии сына на поруки. Многие тогда так поступали, и его предупредили, что частый выпуск на поруки заключенных уже возбудил недовольство властей и вскоре может прекратиться. 10 марта 1876 г. Щепочкин подал заявление на имя члена Московской судебной палаты Ф.Ф. Крахта. В нем излагалась просьба об освобождении Морозова под залог процентных бумаг — двенадцати акций Московского страхового от огня общества с тем же количеством купонов 1876 и 1877 гг. на сумму свыше 3 тыс. руб.

Петр Алексеевич посчитал, что год тюрьмы — вполне достаточный срок, чтобы сын смог оценить преимущества свободной жизни, и приготовился показать ему во всем многообразии эту жизнь, которую тот променял на нелегкую судьбу революционера.

Из Дома предварительного заключения Щепочкин привез сына в недавно купленный им особняк, находившийся на 12-й линии Васильевского острова, под номером 33. Внутри помещения царил строгая красота, ощущался вкус истинного ценителя искусства. Николай нашел здесь много новых картин, собиранием которых всегда увлекался отец, имевший знакомства в мире художников. Например, в его коллекции были полотна И.К. Айвазовского и А.И. Куинджи. Петр Алексеевич начал усиленно приобщать сына к старому кругу знакомств: в доме бывали бои атые помещики из их же губернии, живущие зимой в столице.

Неожиданно Николай нашел сочувствие у Селифонтова, их соседа по Борковскому имению. Это был богатый меценат всяких художеств и близкий друг отца. Несмотря на свои миллионы, картинные галереи и роскошные дворцы (один – в Москве, другой – в Петербурге), он презирал всякую внешность, считал себя народником по убеждению, а потому и дома, и в гостях ходил не иначе как в плисовых штанах, вправленных в голенища смазанных сапог, предварив этим Л.Н. Толстого лет на двадцать. Выходя на улицу, в театр или в дворянское собрание, он надевал еще поверх этого поношенную синюю поддевку и такую же смушковую шапку. Его очень часто тащили в полицию, где он торжественно и важно заявлял жалобу на грубое с ним обращение. Конечно, это был своеобразный протест, но пользы от него почти никакой не было, кроме, разве что, того обстоятельства, что столичной полиции было негласно предписано обращаться не так грубо с подозрительными лицами, внешне похожими на Селифонтова.

Сочувствие соседа было приятно, но сочувствие отца – намного важнее. Встреча с отцом принесла много разочарований. Родные по крови, они оказались бесконечно далеки по духу.

Его уважение к отцу особенно пошатнулось после следующего события. В первый же день свободой жизни Николай рано утром выскользнул из дома и явился лишь под утро следующего дня, с трудом вырвавшись от захвативших его друзей по кружку. Он ожидал взрыва гнева со стороны отца, что было бы справедливо в подобных обстоятельствах, но тот неожиданно сдержанно сообщил, что полиция справлялась о Николае и домашние не могли сказать, где он. Все это выглядело очень странно. Потом они вместе поехали куда-то по малознакомым петербургским улицам. Щепочкин был очень сосредоточен, а Николай ничего не спрашивал. Наконец они оказались в кабинете градоначальника, из разговора с которым Николай понял, что отец поторопился сделать заявление о его исчезновении.

Из-за чего же он так поторопился? Николай хорошо понимал, что не из-за сохранения своих трех тысяч и не для его пользы. Он сделал это из боязни перед Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии, наводившим панический страх на все русское общество. Отец чувствовал, что делал нехорошо, но не мог удержаться, потому что страх перед политическим сыском преодолевал у него все! А ведь во всем остальном он человек умный и смелый, во всяком случае, не трус.

С пакетом от градоначальника Николай был препровожден в здание окружного суда, перед подъездом которого с изумлением заметил карету отца. Опередив сына, Щепочкин уже беседовал со следователем по особо важным делам Крахтом. Тот счел случившееся явным недоумением, и они отправились домой.

Николай видел, что отец ищет пути к примирению, хочет его отвлечь от дальнейшего увлечения социалистическими идеями. Он возил сына в театры и картинные галереи. Пытался заинтересовать биржевыми операциями, поручив ему стричь купоны с закупленных им акций, в частности, с акций строившейся тогда Рыбинско-Бологовской железной дороги. Но все это было не то. И наконец, видя, с какой жадностью сын набросился на книги, Петр Алексеевич дал понять, что будет всячески содействовать его научным занятиям. Сам Николай был не прочь уехать на лето в Борок и погрузиться в науку, используя запас новых, накопленных в Женеве знаний. Но имеет ли он право на такой «отпуск»? Его лучший друг Кравчинский убеждал его не мучить себя напрасными беспокойствами о товарищах и поскорее уезжать в деревню, ведь лето — глухой сезон в столичных городах, а к осени о нем забудет правительство, успокоится отец, и можно будет присоединиться к действующим революционерам.

Прошло каких-нибудь десять дней жизни в отцовском доме, и, просыпаясь, Николай уже не удивлялся, что находится не в тюремной камере. Под впечатлением новой жизни он начал размышлять и о том, насколько вредна человечеству роскошь частных лиц, вроде той, которая окружала его теперь. Сам он начал сохранять каждый клочок недописанной бумаги, обрывал чистые четвертушки получаемых писем и все клал в особую папку, чтобы делать на них нужные временные заметки или вычисления. Он не мог выносить, чтобы где-нибудь горела ненужная свеча или электрическая лампочка, и это вовсе не из любви к собственной экономии, а из уважения к трудящемуся человеку, который создал их на пользу, а вовсе не для того, чтобы продукты его работы расшвыривали, как свиньи свою похлебку. Он избегал ездить на извозчиках, чтобы своим спросом не вызывать расширения этого мало полезного труда. Он убеждал себя, что извозчик нужен, когда куда-нибудь спешить, но лучше поступишь, если не будешь засиживаться в гостях или дома без нужды и пройдешь, куда нужно, пешком. Это будет и этичнее в общественном смысле, и полезнее для здоровья.

Пока Морозов упивался свободой (чему мешало лишь чувство необъяснимой вины перед оставшимися в заключении товарищами), законность его освобождения на поруки подверглась сомнению.

Член Московской судебной палаты Ф.Ф. Крахт счел возможным удовлетворить заявление Щепочкина, мотивируя постановление об освобождении на поруки недостаточностью улик против Морозова. Однако это решение оспорил прокурор Саратовской судебной палаты С.С. Жихарев, возглавлявший следствие по делам участников «хождения в народ». Прокурор считал, что улики против Морозова более чем достаточно, и ссылаясь на собранные уже естественные доказательства. Он подчеркнул, что доказанное знакомство Морозова с государственными преступниками С.М. Кравчинским, И.А. Устюжаниновым,

И.О. Союзовым, а также его «крайне неудовлетворительные» показания на следствии заставляют признать в настоящее время «освобождение Морозова преждевременным». Жихарев предложил московским судебным властям снова вернуть Морозова под стражу. Ф.Ф. Крахт в постановлении 16 марта 1876 г. не соглашался, настаивая на недостаточности улик. Решено было передать дело Морозова на рассмотрение Особого присутствия правительствующего сената впредь до разрешения возникших пререканий судебных властей.

23 марта 1876 г. последовало постановление о препровождении обвиняемого Н.А. Морозова в петербургский Дом предварительного заключения для содержания под стражей. Вспомним о сделанном ранее опрометчивом заявлении Щепочкина! Подобное заявление поручителя в момент, когда сам вопрос об освобождении на поруки еще дискутировался, явилось решающим аргументом. 24 марта 1876 г. Крахт получил из Министерства юстиции специальное предписание: *«Государь император ввиду совершенной на днях привлеченного к делу о пропаганде бывшего воспитанника 2-й Московской гимназии Н.А. Морозова попытки скрыться от своего поручителя высочайше повелевает соизволять: чтобы Морозов до окончательного решения о нем дела не был освобожден от ареста»*. Документ обращал внимание на необходимость более строгого рассмотрения дел об освобождении на поруки «политических преступников».

После вторичного ареста сына Петр Алексеевич сжег целую кучу его рукописей, увидев, что в них затрагиваются вопросы социальные, которые в империи привыкли считать если не запретными, то опасными. Среди бумаг он нашел недописанное Николаем письмо к Вере Фигнер. Из него он узнал об отношении к себе сына, который был возмущен поступком отца, не понимающего его и по сути предавшего. Отец ничего не сказал Николаю при их последнем свидании. Но больше его не посещал в тюрьме и не был на суде. Он решил предоставить своего первенца его судьбе.

Таким образом, Николай был возвращен в свою камеру так же внезапно, как был выпущен из нее. Надзиратель пошутил, что будто бы он знал, что Морозов вернется, и потому сберег его камеру в целостности и сохранности, никого туда не помещая. Николай заставил себя весело рассмеяться этой шутке... Когда захлопнулась дверь камеры, все пережитое здесь в прошлом вновь нахлынуло, и потерялось различие между прошлым и будущим...

Все его будущее в этих стенах было известно до мелочей – это непрерывное повторение безрадостных прошлых дней и ночей. Изменения должны были прийти с судом. Но когда он будет, этот суд? Сколько лет он просидит здесь?

– Ну нет, пока есть хоть искра жизни, я буду работать, я буду бороться. Они меня опять посадили, т.е. они сказали мне: «Ты не должен

заниматься наукой, ты должен заниматься революцией». Ну что ж, я буду ею заниматься, я буду заниматься заговорами, и посмотрим, какой из этого выйдет результат...

Но не один Николай был возвращен в тюрьму. Недели через две от товарищей с воли стало известно, что происходит.

Ф.Ф. Крахт, который вел дело, увидев, что, помимо истинных участников движения «в народ», арестовано много случайных людей, решил выпустить их до суда, но Третье отделение и ряд судебных чиновников, которые хотели сделать себе карьеру на этом процессе, стали вести интриги против него, считая, что тот преуменьшает роль предполагаемого процесса. Они не понимали, что подобными действиями лишь раздували пожар, который только начинался. Без них костер, может быть, и совсем не разгорелся бы, а по прошествии лета все вернулись бы по своим домам и превратились бы в простых народных учителей. Чиновники делали карьеру на крови, в буквальном смысле слова, так как от долгого заключения многие болели и некоторые умирали.

Удрученный гибелью научных трудов, Морозов решил заняться таким делом, которое обогатило бы его голову, но не требовало записи на бумаге, чтобы не выносить ее из тюрьмы. Он задумал изучать языки.

Николай относительно хорошо знал французский, но не знал немецкий, поэтому решил начать с него и попросил друзей прислать учебник. Ему прислали самоучитель Больца, составленный по системе Робертсона, суть которой заключалась в следующем. Сначала давались минимальные сведения по грамматике, а затем сразу же шли интересные тексты на языке, и тут же – их подстрочный перевод; все необходимые слова давались в начале урока. Морозов еще более упростил эту систему. Он не заучивал слова, а старался уловить их смысл из текста. К следующему уроку переходил лишь тогда, когда мог понять смысл предыдущего без подстрочного перевода.

После того, как самоучитель был освоен, Николай приступил к чтению книг на немецком языке. При первом прочтении он мало что понял, но после второго прочтения понял уже половину, а после третьего – почти все. Следующие книги десять он читал только по два раза, а потом понимал содержание уже после первого прочтения. На все это он затратил лишь один месяц.

Ободренный успехами в немецком языке, Николай принялся за английский. Здесь проявилась трудность с чисто специфическим для английского языка произношением звуков. Пришлось разработать таблицы возможных звуков. Оказалось, что существует лишь несколько основных звуков, которые могут меняться по определенным правилам. В дальнейшем он развил эти наблюдения, когда занялся вопросами филологии.

На английский язык ушло три недели. Далее шли итальянский и испанский. Работу пришлось остановить из-за отсутствия в России учеб-

ников и литературы на прочих языках. Даже испанский он уже изучал по учебнику, написанному на французском языке.

После этого в его самообразовании настала очередь математики. В это время он изучил окончательно элементарную алгебру и геометрию и потом прочел по этим наукам с десятков русских и французских курсов. Для себя он сделал следующий вывод: кто изучал по какой-либо науке только один учебник, тот этой науки не изучал.

Действительно, только прочитав ряд различных курсов, ознакомившись с основной литературой науки, он получил возможность критически отнестись к достоинствам и недостаткам различных имевшихся у него специальных книг и выработать свой собственный взгляд на этот предмет.

Точно так же прочел он затем начертательную и аналитическую геометрию, сферическую и простую тригонометрию; но когда он взялся за курсы дифференциального и интегрального исчисления, то сразу увидел, что тогдашние учебники были совершенно невозможны для их изучения без постоянных пояснений человека, уже предварительно знающего этого предмет. Вот почему, ознакомившись лишь с основной частью этого великого метода, он должен был совершенно отказаться от изучения его деталей до более благоприятных времен, так как среди тогдашних товарищей не было никого, знакомого с высшим математическим анализом, да и видаться ни с кем иначе как на получасовых прогулках он не мог.

Вполне возможно, что при очень интенсивных занятиях и энергичном усилии воли и ума он одолел бы высшую математику, но сильная болезнь на несколько недель бросила его в постель и заставила затем пробыть месяца три в тюремном лазарете.

От вялости и однообразия тюремной жизни и недостатка впечатлений почти у всех заключенных через несколько месяцев развивается хроническая вялость пищеварения. Развилась эта вялость желудка и у Морозова, особенно благодаря его ежедневным занятиям науками. В результате он получил воспаление двенадцатиперстной кишки и желчных протоков, с разными осложнениями, и его с высокой температурой отправили в лазарет — такую же камеру, но с несколько другим распорядком жизни. От сильной внутренней боли он не мог даже перевернуться и ждал смерти с минуты на минуту. В воспаленном мозгу родились строчки:

Сгинули силы...

Тускло сияние дня...

Холод могилы

Обнял, как саван, меня!

Те же все стены...

Тяжесть тупая в уме...

Нет перемены!

Глухо и душно в тюрьме.

Он не записывал эти строчки, так как под рукой не было бумаги и карандаша, но они назойливо повторялись в уме, как бесконечный ремень на блоке, и служили почти всю ночь аккомпанементом к звону и шуму в ушах, к беспорядочным мыслям и картинам в его воображении...

Через пять дней к этим строкам присоединились следующие:

Чаша все ближе...
Мало осталось пути...
Благослови же,
Родина-мать, и прости!

Он каждый день спрашивал приходящего врача, не умрет ли он сегодня и не пора ли писать письмо. Доктор неизменно отвечал, что надеется на выздоровление.

Через неделю кризис прошел, и Николай постепенно стал выздоравливать. И вот однажды, когда ему уже было разрешено вставать, в его камере неожиданно появилась посетительница. Он не поверил своим глазам: перед ним стояла Вера Фигнер! Морозов знал, что ее саму разыскивает полиция, чтобы посадить в этот самый дом. Она воспользовалась тем, что на свидание в лазарет по четвергам ходят не менее десяти человек, и когда вся толпа, через головы друг друга, подавала прокурорские пропуска сторожу в воротах, проскользнула незамеченной. Прошло два года после их встречи в Женеве. За это время ее подруги по университету, уехавшие в Россию, были арестованы, и она не могла более оставаться в Берне, решив продолжить их деятельность и разделить их судьбу. Морозов был страшно счастлив. Та, к которой он чувствовал все время заточения такую нежность и любовь, не только вспоминала о нем, но даже пришла навестить его, больного, в темнице, с опасностью остаться в ней на много лет в таком же одиночестве!

Ощущение счастья есть лучшее лекарство, и потому после свидания с Верой он начал особенно быстро поправляться. Его перевели в прежнюю камеру, но силы не сразу вернулись к нему, еще примерно полгода ему требовались лекарства и порошки из-за атонии пищеварения.

В это же время он написал свою первую поэму «Виденья в темнице». (За нее, в основном, он был посажен в тюрьму в 1912 году.) Эта поэма и еще несколько стихотворений были переправлены товарищами на волю, а затем еще дальше – в Женеву, где вместе со стихами его товарищей они были напечатаны в сборнике «Из-за решетки» и в таком виде вернулись назад в Россию, создав Морозову репутацию революционного поэта, что ему было очень приятно.

В его первых стихах ощущаются мотивы любимых им с детства М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова. Но он пришел в поэзию со своей темой, он приоткрыл в своих стихах внутренний мир человека, посвятившего себя освобождению Родины, добровольно отказавшегося ради этой цели от многих жизненных благ.

Вы, друзья, что в борьбе уцелели,
Тоже здесь вспоминаетесь мне...
Лучше ль вам на родной стороне?
Ближе ль, братья, стоите вы к цели?
Тяжкий крест привелось вам принять,
Легкий жребий мне выпал на долю:
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.

Его стихи стуком передавали из камеры в камеру, заучивали наизусть, пересылали на свободу друзьям. Ко времени выхода из тюрьмы Морозов был уже признанным в народнической среде поэтом. Наряду со стихами товарищей по заключению (Ф. Волховского и С. Синегуба) его поэзия оставалась близкой не одному поколению революционно-демократической интеллигенции.

Кроме науки и поэзии, Николай вместе с товарищами по заключению вел ежедневную борьбу с тюремным режимом. Подобно тому как герой Мольера не знал о том, что говорит прозой, так и революционеры-семидесятники, в теории открещивающиеся от политики, не подзревали, что ведут именно политическую борьбу, пытаясь в царской тюрьме создать сносные условия существования. Свидания, выдача книг, прогулки на свежем воздухе, право переговариваться через окна – все отвоёвывалось борьбой заключенных.

Наиболее серьезная акция протеста была связана с посещением 13 июля 1877 г. Дома предварительного заключения петербургским градоначальником Ф.Ф. Треповым. При этом один из заключенных то ли, как он утверждал, не обнажил голову при приближении градоначальника, то ли оскорбил его дерзкими словами, как показывал Трепов, но в результате по приказу сановника он был высечен розгами. Телесное наказание узника на глазах других заключенных и в назидание им вызвало волну возмущения невольных свидетелей экзекуции. Казалось, все беззаконие и бессудность существующего строя выразились в этом факте насилия представителя власти над политическим заключенным – студентом и дворянином. Каждый из узников остро почувствовал себя на месте наказанного. Ни принадлежность к привилегированному сословию, ни существующие в стране законы (отмена телесных наказаний произошла почти двадцать лет назад) не гарантировали защиту от произвола. Дикая расправа над политическим заключенным выросла до символического обобщения царящего в стране бесправия. Тюрьма огласилась криками негодования, в знак протеста заключенные били стекла в окнах своих камер.

По приказу того же Трепова порядок был быстро наведен железной рукой специальных армейских подразделений. Десятки заключенных были избиты, большинство протестующих попало в карцер. Зачинщи-

ков бросили в зловонный подвал, из которого никогда не убирались нечистоты. Эта история проникла в печать, стала известна в обществе. Революционеры выпустили листовку, призывавшую к борьбе против «гнусного произвола, во имя достоинства человека».

Со временем в Доме предварительного заключения все узники разделились на так называемые «клубы». «Соклубники» имели возможность переговариваться через общую канализационную трубу. Между «клубами» связь устанавливалась посредством перестукивания и передачи записок. Членами «клуба», куда входил Николай, были М.Ф. Грачевский, Ф.Н. Лермонтов и П.А. Орлов.

Одной из главных тем, обсуждаемых в «клубах», была начавшаяся русско-турецкая война 1877–1878 гг. Все выражали горячее сочувствие восставшим против Османской империи славянам. Николай считал, что не будь он сейчас в тюрьме, был бы на Балканах. Этому же мнения придерживалась и большая часть его товарищей по заключению. В то же время они недоумевали относительно правительственной позиции: «Как могут заклятые враги гражданской свободы у себя дома защищать ее в других странах?».

В Доме предварительного заключения в Петербурге Николай написал и передал на волю для опубликования статью «Литературная злоба дня». Она была напечатана в «Отечественных записках» в январском номере за 1877 год. Это была его первая статья, опубликованная в легальном издании и поэтому доступная многим.

В ней он писал: *«Тяжело умирать преждевременно, в полном расцвете сил и способностей; но если жизнь не поколебала в человеке убеждения, что избранная им "стезя" действительно ведет к счастью, к истине, тогда ему с полным основанием могут позавидовать все те, кто осужден судьбою день за день, как лямку, тянуть свою жизнь, с отвращением к самому себе, с презрением к окружающему...»*

Сила исторической жизни есть сила стихийная, и если мы не знаем ее законов, как не знаем многих законов, управляющих и стихиями, тем не менее мы имеем тот отрицательный вывод, что характер этой жизни не зависит от индивидуальных качеств немногих, в том или другом отношении выдающихся личностей, а обуславливается стремлениями и интересами большинства.

Нигде экономический закон взаимной зависимости спроса и предложения так не действителен, как на умственном рынке. Работники мысли вообще и писатели в частности дают только то, что от них спрашивается жизнью, в чем общество в данную минуту наиболее нуждается, и это тем справедливее, чем развитее и умственно-самостоятельнее образованное большинство общества...

Человек силен только своею солидарностью с людьми, прочно только то, что является как результат живых потребностей, а не в силу слепого послушания мертвенным и неподвижным формулам. Справедливо только то, что опирается на фундамент общих интересов, не интересов той или другой личности или касты, или класса, но интересов всего народа и в высшем и общем выражении идеи справедливости – интересов всего человечества. Что это возможно, что такой идеал мыслим – об этом свидетельствует нам наука, не академическая, не кафедральная, а настоящая наука...

Если жизнь современных обществ – борьба и битва, то битва не на гомеровский лад, где действуют ахиллесы и гекторы, аяксы и энеи, где эти герои говорят друг другу перед началом битвы пышные “быстрокрылые” речи, где простые смертные изображают собой или “хор” или просто декорацию... это битва на современный образец и по современному способу, где действуют массой, где каждый солдат знает свое место, и только на этом месте, только в ряду своих товарищей и союзников, он может исполнить свои обязанности, свой святой долг. Пора понять это. Пора перестать думать, что масса инертна и бессмысленна, что она живет не мысля и не чувствуя и что ее историческая роль – служить только орудием для исполнения великих планов какого-нибудь Бовы Королевича...

Ученые люди не всегда бывают развитыми людьми, а развитые люди не всегда бывают честными людьми или, одним словом, культивированный человек – совсем не то же, что цивилизованный человек...

Если современная наука не в силах, как указывает опыт, перевоспитать, нравственно укрепить, цивилизовать своих собственных жрецов, тех людей, которые находятся в непрерывном общении с нею, то как может она сделать это относительно простых смертных?..

В науке истории все спорно и сомнительно. Смысл прошедших событий, их значение, дух, характер – все это может быть истолковываемо – и действительно истолковывается – на тысячу ладов и манер. Но вне всяких споров и выше всяких сомнений стоит факт этой, если можно так выразиться, поверхностности исторической жизни. Именно в нем, в этом факте, и заключается основная причина той бесплодности, безнравственности и односторонности, ярче всего характеризующих общечеловеческую цивилизацию в том виде и духе, в каком она представлялась до сих пор.

Ограничиваясь ничтожным, сравнительно, кругом привилегированных лиц, эта цивилизация и не могла, конечно, быть разрабатана с той же глубиной и полнотою, какая возможна лишь при условии дружного содействия в этом деле всех сил коллек-

тивного ума человечества. Отсюда незначительность ее результатов, ее относительная бесплодность. Тесно связанная с принципами, противоречащими самым элементарным требованиям справедливости, она не могла приобрести того одухотворяющего, облагораживающего влияния на людей, которое должно, по праву, принадлежать ей, как одно из свойств, присущих самой природе ее. Отсюда ее нравственное бессилие. Служа интересам немногих, подчиняясь требованиям только того меньшинства, которое создавало ее и интересы которого были совершенно исключительны и ни в коем случае не солидарны с интересами большинства, она, по необходимости, ограничивалась только теми немногими задачами, которые входили в круг жизни этого меньшинства. Отсюда ее крайняя односторонность...

Масса стоит ближе к цивилизации не только в том отношении, что среди суровой практики своей жизни она не успела воспитать в себе ни эгоистических привычек, ни вредных, искусственных потребностей, подобных тем, какие привила к нам наша культура, наша жизнь. Она ближе и в том отношении, имеющем огромную практическую важность, что формы ее теперешней жизни – в главных чертах именно те самые, в которые должно уложиться богатое и разнообразное, но само по себе бессильное и бесплодное содержание нашей мысли, нашей культуры, нашей науки...»

Наконец состоялся суд, которого так ждали, ибо он должен был принести определенность в их положении. Отношение к суду выработалось сразу: не признавать его, ведь суд должен быть третейский, а их собирались судить судом сенаторов, состоящих на службе у правительства, против которого все и выступали, – Особым Присутствием Правительствующего Сената.

18 октября 1877 г. в здании Петербургского окружного суда на Литейном открылся процесс над участниками «хождения в народ». Председателем суда был сенатор К.К. Петерс, обвинителем — обер-прокурор В.А. Желеховский.

Суд длился более трех месяцев. Большинство подсудимых, и среди них Николай, отказались идти выслушивать свой приговор. Те, кто присутствовал при его зачитании, принесли поразительную весть: практически всех выпустят на волю. Так закончился процесс, который так долго готовили. Каковы же его итоги?

Процесс участников «хождения в народ» готовился властями с 1874 г. Всего по стране было арестовано около 4 тысяч участников движения. К дознанию было привлечено 770 человек. Понимая невозможность одновременного суда над таким множеством людей, власти освободили под надзор полиции около 500 человек. Следствие велось против 290. За три года, пока оно тянулось, их число уменьшилось еще на 93 человека (это те, кто сошел с ума, покончил жизнь самоубийством и умер

от разных заболеваний в тюрьме). Суду предавалось 197 человек, из которых четверо умерли в самом преддверии судебного процесса, поэтому он вошел в историю как Процесс «193-х». Но это был еще не конец. В ходе суда умерло еще три человека.

И вот приговор, объявленный 23 января 1878 года. Из 190 оставшихся подсудимых, отсидевших уже по 3–4 года, 91 были оправданы, 39 – приговорены к ссылке, 32 – к заключению от 3,5 до 5 лет, а 28 – к каторге сроком от 3,5 до 10 лет. С учетом уже проведенного в заключении времени большая часть подлежала освобождению. Это был скандал. И, чтобы как-то спасти свое лицо, Третье отделение с санкции императора большую часть освобожденных отправило в ссылку.

Героями процесса были П.И. Войнаральский, Д.М. Рогачев, И.Н. Мышкин, получившие наибольшие сроки. Особенно известной была произнесенная в «последнем слове» по поручению товарищей программная речь И.Н. Мышкина. В ней он говорил о несправедливости и нищете народа как основе революционных настроений разночинской интеллигенции. Он говорил о ее социалистических идеалах, утверждая, что только революционным путем возможно их осуществление. Речь Мышкина, распространяемая в списках, неоднократно печаталась в нелегальных типографиях, способствовала пропаганде народнической программы.

Морозова приговорили к пятнадцати месяцам тюрьмы, и в результате зачета в срок трех лет предварительного заключения он был освобожден. А вот его друг Иван Союзов был приговорен к 9 годам каторги. И причина этого была в следующем. Николай использовал тактику полного отказа давать какие-либо показания по существу дела, перекладывая бремя доказательства на само следствие. Поэтому ему и не было предъявлено чего-нибудь серьезного.

Защищать Николая вызвался известный присяжный поверенный при Петербургском окружном суде Г.В. Бардовский. (Он защищал революционеров на ряде политических процессов 1870-х годов, был близок к народнической среде, а годом позднее он и сам попал в Дом предварительного заключения как арестант, там заболел психически и умер в 1880 г.) Но Морозов, как и многие его товарищи, отказался от адвоката. И их вскоре перестали вообще приводить из тюрьмы на суд, поскольку они срывали его заседания.

Этот процесс стоил сотни молодых жизней, загубленных ради своей карьеры недалекими чиновниками. Тысячи сломанных судеб – вот главный его итог. Но у этих людей были родственники, знакомые. Так что в его круговорот было вовлечено достаточно много народа. Революционерам пришлось бы очень долго работать, чтобы получить такой эффект. Вот она – иллюстрация к его модели «блока в социологии».

Другим итогом этого процесса был выстрел Веры Засулич в генерала Трепова за его издевательства над заключенными. Выстрел был сделан на следующий день после зачитания приговора, чтобы не повли-

ять на судьбу товарищей. Разрядив револьвер, она демонстративно швырнула оружие к ногам жертвы и даже не делала попытки скрыться. Засулич считала, что совершила справедливое дело, наказав бесовестного человека, издевавшегося над беззащитными заключенными. Суд присяжных, председателем которого был А.Ф. Кони, оправдал революционерку, и этот приговор вызвал волну одобрения в самых широких кругах общественности, но для Морозова это имело особое значение. Он уже думал о том, что надо ответить террором на террор, нужна партизанская война – только это заставит правительство пойти на уступки.

Но так ли думают его друзья?

Здесь, на свободе, Николай узнал, что все старые общества закончили свое существование, но его друзья решили создать новое. Об этом ему сообщил Сергей Кравчинский. Когда Николай спросил его о методах борьбы, которые после выстрела Засулич следовало бы изменить, Сергей со всей серьезностью ответил, что этот вопрос уже обсуждался и решено создать два отдела в организации – пропаганды и боевых действий.

Глава IV

«ЗА СВОБОДУ И СВОБОДУ»

...О, как нам хотелось
Делу все силы отдать!
Жгучая жажда в груди загорелась
Верить, любить и страдать...

Николай Морозов

Николай не мог и предположить, что в газете, которую он купил на перроне Берлинского вокзала, окажутся новости, так сильно его касающиеся.

В Зимнем дворце был произведен взрыв. Император не пострадал...

С таких событий, о приближении которых он не мог не догадываться, начинался его «бессрочный отпуск» за границу, который он сам расценивал как «отставку». Он понимал, что оказался где-то на обочине большого движения, почти в одиночестве. Рядом с ним была лишь Ольга – верный товарищ, жена и единомышленница. Но это как бы часть его самого...

Было начало февраля 1880 года. Ровно три года назад он вышел из тюрьмы...

За время его пребывания в тюрьме Петербург сильно изменился, превратился в город стачек и демонстраций. В это время стали обычными вооруженные сопротивления при аресте. Участились покушения на представителей власти. Продолжались рабочие стачки. Волновалось студенчество. Более, чем обычно, были активны либералы, явно искавшие контактов с революционными силами. В столице закипало всеобщее недовольство дипломатическими и военными трудностями, удорожанием жизни, в самых разных общественных кругах раздавалась более острая, чем обычно, критика правительства.

Его первым временным домом стала редакция журнала «Знание», расположенная на Мойке, куда на второй день после освобождения его привел старый товарищ Саблин. Три с половиной года назад им уже приходилось пару раз здесь ночевать перед отъездом за границу. На вопрос хозяйки квартиры госпожи Гольдсмит (урожденной Андрусовой, с которой он был близко знаком в детстве) о его дальнейших планах Николай сообщил, что возвратиться к родным уже не может. В своем расхождении с отцом он чувствовал себя в равной степени виноватым, но не считал возможным сделать первый шаг к примирению, ибо, по его мнению, примирение принесло бы ему большие материаль-

ные выгоды, и он не хотел дать повод думать, что извинился перед отцом в расчете на них. А в новой жизни еще предстояло разобраться.

Большая часть вышедших по процессу «193-х» стала появляться на революционных сходках, в которых участвовал и Николай. Это общество собиралось каждый вечер у Софии Перовской, жившей на Лиговке в «доме Фредерикса», почти над тем местом, где большая арка ведет на первую Рождественскую улицу. На этих сходках он и познакомился по-настоящему со своими сопроцессниками – с А.И. Желябовым, С.Л. Перовской, М.Ф. Грачевским, А.В. Якимовой, М.Р. Лангансом, Л.А. Тихомировым. Здесь он встретился со старыми товарищами по кружку «чайковцев» – С.М. Кравчинским, Н.А. Саблиным, Т.И. Лебедевой. Поначалу возникла попытка восстановить «Большое общество пропаганды». Однако сил для этого оставалось слишком мало. В то же время в движении уже действовала другая организация, знаменующая его новый период – будущая «Земля и воля»¹. Учитывая предшествующий опыт работы в народе, революционеры решили перейти к поселениям среди крестьянства (рассчитанным на длительный срок) в тех районах, где его недовольство предполагалось наиболее сильным. Таким, как и прежде, считалось Поволжье, где, по мнению народников, сохранились традиции, идущие от крестьянских войн.

Николай инстинктивно чувствовал, что после выстрела Веры Засулич центр революционной деятельности переносится в города и что пропаганда среди крестьян не принесет ожидаемых результатов. Внутренне ему хотелось остаться в Петербурге, но он не в силах был противостоять обаянию Веры Фигнер, которая звала его в Тамбовскую губернию. Она еще не была «в народе», и ей хотелось испытать то, что испытывали ее предшественники. Николай же чувствовал к ней такую любовь и обожание после того, как она с явным риском для себя явилась год назад в его темницу, что, не успев еще хорошо сориентироваться в окружающем, он отдал себя сразу в ее распоряжение.

Итак, не прошло и месяца после выхода на свободу, как Николай снова отправился «в народ». Он ехал вместе с В.Н. Фигнер, Ю.Н. Богдановичем, А.К. Соловьевым и А.И. Иванчиным-Писаревым в Тамбовскую губернию с целью поселиться группой в одной волости и подготовить ее к революционному выступлению года за три. В.Н. Фигнер рассчитывала на своего знакомого, влиятельного тамбовского земского деятеля М.В. Девеля, который обещал помочь их устройству в деревне. Сама она предполагала стать фельдшером, Морозов – учителем, а Иванчин-Писарев, Богданович и Соловьев – волостными писарями.

Но в Тамбовской губернии, где они оказались в начале марта 1878 года, работать им не пришлось. Девелю оказалось не под силу устроить в одну волость одновременно несколько человек, и, прождав три недели, друзья решили двинуться в Саратов.

Так в марте 1878 года они оказались в Саратове. Здесь летом 1877 года действовало народническое поселение. Но теперь от него остались считанные единицы. В ожидании устройства в деревне вновь прибывшие провели несколько общих собраний с местными революционерами и действующими в Саратовской губернии землепользователями (М.Р. Поповым, С.А. Харизоменовым и А.Д. Михайловым). Участники поселений делились своим опытом, строили планы предстоящей революционной работы.

Но Николай жаждал активных действий. Поначалу он попытался организовать в Саратове «боевое дело», которое бы, по его мнению, всколыхнуло и оживило деятельность местного кружка, казавшуюся ему чересчур вялой. С подачи революционной местной молодежи он предлагал совершить покушение на особо вредного для революционеров своей ревностной службой здешнего пристава. Но друзья решительно воспротивились, считая, что исполнение его плана повредит главному, ради чего они все здесь находились, — организации поселения.

Николай чувствовал, что его товарищи, не исключая, может быть, и Веры, приходят постепенно к заключению, что он пристал к ним по недоразумению и не будет способен вести дело в качестве скромного, никому не ведомого сельского учителя, так же сдержанно и осторожно, как задумали они. Он оказался здесь, вдали от городских центров, где уже кипела борьба за гражданскую свободу, только для того, чтобы быть рядом с Верой и спасти ее от всевозможных предстоящих ей опасностей. Но и это оказалось невостребованным.

Наконец кризис разрешился. Друзья отпустили его в центр, поручив быть посредником между основным кружком «Земли и воли» и их группой. 18 мая Николай прибыл в Москву. А через несколько дней переехал в Петербург, где находился центр их старой организации.

В Петербурге он нашел только Клеменца и Кравчинского, да несколько человек из студенческого кружка, основанного с год тому назад Натансоном, сосланным еще до его освобождения. Клеменц шуточно назвал их «троглодитами» за то, что они от всех посторонних скрывали свои квартиры.

Уже по первым своим впечатлениям по выходе на свободу он понял, что если есть еще люди, способные энергично и самоотверженно продолжать в новом виде начатое ими дело, то это именно они. Поэтому он вместе с Кравчинским очень быстро установил с этими людьми деловые контакты, заявив оставшимся товарищам из чайковцев, что бывшее невосвратно и что новые времена и обстоятельства требуют и новых методов революционной борьбы. Клеменц был очень опечален неудачей восстановления прежнего общества, но через некоторое время сама жизнь опять объединила их всех вместе.

Друзья Николая задумали освобождение видного участника процесса «193-х» П.И. Войнаральского. Решено было отбить арестанта при пе-

ревозе из Харькова в Ново-Белгородскую пересыльную тюрьму. На Харьковской дороге предполагалось организовать вооруженную засаду, которая должна была обезоружить жандармский конвой. В боевую группу, готовившую акцию, входило около 15 человек. Среди них были Николай, А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, А.И. Баранников, С.Л. Перовская и ряд других товарищей, с которыми он был не очень знаком. Акцию назначили на 1 июля 1878 г., но из-за недостаточной продуманности плана и несогласованности в действиях участников предприятия она окончилась неудачно. Процесс перехода народников-пропагандистов к боевым действиям был по-своему труден для них, требовал организационной и тактической перестройки, усиления дисциплины, большей мобильности и маневренности. Именно поэтому далеко не все боевые акции поначалу проходили удачно.

В Харьковской операции Морозову отводилась подсобная, вспомогательная роль, так как М.Ф. Фроленко — одному из главных ее организаторов — стало «не по себе» оттого, что к делу присоединялся юнец, который, казалось, и не жил еще, только в тюрьме сидел. И вообще, в движении постепенно вырабатывался принцип бережного отношения к молодежи. Слишком молодых людей старались не посылать в борьбу на смерть, а прежде дать окрепнуть их характерам, развить их духовные силы.

Кроме того, это оказалось и дорогим мероприятием. Вот во что оно обошлось организации:

Оружие: 7 револьверов по 35 р. — 245 р.; патроны — 35 р.; холодное оружие — 15 р.; починка и точка оружия — 5 р. Итого 300 р.

Инструменты и краски: бинокль — 25 р.; бритва, ножницы и др. инструменты — 12 р.; краски — 30 р. Итого 67 р.

Проезды: туда — 4 чел. по 30 р. — 120 р.; оттуда — 430 р., т.е. $35\frac{2}{3}$ р. на человека. Итого 550 р.

Костюмы: 3 интеллигентских костюма по 30 р. — 90 р.; 2 таких же по 25 р. — 50 р.; 2 таких же по 20 р. — 40 р.; один такой же за 45 р., другой за 40 р., третий за 15 р. — 100 р.; 1 военный за 75 р.; другой военный за 25 р. — 100 р. Итого 380 р.

Квартиры: три квартиры по 20 р. — 60 р.; две квартиры по 15 р. — 30 р., одна квартира за 25 р., одна квартира за 840 р. (о ней счет отдельный). Итого 955 р.

Содержание: 10 чел. по 15 р. — 150 р. Итого 150 р.

Итого: без малого — две с половиной тысячи рублей.

В июле 1878 года Николай участвовал в попытке освобождения Е.К. Брешко-Брешковской, товарища по процессу «193-х». Ее приговорили к 5 годам каторги, и революционеры решили ее отбить у жандармов по дороге из Нижнего, где ее должны были провозить. Однако Морозов прибыл туда после того, как Брешко-Брешковскую уже увезли из города. Но он завязал связи с местными революционерами С.Г. Ширяевым и А.В. Якимовой, которые вели тут пропаганду среди рабочих.

Здесь он получил известие об убийстве 4 августа 1878 г. шефа жандармов Н.В. Мезенцева С.М. Кравчинским. Его любимый друг первым осознанно начал борьбу с правительством по методу Вильгельма Телля. Этот метод Николай считал единственно правильным в существующих в России условиях. По его мнению, революционный террор должен был обеспечить осуществление фактической свободы мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия – необходимые условия для широкой пропаганды социалистических идей. Кравчинский, после долгих колебаний, убил шефа жандармов Мезенцева, заколов его посреди людной улицы, и ускакал на подготовленной заранее лошади – знаменитом Варваре, ранее спасшем из тюрьмы князя П.А. Кропоткина.

Когда в начале августа Николай вернулся в Петербург, первым его встретил Сергей Кравчинский. При встрече друзей Сергей подарил Николаю очки в золотой оправе, которые он надевал на себя для гримировки при убийстве. (Эти очки, вставив нужные стекла, Морозов носил всю жизнь, до самой смерти, как память о любимом друге.) У Сергея была новость и для Николая. Ему предлагалось, совместно с ним и Клеменцом, заняться изданием в России революционного журнала под названием «Земля и воля».

– Почему «Земля и воля»? – удивился Николай. – Лучше «За свет и свободу», это название более соответствует современной политической ситуации.

– Нет, надо оставить «Земля и воля», это будет сохранением прежних традиций – так называлась организация, в которой действовал Чернышевский. Кроме того, крестьянам это название будет ближе, – возразил Сергей.

– В конце концов, не столь важно, как назвать журнал, важно, что там будет печататься, – подумал Николай и с радостным чувством от встречи с другом и от полученного нового задания зашагал на конспиративную квартиру к Малиновской.

Здесь произошло еще одно важное событие. Среди привычных гостей появилась молодая девушка с огромной черной косой, красивыми серыми глазами и слегка смуглым лицом. Необычное чувство овладело Николаем, когда он ее увидел. По заведенному в их среде обычаю он поздоровался с незнакомкой за руку, взял стул и сел рядом, не спуская с нее восхищенных глаз.

Это была Ольга Спиридоновна Любатович, дочь служившего в Москве инженера. Она была его ровесницей. Семнадцати лет от роду она вместе с сестрой отправилась в Швейцарию. Это было в 1871 году. Там обе учились медицине, сначала в Цюрихском, а потом в Бернском университетах, однако вскоре с группой русских студенток вернулись в Россию для революционной работы. Ольга так же, как и многие ее подружки, поступила работницей на бумагопрядильную фабрику в Москве,

чтобы вести там социалистическую пропаганду, но в 1875 году эта деятельность была прервана ее арестом. После трехлетнего пребывания в тюрьме Ольга была приговорена по процессу «пятидесяти» к девяти годам каторжных работ, но в последний момент каторгу заменили ссылкой.

Восхищение Николая еще больше усилилось, когда он услышал историю ее недавнего дерзкого побега из сибирской ссылки. И было это так.

Местный исправник всеми силами притеснял революционеров: задерживал письма, требовал ежедневного посещения полиции с обязательным расписыванием в журнале, не передавал посылок... Ольга решила обратить зло во благо, воспользовавшись таким его поведением для организации побега. Она несколько раз заявляла, что утопится в знак протеста чинимым притеснениям. И вот однажды, приготовив запасную одежду, она оставила ее на берегу реки, а сама села в заранее заказанный экипаж и уехала из города. Ее товарищи в это время стали распространять слухи, что Любатович утопилась, и полиция вместо того, чтобы преследовать беглянку, стала выуживать баграми ее тело...

Ольга Любатович

Николай был в восторге от проявленной изобретательности. В этой девушке было что-то особенное, героическое и в то же время женственное. Николай влюбился в нее с первого взгляда, полностью и окончательно.

Не прошло и десяти дней, как Николай почувствовал, что не может больше молчать и должен объясниться с Ольгой. К великой радости, он узнал, что их чувства взаимны. Она тоже сразу полюбила его. Но жизнь под постоянной угрозой гибели не давала им права заводить семью. И все же им казалось тогда, в те первые дни, что будущее светло и прочно, как будто сама любовь должна была заслонить их невидимым щитом от подстерегающих опасностей.

В том же знаменательном для него августе 1878 г. Николай вместе с Ольгой был по всем правилам устава принят в организацию «Земля и воля», с которой он сотрудничал со дня выхода из заключения. Устав партии требовал для этого прежде всего согласия с программой, выдвинувшей «своей ближайшей целью осуществление народного восстания». Отныне они, следуя этому уставу, должны были подчиняться решению большинства, соблюдать полнейшую тайну относительно всех внутренних дел организации, не иметь частной собственности, приносить на пользу организации все свои силы, средства, симпатии и антипатии и даже свою жизнь. Принятие нового члена в основной кружок требует очень строгой оценки личности – говорилось в уставе «Земли и воли». Необходимо, чтобы вновь принимаемый член был известен кружку со стороны опытности и практичности в делах. За него должны

были поручиться минимум пять членов основного кружка. Причем на каждый голос «против» должно было быть два лишних голоса «за»².

Первый номер «Земли и воли» вышел 25 октября 1878 г. Его редактировали Кравчинский, Клеменц и Николай. (Состав редакции постоянно менялся. № 2 выпускали Морозов, Клеменц, Плеханов, № 3 – Морозов, Клеменц [Тихомиров после ареста Клеменца], Плеханов, № 4 и № 5 – Морозов, Плеханов, Тихомиров.) На Николая было возложено соби́рание нужного для подпольной газеты материала, составление хроники текущих событий. Это была важная часть редакционной работы, которая должна была обеспечить многогранное освещение разных сторон русской жизни, борьбы трудящихся классов. В «Земле и воле» можно было прочитать не только о вооруженных сопротивлениях властям, террористических покушениях, пропаганде в народе, но и о рабочих стачках и студенческих волнениях, о бесчинствах цензуры и самоуправстве чиновников. Здесь печатались стихи, которые не могли найти места на страницах легальных изданий, и публиковались секретные правительственные документы, для печати не предназначенные.

В роли своеобразного секретаря-делопроизводителя редакции Николай был незаменим. Никто, как он, не чувствовал себя с равной непринужденностью в либеральном салоне и на студенческой сходке, в редакции солидного легального журнала и в фабричной столовой, в приемной известного адвоката и в кабинете знаменитого писателя. Этой свободе общения и легкости контактов немало способствовали открытый и доброжелательный нрав Морозова, обаяние его личности, разносторонность, основательность знаний, так не сочетавшиеся с его молодостью. Его интересовали люди различных направлений общественной мысли, разных политических позиций. Сам великолепный рассказчик с навыками пропагандиста, он умел и хорошо слушать. Как своеобразный посредник между редакцией революционного органа и обществом Морозов был вне конкуренции. Работа по заведению связей, соби́ранию материалов, составлению хроники для очередного номера «Земли и воли» отнимала уйму времени. С утра до вечера Морозов мотался по Петербургу, часто из конца в конец пешком, чтобы сэкономить общественные деньги. Своего угла по-прежнему не было, а временные пристанища часто приходилось менять. Не могло быть у революционера на нелегальном положении сколько-нибудь упорядоченного ритма жизни с определенными часами для работы, питания и отдыха. Здоровье, подорванное тюрьмой, не восстанавливалось. В этот период проповедник партизанской войны с правительством, весь увешанный оружием, напоминал молодое деревце, выросшее без свежего воздуха. Недаром при частой смене кличек и нелегальных фамилий за Морозовых закрепи́лась одна – «Воробей».

Исправно исполняя возложенные на него обязанности сборщика материала, Николай мечтал и сам писать для своей газеты. Однако

редакция отклоняла одну за другой его статьи для «Земли и воли». Главным было то, что его идеи лежали не в русле проповедуемого редколлекгией. Тем более что редакция партийного органа находилась в ведении землевольческого центра, направлявшего всю деятельность организации, и целиком ему подчинялась.

В «Земле и воле» Морозову удалось опубликовать, кроме хроникальных обзоров, лишь одну заметку — «Попытка освобождения Войнаральского». Ему охотно поручали написание прокламаций по поводу покушений на правительственных лиц и шпионов, казней правительством революционеров. Считали, что здесь его «террористический энтузиазм» был более уместен. Для статей же в «социально-революционное обозрение», задуманное как орган революционно-демократической интеллигенции, не только агитационный, но и теоретический, страстная проповедь Морозовым политических убийств казалась неприемлемой. Однако террор находил все больше приверженцев в рядах революционеров, написавших на своем знамени лозунг освобождения народа силами самого народа, выдвинувших целью «противопоставить правительственной организации широкую народную организацию». Тяготение к этой форме борьбы получало все большее отражение и в землевольческой журналистике.

Террор как форма борьбы революционеров с самодержавной властью был вынужденным способом действия. Террор был выражением отчаяния людей, понявших неизбежность борьбы с существующим строем, решившихся на нее, но не имеющих для этого ни сил, ни средств, ни резервов. На террор наталкивала их вся политика самодержавия, главными средствами которой были насилие и репрессии, удушение свободы мысли и слова, подавление человеческой личности.

Как только вышли первые номера нового революционного журнала, активность жандармерии резко увеличилась, участились обыски и аресты — искали подпольную типографию; и было решено временно, пока не улягутся страсти, Ольгу и Сергея Кравчинского отправить за границу. Николай больше других уговаривал ее уехать, хотя на душе у него была такая тупая боль, словно его снова посадили в одиночное заключение.

После отъезда Ольги Николай написал ей стихотворение и отправил в Швейцарию:

Милый друг, безумно смелый,
Честный и живой,
Быстро время пролетело
Наших встреч с тобой.

Если я к тебе, бывало,
Мрачный приходил
И подавленный, усталый
С грустью говорил

О тоске невыразимой,
Что людей гнетет
В этой жизни нестерпимой
Горя и невзгод –

Ты рассеянно молчала,
Слушая меня,
И скучала, и зевала,
Сон едва гоня.

Но когда в порыве новом
Речь я заводил
О борьбе с врагом суровым
До последних сил,

Снова клялся за свободу
Душу положить
И врагам за все невзгоды
Братьев отомстить, –

Все черты твои светлели,
Нет следа тоски.
И глаза твои горели,
Словно огоньки.

После отъезда за границу С.М. Кравчинского (в ноябре 1878 г.) и ареста Д.А. Клеменца (в феврале 1879 г.) в редакцию были введены Л.А. Тихомиров и Г.В. Плеханов. Последний непримиримо относился к защите на страницах народнической газеты террора (и, соответственно, неприязненно к его проповеднику Н.А. Морозову). Плеханов отстаивал идею крестьянской революции как единственно правильную для органа революционеров-социалистов.

Тихомиров же был сторонником «политического» направления, хотя и не столь одержимым «террористом», как Морозов. Это течение, таким образом, оказалось представлено в редакции более сильно. Но, тем не менее, выпуск газеты затруднялся принципиальными несогласиями редакторов. Выход нашли такой. Решено было создать хроникальное добавление к газете, где освещались бы революционные события, вокруг которых в редакции и кипели споры. Фактически это означало возможность писать именно о политической борьбе, поскольку она уже тогда составляла главное содержание деятельности революционеров: работа в деревне почти прекратилась.

Редактором «Листка “Земли и воли”», был назначен Морозов. Это была небольшая по формату и объему газета, созданная как дополнение к основному органу (с марта по июнь 1879 г. вышло 6 номеров). В «Листке», наряду с характерным для «Земли и воли» взглядом на террор как

месть и самозащиту, способ «дезорганизации» правительства, появляется новое понимание террора как орудия борьбы с существующим политическим режимом. Так, например, в статье «Значение политических убийств», автором которой был Николай, провозглашалось, что против «неуловимых» революционеров не помогают «ни грозные армии, ни легионы шпионов», что террор для самодержавия страшнее, чем «годы пропаганды», «волнения молодежи», «проклятия тысячи жертв».

Морозов считал, что теоретические разногласия неизбежно должны возникать во всякой революционной организации. Дело в том, что изначально в любом тайном обществе, которое возникает в деспотической стране, в основном участвует молодежь. Прежние выдающиеся деятели, большей частью, не присоединяются к нему в этот период, так как не уверены, что новое общество представляет собой что-нибудь серьезное. Это период самой кипучей деятельности, но, к сожалению, далеко не самый продуктивный, так как члены его, в основном, неопытны. Затем наступает второй этап, когда спасшиеся от арестов, бежавшие из ссылок или уже освобожденные товарищи приобретают опыт, а само общество – определенную известность; в это время присоединяются отдельные уцелевшие личности из других обществ, и в это же время в общество начинают стремиться разные честолюбцы. Далее начинаются разные теоретические разногласия: по какому пути идти дальше, по старому или по новому, что будет целесообразнее в данный момент? И в такой момент распад общества на две части является большим благом, так как все честолюбивые руководители остаются при старой, уже испытанной, программе, а за новую выступают бескорыстные энтузиасты. Этот опыт Морозов вынес из участия в «Большом обществе пропаганды» и «Земле и воле», в дальнейшем участие в «Народной воле» подтвердило эти наблюдения.

Разногласия в «Земле и воле» с новой силой вспыхнули, когда в Петербург из новосаратовского поселения народников прибыл Александр Константинович Соловьев с намерением убить царя. Он был одним из основателей поселения, в котором год назад предполагал действовать в народе и Морозов. Николай тепло вспоминал о нем как о человеке застенчивом и молчаливом, особенно нравившемся ему своей мягкой вдумчивостью и приветливостью. Его молчаливость явно не была результатом ограниченности. Когда его спрашивали о чем-нибудь, он всегда отвечал умно или оригинально, но больше любил слушать других. Соловьев своим путем пришел к уверенности, которая уже разделялась многими землевольцами: для пропаганды в народе необходимо изменение существующего политического режима. И в партии стал дебатироваться вопрос: помогать Соловьеву или нет? Мнения резко разделились, вплоть до того, что возникали предложения выселить его из Петербурга. Николай всей душой был на стороне Соловьева, пола-

гая, что осуществление его плана может вынудить правительство пойти на уступки и тем самым облегчить условия работы в народе.

2 апреля 1879 года состоялось покушение Соловьева на императора. Царь остался жив, Соловьев был арестован.

После этих событий многие нелегальные революционеры по решению «Земли и воли» временно покинули Петербург. И Николай оказался в апреле 1879 года в Финляндии. Здесь он пробыл меньше месяца и, как только обстановка в Петербурге успокоилась, вернулся назад.

28 мая 1879 г. Соловьева казнили на Смоленском поле. В этот день Морозов был там. Под впечатлением казни он написал заметку о ней, в которой стремился сохранить в памяти товарищей каждую из последних минут жизни осужденного. Поднявшись на эшафот и выслушав приговор, Александр Соловьев отказался от благословения. Ответив низким поклоном на поклон удалявшегося священника, он взмолился на скамью под виселицей, и палач надел на него саван.

Это была не единственная казнь, с апреля по декабрь 1879 г. их было совершено шестнадцать. Но именно смерть Соловьева стала неким водоразделом, завершившим раскол еще единой, но уже состоящей из двух фракций организации. Правда, завершить раскол ни у кого не хватало сил – слишком многое связывало членов организации друг с другом. И тут вышла статья Морозова в одном из «Листков “Земли и воли”». Ему было достаточно просто сделать это, так как он был практически единоличным редактором этого издания. Статья называлась «По поводу политических убийств». Она произвела сильное волнение среди сторонников старой программы и явилась последней каплей на пути к расколу.

Как передали Николаю, Г.В. Плеханов, стоящий во главе фракции «народников», заявил, что этот «Листок “Земли и воли”» – подделка, поскольку он, один из редакторов издания, его никогда не видел, а если бы видел, то не дал бы выйти в свет, так как считал главной целью «Земли и воли» не политическую борьбу с правительством, а пропаганду социалистических идей и агитацию среди крестьян и рабочих. Когда Николай хотел уладить это дело миром, Плеханов ответил, что уладить это дело может только съезд «Земли и воли», который и решит, какова программа организации. Раскол стал неизбежен. Теперь им, сторонникам нового направления, следовало сорганизоваться, чтобы сразу же после исключения (им казалось, что дело кончится именно этим) начать действовать, не тратя времени на всякие формальности.

Общий съезд землевольцев, который решено было созвать в июне 1879 г., должен был или «узаконить» новое направление деятельности организации, или же, отвергнув его, подтвердить неизменность старой программы.

Готовясь к этому съезду, «политики» предварительно тайно от организации собрались в середине июня в Липецке. Здесь, в маленьком курортном городке, куда на целебные воды летом съезжалась много-

численная публика среднего достатка, одновременный приезд значительной группы людей не привлекал внимание. Кроме землепользователей А.Д. Михайлова, А.А. Квятковского, М.Ф. Фроленко, Л.А. Тихомирова, А.И. Баранникова, М.Н. Опаниной и Н.А. Морозова, присутствовали приглашенные «политиками» единомышленники из разных кружков: Н.Н. Колодкевич, А.И. Желябов, С.Г. Ширяев, Г.Д. Гольденберг, всего около 14 человек. Дискуссий здесь не было: собрались революционеры, сходящиеся в главном — в признании необходимости завоевания политических свобод. Все вопросы были решены за три дня с 15 по 17 июня.

Центральным моментом съезда была обвинительная речь Александра Михайлова против Александра II. Проанализировав положительные моменты в деятельности императора, Михайлов показал и то отрицательное, что он совершил в России. Взвесив все поступки императора, обвинитель сделал вывод, что за все совершенное зло он должен быть наказан. Приведение в исполнение приговора над императором стало основной и ближайшей задачей нового общества.

Резолюция съезда, оформленная Морозовым, была предельно краткой и простой. Она признавала, что в современной общественной жизни России «никакая деятельность, направленная к благу народа», невозможна «вследствие царящего в ней правительственного произвола и насилия». Отсюда следовал вывод о необходимости «прежде всего покончить с существующим у нас образом правления».

В Липецке были приняты устав новой партии и оговорена ее организационная структура.

Вот некоторые пункты из устава новой партии.

§4. Члену Исполнительного комитета (ИК) может быть дан отпуск, срочный или на неопределенное время, по решению большинства, но с обязательством хранить в тайне все, что ему известно. В противном случае он должен считаться за изменника.

§5. Всякий член ИК, против которого у правительства существуют неопровержимые улики, обязан отказаться в случае ареста от всяких показаний и ни в коем случае не может назвать себя членом ИК. Комитет должен быть невидим и недостижим. Если же неопровержимых улик не существует, то арестованный член может и даже должен отрицать всякую свою связь с ИК и постараться выпутаться из дела, чтоб и далее служить целям общества.

Это был очень важный пункт, который, кроме Николая, никто не выполнял. Отказаться от принадлежности к своей организации, выпутываться, пусть даже и для того, чтобы в дальнейшем служить целям организации, считалось для их молодых и горячих натур чем-то позорным и трусливым. И эта их горячность и страх прослыть трусливыми подчас давали в руки царских чиновников такие факты и данные, какие те никаким другим путем не могли бы получить. Очень часто именно

эти данные служили главными доказательствами при вынесении смертных приговоров, при отправке на вечную каторгу и основаниями для многих других суровых наказаний. Так, в завещании Александра Михайлова особо отмечалось, что на допросах не надо давать никаких сведений царским чиновникам. Но это мнение было вынесено им уже после собственного процесса, и сам он ему, к сожалению, не последовал.

§9. Для заведования текущими практическими делами выбирается распорядительная комиссия из трех человек и двух кандидатов в нее на случай ареста кого-либо из трех до следующего съезда.

Согласно этому пункту были избраны три человека – Михаил Фроленко, Александр Михайлов и Лев Тихомиров, которые должны были знать все дела, организуемые партией, и координировать их. Для этого они должны были постоянно находиться в Петербурге.

§10. Для хранения документов, денежных сумм и т.д. назначается секретарь, который должен хранить в тайне место, где они хранятся.

Хранителем архива новой организации, так же как и ее предшественницы, был Николай Морозов.

С 18 по 21 июня в Воронеже проходил съезд партии «Земля и воля». Его участниками было 20 человек, из них десять «террористов», приехавших с Липецкого съезда: А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, А.А. Квятковский, Н.А. Морозов, Л.А. Тихомиров, А.И. Баранников, М.Н. Ошанина и вызванные немного позже из Липецка С.Г. Ширяев, А.И. Желябов и Н.Н. Колодкевич.

После решения нескольких организационных вопросов встал Г.В. Плеханов и, дождавшись, когда все внимание будет обращено на него, внятно сказал:

– Прошу Морозова прочесть свою статью «По поводу политических убийств» в «Листке “Земли и воли”».

Николай уже давно был к этому готов. Он быстро встал и прочел свою статью. Все молчали. Тишину нарушил Плеханов:

– Это ли наша программа, господа?

Опять наступила тишина, теперь более продолжительная, чем в первый раз. И вдруг раздалось несколько голосов в одобрение прочитанного. Плеханов побледнел:

– Вы все так считаете, господа?

Несмотря на существовавшие в партии разногласия, на деле оказалось, что товарищеские чувства брали верх: никто не высказался против статьи, более того, стали раздаваться голоса, что она не противоречит партии «Земля и воля». Плеханов некоторое время стоял молча. Реакция его друзей на статью Николая была совершенно неожиданной.

– В таком случае, господа, – проговорил Плеханов глухим, изменившимся голосом, – здесь мне больше делать нечего. Прощайте!

Он медленно повернулся и пошел прочь. Это неприятно поразило всех. Несмотря на идеологические разногласия, все это были друзья, их было не так уж много в безбрежном море врагов, с которыми предстояло вести борьбу за свет и свободу. Их партия была боевой дружиной. Принимая туда нового члена, его никогда не спрашивали: «А что ты думаешь о социал-демократии, об анархизме, о конституциях, о республиканстве?» Его спрашивали только: «Готов ли ты сейчас же отдать свою жизнь и личную свободу и все, что имеешь, за освобождение своей Родины?» И если на поставленный вопрос получали утвердительный ответ и членам партии казалось, что человек действительно способен это сделать, его тотчас принимали...

Потребовалось некоторое время, чтобы все пришли в себя и съезд продолжил работу. Правда, участники Липецкого съезда чувствовали себя несколько неуютно: они ожидали, что их исключат, а этого не произошло. Они вдруг стали тайной организацией внутри тайной организации...

Но после съезда единство оставалось недолгим – слишком разными были выбранные пути. И очень скоро, в августе того же года, «Земля и воля» распалась на две самостоятельные организации – «Народную волю» и «Черный передел». Имущество старой партии разделили так: то, что каждая сторона имела на момент раздела, осталось за ней. Николай шутил:

– Название тоже разделили. «Волю» – нам, «Землю» – им.

Ядром новой партии стал Исполнительный комитет (ИК). В первый состав ИК вошли основатели новой партии, видные участники народнического движения: А.Д. Михайлов, А.И. Желябов, С.Л. Перовская, А.А. Квятковский, С.Г. Ширяев, В.Н. Фигнер, Л.А. Тихомиров, А.В. Якимова, М.Ф. Грачевский, М.Ф. Фроленко, Т.И. Лебедева, Н.Н. Колодкевич, А.И. Баранников, М.Н. Ошанина, А.И. Зунделевич, А.П. Корба и ряд других известных народников, вставших под знамя политической борьбы. Стали членом ИК и Николай с Ольгой, которая в августе 1879 года вернулась из-за границы. Действующих революционеров в ИК одновременно было не более 25 человек – некоторые изменения в его составе постоянно происходили в связи с арестами и введением новых членов из агентов ИК.

Организация «политиков» должна была озаботиться созданием собственного печатного органа. Устройство типографии стало первоочередным делом ИК. В нем активно участвовал Николай, который вместе с Л.А. Тихомировым был назначен редактором газеты «Народная воля». Народовольческая типография начала работу уже в августе 1879 г. в специальной конспиративной квартире в Саперном переулке, хозяевами которой под именем супругов Лысенко были члены ИК С.А. Ива-

нова и Н.К. Бух. Первый номер газеты вышел в октябре 1879 года. Он был подготовлен и отпечатан почти за месяц — сроки, рекордные для постановки печати в подполье.

Газета «Народная воля» (тираж которой колебался от 2 до 3 тыс. экз.), так же как и землевольческая, предназначалась для революционно-демократической интеллигенции — это был орган и пропагандистский, и теоретический одновременно.

В ведении Морозова был портфель редакции, собрание и подготовка к печати рукописей, так как он, как мы уже отметили, был избран секретарем партии.

История портфеля заслуживает особого разговора. Она началась в тот момент, когда Николай вышел на свободу. В доме приютивших его Гольдсмитов он встретился с известным писателем Анненским, и тот пригласил его к себе; там он познакомился с присяжным поверенным Ольхиным, Евгением Коршем и еще рядом лиц из литературных и ученых кругов того времени, в том числе Михайловским. Один из новых знакомых, доктор Владыкин, познакомил его с несколькими морскими офицерами, зазвавшими его в Кронштадт, где он нашел целую компанию сочувствовавших моряков и артиллеристов, часть которых вошла потом в военную организацию Веры Фигнер.

Николай решил воспользоваться этими знакомствами в интересах партии. Почти на целый месяц, и, во всяком случае, не менее чем на две недели вперед, у него было занесено в карманные книжки под условными именами и знаками: такого-то числа обедать у Анненского, ночевать у Корша, а в дневное и утреннее время или в промежутки между обедом и ночевкой побывать на конспиративных квартирах, познакомиться с тем или другим из товарищей по обществу.

Морозов был вхож в литературные салоны Петербурга, где его знали как Николая Ивановича Полозова. Когда салонный разговор, как часто бывало, сводился на литературу, поэзию или принимал шуточный и веселый характер, первое место в живой словесной перепалке занимал молодой человек, на вид лет двадцати трех — двадцати четырех, стройный, хорошенький, с нежным цветом лица и ясными глазами, в которых самый опытный сыщик не увидел бы ничего, говорящего о том, что это заговорщик и будущий террорист. В шуточных литературно-философских беседах Николай Иванович Полозов напоминал скорее какого-нибудь беззаботного виконта прошлой эпохи, чем русского «нигилиста». Внешнему изяществу соответствовал и ход мыслей, живой, свободный, почти всегда несколько своеобразный. Речь легкая, искристая, с прорывающимися в ней по временам нотками лиризма, тотчас же маскируемыми веселой шуткой. Тонкий и строгий критик чужих стихов, Николай Иванович сам писал очень недурно.

Он сотрудничал ради заработка в легальной печати (больше как хроникер), много читал, не порывал и с научными занятиями. Он понимал, что такой вольной, насыщенной ярким содержанием жизни ему отмерено немного, и везде стремился успеть.

«Портфель» редакции «Земли и Воли», а потом и «Народной Воли» был все время у него в виде настоящего портфеля, с которым он не расставался, собирая туда всякие статьи и делаая на перепутьях своей кочевой жизни разные заметки. Более значительные статьи до отдачи в типографию он хранил большею частью в редакции журнала «Знание», а потом и в редакции газеты «Молва», заменившей запрещенный к тому времени «Голос».

Так у Николая образовался постепенно маленький архив, в который он стал класть и некоторые документы, относящиеся к деятельности общества. Из получаемых от товарищей заметок из провинции он стал компилировать в своем освещении небольшие заметки, часть которых, если они были возможны в легальной прессе, помещал анонимно в газету «Молва», а из получаемых редакцией «Молвы» неудобных для легальной печати сообщений делал заметки для «Земли и Воли» и потом «Народной Воли», где все хроники были написаны им, – сначала в одиночку, а потом, в «Народной Воле», вместе с Ольгой Любатович. Все невостребованные работы в опасных случаях сжигались их хранителями. Этот постоянный страх за то, что лица, которым отдавались на сохранение рукописи и документы, могут в случае экстренных предупреждений или даже недостаточно обоснованных опасений обыска уничтожить очень важные для организации бумаги, которые поначалу где-то прятала Ольга Натансон, заставил задуматься о том, где можно было бы найти для них надежное убежище.

Кто как не Николай, имеющий столь обширные знакомства среди петербургских либералов, мог найти подходящее место для хранения партийного архива?

В одну из своих очередных ночевок у присяжного поверенного Ольхина, у которого тоже приходилось хранить разные бумаги, Морозов рассказал ему о назревшей проблеме. И уже при следующей встрече тот сообщил, что нашел великолепное место: у теперешнего секретаря газеты «Молва» Владимира Рафаиловича Зотова, который по своему положению вне всяких подозрений, очень хочет познакомиться с ним и заранее согласен дать приют архиву организации, если тот не очень велик.

Как критик и публицист Зотов сыграл некоторую роль в общественной мысли России пореформенного периода. С его именем связаны имена А. Краевского, Г. Благодетлова, П. Лаврова, Вас. Немировича-Данченко, А. Кони, болгарского демократа Л. Каравелова и других.

Неприметный, скромный Зотов собрал, сберег и передал Герцену списки «крамольных» стихов, и они вошли в герценовский сборник «Рус-

ская потаенная литература». Да и сам Владимир Рафаилович написал несколько подобных стихотворений. И потому был вправе уже на склоне лет сказать о себе:

Внук крестьянки и татарина,
Я был русский человек,
И недаром имя «барина»
Ненавидел весь свой век...

Так началось одно из самых интересных знакомств Николая в литературном мире. Вместе с Ольхиным он пришел к Зотову на угол Басейной улицы и Литейного проспекта, в старинный дом Краевского, где прежде была редакция «Отечественных Записок». В этом доме жил изобретатель «русского света» Яблочков, там жили Некрасов, Добролюбов, Глеб Успенский. В этом же доме и квартировал Зотов.

Им отворила дверь молоденькая горничная, и они разделись в большой передней, где, кроме одного угла для вешалок платья, все стены от пола до потолка были заняты полками с книгами и какими-то папками. Оттуда через гостиную они вошли в коридор, в конце которого находился рабочий кабинет хозяина. При их появлении из-за письменного стола встал высокий седой старик интеллигентного вида, с редкой бородкой и длинно подстриженными волосами, и приветствовал их своеобразным шепелявым голосом, который свойственен людям, потерявшим передние зубы. Он тотчас же сказал, что очень рад приютить у себя архив и предложил такой проект:

– Положите все бумаги в портфели, запирайте их замками, ключи которых будут у вас, а я их положу на верхней полке среди папок, которые вы, верно, видели в моей передней. К ним запрещено прикасаться кому бы то ни было из моей семьи, а посторонние всегда встречаются и провожаются прислугой или нами. Это самое лучшее место, так как в случае какого-либо несчастья я всегда могу сказать, что портфели в передней оставил кто-нибудь из приходящих ко мне по литературным делам без моего ведома, а я сам, конечно, спрятал бы их где-нибудь поглубже.

Николай вполне одобрил этот план, и они начали разговор на общественные темы. Зотов выражал полное сочувствие во всей той части их революционной деятельности, которая носит чисто радикальный характер. Социалистические же идеалы, которые проповедуются во «Вперед» и других журналах, считал прекрасными, но трудно достижимыми практически. За этими журналами он следил в своих поездках за границу.

Потом, засмеявшись с каким-то таинственным видом, он воскликнул:

– Кто бы мог подумать, что на этом самом кресле, где во время моей юности сидели Пушкин, Лермонтов, Гоголь в гостях у моего отца, будет сидеть через пятьдесят лет редактор тайной революционной литературы. Что бы подумали и они сами?

Эти слова сильно подействовали на Николая.

Вот, думал он, человек, который в юности говорил в этой самой комнате с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, а теперь говорит со мной. Он почувствовал, как живая нить протянулась через Зотова от прежних гостей дома к нему.

Так в квартире этого удивительного человека поселился архив «Земли и Воли» и «Народной Воли».

Главным условием хозяина было то, чтобы сюда не приходил никто, кроме Морозова, и это условие было вполне одобрено и строго исполняемо. Так продолжалось до тех пор, пока не арестовали тайную типографию «Народной Воли» и Морозов уехал за границу, передав Зотова Александру Михайлову, которого только в этот момент познакомил с ним лично, как своего преемника³.

В портфелях находились все сообщения Клеточникова, которого удалось поместить в секретари Третьего Отделения «собственной его императорского величества канцелярии» (потом Департамент государственной полиции)⁴. Это были переписанные большею частью Софией Ивановой тетради, в которых, кроме шпионских донесений о революционных кружках, находился и список всех политических сыщиков. Редакторы не могли опубликовать его полностью, так как это погубило бы Клеточникова, но выбирали наиболее вредных из этого списка и пропечатывали в своих журналах с указанием, кто сколько получает жалованья и чем особенно отличился. Они предупреждали о готовящихся арестах во всех серьезных случаях. Кроме того, в портфелях хранились (отчасти вырезанные самим Морозовым, а большею частью другими) печати разных канцелярий для выдачи от их имени паспортов товарищам, печать Исполнительного Комитета для приложения к рассылаемым предупреждениям и к прокламациям, уставы «Земли и Воли» и «Народной Воли», письма, которые они считали нужным сохранить, и много других бумаг переменного характера.

Работа с архивом велась так. Николай проходил прямо в кабинет Зотова, расположенный в конце коридора его квартиры. Туда приносили по стакану чаю, через четверть часа Зотов отправлялся в переносную и, когда там никого не было, доставал оба портфеля (со временем одного портфеля стало мало). Николай работал с ними за особым столиком, уходил, а после Зотов относил портфели на прежнее место.

Когда Ольга вернулась из-за границы, они с Николаем поселились в конце Невского у Знаменской под именем супругов Хитрово. Они стали хозяевами конспиративной квартиры, где хранилась часть редакционного архива, еще не отправленная в типографию. Здесь же производились химические опыты с документами — паспортами, различного рода удостоверениями — с целью их переделки для конспиративных целей.

Наконец-то они были вместе. Но их новое состояние оказалось далеко не безоблачно. Николаю и Ольге, так же как и многим их товарищам, пришлось вести и другого рода борьбу, между революционным долгом и человеческой природой, прочно выработанной биологическими законами.

Условия умственной и общественной жизни семидесятых годов XIX века в России были настолько мрачны, что на победу над царившим тогда деспотизмом и обскурантизмом могли надеяться только очень легкомысленные головы. Все, у кого собственная фантазия не заслоняла реальность, хорошо понимали, что им предстоит не победа, а гибель, но именно она-то и привлекла их. Они все читали о жертвах инквизиции, погибших на кострах за то, что они имели смелость не отказать для спасения своей жизни от своих убеждений. Они все преклонялись перед погибшими за свободу декабристами, хотелось подражать им и перенести все то, что перенесли они, лишь сделав перед этим все, что можно для того, чтобы пробудить человеческую мысль в окружавшем их царстве застоя.

Они считали, что семейное счастье не для них, поскольку непременно погибнут и поэтому должны сохранять одиночество. Но вот в их среде оказались и молодые девушки, и облик души бесконечно прекрасной, рисовавшейся ранее у них лишь в смутных грезах, начал проявляться в реальных формах. Неизбежно стали появляться парочки влюбленных, которые, с одной стороны, прекрасно понимали, что супружеские отношения привели бы их в безвыходное положение при появлении на свет обязанного им своим возникновением беззащитного нового существа, а с другой стороны – совсем не могли жить отдельно в вечном беспокойстве друг за друга среди окружавших их опасностей.

В результате среди оставшихся еще на легальном положении стали заключаться так называемые фиктивные браки, а среди нелегальных возникло стремление жить вместе под фальшивым паспортом мужа и жены, не делаясь такими на самом деле.

В тех случаях, когда фиктивный брак, перешедший в действительный, не сопровождался скорым арестом, молодая чета, почувствовавшая себя виноватою в предстоящем появлении на свет нового живого существа, обычно удалялась от активной подпольной деятельности и, уехав на лето на его или ее родину, обыкновенно более не возвращалась и переходила в нормальную семейную жизнь и легальную деятельность. Поэтому среди революционно активной бессемейной молодежи считалось, что тот, у кого появились дети, потерян для революции.

И вот это произошло с Николаем и Ольгой. Их фиктивный брак, почти через год после своего начала, превратился, нечаянно, в действительный. Но в это время они оба уже давно не имели права на существование в императорской России: их обоих повсюду разыскивали шпионы, чтобы отдать на долгое одиночное заточение или на смертную казнь.

Их бережное отношение друг к другу имело особый смысл в их тревожной жизни. Вместе им удавалось выпутываться из, казалось бы, безнадежных ситуаций. К примеру, такой.

Вера Фигнер по заданию партии отправилась в Одессу для ведения там работы, а чтобы сохранить ее квартиру, туда поселили ее сестру Евгению. Но, к сожалению, последняя была недостаточно опытной революционеркой и при знакомстве представлялась той фамилией, под которой была прописана. Вера, конечно же, не знала об этом и попросила временно поселить у нее Александра Квятковского, чтобы он помогал ей на первых порах. Это послужило причиной ареста и последующей гибели Александра. Сама Евгения Фигнер была сослана. Провал произошел 24 ноября 1879 года. На квартире арестованных был оставлен полицейский пост. На него и наткнулась Ольга, которая шла с заданием к Квятковскому.

Быстро сориентировавшись в ситуации, она стала разыгрывать из себя женщину, которая ошиблась адресом и теперь, столкнувшись с полицией, сильно испугалась, особенно своего мужа, ревнивого инженера. Как же она явится к нему с полицией? Якобы по этой причине она несколько часов водила полицейских по городу, называя разные ложные адреса. Она хотела выиграть время, чтобы Николай, узнав о случившемся, мог уйти с квартиры. Каков же был ее ужас, когда она привела, наконец, полицейских по нужному адресу и дверь открыл Николай!

Он не мог покинуть Ольгу в такой момент. Убрав из квартиры все подозрительное, Николай решил попытаться как-нибудь выпутаться из этой истории. В это время очень часты были необоснованные обыски и аресты, так что все могло кончиться и хорошо. Он сразу же принял игру, предложенную Ольгой, честно изображая ревнивца-мужа. Полицейским даже пришлось его успокаивать.

Не найдя в квартире ничего предосудительного, полицейские разделились: часть отправилась в участок выяснять личности супругов Хитрово, а остальные остались их караулить. В ожидании известий они уселись на кухне пить чай, при этом им хорошо была видна вешалка, на которой висели пальто, так что одеться и уйти незамеченными было невозможно. Николай и Ольга решили уйти раздетыми. Выбрав момент, когда стражи были особенно увлечены чаепитием, они незаметно проскочили перед открытой на кухню дверью и выскочили на улицу, а там уже было начало зимы.

Беглецы успешно добрались до друзей, и уже в ближайшем выпуске «Народной воли» в разделе «Хроника преследований» появилось сообщение об аресте инженера Хитрово с женой, которые, впрочем, бежали из-под стражи и до сих пор не разысканы полицией. Автором этого сообщения, как и всего этого раздела, был Николай. Раздел был огромный, так как в это время совершалось много арестов, обысков, ссылок, казней.

Их на три недели поместили «в карантин» в народовольческой типографии. Они были отрезаны от внешней среды, как и все обитатели квартиры в Саперном переулке – работники типографии. Сношения с типографией были строго регламентированы, и приходить сюда запросто, как и уходить, было запрещено.

В партии проводилась большая работа по разработке методов конспирации. Главным изобретателем предохранительных мер был Александр Михайлов, получивший имя «Дворник» за заботу о порядке в партии.

Например, на окнах квартиры выставлялись разные знаки, указывающие, все ли там в порядке. Правда, иногда случались сбои. Однажды шпионы, долго наблюдавшие за одной квартирой, обратили внимание на лампу, которая каждое утро ставилась на окно, и когда хозяева были арестованы, а в квартире оставлена засада, полицейские поставили лампу на окно, как это делалось при старых хозяевах.

По улицам ходили вдвоем: один впереди, а другой сзади, затем менялись местами. Таким образом можно было проверить, нет ли за кем-нибудь слежки. При встречах с посторонними в каких-нибудь общественных местах туда заранее посылался свой человек. Он наблюдал за происходящим и следил, не пойдет ли кто-нибудь за товарищем, проводящим встречу, когда она будет закончена.

Сам Николай разработал такой способ. Приходя на конспиративную квартиру, он старался узнать, кто живет рядом с нужными ему людьми, и когда шел к ним, у дворника спрашивался о соседях. Дворники думали, что молодой человек ходит к соседям, и когда полиция или шпион интересовались посетителями квартиры, он выпадал из числа подозреваемых.

Александр Михайлов постоянно рекомендовал всем членам организации изучение различных проходных дворов. Он сам знал все проходные дворы Петербурга в совершенстве и мог уйти от любого преследования. Чтобы поддерживать бдительность в членах партии, Александр время от времени устраивал за ними слежку и очень сердился, если преследуемый его не обнаруживал. Определенное пристрастие к вопросам конспирации имел и Степан Халтурин. Он также иногда устраивал профилактические слежки за товарищами. Несколько раз он пытался следить и за Михайловым, но как только Александр замечал преследователя, а это он делал очень быстро, так как находил массу способов оглянуться назад, тот моментально исчезал. Со временем Дворник стал считать, что на улице ему вообще ничего не грозит и арестовать его здесь невозможно. К сожалению, эта уверенность и привела его к гибели.

Сергей Кравчинский придумал способ «очищения водой». Возвращаясь домой, он пересекал Неву не по мосту, а брал на переправе

лодку. Таким образом, «хвосту», если он был, не удалось бы остаться незамеченным.

Жизнь в экстремальных условиях требовала от каждого революционера большой выдержки. И в жизни Николая было немало таких ситуаций, когда выдержка спасала его от больших неприятностей.

Однажды для выполнения порученного ему задания ему пришлось остановиться в гостинице. У него в номере, в чемодане, находился целый арсенал. Но что это? Улегшись спать, он вдруг услышал в коридоре звяканье шпор. «Неужели облава? Что делать? Бежать?» – мгновенно пронеслось в голове. Николай подбежал к окну и увидел внизу солдат.

– Ну что ж, буду отстреливаться. Но почему здесь так много солдат? Быть может, эта облава не на меня, и тогда своими действиями я себя выдам? Нет, надо ждать развития событий и не паниковать...

Под утро опять был сильный шум в коридоре, а потом все стихло. Через некоторое время Николай осторожно открыл дверь и выглянул в коридор, чтобы проверить, нет ли там засады. Все было пусто. Он вызвал звонком служителя, якобы для того, чтобы умыться, и, между прочим, узнал, что за шум был ночью. Все оказалось просто: на ночь в гостинице остановилась проходящая через город кавалерийская рота...

Другая забавная ситуация могла бы кончиться для него трагически. Как-то раз, направляясь на квартиру Кравчинского и зная, что будет перед этим «очищаться водой», Морозов позволил себе расслабиться и занялся сочинением стихов. Он не заметил, как очутился у Летнего сада. Не глядя по сторонам и перед собой, наклонив голову, поэт быстро двигался по главной аллее по направлению к Неве и вдруг ударился во что-то мягкое. Шапка отлетела в сторону. Николай осторожно, чтобы не выпал большой револьвер, находящийся в открытой кобуре, или кинжал, скрытый за жилетом, нагнулся за нею и бросил взгляд вверх. Перед ним стоял пожилой генерал с седыми усами и бакенбардами, очень высокого роста. Взгляд его был очень строг. Незадачливый поэт принялся лепетать извинения, но выражение лица генерала оставалось непроницаемым. Николаю ничего не оставалось делать, как, продолжая извиняться, попытаться обойти его стороной. Но не прошел он и нескольких шагов, как из-за деревьев вышел жандармский офицер и направился ему наперсрез. Николай остановился. Что делать? Сдаваться нельзя. Значит, надо стрелять. И он начал осторожно запускать руку себе за полу пальто; со стороны могло показаться, что ему сделалось плохо и он протягивает руку к сердцу. За спиной раздался раскатистый смех генерала и, как видно, по команде жандарм повернулся и опять скрылся за деревьями. Николай продолжил свой путь, но как только дошел до ворот, сразу же обернулся: погоны за ним не было. Что это был за генерал? Уж не царь ли? (Тогда царю еще не был вынесен приговор Исполнительного комитета, да и самого Исполнительного комитета еще не было.)

А вот однажды Николаю нужно было выяснить, находится ли в тюремной больнице нужный ему человек. Узнав, что тюремная больница располагается при городской, он выяснил фамилию врача и пошел к нему на прием. В ожидании своей очереди он стал бродить по приемной и заметил дверь, открыв которую, увидел курсирующего по коридору часового. Разговорившись со швейцаром, Николай убедился, что это и есть тюремное отделение. Тогда, дождавшись момента, когда на него никто не обращал внимания, он уверенно шагнул за дверь и, игнорируя часового, стал заглядывать в глазки всех камер подряд. Проведя инспекцию, он так же уверенно вышел. Часовой был в растерянности: он принял Морозова за начальство и потому не стал ему мешать.

Редакционная работа по-прежнему, как и в «Земле и воле», поглощала его основное время. С утра Николай спешил по делам, бегал целыми днями по городу, собирая рукописи, материалы для хроники, необходимую для газеты информацию. В его руках были сношения и с другими городами, где существовали корреспонденты «Народной воли». Материалы в редакцию стекались под его настойчивыми требованиями, в результате неоднократных запросов и напоминаний, часто поступали в сыром, необработанном виде — участникам движения некогда было отрываться для литературной отделки посылаемой корреспонденции с мест.

Занимаясь со всей ответственностью этой по-своему трудной и интересной газетной работой, Морозов считал себя способным на большее, чем составление хроники и обработка корреспонденции с мест. Он к каждому номеру «Народной воли» писал целые вороха статей, и из них с грехом пополам прошла только одна — «По поводу казней» в № 2, все остальные были признаны Львом Тихомировым негодными. А.Д. Михайлов также предлагал Морозову бросить писать принципиальные статьи и употребить себя на хронику. В этой статье Николай доказывал, что в век железных дорог и телеграфа правительство быстро сумеет подавить разъединенные самим расстоянием силы восставших. Представление о том, что, если народ поднимется, «никакая сила не устоит против его неразрушимого строя», что народный бунт способен своим вихрем снести «с лица земли все зло, всю неправду», неверно. Самое обширное крестьянское движение, при всех усилиях со стороны партии поддерживать и организовать его, не в состоянии совладать с централизованным и прекрасно вооруженным врагом, если ему не будут нанесены тяжелые удары в центрах его материальной и военной силы.

И дело здесь было в том, что взгляды Морозова опять стали не совпадать со взглядами большинства. Обсуждения программы на заседаниях ИК, которые начались сразу же после раскола еще в августе 1879 года в Лесном под Петербургом, все более выявляли несоответствие позиции Морозова взглядам большинства. Чем более глубоко и

всестороннее затрагивались программные вопросы, тем больше разногласий — во многом неожиданных для самих революционеров — обнаруживалось при этом. Еще недавно они держались сплоченной группой единомышленников, которой надо было защищать и отстаивать общее для них всех признание нужности гражданских свобод перед лицом консервативной части «Земли и воли». Они были единодушны в признании, что существующий политический строй губительно сказывается на положении народа и затрудняет всякую работу в его среде, делает невыносимым само существование социалистической партии, силы которой гибнут в бесплодных попытках отстоять себя при существующем режиме. Теперь же оказалось, что и цели и задачи политической борьбы понимаются ее сторонниками по-разному. Одни имели в виду завоевание широких демократических свобод для дальнейшего разворота движения; другие думали о конституции как уступке со стороны правительства под нажимом революционеров в обстановке всеобщего недовольства; большинство настаивало на политическом перевороте с целью захвата власти. Разногласия проявились и в понимании способов политической борьбы: одни выдвигали террор как главное и решающее средство государственного преобразования, другие считали необходимым сочетать с террором пропаганду и агитацию среди всех слоев населения, организацию всех недовольных существующим режимом. В процессе столкновения этих разных точек зрения вырабатывалась общепартийная программа.

Льву Тихомирову было поручено с учетом предварительных обсуждений составить проект программы, выражавший точку зрения большинства. Со своим литературным опытом и умением уловить главную точку зрения в революционной среде в каждый данный момент Тихомиров явился вполне подходящей фигурой для этой цели еще и потому, что сам никаких ярко выраженных убеждений не имел. Он был не творцом, а рупором народовольческих идей, проводником мыслей руководителей организации А.Д. Михайлова и А.И. Желябова (не случайно после их ареста его роль теоретика «Народной воли» сразу пошла на убыль, публицистика потускнела и потеряла определенность). Но когда возникала необходимость выразить общее мнение в виде программы или манифеста, Тихомиров всегда оказывался более точным и полным выразителем его, потому его формулировкам и отдавали предпочтение.

Естественно, поэтому проект программы ИК, составленный Тихомировым, явился лишь литературным оформлением коллективной мысли народовольцев, попыткой зафиксировать равнодействующую линию программной дискуссии.

Ольга и Николай считали, что программа ИК является выражением личных взглядов Тихомирова, навязанных новой организации путем интриг. Занятые текущей революционной работой, члены ИК путем индивидуального опроса якобы давали свое согласие на эту программу,

не уяснив ее истинного содержания. Но на самом деле именно Морозов разошелся с мнением большинства ИК.

ИК объявлял ближайшей задачей политический переворот с целью передачи власти народу в лице Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права. В борьбе за политическую власть предусматривались многообразные формы деятельности: пропаганда, агитация во всех слоях населения, организация революционных кружков и групп. Террор провозглашался одной из таких форм борьбы и в программе в ряду других средств по своему значению не выделялся. Вся деятельность партии рассматривалась именно как подготовительная к народной революции, хотя и возможность захвата власти путем заговора революционного меньшинства (без поддержки народа) также предусматривалась. Программа Николая была другой. Она была опубликована в 1880 г. за границей в виде брошюры «Террористическая борьба».

По мнению Николая, революционный террор должен был (путем систематических убийств представителей власти) обеспечить осуществление «фактической свободы мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия — эти необходимые условия для широкой пропаганды социалистических идей». Речь у него шла именно о фактических свободах, а не о законодательно закрепленных. Террор мыслился им как своеобразный регулятор политического режима в стране. Как только под воздействием политических убийств ослабевают правительственные репрессии, появляются фактические послабления, допускаются свободы слова, печати, собраний и т.д., тогда террор прекращается. Но в случае ужесточения правительственной политики и отмены достигнутых свобод террор возобновляется снова. Он подчеркивал, что террор должен быть «чисто защитительный, а не стремиться захватить себе власть, ибо тогда такой же террор будет всемогущим со стороны врагов и против нового революционного правительства». Он отвергал идею захвата власти путем заговора, считая ее без поддержки народа нереальной, неосуществимой. Он верил только в переворот, который совершается самим народом, и видел только одну возможность подготовить народ к социальной революции — это воспитание в нем сознательности путем свободной пропаганды, право на которую и должен завоевать революционный террор. Он настаивал на том, что террор должен иметь в виду лишь строго ограниченную цель — возможность вести в широких размерах эту пропаганду, а вовсе не выборы в Земский собор (Учредительное собрание), как полагало большинство народолюбцев. Николай считал, что современное состояние народных масс не позволит им должным образом воспользоваться представительным учреждением для выражения своей воли и Учредительное собрание в лице темного, несознательного крестьянства может проголосовать за монархию.

Борьба «по способу Вильгельма Телля», по мнению Николая, сулит победу без излишнего кровопролития. Неуловимость, неузависимость террористов, неотвратимость их покушений на власть имущих создают особое могущество этого вида борьбы, призванной устрашать, потрясать и приводить к капитуляции тиранов и деспотов. И подобно тому, как выстрел героя швейцарской легенды в представителя власти послужил сигналом к восстанию, так и революционный террор должен создать условия для восстания, расчистить путь к нему.

В ИК Николая поддерживала только Ольга. Тем не менее, прочие члены организации были все те же замечательные люди, из солидарности с которыми он когда-то оставил карьеру ученого. Многие из них так же, как и он, вынуждены были сделать выбор между наукой и служением идеалам общественной справедливости.

Кто же они?

Близким другом Николая был один из руководителей партии Александр Михайлов, бывший студент-медик Киевского университета. Николай познакомился с ним в Саратове. В это время, оставив университет, Михайлов ушел к староверам, рассчитывая на их бунтарский характер. На деле бунтарский характер обернулся лишь страхом страшного суда и повышенной религиозностью. Не видя возможности создать в такой среде революционную организацию, Александр покинул ее.

Летом 1878 года Николай встретился с ним снова, уже в Москве, а затем их дороги сошлись. Вместе они участвовали в попытке освобождения Войнаральского. Вместе покупали оружие для этой акции. Именно тогда был куплен пистолет, из которого потом Соловьев стрелял в царя. Александр Михайлов придерживался тех же взглядов на политическую борьбу, что и Николай. Он поддерживал Морозова в редакторской работе, считая, что тот сможет выразить идеи лучше него, а он с большим успехом сможет проводить различные организационные мероприятия по реализации их взглядов...

Александр Михайлов в высшей степени чутко и бережно относился к каждому из товарищей-революционеров и постоянно заботился об увековечении их памяти. Настаивал на составлении их биографий, тщательно хранил их письма с соответствующими пометками, собирал их фотографические карточки и сам навлек на себя арест заказом фотографических карточек казненных А.А. Квятковского и А.К. Преснякова. Его арестовали в фотоателье Александровского на Невском. Он хотел забрать там фотографии, которые нужно было переправить за границу для издания в сборнике, посвященном памяти товарищей...

Михайлов вел и все денежные дела организации, а они были немалыми. Общий бюджет «Земли и Воли» с 31 октября 1878 г. по 12 августа 1879 г составил 5964 р. 95 коп. Из них, например, на Воронежский съезд было истратено 800 рублей, А.А. Квятковский потратил на ти-

пографию с мая по август 542 рубля. А вот траты Морозова из партийной кассы:

«Октябрь 1878 г. Воробью на жизнь 20.

С 10 ноября по 10 декабря Воробью 35.

Мелкие расходы Воробью 10.

Янв. Февр. 1879 г. Воробья расход 30.

Февраль Воробью 10.

Белье Воробья 10.

Воробью 5.

Воробью на поездку 60.

Воробью на одежду 20.

Май Воробью 20.

Воробью 10.

Воробью на квартиру 40.

Июнь, июль, август Воробью 208.

Долг Воробью 25».

Всего: 503 рубля.

Другим близким другом был Алексей Дмитриевич Оболенев, выдавший «техникой» и паспортным бюро «Земли и Воли». Он написал множество подложных документов и именно по этой причине так упорно скрывал свой почерк, находясь в заключении. Он был ровесником Николая. Бывший студент медицинского факультета Московского университета, ушедший из него со второго курса, он в 1876 году организовал в Самаре революционный кружок молодежи. Отдал свои средства на революционные цели. Был одним из основателей общества «Земля и Воля». Заведовал паспортным бюро («небесной канцелярией»), вел сношения с провинцией и с типографией. Его арестовали в ночь с 12 на 13 октября 1878 года под именем Владимира Сабурова. Алексей отказался от всяких показаний, ничего не писал, скрывая свой почерк, не открывал фамилии. III Отделение принимало его за убийцу Мезенцева. Военно-окружным судом 14 мая 1880 г. его приговорили к смертной казни, замененной 20 годами каторги. С 14 мая 1880 года он содержался в Петропавловской крепости, где и умер от чахотки через год. А «небесная канцелярия» перешла в ведение Михайлова.

Стараниями Оболенева революционеры внедрили в свою деятельность ряд современных им изобретений. Так, например, партийные «техники», руководствуясь книгой главного гравера при Экспедиции заготовления государственных бумаг Скамони, научились с помощью гальванопластики превращать миниатюрные фотографии на стекле в гравюры на меди таких мелких размеров, какие недостижимы для гравера и для которых до сих пор нужно было употреблять весьма дорогие и сложные механизмы. Благодаря этому появилась возможность, не прибегая к искусству художника, получать с рисунков, сделанных от

руки, или с фотографических портретов и других изображений копии с большой точностью.

Кстати, печать самой «Народной Воли» была сделана Валерианом Андреевичем Осинским, бывшим студентом Института путей сообщений. Не закончив курса, он уехал на юг, где принимал деятельное участие в целом ряде террористических актов. Был одним из членов-учредителей общества «Земля и Воля». Организовал «Исполнительный Комитет». Был приговорен 7 мая 1879 года Киевским военно-окружным судом к смертной казни. Повешен 14 мая.

Несмотря на многие споры между ними, близким другом Николая был и Лев Тихомиров. Они вместе судились по процессу «193-х». До этого Тихомиров был студентом Московского университета, но уже через два года учебы примкнул к революционной организации. Он был руководителем отдельных групп, работал среди рабочих. Его «Сказка о четырех братьях» была одной из основных книжек, распространяемых в народе учащейся молодежью. Тихомиров состоял в близком знакомстве с Чайковским, который передал ему 4 000 рублей для издания нелегальной литературы. Но проработать на свободе Льву Александровичу удалось меньше года. 11 октября 1873 года он был арестован на квартире Синегуба. При нем был паспорт на имя студента Медико-хирургической академии Льва Александровича Тигрыча. В дальнейшем имя «Тигрыч» стало его партийной кличкой.

Александр Михайлов характеризовал Тихомирова как вялого в практических делах, не имеющего определенного облика как теоретик, но, вместе с тем, умеющего вести себя в постороннем обществе так, что, о чем бы там ни говорили, у всех складывалось впечатление, что предмет ему хорошо знаком. Кроме того, у него был большой авторитет в партии из-за революционного прошлого, и поэтому он был избран в руководство партии и одним из редакторов.

Со временем он остался единственным членом Исполнительного комитета на свободе и единственным живым из руководства партии (член так называемой распорядительной комиссии), но стараниями царской охранки он был окружен предателями и провокаторами, которые проваливали все его начинания. В довершение всего, царское правительство добилось от правительства Франции, где Тихомиров находился в эмиграции, решения о выдворении его из страны. Лев Александрович был доведен почти до отчаяния, и он не нашел ничего лучшего, как подать на высочайшее имя прошение о помиловании. 20 января 1889 года он прибыл из Парижа в Петербург. О своем отходе от революции он, по требованию правительства, написал брошюру, которую сразу же по выходе направили в Шлиссельбург, где находились еще оставшиеся в живых друзья по партии. Когда Николай Александрович на прогулке узнал о предательстве товарища, он тут же попросился назад в ка-

меру и там дал волю слезам... Предательство друга было много горше, чем его смерть.

Близким Николаю человеком был и Степан Ширяев. Он так же, как и Николай, оставил науку ради добывания гражданских свобод в России. Ширяев был техником в партии «Народная воля». Он стажировался в Париже у Яблочкова при его первых попытках приложить электричество к освещению и потому прекрасно знал электротехнику... Вообще в партии было много талантливой молодежи, например, Николай Кибальнич. Это привело к тому, что для изготовления мин и снарядов они использовали самые последние достижения науки и техники, а в чем-то даже опережали время...

Программные разногласия Морозова с ИК усиливались разногласиями организационными. Морозов был противником централизма как принципа построения революционной организации. Он понимал, что, смотря по тому, какими целями задается каждая партия, она должна дать предпочтение той или иной форме организации. Для террористов, не задающихся целью низвержения правительства, он считал подходящей организацию на началах самостоятельности, равенства, но для партии, желающей сесть на место правительства, – централистическую, т. е. основанную на строгой дисциплине, конспирации. Централизм, по убеждению Морозова, – это чиновничество, а не товарищество. Присущая централистической организации строгая, обязательная для всех дисциплина становилась для него особенно невыносимой при разногласиях с ИК. Он считал, что если бы еще у него были одни взгляды с центром, то как-нибудь дело сошло бы, но раз взгляды разошлись, – то ничего и не осталось, что связывало бы с компанией: ни идеи, ни товарищества. Но это он преувеличивал. Товарищество осталось.

Руководители «Народной воли» А.И. Желябов и А.Д. Михайлов стремились сделать все, чтобы без ущерба для дела сохранить Морозова в организации. Но возможности его использования в революционной деятельности как раз и упирались в программные расхождения. Недаром устав ИК признавал главным условием членства в организации принятие программы. Оказалось немислимым привлечь Морозова к той организационно-пропагандистской работе, которую «Народная воля» развернула во всех слоях населения, ведь это значило бы позволить ему агитировать за взгляды, не соответствующие программе ИК. Когда Николай и Ольга попросили послать их на юг для пропаганды среди молодежи, им ответили, что они не могут быть представителями партии, поскольку, расходясь с ней во взглядах, стали бы вредно влиять на молодежь, воспитывая ее в духе своих личных мнений.

К террору, которому Морозов придавал столь решающее значение, его почти не привлекали. И хотя товарищи отмечали его исключительную храбрость, готовность поставить жизнь на карту, его считали не-

достаточно окрепшим после заключения. Вспомним, он чуть там не умер из-за воспаления кишечника. Из пяти покушений, которые народовольцы готовили в разных местах страны (в Петербурге — на Малой Садовой и у Каменного моста, под Москвой, под Александровском и в Одессе), Николай участвовал лишь в московском подкопе. Он велся под полотно Московско-Курской железной дороги (в 3 верстах от Москвы) из специально снятого дома, хозяевами которого были (под видом мещан Сухоруковых) С.Л. Перовская и Л.Н. Гартман. Здесь же действовали А.Д. Михайлов, Г.П. Исаев, А.И. Баранников, С.Г. Ширяев, А.Б. Арончик, Г.Д. Гольденберг. Работали, сменяя друг друга через несколько часов, полулежа в холодной жидкой грязи. Воздуха едва хватало, чтобы не гасла свеча. Положение работающего в подземной галерее походило на положение заживо зарытого, употребляющего последние усилия в борьбе со смертью. Николай получил отставку уже на четвертый день своего пребывания здесь, работа заканчивалась без него.

19 ноября 1879 г. был произведен взрыв царского поезда, однако царь, ехавший в другом составе, остался невредим. (Поезд со свитой сошел с рельсов, но жертв не было.) Этот первый террористический акт «Народной воли» произвел сильное впечатление на освободительное движение и общество, способствовал росту авторитета организации.

Новый 1880 год встречали шумно и взбудораженно. На конспиративной квартире на Гороховой, хозяином которой был агент ИК В.И. Иохельсон, собрались почти все бывшие в то время в Петербурге члены ИК. В том же доме по русскому обычаю широко и громко играли свадьбу, и это создавало прекрасное прикрытие для их новогодней встречи. Была жженка и кинжалы, скрещенные над ней. Пели гайдамацкие песни (они часто звучали там, где бывал А.И. Желябов), объятые общим настроением спаянности и обреченности.

Для одних из присутствовавших на этой встрече 1880 года он оказался последним в их жизни; для других — последним годом борьбы (волна арестов прошла в конце 1880 — начале 1881 г.). Но в ту новогоднюю ночь все были исполнены веры в будущее, в «Народную волю». Они смотрели навстречу грядущему году с особой надеждой. Их борьба разворачивалась все шире и в обстановке всеобщего недовольства и обозначившегося правительственного кризиса, казалось, неминуемо должна была привести к радикальным переменам. Эта их борьба, верили они, должна была пробудить народ, помочь ему разорвать цепи, заставить увидеть в народовольческой партии силу, пойти за ней на штурм самодержавия.

А в наступившем году положение Николая и Ольги в народовольческой организации стало критическим. В конце 1879 года Ольга с ужасом призналась Николаю, что чувствует в себе присутствие живо-

го существа. Это было равносильно смертному приговору для них обоих. Николаю было ясно, что их жизнь теперь должна разорваться на две не соединимые друг с другом части. Не было другого выхода, как отвезти Ольгу за границу, обеспечить там ее существование до устройства ребенка в какую-нибудь нормальную семью, а затем возвратиться и разделить участь своих товарищей. Он хотел сейчас же рассказать все это друзьям, но испугался, что все подумают, что теперь они уйдут, как и другие, в семейную жизнь, покинув остальных товарищей, и это было ему до невыносимости больно. Но выход нашелся сам собой.

В январе 1880 года была арестована типография «Народной воли» и прервалась редакторская деятельность Николая. Он лишился единственного дела, которое ему еще было доверено, – работы в редакции. На восстановление типографии должно было уйти несколько месяцев. И он стал настаивать на своей поездке за границу для организации издания там эмигрантской литературы и для печатания на свою личную ответственность некоторых своих статей. К тому же он давно лелеял мечту издать историю революционного движения в России, а для этого требовались воспоминания живущих вне ее революционеров.

В результате решено было предоставить ему и Ольге «бессрочный отпуск» за границу. Свои расхождения с ИК Николай не афишировал, и не все члены организации о них догадывались, довольствуясь версией об «отпуске» в связи с провалом типографии. Николай считал этот период, окончательно определивший его отъезд за границу, самым тяжелым в своей жизни. Он стал чрезмерно мнительным, подозревая подвох в каждом предприятии. Мучился недоверием товарищей и сам не доверял никому. Чувствовал себя лишним, ненужным. И от всего этого ощущал себя больным, теряющим волю к жизни и борьбе.

Разрыв с недавними соратниками, вместе с которыми столько было пережито и пережито, воспринимался им намного тяжелее раскола «Земли и воли». Тогда, расходясь с «деревенщиками», он был вместе с теми, кто, как и он, готов был бороться за новое дело, в правоте которого не сомневался. Сейчас все было по-другому.

Глава V

ЗА ШАГ ДО БЕССРОЧНОЙ КАТОРГИ

В террор можно и влюбиться и возненавидеть до глубины души, — и притом с оттенком «на неделе семь пятниц», без всякой неискренности. Есть вещи, в себе диалектические, высвечивающие (сами) и одним светом и другим, кажущиеся с одной стороны — так, и с другой — иначе. Мы, люди, страшно несчастны в своих суждениях перед этими диалектическими вещами, ибо страшно бессильны. «Бог взял концы вещей и связал в узел — неразвязываемый». Распутать невозможно, а разрубить — все умрет. И приходится говорить — «сине, белое, красное». Ибо все — есть...

В. Розанов. Уединенное

Сколь единообразно все происходит в этом мире! В феврале 1882 года он опять оказался в здании Петербургского окружного суда на Литейном. Четыре года назад здесь его судили по «Процессу 193-х». Так же, как и тогда, он сидел некоторое время в Доме предварительного заключения. Так же, как и тогда, его арестовали на границе. Так же, как и тогда, он возвращался из Швейцарии...

Год в эмиграции. Что он успел сделать за это время?

Николай и Ольга уехали из Петербурга в самом начале февраля 1880 года. Сообщение о взрыве в Зимнем дворце, произведенном народовольцами 5 февраля, застало их в Берлине, на пути в Вену. Исполнителем этого покушения на императора, свершившегося по решению ИК, был рабочий, член организации «Народная воля», агент ИК Степан Николаевич Халтурин. Покушение вновь закончилось неудачей¹: опоздав к обе-
ду в столовую, под которой Халтурин устроил взрыв, царь уцелел.

Взрыв народовольцами царского поезда и взрыв в Зимнем дворце подняли авторитет партии на недостижимую высоту, и все свое уважение к этой организации эмиграция перенесла на Николая и Ольгу. В ореоле этой славы «Народной воли» они прибыли в Женеву. Морозова, лично причастного к акциям «Народной воли» и ее печатному органу, русская эмиграция встретила с восторженным уважением.

К ним тянулись люди со всех концов Европы, отовсюду, где были русские эмигранты. И его старые друзья, и вновь обретенные жажда-

ли подробностей о деятельности организации, к которой его причисляли, о ее планах и замыслах. Причем не только из Швейцарии (Берна, Цюриха, Женевы), но и из Румынии, где была значительная их колония, а также из Берлина, Парижа, Лондона. Отовсюду русские политические изгнанники писали ему письма, приезжали специально повидаться, несмотря на скудость своих средств, чтобы получить сведения об освободительной борьбе на Родине от ее недавнего непосредственного участника. Очень скоро у них образовалось некоторое подобие кружка из лиц, которые хотели вернуться в Россию и принять участие в деятельности партии.

К возвращению в Россию деятельно готовился П.Н. Ткачев, решивший перенести туда типографию «Набата». О переезде в Россию серьезно думал в это время и С.М. Кравчинский.

Но за границу Николай и Ольга ехали отнюдь не в качестве официальных представителей «Народной воли». В партии было вполне определенное отношение к эмигрантам. Александр Михайлов считал, что эмигрант не может явиться представителем партии. Это, прежде всего, дезертир. Кто из революционеров сидит за границей, тот или не может разделять программу партии, или не хочет разделять их опасности. Кто хочет с партией работать, тот должен быть в России.

Вера Фигнер, не зная всех подробностей разногласий Николая и Ольги с ИК, так как она действовала в это время в Одессе, вслед им послала письмо, где отказывалась признать их право «удалиться»: *«Никакие внутренние разногласия не должны были подавить в вас товарищества, которое требует, чтобы все были налицо, если борьба еще продолжается... Не хотите ли вы сохранить себя для будущих, лучших времен, которые будут куплены ценою крови столько же товарищей?»*

Но еще обиднее было выслушивать уверения некоторых эмигрантов в его праве на покой и передышку. *«Вы употребили нечеловеческие усилия в борьбе и столько сделали, что Вам необходим отдых. И Вы хорошо сделали, что приехали в Женеву. Мы же достаточно отдохнули и можем двинуться к Вам на смену»*, – так, например, писал ему его друг по «Земле и воле» А.А. Остафьев. Это было тем более обидно, что Николай не считал себя эмигрантом-дезертиром, ведь он лишь на время покинул своих товарищей из-за временных разногласий и по первому их зову собирался вернуться назад для активной деятельности.

Конечным пунктом своего пребывания Николай и Ольга выбрали Кларан, где также бывало немало эмигрантов из России.

Русская революционная эмиграция в Швейцарии начала 1880-х годов отличалась от той, которую Морозов помнил по 1875 г., количество различных группировок значительно увеличилось в соответствии с усложнением общественно-политической жизни России и Европы, но вме-

сте с тем нынешняя эмиграция отличалась большим единством по отношению к русским делам, чем в середине 1870-х годов. И причина была в героической борьбе «Народной воли», солидарность с которой выражали самые разные течения в эмигрантской среде.

Авторитет партии проявился в «деле Л.Н. Гартмана». Он был арестован 3 февраля 1880 г. в Париже. Русское правительство требовало выдачи его как участника подготовки взрыва 19 ноября 1879 г. на Московско-Курской железной дороге. Вся эмиграция приложила огромные усилия к благополучному исходу дела Гартмана. Эмигранты распространяли прокламацию «Французскому народу от Исполнительного комитета русской революционной партии», выпущенную ИК 11 февраля 1880 г., а также агитацией содействовали тому, что самая мысль о выдаче Гартмана сделалась противной большинству французов как величайшая политическая нечестность.

Как и в первый раз, Морозов приехал за границу с намерением осуществить ряд практических и литературных дел. Главное, с чем он ехал в Швейцарию, было стремление доказать свою правоту и ошибочность программы ИК.

Он хотел основать свой «террористический орган», который пропагандировал бы «политические убийства» как самую совершенную и современную форму борьбы. Предприятие это Морозов держал в секрете, посвящая в него лишь тех, от кого ждал содействия. Однако в среде революционной эмиграции эта затея одобрения не встретила. Они не хотели спорить с «Народной волей» и пересматривать ее программу, стремясь как раз к поддержке единственной в стране революционной организации, показавшей свою силу. Не одобрил его затею П.А. Кропоткин, с которым Николай довольно близко соприкасался в Кларане. Противник террора и анархист, Петр Алексеевич считал революционным долгом поддерживать «Народную волю». П.Л. Лавров, которого Морозов пригласил сотрудничать в предполагаемом «террористическом органе», признал для себя крайне сомнительным и нежелательным участие в таком издании и всячески отговаривал от этого дела Морозова. Даже П.Н. Ткачев, стоящий наиболее близко к идеям Николая, не осмелился открыто его поддержать, хотя оказал ряд неофициальных услуг. Но через год, в сентябре 1881 года, П.Н. Ткачев в газете «Набат» опубликовал статью «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России». В ней его проповедь терроризма достигает своей кульминации – революционный терроризм, как разрушающий иллюзию неприкосновенности самодержавия, рассматривается Ткачевым как единственное средство, способное освободить Россию и привести ее к нравственному возрождению. Николаю удалось найти лишь одного сообщника, Г.Г. Романенко, пообещавшего и сотрудничество, и материальную помощь. Но этого было явно недостаточно. Поэтому он ограничился лишь изданием брошюр –

«Террористическая борьба», автором которой был он сам, и «Терроризм и рутина» В. Тарновского (псевдоним Г.Г. Романенко).

«Террористическая борьба» Н. Морозова была издана в Женеве в типографии «Набата». В целях конспирации на титуле местом издания значился Лондон. Так что Ткачев, не желая официально связывать себя с Морозовым, все же ему симпатизировал и помогал чем мог.

В связи с выходом его брошюры в Женеве поднялся шум и начались нападки на нее чернопеределцев (Г.В. Плеханова, Л.Г. Дейча, В.Я. Стефановича, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич).

Позже брошюра была причислена правительством к программным документам «Народной воли» и наряду с ними фигурировала в качестве «вещественных доказательств» на всех крупных политических процессах. Народовольцам приходилось неоднократно отмежевываться от нее, официально заявляя, что они не разделяют высказанный в ней взгляд на политическую борьбу и в целом, как партия, относятся к брошюре отрицательно.

В это же время в Женеве в типографии «Громады» вышел сборник «Стихотворения Н. Морозова, 1875–1880 гг.» с посвящением: «Русским революционером-террористам». П.Л. Лавров, обладавший требовательным вкусом, счел возможным послать его И.С. Тургеневу.

Тем временем взгляд Исполнительного комитета на эмиграцию начал постепенно меняться. В мае Николай получил из Петербурга письмо, в котором сообщалось следующее: *«Мы считаем необходимым повести теперь серьезную агитацию в Европе в пользу русского движения. На тебя и Сергея Кравчинского рассчитываем главным образом»*. Иначе говоря, Исполнительный комитет назначил его своим официальным представителем. А это значило, что агитационную деятельность нужно было усилить.

В связи с провалом его затей с «террористическим» журналом, агитация по поручению партии постепенно составила основное содержание деятельности Николая за границей. Он написал большую серию статей о русском революционном движении для различных западноевропейских газет самого различного толка. Народовольцы стали регулярно снабжать его информацией о положении в стране, об освободительном движении, присылали регулярно свою газету.

Информация к нему приходила в специальных письмах. В них химическими чернилами, которые требовали специального проявления, сообщалось главное, а поверх обычными чернилами был написан отвлеченный текст на французском языке. Но даже и в таких письмах особые сведения – фамилии, адреса и т.п. – передавались специальным шифром, принцип которого был таков. Использовалось какое-нибудь стихотворение, известное отправителю и адресату, размером не более десяти строк, и нужная буква кодировалась двумя числами – номером строки и порядковым номером в строке.

Друзья сообщили ему о первом народофильском процессе «16-ти» и резонансе, который он вызвал.

Дело 16-ти террористов слушалось в Петербургском военно-окружном суде 25–30 октября 1880 г. В окончательной форме приговор был объявлен 31 октября. Присуждались: к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири Е.Н. Фигнер; к ссылке на поселение в не столь отдаленные места М.В. Грязнова; к ссылке в Томскую губ. В.В. Дриго и А.П. Булич; к каторге на 4 года С.А. Иванова; к каторге на 8 лет Л.И. Цукерман; к каторге на 15 лет А.А. Зубковский, Н.К. Бух, С.И. Мартыновский; к каторге на 20 лет Л.А. Кобылянский, А.И. Зунделевич; к бессрочной каторге С.Г. Ширяев, Я. Т. Тихонов, И.Ф. Окладский; к смертной казни А.А. Квятковский и А.К. Пресняков.

4 ноября 1880 г. был исполнен смертный приговор над членами ИК А.А. Квятковским и А.К. Пресняковым. Участь рабочего Андрея Корнеевича Преснякова была решена еще до суда – он оказал вооруженное сопротивление при аресте и убил человека. Об обреченности Александра Александровича Квятковского Николай знал еще до отъезда за границу. При аресте при нем были несколько фунтов динамита и около двухсот номеров народофильской газеты.

Особый интерес для Николая представлял присланный ему текст выступления на суде С.Г. Ширяева о терроре: *«Террор должен был, по решению съезда, служить средством самозащиты партии и мести за жертвы правительственных преследований. – Естественно, что участники съезда остановили свое внимание также и на вопросе о царевубийстве, причем я утверждаю, что вопрос этот возник на самом съезде, и лишь после того, как обозначилось резко-реакционное направление правительства за время, истекшее между 2 апреля и сроком съезда, а в ближайшем будущем еще большее усиление и развитие этого направления – возникла мысль о повторении покушения Соловьева. Съезд признал необходимым совершить этот факт в том случае, если правительство будет идти прежним путем, но практические вопросы о способе, о выборе времени, исполнителей и проч. – совершенно не поднимались на съезде.*

...Значение террористической деятельности – второстепенно, что цель ее – охрана партии и мечь – обусловлена лишь теми исключительными обстоятельствами, в которые партия была поставлена, и не будь их, этих условий, – не было бы и террора, а партия "Народной Воли" все же продолжала существовать и работать, ибо наша цель – социальная реформа при посредстве политической, освобождение народа, признание его верховенства. Это может быть совершено, по мнению партии, народным Учредительным Собранием, к скорейшему созыву которого и долж-

ны быть направлены все силы партии; около этого пункта программы и группируются все остальные. Такая цель не может быть осуществлена убийствами, насилием, всякого рода кровавыми мерами. Работать для этой цели можно и должно на многих путях, и потому даже человек, отрицающий всякое значение за террором, может быть, в то же время, солидарным с программой “Народной Воли”, работать рука об руку с нами для одной и той же цели».

В свою очередь Морозов служил для народовольцев одним из источников сведений о положении в эмиграции, о событиях в европейском рабочем движении. Он добывал для ИК надежные адреса для конспиративной корреспонденции, он рекомендовал ему верных людей, желавших действовать заодно с народовольцами, пересылал в Россию наиболее интересные из эмигрантских изданий и распространял в эмиграции народовольческие.

В июле 1880 г. Морозов переслал в «Народную волю» объявление о начале издания в Женеве «Русской социально-революционной библиотеки» при сотрудничестве Л. Гартмана, М. Драгоманова, П. Лаврова, Н. Морозова, И. Павловского и др. Первым изданием «Библиотеки» была книга П.Л. Лаврова «18 марта 1871 г.». Сразу по выходе Николай переправил ее в Россию, где она была очень хорошо встречена. Вслед за этой работой в «Библиотеке» вышла «Сущность социализма» А. Шефле в переводе В. Тарновского (Г.Г. Романенко) с примечаниями П.Л. Лаврова.

Ближайшим изданием «Библиотека» объявила «Историю социалистического движения в России за 1873–1875 гг.» Н. Морозова. Недостаток в подобной работе ощущался почти всеми его товарищами, и выпуск этой книги был наказом Морозову при его отъезде за границу. Работа, как мы уже говорили, была задумана им еще в России, и в оставшихся там бумагах уже имелись некоторые материалы и наброски к ней.

Здесь к Николаю стал стекаться материал для «Истории», правда, значительно медленнее, чем ему бы хотелось. Но трудности возникли не только с собиранием материала. Страсти вокруг многих вопросов ещё не утихли. По многим делам еще не до конца были закрыты следствия, многие участники движения по сей день активно работали в революции. Н.В. Чайковский советовал прибегнуть к буквенным обозначениям имен тех, кто на свободе, не давая полных фамилий. Однако эта разумная осторожность обезличивала «Историю», лишала ее той конкретности, которую сообщали подлинные имена реальных ее участников.

Николай все более убеждался, за какую сложную работу он принял, сначала рассчитывая завершить ее до осени. Более, чем сам Морозов, понимал его трудности Лавров, заинтересованно следивший за его

работой. Считая затяжное дело «чрезвычайно серьезным и полезным», Лавров предостерегал от всякой спешки и небрежности, учитывая, что история революционного движения, если она не сводится к апологии, невольно даст какой-то материал и его врагам.

Кроме того, по поводу его работы возникли разногласия внутри редакции «Библиотеки». Они начались, когда вместо выбывшего Л.Н. Гартмана туда был введен Г.В. Плеханов. С Георгием Валентиновичем отношения у Морозова не ладились еще со времен общей работы в редакции «Земли и воли», тогда между ними на идейной почве возникло взаимное «отталкивание». Зная одержимость Морозова террором, Плеханов, естественно, противился всеми силами появлению в «Библиотеке» «Истории 1873–1875 гг.», так как считал, что она будет апологией террора.

Предполагалось, что «История» будет издаваться отдельными выпусками. Морозов успел подготовить только один – «Очерк истории кружка “чайковцев”». Но этого было мало, и, чтобы не тормозить издательский процесс, он решил ехать к Марксу и попросить у него несколько работ для издания в «Библиотеке». Его желание привлечь Маркса к сотрудничеству в «Библиотеке» поддержал и Лавров, с которым Морозов решил посоветоваться по этому вопросу.

И вот в декабре 1880 года Николай отправился в Лондон к своему другу Гартману, чтобы тот помог ему встретиться с Марксом. Гартман часто бывал у Марксов дома и мог легко дать рекомендацию Николаю. Вскоре они уже были в предместье Лондона у хорошенького белого коттеджа, в котором жила семья Маркса. При первой встрече с живым классиком Николай не удержался от восклицания:

– Как Вы похожи на свой портрет!

Это вызвало улыбку у присутствующих. Оказывается, многие так говорили при первой встрече.

Беседа была очень интересной. Николай информировал его о деятельности «Народной воли», о причинах разделения партии «Земля и воля». Наконец подошли к главному вопросу – о работах, которые можно было бы напечатать в «Библиотеке». Маркс с удовольствием согласился и дал даже не одну, а несколько работ, написанных как им самим, так и совместно с Энгельсом. Более того, он согласился написать небольшое предисловие к выбранной редакцией статье, как только ему будет прислана корректура ее перевода.

Перед отъездом Николай еще раз зашел к Марксу, чтобы забрать с собой обещанные ему книжки. Ему хорошо запомнились заключительные слова Маркса:

– Царь был провозглашен шефом европейской реакции, а в настоящее время, благодаря деятельности «Народной воли», он сидит пленником в Царском селе, а Россия является авангардом революционного движения Европы. Вы мне говорили, что в ближайшее

Н.А. Морозов у К. Маркса

время возвращается в Россию. Желаю Вам успеха, пишите мне о своих делах. И Маркс крепко пожал Николаю руку на прощание.

Просмотрев полученные работы, Морозов выбрал для первой публикации «Манифест коммунистической партии» и даже начал его переводить, но... В Женеве его ждало письмо

Софьи Перовской с просьбой о срочном возвращении на Родину для выполнения главной задачи партии. Николай стал в срочном порядке сворачивать все свои дела за границей. Весь свой архив, где были полученные от Маркса работы и начатый перевод «Манифеста», он передал Лаврову, чтобы тот дал им дальнейший ход и чтобы задуманное дело не погибло. П.Л. Лавров передал «Манифест» Г.В. Плеханову для перевода. Когда Морозов был уже далеко от Женевы, его преемником в деле издания книг для России стал Г.В. Плеханов, который в это время увлекся «Капиталом» и постепенно стал менять свою точку зрения на будущий революционный путь России.

Но это случилось чуть позже. Мы забыли о главном деле, которое Николаю необходимо было уладить за границей – устроить здесь жизнь Ольги и будущего ребенка, который вот-вот должен был появиться.

Вообще-то Николай оказался мало приспособленным к семейной жизни. Вспомним первую эмиграцию, когда он порхал, как птица, не отягощенный материальными заботами. Теперь пришлось налаживать быт, уделять время семье, отрываясь от революционных дел и научных занятий. Немало времени и сил отнимала работа ради заработка, которую ему и Ольге доставал С. Кравчинский, имевший здесь больше связей, так как жил здесь гораздо дольше. Пригодилось приобретенное в заключении знание языков. Ольга вместе с Кравчинским переводила с итальянского роман Джованьоли «Спартак», вскоре опубликованный в демократическом журнале «Дело» и имевший большой успех у русского читателя. Сам Николай занимался переводом поэзии с английского и польского. Успевал посещать лекции в Женевском университете по факультету «Sciences et letters». Приобрел он и интересные знакомства в научном мире.

Таким знакомым оказался революционер-народник и ученый Сергей Андреевич Подолинский. Это был широко образованный человек, имевший физико-математическое и медицинское образование. Он, так же как и Николай, был большим почитателем «Капитала» Маркса. Он пытался привести в соответствие прибавочный труд с общепринятыми физическими теориями. Сергей Андреевич, изучив энергетический баланс сельского хозяйства как рода деятельности, через фотосинтез вовлекающей в экономический оборот энергию Солнца, написал в 1880 году свою главную работу – «Труд человека и его отношение к распределению энергии». В этом же году он послал ее Марксу, с которым был лично знаком с 1872 года (их познакомил в доме Энгельса Лавров), и получил от него благожелательный ответ.

Согласно этой работе, труд есть деятельность, которая связана с регулированием потоков энергии. Некоторые виды труда исключительно эффективны для вовлечения энергии Солнца в хозяйство, другие – для ее сохранения и переработки, так что в совокупности человечество может обеспечить поток отрицательной энтропии, достаточный для устойчивого развития. Но для этого трудовая теория стоимости должна быть дополнена энергетическим балансом, и здесь политэкономию соединялась с физикой. По расчетам Подолинского, устойчивым развитием общества следует считать такое, при котором затраты одной калории человеческого труда вовлекают в оборот 20 калорий солнечной энергии.

И вот произошло то событие, ради которого он на время покинул Россию и товарищей по «Народной воле». В октябре у Ольги родилась прелестная девочка, и все силы ее любви обратились на это маленькое существо. Казалось, что для нее ничего более не существует. Она не могла отойти от колыбели девочки, и если отходила, то прислушивалась все время к ее дыханию, и во время любого разговора взор ее обращался ежеминутно к ней. Никогда прежде не заботившаяся о чем-либо материальном, она теперь постоянно думала о том, как они добудут средства для дальнейшей жизни и обеспечения девочки. Николай вполне ее понимал, но их отношение к будущему было различно.

Он собирался в ближайшее время возвращаться в Россию, а будущее его там было очень неопределенным. Это значило, что для счастья и нормальной жизни их дочери было бы всего лучше, если бы ее удочерила одна из тех либеральных дам, «любимцем» которых, по словам Тихомирова, Николай всегда был и с которыми легко знакомился.

Николай и Ольга подружились здесь с семьей Подолинских, уехавших вместе с малолетними детьми за границу, сблизившихся там с политическими эмигрантами и имевших значительные вклады в иностранных банках и, кажется, именно в России. Затем они познакоми-

лись с еще более интересной парочкой богатых южнорусских помещиков Арнольди. В противоположность Подолинским, предполагавшим чуть ли не навсегда остаться за границей, они приехали ненадолго «подышать несколько месяцев свободным воздухом», как они выражались. Он был седоватый красивый мужчина лет пятидесяти, интеллигентного вида, да и на самом деле очень образованный и добродушный человек, она — красивая и изящная женщина лет сорока, бывшая институтка, прочитавшая почти всю радикальную беллетристику того времени и смотревшая на Николая и Ольгу с обожанием как на легендарных героев. Они были бездетны и очень огорчались этим.

Обе пары были готовы удочерить девочку. Но едва Ольга услышала об этом, она сделалась бледна как смерть.

— Как! Отдать мою дочку другой матери?! Но ведь она тогда будет больше любить ее, чем меня!

Ольга не могла перенести даже мысли об этом. Такой поступок казался ей также невозможным, как влюбленной девушке передать своего возлюбленного другой, с которой ему, может быть, будет лучше, чем с нею.

— Ни за что! Ни за что! — повторяла она, и Николай вполне ее понимал. Но он понимал и то, что, даже ради самой девочки, они должны пожертвовать своим счастьем видеть ее детскую любовь к ним и обречь себя по-прежнему на гибель за освобождение своей Родины вместе с Александром Михайловым, Перовской, Верой Фигнер и другими любимыми товарищами. А для Ольги все это как бы ушло уже вдаль и заменилось новой и близкой материнской любовью.

Что было делать? Николай воспользовался предложением товарищей по Исполнительному комитету «Народной воли» оставаться пока их заграничным союзником, каким хотел считать его Тихомиров, или их делегатом за границей, как хотело большинство, и продолжал выполнять поручения, которые ему были посылаемы руководителем партии Александром Михайловым — душой центральной организации «Народной воли» и любимцем всех. И вот пришло сообщение: 28 ноября 1880 года Александр Михайлов арестован. Это было шоком для Ольги и Николая. Что будет теперь с Исполнительным комитетом? Ведь благодаря А. Михайлову организация не несла сокрушительных потерь и успешно функционировала. Его отсутствие должно было ощущаться на всех практических делах и моральном духе партии.

Наконец пришло письмо от Перовской: *«Приезжай как можно скорее! Отсутствие Александра [Михайлова] отзывается здесь страшно тяжело. Как будто выпало центральное звено, соединявшее нас всех воедино...»*

У Ольги пропали последние аргументы. Было решено, что она не будет разлучаться с девочкой и не отдаст ее никому до последней

возможности и что Николай снова к ним придет через два-три месяца. Но вид у нее был совсем убитый.

Николай побежал к своему товарищу по вновь устраиваемой боевой организации «Общество народного освобождения», долженствующей действовать в союзе с Исполнительным комитетом «Народной воли», студенту Женевского университета Лакиеру. Он обладал большими средствами, доставшимися ему в наследство от его покойного отца – сенатора Лакиера, и считал за счастье употребить их на дело революции. На другой же день он взял из банка две тысячи франков и предоставил их Николаю для возвращения в Россию, для чего дал ему и свой паспорт. Николай взял себе из этой суммы 100 франков на дорогу, а остальные, по соглашению с Лакиером, отдал Ольге, так как это при их скромной жизни обеспечивало бы ей существование более чем на полгода, а в такой срок можно было подумать и о том, как ей быть далее с девочкой.

В декабре 1880 г. Вера Фигнер в очередном зашифрованном письме по поручению ИК просила Морозова *«поторопиться с приездом, не откладывая дальше... Большинство относительно тебя лично, Николай, считает необходимым восстановление прежних отношений, хотя формально этот вопрос не поднимался, да и твои собственные намерения нам неизвестны. Из этого ты можешь видеть, какой прием ждет тебя в нашей среде»*.

Но он уже и так был готов к поездке. Питерцы предлагали ему деньги на переход через границу, однако, не желая отвлекать столь нужные организации средства от дела, он уже достал их сам. Он собрал нелегальные издания, которые предстояло взять с собой, добыл оружие, достал паспорт. Теперь он Петр Александрович Лакиер, 28 лет. И возвращался он не один. Вместе с ним в Россию ехал новый боец Александр Остафьев.

В день отъезда, за несколько часов до отхода поезда, Николай и Ольга, оставив девочку с одной из приятельниц Ольги, пошли на горный уступ, где был сквер русской миссионерской церкви с несколькими уединенными скамейками, и сели рядом на одну из них. Оттуда открывался чудесный вид на Женевское озеро и уходящие в туманную даль вершины Швейцарских гор. По голубому небу шли кучевые облака, а Ольга, обхватив шею Николая руками, молча плакала и повторяла: «Если ты умрешь и я умру».

23 января 1881 года Николая и Остафьева арестовали при переходе границы у Эйджунена, в деревне Стошки, Владиславльского уезда, Суwalkской губернии. Их заметил кто-то из земской стражи и донес по команде. Вещественных доказательств было предостаточно для «возбуждения дознания»: револьвер с патронами, трубка со взрывчатым веществом (первоначально фигурировавшая в деле как «медная ду-

дочка)), пузырек с порошком для химического письма, 17 экз. «Стихотворений» Н.А. Морозова (Женева, 1880), 3 экз. брошюры «Террористическая борьба», брошюра «Терроризм и рутина» и «Инструкция членов общества “Народного освобождения”» (издания «Набат»)...

Первым местом их заключения был Сувалкский тюремный замок.

Через несколько дней заключения Остафьев (арестованный под именем Л.П. Кривиченко) назвал свое настоящее имя и дал показания о своей революционной деятельности до эмиграции. Николай продолжал настаивать, что он Лакиер. Найденные при нем адреса польских революционеров, а также брошюра на польском языке «Патриотизм и социализм» заставили власти заподозрить в нем члена Варшавской революционной организации. Начальник Варшавского жандармского округа послал 4 февраля 1881 г. шифрованную телеграмму, что вследствие ареста Лакиера и Кривиченко было установлено наблюдение за социалистическими кружками в Варшаве и произведен ряд обысков. Задержано было 12 человек, преимущественно рабочих.

Через две недели, 26 февраля, Николая (еще не опознанного) и Остафьева перевели в Варшавскую цитадель. Здесь от соседа по камере Тадеуша Балицкого 3-го марта Николай узнал о казни народовольцами Александра II, свершенной 1 марта 1881 г.

Еще в Женеве до него доходили сведения о том, что Григорий Гольденберг дает в тюрьме откровенные показания о себе и о товарищах по партии, с которыми работал. Он попал в руки опытного следователя, товарища прокурора А.Ф. Добржинского, который сыграл на тщеславии Гольденберга и добился от него откровенных показаний. Когда Гольденберг понял, что стал игрушкой в чужих руках, он повесился в камере в июле 1880 года. Но его показания принесли много вреда партии уже на «процессе 16-ти». Николай знал, что Гольденберг рассказал о его участии в московском подкопе осенью 1879 года, а это значило, что как только следствию станет известно его настоящее имя, его казнят. В эти дни он часто прикладывал руку к шее, представляя, как ее в скором времени обовьет веревка...

В апреле 1881 г. Николая (все еще Лакиера) и Остафьева доставили в Петербург, в Дом предварительного заключения. 17 апреля в Петербургское губернское жандармское управление поступило секретное донесение товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А.Ф. Добржинского: *«По полученным мною сведениям, содержащийся ныне в Доме предварительного заключения Лакиер есть в действительности Николай Морозов, подлежащий привлечению к дознанию о покушении 19 ноября и скрывавшийся до сего времени от преследования»*. Такие данные Добржинский мог получить от предателей-provokаторов В. Меркулова, И. Окладского, С. Дегаева – все они знали Николая по началу его деятельности в рядах «Народной воли». В ответ на донесение было поручено подполковнику Никольскому присту-

пить к действиям, которые могли бы выяснить личность Морозова в Лакиере. На следующий день Николая вызвали на допрос. Арестованный настаивал: *«Я не Николай Морозов, а потому никаких обвинений, упاداющих на Морозова, признать за собой не могу»*.

Уже на суде его защитник Рихтер сообщил ему, что жандармы для опознания личности Лакиера вызвали П.А. Щепочкина, который не признал в предъявленном ему через дырку в стене арестованном своего сына. Николай был этим очень растроган.

Установить личность Николая помогла его бывшая квартирная хозяйка М. Фролова. Она опознала в Лакиере «инженера Хитрово», который вместе с женой (ее она узнала в фотографии О. Любатович) в течение трех месяцев проживал у нее на Невском проспекте, д. 124, кв. 15 осенью 1879 г. На очной ставке с Фроловой арестованный и назвал свое настоящее имя, пообещав дать «показания по существу дела при последующих допросах». Тут же последовало постановление: «Николая Морозова содержать под стражей в отдельном помещении, о чем ему и объявить...».

С этого момента пути Николая и Остафьева разошлись. За последним числилось лишь дело о причастности к организации тайной типографии, заведенное в 1879 г. и на фоне событий последнего времени потерявшее остроту. Он подлежал высылке в Сибирь на 5 лет. Болезненное состояние арестованного дало возможность его матери, начальнице Мариинского Нижегородского института, взять его на поруки под залог 10 тысяч рублей. Против Николая было возбуждено самостоятельное дознание, и его дело приобщили к следствию, на основании которого готовился процесс «20-ти». Пять народовольцев уже взошли на эшафот, заступив дорогу Морозову и многим другим товарищам, находящимся в тюрьме. Новый император удовлетворился кровью пятерых непосредственных участников покушения. Дела остальных народовольцев были вынесены в особый процесс, и в июле 1881 г. Николая перевели в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Это означало резкое ужесточение тюремного режима. Прежде всего, он должен был сдать книги, которые в подследственной тюрьме можно было получать по абонементу из городской библиотеки. Такой льготы в крепости не полагалось.

За год, проведенный в заключении вплоть до суда, Морозов, следуя уставу ИК, дал одно-единственное показание. На допросе 24 апреля он заявил: *«По убеждениям своим я террорист, но был ли террористом по практической деятельности – предоставляю судить правительству. Я не считаю для себя возможным дать какие-либо сведения по предмету обвинения меня в Липецком съезде, в участии в покушении 19 ноября 1879 года в г. Москве и вообще на все вопросы по существу дела, так как моя жизнь до ареста тесно связана с жизнью других лиц и мои разъяснения, хотя бы они отно-*

сились лично ко мне, могли бы повлиять на судьбу моих знакомых и друзей, как уже арестованных, так и находящихся на свободе. Николай Морозов».

Александр Михайлов на своем опыте убедился, что значит невыполнение соответствующего пункта устава. *«Завецаю вам, братья, – писал он 16 февраля 1882 г., уже после процесса «20-ти», – установить единообразную форму дачи показаний до суда, причем рекомендую отказываться от всяких объяснений на дознании, как бы ясны оговоры или сыскные сведения ни были. Это избавит вас от многих ошибок».* Тактика, выработанная Николаем, А.В. Якимовой и М.Ф. Фроленко, тоже вовсе не дававшими показаний, была признана руководителем «Народной воли» наиболее целесообразной.

А в начале ноября 1881 года арестовали Ольгу. Этому предшествовали следующие события.

Получив известие об аресте мужа, она немедленно отдала дочку Подолинским и бросилась за ним в Россию, чтобы вместе с их общими друзьями освободить его или погибнуть. С. Кравчинский, понимавший всю бессмысленность этой затеи, не удерживал ее ни одним словом, потому что видел, что если она останется, то сойдет с ума.

В эти дни она была похожа на красивую разъяренную тигрицу, но все ее мероприятия оканчивались неудачей, приводя ее в еще большее отчаяние. Ольга придумывала все более и более фантастические планы, действия ее становились все более и более безрассудными...

Приехав в Петербург, Ольга решила просить помощи у ИК «Народной воли». Она появилась в столице в феврале 1881 г., в очень напряженные для ИК, сильно поредевшего в составе, дни. Шла интенсивная подготовка к очередному покушению на царя, казавшемуся им последним и решающим. План покушения предусматривал два этапа. На первом при проезде царского экипажа по Малой Садовой должен был взорваться мощный заряд, заложенный в перекрывающей улицу минной галерее. Для этого велся подкоп из специально снятой сырной лавки на углу Невского и Малой Садовой. Второй этап готовился как запасной: царскую карету на том же пути предполагалось взорвать бомбометательными снарядами. Игнатий Гриневицкий, к которому, как хорошо знавшему западный край, Ольга обратилась за содействием в деле освобождения Морозова, поехать в Сувалки отказался. Ольга не знала, что он уже был назначен одним из бомбометальщиков.

Несмотря на острую нехватку людей, ИК все же выделил ей в помощь человека, знакомого с пограничной местностью, члена Белостокского кружка «Народной воли». Вместе они отправились в Сувалки. Она пыталась разузнать о Николае через торговку булками, поставлявшую их в тюрьму.

Лишь через две недели пребывания в Сувалках они узнали, что его здесь нет и он, возможно, увезен в Ковно или Минск. Безуспешно иска-

ли его и там и там. Потерпев неудачу, Ольга вернулась не в Петербург, а в Москву. По поручению минских революционеров она должна была переправить шрифты для новой типографии «Народной воли», перенесенной в Москву, куда после 1 марта 1881 г. переместился и ИК.

Только в мае 1881 г. Ольга прибыла в Петербург, и вот только тогда установила связь с Николаем. Им удалось наладить переписку. Николай ободрял ее и призывал к деятельности: *«Наша жизнь еще нужна. Отдадим ее на мзнение врагам. Не давай тоске овладевать тобой, работай больше, как можно больше, как можно больше. Это облегчит тебя. Заводи сношения, организуй партию в ожидании меня. Помни, что теперь ты одна представительница терроризма, и на тебе лежит обязанность не дать ему заглухнуть. Работай же для него»*.

Затем он стал настаивать на ее отъезде за границу, доказывая, что время для деятельности неподходящее. Однако эти уговоры Ольга не восприняла — она слышала только призыв работать «как можно больше», совпадавший с ее собственным стремлением, и лихорадочно действовала, обуреваемая мыслью о спасении Николая или отмщении за него.

Фракционная деятельность в это время вряд ли могла быть успешной, так как авторитет «Народной воли» был еще велик. Этому способствовало письмо ИК к Александру III от 10 марта 1881 г., сгвавившее перед самодержавием альтернативу — или продолжение революционной борьбы, или принятие условий, которые поставлены самой историей: созыв народных представителей на основе всеобщего избирательного права для пересмотра существующих форм государственной жизни. При этом партия была готова подчиниться «решению народного собрания» и «не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием». Ответа не последовало. Усилиям властей революционное движение в стране уже было обезглавлено. Большинство членов ИК первого состава были либо казнены, либо находилось в заключении.

И вот новый удар: пришло сообщение из Монпелье, что их дочь умерла от эпидемического менингита, косившего в то время детей на юге Франции. Летом, не думая ни о препятствиях, ни об опасностях, Ольга начала сколачивать свою, особую террористическую группу. В разгаре этой безуспешной фракционной деятельности, приводившей ее в отчаяние, она была арестована.

Чтобы поддержать жену, Николай написал ей письмо:

«Милая Ольга!

Только что узнал о твоём аресте от следователя по твоему делу и, едва получив письменные принадлежности, спешу написать тебе несколько строк. Как ты поживаешь, как твоё здоровье? Береги себя. Не скучай, спи больше, не волнуйся, читай романы, это развлекает, иначе ты совсем заболеешь, тогда я заболею

тоже. Есть ли у тебя деньги? Если нет, то я попрошу разрешения переслать тебе часть моих. У меня достаточно. Я совсем здоров и нисколько не скучаю благодаря тому, что веду очень регулярную жизнь. Вот только известие о твоём аресте тяжело подействовало на меня, но ничего – привыкну. Теперь, по крайней мере, можно будет писать по временам друг другу. Отвечай скорее и пиши больше. Целую тебя.

Н. Морозов».

Но письмо не было доставлено адресату.

9 февраля 1882 года в 11 часов 10 минут первоприсутствующий Особого Присутствия Правительствующего Сената П.А. Дейер открыл заседание и объявил, что суждению Особого Присутствия Правительствующего Сената с участием сословных представителей предложено дело о противозаконном сообществе, именуемом «Террористическая фракция русской социал-революционной партии». Далее поименно перечислялись все подсудимые.

– В целях охраны государственного и общественного спокойствия дело будет слушаться при закрытых дверях, – констатировал Дейер.

И судебный пристав ввел обвиняемых.

Выше среднего роста, очень худощавый, темно-русый, лицо продолговатое с мелкими чертами, большая шелковистая борода и усы, очки в тонкой золотой оправе – таким предстал Николай перед судьями. Он был очень апатичен: говорил тихо и медленно. Так начался «Процесс 20», проходивший 9–15 февраля 1882 г. в здании Петербургского окружного суда на Литейном. Здесь, в зале, знакомом Морозову, как и некоторым другим подсудимым, еще по процессу «193-х», он впервые после двухлетнего перерыва увидел своих товарищей. Он получил наконец возможность повидать некоторых из тех, к кому спешил из эмиграции еще год назад: «Дворника» (А.Д. Михайлова), Михайлу (М.Ф. Фроленко), Т.И. Лебедеву (которую знал еще по кружку «чайковцев»), «Мартышку» (Мартына Рудольфовича Ланганса, ранее него благополучно вернувшегося в Россию из эмиграции), Н.В. Клеточникова и многих других, кого он помнил и любил. Многих уже не было в живых. Например, давний его друг Н.А. Саблин, поэт, острослов и весельчак, застрелился при аресте, не желая отдавать себя в руки жандармов.

Обвиняли прокурор Петербургской судебной палаты Н.В. Муравьев (обвинитель первомартовцев) и прокурор С.-Петербургского окружного суда Островский. Процесс шел, вопреки существующим судебным установлениям, при закрытых дверях. Не были допущены ни русские, ни иностранные корреспонденты. Присутствовали немногие высокопоставленные лица: министр внутренних дел гр. Н.П. Игнатьев, министр юстиции Д.Н. Набоков, петербургский градоначальник Н.М. Ба-

ранов. Из родственников подсудимых, имевших право быть на суде, воспользовались этим немногие. Родные Николая отсутствовали.

В основу обвинения против Н. А. Морозова легли показания Г.Д. Гольденберга об его участии в устройстве подкопа и мины для взрыва полотна Московско-Курской железной дороги в ноябре 1879 г. Работу Морозова в московском подкопе на следствии подтвердил и Г.П. Исаев. Другие участники подкопа (А. Михайлов и А.И. Баранников) отрицали причастность Николая к подготовке этого покушения на царя. Отрицал ее и он сам. Квартирная хозяйка М. Фролова, у которой Николай и Ольга проживали осенью 1879 г. под видом супругов Хитрово, заявила, что ее жильцы с сентября по ноябрь никуда не отлучались. Учтя все эти показания, Исаев на суде взял назад свое свидетельство о Морозове и сделал это довольно ловко и правдоподобно. Присяжный поверенный Рихтер безуспешно пытался построить на этих показаниях, опровергающих Гольденберга, защиту Морозова.

Однако судьи посчитали, что показания Гольденберга заслуживают особого доверия и таким образом этот эпизод доказан. Особые пояснения суду Николай дал относительно своей брошюры «Террористическая борьба». Он отмечал, что она была написана за границей. *«Я ни с кем из моих товарищей не совещался и не разговаривал, когда ее писал, и потому, – подчеркнул он, – она может быть вменена в вину только лично мне»*. На процессе Николай не скрывал, что считает «террористический способ» действий целесообразным для достижения свободы слова, печати и публичных собраний, но оговорил при этом свою обособленность от «Народной воли».

В обвинительной речи прокурора Муравьева (будущего министра юстиции) Морозов значился как поэт и теоретик партии «Народная воля».

Особое отношение у судей было к Клеточникову. Они старались показать, что он помогал партии из-за страха расправы и работал за денежные подачки со стороны Исполнительного комитета. Клеточников вел себя прекрасно, решительно и достойно. Говорил спокойно, хотя председательствующий набрасывался на него зверем.

Во время суда Клеточников очень сильно переживал, что при аресте он показал на первом допросе, что служил «Народной Воле» за деньги. Это произошло из-за неожиданности, с которой произошел его арест, к которому он был совершенно не готов.

На самом деле это заявление Клеточникова шло совершенно вразрез с действительностью. Он бывал очень счастлив, если в течение месяца успевал сделать сбережения из своего жалованья. И когда он стал получать на службе 100 рублей и более в месяц, он радостно приносил А. Михайлову рублей 20–25 на расходы «Народной Воли».

На суде он категорически отрицал, что служил «Народной Воле» за деньги; тогда председатель ядовито напомнил ему первое его показа-

ние, на что Клеточников возразил: *«На дознании я находился совсем в исключительных условиях, не таких, в каких обыкновенно находятся обвиняемые, хотя и в политических преступлениях. Я находился под тяжелым давлением. Я был весь в руках своего начальства, всемогущего, озлобленного за то, что я так жестоко его обманул. В таком положении можно было и не то наговорить. На самом деле я действовал глубоко убежденный в том, что все общество, вся благомыслящая Россия будут благодарны за то, что я подрывал деятельность III Отделения».*

Центральной фигурой процесса был Александр Михайлов. В своей речи он старался показать, что отсутствие демократических свобод – вот та причина, которая привела революционеров к террору.

Суд приговорил десять человек к смертной казни. Николай Морозов был в числе пяти человек, приговоренных к бессрочным каторжным работам.

После суда О.С. Любатович из тюрьмы подала 9 марта 1882 г. в Департамент полиции прошение о свидании с Морозовым. Она доказывала, что поскольку он уже осужден, то нет «причин, которые могли прежде мешать» их встрече. Она напоминала, что с осужденным на бессрочную каторгу ей «уже никогда не придется встретиться», она взывала к человеческим чувствам жандармов, пытаясь объяснить им, как много значит для нее Морозов, а она – для него. *«Такие близкие прежде связи, которые соединяли нас с ним, порывать слишком мучительно, слишком тяжело, чтобы не попытаться продолжить их еще раз, хоть на минуту».* Как и большинство писем родных и близких осужденных «государственных преступников», ее письмо осталось без последствий.

После вынесения приговора Николай попросил защитника побывать у отца и попросить у него перед вечной разлукой прощения за невольно причиненное ему огорчение. Щепочкин через министра юстиции добился свидания с сыном в то время, когда уже никаких свиданий не полагалось, и получил их целых два. На этих свиданиях они помирились.

Александр III утвердил смертный приговор по процессу «20-ти» только офицеру Н.Е. Суханову – члену ИК и Военной организации «Народной воли», заменив его остальным смертникам бессрочной каторгой. «Особо важным государственным преступникам» – среди них был и Николай – бессрочная каторга была заменена пожизненным заключением.

19 марта 1882 года в 8 часов 45 минут офицер флота Николай Суханов был расстрелян в Кронштадте.

26 марта 1882 г. Н.А. Морозов, А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, Н.Н. Колодкевич, Г.П. Исаев, А. И. Баранников, М.Р. Ланганс, А.Б. Арончик, М.Н. Тригони, М.В. Тетерка, Н.В. Клеточников были переведены в Алексеевский равелин. Для них время остановилось...

С. Кравчинский

Д. Клеменц

А. Прибылева (Корба)

Ю. Богданович

А. Михайлов

Н. Саблин

Примечания ко второй части

К главе II

¹ Бакунин Михаил Александрович [18(30).5.1814, Новоторжский уезд Тверской губернии – 19.6(1.7).1876], русский революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества. Родился в помещицкой семье. Учился в Артиллерийском училище в Петербурге, недолго служил офицером, в 1835 вышел в отставку. Во 2-й половине 1830-х гг. жил в Москве, играл видную роль в кружке Н.В. Станкевича, был близок с В.Г. Белинским, потом также с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. В эти годы Бакунин – последователь философии И. Фихте, позднее – Г. Гегеля. В 1840 уехал за границу (Германия, Швейцария, Бельгия, Франция). В Берлинском университете он слушал лекции К. Вердера по логике и Ф. Шеллинга по «философии откровения» (1840). Примкнув к левым гегельянкам, выразил свои радикальные воззрения в статье «Реакция в Германии» (1842). В Цюрихе заинтересовался коммунистическим движением. В Париже (1844) сблизился с П. Прудоном. Тогда же познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Деятельность Бакунина за границей обратила на себя внимание царских властей. Требованиям правительства о возвращении его на родину не подчинился. В 1844 заочно приговорён Сенатом, в случае возвращения в Россию, к лишению прав и ссылке в Сибирь на каторгу. За ведение пропаганды против царизм, по настоянию русского правительства, был выслан из Франции. Принимал деятельное участие в революции 1848–1849 годов. В мае 1849 был одним из руководителей восстания в Дрездене (Саксония). После его подавления арестован в Хемнице, в апреле 1850 приговорен саксонским судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Был передан в руки австрийского правительства и в мае 1851 военным судом в Ольмюце вторично приговорен к смертной казни, которая также была заменена пожизненным заключением. Вслед за этим австрийскими властями выдан Николаю I и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где по предложению царя написал «Исповедь», в которой, не компрометируя никого, рассказал о революционных событиях в Европе и своем участии в них. Форма этого документа порой носила характер покаяния, что можно объяснить тактикой Бакунина, стремившегося любой ценой вырваться на волю. В 1857 он был отправлен на поселение в Сибирь. В 1861 бежал через Японию и США в Лондон. В 1862–1863 сотрудничал с Герценом и Огаревым, был связан с первой «Землей и волей». В 1864–1867 жил в Италии, затем в Швейцарии. Во время франко-прусской войны участвовал в Лионском восстании (сентябрь 1870), в 1874 – в выступлении анархистов в Болонье (Италия). Умер в Берне (Швейцария), там и похоронен.

К периоду жизни в Италии относится окончательное формирование, частью на основе учения Прудона, анархистских воззрений Бакунина, получивших распространение в ряде стран Запада и в России.

История, по Бакунину, – эволюционный процесс, шествие человечества из «царства животности» в «царство свободы». Атрибутами низшей ступени являются религия и государство. Человек отличается от животного только мышлением, которое вызывает к жизни религию. Будущее общество – строй ничем не ограниченной свободы, независимости человека от всякой власти, полного развития всех его способностей. Бакунин высказывался против всякой государственности; он резко выступал и против какого-либо использования государства рабочим классом, против марксистского учения о диктатуре пролетариата. Он возлагал главные надежды на крестьянство и на ремесленные полупролетарские слои города, на люмпен-пролетариат.

В конце 1864 Бакунин вступил в Международное товарищество рабочих, но фактически вёл работу против Интернационала, создав тайное «Интернациональное братство» анархистского характера. Систематическая раскольническая кампания Бакуниным против руководимого К. Марксом Генерального совета Интернационала стала нетерпимой, и на Гаагском конгрессе (1872) он был исключен из Интернационала.

С русским революционным движением связи Бакунина снова стали активными в 1868–1870. Под его редакцией в 1868 в Женеве вышел первый номер журнала «Народное дело». В 1869 он вступил в тесные отношения с С.Г. Нечаевым, через которого рассчитывал распространить на Россию влияние тайной анархистской международной организации. В 1873 появилась его книга «Государственность и анархия», которая оказала значительное идейное влияние на народническое революционное движение. Бакунин называл русского крестьянина прирожденным социалистом и доказывал существование «русского народного идеала», главные черты которого он видел в общинном землевладении, в самой идее «права на землю», присущей русскому крестьянину. Под прямым его воздействием сложилось бунтарское бакунистское направление в народническом движении 1870-х гг. и преобладало в нем в течение ряда лет. Бакунистское направление в народническом движении имело различные оттенки и претерпело на протяжении 1870-х гг. заметную эволюцию. Помимо чисто бакунистских кружков (С. Ф. Ковалика и др.), бакунистское влияние сказалось в деятельности долгушинцев, отчасти чайковцев. Взгляды Бакунина оказали влияние на программу и тактику «Земли и воли» 1870-х гг.

Против анархистских взглядов Бакунина в европейском рабочем движении настойчиво боролись К. Маркс и Ф. Энгельс, позже Г.В. Плеханов и В.И. Ленин.

² Ткачев Петр Никитич [29.6(11.7).1844, с. Сивцово Великолуцкого уезда Псковской губернии – 23.12.1885 (4.1.1886), Париж], русский революционер, идеолог яacobинского направления в народничестве, литературный критик и публицист. Из мелкопоместных дворян. Окончил экстерном юридический факультет Петербургского университета (1868), литературную деятельность начал в 1862 г. С 1865 сотрудничал в журнале «Русское сло-

во» и «Дело». За революционную пропаганду среди студенчества подвергался тюремному заключению, постоянно находился под надзором полиции. Во время студенческих волнений в Петербурге в 1868–1869 вместе с С.Г. Нечаевым возглавлял радикальное меньшинство. Арестован в 1869, судился по «процессу нечаевцев», после отбытия тюремного заключения выслан на родину. В 1873 бежал за границу. В эмиграции сотрудничал с журналом «Вперед!», примкнул к группе польско-русских эмигрантов, после разрыва с П.Л. Лавровым начал издавать журнал «Набат» (1875–1881), совместно с К.М. Турским был одним из создателей «Общества народного освобождения» (1877), деятельность которого в России была незначительна. В середине 1870-х гг. сблизился с французскими бланкистами, сотрудничал в их газете. В конце 1882 тяжело заболел и последние годы провёл в психиатрической больнице.

Ткачев отвергал идею «самобытности» русского общественного строя и утверждал, что пореформенное развитие страны совершается в сторону капитализма. Считал, что предотвратить победу капитализма можно, лишь заменив буржуазно-экономический принцип социалистическим. Как и все народники, он связывал надежду на социалистическое будущее России с крестьянством, коммунистическим «по инстинкту, по традиции», проникнутым «принципами общинного владения». Но, в отличие от других народников, Ткачев полагал, что крестьянство в силу своей пассивности и темноты неспособно самостоятельно совершить социальную революцию, а община может стать «ячейкой социализма» лишь после того, как будет уничтожен существующий государственный и социальный строй. Он считал, что создание тайной централизованной и законспирированной революционной организации является важнейшей гарантией успеха политической революции. Революция, по Ткачеву, сводилась к захвату власти и установлению диктатуры «революционного меньшинства», открывающей путь для «революционно-устройственной деятельности», которая, в отличие от «революционно-разрушительной», осуществляется исключительно убеждением.

Свои философские воззрения Ткачев называл «реализмом», понимая под этим «...строго реальное, разумно научное, а потому самому и в высшей степени человеческое мирозерцание». Ценность любой теории он ставил в зависимость от ее отношения к общественным вопросам. Ткачев создал собственную схему исторического процесса, согласно которой источником прогресса является воля «активного меньшинства». Эта концепция стала философским обоснованием его теории революции.

Революционеры-народники конца 1860-х – начала 1870-х гг., отрицавшие политическую революцию во имя социальной, отвергали доктрину Ткачева. Лишь в конце 1870-х гг. логика исторического процесса привела народолюбцев к прямому политическому выступлению против самодержавия. В.И. Ленин высоко оценил заслуги Ткачева и народолюбцев, но подверг критике заговорщическую тактику бланкизма. Разгром «Народной воли» означал по существу поражение теории Ткачева и вместе с тем – крах якобинского (бланкистского) направления в русском революционном движении.

³ Лавров (Миртов) Петр Лаврович [2(14).6.1823, Мелехово, ныне Псковского района Псковской области – 25.1(6.2).1900, Париж], теоретик русского революционного народничества, философ, публицист, социолог. Родился в помещичьей семье. В 1842 окончил Артиллерийское училище в Петербурге; в 1844–1866 преподавал математику в военных учебных заведениях Петербурга. В 1858 получил звание полковника. С 1852 публиковал статьи по вопросам военной техники, естествознания; с 1857 начал публицистическую деятельность. В 1862 сблизился с Н.Г. Чернышевским, вступил в тайное революционное общество «Земля и воля». В 1863–1866 был негласным редактором «Заграничного вестника». После выстрела Д.В. Каракозова в царя в 1866 арестован, предан военному суду и в 1867 сослан в Вологодскую губернию. В феврале 1870 при содействии Г.А. Лопатина бежал из ссылки и в марте прибыл в Париж. Осенью 1870 по рекомендации одного из деятелей французского рабочего движения Л. Варлена вступил в 1-й Интернационал, участвовал в Парижской Коммуне 1871. По поручению Коммуны в мае 1871 выехал в Лондон, где сблизился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1873–1876 редактор журнала и газеты «Вперед!» (Цюрих, Лондон), ставших органами не только русского революционного, но и трибуной международного рабочего и социалистического движения. В 1877 Лавров из Лондона переехал в Париж. Организовал (1878) русско-польский революционный кружок, установил связь с варшавским социалистическим подпольем, с русскими организациями «Черный передел» и «Народная воля» и принял на себя представительство последней за границей. Лавров – один из организаторов народовольческой «Русской социально-революционной библиотеки» (1880–1882), заграничного Красного Креста «Народной воли» (1882), редактор (вместе с Л.А. Тихомировым) «Вестника Народной воли» (1883–1886), участник создания «Социалистической библиотеки» Цюрихского литературного социалистического фонда (1889), «Группы старых народовольцев». В 1870–1890-х гг. поддерживал отношения с представителями немецкого, французского, английского, американского, польского, сербского, хорватского, чешского, болгарского, румынского, скандинавского революционного движения, сотрудничал во многих их изданиях. Лавров печатался в ряде легальных русских газет и журналов.

Свое мировоззрение Л. определял как антропологизм (воздействие идей Л. Фейербаха). Выступая против «исключительно одностороннего увлечения естественными науками», возникшего в среде русской молодежи в значительной степени под влиянием Д.М. Писарева, он видел главную задачу науки в том, чтобы раскрыть «законы нравственности, т.е. законы общественных отношений человека», дать молодому поколению руководство для «сознательного участия в общественной жизни».

Начало исторической жизни человечества связано, по Л., с появлением у дикая на чисто физиологической основе «сознательного стремления к прогрессу». Важную роль в его теории прогресса играет различение культуры и цивилизации. Первая характеризует социальную среду, связанную

с застывшими формами жизни, воспроизводящимися согласно обычаю. Вторая – прогрессивное движение общественных форм, смену различных фазисов культуры, происходящую под воздействием критической мысли. А поскольку «мысль реальна лишь в личности», постольку двигателем прогресса является интеллигенция – небольшая группа личностей, способная наслаждаться развитием и вырабатывающая потребность развития. Первоначальный прогресс этого меньшинства был куплен «порабощением большинства» (т.н. «цена прогресса»); уплата интеллигенцией своего долга перед народом заключается «...в посильном распространении удобств жизни, умственного и нравственного развития на большинство, во внесении научного понимания и справедливости в общественные формы». Формула прогресса, данная Лавровым, гласит: «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости...». На этом этическом основании он возводил свой социалистический идеал как «требование солидарности всего человечества».

Он проповедовал идею активного воздействия сознания на ход истории, теорию «неоплатного долга» интеллигенции перед народом, призывал к переустройству общества на началах «истины и справедливости». В последних работах Лаврова социализм выступал не только как нравственный идеал, вырабатываемый мыслящим меньшинством, но и как «неизбежный результат современного процесса экономической жизни». Он поставил проблему постепенного отмирания государственности при социализме, гарантий от узурпации власти отдельными лицами и др. Если раньше, полемизируя с русскими бланкистами, Лавров категорически высказывался против революционной диктатуры, то теперь он признавал ее вынужденную необходимость. Государство при социализме мыслится только как диктатура большинства, его сохранение – мера временная; зрелый социализм не знает управления человека человеком «в смысле принудительной власти одной личности над другой».

Значение Лаврова в истории общественной мысли крайне противоречиво. Подчёркивание им интернационального характера революционной борьбы и значения научного социализма Маркса облегчило переход некоторых его последователей на позиции социал-демократии. С другой стороны, ряд его последователей, руководствуясь идеей о постепенной подготовке революции, отошел от революционной деятельности к «культурничеству» (от этих «лавровистов» отрекся сам Лавров).

⁴ Бланкизм, политическое течение, связанное с именем Л.О. Бланки; в наиболее употребимом смысле – термин, обозначающий взгляды сторонников заговорщической тактики (в революционной борьбе), восходящей к тактическим принципам Бланки и бланкистов. Они отстаивали необходимость создания узкой тайной иерархической организации, ставящей своей задачей свержение существующего режима путём внезапного вооруженного выступления. Отказываясь от пропаганды в широких массах, чтобы

не подвергать опасности нелегальную организацию, не считаясь с объективными условиями, не учитывая наличия революционной ситуации, бланкисты главную ставку делали на неожиданность нанесения удара и на неподготовленность правительства к отпору. Попытки практического применения бланкистских доктрин (восстания 12 мая 1839 и 14 августа 1870 в Париже и др.) окончились полной неудачей. В связи с этим бланкисты часто должны были поступать на практике вопреки своей теории (особенно во время Парижской Коммуны 1871).

В.И. Ленин, высоко ценивший личные революционные качества Бланки и многих его соратников, критиковал бланкистские догмы и давал решительный отпор клеветническим попыткам врагов большевистской партии поставить знак равенства между её тактикой и Бланки. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ленин писал: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма».

⁵ Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1.2.1805, Пюже-Тенье, близ Ниццы – 1.1.1881, Париж), французский революционер, утопист-коммунист. Родился в семье супрефекта. Активно участвовал в республиканско-демократическом движении периода реставрации Бурбонов (1814–1830), Июльской революции 1830 и Июльской монархии. В 1835–1839 организатор и руководитель тайных республиканских обществ – «Общества семей» и «Общества времён года». После подавления восстания 12 мая 1839 в Париже Бланки был приговорён к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Освобожденный Революцией 1848, он основал клуб «Центральное республиканское общество» и возглавил наиболее революционные пролетарские элементы, боровшиеся против буржуазной политики временного правительства. После демонстрации 15 мая 1848 в Париже Бланки был арестован и осужден на 10 лет тюремного заключения. Амнистированный в 1859, он вернулся в Париж. В 1861–1865 снова в заключении. В 1865 бежал из тюрьмы и поселился в Брюсселе. 14 августа 1870, в связи с неудачами французской армии во франко-прусской войне 1870–1871, он, тайно прибывший в Париж, сделал попытку поднять восстание, окончившуюся неудачей. Принял активное участие в восстании 31 октября 1870, за что был арестован и вновь приговорён к пожизненному заключению. Во время Парижской Коммуны 1871 он, находившийся в тюрьме, был заочно избран членом Коммуны, но попытки Коммуны добиться у Версальского правительства его освобождения успеха не имели; Бланки оставался в за-

ключении до 1879. В последние годы жизни он продолжал социалистическую и демократическую пропаганду и стремился сплотить своих сторонников (бланкистов) в партийную организацию.

Бланки считал решающей силой исторического прогресса просвещение народа. Бланки признавал наличие классовой борьбы, подчеркивал противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но не выделял пролетариат из общей массы эксплуатируемых. По его мнению, только социальная революция может уничтожить классовую эксплуатацию. Успех революции он связывал с хорошо подготовленным заговором сплоченной организации революционеров, которые, будучи поддержаны в решающий момент народными массами, установят революционную диктатуру. Революционная диктатура в переходный период от капитализма к коммунизму должна, как говорил Бланки, выполнять функцию разоружения контрреволюционных классов, вооружения пролетариата и охраны нового строя от покушений его врагов. Бланки придавал огромное значение организационной стороне подготовки восстания, но не учитывал, при каких социальных условиях оно должно проходить.

К главе III

¹ Кропоткин Петр Алексеевич [27.11(9.12).1842, Москва – 8.2.1921, Дмитров, похоронен в Москве], русский революционер, один из теоретиков анархизма, социолог, географ и геолог. Родился в семье генерала, богатого помещика из древнего княжеского рода. Был камер-пажом царя. Окончил Пажеский корпус (1862), служил в Амурском казачьем войске, затем чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Совершил ряд экспедиций по малоизученным районам Сибири. В 1867 году он вышел в отставку и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, служил в Статистическом комитете министерства внутренних дел.

Еще в Пажеском корпусе в значительной мере под влиянием «Колокола» и «Современника» он проникся демократическими воззрениями; дальнейшее развитие они получили в годы пребывания его в Сибири, где он наблюдал жизнь народа. Позднее революционное движение в Западной Европе, особенно Парижская Коммуна 1871, деятельность Первого Интернационала и чтение социалистической литературы придали его взглядам революционный характер. В начале 1872, посетив Бельгию и Швейцарию, он примкнул к бакунистскому крылу Интернационала. В мае, возвратившись в Россию, вошел в общество чайковцев. Кропоткин вел пропаганду среди петербургских рабочих, составил записку «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» (1873), в которой отразилось анархическое направление его взглядов. В 1874 году был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, в 1876 бежал из тюремного госпиталя и эмигрировал за границу. Провел в изгнании свыше 40 лет. В 1883 на Лионском процессе анархистов был приговорён к 5 годам заключения, но в результа-

те протестов общественности в 1886 году был освобожден. Поселившись в Англии, он занялся теоретической разработкой проблем анархизма, научной работой в области социологии, биологии, географии, был одним из хранителей фонда помощи русским эмигрантам.

Кропоткин называл свое учение анархическим коммунизмом, обоснованию его он посвятил ряд работ: «Речи бунтовщика» (1885), «Хлеб и воля» (1892), «Анархия, ее философия и идеал» (1896), «Современная наука и анархия» (1913) и др. Он был сторонником социальной революции, в которой видел не стихийный бунт, а сознательное действие народа, оплодотворенное революционной мыслью. Кропоткин различал в обществе два враждебных начала: «народное» и «начальническое», борьба между которыми составляет содержание исторического процесса. Поступательное развитие общества, по его мнению, осуществляется в форме чередования революционных скачков и эволюционных процессов. Главным содержанием будущей социальной революции К. считал революционное творчество масс, а будущее общество представлялось ему союзом вольных общин, объединенных свободным договором. Первоочередные задачи социальной революции составляют: экспроприация всего, что служит или может служить эксплуатации (в т.ч. и предметов потребления), установление прямого обмена городских товаров на с.-х. продукты, интеграция труда (обработка земли не только сельскими, но и городскими жителями, соединение интеллигентного и физического труда).

Анархическая доктрина Кропоткина непосредственно связана с его естественнонаучными представлениями. В области биологии его идеи о взаимопомощи как факторе эволюции, об отсутствии внутривидовой борьбы представляли собой развитие одного из важных направлений дарвинизма. Установив, что все биологические формы жизни зиждутся на взаимной помощи и поддержке, он перенес это положение и на общественную жизнь. При этом признавалась, как в биологической, так и социальной жизни, борьба. Но социальная борьба плодотворна и прогрессивна тогда, когда она, уничтожая старые формы, помогает возникновению новых, основанных на принципах свободы, справедливости и солидарности. Но она не должна превращаться в борьбу за власть, которая неизбежно вырождается в произвол и деспотизм.

В годы революции 1905–1907 годов Кропоткин выступал в ее поддержку, против карательной политики царизма. В 1907 в числе немногих русских эмигрантов был гостем 5-го (Лондонского) съезда РСДРП. В годы 1-й мировой войны он занимал оборонческую позицию. В июне 1917 возвратился в Россию, в августе выступил на Государственном совещании в Москве с призывом к «социальному миру».

Кропоткин признал международное значение Октябрьской революции и высоко оценил роль Советов. С 1918 К. жил в Дмитрове. В 1919–1920 встречался с Лениным. Летом 1920 обратился к международному пролетариату с призывом «заставить свои правительства отказаться от мысли о вооруженном вмешательстве в дела России».

Как ученый-естествоиспытатель Кропоткин известен своими работами в области географии и геологии. С 1868 года, став секретарем отдела физической географии Русского географического общества, работал над проблемой освоения северных морей и теоретически обосновал существование в Северном Ледовитом океане суши, открытой два года спустя и получившей название Земли Франца-Иосифа. В 1871 исследовал ледниковые отложения в Финляндии и Швеции. В работе «Исследования о ледниковом периоде» привел доказательства широкого распространения в антропогене материкового оледенения на территориях Европы, Азии и Северной Америки. Эти взгляды полностью подтвердились дальнейшими исследованиями. За границей Кропоткин сотрудничал с Элизе Реклю в подготовке издания «Земля и люди. Всеобщая география». Участвовал в работе Лондонского географического общества, писал статьи по географии России для «Британской энциклопедии». В 1893 Кропоткин избран членом «Британской научной ассоциации». В 1897, побывав в Канаде, высказал мысль о геологическом родстве Канады и Сибири. В 1903–1904 выдвинул гипотезу о «высыхании европейско-азиатского материка» в послеледниковое время, которое подразделял на «озерный период» и «период высыхания»; эта гипотеза вызвала, однако, возражения со стороны ряда ученых.

Именем Кропоткина названы: хребет в Патомском нагорье, хребет и вулкан в Восточном Саяне, гора в Олёкминском Становике, город в Краснодарском крае, посёлок городского типа в Иркутской области.

К главе IV

¹ Ее история началась с октября 1876 года. Название «Земля и Воля» было дано ей в память «Земли и Воли» 1860-х годов. Окончательная выработка программы завершилась в январе 1877 г. – при соединении петербургского кружка Натансона с харьковско-ростовской группой, представленной, в частности, Аптекманом.

Зимой 1877–1878 г., а главное, весной 1878 г., в Петербург съехалось много землевольцев, и основным вопросом был поставлен пересмотр программы. Сначала она обсуждалась пункт за пунктом тесным кружком на квартире Квятковского, а потом Большим Советом, т.е. всем наличным составом основного кружка. При этом народники резко восстали против В. Осинского, желавшего внести в программу политическую борьбу и в тактику «авторитарный принцип».

После того, как вернулся от саратовских раскольников А.Д. Михайлов, в начале апреля 1878 г., пересмотр программы был закончен, и Совет решил пустить ее в обращение в среду молодежи и рабочих с целью вербовки новых членов.

² Программа «Земли и воли». Май 1878 г.

Конечный политический и экономический наш идеал – анархия и коллективизм.

Но, признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического народного идеала, а с другой — что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России, мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т.е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту. По нашему мнению, они сводятся к четырем главнейшим пунктам.

1. Правовые народные воззрения признают несправедливым тот порядок, при котором земля находится во владении тех, которые ее не обрабатывают. По народному понятию, «земля божья» и каждый земледелец имеет право на землю в том количестве, которое он своим трудом может обработать. Поэтому мы должны требовать перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения. (Мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале).

2. Что касается политического идеала, то мы признаем, что в русском народе существует стремление к полному мирскому самоуправлению, хотя относительно междуобщинных и внешних отношений вряд ли существуют в народе одинаковые определенные воззрения. По нашему мнению, каждый союз общин определит сам, какую долю общественных функций он отдаст тому правительству, которое каждая из них образует для себя. Наша обязанность — только стараться уменьшить возможно более эту долю.

3. В области религиозной в народе русском замечаются веротерпимость и вообще стремление к религиозной свободе; поэтому мы должны добиваться полнейшей свободы исповеданий.

4. В состав теперешней Российской империи входят такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы, например, Малороссия, Польша, Кавказ и пр. Следовательно, наша обязанность — содействовать разделению теперешней Российской империи на части соответственно местным желаниям.

Таким образом, «земля и воля», служившая девизом стольких народных движений, служившая принципом организации при заселении тех наших окраин, куда еще не проникало влияние современного этим заселениям русского правительства, — эта формула, по нашему мнению, и теперь служит наилучшим выражением народных взглядов на владение землею и устройство своего общежития. Признавая невозможным привить народу при настоящих условиях другие, с точки зрения отвлеченной, может быть и лучшие, идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу «земля и воля».

Само собою разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота, и притом возможно скорее, так как развитие капитализма и все большее и большее проникновение

в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства) разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного мирозерцания по вышеуказанным вопросам.

Указанное противоречие между народным идеалом и требованиями правительства создавало и создает в России ту массу крупных и мелких народных движений, сект религиозно-революционного характера, а подчас и разбойничьих шаек, которые выражают собою активный протест русского народа против существующего порядка. Но эта борьба с организованной силой государства, в руках которого около миллиона войск, оказывается слишком неравною, тем более что народ в значительном большинстве разединен и так обставлен со стороны разных властей, а главным образом со стороны экономической, что ему и очень мудрено подготовить и противопоставить правительственной организации широкую народную организацию.

Из предыдущего вытекают две главные общие задачи, на которые должно быть устремлено все внимание русской социально-революционной партии:

1) помочь организовать элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства, и

2) ослабить, расшатать, т.е. дезорганизовать силу государства, без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного плана восстания.

Отсюда таковы наши ближайшие практические задачи.³

А. Часть организаторская.

а) Тесная и стройная организация уже готовых революционеров, согласных действовать в духе нашей программы, как из среды интеллигенции, так и из среды находившихся в непосредственном соприкосновении с нею рабочих.

б) Сближение и даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера, каковы, например, бегуны, неплательщики, штунда и пр.

в) Заведение возможно более широких и прочных связей в местностях, где недовольство наиболее заострено, и устройство прочных поселений и притонов среди крестьянского населения этих районов.

г) Привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаек типа понизовой вольницы.

д) Заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих — заводских и фабричных.

Деятельность людей, взявшихся за исполнение этих пунктов, должна заключаться в видах заострения и обобщения народных стремлений, в агитации в самом широком смысле этого слова, начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т.е. бунтом. В личных знакомствах как с рабочими, так и с крестьянами (в особенности с раскольниками) агитаторы, конечно, не могут отрицать важности обмена идей и пропаганды.

е) Пропаганда и агитация в университетских центрах среди интеллигенции, которая в первое время является главным контингентом для пополнения рядов нашей организации и отчасти источником средств.

ж) Заведение связей с либералами с целью их эксплуатации в свою пользу.

з) Пропаганда наших идей и агитация литературою: издание собственного органа и распространение листовок зажигательного характера в возможно большем количестве.

Б. Часть дезорганизаторская.

а) Заведение связей и своей организации в войсках, и главным образом среди офицерства.

б) Привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях.

в) Систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок.

Устав «Земли и Воли».

§1. Организация имеет своею ближайшею целью осуществление народного восстания, в возможно ближайшем будущем, во имя народных желаний, каковы они есть в данную минуту.

§2. До первого конгресса (§41) организация представляет собою «основной кружок» тесно сплоченных между собою людей. Кружок этот делится на группы или общины, как территориальные, так и по специальностям (§26—30).

Прим. Избрание той или другой местности для деятельности известной группы, а также составление групп по специальностям определяется программой кружка.

А. Основные принципы организации.

§3. Безусловное принесение каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни.

§4. Согласие каждого члена с общемою программой практической деятельности и обязательство действовать в ее духе.

§5. Отсутствие частной собственности среди членов основного кружка.

§6. Соблюдение полнейшей тайны относительно всех внутренних дел организации.

§7. Подчинение меньшинства большинству и члена кружку.

§8. Так как организация имеет в виду сплочение всех полезных делу русских революционных сил, то во всех делах организации по возможности исключаются личные симпатии и антипатии к людям, как непереносимое условие совместной деятельности.

§9. Цель оправдывает средства.

Прим. Исключая тех случаев, когда употребленные средства могут подорвать авторитет организации (§14).

Б. Ближайшие задачи основного кружка.

§10. Образование групп территориальных и по специальностям, признаваемых необходимыми общему программой деятельности основного кружка.

§11. Привлечение в организацию возможно большего количества революционных сил, средств и связей.

§12. Контроль за деятельностью всех групп и каждого члена в отдельности.

Прим. Личная жизнь каждого настолько подлежит общему контролю, насколько это может представиться важным в данном практическом случае.

В. Обязанности и взаимные отношения членов основного кружка.

§13. Все члены основного кружка совершенно полноправны.

§14. Каждый член основного кружка обязан всеми силами поддерживать честь и влияние как всей организации, так и отдельных членов ее.

§15. В случае каких-либо личных столкновений между членами основного кружка дело решается третейским судом из членов основного же кружка. Решение этого суда обязательно для тяжущихся.

§16. Члены основного кружка, с которыми связано общественное имущество или соединены какие-нибудь важные связи, должны беречь себя и по возможности не принимать участия в опасных предприятиях.

§17. Каждый член основного кружка избирает себе род деятельности или вступает в ту или другую группу по собственному влечению; в тех же случаях, когда для известной функции не находится желающих исполнять ее по собственному влечению, кружок может обязать принять на себя эту функцию всякого, на кого падет его выбор (большинством).

§18. Каждый член основного кружка, состоящий в какой-либо группе или при какой-либо специальности, если пожелает оставить эту группу или эту специальность, должен заявить о своем намерении основному кружку, по крайней мере, за два месяца, и до истечения этого срока он не вправе покидать свое место.

Прим. Понятно, это обязательно в том только случае, когда присутствие кого-либо из членов основного кружка на данном месте необходимо, и если член, намеревающийся покинуть это место, не может быть замещен другим тотчас по заявлении о своем намерении основному кружку.

§19. Всякий член основного кружка имеет право свободного выхода из него; но по выходе он обязан хранить в тайне все, что ему известно о делах и об организации кружка.

§20. Если же будет доказано, что вышедший из кружка член выдает кружковые тайны или болтает о них, то подобный член должен быть ликвидирован.

Г. Расширение основного кружка.

§21. Принятие нового члена в основной кружок требует очень строгой оценки личности. Кроме требования, указанного в следующем §, необходимо, чтобы вновь принимаемый член был известен кружку со стороны опытности и практичности в делах. В противном случае он должен пробыть некоторое время на испытании.

§22. Новый член может быть принят в основной кружок не иначе, как за ручательством минимум пяти членов основного кружка, знающих лично

вновь принимаемого, и только в том случае, если он согласен с общею программю практической деятельности и с уставом организации кружка.

Прим. Личное знакомство пяти человек с вновь принимаемым членом не составляет необходимости в том случае, когда он имеет историческую известность и удовлетворяет требованию, указанному в § 21.

§23. Пяти голосов достаточно для принятия нового члена в том случае, если нет голосов против его принятия; в противном случае на каждый голос «против» должно быть два лишних голоса «за».

§ 24. Ввиду этого при каждом принятии нового члена в основной кружок должны быть оповещаемы если не все, то, по крайней мере, две трети всего числа членов основного кружка.

§25. До момента вступления в основной кружок кандидату не сообщаются ни названия местностей, где действуют члены организации, ни состав основного кружка и организации вообще.

Д. Состав групп, их задачи и организация.

§26. Количество и характер групп определяются общею программю кружка.

§27. Задачи групп – выполнение частей общей программы кружка и предприятий, которые ею предусматриваются.

§28. Группы пользуются полной самостоятельностью в своих местных и внутренних делах.

§29. Внутренняя организация каждой группы может быть своеобразна; но члены основного кружка, входящие в состав местных или специальных групп, сохраняя в тайне свое участие в основном кружке, стараются создать организацию групп в духе и в интересах основного кружка.

Прим. Свои отношения к основному кружку они объясняют членам группы как отношения 2-х групп, связуемых через их посредство.

§30. Группы, как территориальные, так и по специальности, образуются членами основного кружка или членами-сепаратистами (§31), которые соединяют вокруг себя полезных и умелых людей и вступают с ними в обязательные отношения.

Е. Члены-сепаратисты.

§31. Люди, не желающие или почему-либо не могущие вступить в члены основного кружка или в ту или другую группу, могут вступать с кружком в особые договорные отношения (федеративные) по специальным делам. Они называются членами-сепаратистами.

§32. Если член-сепаратист не желает, чтобы основной кружок знал о подробностях дела, за которое он берется, то, договариваясь с кружком, он имеет право сообщить о своем деле только в общих чертах.

§33. Члены-сепаратисты договариваются не с целым кружком, а только с несколькими выборными от кружка лицами.

§34. Члены-сепаратисты не должны знать ни о существовании «основного кружка», ни о его организации.

Ж. Администрация (Комиссия) в основном кружке; ее права и обязанности.

§35. Так как члены основного кружка по своим задачам будут разоб-
щены специальными делами, то, ввиду необходимости концентрирования
средств и сведений, членами основного кружка избирается из своей сре-
ды комиссия.

§36. На комиссию возлагаются следующие обязанности:

- а) организовать недостающие группы;
- б) добывать средства;
- в) в определенные сроки давать отчет об общем ходе дела, о расходах
и распределении сумм, о состоянии кассы и проч.;
- г) служить посредником в сношениях между группами и аккуратно
исполнять их поручения.

§37. Комиссия пользуется следующими правами:

- а) она имеет, для целей правильного регулирования революционных сил
и средств, подробные и точные сведения о деятельности всех групп и чле-
нов-сепаратов;
- б) вступать в переговоры и федеративные отношения от имени кружка с
другими организациями и отдельными лицами;
- в) в пределах, определяемых основным кружком точною сметой, со-
ставляемую в известные сроки, распределять средства.

§38. Члены комиссии избираются на неопределенный срок.

§39. Число членов комиссии от 5-ти до 3-х; по надобности оно может
быть увеличено.

§40. Члены комиссии избираются большинством двух третей всего числа
членов основного кружка.

3. О Конгрессе; цель и задачи Конгресса.

§41. Когда группы и их организация достаточно окрепнут и примут по-
стоянный характер, должен быть созван конгресс представителей от всех
местных и специальных групп, т.е. устроен съезд членов основного круж-
ка — по возможности всех, а если это не будет возможно, то, по крайней
мере, $\frac{2}{3}$ всего числа членов основного кружка.

Прим. Определение времени съезда и устройство самого съезда ближе
всего лежат на обязанности комиссии.

§42. Цель конгресса — подвести итоги предшествовавшей деятельнос-
ти кружка и, на основании опытных данных, определить направление и
характер деятельности дальнейшей.

§43. Задачи конгресса:

- а) составление строго определенной программы дальнейшей практи-
ческой деятельности;
- б) пересмотр устава организации и изменение его, если то потребуется;
- в) проверка средств и дел организации.

Примеч. Вообще, конгрессом должны быть разрешены все возникшие
вопросы, касающиеся как отдельных групп, так и всей организации.

§44. Решения конгресса обязательны для всех членов основного кружка.

И. О сношениях.

§45. Наилучшею формою сношений кружком признаются личные свидания и сообщения; но так как подобного рода сношения не всегда возможны, то в таких случаях допускается шифрованная переписка через верные адреса.

§46. В случаях же особенной важности никакая переписка отнюдь не должна быть допускаема: все дело должно вестись через прямое посредство своих людей.

§47. Члены основного кружка, состоявшие в местных или специальных группах, должны стараться о том, чтобы вся переписка группы возлагалась на лиц, наиболее практичных и опытных в этом деле.

§48. Шифры и пароли, существующие для сношений между членами основного кружка, не должны быть известны никому, кроме членов основного кружка.

§49. Изменение устава и внесение в него поправок и дополнений может быть делаемо не иначе, как с ведома и согласия по крайней мере $\frac{1}{3}$ всего числа членов основного кружка.

§50. Следовать этому уставу обязательно для каждого из членов основного кружка.

³ После освобождения из Шлиссельбургской крепости, осенью 1905 года, Морозов пробовал разыскать этот архив. Но Зотов к тому времени уже умер, а никто из его детей об архиве не знал. Ему говорили только, что Зотов хранил какие-то заметки под полом беседки на своей загородной даче, но и эта беседка уже исчезла с лица земли.

На самом деле, в девятисотом году вдова Зотова привезла «запрещенные бумаги» в Эртелев переулок, в редакцию «Нового времени», издателю А.С. Суворину. Памятуя о том, что Владимир Рафаилович уже глубоким стариком печатал переводы и заметки в суворинском «Историческом вестнике».

Суворин предпринял некоторые шаги, чтобы передать эти портфели оставшимся деятелям «Народной Воли» после их освобождения из Шлиссельбургской крепости. Но неудачно.

Года через два после выхода Н.А. Морозова из Шлиссельбургской крепости с ним познакомилась артистка Инсарова-Рощина и, зазвав его к себе обедать, познакомила со своим приятелем Плещеевым, сыном известного поэта и большим театралом. Потом она же зазвала Морозова на репетицию в «Суворинский театр», где играла главные роли. На репетиции, кроме актеров, было человек тридцать из театрального мира, и в том числе Плещеев, сидевший через несколько кресел от Морозова с каким-то седым человеком сановного вида.

В перерыве Плещеев вдруг подошел к Морозову, сел рядом и сказал: «Хотите, я вас познакомлю с Суворинами, который сидит вон там?». Морозов сразу понял, что он это делает не без согласия самого Суворина, но, не зная причины такого его желания, почувствовал себя очень неловко.

Дело было не в том, чтобы Морозов чуждался личных сношений со всеми, кто держится в политике других линий, чем он. Напротив, они ему

были всегда особенно интересны с психологической точки зрения, и он охотно при случае обменивался с ними мнениями. Но перед ним встал такой вопрос. Если Суворин желает познакомиться с ним, то может пригласить его, как делали все остальные, под каким-нибудь интересным предлогом к себе обедать, и ему нельзя будет отказаться. Но что скажут его друзья из «Русского Богатства», узнав об этом или даже о простом его знакомстве с Сувориным? Он уже не раз видел, как они были ревнивы и нетерпимы в таких случаях, и чувствовал, что все его осудят, а его друг, поэт Якубович, прямо поставит вопрос ребром, чтобы он прекратил сношения или с Сувориным или с ним.

Морозов откровенно все это сказал Плещееву. Тот, несколько смущенный, ответил, что понимает его положение, посидел с ним еще минут двадцать и потом ушел за кулисы вместе с Сувориным.

Так и не состоялось у них знакомство, которое могло привести к открытию архива «Земли и Воли» и «Народной Воли» на много лет ранее, чем оно произошло.

По смерти А.С. Суворина один из его сыновей – М.А. Суворин после Февральской революции передал остатки архива землевольцев и народовольцев Бурцеву в редакцию «Былого». Немедленно послали за Н.А. Морозовым. Он с огромным волнением просмотрел предъявленные ему бумаги и был очень огорчен: не доставало самых важных документов.

Дело в том, что несчастная старушка, вдова Зотова, прежде чем передать архив Суворину, утопила два пакета, подозревая, что в них находится динамит. Виной этому были слухи, ходившие в конце восьмидесятых годов, что где-то в провинции революционеры смастерили «взрывчатые пакеты».

Эпоха «Земли и Воли» и начальная эпоха «Народной Воли» не знали заграничных центров, и потому нет возможности приобрести для их истории связного документального материала. Тем ценнее уцелевшая до нашего времени часть архива этих революционных организаций.

⁴ Полиция и жандармерия время от времени внедряла в ряды революционеров различных провокаторов. Чтобы как-то оградить себя от шпионов, было решено попытаться, в свою очередь, внедрить в III Отделение своего человека. И такой случай представился. В Петербург приехал с юга некто Николай Васильевич Клеточников. Ему в это время был 31 год. Он был среднего роста, очень худощав, с желтым цветом лица, сильно суживавшегося книзу; щеки даже были втянуты; руки небольшие, с тонкими пальцами, небольшая окладистая борода, короткие усы, темные очки, вид чалоточного. Голос был негромкий и глухой. Он учился в Петербургском университете, но не закончил его и перешел в Медицинско-хирургическую академию. Но и ее не закончил и уехал на юг по состоянию здоровья. Теперь он вернулся в Петербург с целью совершить террористический акт. Будучи очень больным человеком, он решил завершить те несколько лет жизни, которые ему отпустила природа, посвятив их делу, полезному для

родины. Здесь он познакомился с Александром Михайловым. Клеточников сразу же произвел впечатление кроткого и доброго человека, который не знает зла и питает к людям братские чувства и сострадание к их бедствиям. Они сдружились, и Михайлов предложил ему вместо задуманной им акции поступить на службу в III Отделение. Поначалу Николай Васильевич отказался, но со временем сжился с этой мыслью, колебания его кончились, и он дал свое согласие служить в тайной полиции с одним условием: если от него потребуют предательства или выдачи кого бы то ни было, он немедленно выйдет в отставку.

План был такой. Клеточникову следовало поселиться у вдовы жандармского полковника Кутузовой, так как у Исполнительного комитета были подозрения, что она сотрудничает с жандармами в качестве осведомителя. В задачу Николая Васильевича входило войти к ней в доверие и через нее попытаться установить связь с жандармами.

В начале декабря 1878 года Клеточников снял у Кутузовой комнату и очень быстро нашел ключ к душе вдовы. У нее была маленькая страсть – играть в карты на деньги и, естественно, выигрывать. Николай Васильевич играл с ней каждый вечер, проигрывая небольшие суммы. Для этого Михайлов дал ему рублей триста. Через некоторое время он объявил вдове, что уезжает, так как не нашел места для службы, а те деньги, которые у него были, он уже прожил. Не желая потерять такого выгодного постояльца, она сказала, что может похлопотать о нем перед своим знакомым. Этим знакомым был чиновник III Отделения Григорий Григорьевич Кириллов – начальник сыскной полиции при III Отделении.

Первые шаги, как и все последующие, на пути к новой карьере делались как бы не по инициативе Николая Васильевича. Клеточников охотно согласился на предложение Кутузовой, мотивируя свою небрежность тем, что там обеспечивается хорошая пенсия.

Рекомендация Кутузовой с легкостью открыла пути для служебного роста Клеточникова в III Отделении. У нее был перед этим ведомством весьма достойный послужной список. Именно она рекомендовала этому ведомству трех наиболее успешных агентов.

Кириллов предупредил Клеточникова, что о нем будет сделано «секретное сношение». Но это не пугало последнего. Его прошлая жизнь была безупречной.

Когда Кутузова рекомендовала Клеточникова Кириллову, она указывала на его университетское образование, что могло быть пригодно для знакомства с лицами интеллигентными. Но на Кириллова Клеточников при первом свидании не произвел впечатления человека, способного к агентурной деятельности, и лишь рекомендация Кутузовой заставила взять его на службу. Кириллов предложил ему войти в знакомство с учащейся молодежью и сообщать сведения, которые указывали бы на преступные проявления. И предложил приходить только тогда, когда встретилось бы что-либо интересное для сообщений.

Эта служба Клеточникова началась 25 января 1879 года. Получал он за нее рубль в сутки, в месяц 30 рублей. Для начала Клеточников предложил своему новому начальству наблюдать за своим другом, который и так был под надзором и ждал со дня на день, что его сошлют, не дав закончить университет. Надзор Клеточникова для него был как манна небесная, так как у него появилась возможность с помощью правильно составленных донесений продлить свое пребывание в Петербурге до выпускных экзаменов. Но жандармское начальство не было довольным своим новым работником и его доносами, казалось, что его не сегодня-завтра выгонят со службы, полученной с таким трудом. После взаимных объяснений относительно этой неспособности Клеточникова к агентурной деятельности последний попросил Кириллова предоставить ему письменные занятия, и ему безразлично, где и как бы он его устроил. Николай Васильевич обладал удивительным талантом: он был врожденным каллиграфом. И этот талант позволил ему остаться на службе – его перевели в канцелярию.

Клеточников произвел на Кириллова впечатление болезненного, вялого, апатичного, несловоохотливого человека, человека, не только не подозреваемого для выдачи каких-либо тайн, а, напротив, вполне пригодного для их сохранения. Так решилась, наконец, судьба Николая Васильевича, и он попал в марте 1879 г. в агентурную часть III Отделения в качестве переписчика. В марте ему было выдано специальное пособие в 30 рублей, а с апреля он стал получать по 40 рублей в месяц. То первоначальное впечатление, которое Клеточников произвел на свое новое начальство, могло лишь укрепляться по мере его службы в III Отделении. Кириллову нравилось усердие и внимание к делу, молчаливость и отсутствие всякой пытливости, не проявившейся ни в чем, даже в тех случаях, когда его высылали при секретных разговорах Кириллова с помощником его, Гусевым, и постоянное нахождение Клеточникова на глазах у других переписчиков во время занятий.

В III Отделении имелись сведения и о домашней жизни Клеточникова. Оказалось, что ночи он никогда вне квартиры не проводит. При посылке же за ним по вечерам для каких-нибудь экстренных занятий хотя и были случаи, что посланный его не заставал, но затем Клеточников несколько времени спустя приходил, объясняя свое отсутствие в квартире нахождением в кухмистерской или на прогулке, так как он человек одинокий. На квартире же его отзывались о нем с самой отличной стороны, в том отношении, что не замечается никакого участия его в компании посторонних лиц. Была известна также дружба Клеточникова с другим чиновником III Отделения Чернышевым, с которым он был неразлучен. Уходил вместе с ним со службы, вместе обедал в кухмистерской, вместе гулял, и притом до Кириллова ни разу не доходили слухи не только о неблагонадежности Клеточникова или подозрительности его, но даже и о том, чтобы он и жизнь его представлялись загадочными. А когда Клеточников однажды заболел, то посетивший его чиновник Вольф, тоже служивший в агентуре, явился за него ходатаем, рассказав Кириллову об его одиночестве и о такой его

нужде, что не па что было пригласить врача. Кириллов тут же выхлопотал Николаю Васильевичу Клеточникову 100 рублей.

Неудивительно при таких условиях, что Клеточников все более продвигался по службе, и что перед ним все более раскрывались тайники III Отделения. Поступив в III Отделение в качестве вольнонаемного служащего, уже вскоре после поступления он неоднократно поощрялся не только прибавкою содержания, но и зачислением в число канцелярских служителей III Отделения. 12 октября 1879 года состоялось его зачисление в штат III Отделения чиновником для письма. В апреле 1880 г. Клеточников получил орден св. Станислава третьей степени, а в мае был переведен в секретную часть, которую тогда заведовал чиновник Цветков. В начале 1880 г. III Отделение было переименовано в Департамент государственной полиции, и Клеточников был принят в новом учреждении на должность, которую занимал раньше в III Отделении. Когда же в декабре 1880 г. Цветков перешел в первое делопроизводство Департамента полиции, то он дела секретной части, согласно приказанию, передал в полное заведование Клеточникову. В это время Клеточников получал уже 75 руб. в месяц, а с 1 января 1881 г. он получил новое и еще более крупное повышение, будучи назначен, при окладе в 1500 руб. годовых, младшим помощником делопроизводителя в том третьем делопроизводстве Департамента полиции, которое ведало тогда всею политическою частью.

Вот круг дел и сведений, которые попадали к Клеточникову по его служебному положению. Ему давались в переписку совершенно секретные записки и бумаги, к числу которых принадлежали списки лиц, замеченных по неблагонадежности, и у которых предполагались обыски, и шифрованные документы. При позднейших занятиях в секретной части Клеточников был посвящен во все, что входило в круг деятельности третьей экспедиции, т.е. он мог все знать, если только желал, так как при постоянном пребывании его на службе в экспедиции от него было трудно что-либо скрыть, и тем более, что он занимался в секретной части. А в круг ведения третьей экспедиции входили вообще все дела политического характера. Когда он занимался в отделении агентуры, то переписывал агентурные записки, а последние три месяца в его обязанности входило и исправление черновых, составление из агентурных сведений разных лет справок о лицах, заподозренных в политической неблагонадежности, составление из годовых алфавитов одного общего за 10 лет; переписка бумаг 3-й экспедиции, которые стали от времени до времени присылаться с октября, т.е. с переходом в 3-ю экспедицию Кириллова, и вообще он должен был исполнять все поручения Кириллова и Гусева, которые, впрочем, не выходили из круга упомянутых предметов.

С переводом его в 3-ю экспедицию, в помощь старшему помощнику Цветкову, с мая по декабрь 1880 года, он по поручению Цветкова занимался ведением денежной ведомости, изготовлением ордеров, ведением алфавита перлюстраций, переменою бумаг по перлюстрациям, представлением в Верховную Распорядительную Комиссию двухнедельных списков

арестованным в крепости и доме корпуса жандармов, перепискою с комендантом крепости о свиданиях с арестантами и составлением бумаг по разным предметам, которые поручались Цветкову Кирилловым, а также приведением старых секретных дел по перлюстрации в порядок, и последние два месяца записыванием в алфавит фотографических карточек и изготовлением к отсылке карточек бродяг. Приводил также в порядок и крепостные дела за прежние годы. Составлял и переписывал бумаги о приеме лиц в Охранную стражу, переписывал бумаги о высылке партий арестантов; по поручению Кириллова несколько дней в августе занимался шифровкой телеграмм. С декабря 1880 г., с переходом Цветкова в 1-ю экспедицию, он уже самостоятельно заведовал перлюстрациями, составлением, по поручению Кириллова, разного рода бумаг и распределением бумаг для переписки между переписчиками. В крепостных делах за прежние годы заключались сведения о содержащихся в крепости, в том числе и о содержащихся в Алексеевском рavelине по 1879 год.

Его друзей-народовольцев из всех сведений, которые он мог получить в III Отделении, особенно интересовали сведения об агентах, о лицах, состоящих под секретным надзором, и о предстоящих обысках и арестах. Все сведения он сообщал устно. Теперь о подготовке многих операций знали только высокое начальство и он, вроде бы мелкий служащий, но необходимое звено во всяких оперативных мероприятиях, требующих бюрократического оформления. Исполнительный комитет не мог и желать лучшего, но такая информированность ставила партию в трудное положение, так как подготовка контрмер могла поставить под удар осведомителя. В самом начале новой службы произошел досадный промах, чуть не погубивший Николая Васильевича, но дело удалось повернуть так, что он остался вне подозрения. Провал Клеточникова произошел неожиданно.

Николай Васильевич беспредельно доверял народовольцам и ценил в них умение конспирировать, верил в их осторожность и заботу о чужой жизни. И все-таки он пострадал из-за оплошности своих друзей.

В погоне за личными выгодами жандармские низовые организации устраивали некоторые акции, не ставя об этом в известность начальство и сообщая лишь о результатах. Клеточников попал в засаду, устроенную таким образом на конспиративной квартире. Предварительных сообщений начальству не было, поэтому о готовящейся акции он ничего не знал. Здесь сыграла свою роль и серия арестов товарищей, с которыми он по очереди имел связь. А новые люди, выходящие с ним на встречу, не выполняли основное правило: встреча с агентом должна происходить на легальной квартире, а ему назначили на конспиративной, которая оказалась заваленной... Александр Михайлов никогда бы не допустил такого, но он, к сожалению, был к тому моменту арестован. При нем были установлены правила относительно сношений с Клеточниковым. Свидания с ним должны были происходить только на абсолютно легальной квартире, причем знаки безопасности должны были соблюдаться строжайшим образом.

28 ноября 1880 г. был арестован А. Михайлов. После него сношения с Клеточниковым были поручены Баранникову. Почему эти сношения перешли потом к Колоткевичу и как возможно было принимать Клеточникова на квартире нелегального человека, да еще при неясных условиях знаков безопасности или, может быть, при полном их отсутствии — это совершенно непонятно.

Об его аресте народовольцы узнали 28 января 1881 года. И вот как. А. Корба должна была сообщить ему об аресте Баранникова и Колоткевича. В четвертом часу она отправилась на квартиру к Клеточникову. Прислуга сказала, что он еще не приходил. Она просидела в его комнате полчаса. Он не пришел. Уходя, она предупредила прислугу, что зайдет после четырех. В пятом часу Клеточникова все еще не было дома.

Тогда она решила написать ему записку и послала ее по почте. Вот ее текст:

«Николай Васильевич.

Мне Вас нужно видеть, да не знаю, когда Вас захватить дома. Вы знаете, что я гуляю перед обедом по Невскому (солнечная сторона) около пяти час. Не будете ли так добры завернуть на Невский завтра в это время.

Подпись неразборчива.

28 янв. 81 г.»

Когда Клеточников не явился, стало ясно, что он арестован.

В качестве примера работы Клеточникова приведем следующую историю. Василий Афанасьевич Швецов, крестьянин Вятской губернии, земляк Халтурина, жил с ним и работал в его столярной мастерской. Халтурин вполне доверял ему. А. Якимова бывала у Халтурина довольно часто, приносила им газету «Народная Воля», иногда только что вышедшую из-под станка, влажную, приносила и другие революционные издания. В августе месяце 1879 г., при устройстве типографии вновь организующейся партии «Народная Воля», требовался ящик для шрифта, и хотелось иметь наиболее удобный. Товарищи заказали сделать его Халтурину, а он передал эту работу Швецову. Тогда у Швецова явилось желание вступить в сделку с III Отделением, предать и «Северно-русский рабочий союз», и террористов-революционеров, но только чтоб ни Якимову, ни Халтурину не трогали, чтобы через них разгромили бы все, что смогут выследить. При этом Швецов потребовал себе большой аванс и получил несколько тысяч, а со своей стороны также дал аванс, указав, что у него на квартире живет нелегальная В. Панютина, судившаяся по процессу «193-х», которая и была вскоре арестована и выслана в какую-то северную губернию. Обыск был произведен только у нее одной в комнате.

На другой же день после заключения торга благодаря Клеточникову народовольцы знали уже обо всем. Но так как эта сделка заключалась Кирилловым в самом III Отделении в присутствии одного только Клеточникова, то нужно было строго хранить тайну и продолжать игру. А Швецов с этого времени стал проявлять особенную активность, чего прежде не

было, требовал то литературу, то паспорта для административно-ссылных, то еще что-нибудь. В доме поселились шпики, в том числе Яновский. При выходе Якимовой из квартиры шпиками устраивались смотрины, для чего торчали они в воротах, через которые нужно было проходить. Поэтому Якимова приходила под густой вуалью, в таком костюме, какого никогда не носила, и внимательно следила за собою, чтобы не привести на свою квартиру шпика. Сходило все благополучно.

Швецов и III Отделение надежды возлагали, конечно, на заказанный ящик, но народовольцы от ящика отказались, и к этому представился прекрасный предлог. Швецов сделал большой белый ящик, который нужно было везти на лошади и который можно было видеть издалека. Они возмущались таким исполнением заказа, а он доказывал удобства расположения шрифта в таком ящике. Но они наотрез отказалась тащить такую громадину, которую можно видеть за версту.

После этого Кириллов поручил Швецову назначить свидание с Якимовой в Александровском сквере, чтобы туда она принесла паспорта и под каким-нибудь предлогом открыла лицо. О назначенном Швецовым свидании она сообщила товарищам, и они согласились, чтоб она пошла, так как и Александру Михайлову хотелось увидеть Швецова. Будучи уверены, что соберется много шпионов, так как и без этого особого обстоятельства в Александровском сквере был шпионский пункт, о чем было известно ранее, Михайлов и Кибальчич должны были следить за нею.

Якимова села со Швецовым на скамейку при проходе по аллее Кириллова (старичок с палкою) он предложил ей покурить, от чего она отказалась, сказав, что считает неприличным курить тут. Потом он стал звать ее в чайную пить чай и тоже получил отказ. Тогда стал приглашать ее в компании с Халтуриным и др. поехать в ближайший праздник на лодке на острова. И от этого она отказалась, говоря, что на днях непременно должна поехать в Москву. Народовольцы решили покончить игру с огнем, поэтому Якимова и должна была сказать, что уезжает совсем из Питера.

Оказалось, что на смотринах было 6 шпииков с Кирилловым во главе, которые гонялись за Якимовой после ее встречи со Швецовым по всему городу в течение 6 часов. Ездил она на лодке через реку, на конке проездила все деньги, устала страшно от ходьбы, пока не стало совсем темно и она ничего уже не могла видеть. Ее квартира, где она жила в то время вместе с Исаевым, была динамитной мастерской и помещалась на углу Невского проспекта и 1-й улицы Песков; двор был проходной с 1-й улицы через парадный ход на Невский, дом № 124. В эту квартиру вход был один, только со двора, и она решила, если во дворе никого нет, войти в квартиру, а если есть, пройти через парадный ход на Невский и ночевать на улице. Михайлов и Кибальчич в скором времени по выходе из сквера потеряли ее из виду.

На другой день Тихомиров рассказывал товарищам, как следили шпики по параллельным улицам, как они сменялись, как теряли ее, оставаясь все в меньшем и меньшем количестве, как и где потерял ее Кириллов и как, наконец, остался один только Яновский (офицер в отставке), который

и видел, что она вошла в свой двор, но так как там никого не было, то он побежал к парадному подъезду с Невского, но и там в то время никого не было. Он разыскал швейцара и спросил его: не живет ли в доме барышня такого-то роста, которая ходит в таком-то костюме. По лестнице с Невского в этом доме были меблированные комнаты, и швейцар сказал, что в меблированных комнатах живет молодой человек, к которому ходит похожая по описанию барышня. Конечно, шпики стали следить за этим молодым человеком, а Якимова, переодевшись в свой обычный костюм, воздерживалась часто выходить на улицу.

Несколько дней следили за молодым человеком, а он возьми да и отправься в Москву. Тогда шпики помчались туда, и Швецова вместе с ними послали разыскивать Якимову.

Швецов, потеряв надежду найти Якимову в Москве, уехал на родину в Вятскую губ. Тогда его заподозрили, что всю эту историю он устроил с ведома народовольцев, чтобы получить от III Отделения деньги. Сделали на родине у него обыск, потребовали отчет, где полученные деньги, которые отчасти оказались уже растраченными, а частью были положены в банк. После этого Швецова выслали административным порядком в Вологодскую губернию. Так благополучно было ликвидировано предательство Швецова.

А вот пример донесений Клеточникова:

«Григорий Григорьев Кириллов, начальник сыскной полиции при III Отделении (Литейный, д. № 43, кв. 10–11), его помощница Кутузова (угол Невского и Надеждинской, дом Яковлева, собственные ее меблированные комнаты). Приметы Г.Г. Кириллова: среднего роста, усы и баки черные с проседью; подбородок немного пробрит, лоб облысевший, волосы темные с проседью; басит. Лицо смуглое, глаза синие; вид суровый; лет 40. Выходит из дому между 8 и 9 часами утра; в 12 или в 12 с 1/4 дня (в III Отделение); делает доклад начальству в 4 часа. Ездит на извозчиках; живет в 4 этаже, Литейный, 43, 11, имеет лакея; вход с парадного подъезда. У него собираются агенты по утрам до 12 ч. и в неопределенное время по экстренным делам».

К главе V

¹ Покушение под Александровском, Екатериносл. губ., 18 ноября 1879 года не удалось вследствие того, что провода оказались перерезанными И.Ф. Окладским.

Взрыв поезда под Москвой 19 ноября 1879 г. не достиг цели ввиду того, что царь проехал в первом поезде раньше взрыва.

Покушение, готовившееся в 13 верстах от Одессы, близ местечка Гнилякова, не состоялось, потому что Александр II через Одессу не поехал.

Речь идет о взрыве в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. – убито 11 и ранено 56.

*Н.А. Морозов в Шлиссельбургской крепости.
Рисунок И.Д. Лукашевича*

Часть третья

«Зодиак»

Когда овладеет душою печаль,
Ты вспомни, что скрыта грядущего даль
В тумане от нашего взора,
Что жизнь наша часто страданий полна,
Но вдруг озаряется счастьем она,
Как полночь огнем метеора.

Не надобно в жизни излишних вериг!
Ведь каждый мучительно прожитый миг
На близких тебе отзовется!
Всецело должны мы для ближнего жить,
Должны для него мы себя сохранить
И бодро с невзгодой бороться!

В тяжелые дни испытаний и бед
Дает нам Вселенная вечный завет,
Который гласит всем скорбящим:
«Во имя надежды, во имя любви,
В несчастье грядущим и прошлым живи,
А в счастье живи настоящим!»

Глава I

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

Кончены годы тупого мучения...
Где ты, мой склеп крепостной?..
Снова в груди моей жизни волнение,
Снова простор предо мной!

Николай Морозов

Тусклое осеннее утро, около 10 часов, еще одно из бесконечной вереницы, хотя оно имеет и точное название – среда, 26 октября 1905 года... Обычная утренняя прогулка, обычные разговоры. Все заключенные разведены парами по маленьким деревянным клеткам, тянущимся вдоль крепостной стены. От земли и стены тянет сыростью. В сегодняшней прогулке Николаю Александровичу выпало гулять с Михаилом Васильевичем Новорусским...

Вдруг по соседству захлопали двери. Вскоре к ним тоже заглянул унтер и объявил, что всех вызывают в «первый огород» – так назывался самый большой загон, где обычно по весне силами заключенных устраивали парники.

– Что случилось, как ты думаешь? – спросил Новорусский.
– Объявят об освобождении, – посмеиваясь в усы, ответил Морозов.
– Ну, ты всегда одно и то же, – с раздражением заметил Михаил Васильевич. Долгий опыт заключения приучил его не ждать от начальства ничего хорошего.

Они знали, что идет война с Японией. Эту информацию они собрали из разных источников, но когда обратились к администрации с невинным, но открытым вопросом: с кем это идет война, то жандармские офицеры, со свойственной «правдивостью», уверяли, честью клялись и божились, что «никакой войны у нас нет». Точно так же в ноябре 1904, т.е. почти 4 месяца спустя после смерти Плеве, жандармский ротмистр на прямой вопрос о том, кто сейчас министр внутренних дел, ответил, не краснея: «Фон Плеве».

Они стороной узнали и о рождении наследника, хотя администрация так тщательно это от них скрывала, что даже запретила на крепостной колокольне производить обычный целодневный трезвон. Узнали и о манифесте по этому случаю, но их не освободили.

Посещавшие их митрополит Антоний и княжна Дондукова-Корсакова вселяли в них надежду на скорое освобождение. Впоследствии им стало известно, что в течение февраля, марта, апреля и мая 1905 года посетителями предпринималась масса усилий, чтобы повлиять снача-

ла на царицу, а потом на царя в целях освобождения узников. Но царь решительно отказал митрополиту в его ходатайстве.

Затем им стали давать свежие номера «Известий книжного магазина Вольфа», по мере выхода. Этот библиографический листок, содержавший в себе почти один перечень книг, был для них настоящим кладом, откуда они получили сведения о русской революции. Чем меньше там было сказано, тем больше они разукрашивали сказанное цветами воображения.

Так, в перечне статей, помещенных в журнале «Право», значилась статья Гессена под заглавием: «Юридическая оценка событий 9 января».

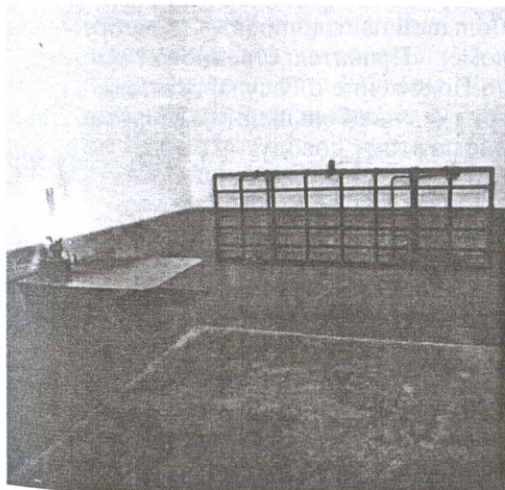
Значит, заключали они, 9 января было что-то очень и очень серьезное. Но что именно – об этом узнали только по освобождению.

Или в перечне новых книг значилось: «Великие акты 18 февраля. Magna Charta».

«Ага, – заключали они, – запахло парламентом, по крайней мере, таким, какой англичане добыли себе чуть не 700 лет тому назад».

Постепенно все лето 1905 года у них копилась масса мелких и отрывочных сведений, которые в их умах, окрыленных богатой фантазией, слагались в общую картину совершающегося переворота.

Но, как ни предвидишь общий ход событий, окончательная их развязка всегда наступает как-то неожиданно.

Камера в новой тюрьме

Кажется, 5 августа начальник управления получил из департамента секретную телеграмму – приготовить Н.П. Стародворского к отправке и прислать его в Петербург немедленно. Стародворский снарядил свой багаж, распростился с товарищами и был увезен. Из всех 9 стариков он один был срочный, и ему оставалось сидеть всего полтора года. Притом он был большой патриот и готов был защищать границы России собственной грудью, о чем заявил начальству еще месяцев 8 назад. Поэтому то,

что его извлекли из их среды для какого-то дальнейшего употребления, не вызвало удивления, тем более, что к его скользкому шагу все относились с прищипыванием.

Но уже на другой день, в 8 часов утра, выйдя на обычную прогулку, они увидели опять своего товарища. По его словам, он был в Петер-

бурге и беседовал долго с директором департамента полиции. Тот рассказал ему о Думе, о том, что это хотя не конституция в европейском смысле слова, но нечто близкое к ней, о том, что после созыва Думы имеются в виду реформы, и в свою очередь выспросил у Стародворского о его взглядах и намерениях служить на полях Маньчжурии. Сообщивши, наконец, что уже давно идут переговоры о мире и со дня на день ожидается телеграмма о его заключении, директор пожал ему руку на прощанье и, возвращая в тот же застенок, будто бы прибавил:

– Потерпите еще немножко, а когда будете на свободе, заходите ко мне на чашку чаю.

При этом между директором департамента полиции и ссыльно-каторжным государственным преступником обнаружилось необыкновенно странное разногласие. Директор ругал российских генералов, начиная с Куропаткина, а Стародворский защищал их, так как он был большим поклонником военных талантов Куропаткина и его отступательную тактику считал чуть не гениальной.

Кстати, Стародворский привез в крепость и свежий номер газеты, в которую ему завернули напутственный завтрак.

Словом, все шло как по писанному. И, взвесивши добытые новые сведения, они порешили довольно согласно, что дело идет, между прочим, к упразднению Шлиссельбурга.

Так как сам директор не счел нужным скрывать от них факт созыва Думы, то они обратились с большой настойчивостью к местной администрации и получили тот номер «Правительственного Вестника», где было полностью напечатано Положение о Государственной Думе.

Правда, относительно Думы не очень обольщались. Морозов даже написал шуточное стихотворение по этому поводу:

Скоро, скоро всю Вселенную
Облекут парчой нетленной,
К золотым отрогам месяца
Серьги яркие привесятся!
Скоро, скоро куртку куцую
Перешьют нам в конституцию:
Будет новая заплатушка
На тебе, Россия-матушка!

Дума представлялась им фактом недалекого будущего, и они отложили свои упования до 15 января, когда, по их расчетам, собравшаяся впервые Дума заговорит, естественно, об амнистии. А потому на остающиеся несколько месяцев они совершенно успокоились.

... Первый огород, куда их неожиданно пригласили, был очень большой. Там помещались все парники, и по этому случаю там, и только там, заключенным разрешалось быть вчетвером. К этому времени огородники только что окончили парниковые работы, приготовились к зимовке и очистили парниковые ямы для будущей весенней набивки их навозом.

Хоть они и рассчитывали на Думу, а к весеннему посеву все-таки готовились.

Так как в первом огороде, ввиду таких его преимуществ, была постоянная сходка в четыре души, неожиданное приглашение туда они сочли за самое обыденное явление. Нередко и прежде кто-нибудь, очутившись там в одиночестве, звал таким образом через дежурного к себе компаньонов. Поэтому Новорусский переспросил дежурного:

— Обоим идти?

— Да, оба, — отвечал тот.

Они вышли на тюремный двор, на который в одну линию выходили все двери из огородов, и тут увидели, что также отворяют и другие двери, и через них тоже кое-кто идет по указанному направлению. На месте назначенного сбора они застали коменданта крепости полковника Яковлева с бумагой в руках.

Все внутренне сжались — уж очень много несчастий пришлось им получить из этих рук...

Когда медленно, не торопясь, все 11 человек, обитателей новой тюрьмы, оказались налицо и комендант убедился в этом, он прочел самую бумагу. В ней говорилось, что по указу его величества, данному правительствующему сенату, предписывается: 8 человек, Антонова, С. Иванова, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Попова, Фроленко и Новорусского, освободить из Шлиссельбурга и отправить их в Петербург; Карповичу сократить срок наполовину, а Мельникову и Гершуни бессрочную каторгу заменить каторгою на 15 лет, с оставлением их в Шлиссельбургской крепости по 1921 год.

Стародворский был вытребован в Петербург вторичной телеграммой еще 25 августа.

Указ был подписан 21 октября. Все зашумели:

— Почему нас держат уже 5 дней, не имея на это права?

Полковник Яковлев не смутился и отвечал, что он сам читал в газетах, как его грозят отдать под суд за незаконное содержание амнистированных в тюрьме, но что без специальной бумаги департамента полиции выпустить их он не имел права. Бумаги же он до сих пор не получал и, недоумевая об этом, отправил вчера нарочного, который вот и привез оттуда эту бумагу.

При этом он благоразумно умолчал, что в департамент он ездил сам 22-го, тотчас по прочтении этого высочайшего указа, и, конечно, получил там определенный ответ, но какой именно, неизвестно. Затем эту самую бумагу он получил вчера около 3-х часов вечера и счел для себя дозволительным задержать ее почти на 20 часов.

Тут комендант высказал еще догадку, что повезут их, вероятно, в Иркутскую губернию, потому что он получил предписание снабдить заключенных теплой одеждою.

К собравшейся компании присоединилось еще несколько унтеров. Затем оба помощника коменданта и доктор. Образовалась довольно

живописная сходка, на которую любовался единственный посторонний зритель – часовой, стоявший на стене крепости, как раз над первым огородом.

Разговоры и пререкания с начальством длились не меньше часа. Никакого возбуждения не замечалось. Случилось то, чего давно ждали.

Общий разговор скоро окончился соглашением. Они останутся здесь еще два дня, до пятницы, а в пятницу к часу будут доставлены два пароходика, на которых их и повезут по 4 человека под усиленным конвоем.

– Уж извините, – сказал Яковлев, – такое дано из Петербурга предписание!

Оставшиеся дни предлагалось посвятить сборам в дорогу, так как оказалось, что всякому разрешается взять с собою свои вещи, тетради и записки, книги и коллекции, и разные другие изделия. Но при этом комендант предложил представить ему на просмотр рукописные материалы, которые хотят вывезти из крепости. Решено было также, что в течение этих двух дней все двери внутри тюремной ограды будут открыты и узников не будут стеснять в передвижениях.

Свобода... Она желанна, но она и пугает. За 24 года тюрьмы здоровье полностью подорвано. Жить можно, лишь принимая каждодневно лекарства. За годы его небытия старые друзья исчезли, отец умер, мать ослепла, некогда маленькие сестры и брат стали взрослыми, незнакомыми людьми. Кроме того, у него нет средств существования, ведь, уйдя в революцию, он отказался от всякой собственности... Но над этими грустными мыслями доминировала следующая мысль: он должен вынести на свободу 26 томов своих научных трудов и успеть их напечатать, пока силы окончательно его не оставят. Эти тома – его дети, которым нужно дать возможность жить самостоятельной жизнью...

Стоит ли говорить, какая кутерьма царила у них эти два дня. Они прожили здесь безвыездно более 20 лет, накопили всякого хлама, и вдруг, все одновременно, должны очистить тюрьму в каких-нибудь 24 часа!

Из мастерских выносили гвозди и молотки, доски и пилы. Из города привезли чемоданы. Всюду валялись упаковочные материалы и целые горы бумаг. Бумаги разбирались и раскладывались пачками. Те, которые не хотелось предавать жандармскому осмотру, тотчас относились в кузницу. Там горел огонь, почти непрерывно гудел мех, непрерывно же бросали в горн пачки бумаг и жгли, жгли и жгли...

Впоследствии многие горько пожалели об этом всесожжении, потому что оказалось, что ни вещей, ни бумаг никто решительно не задерживал и не осматривал.

Гершуни отломал кусок от известковой плиты из крепостной стены и поручил передать товарищам со словами:

«Этот камень я вынул из крепостной стены Шлиссельбурга. От вас зависит разобрать эти стены до основания».

Первая ночь прошла беспокойно, в видениях и в предвкушении наступающей наконец воли. Но бессонная ночь не утомила их, и они встали

еще более бодрыми и оживленными, чем были. Ввиду открывающейся перед ними жизни, казалось, умирающий мог бы встать, и одряхлевший старец стал бы юн и подвижен, как ребенок!

Начальство поддалось общему оживлению. Стражи сбросили обычную суровость и недоступность. Теперь они приходили к бывшим узникам запросто, как к гражданам реформированного государства, и приносили им лакомства, усиленно прося не обидеть отказом. Смотритель принес от имени своей жены необыкновенно пышный торт, а доктор – копченых сигов и шоколад.

Совершенно незаметно промелькнул второй день, и быстротечно пронеслась последняя ночь в Шлиссельбурге.

Наутро заколачивались еще кое-где последние гвозди, увязывались последние веревки, делались описи и, наконец, к 10 часам все это сдавалось в руки солдат, которые выносили вещи и препровождали прямо на пароход. На двух пароходах они разместились по четверо. Отбывающие поставили на вещах свои инициалы, сдали шубы и, одевшись окончательно налегке, вышли на общую сходку.

К 12 часам их позвали на последний обед, который не лез в горло. Покончив с обедом, Морозов взглянул в последний раз на покидаемую навеки камеру и вышел из нее с мыслью, что есть такие жилища, которые даже после долгого пребывания в них можно покинуть безо всякого сожаления. Вышел в тот же первый огород, куда пришли и остальные и оставались там до приглашения в путь. Наконец появился сам комендант с помощниками. Последние объятия, и все направились к выходу из тюремного двора. Здесь на углу их дороги разошлись, «молодежь» повернула налево, к себе в камеры, а отбывающие, бросив вдогонку прощальный взгляд, направились направо за ворота.

По дороге их завели в канцелярию, где полковник Яковлев счел нужным сказать им несколько слов. Он поздравил их с освобождением и уверял, что был всегда внимателен к их нуждам и старался всякими мерами смягчить суровость режима, установленного высшими властями.

Хотя отбывающие держались противоположного мнения, тем не менее они все пожали протянутую им руку – так рады были они тому, что наступил последний момент и что через 2–3 минуты они вырвутся отсюда и не увидят больше никогда ни этого заведения, ни его достойного хранителя.

Из канцелярии оставалось сделать до наружных ворот не более сотни шагов по аллее, густо засаженной деревьями и кустарниками. В эту заднюю часть крепости не проникал их взгляд из окон тюрьмы. Здесь они уже начинали чувствовать растерянность, подобную той, которую испытывает человек, который привык к видам петербургских улиц и очутился вдруг в незнакомом глухом лесу. По бокам дороги стояло все свободное население крепости, с женами и детьми, и более или менее экспансивно приветствовало выходящих. Для них это было столь же

невиданное зрелище, как и для освобожденных, потому что прежние единичные освобождения совершались тайно и даже ночью.

Особенную сердечность обнаружили дамы, жены чинов крепостной администрации. Похоже, они не понимали, что такое освобождение означает закрытие этого заведения и лишение их мужей насиженного и весьма хлебного места.

Еще два шага – и они за воротами крепости. Глазам открылся простор, невиданный более 20 лет. Сколько раз они живо представляли себе этот момент! Но действительность превзошла все ожидания: у них захватило дух, закружилась голова.

На берегу собралась чуть не вся сотня солдат, которые так бережно и неотступно их охраняли. К ним присоединились встречавшие их внутри крепости женщины и дети, и берег сплошь наполнился народом, среди которого они спустились на плот. К нему уже причалил баркас, готовый отвезти их на пароходы, стоявшие напротив, на середине реки. На веслах сидели тоже солдаты.

На плоту их разлучили и предложили первой четверке отправляться отдельно на первый пароход. В баркас уселись Новорусский, Лукашевич, Лопатин и Морозов. Через минуту они уже причалили к борту парохода и не успели оглянуться, как, подхваченные под руки, очутились в каюте.

После они узнали, что, пока их везли на баркасе, к оставшимся товарищам (здесь были Попов, Фроленко, С. Иванов и Антонов) успели прорваться дамы и, не считаясь с этикетом, горячо поздравляли их, пожимали руки и открыто выражали свою непритворную радость.

Не просидели они и пяти минут в каюте, как пароход сделал поворот налево кругом и пошел полным ходом. К ним тотчас же явился смотритель, который составлял их свиту вместе с 8-ю вооруженными унтерами, и сказал, что можно выйти на палубу. Очевидно, эта ненужная предосторожность была принята в интересах сохранности отбывающих только на то короткое время, пока пароход был неподвижен.

Можно ли рассказать, в каком виде представляется и как действует ширь и простор божьего мира, необъятный горизонт и все, что видится в его пределах, на человека, не выдавшего более 20 лет ничего, кроме глухих серых, мрачных или грязных стен? И вдруг он видит вновь: и берега, и воду, и лодки, и деревню, и лес, и поле, и дорогу, и линию телеграфных столбов, и пр., и пр.

Ведь все это он когда-то видел. Все это составляло когда-то часть его внутренней жизни. И все это живое, настоящее, подлинное, а не то, что он давно уже привык видеть только на картинках. Настоящее казалось каким-то странным и немного забавным. Они смотрели на все кругом и удивлялись, что видимые предметы имеют близкое сходство с чем-то давно знакомым, но сидевшим только в мозгу.

Другое сравнение было еще курьезнее: видимые предметы казались не совсем похожи на те, какие изображены на картинках. Ведь они видали за эти годы всякие виды природы, но только в иллюстрациях. И так привыкли судить о природе и представлять ее по этим картинкам, что настоящая-то природа казалась какой-то игрушечной и немного чуждой.

Однако в первые минуты, очутившись на палубе, они устремляли свои взоры не столько на широкое раздолье вольного мира и темную зыбь красавицы Невы, сколько на ту каменную твердыню, где они оставили лучшую часть своей жизни. Тут только они впервые могли рассмотреть внешний вид ее.

Когда, продрогшие и утомленные, они спустились в каюту погреться, там на столе оказались четыре свертка с парой котлет в каждом, с куском пирога и бисквитами. Это предусмотрительный комендант снабдил их ужином, из опасения, что в Петербурге их уложат спать голодными. Сказать по правде, они были тронуты этой заботливостью: слишком много горя приняли они из тех же предусмотрительных рук!

По-братски разделили трапезу с восемью вооруженными спутниками: недаром же они с некоторыми из них прожили бок о бок эти долгие годы.

Обогрвшись и подкрепившись, они снова вышли на палубу. Надвигались сумерки. Берег бежал по-прежнему и с утомительным разнообразием развешивал картину за картиной. Теперь на них уже надвигался город.

Вот корабли причалили к воротам крепости, где на обширной гранитной площадке снова сошлись все восьмеро со всеми 18-ю стражниками...

Путешествие узников по Неве закончилось в Петропавловской крепости. Уже был вечер, и их разместили в Трубецком бастионе. Для многих путь в заточение начинался отсюда. Снова была голая камера – железный стол, кровать и ничего больше. Но теперь окружающее не производило столь удручающего впечатления. И лишь унылый перезвон курантов, отбивающих каждые четверть часа, будил воспоминания...

В Петропавловской крепости они провели еще несколько недель. Первым долгом они хлопотали, чтобы их выпускали на прогулку не в одиночку на четверть часа, как там полагалось, а всех вместе, что в сложности даст 2 часа. На другой же день к Лопатину пришли на свидание его брат и сын, и через них они узнали первые новости.

Затем свидания установились для них по 3 раза в неделю, и постепенно родственники наезжали к каждому из них. Каждый из этих дней свиданий приносил им бездну новостей и впечатлений. На прогулке они все обменивались ими и тем еще более усиливали их возбуждающее действие. Но главную новость принесли им не родные, а тюремщики – в виде бумаги, которую они тщательно скопировали.

Самым интересным в этой бумаге было твердое намерение департамента полиции упечь их еще на 4 года в ссылку.

На свиданиях им сказали, чтобы они на эту бумагу не обращали внимания, ибо их судьба решается помимо департамента. Дело склоняется к тому, чтобы отправить каждого из них на родину или к родным временно на поруки, так как, по общему мнению, не сегодня — завтра совершится окончательный поворот в сторону свобод, и все пострадавшие за них, конечно, будут отпущены на все четыре стороны.

Они почувствовали массу мелких житейских неудобств, переносить которые уже отвыкли. Тут была голая камера, железный стол, кровать и ничего больше. Ни вилок, ни гребенки, ни бумаги, ни чернил, ни стула. Писать, особенно вечером, можно было только сидя на кровати в крайне неудобной позе.

Но что значат все такие пустяки при том самочувствии, которое охватывает человека, когда он стоит у врат свободы!

Самое забавное, что случилось здесь с ними, это перемена костюма и превращение в общекультурный вид. Они приехали сюда в арестантской одежде и в ней могли бы выйти на свободу, если бы близкие не позаботились переодеть их.

Прежде всего им доставили метровую ленту, и они на дворе, при ноябрьской слякоти, раздевали друг друга и снимали размеры всех частей тела. Затем по данным записям костюмы доставлялись в камеру, где они их выбирали, примеряли, надевали и, наконец, появлялись на двор друг перед другом в более или менее преображенном виде. За долгое время сожительства они слишком привыкли к одной и той же внешности друг друга. И теперь эти новые костюмы, притом у каждого на свой лад, смешили и потешали их, как настоящий маскарад.

Смотря по настойчивости родных того или другого из них бумажные формальности благополучно оканчивались, у одних скорее, у других медленнее. С вечера предупреждали то одного, то другого, и каждые два-три дня они с кем-нибудь прощались...

В октябре 1905 г., при освобождении Морозова из Петропавловской крепости, ему был возвращен черный дождевой зонтик, принадлежащий обвиняемому в государственном преступлении П. Лакиеру и изъятый у него при нелегальном переходе границы. Круг замкнулся. Время, остановившееся для него с помещением в Петропавловскую крепость более двадцати лет назад, пошло вновь.

Глава II

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ

Безмолвны стены заточенья,
Порвалась тусклой жизни нить.
Мои последние мученья
Никто не сможет утолить.

Объяты смерти ледяные
Теснят измученную грудь...
Прощайте ж, братья дорогие,
Я честно кончил трудный путь.

Николай Морозов

Ночь с 25 на 26 марта 1882 года, ночь со страстной пятницы на страстную субботу. Одиночная камера Трубецкого бастиона. Тяжелый сон узника нарушен глухими шагами по коридору. Дверь распахнулась, и ввалилась толпа жандармов. А дальше все происходило стремительно и непонятно. Сонного, едва пришедшего в себя узника подняли с постели, переодели и поволокли по коридору и дальше, на улицу. Там его бросили одного под колким снегом и пронзительным ветром. Но вот выскочила другая толпа жандармов, подхватила его и поволокла дальше, через узкий мосток к маленькому зданию. Потом его снова тащили по какому-то длинному коридору, освещенному с двух сторон маленькими лампочками. Справа, одна за другой, в полумраке мелькали двери. В одну из них впихнули узника.

Это был знаменитый Алексеевский равелин¹. Располагавшаяся здесь секретная государева тюрьма имела особый статус. Она использовалась в исключительных случаях. Заключение в нее, равно как и освобождение, осуществлялось только по именному указу государя. Лишь четыре лица в государстве – император, комендант крепости, шеф жандармов и начальник III Отделения, могли посетить находившихся там узников. Попадая под тяжелые каменные своды Алексеевского равелина, заключенный терял свое имя. Ему присваивался регистрационный номер, который обрекал личность заключенного на безвестность.

В течение ночи сюда таким же образом были доставлены все товарищи Морозова по процессу, приговоренные к вечному заточению. Рядом с ним, справа, помещался Тригони, слева – Фроленко. За Тригопи сидел Клеточников, затем Ланганс, затем Исаев. Об этом Николай узнал в первый же день стуком, с помощью той самой стенной тюремной азбуки, которую в свое время именно в Алексеевском равелине изобрел декабрист Михаил Бестужев. Разумеется, такой способ об-

щения был строжайше запрещен. Но как нельзя запретить дышать, нельзя запретить и общение с товарищами, ведь это была их единственная духовная пища.

Кстати, о пище. В страстную субботу на завтрак дали чай с сахаром и белым хлебом, на обед – суп, жареного рябчика и пирожное, на ужин – суп, чай с сахаром, белый хлеб. Но зато в день «светлого христового воскресенья» и в дальнейшем кормили так: на утро – кружка кипятка с черным хлебом, на обед – тарелка кипятка, в котором плавало несколько капустных листиков, и немного разваренной гречневой крупы на второе, на ужин – снова кипяток с капустными листьями. По воскресеньям вместо гречки давали пшено. По средам и пятницам в кашу вливали по половине чайной ложки постного масла, а в другие дни – такое же количество коровьего. Это была самая настоящая пытка голодом.

Месяца через три на ногах показались мелкие красные пятна, а левая ступня стала пухнуть. У других было то же самое. Это начиналась цинга, в общем-то, смертельная болезнь. Морозов знал, что если опухоль доходит до живота, человек умирает. Поэтому, как только опухоль поднялась до колена, Николай попытался привлечь к себе внимание, рассматривая ногу на глазах зашедшего в камеру смотрителя.

– Пухнет? – поинтересовался смотритель.

– Да, – ответил Морозов.

На этом разговор окончился, но через некоторое время больного посетил тюремный врач. Он молча осмотрел ногу и удалился. Со следующего дня Морозову к обеду стали выдавать ложку лекарства с привкусом железа, но оно не помогало – опухоль по-прежнему ползла вверх. И когда нога, от ступни до самого таза, стала толстой и ровной, как бревно, снова появился доктор и распорядился к лекарству добавить кружку молока. Опухоль спала лишь месяца через два, и, как только это произошло, лекарство и молоко из рациона исчезли. Через несколько месяцев все повторилось снова.

Он пережил три приступа цинги. К последнему добавилась новая напасть – кровохарканье. Его хотят сгноить заживо – и это не метафора, так происходит на самом деле. Не сгнить, не умереть – вот теперь его задача как революционера. Они ждут его смерти? Они ее не дождутся! Он это понял с самого первого дня. Его хотят либо уморить, либо заставить просить пощады. Итак, пощады не просить ни при каких обстоятельствах и выжить, несмотря на боль в легких, несмотря на жизнь впроголодь, на холод и сырость в камере!

Равелин был со всех сторон окружен водой и плохо протапливался, стены его покрывала скользкая плесень, а солнце никогда не заглядывало в маленькое оконце камеры. Как выжить? Он должен разработать систему поведения в таких условиях. Прежде всего, как можно больше движения, преодолевая адскую боль в ноге и головокружение от слабости. Он ходил по камере столько, сколько позволяли силы. По три

раза в день аккуратно занимался гимнастикой. А когда начался туберкулез, Николай решил с ним бороться таким оригинальным способом.

Он считал, что кашель разрывает язвочки, образующиеся в легких, и это губит легкие. Поэтому если не позволять себе кашлять, несмотря на нестерпимые спазмы горла, можно создать щадящий режим для легких. Когда терпеть было невозможно, он кашлял, но кашлял в подушку, не давая воздуху резко вырываться из легких. Но болезнь брала свое.

Доктор Вильмс, который не очень утруждал себя заботой о заключенных, хладнокровно наблюдал, как гибнут от чахотки и других болезней люди, заботу о которых он должен был осуществлять хотя бы в силу клятвы Гиппократата. Видя плачевное состояние Морозова, он употребил свои знания на расчет, сколько времени еще протянет этот заключенный. В очередном рапорте царю о состоянии здоровья своих подопечных доктор Вильмс писал: «Морозову осталось жить несколько дней».

Не зная о страшных прогнозах, Николай продолжал следовать выработанному режиму. Болезнь сразу победить не удалось, но приблизительно через месяц его положение несколько улучшилось и стабилизировалось на достигнутом уровне. Пораженный Вильмс докладывал царю в очередном отчете: «Морозов победил смерть и медицинскую науку и начал выздоравливать...»

Не углубляясь в мрачную историю Алексеевского равелина, коснемся лишь событий, ближайших ко времени нашего повествования.

С 1873 года узником государственной тюрьмы был легендарный Сергей Нечаев², революционер-фанатик, весьма необычная фигура в истории русского революционного движения, человек властный и честолюбивый. В начале семидесятых годов русское общество было потрясено судом над «нечаевцами». Стержнем этого процесса явилось убийство студента Иванова, обвиненного Нечаевым в предательстве. Правительству удалось представить дело так, что на первое место выдвинулось уголовное преступление, а политическая деятельность кружка осталась в тени. Поэтому Швейцария, где скрывался Нечаев, выдала его российским властям как уголовного, и суд приговорил его к двадцати годам каторги. После процесса Нечаев исчез из поля зрения русской общественности, и лишь в январе 1881 года до Исполнительного комитета партии «Народная Воля» дошла его записка из Алексеевского равелина.

Когда Нечаева привезли в равелин, там находился всего один заключенный, да и тот – неизлечимо психически больной поручик Михаил Бейдеман. В 1879 году к ним был помещен третий узник – студент Медико-хирургической академии Л.Ф. Мирский³, неудачно покушавшийся на шефа жандармов А.Р. Дренгельна. Он не внушал доверия Нечаеву, и тот не решился наладить через него сношения с волей. (И, как оказалось, был прав: когда Мирский оказался в курсе нечаевских

планов, он выдал его, чтобы получить для себя кое-какие льготы.) И все же возможность связаться с волей через некоторое время появилась.

Однажды Нечаеву довелось услышать сетования солдат на скверное питание, и заключенный сумел использовать эту информацию с выгодой для себя.

Когда в его камере во время обхода появился комендант крепости, узник ни звука не проронил о своих проблемах, зато подробно поведал коменданту о положении гарнизона нечто такое, что сами солдаты вряд ли осмелились бы сообщить начальству.

Результат превзошел все ожидания. Солдаты стали жить значительно лучше. Когда же стало известно, что все это – прямое следствие вмешательства заключенного № 5, авторитет Нечаева в солдатской среде стал расти не по дням, а по часам. Солдаты уже не избегали общения с ним, а некоторые даже искали его. День за днем он расшатывал дисциплину среди нижних чинов, которые стерегли его, подрывая в их глазах престиж власти, и совершил невозможное: четыре десятка нижних чинов подразделения охраны Алексеевского рavelина стали его убежденными сторонниками.

К этому времени, в конце 1880 года, пустующие казематы Алексеевского рavelина пополнились еще одним узником. Им оказался осужденный по «процессу 16-ти» Степан Ширяев, член ИК и один из организаторов взрыва царского поезда под Москвой. Через своих людей из охраны Нечаев быстро установил с ним связь и поделился своим грандиозным планом освобождения.

План состоял в том, чтобы с командой верных Нечаеву солдат поднять восстание в крепости в момент, когда императорская семья будет присутствовать на богослужении в Петропавловском соборе, арестовать всех членов царствующей династии, заставить Александра II отречься от престола, провозгласить императором наследника.

Ширяеву план показался совершенно нереальным. По его мнению, следовало ограничиться необходимым минимумом — организовать побег из крепости. Для этого, прежде всего, надо было связаться с ИК «Народной Воли». И Ширяев сообщил Нечаеву канал связи, по которому доверенное лицо Нечаева среди крепостной охраны передало в Исполнительный комитет письмо. Письмо носило строго деловой характер: в нем просто и прямо Нечаев ставил вопрос о своем освобождении.

Связь с Исполнительным комитетом осуществлялась с помощью Н.Н. Богородского, сына смотрителя Трубецкого бастиона. Он носил книги из тюремной библиотеки Ф.О. Люстигу для пометок в них и обратно передавал в библиотеку крепости, откуда их брал Нечаев.

Существует также версия, что незадолго до 1 марта на «свидание» с Нечаевым был послан Андрей Желябов. Свидания, как такового, не было, был просто разговор через окошко.

Были разработаны несколько планов освобождения Нечаева и Ширяева из крепости. Но они требовали сосредоточения всех сил и средств организации – и человеческих, и материальных. В этом отношении замысел вступал в противоречие с подготовкой главной акции народовольцев – цареубийства. Предстояло сделать нелегкий выбор. Обе операции были явно не под силу; одна исключала другую. Кроме того, следовало учитывать, что освобождение узников Алексеевского рavelина вооруженным путем заставило бы правительство принять такие меры безопасности, которые полностью исключили бы возможность успешного покушения на царя.

Эта альтернатива на заседании Исполкома обсуждалась долго. К единому мнению прийти не удалось. И тогда решили право выбора предоставить узникам крепости.

Сергей Нечаев без колебаний отказался от свободы! Так же поступил и Степан Ширяев. Оба заключенных высказались за цареубийство.

Вскоре план побега был раскрыт из-за предательства Мирского, всех служащих рavelина сменили и порядки ужесточились. Сам Нечаев был оставлен в рavelине, но максимально изолирован от всякого общения. Над всеми жандармами и солдатами, участвовавшими в предприятии Нечаева, состоялся суд. Как свидетелям очевидцы, когда подсудимые говорили о Нечаеве, у них в глазах был страх, и вообще, они старались не произносить его имени.

Степан Ширяев умер от туберкулеза 18 августа 1881 года.

Когда в рavelин поместили народовольцев, кормить заключенных стали значительно хуже, и Нечаев умер от такого содержания одним из первых. Это произошло 21 ноября 1882 года.

Затем были другие смерти.

Николай Васильевич Клеточников, изначально отличавшийся слабым здоровьем, выдержал всего 1 год и 4 месяца. Он считал, что столь суровый режим в какой-то мере связан с ним, и поэтому решил пожертвовать собой ради товарищей, отказавшись от пищи, чтобы умереть.

Смотрителем Алексеевского рavelина в это время был Матвей Ефимыч Соколов, известный среди заключенных под именем «Ирод». Идеалом этого жандармского капитана, отличавшегося жестокостью и преданностью букве инструкции, было: «Сиди себе смирно, и никто тебе слова не скажет!»

В первый день Соколов сказал голодающему:

– Твое дело – есть или не есть.

Но наверху рассудили иначе. И через неделю Ирод в сопровождении жандармов вломился в камеру, чтобы насильно накормить заключенного щами и кашей. Через три дня, 13 июля 1883 года, Клеточников умер от воспаления кишечника.

Но он достиг своей цели. Вскоре в рavelин прибыл инспектор из Министерства внутренних дел. В результате этого посещения стали

выдавать мясной суп и кашу с достаточным количеством масла, чай с двумя кусочками сахара, а тех, кто еще мог ходить, стали выводить на прогулку во внутренний двор здания, правда, по ночам. И, что самое главное, после полного отсутствия чтения дали книги, но только богословского содержания.

Но все эти улучшения для большинства запоздали: заключенные умирали один за другим, один из них сошел с ума... В Алексеевском равелине погибли А.Д. Михайлов, А.И. Баранников, М.В. Тетерка.

Морозов выжил. За несколько месяцев он прошел полный курс богословского факультета. Мобилизовав свои прежние знания, он увидел, что церковная литература дает богатейший материал человеку, знакомому с астрономией, географией, естествознанием и психологией, для рациональной разработки.

А тем временем на воле строилась новая тюрьма – его будущий дом и научная лаборатория более чем на два десятилетия...

Глава III

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ № 4

Бурливо на озере пенится вал,
На острове крепость дрожала.
В ней узник печальный о воле мечтал
Под вой полуночного шквала.

Николай Морозов

Немного из истории Шлиссельбурга

Строительство новой тюрьмы началось еще в августе 1881 года. Ее решили воздвигнуть в достаточно недоступном месте и, в то же время, не очень далеко от столицы. В качестве такого места выбрали крепость, находящуюся на острове Ореховом в Ладожском озере.

Это была знаменитая крепость Орешек, основанная в 1323 году. В 1611 году ее захватили шведы и назвали Нотебург. В 1702 году русские отвоевали крепость, и Петр I повелел называть ее Шлиссельбургом, так как она стояла у истоков Невы и воистину являлась ключом («шлиссель» – ключ) к новой столице, Петербургу, расположившемуся в устье Невы. Но очень скоро крепость утратила свое военное назначение и была превращена в тюрьму.

Первым ее заключенным был шведский граф Пипер, первый министр и королевский советник. Его взяли в плен под Полтавой 27 июня 1709 года.

Россия потребовала за него выкуп в 30 тысяч талеров, но шведский король запретил его семье заплатить эти деньги, и бедный граф так и скончался в заключении.

Потом здесь содержались сестра Петра I Мария Алексеевна и его первая жена Евдокия Федоровна Лопухина.

Первого «политического» заключенного поместили в крепость в 1737 г. Им оказался тайный советник и сенатор князь Дмитрий Голицын, считавшийся республиканцем и врагом абсолютной власти.

Самым именитым узником Шлиссельбурга был

Коридор первого этажа

Коридор второго этажа

царь без царства Иван Антонович (Иван VI). Его пытался освободить подпоручик крепостного гарнизона Мирович, но неудачно: когда он добрался до узника, того уже убили охранявшие его солдаты (согласно инструкции, в случае попытки освобождения узника должны были умертвить).

Затем, в разное время, через Шлиссельбург прошли декабристы, и среди них – братья Бестужевы, так что путь из Алексеевского рavelина в Шлиссельбург был не нов; основатель «патриотического товарищества» польский патриот Лукасинский,

который здесь и умер; три года в крепости находился Бакунин...

Но старая тюрьма была ветхой и имела всего 10 камер. И было решено построить новую, на 40 камер, с учетом всех современных идей по строительству тюрем. Старая тюрьма также сохранялась, так что в случае необходимости в крепость можно было поместить 50 заключенных.

Новую тюрьму построили так, что для наблюдения за всеми камерами достаточно было одного человека. Двери камер, расположенных на двух этажах, выходили в общий коридор, причем на втором этаже вместо сплошного перекрытия были сделаны узкие мостки, по которым можно было свободно ходить.

Для охраны заключенных было организовано специальное жандармское управление, подчиняющееся непосредственно штабу отдельного корпуса жандармов. Во главе его стоял начальник управления (полковник или генерал-майор), он же – комендант крепости. У него было два помощника – старший (майор или подполковник), он же – начальник тюрьмы, и младший (ober-офицер), выполняющий обязанности заведующего канцелярией и хозяйственной частью. В штате тюрьмы состояли врач, один вахмистр, 26 унтер-офицеров – тюремные смотрители, 14 нестроевых младших разрядов для выполнения различных хозяйственных работ и один машинист. Таким образом, тюрьма была крепостью в крепости и имела свою территорию, отгороженную стеной. Охрану всей крепости, за исключением тюрьмы, обеспечивала пешая жандармская команда со своим начальником (ober-офицером), младшим офицером, вахмистром, шестью унтер-офицерами, семьюдесятью четырьмя рядовыми, двумя нестроевыми старших разрядов, двенадцатью нестроевыми младших разрядов и фельдшером. Кроме того, имелась катерная команда из двух нестроевых старших разрядов и двенадцати нестроевых младших разрядов.

За двадцать один год Шлиссельбург поглотил более полутора миллионов рублей государственных денег, без учета расходов на постройку здания тюрьмы. При этом расходы на одного заключенного в год были таковы:

на пищу	98 р.
на чай и сахар	15 р.
на книги	10 р.
на инструменты	20 р.
Итого	143 р.

Все остальное шло на их охрану. Так что можно сказать, что служба в Шлиссельбурге была золотым дном.

4 августа 1884 года была утверждена инструкция по управлению Шлиссельбургской тюрьмой¹. Согласно этому документу, начальнику жандармского управления полагалось не менее одного раза в день обходить тюремное помещение и посещать каждого заключенного не реже раза в неделю. Старшему помощнику вменялось в обязанность, непосредственно и через дежурных унтер-офицеров, иметь постоянный надзор за заключенными, для предупреждения побега ежедневно, утром и вечером, осматривать камеры, а заключенных подвергать обыску по своему усмотрению... Для заключенных, отличающихся хорошим поведением, допускались снисхождения: беседа со священником, занятие работами, пользование книгами из тюремной библиотеки и, в исключительных случаях, прогулка с другими арестантами. Книги из библиотеки, которая находилась в одной из камер тюрьмы и пользоваться которой, кроме арестованных, никто не имел права, должен был выдавать старший помощник, а первоначальный состав библиотеки определялся департаментом полиции.

За дисциплинарные проступки назначалось: 1) лишение чая; 2) лишение матраца на койке до пяти дней; 3) заключение в тюремный карцер до пяти дней; 4) заключение в тюремный карцер на то же время и содержание на хлебе и воде; 5) содержание в темном карцере до восьми дней; 6) содержание в темном карцере до восьми дней на хлебе и воде с наложением оков. В карцере должны были спать на голых досках и лишаться чая. Если проступок совершается с обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушитель может быть наказан розгами, до 50 ударов. (Наказание розгами, однако, никогда не применялось, но очень часто смотрители избивали заключенных просто кулаками и ногами.) В случае болезни наказание приостанавливается. За преступление (оскорбление действием начальства) – смертная казнь...

Врач обязан был посещать заключенных через два дня на третий, в карцере – раз в неделю, а к больным приходило два раза в день... Постели перед утренним чаем должны были запыраться, а во время ужина – отпыраться, за исключением постелей больных и отличившихся

хорошим поведением... Нательное белье полагалось менять раз в неделю, а постельное – раз в две недели. Завтрак – зимой в 8 часов утра, а летом в 7, обед – в 12 часов, вечерний чай – в 5 часов, а ужин – в 7 часов вечера. Хлеб выдается утром на весь день.

Расход на заключенных определили в 22 копейки в день. Чай и сахар выдавался на две недели – 100 грамм чая и 600 грамм сахара. Хлеба на день полагалось – 600 грамм черного и 200 грамм серого. По желанию вместо 400 грамм черного, можно было брать 200 грамм белого. По указанию Министерства внутренних дел дополнительных денег на питание больных не выдавалось, т.е. улучшение их питания шло в ущерб содержанию здоровых...

В крепости год за годом

Как только новую тюрьму построили, туда перевели оставшихся в живых обитателей Алексеевского рavelина – Морозова, Фроленко, Тригони, Исаева, Арончика. 2 августа 1884 года они, закованные в кандалы, были посажены на баржу и по Неве переправлены в крепость.

Но народовольцев было слишком мало для столь огромного сооружения, рассчитанного на 40 узников, и сюда стали свозить знаменитых революционеров из других тюрем³. В первые же четыре месяца существования новой тюрьмы сюда поместили 36 человек. Среди них были видные участники народнического движения, хорошо известные Николаю: Ипполит Никитич Мышкин — сопроцессник по делу «193-х»; Федор Николаевич Юрковский (о котором как о Сашке-инженере — «упразднителе» Херсонского казначейства — он был наслышан); Петр Сергеевич Поливанов, знакомый по саратовскому революционному подполью; Михаил Родионович Попов, с которым в «Земле и воле» они так яростно спорили о роли «политики». Вскоре здесь вместе с ним оказались и его товарищи, судившиеся по более поздним процессам: Михаил Федорович Грачевский, Герман Александрович Лопатин, Людвиг Варыньский. Теперь это были люди, лишенные имени, их называли только по номерам. Морозов жил под номером 4.

Вновь прибывших вводили в крепость через башню, на которой еще с петровских времен осталась надпись «Государева», название этой башни, но всякий входящий неизменно добавлял: «... тюрьма». Затем, преодолев широкий двор, новый узник оказывался перед стеной из красного кирпича с железными воротами, за которыми виднелось двухэтажное здание из того же кирпича. У ворот — небольшое здание кордегардии, через которое узников вводили внутрь ограды. Слева — проход в стене, через который можно попасть в другой двор, в глубине которого находилось белое одноэтажное здание — старая тюрьма. Здесь был организован карцер. В дальнейшем новые заключенные, которых привозили в Шлиссельбург, вначале помещались в этом здании, прозванном «сараям». Сюда же помещали приговоренных к смертной казни и казнили их в этом внутреннем дворе.

Камера в тюрьме была довольно просторная, шагов в 10 по диагонали, почти пустая и очень сумрачная. В одном ее углу помещалась круглая железная печь, крашенная охрой, которая топилась из коридора. У одной стены стоял маленький деревянный столик, крытый буро-желтым лаком и прикрепленный к ней наглухо железными крючками. У противоположной стены помещалась железная кровать, вращавшаяся на шарнирах, вделанных в стену, и опиравшаяся на пол только двумя ножками. Благодаря такому устройству ее можно было поднимать и опускать, как крышку ящика. Поднявши ее вертикально (ребром), можно было защелкнуть за крюк, вделанный в стену нарочно для этого, и замкнуть в таком положении на замок. На кровати находился мочальный матрац, довольно новый, крытый черно-серым одеялом с синими полосами. Простыня и наволочки из тонкого холста. Наконец, в углу неизбежный стульчак в виде опрокинутого конуса и возле него, на высоте стола, железная эмалированная раковина, а над нею медный кран водопровода.

На стене, приклеенная хлебом, висела инструкция², заменявшая узниками свод законов. Эта инструкция менялась несколько раз.

На подоконнике к раме была как-то прицеплена ниткой маленькая деревянная икона в 12х9 см. Висеть ей на гвоздике не полагалось, так как самый маленький гвоздик мог дать заключенному или опасную идею, или опасное оружие.

Стены были выбелены известкой и только снизу, на высоте 1 метра от полу, выкрашены коричневой краской. Пол был асфальтовый, ничем не крашенный и потому не только грязный, но и не отмываемый: благодаря крайне шероховатой поверхности тщетны были все усилия придать ему приличный вид.

Окно было сравнительно большое, в 9 стекол, по 3 в ряд. Начиналось оно на высоте приблизительно 170 см и кончалось у самой вершины свода, так как потолок был сводчатый. Сильно скошенный подоконник был вычернен. Рамы толстые, массивные, двойные; за ними, конечно, решетка, стекла матовые; все это пропускало слишком мало света. А так как, сверх того, против самого окна, в метрах 4 от него, возвышалась крепостная стена, которая позволяла видеть только самый маленький клочок неба – к тому же окна были на север, – то неудивительно, что в этом склепе царил постоянный мрак. В пасмурные дни читать было почти совсем невозможно.

Для вентиляции служили два маленькие отверстия в стене, а затем в окне открывалась форточка, которая была сделана из одного среднего верхнего стекла. Но открывалась она не настежь, а только под углом, и притом всегда жандармами, так как достать ее самому не было возможности. Летом можно было держать ее открытой всю ночь.

Смотритель Соколов затворял ее даже днем при наступлении грозы и на просьбу не делать этого отвечал:

– Да, тебя убьет громом, а я отвечай!

Единственное занятие, которому можно было предаваться невозбранно, было хождение из угла в угол. Но и это было затруднено длинным халатом да башмаками, по величине весьма похожими на те, в которых обычно изображают на карикатурах. И как ни примитивно это удовольствие, оно было великим благом, которому всей душой завидует человек, прикованный к стене или к тачке, как был прикован, напр., Н.П. Щедрин. Когда наконец его расковали (недель через 6), он не мог достаточно набегаться по камере и не мог надивиться, как это люди, свободно ходящие, не испытывают ни малейшего удовольствия от этой свободы.

Асфальтовый пол, выкрашенная в темный цвет нижняя часть стен, белый верх и потолок делали камеру похожей на гроб. На ночь в камеру ставили керосиновую лампу, гасить которую запрещалось, и очень скоро воздух в помещении пропитывался керосиновой гарью. В глазок беспрестанно заглядывали, и даже не для того, чтобы проверить, что делает заключенный, а чтобы лишить того возможности побыть одному, без постороннего глаза.

Но жертвы Алексеевского равелина не пропали даром. Поначалу заключенным были разрешены прогулки в две смены, в промежутке между завтраком и обедом, час-полтора каждая.

А 30 сентября 1885 года начальник Шлиссельбургского жандармского управления получил от высшего начальства распоряжение: для сохранения здоровья арестованных и для удовлетворения их духовных потребностей разрешить им более разнообразное чтение и письменные занятия в камерах. В связи с этим Департамент полиции должен был пополнить тюремную библиотеку книгами научного содержания – по богословию, математике, истории и филологии, а также приобрести для тюрьмы письменные принадлежности. Но при этом предписывалось усилить контроль за книгами, чтобы с их помощью не произошло общение заключенных. Если же кого-либо уличат в попытке такого общения, его обязаны лишить права чтения. А все, что будет написано заключенными, должно быть сдано начальству.

К весне предполагалось создать в тюремном дворе огороды, где узники могли бы работать.

Первым комендантом крепости был полковник Покрошинский. Высокий, худой старик с бледной, совершенно бесцветной наружностью, он был и человек бесцветный. Как бывшего начальника Сувалкского губернского жандармского управления, его назначили начальником приемной комиссии новой тюрьмы, а по окончании приема оставили ее комендантом. Возможно, в его продвижении сыграл определенную роль и арест Морозова при нелегальном переходе границы. Каждый месяц он обходил камеры, спрашивая о здоровье и о каких-либо заявлениях.

Обыкновенно заявлений не было, а если б были, то были бы бесполезны – никакой комендант в то время все равно не смог бы изменить режима тюрьмы. Покрошинский прослужил пять лет и сошёл с ума от навязчивой мысли, что друзья арестантов попытаются насильственно освободить их. Не давая покоя жандармам, он беспрестанно посылал их на крепостную стену посмотреть, не идут ли вооруженные люди на штурм крепости.

Но в основном жизнь узников делал невыносимой смотритель Соколов. Он перебрался сюда из Алексеевского равелина с частью жандармов, выдрессированных им до совершенства. Его гвардия не произносила с заключенными ни единого слова, лишь жестами показывая, что надо делать.

Режим соблюдался строго по инструкции. Раз в месяц, по субботам, устраивали ванну и в это время производили полный обыск в камерах, а при смене белья заключенных обыскивали лично. Стригли шиллессельбуржцев налысо, причем очень неаккуратно – вся голова была в клочках волос. Заключенные полагали, что это своеобразная месть за то, что тюремные власти не решались стричь их как каторжников (только одну половину головы), опасаясь очень сильного протеста.

Особенно невыносимо было, что вместе со здоровыми в тюрьме содержались психически больные. Ежедневно, около 9–10 часов утра, примерно полчаса здание сотрясало от ужасного рева Щедрина, воображавшего себя то медведем, то каким-то другим диким зверем. В 1887 году его перевели в «сарай».

Но появился новый больной – Конашевич. Каждый вечер на протяжении многих лет узники слушали его безумное пение, начинающееся словами:

Красавица, доверься мне,
Я научу тебя свободной быть!

После этого обязательного вступления следовало еще два-три куплета эротического содержания, и песня эта, собственного сочинения безумного певца, повторялась снова и снова, да таким жутким голосом, что у слушателей волосы вставали дыбом и мороз пробегал по коже.

Сумасшествие Василия Конашевича доктор Нарышкин официально зафиксировал лишь 16 апреля 1890 года и, наконец, тоже перевел его в «сарай». Здесь доктор пошутил, что Конашевич не сможет больше перестукиваться со своими товарищами. Узник возразил, что он в этом теперь и не нуждается, ибо научился получать информацию на расстоянии мысленно:

– И теперь я смогу научить такому способу общения всех, а то перестукивание – слишком сложный и долгий способ передачи сообщений.

– А в чем он состоит? – спросил Нарышкин...

На следующий же день доктор доносил в Петербург, что им раскрыт способ разговора заключенных с помощью перестукивания.

Щедрин и Конашевич были буйными, Арончика же привезли в Шлиссельбург в состоянии депрессии. Он находился в своей камере практически не вставая. Когда койку на день запирали, он ложился прямо на асфальтовый пол. На стук не отвечал. Через несколько лет такой жизни он умер, и его ночью, как это обыкновенно делалось, вынесли из камеры и похоронили на берегу озера у дровяного склада, где были похоронены другие умершие узники, а также казненные в Шлиссельбурге.

Однако назначением «государевой тюрьмы» было доведение узника не до смерти, а до капитуляции.

И самодержавие, и революционеры рассматривали заключение как особый, по-своему важный этап борьбы. Здесь в новых, неизмеримо более тяжелых условиях, чем на воле, революционер проходил испытание прочности своих убеждений, серьезности намерений и взглядов.

Каждое прошение «на высочайшее имя» о помиловании, каждая просьба к тюремщикам о снисхождении, каждый крик о пощаде рассматривались обеими сторонами как сдача позиций. И для самодержавия гораздо более важным, чем гибель революционера в заключении, было его «раскаianie». Власти зорко следили за состоянием жертвы: подводя узника к порогу смерти, они как раз стремились не дать ему умереть.

В первый год заточения произошли два события, которые способствовали некоторому изменению тюремного порядка.

Первым выразил активный протест Егор Иванович Минаков. Он был осужден в 1879 году в Одессе по доносу провокатора и сослан на Кару, а потом перевезен в открывшийся Шлиссельбург. Оказавшись в крепости, он не захотел «колодой гнить, упавшей в ил», как написал в своем письме. Егор Иванович потребовал переписки и свиданий с родными, книг, табаку и, чтобы добиться удовлетворения этих требований, объявил голодовку. Тюремный доктор Захаркевич пришел кормить его. Будучи очень трусливым, он никогда не подтверждал перед высшим начальством, что у заключённых имеются синяки, тем самым покрывая факты избиения их жандармами. Понятно, что Минаков не очень доверял этому врачу. К тому же из-за голодовки он страдал галлюцинациями вкуса и потому решил, что врач подмешал в пищу яд и хочет его отравить. И когда Захаркевич стал его насильно кормить, Минаков дал ему пощечину. Это произошло в сентябре 1884 года, всего через месяц после того, как его поместили в крепость.

А в день рождества этого же года Ипполит Никитич Мышкин запустил тарелкой в жандарма, раздававшего ужин. Поднялась страшная возня с жандармами, которые били его. Узники слышали звон падающей тяжелой оловянной миски, шум, топот и крик: «Не бейте, не бейте! Казните, а не бейте!»

Мышкин был судим по процессу 193-х вместе с Морозовым. Свою революционную деятельность он, как и многие, начал с печатания не-

дегальной литературы. После провала типографии эмигрировал за границу, где разрабатывал план освобождения Чернышевского. Ему почти удалось осуществить свой дерзкий план, но на последнем этапе начальство тюрьмы, к которому он явился, засомневалось в подлинности предъявляемых им бумаг и предложило вернуться в Якутск, чтобы подтвердить свои полномочия у губернатора. По дороге Мышкин застрелил одного из двух сопровождавших его жандармов и попытался скрыться, но был пойман. На процессе 193-х ему выпала особая роль – зачесть от имени товарищей революционную речь. В частности, и за это ему был дан самый большой срок – 10 лет каторги. Потом началось скитание по разным тюрьмам России. На Каре он организовал побег, но был пойман и отправлен в Алексеевский рavelин. Здесь он пытался поднять бунт, но тюрьма его не поддержала, так как большинство считало это неправильным методом борьбы в создавшихся условиях. Когда Мышкина перевели в Шлиссельбург, силы его уже были на исходе, и он решил добиться суда, нанеся оскорбление действием смотрителю тюрьмы. Но так же как и Минакова, его расстреляли на плацу старой цитадели.

Однако результат был. После казни Мышкина тюрьму посетил товарищ министра внутренних дел генерал Оржевский, в результате чего шести самым слабым заключенным разрешили прогулки вдвоем. Образовались пары: Морозов и Буцевич, Тригони и Грачевский, Фроленко и Исаев. В течение всего 1885 года никто, кроме названных шести, этой льготой не пользовался. В дальнейшем лишь после того, как кто-либо из напарников умирал, его заменяли другим.

В октябре 1884 года в Шлиссельбург привезли двух женщин – Веру Николаевну Фигнер и Людмилу Александровну Волкенштейн. Совместные прогулки им были разрешены лишь в январе 1886 года.

Летом 1885 года в прогулки было внесено некоторое разнообразие. Чтобы узники, «осужденные к бессрочным каторжным работам», совсем не захирели от отсутствия движения, с берега привезли песок и в клетках для прогулок насыпали кучи, воткнув в них деревянные лопаты, которыми можно было перекидывать песок с одного места на другое.

А в феврале 1886 к клеткам для прогулок добавили 6 клеток площадью 15х6 м² под огороды. Занятия в огородах предполагались 3 раза в неделю. Некоторым заключенным выделили грядки и семена для посева (редис, морковь, репу, горох, брюкву, мак). К сожалению, это было запоздалой мерой. В этом же году в один месяц от туберкулеза умерло трое. Вообще в первый год заточения в крепости погибло более 10 человек.

«Отсюда выносят, а не выходят», – сказал один сановник при посещении Шлиссельбургской крепости. Действительно, очень многих вынесли, но были и те, кто ее покинул, ибо не все были осуждены на каторгу без срока.

Первым, далеко до окончания срока, из тюрьмы был увезен заключенный Иван Павлович Ювачев. Это необычное для обитателей крепости событие произошло в 1886 году.

Ювачев был флотский офицер, член военной организации партии «Народная воля», судившийся по одному процессу с В.Н. Фигнер. В 1884 году он был приговорен к смертной казни, заменённой пятнадцатью годами тюремного заключения. В Шлиссельбург его привезли в октябре того же года. Потрясенный произошедшими в его судьбе переменами, Иван Павлович обратился к религии. Целыми днями он читал Библию или молился, а по средам и пятницам отказывался от пищи, соблюдая посты. Посетивший крепость в январе 1885 года, после истории с Мышкиным, товарищ министра внутренних дел Оржевский застал Ювачева стоящим на коленях с Библией в руках. Осведомленный, конечно, начальством о небывалой религиозности заключенного, генерал задал ему вопрос, не желает ли он поступить в монастырь.

– Я недостойн, — ответил Ювачев.

Когда товарищ Морозова по прогулкам Буцевич умер, его заменил Ювачевым. Первая их встреча произошла так. Ивана Павловича предупредили, что к нему приведут товарища для совместных прогулок, если, конечно, он не возражает. Ювачев, разумеется, не возражал. Он уже более полугода был один и начал отвыкать от людей — и вот такая радость. Иван Павлович стал с нетерпением ждать.

Наконец в двери показался высокий, страшно бледный и сильно истощенный молодой человек с небольшой русой бородкой, в таком же, как у него, арестантском костюме. Но что у него за вид?! Болезненно худой, с тусклыми глазами, серый халат повис складками, как на вешалке, из башмаков выбились подвертки... Шагая, он не поднимал ноги, а передвигал и волочил их, как старик. Через каждые два шага он останавливался, как бы выбирая место, куда ступить дальше. Они представлялись друг другу и уже через десять минут стали товарищами.

Николай Александрович пожаловался, что его глаза почти ничего не видят. Его спутник посоветовал:

– Вы знаете, у меня было то же самое, но я нашел средство — стал делать холодные ванны для глаз и укрепил их.

Прогулки вдвоем им давали всего два раза в неделю. Каждый приходил на свидание с кучей всевозможных вопросов, но предложить их товарищу на разрешение никогда не успевал. Тогда они договорились начинать встречу с изложения своих проблем, и те, которые можно было решить сразу, тут же решались, а требовавшие размышления откладывались до следующего раза. Ювачев, так же, как и Морозов, увлекался математикой и астрономией, и у них оказалось много общих тем. Морозов иногда приносил на свидание книги и, из-за слабости глаз, просил товарища прочесть ему то, что он не мог разобрать. В это время Николай мечтал завести школу и отдать все свои силы и способности детям.

Политические убеждения Ювачева за год заточения совершенно изменились: из борца, завоевателя свободы насильственным путем он превратился в миролюбца в духе Толстого. Однажды он спросил у Морозова, не должен ли он в силу своих новых убеждений довести до сведения правительства, что ему, как революционеру, известна одна тайна. Он знает место, откуда очень легко совершить покушение на жизнь императора Александра III, жившего в Аничковом дворце. Отец Ювачева служил в этом дворце и имел квартиру, из окна которой с величайшей легкостью можно было бросить бомбу в экипаж царя при его выездах из дворца. Николай Александрович отговорил его от такого заявления...

Выпустили Ювачева через два года после суда над ним. После этого он был сослан на остров Сахалин.

После того, как Ювачева увезли, товарищем Морозова по прогулкам стал Василий Андреевич Караулов, с которым он тоже очень подружился.

Караулов был осужден в 1884 году в Киеве на 4 года каторжных работ по народовольческому «процессу 12-ти». Организация, к которой он примыкал, сделала одну из безнадежных попыток восстановить центральную организацию «Народной воли» после того, как весь Исполнительный комитет первого состава уже сошел с арены политической жизни и с 1883 года в партии, в самом сердце ее, действовал предатель и провокатор Сергей Дегаев.

Осужденный в ноябре, Караулов был через месяц привезен в Шлиссельбург вместе со своими сопроцессниками Шебалиным, Мартыновым и Панкратовым. На воле это был жизнерадостный человек с лицом «кровь с молоком», громадного роста, широкоплечий. В крепости же он беспрестанно болел: у него были легочные кровотечения, и он не раз был на краю гибели. Из-за болезни, а быть может в силу краткосрочности наказания, которая давала надежду на выход, Василий Андреевич вел себя тихо и незаметно. Он не участвовал ни в борьбе за стук, ни в пассивном протесте по поводу совместных прогулок и за все время не имел никаких столкновений с начальством.

Караулов оказался следующим за Ювачевым, кто вышел из Шлиссельбурга. Это произошло, как и предполагалось, в 1888 году. Он вышел из крепости с лицом покойника, но в Сибири, куда был сослан, со временем поправился. Позже баллотировался в первую Государственную Думу в качестве кандидата партии кадетов. В Думе Караулов был заметной фигурой и заслужил общее уважение в качестве горячего и талантливого защитника свободы вероисповедания. Смело и ловко отпарировал он название «каторжника», которое черносотенцы бросили ему в Думе. «В том, что вы заседаете в этом зале, есть и моя капля крови», – крикнул он им в ответ.

Умер он в 1910 году. Старообрядцы, признательные за защиту свободы веры, прибили к кресту на его могиле в Петербурге доску с соответствующей надписью, но правительство приказало уничтожить надпись.

1887 год был отмечен двумя крупными событиями. Привезли большую партию заключенных, среди которых были участники покушения 1 марта 1887 года. Значит, дело народовольцев не погибло с разгромом партии! Это придало шлиссельбуржцам новые силы. А 26 октября произошел трагический случай: в знак протеста сжег себя Михаил Федорович Грачевский...

Новых народовольцев в Шлиссельбурге появилось семеро. Двоих, Лукашевича и Новорусского, доставили в крепость в мае 1887 года, а в июне привезли еще пятерых. Александр Ульянов, Петр Шевырев, Василий Генералов, Пахомий Андреюшкин, Василий Осипанов заплатили жизнью за попытку покушения на Александра III.

Обратим внимание на число пять. После разгрома декабристов пять из них были повешены. После разгрома партии «Народная Воля» пять ее членов были повешены. И теперь, после разгрома возрожденной «Народной Воли», пять ее членов были повешены. Почему пять? Если повесить меньше, то не будет чувствоваться опасность, грозившая государству? Или это просто случайность?

К Лукашевичу и Новорусскому, как представителям возрожденной «Народной Воли», отношение товарищей было особым. Но, как оказалось, степень «вины» двух новых заключенных была очень разной.

Иосиф Деметьевич Лукашевич был на девять лет моложе Морозова. Его отец был обедневший вильнский помещик. Его так же, как и Морозова, с детства привлекали естественные науки, в частности химия, которой интересовался и Морозов. Образование получил на естественном факультете Петербургского университета. Здесь он был активным участником кружка, в задачу которого входило возродить идеи партии «Народная Воля».

Новая организация в целях конспирации совмещала свои заседания с собранием Совета объединенных землячеств, председателем которого был Владимир Иванович Вернадский, а его заместителем – Александр Ильич Ульянов, игравший видную роль в студенческой жизни. Вернадский догадывался об этих встречах. Тем более что один из членов организации, Шевырев, серьезно увлекавшийся минералогией и часто бывавший в минералогическом кабинете у Владимира Ивановича, однажды проговорился, и потом они много спорили о террористической борьбе. Лукашевич был равноправным членом организации, вполне сформировавшимся революционером и политической борьбой занимался осознанно. Его арестовали всего лишь за месяц до окончания университета. Он был заключен в Шлиссельбургскую крепость «бессрочно»....

Другая судьба была у Михаила Васильевича Новорусского. Сын бедного сельского церковного причетника, он, несмотря на сильное стремление к знаниям, не мог по недостатку средств поступить ни в какое учебное заведение, кроме бесплатного духовного училища, а потом семинарии. Наконец за выдающиеся способности он был принят

на казенный счет в Петербургскую духовную академию, которую блестяще закончил в 1886 году и был оставлен при академии для занятия профессорской должности, но был арестован раньше, чем защитил свою магистерскую диссертацию.

А случилось с ним вот что. Во время учебы в академии он работал в студенческом землячестве, собирая деньги для материальной поддержки неимущих товарищей. Иногда посещал заседания Советов землячеств, где и познакомился с Александром Ульяновым. Когда Александр Ильич попросил разрешения провести на квартире Новорусского некоторые химические опыты, тот не видел причин отказать ему в этом, ничего не подозревая о революционной деятельности своего товарища. Ульянов синтезировал необходимое количество динамита и вывез его из квартиры, намереваясь в ближайшее время забрать оттуда и химическое оборудование, но не успел этого сделать, так как был арестован. Очень скоро, 3 марта 1887 года, арестовали и Новорусского, а так как в житейских делах, а тем более в революционных, он был абсолютно несведущ, то попался на провокацию полиции, подсадившей к нему своего агента. Суду и следствию не составило большого труда довести дело Новорусского до смертной казни. По указанию того же провокатора он подал прошение о помиловании на высочайшее имя. Это было его первым социальным уроком, очень жестоким и очень полезным для его дальнейшего саморазвития.

И.Д. Лукашевича и М.В. Новорусского привезли в Шлиссельбург в то время, когда самый страшный режим для народовольцев был уже позади. Первое время Лукашевич и Новорусский находились вдвоем в «сараях», в соседних камерах. Затем им разрешили вместе гулять. Потом запустили в огород, который был уже засеян, и им оставалось лишь наблюдать за ростом кем-то посаженной зелени.

В этом же году произошло важное событие – заключенным наконец-то дали бумагу. Правда, это было всего шесть сшитых и пронумерованных листов, которые надо было сдавать, чтобы получить новые. Чуть раньше им выдали грифельные доски, наклеенные на картон. Но много ли напишешь на такой доске? А тут – целых двенадцать страниц! Что тут началось... Большинство занялось сочинением стихов. Воздержались от этого увлечения лишь единицы – Лукашевич, Янович, Ашенбреннер – вот, пожалуй, и все. Но повальное увлечение стихами прошло, как только удалось добиться разрешения не сдавать тетради, а оставлять их у себя. Ведь последнее обстоятельство означало, что можно начать систематически работать над литературой, благо в крепости была неплохая библиотека. Помимо книг, приобретенных Министерством внутренних дел, там были и книги, привезенные заключенными. Их изымали при аресте, а после объявления приговора литература, с согласия хозяина, имела возможность разделить его участь и попадала в тюремную библиотеку.

Но оставалось еще одно неудобство – писать приходилось карандашом, который часто тупился, и, чтобы его заточить, приходилось во время очередного обхода обращаться к смотрителю. Вняв неоднократным просьбам заключенных, 19 сентября 1888 года им выдали чернила. Новорусский отметил это важное событие в своем дневнике так: *«Получил чернила! Рад несказанно, точно хлеба дали после двухлетнего поста! Вот что значит родиться и жить чернильной душой!»*

Однако первоначальное распоряжение – сдавать исписанные тетради – имело и положительный результат. Как уже упоминалось, еженедельно, по субботам, шлиссельбуржцы подвергались обыску. И один из заключенных, Мартынов, сделал в тетради некие записи в стиле дневника, где, в частности, красочно расписал эти обыски. Результат был неожиданным. Как только он сдал эту тетрадь, обыски внезапно прекратились. Видимо, тетради отправлялись в департамент полиции, а там со стороны увидели всю дикость и ненужность этой процедуры в тюрьме, отгороженной от окружающего мира тройным кольцом стен и водой.

Теперь о трагическом событии 26 октября 1887 г., связанном с именем Михаила Федоровича Грачевского.

Грачевский ушел в революцию восемнадцатилетним юношей, в 1867 году. Судился по процессу «193-х» и был приговорен к трем месяцам ареста с учетом того, что до суда он уже провел три года в заключении. С 1880 года Грачевский был в партии «Народная Воля». После событий 1 марта 1881 года ему удалось скрыться и продолжить борьбу. Он организовал динамитную мастерскую, но вскоре был арестован. На суде Михаил Федорович принял всю вину на себя и старался, как мог, выгородить товарищей. Его приговорили к смертной казни, но в последнюю минуту заменили ее пожизненным заключением. В тюрьме он вел непрерывную войну со смотрителем Соколовым. Вражда у них была взаимной. Грачевский перепробовал разные методы борьбы: отказ от прогулок, голодовки и, наконец, написал обширную объяснительную записку министру внутренних дел графу Д.А. Толстому, в которой рассказал обо всех издевательствах, процветавших в тюрьме. Но бумага, переданная по начальству, скорее всего не пошла дальше коменданта. Отчаявшись дожидаться ответа, Михаил Федорович решил добиться суда и ударил врача Захаркевича. Но администрация объявила его сумасшедшим и отправила в старую тюрьму. И тогда он решил выразить крайнюю форму протеста – сжечь себя живым. Он обмотал себя тряпками, смоченными керосином из лампы, и поджег от той же лампы. Эту процедуру наблюдал один из надзирателей, поначалу не понимая ее смысла и считая, что заключенный задумал какую-то лечебную процедуру. Увидев, что Грачевский поджег себя, надзиратель бросился за смотрителем Соколовым, так как ключи от камер были только у него. А когда прибежал смотритель Соколов с ключами, спасти Грачевского было уже невозможно...

Через три дня тюрьму посетил генерал Петров, и вслед за тем смотритель Соколов исчез – он был уволен за недосмотр. Это явилось для него страшным ударом. Он беспрекословно выполнял все указания начальства, а заключенным говорил: «Прикажут – буду рябчиками кормить, прикажут – удавлю собственными руками, не задумываясь». Он соблюдал букву устава, как никто другой, вышколил нижние чины так, что те понимали его с одного взгляда, каждую ночь являлся в тюрьму, чтобы самолично проверить, все ли в порядке, и... уволен за недосмотр.

Грачевский погиб, но тем самым способствовал облегчению жизни других. Соколова убрали, и возвратиться к царившим при нем порядкам было уже невозможно. Кроме того, керосиновые лампы заменили электрическими, и воздух в камерах стал существенно чище.

Кого же, в результате, тюрьма потеряла в лице смотрителя Соколова?

Это был человек среднего роста, очень крепкий для своих пятидесяти лет, широкоплечий и коренастый, с тупым суровым лицом, обрамленным темной бородой с проседью. Его серые глаза имели упрямое выражение, а подбородок при волнении сильно дрожал. Звали его Матвей Ефимович. Морозов вспоминал, как однажды, решая какую-то свою задачу, не имея бумаги, он стал чертить прямо на стене. Соколов ворвался в камеру и стал тыкать пальцем в рисунок с геометрическими фигурами, угрожающе шипя: «Эфто что такое? Прошу без эфтиф хитростеф!» Он был не просто безграмотным – он не умел даже правильно говорить по-русски, несмотря на то, что имел офицерское звание. Новорусский запомнил его любимое высказывание: «Сиди себе смирно, и никто тебе слова не скажет». После увольнения Соколова должность смотрителя долгое время оставалась вакантной. По-видимому, наверху не могли решить, какого типа человек ее достоин.

Наконец в апреле 1888 года прислали нового смотрителя – Федорова, вредного, надоедливого старика, большого моралиста и доносчика, но, в общем-то, не злобного. Если у Соколова было прозвище Ирод, то у Федорова – Фекла, за его бесхребетность и несамостоятельность. Федоров панически боялся начальства и особенно дрейфил перед приходом очередной ревизии. Он загодя обегал все камеры и требовал, чтобы там не оставляли ничего недозволенного, особенно книги. Лишние просил сдать в библиотеку.

Как повелось, он обегал все камеры и перед осенним посещением тюрьмы начальством в 1889 году. Обычно все следовали его совету, а в этот раз заключенный Сергей Иванов не сдал книгу, которую не следовало бы показывать высшему начальству – «Историю великой французской революции» Минье. Возглавлявший комиссию директор департамента полиции П.Н. Дурново был очень удивлен, что заключенным дают читать подобные произведения, и распорядился, чтобы из тюремной библиотеки изыали все, имеющее какую-либо связь с общественными и политическими взглядами заключенных. Изъятию подверглись 35 лучших книг. Это всколыхнуло всю тюрьму.

Почувствовав себя морально обокраденной, тюрьма долго волновалась по поводу того, какую форму протеста выбрать. Сошлись на всеобщей голодовке. Но, к сожалению, из-за разобщенности выработать единство действий не удалось. Во-первых, не все присоединились к этой акции. Во-вторых, некоторые не выдержали и нескольких дней. В-третьих, у наиболее слабых обострились болезни. У Буцинского пошла горлом кровь (это случилось на десятый день голодовки), и товарищи, чтобы спасти его, решили прекратить голодовку. Однако несколько человек решили идти до конца в своих замыслах. Последней прекратила эту акцию В.Н. Фигнер, уступив настоятельным просьбам товарищей. Голодовка, не доведенная до конца, непосредственных последствий не имела. Но высшее начальство все же было напугано и впоследствии уступило в ряде других требований заключенных, действуя по тому же сценарию, по которому ранее был разрешен инцидент с Михаилом Родионовичем Поповым.

Еще в первые годы заключения, когда лишь нескольким позволили прогулки вдвоем, Михаил Родионович однажды истошно закричал на всю тюрьму:

– Караул!

– Что надо? – закричал, в свою очередь, прибежавший смотритель Соколов.

– Не могу больше быть в одиночестве, дайте свидание с товарищем!

Соколов тут же доложил об инциденте коменданту Покрошинскому, а последний, подойдя к Попову, сказал:

– Заключенный кричит «караул» на всю тюрьму и требует льгот. Если мы их дадим, то завтра все закричат «караул», поэтому пусть лучше заключенный подождёт, и мы удовлетворим его просьбу.

По инструкции администрация должна была обращаться к заключенным на «ты», но это вызывало отпор со стороны арестантов. Поэтому, чтобы не разжигать страсти, Покрошинский выбрал своеобразную форму общения с заключенными – в третьем лице.

Попов решил подождать, и через несколько дней ему назначили гулять с М.П. Шебалиным.

В 1889 году, тотчас после голодовки, коменданта Покрошинского сменил Добродеев, жандармский офицер, раненный в ухо при вооруженном сопротивлении в Одессе при аресте Ковальского. Заключенные видели его только один раз, когда он обходил камеры и читал бумагу о лишении их той маленькой льготы, какую они имели относительно приобретения книг.

Вслед за Добродеевым комендантом был назначен Коренев, высокий пожилой человек с довольно симпатичным лицом. Он, как говорили, «пил горькую», был тих и пассивен, редко посещал тюрьму и совершенно не вмешивался в ее внутренний распорядок.

При нем, как бы в вознаграждение за то, что не удовлетворили требования относительно книг, вместо пищи духовной улучшили пищу материальную: стали давать белый хлеб и выдавать на руки чай и сахар.

Со временем образовалось 6 клеток для прогулок и 8 огороженных участков, отведенных под огороды. Тюремный двор имел форму прямоугольника, большая сторона которого была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Здание тюрьмы было ориентировано приблизительно также, вход в него располагался с юго-западной стороны. Позади здания, вдоль крепостной стены, разместились огороды, а с северо-запада находились камеры для прогулок, примыкающие к огородам. Перегородки между прогулочными клетками радиально расходились от некоего центра, где находились входы в них. Получалось так, что к первому огороду примыкали сразу две камеры – пятая и шестая. Вскоре заключенные воспользовались этим обстоятельством, но об этом чуть позже...

Все перегородки, и между камерами, и между огородами, были сделаны из толстенных досок, набитых в два ряда. Эти могучие сооружения имели высоту около трех метров, так что общения между двумя огороженными пространствами не было. И если на первых порах некоторым разрешили гулять вдвоем, то работать в огородах вместе не разрешали. По всей территории размещалось несколько наблюдательных вышек, с которых все клетки и огороды прекрасно просматривались, и все гуляющие и работающие были как на ладони. На вышках дежурили надзиратели, но все внутреннее пространство двора просматривалось и с крепостной стены, на которой постоянно находились часовые. Таким образом, заключенные были под контролем надзирателей, а надзиратели – под контролем часовых. Кроме того, при таком контроле удавалось услышать, о чем говорят заключенные.

Кстати, подслушивались не только эти разговоры. Большинство надзирателей выучили тюремную азбуку и частенько пользовались полученными знаниями. Правда, в силу малограмотности они не улавливали большую часть из перестукивания, да и из обычных разговоров далеко не все понимали. Тем не менее, ежедневно вели журнал учета всех переговоров, который раз в неделю посылали на просмотр высшему начальству. С этим было связано немало казусов. Например, такой. За пристрастие к астрономии товарищи звали Морозова «Зодиаком». А надзирателям казалось, что заключенные зовут его «Забиякой». Они очень удивлялись этому, так как № 4 в основном занимался или размышлял над прочитанным, в силу чего ни в какие конфликты с администрацией не вступал. Так за что же его зовут забиякой?

Уже весной следующего года, после того, как открыли огороды, в них разрешили работать вдвоем. Для обработки земли дали... деревянные лопаты, считая, что металлическая лопата может послужить оружием. Вскapyвать пришлось кто как мог. В ход пошло нечто вроде

первобытных палок-копалок. Познания в огородничестве у большинства тоже были весьма скудные. Лук, например, сажали корнями вверх. А Лукашевич с Новорусским, работавшие в паре, теоретически прикинули, что расстояние между отдельными растениями должно определяться размерами будущих корнеплодов. И неудивительно, что из-за недостатка места для развития листьев у них ничего не выросло. Но очень скоро появился опыт, и уже в ближайшие годы все огородники стали настоящими профессионалами. М.Р. Попов, например, настолько увлекся работой в огороде, что оказался «приговоренным к каторжным работам в парниках без срока», как шутили товарищи.

В отличие от заключенных, жандармы не стеснялись уничтожать насаждения своих подопечных, если последние мешали им наблюдать за происходящим в огороде. Они пробивали возле корней ломом ямы и заливали туда кипяток, после чего растения погибали.

Выпиской семян для товарищей занимался Лукашевич – прекрасный систематик, который всегда мог прийти на помощь и разъяснить любые затруднения. Вокруг этого случались и забавные истории. Например, такая.

В тюрьме запрещалось курить. И многие заядлые курильщики очень страдали от этого. Чтобы помочь товарищам, Лукашевич заказал семена табака. А так как он писал только латинские названия растений, заказ был выполнен. И уже через год в камерах заструились голубые струйки табачного дыма. Служители были в полном недоумении и не могли понять, откуда вдруг взялся табак. Позже, при коменданте Гангардте, доктор Безроднов ходатайствовал перед департаментом полиции о разрешении курения как противодинготного средства. После этого курение было официально разрешено.

В 1890 году должны были увезти из крепости Лаговского. Он попал в Шлиссельбург даже без суда и был заключен в крепость административным порядком, по распоряжению министра внутренних дел, и ни больше, ни меньше как на 5 лет.

Пехотный офицер, сосланный в 1883 году административно в Томскую губернию, он бежал, примкнул к партии «Народная воля» и в марте 1884 года был арестован в Петербурге на улице. У него был найден рецепт нового взрывчатого вещества, и этого было достаточно, чтобы без суда в октябре 1885 года он был водворен в крепость.

Маленького роста, он не обладал ни даром слова, ни той обаятельностью, которые делают из человека агитатора-пропагандиста, ловца людей; и совершенно непонятно, почему такая тяжелая кара пала на человека, не имевшего никаких серьезных данных для того, чтобы правительство считало его особенно опасным.

В тюрьме он во множестве писал стихотворения. Первые два года пребывания в крепости он вел себя незаметно, но осенью 1887 года,

еще при первом смотрителе Соколове, попал за стук в старую тюрьму и находился в ней в то время, когда произошло самосожжение Грачевского. Затем последовали многочисленные столкновения его с новым смотрителем Федоровым, и всегда по пустым поводам. Окно его камеры в нижнем этаже приходилось как раз против огородов. Лаговский ухитрился прыгать на подоконник, расположенный почти на высоте его роста, и, уцепившись за раму, открывал форточку в верхней части окна. В то время в тюрьме существовала строгая изоляция: видеть друг друга могли только те, которые гуляли в паре, и Лаговскому хотелось видеть других товарищей, гулявших в огородах против его окна. Никакие запреты и выговоры не могли удержать его от этих проделок: за них его уводили в карцер, надевали смирительную рубашку и однажды связанного с такой силой бросили на пол, что он в кровь разбил себе лицо. А он все упорствовал и мелкими стычками создавал себе врага в смотрителе.

Наступил день, когда его пятилетний срок кончился. В определенный день и час в его камеру вошел комендант; в его руках была бумага, он прочел ее: министр внутренних дел оставлял Лаговского за «дурное поведение» еще на пять лет в Шлиссельбурге...

В декабре 1890 года в Шлиссельбург привезли Софью Гинсбург и по распоряжению департамента полиции, чтоб изолировать от остальных, поместили в одной из камер старой тюрьмы, а располагавшиеся там мастерские на время закрыли под предлогом ремонта. Но Гинсбург только 38 дней могла вынести суровые условия такого заточения. Соседство со Щедриным, страдавшим припадками буйного помешательства и находившимся неподалеку от нее, делало ее положение особенно мучительным. 7 января 1891 года она вскрыла вену ножницами, которые ей давали для шитья белья (по другой версии – для стрижки ногтей). Спасти ее не удалось. Но обитатели новой тюрьмы узнали об этой трагедии лишь много лет спустя.

При Кореневе в 1891–1892 годах устроили несколько мастерских. Хотя первую мастерскую открыли еще в 1889 году. Это была комната для столярных работ, в которой работал один Варынский, сильно страдавший одышкой и нуждавшийся в более активном образе жизни. Однако это ему мало помогло. В скором времени его здоровье так ухудшилось, что он уже не мог ходить в мастерскую. Туда стали водить другого заключенного. Потом, кроме столярной, оборудовали и сапожную.

В мастерскую водили после обеда, запирали там и давали какое-нибудь задание. В сапожной предлагалось, например, сшить сапоги для Лукашевича, так как у него была такая большая нога, что казенные были очень тесны. А в столярной поручалось острогать метровую доску. Инструмент был страшно тупой, и работать им было одно мученье, к тому же – большинство впервые держало в руках инструмент. Но постепенно приобретался навык, инструменты приводились в порядок,

и уже не просто строгались доски, а делались полезные вещи. Например, были изготовлены ящик и рамы для парника, а это имело большое «стратегическое» значение.

Сначала многие просто увлеклись занятием парниками, а потом это стало поводом, чтобы выйти после обеда на улицу (по инструкции это было не положено) с целью открывания или закрывания парника, в зависимости от погоды. Очень скоро все кончилось тем, что разрешили гулять и после обеда.

Безволие двух господствовавших в ту пору главных служителей, коменданта Коренева и смотрителя Федорова, привело к тому, что заключенные явочным порядком стали завоёвывать себе льготы.

Желая войти в общение, узники решили разрушить разделявшие их преграды. Они утащили из мастерских коловороты и стамески и на прогулке принялись сверлить высокие двойные заборы огородов и «клеток». Вначале это были скромные круглые отверстия величиною в медный пятак. Скоро этого показалось мало, и они прорубили небольшие оконца, через которые, находясь в двух смежных «клетках» или огородах, можно было свободно разговаривать.

Смотритель Федоров, конечно, заволновался по поводу такого нарушения изоляции, но Коренев вел себя так, как будто ничего не слышал и не видал, хотя, появляясь изредка на сторожевой вышке, мог отлично видеть происходившие у окон собеседования. Так это важное завоевание и укрепилось.

Назначенный после Коренева комендантом И.И. Гангардт несомненно занимал совершенно особое место в цепочке своих предшественников и последователей. Кроме того, что было добыто заключенными ценой жертв Минакова, Мышкина и Грачевского, а затем получено благодаря и их собственным общим усилиям, всеми крупными улучшениями жизни они были обязаны Гангардту. Это он отклонял от них мстящую руку Департамента полиции и министерства внутренних дел. Он понимал, что лишение свободы, отрешение от деятельности, потеря всех родственных и дружеских связей – такая суровая кара, которую с трудом может переносить человек, и прибавлять к этому еще что-либо будет уж через меру.

Гангардт начал службу подполковником, в должности временно исполняющего обязанности начальника Шлиссельбургского жандармского управления, а кончил службу в Шлиссельбурге генерал-майором. И это при том, что он был реформатором быта заключенных!

В августе 1892 года новый комендант добился увольнения старшего врача Нарышкина, не очень обременявшего себя заботой о своих подопечных. Особенно плохо доктор зарекомендовал себя во время эпидемии чумы, докатившейся и до поселка Шлиссельбург. Только слу-

чай спас обитателей острова от гибели. Достаточно было с продуктами занести заразу в крепость, и в силу особых порядков, царивших на острове, остановить эпидемию было бы невозможно.

Гангардт обратился в Департамент полиции с предложением реформы питания. Мотивировал он это так. Больные шлиссельбуржцы получали особое питание, а когда доктор решал, что необходимость в таком отпала, его отменяли. Но заключенный, считая, что он еще не выздоровел, видел здесь произвол администрации. Иногда, чтобы получить особое питание, прибегали к симуляции болезни. Гангардт объяснял, что ни то, ни другое не способствует нормальному психологическому состоянию заключенных, создает зависть и притворство, поэтому надо ввести единое для всех заключенных питание, но сделать его разнообразным, на каждый день составлять свое меню. Он подчеркнул, что это можно сделать дешевле, чем теперь. Для Петербурга было главным – чтобы дешевле, а потому реформу разрешили. С этих пор заключенные стали ежедневно получать по стакану молока или простокваши. Летом в меню появлялась зелень, а зимой – соленья. Но, несмотря на разнообразие пищи, ее все же было мало.

По наблюдениям Новорусского, все недуги узников развивались на почве недостаточного питания. Питание, как и везде в тюрьмах, доставляло только минимум веществ, необходимых организму. Фиктивно доктор считался наблюдателем над кухней. Но самое большее, за чем он мог следить, это — за доброкачественностью продуктов. Да и та, конечно, часто хромала. Вникать же в то, чтобы стол был достаточно разнообразен и доставлял организму потребное количество белков и углеводов, для него было непосильной и, может быть, даже нежелательной задачей. Тем более, что здесь он тотчас же сталкивался с явно выраженным стремлением местной администрации сэкономить все, что только возможно.

Между тем здоровый организм, не замечавший серьезных лишений, часто чувствовал, что ему чего-то недостает. Животное, которое ищет себе корма, в таких случаях инстинктивно тянется к тому, в чем организм нуждается и к чему чувствуется стремление. Узникам искать было негде и нечего. Как бы ни бедно питался человек на воле, его недостаточное питание не может быть в такой степени хроническим и неизменным, как у заключенных. Хотя изредка, да удастся ему совершенно случайно где-нибудь съесть вещество, непрерывный недостаток которого в организме ведет к его разрушению. Они же не могли рассчитывать ни на какое «изредка». Новорусский приводит такой пример: *«И я помню то необыкновенное влечение, почти жадность, которую я почувствовал к клюкве и рябине, когда я впервые, наконец, получил их после долгого воздержания. Для меня это казалось тем более неожиданным и странным, что я никогда ранее не был любителем этих ягод, как и всякой кислятины. Эту*

«жадность» я и теперь не могу себе объяснить хорошенько. И мои сведения в физиологии питания не дают мне ключа к этому, хоть я и знаю, как важны, например, для нашего организма самые ничтожные дозы литиевых, фтористых или мышьяковистых соединений».

Вот почему, как только они стали сами составлять свое меню, в него вносили часто такие необыкновенные комбинации, как «котлеты с клюквой», т.е. сухая котлета под гарниром из клюквы.

И только получивши возможность делать из овощей и разных других продуктов прибавочные ингредиенты к своему «пищевому довольствию», они могли чувствовать себя гарантированными от неизбежных последствий недоедания. Только тогда прекратились цинготные заболевания, которые до этого были самым обыденным явлением.

Тотчас по вступлении в должность Гангардт не мог не заметить оконцев, прорубленных в заборах; но вместо того, чтобы уничтожить их и восстановить изоляцию, он оказал узникам великую услугу. Он сумел вырвать у Департамента полиции разрешение заменить верхнюю часть сплошных заборов деревянной решеткой.

Это нововведение было спровоцировано первой (и последней) сельскохозяйственной, организованной заключенными в 1892 году. В 3-м огороде на импровизированном помосте, накрытом простынями, поместили горы овощей всевозможных видов и сортов. Над каждым продуктом значилось имя его хозяина и вес или объем продукции, зачастую очень внушительный. Гангардт, посетивший выставку вместе с прочими чинами тюремной администрации, выразил немалое удивление искусству огородников, одобрение усердию и пожелал дальнейших успехов.

Используя такое внимание начальства, заключенные ополчились против самого большого места своих огородов – против высоких заборов. В самом деле, у солнечного забора, по узкой полосе, доступной лучам солнца, овощи росли хорошо. В тени же, у теневого забора, ничего не выходило.

Забор этот затенял почти половину огорода и таким образом лишал огородников простора, столь необходимого в их полезных и плодотворных трудах. Резоны, приведенные с их стороны, были настолько убедительны, что Гангардт внял им и приказал унтерам снять верхнюю часть забора в 3–4 доски, высотой в 0,5 метра, а в клетках понизил их еще более и всюду вместо снятой части устроил деревянную решетку из вертикально поставленных брусков, толщиной в 2,5 см.

Когда был произведен первый опыт понижения с одним забором и «Фекла» увидел в натуре плод либерального предписания, он пришел в большое волнение. Помилуйте! Если немного приподняться, то можно видеть все, что делается в соседнем огороде! Но волнение его скоро успокоили, – на то он и был «Феклой».

А когда заборы все были переделаны, то в укромных уголках, где предполагалось сидеть и беседовать с соседями, появились изготав-

ленные узниками в столярной мастерской платформы, на такой высоте, какая требовалась в интересах удобства сношений. Конечно, долгие дипломатические переговоры велись из-за каждого такого помоста, и каждый вершок высоты его отстаивался решительно, как вообще в дипломатических сношениях – доводами важными, убедительными и неотразимыми: один боялся сырости и потому устраивался выше почвы, другой вспоминал про зимние заносы и заботился о том, чтобы помост всегда был сух и расположен выше толстого слоя снега, третий был слеп и тянулся к солнцу, и т.д. На этот раз дипломатия тоже одержала верх. И платформы были устроены в таком расчете, чтобы, стоя на них, можно было быть лицом к лицу с соседями, отделенными только одной редкой решеткой. Расстояние между брусками, составлявшими эту решетку, было установлено администрацией – в том расчете, чтобы в промежутки нельзя было просунуть голову.

От дождя платформы были защищены навесами, которые установили выше заборов. Таким образом, расширение сферы сношений сделало еще один большой шаг вперед. Теперь сношения были обставлены всеми удобствами, какие только допускало место, засаженное всюду разными растениями.

Постепенно стали засаживать и клетки для гуляния, и на них стал распространяться статус огородов. Как мы уже упоминали, наибольшие удобства для общения давал единственный пункт, где соприкасались 5 и 6 клетки с 1 огородом и где могли совместно беседовать 6 человек, а все шестеро говорить еще с двумя, помещавшимися в 4-й клетке. Это благодатное место было названо «клубом».

Здесь-то и протекала отныне вся их публичная жизнь, пока через несколько лет для нее не нашлось другого, еще лучшего места. Появилась возможность, стоя на помостах, не только свободно говорить друг с другом, но и заниматься вдвоем или даже втроем, помещаясь в двух или трех смежных «клетках». Можно было слушать чтение вслух соседа, как делала Фигнер, находясь рядом с Новорусским и Морозовым, или устраивать лекции для пяти слушателей. Сюда приносилась даже иногда классная доска, обычно висевшая у Морозова в камере. Это была настоящая революция в их жизни.

Начало «ученым» занятиям было положено Новорусским, открывшим для своей огромной аудитории в 5 человек курс чтений по русскому государственному праву, точнее – об учреждениях земских и крестьянских. Шли они, впрочем, довольно вяло, что зависело в равной мере как от предмета, так и от лектора, читавшего исключительно по запискам.

А когда курс был окончен, заключенные захотели прослушать лекции и по другим наукам. И лекторские обязанности перешли к Лукашевичу. Он занимался с товарищами ботаникой, зоологией, гистологией, кристаллографией, геологией, палеонтологией, химией, психологией и

философией. Он обладал блестящим преподавательским талантом. Его слушателями стали Новорусский, Фигнер и Морозов. Иногда к ним присоединялись другие товарищи, но основу научного кружка составляли эти четверо. Можно сказать, что в 1892 году в Шлиссельбурге был открыт университет.

Впоследствии организатором этих лекций всегда была Вера Николаевна, сохранившая до конца самый живой интерес к разным отраслям знания и искусства и проявлявшая много настойчивости и упорства в достижении своих художественных и научных целей. Особенно много усердия обнаруживала она в стремлении овладеть предметом, который наименее поддавался ее усилиям.

И было время, например, когда кристаллографические системы и изучение их на моделях работы Лукашевича составляли не только злобу дня, но и преобладающий интерес в совместных свиданиях в течение целых месяцев.

Морозов присоединился к научному кружку, во-первых, потому, что был страстным любителем науки и все, что касалось любимого предмета, мог слушать сколько угодно. Во-вторых, здесь можно было обсудить свои собственные научные идеи. И наконец, он был не просто слушателем, а ассистентом Лукашевича – вместе с несколькими товарищами он проходил курс практической химии в качестве руководителя занятий.

Занимались шлиссельбуржцы серьезно, несмотря на невероятные трудности, особенно в получении литературы.

В том же 1892 году матовые стекла на окнах заменили прозрачными, открылась ещё одна дверь в окружающий мир. Появилась возможность наблюдать звезды. И Николай создал своеобразный путеводитель по звездному небу, видимому из окна Шлиссельбургской тюрьмы в разное время года.

В 1893 году уже всю старую тюрьму превратили в различные мастерские. Открыли слесарную мастерскую, переплетные, во дворе построили кузницу. Теперь все желающие могли ежедневно заниматься различными ремеслами. Но самое главное – в мастерской можно было свободно общаться друг с другом, так как по производственным нуждам разрешалось выходить в коридор, чем не замедлили воспользоваться.

В коридоре была сделана печка, чтобы варить клей. Но заключенные быстро смекнули, что было бы непростительной узостью ограничивать ее функции исключительно только этой непрезентабельной ролью. И вскоре возле плиты делалось все, для чего только требовался нагрев. Даже накаливалось железо в топке с целью обработать его в нужное изделие, пока не было кузницы и все просьбы об открытии ее разбивались об упорство департамента: слесарно-кузнечное дело в

голове охранителей тесно сплелось с деланием одних отмычек. Разумеется, плиту стали активно использовать и в кулинарных целях.

Первые кулинарные опыты начались еще в самые суровые времена, когда у них ничего не было. Как-то Юрковский поделился с Новорусским гениальным открытием, что лампа есть не только орудие для освещения, но и очаг, которым можно пользоваться для кулинарных целей. Первый опыт по приготовлению супа в луженой медной миске из нескольких капустных листьев, сдобренных жировым наваром, снятым с вермишелевого супа, показал работоспособность этого устройства.

На другое лето кто-то также подал Новорусскому мысль о варенье и уверял, что варенье из моркови может заменить если не клубничное, то другое какое-нибудь попроще. Ему было очень соблазнительно убедиться в этом собственным опытом. Целую неделю он копил сахар, которого тогда выдавали по 1 кусочку утром и вечером, накопил 4 куса, расплавил в оловянной солонке и начал варить вместе с морковью. Таганца тогда еще не было, и все время, пока сварилась морковь, приходилось держать солонку над лампой в руке (через полотенце).

Когда техника пошла у них в ход, конечно, тотчас устроили жестяные конфорки, которые прямо надевались на стекло лампы, как у самовара, и действовали для небольшой посуды прекрасно. Но и стеклок же зато лопалось при этом!

Когда введено было электрическое освещение (около 1895 г.), лампы оставили им для кулинарных целей, конечно, не без борьбы, но оставили с тем, чтобы и стекла и керосин узники покупали на свой счет, т.е. в счет сумм, ассигнованных на ремесленные нужды. Тогда они сочли невыгодными такие конфорки и заменили стекла трубой из жести или листового железа с раструбом, на который прямо можно ставить кружку, жестяную сковородку или тарелку. Кто не довольствовался этим, купил себе керосиновую «кухню».

И вот, начавши с самых скромных опытов, они довели прогресс до того, что в иной летний день на плите варилось до 30 фунтов настоящего варенья в 6–8 посудилах. К этому времени огородники уже достигли значительных успехов и стали получать большие урожаи ягод. Варить нужно было всем сразу, потому что ягоды доставлялись гуртом и всегда в таком виде, что хранить их даже до завтра было рискованно. По воспоминаниям Новорусского, он не видывал в жизни более умирительного зрелища, чем то, когда их товарищ подполковник Ашенбреннер, обливаясь потом, с более чем розовой лысиной, весь сияющий и смакующий, доваривал свою ягодную порцию и говорил: «Кажись, довольно!»

Кулинарные затеи и увлечения, как они ни были курьезны, не были простым баловством. Они сыграли важную роль в восстановлении и поддержании физического здоровья заключенных. И варенья, сколько бы их ни наварили, распределенные на целый год, не только не были

для шлиссельбуржцев лакомством в общеобиходном смысле, но были самой настоящей необходимостью.

Лично для Новорусского плита служила еще источником и пособником в осуществлении разных технических замыслов. Огонь сам собой наталкивал на мысль: «А что, если я это вещество попробую нагреть или расплавить?».

Началось со столярного дела, где для отделки столяр должен был орудовать с разными жидкими и полужидкими веществами, черпая сведения для своих операций из области химической технологии. Когда практика натолкнула его на эту сферу интересов, он тотчас почувствовал, что неизбежно вступить в некоторое знакомство с химией.

При такой настроенности ума иметь под боком плиту было чрезвычайно соблазнительно.

И вот потянулись у него один за другим самодельные опыты: то перегонка эфирных масел из пахучих растений, то приготовление сахара, точнее – патоки, из своей свеклы, то превращение картофельного крахмала собственного же изделия из своего картофеля в декстрин и патоку, то, наконец, спиртоделие.

Некоторые заключенные раньше пытались гнать спирт, но потерпели неизбежное крушение: «завод» был отобран и уничтожен, а смотритель Федоров, допустивший это, был прогнан.

Затем был значительный перерыв, и новая администрация забыла грехи, бывшие при старой. Так как Новорусский свои знания почерпнул не из прежней изжитой практики, а из тома о винокурении, то он счел нужным проделывать все, что оттуда извлекал. Он гнал водку из моркови, из свеклы, из корней выюнка (они очень крахмалисты, и их расплодилось в огородах видимо-невидимо), из патоки, покупной и своей собственной, из купленного виноградного сахара, конечно, из картофеля, хлеба и разных ягод.

Последнее оказалось всего практичнее и всего удачнее.

Дело в том, что параллельно винокурению у него шли опыты виноделия или приготовления фруктовых вин из рябины, крыжовника, малины, земляники, вишни и черной смородины. Делал и сидр, но неудачно, как и следовало ожидать от местных яблок. Вина же удавались хорошо. При их приготовлении получалась масса спиртуозных выжимок, которые ничего не стоило поместить в перегонный аппарат и получить ягодную водку. Это было тем более удобно, что в нагреваемой жидкости не было ничего клейкого, что прилипало ко дну «куба» и пригорало, как это бывало с хлебным затором.

Первые опыты были, конечно, грубы и часто увенчивались смехотворным результатом. Когда с одним из подобных опытов, после многих более удачных, он расположился на плите с холодильником из снега, дежурный унтер, очевидно, уже не раз замечавший преступные запахи, сбегал за офицером – младшим помощником, и тот произвел доз-

нение. Новорусский сказал, что делает опыты спиртоделия, но неудачные, и в удостоверение показал, что получается в результате. Получалась тогда уксусно-кислая жидкость со всякими негодными примесями, благодаря сильному жару плиты и очень бурному кипению.

Очевидно, за такие опыты нельзя было преследовать. Но он не стал подвергать себя новому риску и перенес свою деятельность в камеру, где можно было скорее рассчитывать на недостаток досмотра.

После оказалось, однако, что дозора и там было достаточно.

Смастерить новый перегонный куб, применительно к лампе, ничего не стоило. Устроен он был из жести самым экономным образом. Мастер спаял, надев друг на друга, две жестянки от монпансье Ж. Бормана. В одном дне получившегося глухого цилиндра он сделал круглое отверстие и пригнал к нему наглухо маленький «шлем» с узким горлом, через которое наливалась жидкость посредством воронки с короткой боковой трубкой. Другая коленчатая трубка одним концом надевалась на эту боковую трубку куба, а другим погружалась в пузырек. Куб ставился на лампу, а лампа – у раковины водопровода, в таком расстоянии от крана, чтобы струйка воды, непрерывно текущей из него, падала на середину трубки и охлаждала идущий по ней пар в жидкость. Ни в змеевике, ни в особом холодильнике не было надобности. Самый куб вмещал менее 1 литра жидкости, и потому легко сообразить, в каких размерах велось это «производство».

Продукт своего производства в виде 60–70-градусного ректификата мастер презентовал изредка именинникам, иногда подделывая его под форму ликера. От доктора Безроднова он не скрывал своих опытов и даже брал у него спиртометр для определения крепости перегоня в градусах.

Но вот какой финал был у этих опытов.

Пока Новорусский экспериментировал с пузырьками, П.Л. Антонов, хотя редко, но сразу делал «заряды» в крупных размерах и накануне какого-нибудь праздника сразу получал то количество, которое нужно было, чтобы всех участников торжества привести в приятное расположение духа. Он делал это так ловко, что дежурные, которые видели, как заключенные пили что-то во время «братской трапезы», оставались в убеждении, что все это плоды фабрикации Новорусского, как уже давно патентованной.

Поэтому когда после скандальной истории 1902 г. (об этой истории – чуть позже) явился ревизор, его привели в рабочую камеру Новорусского, где передали ему игрушечный «перегонный куб» и множество разных подозрительных жидкостей, в том числе бутылок с ягодными винами и 1 банку с моченой брусникой. Спирту, и притом очень слабого, найдено было около 3–4 рюмок. Все это было опечатано и отправлено в Петербург «для анализа».

Как подозревали заключенные, все вина были выпиты за здоровье их изготовителя, так как они были очень недурны, изготовитель же, увы, не получил ни малейшего вознаграждения за тот сахар, который был затрачен им на это производство из собственного чайного пайка.

Смотритель Правоторов говорил после, что в департаменте были очень скандализированы тем, что в единственной тюрьме, какая находится в ведении министерства внутренних дел, завелись преступные занятия, которые недопустимы ни в какой тюрьме, а на воле ведут к прямому конфликту с акцизным ведомством. В виде кары за это шлссельбуржцы были лишены бесповоротно и ламп и керосиновых кухонь. А усердствовавший от себя комендант Яковлев постарался надеть намордник даже на чугунок, которая стояла в ванной комнате и топилась весь ванный день. До этого времени на нее иногда ставили что-нибудь, когда мывшийся там хотел, например, заварить себе чай или разогреть обед.

Тогда же Яковлев поручил одному из временных заместителей доктора произвести ревизию всяких пузырьков с химическими и прочими веществами и «подозрительные» отобрать. Доктор счел для себя возможным взять на себя эту полицейскую роль, что некоторые и поставили ему прямо на вид. Но, конечно, ему отдали только разный хлам.

Однако вернемся назад, во времена коменданта Гангардта.

При Гангардте были приобретены два превосходных токарных станка, а затем он выхлопотал право давать заключенным заказы и оплачивать их. И шлссельбургские самоучки – столяры, токари, а позднее и слесари – стали иметь заработок, который можно было употреблять на улучшение питания, а позднее благодаря тому же Гангардту – на приобретение книг для библиотеки, что было счастьем.

Первый заработок появился, когда Гангардт заказал им изготовить деревянную ограду для братской могилы воинов, павших при взятии крепости.

В это время в крепости появился младший помощник штаб-ротмистр Пахалович, которого, по его словам, за симпатии к заключенным впоследствии Гангардт звал социалистом. Так как «сарай» как арена их рабочей деятельности был подчинен непосредственно младшему помощнику, заведовавшему специально мастерскими, то здесь, при доброй воле ближайшего начальника, очень скоро стали устлавливаться признаки «автономии».

Первые шаги Пахаловича были чрезвычайно робки. Он сам украдкой ловил те немногие секунды, чтобы сказать несколько слов. Кончилось же тем, что он беседовал с узниками по целым часам и называл их по именам и отчествам. И разрушил многие формальности не без помощи самих заключенных. Говорили, что он пользовался в Петербурге протекцией.

Когда образовались две переплетные мастерские, Гангардт стал под благовидным предлогом снабжать заключенных чтением, часто

очень хорошим, отдавая в переплет книги, а потом и журналы. Главной радостью «переплетчиков» оказались журналы: хотя и за прошлые годы, но они были весточкой с воли.

В 1892 или 1893 году комендант Гангардт передал им для переплета журнал необыкновенно большого формата «Новь», издаваемый Вольфом. Там была небольшая статья, благодаря которой целая полоса жизни в крепости для ряда ее обитателей стала полосой, полной света и здоровой радости. Исходя из того, что в сутолоке жизни и практической деятельности люди к 40–45-летнему возрасту забывают многое, чему учились в школе, в Северо-Американских Штатах возникло движение, вылившееся в повторительные курсы для взрослых. Как ни проста эта мысль, она явилась своего рода откровением и была подхвачена массой народа. Центром движения сделался небольшой городок у Великих озер Америки – Чатокуа, где повторительные курсы были организованы впервые, и вскоре Чатокуа наполнилась небывалым стечением мужчин и женщин зрелого возраста, желавших обновить и пополнить свои знания. Вот и у шлиссельбуржцев возникла мысль приняться за систематическое повторение того, чему их учили раньше, и пополнить свое образование изучением того, на что в свое время не обращали внимания. До этого многие из них читали все, что было и что попадало в их библиотеку, но ничем не занимались систематически. И вот теперь эти занятия становились более осмысленными.

А зимой 1895/96 г. в переплетную мастерскую кто-то из жандармов передал журнал легальных марксистов «Новое слово» (в котором сотрудничал и В.И. Ленин). Власти России некоторое время терпимо относились к легальному марксизму – своеобразному течению в русской либеральной мысли – именно за критику народничества в целом, народоугодничества и терроризма в частности. Антинародническая публицистика «Нового слова» взбудоражила тогда застоявшийся мир политических узников. Впечатление от журнала было, можно сказать, глубоко потрясающее, содержание било по самым дорогим идеям и убеждениям. Тотчас среди заключенных обозначились различные лагеря: одни торжествовали, другие чувствовали себя уязвленными. Что касается Николая, то для него критика народничества не была чем-то новым и необычным. Он никогда не был поклонником общинного быта, да и не прочь был совсем разрушить его. Если народники предавали капитализм проклятию по причине обезземеливания народа, то Морозов, М.В. Новорусский, М.П. Шебалин, И.Д. Лукашевич и некоторые другие шлиссельбуржцы уже приветствовали капиталистическое развитие не только как силу, организующую рабочих и составляющую революционные кадры, но и как создающую промышленное богатство страны.

Гангардт, по-видимому, имел такие серьезные связи в Департаменте полиции, что мог держать себя самостоятельно и действовать во

многих случаях, не обращаясь к высшему начальству. Ходил слух, что он согласился принять должность при условии, что в управлении тюрьмой ему будет предоставлено право применять те меры, какие он найдет нужными. Ранее, если дело превышало компетенцию местных властей, они обещали в бытность в Петербурге «ходатайствовать» там за интересы своих подопечных, и решение привозилось уже оттуда. Гангардт же брал на свой риск такие нововведения, на которые более робкие предшественники его никак не осмеливались. И только единственный, кажется, раз ему пришлось вскоре же прекратить такое нововведение по требованию департамента. В 1894 году В.Н. Фигнер обратилась к коменданту с просьбой взять в какой-нибудь петербургской библиотеке абонемент для заключенных, так как книги из тюремной библиотеки давно прочитаны. И он выполнил эту просьбу. В течение нескольких месяцев шлиссельбуржцы пользовались в Петербурге общественной библиотекой Иванова, как вдруг «зло» было пресечено в корне.

Кстати, в одной из полученных книг Лукашевич нашел семечко земляники, и уже через два года была разведена целая грядка, а еще через некоторое время и целая плантация земляники.

Через два или три года после вступления в должность, заметив, что по многим мелким вопросам, типа – кому с кем гулять, происходит много ненужных стычек со зрителями, Гангардт ввел в обиход самоуправление в виде старостата. Это резко уменьшило количество стычек с администрацией и сделало обстановку в тюрьме более спокойной.

Первым старостой был Михаил Васильевич Новорусский. Ему в помощь выделили нескольких помощников – «мейстеров», заведовавших мастерской, библиотекой, кухней и прогулками.

Дел у старосты оказалось немало. Одно из главных – урегулирование денежных отношений между товарищами.

Денег, конечно, им в руки не давали, имелся только «текущий счет». Деньги были нескольких категорий, каждая из которых действовала только в одной, строго определенной области.

В первые же годы, как только организованы были мастерские и все начали работать, на них расходовали от 350 до 490 рублей в год. Эту сумму нужно было не только израсходовать, но и расписать на самые дробные доли, от 5 к. и выше. Это были «рабочие» деньги. На них можно было покупать все, что касается ручного труда.

Деньги второй категории были «хлебные», которые образовались из накоплений остатков от ежедневной порции хлеба. Полной порции хлеба, которую начальство ценило в 5,5 коп на день, кроме Лукашевича, никто не брал, а недобранную долю каждый перечислял в деньги и записывал на текущий счет. Эти гроши староста должен был суммировать и на образовавшуюся в течение недели или месяца сумму де-

лать закупки всего, что можно было поставить в группу съестных припасов. А закупая продукты по индивидуальным заказам, он опять должен был расписывать их на индивидуальный счет каждому заказчику. Появились эти хлебные деньги только в 1893 году. Но войну из-за них пришлось вести немалую, потому что очень часто администрация грозила лишить узников права превращать хлебные порции в деньги.

После них появилась третья категория, деньги «заработные». Начало им положил Гангардт, который заказал в столярной мастерской упомянутую выше ограду и заплатил за нее 25 руб. Но этот опыт не удержался. Возможно, причиной тому послужили пожертвования шлис-сельбуржцев в пользу голодающих. Окончательно же право получать плату за труды в мастерских было признано значительно позднее, может быть, уже в 1899 году. Работать, конечно, узники могли не на рынок, а только для своих непосредственных заказчиков — чинов их администрации, высших и низших. Цены теперь они уже назначали сами, по взаимному соглашению, большею частью по окончании работы, и цены эти были очень умеренными. Но в последние три года унтерам запретили заказывать им что-нибудь, очевидно, из опасения подкупа.

«Заработные» деньги обладали универсальной покупательной силой. Но на практике их тратили, главным образом, на съестное и отчасти на книги. Это был главный фонд, откуда черпались расходы на именинные пироги и прочее. Понятно, что текущий счет этих денег имели только те, кто зарабатывал. Но и тот, кто никогда ничего не заработал, иногда получал этот счет или в виде именинного подарка, или после «конверсии».

Да, была у них и такая финансовая операция, хотя обозначалось этим термином совсем не то, что принято в финансовой науке. Конверсия заключалась в превращении денег одной категории в другую. Морозов, например, очень редко работал в мастерской, и его пай рабочих денег числился за ним номинально. На деле же он его дарил или распределял между нуждающимися по своему усмотрению. Если, например, у того, который работал много, «рабочие» деньги вышли все, он устраивал с Морозовым «конверсию», т.е. передавал ему, например, 2 руб. «заработных» денег, на которые тот мог купить книгу, а Морозов отдавал столько же «рабочих» денег, на которые книг покупать нельзя было и на которые покупали материал.

В последнее время заработные и хлебные деньги совершенно слились в счетах, образовавши одну категорию денег для покупки духовной и телесной пищи.

Далее следовали деньги «книжные», которые появились после 1896 года, в размере 10 руб. на брата. Их можно было употреблять только на книги и журналы. В виде исключения они шли и на научные пособия. Так, например, было выписано из Германии несколько гербариев тайнобрачных растений (мхи, лишайники, папоротники) и злаков.

Наконец, были еще деньги «чайные», которые образовались из оценки в деньгах «чаевого довольствия». Сначала оно давалось натурой по 3 ф. сахара и 0,5 ф. чаю на человека в месяц. На эти деньги разрешалось покупать только те предметы, которые можно было подвести под понятие чаевого довольствия: кофе ячменный (вначале другого не разрешали) и настоящий, цикорий, какао, изделия из сахара и пр. Эти деньги находились в личном заведовании каждого, и староста, имевший дело с первыми 4-мя категориями денег, не касался их вовсе.

При таком изобилии и разносторонности денежных отношений на старосте лежала масса бухгалтерской работы, тем более докучной и неприятной, что слагалась она вся из мелочей.

Притом о всякого рода покупках нужно было предварительно торговаться с администрацией.

Немало неурядиц пришлось пережить шлиссельбуржцам при урегулировании их хозяйственных отношений. Все они были с закваской народников 1870-х годов. А те, как известно, выше всего ставили отвлеченные принципы.

Больше всего их смущал вопрос не о том, сколько денег они могут иметь в своем распоряжении и как располагать ими согласно своим пробуждающимся нуждам, а какое кто имеет право на выделение себе той или другой доли из общей суммы.

И сколько же копий было переломано по этому поводу! Вот, например, схлестнулись два милейших человека – М.В. Новорусский и И.Л. Манучаров. Первый был в это время ярким коммунистом и думал, что все, что поступает в общину, принадлежит одинаково всем безраздельно. Манучаров же был не менее ярким индивидуалистом и отстаивал свою долю из общего котла. Однажды он купил себе маленькую бутылочку лака (в 12 коп.), так как делал в то время изящные ажурные вещицы и лакировал их. Для какого-то пустяка понадобился он и Новорусскому. Вместо того чтобы взять лак, сколько было нужно, как это делали они впоследствии – тем более что они были дружны, а Манучаров всегда был услужлив, – они устроили жестокую баталию по вопросу о том, имеет ли Новорусский право на лак, который выписал себе Манучаров. Поломавши достаточно копий, может быть, в течение не одного дня, они, как водится, остались каждый при своем. А так как нужда в лаке не пропадала, Манучаров, подавая, наконец, его Новорусскому, сказал:

– Даю вам свой лак в виде дружеской услуги.

На что получил ответ:

– Беру его, как лак, принадлежащий мне столько же, сколько и вам.

К этой именно эпохе относится одна из эпиграмм Г.А. Лопатина, хотя и выпущенная по другому поводу, но вполне приложимая и к этому инциденту:

В клубе страшный кавардак:
Всюду слышишь: лак да лак!
И сам черт едва ли скажет,
Кто кого тем лаком мажет.

Как бы то ни было, постепенно урегулировалось и общественное хозяйство. Способность к самоуправлению никому и нигде не дается от рождения. Она точно так же, как и все навыки общественной жизни, приобретается только путем опыта и после предварительных ошибок и конфликтов.

Необходимость во взаимных сношениях и переговорах по делам ремесленным, в частности, по выписке материалов – необходимость, которую администрация сама видела и понимала, – сыграла большую роль в деле разрушения начальственных преград к этим сношениям. Приступивши к самоуправлению робкими шагами, они скоро вошли во вкус этого дела и расплодили у себя разных «мейстеров» в большом количестве. В одно время их было целых четверо, т.е. пятая часть всего «населения» тюрьмы состояла из властей. Один заведовал ремеслами, другой библиотекой, третий кухонным делом, четвертый прогулками.

Меню⁴ начали составлять сами гораздо раньше, чем появились окошки в огородах и клетках для прогулок. Поэтому долгое время меню составлялось по очереди: на неделю в одном углу, на другую в другом и т.д. Потом, когда связи установились на дворе, появилось «особо на сей счет уполномоченное лицо», которое, составивши огромный список блюд с вопросами: «кто чего любит и чего не любит», произвело всенародный опрос.

Запасшись достаточным материалом, конечно, с весьма патетическими дифирамбами в пользу или против того либо другого блюда, это должностное лицо приступило к осуществлению своих функций. Задача эта была не только не легкая, но прямо-таки неразрешимая. Против какого-нибудь картофельного киселя на молоке стояла, например, надпись: «хочу, чтоб назначали его хоть каждый день», и рядом другая: «требую, чтоб это омерзительное тесто ни разу не появлялось на столе, а употреблялось исключительно для переплетных работ».

Таких уничтожающих друг друга надписей можно было насчитать немало под многими блюдами.

Затем менюмейстер, решив так или иначе свою задачу и совершив истинно-гражданский подвиг при осуществлении своего глубоко продуманного пищевого расписания, получал со всех сторон должные «награды»: один упрекал его за то, что он не внял его голосу и назначил-таки неугодную ему колбасу, другой вопиал, почему его любимое блюдо (вареники) снято с очереди и ни разу не записано на целых 2 недели! Такие «недовольства» продолжались непрерывно, вплоть до конца. В последний год Новорусский предложил разбить все наличное население на

пары с более или менее подходящими вкусами, с тем, чтобы каждая пара составляла меню на 2 недели по очереди. Попробовали. Но, конечно, нашлись недовольные, которые сорвали реформу и предпочли народовластию прежнее единоначалие.

Все эти названные должности то сливались, то опять разъединялись. Функции променадмейстера были похоронены, наконец, за ненадобностью, а оставшиеся три должности потом были слиты в одном лице, когда народу стало немного и дела сократились.

В декабре 1895 года окончилась десятилетняя каторга всеобщего любимца Ованеса Манучарова. Товарищи для краткости звали его просто Ман.

В Шлиссельбурге он оказался в январе 1886 года. Арестованный в Харькове 11 января 1884 года, он бежал из тюрьмы, подпилив решетку, но 16 ноября был вновь арестован в Ростове-на-Дону. Выскочив из квартиры товарища, к которому пришли с обыском, он после долгой погони был окружен солдатами с приставом во главе. Раздумав стрелять в них, Манучаров поднял руку вверх и выпустил пять зарядов своего револьвера в воздух. Тем не менее, суд в Одессе в декабре 1885 года приговорил его к смертной казни за вооруженное сопротивление. Приговор был смягчен на 10 лет каторги, для отбывания которой он и был привезен в Шлиссельбург.

Трудно было найти человека, более любящего и добродушного. Справедливый, чуткий и терпимый к чужому мнению, он был лучшим товарищем, какого только можно было желать в трудных тюремных условиях. Когда было введено самоуправление, Манучарову доверили самую ответственную должность – составление недельного меню и расписание пребывания в мастерских, в огородах и в «клетках» для прогулок, т.е. кому, с кем, когда и где надлежало быть. Дело было деликатное: надо было угодить всем и каждому, примирить вкусы и требования 27–28 человек, вкусы иногда совершенно непримиримые и требования самые разноречивые. И Ман, часто в ущерб своим личным интересам, ухитрялся выходить из положения к общему удовольствию. Он удовлетворял все претензии и улаживал все конфликты, что, по мнению товарищей, никто другой не сумел бы сделать.

Николай брал у него уроки по высшей математике, так как изучить ее самостоятельно по имевшимся учебникам было сложно. Но с помощью Манучарова он быстро освоил эту премудрость, причем настолько хорошо, что через некоторое время смог написать для товарищей пособие по высшей математике, в котором изложил предмет очень наглядно.

Манучаров был так привязан к товарищам, что не хотел покидать тюрьму, когда наступил конец его заключению, и только заявление Гангардта, что его уведут силою, заставило его подчиниться неизбежно-

му. После Шлиссельбурга его сослали в Сибирь. Он умер в 1909 году от разрыва сердца.

К этому же 1895 году закончились, наконец, «штрафные» пять лет несчастного Лаговского, и его, наконец, выпустили. Лаговский был сослан сначала в город Каракол (Пржевальск), а затем в 1898 году переехал в Саратовскую губернию и последнее время жил в городе Балашове. 29 мая 1903 года он утонул, купаясь в Хопре.

А 5 февраля 1896 года из крепости увезли Николая Даниловича Похитонова.

Это был русский офицер, участник русско-турецкой войны, активный участник военной организации партии «Народная Воля». Он был другом семьи Вернадских и оказал большое влияние на духовное развитие В.И. Вернадского. Суд приговорил его к смертной казни, замененной впоследствии пожизненным заключением.

Он сошел с ума, в общем-то, почти внезапно. Об этом узнали из его высказываний о том, что его посещают духи. Эти высказывания появились в середине сентября 1895 года. С этого момента жизнь Похитонова резко изменилась: он перестал выходить из камеры, мыться, менять белье. Иногда он требовал, чтобы его выпустили в коридор, выходил с пустой наволочкой, заглядывал в глазки камер и дребезжащим голосом пел:

– Подайте милостыню, Христа ради...

Взгляд его был лишен всякого выражения. Оставлять такого вместе со здоровыми стало невозможно, и его решили перевести в старую тюрьму. Но поселить его там одного было также негуманно, поэтому туда временно поместили и Лукашевича, чтобы тот мог следить за больным, поскольку Лукашевич ранее был в наилучших отношениях с Похитоновым.

В старой тюрьме болезнь стала прогрессировать, но Гангардт и Безроднов уже ходатайствовали о помещении больного в лечебное заведение. Наконец его увезли в Петербург и поместили в психиатрическое отделение Николаевского военного госпиталя. Но там он оставался недолго – 4 апреля 1897 года Похитонова не стало.

Двух других сумасшедших, Щедрина и Конашевича, тоже увезли, наконец, из тюрьмы после настойчивой просьбы остальных шлиссельбуржцев, обращенной к министру Горемыкину при его посещении. Они умерли в психиатрической лечебнице в Казани примерно в 1919–1920 годах.

До этого шлиссельбуржцам приходилось быть не только страдающими свидетелями, но иногда и спутниками своих умалишенных товарищей, иногда даже с риском для себя, особенно Морозову, как человеку, которого начальство почему-то считало более крепким нервами и потому нередко просило успокоить то того, то другого. Когда были решены прогулки вдвоем, ему поочередно пришлось гулять со всеми

шлиссельбургскими сумасшедшими, но это большей частью кончалось тем, что они его прогоняли через две или три недели. Так закончились прогулки со Щедриным, с Конашевичем, с Похитоновым.

Опаснее был случай с Поливановым, который по временам впадал в мрачную меланхолию, несколько раз неудачно покушался на самоубийство и потом, уже после освобождения из Шлиссельбургской крепости по коронационному манифесту Николая II, действительно покончил самоубийством в 1903 году во Франции, куда он бежал из ссылки.

Однажды летом, когда Морозов на прогулке удалился в свою одинокую загородку, чтобы заниматься, к нему неожиданно впустили Василия Иванова, как это делали жандармы в последнее десятилетие их заточения, если кто-нибудь просил об этом и в загородке был один человек. Вошедший товарищ встревожено сказал:

– С Поливановым что-то случилось. После прогулки со Стародворским он вошел ко мне в переплетную мастерскую с совершенно безумными глазами. «Теперь я знаю, как вы все ко мне относитесь, товарищи, – сказал он, – и я покажу вам себя». Он взял финский нож (служивший для резки картона по железной линейке), спрятал его под курткой и стал стучать в дверь, чтобы жандармы увели его в камеру. «Зачем Вам этот нож?» – спросил я его. «Уморя себя голодом, а если кто из вас войдет с увещеваниями ко мне в камеру, я убью его этим ножом». Как тут быть? Он действительно способен исполнить свое слово.

Очень обеспокоенный, Морозов возвратился в свою камеру, приготовившись обедать, но вдруг к нему вошел смотритель и попросил сходить к номеру девятому (под этим номером значился Поливанов) и успокоить его, так как тот в очень нервном состоянии. Что же делать? Морозов хорошо знал, как опасен Поливанов, когда на него находят острые припадки безумия, и он ничего тогда не помнит, но отказаться было невозможно. Он попросил смотрителя оставить его на минутку одного, взял несколько самых толстых из своих тетрадей, обернул ими под рубашкой и курткой всю свою грудь и живот, подвязал все это, чтобы не съезжало, полотенцем, думая, что нож не пробьет такого слоя бумаги, взял тетрадь со своими стихами и пошел к Поливанову.

Когда он вошел в камеру, Поливанов, насторожившись, стоял в противоположном углу. Жандарм захлопнул дверь на замок и ушел. По спине Николая пробежал холодок. Поливанов медленно приближался. Брови его были сдвинуты, глаза дико обращались то на вошедшего, то на то место, где был спрятан нож. Впечатление было такое, как если бы это был человек загипнотизированный, действующий автоматически, как простой механизм.

– Ты зачем ко мне пришел? И ты таков же, как все остальные? Я покажу, как со мной шутить.

Морозов инстинктивно чувствовал, что малейшее проявление беспокойства с его стороны кончится для него трагически. С беззабот-

ным видом он сел на кровать, умышленно не глядя на место, где виднелся кончик ножа, и ответил спокойным голосом:

– Пришел, чтобы попросить тебя прочесть мое новое стихотворение и указать мне на его недостатки.

– Неправда, ты пришел меня успокаивать. Но ты знаешь, что я должен за это сделать?

– Нет, я ничего не слышал.

И он начал читать. Поливанов забежал из угла в угол, поглядывая то на своего гостя, то на то место, где лежал нож. Через некоторое время дыхание его стало глубже и ровнее, брови понемногу раздвинулись и мрачные черные глаза потеряли бессмысленный вид. Увидев, что припадок понемногу проходит, Николай Александрович спросил:

– Что с тобой?

На это последовал загадочный ответ:

– Если буду когда-нибудь на свободе, то прежде всего вызову Стародворского на дуэль.

С тех пор Поливанов никогда больше не здоровался со Стародворским.

В том же 1896 году шлиссельбуржцы проводили на волю еще пятерых товарищей. Когда в 1894 году на престол вступил Николай II, то и среди заключенных, и среди администрации крепости появилось мнение, что будет амнистия и Шлиссельбург опустеет. Это предположение обосновывали тем, что отец нового императора умер своей смертью, а не от рук революционеров. Но никаких известий об амнистии не поступало, и возбуждение постепенно спало. Так прошло почти два года, а в ноябре 1896 года вдруг объявили, что по коронационному манифесту четверым шлиссельбуржцам бессрочная каторга заменена двадцатью годами заключения, а еще четверым срок сокращен на треть. И так получилось, что у пяти из них срок кончился. 23 ноября Волкенштейн, Янович, Шебалин, Мартынов и Суровцев были одновременно увезены из крепости, посеяв пустоту и тоску в сердцах товарищей, ряды которых за этот год сильно поредели. Отзвуком этих событий стало стихотворение Морозова «Светлый ангел», посвященное Людмиле Волкенштейн:

Полна участия и привета
Среди безмолвия и тьмы,
Она сошла, как ангел света,
Под своды мрачные тюрьмы.

Была чарующая сила
В душе прекрасной и живой,
И жизнь она нам обновила
Своей душевной чистотой.

В глухой тюрьме она страдала
Среди насилия и зла,
Потом ушла и не узнала,
Как много света унесла.

Есть в мире души – их узнаешь
Лишь в дни гонений и утрат,
Но мир за них благословляешь
И жизнь за них отдать бы рад!

В 1897 г. шлиссельбуржцы впервые узнали о том, что в Петербурге существует Подвижной Музей учебных пособий, основанный еще в 1894 году. Обратив на него внимание, Новорусский сообщил членам научного кружка о том, что его коллекциями по разным областям естествознания они могли бы воспользоваться.

Незадолго перед этим департамент запретил им получать книги из общественной библиотеки Иванова. И Фигнер, Морозов и Новорусский решили позвать Гангардта, чтобы предложить на его рассмотрение их новую идею.

Тот сразу же и охотно согласился. Обыкновенно в подобных случаях все же приходилось поторговаться с ними. Но тогда у них высоко стояло имя «науки», а Гангардт считал себя меценатом.

Так как дело было вне компетенции коменданта, тот должен был обратиться за разрешением в Департамент полиции. Для этого требовалось какое-то обоснование. После долгих размышлений Морозов, наконец, такое обоснование придумал. Он написал, что для работы над книгой о строении вещества ему нужны коллекции минералов. Все полагали, что из такого объяснения ничего не выйдет и разрешения не дадут. Но, к всеобщему удивлению, просьбу удовлетворили.

Гангардт предложил в качестве посредника для сношений с музеем доктора Н.С. Безроднова, простодушно сознавшись, что сам он в этих вещах профан и поэтому не может вести дело лично.

Это было как раз на руку заключенным. Доктор этот еще недавно поступил в Шлиссельбург, и о нем знали только то, что он добродушный малый. Взялся он за этот нелегкий труд охотно и вскоре же доставил по заказу своих подопечных первую коллекцию по минералогии.

Таково было скромное начало. Приступая к нему, они еще не предвидели, как далеко пойдут по пути знакомства с этим музеем, и тем более не мечтали о сотрудничестве с ним. За минералогией последовали палеонтология, затем геология и петрография, кристаллография, физика, технология, ботаника, зоология, география и т.д.

Доктор записался членом музея и, приезжая в Петербург по своим делам, брал там коллекции, а при следующей подобной же поездке обменивал их на новые.

Иногда брали абонемент прямо на целую науку, например, физику, зоологию, и тогда доктору выдавали в музее по своему усмотрению то, что было свободно и наиболее удобно для перевозки за 60 верст. Иногда же делали разовые заказы на ту или другую определенную коллекцию или вещь.

Плату за пользование коллекциями вносили из тех денег, которые были ассигнованы на книжные расходы. А чего стоил провоз и доставка, они не могли знать и только догадывались, что их услужливому доктору приходилось здесь нередко обращаться к собственному карману. Сам же он, при малейших намеках на какие-нибудь расходы с его стороны, конфузливо уклонялся от разговора и говорил, что это совершенно пустяки.

Сначала они думали, что будут пользоваться только готовым, что там есть. Но музей еще организовывался и был тогда крайне беден. Многие коллекции, очевидно подаренные, были очень убоги и сами напрашивались на ремонт. Первым обратил на это внимание Морозов и начал делать ящики для палеонтологических образцов, приводя их в систему.

А однажды музей по своей инициативе прислал им несколько коллекций минералов не в коробках, а просто так, россыпью. И Морозов, тоже по своей инициативе, сделал для них коробки, расклассифицировал экспонаты и снабдил их этикетками. После этого музей стал постоянно присылать полуфабрикаты, а шлиссельбуржцы их доделывали. Потом они сами стали собирать у себя экспонаты – камни, растения, насекомых.

Как-то шлиссельбуржцам было предложено изготовить экспонаты, демонстрирующие превращения насекомых. Чтобы выполнить этот заказ, Новорусский построил для насекомых специальный домик-питомник. Он собрал яйца, личинок и гусениц и выкармливал их в этом домике. Таким образом он сумел получить насекомых на разных этапах их развития и успешно выполнил заказ.

В один прекрасный день музей предложил взять большой запас засушенных растений, привести их в порядок и сделать из них несколько школьных гербариев. Главным в этом деле стал И.Д. Лукашевич, хорошо знакомый с ботаникой и систематикой.

Этот запас был, можно сказать, главным ботаническим фондом для разных будущих гербариев. Понятно, когда дело у них наладилось, они начали сами собирать растения, и не только те, которые росли в пределах их владений, но и те, которые по их просьбе приносили унтера после своих охотничьих и других выходов на природу.

И два или три лета целиком они только и делали, что сушили, т.е. собирали растения, раскладывали их в бумагу, ежедневно перекладывали в новую, сушили сырую бумагу и т.д. При таком постоянном труде и внимании им удалось получать прекрасные образцы растений, часто совершенно зеленые, точно они сейчас сорваны.

Их коллекции по ботанике, энтомологии, минералогии, палеонтологии были столь высокого качества, что на Парижской выставке 1898 г. получили золотую медаль; конечно, музей был вынужден скрыть, кто были лауреаты...

Потом они узнали, что за один из гербариев огородных растений, в котором было около 70 листов, на Парижской выставке 1900 г. музею предлагали 50 руб. (довольно большие деньги по тем временам), и музей не согласился уступить его за эту цену. Конечно, посетителям выставки, видевшим этот гербарий, и в голову не могло прийти, из какой мастерской он получен. Если бы только знали, где и как этот гербарий был сделан, он стоил бы гораздо больше!

Неизвестно, каким образом было поставлено официально дело сношений с музеем. Что в департаменте об этом знали, это не подлежит сомнению. Но как они терпели такую рискованную и продолжительную операцию, понять нелегко. Тем более что это было в разгар студенческих волнений. Вероятно, доктор имел там хорошие связи и ему доверяли. Все же любопытно, что доверяли более или менее и заключенным, так как обойти доктора при его простоте не было ничего легче.

Но нужно отметить, что у них не было ни малейших побуждений воспользоваться музеем как средством для безнадзорных сношений с «волей». Они так дорожили своими связями с ним и возможностью работать для него, что вовсе не хотели подвергать их какому бы то ни было риску. Да и что они могли писать на «волю» или получать из музея тайным образом? Узники так давно были отрезаны от мира, от друзей и знакомых, что возобновить сношения с ними путем тайной, краткой и отрывочной переписки казалось почти невозможным.

Взаимодействие с музеем не ограничилось только коллекциями. Как-то его руководство по своей инициативе приготовило для узников книги, и доктор взялся передать их в Шлиссельбург. Официально он имел право делать заключенным заказ и, между прочим, давать свои книги для переплета. А сколько он их дает и откуда их берет, это уже не подлежало отчету.

Получивши первую партию, они не преминули воспользоваться такой оказией и затем уже сами неоднократно обращались с просьбой о книгах, называя по определенное сочинение, то категорию знаний, по которой желали бы иметь что-нибудь новое, по выбору лиц, лучше них осведомленных.

Больше всего им хотелось, конечно, иметь журналы, особенно те, на официальное разрешение которых нельзя было рассчитывать, каковы были тогдашние марксистские органы «Новое Слово», «Начало» и «Жизнь». Но они благодарны были и за все другие, потому что таким образом имели более свежие, чем им купили бы жандармы за их счет,

издания, и сверх того их собственные деньги при этом освобождались и могли быть употреблены на что-нибудь другое.

Кто именно был доброхотом, снабжавшим их книгами и журналами, тогда они не знали. Доктор называл только М.И. Страхову, как заведующую музеем, с которой он имеет дело и от которой получает книги. Но кто бы ни доставлял их, узники одинаково были рады, получали их с особым удовольствием и тщательно вели список их под особой записью, не смешивая книги, получаемые «из музея», со всеми другими.

Большую частью все это были новые издания, недавно появившиеся на книжном рынке и обратившие на себя внимание читающей публики. Преобладали, конечно, с социальным содержанием, но были научные и из других областей ведения, как, например: «Технология металлов», «Электричество», «Жизнь пресных вод», «Жизнь животных» (Брэма) и пр.

В 1897 году произошло еще одно важное событие – шлиссельбуржцы получили разрешение писать письма родным, два раза в год на одном листе. В письмах запрещалось рассказывать о тюрьме что бы то ни было, только о себе, о своем самочувствии, и ничего о суде и революционной прошлой деятельности.

Переписка с родными дала остро почувствовать, что в крепости время остановилось. Там, на воле, шла жизнь. Выросли сестры Николай Александровича, вырос брат. У них давно появились дети, которые учились и готовились к поступлению в высшие учебные заведения. Умер отец, мать стала почти слепая.

Наверное, Петр Алексеевич понимал свою роль в судьбе старшего сына, и это наложило отпечаток на его последующую жизнь. Как отец «государственного преступника», он не мог уже более рассчитывать на выборные должности в своем уезде. Оказавшись не у дел, отец впал в мрачную меланхолию, перестал интересоваться хозяйством, пристрастился к неосторожной биржевой игре, в результате чего потерял значительную часть своего крупного состояния. Он долго и мучительно болел.

24 марта 1886 года Петр Алексеевич Щепочкин в возрасте 53 лет скончался в Петербурге от прогрессивного паралича. По разрешению Санкт-Петербургского градоначальника Турчанинова 4 апреля его тело вывезли в город Мологу, где 9 апреля оно было предано земле на территории Мологского Афанасьевского женского монастыря. После смерти отца был продан за долги петербургский дом Щепочкиных и находящиеся в нем картины. Оставшиеся после этого деньги вложили в акции страховой компании. А она лопнула.

Неискушенная в политике, Анна Васильевна, узнав, что сын ее – «государственный преступник», так и не смогла поверить, что ее Коля способен на дурные и злые дела. Она часами стояла на коленях перед

иконой и молилась за сына. Несмотря на приговор, не оставлявший надежды, она ждала его возвращения в родное гнездо, в Борок, жила его письмами из заключения.

Отрывочные сведения от родных Николай Александрович получал и раньше, начиная с 1887 года. Правда, эти письма переписывались рукой жандарма и допускались далеко не полностью. Ему переслали несколько фотографий. Но вот теперь стали передавать подлинные письма. О чем же писать? У Морозова такой проблемы не было. Он считал, что в частной переписке с родными и друзьями не следует стараться писать одни умные вещи или передавать важные новости, которые редки в любой жизни. Писать можно о чем угодно, все, что придет в голову. Ведь мелочи как раз и создают иллюзию встречи с близким человеком, причем, встречи в простой домашней обстановке, а не в специально прибранной гостиной.

Гангардт, организовавший сношения с музеем, ушел от них в тот же год (1897 г.). Его преемник полковник Обух, вообще мало стеснявший их, не обладал той самостоятельностью, какую проявлял его предшественник, и ни капли не сочувствовал никакому прогрессу, в чем и признавался открыто. Он затруднялся в средствах, с помощью которых можно было бы прикрыть общение с музеем. Дело в том, что на коллекции тратили казенные деньги, ассигнованные им на материалы и на ремонт мастерских. Но удалось доказать, что это делается для самообразования, из остаточных же материалов. Так они отстаивали свои позиции довольно успешно вплоть до ухода доктора Безроднова. А его преемник оказался совершенно неприемлемым для их дела. И вести дела с музеем временно взялся смотритель, ротмистр Павел Васильевич Гудзь. Человек он был добрый сам по себе и вел бы дело с полной готовностью. Но он был труслив и робок, зависимость же его от начальника управления была ничем не ограниченная, и потому сразу же дело захромало. Боясь отказать прямо, он брал у заключенных коллекции, говорил, что отправил их в музей, а сам складывал их в канцелярию, в кладовую, и отправлял едва четвертую часть.

При таких условиях продолжать работу далее было весьма рискованно и вовсе не интересно. Одновременно с коллекциями затормозилось и дело с литературой, получаемой из музея.

Кстати, о литературе. Министр внутренних дел Горемыкин после своего визита в 1896 г. разрешил им все журналы, без исключения, за прошлый год, независимо от их иллюстрированности. И шлиссельбуржцы стали покупать «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русское Богатство», «Revue des Revues», «Review of Reviews», «Научное Обозрение», «Хозяин». Последние два, впрочем, были разрешены и раньше, как научные и технические.

Еще раньше Гангардт стал выписывать для них «Ремесленную Газету», чертежи и рисунки которой много помогли им в развитии столярных и токарных вкусов и навыков. Давал он ее, не считаясь со временем и циркулярами, прямо по мере выхода. А когда это упрочилось, они выпросили у него и «Ниву», на тех же основаниях, и читали ее всегда из недели в неделю до марта 1902 г., т.е. почти 10 лет подряд. Давал он ее свободно потому, что в ней почти не было хроники, ради которой и делались эти сроковые ограничения.

А сам департамент по просьбе шлиссельбуржцев присылал, начиная с 1894 г., «Вестник Финансов», по полугодию или по третям, нарушая, таким образом, самолично то предписание о прошлом годе, которое он давал.

Пример был заразителен, и потому местная администрация не особенно была строга насчет годовичного возраста журналов и стала давать сначала «Хозяин» и «Научное Обозрение», а затем и другие все в более и более свежих выпусках.

Департамент же разрешил в 1898 году выписать еженедельное издание «Times» и таким образом окончательно сгладил разницу между журналом и газетой. Ввиду этого Обух беспрепятственно выдал в 1900 году 1-го января «Новое Время» за прошлый год, правда, в разрозненном виде, но все же в большом количестве номеров.

Если же прибавить сюда периодические издания, которые они получали через доктора Безроднова из Подвижного Музея учебных пособий («Начало», «Жизнь», «Новое Слово», «Образование»), то можно сказать, что в отношении периодической печати в последнее время они были обставлены недурно и период 1898–1901 гг. нужно назвать «эпохой просвещения» в их мертвом и замкнутом мире. Недоставало только свежей газеты, да и то год или два получался «Сын Отечества».

Одновременно с этими послаблениями насчет современных сведений в печати окружающие их унтера перестали держать язык за зубами и помаленьку втянулись в откровенные беседы с заключенными, как на темы из местной жизни, так и на общественные.

В результате в головах узников произошел хронологический сдвиг. При обмене новостями они передавали друг другу сведения о том, что было год назад. То, что они читали сегодня, им казалось совершившимся в течение этого месяца. А то, что читали в прошлый раз, представлялось совершившимся месяц тому назад. И, устанавливая хронологию в спорах друг с другом, они горячились, уверяя, что это было всего недели 2–3 назад, совершенно забывая, что к этому нужно прибавить еще 1 год.

Когда Порт-Артур уже пал и разразилась мукденская катастрофа, когда окончательно и для слепых стали явны полные неудачи русского оружия, они только что приступили к чтению первого месяца войны и к описанию тех всеобщих «ликований», которыми будто бы повсюду было встречено объявление войны.

Едва ли кто-нибудь в России, кроме них, имел случай перечитывать все «патриотические» завывания первых дней войны – в то время, когда крушение надежд было уже полное и когда лакейство и глупость смиренно мудрствующих писателей выступало особенно ярко и с особенной назидательностью.

Сами жандармы под влиянием поражений и событий внутренней жизни стали разговорчивее и начали передавать устно кое-что о самых последних новостях, о которых узники могли бы прочесть только через год. Таким образом они узнали главное и про Мукден, и про поход Рождественского, и про Цусиму.

После всякого наиболее крупного краха дежурные, у которых в груди билось солдатское сердце, не могли сдержать своего негодования и, невзирая на строжайший запрет, увлекались разговорами промеж себя так громко, что кое-что долетало и до заключенных. И доставалось же тут злосчастному Куропаткину, этому недавнему идолу, баловню судьбы и надежде России!

Офицеры тоже рассказывали многое, преимущественно по «Новому Времени».

Потом, под влиянием газет, речи унтеров стали дышать укоризной по адресу бюрократии. И особенно забавно было слышать эти укоры из уст вахмистра, который сам был типичнейшим воплощением бюрократического режима в своей сфере. «Ну, – думалось при этом заключенным, – царство, разделившееся на два, непременно запустеет».

Наконец, летом 1905 г. получили и положение о Булыгинской Думе в номере «Правительственного Вестника», который был дан узникам по специальной просьбе. Единственным же свежим периодическим органом были только «Известия» Вольфа, где узники читали необыкновенные для них вещи о свободе совести, печати и пр. Получили даже книжку «Конституционное государство» – сборник статей, трактовавших в общедоступной форме вещи, совершенно непозволительные для русской печати.

И все это время у них один глаз был устремлен на вопросы текущего момента, а другой с прежней постепенностью перечитывал битвы при Тюренчене, Цзинжоу, Вафангоу, Дашичао, Ляояне, вплоть до Шахэ, после ознакомления с которой они вышли на волю.

1900 год отмечен разрешением в крепости куроводства. Это утилитарное направление было введено комендантом, разрешившим сначала В.Г. Иванову, а затем и другим желающим разводить кур в их крошечных садах.

Все началось с биологических экспериментов Новорусского, который решил сам вывести цыплят. Первую партию яиц он вынашивал на себе. Но яйца оказались несвежими, и поэтому, когда на десятый день

он их осмотрел в собственноручно изготовленный овоскоп (прибор, просвечивающий яйцо так, что зародыш в нем сразу виден), то увидел, что ни в одном яйце из этой партии зародышей не оказалось. Тогда он достал через жандармов партию свежих яиц, сделал на основе керосиновой лампы маленький инкубатор и приступил ко второму опыту. На десятый день проверка на овоскопе показала, что лишь два яйца не имеют зародышей, а в остальных все было нормально. На двадцать первый день появились первые наклевки, а затем – семь живых птенцов! Чтобы добиться такого результата, Михаилу Васильевичу приходилось не спать все ночи, пока выводились цыплята, чтобы поддерживать необходимую температуру. Но не меньше хлопот они доставляли и потом – их надо было согреть, пасти. И нельзя было их покинуть, так как, как только они не видели «наседку», поднимали страшный крик и успокаивались лишь при его появлении.

В тот день, когда вывелись цыплята, ничего не подозревающие жандармы, как обычно, открыли камеру, чтобы вывести узника на прогулку и увидели, что за ним идет целый выводок. Суеверный ужас охватил надзирателей: как, откуда цыплята? Колдовство?! Потом разобрались. Зато это обстоятельство привело к тому, что заключенным разрешили разводить кур.

И началась настоящая мания куроводства. Морозова эти увлечения очень огорчали, так как отвлекали от умственных интересов и занятий. Кругом царило такое клохтанье и победоносное кукареканье, что он затыкал себе уши ватой, когда принимался обдумывать и писать свои сочинения. Он не мог не согласиться с товарищами, что из всех предприятий, какие у них заводились, куры с их яйцами приносят наиболее пользы (для желудка); но все-таки жалко было видеть, что многочисленные пестрые цветы, которыми все так восхищались и увлекались несколько лет назад, теперь – увь! – почти везде раскопаны курами, поруганы и забыты. Правда, продолжался этот разгул недолго. Вскоре, при Плеве, куроводство было запрещено как незаслуженная льгота.

Пара кроликов сама прибежала к ним из комендантского сада и поела почти все посаженные ранее кустарники у С.А. Иванова и некоторых других. И шлиссельбуржцы стали разводить кроликов. Причем вовсе не для того, чтобы пополнить свой рацион. Человек, который рискнул бы это сделать, прослыл бы людоедом. Кроликам, так же, как кошкам и собакам, старые одинокие люди отдавали всю свою нерастраченную родительскую нежность. К курам отношение было немного другим, но и их далеко не все рисковали употреблять в пищу.

К этому времени Морозов из Николая постепенно превратился в Николая Александровича. На воле у него подрастали племянники, которые звали его дядя Коля.

К 1902 году многие уже просидели около двадцати лет. Долгий, тяжелый период приспособления к своему существованию кончился; кто

не умер, не убил себя и не сошел с ума – пришел в равновесие. Время, как паутина, затянуло то, что кровоточило: оно или забылось, или было забито силой воли. Страдание, жгучее и острое, было побеждено.

Трудно, конечно, перечислить хоть с некоторой полнотой все права, которые были в конце концов добыты этой мелочной, повседневной и раздражающей борьбой. Можно назвать для курьеза только некоторые из них, потому что в приложении к таким житейским актам термин «право» можно употребить только в виде шутки.

Право стучать, шуметь, свистать и петь, право лазить на окно или забор (чтобы укрепить выходящее растение или приделать навес), право подкапывать забор, иметь железную лопату, передавать в огороде записки друг другу, останавливаться друг с другом при встрече, особенно же с дамой, или в коридоре у двери камеры, заходить в пустую чужую камеру, тушить огонь, завешивать окно от солнца или холода, стричься под гребенку, мыться наедине и еженедельно, иметь при себе разом несколько книг, бумагу и чернила, держать на окнах цветы, делать для самого себя мебель или принадлежности костюма, иметь вилку и нож, чайную ложку, белье, хлеб, кофе, ягоды, фрукты и разные другие «самовольные» снеди, и пр. и пр.

Они все были обращены в состояние, при котором не разрешалось ничего, на что не соизволит воля «господина». И потому им шагу нельзя было ступить без того, чтобы не натолкнуться на преграду и не войти в столкновение с унтерами, которые нарочно поставлены охранять ее, и с властями, которые ежедневно являлись проверять строгость надзора. Не было ни малейшей возможности уйти от охранителей, чем всегда так широко пользовался русский обыватель до последнего времени.

На психику же узников все перипетии этой мелкой борьбы действовали почти так же, как и перипетии настоящей борьбы. Удачи и неудачи, победы и поражения, наступления и отступления, разрыв сношения с тюремщиками и временное перемирие с определением условий соглашения, а над всем этим ежедневное ожидание новых насилий либо возврата к старым лишениям.

Для них не было секретом, что все физические и прочие лишения накладывались на них планомерно, в тех видах, чтобы «сломить волю заключенных». Власти, насаждавшие всюду безволие и покорность, не могли мириться с мыслью, что есть люди, готовые проявить необычайный запас своей энергии в направлении, совершенно для них невыгодном, которое они так-таки откровенно и называли направлением «вредным». Но они были все же недостаточно дальновидны. Уступая понемногу, в силу необходимости, они тем самым доставляли им практику борьбы, которая, как известно, закаляет дух, а вовсе не расслабляет.

И здесь у некоторых заключенных возникала мысль, навеянная теорией Морозова о действии в социологии правила блока. Что было бы с ними, если бы с первых же дней их посадили в условия полного доволь-

ства, если бы им доставлялось все, чего бы они ни пожелали, кроме самой свободы и бесконтрольных сношений с волей? Возможно, сытое, бездельное и спокойное существование гораздо скорее и гораздо вернее сломило бы душевную энергию у большинства узников, чем жизнь, полная лишений и борьбы против них.

По крайней мере, житейская практика превращения бунтующих студентов в мирных и сытых буржуа говорит за это. Недаром же такой опытный авантюрист, как Наполеон III, говаривал, что он боится голодных и тощих и совсем не боится сытых и толстых.

И вот среди затишья и полного спокойствия, установившегося в 1902 году, в тюрьме неожиданно разразилась беда, и твердое, как им казалось, здание по крупицам собранных приобретений распалось, как жалкая игрушка.

2 марта 1902 года в тюрьме произошло неприятное событие, послужившее самому «буйному» и всеобщему выступлению.

Дело было так. Попову за плохое поведение задержали письма от его матери. Не зная, в чем причина, он решил попытаться послать письмо матери помимо Министерства внутренних дел.

Солдатик, румяный парень весьма легкомысленного вида, приходил обыкновенно во время прогулки уносить мусор из камер. Попову несколько раз случалось на минуту встречаться с ним наедине и слышать изъявление сочувствия и готовности чем-нибудь услужить.

— Одно удерживает, — говорил он, — попадешь в дисциплинарный. Вот если бы к вам, политическим, посадили!

По-видимому, жизнь политических заключенных он считал верхом благополучия.

Попов решился воспользоваться его готовностью и, написав письмо, попросил опустить в почтовый ящик.

В тот же день, не по предательству, а по глупости и неопытности, солдатик проговорился товарищам, а те начальству. Письмо тут же конфисковали и решили «закрутить гайки»...

Когда заключенные пришли с прогулки часу в пятом вечера и камеры были заперты, вдруг их стали по очереди отпирать, что показывало, что происходит какой-то необычный обход.

Смотритель с несколькими унтер-офицерами заходил по очереди к заключенным и объявлял с важным видом своим негромким, тусклым голосом:

— Комендант недоволен беспорядком в тюрьме. Этому должен быть положен конец, и с сегодняшнего дня инструкция будет применяться в полной мере.

На вопрос:

— В чем дело? Какой беспорядок? Никаких замечаний нам не делали, совершенно непонятно, чем вызвано ваше заявление.

Следовало:

– Комендант недоволен. Инструкция будет применяться с сегодняшнего дня. Ничего больше сказать не могу.

Но они уже не могли подчиниться инструкции. Она связывает по рукам и ногам. При ней дышать нельзя: нарушения неизбежны. Как жить дальше?

Все были взволнованы, встревожены и недоумевали, откуда такая напасть? Тревожен и беспокоен был этот вечер: кто лихорадочно бегал взад и вперед по камере, кто неподвижно лежал на койке, иной совещался то с одним, то с другим соседом путем традиционного стука в стену. Нервы напряжены, как натянутые струны: что предстоит им, чем вызвана репрессия? Опять неизвестность. Воображение работает, возбуждение растет. Такого не было даже в первые годы заточения.

В десятом часу настороженное ухо слышало, что в дальнем конце дверная форточка одной камеры верхнего этажа была отперта, а потом хлопнула. Минут через десять тот же звук повторился, и послышался краткий разговор. И в третий раз произошло то же самое.

В нижнем этаже началось движение; затем дверь той же далекой камеры верхнего этажа была отперта, и жандармы потащили из нее что-то тяжелое. Было ясно – несут человеческое тело; толпа жандармов несла кого-то за руки и за ноги. Послышался хрип.

В одну минуту вся тюрьма стала у дверей и с напряжением слушала. Мыслью каждого было: кто-то покончил с собой. И каждый стал звать дежурных, спрашивая, что случилось. Но «с той стороны» не отвечали.

Внезапно раздался голос коменданта:

– Развяжите!

Значит, кто-то повесился... Руками, ногами, книгами, шваброй каждый бил в дверь и кричал:

– Что случилось?

Голос коменданта ответил:

– 28-й нарушает дисциплину.

Как! Человек покушается на свою жизнь, и это называют нарушением дисциплины?!

Все двери захлопотали. Кто-то на всю тюрьму закричал: «Караул!» Оглушительные удары сыпались справа, слева, внизу и наверху. Тюрьма неистовствовала.

И в третий раз повелительно раздался громкий голос коменданта Обуха:

– Доктора!

Яростное безумие охватило узников: тюрьма превратилась в буйное отделение умалишенных.

Наутро измученные, с упавшими нервами, они вышли в восемь часов на обычную прогулку. Ближайшие соседи Сергея Иванова объяс-

нили, в чем дело. Раздраженный частым заглядыванием в дверной «глазок», он закрыл стекло бумажкой и отказывался ее снять.

Напрасно смотритель три раза уговаривал его не делать этого – Иванов не повиновался; смотритель потребовал, чтоб Иванов шел в карцер – Иванов не двинулся. Тогда жандармы надели на него смирительную рубашку и при насмешках коменданта связали ослушника, а затем понесли в соседнюю пустую камеру, которая на этот раз должна была служить карцером; но когда жандармы выносили узника, с ним случился припадок.

Тогда-то комендант и крикнул: «Развяжите!» – и тюрьма решила, что кто-то повесился. Сергей Иванов лежал в обмороке, и жандармы старались привести его в чувство, но после бесплодных усилий пришлось крикнуть доктора.

По той или другой причине он пришел не тотчас же, а потом не сразу мог привести Иванова в чувство: обморок продолжался минут сорок.

Подавленные, они выслушали этот рассказ. Что было делать? Такие сцены могли повториться и завтра, и послезавтра – невозможно было выносить их. Ни физических, ни нравственных сил на это не хватило бы.

Отпор был необходимым, но в какую форму должен вылиться этот отпор? Оставить дело без протеста было немыслимо. И Вера Николаевна Фигнер решила действовать. Она решила написать матери очередное письмо в несколько строк такого содержания, что департамент полиции ни в коем случае не пропустит его, но сам прочтет и заинтересуется: что такое произошло в крепости? – и уж, конечно, не оставит дела без расследования.

Она написала:

«Дорогая мамочка. Я совсем собралась отвечать вам, но произошло нечто, перевернувшее все вверх дном. Обратитесь к министру внутренних дел или к директору Департамента полиции, чтобы они произвели расследование на месте.

Ваша Вера.

3 марта 1902 года».

И в тот же вечер сдала письмо смотрителю.

Настало время тягостного ожидания.

– Вот случай, достойный протеста Веры Засулич, – сказала на прогулке Вера Николаевна друзьям. – Не жалко за такой протест отдать жизнь. Не страшно умереть – страшно быть изолированной от всех. Если заключат в старую тюрьму, заключат навсегда? Одну... Без книг... Это хуже, чем смерть... Нельзя два раза пережить то, что уже пережили в первые годы. Жизненные силы теперь не те – я сошла бы с ума... Безумие, безумие – вот что страшно.

Едва она вошла в камеру после прогулки, как за ней вошел смотритель и заявил:

– Ваше письмо не может быть отправлено. Напишите другое.

– Почему? – сердито спросила она. – Вы должны отправить: цензура принадлежит Департаменту полиции – не вам.

– В письмах можно говорить только о себе. Такова инструкция.

– Я знаю инструкцию, отошлите письмо.

– По инструкции я не могу пропустить его; я покажу вам правила, – и он вышел.

Смотритель вернулся с прошнурованной книгой в руках и прочел соответствующее место.

Повысив голос, Вера Николаевна повелительно сказала:

– Оставьте ваши параграфы. Я знаю, что все письма должны отсылаться в Департамент: его дело задержать или отправить по назначению.

– Не кричите, – протестовал смотритель. – Я вежлив, будьте вежливы и вы.

– Вы будете душить нас, а потом требовать, чтобы с вами были вежливы, – с гневом бросила она ему. – Отошлите письмо!

– Пожалуйста, не кричите и напишите другое письмо, тогда отошлю.

– Не буду писать!

– В таком случае мы лишаем вас переписки.

Фигнер решила на крайнюю меру. Ей надо было выиграть несколько минут, «собрать себя», вернуть самообладание, и тогда... инстинктивно она продлила спор и уже сдержанно спросила:

– За что вы можете лишить меня переписки? Я не совершила никакого проступка.

– Вы отказываетесь переписать письмо, и потому мы лишаем вас переписки.

Слова звучат, а мысль стремительно работает: письмо не будет отправлено... департамент не узнает. Инструкция будет введена. Старый режим будет восстановлен – они не вынесут. Товарищи... что будет с ними?

«Лишь в действии познаешь силу свою», – пронеслась мысль и откинула все сомнения. И она с силой сорвала с него погоны...

Смотритель пискливо вскрикнул: «Что вы делаете?» – и выскочил из камеры, а растерявшийся вахмистр ползал по полу, подбирая сорванные погоны.

Чтобы не подвести товарищей, она с лихорадочной поспешностью оповестила их о своем поступке и просила не производить беспорядков; они излишни: все, что нужно, уже сделано.

– Об одном прошу: дайте мне покой.

Все стихло. Наступило жуткое безмолвие. Всколыхнулась душа каждого, тревога неизвестности окутала всех. И страшен был раздававшийся порой крик Попова с отдаленного конца здания: «Что с Верой?», т.е. увели ли ее. И это был не крик, а какой-то вой.

Прошло три дня; ее не уводили. Тюрьма словно вымерла и напоминала стародавние времена, когда была в железном кулаке Соколова.

Наконец со сторожевого поста, который занимал у своего окна Антонов, они получили известие: приехал военный следователь и в канцелярии допрашивает поодиночке жандармов.

Это был человек лет 35-ти, высокий, стройный, с суровым интеллигентным лицом, адъютант начальника корпуса жандармов товарища министра внутренних дел Святополк-Мирского полковник Каиров.

Он допросил и Фигнер. Она рассказала все обстоятельства вечера и ночи 2 марта: обход смотрителя, без всякого объяснения объявлявшего, что с этого дня старая тюремная инструкция во всей строгости будет применяться к ним; их недоумение и беспокойство по поводу предстоящих ничем не вызванных репрессий и волнение, охватившее их, когда среди ночи, не отвечая на все вопросы, жандармы несли кого-то по коридору и узники слышали хрип и тревожные приказы коменданта развязать... позвать доктора.

Рассказала и о письме, задержать которое смотритель был не вправе и должен был отослать в Петербург, каково бы ни было его содержание, так как цензура их переписки принадлежала не местному начальству, а Департаменту полиции, и что она знала, что письмо по назначению он не передаст, а сам прочтет.

– Быть может, смотритель был груб с вами и сам вызвал ваш поступок? – спросил следователь.

– Нет, он не был груб. Он вообще мягок в обращении и не он, а я в разговоре возвышала голос.

– Не поразило ли, не огорчило ли вас заявление смотрителя, что вы лишаетесь переписки с родными?

– Нет. Я не дорожу перепиской. Если б ее дали в первые годы, это было бы великое благо. Но ее дали через 13 лет, и теперь она причиняет мне только страдание.

– Значит, вы хотели только предать дело гласности?

– Да, – отвечала она.

По мере того как она говорила, выражение лица допрашивающего смягчалось и светлело. Поклонившись, он со словами «Будьте здоровы» вышел.

Затем следователь был у Попова, и они наконец узнали причину подятого на них гонения.

...Потянулись дни полной неопределенности. Незнание о том, что будет дальше, по-прежнему окутывала тюрьму. Никто не выходил на прогулку, все оставались в камерах, занимаясь чтением и строя в уме всевозможные предположения.

Однако в атмосфере что-то носилось. Комендант Обух Христом-Богом просил всех сдать все колющие и режущие инструменты, какие

были у них на руках. При этом он сказал, что через неделю уходит, а потом они узнали, что и смотритель Гудзь тоже уходит. Таким образом, должна была произойти полная смена администрации. Это как будто показывало, что дело признано правым и все кончится благополучно. Но были и тревожные признаки: в старой тюрьме неожиданно стали производить спешный радикальный ремонт.

Все мастерские были перенесены в новое здание, а в старой тюрьме белили, красили, проводили электричество и устраивали телефон.

– Веру, наверное, удалят от нас и поселят в старой тюрьме, – тревожились товарищи, и эта возможность страшно волновала и ее.

Подошел конец марта, когда Антонов известил, что приехал новый комендант. И действительно, он явился к ним. Оказалось, это старый знакомый, офицер Яковлев, дававший свидания в Петропавловской крепости, провожавший Перовскую на эшафот и бывший подручным Соколова в Алексеевском равелине и в первые годы Шлиссельбурга. За 20 лет он состарился, пожелтел и страшно растолстел. Но все тотчас узнали его и как-то сразу дали кличку Бочка.

– Я новый комендант, – отрекомендовался он, – а вот новый смотритель, – указал он на Проваторова, который до этого был помощником Гудзя и заведовал мастерскими.

Затем Яковлев прочел бумагу. Этот официальный документ должен был быть внушительным, но содержания в нем, можно сказать, не было никакого. Заключение хотели как будто ограничить в чем-то, лишить чего-то, вообще показать, что начальство накладывает на них кару. На деле же главным пунктом было, что ночью камеры должны быть освещены, а затем в камерах запрещалось иметь стеклянные пузырьки.

Попову было объявлено, что он на месяц лишается прогулки вдвоем, а на Фигнер никаких репрессий наложено не было; но без всякого подтверждения лишение переписки осталось в силе.

Товарищи ликовали, считая все дело ликвидированным.

Но ремонт старой тюрьмы продолжался и не переставал возбуждать толки и всевозможные догадки. Нет-нет да выплывало снова: «Веру уведут от нас». И было тягостно и неприятно, что нельзя отрицать эту возможность.

Однажды прошел шепот: «На двор старой тюрьмы жандармы носят тес и бревна: там что-то сооружают». И вдруг известие: Фроленко видел из окна, что жандармы тащили туда часть эшафота. Тюрьма переполошилась... «Надо проститься с Верой», – говорил Антонов.

В тюремной мгле все приобретает преувеличенные, искаженные очертания; жизнь полна призраков; у них она была вся сплошной призраком.

Опять неизвестность. Да, жандармы готовили эшафот, и неизвестно – для кого.

Если есть эшафот, будет и казнь. Кого же казнят? Для кого эшафот?

Неизвестность кончилась на заре с 3 на 4 мая, когда привезли того, для кого он готовился. Впоследствии они узнали, что это был Степан Балмашев...

Благодаря полной изоляции в первые годы администрации удавалось скрывать от заключенных процедуру казней. Но когда в 1902 году казнили Балмашева, события этого уже не смогли утаить.

До этого времени заключенные пользовались свободным доступом во все три двора и оба здания тюрьмы. Но тут им запретили доступ в старое здание и примыкающий к нему задний двор, где тотчас же начались какие-то спешные работы. От этого двора их отделяла только низкая тюремная постройка, так что все звуки происходившей там работы доносились до них совершенно отчетливо.

Каляева казнили не так близко от них. Они догадывались о времени казни, но никаких приготовлений к ней не видели. О казни Гершковича и Васильева они узнали только в Петербурге.

Но почему же все-таки конфликт разрешился мирным путем?

Надо ли говорить, что все волнения, последовавшие за экстравагантным поступком Веры Николаевны, особенно болезненно отразились на Морозове. Ведь они были друзьями с самой юности. В прежней жизни пути их постоянно пересекались и, наконец, сошлись в соседних камерах Шлиссельбургской тюрьмы. Ее жизнь была для него дорожкой своей и ее предстоящая казнь казалась ему и собственной моральной казнью, если он не использует всех возможных средств, чтобы ее спасти.

В ту страшную ночь он быстро и незаметно (башмаки свои он давно подклеил войлоком, чтобы его шаги не беспокоили соседку) почти до утра ходил из угла в угол своей камеры, обдумывая свои возможные действия. Было ясно, что единственное средство ее спасти – не допустить дело до военного суда, хотя бы против ее воли и даже помимо ее ведома.

У Морозова было большое преимущество перед большинством товарищей: благодаря его самообладанию у него никогда не было столкновений с тюремщиками. И он решил, используя эту свою особенность, составить послание в департамент, в котором представить поступок Веры Николаевны как результат происшедших перед этим тяжелых сцен. Надо было психологически грамотно составить документ: дать яркую картину предшествовавших событий, но, дойдя до их результата – срыва погон, – сразу остановиться, потому что это им и без того известно и напоминать не следует. Если послание в департамент не подействует и ее все-таки будут судить, он собирался попросить, чтобы его вызвали на суд свидетелем, а если откажут – разбить стекла в окнах своей камеры и кричать через них о том же.

6 марта 1902 года послание было готово. Морозов хорошо понимал, что Вера ни за что не допустила бы его подать такое заявление, пото-

му что она только желала ценой собственной гибели облегчить положение товарищей, обратив внимание на невыносимое в психическом отношении состояние их темницы. Он тоже не считал этот поступок нервным, но придавал ему такой характер только потому, что ни за что не хотел допустить ее гибели. Очень хотелось предварительно показать этот документ некоторым товарищам, но он чувствовал, что при том нервном состоянии, в котором находилась тюрьма, каждый стал бы требовать своей редакции, так что ничего не вышло бы, кроме нового сумбура. И автор решил взять все на свою личную ответственность, не припутывая к ней никого другого. Переписав черновик, он стал ждать приезда из Петербурга следователя по особо важным делам, чтобы подать ему заявление ранее, чем тот зайдет к кому-либо из товарищей. Его душевное состояние было в эти дни невыносимо как по причине ожидаемой казни Веры, так и потому, что ему всегда было противно делать какое бы то ни было обращение к начальству.

Узнав, что следователь приехал, он протянул в открывшуюся для раздачи ужина форточку камеры заявление и попросил смотрителя немедленно передать его по назначению. Тот очень неохотно взял бумагу и отступил за косяк двери.

Все находились в полном недоумении несколько дней: ни карцера, ни допросов, ни суда. И вот через неделю или около того к Морозову в камеру вошел комендант, один, без «архангелов», как узники называли обычно сопровождавших его жандармских унтер-офицеров, и, притворив за собою дверь, сказал примерно следующее:

– Я только что возвратился из Петербурга. Вы хорошо сделали, что написали свое заявление. Я и доктор горячо поддержали вас, чего не смогли бы сделать иначе, и потому следователь поехал обратно, не раздувая дело больше меры. Он передал ваше заявление товарищу министра, и тот постановил считать случившееся здесь не существовавшим.

– Значит, мою соседку не будут судить?

– Не только не будут, но даже и в карцер не посадят.

– Вы скажете ей это?

– Я не могу ей ничего сказать, раз сам факт признан не существовавшим. Но вы можете.

Комендант поклонился и вышел, а его собеседник остался в таком состоянии, которое нельзя передать никакими человеческими словами. Радость за Веру сменялась полным недоумением: как теперь быть, чтобы не обидеть ее?

На следующий день к нему в камеру зашел доктор и повторил почти все то же, что сказал комендант, прибавив, что ему поручено специально наблюдать за здоровьем №11 и делать ежемесячные доклады о ней для товарища министра. Николай Александрович, в свою очередь, стал советоваться с доктором, как ему лучше поступить.

– Самое лучшее, – ответил он, – не говорите ей ничего. Нервы здесь у многих расстроены, и самое лучшее для предотвращения эксцессов – это ожидание большой опасности. Я сам постепенно подготавливаю ее к этому.

Поразмыслив, Морозов решил оставить все это своей личной тайной. Позже он рассказал двум или трем из самых близких товарищей, что подал заявление о тогдашнем тяжелом моральном состоянии тюрьмы, а о подробностях его никто не спрашивал.

А вот какое впечатление тюрьма произвела на проводившего расследование полковника Каирова.

«Из донесения начальника штаба отдельного корпуса жандармов полковника Каирова 7 и 8 марта.

Содержание заключенных совершенно упростило характер одиночного заключения.

В 6.30 или 7 часов утра открываются все камеры. Арестанты выходят в галереи и сходятся между собой.

Потом идут на работы или на прогулки или остаются в камерах. В 12 часов камеры запираются, обед подают в форточку. Затем опять все идут либо на прогулки, либо на работы. Во дворе парники и кузница, в старой тюрьме плотницкие и столярные работы.

У заключенных по две камеры. Одна наверху, там живут. Вторая, внизу, для работы.

Выбор работы по усмотрению арестантов. Причем все ходят свободно и унтер-офицер их не сопровождает. На дворе, огороде и в старой тюрьме несколько унтер-офицеров за ними наблюдают. Работают до зажигания огня. (Летом до 9 часов.)

Заборы в загончиках старые, в щелях и частью решетчатые. Двориков для гуляния 18. В них плодовые деревья, ягоды, цветы. Топоры, ломы и прочее свободно переносятся из старой тюрьмы в новую. Вечером инструменты от арестантов не отбираются. Во время прогулок № 3 (Карповича, недавно помещенного в Шлиссельбург) вдоль забора стояли другие заключенные и с ним разговаривали. № 5 (Попов) в старой тюрьме заходит к нему в камеру для обучения ремеслу. А другие разговаривают через форточку. Перелезают через забор. После устройства кузницы арестанты наделали финских ножей, которые хранятся в камерах. Разноску чая и молока, уборку помещений производят рядовые пеший команды и без присутствия унтер офицеров. Карцера в тюрьме нет. Там библиотека. Дисциплинарным взысканиям заключенные не подвергаются.

Заключенные как волки смотрят на унтер-офицеров. На всякое замечания отвечают: дурак, болван, идиот, мерзавец. При более крупных столкновениях ругаются скверными словами. Старший помощник на жалобы отвечает: “оставь это, не обращай внимания”. Заключенные имеют газеты вообще за текущее время. “Петербург”, “Нива” тот же час по получении отдаются заключенным.

Некоторые требуют тушить на ночь свет. Двое закрывают окно одеялом. При заступлении на дежурство унтер-офицеры не знали, есть ли и живы ли заключенные. Старший помощник говорил, что все это вздор, куда арестант может деваться. За зажигание света в форточку в унтер-офицера Паулова бросили старую и чуть не выкололи глаз. Кроме электричества есть керосиновые лампы и у некоторых заключенных есть керосин в бутылках.

Никто из арестантов никогда не говееет.

Священник никогда не бывает.

№ 25 (Новорусский) в рабочей камере курит самокрутки и делает вино. В торжественных случаях арестанты пьют это вино рюмками. Один заключенный был пьяный. При обыске в 2-х пузырьках жидкость с запахом спирта и горит. Несколько бутылок с жидкостью красного цвета со слабым запахом спирта и ягод. По-видимому, вино. И банки, завязанные бумагой, где бродят ягоды черной смородины. Для выделения спирта устроен жестяной куб с жестяными и гуттаперчевыми трубками. Нагревают керосиновой лампой.

Найден большой пакет с хмелем, есть пузырьки с ядом, т.к. заключенные занимаются химией.

Довольствие 35 копеек. Меню обедов и ужинов составляют сообща арестанты на неделю. Суп с фрикадельками, рассольники, бульон с кулебякой. Шпигованное мясо с горошком и макаронами, что гораздо роскошнее меню унтер-офицеров. Не получают весь хлеб и не ужинают. А на сэкономленные средства покупают мопансье, шоколад, винные ягоды, изюм и т.д. На сэкономленные деньги № 11 (Фигнер) купила теплые чулки, теплые кальсоны, юбки и т.д.

№ 27 (Лопатин) держится особняком. А № 11 руководит общественным мнением. Ее приказаниям все подчиняется беспрекословно. Проявленные протесты по ее камертону.

Унтер-офицеры следят друг за другом, и они нравственно измучились от беспорядков в тюрьме. А начальство с улыбкой говорит, что высшее начальство это знает (про беспорядки). Боятся лишиться службы, а семей куска хлеба.

До полковника Обуха был полковник, а ныне генерал-майор Гангардт, человек крайне добрый и слабохарактерный, при нем ротмистр (ныне подполковник) Дубровин, большого характера и сильной воли, поддерживал режим довольно твердо. Но и при нем арестанты сходились на прогулке.

Нельзя было даже предположить, что арестанты из важнейших государственных преступников, которым содержанием в тюрьме заменили смертную казнь, могли содержаться так свободно и даже комфортабельно. Гангардта сместили за незаконное и беспорядочное содержание арестантов.

Главный виновник – нынешний ротмистр Гудзь. И делает это не по нерадению по службе. Он человек очень усердный, нелюдимый, не имеет никакого общения с товарищами, все время проводит в тюрьме. Его убеждения следуют из его собственноручного объяснения: “Государь Император даровал арестантам жизнь. Содержание их согласно инструкции было бы медленным умерщвлением арестантов, чему служит доказательством опыт прежних лет, когда арестантов содержали по инструкции. Они сходили с ума, покушались на свою жизнь, болели, совершали преступления. При моем же заведовании тюрьмой и установленном мной режиме ничего подобного не случилось, а, напротив, достигнуты прекрасные результаты. Арестанты пользуются хорошим здоровьем, преступления прекратились и, кроме того, арестанты научились многим работам и некоторые работы выполняют художественно и научно”. У него 6 детей. Полковник Обух считает его психопатом.

Причина беспорядков в следующем. № 5 (Попову) пришло письмо, но не было передано. № 5 волновался о матери и пытался передать через солдата, приносившего молоко, чтобы он передал записку в Ростов/Дон. С 1 марта меры ужесточились. В тюрьме нервная обстановка. Заключение не ходят гулять и на работы. № 11 решила сообщить о произволе властей в департамент полиции и написала в письме матери изложение происшедшего. Гудзь вернул ей письмо. И пригрозил вообще лишить переписки. Действовала не в порыве беспамятства, а расчетливо, чтобы привлечь внимание начальства. Считает, что лишение льгот сделано распоряжением коменданта, т.к. смотритель человек добрый, но безвольный и бесхарактерный. Дала письмо Гудзю. Тот принес правила, о чем можно писать, и отказался брать письмо. Фигнер: “Вы сами хотите мне воспретить?” И сильно взволновалась, а затем схватила за погоны и оторвала их. При расследовании № 5 просил, чтобы наказали только его, а товарищей не трогали...”

По этой докладной записке было принято решение, предписывавшее отстранить от должности полковника Обуха и ротмистра Гудзя. Подполковнику Яковлеву предлагалось: запретить общения в камерах друг с другом; прогулки и работы производить по инструкции; запретить выносить инструмент; отобрать ножи и финские ножи; контролировать работу кузницы; не позволять тушить свет; отобрать керосиновые лампы, стеклянные предметы и всякую жидкость; применять дисциплинарные взыскания.

27 марта был суд над получившим от Попова письмо солдатом Павлом Рыбалченко, 26 лет от роду, из крестьян Воронежской губернии, служившим с 6 ноября 1897 года. Его приговорили к 10 неделям

одиначного заключения и переводу в разряд штрафников с увеличением срока службы на 1,5 года.

Итак, согласно предписанию администрацию сменили, но инструкция не была восстановлена. В общем, все осталось по-старому. Мероприятия нового коменданта, направленные на ужесточение их либеральных прежних порядков, порой доходили до карикатурных форм. К примеру, Бочка распорядился надеть, как они говорили, намордник на маленькую железную печку, которая отапливала ванну: на бедную печку надели железный фригийский колпачок, чтоб воспрепятствовать узникам ставить на печку чайник. Важно было, что перестали давать газету.

Пожалуй, самым крупным покушением коменданта на льготы подопечных была попытка прекращения их «череззаборных» контактов.

Обычно в «клубе» занимались не только науками, но это было и место бесед на всевозможные злободневные темы, главным же образом по поводу различных административных новшеств или из области только что прочитанных журнальных хроник. Это называлось обменом новостями и часто переходило в прения, сопровождавшиеся галдением. И место это со временем стало называться не «клубом», а «толкучкой».

При всяком клубе полагается и буфет. Устраивался он и здесь, но в исключительных случаях, раза 3–4 в год, с крепкими напитками или без оных, смотря по существующей на данный момент строгости режима. Здесь были не редкостью безе или очаровательный и весьма живописный торт. Конечно, слухи о таких празднествах, вероятно, преувеличенные, доходили до департамента, и директор Зволянский с большим укором выговаривал в свое время смотрителю Дубровину: «Они там у вас целые фестивали устраивают!».

Модернизированные в целях общения заборы, очевидно, мешали крепко спать полковнику Яковлеву, как поклоннику старых традиций.

Ко времени его воцарения заборы уже порядочно подгнили, хотя стояли еще прочно на своих местах и простояли бы еще хоть 5 лет. Но новая метла всегда чисто метет, и потому решено было эти заборы заменить другими.

Известно, что всякая новая постройка для чиновников – чистая находка. Момент был очень удобен для того, чтоб не только организовать таковую, т.е. получить деньги, но и усердием в надстройке заборов доказать свое старание.

По привычке действовать тайно, не предупреждая заранее, точно готовил приятный сюрприз, в один прекрасный день весной 1903 г. Яковлев сломал заборы 7 и 8 огородов, которые отнюдь не требовали ремонта, и воздвиг на их месте другие, ровно в 2 метра высотой, уничтоживши решетку совершенно.

Заключенные предъявили ему коллективную претензию, и, должно быть, многие наговорили ему не очень лестных для него вещей. Как всегда, он обещал поехать в Петербург и хлопотать в их пользу. Оттуда он привез резолюцию – сохранить решетки, но не во всяком огороде, как было ранее, а через огород. Высота же заборов осталась, как он выстроил, в 2 метра. Благодаря этому у новых заборов решетка должна была начаться там, где у старых была верхушка всего забора.

Все было устроено как будто нарочно для того, чтобы доставить узникам побольше неудобств. Подняться выше, до возможности говорить опять сквозь решетку, было нетрудно, хотя бы для этого понадобилось делать специальные лестницы. Но пользоваться этим приятно, свободно и с комфортом было уже невозможно. Притом же стоять и говорить было легко еще в ясную погоду, а в дождь общение должно было прекращаться, потому что навесы по требованию Яковлева они должны были устроить ниже решеток.

Яковлев, конечно, понимал это. И потому, затруднив насколько возможно, пользование решетками (может быть, для уничтожения «фестивалей»), он все же не запрещал цепляться за них подобно акробатам и делать для этого кой-какие передвижные и переносные приспособления.

Тогда же, под горячую руку, он обещал и понизить только что повышенные заборы. Шутники острили по этому поводу, что перед манифестом нарочно повысили заборы, чтобы иметь возможность «даровать» им что-нибудь после манифеста.

С конца 1902 года и до массового освобождения число обитателей старой тюрьмы непрерывно возрастало в той же пропорции, в какой убывало в новой. В «Сарае» устроили жилые камеры, провели электричество, телефон и постепенно заселили его.

Они догадывались об этом по разным приметам, но главным доказательством служило то, что мимо их окон туда проносили пищу из общей кухни.

Скоро они научились не только узнавать, что в Сарае имеются заключенные, но и определять даже число их.

В течение этих трех лет в Сарае сидело всего шесть человек, но двое были увезены еще до конца первого года. Двоих потом перевели к ним, а последние двое только после их освобождения были заключены в новую тюрьму.

Анализируя моральную атмосферу, в которой им приходилось жить все годы заточения, Николай Александрович отмечал, что помимо воя и душераздирающих песен сумасшедших товарищей, помимо истерических припадков то одного, то другого из особенно нервно настроенных людей, на которых несколько раз с топотом и криками жандармы

надевали смирительные рубашки, а запертые за железными дверями товарищи не могли им помочь, было общее ощущение какого-то тайного предательства или чьей-то крайней неосторожности. Со временем это ощущение стали связывать со Стародворским.

Николай Петрович Стародворский в тюрьму попал двадцати четырех лет. За его плечами было много дел, но судили его как одного из убийц жандармского подполковника Судейкина, проводившего операцию по внедрению в среду партии «Народная воля» ряда провокаторов (идейных агентов, как называли их в охранке). Отношения между Морозовым и Стародворским были натянутыми после одного случая.

В последнее десятилетие жизни в Шлиссельбурге Николая Александровича поражало то обстоятельство, что все разговоры, которые вели заключенные, становились известны коменданту. И поэтому, чтобы никого не подводить, он решил никогда не называть источник новостей, которые ему удавалось узнать. Так было и в тот раз. По решению доктора Морозову давали на ужин пару яиц. Как правило, они были завернуты в обычную бумагу, но в тот раз подали яйца, завернутые в газету, где сообщалось об убийстве Балмашёвым министра внутренних дел Сипягина (1902 г.). Разумеется, он не мог удержаться и показал этот отрывок друзьям, но просил, чтобы его в тот же день вернули. А чтобы сразу предупредить все расспросы друзей, сказал, что нашел газету у стены во время прогулок. Вскоре листок вернули и Морозов его уничтожил, но на следующий же день к нему подошел Стародворский с вопросом, где конкретно была найдена бумажка. Уступая напору, Николай Александрович рассказал какую-то более-менее правдоподобную историю о том, как и где был найден обрывок. И результаты этих расспросов были налицо: часового, который курсировал по стене, перевели в другое место, а яйца стали давать вообще без бумаги. С этого времени Морозов заметил, что за ним стали усиленно следить. Он почувствовал инстинктивное недоверие к Стародворскому за его любопытство и стал с ним очень осторожен в разговорах.

История со Стародворским имела продолжение. Морозов, выписывавший английский журнал «Знание», прочитал там объявление про стереотипные снимки сцен войны между Россией и Японией. Значит, началась русско-японская война, о которой, естественно, заключенным ничего не сообщали! Николай Александрович переписал текст по-русски, а страницу с объявлением вырвал и уничтожил. Потом он сообщил эту новость товарищам, сославшись на подслушанный разговор между жандармами. Эта предосторожность была сделана для того, чтобы не запретили журнал, из которого, помимо подобных новостей, он черпал много сведений, нужных ему для научной работы. И опять Стародворский пристал с расспросами, пытаясь узнать подробности о том, где и каким образом Морозову удалось узнать эту новость. Это

уже перевело подозрения Николая Александровича в уверенность. И когда недели за две до освобождения Стародворский стал его выпрашивать, что бы он стал делать, если бы в случае освобождения к нему пришли бывшие товарищи и предложили снова принять участие в революционной деятельности, Морозов не стал с ним откровенничать и сказал, что решил заниматься наукой и отказался бы наотрез. Хотя в душе он считал, что заниматься наукой и не бороться за гражданские свободы невозможно, но догадывался, что его ответ будет вскоре доведен до сведения полиции. Тем более что Стародворского, как он сам сообщал, уже дважды возили в Петербург, где он подал прошение определить его в действующую армию и отправить в Маньчжурию. Все эти события не способствовали созданию между ними дружеских отношений. И, как оказалось, не без оснований.

А теперь сухая статистика⁵.

Число поступивших в Шлиссельбург с 1884 по 1905 год определяется в 66 человек. Но если не считать тех, что привозились для казни и для отбывания краткосрочного наказания, число это сведется всего к пятидесяти.

С августа 1884 года по январь 1906 года в Шлиссельбургской крепости:

– казнены 11 человек: Н.М. Рогачёв и А.П. Штротберг (1884), А.И. Ульянов, В.С. Осипанов, П.Я. Шевырёв, В.Д. Генералов и П.И. Андреюшкин (1887), С.В. Балмашев (1902), И.П. Каляев, Г. Гершкович и А. Васильев (1905);

– за протест против невыносимого режима расстреляны 2 человека: Е.И. Минаков (1884) и И.Н. Мышкин (1885);

– умерло от цинги, чахотки и др. болезней 15 человек;

– покончили с собой 3 человека: М.Ф. Клименко (1884), М.Ф. Грачевский (1887), С.Л. Гинсбург (1889).

Всего кончили жизнь в тюрьме 31 человек.

Сошли с ума и увезены 5 человек.

Покончили самоубийством после освобождения 4 человека.

Двадцать четыре человека, которым посчастливилось в большей или меньшей степени сохранить свое здоровье, были освобождены из Шлиссельбурга в следующем порядке:

После 1 года заключения и меньше – 2

После 2 лет заключения – 1

После 4 лет заключения – 2

После 10 лет заключения – 2

После 12 лет заключения – 3

После 14 лет заключения – 1

После 18,5 лет заключения – 6

После 20 лет заключения – 4

После 21 года заключения – 3

Сроки эти относятся исключительно к пребыванию в Шлиссельбурге. В действительности каждый сидел уже раньше в какой-нибудь другой тюрьме. Так, Н.А. Морозов, каким-то чудом высидевший в Шлиссельбурге 21 год, фактически провел еще до Шлиссельбурга в одиночной камере около 6 лет своей жизни.

Жизнь во Вселенной

А чувствовал ли Николай Александрович эти прошедшие годы?

Внешне в нем не было ничего болезненного. Он даже выглядел моложе своих лет, только был очень худ – совсем не накопил жиру. Седых волос, в общем-то, не было. Но они как-то странно вели себя в бороде: при жизненных неурядицах появлялись, но стоило провести некоторое время в покое, и они исчезали, причем не выпадали, а просто перекрашивались, он неоднократно это наблюдал.

Тюрьма бедна впечатлениями, и поэтому Николай Александрович чувствовал себя человеком, у которого как бы вырезали весь средний возраст, и он переживал лишь то, что подарила ему молодость. У него не было желчности, раздражительности и нетерпимости к чужим мнениям, характерных для утомленных жизнью людей. Он считал, что душевное настроение человека зависит не только от окружающей его обстановки – человек носит его в своей собственной душе, и кто по природе склонен к унынию, кто думает только о самом себе, тот будет несчастлив, где бы он ни был и с кем бы он ни был.

Кроме того, Морозов обладал счастливой в его положении способностью забывать обо всем окружающем, когда читал интересную книгу, думал или мечтал. А это бывало почти каждый день, так что взор его всегда был направлен куда-то в отдаленное пространство и время и почти не замечал, что у него под ногами. Вспоминая впоследствии это время, Николай Александрович говорил: «Я сидел не в крепости, я сидел во Вселенной...»

Раз как-то, открыв книгу по географии, он увидел в ней картинку островка Руссо при выходе Роны из Женевского озера, где под памятником этого великого писателя не раз сживал с книгой в руках, на скамеечке, в тени плакучих ив... От одного вида этой картинке так и повеяло чем-то близким и родным, и он чуть не целую неделю мечтал о прошлом, позабыв свои ежедневные дела и все окружающее... Потом приходилось встречать в иллюстрированных журналах то ту, то другую картинку местностей, где он когда-то жил, а здесь видел во сне: Роше-де-Нэ, Дан-дю-Миди, Граммон или вершину Салева над Женевой, совершенно в том же виде, как они представлялись из окон его жилищ в Кларане или Женеве.

Он и раньше не любил много говорить, так как был сдержан и застенчив, а уединенный образ жизни привел к тому, что он вообще отвык говорить. Но, как это ни удивительно, это ему не мешало думать и писать. В разговоре же слова, в которых он нуждался, не спешили приходиться ему на помощь. Когда после равелина ему довелось разговаривать с товарищами по прогулкам, он не узнавал свой голос.

Распорядок дня Морозова был такой. Просыпался он довольно рано, часов в 7 утра, но некоторое время валялся в постели и мечтал. Перед обедом довольно много гулял. Обедал плохо, едва съедал половину из-за отсутствия аппетита. После обеда сразу же принимался за научные занятия, а иногда ходил в переплетную мастерскую и переплетал книги для библиотеки или для себя. Это ремесло он изучил достаточно сносно. Когда же сильно переутомлялся от занятий наукой, то просто читал или приводил в порядок свои коллекции.

Работал он обычно за сделанной для него этажеркой, а читал лежа. Работать приходилось в очень сложных условиях. Из-за отсутствия под рукой таблиц и справочников приходилось самому производить много расчетов, а чтобы не потерять нить вычислений, он вынужден был заниматься этой работой до недели, исписывая цифрами и преобразованиями страниц до двадцати, а потом сводя все на одну страницу. К концу подобной работы голова готова была лопнуть, а бросить и отдохнуть он не мог – иначе пришлось бы все начинать сначала. Он до того изматывался, что начинал путаться в элементарных вещах – умножая 5 на 5, например, получал 45. Но при проверочных вычислениях эти ошибки быстро всплывали.

В это время появилась одна его странная способность. После того, как вычисления были закончены, ему вдруг приходило в голову, что этот результат можно было бы получить другим, более простым способом. И он сразу же начинал все проделывать по-новому, естественно, получая тот же результат.

Чему же были посвящены его занятия? В основном изучению естественных наук. Несколько лет он занимался астрономией. Конечно, без телескопа, по одним книгам и атласам. Это было не очень трудно, так как до заключения он имел небольшую зрительную трубу и столь тщательно с ее помощью изучил небо, что все северные созвездия прочно врезались в память, и теперь, наблюдая звезды в окно, он без труда их узнавал. По звездам он определял, когда наступит то или иное время года. Появление желтой звезды Арктур было вестником близкой осени. Затем к нему в окно заглядывали другие звезды, спеша предупредить о новых изменениях в природе.

Когда появились огороды, он специально занялся ботаникой. Для своих ботанических упражнений развел небольшой садик, в котором высаживал редкие сорта цветов. Зимой работал с гербарием, где было

собрано около трехсот видов растений. Но его основным занятием вскоре стала химия.

На заработанные деньги удалось приобрести хороший микроскоп, а с помощью врача – получить химические реактивы. Так как препаратов было мало, то, занимаясь химией, он наблюдал реакции под микроскопом.

Николай Александрович знал, что если хочешь чему-нибудь научиться – надо начать преподавать это. И он стал преподавать практическую химию товарищам. Они даже изготавливали динамит, правда, в гомеопатических дозах и, конечно, не для взрывов, а для изучения такого типа реакций.

Кроме того, для поддержания себя в форме в смысле знания основных иностранных языков – французского, английского, немецкого, итальянского и испанского – он начал преподавать их товарищам по методике, которую он освоил в свое время в Доме предварительного заключения. (Знание языков ему было крайне необходимо, так как приходилось пользоваться литературой на том языке, на котором удавалось достать.) Согласно этой методике сначала изучаются основные грамматические правила, а затем читаются интересные книги на этом языке. Все непонятные слова и выражения преподаватель по ходу дела пояснял. Таким образом удавалось освоить языки достаточно быстро.

На свободе он не имел, к сожалению, возможности получить систематическое образование. Он бросался от одной науки к другой, не освоив достаточно глубоко предыдущую. Он спешил, зная, что времени для учения отпущено мало. И вот теперь все, что удалось узнать на свободе, стало бесценным сокровищем, так как при размышлении над различными научными проблемами не было возможности заглянуть в какое-либо справочное издание для получения нужной информации. Опираясь на все свои знания, он пытался вывести недостающие сведения. Но это означало, что посреди размышлений по химии нужно было бросить их и заняться физикой, а потом бросить физику и перейти к математике, когда же в математике получены нужные данные – вернуться к физике, дойти там до необходимого результата и лишь после этого длительного путешествия вновь возвратиться к своим прерванным размышлениям по химии. Иногда путешествия в сторону от основной идеи продолжались годами. Правда, в результате таких экскурсов появлялись новые научные работы, содержащие большое количество оригинальных результатов. С одной стороны, это было плохо, так как отдалало решение основной проблемы. С другой стороны – очень хорошо, так как решаемая проблема понималась более глубоко, обнаруживались в более явном виде различные связи между, казалось бы, разными науками. Ярче выявлялось то обстоятельство, что мир един и, обнаружив закономерности где-то в одном месте, можно быть уверенным, что такие же должны существовать и в другом. Такой подход

становился постепенно стилем мышления ученого. А здесь, в тюрьме, он был прежде всего ученым...

Главная научная проблема, которая его тогда волновала – проблема строения вещества. Как устроено вещество, есть ли первокирпичики, из которых все сложено? Морозов очень долго подходил к этой проблеме, пока она не была сформулирована окончательно. Началась ее разработка.

Ключ к решению оказался очень неожиданным. Он лежал в органической химии. А что, если попробовать классифицировать различные карбогидриды, чтобы построить некоторое подобие менделеевской таблицы, но только для углеводородов? И совершенно неожиданно ему это удалось. Удалось создать периодическую таблицу карбогидридов, удивительно похожую на менделеевскую таблицу химических элементов. Но ведь карбогидриды – это составные вещества. Все они сложены из различного количества углерода и водорода. Углерод и водород... А нет ли таких же элементарных составляющих, из которых сложены все химические элементы?

И вот он занялся поиском возможных схем строения атомов. Решение этого вопроса очень важно для всего естествознания. Оно позволяет проследить эволюцию вещества от самых простых форм до самых сложных, а возможно и получить новый источник энергии – атомный. Последнее же может облегчить труд человека и сделать его существование более легким и более счастливым.

Роль естествознания в жизни человека осознавалась Николаем Александровичем всегда, и это была одна из причин, по которой он в молодости бросался от одной естественной науки к другой и снова возвращался к первой. Ему всегда казалось, что наиболее интересное заключается именно в том, с чем он еще не успел познакомиться. И наивысшим счастьем для него было преодолевать трудности в овладении любимым предметом. Например, когда он с помощью Манучарова понял, наконец, значение значка интеграла, наводившего на него до этого некоторый суеверный трепет, то пришел в такой восторг, что схватил товарища за руки и начал с ним вертеться и скакать по камере, как сумасшедший. Но с 1892 года он старался отдавать все время только одному предмету – строению вещества. И лишь перешагнув в новый век, он сумел довести этот титанический труд до конца.

Правда, очень часто приходилось отвлекаться на другие предметы, на первый взгляд – посторонние, но на самом деле имеющие отношение к рассматриваемому в данный момент, а также выполнять различные просьбы товарищей. Так, по просьбе В.Н. Фигнер он начал писать воспоминания о своем детстве. Для развлечения товарищей написал серию рассказов, названных им «Научные полуфантазии», в одном из которых описал путешествие шлиссельбуржцев... на Луну. Кроме чисто развлекательных вещей это произведение содержало и некоторые

научные идеи. В одном рассказе автор высказывал идею о метеоритном происхождении лунных кратеров, что впоследствии подтвердила и наука, в другом размышлял о размерности пространства, об эрах жизни... Он написал для друзей элементарный учебник высшей математики для начинающих и трактат о векториальной алгебре. Наконец, разработал нужный ему для работы метод — качественный физико-математический анализ. Это был новый метод обработки физических результатов чисто математическим путем. Его «Основы качественного физико-математического анализа» — по сути дела, одна из первых в мире книг по анализу размерности и получению с его помощью большого количества новых результатов. Правда, издана она была тогда лишь в одном экземпляре и имела лишь десяток читателей.

Однажды в Шлиссельбург прислали календарь Демчинского, где был очень забавный график. На нем черные линии указывали «вероятные» состояния термометра и барометра по состоянию погоды за прошлые зимы. А красные точки, разбросанные в разных местах, обозначали дни, за погоду в которые автор вполне ручался, так как в эти дни на протяжении многих лет погода была одна и та же, поэтому автор и называл их «узлами погоды». Этот график очень заинтересовал Морозова, хотя он и не принадлежал к огородникам, для которых был составлен календарь. Он знал, что еще шестьдесят лет назад знаменитый французский астроном Араго пробовал найти зависимость между погодой и фазами луны, но у него ничего не вышло. Эти же идеи лежали и в основе календаря Демчинского. Там дни во все года отсчитывались от первого весеннего полнолуния. При сравнении графика с реальной погодой оказалось: что ни предсказание — то ошибка. Чтобы утешить и немного развеселить друзей, пострадавших от неверных прогнозов, Морозов сочинил стихи:

Лед идет, и холод свинский,
Тучи мрачны, ветры злы,
И сбежал домой Демчинский,
Растеряв свои узлы.

Когда работа по строению вещества подходила к концу, Николай Александрович столкнулся с вопросом: почему Земля, Солнце и другие светила не испытывают сопротивления своему движению в световом эфире? Ему удалось вывести аналитические формулы зависимости коэффициента сопротивления упругой среды от скорости движения в ней объектов и от плотности среды. Несмотря на, вроде бы, чисто теоретический интерес Морозова, его работа могла иметь пользу для артиллеристов, так как позволяла точно рассчитывать влияние атмосферы на летящие в ней снаряды. Получил он решение и для своей изначальной задачи — о влиянии упругой среды на движение планет. Это влияние оказалось очень малым, экспериментально обнаружимым лишь за миллионы лет.

В это же время он написал работу по теоретической биологии, в которой с помощью математических построений выяснил вопрос влияния различных факторов на эволюцию организмов.

И наконец, написал книгу об истории создания «Апокалипсиса». Основные вопросы на эту тему были им решены еще в Алексеевском равелине, но надо было зафиксировать это на бумаге, проверить вычисления. И вот, наконец, это было сделано.

Но для чего он столько работал, неужели для того, чтобы его труды остались узниками вместе с ним? Нет, надо что-то предпринять, чтобы о них узнали на свободе, пусть даже без фамилии автора. Ведь, в конце концов, главное – не кто автор, а о чем работы... И он стал ходатайствовать о разрешении переслать их на рецензию ведущим ученым России, чтобы, если в них содержится что-то интересное, об этом стало известно на воле.

И вот однажды крепость посетил с инспекцией жандармский генерал А.М. Пантелеев – сухой и довольно живой старик. Он заинтересовался научными трудами Морозова и пообещал оказать содействие в передаче его работы «Строение вещества» на рассмотрение и отзыв химикам. Окончив разговор о научных проблемах, Пантелеев решил выяснить, как изменились политические воззрения Морозова после стольких лет заключения:

– Вы боролись против самодержавия, но ведь теперь оно крепче, чем когда бы то ни было?

– Пусть Ваше мнение таково, но я остаюсь при убеждении, что только политическая свобода даст России возможность развиваться и процветать, – даже ради своих научных трудов Николай Александрович не хотел кривить душой.

Генерал был явно недоволен ответом, но рукопись все же взял с собой. Правда, передал ее на отзыв не Бекетову, как просил Морозов, а Д.П. Коновалову. Бекетов был на плохом счету у Департамента полиции, в то время как Коновалов усердно поддерживал политику царского правительства. Будучи директором Горного института, он вел решительную борьбу с прогрессивным студенчеством. Но вместе с тем это был прекрасный химик, широко известный в России и за рубежом. Он являлся ярким сторонником идеи о неразложимости атомов – основных элементов химии.

В скором (по меркам тюрьмы) времени – приблизительно через год – пришел отзыв Коновалова. Там отдавалось должное эрудиции автора, но отвергались все его научные выводы. Не последнюю роль в этом сыграли собственные взгляды рецензента на этот предмет и на то место, откуда была прислана работа. Скорее всего, работа внимательно не читалась, так как рецензенту показалось, что там опровергаются все основные понятия, установленные в химии со времен Лавуазье, о

непревращаемости элементов. А тут пахивает алхимией, псевдонаукой, значит, и вникать в суть не стоит – просто этого не может быть, и все. В конце отзыва Коновалов так прямо и написал, что просит его извинить за то, что уделил мало времени рукописи, так как ежедневная научная работа приучает оставлять в стороне все субъективное, т.е. еще не доказанное никаким опытом. (А какие опыты мог поставить в тюрьме Морозов?) И поэтому по данным вопросам каждый может оставаться при своем мнении. Вот так. Плоды его многолетнего труда опять вернулись в тюрьму отбывать вместе с автором бессрочную каторгу.

Казалось бы, руки должны были опуститься. Но Морозов продолжал работать в своем привычном ритме. Каждый день он писал часа по два-три. Это была, как правило, оригинальная работа, так как Николай Александрович считал, что он изучил предмет, если может изложить его по-своему на бумаге. Поэтому в его записях почти никогда не встречаются выписки из чужих работ, а излагается свое понимание вопроса. У Лукашевича, например, наоборот – сначала шли выписки нужных мест из работ разных авторов, а затем уже их обобщение и свои результаты. Но это не значит, что Морозов пренебрегал уже накопленным научным знанием.

После выхода из Шлиссельбургской крепости учеными в полном смысле этого слова, оставившими след в науке, стали Н.А. Морозов и И.Д. Лукашевич. М.В. Новорусский стал признанным специалистом музейного дела.

Определенное влияние на Николая Александровича оказало общение с Лукашевичем. Как-то Лукашевич сказал Фигнер: *«У Морозова есть гениальные догадки, как они были у Фарадея, и для науки он мог бы сделать тем же, чем был Фарадей».*

Сам Иосиф Дементьевич работал в Шлиссельбурге над огромным трудом «Элементарные начала научной философии». Он объяснял, что чем шире становился его кругозор, тем менее вырисовывалась возможность уложить его сведения в рамки какой-либо из существующих философий, и у него постепенно созрела мысль попытаться самому синтезировать знание. Это и побудило его написать курс научной философии. Общий план его сочинения (по духу наиболее близкий к системе Спенсера и Огюста Конта) был таков:

Том I. Общие начала философии.

Том II. Общий обзор точных наук.

Том III. Неорганическая жизнь Земли.

Том IV. Органическая жизнь Земли.

Том V. Отправления нервной системы (психология).

Том VI. Учение об организованной деятельности.

Том VII. Учение об обществе (социология).

В Шлиссельбурге он подготовил к печати три тома: III, IV и V, а остальные — в виде отдельных глав или частей. Опубликован был лишь

третий том в трех частях (1908, 1909, 1911 гг. – всего 1173 страницы). За первую часть Лукашевич получил Большую серебряную медаль Русского географического общества и малую премию Ахматова Российской Академии наук.

Лукашевич и Морозов в чем-то были похожи. Но при этом первый поражал своей точностью и определенностью, а второй был очень эмоциональный и увлекающийся.

Оба исключительно разносторонние, философски и математически мыслящие, они были, вместе с тем, характерными представителями «романтизма» и «классицизма» в науке. Это отразилось даже на их талантах в искусстве: Морозов писал беллетристику и стихи, Лукашевич был почти единственным в тюрьме, кто избежал этой страсти, но он был художником. Эта область искусства более «классическая».

Когда разрешили переписку с родными, сработал старинный рефлекс, не выбитый тюрьмой – любовь к палеонтологии. Морозов помнил, что из-за осушительных мероприятий, проведенных в усадьбе, по весне вода, собранная обводными каналами, шумным потоком текла по склону к реке и вырыла довольно большой овраг. Этот овраг, по его предположениям, должен был постепенно расширяться, и при этом из грунта должны вымываться различные окаменелости, которые могут иметь значение для геологии Мологского уезда. И Николай Александрович попросил брата Петра, увлекавшегося поэзией и естественными науками, обратить на них свое внимание и сообщить о результатах этих изысканий, чтобы он мог проверить некоторые свои соображения по этому вопросу.

Много внимания он уделял различным классификациям. И постоянно их повторял. Так, занимаясь гимнастикой, он не делал простой отсчет – раз, два, три, а повторял названия химических элементов в рядах периодической таблицы. Или повторял созвездия в определенной последовательности. Или названия минералов, относящихся к тому или иному классу кристаллических структур. Или какие-нибудь математические формулы и т.д.

А гимнастике и занятиям физкультурой он уделял много времени, так как постоянно болел. Как он сам говорил, смертельных болезней у него не было, а что касается несмертельных, то их было очень много. Было и ежедневное кровохарканье на протяжении многих лет, и три раза цинга, и бронхиты каждую весну и осень, всевозможные хронические катары, грудная жаба. В 1895 году он сильно болел ревматизмом в ступне правой ноги. Перепробовав все лекарства и не получив облегчения, решил лечить себя сам: каждое утро, встав с постели, минут пять вместо гимнастики танцевал мазурку. При этом было такое чувство, будто бьешь босой ногой по гвоздям, особенно когда надо по ходу

танца пристукивать ею, но зато недели через две ревматизм был «выбит» полностью.

Жизнь в движении. Эту истину Морозов не просто понял – она его спасла. По воспоминаниям товарищей, среди ничем не нарушаемой тишины из камеры Морозова доносился дробный шум. Это он бегал, словно белка в колесе. Он установил для себя твердое правило ежедневно проходить по камере определенное число верст, постепенно увеличивая нагрузку. (Фигнер, которая делала в день по камере по 10 верст, считала, что ей до Морозова далеко.) И по выходе на волю Морозов уже не мог обходиться без многоверстовых прогулок, как и без кусочка черного хлеба с солью в завершение любого обеда. (Впоследствии по привычке он съедал его после самого изысканного десерта.)

От постоянной научной работы Николай Александрович часто переутомлялся, страдал бессонницей, головной болью. Тогда он на несколько дней прекращал всякие занятия, читал романы, занимался в огороде или в переплетной мастерской. Однако работать физически он долго не мог, так как страдал малокровием. От небольшой физической нагрузки перед глазами появлялись большие светлые пятна, которые через некоторое время проходили. Очень часто начинались сильные сердцебиения, и тогда он прекращал всякую работу. Малоподвижный образ жизни привел к ослаблению функций кишечника. Держался он, в общем-то, на постоянном приеме лекарств. Но при встречах с товарищами старался сохранять бодрый вид, чтобы не быть им в тягость.

Он всегда отличался плохим зрением, но здесь, в тюрьме, глаза стали совсем слепнуть. Спасибо Ювачеву – научил, как спасти остатки зрения – холодные ванны для глаз, ежедневно, без всяких пропусков. Холодные ванны для глаз он делал всю жизнь, до последнего дня, и глаза всегда сохраняли молодой блеск, составляя самую замечательную часть его уже немолодого лица.

В 1896 году он пробовал освободиться от обуви, прочитав в «Ниве» о придуманном Кнейпом способе закалять себя от простуды посредством хождения босиком. В «Ниве» была даже приложена картинка, изображающая компанию лиц обоего пола, весело путешествующих по траве и лужам таким первобытным способом. Ему показалось это забавным и понравилось – и вот, сбросив сапоги и засучив штаны до колен, он тоже принялся важно расхаживать по дорожке своей прогулочной клетки. Но, к большому огорчению, дня через три получил насморк и увидел, что такая система укрепления тела не для него. Кроме того, в первый же день получил визит от доктора, которому доложили, что Морозов сошел с ума.

В одном из годовых отчетов врача про Морозова было сказано следующее: «Арестант этот телосложения слабого, страдает абсолютной гипертрофией сердца. Всегда тих и спокоен. Любит очень лечиться...»

Еще бы не любить, не имея ни одного здорового органа! Но он поставил себе цель выжить и пока справлялся с этой задачей успешно...

В 1898 году доктор предложил Морозову время от времени взвешиваться. В первый раз оказалось, что в нем 3 пуда 20 фунтов (56 кг).

Николай Александрович вырос на природе и очень тонко ее чувствовал. В тюрьме, где все враждебно, наверное, единственным надежным предметом была природа. И здесь каждый, где бы он ни вырос, тянулся к ней.

Общий фон жизни в заключении – независимо от времени и места – это конвульсивная порывистость и, в большинстве случаев, потеря способности к самообладанию и продолжительному систематическому труду. Счастлив тот, у кого есть какие-нибудь определенные интересы, например научные, и возможность их удовлетворять, хотя бы отчасти!.. Отсутствие семьи, которая могла бы дать исход естественной потребности человека любить и охранять беззащитные существа, зависящие всецело от него одного, невольно вызывает у него всякие суррогатные увлечения. Один привязывается к голубям и радуется, когда они свивают у него гнезда в печурках камеры, хотя постоянное воркованье и мешает ему спать; другой разводит кроликов, которые поедают все им же самим посаженные в прошлом году кустарники и деревья; третий размножает кур и до того ухаживает за ними, что со стороны невольно кажется, будто не куры существуют для человека, а человек для кур... Все это понятно, и иначе быть не может... Людмила Александровна Волкенштейн, например, особенно бережно относилась к насекомым. На прогулке она внимательно смотрела себе под ноги, чтобы ненароком не раздавить паука или гусеницу. Как-то раз, найдя в камере клопа, занесенного, вероятно, каким-нибудь жандармом, она тщательно завернула его в бумажку и затем вынесла на улицу. Работая в огороде, отказывалась собирать обгрызающих малину гусениц и топить их в лейке.

У Морозова также было порядочно друзей из животного мира. Воробы, несколько галок и голубей не переставали навещать его на прогулках. Да вот еще хромая ворона прилетала по временам и просила себе чего-нибудь поесть. Зимой синичка забиралась на воротник его шубы и долго чего-то искала носиком у него за ухом, хотя никаких насекомых здесь, слава Богу, не водилось...

Однажды в начале зимы к нему в камеру забежала крыса, да так и прижилась. Морозов кормил ее с рук, и они очень подружились. Летом крыса переселилась в огород и радостно встречала своего приятеля, выходящего на прогулку. А когда у нее появилось потомство, она привела ему весь свой выводок для знакомства.

Потом он выкармливал вывалившуюся из гнезда ласточку, которую назвал Чика. Николай Александрович пришел к куртке специальный карман, в котором она и жила. Когда Чика немного подросла и ласточ-

ки, ее ровесницы, стали учиться летать, Морозов взялся обучать этому и свою воспитанницу. Он подкидывал слегка ее с ладони и ловил. Постепенно птица научилась владеть крыльями и стала летать, но она всегда возвращалась на зов: «Чика». Осенью она улетела, и когда весной ласточки вернулись, никто не откликнулся на зов: «Чика!» Может быть, она погибла, может, отвыкла – как знать...

Другим летом, в конце июня, буря принесла к ним новую воспитанницу, вторую Чику, на этот раз уже деревенскую ласточку-малютку, отличающуюся от городских ласточек тем, что у нее лапки не покрыты пухом. Эта Чика оказалась еще более ручной, чем прежняя.

После многочисленных опытов ежегодного воспитания крошечных ласточек, выбиваемых бурями из гнезд на окружающих бастионах, шлиссельбуржцы убедились, что для их полного приручения необходимо только очень много возиться с ними, отвечать на всякое их щебетание и самому заговаривать с ними, а так как у одного это отнимает массу времени, то новую Чику они передавали от одного к другому. Сначала ее приходилось кормить, насильно раскрывая ей клюв, потом уже, на второй или третий день, проголодавшаяся птичка начала брать еду сама. Для окончательного же приручения они приманивали ее к себе, держа муху на некотором расстоянии, а затем заставляли перелезть к мухе с одной руки на другую. В результате такого, найденного прежним опытом, способа получилось нечто поразительное. Она до того привязалась к ним, что предпочитала их общество даже компании своих подруг. Стоит только позвать ее: «Чика! Чика!», как сейчас же она спускалась из-под небес и начинала, как муха, кружиться вокруг головы. Даже и без зова она постоянно возвращалась полетать вокруг кого-нибудь из них. Если работали в огороде, то она садилась поблизости на верхушку первой воткнутой в землю палки и наблюдала с таким серьезным выражением, как будто вполне понимает дело. Если человек сидел и читал, она спускалась с высоты, садилась на плечо или на голову и смотрела оттуда, особенно за переворачиваемыми страницами, с самым серьезным и внимательным видом. По временам она любила и просто пошалить, если покажут ей муху, она вдруг делала вид, что муха ей совсем не нужна, вспорхнет и начнет махать крыльями перед нею, как бабочка перед цветком, вися в воздухе на одном месте, или вдруг принималась быстро кружиться перед лицом, не давая себя поймать. Но стоило только спрятать муху в кулак, как Чика сейчас же пугалась и сама садилась на руку.

Морозов с грустью думал о ее будущей судьбе. При таких привычках, проголодавшись где-нибудь во время перелета в Африку, она, того и гляди, сядет на голову к первому арапчонку и будет сцапана и привязана на нитку. Впрочем, в этом отношении она, кажется, имеет уже некоторую опытность, так как, видимо, остерегается всех посторонних

людей и даже птиц. Раз, при виде только что сделанного чучела галки, Чика мгновенно взлетела на воздух, закричав от страха каким-то совсем не птичьим голосом. Она исчезла во время неожиданных холодов, вдруг начавшихся в двадцатых числах августа. Верно, уже улетела в Африку!..

Весной 1903 года удалось раздобыть несколько лягушачьих икринок и вывести из них в глиняном тазу, на прогулке, несколько головастиков, а затем и настоящих крошечных лягушат. Было очень забавно, когда первый из них начал прыгать крошечными прыжками. Но, к сожалению, как только лягушата выскакивали из сосуда, они куда-то исчезали и больше не возвращались.

И только раз за все эти годы устоявшийся ритм жизни затворника был нарушен посланцами из другого мира людей.

В один июльский день 1904 года дверь камеры №4 вдруг отворяется, и комендант спрашивает:

– Не желаете ли видеть княжну Дондукову-Корсакову?

– Очень рад, – отвечает узник, стараясь ничем не обнаружить своего смущения от такой неожиданности. Но он до того одичал, прожив в заключении более половины своей жизни, что сердце так и застучало в груди. Он ожидал, что к нему войдет какая-нибудь из тех дам-патронесс, о которых он читал где-то в романах, и начнет задавать различные официальные вопросы, вроде «всем ли довольны», «хорошо ли с вами обращаются» и тому подобные слова и фразы, на которые он не мог бы даже ответить ей искренне, так как наиболее жалким делом считал жаловаться кому бы то ни было на свою участь. Но его изумление удесятирилось, когда вместо ожидаемой величавой фигуры с целой свитой таких же величавых спутников к нему вошла одна, и без всякого страха, замечательно милая и ласковая старушка и, протягивая руку, произнесла с улыбкой:

– Здравствуйте, Николай Александрович, а я много слышала о Вас от Ивана Павловича Ювачева. Помните его?

От всего этого сразу повеяло чем-то давно забытым. Все его смущение мгновенно прошло, и он почувствовал себя с ней почти так же, как если б кто-нибудь из родных неожиданно явился к нему. Он усадил гостью в кресло, сделанное для него одним из товарищей, а сам поместился напротив, на табуретке...

Она сейчас же рассказала, что зовут ее Мария Михайловна, что ей семьдесят семь лет, и что с самого раннего детства завет Христа о «посещении больных, страждущих, пленных и заключенных в темницы» произвел на нее чрезвычайно сильное впечатление, так что она еще девочкой решила посвятить исполнению этой заповеди всю свою жизнь, и с тех пор делает в этом отношении все, что может. Затем разговор перешел на его личную, главным образом, внутреннюю жизнь

и на семейные обстоятельства, причем они рассуждали с ней обо всем, кроме политики, о которой ей, очевидно, было запрещено говорить с узниками... В религиозном отношении она поразила его своей терпимостью и много раз говорила, что не считает себя вправе обращаться в христианство иноверцев или неверующих, так как если они существуют, то, очевидно, настолько же нужны Богу, как и христиане.

Он почувствовал к ней за это время большую симпатию, которой, конечно, и заслуживает человек, пожертвовавший всю свою жизнь на служение ближнему или на осуществление какой-либо великой и бескорыстной идеи. В молодости своей она была знатна и богата, и вдобавок еще, несомненно, красавица, потому что и до сих пор у нее чудные большие глаза, которые в молодости, наверное, были ослепительны. Перед ней была блестящая будущность и личное счастье, к которому стоило только протянуть руку, но она всем пожертвовала для того, чтобы отдать свою жизнь на служение евангельской заповеди о любви к ближнему. И она с тех пор, действительно, исполняет эту свою миссию с необычайным самоотвержением. Подумать только, что на семьдесят седьмом году своей жизни она нарочно жила здесь поблизости (в г. Шлиссельбурге, на южной стороне Невы) целую осень, ходила к узникам в дождь и непогоду, питаясь одним молоком и яйцами, так как никакой другой пищи ей не могли здесь приготовить. А сколько труда и хлопот, вероятно, стоило ей разрешение посещать тюрьму! Ничего этого она не рассказывала, да и о молоке и яйцах проговорила случайно, но это и так нетрудно представить! По-видимому, она же уговорила и петербургского митрополита Антония выхлопотать себе разрешение посетить узников во время объезда им своей епархии. Как бы то ни было, в один прекрасный день, после первых же посещений Марии Михайловны, и он вдруг побывал в тюрьме и, между прочим, «беседовал» и с Морозовым с четверть часа (об условиях их жизни в заключении), так как спешил побывать у других. Конечно, за такой короткий промежуток времени трудно познакомиться, но на Николая Александровича он произвел впечатление человека, по-видимому, с более широкими взглядами на сущность и значение религии, чем ему приходилось встречать ранее в духовной среде или составить себе понятие по проповедям, печатаемым в духовных журналах... Затем и тот, и другая исчезли с горизонта, и жизнь узников потекла по-прежнему... Для Николая Александровича – в ритме одного стихотворения, встретившегося ему в журнале «Слово», которое не раз приходило ему на память в его уединении:

Догорает свеча, догорает,
И другого источника нет!
Пусть мой труд остановки не знает,
Пока длится мерцающий свет!

Пусть от дремы, усталости, скуки
Ни на миг не потускнет мой взгляд,
Пусть мой ум, мое сердце и руки
Сделать все, что возможно, спешат,
Чтоб во сне меня мысль утешала,
Чтоб последняя вспышка огня,
Чтоб последняя искра застала
За работой полезной меня!
Чтоб, уйдя поневоле к покою,
Мог сказать я в тот горестный час,
Что умножил хоть каплей одною
Добрых дел моих скудный запас!

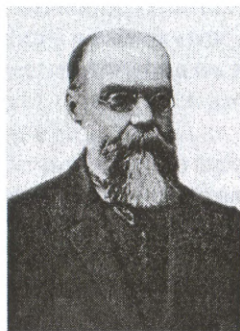
В. Фигнер

Л. Волкештейн

М. Грачевский

М. Ашенбреннер

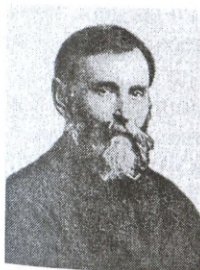
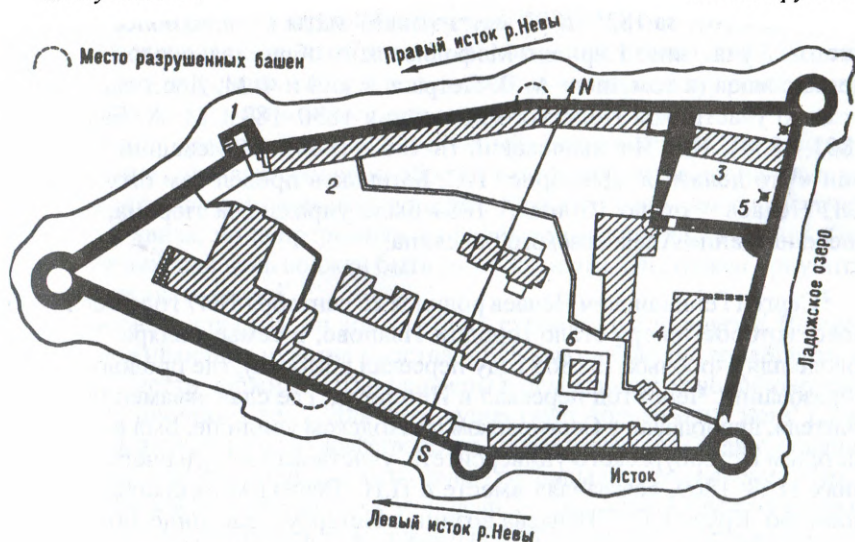
Г. Лопатин

И. Лукашевич

М. Новорусский

М. Фроленко

Шлиссельбургская крепость:

1. Государева башня
2. Солдатская казарма
3. Старая тюрьма
4. «Новая» тюрьма
5. Места казней
6. Братская могила русских воинов, погибших при штурме 1712 г.
7. Унтер-офицерская казарма

И. Ювачев

Примечания к третьей части

К главе II

¹ Алексеевский рavelин – укрепление позади крепостной стены на западной стороне Петропавловской крепости в Петербурге, заложенное в 1733 императрицей Анной Ивановной в честь деда – царя Алексея Михайловича. В 1797 по приказанию Павла I здесь была сооружена одиночная политическая секретная тюрьма – треугольное одноэтажное каменное здание на 20 заключенных. Режим в Алексеевском рavelине отличался особой жестокостью, рассчитанной на медленное уничтожение узников, большую часть которых составляли политические заключенные. В 1793 там был заключен Ф.В. Кречетов. За 1825–1884 через эти казематы прошло более 20 декабристов; 3 участника Кирилло-Мефодиевского общества; около 15 человек петрашевцев (в том числе М.В. Петрашевский и Ф.М. Достоевский); несколько участников Польского восстания 1830–1831; М. А. Бакунин (в 1851–1854); Н.Г. Чернышевский (в 1862–1864), написавший здесь роман «Что делать?». Декабрист Г.С. Батеньков провёл там около 20 лет, С.Г. Нечаев – около 10 лет. В 1884 была упразднена тюрьма, а в 1895 снесено здание Алексеевского рavelина.

² Сергей Геннадиевич Нечаев родился 20 сентября 1847 года в селе Иваново, которое теперь стало городом Иваново, в семье маляра. Учился в школе для взрослых. В 1865 году переехал в Москву, где продолжил свое образование. Через год переехал в Петербург, где сдал экзамен на звание учителя, преподавал в Сергиевском приходском училище. Был вольнослушателем Петербургского университета, участвовал в студенческих волнениях 1868–1869, возглавляя вместе с П.Н. Ткачевым радикальное меньшинство. Кружок С.Г. Нечаева возник в Петербурге в конце 1868 г., в атмосфере студенческих беспорядков, когда вновь активизировавшееся революционное подполье пыталось взять реванш за разгром, последовавший после выстрела Каракозова. В «Программе революционных действий», составленной при его участии, конечной целью студенческих движений провозглашалась социальная революция, намечавшаяся на весну 1870, и излагался план создания и деятельности тайной революционной организации. В числе практических мер, в частности, предусматривалось составление «Катехизиса революционера», который и был написан и отпечатан Нечаевым летом 1869 года в Женеве. Вот как он выглядел:

Катехизис революционера. Отношение революционера к самому себе

§1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§5. Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение – успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумоимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщенье. Революционерная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции

§8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой

степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

§11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем – с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношение революционера к обществу

§12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, товариществом не может быть решено иначе, как единодушно.

§13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором – все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои высшего и среднего сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократский, военный, в литературу, в третье отделение и даже в Зимний дворец.

§15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотплагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловерности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего, должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницею и сильною помощью для разных революционных предприятий.

§19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до нельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§20. Пятая категория – доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголящих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§21. Шестая и важная категория – женщины, которых должно разделить на три главных разряда. Одни – пустые, обесмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третью и четвертою категорию мужчин. Другие – горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего безфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории. Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу

§22. У товарищества ведь нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только

путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобличению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§23. Под революциею народною товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образу – движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низложением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений. Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-миroeода. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация, задача.

Лозунгом «цель оправдывает средства», положенным в основу «Катехизиса», Нечаев руководствовался с первых шагов революционной деятельности. В январе 1869, распустив ложный слух о своем аресте, он уехал в Москву, а в марте скрылся за границу. В Женеве, выдавая себя за представителя революционного комитета, якобы бежавшего из Петропавловской крепости, вошел в доверие к М.А. Бакунину и Н.П. Огареву. Вместе с ними развернул пропагандистскую кампанию на средства, выданные Огаревым, вопреки противодействию А.И. Герцена, из фонда, предназначенного для субсидирования революционной деятельности (так называемый «Бахметевский фонд»).

Возвратившись в сентябре 1869 в Москву, Нечаев представился доверенным русского отдела «Всемирного революционного союза» (не существовавшего), создал отдел тайного общества «Народная расправа», якобы имевшегося уже повсеместно. «Народная расправа» признавала конечной целью организацию «народной мужицкой революции». Столкнувшись

с недоверием и противодействием члена организации студента И.И. Иванова, обвинил его в предательстве и 21 ноября 1869 убил при участии 4 других членов. В конце ноября выехал в Петербург, где пытался продолжать деятельность по созданию тайного общества. 15 декабря 1869, в связи с начавшимися арестами, бежал в Швейцарию. Получив вторую половину «Бахметевского фонда», Нечаев опубликовал ряд прокламаций, обращенных к различным слоям русского общества. В 1869–1870 годах в Женеве С.Г. Нечаевым издавался революционный журнал «Народная расправа» от имени того же общества. Вышло 2 номера. В целях конспирации обозначено вымышленное место издания (№ 1 – Москва, № 2 – Петербург). Совместно с Огаревым издавал «Колокол» (апрель – май 1870, № 1–6).

Злоупотребление Нечаевым именем 1-го Интернационала вынудило Генсовет в 1871 официально отмежеваться от него. Теоретическая беспринципность Нечаева, его мистификаторские и провокаторские методы, разоблаченные при содействии Г.А. Лопатина, побудили Огарева и Бакунина порвать летом 1870 все отношения с Нечаевым. В сентябре 1870 он издал в Лондоне журнал «Община» (№ 1), затем, разыскиваемый агентами царского правительства, скрывался в Париже и Цюрихе, поддерживал связи с польскими бланкистами.

14 августа 1872 он был арестован в Цюрихе и выдан русскому правительству как уголовный преступник. Это было возможно потому, что в Петербургской судебной палате с 1 июля по 11 сентября 1871 проходил «Процесс нечаевцев». Это был первый в России гласный политический процесс. Наряду с членами заговорщицкой организации «Народная расправа», созданной С.Г. Нечаевым (сам он до процесса скрылся за границу), к следствию были привлечены лица, не разделявшие его взглядов и активно боровшиеся с ним. По делу проходили 152 чел., из них преданы суду 87, перед судом предстали 77 чел. (несколько человек умерли до суда, некоторые были освобождены на поруки и скрылись). Главным обвинением было участие в «антиправительственном заговоре». Опираясь на документы Нечаева («Катехизис революционера», фальшивый мандат агента 1-го Интернационала) и используя его уголовное преступление (убийство студента Иванова), царское правительство стремилось перевести этот процесс из политического в уголовный. Подсудимые осуждали нечаевские приемы борьбы и отстаивали свои революционные взгляды.

Главные обвиняемые: П.Г. Успенский, И.Г. Прыжов, Л.К. Кузнецов, Н.Н. Николаев были осуждены на каторжные работы от 7 до 15 лет; к ссылке в Сибирь приговорены 2 чел., к тюремному заключению от 7 дней до 1 года 4 месяцев – 28 чел., остальные оправданы.

8 января 1873 в Москве Нечаев был приговорен за убийство Иванова к 20 годам каторжных работ.

Заклучен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где в конце 1870-х гг. распропагандировал солдат караульной команды и подчинил их своему влиянию. В декабре 1880 установил связь с Исполнительным ко-

митетом «Народной воли», выдвинул план своего освобождения, от которого затем отказался, не желая отвлекать силы народовольцев от покушения на Александра II.

Умер в раверине 21 ноября 1882 года, обладая большим личным мужеством, фанатически преданный революционному делу.

³ Мирский Леон Федорович, кличка «Львов» (1859–1920). Бывший студент Медико-Хирургической академии. Арестован в 1878 г. в Киеве, 5 окт. переведен в Петропавловскую крепость, освобожден 10 января 1879 г. 13 марта 1879 г. совершил неудачное покушение на шефа жандармов Дренгельна. Скрылся. Арестован под фамилией Плетнева в Таганроге 6 июня 1879 г., оказал вооруженное сопротивление. СПб. военно-окружным судом 15–17 ноября 1879 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. С 28 ноября 1879 г. по 15 июля 1883 г. содержался в Алексеевском раверине. Выдал побег Нечаева.

К главе III

¹ Инструкция по управлению Шлиссельбургской тюрьмой.

Утверждена 4 августа 1884 года.

§ 4. Начальник управления обязан не менее одного раза в день обходить тюремные помещения и не реже одного раза в неделю посещать каждого заключенного.

§ 7. Старший помощник непосредственно и через дежурных унтер-офицеров имеет постоянный надзор над заключенными... Для предупреждения побега он ежедневно утром и вечером осматривает камеры, а равно подвергает по своему усмотрению камеры и самих заключенных внезапным обыскам.

§ 14. Врач представляет отчет начальнику штаба раз в месяц. 4 раза в год подробный отчет с надлежащими разъяснениями.

§ 24. У заключенных в камере должна быть кровать, стол, табуретка и кружка. На кровати днем они не имеют права валяться, а предметами пользоваться для разрушения.

§ 25. Проветривать камеры в любое время года.

§ 41. Ежедневно в положенные часы и установленным порядком заключенные пользуются в течение определенного времени прогулкой на воздухе поодиночке.

§ 42. Для заключенных, отличающихся хорошим поведением, допускаются следующие снисхождения: беседа со священником; занятия работами; пользование книгами из тюремной библиотеки; освещение камеры в неположенное время; в исключительных случаях прогулки с другими арестантами.

§ 47. Тюремная библиотека помещается в назначенной для того камере и находится в ведении старшего помощника начальника управления, который выдает из нее книги заключенным по мере надобности и с разрешения

начальника управления согласно § 42. Никто, кроме заключенных, пользоваться библиотекой не может.

§ 48. Первоначальный состав библиотеки и пополнение ее определяется Департаментом полиции.

§ 56. За дисциплинарные проступки предусматривается: лишение чая; лишение матраца на койке до пяти дней; заключение в тюремный карцер до пяти дней; заключение в темный карцер на то же время и содержание на хлебе и воде.

§ 57. За неоднократное повторение дисциплинарных проступков и за проступки вторичные наказание: заключение в темный карцер до восьми дней; заключение в темный карцер на хлеб и воду с наложением оков на восемь дней. В карцере спят на голых досках и лишаются чая.

§ 58. Когда проступок сопровождается особыми обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушитель может быть наказан розгами до пятидесяти ударов.

§ 64. В случае болезни наказание приостанавливается.

§ 65. За оскорбление действием начальства полагается смертная казнь.

§ 67. Врач через два дня на третий. В карцере раз в неделю, больным два раза в день.

Всего в инструкции 70 параграфов.

Подписана и.о. директора Департамента полиции П. Дурново.

² Инструкция. (Для заключенных в Шлиссельбургской крепости.)

§1. Заключенные подчиняются установленным в тюрьме порядкам, беспрекословно исполняют требования начальника управления, помощников его и дежурного унтер-офицера, должны быть всегда опрятными, беречь и держать в чистоте одежду, обувь и убирать свои постели. Заключенным воспрещается: шум, крик, пение, свист, разговоры и вообще действия, нарушающие спокойствие и благочиние в тюрьме.

§2. Для заключенных, отличающихся хорошим поведением, допускаются, с разрешения начальника управления, следующие снисхождения: беседа со священником, занятия работами, пользование книгами из тюремной библиотеки.

§3. Проступки, за которые определяются наказания, по распоряжению начальника управления разделяются на два рода: на дисциплинарные нарушения и на проступки, которые указаны в 803 ст. уст. о ссыльных.

§ 4. За проступки первого рода назначаются наказания:

1) лишение чая, 2) лишение матраца на койке до пяти дней, 3) заключение в карцере до пяти дней, 4) заключение в темном карцере на такое же время на хлебе и воде.

§5. За повторение проступков назначаются наказания: 1) заключение в карцере до 8-ми дней, 2) заключение в темном карцере на такое же время с содержанием на хлебе и воде с наложением оков.

Примечание. Подвергаемые заключению в карцере спят на голых досках. Заключение в карцере обязательно сопровождается лишением чая.

§6. Когда проступки сопровождались особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могут быть наказаны розгами до 50-ти ударов (ст. 225, XVII кн. воен. пост.).

§7. Взыскания, означенные в §4, влекут за собою лишение заключенных облегчений, поименованных в §2, на срок до одного месяца. Последствием наказания, определенного в §5, должно быть лишение этих облегчений на срок до трех месяцев.

§8. За преступления заключенные судятся военным судом, применяющим к ним постановления устава о ссыльных; за тяжкие же преступления, указанные в 279 ст. XXII кн. св. воен. пост., а также за оскорбление действием начальствующих лиц, суд применяет к ним меру наказания, этой статьей определенную — смертную казнь.

³Основные политические процессы 70-х – 80-х годов XIX в.

«Процесс 50-ти», процесс «москвичей», суд над участниками «Всероссийской социально-революционной организации». Проходил в Особом присутствии Правительствующего сената (Петербург) 21 февраля (5 марта) – 14 (26) марта 1877. «Процесс 50-ти» был гласным и публичным. Обвиняемые: С.И. Бардина, П.А. Алексеев, И.С. Джабадари, Г.Ф. Зданович, В.Н. Фигнер, В.С. и О.С. Любатович и др. Возраст большинства подсудимых 18–23 года. Первый в России политический процесс, на котором активно выступили рабочие (14 чел.) и женщины (16 чел.). Главное обвинение – участие в «тайном сообществе, задавшемся целью ниспровержения существующего порядка». Алексеев, Бардина, Зданович выступили с революционными речами. Центральным событием «Процесса 50-ти» была речь рабочего-революционера Алексева. Подсудимые не признавали себя членами какой-либо организации. Адвокаты выработали план защиты по соглашению с подсудимыми. Сочувственно к подсудимым выступили свидетели (главным образом рабочие). Речи Бардиной и Алексева были отпечатаны нелегально. Согласно приговору на каторгу от 3 до 10 лет осуждены 10 чел., на ссылку в Сибирь – 26 чел., на тюремное заключение и принудительные работы – 10 чел., на заключение в смиренный дом – 1 чел., оправданы 3 чел. Процесс привлек внимание передовой общественности в России и за границей. Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев оставили сочувственные отклики о «Процессе 50-ти»; Ф. Энгельс просил русских революционеров прислать статью о процессе и фото осужденных женщин для социал-демократической печати Германии.

«Процесс 193-х», «Большой процесс», суд над участниками «хождения в народ». Состоялся в Особом присутствии Правительствующего сената (Петербург) 18 (30) октября 1877 – 23 января (4 февраля) 1878. Наиболее крупный политический процесс в царской России. Главные обвиняемые: И.Н. Мышкин, Д.М. Рогачев, П.И. Войнаральский, С.Ф. Ковалик. По процессу судились также А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.А. Морозов,

М.П. Сажин, М.Ф. Грачевский, Л.Э. Шишко, М.Д. Муравский, Ф.В. Волховский, Л.А. Тихомиров, А.В. Якимова, М.В. Ланганс и др. Среди подсудимых было 38 женщин. Число арестованных по делу 193-х превышало 4 тыс. Подсудимые были участниками не менее 30 разных (главным образом пропагандистских) кружков. Однако почти все они (177 чел.) обвинялись в организации единого «преступного сообщества» с целью государственного переворота. Чтобы облегчить расправу над подсудимыми, суд разделил их на 17 групп для разбирательства дела. В ответ 120 подсудимых бойкотировали суд. Центральным событием «Процесса 193-х» была речь Мышкина, который обосновал революционную программу народников. Защитниками на суде выступали В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, П.А. Александров, Г.В. Бардовский, А.Л. Боровиковский, В.Н. Герард, Е.И. Утин, А.А. Ольхин и др. Они во многом содействовали увеличению политического значения процесса. Для поддержки обвинения были вызваны 472 свидетеля. Не в силах доказать сфабрикованное обвинение, суд вынес приговор очень мягкий сравнительно с тем, на который рассчитывало правительство: из 190 подсудимых (3 умерли во время процесса) 90 были оправданы и лишь 28 приговорены к каторге. Однако Александр II санкционировал административную высылку для 80 человек из оправданных судом. Перед отправкой на каторгу и в ссылку 24 осужденных передали на волю «Завешание» с революционным призывом. «Завешание» осужденных, речь Мышкина, отчеты о заседаниях суда стали оружием революционной агитации. Наряду с другими судебными процессами 1877–78 «Процесс 193-х» ускорил переход народников от анархистского аполитизма к политической борьбе с самодержавием. Материалы процесса (главным образом речь Мышкина) обошли мировую печать и возбудили интерес и симпатии широкой международной общественности к русскому освободительному движению.

«Процесс 28-ми», судебный процесс над революционными народниками. Проходил в Одесском военно-окружном суде 25 июля (6 августа) – 5 (17) августа 1879. Центральная фигура процесса – Д.А. Лизогуб. Подсудимые обвинялись в принадлежности к «социально-революционной партии» (кроме того, С.Я. Виттенберг и И.И. Логовенко – в «умысле на цареубийство»). Трое дали откровенные показания, остальные (в т. ч. 14-летняя В.Л. Гуковская) держались стойко, обличали «белый террор» царизма. Переданные на волю предсмертные письма Лизогуба и Виттенберга стали оружием революционной агитации. «Процесс 28-ми» вызвал широкий отклик в России и за границей. Приговор: смертная казнь – 5 чел. (Лизогуб, Виттенберг, Логовенко, И.Я. Давиденко, С.Ф. Чубаров), вечная каторга – 4 чел., каторга от 4 до 20 лет – 12 чел., ссылка в Сибирь – 7 чел.

«Процесс 16-ти», над членами «Народной воли». Состоялся в Петербургском военно-окружном суде 25–30 октября (6–11 ноября) 1880. Центральными фигурами процесса были член Исполнительного комитета «На-

родной воли» А.И. Зунделевич, А.А. Квятковский и С.Г. Ширяев. Вместе с ними судились Н.К. Бух, С.А. Иванова, А.К. Пресняков и др. Все подсудимые обвинялись в принадлежности к «Народной воле» (кроме того, Квятковский – в подготовке покушений на царя 2 апреля 1879 и 5 февраля 1880, Ширяев – в попытке цареубийства 19 ноября 1879 и т. д.). Подсудимые вели себя мужественно. Как выяснилось позднее, провокатором стал И.Ф. Окладский. Квятковский и Ширяев выступили с программными революционными речами. Согласно приговору на смертную казнь осуждены 2 чел. (А.А. Квятковский, А.К. Пресняков), на вечную каторгу – 4 чел., на каторгу от 4 до 20 лет – 6 чел., к ссылке в Сибирь – 4 чел. «Процесс 16-ти» вызвал отклик в России и за границей.

«Процесс 20-ти», суд над членами «Народной воли». Состоялся в Особом присутствии Правительствующего сената (Петербург) 9(21) – 15(27) февраля 1882. Самый значительный из народовольческих процессов. К суду были привлечены 11 членов Исполнительного комитета «Народной воли» (А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, Н.А. Морозов, Н.Е. Суханов, Н.Н. Колодкевич, А.И. Баранников, М.В. Ланганс, А.В. Якимова, М.Н. Тригони, Г.П. Исаев, Т.И. Лебедева) и 9 агентов комитета (Н.В. Клеточников, М.В. Тетерка и др.). Главным обвинением было участие в восьми покушениях на царя. Подсудимые вели себя мужественно и активно. Защита (В.Д. Спасович, П.А. Александров и др.) обличала «белый террор» царизма. В России и за границей (Англия, Франция, Италия) «Процесс 20-ти» вызвал оживленные отклики. Призыв В. Гюго «Цивилизация должна вмешаться!» заставил царское правительство заменить смертную казнь каторгой 9 осужденным (из 10), и только Суханов (как офицер) был расстрелян. Согласно приговору на смертную казнь осужден 1 чел., на вечную каторгу – 13 чел., на 20 лет каторги – 3 чел., на 10 лет каторги – 1 чел., на 4 года каторги – 1 чел., освобожден от наказания В.А. Меркулов (предатель).

«Процесс 17-ти», суд над членами «Народной воли». Состоялся в Особом присутствии Правительствующего сената (Петербург) 28 марта (9 апреля) – 5 (17) апреля 1883. К суду были привлечены М.Ф. Грачевский, Ю.Н. Богданович, А.П. Прибылёва-Корба, Я.В. Стефанович, П.А. Теллалов и др. Главное обвинение – участие в актах террора «Народной воли» (включая 4 покушения на царя). Все подсудимые держались стойко. Согласно приговору на вечную каторгу осуждены 7 чел., на каторгу от 8 до 20 лет – 7 чел., на ссылку в Сибирь – 3 чел.

«Процесс 14-ти», суд над членами «Народной воли». Проходил в Петербургском военно-окружном суде 24–28 сентября (6–10 октября) 1884. Центральным лицом процесса была В.Н. Фигнер – последний (в России) член Исполнительного комитета «Народной воли». Вместе с ней судились 6 членов народовольческой военной организации (Н.М. Рогачёв, М.Ю. Ашенбреннер, А.П. Штромберг, Н.Д. Похитонов, А.П. Тиханович, И.П. Ювачев),

Д.А. Волкенштейн и др. Главным обвинением было участие в террористических актах «Народной воли». Материалом для обвинения служили предательские показания С.П. Дегаева. Все подсудимые держались мужественно. Последнее слово Фигнер, проникнутое революционной убежденностью, было напечатано за границей и нелегально распространялось в России как документ выдающегося агитационного значения. Согласно приговору на смертную казнь осуждены 2 чел. (Н.М. Рогачёв, А.П. Штромберг), на вечную каторгу – 5 чел., на каторгу от 15 до 20 лет – 6 чел., на ссылку в Сибирь – 1 чел.

«Процесс 21-го», последний крупный судебный процесс над революционными народниками. Проходил в Петербургском военно-окружном суде 26 мая (7 июня) – 5 (17) июня 1887. Главные обвиняемые – Г.А. Лопатин (по имени которого процесс иногда называют лопатинским), П.Ф. Якубович, Н.П. Стародворский, Н.М. Салова, В.И. Сухомлин, П.Л. Антонов, С.А. Иванов, В.П. Конашевич. Они пытались после разгрома 1881–1883 восстановить «Народную волю», что и послужило основным обвинением. Стародворскому и Конашевичу было предъявлено обвинение в убийстве главы политического розыска Г.П. Судейкина. Подсудимые (кроме 2 ренегатов – Елько и Гейера) держались стойко. Согласно приговору на вечную каторгу были осуждены 5 чел., на каторгу от 4 до 20 лет – 8 чел., на ссылку в Сибирь – 4 чел., на тюремное заключение – 1 чел., оправданы 3 чел. В условиях временного спада революционной борьбы из-за отсутствия гласности суда «Процесс 21-го» не имел широкого общественного отклика.

⁴ Пищевое довольствие узников Шлиссельбургской каторжной тюрьмы за сентябрь месяца 1893 года

Дни	Обеды	Ужины
1	Борщ со сметаной, макароны с маслом и сыром	Клюквенный кисель с молоком
2	Молочный манный суп, котлеты с жареным картофелем	Запеченный рис с изюмом
3	Щи, вареники с творогом, маслом и сметаной	Яйца
4	Борщ со сметаной, блины с маслом и сметаной	Селедка с картофелем и маслом
5	Суп молочный, рис отдельно, блинчики с горохом, компот	Молоко
6	Щи, творожные оладьи со сметаной	Пирог с горохом
7	Рассольник с мясом, макароны с маслом и сыром	Творог с молоком

8	Молочный рисовый суп, котлеты с фасолью	Винегрет с селедкой
9	Борщ со сметаной, рисовая каша с маслом	Клюквенный кисель с молоком
10	Щи, вареники с творогом, сметаной и маслом	Студень
11	Борщ со сметаной, голубцы	Селедка с картофелем и маслом
12	Молочный манный суп, биток с капустой, творог с яблоками	Молоко
13	Щи, протертый горох с маслом	Мещерский сыр с маслом
14	Суп с рисом, котлеты с картофелем	Яйца
15	Борщ со сметаной, макароны с маслом и зеленым сыром	Творог с маслом
16	Молочный суп, рис отдельно, блинчатый пирог	Ватрушка с творогом, маслом и сметаной
17	Суп перловый, рисовая каша с маслом	Пирог со свежей капустой и яйцами
18	Щи, творожные оладьи	Селедка, картофель и масло
19	Суп молочный, манный, блинчики с картофелем, печеные яблоки и молоко	Простокваша с сухарями
20	Щи, вареники с творогом, маслом и сметаной	Рис запеченный с изюмом
21	Уха, биток с картофелем	Пирог со свежей капустой и яйцом
22	Борщ, творожные оладьи со сметаной	Рисовая каша с маслом
23	Суп молочный, рис отдельно, котлеты с поджаренной капустой	Рыба жареная
24	Щи, блины с маслом и сметаной	Творог с молоком
25	Рассольник с мясом, макароны с маслом и зеленым сыром	Селедка с картофелем и маслом
26	Борщ, голубцы, пирог с яблоками	Молоко
27	Щи, сырники со сметаной	Студень

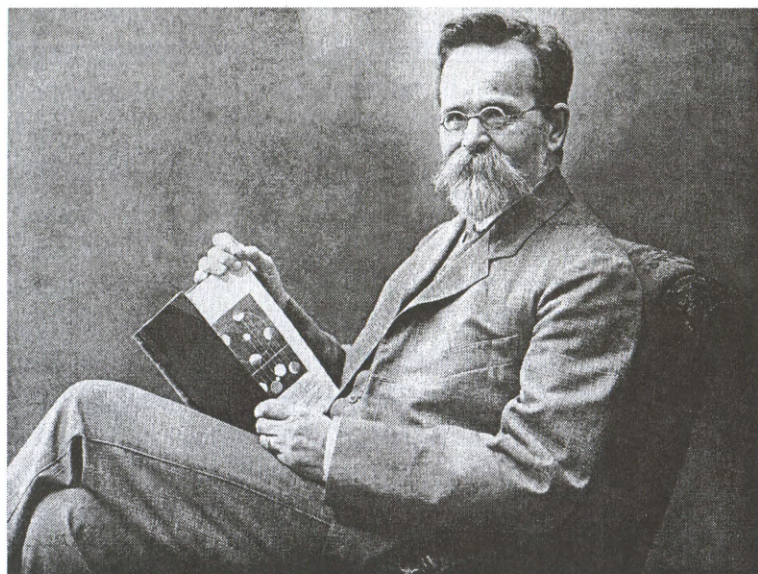
28	Манный молочный суп, котлеты с картофелем и луком	Винегрет с бобами
29	Борщ со сметаной, форшмак с фасолевым гарниром	Вареники с сыром и маслом
30	Ши, макароны с маслом или зеленым сыром или рыба	Творог с молоком

⁵ Список лиц, прошедших сквозь Шлиссельбургскую каторжную тюрьму эпохи 1884–1905 гг.

Когда арестован	Когда водворен в Шлиссельбург	№ п/п	Имя и фамилия	Сколько лет был в заточении	Когда и как умер	Кто освобожден
1873	Авг 1884	1	Александр Долгушин	12	1885	
1875	Авг 1884	2	Ипполит Мышкин	9	1885 казнен	
1877	Авг 1884	3	Владимир Малавский	8	1885	
1879	Авг 1884	4	Дмитрий Буцинский	12	1891	
1879	Авг 1884	5	Людвиг Кобылянский	7	1886	
1879	Авг 1884	6	Егор Минаков	5	1884 казнен	
1879	Авг 1884	7	Михаил Попов	26		Освоб.
1879	Авг 1884	8	Мейер Геллис	6	1985	
1879	Авг 1884	9	Никанор Крыжановский	5	1885	
1879	Авг 1884	10	Игнатий Иванов	7	1886	
1880	Авг 1884	11	Федор Юрковский	16	1896	
1881	Авг 1884	12	Николай Щедрин	15	Сошел с ума	Освоб.
1881	Авг 1884	13	Михаил Фроленко	24		Освоб.
1881	Авг 1884	14	Михаил Тригони	21		Освоб.
1881	Авг 1884	15	Айзик Арончик	7	1888	
1881	Авг 1884	16	Григорий Исаев	5	1886	
1881	Авг 1884	17	Савелий Златопольский	4	1885	
1881	Авг 1884	18	Николай Морозов	24		Освоб.
1882	Авг 1884	19	Михаил Грачевский	5	1887 пок. с собой	
1882	Авг 1884	20	Юрий Богданович	6	1888	
1882	Авг 1884	21	Петр Поливанов	20		Освоб.
1882	Авг 1884	22	Михаил Клименко	2	1884	
1882	Авг 1884	23	Александр Буцевич	3	1885	
1882	Окт 1884	24	Дмитрий Суровцев	14		Освоб.
1883	Окт 1884	25	Вера Фигнер	21		Освоб.

1883	Окт 1884	26	Людмила Волкенштейн	13	1905 убита	
1883	Окт 1884	27	Михаил Ашенбреннер	21		Освоб.
1883	Окт 1884	28	Николай Похитонов	13	Сошел с ума	Освоб.
1883	Окт 1884	29	Иван Ювачев	2		Освоб.
1883	Окт 1884	30	Александр Тиханович	1	1884 пок. с собой	
1883	Окт 1884	31	Василий Иванов	21		Освоб.
1883	Окт 1884	32	Александр Штромберг	—	1884 казнен	
1883	Окт 1884	33	Николай Рогачев	—	1884 казнен	
1884	Дек 1884	34	Михаил Шебалин	12		Освоб.
1884	Дек 1884	35	Василий Панкратов	14		Освоб.
1884	Дек 1884	36	Калинник Мартынов	12		Освоб.
1884	Дек 1884	37	Василий Караулов	4		Освоб.
1884	Дек 1884	38	Иван Манучаров	10		Освоб.
1884	1885	39	Михаил Лаговский	10		Освоб.
1883	1886	40	Людвиг Варынский	6	1889	
1884	1886	41	Людвиг Янович	12		Освоб.
1887	Май 1887	42	Петр Шевырев	—	1887 казнен	
1887	Май 1887	43	Александр Ульянов	—	1887 казнен	
1887	Май 1887	44	Василий Генералов	—	1887 казнен	
1887	Май 1887	45	Пахомий Андреюшкин	—	1887 казнен	
1887	Май 1887	46	Василий Осипанов	—	1887 казнен	
1887	Май 1887	47	Иосиф Лукашевич	18		Освоб.
1887	Май 1887	48	Михаил Новорусский	18		Освоб.
1884	Июнь 1887	49	Герман Лопатин	21		Освоб.
1884	Июнь 1887	50	Николай Стародворский	21		Освоб.
1884	Июнь 1887	51	Василий Конашевич	12		Освоб.
1885	Июнь 1887	52	Петр Антонов	20		Освоб.
1886	Июнь 1887	53	Сергей Иванов	19		Освоб.
1886	1888	54	Борис Оржих	10		Освоб.
1889	1890	55	Софья Гинсбург	1	1890 пок. с собой	
1901	1901	56	Петр Карпович	4		Освоб.
1902	1902	57	Стефан Балмашов	—	1902 казнен	
1902	1902	58	Фома Качура	1	Сошел с ума	Освоб.

1902	1902	59	Никита Чепегин	1	Сошел с ума	Освоб.
1903	1903	60	Михаил Мельников	2		Освоб.
1903	1904	61	Григорий Гершуни	2		Освоб.
1904	1904	62	Егор Сазонов	1		Освоб.
1904	1904	63	Шимель Сикорский	1		Освоб.
1905	1905	64	Иван Каляев	—	1905 казнен	
1905	1905	65	Гирш Гершкович	—	1905 казнен	
1905	1905	66	Александр Васильев	—	1905 казнен	

Часть четвертая

Николай Морозов

В моих думах не ищите вы
Тенденции,
Никогда ничьим я не был
Угодником,
Я рыцарь
Международной интеллигенции,
Не считайте меня
Народником.

Царство правды и знания –
Мое отечество,
Все, кто любит их –
Друзья безграничные.
Моя родина –
Все мыслящее человечество,
А не только
Земледельцы да фабричные.

Лишь в делах добра хочу я
Конкуренции,
Для меня все классы –
Одни предания.
Я рыцарь
Международной интеллигенции,
Я защитник
Только правды да знания.

Глава I

ВОСКРЕСЕНИЕ

..Немая ночь прошла! Уж близок час рассвета!
Уж буря разнесла сплошные облака!
Я слышу вольный звук всемирного привета,
Я чувствую душой, что близко царство света,
Что знания и любви республика близка!

Николай Морозов

Свободу, которую он ждал столько лет, ему, наконец, дали, но в какой странной форме...

По прошествии нескольких дней с того момента, как освободили последнего из шлиссельбуржцев, вместе с ним доставленных в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, «забытый» узник начал волноваться. Но на одном из свиданий сестра успела шепнуть ему, что с его освобождением вышли некоторые затруднения. Директор департамента полиции Дурново требовал, чтобы она немедленно брала брата на поруки и увозила домой, в Мологский уезд, а министр юстиции Щегловитов, наоборот, говорил, что торопиться не следует, ибо Морозова должны выпустить и без обязательной отправки в деревню на поселение без права выезда. Из этого путаного объяснения Николай Александрович сделал вывод, что он стал жертвой очередной интриги, которые постоянно вели друг против друга министры.

Он уже смирился с мыслью, что и этот день, 7 ноября 1905 года, уже клонившийся к вечеру, не принесет желанных перемен, но... в последний раз тяжело громынула засовами дверь камеры, и появившийся дежурный вручил ему костюм свободного человека, уже давно приготовленный сестрой. Узник с волнением облачился в одеяние, от которого успел основательно отвыкнуть за двадцать с лишним лет одиночества. Галстук непривычно сжимал горло, крахмальный воротничок натирал шею, жилетка не давала вздохнуть полной грудью, но это мелочи, главное – сейчас он будет свободен... Однако у ворот крепости дежурный сдал его поджидавшему жандарму...

Загромыхав по брусчатке, тюремная карета направилась на Гороховую улицу, в охранное отделение. Там ему выдали «Одnodневный вид на жительство» и объявили, что если он и завтра останется в Петербурге, то должен будет явиться сюда за получением нового одnodневногo разрешения.

Пока свершались все эти переезды и формальности, настала ночь, да к тому же довольно прохладная. Он стоял один на мостовой, кутаясь в пальто. От прошлой жизни остался лишь узелок с арестантской

одеждой, в которой он прибыл из Шлиссельбурга, а для будущей не было ни копейки денег. Тем не менее, он решился нанять извозчика, рассчитывая расплатиться, когда придет на место, на Николаевскую улицу, на квартиру своей дальней родственницы, где остановилась его сестра – единственный близкий ему человек в этом большом и холодном городе...

Первый день на свободе. С утра – в охранное отделение за разрешением прожить этот день в столице. Затем, по настоянию сестры, посещение известного врача по внутренним болезням Брауна. Врач был изумлен, увидев у себя человека, прошедшего столько лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Но еще больше он удивился, произведя тщательный осмотр посетителя. Под правой лопаткой и ниже ее он обнаружил огромный рубец от прошедшего туберкулеза, под левой – несколько более слабых. Сердце и желудок были в прескверном состоянии, не говоря уже о том, что весил он, при довольно высоком росте, всего сорок восемь килограммов. Резюме было такое:

– Вам нельзя много ходить или таскать что-либо тяжелое, надо подерживать строгую диету, не есть мясного, не пить ни чая, ни кофе, не

говоря уж о вине, не подниматься в высокие квартиры, а если это необходимо, то отдыхать по несколько минут на каждой площадке, ложиться спать не позднее десяти-одиннадцати часов, спать не менее десяти...

В довершение этого заключения доктор дал целую горсть различных лекарств, которые надо было неукоснительно принимать, чтобы жить дальше. Николай Александрович вышел, совершенно потрясенный. Он знал, что долго не протянет – смена обстановки, нарушение устоявшегося режима, большое нервное напряжение в новой жизни должны были дать о себе

Н.А. Морозов после освобождения

знать. Но то, что он услышал, было сверх всякого ожидания. Стоит ли проводить свои последние годы в таком режиме, и что это будет за жизнь? Но жить надо!

Он вывез из Шлиссельбурга целый ящик научных записок. Они были аккуратно переплетены и составляли 26 объемистых томов. И нужно приложить все силы, чтобы хотя бы часть из них увидела свет.

Он уже испытал страх за эти тетради, когда его освобождали из тюрьмы. Комендант Шлиссельбурга объявил всем заключенным, подлежащим освобождению, что все бумаги, которые они хотят взять с собой, необходимо сдать на просмотр. Николай Александрович уже давно готовился к этому, потому все ценные записи, могущие вызвать подозрение у жандармов, собрал вместе, промазал желатином, сдал под прессом в переплетной мастерской и высушил. Получился отличный картон, в который он переплел оставшиеся материалы. Если этот картон положить в воду, то он опять распался бы на отдельные листы. Однако, несмотря на принятые меры предосторожности, сдать работы на просмотр он не решался, так как хорошо знал характер жандармов: если им что-либо непонятно, они с легкостью это запрещают, не пытаясь вникнуть в существо дела, так проще. В этих бумагах была вся его жизнь, и он тянул время, не зная сам, на что надеется... Когда прошли все сроки, комендант лично явился в камеру и спросил:

– Почему не представляются мне на просмотр бумаги, которые предполагается взять с собой на волю? Или таких бумаг нет?

– Почему же нет, вот они, в этом ящике.

Когда комендант увидел, каково их количество, его глаза округлились, но он быстро нашел выход:

– Ну что же, просмотреть это за оставшееся время я не успею, да и не уверен, что во всем разберусь. Лучше я их опечатаю, а в Петропавловской крепости пусть разбираются, там столица, там они все могут...

С этими словами комендант, с помощью Морозова, закрыл ящик и, вызвав смотрителя, опечатал его. Дальнейшая судьба бумаг была такова.

На следующий же день после перевода в Трубецкой бастион Морозова вызвали в кабинет коменданта. Там он увидел молодую стройную женщину, которая сразу бросилась к нему. В глазах у нее блестели слезы.

– Кто это? – он с удивлением посмотрел на женщину.

Поймав его взгляд, она произнесла голосом, готовым в любую минуту сорваться на рыдание:

– Коля, я твоя сестра, Вера!

– Вера! – радость блеснула в глазах Николая Александровича. Неужели это та девочка, которая более тридцати лет назад, когда он видел ее последний раз, была не выше стула, чью фотографию он так часто рассматривал у себя в камере?

Взволнованные, они присели на стулья, предложенные комендантом крепости. Поговорив немного о домашних делах и оправившись от первого потрясения, Морозов обратился к коменданту:

– Вместе со мной из Шлиссельбурга вывезен ящик с моими научными записями. Я не знаю своей дальнейшей судьбы, вполне возможно, что меня куда-нибудь вышлют, поэтому я хотел бы передать ящик моей сестре на хранение.

Комендант молча выслушал его просьбу и нажал кнопку электрического звонка, вделанную в стол. Дверь тут же распахнулась: на пороге появился унтер-офицер и встал навытяжку.

– Позови дежурного, у которого вещи привезенных вчера из Шлиссельбурга, – приказал комендант.

Через некоторое время в комнату вошел другой унтер-офицер.

– В каком виде ящик Морозова?

– В том виде, как привезли.

– Его не раскрывали?

– Никак нет, он запечатан печатью коменданта Шлиссельбургской крепости.

– Так выдай его этой даме, когда она будет выходить.

И потом, обращаясь к брату и сестре, комендант добавил:

– Если уж комендант Шлиссельбургской крепости выпустил эти бумаги, там заведомо нет ничего недозволенного.

Так бумаги обрели свободу раньше, чем их хозяин...

С невеселыми мыслями о будущем возвращался Николай Александрович с сестрой на квартиру. А там его уже ждала целая толпа знакомых квартирной хозяйки, сбегавшаяся посмотреть на человека, давно вычеркнутого из списков живых и вдруг выжившего. Посыпались приглашения на обеды, ужины, званные вечера...

Морозов оказался единственным шлиссельбуржцем, которому удалось задержаться в Петербурге, и поэтому все внимание интеллигентного общества столицы было обращено к нему. Ему ни разу не удалось не только пообедать, но и поужинать дома. Каждый день был занят новыми встречами. Каким предписаниям доктора тут можно было следовать? Он бегал по городу, как сумасшедший, избегал на самые высокие лестницы без остановок. Ел все, что ему предлагали, пил все, что ему предлагали. Правда, первое время по вечерам принимал лекарства. Но однажды, задержавшись в гостях, он вынужден был там заночевать. Утром проснулся со страхом, что же будет? Однако ничего не случилось – сердце билось без строфанта, желудок действовал без белладонны с ревенем. Значит, можно жить и без них. Свобода – вот его главное лекарство!

Новые люди, новые впечатления... Одна неприятность – надо было каждый день бегать в градоначальство за получением очередного одностороннего «Вида на жительство». Правда, давали его легко, без всяких задержек, но было в этой процедуре что-то унижительное. Кроме того, это очень сильно ущемляло его свободу. Он никуда не мог уехать из Петербурга, ведь если бы он хоть раз не обменял свой «Вид на жительство», то тотчас же его лишили и без паспорта был бы отправлен по этапу на родину, в Мологский уезд, на поселение без права выезда.

На одном из вечеров Морозов познакомился со знаменитым адвокатом Оскаром Осиповичем Грузенбергом. Узнав о бедах Николая

Александровича, он тут же предложил свои услуги. Потратив пятнадцать минут, адвокат составил бумагу, в которой он назначался поверенным в делах Морозова. И в конце декабря Морозов уже ехал к себе домой на родину, к матери, брату и сестрам, племянникам, к родному Борку. В кармане у него лежал документ следующего содержания:

«Предъявитель сего Николай Александрович Морозов имеет право проживать в пределах Российской империи три месяца, в продолжение которых обязан приписаться к какому-либо сословию и исходатайствовать себе постоянный вид на жительство».

Молога. Приезд шлиссельбуржца наделал много шума в этом небольшом городке. Мещанский староста города, вместе с другими именитыми гражданами приехавший посмотреть на знаменитого Морозова, просто вырвал у него из рук документ, выданный в Петербурге, и произнес:

– Все мещанское общество города сочтет за огромную честь принять столь знаменитого человека в свою среду.

Не прошло и недели, как Морозов получил, наконец, паспорт, а с ним – истинную свободу.

У родных он долго не задержался, так как надо было начинать новую жизнь. Во-первых, предстояло найти себе какое-нибудь занятие для заработка, а во-вторых, и это главное, необходимо опубликовать свои труды. И Николай Александрович вскоре вернулся в Петербург.

Сразу после возвращения Морозова из Мологи в Петербург редакция Е.Н. Парамонова «Донская речь» обрадовала его изданием сборника стихов «Из стен неволи». Обложку к книге делал И.Е. Репин, а предисловие написал Мельшин (Якубович). В летних книжках «Русского Богатства» (1906 г.) вышли воспоминания Николая Александровича «В начале жизни». А затем они вышли отдельной книжкой в издательстве Саблина. Это был новогодний подарок от него Вере Николаевне Фигнер.

В Петербурге его ждал еще один сюрприз – встреча с женой, Ольгой Спиридоновной Любатович. То есть уже не женой, и уже не Любатович, а Джабадари. В ссылке она вышла замуж за их общего товарища, судившегося вместе с ней в 1877 году по процессу «50-ти». Не имея сведений о Николае, она считала его погибшим. Отбыв срок, Ольга Спиридоновна вместе с новым мужем уехала на Кавказ. О том, что Морозов жив, она узнала из газет. Их встрече предшествовало письмо, которое мы решили привести здесь полностью:

«24 января 1906 г.

Петербург

Дорогой друг и старый товарищ!

Вчера я приехала в Петербург и узнала, что ты здесь. Двадцать пять лет мы не видались – ты замурованный заживо в Шлиссельбурге – я скитаясь по миру земли русской – мы много пережили, много пережила и наша родина.

Я слышала, что ты останешься несколько дней в Петербурге, я уезжаю отсюда завтра или послезавтра. Я уверена, что мы по-старому остались товарищами и друзьями. Приходи ко мне сегодня утром, если можешь. Мой муж И. Джабадари также здесь и будет очень счастлив тебя видеть; он зашел бы к тебе сам, но ты, говорят, живешь у родственницы, и это нас стесняет. Жду ответа с подателем.

Жму крепко дружески твою руку.

Ольга Любатович-Джабадари,

Наш адрес: Невский, дом № 77, кв. № 8, Меблированные комнаты Никифоровой.

Я буду дома до 12 часов дня и вечером после 7-ми вечера».

В этот же день они встретились. Николай Александрович ждал этого момента с большим волнением. И вот он увидел Ольгу – худую, поседевшую, с грустными усталыми глазами. Вопреки всем его ожиданиям, почти ничего не дрогнуло. Оба они уже смирились со смертью друг друга... Встреча была дружеской и печальной – они умерли друг для друга. Ему не было больно, что она вышла замуж. Она стала для него за эти годы чужим человеком, слишком разной была их жизнь во время разлуки...

А вслед за тем – еще одна весточка из прошлого, от Олимпиады Григорьевны Алексеевой (теперь уже Лукьяненко).

Выйдя из тюрьмы, Алексеева отошла от революционных дел, вторично вышла замуж. Узнав, что Морозов освобожден из Шлиссельбургской крепости, она прислала ему письмо, в котором написала, что так и не забыла тех, с кем свела ее судьба в Москве в начале 1870-х годов, что, не сумев идти с ними рука об руку, никогда не становилась против них, помнила этих людей, лучших из встретившихся ей, показавших ей смысл жизни, и эти воспоминания были для нее дорогими и очищающими.

Николай Александрович тотчас откликнулся. В письме от 30 марта 1906 г. он писал так:

«Дорогая моя Липа, как я был рад получить от Вас письмо!

Я сам столько раз собирался Вам написать, но не знал Вашей новой для меня фамилии. Как только могло прийти Вам в голову, что я мог Вас позабыть! Когда Вы прочтете мои воспоминания, которые будут напечатаны, когда возобновится «Русское богатство», Вы увидите из них, как я Вас помню и люблю!

Вы не знаете, дорогая Липа, что после нашего большого процесса [193-х] я два раза был в Тамбове, но меня тогда разыскивала полиция, и я не решился к Вам зайти, чтобы не повредить Вам. Но когда оказались раз свободные два часа, я нарочно ходил на берег Вашей Тамбовской речки, у самой решетки выходившего к ней

Вашего садика и ждал, не выйдете ли Вы случайно, чтобы поздороваться с Вами... Но Вы не вышли, и я с грустью ушел и более уже не возвращался в Тамбов иначе, как проездом из Саратова в Петербург, но тогда у меня уже не было свободного времени, чтоб посидеть у решетки Вашего дома.

Живете ли Вы еще в этом самом доме или переехали, как об этом можно судить по адресу, в другой?

Напишите, дорогая, все подробно о себе, как Вы прожили все это время? Обо мне же Вы, верно, уже знаете из газет все подробности. Теперь я живу в Петербурге и готовлю к печати книжку своих стихотворений [«Из стен неволи»], которую пришло и Вам с надписью. Кроме того, приговляю к печати и отчасти уже печатаю несколько работ по физико-математическим наукам – ведь они были написаны еще в Шлиссельбурге.

Живу я после Октябрьской амнистии и увоза из Крепости совершенно свободно. Делают только затруднения с выдачей постоянного вида на жительство, но это не беда, так как срок выданному мне временному виду кончится только в феврале будущего года, а до тех пор много воды утечет.

Чем это Вы там были больны, дорогая Липа? Что делают Ваши дети, которых я видел такими крошками? Не знаю, удастся ли мне приехать к Вам в Тамбов в это лето: мне нужно пожить у себя в имении с моей старушкой матерью (отец же умер еще в 80-х годах), но если Вам случится побывать в Петербурге, то, конечно, не забудьте обо мне. Мне так хотелось бы увидеть Вас.

Посылаю Вам одну из моих последних фотографий. Крепко жму обе Ваши руки и желаю Вам всего хорошего в жизни.

Ваш друг Николай Морозов».

Потом, на протяжении нескольких лет, было еще несколько писем – мостиков между прошлой и новой жизнью.

Во втором письме, от 19 сентября 1906 г., Николай Александрович сообщает, что его рассказ «В начале жизни», главной героиней которого была Олимпиада Алексеева, имел большой успех. Его почти целиком напечатали под видом рефератов в фельетонах «Биржевых ведомостей», затем в «Речи» и некоторых других газетах, а теперь издатель «Былого» просит у него разрешения напечатать его отдельной книжкой с рисунками. И он обращается к подруге юности с просьбой прислать ее портрет того времени.

В следующих письмах перипетии в издательских делах перемежаются с разными житейскими подробностями. В качестве нового издателя его трудов упоминается Владимир Иванович Саблин, племянник их общего друга юности Николая Алексеевича.

Из писем видно, что Морозов пытался принимать участие в судьбе детей своего адресата, которых он знал еще малютками. 19 апреля

1907 г., перед отъездом на лето в деревню, он пишет: «...От всей души хотел бы помочь Вашей дочери поступить на курсы, но как я могу это сделать в самый момент отъезда? Пишите мне в деревню по приложенному сверху адресу, что я должен сделать, и тогда я дам Вашей дочери письменную рекомендацию.

Я теперь состою приват-доцентом по химии в Высшей Вольной школе в Петербурге и, само собою разумеется, могу устроить ее поступление туда, а затем попытаться перевести и на медицину. Но все это в Петербурге, а в Москве я был только проездом один раз и никого в ней не знаю...»

И в продолжение этой темы в письме от 27 июля 1907 г.: «...В Москве пока у меня нет ни одного знакомого профессора, так как я был там только проездом в Саратов и притом с женой, а это сильно уменьшает мои старинные воробьиные свойства в один день обегать целый город и перезнакомиться с десятками людей. У жены закружилась бы голова на полдороге. Вот если бы Ваша дочь поступила на курсы где-нибудь в Петербурге, то я мог бы там почти везде похлопотать.

Живу теперь в деревне и стараюсь по возможности окончить ряд начатых научных работ...»

И, наконец, 21 мая 1911 г.: «...Очень, очень огорчили Вы меня известием о болезни Вашего сына. Почти вскоре после получения Вашего письма я был у Кадьяна, заведующего Петропавловской больницей, но он ничего не мог сделать для помещения в хорошую лечебницу, а у него я и сам не посоветую, это клиника для чернорабочих. Затем был у другого доктора Владыкина, заведующего какой-то другой лечебницей, но у него тоже неудобно: опять она больше для чернорабочих, а более у меня никого из таких докторов нет.

Теперь я только что переехал в деревню и принялся за ответы на письма, написал сегодня более 30, да еще осталось на завтра вдвое больше...»

Обратите внимание на последнюю фразу!

Мы опять вынуждены были забежать вперед, ибо в этих письмах упоминаются события, о которых речь пойдет позже.

В Петербурге был организован Шлиссельбургский комитет для помощи освободившимся по манифесту 1905 года из государственной тюрьмы. На самом деле комитет ставил себе более широкую задачу – помощь не только шлиссельбуржцам, но и другим каторжанам. Председателем комитета был историк Василий Иванович Селевский. Он занимался историей крестьянства 18 века, декабристов и петрашевцев, а в 1913 году стал основателем и редактором журнала «Голос минувше-

го». Однажды, будучи у него в гостях, Николай Александрович познакомился с И.Е. Репиным, тоже членом этого комитета. На этой встрече обсуждали вопрос об издании «Альбома шлиссельбургских узников», говорили об устройстве концертов и о полученных пожертвованиях. Но вот разговор зашел о готовящемся к изданию сборнике стихов Морозова «Из стен неволи», и Илья Ефимович тут же предложил нарисовать обложку для этого сборника. Так началась их дружба.

Репину очень захотелось написать портрет Морозова. Он несколько раз принимался за него, но постоянно оставался недоволен своей работой. И «виноват» в этом был Николай Александрович. Репину виделся этот портрет как портрет мученика, сломленного долгой неволей, на всем должна была лежать печать тяжелого заключения. А у Морозова?.. Его живые добрые карие глаза горели огнем и молодостью. «Глаза – зеркало души», и это один из главных элементов любого портрета. Какой же мученик с такими глазами, в которых нет ни капли страдания? Репин долго бился над решением своей задачи, и наконец, нашел. Получился изумительный портрет, но... написан он был сбоку, глаз не было видно, глаза портрета ничего не говорили...

Морозов стал завсегдатаем знаменитых репинских «сред» в Пенах, под Петербургом. Эти «среды» были кусочком сказки.

С трех часов открывались двери дома. До этого момента приехавшие гости гуляли по парку. В прихожей их встречал старинный гонг, которым они должны были возвестить о своем прибытии, и объявление, оповещавшее о том, что они попали в страну самообслуживания. Все начиналось с чая, затем гостям предлагалась прогулка, а в 6 часов – обед. Перед обедом были танцы под музыкальный ящик. Николай Александрович поразил всех исполнением некоторой пародии на индийский танец, проделав все это с юношеским задором. При следующих приездах его уже специально просили исполнить этот номер. Этот танец обычно запоминали все присутствующие на «средах».

Обед был необычным. Идея самообслуживания была реализована в самой конструкции стола. Возле каждого кресла в столе был сделан выдвижной ящик, куда предполагалось складывать грязную посуду. Закуски и другие блюда располагались на специальной вращающейся надстройке в центре стола, так что гость мог без посторонней помощи достать все, что его интересовало. Помогать друг другу за столом строго запрещалось. Нарушители наказывались. Для этой цели слева от входа в столовую был сделан небольшой балкончик, куда должен был взобраться «нарушитель» и «искупить» свою вину – спеть песню, или прочитать стихи, или произнести речь, но все это должно быть непременно весело. Интересным было меню. Подавался традиционный суп из сена, которое добывалось тут же, в парке. Первое время подавалось горячее второе, но вскоре семья Репиных перешла на сыроедение. Меню сыроедов угощали и гостей.

В Пенатах Морозов впервые встал на лыжи. Однажды он задумал спуститься с горы, с которой не решился бы съехать и более опытный лыжник, так как внизу был забор и несколько деревьев, и надо было проявить незаурядное искусство, чтобы успеть повернуть. Морозов бесстрашно начал спуск, но на середине горы из-за неудачного движения упал. Он тут же вскочил и побежал наверх, чтобы повторить все сначала. К счастью, присутствующий при этом эксперименте К.И. Чуковский с большим трудом уговорил его остановиться, так как это может кончиться большим несчастьем.

У Репина Морозов познакомился с Леонидом Николаевичем Андреевым. Они стали большими друзьями. Андреев дарил Николаю Александровичу свои книги, восхищался его прошлой революционной деятельностью и считал, что сам не смог бы провести столько лет в одиночке, без надежды на освобождение. Из уважения к подвигу шлиссельбуржцев он согласился вступить в Шлиссельбургский комитет и принять участие в организованном Комитетом вечере вместе с актрисой, членом Комитета Верой Федоровной Комиссаржевской. Он не любил публичных выступлений, но в данном случае уступил.

Андреев просил Николая Александровича свозить его в Пулковскую обсерваторию для того, чтобы он мог начать свою повесть, главным героем которой являлся астроном. К сожалению, долгое время стояла пасмурная погода, но выезд в Пулково состоялся. Правда, наблюдать звездное небо в телескоп так и не удалось: в последнюю минуту набежали облака.

В Пенатах Морозов встретился с Валерием Яковлевичем Брюсовым, с которым, как потом выяснилось, был знаком уже давно. Будучи маленьким мальчиком, Валерий Яковлевич встречался с Морозовым, когда тот, находясь на нелегальном положении во времена революционной юности, жил в доме Брюсовых в Москве.

Так принял мир вернувшегося из небытия узника.

А как были приняты его научные труды?

Прежде всего, Морозов решил встретиться с Д.И. Менделеевым. И 20 декабря 1906 года он был принят именитым химиком. Николай Александрович сильно волновался. Несмотря на преклонный возраст, Дмитрий Иванович выглядел довольно бодро, но память его, по-видимому, сильно ослабла. В разговоре он постоянно забывал имена того или иного известного ученого, и Морозову, чтобы разговор не прерывался, приходилось напоминать эти забытые имена. Дмитрий Иванович и сам чувствовал, что память ему изменяет, но не хотел в этом признаваться, и поэтому после каждого такого напоминания притворно-сердито говорил:

– Разве я сам не знаю?

Разговор был чрезвычайно интересным. Николай Александрович развивал мысль, что предложенная Менделеевым периодическая таб-

лица – лишь частный случай среди многих периодических систем, которые можно создать для классификации различных природных объектов. В частности, углеводородные радикалы также можно свести в некоторую таблицу, напоминающую менделеевскую. В доказательство своих слов он показал Менделееву такую таблицу. Дмитрий Иванович долго ее рассматривал, а потом спросил:

– К чему же Вы клоните?

– Как же, Дмитрий Иванович, ведь мы же знаем, из каких элементов состоят все углеводороды, сведенные в таблицу, – это углерод и водород. А из схожести этой таблицы с Вашей я делаю вывод по аналогии, что и в основе химических элементов лежат несколько основных, а все остальные являются производными.

– Да, похожесть очень сильная, но вывод по аналогии не может считаться достаточно веским доказательством.

Сомнения Менделеева Морозову были понятны, и он решил привести другие доказательства в пользу своей идеи:

– Но ведь есть эксперименты, показывающие, что выделяемая радиумом особая эманация постепенно превращается в гелий.

– Позвольте мне задать Вам вопрос, – перебил его Менделеев, – скажите, пожалуйста, много ли солей радия на всем земном шаре? Несколько граммов!!! И на таких шатких основаниях хотят разрушить наши обычные представления о природе вещества!

Да, складывалась странная ситуация. Менделеев ставил под сомнение правильность всех опытов по радиоактивности, а они играли большую роль в подтверждении правильности теории Морозова. Но Николай Александрович не сдавался. Он решил дать доказательство своей идеи с другой стороны:

– А как же быть с теорией Лапласа о происхождении небесных светил или туманных скоплений, ведь спектроскопический анализ туманных скоплений и получившихся из них светил показывает, что они имеют разный химический состав. Значит, эволюция вещества в природе существует?

Дмитрий Иванович задумался и через некоторое время резко сказал:

– Ну, тут Вы меня застали врасплох! Я не принадлежу к тем людям, у которых на все готовы ответы. Вы говорили, что собираетесь сейчас ехать к себе в деревню? Вот вернетесь, тогда мы и поговорим об этом...

На прощание он подарил Морозову последнее издание своих «Основ химии» и еще три книги из своих последних...

Из деревни Морозов вернулся 20 января. Прихватив свою новую, еще пахнущую типографской краской книгу «Периодические системы строения вещества», он собрался отправиться в гости к Дмитрию Ивановичу, чтобы продолжить начатый разговор. Но его ждало печальное известие. 4 января Менделеев принимал в Палате Мер и Весов министра только что возникшего министерства торговли Философова и, про-

вожая его в передней, простудился. Крупозное воспаление легких в течение нескольких дней подорвало здоровье и свело на нет жизнь величайшего ученого... Умер он в ночь на 20 января... Но Морозову было оставлено наследство: Менделеев успел исходатайствовать ему ученую степень доктора химии *honoris causa* (почетная степень) за работу «Периодические системы строения вещества»...

Николай Александрович вернулся в Петербург не один, а с женой, Ксенией Алексеевной Морозовой, урожденной Бориславской.

Они познакомились в начале 1906 года в салоне Марии Валентиновны Ватсон, известной переводчицы, тетки Ксении Алексеевны. (Особую известность ей принес перевод на русский язык «Дон-Кихота» Сервантеса.) С хозяйкой салона Николай Александрович успел подружиться на почве литературных интересов сразу по выходе из крепости. Об этом свидетельствует письмо от 23 ноября 1905 года:

«Дорогая Мария Валентиновна!

Можете себе представить мою радость. Приезжаю в родное имение и вдруг нахожу в своем кармане неизвестно как попавшую туда книжку Ваших стихотворений. Сейчас только прочел половину ее и был очень растроган многими прекрасными стихотворениями. Особенно хорошо показалось мне «Памяти павших».

Крепко жму Ваши руки и от всего сердца благодарю за этот подарок и за Ваши проводы. До свидания, будьте здоровы и напишите много стихотворений в этом же смелом и ободряющем духе, а то мы так привыкли находить у современных поэтов лишь одно уныние.

Ваш новоприобретенный друг Николай Морозов».

А через полтора года – другое письмо (от 27 июля 1907 г.):

«Дорогая Мария Валентиновна!

Не сердитесь на Ксану: она Вас любит более, чем кого-нибудь другого (надеюсь, после меня) и страшно огорчена Вашим письмом ко мне...»

В промежутке между письмами их автор приобрел новый социальный статус и надежную сотрудницу на всю оставшуюся жизнь, целиком взявшую на себя все житейские заботы о нем, неизменного секретаря, спутницу в будущих многочисленных путешествиях.

Ксения Алексеевна Бориславская родилась незадолго до того, как время для узника навсегда остановилось. А к моменту их встречи она уже была небезызвестной пианисткой и переводчицей (переводы романов Уэльса и Гамсуна), окончив Екатерининский институт благородных девиц и консерваторию. Но, как говорил впоследствии Николай Александрович, природа не зачала ему годы, проведенные в тюрьме. 52-летний бывший узник был строен, энергичен, весел и обаятелен. Предмет его нынешнего интереса была моложе ровно на те «незачтен-

ные» 26 лет и также не лишена обаяния. Осенью 1906 г. Морозов предложил Ксении Алексеевне давать уроки по физике для подготовки в медицинский институт. В декабре на набережной Невы при закате солнца он сказал ей о своих чувствах, а в январе в Борке уже готовились к свадьбе.

Не обошлось без казусов. Священник церкви, где должно было произойти венчание, стал сомневаться, а вдруг бывший шлиссельбуржец лишен права жениться. И он потребовал бумагу от нотариуса, заверенную двумя подписями, что у невесты не имеется препятствий к браку.

7 января 1907 года в церкви села Копани, в трех километрах от Борка, произошло венчание...

С женитьбой Морозов приобрел новых, достаточно именитых родственников.

Прабабушка Ксении была испанка де Кастро де Кабреро Дасерда. Дядя ее – Евгений Валентинович де Роберти (де Роберти де Кастро де ла Серда), 1848 г. рождения, был философ-социолог, позитивист-агностик, основатель Вольной школы в Брюсселе, написал в 1869 г. «Политико-экономические беседы», полемизировал с Н.К. Михайловским. 20 декабря 1880 г. в Тверском земстве он произнес речь, прося земство возбудить перед правительством вопрос о введении в России представительского строя. Жил он в имении Валентиновке, Старицкого уезда, Тверской губернии. Другой дядя – Сергей Валентинович де Роберти был известен своими чудачествами и жил в имении в Новоторжском уезде. Когда губернатор его спросил, почему он не крестит своих детей, он ответил, что русские няньки к некрещеным детям относятся лучше, чем к крещеным. Тем не менее жена его, француженка, опустила детей в пруд и в это время совершила над ними обряд крещения. Де Роберти производили свой род от Людовика Святого, французского короля. Тетя Ксении, Мария Валентиновна Ватсон, с которой и началась эта история, была урожденная де Роберти. Муж ее был литератор. Поэт Надсон был большим другом М.В. Ватсон.

Мать Ксении – Елизавета Валентиновна де Роберти вышла замуж за полковника Бориславского, мать которого была сербка Угричич-Требинская.

Родители отдали шестилетнюю Ксению в Екатерининский институт благородных девиц в Петербурге, в котором обучались девочки из богатых и знатных дворянских семей. В программе, предусмотренной Уставом института, акцент делался на изучение языков: русского, немецкого, французского, а также итальянского или английского, которыми по окончании обучения все девушки владели свободно. Изучали они и естественные науки, историю, литературу. Все девочки, от первого до последнего класса, занимались музыкой: два раза в неделю по полчаса на фортепиано индивидуально с учителем музыки и ежедневно по часу самостоятельно. Обязательным было хоровое пение, светское и духовное, а также уроки танцев и музыкальной гимнастики. Централь-

ным событием, завершающим обучение в институте, был выпускной экзамен, на котором присутствовали члены императорской семьи, а иногда и сам император. Прилежно учившиеся и отлично окончившие институт выпускницы награждались именным «шифром», золотым или серебряным, украшенным драгоценными камнями, и могли стать фрейлинами императрицы. Большинство же выпускниц института получали «вензель», которым была удостоена и Ксения Бориславская.

После института она поступила в Петербургскую консерваторию, в которой на рубеже столетий работали выдающиеся музыканты России. Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Глазунов, А.К. Лядов преподавали теоретические дисциплины, такие как гармонию, контрапункт, оркестровку, композицию. Фортепьянное отделение вели Ф.М. Блумельфельд и А.Н. Есипова, создавшая свою школу пианистов. В это же время здесь учились Сергей Прокофьев и Михаил Гнесин. Пианистка Нина Геловани, подруга Ксении, вспоминала об этом времени так: *«Ксения училась прекрасно, была очень талантлива. Ее считали выдающимся человеком и предсказывали большое будущее».*

Диплом консерватории давал право на концертную и педагогическую деятельность. Родители Ксении к моменту ее замужества жили в Сибири, а у нее были планы поступить в женский Медицинский институт. Чтобы иметь средства на жизнь, она давала уроки музыки, выступала с концертными программами в аристократических салонах и концертных залах.

Несколько позже описываемых событий, 13 апреля 1910 года, в «Новом времени» появилась статья, которая начиналась так: *«Господин Морозов замечателен четырьмя вещами: 1) тем, что он 20 лет просидел в Шлиссельбургской крепости, 2) тем, что, выйдя из нее, он немедленно женился, о чем говорил весь Петербург, 3) что он нелепо объяснил Апокалипсис, и 4) что Репин написал его изумительный портрет, но сбоку, так что глаз не видно, глаза портрета ничего не говорят...»* Автором статьи был известный русский философ В.В. Розанов. *«Признаюсь, – продолжает автор, – репутация его мне не нравилась, и в особенности казалась нескромною явная претенциозность в науке, которую он хотел перевернуть и обновить. Он о чем-то совещался и что-то оспаривал и у Д.И. Менделеева насчет его периодического закона элементов. И тоже не соглашаясь, опровергая и открывая новое».* Потом, когда автору довелось столкнуться с Морозовым лицом к лицу, он вспомнил Репина: *«Вероятно, единственный случай в истории, что, страстно захотев рисовать портрет, великий портретист отказался рисовать глаза. Репутация Морозова огромная, биография мучительно-любопытная и нисколько не любопытные глаза, да и все лицо, именно то, что упустил Репин, выпустил из портрета. Но отчего же*

он так захотел Морозова рисовать? За его, Морозова, глубоко-прекрасное все, кроме лица. “Стрелы” нет в глазе, да и никакой стрелы вообще. Это лицо самого обыкновенного человека, но действительно изумительно прекрасного...

Тут я понял, отчего Морозов сейчас же женился, как вышел из Шлиссельбурга: он сделал лучшее дело жизни и даже такое, к какому и 20 лет назад его вела путеводная звезда, но он оступился по рассеянности и наивности и попал не под венец, а в крепость. Но по покорности, доброте души и опять же наивности просидел все 20 лет, даже ни разу не рассердившись, что более всего старит человека, и вышел молодым, все также неопытным, и начал разъяснять Апокалипсис.

Но вот однажды, разрезая новую книжку “Вестника Европы” (1909), я увидел «Письма из Шлиссельбургской крепости» и, прочитав несколько строк, так был обвеян нежным и благородным тоном их и весь захвачен ласковою, любящею душою автора, что читал дальше как лучшую, мне попадавшуюся, беллетристику...»

Заключение было следующим:

«...”Письма” его будут вечно читаться как один из прекраснейших цветков русской литературы, тогда как “Апокалипсис” и “Физико-химия” читаются только из вежливости к “шлиссельбургскому узнику”, который вместо того, чтобы с ума сойти, как, вероятно, со многими и случилось бы, над чем-то копался и что-то писал...»

Статья была неоднозначная, местами злая, но даже в ней не посмели покуситься на его книгу «Письма из Шлиссельбургской крепости», о которой столько говорили в это время в культурном обществе России.

Чуть позже мы увидим, как отнесся к этому произведению Л.Н. Толстой. А друг Морозова В.Я. Брюсов в письме от 8 сентября 1910 года приветствовал его такими словами: «Как странно отправлять Вам это письмо в тот самый Борок, который благодаря Вашим “Письмам” стал знакомым и родным всей читающей России...»

Почему же не были восприняты другие его работы, вышедшие ранее? Они специальные, чтобы их понимать, надо кое-что знать, иногда и очень много. Потому большинство отнеслось к ним скептически, большинство, но не все...

Глава II

ЗАБОТЛИВЫЙ ДРУГ

9 января 1907 супруги Морозовы вернулись в Петербург и поселились на Гончарной улице в меблированных комнатах. К этому времени Николай Александрович в основном печатал свои стихи и воспоминания. С научными работами приходилось большей частью выступать устно, так как трудно было найти для них издателя; кроме того, их было трудно выполнять графически из-за большого количества таблиц и структурных формул. Тем не менее, работы Морозова были известны в научных кругах. Он был избран членом Русского физико-химического общества и выступал с докладами на его заседаниях, был избран действительным членом Русского астрономического общества, почетным членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Но, к сожалению, он по-прежнему не имел постоянного заработка, и это было тем более неприятно, что теперь ему предстояло содержать семью. Этот вопрос можно было бы решить, занимаясь литературной деятельностью.

П. Ф. Лесгафт

Однако он хотел вести научную работу, так как видел смысл своей жизни именно в этом. Но, несмотря на обширные знакомства, ему не удалось получить какое-либо официальное место в государственном учреждении, ведь он не закончил даже гимназии и потому не мог занимать преподавательских должностей, разве что в каком-либо частном учебном заведении. Но кто возьмет бывшего каторжника?

И вдруг свершилось чудо. Однажды к нему на Гончарную приехал необычный гость — Петр Францевич Лесгафт. Представившись, он предложил Морозову руководить практически занятиями по аналитической химии в основанном им два года назад независимом университете (Вольной высшей школе) и работать над научными вопросами в его же биологической лаборатории... О большем трудно было мечтать, и Морозов сразу же дал согласие. На прощание Петр Францевич сказал:

— Заходите ко мне во всякое время, лучше всего в два часа, к обеду, так как обед — единственный свободный час, когда, наверное, можно застать человека незанятым.

Эта встреча положила начало большой дружбе.

Кто же такой был Петр Францевич Лесгафт и что из себя представляли руководимые им учреждения?

Родился он в 1837 году в Петербурге в семье ювелира. Когда мальчик немного подрос, отец отдал его учеником в аптеку. Это занятие ему не понравилось, и он убежал оттуда. Отец был очень расстроен поступком сына и махнул на него рукой, предоставив самому себе. В это время и произошел перелом в его жизни. Чтобы обрести независимость, нужно было много учиться и работать. Для начала юноша стал самостоятельно готовиться к поступлению в старшие классы гимназии. В результате окончил гимназию, затем Медико-хирургическую академию. По окончании профессор Грубер оставил его при анатомическом кабинете академии. Через четыре года он защитил докторскую диссертацию, а еще через три был избран экстраординарным профессором кафедры физиологической анатомии Казанского университета.

Его первая публичная лекция закончилась полным провалом. Зато следующая прошла с триумфом – слушатели устроили ему овации. С тех пор у профессора Лесгафта не было ни одной неудачной лекции, а аудитория всегда была переполнена. По воскресеньям он читал для желающих курс хирургической анатомии, и несмотря на воскресный день аудитория была всегда полна. Руководство университета одобряло его работу, однако сам Лесгафт был недоволен царящими в университете порядками. По его мнению, там нарушались правила преподавания, совершалось много разного рода несправедливостей, и все это – с ведома и при поддержке попечителя учебного округа. Петр Францевич написал большую статью в «Санкт-Петербургские ведомости» под названием «Что творится в Казанском университете». Реакция министра просвещения на это публичное выступление была такова: «Выгнать из университета и лишить права преподавания». В знак протеста семь ведущих профессоров Казанского университета покинули его стены.

Лесгафт вернулся в Петербург, к своему учителю Груберу. Здесь он возглавил кружок девушек, которые хотели получить медицинское образование. Число его слушательниц быстро росло. Среди них были Сулова и Кашеварова, ставшие впоследствии первыми женщинами-врачами в России. Лесгафт вообще был сторонником женского образования. В Казани его лекции и занятия по практической анатомии посещали и женщины. В их числе были и сестры Фигнер, пронесшие любовь и уважение к своему учителю через всю жизнь. После изгнания Лесгафта из Казани они вынуждены были уехать за границу для продолжения образования.

В 1875 году Военное министерство занялось организацией гимнастических упражнений в полках. В связи с этим военный министр предложил Лесгафту ознакомиться с постановкой преподавания гимнастики за границей и организовать такие же курсы для офицеров в России. Петр Францевич прекрасно справился с этой задачей, ведь это было близко к основной научной проблеме, которую он разрабатывал, – идее о том, что не только все органы, но и все организмы развиваются толь-

ко если упражняются. Он разрабатывал системы упражнений для комплексного развития гармоничной личности.

Лесгафт считал, что для того, чтобы понять организм, надо ознакомиться с его деятельностью, поэтому анатомия – наука, изучающая мертвое тело, – становится необыкновенно завлекательной и динамической наукой. Он разрабатывал новые педагогические приемы, полагая вредным использование различных стимулов и возбудителей для вызывания интереса к учебе. Лесгафт любил повторять: «Сначала конфетка, потом конфетка с ромом, потом ром с конфеткой, а наконец, и чистый ром». Он был сторонником практических способов обучения и резко возстаивал против изучения предметов лишь по одним книгам. Ругательным словом у него было «классик, книжник», когда кто-нибудь сделает плохой препарат или еще что-либо.

Одно время Петр Францевич преподавал в качестве приват-доцента в Петербургском университете, и несмотря на то, что это был один из самых популярных лекторов, ему не давали кафедры. Кроме университета, он читал лекции по анатомии для желающих и у себя дома. В начале 1890-х годов одним из самых усердных посетителей лекций Лесгафта был Иннокентий Михайлович Сибиряков – миллионер, который слишком рано стал хозяином своих богатств. К нему со всех сторон обращались за деньгами, и это ему изрядно надоело. Он решил пополнить свое образование, но профессора университета запросили такой большой гонорар за свой труд, что, заметив столь явное корыстолюбие, Сибиряков разочаровался в этих людях. Узнав о домашних лекциях Лесгафта, он решил их посещать и, к своему удивлению, увидел, что к нему относятся, как и ко всем прочим, и ничего не требуют. Вместе с тем Иннокентий Михайлович чувствовал, как тяжело Петру Францевичу мириться с университетскими порядками, как к нему тянутся люди, и решил ему помочь.

Однажды осенью 1893 года Сибиряков явился к своему учителю и предложил ему в полную собственность 200 тысяч рублей и большой дом на Бассейной улице, стоимостью в 150 тысяч, для того, чтобы Петр Францевич мог организовать лабораторию и трудиться там со своими учениками, не тратя время на работу для заработка. Это была большая радость для Лесгафта и его близких сотрудников.

26 августа 1893 года был созван первый совет «Естественноисторического музея», но проект устава этого учреждения не был утверждён, так как правительство не сочло нужным открывать новый музей. И лишь 19 октября 1894 года учреждение утвердили под названием «Санкт-Петербургская биологическая лаборатория». Домашние курсы Лесгафта в 1896 году были преобразованы в официально разрешенные «Курсы воспитательниц и руководителей физического образования». В 1905 году курсы удалось преобразовать в Высшую Вольную школу – первый общественный университет, давнишнюю мечту Лесгафта.

Школа оказалась очень популярной, в ее стенах собралось полторы тысячи слушателей обоего пола. Кстати, здесь же разместился первый Совет рабочих депутатов, нашедший приют у Лесгафта в 1905 году.

Наряду с науками математическими, которым Лесгафт придавал очень большое значение, на курсах преподавались все естественные науки. Особенно подробно, конечно, изучали анатомию и физиологию человека. Кроме того, со временем, ему удалось ввести преподавание гуманитарных наук – философии, истории, психологии, литературы. Вольная школа состояла из двух отделений – академического, куда допускались только лица, окончившие среднее учебное заведение, и народного отделения, на которое принимались все без ограничений. Главным недостатком современной высшей школы Лесгафт считал то, что она дает лишь специальные знания, без общего высшего образования, так что между средней и высшей школой остается ничем не заполненный пробел. Человек, закончивший естественный факультет, не знаком с обширной областью гуманитарных наук, а гуманитарии являются невеждами в области естествознания. Невозможно освоить в совершенстве все науки, но если из каждой дисциплины давать тот минимум, который необходим любому образованному человеку, независимо от рода его дальнейшей деятельности, то такая задача вполне выполнима. После получения общего образования человек уже может получать специальное, причем выбор его будет более осознанным и работа по специальности – более продуктивной.

И вот в таком учреждении и с таким человеком Морозову предстояло работать. Это была очень большая честь.

Они очень часто вместе обедали, и Петр Францевич расспрашивал Николая Александровича о товарищах по заключению. Веру Николаевну Фигнер он помнил, и очень хорошо, показывал даже ее фотографию, которую она ему подарила перед своим отъездом за границу. Еще он заинтересовался И.Д. Лукашевичем и М.В. Новорусским и со временем пригласил их к себе работать. (Он приглашал и Веру Николаевну, но она посчитала, что обладает недостаточной научной квалификацией, и от приглашения отказалась.)

Морозову поручили вести курс практической аналитической химии. Лесгафт остался им доволен и зимой предложил естественноисторическому факультету кандидатуру Морозова в качестве приват-доцента, а также предложил прочесть курс химии, связав в нем в единое целое общую, физическую и космическую химию. Николай Александрович прекрасно справился с задачей, и еще до начала летних каникул Лесгафт выдвинул его кандидатуру в качестве профессора физической химии, а в качестве диссертации предложил зачесть вышедшие в печати его труды.

Сам бережно относясь к своему времени, Петр Францевич умел ценить чужое. И проявляя заботу о людях, Петр Францевич строго

спрашивал с них. Сам он за всю свою жизнь ни разу не пропустил ни одной лекции и ни разу не опоздал, невзирая ни на какие обстоятельства. В назначенное время он неизменно появлялся на кафедре, будь он болен или здоров, спокоен или чем-то расстроен. Про Лесгафта говорили, что если бы вдруг во время лекции обвалилась стена аудитории, то и тогда он предложил бы всем оставаться на местах и дослушать лекцию до конца, и только после лекции подбежал бы вместе со слушателями осматривать и поправлять случившееся повреждение. Неумолимый к себе, он был неумолим и к другим. В первый месяц работы у Лесгафта Морозов опоздал на 7 минут на занятия из-за того, что по дороге произошло несчастье с конкой, на которой он добирался до Вольной школы. На следующий день, поприветствовав Морозова при встрече, Петр Францевич сделал ему замечание:

– А вчера Вы, Николай Александрович, запоздали на лекцию, запоздали!

– Но зато я закончил ее на четверть часа позднее!

– Знаю-знаю, но слушателей своих все же заставили подождать себя и приучаться к неаккуратности! А ведь их много, и каждому пришлось потерять это время... Уж лучше нам самим приходиться несколько раньше, чтобы одному ждать всех, чем всем одного.

Петр Францевич не только сделал выговор своему сотруднику, но и принял меры, чтобы эти опоздания по «техническим причинам» не повторялись. Он предложил ему занять одну из квартир в здании Лаборатории. Теперь проблем с попаданием на занятия у него не возникало. Кстати, новая квартира Морозовых была рядом с квартирой Лесгафта, и это еще более сблизило их.

О пропуске занятий не могло быть и речи. Но однажды Морозову надо было съездить в Париж, по официальной версии – для чтения лекций по астрономии, а на самом деле, чтобы сообщить своим друзьям-революционерам о затесавшихся в их ряды провокаторах. И получалось так, что он должен был пропустить две лекции, предварительно уведомив об этом слушателей и Петра Францевича. Доверие Лесгафта удалось сохранить только при том условии, что по возвращении вместо положенных трех лекций в неделю Морозов будет читать по четыре до конца учебного года, с лихвой компенсируя пропущенное.

Хотя Морозова и освободили из тюрьмы, правительство считало, что на свободе он все еще опасен, так как революционной молодежи достаточно было одного его имени, чтобы использовать его, как знамя. Кроме того, полагали, что Морозов не оставит революционную деятельность и попытается передать свой опыт террориста-революционера членам современных противоправительственных организаций. Но вышедший из заточения узник увидел, что существующее в России революционное движение имеет различные формы, разнообразные программы, друг с другом спорящие. Он уже все это проходил и поэтому

посчитал, что больше пользе стране принесет, доведя до конца свои научные работы.

Многие его товарищи после освобождения отказались от активной борьбы. Исключение, пожалуй, составляла Вера Николаевна Фигнер, вошедшая в ЦК партии социал-революционеров. К этой же партии принадлежал и Петр Владимирович Карпович, их молодой товарищ по заключению в Шлиссельбургской крепости. Так как он просидел там менее десяти лет, то амнистия на него не распространялась, и когда Шлиссельбургская тюрьма была ликвидирована, его сослали в Сибирь. Оттуда он бежал и объявился в Петербурге, где встречался с Морозовым. Однажды он попросил привести к Николаю Александровичу «одного замечательного человека», чтобы их познакомить. Морозов согласился.

Встреча состоялась в последние дни декабря 1907 года. Новый знакомый был хорошо одетый коренастый, упитанный брюнет с несколько вывернутой наружу нижней губой и небольшими быстрыми темными глазами. Когда он снял каракулевую шапку, обнаружились торчащие уши, а постриженные ежиком волосы не скрывали дефекта его головы, заострявшейся кверху. По виду он казался банковским дельцом, но что-то в этом человеке, назвавшем себя Иваном Николаевичем, сразу же не понравилось Морозову. Когда начался разговор об общем положении в России, то собеседник не обнаружил ни широты кругозора, ни должного интереса к теоретическим положениям и выводам. После общих разговоров Иван Николаевич, наконец, перешел к цели своего визита:

– Уважаемый Николай Александрович, сейчас в нашей организации разрабатывается план покушения на Николая II, возможно, с использованием аэроплана и бомб. Нам нужно ваше имя, чтобы привлечь серьезных людей.

Морозов улыбнулся:

– К сожалению, я мало подхожу на роль «свадебного генерала». Согласно своим убеждениям, если организуется какое-нибудь дело, которое соответствует моим убеждениям, я считаю своим долгом принимать в нем самое деятельное участие. В противном случае я не принимаю в нем никакого участия. В вашем предприятии я участвовать не могу, так как считаю сейчас самой главной для себя задачей опубликование своих трудов. А давать имя для дела, в котором не участвуешь, я считаю безнравственным, так что, не обессудьте...

– Но ведь генерал никогда не ввязывается в гущу боя, – начал убеждать Иван Николаевич. – Вы наш генерал.

– Нет, в вашем деле я принимать участие не буду, и причины отказа я вам уже изложил, поэтому считаю лишним возвращаться к этому разговору.

Увидев непреклонность Морозова, Иван Николаевич стал прощаться. Когда они уже стояли в прихожей и гость надевал шапку, Николай Александрович обратил на нее внимание, заметив, что уж слишком она заметная для революционера, так как сразу бросается в глаза и

шпику не составит труда следить за человеком в такой шапке... Иван Николаевич хмыкнул в ответ. На этом они расстались.

Через некоторое время новый знакомый через Карповича попросил у Морозова разрешения воспользоваться его квартирой для секретного собрания. Николай Александрович согласился, но в назначенный день ушел из квартиры сам и увел жену. Как оказалось, эта предосторожность была не лишней...

Вскоре в одном из петербургских салонов к нему подошел князь Бебутов Давид Осипович, с которым они были знакомы лишь шапочно. Разговор, который он затеял, заинтересовал Николая Александровича. Князь начал с того, что в организации, к которой он принадлежит, есть информация о том, что в современных революционных организациях действует несколько провокаторов. Но чтобы с этими документами ознакомиться, Морозову следует вступить в их организацию, члены которой пользуются общим уважением и вместе с тем недовольны существующим строем. После дальнейшего разговора выяснилось, что эта организация – масонская ложа «Полярная звезда»¹. И, как позже узнал Николай Александрович, князь был ее секретарем и казначеем. Морозову хотелось ознакомиться с документами о провокаторах и, вместе с тем, было интересно познакомиться с этой загадочной организацией. Конечно, он согласился. Его предупредили, что прежде чем его примут, он должен будет пройти опасные для жизни испытания. На это он с усмешкой ответил, что совершенно не боится предстоящих испытаний, ведь он не первый, кто будет через них проходить, и если в результате испытаний были бы смертельные случаи, то полиция давно бы этим заинтересовалась. А коль скоро этого нет, то и бояться нечего.

Так и вышло. Они подъехали к большому дому. На лестнице ему завязали глаза и стали водить по какому-то лабиринту, рассказывая об ужасах, которые его окружают. Но Морозов все это воспринимал довольно спокойно. Но вот с него сняли повязку, и оказалось, что он находится в небольшом, не очень хорошо освещенном зале, в котором находилось довольно немного народу в коротких фартуках. Приглядевшись к ним, он обнаружил, что с большинством из них он уже знаком, встречаясь с ними на разных званных вечерах. Нечто похожее было, когда его в юности принимали в революционную организацию. Там тоже оказалось, что практически со всеми членами он знаком и так.

Ознакомившись с деятельностью организации, он не нашел в ней ничего интересного и принимал очень мало участия в ее работе. В 1914 году ему объявили, что братья решили заснуть и больше не будут собираться. Так на вычурном языке масонов обозначалась элементарная вещь – ложа просто закрывалась. Было ли так на самом деле или таким образом решили вывести Морозова из организации – неизвестно.

Но польза от связи с ложей была. Через несколько дней после вступления в организацию ему принесли на дом обещанные документы. Из них он узнал, что Евно Азеф, член ЦК партии эсеров, работающий под

кликлой Иван Николаевич, участник покушения на генерал-губернатора Петербурга Трепова и министра внутренних дел Плеве, является платным агентом охранного отделения. Новость была потрясающая. Человек, принесший документы, подал ему еще одну папку. Там лежал листок, из которого следовало, что его товарищ по Шлиссельбургу Стародворский является агентом Департамента полиции. Сразу же всплыли подозрения, которые возникали еще в крепости: странные поездки Стародворского в Петербург перед самым освобождением. Все сходилось. «Похоже, что документы подлинны», – решил Николай Александрович, отдавая папки. Посланец тут же с ними удалился. Когда первое возбуждение прошло, Морозов понял, что допустил ошибку, не сняв копий с этих документов, а еще лучше, надо было снять фотокопии. Но при повторной просьбе дать ему документы он получил отказ.

Несколько позже Николай Александрович узнал, что одна из первых провокаций, которые Азеф готовил против него, заключалась в том, чтобы заманить Морозова на студенческий литературный вечер для чтения стихов и арестовать его там, после чего, дав происшествию соответствующую окраску, департаменту полиции будет нетрудно сострять дело и выслать его из Петербурга. И такой случай представился осенью 1906 года.

За несколько дней до того вечера к нему явилась стройная девушка. Потом по фотографии он узнал, что это была слушательница высших женских курсов Стуре, казненная через несколько месяцев за пропаганду среди матросов. Зная ее непреодолимое обаяние, Азеф посылал ее тогда повсюду, а затем, когда она инстинктивно почувствовала его двойную игру, он же и устроил ее гибель, чтобы сохранить самого себя...

– Вот вы меня зовете читать стихи на студенческий литературный вечер, а не приходите вам в голову, что таким пустячным делом воспользуются в охранном отделении, чтоб меня выслать из Петербурга? – спросил у посетительницы Морозов.

– Но уверяю вас, что никому ничего не будет за это! – сказала она, улыбаясь. – Вечеринка официально разрешена директором института.

– Раз говорите, что все оформлено хорошо, я приду и прочту некоторые из моих стихов.

В это время Ксения Алексеевна только что сделалась его невестой и, узнав о таинственном приглашении, непременно хотела сопровождать его туда. Они пришли. Морозов начал читать стихи. Раньше, чем он кончил, кто-то вбежал в двери, крича: «Господа, полиция окружает солдатами институт». Одни бросились к выходу. Другие кричали ему: «Кончайте, кончайте!». Он кончил все, что ему полагалось прочесть, они с Ксаной направились к выходу и вслед за этим были отведены в полицейский участок, где их и продержали до утра, а потом, переписав их фамилии, отпустили.

Морозов инстинктивно чувствовал, что если в сделанном ему приглашении была ловушка, чтоб найти повод выселить его из Петербур-

га, то самое лучшее средство противодействовать этому – тотчас же описать все событие в юмористическом виде в газетах, раньше, чем успеют потихоньку наклеветать на него. Он так и сделал, написал в тот же день фельетон «Именины в участке» и, очень может быть, только благодаря этому и не был отправлен в провинцию... Потом он узнал, что организация вечера принадлежала Азефу...

Но это были лишь подозрения.

Эти новости нельзя было держать в тайне. Надо было предупредить товарищей, чтобы они не попались на провокацию, и ЦК партии эсеров. Но со Стародворским вышла неприятность. Друзья, которым Морозов рассказал о Стародворском, призвали последнего к ответу. Тот стал все отрицать и потребовал третейского суда. И такой суд был назначен, с Лопатыным во главе. Состояться он должен был за границей. А так как Морозову еще надо было встретиться с членами ЦК партии эсеров, то для этой цели был выбран Париж, где в это время находился их председатель Марк Натансон. Морозов решил совместить эту поездку с приглашением прочесть ряд научных лекций за границей.

Наконец поездка состоялась. Как уже говорилось, официально он ехал читать лекцию об истории создания Апокалипсиса. И здесь все было хорошо: лекция была успешно прочитана 29 апреля, потом был концерт, на котором В.Н. Фигнер и М.Ф. Фроленко выступали с воспоминаниями, а в качестве почетного гостя на вечере присутствовал Анатолий Франс... На заседании Французского астрономического общества Николай Александрович познакомился с выдающимся астрономом, автором известных научно-популярных книг Камиллом Фламарионом. Был в институте Пастера. Слушал лекции Складовской-Кюри в Парижском университете...

День или два спустя Николай Александрович имел беседу с Марком Натансоном, председателем ЦК эсеров.

Но главные дела, ради которых была предпринята поездка, окончились неудачей. Марк Натансон отказался ему верить и потребовал, чтобы он никому больше об этом не говорил. Третейский суд также признал, что обвинения, предъявленные Морозовым Стародворскому, безосновательны, и потребовал письменного извинения перед ним. Морозов отказался, так как был абсолютно уверен в своем обвинении и не считал нужным извиняться, но согласился больше ни с кем этого вопроса не обсуждать. Отзвуком этих событий явилось горькое «Беззвездное стихотворение», помещенное в сборнике «Звездных песен» с посвящением «Старому»:

Года продавшихся Шерлоков!
Когда вы сгинете навек,
И честных истины пророков
Увидит снова человек?

Когда не будут с перепуга
Охранки тайные рабы
Восстанавливать нас друг на друга
Под флагом классовой борьбы?

Когда придет добро без стона,
Обман – не будет идеал,
И за раскрытие шпиона
Не повлекут вас в трибунал?

Осенью 1908 В.Л. Бурцев (издатель журнала «Былое», разоблачивший многих агентов царской охранки), повстречавшись в поезде с бывшим директором департамента полиции Лопухиным, получил подтверждение, что Азеф – агент охранки. Об этом он сообщил эсерам. 5 января 1909 года Чернов и Савинков устроили Азефу допрос, после чего дело передали революционному суду, который состоял из Фигнер, Кропоткина и Лопатина. Суд признал Азефа невиновным.

Со временем, после открытия архивов Департамента полиции, работа Морозова была полностью доказана.

Работать вместе с Лесгафтом было чрезвычайно привлекательно. Была уверенность, что вместе с Петром Францевичем всякое дело будет окончено хорошо и вовремя – недостаток энергии Морозова он пополнял своей собственной и, напротив, не позволял отвлекаться от главной задачи, занявшись чем-либо более приятным. Это особенно сказывалось на их совместной работе в «Известиях С.-Петербургской биологической лаборатории», где они были одни из основных авторов. Только успевали закончить один выпуск, как Петр Францевич уже интересовался:

– А когда, Николай Александрович, будет готова Ваша следующая статья?

– Я думаю, месяца через два будет готова полностью.

За неделю до назначенного срока Лесгафт напоминал:

– А ведь ваш срок, Николай Александрович, уже кончается! Готова ли у Вас работа? Смотрите, не запаздывайте!

Такое отношение к делу очень дисциплинировало и позволяло быть спокойным за будущее. Только за период с 1907 по 1911 гг. Морозовым было опубликовано более 80 научных и литературных работ. В новой жизни с огромным количеством нахлынувших житейских забот так легко было потерять тот темп работы, который сложился у него за много лет одиночества! И большую часть этих забот взял на себя Лесгафт, собственная жизнь которого была далеко не легкой...

Традиционная рассеянность, свойственная многим ученым, у Морозова усугубилась его положением «вечного» узника. После осво-

бождения из Шлиссельбурга он сохранил свойство углубляться в свои мысли, не замечая окружающего. С ним приключалось немало забавных историй, к примеру, такая.

Однажды в Борок неожиданно приехали гости из соседнего села Лацкое и он должен был выйти к ним, чтобы поздороваться, оторвавшись от научных занятий. Николай Александрович знал, что жена ушла купаться на пруд и ему нужно обязательно встретить гостей. Но случилось так, что день был ветреный, и Ксения Алексеевна, быстро закончив купание, вернулась домой и уже вошла на веранду, где собрались приехавшие гости и родные Морозова. Николай Александрович тоже вошел туда и направился прямо к жене:

– Здравствуйте, очень рад, что приехали. Я слышал, что Вы служите учительницей в Лацком, а Ваш брат служит в Мологе...

Ксения Алексеевна сначала улыбалась, думая, что это розыгрыш, но очень скоро поняла, что это серьезно. Слезы навернулись у нее на глазах, и она с ужасом спросила:

– Коля, что с тобой? Это я, Ксана, твоя жена...

Николай Александрович как бы проснулся, он узнал голос жены, и на лице его появилось смятение:

– Но... ведь у тебя другая прическа?..

– Я купалась, замочила волосы, поэтому так их уложила.

Недоразумение выяснилось, но Ксению Алексеевну долго дразнили:

– Вы служите учительницей в Лацком, а Ваш брат служит в Мологе?

Это был урок и Ксении Алексеевне. Теперь она сама не позволяла отвлекать мужа от работы.

А вот другая история.

Морозова пригласил в гости профессор Лесной академии Сент-Клер и сказал, что будет ждать его в воскресенье. В назначенный день Николай Александрович отправился по приглашению, непрерывно повторяя про себя фамилию профессора. На одном из поворотов его сильно качнуло, и вместо «Сент-Клер» он стал повторять «Фан-дер-Флит». Приехал в академию и спросил: «Где живет профессор Фан-дер-Флит?» Ему показали, так как там был профессор с такой фамилией. Но на пороге указанной квартиры его встретил совсем другой человек, не тот, к которому он ехал.

– Можно видеть профессора Фан-дер-Флита? – в замешательстве спросил Николай Александрович.

– Это я, чем обязан?

– Я профессор Морозов, приехал в гости... А у Вас, случайно, нет брата?

– А, Николай Александрович, заходите, я много о Вас слышал. А брата у меня нет.

– Странно... Меня пригласил Фан-дер-Флит к себе в гости, а здесь Вы... Странно...

– Странно? А я и есть Фан-дер-Флит. Заходите, заходите, Николай Александрович!

Они мило побеседовали, и часа через два Морозов отправился домой. На том же самом повороте вдруг всплыло: «Сент-Клер». Все стало ясно, но возвращаться было уже поздно. Дома он написал письмо Сент-Клеру и извинился за свою рассеянность...

Еще один забавный случай произошел в канцелярской лавке неподалеку от дома, где Морозов регулярно покупал писчие принадлежности. Однажды он выбрал нужные покупки, а деньги, как оказалось, забыл дома. Он так и сказал хозяину, попросив отдать ему покупки с условием, что деньги он занесет в следующий раз. Ведь хозяин наверняка его знает и верит ему? Ответ был совершенно неожиданным:

– Да, я Вас знаю и верю Вам, но не отдам Вам Вашу покупку, потому что не хочу потерять постоянного покупателя. Ведь покупка копеечная, и Вы наверняка забудете сразу заплатить, а потом Вам будет стыдно передо мной и Вы будете избегать заходить ко мне в магазин...

Морозов вообще странно относился к деньгам. Он прекрасно считал, хорошо разбирался в экономических вопросах, но не умел считать деньги, которые получал. Зачастую он приходил домой и говорил, что получил гонорар столько-то рублей и положил их на стол в столовой, а минут через пятнадцать напоминал:

– Ксана, ты убрала деньги со стола, ведь там... – и он называл уже другую сумму, – рублей?

– Как же, ведь ты говорил, что там совсем другая сумма? – удивлялась Ксения Алексеевна.

– Не важно, деньги все равно надо убрать...

Ксения Алексеевна пересчитывала деньги, и там оказывалась совершенно другая сумма, отличная от двух названных...

К тому же Морозов был очень доверчивым, и многие этим пользовались. Как-то зимой к нему подошел молодой человек в одном сюртуке и попросил денег на извозчика, так как на него напали грабители и отобрали деньги и пальто. Николай Александрович, посочувствовав, предложил большее:

– Я здесь недалеко живу, поедемте со мной, я напою Вас чаем и дам, что одеть, и денег на извозчика.

Он выполнил свое обещание и проводил незнакомца до двери. Через некоторое время пришли гости, и когда он открывал дверь, то увидел, что с обратной стороны ее написано «Старый дурак». Николай Александрович все понял и со смехом рассказал гостям эту историю: молодой человек был просто жулик, который таким способом добывал себе деньги.

– Нельзя же быть таким доверчивым? – посетовали гости.

– Лучше оказаться десять раз обманутым, чем один раз не подать руку помощи в ней нуждающемуся, – спокойно возразил Морозов.

А обманывали его без конца. Многочисленные подозрительные визитеры были главной язвой его петербургской жизни. Одни из них

выдавали себя за студентов, схваченных охранным отделением и только что выпущенных на свободу, другие – за провинциальных артистов, обманутых антрепренером, третьи – за собратьев-писателей. Один даже назвался его однофамильцем, дальним родственником, другой козырнул тем, что он писатель, убежденный вегетарианец, очутившийся в безвыходном положении из-за своих вегетарианских принципов, и показал в доказательство письмо от одного известного писателя, которого очевидно надул. Из десяти незнакомых посетителей девять к нему обыкновенно приходили за деньгами, а потому и на десятого он невольно смотрел сначала с этим же ожиданием, и как радовался потом, если ошибался!

Надо ли говорить, сколь важна была помощь Морозову в житейских делах, и сколь много сделал для него заботливый друг – Петр Францевич Лесгафт!

Летом 1907 года Вольную школу закрыли. Осенью, еще по инерции, слушатели посещали лекции, читаемые только Лесгафтом и Морозовым. Такая неполнота, конечно, никого не удовлетворяла, и после того как курс был закончен, нового притока слушателей уже не было. Для работы Лесгафт предоставил Морозову один из кабинетов лаборатории.

В 1909 году появилась возможность опять открыть Университет Лесгафта. Петр Францевич узнал об этом поздно вечером и сразу же побежал к Морозову:

– Скорее пишите программы – по общей химии, органической химии, физической химии и космографии. С осени снова разрешили открыть при лаборатории высшее учебное заведение, и Вас прошу, от имени учредителей, читать в нем общую химию и космографию. Только все программы доставьте мне завтра рано утром, чтобы завтра же успеть представить их в министерство народного просвещения. Остальные программы уже поручены другим.

– Но как же я успею к утру? Уж скоро полночь! – удивился Морозов.

– Успеете! Пишите самые короткие! Чем короче, тем лучше, не надо будет чиновникам много читать!

Морозов улыбнулся этому практическому приему, и к утру программы были готовы. Лесгафт просмотрел их и остался очень доволен:

– Самые настоящие для чиновников – короткие!

Программы были утверждены. Но Петр Францевич восстановления Университета уже не увидел. 28 ноября 1909 года Лесгафта не стало. Он умер в Каире, куда уехал лечиться. Тело Лесгафта было привезено в Петербург и похоронено на Волковом кладбище при большом стечении народа и при полной тишине. Царское правительство запретило произносить прощальные речи над его гробом...

После смерти П.Ф. Лесгафта директором Биологической лаборатории был избран Сергей Иванович Метальников. Почти в один год с

Лесгафтом или несколько раньше ушли из жизни некоторые члены совета и руководители отделов. В связи с этим был обновлен состав совета. Кроме С.И. Метальникова в него вошли ранее работавшие в лаборатории Н.А. Морозов, А.А. Красуская, И.П. Долбня, Е.С. Федоров, Ф.И. Чентукова, а также вновь приглашенные Н.Н. Яковлев (впоследствии выдающийся советский палеонтолог) и профессора Горного института В.И. Бауман и В.В. Никитин. Произошли изменения и в составе руководителей отделов. Так, вместо рано умершего А.А. Вальтера был приглашен П.Г. Кауфман, заведовавший отделением физиологии всего два года; затем год это место занимал будущий академик В.Ю. Чаговец, а после него – А.А. Ухтомский, один из выдающихся физиологов, впоследствии академик, а сотрудником его был И.С. Беритов (Бериташвили), позже тоже избранный академиком и прославивший грузинскую физиологию. Место ушедшего в 1909 г. В.Л. Комарова (будущий президент АН СССР) занял А.А. Рихтер – выдающийся ботаник, в советское время избранный в академики и известный работами по соле- и засухоустойчивости растений, а также по биохимии технических культур. В связи с уходом Б.И. Исаченко он объединил под своим руководством два отделения: ботаники и микробиологии. Заведование отделением химии П.Л. Мальчевский уступил Н.А. Морозову, а место умершего И.В. Мушкетова сначала занял В.В. Никитин, а затем – А.Н. Рябинин. Несмотря на изменения руководящего состава, Биологическая лаборатория интенсивно работала, сохраняя свой высокий научный авторитет и свое прогрессивное направление.

Первой задачей нового состава совета было восстановление Высшей вольной школы, закрытой правительством, или Свободного общественного университета, о котором мечтал П.Ф. Лесгафт. Лишь после длительных хлопот в 1910 г. учебное заведение удалось открыть. Однако теперь оно называлось Высшими курсами. Прежнее название, как и Общественный университет, было отклонено министерством. Курсы начали нормально функционировать, но недолго. Их опять закрыли в связи со студенческими волнениями. Вновь они открылись лишь в 1911 г.

В 1913 г. на заведование отделением физиологии пришел молодой ученик И.П. Павлова Л.А. Орбели, уже зарекомендовавший себя высококвалифицированным физиологом. Леону Абгаровичу в это время шел только 31-й год. Здесь он проработал 44 года (с 1913 по 1957 г.).

В отделении ботаники в период заведования им Владимиром Леонтьевичем Комаровым начато было исследование вопросов, которые очень мало или вообще не разрабатывались в России: приспособление растительного организма к условиям среды и выяснение связи между функциональной энергией различных органов растения и его физиологической деятельностью. Это исследование в полной мере продолжалось и расширялось затем и под руководством Андрея Александровича Рихтера. Работа велась в двух направлениях. Первое – изучение

строения растений и функционального значения его особенностей, а также механизмов роста растительного организма. В этом плане были получены интересные данные о биологии устьиц — специального аппарата листьев, регулирующего газообмен и испарение влаги листом. Но еще более важным и практически ценным было второе направление — исследование влияния среды на растения и приспособления к ее неблагоприятным условиям. Особое внимание было обращено на процессы фотосинтеза, т. е. построения углеводов из поглощаемой растением углекислоты с использованием энергии солнечного света. Было изучено влияние освещенности листа на этот процесс как в освещаемых, так и в теневых листьях, а также значения необычного (аномального) положения листьев для роста и развития растения. Исследование приспособляемости растений к условиям среды преемственно сохранилось в работе отделения и после того, как А.А. Рихтера сменил новый заведующий отделением — Владимир Николаевич Любименко. Уже при нем рассматривались вопросы влияния на фотосинтез различных участков спектра солнечного света, а также приспособления растений к изменениям осмотических условий, минерального питания и различной солености почвы.

Отделение химии, которым после ареста Н.А. Морозова в 1911 году снова руководил П.Л. Мальчевский, большое внимание уделяло вопросам физиологической химии, для чего были приглашены видные биохимики М.Д. Ильин и Б.И. Слобцов. Исследованию подверглись структурные белки мышц и их соотношения в мышечных волокнах, способы приготовления некоторых белковых препаратов, а также окислительные ферменты клеток и их биологическое значение. Кроме того, Н.А. Морозовым до его ареста и заключения в крепость был выполнен ряд работ, развивающих его теорию строения атомов и направленных на выяснение структуры атомов водорода и гелия.

Немало сделал и Евграф Степанович Федоров, сотрудник Горного института, по совместительству работавший и в Биологической лаборатории. Прежде всего, он создал основы структурной кристаллографии и кристаллохимического анализа, благодаря чему на основании гониометрического изучения кристалла можно определять его состав. Одновременно Е.С. Федоров разрабатывал вопросы «новой геометрии», в которой вместо точки — основного элемента элементарной геометрии — можно использовать и другие геометрические образы (круги, шары, векторы, плоскости и пр.) и которая допускает системы четырех, пяти и более измерений.

Идеи Е.С. Федорова развивал и заведующий отделением геологии В.В. Никитин. Приглашенный в Биологическую лабораторию зоолог и палеонтолог Н.Н. Яковлев выполнил исследование структуры и развития кораллов. Сам же П.Л. Мальчевский много внимания уделял естественнонаучной пропаганде не только в Петербурге, но и в других городах России, а также преподавательской деятельности на курсах.

В лаборатории П. Ф. Лесгафта

Глава III

ПРАЗДНИК

В нас из сплетений неясных
Мыслей, мечтаний и дум
Грезы творений прекрасных
Вечно ваяет наш ум.

Николай Морозов

Л.Н. Толстым он увлекся еще в Шлиссельбурге. «Я знаю, что теперь в большой славе последние проповеднические произведения Льва Толстого, но, по-моему, ничто не может сравниться с его старыми романами, “Войной и миром” и “Анной Карениной”», – писал Николай Александрович родным в июле 1899 года. Разумеется, обретая свободу, он не мог удержаться от соблазна выразить свой восторг в личном письме «Великому старцу земли русской». Вместе с письмом Морозов послал две свои книги – «Откровение в грозе и буре» и «В начале жизни». Было это 31 марта 1907 года, а в апреле уже пришло ответное письмо от Льва Николаевича. Книга «В начале жизни» ему очень понравилась, он сожалел, что нет продолжения...

Николай и Ксения Морозовы

Однажды Морозов вместе с другом своей молодости Верой Дмитриевной Лебедевой, товарищем по кружку Алексеевой, решил устроить себе праздник – поездку в Ясную поляну. Очень хотелось повидаться и поговорить с Толстым. Вера Дмитриевна была там раньше и передала Николаю Александровичу приглашение хозяина. Поездка состоялась 28 сентября 1908 года.

Когда они уже приближались к Ясной поляне, кто-то из крестьянских парней, слонявшихся по улице, швырнул в проезжавшую пролетку довольно толстую палку. К счастью, она только сбила с Морозова шапку и ударилась в спину возницы.

– Впервые вижу такую встречу со стороны крестьян, – сказал, оборачиваясь, Николай Александрович.
– Не любят местные крестьяне, когда к графу гости ездят, надоели, – отозвался возница, потирая ушибленную спину.

Наконец подъехали к дому. Когда секретарь узнал, что прибыл «шлисельбуржец Морозов», он быстро проводил гостей к Толстому.

После взаимных приветствий прошли в гостиную. Сначала Лев Николаевич поинтересовался, как здоровье гостя после стольких лет тюрьмы, а потом вдруг спросил:

– Как Вы смогли написать такую книгу, как «Откровение в грозе и буре»? Как Вы там занимались астрономией? И до этого ли там было?

– Звездный мир приковывал мое внимание с детства, а в Алексеевском равелине, где я сначала содержался, у меня была только одна книга – Библия, и та на французском языке. Я старался разобрать туманный смысл Апокалипсиса, смотрел в окно, где виднелся клочок звездного неба, и вдруг однажды мне стал понятен смысл этой «темной» Книги...

– К сожалению, когда я открыл Вашу книгу и увидел там астрономические чертежи, то читать мне ее расхотелось, а теперь, после Ваших объяснений, я ее обязательно прочту.

Толстой показался Морозову более старым, чем представлялся по портретам. Глаза потеряли блеск, были тусклыми, бесцветными. Во всем облике его было много старческого, расслабленного. С книги разговор незаметно перешел на науку вообще:

– Вы все разрабатываете естественнонаучные вопросы, но может ли решение тех или других задач естествознания дать ответ на то, что для нас особенно важно: определить, что такое мы сами и каковы должны быть наши отношения ко всему окружающему? Наука нам не дает ответа на эти вопросы, а без них она является только помощницей техники, – продолжал Лев Николаевич.

Николай Александрович ненадолго задумался, а потом возразил:

– Вот представьте себе ребенка в пустой комнате. Что он прежде всего сделает, оставшись один? Подбежит к окну, чтобы заглянуть и узнать, что же там, за пределами этой комнаты. В каждом взрослом живет тот же ребенок, который все время стремится заглянуть в окно, чтобы узнать, что находится за стенами. Для этого он и глядит в телескоп, он хочет разведать, что же там, дальше... И если ему говорить, что эти его знания никому не нужны, он ответит, что ему просто интересно. А пока интересно, он будет заниматься своими наблюдениями.

– Но ведь Вселенная бесконечна, и все, что мы можем узнать таким образом, будет бесконечно крошечным ее уголком, совершенно теряющимся в безбрежности, и это надо ему указать.

– Все это так, но законы, которые управляют этой бесконечностью, конечны, и их можно охватить нашим умом. Мы как будто сидим на берегу безбрежного океана и смотрим: все волны, волны и волны бегут к нам, одна за другой. Мы не можем охватить их все, так как наш взгляд ограничен горизонтом, но, изучив законы волнения, мы узнаем и то, что далее нашего горизонта – то же самое волнующееся море. Точно

так же и во Вселенной – за пределами видимого нами уголка – все те же звездные скопления.

– Но их законов мы не знаем, а без них не понимаем и того, что видим!

– Когда я был еще мальчиком лет пятнадцати, я разочаровался в библейской космогонии и бросился со всем увлечением юности на естествознание, думая, что оно даст мне ответ на те мировые вопросы, о которых говорите Вы. Но чем дольше я занимался, тем более убеждался, что оно на полпути к своей окончательной цели – полному абсолютному знанию немногих законов жизни всей бесконечной Вселенной. По мере того, как терялась надежда решить эти вопросы для себя, у меня все более и более росло желание работать для их разрешения другими, подготовить своими собственными трудами новые ступени для лестницы, на вершину которой взберутся и достигнут полного знания только будущие поколения человечества.

– Вот это я понимаю! Работать сознательно для того, чтобы дать возможность другим решить то, чего мы сами никогда не разрешим! Это действительно нужно! Это хорошо!

Но вот оживление Льва Николаевича спало, и он задумчиво произнес:

– Как я завидую Вашему одиночному заключению, Вы смогли там столько передумать...

Николай Александрович даже опешил – позавидовал одиночному заключению... Но быстро понял, что, видимо, много ненужных разговоров утомили Толстого, лишили возможности спокойно сосредоточиться для работы.

По этому поводу нам представляется интересным процитировать В.В. Розанова:

«Толстой искал «мученичества» и просился в Шлиссельбург посидеть рядом с Морозовым.

– Но какой же, ваше сиятельство, вы Морозов? – ответило правительство и велело его, напротив, охранять». [В.В.Розанов. Уединенное.]

Пробило десять вечера, и гости стали собираться домой. Они гостили уже два с половиной часа. Когда все вышли на улицу, Морозов стал показывать на небе наиболее крупные звезды и созвездия...

После их отъезда Лев Николаевич сказал:

– Я начал с Морозовым говорить серьезно, то есть о тщетности науки, о ее вреде, но видел, что это ему неинтересно, потом стал его спрашивать. Такие люди науки, как он, по природе добрые, притом живут бессознательно праведно – и не беда, но другие люди, которые живут во имя науки (одно научное признают) и по природе не добрые, – беда...

Встретившись в Московской городской думе на торжественном открытии университета Шанявского с Николаем Александровичем Морозовым, только что вернувшимся из Ясной Поляны от Л.Н. Тол-

стого, редактор «Русских ведомостей» просил его сообщить некоторые подробности этого свидания. Морозов тотчас откликнулся на эту просьбу в письме редактору, опубликованном в этом издании 3 октября 1908 г.:

«Глубокоуважаемый В.М.! Спешу вам сообщить обещанные при сегодняшнем разговоре в Думе новости о Толстом.

28-го сентября я посетил его вместе с моим другом В.Д. Лебедевой. Наш великий писатель совершенно оправился от своей недавней болезни и только нога по временам побаливает, если долго приходится сидеть в одном и том же положении, но он ходит так свободно, что этого совершенно не заметно.

Он поразил меня энергией и силой своей умственной деятельности. Через 2–3 часа беседы о разных интересных предметах он вырисовался передо мной как человек, всецело занятый вопросами умственной и нравственной жизни.

Я ясно понял, что эти вечные вопросы высокоразвитых умов – вопросы о том, каковы наши отношения к остальному миру и к окружающим людям, – до того поглощают его, что все обыденные события окружающей жизни кажутся ему совершенно ничтожными, проходят на его умственном горизонте как мимолетные тени. Ему все равно, в чем ему подадут чай или обед: в деревянной чашке или в золотом блюде, пишет ли он на деревянном обрубке или на мраморном столе с инкрустациями. Не все ли это равно перед лицом тех высших мировых вопросов, которые наполняют всю его жизнь, не оставляя места для обыденных житейских мелочей?

В осеннем наряде Ясная Поляна при въезде в парк оставляет впечатление старинной запущенной богатой усадьбы. Дом, где живет Лев Николаевич вместе со своею женою и дочерью, меблирован очень просто. Все семейство, не исключая и графини, – вегетарианцы и не употребляют ничего мясного.

Те, кто посещал Льва Николаевича ранее меня, рассказывали мне, что он обладает острым, пронизывающим взглядом, но я, как ни вглядывался, не мог заметить решительно ничего подобного. Он смотрел на меня таким добрым и ласковым взглядом, что я решительно даже и представить не могу, каким образом этот взгляд кому-нибудь мог показаться острым и пронизывающим насквозь.

Разговор весь вечер не прерывался, и казалось, что никогда в моей жизни не бывал таким легким и свободным, как в этот вечер. Мы говорили о всевозможных философских вопросах и в результате согласились на том, что хотя изучение природы и не дает в настоящее время полного ответа на все волнующие нас мировые вопросы, но если смотреть на современную научную деятельность как на простую закладку фундамента для работ будущих поколений, которые, опираясь на наш труд, могли бы бли-

же подойти к познанию вечной истины, то современная наука находит себе полное оправдание и заслуживает полного сочувствия.

Говорили также и о моей книге об Апокалипсисе, которую Лев Николаевич еще не читал, считая ее чисто астрономическим произведением, но узнав, что она на две трети историческая и написана в астрономической части популярно, обещал прочесть и написать мне свое мнение о ней.

Говорили и о современной деятельности министра народного просвещения, причем Лев Николаевич выразился, что его способ действий есть простой результат «дурного воспитания».

Я не могу Вам рассказать в этой коротенькой заметке всего, о чем мы говорили. У Льва Николаевича такая глубокая и разносторонняя натура, что в предметах для разговора никогда не чувствуешь недостатка, а чувствуешь только недостаточность времени для того, чтобы обсудить детально все возникающие из разговоров вопросы.

Все семейство было очень приветливо с нами, и вся поездка оставила по себе самое приятное воспоминание.

Сердечно преданный Николай Морозов.

1 октября 1908 г.»

Летом 1909 года Толстой рекомендовал одному из своих корреспондентов обратиться к Морозову с просьбой от своего имени рассмотреть его работу. Он отмечал, что Морозов, кроме того, что человек в высшей степени добрый и гуманный, вполне сведущ в астрономической науке и, между прочим, настолько искренен и правдив, что возможное несогласие взглядов автора с теми, которые он усвоил, не может быть для него причиной невнимания к предложенному труду или неправильной оценки его.

30 апреля 1910 года Лев Николаевич написал Морозову письмо в ответ на его письмо и присланные новые книги: *«Очень благодарю Вас, дорогой Николай Александрович, за присылку книг, непременно прочту их. Даже сейчас по получении раскрыл «Письма из Шлиссельбургской крепости» и забыл свои дела – зачитался. Благодарю за добрую память и не отчаиваюсь еще раз повидать Вас. Любящий Вас Лев Толстой».*

Это письмо было доставлено адресату в очень нужный момент.

Еще в тюрьме у него стала развиваться опухоль, которая причиняла много страданий. Он считал, что это рак, и вот решился лечь на операцию. Однажды, когда они с женой находились во Пскове, была получена телеграмма, в которой его просили срочно вернуться для поездки в другой город с целью чтения лекций. Об этой телеграмме он специально договорился с друзьями. На самом деле он приехал в Петербург и

лег в Петропавловскую больницу. Его хотели положить в отдельную палату, но Николай Александрович наотрез отказался. 21 апреля его оперировал профессор Кадьян. От наркоза Морозов отказался, так как не был уверен в своем сердце, и чтобы отвлечься от боли, он сочинял на операционном столе стихотворение «Идейный поезд». Через пять дней, когда стало ясно, что операция прошла успешно, Николай Александрович уведомил жену о происшедшем. Ксения Алексеевна немедленно явилась к нему в больницу. Она уже начала догадываться, что с мужем что-то случилось. С собой она и захватила только что пришедшее письмо Толстого.

Глава IV

ПЕВЕЦ ВОЗДУХА

Что послужит нам границей?
Мы свободны и сильны...
Кто летает в небе птицей,
Не согнет своей спины!

Николай Морозов

В 1910 году Императорский Всероссийский аэроклуб принял в свои члены пятидесятишестилетнего шлиссельбуржца Николая Морозова...

Еще в 1908 году вышла его работа «Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам». Она была утверждена как учебник для артиллерийских академий. В это время Россия занимала ведущее место по аэродинамическим исследованиям. Именно эти исследования вскоре вывели ее на одно из первых мест по самолетостроению. У истоков этой науки стояли Д.И. Менделеев, М.А. Рыкачев, К.Э. Циолковский, Н.Е. Жуковский. Внес свой вклад и Морозов.

Практически со всеми этими учеными он был знаком. Так, с отцом русской авиации Николаем Егоровичем Жуковским они встречались на научных собраниях, переписывались друг с другом. Вот, например, письмо Николая Егоровича от 20 января 1908 г.:

«Глубокоуважаемый Николай Александрович! Сочинение Ваше я прочитал и нахожу данную Вами формулу хорошо подходящей к наблюдениям. Против ее вывода имею возражения.

24 янв. у нас будет соединенное заседание ОЛЕ и воздухоплавательной комиссии. Не является ли Вам возможность сделать нам сообщение о Вашей формуле? Завтра (21 янв.) от 12 до 1 часу буду Вас ждать.

Примите уверение в моем уважении и моей преданности.

Н. Жуковский».

С раннего детства в мечтах Морозов улетал не только за облака, но и за пределы нашей атмосферы, на далекие космические тела, слабо веря, что эти его мечты когда-нибудь осуществляются и что он действительно полетит, как птица, в высоту. Начало новой жизни бывшего узника совпало с первыми, еще робкими, шагами авиации, и идея завоевания воздушного пространства захватила его.

Еще за год до того, когда пришли первые сведения о полетах за границей Сантос-Дюмона и братьев Райт, когда полетел и у нас первый русский летчик Н.Е. Попов в 1907 г., Морозов во что бы то ни стало захотел и сам увидеть землю с высоты.

Но это сделалось возможным, да и то не для всех, лишь после основания так называемого «Императорского Всероссийского Аэроклуба». В своем уставе он считался внепартийным и доступным для всех лиц, желающих и могущих содействовать развитию воздухоплавания и авиации и «не опороченных по суду».

Николай Александрович решил туда вступить, хотя название «императорский» его как республиканца настораживало. После некоторого размышления он пришел к выводу, что «люди воздуха», составляющие главный контингент его членов, по самой своей натуре не способны пресмыкаться, и он мог, не стыдясь, быть в их среде под каким угодно именем.

Но была и другая сложность. А не забаллотировуют ли его те, не летающие члены, среди которых числятся и все «великие князья» и «высшие сановники государства»? Не посчитают ли они его «опороченным по суду»? Ведь он был дважды осужден сенатом за заговоры против монархического строя и до амнистии 1905 года был заточен пожизненно в Шлиссельбургской крепости с лишением всех прав состояния.

В итоге он решил: пусть будет что будет, но попробовать стоит.

Он попросил своих друзей и сочленов по Астрономическому обществу – инженеров С.В. Муратова и В.А. Казицина, уже бывших членами аэроклуба, – подписаться поручителями, как требовалось по уставу, под его заявлением о желании вступить в члены и передать его в президиум аэроклуба, не скрывая, с кем они имеют дело.

С лихорадочным нетерпением ожидал он ближайшего общего собрания членов этого учреждения, почти уверенный, что его не решатся принять из опасения лишиться необходимых государственных субсидий.

Удивлению его не было предела, когда он узнал, что принят единогласно.

Когда он сообщил об этом своим ближайшим тогдашним товарищам – сотрудникам «Русского Богатства», – там против его поступка поднял бурю его друг П.Я. Якубович.

– Подумайте, – убеждал он, – что заговорят в обществе, когда узнают, что вы, с вашим прошлым основателя и члена Исполнительного комитета «Народной воли», поступили в «императорский аэроклуб»?

– Но в таком случае, – ответил Морозов, – никому нельзя посещать и университеты, потому что все они называются «императорскими», нельзя поступать и в Академию наук, нельзя даже заниматься в Публичной библиотеке, потому что она тоже называется императорской! Нам, республиканцам, останется только вариться в собственном соку, если мы будем бояться различных пустых слов. Напротив, мы должны нарочно показываться в посторонних слоях общества, хотя бы даже для того, чтобы они не представляли нас какими-то извергами, без человеческого образа и подобия...

– Но там записаны все члены императорской фамилии, почетный председатель – великий князь Александр Михайлович, там все министры, все придворные, вся аристократия!

– Но если они ничего не имеют против того, чтобы встречаться со мною в аэроклубе на нейтральной почве, то почему же я не могу поступать точно так же? Почему я не могу летать по воздуху только потому, что они тоже летают?

И каждый остался при своем мнении.

Через две – три недели после этой дискуссии бывший узник полетел в первый раз на аэроплане с капитаном Л.М. Мацевичем. Затем он был выбран членом научно-технического и спортивного комитетов аэроклуба, перезнакомился со всеми его активными членами, большинство из которых были инженеры, как морские и военные, так и гражданские, и почти все очень либерально и даже радикально настроенные люди.

В том же 1910 году появились правила, регулирующие занятия воздухоплаванием частных лиц. Эти правила предусматривали обязательное присутствие полицейских чиновников при всяком взлете и спуске летательного аппарата. На любой полет надо было предварительно получить разрешение полиции. Левое крыло Государственной думы пробовало опротестовать этот дикий порядок. Они говорили:

– Еще ни один человек не летает, а уже полицейские правила против употребления аэропланов изданы, уже есть надзор за этим.

– Что же тут дурного? Понятно, что прежде, чем пустить людей летать, надо научить летать за ними полицейских, – отвечали правые. Это заявление вызвало общий смех в Думе.

В особый отдел Департамента полиции прислали вырезку из газеты, где сообщалось о том, что известный шлиссельбуржец Морозов летает на аэроплане. В статье также высказывалось предположение, что это делается неспроста, и что не иначе как Морозов задумал бросить бомбу в царя с аэроплана... Машина сыска заработала.

Отношение к его занятиям воздухоплаванием стало быстро меняться и на собраниях «Русского Богатства», особенно после того, как после первого же его полета на воздушном шаре «Охранное отделение» сделало у него обыск и даже подкинуло при этом две старые эсэровские прокламации, как бы завалившиеся на его квартире. Морозов сразу понял, что они хотят иметь предлог для его высылки, именно за полеты, и что опротестовывать находку этих прокламаций, как ожидали подкинувшие, значило бы только подлить масло в огонь и исполнить их собственное желание. Поэтому он сказал «нашедшим», будто не знает, как к нему попали эти листки. «Вероятно, – объяснил он, – их оставил кто-нибудь из знакомых, и, во всяком случае, они настолько устарели, что уже ни на что не пригодны более, кроме как для исторического очерка». К удивлению, его не выслали, и он только выиграл от этого

обыска. С этого времени его никто уже не попрекал «Императорским аэроклубом», а наоборот, стали явно одобрять его воздушную деятельность.

Постоянные члены редакционных собраний «Русского Богатства» доктор Мокиевский и эсдек Водовозов даже просили его ввести и их в аэроклуб с целью испытания новых ощущений, и потом тоже летали на одном из аэроклубных аэростатов.

Но вот после гибели Столыпина, убитого Багровым, в «Новом Времени» от 28 сентября 1911 года появилась статья «Еще о терроре», и некоторые из скептических друзей Морозова в редакции «Русского Богатства» предсказывали ему, что теперь его уже наверняка попросят не посещать аэроклуб. Анонимный автор начинал так:

«В № 2–3 “Листка Земли и Воли” от 14 марта 1879 г. появилась статья проповедника террора Н. Морозова, которая замечательна, как первая попытка научно обосновать террор».

А потом, перепечатав почти целиком его статью, автор продолжал:

«Эта “романтическая”, как называют ее теперь, основа террора в настоящее время отброшена и уступила место холодному расчету...»

В дальнейшем изложении этого «расчета» автор, правда, ничего не говорил о применении к этому предмету воздухоплавания и авиации. Но об этом и без того постоянно говорилось, и потому намек на полеты бывшего шлиссельбуржца тут чувствовался всеми между строк, тем более что по поводу Морозова и его новой деятельности очень часто появлялись заметки в реакционной печати. В одной из них его сравнили даже с Достоевским, бывшим почти в таком же положении, как и он, «но принятым потом в обществе, потому что он раскаялся, а от Н.А. Морозова еще никто не слышал сожаления о своем прошлом».

Конечно, он не отвечал ни на одну из таких заметок, но, придя в аэроклуб после только что прочитанной статьи в «Новом Времени» и под невольным впечатлением от предупреждений своих друзей, с некоторым беспокойством стал здороваться с теми сочленами, которых считал стоящими на противоположном ему полюсе общественной жизни. Но с удивлением заметил, что они еще более радушно, чем прежде, поздоровались с ним в этот день. Статья произвела на них впечатление, обратное желаемому. «Клуб летающих людей» действительно оказался не способным пресмыкаться...

Даже и в 1912 году, когда Московская судебная палата осудила Морозова за книгу его стихов «Звездные песни» на год в крепость и он отсиживал свой срок на берегах Западной Двины, он все же числился в аэроклубе «не опороченным по суду» и оставался его действительным членом, несмотря на невольное годичное отсутствие. По выходе из крепости он был даже выбран председателем Комиссии научных полетов, хотя его полеты все еще беспокоили многих.

Потом, когда аэроклуб открыл свою авиационную школу и при ней теоретический и практический курс, он взялся читать лекции о культурном значении этих великих изобретений человеческой мысли. Различные просветительные общества и отдельные группы людей в провинции стали приглашать его к себе для чтения публичных лекций о том же предмете. Начались лекционные поездки, где при большом стечении слушателей он читал лекции под названиями: «В высоту!», «Крылатая эра», «Прошедшее и будущее воздухоплавания и авиации» и др. Сначала – в обеих столицах, потом в Киеве, Юрьеве, Риге, Ковно, Вильно, Гродно, Елизаветграде, Николаеве, Екатеринославе, Кременчуге, Полтаве, Харькове, Ярославле, Рыбинске, Пошехонье, Мологе, Вологде, Таганроге, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Симферополе, Севастополе, Костроме, Перми, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Саратове, Пензе, Самаре, Симбирске, Тифлисе, Баку, Кутаиси, Архангельске, Тюмени, Томске, Новониколаевске, Омске, Красноярске, Иркутске, Верхнеудийске, Чите, Благовещенске-на-Амуре, Хабаровске, Харбине, Никольске-Уссурийском и Владивостоке.

Все это продолжалось вплоть до революции, лишь с небольшими выговорами ему почти после каждой лекции со стороны присутствовавших на ней представителей власти за то, что он часто отклонялся от своего предмета, чтобы делать критические замечки о несоответствии деспотического государственного строя идеалам окрыленной жизни человечества.

Но вот грянуло время социальных потрясений 1917 года. В первое время после революции аэроклуб удержался почти без изменения, затем волна пролетариата хлынула и в это учреждение, казавшееся по внешности более аристократическим, чем оно было на самом деле, и в его «беспартийном» лоне началась партийная борьба.

На последнем заседании «Общества» осенью 1917 года один из его членов высказался, что надо исключить «бывшего великого князя Александра Михайловича», так как председательство его в комитете для сбора пожертвований может повредить теперь притоку денег. Среди всеобщего молчания, наступившего после этой речи, поддержанной двумя товарищами, выступил Морозов. Он заявил, что подает голос против исключения, пока в уставе этого учреждения сохраняется параграф о внепартийности, и делает это тем решительнее, что Александр Михайлович не возражал против его собственного приема в аэроклуб несколько лет тому назад, хотя и знал, что он республиканец.

Большинство присутствующих присоединилось к мнению Морозова, и «великий князь» остался членом, хотя и ненадолго: аэроклуб заглох в ближайшие месяцы вследствие приостановки всякой практической деятельности в воздухе на берегах Невы в 1918 году.

Но вернемся к его первому воздушному путешествию с авиатором Л.М. Мациевичем 15 сентября 1910 г. на биплане Фармана.

Сразу же после вступления в члены аэроклуба он записался в очередь для полета на аэростате, но эти полеты были очень редки, так что предстояло очень долгое ожидание.

Николай Александрович был в Борке, когда газеты сообщили о начале полетов на всероссийском празднике воздухоплавания, который будет проходить 8 сентября – 1 октября на Комендантском поле в Петербурге. Отложив на время срочную работу по подготовке к печати новой книги по математике, он скорым поездом тут же отправился в столицу, а с поезда – прямо на аэродром, где его синяя бляшка действительного члена аэроклуба как магическим ключом отворила ему мгновенно все двери.

– Как это хорошо, – думал он, переходя через все заставы, вплоть до авиаторских ангаров, – что я заблаговременно запасаю этим маленьким волшебным синим кружком!

А дальше все пошло и еще проще! Знакомые журналисты и корреспонденты окружили его и живо перезнакомили с несколькими из авиаторов, среди которых Г.С. Сегно выказал особенную готовность взять его с собою на первый же свой дальний полет с пассажиром.

Но накануне весь день дул сильный ветер. Сначала никто не решался лететь, и только с половины пятого один за другим начали подниматься в воздух М.Н. Ефимов, Л.М. Мациевич и другие, а Сегно все еще устранил какую-то неисправность в своем аэроплане «Россия». Так Морозову и не удалось полететь в этот первый день его пребывания на аэродроме.

Печально возвратился он домой. А утром новое огорчение: все небо было покрыто серыми мглистыми тучами и моросил мелкий дождик.

Но он не хотел мириться с этим и к трем часам – обычному времени начала полетов – отправился на аэродром. И вот погода стала все более и более улучшаться, а дождик совсем прошел, пока он добирался до места. Но какая разница была теперь со вчерашним днем! Вчера все трамваи были переполнены пассажирами, а теперь идут на три четверти пустыми! Вчера десятки тысяч покрывали сплошными массами места, отведенные для публики, теперь там стоят только десятки одиноких посетителей! Большинство авиаторов тоже не было. Один только неутомимый Мациевич, как инструктор, брал с собою одного за другим учащихся и, сделав с ними два круга, спускался обратно на землю перед небольшой группой офицеров, членов аэроклуба и двух-трех случайно зашедших корреспондентов.

– Познакомьте меня с ним! – обратился Морозов к одному из них. – Может быть, он согласится меня взять, когда кончится очередь!

Доброжелательный корреспондент направился к Мациевичу при первом же его спуске, и через минуту они были представлены друг другу. Николай Александрович первый раз увидел близко капитана. Красивое, молодое интеллигентное лицо, на котором читались одновременно

смелость и сердечность, и симпатичная интонация голоса сразу привлекательно подействовали на него. После нескольких слов ему даже показалось, как будто они уже давно были знакомы. А слова его были самые простые.

– С удовольствием возьму вас с собою, – сказал он, протягивая руку с высоты своего сидения на аэроплане, – но только когда окончится очередь заявивших свое желание прежде вас, их, кажется, пять человек. Вы уже летали когда-нибудь?

– Нет, еще ни разу, и только вчера первый раз видел летающие аэропланы.

– У вас не бывает головокружения?

– Никогда не было.

– А с системою управления вы знакомы?

– Да, теоретически.

– Это совсем просто, – заметил он. – Вот руль. Когда я двигаю его назад – аэроплан поднимается вверх, когда двигаю вперед – он опускается, когда двигаю вправо – поднимается левое крыло, и наоборот. Все основано на инстинктивных движениях человека, опора которого косо падает в ту или другую сторону. Не хотите ли попробовать держать руку на руле, когда мы полетим, чтобы приучаться править?

– Нет! Это отвлекло бы мое внимание. На первый раз мне больше всего хочется посмотреть, какой кажется наша земля с высоты при полете, и следить за характером колебаний самого аэроплана. Они мне особенно интересны с точки зрения возможных усовершенствований конструкции.

– Колебания аэроплана при полете очень напоминают качания корабля на волнах. Я бывший моряк, и когда первый раз полетел, я был поражен этим сходством... Но вот, мне надо лететь! – прибавил он, принимая к себе наверх одного из учившихся у него видных деятелей аэроклуба. Через минуту зажужжал мотор, и «Фарман», двинувшись по полю плавным ускорительным движением, медленно поднялся вверх и стал описывать большой полукруг.

Тем временем Морозов подошел к стоявшей поблизости кучке кандидатов на полеты и был назначен пятым, как и говорил ему Мациевич. Находившийся среди них Борис Суворин, душа идущего теперь авиационного праздника, представил его одной красивой и элегантной молодой даме, которая, как оказалось, тоже хотела сегодня лететь с Мациевичем, но не могла: она была очень огорчена, что женщин не берут на военные аэропланы. С заботливостью, которая всегда так трогала его в женщинах, она тотчас же обратила внимание, что в находившейся на голове Морозова обычной кепке ему при полете может быть холодно. Она попросила стоявшего тут же молодого гвардейского офицера, тоже учившегося авиации, уступить ему на время полета

свою белую авиационную шапочку, застегивающуюся сзади, как башлык, и тот чрезвычайно любезно предложил ее Николаю Александровичу и застегнул на его шее, несмотря на его искренние заявления, что его голова не боится холода.

– Кроме того, вам надо снять очки! – сказала дама. – От сильного ветра при полете глаза слезятся и очки у вас затуманятся.

– Но без очков у меня пропадет три четверти удовольствия! – протестовал Морозов. – Ведь я все буду видеть, как в тумане!

– Нет, нет! Очки у вас все равно сорвет ветер и бросит в мотор. Все снимают очки при полете.

Это его страшно огорчило. Но делать было нечего!

Когда подошла его очередь, он с грустью передал свое пальто и очки на хранение стоявшему тут денщику любезного офицера-авиатора и, заботливо обвязанный его белой теплой шапочкой-башлыком, уселся в седло за самой спиной Мациевича.

– Неужели мне, – сказал он, наклонившись к уху летчика, – так и нельзя надеть очки? Ведь без них мне совсем плохо будет видно!

– Почему же нельзя? – ответил он к великой радости пассажира. – Только прикрепите их прочнее за ушами!

– Вот видите! – сказал Морозов столпившейся около них кучке. – Лев Макарович говорит, что очки можно надеть!

Суворин тотчас же побежал к денщику и принес очки.

Итак, сейчас он летит! И летит в очках, и все будет видеть! Сбылись его давние мечты! Ему хотелось прыгать на маленьком сиденье аэроплана. Об опасности полета даже и в голову не могло прийти: так спокойны и уверенны были все движения сидевшего перед ним опытного авиатора.

– Вы можете держаться руками за столбики впереди, – сказал один из присутствовавших.

Но он уже слышал ранее, что так делают только те, кто боится, и что свалиться при полете почти так же трудно, как упасть с дрожек во время быстрой езды. Поэтому он уперся руками в свои колени, свесил правую ногу в воздух, как показал Лев Макарович, чтобы не мешать движениям руля, а левой ногой оперся на подножку. Сзади механик заводил мотор, но что-то в нем все не ладилось, винт целых десять минут не хотел вертеться, и они стояли на месте.

На душе снова стало тяжело и беспокойно. Неужели мотор испортился и не удастся полететь и в этот день? Но Мациевич успокоил его.

– Так часто бывает. – В конце концов, пойдет.

– Пожалуйста, поднимитесь со мной повыше! – упрашивал его тем временем Николай Александрович.

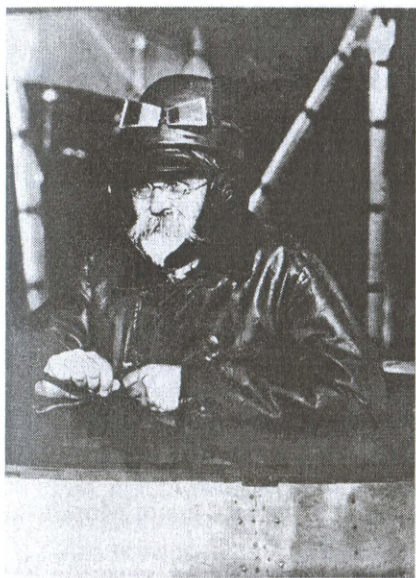
– Постараюсь! – сказал он, улыбаясь. – Но мотор здесь недостаточно силен, с ним неудобно забираться особенно высоко. Все-таки постараюсь!

Наконец зажужжал винт сзади. Несколько человек на аэродроме замахали руками, и отлетающий ответил им тем же. Аэроплан плавно покатился все скорее и скорее по ровному полю.

Николай Александрович даже не заметил момента, когда колеса отделились от земли: так легок был подъем. Он видел только, как земля все более и более уходила в глубину, видел, как понизился отдаленный лес и катившийся перед ним поезд железной дороги с клубами дыма. Ветер засвистал около его лица, и правое стекло очков слегка задрожало, мешая видеть вполне ясно правую сторону ландшафта.

Он испытал огромный восторг от своего свободного «взлета под небеса». Вот оно, будущее человечества, когда оно освоит это новое измерение пространства и будет в нем перемещаться так же свободно, как и по поверхности земли. И он почувствовал всей душой, что авиаторы, один из которых сидел перед ним и так легко и уверенно маневрировал легкими полотняными крыльями, были пионерами великого будущего.

А между тем аэроплан, медленно поворачиваясь к аэродрому, пролетел высоко над линией его ангаров и, быстро нырнув вниз, как с кру-

Н.А. Морозов на воздушном шаре

той горы, снова скользнул горизонтально в воздухе почти у самой земли и плавно спустился перед ожидавшей толпой в том самом месте, с которого они улетели.

Николай Александрович горячо поблагодарил своего первого пилота по воздушному океану, и едва слез с аэроплана, как был окружен толпою новых знакомых, поздравляющих его с «воздушным крещением» и расспрашивавших об ощущениях.

Пока он делился своими впечатлениями, в воздух поднялся авиатор Сегно на аэроплане «Россия». Описав широкий круг, он стал приземляться, и тут, коснувшись земли, аэроплан как будто привскочил и с треском превратился в грудку обломков. К счастью, пилот пострадал не сильно. Его посадили на подъехавший автомобиль и отвезли в ближайшую, Петропавловскую, больницу.

– Да, вот она, неизменная доля этих пионеров великого будущего! – думалось Морозову. – И разве не такова же была доля и всяких других пионеров, оставлявших торные дороги и искавших новых, неведомых стран, новых, неведомых горизонтов в области знания и в области

общественной жизни! Разве не на их костях и поломанных членах построена вся наша культура, все, что мы имеем светлого и отрадного в нашей жизни...

Прошло девять дней. Морозов опять был на летном поле. Стало темнеть. Мациевич уже более получаса находился в воздухе. И вдруг его аэроплан покачнулся, как бы переломился посередине, словно бабочка, сложившая свои крылья, и как листок бумаги начал падать зигзагами прямо вниз, а впереди него все скорее и скорее падала темная фигура человека. Мациевич летел в объятия смерти, ждущей его внизу, и ничем уже нельзя было его спасти...

Капитан Мациевич погиб, пытаясь установить рекорд высоты на своём «Фармане». При посадке в самолет он не пристегнул себя ремнем, чтобы ничто не сдерживало его движения. Но когда самолет набирал высоту, порвался один из тросов, скреплявших конструкцию, и запутался в лопастях винта. Самолет стал деформироваться, а Мациевич при попытке выровнять его положение выпал из аэроплана.

Николай Александрович был совершенно подавлен сознанием безвозвратной гибели человека, который с первого же разговора произвел на него чарующее впечатление. В небе уже загорелись звезды. Все было тихо и безмолвно в природе. Ни одна травинка не колыбалась кругом на поле.

Он долго не мог отойти от этого печального места...

На другой день товарищ по аэроклубу принес ему половину деревянной распорки аэроплана.

– Я взял ее с собою с места гибели, – сказал он ему, – и распилил дома пополам. Одну половину оставил себе, а другую принес вам.

Николай Александрович перевязал ее простой бечевкой и повесил на стене своего рабочего кабинета перед письменным столом, и здесь она висела в течение всей его жизни.

В похоронах героя участвовали десятки тысяч людей. Морозов написал большую статью, посвященную памяти этого замечательного человека.

А 31 октября 1910 года состоялся, наконец, первый полет Морозова на аэростате.

Первый полет на воздушном шаре, организованный Академией наук с научными целями, состоялся более чем за сто лет до этого события, летом 1804 года. Инициатива в этом деле принадлежала известному химику, академику Товию Егоровичу Ловицу. Горячее участие в подготовке полета принимал и академик Крафт, которому было поручено разработать средства обеспечения горизонтального полета шара. Это предполагалось сделать с помощью реактивных средств, и академик Крафт дал согласие подготовить такие опыты. Болезнь Ловица не по-

зволила ему лететь, и эта задача была возложена на молодого академика Якова Дмитриевича Захарова. Цель полета он формулировал так: *«Главный предмет сего путешествия состоял в том, чтобы узнать с большой точностью о физическом состоянии атмосферы и составляющих ее частях в разных определенных возвышениях оной»*. Кроме этого Захаров намеревался установить закон изменения магнитной силы с высотой, а также закон изменения нагревательной силы солнечных лучей с высотой, и т.п.

30 июня 1804 года Захаров и Робертсон, бывший хозяин шара, поднялись в Петербурге с плаца Первого кадетского корпуса. Воздухоплатители достигли высоты 2 км. Полет продолжался 3,5 часа. Захаров успел сделать много опытов, в частности, опыты над звуковыми сигналами. Оказалось, что если крикнуть в рупор, направленный воронкой вниз, то эхо возвращается обратно, вызывая колебания аэростата. Отсюда были сделаны два практических вывода. Во-первых, можно было измерять высоту полета, измеряя время между подачей звукового сигнала и слышимостью эха. Во-вторых, Захаров предположил, что звуковыми волнами (стрельбой из пушек) можно воздействовать на облачные образования, вызывая дождь.

Следующий научный полет состоялся 9 мая 1868 года. Совершил его земляк Морозова академик Михаил Александрович Рыкачев. В 19 часов 57 минут шар с пятью членами экипажа поднялся из Юсуповского сада в Петербурге. Рыкачев произвел наблюдения над давлением, температурой и влажностью воздуха на различных высотах. А через три дня Михаил Александрович совершил новый полет на том же воздушном шаре и по-прежнему вел наблюдения за температурой и влажностью. На основе полученных данных он сделал вывод, что процессы, протекающие в атмосфере, много сложнее, чем считалось ранее, и необходимы систематические наблюдения за температурой и влажностью в разных слоях атмосферы, в разные времена года и в разное время суток.

В январе 1879 года бывший моряк французского флота аэронавт Бюнель предложил М.А. Рыкачеву совершить совместный научный полет. Подготовка к нему шла до мая. Первого мая полет состоялся, но из-за задержки с подъемом шар не смог захватить всех запланированных инструментов. Кроме того, предполагалось, что за шаром будут наблюдать Главная физическая, Пулковская и Кронштадтская обсерватории, для точного определения его высоты, однако задержка помешала наблюдениям. В довершение всех бед при приземлении была разбита трубка, наполненная во время полета воздухом. Рыкачев был сильно расстроен произошедшими неудачами, и Бюнель помог ему совершить новый полет, который состоялся через двадцать дней. Аэронавты учли все прошлые ошибки, и полет получился удачным. Главное –

удалось уточнить барометрическую формулу. Оказалось, что вычисленная по барометрической формуле высота подъема завышена в среднем более чем на 60 метров по сравнению с высотой, определяемой с помощью астрономических приборов.

7 августа 1887 года ожидалось полное солнечное затмение, которое наиболее удобно было наблюдать в центральной части России, а следовательно и в Боблово, имении Д.И. Менделеева, в районе г. Клина. И Русское техническое общество, где по инициативе Дмитрия Ивановича был создан воздухоплавательный отдел, которым заведовал Рыкачев, обратилось к Менделееву с просьбой совершить во время затмения полет на воздушном шаре с научными целями, вместе с аэронавтом Кованько. Менделеев с радостью согласился.

В день полета с утра лил дождь, и оболочка шара намокла. Его предупредили:

– Дмитрий Иванович, у аэростата нет подъемной силы, лететь нельзя.

Тогда ученый принял решение выгрузить из корзины все лишнее, оставив лишь мешок с балластом и часть приборов. Лететь он решил один, без Кованько. Подъем был тяжелым, но когда удалось пробить облака, оказалось, что затмение уже в полной фазе. И Менделеев принялся за наблюдения, которым мешало вращение шара. Когда выглянуло солнце, оболочка шара нагрелась и он стал подниматься быстрее. Из-за туч воздухоплаватель не знал, где он находится. Спустился только в 9 утра в Калязинском уезде Тверской губернии. В Клину местные жители устроили ему овацию на станции и на улицах, по которым он ехал. А по соседним деревням бабы еще долго говорили:

– Митрий Иванович на пузыре летал и эту самую небу проломил, за это вот его химиком и сделали...

Очередь Морозова на полет долго не подходила. Впереди него было еще человек тридцать, и ему казалось, что при наличии только двух годных аэростатов в эту осень ему не летать. Но на деле вышло совсем иное.

Когда аэростат был приготовлен и назначен первый осенней полет, вдруг вышло, что никто из записавшихся не захотел лететь в дурную погоду неизвестно куда, и он, последний, оказался первым.

Телеграмма секретаря аэроклуба не застала его дома. Жене пришлось ее срочно переслать ему в Мологу, куда он вынужден был уехать по семейным обстоятельствам: «Завтра воскресенье девять утра назначен твой полет. Приезжай».

Была суббота, четыре часа дня. До полета оставалась одна ночь. Ближайшая станция железной дороги – Рыбинск – находилась в 33 верстах, и последний поезд в Петербург уходил с нее в половине восьмого вечера. В жуткой суете, наняв извозчика, он помчался в Рыбинск. На вокзал они попали за 6 минут до отхода скорого поезда в Петербург.

Взяв билет, он побежал на телеграф и послал две депеши. Одну в аэроклуб: «Задержите полет до десяти часов, еду», другую Ксане: «Захвати на вокзал все, что нужно для полета, домой не заеду».

На вокзале жена ему сказала:

– Из аэроклуба мне телефонировали, чтоб ты не очень торопился. В девять утра только начнут наполнять аэростат газом, но он не полетит раньше полудня. Мы еще успеем напиться чаю.

Вот они уже на обычном месте отлета аэростатов – Новом городском газовом заводе на Обводном канале. Но там, и в конторе, и на дворе все было пусто.

Он к телефону – звонить в аэроклуб:

– Где наполняют газом «Треугольник»?

– Нигде, – отвечают ему, – полет отложен до четверга по причине скверной погоды.

Было очень обидно. Столько суеты, и все срывается из-за погоды. Уж сколько раз она приводила его в отчаянье, хотя он и говорил всегда, что у настоящего человека ни дела, ни поступки не должны зависеть от погоды. Сколько раз приходилось ему откладывать из-за погоды хотя бы поездки в Пулковскую обсерваторию наблюдать совершающиеся на небе интересные явления и ждать по целым неделям, пока сплошное серое покрывало туч сообразивши, наконец, удалиться! А теперь нельзя даже и полететь за эти тучи из-за той же погоды!...

Вечером накануне четверга он снова получил телеграмму из аэроклуба, приглашавшую быть на месте полета в назначенное время, а в самый четверг, в шесть часов утра, пришла новая телеграмма из Павловска от назначенного на этот день пилотом Кузнецова. Он сообщал, что уже отправляется на газовый завод. Снова они с Ксаной приехали, но тут оказалось, что ветер подул прямо на Ладожское озеро и на находящиеся за ним пустынные леса Олонецкой губернии, за сотни верст от всяких путей сообщения.

– Если мы даже и перелетим через Ладожское озеро, – заметил Кузнецов, – то попадем за сотни верст от железнодорожных станций, и трудно будет вывезти оттуда аэростат.

– Но мы постараемся спуститься сейчас же за Ладожским озером, – предложил Морозов, – там нам будет нетрудно добраться до ближайшей деревни и вывезти аэростат на крестьянских лошадях.

– Тучи низки! – возразил пилот. – Нам трудно будет держаться под ними, а в них мы не увидим берега.

Итак, вновь отсрочка из-за погоды!...

Новый срок был назначен на воскресенье. Опять было серое, осеннее, туманное утро, и дул сильный ветер с севера. Опять они на заводе. Через полчаса приехал туда капитан Гебауер. На этот раз он был назначен пилотом. Затем явился и второй их спутник Д.М. Фритц.

– Вы согласны лететь всю ночь, пока хватит газа? – спросил его Морозов.

– Согласен, – ответил Фритц.

Но Гебауер запротестовал:

– Лететь на дальность в этот раз я не могу. Мне надо завтра быть в Петербурге. Пробьемся сквозь тучи вверх на солнце, пролетим в высоту, сколько хватит подъемной силы, и затем спустимся до наступления вечера где-нибудь не так далеко, чтобы успеть в Петербург ночью.

Делать было нечего. Пришлось согласиться.

Они распределили между собою обязанности. Гебауер принял общее руководство и наблюдения за барографом и барометром-анероидом, привешенными на оснастке перед гондолой аэростата и показывающими высоту подъема. Фритц отвечал за выбрасывание балласта и открывание клапанов. А Морозову достались штурманские обязанности: делать наблюдения за окружающим и записывать все обстоятельства путешествия в лодманскую книжку.

В пять минут второго «Треугольник» был, наконец, выпущен державшей его командой на произвол ветра. Земля быстро опустилась вниз. И они поплыли в первобытном хаосе, из которого когда-то произошли миры...

В корзине было 20 мешков с песком, каждый мешок по пуду. Поднялись на высоту 3200 метров. Перекусили шоколадом и мятными пряниками, положенными Морозову в карман Ксаной. И начали спуск. Выпустили гайдроп, канат метров в 70, весом в полтора пуда. При спуске аэростата он падает как балласт на землю и потом волочится по ней, замедля падение и горизонтальную скорость.

При подлете к земле все внимание сосредоточилось на выборе удобного места для спуска и на розысках какого-нибудь выдающегося пункта, села или речки, чтобы можно было узнать по карте, где они находятся.

Уже наступала ночь, а вдали перед ними до самого горизонта все гуще и гуще теснились вершины елей и сосен, а все болотистые полянки и прогалинки, на которые они могли бы спуститься, проносились не под ними, а то направо, то налево.

Наконец, в одном из мест с более редким лесом, когда гайдроп стал волочиться по вершинам деревьев, Гебауер скомандовал Фритцу открыть клапан, и их быстро опустившаяся гондола врезалась в вершину огромной вековой сосны. Они крепко ухватились за веревки. Аэростат, запутавшись сеткой в ветвях дерева, сделал с размаху полукруг и, попав на соседнюю такую же вершину в нескольких метрах от первой, повис на высоте 6 метров между двумя огромными соснами.

– Тяните разрывную ленту! – крикнул Гебауер.

С трудом удалось с помощью красной ленты раскрыть сверху аэростат. Газ уходил со свистом, и шар, вытягиваясь, как груша, начал постепенно приближаться своей нижней частью к земной поверхности.

Они не взяли с собой воды, так как она все равно замерзла бы наверху. Из съестного у них было только жареная курица, сухари в бумажном пакете и шесть маленьких котлет, то, что жена уговорила Морозова взять на всякий случай. Но троим этого хватило бы лишь на день. А между тем местность носила такой характер, что они легко могли не добраться до человеческого жилья и за несколько дней. Ведь эти казенные леса, в которых они приземлились, занимавшие сотни квадратных километров, были наследственным владением только лосей да медведей.

– Пойдемте все трое по компасу к северо-западу, – предложил Морозов.

– Нет, идите вы двое, – сказал Гебауер, – а я буду сторожить аэростат и инструменты; их дали на мою ответственность. Как только доберетесь до какой-нибудь деревни, обратитесь к первому десятскому, старосте или уряднику и потребуйте у них за хорошее вознаграждение человек тридцать народу для выноса аэростата, а в случае нежелания объясните, что деревенские власти обязаны оказывать содействие при уборке летательных аппаратов.

– Но в таком случае ваш офицерский мундир принесет несравненно больше пользы, – возразил Морозов. – Раз аэростат необходимо стеречь ночью, то лучше останусь я.

После непродолжительных споров так и решили.

Морозов понимал, что надежды на их скорое возвращение очень мало. Если ночью поднимется метель и заметет их следы, они совсем могут его не найти, пройдя в каких-нибудь двух верстах вправо или влево.

Был уже первый час ночи, и в лесу господствовала мертвая тишина. Вдруг откуда-то издали послышался человеческий голос.

Николай Александрович узнал голос Гебауера.

– Ничего не нашли, – сказал он. – Пройдя версты две, наткнулись на человеческий след, шедший поперек, и пошли по нему вправо. Но он завел нас в болото, потом перемешался со следами лося, и мы догадались, что это был охотник, гонявшийся за лосем в болоте. Дайте мне отдохнуть. Мы так измучились в конце этого восьмичасового пути по кочкам и болотам, что падали через каждые несколько шагов. Выньте нам только брезент для подстилки: на снегу холодно.

Морозов развел костер, и его друзья провели возле него остаток ночи, частично восстановив свои силы. С утра они все троем приняли новую попытку найти жилье.

Николай Александрович взял бумажку и в продолжение всего пути тщательно отмечал на ней, по компасу и часам, каждое направление и время, какое они по нему шли.

Наконец они добрались до деревни. Это была деревня Вересь, живущая почти исключительно дровяным промыслом в окружающих ее бесконечных казенных лесах. Она была ближайшей к месту спуска

их аэростата, и если бы они пошли другим путем, то, может быть, пришлось идти верст тридцать по полузамерзшим болотам, прежде чем они попали бы в жилое место.

Путешественников очень радушно встретили, напоили горячим чаем и накормили. Вся деревня сбегалась на них посмотреть: «Летуны прилетели!».

Гебауер поручил приютившему их хозяину избы собрать группу из молодых крестьян, по полтора рубля каждому, чтоб вынести аэростат и прочее снаряжение из леса. И уже через несколько часов живописная группа из 16 человек доставила в деревню гигантскую желтую змею – свернутый в трубку шар.

Через два дня после своего отлета они приехали на станцию Дивенскую в двадцати восьми километрах от их затерявшейся среди лесов деревни, и только тут смогли, наконец, послать телеграммы о благополучном спуске своим обеспокоенным родственникам.

В мае 1911 года Николай Александрович с двумя товарищами принял ночной полет для того, чтобы сделать ряд спектрограмм в лучах восходящего солнца. Эта идея имела свою историю.

Однажды Морозов прочел в газете статью К.А. Тимирязева о том, что в спектрах излучения отдаленных планет обнаружена линия, соответствующая хлорофиллу. Он написал автору письмо по этому поводу. Тимирязев ответил, что профессор Лоуэль с сотрудником Слайфером уже 14 лет изучают вопрос, связанный с присутствием в спектрограммах планет, между фраунгоферовыми линиями С и В, полосы, идентифицируемой как линия хлорофилла. Что касается Марса, то существование там растительности еще можно было бы допустить, но наличие подобных линий в спектре Урана и Нептуна делало весьма проблематичным их объяснение присутствием хлорофилла. Требовался эксперимент, позволяющий получить спектрограммы поверхности Земли в отраженном солнечном свете, тогда сопоставление их со спектрограммами Лоуэля могло бы несколько прояснить возникший вопрос. И такой эксперимент был поставлен.

В этот раз они вылетели в 9 часов 6 минут вечера с заднего двора Нового газового завода. Пилотирование аэростата принял на себя поручик офицерской воздухоплавательной школы М.Н. Канищев (а потом Морозов), третьим их спутником был преподаватель воздухоплавания в Технологическом институте В.И. Янковский.

Они плавно поднялись над головами нескольких десятков родных и друзей, пришедших их проводить.

Полет проходил на высоте немного более 300 метров. С такой высоты можно проследить на земле все извилины рек, все очертания окрестных озер и благодаря этому определить место своего полета по

хорошей географической карте. С высоты 300–600 метров было ясно видно каждое дерево таким, как оно есть, глубина рек и озер хорошо различалась, и можно было прекрасно рассмотреть все отмели и броды.

– Надо распределить обязанности! – сказал Канищев. – Я буду сидеть за anerоидом и регулировать высоту.

– А я, – ответил Морозов, – буду определять по карте место нашего полета во все время пути.

– А вы, – обратился Канищев к Ярковскому, – возьмите на себя ведение дневника и записывайте в него все, что заметите или что мы вам будем говорить.

Почти через час пути, около 10 часов вечера, они увидели в сгустившемся мраке Ладожское озеро.

В 11 часов 40 минут увидели под собой едва заметную во тьме полосу реки Волхова. Отыскав свое положение на карте, они определили, что летят прямо к востоку со скоростью, близкой к 40 километрам в час.

Мало-помалу проходила короткая весенняя ночь. Канищев, передав Морозову пилотские обязанности и прикорнув, как и Ярковский, в своем углу гондолы, пробовал уснуть, но это им обоим плохо удавалось. Три кукушки закуковали в разных местах в глубине наземного тумана, из которого отчетливо поднимались по временам в разных местах звуки бубенчиков выпущенного на ночь скота. Повсюду, насколько мог видеть глаз, этот туман был изрезан волнистыми бороздами, очевидно, перпендикулярными к направлению несущего их ветра.

Заря в это время была уже в полном разгаре, и весь северо-восток пылал ее пышными огнями. Ни одного звука не было более слышно внизу под ними.

После восхода солнца Морозов получил, наконец, возможность делать спектро-фотографии. Передав Канищеву пилотирование, он сделал своим спектрографом один за другим два снимка тумана внизу, с высоты сначала 900, а потом и 1000 метров, так как нагреваемый солнцем азростат сильно пошел вверх, слабо вращаясь на своей оси.

К 6 часам утра под ними показалась значительная река, на несколько верст сплошь покрытая сплавным лесом.

На безлюдной, слабо лесистой местности тут и там чернели овальные темно-синие озера, не означенные на карте. А между ними и кругом них виднелись ни на что не похожие огромные оранжевые пятна, по несколько верст в длину и в ширину. Их поверхность даже с высоты 2000 метров, когда все на земле кажется плоским и гладким, представлялась бахромчатой. В этих бахромках чудилось что-то зловещее. Ни за что не хотелось бы спуститься на одну из них. И чем более смотрел на них Николай Александрович, перегнувшись через борт гондолы, тем более зловещими казались эти оранжевые бесконечные пятна. Наконец на одном из них он заметил отблески солнечных лучей. По-видимому, это были ржавые болота.

Морозов взялся за карту и внимательно начал изучать ее. Наиболее подходящим к тому, что он видел под собой, было среднее течение Чагодоши с окаймляющими ее на протяжении сотни верст непроходимыми зыбучими болотами. Уже одни названия в этом месте карты были достаточно красноречивы. Тут были река Голоденка, озера Голоденское и Заголодное и, наконец, огромное болото Большой Зыбун, тридцати пяти верст в длину и двадцати в ширину, над которым, по его предположению, они летели уже около часа, не видя его конца.

Ему невольно подумалось, что если ветер еще более ослабнет, то они не выберутся из болота и должны будут сесть к вечеру прямо в зыбь, на эти зловещие ржавые бахромки, или в одно из его «окон», то есть круглых озерков, с черной водой, где плавающие по подземному озеру торфяные мхи (из которых и образовались оранжевые бахромки) не затащили еще поверхности глубокой воды.

Перелетев новое длинное торфяное болото, тянущееся километров на тридцать, с многочисленными окнами, они услышали к северу от себя свисток локомотива. Аэронавты принялись рассматривать отдаленные места и вдруг заметили почти прямо под ногами узенькую, как волосок, прямую линию, по которой медленно передвигался какой-то длинный крошечный червячок. Как странно было вдруг увидеть этот символ цивилизации после непроходимых топких болот!

Путешественники пронесли над Шексною на высоте 1600 метров, как раз над железнодорожным мостом и почти прямо над буксирным пароходом, тянувшим за собой барку. В продолжение полутора часов летели почти над самым полотном железной дороги и в 12 час. 40 мин. заметили, как локомотив, вышедший с одной из ближайших станций, помчался вслед за ними.

Канищев выбросил немного балласта. Аэростат медленно начал подниматься. Затем, попав в лучи вышедшего из-за туч солнца, самопроизвольно помчался вверх, достигнув к 1 ч. 25 мин. 1400 метров высоты. Чтобы не быть унесенными далеко от железной дороги, воздухоплаватели решили спуститься.

Они стали выпускать газ. Шар летел параллельно железной дороге, а потом внезапно повлек их на рельсы, и притом прямо наперерез к идущему по ним товарному поезду. Надо было во что бы то ни стало остановить аэростат на земле раньше, чем он попадет на рельсы, по которым в довершение всего шел товарный поезд и был уже совсем близко.

– Рвите шар! – крикнул Морозову Канищев, повиснув сам на веревке от клапана и выпуская, сколько можно, газ. Морозов повис на красной ленте разрывного приспособления, но отрывная лопасть была приклеена слишком крепко и не отрывалась под его тяжестью.

– Рвите же, рвите! – кричал Канищев. – Нас несет как раз под поезд!

На помощь пришел Ярковский. Вместе они справились. Аэростат резко снизился и, как парус, потащил их по земле. Товарный поезд, не

имевший возможности быстро затормозиться, мчался теперь почти прямо к ним и должен был пройти в 75 шагах, как раз в том месте, куда ветер нес через разорванную лопасть взрывчатую смесь газа и воздуха из шара.

– Закройте топку! – крикнул машинисту Канищев.

Но машинист сам догадался пустить струю пара в топку, или просто прыснул в нее воду, так как взамен черного дыма из трубы локомотива вылетели струи белого пара.

– Прошел! – послышался облегченный голос Канищева. – Теперь вылезем!

Морозов, не садившийся ни разу за все время семнадцатичасового полета в 508 верст над туманами и болотами, с наслаждением растянулся на мягкой подстилке из сухого мха и брусничных веток.

Через несколько минут по железной дороге к ним подъехала дрезина, и из нее вышел начальник этого участка железной дороги А.А. Семенов. Он со своими рабочими помог воздухоплавателям в уборке шара и отвез на подошедшем служебном локомотиве в Вологду, до которой было около 40 верст, где оказал им самое радушное гостеприимство. А в заключение они попали еще на именины к присяжному поверенному Сигорскому, где и просидели до трех часов ночи. Морозов не смыкал глаз более полутора суток в это путешествие, но и здесь не чувствовал совершенно никакой сонливости.

Зато весь следующий день и всю ночь они спали, не просыпаясь, около двадцати четырех часов.

Когда добрались до Петербурга и проявили пластины со спектрограммами, последние оказались неудачными. Новый полет удалось осуществить только через год, для наблюдения солнечного затмения 4 апреля 1912 года.

А между тем его не покидала мечта о дальнем перелете на аэроплане.

9 июля 1911 года он проводил нескольких своих товарищей, участвовавших в перелете из Петербурга в Москву. В тот же вечер в «Биржевых ведомостях», особенно интересовавшихся этим делом, появилась его статья под названием «Привет улетевшим», в которой он писал:

«Сегодня рано утром вы, друзья, улетели от нас далеко-далеко! Дальше, много дальше, чем из Петербурга в Москву. чем большинство думает и видит. Вы улетели в безбрежную высоту к свету и свободе, к великому будущему! Аэродромные опыты уходят в прошлое, начались дальние серьезные путешествия.

Вас приветствовало восходящее солнце, и вы помчались на своих белых крыльях навстречу его лучезарному свету. Нам не суждено лететь теперь с вами, для нас не хватило аэропланов. Нам остается утешенье лишь проводить вас в этот новый путь, и пожелать от всей души, чтоб ни бури, ни ненастья не помешали вам его осуществить.

Да, наступает новая, крылатая эра человеческой жизни! Припоминая мысленно всю длинную эволюцию человеческого рода, невольно сопоставляешь ее с историей развития бабочки. Долго-долго приходится ей ползать по земле в виде неуклюжей червеобразной гусеницы и с трудом взбираться на ветви растений, долго приходится спать в оцепененье, как в темнице, в созданном ею же самою коконе. Но вот таинственные физиологические процессы, невидимо совершающиеся внутри ее, оканчивают свое дело. Подчиняясь вечным законам эволюции всего живого, она чувствует себя новым существом и, с трудом прорвав окутывающий ее кокон, радостно взлетает в высоту и носит ее, купаясь в теплом воздухе, над покинутой землей. Так начинается теперь окрыляться и человечество после своего долгого пресмыкания по земле в доисторические времена, после долгого средневекового сна, когда оно казалось навеки закононировавшимся в паутине своих заблуждений.

Только слепой не может не видеть, что воздухоплавание и авиация кладут теперь резкую черту между прошлой и будущей жизнью человечества и что оканчивающийся теперь навсегда период бескрылого существования будет казаться грядущим поколениям таким же печальным, как и бабочке период ее жизни гусеницей.

И вы, улетевшие сегодня на рассвете, только первые ласточки начинающейся весны! И каковы бы ни предстояли вам на пути испытания и временные отсрочки или неудачи, будущее будет ваше, и никому не отнять его у вас, как не остановить весенним морозам наступившего пробуждения природы! То, что вы делаете теперь, это только проявление вечных законов эволюции человечества, первые взмахи его подрастающих крыльев.

Весна идет, весна идет!

Вы молодой весны гонцы,

Она вас выслала вперед!»

Он был в отчаянии, когда, придя перед этим перелетом на аэродром, увидел, что все восемь улетавших (Васильев, Костин, Маслеников, Уточкин, Янковский, Агафонов, Фон-Лерхе и де-Кампо-Сципио) готовятся лететь на одноместных аэропланах и никто не может взять его с собою.

– Вот и я тоже не могу! – сказал ему подошедший Ефимов, лучший из тогдашних летчиков. Приезжайте-ка ко мне в понедельник в Гатчину, и полетаем хоть там в утешение.

В назначенный день он приехал. Было 6 часов вечера, и небо было, хоть в облаках, но светло и красиво. Ефимова еще не было на аэродроме. Увидев двухместный аэроплан, на котором собирался делать пробный полет капитан Д.Н. Александров, Морозов попросил взять его на свободное место. Они уже совсем готовы были пустить пропеллер в ход, как вдруг один из стоявших рядом офицеров обратил внимание на

оборвавшийся сзади проволочный трос, конец которого, закрутившись в большое кольцо, висел сбоку у самого пропеллера.

Александров оглянулся со своего сиденья и сказал своему пассажиру:

– Это висела наша смерть.

И он был прав. Если бы при крутом повороте аэроплана (не говоря уже о расслаблении оснастки) этот конец с размаха попал на лопасть пропеллера, то крушение аэроплана было бы неизбежно. Но в этот раз «висевшая смерть» была крепко привинчена к своему месту, чтоб не могла более вырваться, они полетели по направлению к морю и, осмотрев издали Финский залив, без дальнейших приключений возвратились на аэродром.

Но вот явился и Ефимов и начал осматривать свой «Фарман».

– Теперь, – сказал он, – посмотрим сверху и на Пулковскую обсерваторию. Не примут ли нас там за комету!

Облетев с Морозовым окрестности Гатчины и Пулкова, он возвратился на аэродром. Во время полета Ефимов на высоте около 500 метров круто повернул аэроплан к земле и, наклонив его одним крылом вниз, а другим вверх, начал по-ястребиному стремительно спускаться винтом. Центробежная сила отбросила обоих с сидений в сторону, а земля и небо показались повернувшимися вертикально и кружащимися на ту и другую сторону от них, как два колеса огромного экипажа.

В то время еще не было мертвых петель и других фигур высшего пилотажа, но как ни необычен и неожиданен для Морозова был в то время подобный спуск, никакого ощущения, похожего на страх, у него не было, потому что он ясно видел, что Ефимов делает это осознанно.

А между тем смотревшим на них снизу казалось, что они непременно разобьются о землю, почти у самой поверхности которой, едва не задев крылом за вершину дерева, Ефимов окончательно выпрямил аэроплан. Все к ним побежали в испуге, спрашивая, что случилось?

Уже задолго до 4 апреля 1912 г. Морозов звонил и в аэростатическую комиссию и (по ее предложению) ко всем аэронавтам Петербурга, чтоб хоть кто-нибудь из них полетел с ним на «Треугольнике», так как он собирался делать с него спектрофотографии предстоявшего в этот день солнечного затмения. Но все было напрасно! Одни были заняты, другим нездоровилось, третьи уехали отдыхать на пасхальные праздники.

И вдруг все разом перевернулось, как по мановенью волшебной палочки.

Возвратившись к себе на квартиру во флигель лаборатории, Морозов застал там мирно беседующих с Ксаной за чайным столом своего давнишнего знакомого, авиатора Раевского, а вместе с ним самого опытного и талантливого из молодых аэронавтов, капитана Шабского.

– А мы вас весь день ищем по всему городу! – воскликнул Шабский, вскакивая из-за стола. – Я только что возвратился в Петербург и

узнал, что вы собираетесь наблюдать затмение с высоты! Охотно буду пилотировать в это время аэростат. Ведь я тоже очень люблю астрономию и хочу сам сделать несколько наблюдений над полетом шара при таких исключительных условиях!

– А я буду помогать во всем, что будет нужно и, кроме того, сниму своим аппаратом целый ряд фотографий! – добавил Раевский.

– Все это хорошо, но ведь уж двенадцатый час ночи! А завтра надо лететь! Как добудем мы барограф, психрометр и другие нужные инструменты из аэростатической комиссии?

– Я возьму свои! – пообещал Шабский, – а о «Треугольнике» я уже говорил в аэроклубе. Воздухоплавательная команда у меня свободна, и завтра в девять утра все будет готово к полету!

Морозов спешно начал собирать все необходимое. Из прошлого опыта он знал, что при полетах на воздушных шарах всегда надо иметь с собой маленький компас, для выхода из лесных дебрей и болот после окончания полета, карманный электрический фонарь, если полет происходит не в белые ночи, коробку спичек, пачку сухих лучинок и маленькую бутылочку с керосином для разведения костра и, кроме того, дня на два съестных припасов, на случай, если долго придется блуждать по лесам и болотам раньше, чем доберешься до человеческого жилья...

Для наблюдений он решил захватить только спектрограф, недавно сделанный для него его другом, пулковским астрономом Тиховым, из коленчатого спектроскопа Биологической лаборатории, к которому он привинтил фотографическую камеру.

– Многим займешься, ничего не сделаешь! Займусь на этот раз только наблюдением земли как планеты, сверху, путем спектрофотографирования различных явлений в ее атмосфере и на самой поверхности и сравню полученные результаты с добытыми для других планет! Конечно, нашу атмосферу не раз уже исследовали спектроскопом. Но все измерения производились с земной поверхности, снизу вверх, а не сверху вниз. Между тем, даже с аэропланов, а не только с аэростатов, поднимающихся несравненно выше, уже заметно, что световые оттенки, а следовательно и спектральные цвета, должны быть в каждом из этих двух случаев несколько различны...

К девяти часам он в сопровождении своей неизменной спутницы, Ксаны, уже находился на газовом заводе...

Сначала шар несло почти прямо к его старинному жилищу, Шлисельбургу, но затем, по мере подъема, ветер отклонил его к югу.

Взглянув на солнце сквозь почерневшее фотографическое стекло, Морозов увидел, наконец, на нем первую зазубринку затмения с юго-западного края.

– Началось!

Они все принялись смотреть, как мало-помалу росла эта выемка. Был час сорок минут пополудни, они летели уже около двух часов со времени своего подъема и находились в этот момент на высоте 1750 метров.

В момент главной фазы затмения все внизу, на земле, и вокруг них, в небе, постепенно приняло какой-то зловещий, мрачно-синеватый оттенок. Казалось, что вся природа освещалась не солнцем, а каким-то отдаленным, слегка синеватым электрическим фонарем, или что солнце вдруг закрылось надвинувшейся грозовой тучей, хотя никакой тучи не было видно на небе. Все тени вокруг них приняли на своих контурах кудрявый вид, как будто предметы, бросавшие их, были покрыты курчавой шерстью. Все звуки, по временам доносившиеся до них снизу, сразу прекратились. Солнце превратилось в узенькое, как горящая ниточка, колечко, прерывающееся лишь внизу на небольшом расстоянии. Голубоватая мгла, представлявшаяся им раньше как бы миражом озер, морей и заливов, стала еще голубее, совсем как синька.

Он снял к этому времени уже шесть спектрограмм: и этой мглы, и лесных пространств внизу, и текущих между снегами и полями рек, казавшихся бурями, как Терек, от размытой ими земли, и самого неба в окрестностях солнца во время максимальной фазы затмения, когда все было освещено лишь его краевыми частями.

Когда наступила эта максимальная фаза, их паденье стало стремительным. Казалось, что сильный ветер подул на них снизу, и земная поверхность, становясь все больше и больше, сама летела на них, грозя разбить своим ударом.

– Никогда еще не случалось мне совершать такого любопытного полета! – сказал Шабский.

Действительно, кому из них приходило в голову, что солнечное затмение должно вызывать паденье всех летящих в земной атмосфере аэростатов и дирижаблей, хотя, исходя из физических условий такого момента, ясно, что ничего другого нельзя было и ожидать!

Поднимаясь самопроизвольно, по мере возрождения померкнувшего солнца, аэростат взлетел к концу затмения до высоты двух тысяч восьмисот двадцати пяти метров. И после этого начал снова медленно опускаться от приближения солнца к горизонту, т.е. когда готовилось наступить то обычное для землян солнечное затмение, которое называется ночью.

Шабский, считая ту местность, над которой они пролетали, неудобной для спуска из-за отдаленности от железных дорог, предложил пролететь далее, к городу Боровичи Новгородской губернии, видневшемуся вдаль. Но ветер стал меняться по мере их приближения к городу и понижения высоты полета и относить их в торфяные топи, лежащие к северо-востоку от Боровичей.

Балласт к этому времени совсем вышел, и Шабский решил пожертвовать канатом от якоря. Облегченный «Треугольник» поднялся немного над лесом, состоявшим из оголенных вековых берез и осин, с примешанными к ним кое-где елями. Подняться высоко не удалось, и гайдроп, обвившись о крепкий сук, которого не мог сломать, внезапно остановил их движение раньше, чем они успели перелететь через лес.

Что было делать? Деревья, на вершинах которых они качались, были не ниже шестизэтажного дома. Желая опустить шар, они повисли все трое на красной ленте его разрывного приспособления, но отрывная лопасть была приклеена слишком прочно, и они не могли с ней справиться. Спустить шар ниже не удалось.

Они начали трубить в рожок, желая привлечь внимание каких-нибудь случайных дровосеков, и это оказалось не напрасно. Через четверть часа в лесу раздались оклики, и вслед за тем к подножию их деревьев прибежала кучка крестьян.

– Какая деревня? — окликнули их путешественники.

– Карманово, Новгородской губернии! — послышались голоса снизу.

Начались обычные в этих случаях расспросы: Кто вы? Откуда? Зачем летели? Но и ответив на них, воздухоплаватели ни на шаг не приблизились к покинутой ими земле. Ясно было, что достигнуть ее поверхности можно было только одним способом: спуститься по стволу одного из окружающих деревьев, хотя они и оказались очень мало приспособленными для лазанья.

К счастью, у них была длинная веревка. Используя ее как страховочный канат, путешественники по очереди слезли по дереву вниз.

Так закончилось их восьмичасовое плавание в воздушном океане.

Переночевав в деревне, находившейся в трех километрах от этого места, они ранним утром пошли выручать свой аэростат. Крестьяне быстро подпилили и свалили пять или шесть окружающих его деревьев, но опустить «Треугольник» все же не было никакой возможности, так как нельзя было повалить державшее его дерево, не разорвав сучьями сетки и оболочки шара. Они разыскали в отдалении большую ель, вокруг которой обвился нижний конец гайдропа и которая мешала шару освободиться, и свалили ее в сторону. Аэростат был немедленно притянут к земле за ту самую веревку, с помощью которой они накануне спустились по дереву. Но разобрать по частям «Треугольник» и сложить в корзину его сеть и оболочку здесь было совершенно невозможно, так как все кругом было завалено срубленными деревьями.

Из-за неудачных манипуляций подрубленное дерево свалилось в сторону и, сильно дернувши за гайдроп, который оказался недостаточно прочным, оборвало его у самой гондолы. Освобожденный аэростат взвился, как вспугнутый орел, в высоту, а державшая его толпа крестьян, потеряв равновесие после разрыва каната, разом повалилась на землю с его концом в руках.

Они молча стояли в лесу, следя глазами за сорвавшимся с узды воздушным конем. Что теперь делать? Как возвращаться в аэроклуб без аэростата? Но ничего другого не оставалось. Сильно упавшие духом, они добрались до Петербурга лишь на третий день. Но в аэроклубе их встретили лишь криками всеобщего удивления и радости:

– Как! Вы остались живы?!

Оказалось, что на следующий же день «Треугольник» упал в полтора верстах от места их спуска и был обнаружен местным населением. Тамошний священник сейчас же телеграфировал об этом в аэроклуб, и их сочли сорвавшимися и погибшими.

В мае 1912 г. Морозов уже делал доклад на заседании Русского астрономического общества о результатах их полета во время затмения.

«...Целью нашего полета было не одно наблюдение солнечного затмения с высоты, но главным образом исследование метеорологических явлений в нашей атмосфере при таких исключительных условиях и кроме того спектроскопическое исследование земной поверхности через большой слой атмосферы, аналогично тому, как мы исследуем другие планеты.

Этой последней целью я задавался еще давно, тотчас после моего первого полета на аэростате в октябре 1910 г.

Еще тогда я имел возможность убедиться, что земная поверхность представляется с воздушного шара в несколько своеобразном освещении, не вполне похожем на то, в каком вы видите долину с вершины высокой горы. Вертикально возвращающийся свет имеет всегда несколько своеобразные свойства; он, например, дает вам возможность видеть дно моря на многих десятках метров, несмотря на волны, тогда как в косом направлении или даже в вертикальном, но с небольшой высоты на борту корабля, вы не видите погруженного предмета даже и на полуметре глубины. В этом отношении мне особенно хотелось сфотографировать с высоты спектр морской воды, но при описываемом мною полете это было невозможно, так как море было еще оковано льдом, да и ветер был северо-западный и должен был отнести нас в глубину России как раз поперек линии центрального затмения. Пришлось отложить полет над морем до следующего случая, а здесь ограничиться наблюдением самого затмения, атмосферных условий в высоте во время постепенного заслонения солнца луною и осуществлением тех спектроскопических исследований, какие можно было сделать посредством коленчатого спектроскопа биологической лаборатории Лесгафта, к которому мой друг, пулковский астроном Г.А. Тихов, приделал для меня свою спектро-фотографическую камеру.

До максимальной фазы затмения я успел сделать 7 спектрофотографий, которые после того были отвезены мною в Пулковскую обсерваторию и проявлены там Г.А. Тиховым. Из них три последние оказались неудачны и среди них мне было особенно жалко снятого мною спектра нашей атмосферы во время максимальной фазы затмения, когда она освещалась тонкой хромосферой солнца, короной и самыми краевыми частями фотосферы, лучи которой, таким образом — проходили через большие толщи собственной солнечной атмосферы...»

Вот снимки, которые у него получились:

1. Глубина Невы, только что вскрывшейся ото льда. 12 ч. 45 м. Выдержка 2 сек. Высота 1550 метров.

2. Голубая мгла внизу против солнца. 12 ч. 45 м. Выдержка 2 сек. Высота 1550 метров.

3 Зимняя зелень хвойного леса. 1 ч. 22 м. Выдержка 2 сек. Высота 1900 метров.

4. Голубая мгла внизу. 2 ч. 3 м. Выдержка 2 сек. Высота 1900 метров (правый конец снимка попорчен просветами кассетки).

На этот раз, по крайней мере, часть спектрограмм получились. Результаты экспедиции были восприняты с большим удовлетворением. В этом же выступлении были поставлены задачи по дальнейшим наблюдениям в данном направлении.

Со временем первая свежесть и новизна воздушных ощущений для Николая Александровича пропала. Почти все, что было ново в высоте, стало обычным уже после первых пяти–шести полетов на аэропланах и аэростатах. Простые прогулки по воздуху, без всякой иной цели, кроме самого летания, перестали удовлетворять его. Хотелось далеких путешествий, хотелось уже не самого ощущения полета, а каких-либо научных исследований, для которых полет – только средство. Но оставался интерес и к самой совершенствующейся технике. На этот раз ему было интересно испытать быстроходный моноплан системы «Ньюпор», на котором ему еще не приходилось летать, и сравнить его с другими.

Окончилась третья неделя авиации на Комендантском поле; окончилось и состязание гидроаэропланов на петербургском взморье и Стрелке. Морозову было приятно наблюдать, как сильно усовершенствовались летчики с тех пор, как в первый раз пришлось ему познакомиться с ними. Летал и он сам с Габер-Влынским, приехавшим специально из Москвы и служившим центром внимания, на его моноплане «Дукс», изготовленном в Москве.

– Хотите пролететься со мною на взморье на ньюпоре? – спросил Морозова, увидев его на арене аэродрома, Адам Мечиславович Габер-Влынский.

– Конечно, с великим удовольствием!

– Только наденьте шлем и автомобильные очки.

Один из знакомых побежал в беседку и принес и то, и другое. Шлем он охотно надел, но автомобильные очки с их толстыми стеклами были для него очень неприятны, так как закрывали половину поля зрения. Однако Габер-Влынский, беспокоясь за глаза своего попутчика, в которые могли лететь брызги масла от переднего пропеллера, настоял, чтобы он надел и их, и они в таком виде пошли к аэроплану. Габер-Влынский сейчас же пустил в ход мотор.

Ураган воздуха от пропеллера впереди направлялся прямо на голову пассажиру, и он невольно наклонил ее вперед. Вот Габер-Влынский махнул рукой, и механики, державшие моноплан за хвост, разом выпустили его. Мягко подсакивая, как на рессорах, он помчался по полю, и обычное явление опускания земли вниз, по мере взлета над нею, было на ньюпоре еще характернее, чем на бипланах, так как ближайшая часть земли закрывается здесь для пассажира крыльями аэроплана. В несколько секунд вся передняя половина аэродрома вместе с толпами зрителей ушла под белые крылья. И поля, и леса внизу стали делаться все миниатюрнее, по мере того как они поднимались над ними, а горизонт стал расширяться все более и более.

– Ну, что? – спросил Николая Александровича, едва вылезшего на землю, один из присутствовавших тут офицеров-летчиков. – Где лучше: на бипланах или монопланах?

– Для быстрых перелетов и действий, — резюмировал Морозов свои первые монопланные ощущения, — ньюпоры превосходны, но для наблюдения земной поверхности ничто не может быть лучше фарманов первого типа, у которых под ногами только проволоки...

– Я тоже так думаю, — ответил летчик.

– Но так ли всегда будет? – размышлял Николай Александрович. — Конечно, нет! Ведь главная причина, по которой теперь и надо летать, это именно сознание, что каждый, кто имеет силы и возможность, обязан вложить свою лепту в великое дело начавшегося окрыления человечества. Ведь всякий, ознакомившись с процессом полета и устройством современных аппаратов, может надеяться, что и ему удастся что-нибудь сделать для их усовершенствования.

Однажды Морозов присутствовал при подъеме над Петербургом аэростата с пассажирами. Среди них была женщина, не рассчитавшая свои нервные силы. Во время подъема она в истерике неумело оборвала предохранительную ленту. В результате шар начал стремительно падать вниз. Несколько человек погибло. Это событие сильно потрясло Николая Александровича, и он озадачился безопасностью полётов на аэростатах. Результатом его размышлений была статья в журнале «Воздухоплаватель», где он предложил конструкцию экваториального пояса, превращающего в случае аварии аэростат в парашют. Затем он задумался об оснащении аэронавтов при будущих подъемах воздушных шаров на такую высоту, на которой из-за разреженности воздуха и низкого давления нормальная жизнедеятельность человека окажется невозможной. Он считал, что при подъемах в самые отдаленные области атмосферы для исследования ее физического и химического состава надо будет одеваться в прорезиненный костюм, типа водолазного. Нормальное давление внутри костюма должно поддерживаться насосом, качающим свежий воздух, в то время как испорченный дыха-

нием будет удаляться с противоположной стороны через клапан, достаточно придавленный пружиной. Об этом костюме он говорил на лекциях в Гатчинской авиационной школе при аэроклубе, где каждую весну в течение двух недель читал курс «О научном и культурном значении воздухоплавания и авиации».

Будучи членом научно-технического комитета аэроклуба, Морозов выступил там с предложением устроить ряд полетов с научной целью. Коллеги согласились, и в результате ему поручили к весне 1914 года составить особую воздухоплавательно-авиационную комиссию для научных исследований, пригласив в нее подходящих лиц, как из членов аэроклуба, так и со стороны. И он это сделал.

Прежде всего им надо было исследовать влияние полетов на физиологическое состояние человека: изменяется ли по мере поднятия на аэростатах давление крови в венах и артериях; каковы в высоте характер пульсовой волны, температура тела и мускульная сила? Последнее обстоятельство представлялось особенно интересным. Некоторые из их предшественников по воздухоплаванию утверждали, что на высоте более 7–8 тысяч метров на человека нападает особого рода апатическое состояние, какое-то физическое и умственное изнеможение и полное равнодушие к жизни, так что улетевший с земли человек садится на дно своей гондолы, и, несмотря на явный недостаток воздуха и опасность оставаться долее в высоте, ему лень даже протянуть руку к веревке, открывающей клапан аэростата, чтобы выпустить часть газа и спуститься.

Слабеет ли при этом мускульная сила, по какому-нибудь определенному физическому закону? Влияет ли понижение атмосферного давления в высоте расслабляющим образом также и на упругость стенок кровеносных сосудов, на энергию сердечной деятельности, и по какому правилу? И так далее, и так далее.

Вопросы поднимались чрезвычайно интересные.

Как только в конце марта была создана комиссия, один из ее членов, доктор Цитович, предложил Морозову свои услуги при первом же полете, а вместе с тем обещал взять с собой и все нужные инструменты: силомер, пульсометр и все прочее, из физиологического кабинета Женского медицинского института, которым он заведовал.

Николай Александрович спешил. На четвертый день Пасхи ему уже нужно было уехать в лекционное путешествие по Сибири, до самого Владивостока, а это должно было занять не менее двух месяцев. И он решил рискнуть сделать хотя бы один полет до наступления Пасхи, несмотря на весеннюю распутицу, делавшую большую часть Петербургской и соседних с нею губерний совершенно непроходимыми, несмотря на собственное неважное самочувствие, слегка повышенную температуру и кашель. Он настаивал на немедленном начале практической деятельности комиссии, несмотря ни на какую погоду.

И вот 4-го апреля, как раз в страстную пятницу, они на закопченном заднем дворе городского газового завода, на Обводном канале, за грудками каменного угля начали наполнять газом свой аэростат «Треугольник».

Дул сырой, порывистый ветер, гнавший на высоте около двух с половиной километров серые ключья сплошных облаков. Температура была немного выше нуля, и все кругом скорее напоминало осень, чем весну.

– Едва ли какой-нибудь обычный аэронавт согласился бы лететь в подобную погоду, – заметил в раздумье начальник авиационной школы лейтенант Н.А. Яцук, которому приходилось взять ответственный пилотаж в этот день на себя.

– Но что же делать? – сказал Морозов. – Времени у нас в обрез. Ветер в высоте все же дует к югу, и мы с ним, наверное, долетим часов в пять до Новгорода, около которого и спустимся. А если отложим до завтра, то ветер, может быть, целую неделю будет дуть на Балтийское море и совсем не позволит нам лететь.

– Я думаю, надо лететь сегодня же, – заметил и их третий товарищ, писатель В.В. Водовозов. А четвертый, Цитович, одним из первых явившийся на место отъезда, прямо начал готовить свои медицинские инструменты для исследования физиологического состояния всех участников перед предстоящим полетом, чтобы потом сравнить их состояние с полученными результатами в высоте, а затем еще при спуске на землю.

У всех, кроме Морозова, оказалась нормальная температура, у всех – нормальный пульс и довольно умеренная сила. А вот скорость реакции на звуковые сигналы самой большой оказалась у Морозова. Он нажимал кнопку камертона через восемь сотых долей секунды после того, как тот вычерчивал на бумажке свое первое звуковое колебание, да и тогда ему казалось, что он опоздал. Или он реагировал почти моментально, едва камертон успевал вычертить одно звуковое колебание, соответствующее сотой доле секунды. И тогда ему казалось, что он вовремя ответил на звук. Такой моментальный ответ повторялся у него много раз и зависел, вероятно, по мнению самого Морозова, от того, что его палец нажимал кнопку чисто рефлексивно в момент, когда он чувствовал сотрясение от первого колебания, и это его воздействие относилось, следовательно, уже не к звуковым, а к осязательным ощущениям.

У других товарищей, за исключением Яцука, такого моментального реагирования ни разу не выходило. Между тем аэростат постепенно наполнялся светильным газом, хотя и с необычной медленностью.

К полудню почти все было готово.

– Пускай! – крикнул Яцук, когда подъемная сила достигла двух пудов.

Солдаты военной авиационной школы разом выпустили концы веревок, и они взлетели до высоты крыш... Но под нисходящим потоком воздуха опустились и были брошены прямо на тянувшиеся по пустырю телеграфные провода. Они лопнули, как гнилые нитки...

Опять взлетели вверх, и снова аэростат был брошен на землю новым нисходящим порывом воздуха.

– Тут за крышами воздух катится колесом! – воскликнул Яцук. – Выбрасывайте скорее песок из мешка, – повернулся он к Водовозову, заведовавшему балластом, так как Морозов взялся определять и вычерчивать линию их полета по компасу на карте, а Цитович, сидя на дне гондолы, охранял от толчков свои инструменты.

Водовозов, летавший первый раз, начал выбрасывать песок по правилу, мелкими совочками, что не могло дать аэростату сразу же большой подъемной силы, а между тем в сотне шагов от них пустырь кончался высоким забором Царскосельской железной дороги, за которой виднелись дома и крыши Боровой, Черниговской и других улиц. Было ясно, что если они не взлетят сейчас же, то ударятся с размаха сначала о забор, а потом будут биться о все стены и крыши дальнейших зданий, пока, обломав их трубы и слуховые окна, не истрепят оснастки аэростата и не вывалятся из своей изломанной к тому времени гондолы на одну из городских улиц.

Увидев, что внизу на пустыре никого нет и что положение становится критическим, Морозов схватил полный мешок балласта и выбросил его целиком вниз. У них сразу прибавился целый пуд подъемной силы – очень большая величина для аэростата, – но напор нисходящего ветра на его оболочку был еще так силен, что они не успели подняться и на сажень над землею, прежде чем ударились гондолой о верхнюю половину железнодорожного забора. С треском и грохотом повалилась на землю его железная верхняя часть, их сильно качнуло, поставило аэростат почти боком, но они уже стали быстро забирать вверх.

На высоте двух тысяч метров, убедившись, наконец, что аэростат пошел правильно и не потерпел никаких серьезных аварий при своем тряске подъеме, они принялись каждый за свое дело. Цитович предложил сделать физиологические измерения.

Заметных изменений ни пульса, ни кровяного давления, ни температуры тела не оказалось, но у всех вместо предполагаемого уменьшения физической силы оказалось, наоборот, ее увеличение на несколько фунтов по ручному пружинному силомеру.

Приписав это нервному возбуждению и недостаточности взятой высоты, они попробовали подняться выше. Но из-за холодной погоды они двигались вниз.

Яцук стал выбрасывать большие совки песку, но опускающийся аэростат – это то же, что зарвавшийся конь. Раз он начал опускаться, то по инерции будет падать все быстрее и быстрее, вплоть до самой поверхности земли. И наоборот, раз он начал подниматься, он будет взбираться все выше и выше, пока от разрежения атмосферы не выйдет из него соответствующая масса газа, после чего он вновь будет стремиться упасть на землю.

Равновесия с окружающей средой у аэростата никогда не бывает днем. Только в ночные часы, при отсутствии солнечного нагревания и зависящих от него восходящих и нисходящих течений в атмосфере, он приходит в сравнительный покой и не требует для плавности своего полета большого внимания со стороны пилотирующего.

И вот, в результате, они стремглав полетели вниз в растаявшее моховое болото.

Гайдроп их поволочился как длинный хвост сзади, а гондола почти коснулась поверхности болота.

Яцук сразу выбросил полмешка балласта, и они, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, снова полетели под тучи...

И вот они снова летят вниз. Кругом во мгле ненастного дня не видно было никаких признаков человеческого труда, одни лесные дебри, залитые весенним половодьем, и между ними голые пятна разлившихся болот.

По их расчетам, они были уже верстах в сорока от Новгорода, но никаких признаков его не было видно во мгле. Только Яцуку показалось, что он видит на юге какую-то колокольню.

– Скверно, но теперь ничего не поделаешь, – заметил вслух Морозов.

Гайдроп уже быстро волочился по вершинам мелкого болотистого леса. Спускаться здесь пришлось бы в самую болотную гущу. Вдали показался более крупный, отчасти еловый, отчасти березовый и сосновый лес, свидетельствующий, что почва там крепче и суше.

Выждав момент, когда опушка леса оказалась перед ними, Яцук и Морозов повисли на красной ленте разрывного приспособления. Чувствовалось, как отрывается все более и более верхняя лопасть шара, и газ с шумом выходит в образовавшееся отверстие. Аэростат сразу сел вниз.

– Поздравляю с воздушным крещением! – приветствовал Морозов на земле Водовозова и Цитовича, летавших первый раз.

– Что же мы будем делать теперь? – спросил в недоумении Цитович.

– Попробуем выбраться по компасу, – ответил Морозов.

– А как же аэростат и все инструменты?

– Оставим здесь. Их тут без нас никто не найдет до наступления лета или даже в продолжение нескольких лет, – ответил ему за Морозова Яцук. – В такую болотистую гущу едва ли кто заходит, кроме зверей.

Привыкший с детства к лесным скитаниям, Морозов хорошо чувствовал всю опасность теперешнего положения. Здесь, внизу, в весеннюю распутицу, среди сплошных лесных болот, им было несравненно легче погибнуть, чем там, под облаками. Особенно беспокоили его Цитович и Водовозов, которые, как горожане, не привыкли перескакивать на протяжении десятков верст с кочки на кочку, да еще проваливаясь между ними в окружающую смесь воды, снега и льда.

Николай Александрович предусмотрительно захватил маленькую бутылку керосина и пачку лучинок из дому. Но как устроить костер, не имея нигде сухого места?

Провианту у них было лишь несколько яиц да бутербродов, захваченных, главным образом, Морозовым, уже ночевавшим зимой после такого же невольного спуска три года тому назад в лесных окрестностях реки Луги. Но здесь главная опасность грозила им уже не от одного голода, а от ледяной воды и предстоящей морозной ночи...

Было около пяти часов вечера, а солнце должно было зайти приблизительно в восемь.

– Необходимо сейчас же идти. Надо выбрать только наилучшее направление, от которого уже не отступать и не возвращаться, как бы оно ни было плохо.

– Я думаю, надо идти к югу, – сказал Яцук. – На севере далеко ничего не было видно, когда мы летели там. То же и на востоке, и на западе, а на юге мне показалась как будто колокольня верстах в десяти или пятнадцати.

Не пройдя и полторы тысячи шагов, они вышли на небольшую порубку и охотничий шалашик с деревянной дверкой, на которой грубыми чертами был нарисован контур лося.

Когда они отворили дверку, то увидели, что внутренность шалаша напоминала купе вагона. В задней части была сложена из кирпичей крошечная печка.

Присутствие здесь такого охотничьего шалашика наглядно показывало, что они находились очень далеко от всякого обычного человеческого жилья. Ведь никто не будет запасаться специальным ночлегом вблизи жилого дома, хотя бы до него и было часа два ходьбы.

– Вот тут и остановимся ждать хозяина! – радостно воскликнул Водовозов.

– Хозяин может не прийти сюда до лета, и мы все умрем с голода, – возразил Яцук. – Кроме того, здесь могут поместиться только двое.

– Необходимо сейчас же продолжать путь, – заметил Морозов. – Может быть, наткнемся до наступления ночи на какую-нибудь лесную проезжую дорогу.

Яцук сделал карандашом на двери надпись: «Аэростат “Треугольник” 300 шагов вверх по ручью и 1300 шагов оттуда к северу».

И они снова двинулись к югу. Путешественники несколько раз поскальзывались на кочках и падали в залитые водой глубокие проможutki между ними. Теперь у них не оставалось ни одного сухого места на теле. Они шли изо всех сил. Яцук каждую минуту трубил в рожок в надежде, что его услышит какой-нибудь случайный охотник.

Стремясь, по лесному правилу, идти непрерывно по одному направлению, никуда не сворачивая, за исключением обхода совершенно непроходимых препятствий, они пришли, наконец, двигаясь все к югу, в такое место, где вода, бывшая им прежде по колена, дошла уже почти до пояса, и конца этому озеру нигде не было видно.

Яцук попробовал пробраться далее, держась за стволы деревьев, но вскоре принужден был возвратиться.

– Тут нельзя пройти иначе, как вплавь, – сказал он.

Пришлось искать обход. И когда силы их практически покинули, на звук рожка они получили ответ. И вот в нескольких десятках шагов от них из болота на кочку выскочил молодой человек в куртке и высоких сапогах, доходивших ему до самого пояса. В руках у него было двухствольное ружье, которое он с явной опаской держал в руках, как будто сейчас же готов был выстрелить, если незнакомцы на него нападут.

– Кто вы? – спросил он.

Они объяснили.

– А вы кто?

– Егерь, – ответил он. – Я слышал ваш рожок и думал сначала, не браконьеры ли, но потом сообразил, что браконьеры не стали бы трубить, и погнался за вами. Хорошо, что вы вернулись, а то если бы перебрались через то болото, я не смог бы вас догнать.

– Далеко отсюда до жилого места?

– До моей деревни верст пятнадцать, но здесь, верстах в четырех, у меня охотничий шалаш.

Они пошли за егерем по сплошному разливу весенних вод. Никаких дорожек не было видно в этом лесу. Вечерняя заря уже исчезла между деревьями, и в высоте над лесом кое-где замелькали крупные звезды. Наступила полная ночь, когда они пришли к его землянке.

Здесь они оставили Цитовича и Водовозова, а Морозов, Яцук и егерь пошли к деревне. Туда они добрались только к двум часам ночи, пробыв, таким образом, в болотах около восьми часов.

При восходе солнца их разбудили крестьяне, уже предупрежденные егерем и пришедшие условиться относительно выноса из леса азростата. Они согласились все сделать за шестьдесят рублей. Как ни хотелось путешественникам по возможности сэкономить расходы азроклуба, но пришлось согласиться.

Яцук решил один сопровождать крестьян, так как местонахождение шара было вполне определено и отправляться за ним вдвоем не было необходимости. А Морозов, подождав Цитовича и Водовозова, должен был тотчас же ехать с ними на ближайшую железнодорожную станцию, верст за 30 от деревни, и успокоить телеграммами товарищей по азроклубу и родных относительно благополучного окончания экспедиции.

На печке высохли только их куртки и белье, а сапоги у всех так намокли, что они уже не были в состоянии их надеть. Крестьяне снабдили путешественников своими валенками, но с условием возвратить их на станции.

В магазине около станции им предложили очень дорогие штиблеты. Цитович один купил их. Водовозов купил у кучера его старые валенки;

а Морозов, увидав в магазине комнатные туфли из пестрой бумажной ткани, приобрел их за 30 копеек. Его вид был очень курьезен: с мокрыми сапогами в руке, в полупромокнутой зимней шубе на плечах, в авиаторском башлыке на голове и в этих легких пестрых туфлях на ногах. Он думал, что все в вагоне будут с любопытством рассматривать его, но публика оказалась совершенно равнодушной. Выйдя в город из вокзала, он поехал в таком же виде на свою квартиру в трамвае. И здесь все остались совершенно равнодушными.

Приехав домой, он в первые два дня почувствовал себя не только не хуже, но даже много лучше, чем до полета, хотя в горле еще чесалось и кашель начинался по временам, но он был уже чище и не так упорен. Но через два дня доктор Куковеров, пришедший к нему вечером, определил у него воспаление легких. И он три недели пролежал в постели, обложенный водочными компрессами. Цитович получил сильный ревматизм в ногах, долго мешавший ему ходить, а Яцук и Водовозов, к удивлению, остались совершенно здоровыми.

В результате предполагаемое лекционное путешествие Морозова по Сибири осуществилось лишь через год.

Предполагаемый следующий астрономический полет на этом же аэростате «Треугольник» во время солнечного затмения 8 августа в Киеве тоже не состоялся. Как раз перед ним началась мировая война, «Треугольник» и все другие их летательные аппараты были реквизированы на фронт, и научным полетам и замыслам надолго был положен предел.

Полет 1912 года

Полет 1911 года

Увлечение Морозова вопросами воздухоплавания и авиации нашло отражение в его многочисленных статьях и заметках в журналах и сборниках. Это, в основном, работы 1910–1914 годов. А десять лет спустя вышла его замечательная книга «Среди облаков» – литературный памятник пионерам освоения воздушного пространства. В предисловии автор написал так: *«Огромное значение воздухоплавания и авиации понимается теперь всеми образованными людьми. Ни одно культурное государство не может более существовать без своего воздушного флота. Желанье содействовать его развитию у нас и заставило меня выпустить в свет эту книжку».*

А мечте о дальнем перелете, к сожалению, осуществиться не удалось. Осенью 1912 года он уже собирался совершить такой перелет из Симферополя в Петербург, но... время опять остановилось для него, на сей раз из-за «Звездных песен».

Глава V

ВОКРУГ «ЗВЕЗДНЫХ ПЕСЕН»

26 ноября 1911 года «Русские ведомости» сообщили о суде над известным шлиссельбуржцем Морозовым, осужденным на один год за публикацию в сборнике «Звездные песни» стихов, «возбуждающих к учинению бунтовщических деяний и ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и заключающих выражение дерзостного неуважения к верховной власти».

История, имевшая трагические последствия, начиналась вполне обыденно. Приехав в Москву в начале 1910 года, Морозов встретился с издателем «Скорпиона», и тот попросил что-нибудь из его литературных произведений для публикации. Морозов предложил ему свои стихи, которые он объединил в сборник под названием «Звездные песни», так как в большинстве из них, так или иначе, фигурируют небесные светила. Часть стихов была написана еще в Шлиссельбурге, остальные – уже на свободе. Он предупредил издателя, что надо посмотреть, нет ли там чего-либо, что может не пройти цензуру, так как было бы жалко, если тираж уничтожат. Почти все стихи, написанные на общие сюжеты и ничего не говорящие о современной России, не возбудили у издателя никаких опасений. Сомнения вызвало лишь «Беззвездное стихотворение». Оно касалось явно современного и в то время жгучего вопроса.

– Оно особенно опасно, так как направлено явно против Азефа и других провокаторов охранного отделения, а за Азефа уже осудили Лопухина, – сказал издатель. – Лучше исключить его совсем!

– Нет, ни за что! – отвечал Морозов. – Оно единственное, за которое я буду стоять во что бы то ни стало. Каждый писатель должен выразить свое возмущение подобными людьми. И пока я этого не сделал, так или иначе, мне будет казаться, что я не исполнил своего гражданского долга.

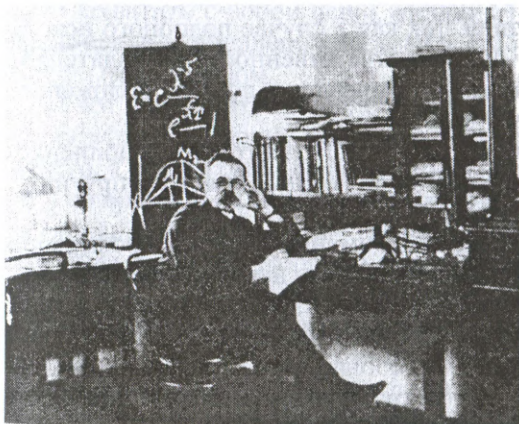
Весной 1910 года книга вышла и с большим успехом стала распространяться. Морозов, как обычно, уехал на лето в деревню. И вдруг через две недели после его отъезда пришла газета с известием, что Комитет по делам печати привлекает по поводу его книжки издателя к суду за дерзостное неуважение к верховной власти в России и за воззвание к ее ниспровержению!

Мысль, что за его произведение и, может быть, благодаря его настойчивости относительно «Беззвездного стихотворения» будет посажен в тюрьму издатель, не давала ему покоя. Он написал в московский цензурный комитет, что, уж если кто-нибудь должен поплатиться тюремным заключением за свой оптимизм по отношению к существующим цензурным порядкам, то пусть лучше автор, а не издатель. Коми-

тет сейчас же любезно согласился перенести обвинение с издателя на автора и направил его письмо в Московскую судебную палату, оказавшуюся не менее предупредительной к нему. И вот, по истечении достаточно большого времени, повестка – явиться к следователю 18 января 1911 года к 2 часам.

Разговор со следователем был спокойным и не предвещал бури. Морозов решил, что дело, скорее всего, будет закрыто без последствий и уже совсем успокоился, как вдруг в сентябре получил из Москвы пакет. Там сообщалось, что за ряд стихотворений, возбуждающих к учинению бунтовщических деяний и ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и заключающих выражение дерзостного неуважения к верховной власти он обвиняется по статье 128 п. 1 и 2 и статье 129 и должен явиться в суд 24 ноября 1911 года к 10 часам утра.

У всех, кто знал Морозова, а таких было очень много, так как он часто выступал с публичными лекциями, вызов его в суд вызвал недоумение. Человек уже просидел 28 лет в тюрьме, а теперь его хотят посадить снова, и за что? За стихи, которые уже были изданы в 1906 году, и тираж даже не был конфискован! На этот инцидент откликнулись многие газеты и журналы...

*Фотография Н.А. Морозова
незадолго перед арестом*

Накануне суда супруги Морозовы прибыли в Москву. День суда был серым, пасмурным, под стать их настроению. Они явились к десяти, но оказалось, что судебное заседание начнется еще не скоро, да кроме того, дело Морозова поставлено вторым. Девать-

ся было некуда, и поэтому, когда заседание началось, они решили присутствовать при рассмотрении первого дела.

Судили пожилого крестьянина, бывшего деревенского старосту, вина которого состояла в том, что он в течение длительного времени присваивал деньги своих односельчан, вскрывая получаемые для них письма с денежными вложениями. Обвинять старосту явилась вся деревня, так как он успел уже обокрасть каждого. Перед неопровержимыми уликами ему некуда было деваться, кроме как просить о снисхождении. Присяжные совещались минимальное время. Приговор – шесть месяцев заключения. Поразительная снисходительность!

Наконец, слушается дело Морозова. Председатель суда звучным красивым голосом начал читать обвинительный акт. Там было много стихов, которые он читал с выражением, как актер на каком-нибудь вечере. Адвокат обратил внимание суда на то, что эти стихи написаны давно, еще до шлиссельбургского заключения, и уже более пяти лет свободно распространяются по всей России. В сборник «Звездных песен» все стихи, фигурирующие в обвинительном акте, вошли вторым изданием. Каков же будет приговор?

– Подсудимый Морозов приговаривается к году тюремного заключения. Решение подлежит обжалованию в двухнедельный срок.

Николай Александрович, в общем-то, был готов и к худшему, но надежда не покидала его. Теперь все надежды рухнули!

В тот же день Морозовы уехали в Петербург, поручив ведение дела своему защитнику. Кассацию рассматривали лишь в марте 1912 года. Приговор остался в силе. Все это время он жил свободно, мог ездить по всей стране без всякого предварительного на то разрешения. Создавалось впечатление, что правительство как бы предлагало ему удрать за границу, чтобы спастись от преследования. Но Николай Александрович понимал, что это провокация, так как в случае подобного исхода власти сразу же переложили бы всю ответственность на издателя и засадили бы его в тюрьму, поставив Морозова в ложное положение, неприемлемое для порядочного человека.

Так как правительство не спешило привести приговор в исполнение, Морозов продолжал вести свою обычную жизнь. На лето супруги отправились на южный берег Крыма.

Почти месяц прожили они в Артеке, в имении их друга, профессора С.И. Метальникова. Николай Александрович, начав уставать от курортного образа жизни, принялся понемногу изучать библейских пророков для своей будущей историко-астрономической книги. Проснулись и бывшие геологические увлечения: он собирался осмотреть с этих позиций вершины Чатыр-Дага и Ай-Петри. У него сложился красивый план, как они будут добираться обратно в Петербург самолетом. Но все планы рухнули 15 июня 1912 года.

Был чудесный день. Супруги с утра успели сделать небольшую лодочную прогулку по морю и, забежав в гости к пригласившим их соседям, наслаждались покоем и уютом в ожидании обеда... Идиллию нарушил урядник, явившийся с предписанием немедленно арестовать Морозова и заключить в тюрьму на год по приговору Московской судебной палаты. В один момент произошла катастрофа. Рухнули все планы. Но главное – как он перенесет это новое заключение? В Петербурге, когда Николай Александрович справлялся, можно ли ему ехать в Крым, было сказано, что он может ехать куда угодно. И вдруг – арест! Конечно, правительство выбрало для этого очень благоприятное время: все в отъезде на летний отдых, да и сам Морозов в глуши,

потому арест произойдет без особого шума, а когда общественность будет поднята на ноги, все уже будет сделано. Как выяснилось позже, распоряжение об аресте Морозова было послано в Симферополь прокурором палаты, разрешившим ему уехать, уже 22 мая, ровно через неделю после его отъезда, но залежалось в промежуточных окружных судах, да и в Симферополе лежало долго, потому что буря перед тем испортила пути сообщения и вся казенная корреспонденция приостановилась.

– Я должен препроводить вас в Гурзуф, к приставу! – сказал Морозову урядник.

– Но как же, – протестовала Ксения Алексеевна, – прокурор московской судебной палаты сам отпустил нас в Крым для поправления здоровья, да и приговор должен быть приведен в исполнение не здесь, а, как всегда делают, в месте постоянного нашего жительства, в Ярославской губернии.

– Ничего не знаю! – отвечал урядник. – Мне приказано доставить в Гурзуф.

На просьбу разрешить «арестанту» зайти домой, чтобы переодеться и захватить с собой вещи, урядник отвечал отказом, ссылаясь на предписание немедленно доставить его пристава для отправки в Ялту с первым пароходом.

И вот «арестант» пошел с ним в том самом виде, в каком полчаса назад вскочил в лодку после своего купанья. На голове его не было ничего, а штаны были до пояса мокры от морской воды, еще не обсохшей со времени их недавних приключений. Отправляясь обедать, они смеялись, что будет очень эффектно явиться к богатой соседке в таком виде, прямо из моря; но еще эффектнее было теперь войти так в крепость для отбытия наказания за стихи и по пути представляться все-му начальству. Комическое перемежалось у него в душе с трагическим.

Прошло около часа. Урядник довел своего подопечного, все еще наполовину мокрого, до Гурзуфа. Там, предложив супругам погулять в местном парке, он отправился разыскивать по всему местечку пристава, продемонстрировав тем самым очень трогательное доверие: «Не хочешь сидеть – уезжай!». Но Морозову это казалось совсем неподходящим делом. Еще за несколько недель до суда над ним пошел слух из судебной палаты, что ему предстоит не менее трех лет заключения с лишением прав и немедленный арест после суда, и некоторые из друзей его предупреждали об этом. «Уезжайте немедленно за границу!» – уговаривали они, когда он приехал в Москву на суд, за несколько дней до судебного заседания. «Ведь я же сам просил судить меня вместе издателя! – возражал он. – Если я теперь убегу, то будут судить его, как это у них полагается, и осудят, чтобы выставить меня в самом непривлекательном свете. Сам же предложил, а как дошло до дела – струсил и бежал!» Он не убежал тогда, чего же он побежит сегодня.

Наконец урядник явился и повел его к приставу. Тут выяснилось, что ближайший пароход в Ялту придет только через четыре часа. Супругам разрешили воспользоваться этим временем, чтобы съездить в Артек за вещами.

В имении их встретили взволнованные друзья. Урядника пригласили пройти на кухню, что он сейчас же и сделал, а Морозовы начали собирать свои пожитки.

Друзья принялись уговаривать Николая Александровича уйти куда-нибудь из усадьбы, с тем, чтобы они могли потом переправить его дальше, но, естественно, получили решительный отказ.

– Но вы не можете теперь садиться в крепость! – сказал ему доктор. – Они не имеют права арестовывать вас, потому что вы больны, и серьезнее, чем думаете сами. У вас расширение сердца и невроз. Я как врач уже написал от себя в Московскую судебную палату, что ваша болезнь требует продления вашего пребывания в Крыму на месяц. Теперь же я еду с вами, чтобы заявить это и ялтинскому исправнику.

Все обрадовались такому средству продлить хоть на месяц его пребывание на свободе, и ему самому некоторая отсрочка казалась привлекательной, чтоб без стражи добраться до Мологи, где для жены была бы возможность время от времени посещать его в местной тюрьме.

Но по приезде в Ялту местный исправник заявил доктору, что ничего не может сделать, ибо предписание об аресте Морозова помечено спешным.

Доктор решил написать свидетельство о болезни своего пациента и направить его к прокурору Симферопольского окружного суда, хотя бы для приостановки ареста.

Исправник согласился на это, заявив, что он оставит Морозова в Ялтинской полицейской тюрьме до получения ответа. В случае же отказа он должен будет препроводить его в Симферопольскую тюрьму для отбытия наказания.

Это было новым ударом! У Морозова, как петербургского жителя, не было здесь ни одного знакомого, за исключением приехавших в Крым на летние месяцы.

– Это они нарочно сделали! – воскликнула Ксения Алексеевна. – Нарочно тянули до летних месяцев, когда все наши деятельные друзья в Петербурге разъедутся, когда некому заступиться за тебя, и нарочно дали тебе разрешение ехать в Крым! Надо, чтобы тебя непременно перевели ближе к Петербургу, в Двинскую крепость, куда я могу всегда выехать в одну ночь, или в Мологскую тюрьму.

– Но как это сделать, когда все лица, на слова которых в министерстве обратили бы внимание, разъехались на каникулы из Петербурга?

Однако он не успел узнать, какие дальнейшие шаги предпримут его друзья, так как его пригласили идти в тюрьму. Жена только успела шепнуть ему, что немедленно отправляется на автомобиле в Симфе-

рополь, чтобы лично хлопотать у прокурора о временном освобождении мужа по болезни и о разрешении возвратиться на место его постоянного жительства, в Мологу, где он мог бы отбывать наказание.

И снова перед ним отворились железные ворота, затем другие, и он вошел на треугольный, продолговатый тюремный двор, залитый асфальтом, без единой травинки. Три высокие стены, сложенные из буроватых известняков и вверху утыканные осколками стекла, окружали его с трех сторон, а четвертая сторона замыкалась тюремным зданием, длинным и одноэтажным.

Полицейский пристав, типический армянин, заведовавший этой небольшой тюрьмой и явно уже знавший заранее о прибытии нового узника, отвел его в крошечную, очень грязную, темную камеру, в пять шагов длины и три ширины. Над дверью было написано: «Для политических». Небольшое окно с железной решеткой располагалось высоко над полом, грязный деревянный стол находился в отдаленном, почти совсем темном конце, где не было никакой возможности что-либо читать или писать, не погубив своего зрения, а сбоку, под окном, стояла голая железная кровать.

– Принесите сюда тюфяк! — сказал пристав старшему унтер-офицеру.

– Вот здесь придется вам жить до отправки далее! — добавил он, обращаясь к Морозову.

Затем пристав распорядился днем не запираť камеру и предоставлять заключенному выходить из нее во дворик, когда тот захочет, за исключением времени прогулки уголовных.

– Здесь есть для вас и товарищ! Тоже по литературному делу! Пойдемте, я вас познакомлю!

И, выйдя на асфальтовый двор, он представил Морозова невысокому молодому человеку с белокурыми волосами и бородкой.

Николай Александрович первым сообщил все о себе, зная по опыту, что это наилучший способ установить сразу доверчивые отношения с заключенным, всегда склонным заподозрить в новом знакомом подосланного шпика.

– А я административный, на три месяца, за статью против Петербургского градоначальника. Я временно редактировал «Грозу», — отвечал молодой человек.

Ультрараправая «Гроза» была сторонницей иеромонаха Илиодора и гремевшего когда-то с церковной кафедры против Морозова епископа Гермогена. Но он решил, что в месте общего страдания не должно быть вражды и борьбы, и быстро со смехом сказал:

– Что за удивительные времена! Представьте только! Вы правый, я левый! — а в результате оказываемся товарищами в одной и той же темнице!

– Чего доброго можно ожидать от бюрократии? – ответил его собеседник после некоторого молчания.

– А «Грозу», значит, очень преследуют! – поспешно заметил Морозов, чтобы поддержать разговор.

– Почти не проходит недели, чтоб не конфисковали номера и не оштрафовали.

– Бьют, значит, направо и налево!

Морозов сразу почувствовал, что на почве общего нерасположения к бюрократии у них устанавливаются отношения, при которых они будут облегчать один другому заключение. Кошмарная, отвратительная картина двух сжигаемых на костре сектантов, ругающихся друг с другом до самой смерти, отступила от него. Ему стало даже интересно узнать из первоисточника желания и стремления этих правых, поднимающихся на современный государственный режим. Но наступил вечер, и их пригласили в камеры.

А в камере нахлынули старые воспоминания. Шесть лет жизни на свободе, светлые поэтические воспоминания о первой встрече с Ксаной, об их взаимной любви и безоблачном пятилетнем счастье в кипучей, интенсивной работе, у него – в области науки, у нее – в области искусства и музыки, показали ему светлым сном, от которого он теперь вдруг пробудился.

На следующий день в их обоженном солнцем тюремном дворике, где он вел дискуссию с новым товарищем по заключению, появилась Ксения Алексеевна в сопровождении друзей, с десятком бумажных пакетиков и коробочек с фруктами, вареньем, печеньем и другими съестными припасами, в количестве, достаточном для целой роты солдат. Визитеры рассказали, что на домашнем совете решили, прежде всего, добиться отсрочки ареста. А это можно сделать только через симферопольского прокурора, который дал здесь распоряжение об аресте. Прокурору была послана телеграмма с просьбой освидетельствовать больного Морозова и отсрочить на месяц его заключение.

Николай Александрович повел друзей в свою камеру. Ксения Алексеевна, видевшая внутренность тюрьмы в первый раз в жизни, пришла в настоящий ужас.

– Да тут невозможно жить!.. – чуть не заплакала она, видя его грязную, темную каморку и железные прутья кровати.

– Мы пришлем вам кровать, матрац и стул, – сказал один из гостей, у которого был свой дом.

Через полчаса, обсудив планы дальнейших действий, друзья ушли. Морозов начал взад и вперед ходить по тюремному дворику-коробочке, чтобы довести себя физически до полного изнеможения и попытаться заснуть в эту ночь. В голове было тупо и тяжело, нервы были сильно напряжены от этой резкой и неожиданной перемены в его жизни. Он сделал в этот день не менее тридцати верст.

Вспомнив, как когда-то в Шлиссельбурге он совершал, борясь за свою жизнь, каждый вечер несколько движений руками, головой и поясницей, чтобы привести в порядок кровообращение, он сделал это и теперь.

Надо было возвратиться к старому, уже испытанному режиму, чтобы пережить этот тяжелый год и выйти на свободу без большого увечья.

И вдруг прояснилась перед ним и другая сторона его положения. Вспомнилось, как больно, как стыдно было ему жить в последние годы не преследуемым, на свободе, в то время, как разражалась буря над Московским университетом и Киевским политехникумом, как принуждены были, чтобы не потерять к себе уважения, оставить кафедры самые талантливые профессора, большею частью его друзья или знакомые, как один за другими осуждались и шли в тюрьмы его товарищи по литературе, лучшие из писателей, а учащаяся молодежь продолжала пить ту же горькую чашу, какую пила она и в его юности.

– Только бы не ослепнуть в темноте, только бы пережить как-нибудь этот год! И все-таки выживу, выживу назло всем вам! – обращался он мысленно к своим врагам, брыкаясь ногами под одеялом и подсакивая всем телом в постели от внезапного приступа энергии.

Утром, быстро и без всякой охоты выпив чай, он снова вышел на свой дворик-коробочку и снова начал быстро ходить по нему взад и вперед под жгучими лучами солнца. В этот день он никого не ждал. Но вот у ворот появился первый визитер. Это был молодой человек, которого он поначалу не узнал.

– Вы, видно, не помните меня, – сказал посетитель, назвав свою фамилию. – Мы виделись на втором Менделеевском съезде, когда вы делали свой доклад об эволюции вещества небесных светил. Кроме того, я у вас был один раз с товарищем, справиться об одном молодом рабочем, которого мы считали провокатором. Я узнал из газет, что вы тут, и поспешил принести вам привет и сочувствие от здешней молодежи.

Это было так радостно, так неожиданно!

– Как же, как же! – воскликнул Николай Александрович, – отлично помню, когда вы приходили, и даже очень обеспокоили меня.

Они сразу отдались воспоминаниям. Их связывала одна трагикомическая история, происшедшая три года назад.

Николай Александрович вспомнил того подозрительного рабочего, который как-то явился к нему накануне его отъезда в деревню на лето. Он назвал себя социал-демократом, только что выпущенным из крепости и оставшимся без всяких материальных средств, и представил рекомендательную записочку от лиц, уже уехавших из Петербурга, так что справиться о нем было не у кого. Николай Александрович дал ему на выкуп из залога его воображаемого станка десять рублей и извинился, что не может дать более.

После отъезда Морозова этот рабочий заказал где-то визитные карточки с его именем и адресом и показывал их его оставшимся в Пе-

тербурге знакомым. Он точно описывал им картины на стенах квартиры Морозова, и потому у них не было сомнения, что это хорошо знакомый ему человек. Один художник отказал «страдальцу» свою почти новую меховую шубу, в которой потом его видели осенью плюющим с набережной в Неву. Соседки Морозовых в квартире Лесгафта надарили ему всякого белья и несколько десятков рублей деньгами. И все это жульничество разъяснилось лишь потом, когда, наконец, один приятель обратился к Николаю Александровичу с просьбой более не присылать к нему этого слишком надоевшего ему человека.

– К нам он явился тогда тоже с вашей карточкой, и вид у него был такой приветливый, серые красивые глаза, – рассказал визитер. – Мы долго содержали и кормили его, собирали деньги на выкуп его легендарного верстака, который будто бы был заложен им товарищу за шестьдесят рублей, и потому он не мог взяться за работу. Особенное участие приняли в нем тогда три юные курсистки, которых он просил достать ему для чтения партийные издания. И вдруг, когда они где-то раздобыли ему несколько социал-демократических брошюр, их арестовали и выслали. Тут только мы хватились, что, кроме вашей визитной карточки, которую может отпечатать любой, у него не было никакого удостоверения, что он ваш знакомый, и мы побежали к вам за проверкой.

Николай Александрович припомнил, что этот «рабочий» был у него и позже описываемых событий с просьбой добавить ему еще пятнадцать рублей, будто бы недостающих до выкупа его верстака, однако тогда он уже имел сведения о нем и потому начал стыдить его, а тот в ответ сказал бесстыдно: «Так возвратите мне хотя бы двадцать копеек, которые мне пришлось потратить на трамвай, чтобы ехать к вам в такую даль!».

Вспомнилась еще одна подобная история.

Побывал у Морозова и другой, хулиганского вида, тоже будто бы рабочий, только что выпущенный по политическому делу из темницы. Пришел он осенью, в башмаках, у которых наполовину оборваны подошвы, и попросил дать ему, как товарищу по убеждениям, какие-либо старые сапоги. Но у Морозова не бывало никогда двух пар цельных штиблет, и он поневоле отказал ему. «Ну, так дайте шляпу!» — говорит. У Николая Александровича оставалась от прошлого года мягкая старая шляпа, и он, думая, что и в самом деле имеет дело с пострадавшим, подал ему ее. Тот повертел шляпу с неудовольствием и говорит: «Лучше дайте мне белья!».

– У меня нет ничего лишнего!

– Так дайте денег!

А сам все забирается вглубь комнаты и смотрит. Морозов дал ему полтинник.

– И вам не стыдно давать такую мелочь рабочему?

– Тогда я лучше дам вам, действительно, белья, которое есть у моих соседок в квартире Лесгафта, их дверь прямо против моей! – сказал Морозов, взяв у него с ладони монету, и пошел из квартиры.

«Рабочий» недоверчиво последовал за ним. Как только они вышли на лестницу, Морозов вернулся назад и запер за собою дверь со словами: «Не хотели брать того, что есть, так и уходите просто!». Он еще раньше этого почувствовал, что у гостя изо рта пахнет водкой, и окончательно убедился, что он плут или соглядатай. Что за звон поднялся вслед за этим! Когда, наконец, все утихло, Николай Александрович подошел случайно посмотреть, нет ли писем в дверном ящике, и нашел там листок изящной, дорогой бумаги, на котором карандашом было написано: «Помни, что тебе не жить! будем мстить рабочими!». Но конечно, он только посмеялся над этой пустой угрозой! Очевидно, что это был простой хулиган и на честных рабочих не мог иметь никакого влияния.

Пока он предавался воспоминаниям с первым гостем, во дворе появились новые визитеры. Это был брат известного писателя, когда-то устроившего публичную лекцию Морозова в Таганроге, сам писатель и известный педагог, с женой. Об истории с Морозовым они тоже узнали из газет и, приехав в Гурзуф в отпуск, тотчас явились к нему, чтобы предложить свою помощь.

А дальше началось паломничество: все знакомые, малознакомые и просто знающие его по выступлениям и работам люди считали своим долгом засвидетельствовать ему свое уважение и посетить в этот скорбный час.

Нервно-радостное, навеянное посетителями настроение периодически сменялось у него отчаянием пойманной птицы. Но как не похоже было это новое заключение на предыдущие, когда во всем мире до него никому не было дела, кроме нескольких близких родных да товарищей, большею частью тоже томившихся уже в заключении. В карандашных набросках, которые он начал делать для памяти о новых переживаниях, появляются такие строки:

«Да, только бы пережить, не умереть, не ослепнуть от полумрака наших одиночных темниц нового образца, с их окнами под потолком и мраком внизу, как в подвале. И я употребляю все усилия для этого. Я не хочу быть как те жалкие, малодушные молодые самоубийцы, словно испугавшиеся своего будущего, добровольно бежавшие из жизни, как трусы с поля битвы. Огорчение их малодушием заглушает во мне сегодня чувство горести о их безвременном конце; мне жалко было не их, а тех, кто любил их, кто теперь страдает и убивается над их могилами; мне жалко было своей родины, которую они оставляют ради покоя могилы... Ведь даже в моей темной комнате с решеткой в окне, за этими замка-

ми, можно любить, можно жить и работать для людей или готовиться умственно к будущей работе. Мне чувствуется и здесь, что я исполняю в общечеловеческой жизни какое-то, предопределенное мне, назначение... Пусть я теряюсь в бесконечной вселенной, как невидимый атом ее вечной жизни, но все же я в ней необходим, как и всякий другой атом. Что значит один кирпич в зданиях огромного города? Кажется, можно было бы обойтись без него, вынуть из стены и бросить вон без вреда для здания и для города. Но это неправда, с абсолютной точки зрения, потому, что подобное же рассуждение можно приложить и к каждому другому камню, а что осталось бы от города без них? Так же точно зачем-то необходима в вечной и бесконечной вселенной моя крошечная и мгновенная жизнь, и я не откажусь от нее несмотря ни на какие страдания. Цель всякой деятельной жизни (а бездеятельная жизнь – не жизнь) – преодолевать препятствия, и потому, как ни тяжела будет предстоящая мне ноша, я не уклонюсь от нее. Моя жизнь состоит как бы из двух жизней, совершенно не похожих одна на другую; каждая из них через долгий или короткий период сменяла другую. Так, верно, будет до конца обеих. Четыре раза меня заточали в одиночество и три раза выбрасывали на волю. Через год, вероятно, выбросят и в четвертый раз... Надолго ли? Не знаю. Мой последний процесс с новым заточением на год наглядно показал мне, как не обеспечена жизнь современного труженика в области науки и литературы. Вот хоть бы мои "Звездные песни"... Думал ли я, заботливо очищая их перед новым изданием от всего, что я считал хоть немного подходящим под статьи наших политических законов, что меня потом осудят именно по этим статьям?...»

Так проводил он первые, бесконечно длинные дни нового заточения, переходя от одного настроения к другому, стараясь каждый день измучить себя физически бесконечным хождением по двору, чтобы ослабить напряжение нервов и обеспечить себе хороший аппетит и крепкий сон ночью... Приходили друзья и приносили всякий раз разнообразные газеты с сообщениями о подробностях его нового заключения, чем доставляли ему невыразимое облегчение.

18 июня его вызвали в канцелярию, где представили полицейскому врачу, внимательно осмотревшему узника и составившему протокол о состоянии его здоровья. Окончив писать, врач прочел бумагу вполголоса, но так, что пациент все слышал: *«Найдено увеличение сердца, анемия желудка и сильное нервное состояние, которое делает желательным отсрочку заключения на четыре или пять недель»*. Исправник обещал в тот же день послать этот документ симферопольскому прокурору.

– Но стоит ли хлопотать об отсрочке, раз все равно меня обязательно посадят и мне через месяц плохо проведенной жизни на свободе вновь придется переживать весь этот хаос разнообразных внутренних ощущений, неизбежных в первые дни неволи? – размышлял Николай Александрович, возвращаясь от врача в свой дворик-коробочку.

Через несколько часов после этого появилась Ксения Алексеевна, возвратившаяся из Симферополя. Она старалась казаться в самом оптимистическом настроении, но смотрела с явной внутренней тревогой. Новости были таковы.

В ответ на ее хлопоты симферопольский прокурор сказал ей, что не хочет сажать мужа в Симферополе, так как там плохо, а собирается сбыть его в Севастопольскую тюрьму, взамен Севастопольской крепости, в которую не берут не-военных. Она тотчас телеграфировала об этом знакомому члену Государственного Совета М.М. Ковалевскому и просила его похлопотать о разрешении отбывать заключение в Мологе или в Двинской крепости. От него уже получен ответ: «Завтра буду говорить с министром юстиции». Если б Морозова арестовали хоть на неделю позже, заступиться за него до осени было бы некому, ибо Государственный Совет был бы распушен на каникулы.

Через два дня Ксения Алексеевна уже получила лаконичную телеграмму: «Сделано распоряжение перевести Двинск». Это была радостная весть для всех его друзей. Они уже знали, что в Двинске были просторные светлые комнаты, что было необходимо для его глаз, не выносящих полумрака. Кроме того, от Петербурга до Двинска была всего ночь пути, и при экстренной нужде к нему всегда можно было приехать.

Жена принесла ему в этот день и другую радостную весть: полную корректуру немецкого перевода его «Откровения в Грозе и Буре».

Ах, как ему захотелось сейчас же приняться за следующую книгу «О пророках», где идеи, заключенные в «Откровении», должны получить свое окончательное завершение и произвести переворот в современных представлениях об умственной и общественной жизни средних веков.

И он вновь возвратился к своей постоянной, с юности преследовавшей его мысли: какое великое горе для народов иметь свои особенные языки, как китайской стеной отгораживающие их от остального мира! Чем меньше народ, тем большее несчастье для него иметь свой особый язык. Для чего нужен нам язык? Совсем не для одного пения, как птицам, а для сношения с себе подобными, которые расселены по всему земному шару. Значит, тот язык, который больше всего распространен по земной поверхности и в котором есть первоклассная научно-художественная литература, и должен быть международным для своего времени, а не какой-нибудь искусственно выдуманный исключительно для того, чтобы удовлетворить зависти менее развитых народов и не дать человечеству говорить понятно для какой-нибудь иностранной нации, хотя бы она имела все права на это. Как он жалел все

время его жизни, что может свободно писать только по-русски, а не по-английски! Если б он мог писать на этом языке, то каждую его книгу, тотчас же после ее выхода, мог бы читать весь цивилизованный мир! А написанная по-русски, она долго плавает по одной русской территории, не находя себе из нее выхода, как рыба в Каспийском море, отделенном горами и степями от мирового океана.

Он подумал, что вот уже и вторая его книга, переведенная на немецкий язык, наконец вырвалась в международный океан, благодаря чему «Пророки» выйдут уже сразу и на русском, и на немецком языках. Но радость от этого события быстро превратилась у него в источник новой печали и в раздражение на тех, кто насильственно прекратил только что начатую им окончательную обработку «Пророков». И не было зла и несчастий, которых он не пожелал бы в этот день российской бюрократии. Вернувшись в камеру, он записал свои размышления на листке бумаги:

«Думал о бюрократическом режиме. Представлял его себе в виде человека, лишенного памяти, который каждый день забывает то, что делал вчера и во все прежние дни. Запомнить центральной власти всех дел нельзя, да, кроме того, министры и сановники сменяют один другого, и преемник не может знать того, что знал его предшественник. Отсюда отсутствие последовательности, судорожность действий, отсутствие человечности, неизбежное думанье лишь о своей собственной карьере и смотрение на все общественные и государственные дела лишь с узкоэгоистической точки зрения. Тут даже человек, задающийся широкими целями, придет к заключению, что все на свете пустяки, кроме его личных успехов! И какое удивительное превращение может сделать в человеке в несколько дней бюрократическое правительство! Вот хоть бы со мною. Все, чем была полна моя голова последние шесть лет – химия, физика, математика, астрономия, воздухоплавание – все сразу вычищено из нее, в ней снова одна «внутренняя политика» и зложелательство к власти! Нет таких бедствий и напастей, каких не пожелал бы я ей за это время, совсем как при первом заключении! Да, самовластная бюрократия поистине великий революционер, и ее бессознательная агитационная антимонархическая деятельность много интенсивнее, чем прямые призывы к борьбе. Партии часто ведут не туда, куда хотят, а совсем в обратную сторону. Вот у многих деятелей нашего аграрного террора были добрые намеренья, а привели только к гибели их, и всегда к ней приведут, потому что горе той партии, которая в период борьбы с правительственным самовластием начнет возбуждать вражду между отдельными классами общества: она лишь доставит торжество самовластью и первая будет уничтожена им, как часто предостерегал я в этом отноше-

нии, несколько лет тому назад, руководителей различных передовых партий!»

Вечером того же дня он увидел на потемневшем небе ярко светящийся Юпитер. Он снова горел над его камерой и казался добрым предзнаменованием. Спать не хотелось, и узник снова взялся за карандаш:

«Сейчас снова почувствовал, как не раз раньше, что как в моменты умственного перепутья, когда кажется, что в голове нет никаких мыслей, так и в момент самых отвлеченных размышлений, я повторяю бессознательно, как вечный аккомпанемент к моей жизни, какие-нибудь стихи. Вот и теперь, прислушавшись к самому себе, я вдруг заметил, что, может быть, уже в сотый раз повторяю пришедшее мне в голову в первые дни заточения стихотворение:

О, братство святое, святая свобода!

В вину не поставьте мне жалоб моих!

И без конца твержу про себя эти две строки.

Благодаря такой моей привычке я всегда живу и думаю как бы под музыку. Влияет ли это на форму моих мыслей? По-видимому, да! Аккомпанемент лирических стихов дает, может быть, даже и направление моим мыслям, хотя я большею частью и не сознаю внутри себя никакого аккомпанемента, а только как-нибудь вдруг, на момент, поймаю его в себе, как сегодня».

Вечером 23 июня встревоженная Ксения Алексеевна сообщила, что его решили отправить в Двинскую крепость не одного, а по этапу, вместе с уголовниками.

– Ну так что же, и очень хорошо. Мне ни разу не приходилось путешествовать таким способом. Вот удобный случай пополнить свое образование! – успокоил ее Морозов.

– Ты, верно, воображаешь, – рассердилась Ксана, – что тебя поведут пешком по деревням! Ничего подобного! Я все уже расспросила. Тебя сначала повезут в Севастополь в трюме корабля, в грязи и вони, с насекомыми, еще заразят от соседей какой-нибудь болезнью. Потом тебя будут перевозить в уголовные пересыльные тюрьмы, одна темнее и грязнее другой, и будешь по неделям жить в них, в разных городах, пока соберут партию до новой тюрьмы, и повезут тебя везде в арестантском вагоне с кучей народа. Ты пересидишь в десятках тюрем и доберешься до Двинска уже весь измученный, может быть, не раньше, чем через три месяца. Все это я узнала наверняка.

А ему, действительно, хотелось поехать непременно по грязному этапу, чтобы воспользоваться случаем сделать ряд интересных наблюдений над современным состоянием этого дела. Но пришлось уступить и позволить жене хлопотать о более комфортном перемещении, хотя и не верилось, что эти хлопоты приведут к успеху. *«Ее идеал –*

художественная красота, мой идеал – простота во всем внешнем как наивысшая степень той же красоты. Который из них лучше?» – так отметил он их первую ссору в своих заметках.

Один из знакомых, уже испытавший такой способ путешествия, посоветовал, как вести себя на этапе.

– Прежде всего, сдайте теперь же Ксении Алексеевне все, что у вас есть рукописного. Этапный конвой не возьмет ни одного рукописного листка, все будет изорвано в клочки при вашем первом приеме и брошено на землю там же, где вы стоите.

– Ну а если я буду просить, чтобы мои письма и бумаги отправили ко мне на место назначения?

– Ничего не сделают. Скажут, что уже поздно, надо отправляться. Они, как огня, боятся всего рукописного.

– А обыскивать будут? — спросила Ксения Алексеевна, по неопытности еще считавшая обыск за личное оскорбление.

– Обязательно! При каждой перемене конвойных осмотрят все карманы.

– А чемодан его кто понесет?

– Что вы! Никакого чемодана не полагается. Купите, прежде всего, мешок, который он мог бы нести в своих руках, положите туда лишь самое необходимое. Непременно большую подушку и одеяло, пару простынь и пару белья, жестяной чайник с кружкой и простую ложку, и главное, чаю, сахару и каких-нибудь не портящихся съестных припасов, потому что путь дальний, протянется несколько недель, а конвойные не берут ни для кого денег более одного рубля. Даже часы заблаговременно возьмите себе, их тоже не возьмут.

Ксении Алексеевне стало казаться, что сам ад раскрывает свою пасть, чтобы проглотить мужа, что он не выживет на этом пути.

– А меня пустят ли ехать с ним?

– Если вы будете справляться в пересыльных тюрьмах о временах ухода этапов и вас не обманут, то вы всегда можете поехать в обычном вагоне того же товарно-пассажирского поезда, в котором повезут его, и по дороге, на станциях, передавать ему съестное через конвойных. Если будете давать им при этом по двугривенному, то на всякой малой станции, если нет поблизости жандарма, они даже позволят вам обменяться с ним несколькими словами.

Наступило 26 июня, одиннадцатый день его пребывания в тюрьме. Он сдал жене для сохранения все свои тетради и заметки. Как выяснилось, она недавно отправила телеграмму министру внутренних дел с просьбой разрешить ему ехать за свой счет.

На следующий день он приготовил для сдачи ей и свой чемодан с бельем и книгами, оставив при себе только подушку, чайник, полотенце и одну перемену белья. Их он уложил в черный мешок с двумя рукава-

ми, имевшийся у него для перемены фотографических пластинок «Кодака». Ксения Алексеевна принесла булок, сухарей, два фунта сахару, фунт чаю, фунт копченой колбасы и сообщила:

– Завтра, в семь часов утра, тебя повезут в Севастополь под тайным арестом на том же пароходе, на котором поедет и этап, но отдельно от него, на твой счет, среди публики.

Это было совсем неожиданно. Путешествие под тайным арестом! Это что-то интересное! Конечно, его возили много раз тайно, и в отдельных купе, и в закрытых каретах, тщательно скрывая, как ворованную вещь, но тайного ареста он еще не испытывал!.. Становилось даже любопытно.

Он не мог не признать, что все высшее начальства в Ялте держало себя по отношению к нему безукоризненно вежливо и не стесняло его ни в чем. Пересланные почтамтом письма из Гурзуфа передавались ему нераспечатанными. Жена могла приходить к нему, когда ей угодно, и сидеть без всякого надзора, сколько хотела. То же и остальные знакомые. Книги для чтения передавались ему друзьями из рук в руки. С этой стороны он не мог ни на что пожаловаться...

В шесть часов утра он был уже на ногах и вышел заблаговременно на дворик тюрьмы, чтобы посмотреть, как собирают этап. Там уже был наряд конвойных солдат, человек восемь. Их старший расспрашивал у каждого выводимого к нему звание, имя, отчество и место жительства, сверял это с имеющимися у него бумагами, затем двое конвойных отводили его к стене и, заставив снять куртку, гладили ладонями по всему телу. Они отбирали все и выбрасывали каждый лоскуток бумаги, тут же у стены разорвав его в клочки.

Товарищ по заключению вышел его проводить:

– Желаю вам всего, всего хорошего! Напишите мне о том, как вас доведут до места, я очень беспокоюсь о вас.

Он неожиданно обнял и поцеловал Морозова три раза. Это было очень трогательно. Различные по своим научным, общественным, религиозным и политическим идеалам, они оказались одинаковыми по основному желанию добра людям и хорошими товарищами в неволе.

На двор вошел пожилой околоточный надзиратель и, обращаясь к Морозову, сказал:

– Я прислан сопровождать вас до Севастополя. Вы готовы?

– Да, – ответил Николай Александрович.

– А где же ваши вещи?

– Со мной осталось лишь немного. Остальное привезет на пароход жена.

Околоточный велел одному из сторожей взять все, что у него было в руках, и отнести в экипаж стоящего у ворот извозчика.

И вот они на пароходе...

Позади осталась Ялта, первая станция его нового трудного пути. Вдали показался Севастополь со стоящими перед ним на рейде темными и белыми торговыми судами и серыми броненосцами. Пароход начал причаливать к пристани.

Морозовы вызвали носильщиков, чтобы взять их чемоданы. Сопровождавший их околоточный не последовал за ними, как бы оттесненный толпою. Супруги явились в склад и сдали вещи под расписку, а его все не было. Николай Александрович вышел из дверей и вдруг увидел, как его страж уже идет по направлению к городу. Если бы он промедлил хоть две минуты, околоточный исчез бы совсем.

– Я здесь! – крикнул Морозов, махая шляпой. Охранник спокойно повернулся и подошел к нему со словами:

– Совсем потерял вас из виду в толпе.

Втроем они сели на извозчика, и околоточный приказал ему ехать в полицейское управление. Там они нашли только одного невысокого молодого околоточного надзирателя с черными усиками, очень разговорчивого и очевидно еще недавно находящегося в своей должности. Он расписался в приеме арестанта, и «тайный конвоир», получив от Морозова полагавшуюся сумму денег за дорогу, любезно раскланялся с ними и ушел.

Здесь околоточный обратился к Николаю Александровичу:

– За что вас?

– За стихи.

– На сколько?

– На год.

– За стихи на год! – сказал он, пожав плечами. – Совершенно не могу понять! Что это у нас за порядки! Слова нельзя сказать в печати, чтоб не посадили! Только и читаешь: то тот, то другой писатель сидит!

– Вот и до меня добрались, – ответил Морозов, – да и посадили совсем по пустякам.

– А вы, верно, еще не обедали? – воскликнул надзиратель. – Я сейчас же могу распорядиться, чтоб принесли вам обоим из центральной гостиницы обед, хороший и недорогой. Мы с женой, когда я дежурю, сами берем оттуда! Вам придется ждать здесь не менее четырех часов, пока не придет правитель канцелярии, которому вас должны представить!

Ксения Алексеевна тотчас же выразила согласие.

У начальника канцелярии он узнал, что его должны отправить в здешнюю тюрьму, затем этапом, но особо от других, в Двинскую тюрьму.

– Но он назначен не в Двинскую тюрьму, а в Двинскую крепость! – протестовала Ксения Алексеевна. – Это две вещи совершенно разные, в крепости военное начальство, комнаты светлые и просторные, а в Двинской тюрьме темно и плохо.

– Это нас не касается, у нас в бумаге сказано: в тюрьму.

Симферопольский прокурор в сопровождающей Морозова бумаге действительно направил его в Двинскую тюрьму! Ясно, что принимавший его теперь сухой чиновник не мог ничего сделать для него, да и не хотел вмешиваться, чтоб не попасть, с одной стороны, на заметку начальства, а с другой – в газеты.

– Я составлю бумагу о временном помещении вас в здешнюю тюрьму. Подождите, пока я пишу, там же, где вы ждали раньше.

Через несколько минут появился другой, толстый, нахального вида околоточный с бумагой в руках:

– Кого я должен отвезти?

Когда ему указали, он продолжил:

– Извозчик должен быть на ваш счет! Пойдемте! Он уже нанят.

Супруги взяли свои вещи и собрались идти садиться.

– Но вас, – обратился конвоир к Ксении Алексеевне, – я не могу взять. Мне поручен только один арестованный.

И изменить его решение не удавалось никакими уговорами. Но выход, как будто бы, нашелся. Отчаявшейся женщине предложили ехать вслед на другом извозчике. Пролетка с арестованным двинулась по направлению к тюрьме, а она одна, среди ночи, отправилась на поиски транспорта.

Но никаких признаков извозчиков не оказалось на всем далеком расстоянии от канцелярии полицеймейстера, где они просидели весь день, до самой тюрьмы, находящейся, по-видимому, где-то на окраине города.

Наконец пролетка остановилась перед высокими темными воротами большого здания, напоминавшего вход в средневековую крепость. Околоточный вышел из экипажа и дернул за звонок...

В тюрьме Морозову сообщили, что его давно ждут и камера для него уже готова. Кроме того, уже давно к ним пришли бумаги о препровождении его в Двинск. А это значит, что здесь он будет находиться только до первого этапа!

– Вас должны, по правилам, обыскать перед входом камеру. Вон там, в передней, потрудитесь, – сказал встретивший его чиновник.

Прежде чем уйти, Николай Александрович предупредил его о том, что через некоторое время сюда явится его жена.

– Хорошо. Но свиданья я вам сегодня дать не могу, а только завтра утром.

– Тогда скажите ей, когда надо прийти, а то она осталась одна в незнакомом городе, и даже без вещей, брошенных ею на пристани.

Он обещал все сделать и ушел.

В передней «арестанта» попросили снять верхнюю одежду и сапоги, прощупали в них складки, вывернули карманы. Как это напомнило ему старинные времена в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, где такая процедура проделывалась над ним еженедельно!

В камере ему объяснили, что в семь часов обходит контроль. К этому времени надо уже одеться и при его входе встать у постели или про-

тив нее посредине камеры, боком к двери. И тюремщик показал, как это нужно сделать. Встал боком к двери и опустил руки по швам.

– Опять эта бессмысленная, направленная на простое раздражение муштровка! – подумалось узнику.

Давно знакомая атмосфера одиночного заточения стала снова обволакивать его мозг. И когда он лег на свой соломенный тюфяк и мало-помалу задремал, к нему снова возвратились знакомые тяжелые сновидения, мучившие его каждую ночь в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях.

Утром вошел высокий рябой вахмистр и, обратившись к узнику с легким поклоном, вежливо сказал, улыбаясь:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – отвечал ему, также улыбаясь, и Морозов.

– Ну что, вам ничего было здесь? – спросил он, показывая на соломенный мешок. – Здесь других постелей нет.

– Ничего! Приходилось и хуже! Я очень невзыскателен.

– Никаких жалоб или заявлений нет?

– Никаких.

Он так же вежливо раскланялся и удалился. После этого визита Морозов подумал, что здесь делают какие-то различия между заключенными.

Через некоторое время он попросил умыться. Его повели кругом коридора в такую же камеру, как у него, но побольше. Там была кухонная плита с котлом внутри и двумя медными кранами для кипятка, а у второй стены торчал кран для умывания и все прочее. Сопровождавший его тюремщик притворил слегка за ним дверь и ушел, не запирая. Морозов умылся и возвратился к себе. На столе уже лежал кусок черного хлеба, а его чайник был наполнен кипятком. Он заварил чаю и выпил кружку, с булкой и колбасой из запаса, сделанного для него Ксаной.

– Пожалуйста на прогулку! – вскоре сказал ему коридорный, отворяя дверь. – Вам назначено полчаса.

Однако через двадцать минут прогулка была закончена. И вот вновь началось для него длинное бесконечное хождение по камере из угла в угол, четыре шага взад и четыре вперед. Наконец, в десять часов утра в камеру опять вошел коридорный со словами:

– Пожалуйста на свиданье!

Он так и подпрыгнул от радости и почти бегом бросился в коридор и дальше в приемную... Там, в приемной, была Ксана! На душе сразу стало легко.

– Я вам предоставлю свиданье здесь, – сказал подошедший к ним смотритель, – а мой помощник должен присутствовать, по правилам.

Ксения Алексеевна стала просить, чтоб ей позволили зайти к мужу и вечером – принести фруктов.

– Это можно. Фрукты полезны, и я их допускаю охотно, – откликнулся смотритель.

Через час узник распрощался с женой, договорившись, что она придет вечером. Но не прошло и часа с момента их расставания, как к нему в камеру вошел помощник смотрителя:

– Собирайте ваши вещи. Конвой уже ждет, чтоб вести вас на пароход. Морозов так и привскочил:

– Но как же, ведь моя жена ничего не знает и останется здесь ждать моего отъезда!

– Может быть, я буду в состоянии предупредить ее? – предложил помощник.

– Но я не знаю даже, в какой гостинице она остановилась! Притом же она, наверно, ушла ходить по городу и покупать для меня фрукты и ягоды.

– Уверю вас, что я совершенно ничего не знал о том, что вас отправят так экстренно! Я вас знаю давно, по вашим статьям в «Вестнике Знания», который я читаю, и по газетам, еще со времени вашего выпуска из Шлиссельбурга! Это распоряжение этапного начальника.

Морозов видел, что он говорил правду, и подавив свое внутреннее волнение по поводу нового тяжелого испытания, ждущего Ксану, собрал свои вещи и пошел в приемную.

При подготовке к этапу у него, как его и предупреждали, забрали часы и очки, вместе с карандашом и пачкой почтовой бумаги.

Вошел смотритель с кошельком, отобранным у Морозова при приеме.

– Я вам могу, – обратился он к нему, – кроме очков, выдать только мелочь из кошелька – восемьдесят восемь копеек, а остальные сорок семь рублей вам будут пересланы мною потом по назначению, вместе с другими отобранными вещами. Вас повезут на пароходе сначала в Одессу, где переменят конвой, а затем, по другим этапам, в Витебск, в распоряжение губернатора. Так сказано в бумаге.

Итак, ему предстояло ехать более двух тысяч верст окружными путями с 88 копейками на пропитание, не считая 10 копеек суточных! Больше двух бутербродов в день не купишь в дороге на такие деньги!

А затем предстоят остановки в губернских тюрьмах по неделям, в ожидании сбора попутных этапов. Он уже чувствовал у себя под ложечкой будущей мучительный, многодневный голод, который он испытал когда-то при первом заключении и потом, в Алексеевском равелине. Если бы этих предварительных опытов не было, он чувствовал бы себя в тысячу раз легче, но он уже два раза успел узнать, что значит умирать от голода, и ему казалось, что третьего такого испытания уже никто не может выдержать.

Как горькая ирония вспомнилось ему, что именно здесь, в Севастополе, находится теперь авиатор Ефимов, с которым он встретился месяц тому назад и условился лететь вместе на его новом моноплане через всю Россию, от Черного до Балтийского моря. И вот, вместо полета по воздуху, судьба и начальство уже приготавлили ему путешествие по этапам, и как раз по тому же самому направлению!

Пять конвойных с саблями наголо окружили его и по команде повели по улицам Севастополя к пристани. Он шел между ними с эмалированным жестяным чайником в одной руке и с черным мешком в другой.

В порту предстояло провести три часа, ожидая отхода парохода. Он молча смотрел на проезжающих мимо пассажиров и вдруг увидел на одном извозчике, мчавшемся особенно быстро, широкую белую с черной каймой шляпку жены.

– Ксана, – крикнул он ей.

– Нельзя! Нельзя разговаривать! – строго заметил ему конвойный.

Ксения Алексеевна быстро остановила извозчика.

– Я все знаю! – крикнула она издали. – Сейчас сvezу чемодан и возьму себе билет. Мы поедем вместе!

На просьбу получить свидание с женой один из конвойных сказал:

– До отхода, пока стоят жандармы и смотрит разное начальство, никак нельзя. А потом, когда отъедем, можно.

Так и получилось. Вместе со скрипом блока, поднимавшего якорь, жена вбежала в его каюту и бросилась ему на шею.

– Знаешь! – говорила она. – Если я узнала о твоём отъезде, то только благодаря любезности того молодого помощника смотрителя. Он слышал, как я говорила тебе, что моя гостиница недалеко от пристани, и потому он сумел быстро разыскать меня.

Наступила ночь. Измученная до сильной головной боли всякими неожиданными тревогами, Ксения Алексеевна ушла к себе в каюту. Конвоиры, распив предварительно скляночку водки, всю ночь резались друг с другом в карты на деньги в соседней комнате.

К утру они были в Одессе. О Морозове сюда не было послано никаких предварительных сведений, и потому здесь с супругами поступили по общим правилам. Николая Александровича повезли в тюрьму, не позволив жене сопровождать его. Он подъехал к тяжелым железным воротам и тут, к своему удивлению, увидел взволнованную, плачущую Ксану, что-то горячо говорящую чиновнику.

– Да вот же он! – бросилась она к мужу.

– Нельзя! Нельзя подходить к арестованному! — крикнул офицер.

– Да это же мой муж!

– Да, она моя жена! — прибавил Морозов.

– Не наше дело! Проходите с ним в ворота! — крикнул он конвойным.

– Долго я здесь буду?

– Когда соберут этап в Киев. Никак не меньше недели.

Вот и новое временное жилье. День пробежал быстро. Он лег на мешок с соломой и забылся глубоким сном. Разбудил его грохот замков отворяющейся двери. В окне еще была полная темнота.

– Одевайтесь и захватите с собою все вещи! – сказал ему коридорный дежурный. – Вас ждут внизу этапные для увоза.

– Разве уже утро?

– Нет, еще вечер, но вас приказано отправить отсюда сегодня же немедленно.

Началась обычная процедура обыска, особенно тщательная в этот вечер.

– Пойдемте! – сказал, наконец, старший.

Как только Морозов и сопровождавшие его три конвоира вышли из тюрьмы, они увидели проезжавшего мимо извозчика. Старший конвойный крикнул ему:

– Извозчик! Сколько возьмешь к вокзалу?

– Сорок копеек! – ответил тот.

– Садитесь! – сказал он Морозову. – Иначе не успеем к уходу поезда.

Его посадили в вагон 3-го класса, где предупрежденный заранее кондуктор отвел их в «служебное отделение» в задней части вагона.

– Сюда никого нельзя пускать, кроме контролера! – сказал ему старший.

В отделении было два купе. В первом из них, закрыв занавеской окно, поместили Морозова и двоих конвойных напротив него.

Начала прибывать публика и, не находя свободных мест впереди, постоянно приотворяла двери в их отделение, чтобы поискать в нем место.

– Нельзя, нельзя! – кричали заглядывающим конвойные, захлопывая двери перед их носом.

Попытался войти и сесть жандармский унтер – выставили и его, несмотря на синий мундир. И он, возможно, тоже присланный для соглядатайства за Морозовым и его свитой, был принужден тоже сесть за дверьми, несмотря на его заявление, что он жандарм и имеет право.

– Кто бы вы ни были – не пушу! – говорил решительным, авторитетным тоном старший конвойный. – У меня своя инструкция, и если вы недовольны, можете жаловаться по начальству, а не здесь!

Расспросив конвойных, откуда они родом (так как они всегда боялись молчаливых арестованных), Морозов сказал им, для дальнейшего успокоения, несколько бесхитростных шуток. Потом он удовлетворил и их любопытство, рассказав, что посажен на год за стихи, но никак не мог объяснить им, почему его везут с усиленной охраной.

Не дождавшись отхода поезда, он влез, к видимому удовольствию охранников, на верхнюю скамью, положил под голову свой мешок и как-то незаметно заснул.

Утром на ближайшей станции один из конвойных принес ему кипятку. Заварив большую порцию, Николай Александрович предложил своей свите пить вместе с ним.

– Денег у меня нет, их взял предыдущий конвой, – поведал им Морозов. – Не предупредили о моем отъезде и собирающуюся ехать в одном поезде со мной жену, которая накупила бы нам всяких припасов. Поэтому угощаю вас тем единственным, чего у меня достаточно – чаем!

Они не отказались, и их отношения с момента общего чаепития стали доверчивее.

Охранники купили себе небольшую бутылку водки и принялись закусывать ситным хлебом и колбасой, взятыми с собою еще в Одессе. После этого они стали рассказывать друг другу анекдоты и дурачиться.

Наступил вечер. Вдали показались пригородные фонари Киева, и они начали приглатываться к высадке.

Там Морозова встретил уже предупрежденный заранее местный конвойный офицер. Он любезно раскланялся с ним и, вместо того, чтоб приказать вести его на ночь в тюрьму, сказал:

– Вам придется подождать здесь на вокзале до двенадцати часов ночи. Раньше нет поезда в Витебск.

– Разве меня не поведут в тюрьму ночевать?

– Ни в каком случае. Вас должны спешно отправить в распоряжение витебского губернатора.

Арестованного отвели в зал третьего класса и посадили в стороне, окружив новыми конвойными, так как прежние, передав его под расписку, пошли ночевать в казармы. Какой-то молодой господин, проходя мимо, взглянул на него и громко сказал своей даме:

– Ведь это Морозов!

Они остановились, посмотрели на него несколько секунд и спешно пошли в соседнее помещение, соединяющее третий класс с первым и вторым.

Через минуту небольшие группы прилично одетой публики, появляясь с платформы и из зала первого и второго классов, стали беспрестанно курсировать взад и вперед, молча и подолгу поглядывая на арестованного.

Наконец в некотором отдалении собралась целая толпа мужчин и женщин, уже остановившихся и молча смотрящих на него.

– Да вас тут знает половина Киева! – сказал, возвращаясь, уходящий на время новый старший конвойный. Это был молодой человек франтоватого и независимого вида.

– Да! Ведь я здесь два раза читал публичные лекции при большом стечении народа.

– Как же, я слышал. В прошлом году вы читали здесь о воздухоплавании, только мне не удалось быть на вашей лекции из-за отъезда по службе. Но лучше пойдёмте отсюда. Если собирается такая толпа, то становится неудобно оставаться.

Морозова вывели на платформу.

– О вас еще вчера было в здешних газетах, – сказал ему старший.

– Что же было?

– Что вас переводят из Севастополя в Двинск, за стихи. А где теперь Горький?

– Все еще за границей, в Италии.

– Вот и ему нельзя возвратиться! – сказал второй конвойный. – А какой большой талант!

– Да, огромный талант! – прибавил старший.

– И главное, до всего дошел сам, своими собственными силами! – продолжал первый.

Здесь Морозов еще раз обратил внимание на то, что не раз замечал ранее, – огромную популярность Горького в народе. Там он оценивается всегда наравне с Толстым, а часто пользуется и еще большей симпатией, как человек, вышедший из простой среды.

– Ваши стихи мне случалось читать в разных сборниках, – сказал старший и при этом очень одобрительно отозвался о них.

– А мне еще не приходилось! – прибавил первый конвойный. – Я больше всего люблю стихи Шевченко. Я сам украинец.

– Ну, а вы? – обратился Морозов к двум самым молодым из четырех, назначенных для его сопровождения.

– Мы поляки, – отвечал, улыбаясь, один, – и больше читаем польские книги, когда есть время.

– А между тем, вы хорошо говорите по-русски.

– Да, ведь обучение у нас на русском языке.

Когда после полуночи подошел поезд, им не дали уже в нем целого служебного отделения, а только крайнее купе. Морозов вновь расположился спать на верхней скамейке. Часов через пять после отъезда, на самом рассвете, им пришлось сделать пересадку в Жлобине, потом через три часа в Гомеле, где им уже совсем не дали краевого купе, а поместили в середине вагона, среди публики.

– Не хотите ли посмотреть бумагу, по которой мы вас везем? – обратился к Морозову старший.

Николай Александрович заинтересовался. Бумага оказалась та самая, с которой его отправили из Севастополя.

– Я уже это видел.

– А только у нас, – улыбаясь, сказал старший конвойный, – кроме бумаги, которую мы должны показывать, часто бывает другая, секретная бумага!

– И у вас такая есть?

– Да. И по ней мы вас не повезем в распоряжение витебского губернатора, а прямо в Двинск, где вас будет уже ждать тамошний конвойный начальник, который и доставит вас по назначению.

Это было для него новым ударом!

Ведь они же с Ксаной, на основании первой, не секретной бумаги, условились, что если она потеряет его дорогой, то поедет прямо в Витебск и там будет его ждать в доме их тамошней знакомой, наводя ежедневные справки о нем в местной тюрьме и в канцелярии губерна-

тора! А теперь она там может сидеть, получая однообразный ответ: «Еще не прибыл». А он в это время будет голодать в двинской тюрьме!

И он решил ничего не есть всю дорогу до Двинска, чтобы сохранить оставшиеся семьдесят восемь копеек и сейчас же по приезде послать на них, если разрешат, телеграмму в Витебск.

Тут мимо их купе прошла молоденькая барышня, по виду курсистка, и изумленно остановилась:

– Ведь это Морозов? Я его знаю. Можно посидеть с ним?

Ей разрешили.

– Здравствуйте! Это ужасно! Я уже читала в газетах, что вас арестовали и должны перевезти в Двинск. Но могла ли я ожидать, что поеду в одном вагоне с вами?

– А вы куда?

– В Петербург, к сестре-курсистке. Я тоже была на курсах, и даже у вас, в бывшей Вольной высшей школе, а вы читали химию. Но я, по недостатку денег, должна была прервать ученье и уехать на время к отцу в Сумы.

На станции она выбежала и, купив у деревенских ребятишек черники и малины, принесла арестованному.

– Вот, – сказал он, смеясь, – неожиданное подкрепление! А я уже собирался проголодать еще целые сутки.

– Зачем?

– Чтоб сохранить оставшиеся у меня деньги для телеграммы и писем из двинской тюрьмы.

Морозов ей рассказал, как его увезли из Одессы тайно от жены с мелочью в кармане.

Она снова пришла в ужас и, открыв свой кошелек, сунула ему в руку один из оставшихся там трех рублей.

– Мне хватит двух для носильщика и для извозчика до сестры. А третий вы возьмите на всякий случай.

Отказываться при таких обстоятельствах значило бы – разрушать то, чем больше всего дорога жизнь.

– Спасибо! – сказал он, страшно тронутый. – Приходите ко мне, когда будете в Петербурге, после моего освобождения. Я вам тоже буду помогать, чем могу.

– А знаете, – вдруг сказала его спутница, – ведь вам могут и не дать послать телеграмму из двинской тюрьмы. Здесь едет один молодой человек, тоже знающий вас, которому надо высадиться в Витебске и пробыть там до завтрашнего утра. Может быть, лучше поручить ему зайти к вашей знакомой и предупредить ее?

Она вскочила, убежала и привела этого самого молодого господина. Он с большой охотой взялся все исполнить. Николай Александрович дал ему адрес людей, где, предположительно, должна была остановиться жена, и на душе у него стало легче.

В Витебске, куда они приехали около полуночи того же самого дня, он дружески распростился с обоими новыми знакомыми.

Рано утром они приехали в Двинск. Там арестованного уже ждал начальник местного этапного конвоя.

– Я вас должен отправить в Двинскую крепость! – поклонившись, сказал он прибывшему.

– В крепость! – как молния, пронеслась мысль в голове будущего узника. – Значит, не в тюрьму! Неужели благодаря отчаянным телеграммам Ксаны ко всем нашим петербургским знакомым сделано поправочное распоряжение везти меня в крепость? Но примут ли меня там? Может быть, комендант скажет, что нет места, и, подразнив перспективой светлой и просторной комнаты и приветливого военного начальства вместо мрачных камер и мрачных тюремщиков-специалистов, меня все-таки посадят в местную тюрьму?

Начальник конвоя нанял извозчика, и они двинулись к крепости. Проехали город и выехали в поле. Заросшие зеленью и деревьями валы показывали не遠далеке местоположение крепости. Въехали в каменные крепостные ворота с государственными гербами вверх. За ними открылись ряды домов и казарм, миновав которые, они подъехали к длинному белому двухэтажному зданию перед сквером. Им указали подъезд с надписью: «Комендантское Крепостное Управление». Войдя в него и поднявшись по лестнице, они пришли в комнату, где сидел только один молодой артиллеристский унтер-офицер – по-видимому, писарь.

– Надо сдать арестованного! – сказал ему старший конвоир.

– Придется подождать, пока придет комендантский адъютант и доложит коменданту. Садитесь.

Пришел другой молодой унтер-офицер интеллигентного вида и, спросив фамилию арестованного, сказал, что по газетам его уже давно ожидают сюда.

– А свободная камера есть?

– Есть целых три. Проситесь в номер первый или второй – они лучше.

Наконец пришел и комендантский адъютант с серебряным аксельбантом на плече и, поздоровавшись с арестованным, взял у старшего конвойного его сопроводительную бумагу.

– Но вы адресованы не сюда, а в двинскую тюрьму! – сказал он. – Почему вы привели его сюда? – спросил он конвойных.

У Морозова замерло сердце. Значит, все-таки придется попасть в темную, тесную тюрьму и просидеть там, по крайней мере, три месяца, пока не кончится летнее, каникулярное время и его друзья не возвратятся в Петербург, чтоб настаивать на переводе его в крепость, как его осудили, или в родную ему Мологу.

– Нам приказал здешний конвойный начальник, – ответил старший конвоир.

– Это все перепутал симферопольский прокурор! – сказал Морозов. – Ведь в начальной бумаге говорится же, что я приговорен на год в крепость! – и он показал ему строчку. – А он, по привычке, – в тюрьму да в тюрьму! Это он называет тюрьмой помещение в крепости.

– Но у нас и места, кажется, нет! – возразил адъютант.

– Как нет! – воскликнул Морозов. – У вас три камеры свободны, и я даже просил бы поместить меня или в первый, или во второй номер!

Адъютант засмеялся.

– Даже и номера вам уже известны!

– Конечно. Ведь это мои друзья в Петербурге просили перевести меня сюда и именно в крепость. Если меня посадят в тюрьму, то они и теперь будут настаивать на переводе меня из нее сюда.

– Но бумага все же адресована не к нам, а в городскую тюрьму. И там, вероятно, уже есть о вас распоряжение, так что я ничего не могу сделать.

Он взял со стены телефонную трубку.

– Тюрьма! – сказал он в нее. – Скажите, есть у вас бумага о Морозове с назначением к вам?

Ответа не было слышно из трубки, но он, повесив ее на ручку, сказал:

– Сейчас обещали посмотреть!

Прошло с полчаса томительного ожидания. Раздался звонок.

– Ну что?

Опять ответа не было слышно.

– Но он адресован именно к вам!

Опять долгое, безмолвное слушание в трубку. Наконец он повесил ее и задумался.

– Там о вас нет никакой бумаги, и они не хотят принимать без прокурорского предписания. Я пойду и доложу коменданту.

Он взял бумагу и ушел. Длинные минуты ожидания вновь потекли одна за другой. Наконец он возвратился и сказал с улыбкой:

– Комендант сказал, что если это астроном Морозов, то он примет, а другого – ни в коем случае.

– Ну конечно, это я и есть! – ответил Морозов с огромным облегчением.

Пройдя фасад комендантского здания, он увидел за ним каменное помещение вроде флигеля с большими решетчатыми окнами. В глубине крайнего из них стояла фигура белокурого высокого человека.

– Вот ваш будущий товарищ – профессор Мякотин, – сказал Морозов штаб-офицер.

– Это мой хороший знакомый, – ответил он, и они раскланялись издали. – Кроме него у вас теперь сидит еще один из знакомых мне писателей – Пешехонов.

– Да. Он рядом с Мякотиным. А вам назначена камера № 2, в противоположной стороне помещения. У нас только восемь номеров.

– Значит, маленькая тюрьма! – с новым облегчением подумал Морозов. – В таких личность узника не превращается в глазах начальства в простой номер.

Они вошли в крошечный дворик, а из него через простую деревянную дверь, запираемую изнутри на цепочку, в длинный, мрачный коридор с окнами на обоих далеких его концах. Там ходил солдат с ружьем. Направо и налево по сторонам, но довольно редко друг от друга, шли белые деревянные двери, такого же устройства, как и в обычных комнатах.

– Отворите номер второй! – сказал штаб-офицер пришедшему вместе с ними унтеру со связкой ключей.

Они вошли в просторную квадратную комнату с двумя высокими окнами с решетками. Рамы были открыты, и свету было не менее чем в обыкновенной квартире. Между окнами стоял длинный стол, вроде письменного в канцеляриях, и около него табурет. У одной из стен – кровать без постели, и больше не было ничего.

– К сожалению, мы не можем предоставить вам никакой мебели, – сказал штаб-офицер. – Если что нужно – можно взять напрокат в городе. Обед можно брать на свой счет из офицерского собрания или от одной дамы, живущей рядом и держащей домашнюю столовую.

Солдат принес в комнату мешок, в котором Морозов привез с собой полотенце, перемену белья, две щетки, а также его подушку и жестяной чайник.

– А где же ваши остальные вещи? – поинтересовался офицер.

– Да разве вы еще не знаете, как и откуда меня привезли?

И Николай Александрович кратко рассказал ему, как жена гонится теперь за ним через всю Россию и направляется в Витебск, не зная, что он здесь.

– Мне необходимо послать сейчас же телеграмму, чтобы она ехала сюда.

– Это можно, – сказал смотритель. – А пока она приедет, я вам дам денег в долг. Сколько вам нужно?

– Рублей десять будет достаточно за глаза до ее приезда.

Он тотчас же вручил узнику деньги. Как все это было не похоже на порядки тюремного ведомства! Там он десять раз умер бы с голоду, и ни один смотритель не подумал бы хоть полтинник дать ему в долг!

Оставшись один, Морозов начал ходить взад и вперед по комнате. В ней было двенадцать шагов по диагонали.

– Да, здесь я выживу, и даже, вероятно, что-нибудь успею и написать, как только поправятся немного глаза! – подумал он.

Пришел дежурный унтер-офицер, передал ему квитанцию на его телеграмму жене и спросил, где заказывать обед.

– Принесите из офицерского собрания.

– Слушаюсь. А вот насчет кровати как быть? – у нас матрацев нет.

– Принесите пока солдатскую соломенную постель, если есть. Мне не привыкать спать на жестком; а потом приедет жена, и я устроюсь получше.

Вечером он лег на принесенный ему солдатский соломенный мешок, но ложе уже не казалось ему таким неудобным. Он думал о том, получила ли Ксана его телеграмму, если уже приехала в Витебск? Нашел ли время его недавний попутчик побывать у их витебских знакомых и предупредить их? Или они тоже уехали на лето из города и все старания были напрасны? Потом он решил, что если завтра не получит ответа, то будет телеграфировать в канцелярию витебского губернатора и начальнику витебской тюрьмы, чтобы Ксане сказали о нем, когда она придет к ним.

Раннее утро уже алело в окнах, когда он проснулся, и почти в то же самое время дежурный по коридору принес ему телеграмму. Он с жадностью распечатал ее и вновь сильно заволновался: «В. выехала дачу». Кто же это телеграфирует ему? Но подписи не было, и он сообразил, что это любезно отвечает ему местный телеграфист, очевидно, узнавший из газет о его привозе в Двинск. Тогда он решил телеграфировать в канцелярию витебского губернатора и начальнику витебской тюрьмы, чтобы жене сообщили о нем, если она к ним придет.

– Нельзя ли мне сейчас же послать две телеграммы в Витебск? – спросил он у дежурного.

– Раньше десяти утра невозможно, – ответил унтер-офицер. – Я их должен сначала представить штаб-офицеру, а он приходит в канцелярию не раньше этого времени.

– Так я вам сейчас же напишу их, а вы передайте штаб-офицеру, как только он придет.

– Слушаюсь! – и он взял листки.

Морозов сел у окна и начал грустно смотреть в переулок, по другую сторону которого расположились невысокая каменная конюшня и помещение пожарного депо. За крышей его поднимались вершины деревьев комендантского сада, с которых доносились крики грачей. Час проходил за часом, а он все сидел и смотрел. Солдат мерно ходил под окнами со своим штыком, выдающим над его фуражкой. Редко кто проходил этим глухим переулком.

Послышался звук подъезжающего экипажа. В стекле открытого окна показалось отражение извозчичьей пролетки, задолго раньше, чем ее можно было увидеть в самом окне. В пролетке сидела дама в белом платье и в широкой белой шляпке с черной каймой.

– Да это Ксана! – мысленно воскликнул он.

Да! Это была действительно она. Она проехала перед окнами тюрьмы, смотря вдаль перед собою, и не заметила его, а ему так и хотелось крикнуть ей отсюда:

– Ксана! Я здесь!

Пролетка повернула за угол, и видение скрылось. Вскочив, как на пружине, он начал быстро ходить из угла в угол. Значит, известие о нем дошло. Но каким образом? Кто передал ей?

Прошло целых два часа. Он догадывался, что, прежде чем разрешить свидание, исполняют всякие канцелярские формальности, и не ошибся. Наконец, в коридоре за его дверью раздался знакомый мягкий, приветливый говор, который показался ему настоящей музыкой, дверь отворилась, и дежурный офицер, входя, сказал:

– Позвольте вам представить вашу жену!

Они бросились в объятия друг друга. Офицер, постояв немного, сказал:

– Я пока пройду по коридору! – и оставил их вдвоем.

– Как ты узнала? Получила ли мою телеграмму?

– Телеграммы не было, но твой посланный был и нарочно остался ждать меня.

– Как же ты приехала так скоро?

– Я гналась за тобой из всех сил.

Передав спешно свои впечатления после разлуки, супруги начали мечтать о том, как устроят свою жизнь. Она поселится здесь же в крепости, наймет где-нибудь в семье местного офицера комнатку и будет каждый день приходить к нему на свидание. Может быть, найдется и рояль или пианино, где она могла бы продолжать заниматься музыкой.

– А ты, – говорила Ксения Алексеевна, – должен прежде написать свои воспоминания об этом ужасном пути раньше, чем ступают в твоей памяти его подробности, а потом тебе надо воспользоваться случаем, чтобы написать и о прежней твоей жизни. Ведь ты и сам говорил не раз, что для мемуаров никогда не будет времени, если тебя не посадят снова! Вот тебя и посадили!

– А мое давно обещанное исследование о библейских пророках?

– Ну, это ты быстро сделаешь и после освобождения.

Так они мечтали, сидя вдвоем в крепостной комнатке, где ему предстояло провести еще много месяцев.

Новое заключение мало походило на прежние. Узник сам оплачивал свое более-менее комфортное содержание, вплоть до того, что отопление камеры осуществлялось за счет ее обитателя. Летом водили купаться в Двину, а зимой – в баню. Но как и прежде, сильно досаждало присутствие часового. По ночам мешал тупой стук приклада об пол при ходьбе. Днем не давало сосредоточиться поминутное заглядывание в глазок, без надобности, из простого любопытства. Казалось, что постоянно заглядывают из-за спины: «А что же Вы там пишете?» Однако обиды на часового не было, ведь все это совершалось от неспособности оценить последствия своих поступков. Но главное – в его новом положении не было обреченности...

В Двинской крепости он успел сделать немало. Здесь были дописаны «Повести моей жизни» – воспоминания о его революционном прошлом. Во время их написания он не читал ни одной книги, никаких газет, одним словом, ничего, и так поступал, пока их не закончил. Он

писал от четырех до пяти часов в день, насколько позволяли глаза, исписывая в среднем около двадцати двух страниц в своих тетрадах, а в остальное время ходил по своей камере и припоминал прошлое, все то, что ему понадобится писать завтра, и даже ночью думал об этом.

Здесь он закончил книгу «Пророки», продолжавшую «Откровение в грозе и буре». Написал несколько научных статей, много работал над корректурами своих выходящих трудов, редактировал Детскую энциклопедию, изучал одиннадцатый по счету язык, древнееврейский. Отвечал на многочисленные письма, которые беспрестанно приходили из разных уголков России от разных лиц, сочувствующих «вечному узнику»...

Заключение в Двинской крепости продолжалось до 16 февраля 1913 года. Освободили Морозова по амнистии в связи с празднованием 300-летия дома Романовых. Из-за традиционной задержки с документами из крепости Николай Александрович вышел только 21 февраля 1913 года. С собой он взял две лампы с поднимающимися и опускающимися на стержне зелеными колпаками. Их отвезли в Борок как память о Двинской крепости.

После Двинской крепости он стал говорить, что цель жизни состоит в том, чтобы преодолевать препятствия.

А в конце лета 1913 года Морозов был избран в гласные от второго избирательного собрания Мологского уезда. Постановлением Ярославского по земским и городским делам присутствия его исключили из состава земских гласных. Основанием для такого решения явилось недавнее заключение Морозова в Двинской крепости. Было объявлено, что из присутствия нет сведений о том, восстановлен ли Морозов в правах после заключения. Его друзья выяснили этот вопрос, и оказалось, что он не только не лишен прав, но даже не ограничен в таковых...

Следует заметить, что вопрос об избирательном праве «опального» Морозова поднимался и раньше, вскоре после Шлиссельбурга. С этим была связана такая история.

В России проходили выборы в третью Государственную думу. Вечером 19 сентября 1907 года в местном Мологском манеже на предвыборном собрании кандидатом от всех прогрессивных партий предложили Морозова. Николай Александрович согласился выставить свою кандидатуру только потому, что иначе был бы выбран священник отец Апполинарий, ставленник черносотенцев. 20 сентября в здании Городской управы произошло официальное голосование, и из 191 голоса за Морозова было подано 129. На следующий же день местный исправник телеграфировал ярославскому губернатору просьбу считать выборы недействительными, так как Морозов не имеет права участвовать в выборах. Губернская комиссия отклонила избрание Морозова. Узнав об этом, Николай Александрович направил прошение в Сенат о восстановлении его в избирательных правах ввиду высочайшего помило-

вания. Сенат оставил прошение Морозова без последствий, так как только оправдательный приговор может служить основанием для допущения к участию в выборах. Никто не ожидал, что он будет избран абсолютным большинством голосов, а старательно подготавливаемый ставленник администрации с таким треском провалится, хотя проводилась предварительная подготовка избирателей. Поэтому-то и вытащили на свет разьяснение, что Морозов лишен избирательных прав.

После этого случая прогрессивная общественность стала поднимать все законы и в конце концов добилась возвращения избирательного права Морозову. Правда, к этому времени выборы уже прошли.

Глава VI

ВОЙНА

Смелей же! В могилы! На пушечный грохот!
В смертельные газы кровавой войны!
Чу! В грохоте пушек уж слышится хохот
И клич боевой самого сатаны!

Николай Морозов

В сентябре 1914 года Морозов начал перестройку флигеля в Борке. Он уже совсем обветшал и требовал капитального ремонта. Николай Александрович сам составил проект реконструкции и принимал деятельное участие в его осуществлении, причем очень часто подсказывал мастерам технические решения задач, казавшихся им неразрешимыми. Ему не раз приходилось ловить строителей на недобросовестной работе или в ситуациях, которые могли свести на нет весь их труд. Например, строители топили железную печку с открытой топкой в комнате, полной стружек; и достаточно было искры, чтобы задуманное предприятие окончилось катастрофой. Мастера специально тянули время, так как знали, что осенью заказчику нужно уезжать в столицу, а без него можно скомкать работу. Нетрудно представить, каков был бы результат, если при хозяине они, не стесняясь, халтурили! И Николай Александрович прикладывал все усилия, чтобы побороть их противодействие.

Здесь его и застало известие о том, что Россия вступила в войну. Появилась еще одна причина торопиться со строительством, так как он знал, что во время войны деньги будут быстро обесцениваться и строительство может сильно вздорожать. 20 ноября основные работы по флигелю удалось закончить. Теперь встал вопрос – что делать в новой ситуации? Поехать на фронт корреспондентом? Скорее всего, цензура не даст написать правду о кровопролитной бойне... Морозов долго размышлял над этим вопросом, и наконец решение пришло.

В конце января 1915 года, в ватном пальто защитного цвета, в высоких сапогах и белой повязке с красным крестом, он отправился на фронт. Городовые, ещё не привыкшие к подобной одежде, отдавали ему честь, принимая за генерала. А он был всего лишь делегатом Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам. В кармане у него лежало рекомендательное письмо к главнокомандующему северо-западным фронтом генералу Рузскому от его товарища по пажескому корпусу. Эта мера предосторожности была принята в связи с тем, что в ряде газет стали появляться статьи, в которых говорилось, что Морозов – шпион и его нельзя допускать на фронт. Поэтому Николай

Александрович решил добраться до командующего, чтобы от него лично получить разрешение участвовать в работе одного из летучих санитарных отрядов.

Его худшие опасения оправдались. Когда в Варшаве он встретился с Вырубовым, главным уполномоченным Варшавского Земского союза, тот замахал руками и просил его уехать назад в Петербург и дать опровержение в газету, что он не является уполномоченным Союза.

– У нас и так много трудностей, а тут еще Вы приехали...

– Ну что же, если Вы не берете на себя смелость оставить меня при действующей армии, я вынужден обратиться к главнокомандующему фронтом за разрешением, – закончил Морозов и уехал в ставку.

Ему рассказали, что ставка находится в Седлеце, и дали пароль – спросить полковника Романова. С большими приключениями Морозов добрался до генерала. Оказалось, что тот был знаком с его произведе-

ниями. Но когда Николай Александрович честно обрисовал ситуацию, Рузский решил, что должен проконсультироваться с охранным отделением. Ответ «охранки» был таков: «Морозов – опасный человек, но если даст слово, то на него вполне можно положиться». Ознакомив гостя с ответом, генерал спросил:

– Вы даете слово не вести агитацию в войсках?

– Даю.

– Через полчаса пропуск Вам будет готов, всего доброго, – и генерал ушел к себе.

Через полчаса Морозову, действительно, подали пропуск:

«ДЕЖУРНЫЙ ГЕНЕРАЛ ШТАБА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА.

Сим удостоверяется, что делегат Всероссийского Земского СЮЗА Николай Александрович МОРОЗОВ имеет право въезда в районы расположе-

ния всех штабов Армий Северо-Западного фронта, о чем удостоверяется соответствующими подписями и приложением печати».

Внизу стояли подписи и печать. И Морозов начал свою гуманитарную деятельность.

Он не мог остановить бойню, но мог уменьшить страдания попавших в этот вертеп, и изо всех сил старался сделать все от него зависящее. К тому же он и в это тяжелое время оставался естествоиспытателем. Его тревожили общие социологические вопросы, связанные с

Н.А. Морозов с племянницей перед отъездом на фронт

войной. Почему война вообще возможна среди не только первобытных, но и культурных народов? К каким конечным результатам приводит этот процесс? Эти проблемы требовали беспристрастного научного решения. Морозов хотел получить о войне личные впечатления, чтоб не чувствовать при писании, что говорит о том, чего сам не знает. Для этого он ездил и на передовые позиции. «Русские Ведомости» и «Речь» дали средства для всей его поездки.

А теперь, по возможности, по порядку. Вот некоторые фрагменты этого путешествия.

Итак, шестидесятилетний Морозов отправлялся в Польшу с санитарным поездом. В вестибюле Брестского вокзале в Москве, где толпы народа сновали взад и вперед, он встретил знакомых, уже побывавших на фронте. Посыпались советы о том, что нужно захватить с собою:

– Непременно приобретите кожаную куртку, только не черную, а темно-оранжевую – такая лучше. Надо подшить швы на плечах, а то сквозь них протекает. Сапоги необходимы длинные и шерстяные чулки во всю длину, и мази не забудьте...

Подошли знакомые знакомых. Все говорят, все советуют, наперыв друг перед другом, и все это так трогательно.

– Смотрите, смотрите! – вдруг перебивает беседующих подошедшая новая кучка молодежи. – Там, у телефонного шкафа, женщина в форме военного авиатора!

Посмотрев в указанном направлении, они действительно увидели коротко стриженного вольноопределяющегося с кортиком у пояса и крыльями на погонах, в котором можно было признать женщину.

Собеседники Морозова принялись уговаривать его, как в некотором роде авиатора, заговорить с ней. Но, в конце концов, затеяли разговор сами:

– Извините, госпожа авиаторша, вы с войны или на войну?

– Приехала час назад и теперь уезжаю обратно. А вы сразу узнали, что я – женщина?

– Конечно, это видно. Но вы так молоды.

– Мне уже двадцать пять лет.

– Вы давно на войне?

– Да. Сначала служила в кавалерии и делала разведки, а потом заболела нога, и я уже два месяца в авиационном отряде.

– Вы летаете или просто состоите при аэропланах?

– Летаю и бросаю бомбы, – ответила она так просто, как если бы это было самое обычное в жизни дело.

Морозов взглянул на ее лицо. В его чертах не было ничего жестокого, и у него на душе стало вдруг мучительно тоскливо. Какую страшную трагедию должна была пережить эта девушка, подумалось ему, прежде чем дойти до такого состояния, чтобы бросать бомбы на головы совершенно неизвестных ей людей...

Желая скрыть свое волнение и чтобы не обидеть ее, он инстинктивно продолжал разговор с таким видом, как будто сказанное ею было совершенно естественно.

Николай Александрович назвал свою фамилию и попросил ее передать привет знакомым авиаторам. Они пожали друг другу руки, и он поспешно отошел.

Во всем ему хотелось видеть женщину равноправной с мужчиной, за исключением одного – участия в войнах.

И вот теперь, он сам несется на всех парах на передовые позиции к своим уже находящимся на войне друзьям, туда, на запад, в кровавый туман....

Морозову было поручено Главным Комитетом, находящимся в Москве, ознакомиться с деятельностью отделов Союза в районе военных действий и время от времени знакомить Главный Комитет, а с ним через печать и русское общество, с деятельностью его отдельных отрядов. Но разве можно серьезно изучить какое-нибудь сложное дело, не будучи его личным участником? Конечно, нет.

Кто желает узнать быт рабочих, тот сам должен, хотя бы временно, жить как они; кто хочет ознакомиться с бытом крестьян, тот и сам должен хоть на год поселиться в крестьянской избе, пахать и сеять как крестьянин. Точно так же и тут. Для того чтобы ознакомиться с деятельностью летучих передовых отрядов Земского союза, ему нужно было сделаться их непосредственным участником. И реализовать это ему помог случай.

На другой день после прибытия из Петрограда в Варшаву, оставив свои вещи на вокзальном складе, он поехал разыскивать в совершенно незнакомом городе указанных ему и тоже большею частью незнакомых лиц и почти весь день не мог никого найти. Одни уехали куда-то совсем, других нет дома и неизвестно, когда возвратятся. У него даже возникло желание сесть снова в вагон и отправиться обратно в Петроград.

И вот он в комитете Союза на улице Святого Креста. Естественно, и здесь не было никого из уполномоченных. Он уже собирался уходить, как вдруг секретарь, взглянув в его лицо, как будто узнал его.

– Погодите минутку, – сказал он, – я протелефонирую о вас заведующему нашим медицинским бюро, доктору Богущкому.

Он взялся за ручку телефона у своего стола и сообщил кому-то о приехавшем.

– Богущкий просит вас к себе на квартиру, – ответил он, опустив телефон. – Это здесь же, вас проводит мальчик.

Богущкий, которого Морозов видел первый раз в своей жизни, встретил его, как родного. И вся компания, наполнявшая его столовую и состоявшая большею частью из женщин-врачей и сестер, временно

приехавших в Варшаву с передовых позиций и обратно направляющихся туда, наперерыв стала приглашать Морозова ехать к себе.

– Лучше всего, – сказала, наконец, молодая женщина с очень живыми манерами, – поезжайте с нами. Мы составляем первую летучку третьего отряда и едем через полчаса. «Первая летучка» – это была 1-я легучая партия 3-го передового отряда «Земского союза для помощи больным и раненым воинам».

Вскоре здесь появился начальник этого отряда Федоровский, человек огромного роста, в пенсне.

– Хороший начальник, – шутя, сказал Морозову Богуцкий, – никак нельзя потерять в толпе, потому что голова его всегда возвышается над нею.

Федоровский тоже принял Морозова, как родного. И уже через полчаса он оказался на вокзале, где познакомился с другими членами отряда.

Поезд шел часть ночи, затем остановился в поле, около маленькой станции, на запасных рельсах, и они ночевали в вагонах. А ранним утром они выгрузили свои фургоны, лошадей и багаж и ехали на повозках весь день по направлению к Праснышу, на север.

Рядом с Морозовым, в одной бричке, находилась та самая молодая женщина-врач, Алмазова, которая так неожиданно пригласила его в отряд. На козлах, рядом с кучером, поместился польский доктор Мрочек, который оказался незаменимым человеком в этих местах.

Становилось все холоднее. Землю подморозило, и грязь постепенно обращалась в камень.

– Как бы поскорее подъехать к передовым позициям, – сказала его спутница. – Подумайте только, каково лежать раненым в поле на ветру в такую морозную ночь, на окаменевшей земле.

– Если подморозит рану, непременно делается гангрена, – объяснил доктор, – и тогда приходится ампутировать. Вот почему так важна быстрая помощь.

Въехав в городок Маково, они стали искать себе помещение в каком-нибудь частном доме.

Вот тут-то и оказалось, как важно было иметь в своей среде интеллигентного поляка, каким был Мрочек. Чувствуя себя здесь как дома, он быстро нашел им комнаты в польских семействах, а для обоза определил место на центральной городской площади. Что бы они делали без него, едва понимая по-польски и чувствуя здесь себя совершенно чужими?

И вот первая ночь вблизи передовой. Окна дребезжали от несмолкаемой канонады в нескольких верстах от города. Казалось, что пальба все приближается, и в душе делалось жутко.

Кто это стреляет? Наши или немцы?

Ведь если немцы наступают, то никто не сможет предупредить их в этой затерявшейся среди города комнатке. Встанут утром и увидят немецкие каски, и будут отведены в плен, кто знает, на сколько времени?

Морозову страшно не хотелось попасть в плен. Это было бы так глупо, с самого же первого шага, и притом это так расстраивало всю его дальнейшую жизнь.

Вот, наконец, начало и светать. Звуки выстрелов, казалось, удалялись...

Он оделся и вышел на улицу. Подойдя к площади, увидел, что фуры их отряда уже там.

– Где же Федоровский, где все остальные? – спросил он одного из санитаров.

– Вон там, в ресторане, – ответил он. – Мы только утром успели приехать.

– Верно, замерзли ночью?

– Да, порядочно.

Морозов подумал о «сестрах». Бедные девочки! Чего только им здесь не придется перенести... Он побежал в ресторан и нашел там всю компанию. «Девочки», к его удивлению, все были бодры и по-прежнему веселы.

Однако же они сильные, подумалось ему, и в душе шевельнулось к ним какое-то новое чувство, как будто промелькнуло перед ним что-то давно минувшее.

Вспомнились лица, давно позабытые...

Временные госпитали Макова были переполнены ранеными, как русскими, так и немцами. И всех их надо было поскорее переправить в глубину России.

– Смотрите! Немецкий аэроплан! – воскликнул один из санитаров, показывая рукой на северную часть неба.

Высоко в небе, как белая птица, действительно летел аэроплан системы «таубе», и несомненно – немецкий. Вот он прямо над головами собравшихся, и в то же мгновение, где-то за забором, у которого они стояли, раздался оглушительный взрыв.

– Бросил бомбу! – послышались голоса.

– Но как же мы не видели, как она летела сверху?

– Верно, падала слишком быстро.

За забором послышалась страшная трескотня выстрелов. Это солдаты, несколько батальонов которых стояло на площади, открыли пальбу по аэроплану в отместку за бомбу. Но тот летел спокойно, как будто ничего не замечая, на недоступной высоте. Даже более: над горизонтом появился другой немецкий аэроплан и так же спокойно пролетел над ними, не обращая ни малейшего внимания на продолжающуюся ружейную стрельбу.

– Отойдите от обоза! – крикнул им кто-то. – Если и этот бросит бомбу, то непременно постарается туда, где есть какое-нибудь скопление людей или животных.

– Да ему нельзя попасть в обоз с такой высоты! – заметил Морозов.

– А все же вам надо отойти под защиту того дома, чтобы не попала в голову какая-нибудь возвратная пуля из наших собственных. Слышите, как стреляют прямо за вашим садиком?

Они отошли под защиту стены, а когда и второй аэроплан тоже удался к югу, они бросились бежать к тому месту, где, судя по звуку, разорвалась бомба. Там уже была толпа солдат и гражданских людей, внимательно рассматривающих свежевыбитое углубление в почве, величиной немного больше обыкновенного умывального таза.

Наслышавшись рассказов «очевидцев» об огромных разрушениях, производимых такими снарядами, Морозов был очень доволен ничтожными результатами воздушного бомбометания, так как они подтверждали его прежние выводы, что воздушный флот может быть пригоден на войне только как средство сообщения, доставки негромоздких предметов и разведки относительно движения больших масс в неприятельском тылу.

– Вы правду говорили, – сказал ему Федоровский, – что воздушные бомбы, бросаемые в незащищенные города, есть простое хулиганство. Посмотрите, что тут наделано.

Морозов поднял глаза от ямы и огляделся по сторонам. В окнах двухэтажного здания, смотревших на этот двор, не было ни одного стекла, а только голые переплеты рам. Холод снаружи свободно врывается в открытые теперь комнаты, где каких-нибудь десять минут назад спокойно занимались в тепле своими домашними делами несколько семейств из взрослых и детей, разбежавшихся теперь в запоздалом испуге неизвестно куда.

– Посмотрите, посмотрите, – воскликнул один из присутствовавших, – как пробило дверь осколками!

– Это он метил на площадь, где стоят солдаты. Попади туда, в гущу, вырвал бы не один десяток человек! – продолжал их собеседник.

– Да попасть-то очень трудно с двухверстной высоты, и на лету... Вон куда отнесло!

До начала городской площади оставался, по крайней мере, целый квартал.

Таким образом, первая увиденная Морозовым на войне «бомба с неба» как будто подтвердила его прежние мысли, что бомбометание с аэропланов сводится на практике к простому хулиганству.

Правда, немцы бросали с высоты не одни бомбы, но также и пучки из сотни или двухсот железных гвоздиков величиной и толщиной почти в палец, заостренных с одного конца и рассеченных в виде оперения стрелы с другого, с иронической французской надписью «*invention francaise, fabrication allemande*» (французское изобретение, немецкая фабрикация). Падая, они все обращаются острыми концами вниз и несколько рассеиваются в стороны, как заряд дроби, а при достижении земли приобретают такую скорость, что, попав в голову человека, мо-

гут пронзить его насквозь до пяток. Однако и эта «фабрикация» оказалась мало пригодной на практике вследствие отсутствия меткости. Несмотря на много тысяч таких пучков, сброшенных с немецких аэропланов в обозы и в большие скопления войск, Морозов не слышал ни об одном случае убийства ими человека, и лишь везде, как здесь, на позициях, так и внутри России, ему постоянно говорили об одной лошади, насквозь пронзенной такой стрелой.

Но стоило ли затрачивать столько труда для какой-то несчастной лошади?

И однако же появление немецкого аэроплана над головой всегда вызывает в публике панику, особенно под открытым небом и в большом скоплении, так как каждому кажется некоторое время, что аэроплан парит именно над его головой. Морозов сам испытывал всегда тревожное чувство при таких обстоятельствах. Имея склонность к математическому мышлению, он успокаивал себя, что вероятность погибнуть от аппарата, летящего теперь над ним, несравненно меньше, чем сломать себе шею при крушении железнодорожного поезда. Однако даже и в самом скором поезде он чувствовал себя, несмотря на все доводы теории, много удобнее, чем под немецким военным аэропланом в большом скоплении людей или повозок...

Какой же окончательный вывод сделал отсюда Морозов? Бомбометание с аэропланов не может повлиять на естественное течение войны, оно может лишь портить нервы обывателям и вызывать ожесточение у воюющих.

С грохотом мчался грузовик Земского союза помощи раненым во мраке ночи, по неровному, избитому военными повозками шоссе по направлению к селу Красне, за которым шли бои на дороге к Млаве. Дорога вся разбита снарядами.

Вдруг свет фар осветил чей-то незнакомый автомобиль, но он не ехал, а стоял сбоку дороги с погашенными фонарями, и с него кто-то махал ручным электрическим фонариком, требуя остановки.

– Застава, что ли? – спросил Морозов шофера.

– Должно быть, часовые требуют пропуск, – ответил тот, быстро останавливаясь.

Лучи света от ручного фонарика направились прямо на лицо Николая Александровича, и невидимый за ними их владелец воскликнул изумленным голосом:

– Вы ли это, Морозов?

– Я. А вы кто?

– Купчинский. Помните, мы встречались с вами в Петрограде.

– Как же! Очень хорошо помню.

– Ужасно рад, что вас встретил, – продолжал он. – Дело в том, что у моего автомобиля испортился мотор, а я еду без шофера. Может быть, ваш шофер исправит его?

И пока шофер возился с мотором, они начали расспрашивать друг друга.

– Я теперь военный корреспондент «Биржевых Ведомостей», – сказал он Морозову.

– А я делегат Земского союза, отправленный для ознакомления с деятельностью его передовых отрядов, и работаю вместе с ними. Здесь столько раненых, что дорог каждый лишний человек. Теперь догоняю свой обоз с ранеными. А вы куда едете?

– Ехал в Прасныш вместе с художником Сугановым. Вот он сходит сейчас с автомобиля.

Морозов с Сугановым пожали друг другу руки. Он оказался сотрудником «Искры», известным также под псевдонимом Гай, и ехал, чтобы снять фотографии с разрушенного Прасныша.

– Мотор ваш цел, но сильно засорен копотью, – сказал им шофер. – До Прасныша вы едва ли доедете, лучше вернитесь в Маков, и я отправлю вам все завтра утром.

Морозову нужно было спешно ехать дальше, и потому, простившись с обоими, он уехал, а с ними условился о месте, где они могут найти его завтра утром в Макове.

Утром он сам нашел их в комнатке для приезжающих при польском ресторане, где они обыкновенно обедали, а затем, когда шофер исправил мотор, они предложили съездить с ними на место Праснышевского сражения.

Это утро было у Морозова свободно. Почти все раненые были эвакуированы, и Первая летучка 3-го Передового отряда собиралась уже переправиться дальше, так как в Прасныше ей больше нечего было делать. И он согласился.

Они быстро помчались на автомобиле. По официальному сообщению, после того как Прасныш был отбит у немцев, было взято в плен до 10 тыс. человек вместе с их легкими и тяжелыми орудиями и пулеметами, а не менее двух германских корпусов отброшено к границе.

Еще за несколько верст до города им стали попадаться вдоль шоссе здания, у которых крыши и стены были пробиты насквозь артиллерийскими снарядами, образовавшими в них зияющие дыры с неправильно разломанными краями.

Далее тянулась неправильными извилинами и зигзагами, не перпендикулярно к шоссе, по которому они ехали, траншея, отнятая позавчера у немцев.

Они вышли из автомобиля и тихо пошли по ней.

Трупы убитых были уже убраны отсюда, раненые вынесены, и на покрытом соломой и сеном дне свежевырытой канавы кучами лежали пачки цельных и отдельно друг от друга лежащих расстрелянных патронов. На валу траншеи Морозов увидел немецкую солдатскую фляжку – простую плоскую бутылочку овального вида в сером суконном

чехле, очевидно, брошенную кем-то, и взял ее себе на память вместе с несколькими патронами.

Все было снова тихо на этом месте, где так недавно тысячи людей убивали друг друга за свои национальные идеалы, и казалось, что природа уже окончательно возвратилась к своей обычной жизни... Но это только казалось.

Они сели в автомобиль и отправились в обезлюдевший город, где на каждые десять домов был, в среднем, один с пробоиной или наполовину разрушен, и во всем городе не осталось целым почти ни одного оконного стекла. Толпы солдат ходили по улицам. Вдоль улицы тянулась высокая каменная ограда собора, а в ней виднелась огромная круглая пробоина. Они вошли в нее и очутились в фруктовом саду, через ограду которого почти не достигали звуки улицы. Кора деревьев была кое-где со шрамами от осколков шрапнели, часть сучьев была переломана, и один из углов собора был пестр от следов таких же осколков.

Они вышли обратно тем же путем и направились к городскому кладбищу. За обладание им, по иронии судьбы, накануне явно происходила упорная рукопашная борьба, и много борющихся получили это кладбище в вечную собственность...

Ярко светила луна на безоблачном небе и освещала замерзшую грязь на обледенелом шоссе. Морозов сидел рядом с шофером и, руководясь только компасом да картой, ехал к тамошней дековильке. Так называли, по имени изобретшего ее французского инженера переносную полевую одноколейку, рельсы которой клались прямо на землю, а вагонетки передвигались по ним людьми или лошадьми.

Лазарет поручил ему отвезти туда двадцать повозок с шестьюдесятью тремя ранеными солдатами и отправить их на ближайшую железную дорогу. Это была уже не первая его поездка с подобным заданием.

Но в эту холодную ночь он с тревогой думал о том, как ему удастся вместе с одной сестрой, одним студентом, фельдшером и несколькими санитарями благополучно сгрузить всех вверенных ему раненых, среди которых находились и несколько немцев, в их сравнительно легких форменных одеяниях. Правда, пока они все лежали, как в постелях, в повозках, прикрытые теплыми меховыми одеялами, но при перегрузке все это придется снять, а ветер становился все жестче и ночь – все морознее!.. Он чувствовал, как холод пронизывал его до костей на переднем сиденье автомобиля, несмотря на то, что ветер дул не в лицо, а сбоку...

Однако, что же было делать?

Он подумал, что если на дековильке не хватит места, ему придется отправиться с оставшимися ранеными в соседнее село и разместить их там временно по избам.

Скоро они перегнали ряды кибиток с ранеными, следующих на ту же самую дековильку, и наконец в конце пути увидели третью огром-

ную партию. Его спутники, студент и курсистка, вылезли изнутри фургона, составлявшего главную часть их автомобиля, и все пошли к тому месту, где лежали на земле очень узенькие рельсы, скрепленные вместо шпал железными прутьями.

На всем их видимом протяжении, насколько хватал глаз при лунном свете, вплоть до дальнего пригорка, белели брезентовые покрывки вагонеток, длинной цепью стоявших одна за другой.

Тут было их не менее полутора сотен, и у каждой вагонетки, не впереди ее и посреди рельсов, как у обыкновенных конок, а рядом, на почве, стояла лошадка, тянущая ее на коротенькой бечевке по тому же способу, как и барку на буксире. Это и была дековилька, временная конная узкоколейка, легко кладущаяся на землю, легко снимаемая с нее, перевозимая куда угодно и составляющая необходимую принадлежность армий того времени, как у нас, так и за границей. Пройдет немного времени, и она будет снята и увезена в другое место, так как тут ее более не нужно, а в этих местах будет дуть, как прежде, лишь один свободный ветер над холмами и равнинами, и не будет больше никаких следов их печального каравана.

Морозов подошел к рельсам, где стояли двое военных врачей, распорядившихся выноской раненых из ближайших кибиток и их переноской в вагонетки.

Они представились друг другу и обменялись рукопожатиями, как это всегда запросто делается на передовых позициях, где вследствие общей нужды друг в друге исчезают без следа всякие условности и церемонии.

– Хватит ли вагонеток? – с беспокойством спросил Морозов одного из них. – За той партией, которая выгружается у вас, едет еще другая, кибиток в сорок, а затем и наша более чем с шестидесятью ранеными.

– Легко раненные или тяжело? – спросил врач.

– Тяжелых лишь четверо, остальные легкие.

– В таком случае, хватит. В вагонетки можно поместить по восьми легкораненых, а сюда выслано полтораста вагонеток.

Морозов встал в стороне, чтобы не мешать выгрузке, но был не в состоянии неподвижно ждать здесь более получаса. Холодный ветер пронизывал его до костей, так как, спеша уехать на фронт, он оставил большинство своих теплых вещей на вокзале, в Варшаве, и был в одной фуфайке и подбитой ватой поддевке-шинели защитного офицерского образца.

Он сел в кузов своего автомобиля, прикрывшись находившимся в нем овчинным одеялом. Ветер врывался внутрь фургона, и струи холодного воздуха вертелись вдоль его стенок. Сильная дрожь сотрясала все его туловище, а конечности совсем оледенели. Жутко было подумать о беспомощных раненых, ждущих своей очереди в их фургонах.

А с севера доносились звуки пушечных выстрелов и сверкали кроваво-красные зарницы залпов...

И мысль рисовала невеселые картины. Каково-то тем, которые там падают теперь десятками на мерзлую землю под этим холодным ветром и смотрят безнадежно на эту луну и звезды? Их, может быть, не успеют подобрать до самого утра, и в обмерзших ранах их начнется гангрена.

И все назойливее и назойливее поднималась в груди потребность крикнуть всем чувствующим и мыслящим людям в глубине России, чтобы шли на помощь тем, кто медленно коченеет на новых полях сражений в эту ужасную зимнюю войну.

Он приехал в маленький городок в сорока верстах от прусской границы на второй день после упорного боя.

Сражение было чрезвычайно ответственное, потому что здесь они были «в мешке», т. е. вдавались клином в немецкое расположение, и если бы русские не выбили немцев, то могли бы быть сами обойдены ими со всех сторон, и тогда их «земская летучка» попала бы в плен.

Теперь все его опасения за судьбу «земской летучки» прошли, и хотя выстрелы орудий еще доносились, но они были глухи, и все хорошо знали, что немцы поспешно отходят. О том, что делалось на других фронтах, им было совершенно неизвестно. Никаких газет и телеграмм здесь не было. Чем более приближались они к фронту, тем менее знали об общем ходе войны.

Он шел по неровно вымощенному тротуару, с одной стороны которого тянулись стены домов, а с другой – длинная толпа, тысячи в полторы, пленных немцев, приготовленных к отводу их во внутреннюю Россию, оцепленная двумя или тремя десятками солдат.

Немцы были здоровы на вид, но одеты слишком легко для нашего климата. Особенно непрактичными казались Морозову их жесткие каски, одна из которых ходила по рукам публики. Она была из лакированной жести или из какого-то другого металла с кожаной лопастной подкладкой внутри и с большим золоченым прусским орлом на лбу. Между крыльями, по груди орла, была оттиснута извилистая лента с рельефно выбитой надписью: «Mit Gott für KOENIG und Vaterland».

– С Богом за Царя и Отечество! – перевел ее сосед Морозова, военный врач. – И притом слово Царь нарочно поставлено выше и Бога, и Отечества.

– А как же некоторые говорили, что эта война затеяна для того, чтобы доставить капиталистам новые рынки? – улыбаясь, заметил Морозов.

– Язык без костей, а ум среднего человека всегда склонен воспринимать всякие внушения и считать их за вывод собственного ума. Спросите любого из окружающих немцев и русских, солдат и офицеров, за что они дерутся, и все с негодованием отвергнут такое свое намеренье. Да и правильно! Если война и приносит материальные вы-

годы некоторым, то косвенно. Каждый корабль, разбиваемый бурей у берегов Африки, приносит выгоды прибрежным неграм, но кто скажет, что корабли vyplывают и гибнут именно для них? Так и у капиталистов никто не спрашивает совета при объявлении войны. Немецкая надпись на касках лучше объясняет дело.

Пленные с большой охотой меняли каски на теплые русские шапки, очевидно, уже испытав неудобство их при зимней войне, сидя в бывших своих окопах.

К Морозову подошел Федоровский:

– Пойдемте, – сказал он, – смотреть пушки, отобранные вчера у немцев; они выставлены на той стороне площади и скоро будут отвезены внутрь России.

Они пошли в указанном направлении, и там действительно за несколькими русскими бронированными пулеметами, только что побывавшими в огне и испещренными следами пуль, стояли рядом несколько отбитых немецких пушек. На дулах меньших были отбиты девизы: «Pro Gloria et Patria».

– Вот и здесь, – заметил врач, – написано «За Славу и Отечество», а не «За Капиталистов и Новые рынки!» Нет! Война есть массовый психоз, дело честолюбия властных, а не коммерческое предприятие частных лиц!

На огромных мортирах, стоявших рядом, была еще и другая надпись: «Ultima Ratio Regis».

– Что значить эта надпись? – спросил один из зрителей, не понимавший по-латыни.

Другой зритель, длинный гимназист, начал переводить дословно:

– Крайнее разумение царя.

– Что же это такое значит?

– Это значит, – толковал ему гимназист, – что такая большая пушка есть крайнее разумение императора Вильгельма.

– Может быть, это значит «последнее средство царя»?

– Нет, – упорно и не без основания отвечал гимназист, – ratio значит разум.

Морозов улыбнулся про себя поднявшемуся филологическому спору, и они пошли дальше по площади.

– Зачем эти хвастливые девизы на пушках? – думал Морозов. – Неужели нельзя было обойтись без них?

– Нет, нельзя, – ответил он сам себе. – В этих девизах выражается так ярко вся выработанная последним полувеком система милитаризма.

Высшие доводы верховной власти по этой системе, действительно, одни огромные пушки и еще бронированные кулаки, как император Вильгельм назвал когда-то свои броненосцы. Ведь, может быть, и на них отчеканены подобные же девизы?

Как же немецкая интеллигенция, в которой было немало добрых, честных и хороших людей, просмотрела все это? Он сам думал рань-

ше, что нельзя было винить германское правительство за его вооружение, так как вместе с ним вооружались не менее усердно и его соседи, но при виде этих пушек он не мог не согласиться, что германскому правительству принадлежала в этом деле руководящая роль. Ведь Германская империя первая ввела всеобщую воинскую повинность, вооружила все свое население и этим сделала возможными столкновения друг с другом не одних специализировавшихся для войны армий, а целых огромных народов.

И вот ее бронированные кулаки и «высшие доводы царя» столкнулись с другими такими же, чтобы показать всем, что «высший довод» всякой верховной власти народов и государств есть сила моральная, а не физическая. И сбудутся когда-нибудь старинные пророческие слова, которые следовало бы тут отчеканить вместо этих девизов: «Владеющий мечом от меча и погибнет».

На фронте очень быстро происходят знакомства. Вот и теперь, перекусывая в походном питательном пункте Красного Креста в Германове, представлявшем собой три палатки, раскинутые у шоссе, по которому постоянно взад и вперед тянулись войска, и для всех тут был даровой чай и всякие закуски, он встретился с тремя офицерами. Это оказались артиллеристы из окопов, поручик и два прапорщика запаса.

– Что у вас творится? – спросил Морозов одного из них.

– Поедьте к нам под Сохачев ночевать в землянку, и вы сами увидите.

Сидеть в окопах было не по специальности Морозова, он был послан на фронт с другими целями. Но кто же, принимающий близко к сердцу реальную жизнь современного человечества, в основе которой лежит его постепенная эволюционирующая от эгоизма к альтруизму психика, не пожелал бы попутно ознакомиться и с положением своих ближних при таких трагических и исключительных обстоятельствах? Кому не захотелось бы на месте самого действия видеть влияние переживаемой цивилизованным миром небывалой катастрофы на душевное состояние ее непосредственных участников, чтоб правильно оценить, как оно отзовется на будущем человечества? И Николай Александрович отправился вместе с пригласившими его офицерами.

Дорога к передовой была долгой. Все более гулко раздавались впереди звуки пушечных выстрелов, по мере того как день сменялся ночью, и на западе, куда они повернули, угасала кровавая полоса вечерней зари. Вот она совсем исчезла, и на небе выступили первые звезды.

– Тут был наш штаб, – сказал Морозову поручик, показывая на контуры большого здания в темноте, – и немцы, по-видимому, отлично знали это. Все время палили по нему, разрушили все соседние здания, а это каким-то чудом оставалось невредимым. Когда я ехал за вами, – прибавил он, – я сам в нем сидел более получаса.

– Значит, мы уже в области артиллерийского обстрела? – спросил Морозов.

– Да, уже давно. Днем было бы нельзя тут ехать. Увидев экипаж, немцы сейчас же открыли бы по нему пальбу.

– А как же вы общаетесь здесь днем с позициями?

– Ходим обязательно пешком. Раньше немцы стреляли из пушек и по отдельным пешеходам, но теперь уже давно перестали. Очевидно, стало жалко снарядов.

Они проехали еще с полверсты, после чего вышли из брички и пошли пешком, чтобы звуки колес о мостовую не долетели до немцев и они не начали бы обстреливать хорошо известной им дороги.

Пушечная пальба совершенно прекратилась к этому времени и началась взамен ее трескотня ружейных выстрелов в окопах. Время от времени, то прямо перед ними и довольно близко, то дальше, по обеим сторонам взлетали яркие ракеты и погасали секунд через двадцать.

– Ими освещаются время от времени неприятельские окопы, – сказал Морозову ближайший спутник, – чтобы убедиться, что из них не готовятся к атаке. А вот и наша офицерская землянка. У солдат такие же землянки, только пониже. А эта, где вы будете ночевать с нами, считается нашей гордостью.

Они вошли через деревянную дверь, вставленную в крутой склон железнодорожной насыпи, и, затворив ее за собой, очутились в низком подземном помещении, скрепленном досками и бревнами и слабо освещенном одинокой свечкой. Посредине его стоял простой деревенский стол, на котором была разложена географическая карта, и кругом нее сидели артиллерийский полковник и двое других офицеров.

Спутники Николая Александровича представили их друг другу. Оказалось, что новые знакомые когда-то читали кое-что из его книг.

Отложив свою карту в сторону, они начали сейчас же расспрашивать его о том, где находится теперь тот или другой писатель, кто что пишет и что он сам писал в последние месяцы или думает писать вскоре. Особенно тронуло его то обстоятельство, что и здесь, в землянке, вырытой в зоне неприятельского огня, перед самыми передовыми окопами пехоты, его встретили как старого знакомого и старались разместить покомфортнее, за счет собственных удобств.

После ужина все вышли на свежий воздух. Морозов показывал им созвездия неба, сверкавшие над их головами в эту темную безлунную ночь. А у подножия холма трещали из окопов выстрелы, и время от времени взлетали вверх ярко светящиеся немецкие ракеты.

– Как мирно на небе и как враждебно под ним, на земле, – заметил грустно один из офицеров.

– Сегодня будет особенно беспокойно, – сказал полковник. – Назначена охота за немцем.

– Что это такое? – спросил Морозов.

– Надо определить, не появилось ли здесь новых немецких частей. Для этого вызываются охотники, которые ловят нескольких немцев и тащат к нам. Понятно, что такая охота производит у них большую тревогу и сопровождается всегда сильной перестрелкой... Однако пойдемте лучше спать. Вы, верно, никогда еще не спали в мешках?

– Нет. А что это такое?

– Вот увидите.

Они снова вошли в землянку. Там на шести низеньких и узеньких походных кроватках, поставленных рядом, плотно друг к другу, лежали особые спальные приспособления, называемые мешками. Это были действительно мешки в человеческий рост из толстого сукна, заключенные в чехлах из непромокаемого брезента. В головной их части было что-то вроде башлыка из того же брезента, чтоб в случае холода закрыть им и голову.

Раздевшись настолько, чтобы в случае тревоги быстро вскочить и быть готовыми к выходу, они залезли, ногами вперед, в свои мешки по самым плечи и, потушив свечу, тотчас же заснули.

Проснувшись на рассвете, Морозов долго не хотел вставать и поднялся самым последним. В землянке, жарко натопленной вечером, стало теперь несколько прохладнее – топить ее днем нельзя, чтобы неприятель не открыл ее местонахождение по дыму.

– Пойдемте посмотрим на немцев, – предложил полковник, когда они напились чаю.

Они вышли на свежий воздух и поднялись к гребню железнодорожной насыпи. Там была вырыта неширокая ниша, глубиной в средний человеческий рост, в которой можно было ходить, не рискуя быть увиденным из окрестностей, а на конце ее была вставлена в узкий прорез в земле полевая подзорная труба.

– Вы видите, что тут приходится смотреть как в шелку, чтобы не показывать своей головы, а то живо прострелят, – сказал его спутник. – Совершенно так же делают и немцы напротив. Посмотрите сами.

Морозов приложил глаза к бинокулярной трубке и увидел, как будто в нескольких шагах перед собою, противоположный берег Бзуры с идущими недалеко за ним проволочными заграждениями немцев.

Они были такие же, как и наши. Три или четыре параллельных ряда невысоких кольев, как будто в питомнике для рассады небольших деревьев, тянулись по берегу в обе стороны и уходили в бесконечную даль. А между ними, идя от одного ряда столбиков к другому и возвращаясь назад несколькими диагональными зигзагами, была натянута колючая проволока, образовавшая тут как будто рыболовную сеть, брошенную сушиться на три ряда кольев. Всякий, желающий перебраться на противоположную ее сторону, должен был запутаться и повиснуть в этой колючей сети, как муха в паутине, и задержаться в ней надолго, прежде чем сумеет перерезать восемь рядов проволоки.

А там впереди, в нескольких десятках шагов, тянулись невысоким валом свежей земли передовые немецкие окопы, из узких отверстий которых, казалось, смотрели пулеметы и ружья, готовые в одну минуту перестрелять всех, кто замешкается в протянутой здесь паутине.

– Видите хоть одну немецкую голову в окопе? – спросил из-за спины Николая Александровича его спутник.

– Нет, ни одной.

– И не увидите, потому что всякая показавшаяся сейчас же получит пулю из окопа с нашего берега Бзуры.

Такой предстала перед Морозовым современная окопная война. В ней нет ничего похожего на те иллюстрации, которыми украшаются исторические книги. Пулеметы сделали то, что воюющие ушли в землю, и современное поле сражения представляет днем совершенно пустую равнину, где, кажется, нет ни единого человеческого существа, и только неизвестно откуда раздаются пушечная пальба и трескотня ружейных выстрелов. Все закопались в землю, как муравьи или кроты. Самые пушки замаскировываются земляными кровельками или поддельными кустарниками, так что заметить самое большое артиллерийское орудие можно, лишь очутившись прямо перед ним.

– Все значительные передвижения, подкреплений ли, или обоза с провиантом, – сказал Морозову один из его провожатых, – совершаются в области обстрела только по ночам, да и то по возможности без шума, а днем все люди спрятаны в окопах или в землянках.

Как раз кругом него, между линиями передних и задних запасных окопов, именно и находилось поле, на котором, как кучки земли от больших кротов, всюду виднелись солдатские землянки. Он влез в одну из них сквозь крошечную дверь. Она была настолько низка, что там можно было лишь сидеть и лежать трем или четверем человекам. Ее пол был прикрыт соломой. В глубине был сложен из нескольких кирпичей камелек, а около него, близ двух солдатских сумок, лежали короткие сучки дерева, назначенные для топлива вечером или ночью.

– Вы видите, что здесь, на этом по внешности пустом поле, целый подземный город, – сказал ему поручик.

– А у немцев землянки такие же?

– Да, но нам их не увидеть отсюда.

Вся местность была изрыта большими воронками от «черных дядей», как окрестили наши солдаты немецкие снаряды, выбрасывающие при падении и разрыве столбы черного дыма.

Они медленно пошли обратно к землянкам за холмами, но едва прошли немного, как с немецкого берега начался артиллерийский обстрел.

– Заметили немцы в окопах, как мы проходили, – сказал спутник Морозова, – и дали знать по телефону артиллерии. Теперь они будут палить без конца.

И тут же снова забухали немецкие пушки, и их снаряды полетели на развалины, покинутые Морозовым и его спутниками.

Вопрос о рождении и распространении слухов занимал Николая Александровича еще во время хождения в народ. На войне он снова столкнулся с этим вопросом, уже в другой форме.

Почему это так бывает? Почему по мере того, как приближаешься к фронту боевых действий, все более и более получаешь от окружающего населения тревожных известий, доносящихся, как там удачно выражаются, по «беспроволочному телеграфу», т.е. посредством народной молвы? Почему, когда слышится тихой ночью отдаленная канонада, каждый выстрел кажется именно неприятельским, а не своим?

Все это очень легко объяснить. Иначе и быть не может.

Напряженные нервы и естественное беспокойство за своих, а не то и за себя самого, делают свое дело и вызывают всегда односторонние представления о совершающемся кругом.

Это все равно как для матери, думающей о своем сыне. Каждый выстрел казался бы ей направленным именно в него.

В первые же три недели его пребывания на войне ему два раза приходилось быть свидетелем очень тревожных и оба раза ничем не оправдавшихся слухов.

Первый раз это было вызвано внезапным приказом – эвакуировать больных и раненых из всех госпиталей вблизи фронта на реке Равке, где он в тот день находился.

– Зачем эвакуируют? Ведь это значит, надо быть готовыми к быстрому отходу? – спрашивали друг друга врачи и сестры.

И вот, хотя эвакуация госпиталей может быть вызвана многими причинами, например, ожиданием большого сражения в этой местности, и одинаковой возможностью как наступления, так и отступления, – естественное беспокойство за своих направляло мысль большинства именно к ожиданию отступления... И как бы в подтверждение такого предположения, «беспроволочный телеграф» народной молвы принес немедленно и другое известие. Поздно вечером им сообщили, что у Болимова немцы перекинули по своим железным дорогам в наши окрестности не менее трех корпусов, а наши еще не успели сосредоточиться, и немцы прорвались сквозь наши передние окопы. Придется отступать.

И этим слухам как-то невольно верилось. Во всяком случае, они казались правдоподобными.

Вспоминалось, как в этот самый день они проехали около двадцати верст почти в виду наших окопов, и по всей дороге было как-то зловеще тихо – ни обозов, ни солдат, – как будто едешь где-то в мирной глубине России, а не в нескольких верстах от немецких армий.

Вспоминался привязной змейковый наблюдательный аэростат, вроде висящей в воздухе колбасы, который они видели верстах в двух в стороне от дороги. Он явно что-то высматривал у немцев, а немцы стреляли по нему издали разрывными снарядами, образовавшими перед ним и над ним на голубом небе ряд маленьких белых облачков. Он

спустился на землю под выстрелами, но, когда облачка рассеялись, снова поднялся и что-то наблюдал.

Все это вспоминалось и получало своеобразное значение, особенно для Морозова, которому нужно было в эту ночь возвращаться обратно в Жирардово, за двадцать верст, все время в нескольких верстах от линии немецких окопов.

– Как-то доедешь? – думалось ему. – Ночь темная, безлунная, возница плохо знает дорогу. Я же совсем не знаю, а компас и карту отдал товарищу, также как и электрический фонарик. Еще заедем по ошибке прямо к немцам или попадем на какой-нибудь из разъездов.

И вот пришлось ехать, все время всматриваясь в непроглядную темноту да в подвижные светлые полосы, поднимающиеся на небе и земле от немецких прожекторов на западе, и придумывая, как, в случае нужды, найти возможность быстро скрыться во мраке...

А вот и другой случай не оправдавшихся тревожных слухов, так характерных для района военных действий.

Однажды, едва он прибыл с фронта в Варшаву и явился на улицу Святого Креста в Земский союз, там встретили его неожиданным известием.

– А знаете, что Прасныш, где вы недавно были с нашим отрядом, уже снова занят немцами?

– Откуда вы это знаете? Из газет?

– Нет, по беспроволочному телеграфу.

– Но этот телеграф недавно напрасно смутил совсем другую местность, у Шаманова, и я ехал там с большой опаской.

– Нет, у Шаманова ничего особенного, а у Прасныша, говорят, совсем плохо.

– Там был один из передовых отрядов Земского союза и несколько человек друзей. Что-то с ними? – думалось Морозову. – Как бы побывать?

Казалось, что это желание было малоисполнимо. До Прасныша более семидесяти верст и никакой железной дороги. Но в районе военных действий разные события сменяют друг друга так быстро и неожиданно, что многое невозможное делается легко исполнимым.

Не прошло и получаса, как в его комнату вошел художник Суганов.

– Купчинский и я едем к Праснышу. Хотите с нами? На автомобиле есть свободное место.

– Когда же вы отправляетесь?

– Сейчас. Автомобиль у ваших ворот.

Морозов обещал в этот день обедать с некоторыми друзьями у доктора Богущкого, но предложение было настолько заманчиво, что он решил обмануть друзей обедом и, накинув непромокаемую шинель, отправился в путь.

Они обедали на полпути до Прасныша, в Пултуске, и тут получили подтверждение варшавских слухов:

– Прасныш снова взят немцами, и даже бургомистр его находится здесь...

Вскоре пришел и он сам, худощавый, высокий поляк, и, узнав, что они едут в этом направлении, просил взять и его, чтобы посмотреть, если город еще свободен, на состояние его жилища.

– Мы, гражданские жители, боимся, – сказал он, как только они отправились в путь, – лишь обстрела города, а не тех, кто его уже занял.

– А как себя держали у вас немецкие офицеры?

– Прасныш немцы занимали шесть раз. В первый раз они держали себя гордо и повелительно, а в последние разы очень скромно. В глубине души они потеряли надежду на победу. В этом и признавались мне некоторые.

– А офицерский состав у них сильно переменялся?

– Да, значительная часть прежних профессиональных офицеров перебита, и их заменили те, что соответствуют нашим прапорщикам запаса, т. е. люди свободных профессий, взятые в войско только на время войны.

Вдали показался, наконец, и Прасныш, но никаких следов его взятия немцами не обнаружилось по дороге, кроме эвакуированного из него госпиталя, находившегося верстах в шести к югу. Совершенно напротив: к Праснышу тянулся большой обоз с артиллерийскими снарядами, а от него, навстречу им, ехали повозки с красным крестом, везшие раненых.

От Прасныша неслась сильная и очень частая артиллерийская пальба.

– Где идет бой? – спросили они санитар, провожавшего повозки с ранеными.

– К северу от Прасныша.

– А сам Прасныш не занят немцами?

– Нет, там – наши.

– Вот и верь беспроводному телеграфу, – сказал Суганов.

– Но и город и шоссе, по которому вам придется ехать, уже давно сильно обстреливаются артиллерией! – крикнул им вдогонку обернувшийся санитар.

– Ехать ли? Может быть, вы не хотите рисковать? – обратился к Морозову Купчинский.

– Бояться всего – лучше и не жить. Поедем.

Они въехали в Прасныш, который еще сильно обстреливался. Но что значит – «сильно обстреливаться»?

До тех пор, пока Морозов не увидел обстрелов своими глазами, ему казалось, что тут, как говорилось в описаниях, «сам ад разверзает свою пасть, снаряды градом сыплются кругом, и рев орудий и оглушительный треск разрывающихся гранат и шрапнелей не дает никакой возможности говорить друг с другом».

На деле же этого никогда не бывает, и впечатление от артиллерийского обстрела много жиже его сконцентрированных описаний.

Здесь Морозов понял, что описание военных действий, как и все глубоко трагическое, не нуждается в гиперболох. Не надо ничего преувеличивать и особенно не надо ничего искажать.

В промежутках между санитарными поездками Морозову случилось поработать и в химической лаборатории Общеземского союза, в которой производились бактериологические исследования подозрительных по холере, тифу и т. д. заболеваний и вырабатывались химические способы оздоровления окрестностей, как ближайших, так и более отдаленных, посредством хлорирования вод или другими способами. Лаборатория располагалась на окраине мануфактурного поселка Жирардово, в хорошеньком, но очень опасном для живущих в нем белом домике с палисадником впереди и балкончиком, с которого открывался вид на широкую равнину за рельсами проходящей перед ним железной дороги, почти всегда сплошь уставленной товарными вагонами.

Опасен этот домик был не потому, что в нем помещалась химическая лаборатория, а совсем по другим причинам.

Длинная цепь товарных поездов против него привлекала к месту, где он стоит, специальное внимание германских летчиков, видящих здесь скопление военных запасов.

Почти каждый день, как только рассеявшиеся облака давали им возможность летать вне достижимости ружейных пуль, они непременно бросали сюда по несколько своих бомб. Первые три бомбы летели с высоты между десятью и двенадцатью часами утра, а последние три – между тремя и пятью часами дня. Они никогда еще не попадали, до приезда Морозова, ни в товарные поезда, ни в людей напротив беленького домика, ни в самый домик. Они падали обыкновенно на поле напротив и в садах, окружающих жилище, и с треском взрывались, вырывая в почве яму шириной аршин, глубиной в пол-аршина, и не причиняли при этом никому существенного увечья.

И, однако же... бомбы всегда бомбы, а не детские игрушки, и если несколько десятков из них не попали в цель, то можно ли заключить из этого, что также не попадет ни одна и из предстоящих в ближайшие дни?

– Хотите посмотреть на выбоину от одной из вчерашних бомб? – предложила Морозову Житкова, химик Земского союза. – Она недалеко отсюда.

Он, конечно, тотчас же согласился и, перестав смотреть в микроскоп на окрашенных для ясности в розовый цвет холерных запятых, накинул свое пальто, чтобы идти за нею.

– Только время-то не безопасное, – сказала она, взглядывая при выходе на небо. – Как раз теперь немцы бросают сюда бомбы с аэропланов.

И словно в ответ на ее слова, впереди них раздался взрыв, как будто от ружейного выстрела, и столб синеватого дыма поднялся от земли на поле в нескольких десятках шагов от них.

Раздались еще два взрыва, один направо подальше, другой – почти налево, по ту сторону вагонов, тянувшихся сплошной цепью на рельсах перед ними.

Они побежали сначала к месту ближайшего взрыва, но там, кроме обычной шарообразной выбоины в почве, ничего не было. Они побежали к бомбе, взорвавшейся направо. Там стояла уже кучка народу, рассматривавшая кровавый сгусток на земле величиной с кулак.

– Что это?

– Кусок мозга. Мальчику раздробило голову, – ответил со злобой в голосе один из присутствующих и потряс кулаком вслед «альбатросу», еще летавшему над их головами.

– А что же от третьей бомбы? – с беспокойством спросил Николай Александрович.

Бомба эта разорвалась по ту сторону длинной цепи товарных вагонов, конца которой не было видно в обе стороны. Они проползли между колесами одного из них и очутились на поле, сплошь занятом солдатским обозом. Здесь были и повозки, и лошади, и люди. Поблизости дымилась походная печка, но около нее никого не было. Повара ушли к большому скоплению солдат, собравшемуся несколько вдали.

Они тоже побежали туда.

Пробравшись сквозь толпу, увидели труп лошади с вытянутыми ногами и закинутой назад шеей. Она лежала на боку, переломив оглоблю своей повозки, на передке которой лежал и ее возница, мертвый и неподвижный, с окровавленной, разбитой головой. Вдали, в разных местах лежали, кто ничком, кто боком, кто вверх лицом, еще шесть человек, относительно которых нельзя было сказать, убиты они или лежат без сознания. Нога одного была перебита на две отдельные части, и из середины их торчали концы белой кости. А «альбатрос» все еще парил сверху, описывая над ними круги.

– Где же наши летчики? Отчего не преследуют его? Отчего не стреляют? – возмущался кто-то в толпе.

Но его возмущение было запоздалым. Высоко над крышей недалекого завода показался русский фарман и медленно брал высоту, а откуда-то раздавались прерывистые выстрелы пулемета. «Альбатрос» повернул к западу и скоро пропал из вида. Солдаты положили в свободные телеги четырех убитых и троих тяжелораненых и медленно повезли их в госпиталь.

С горьким чувством в груди пролезли они обратно под вагоном. Сердце сжималось от сознания невозможности чем-нибудь помочь.

– А вот вы только что говорили, – сказала его спутница, – что бросание бомб с аэроплана просто хулиганство, что аэропланы годны только для разведки в тылу неприятеля и для сношения отрезанных друг от друга войсковых частей! Видите, что тут они наделали?!

Ему было так тяжело, что не хотелось отвечать. Однако же то, что они видели, разве не было действительно простое хулиганство, способное только увеличивать ожесточение враждующих сторон, но не способное повлиять на окончательный исход войны? Ведь разве в убийстве одного мальчика и нескольких солдат заключалась задача ежедневной воздушной бомбардировки этого места? Ее целью, очевидно, было повреждение железнодорожного полотна в Жирандове как в конечном пункте, до которого доходили русские поезда, чтобы сделать невозможным их маневрирование, а с ним и обратный увод в Варшаву. Тогда конец дороги, действительно, засорился бы вагонами, и правильность движения поездов, а с нею и быстрота подвозки материалов и людей сделались бы невозможными. Но разве можно этого достигнуть посредством бомб, хотя и способных, падая в густую толпу, убить десяток или более людей, но неспособных выломить на полотне железной дороги более пары рельс, заменить которые новыми является делом получасовой работы?

Русский фарман, погнавшийся было за немецким «альбатросом», повернул обратно, когда тот стал скрываться на западе, и, сделав два-три круга, спустился обратно на свой аэродром.

– У меня там есть знакомые, – сказал Морозов своей спутнице. – Хотите, побываем и расскажем им о случившемся?

– Очень хочу! – последовал ответ, и они отправились к ангарам. Там уже кипела работа. Известие о кровавом результате последнего немецкого прилета было там уже получено, и один из опытейших военных летчиков готовился к погоне.

– Сейчас лечу в их лагерь у Болимова, – сказал он Морозову. – Они увидят, что наши русские бомбы во много раз сильнее их!

На земле лежали три такие бомбы, и, странная вещь, их форма напомнила человеческие слезинки. И воображение рисовало, как эти стальные слезы упадут с поднебесной высоты в середину чужого лагеря и в ответ на их падение брызнут другие, уже не стальные, а человеческие слезы, где-нибудь далеко от полей сражения, в глубине Германии, так неосторожно позволившей своим правителям вовлечь себя в эту войну...

– Вам все равно не дожидаться его возвращения, – сказал Николаю Александровичу начальник этого авиационного отряда. – Садитесь-ка лучше в наш автомобиль, и он отвезет вас снова в ваш «опасный домик».

Он оправдал свое название в тот же вечер. Около него упали с неба еще три бомбы, не причинив, впрочем, на этот раз никому вреда.

Вслед за тем он должен был спешно уехать в Шиманово, где его новые товарищи собирались хлорировать воду, чтобы очистить ее от холерных вибрионов.

Чем окончилась месть пилота за брошенные бомбы? Цел ли еще «опасный домик»? Узнать этого ему не удалось.

По причине жестокого бронхита, полученного на передовых позициях, Морозову пришлось вернуться в Петербург, а весной он уехал в свое имение на Волге.

Он вновь в местах, где родился и вырос и куда возвращался каждое лето после городской, спешной и лихорадочной жизни. Весенний ветер шумел зелеными вершинами берез, белые перистые облака высоко проносились над ним. И не верилось среди этой весенней мелодии, повсюду звучащей внутри широкой России, что где-то далеко, на ее окраинах, идет кровавый пир торжествующей смерти.

Газету в имение не приносили, и он шел за ней на почту, в село, по тропинке среди зеленеющих берез, а в уме звучали строки стихотворения Некрасова:

Я наслушался шума иного,
Оглушенный, подавленный им,
Мать природа, иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим:
Заглуши эту музыку злобы,
Чтоб душа ощутила покой,
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой!..

Но далекие звуки смерти не заглушались шепотом листвы и бегущими над вершинами деревьев многочисленными перистыми облаками. Их снежно-белые узкие ответвления напоминали ему теперь выветрившиеся скелеты убитых полчищ, несущиеся в свои родные края. Он понимал, что никакими усилиями уже нельзя прекратить начавшейся войны раньше, чем она дойдет до своего естественного конца и вспыхнувший огонь пожрет весь накопившийся горючий материал.

На почте ему выдали газеты, и первое, что он там увидел, было название Жирардова, так памятное ему по личным впечатлениям на войне. Корреспондент писал:

«Захожу в лазарет в Жирардове. – Раненые есть? – спрашиваю. – Раненые? Нет! У нас лежат теперь только отравленные... Есть легкоотравленные и тяжелоотравленные... Говорил со многими... Озлобление у всех страшное... – Мы люди, солдаты, так и воюй с нами как с людьми, а не как с тараканами».

Еще далее в газете упоминалось и о Вискитках, деревне между Жирардовом и Сохачевом, около которой он ночевал два месяца назад в землянке среди окопов:

«Удушливые газы двигались на наши позиции не сплошной стеной, а струями, неся с собою смерть всему живому. За Вискитками я видел поле ржи. Зеленые колосья почернели, стебли завяли и склонились к земле. Поле словно вытоптано или выжжено... Я видел роццу в роскошном наряде сочной зелени. Но струя газа задела

край этой рощи, и деревья стоят здесь с осыпавшимися листьями, оголенные, точно в глухую осень. Вот белая акация. Половина ее еще цветет и благоухает, а другая половина словно отмерла: угрюмо и безобразно топорчатся голые черные ветки. Под деревом на земле валяются какие-то черные комья. Подхожу ближе – трупы ворон. Воронье, усеявшее вершину захваченного ядовитым газом дерева, сразу очумело и свалилось на землю замертво. В полях и на дорогах валяются трупы задохшихся людей, лошадей, бездомных собак... Луга почернели, цветы свернулись и завяли. Там, где прошла струя ядовитого газа, земля превратилась в пустыню...»

Как противоположно было это всему, что звучало кругом него в пробуждающейся весенней природе!

Под первым чувством отчаянья перед этим новым способом коллективного истребления человечества Николай Александрович пошел к одному знакомому, возвратившемуся в деревню на каникулы. Сосед уже несколько дней назад знал обо всем и более спокойно отнесся к предмету.

– Чего же другого могли вы ожидать?— ответил он. – Разве это не неизбежный результат общей эволюции военного искусства? Все возмущаются здесь, да я уверен, и везде, применением новых средств, но разве они не есть простое продолжение всех предыдущих изобретений этой отрасли человеческой деятельности? Разве средневековые рыцари, сражавшиеся мечами, копьями и стрелами, не были до глубины души возмущены, когда какой-то монах Шварц придумал порох, а германский или франкский король, которому он его предложил, начал громить их феодальные замки невиданными и неслыханными до тех пор огнедышащими орудиями? Разве не говорили их обитатели, что после этого становится бесполезной всякая личная рыцарская доблесть? Для чего более быть сильным, для чего быть храбрым, когда невидимое ядро или пуля из мушкета одинаково уничтожит и храброго и труса, и сильного и слабого?.. Разве при всяком новом изобретении в том же роде не были возмущены все те, против которых оно впервые применялось, а потом не употребляли его и сами? Так и эти ядовитые газы – одни из которых представляют, несомненно, чистый хлор, другие фосген, а третьи мышьяковистые соединения, как наиболее дешевые из всех известных химикам удушливых и ядовитых летучих веществ, – войдут в будущем во всеобщий обиход, если только народы не одумаются и не согласятся разрешать все свои недоразумения помимо употребления орудия...

– Ну как вы можете, как вам не стыдно рассуждать так спокойно, когда вся душа переворачивается от ужаса, – с негодованием прервала его одна пожилая, тоже заезжая в это село дама. – Мне нет дела до ваших эволюций, когда тысячи людей умирают в страшных мученьях,

или остаются всю жизнь с испорченными легкими, проклиная свое существование! Я буду так же возмущаться, как возмущались и средневековые рыцари, когда этот проклятый – немецкий же – монах выдумал свой порох... Надо же положить предел этой адской изобретательности!

– Вы его положите только тогда, когда положите предел самим войнам!..

Однако в такой момент всеобщего негодования никто не был способен слушать философские рассуждения, и даже неожиданное вмешательство вошедшей кухарки, испугавшейся, как бы ядовитые газы войны не долетели до нас и не испортили всего урожая, не развеселило публику.

Возмущенье всех присутствовавших, росшее по мере того, как шел спор, достигло, наконец, такой степени, что всякое серьезное обсуждение предмета стало невозможным из-за разгоревшихся страстей.

Домой он возвращался опушкой леса, вдыхая в себя аромат распустившихся цветов, а в ушах еще звенело от страстных выкриков и гневных выпадов против немцев, где справедливое перемешивалось с несправедливым, и спорщики требовали их полного изгнания из Европы.

Ему стал понятен и тот психический процесс в народных массах, который делает их по временам способными на необузданные выступления. И, как неизбежная реакция против него, стал понятен и инстинктивный порыв, который заставил одну знакомую ему девушку-курситку, выросшую в России и почти забывшую о своем немецком происхождении, вдруг объявить себя немкою.

– Но ведь в начале войны вы же сами считали себя не немкой, а русской? – говорили ей подруги.

– Прежде было другое. Тогда и вы не отличали русских немцев от себя.

Да, думалось ему дорогою, кухарка была права! Ядовитые газы войны донеслись и в глубину России, и отравили души миллионов ее обывателей... И сколько десятков лет пройдет прежде, чем исчезнут последние следы этой отравы!..

В Борке Николаю Александровичу пришлось вернуться к отложенному до лучших времен косметическому ремонту дома. И вот он едет вдоль Волги ясным июльским днем на Копринскую пристань за цементом и известью, вспоминая слова какого-то японского ученого: *«Сколько бы ни было людей на берегу, каждому из них будет казаться очевидным, что только ему одному солнце посылает эти блестящие, что он один избран среди всех остальных... И однако же это глубокая психологическая ошибка»*. Он мысленно соглашается с тем, что это глубокая ошибка, и притом ошибка первичная, самая древняя и самая большая из всех других ошибок. Все остальные покоятся на ней, как на фундаменте, и рушатся сами собой, как только объектив-

ная наука убеждает нас и делает очевидным для нашего сердца, что мы все равноценны в общей жизни мироздания.

Оторвавшись от этих размышлений, он замечает бегущих за ним толпой босых деревенских мальчиков.

Они играют «в войну». У всех закинута на плечи ружья из палок, и один из них, одетый чище, чем остальные, и не босой, а в сапогах – их офицер, – вооружен саблей из кривого прута.

– Вперед! ура! отбивай их пулемет! – кричит он, махая своей саблей, и вся маленькая орда храбро бросается на песчаный холм и, схватив там какой-то валяющийся пень, с воинственными криками тащит его вниз. «Неприятель» выбит из окопов, пулемет отнят, и запыхавшиеся воины возвращаются обратно на дорогу, героями, увенчанными лаврами.

Потерь никаких, никто не хочет играть роль убитого или раненого, а тем более пустившегося в бегство.

Они решили включить в игру и Морозова с его телегой.

– Куда едешь?

– За покупками на пристань!

– Довези до воротца, мы тебе их отворим!

– Садитесь!

Они весело уселись на телеге, едва удерживаясь от паденья при толчках и прыжках неуклюжего экипажа на разбитой дороге.

– Берегись! – крикнули они проходящей девушке. – Артиллерия едет! Сейчас ударим шрапнелью!

Но вот и ворота полевой изгороди. Они были мигом отворены мальчиками, забежавшими вперед и изобразившими заставу, экипаж был пропущен по паролю на береговые пески, и все маленькое войско побежало назад брать новые пулеметы.

Вот он и получил наглядный ответ на жгучий вопрос: почему войны вообще возможны на современном земном шаре?

Прежде всего остального потому, что его обитатели в общей массе относятся к ним еще так же, как эти дети. И происходит это потому, что нет пока в душе современного среднего человека прирожденной любви к своему ближнему.

А ее нет потому, что каждый человек и каждый народ думает еще, будто яркая полоса солнечных лучей тянется только к нему одному, минуя всех остальных. Что же надо сделать, чтоб навсегда прекратилось такое душевное состояние?

Многое, но прежде всего надо дать каждому народу правильные представления об остальных народах, чтоб всякий человек видел в них таких же детей человеческого рода, выработанных его исторической эволюцией и необходимых для правильного развития человечества во всем его объеме.

Каждый народ и каждый язык в этом эволюционном процессе, очевидно, играет какую-то необходимую, хотя и не вполне выясненную для нас роль.

А правильное представление обо всех народах может возникнуть только в связи со всесторонним знанием окружающего мира и с уничтожением тех причин, которые вызывают у людей представление о других народах как о своих врагах или соперниках...

Тогда и игры «в войну», которые происходят теперь не только на берегу Волги, но и на берегах Эльбы, Рейна, Дуная и чуть не во всех европейских и азиатских деревнях, потеряют для воображения детей, а затем и подросшей из них молодежи, всю свою привлекательность, особенно если с самого раннего детства ни немцы, ни австрийцы и ни какие другие нации не будут питать, как теперь, пробуждающегося сознания ребенка сказками о легендарных богатырях, секущих своими огромными мечами человеческие головы направо и налево.

А это ведь вполне возможно! Уже и теперь на смену старинным, воинственным, появляются у всех народов новые детские сказки, наполняющие пробуждающееся сознание более мягкими образами и приучающие новые поколения видеть истинный героизм не в борьбе человека с человеком, а в общей борьбе всех людей с враждебными им силами стихийной природы, постоянно проявляющимися то здесь, то там.

Да, слишком много героизма и самоотверженных жертв потребуются нам и помимо войн для завоевания новых знаний, новых истин, новых путей в земной жизни...

Затраты «спонсоров» поездки он отработал сполна, опубликовав в периодических изданиях серию очерков о войне. В 1916 году эти очерки вышли в виде сборника «На войне». В этом же сборнике он поместил философскую работу «Война как один из факторов психологической и общественной эволюции человечества» с пояснением в скобках: «Мысли в старом деревенском доме под шум дождя за окном. Опыт естественнонаучного объяснения войн»¹.

Глава VII

ПРОПАГАНДИСТ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Однажды Ксения Алексеевна гуляла в окрестностях Борка. Незаметно она вышла на околицу соседнего села Григорово, где два мужика-плотника с реки Сити (места, поставляющего плотников на всю Ярославскую губернию), «ситскоря», рубили новый дом. Весело постукивая топорами, они вели между собой беседу, и Ксения Алексеевна невольно стала ее свидетелем.

— Слышь, Дмитрий, а правду говорят, что из тюрьмы вернулся местный барин? За что он сидел, не знаешь?

— Знаю. Отец его — что земли имел, и луга, и леса, и пашни. Скаковую конюшню держал. Народу-то сколько вокруг него кормилось! А царь Александр — возьми да и освободи крепостных! Ведь это для него явный разор, обидно каждому свое терять. А тут сын за отца вступился и на царя пошел. Его за это на веки вечные в крепость. Что слез-то мать пролила! Вот как оно было.

Ксения Алексеевна стояла бледная, не смея двинуться дальше. Потом, как бы опомнившись, круто повернула и побежала к дому. Ее душили слезы. Первым встретил ее Николай Александрович:

— В чем дело, Звездочка?

— Ах, Никусь, я сейчас такое услышала... — и она, глотая слезы, пересказала ему разговор плотников. Николай Александрович обнял ее и улыбнулся:

— Ну что ты, не надо. Это все от культурной отсталости и заботности крестьян. Поэтому они и дают для объяснения поступков столь грубые, материалистические мотивы...

В сущности, все было так же, как тридцать лет назад, когда утопические замыслы пылких юношей разбивались об элементарную неграмотность. И так же, как тогда, невежество процветало на всех уровнях, принимая самые причудливые формы...

В 1910 году воображение российского обывателя было взбудоражено предстоящей встречей со знаменитой кометой Галлея. По вычислениям астрономов Коулля и Кроммелина, 6 мая 1910 года по петербургскому времени космическая гостья должна была максимально приблизиться к Земле. Согласно древним преданиям, любая комета — вестница несчастий и войн, а тут еще подойдет так близко, да вдобавок ко всему, по вычислениям ученых, Земля попадет в ее хвост! Ох, что будет? На всякий случай «Русские ведомости» от 3 апреля 1910 года поместили образец заклęcia, распространяемого в Самаре местным духовенством:

«Заклятие против встречи с Галлеей!

Галлея свирепая, змеища лютищная, хвостища поганая! Обмакни свой хвост в реку огненную, да почернеет он, да опалится, да изжарится, да попадет на завтрак своему родителю Люциферу! Не Галлея ты, а анафема, анафема! Сто крат, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот шестьдесят шесть иже в Апокалипсисе написано, будь ты проклята навсегда, запечатана навеки! Ключ, замок, аминь десять раз!»

В условиях приближающегося неминуемого «конца света» ни один прогрессивный ученый не мог остаться в стороне. Надо было развеять этот угар средневековья и дать правильное научное толкование явления. В это время было много выступлений в печати, разоблачающих грядущие катаклизмы, выпускались популярные брошюры. В дружном хоре прогрессивных ученых был и голос Морозова. Ему принадлежала целая серия статей по данному вопросу.

Свидание с кометой пополнило не только астрономические наблюдения Николая Александровича. Он хорошо запомнил всю фантаسمатику, что творилась в стране в начале двадцатого века, перед приближением космического феномена. Это ему пригодилось позже, когда он начал работать над своим энциклопедическим трудом – «Историей человеческой культуры в естественнонаучном освещении»...

Как и в годы далекой юности, Морозов считал своим гражданским долгом просвещение народа. Он все так же искренне верил во всемогущество своего кумира – естественных наук – и нес эту веру людям в публичных выступлениях. Любимый его девиз был: «За свет и свободу». Он очень много сделал для популяризации науки. Был редактором издания «Итоги науки», прекрасно чувствовал тенденции развития той или иной отрасли знания. Он объездил большие и малые города России, где при большом стечении народа читал лекции, популяризируя научное знание. Русские университеты, просветительские общества, различные кружки звали его к себе, привлеченные интересной тематикой его сообщений. Это были лекции о строении вещества, о значении периодической системы Д.И. Менделеева, о возникновении и развитии химии, об истории создания «Апокалипсиса» (правда, эту лекцию по представлению святейшего синода вскоре запретили) и о научном значении воздухоплавания.

Вот так, например, выглядела лекция по истории химии:

«В ПОИСКАХ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ.

ПОПУЛЯРНЫЕ КАРТИНКИ ИЗ НАУЧНЫХ ИСКАНИЙ СТАРОГО И НОВОГО ВРЕМЕНИ.

Часть 1. Красный камень алхимиков и их жизненный эликсир. История Роджера Бэкона и его трагическая судьба. Алхимия в конце средних веков.

Часть 2. Действительная возможность превращения металлов. Их эволюция из первоначальных веществ. Радий и его удивительные свойства как новая сила, обещающая нам осуществить мечты алхимиков. Со многими туманными картинами и физическими опытами».

А вот другая лекция:

«В ВЫСОТУ.

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ И АВИАЦИИ СО МНОГИМИ ТУМАННЫМИ КАРТИНАМИ И ЛИЧНЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ ЛЕКТОРА ПРИ ЕГО ПОЛЕТАХ.

Часть 1. Возникновение воздухоплавания на заре 19 века. Аэростаты и дирижабли. Их достоинства и недостатки. Катастрофы при полетах на воздушных кораблях. Личные впечатления лектора при его полетах 31 октября 1910 года на аэростате «Треугольник» за облаками и приключения после спуска ночью в дремучих болотных лесах около Луги.

Часть 2. Возникновение авиации на заре XX века. Устройства и главные типы аэропланов, демонстрирующиеся на летающих моделях. Причины частых крушений аэропланов. Летающие Люди. Авиационные состязания. Личные впечатления автора во время его первого полета на аэроплане 15 сентября 1910 г. с Л.М. Мадиевичем. Будущее воздухоплавания и авиации....»

В 20-х числах августа 1915 года наконец состоялась трехмесячная поездка в Сибирь, о которой Николай Александрович мечтал еще до войны. Он отправился туда вместе с женой. Ксения Алексеевна принимала участие в поездке в качестве пианистки, выступая с сольными концертами. Договор с антрепренером Меклером был составлен на условиях, что 60% с чистой прибыли будет идти Морозовым.

Выехали из Петербурга в двадцатых числах августа, сибирским экспрессом. Первым пунктом их остановки был Иркутск – центр ссылки и всяческих просветительных учреждений Сибири. Согласно программе, в городе предполагался концерт и две лекции – «В поисках философского камня» и «В высоту». Для выступления им предоставили самый большой в городе зал – Камергерское собрание. Сначала устроили концерт. В перерывах между исполнением музыкальных произведений Николай Александрович читал свои стихи и давал пояснения к исполняемым произведениям. В одном из подаренных букетов супруги обнаружили записку: *«Дорогая Ксения Алексеевна, иркутская ссылка приветствует Вас в день Вашего концерта!»*

Потом Чита, Верхне-Удинск, Хабаровск... В Хабаровске петербургских гостей пригласили на строительство моста через Амур. Одним из строителей оказался друг Морозова, мологжанин, инженер Мещанинов.

Следующим пунктом был Харбин. Здесь было принято покупать билеты прямо перед началом мероприятия. И, так как за час до начала

все билеты находились в кассе, Морозовы думали, что никто не придет на их выступление. Однако зал оказался полон, да многим еще и не досталось билетов...

Далее следовал Никольск-Уссурийский. И наконец, Владивосток.

Здесь они посетили петербургского знакомого Николая Александровича, пулковского астронома М.М. Каменского, который теперь заведовал военно-морской метеорологической и астрономической базой. Он подарил супругам японского божка из кипарисового дерева – веселого шарообразного пузанчика, но предупредил, что это злой божок, и рассказал, как поместил его в ящик с точным хронометром, а через несколько

дней хронометр свалился со стойки и разбился.

– Божка нельзя уничтожить, так как он будет мстить. Поэтому я предупреждаю Вас о его свойствах, – закончил Каменский.

Морозов весело посмеялся и с благодарностью принял подарок.

Было ли это случайно, или божок действительно обладал какой-то злой силой, но там, куда его помещали, случались ка-

*Н.А. Морозов среди участников
Государственного совещания в Москве*

кие-то происшествия. И чтобы не причинять больше никому неприятностей, Морозовы отправили его в плавание по Екатерининскому каналу в Кронштадт, снабдив запиской о его вредных свойствах...

Из Владивостока поехали назад. В середине октября добрались до Красноярска, а через несколько дней прибыли в Томск – столицу западной Сибири, центр ее интеллектуальной жизни. В Томске был даже народный университет, возникший на средства братьев Макушиных. Здесь жил знаменитый исследователь Центральной Азии и Сибири Григорий Николаевич Потанин – бледный маленький старичок с большой головой и развевающимися во все стороны волосами, которого называли «сибирской иконой».

Провожая Николая Александровича, томиичи преподнесли ему в дар картину известного алтайского художника Гуркина «Озеро горных духов» и рассказали ему, что к ней заказана специальная резная рама, отображающая алтайскую флору. Чтобы не забирать картину отдельно от рамы, супруги решили оставить ее пока на квартире профессора Технологического института Б.В. Гутовского, у которого они остановились.

Пока изготовляли резную раму к картине, произошла революция, потом началась гражданская война, потом шли годы разрухи. Все это время было не до картины. Только в 1926 году связь Н.В. Гутковского с Н.А. Морозовым восстановилась. Сам Николай Васильевич Гутковский был не только крупный ученый, но и прекрасный художник. Перед тем как отправить картину Морозову, он написал для себя очень хорошую ее копию и берег ее всю жизнь, не только как память о встрече с Морозовым, но и потому, что эта картина была связана с интересной легендой. (Подлинник картины находится среди собрания картин Н.А. Морозова, подаренных санаторию «Узкое».)

Легенда говорила о том, что на этом прекрасном озере, расположенном в горах Алтая, обитают злые духи, карающие смертью каждого, кто пытался хотя бы взглянуть на это чудо природы. Особенно прекрасно и таинственно бывает озеро в яркие солнечные дни, когда над ним поднимаются слепящие столбы и фантастические видения. Но в эти солнечные дни злые горные духи наиболее жестоко расправляются с незваными посетителями. Многие смельчаки погибали, став жертвой горных духов, неустанно несущих стражу у чудесного озера.

Один из студентов Томского технологического института, будущий геолог Виктор Александрович Пышкин, познакомившись с картиной «Озеро горных духов», высказал предположение, что, вероятно, в районе этого озера находятся большие залежи ртути, которые испаряются, а в яркие солнечные дни дают необыкновенно яркое свечение. В дальнейшем, уже будучи геологом, Виктор Александрович исследовал район озера и подтвердил свое предположение. Министерство геологии РСФСР приказом от 9 сентября 1970 года признало его первооткрывателем ртути на Алтае.

В Томске Николай Александрович встретился с вдовой друга своей революционной юности поэта С.С. Синегуба, с которым они вместе находились в Петербургском доме предварительного заключения, – Ларисой Васильевной Синегуб.

Дальше шли Новониколаевск (Новосибирск), Омск, Екатеринбург, Пермь...

Подъезжая к Перми, супруги случайно встретились в поезде с Бальмонтом. В городе поэт пришел на их выступление, чтобы приветствовать своего «звездного брата». В конце лекции, проходившей в зале самого большого пермского кинотеатра, он подошел к Морозову. «Свет поэзии» держал в руках красную розу на длинной ножке, которую с поклоном преподнес Николаю Александровичу.

Завершали путешествие Вологда, Архангельск и, наконец, Петербург. В столице неожиданно произошла осечка. На афише значилось: «Шлиссельбуржец Николай Морозов...». Меклер хотел таким образом привлечь как можно больше народу, так как получал за устройство

вечеров 40% чистой прибыли. Однако времена сильно изменились: устроителя посадили на три месяца, а вечер запретил градоначальник князь Оболенский...

Просветительская деятельность Морозова оказала немалое влияние и на последующие поколения ученых. Вот как вспоминал об этом влиянии Сергей Иванович Вавилов, впоследствии – сам активный пропагандист научного знания:

«На 15-м году я уже читал «Основы химии» Менделеева, конечно, через пень-колоду, но читал. В 1905 году, когда появился Н.А. Морозов, увлекался его химическими фантазиями. Ходил в Политехнический музей на заседания Общества любителей естествознания, на котором делал доклад Н.А. Морозов...

...Помню заседание Общества с докладом Н.А. Морозова (вскоре после того, как его выпустили из Шлиссельбурга). Увлек он меня тогда чрезвычайно. Помню смерть Менделеева. Перед этим читал его «Попытку понимания мирового эфира», фантазию, вроде Морозовских».

И еще:

«Н.А. Морозов соединил в себе беззаветное общественное, революционное служение родному народу с совершенно поразительным увлечением научной работой. Этот научный энтузиазм, совершенно бескорыстная, страстная любовь к научному исследованию должны остаться примером и образцом для каждого ученого, молодого или старого».

Глава VIII

ПОЛЕТ В ШЛИССЕЛЬБУРГ НАД МЕСТАМИ БЫВШЕГО ЗАТОЧЕНИЯ

Над стенами Шлиссельбурга,
Где когда-то выла пурга
И гудел за валом вал,
Бывший узник пролетал.

Николай Морозов

После Февральской революции, летом 1917 года, сбылась одна из фантазий шлиссельбургского мечтателя.

Почти всякий раз, когда Николай Александрович вспоминал о своих уединённых прогулках в крошечном загончике между стеной его шлиссельбургской темницы и высоким бастионом, ему рисовалась одна и та же картина.

Вот сверху клочок голубого неба, единственный предмет бесконечного внешнего мира, который еще не оставил его на всю его жизнь. Вверху над ним пролетают облака, а под облаками реют бесчисленные стрижи и ласточки.

Тогда он думал о том, какая дивная картина представляется им там, в высоте: они видят и поля, и леса, перед ними бесконечный простор шумящего за бастионом озера. И узник представлял себе, что мчится вместе с ними в высоте, и ему страстно хотелось узнать, каким видится оттуда его тихий, глухой уголок.

Перед полетом

И вот эти грезы сбылись наяву. Вместе с пилотом Грузиновым на двухместном гидросамолете бывший узник отправился в полет над местами своего прошлого заточения.

Они вылетели с аэродрома на взморье и, промчавшись в летучей лодочке сотню сажен по почти гладкой поверхности воды, стали плавно подниматься над нею.

Было около восьми часов вечера, и красноватое после жаркого июльского дня солнце находилось уже невысоко над мглистым горизонтом. Учебных занятий на аэродроме в этот вечер не было. Погода была неподходящая. Восходящие токи нагретого у земной поверхности воздуха и спускающиеся взамен их с высоты образуют в это время как бы невидимые холмы и колодцы, и они ожидали, что вверху их будет сильно трепать, тем более что на южной части горизонта столбами

поднимались кучевые облака, наглядно подтверждавшие беспокойное состояние атмосферы.

Так хорошо уже знакомая по многим прежним полетам картина Петрограда внизу, с бесчисленными рядами его «крошечных» домов, на которых трубы повсюду сидят, как белые бородавки; зеленые островки его окрестностей, зеленые поля и рощицы кругом, широкая даль моря, теряющаяся в белесоватой мгле, и блестящая широкая красноватая полоса лучей, тянущаяся по морю от солнца в их сторону, – все это вновь показалось под ними, все то же, что и прежде. Их начало трепать, но много меньше, чем они ждали, когда, пролетев сначала на запад над морем и поднявшись на версту вверх, поворотили назад и понеслись вдоль устьев Невы над городом.

Свежий, но теплый даже и на этой высоте воздух врывается под его кожаную куртку, через рукава и застёжки, обвевал под мягким шлемом уши и шею, и радостное чувство воздушной свободы, несмотря на значительную привычку к ней, вновь охватило его душу.

– Как далеки мне кажутся теперь беспокойные ощущения первых полетов, когда еще не верилось в прочность своего положения в воздухе! – хотелось ему сказать сидевшему рядом, у колеса своего руля, Грузинову. Но он даже и сам не услышал своего голоса от струи ветра, ворвавшегося в рот, так как стрелка показателя скорости полета в это время стояла на девяносто верст в час.

Поняв полную бесполезность разговора, даже крика при этих условиях и только улыбнувшись с кивком головы соседу, он снова наклонился за свой край лодочки и начал смотреть вниз.

Там виднелся небольшой треугольник Галерного острова и Калинкин мост, а рядом с ним – высокая каменная башня здания Коломенской части, напоминающего средневековый замок.

В одну из ее внутренних одиночных маленьких темниц, взятых жандармами в свое распоряжение, перевели его когда-то из места его первого заточения – «Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии». Какой крошечной, какой плотно прижавшейся к земле казалась она отсюда! Он вспомнил, как посетил ее после революции, в прошлом июне. Там не было уже не только жандармов, но даже и полиции. Комиссар любезно провел его через тот же вход в углу двора против ворот со стоящим у них пожарным, через ту же темноватую внутреннюю комнату нижнего этажа, где сидел когда-то запасной жандармский караул, чтобы устранить всякую возможность освобождения узников товарищами. По-прежнему вилась узенькая лестница, идущая вдоль стен, вокруг какой-то массивной пустой четырехугольной колонны, во внутреннее помещение которой полуоткрывалась решетчатая полуарка вроде окна. А в четвертом этаже была и его крошечная камера, с крошечным решетчатым окном под потолком.

Ему вспомнилось и то, как его, тогда еще двадцатилетнего юношу, лишь недавно оторванного от науки и любимых товарищей, вели туда

на вечное, казалось, одиночество, на какие-то страшные, неведомые пытки и мучения. Вспомнилось, как он осматривал ее стены, заглядывал через высоко поднятое решетчатое единственное оконце в глубину двора, придумывая средства побега, прикладывал ухо к стенам, чтобы узнать, нет ли кого рядом, и убедился, что там справа есть и другие узники. Вспомнилось, как он впервые догадался переговариваться с ними стуком в стену, узнал, что его сосед называется Кукушкин. Ему вспомнился отсюда, с высоты, и современный вид его бывшей камеры, какой он нашел ее при посещении после революции. В ней были поставлены нары, которых при нем не было, а на них валялись какие-то жулики, и он не мог в ней восстановить в себе прежних ощущений. Стены и окно камеры были те же по внешности, и однако, в них было все чужое.

Как глубоко внизу все это казалось из голубого поднебесья, и чувство торжества, чувство победы над былым проникло в его душу.

Гидроплан, круто наклонившись левым крылом вниз при повороте, дал возможность заглянуть и на левый берег Невы. Там, как золотая иголка, поднимался среди продолговатого шестиугольника шпиль собора в другом месте его заключения – Петропавловской крепости. И ее он посетил уже после революции из грустной потребности вспомнить свое бывшее жилище, отдать долг памяти своим погибшим там товарищам. И в ней он нашел по внешности все то же. Тот же мрачный коридор казематов Трубецкого бастиона, мрачные сводчатые комнаты. Его бывшая камера была там пуста, а в других сидели его враги. Председатель верховной следственной комиссии Муравьев приказывал по очереди отворять двери и входил к новым узникам, а он печально глядел на них от противоположной стены коридора, незаметный для них во тьме помещения и полузаслоненный спинами нескольких солдат, их стражи. Ему было жалко тех, которые его там держали, а теперь сами попали в яму, вырытую ими для других, и не было ни малейшей доли торжества. Оно впервые проявилось лишь потом, когда, не думая о них, он кружился на другом таком же гидроплане над этой самой Петропавловской крепостью с тем же самым своим спутником и другом Грузиновым.

Он вновь мельком увидел и треугольник стен уничтоженного Алексеевского рavelина против Зоологического сада, самое ужасное из всех мест его заточения, где он провел почти три года в страшных мучениях непрерывного голода, примененного к народовольцам Александром III в виде пытки. От голода, через два года заточения, из двенадцати посаженных с ним по одиночным камерам товарищей восемь умерли, один сошел с ума, а трое оставшихся в живых на много лет потеряли силы и здоровье от истощения и цинги.

Вот он внизу, этот ужасный треугольник, но внутри него уже нет темницы, на ее месте построен архив, чтобы ничто не напоминало потомству о бывших там жестокостях. Остался лишь клин окружавших

его небольших бастионов, с которых он при недавнем посещении сорвал себе на память несколько цветков мышиного горошка.

Внезапный порыв восходящего течения воздуха слегка подбросил гидроплан и качнул его с левой стороны на правую. И крепость, и рavelин исчезли из вида, закрытые бортом крыла лодки, но взамен того открылось еще четвертое место его петроградского заточения. Они только что пролетели над Летним садом и Инженерным замком, где был когда-то убит своими царедворцами император Павел, и, наклонившись за борт, он увидел церковь Пантелеймона, а против нее, в углу перегиба улицы, бывшее здание Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии, об ужасах которой ходили легенды в царствование Николая I и Александра II. Он не пытался разглядывать этой темницы, в которую прежде всего его заточили тогда в Петрограде. Он уже знал, что и она скрыта, как Алексеевский рavelин. Он приходил уже и в это место ранее полета, но не нашел в нем ничего напоминающего о прошлом, кроме въездных ворот извилистого двора и колоколов какой-то внутренней церкви, висящих на столбах у стены противоположного дома, звон которых он слышал через форточку его первой в жизни одиночной камеры.

Аэроплан, повернув к Неве, пересек уже Литейный проспект, и ему страшно захотелось увидеть и последнее из пяти мест его петроградских заточений – Дом предварительного заключения. Но дно лодки все время закрывало его, и только на момент он смог увидеть его обгорелый теперь корпус, а с ним и здание Окружного суда, где его приговорили к пожизненному заточению за борьбу с губившим Россию самодержавным режимом.

Он был уже и там, видел свою обгорелую одиночную камеру, посетил под нею комнату его умершего теперь друга и товарища Синегуба. Он ожидал, что при первом входе в места его неволи на него нахлынут воспоминания о прошлом и слезы закапают из глаз.

Но ничего подобного нигде не было.

Он смотрел на все это, как на чужое, постороннее, имеющее лишь какое-то внешнее, случайное соотношение с пережитым. И он понял причину, понял, что иначе не могло и быть. Он входил тогда в эти стены как жертва, а теперь входил как человек свободный. Ужас был не в мрачных камерах, не в решетках их окон, не в тяжелых запорах их железных дверей, а в тех, кто их запирал. Ужас был в людях, а не в предметах. И этих людей уже не было. Их отсутствие уничтожало чувство ужаса, а воспоминание о погибших товарищах не давало места и для чувства торжества. Оно возникло у него впервые только здесь, в свободной высоте, когда под ногами, в глубине, виднелись лишь контуры того, над чем была одержана победа.

Звонко гудел пропеллер сзади, струи теплого воздуха шумели, удаляясь в лицо, и проникали под шлем и куртку. Петроград уплыл из-под ног, и по обе стороны Невы поплыли навстречу светло-зеленые полосы

четыреугольных лугов и темно-зеленые, кудрявые, неправильные пятна лесов. Кое-где струи дыма показывали лесные или торфяные пожары. Даль все более и более застилалась туманной мглой, спустившееся в нее солнце стало совсем красным и потеряло резкую определенность своих контуров. Но внизу под ними все было ярко очерчено. Светлой извилистой полосой тянулась Нева к юго-востоку. Направо показалась впадающая в нее с юга речка, и он припомнил, что ее зовут, кажется, Тосна. Из мглы, вдали налево, куда поворачивала теперь Нева, стала вырисовываться широкая водная поверхность Ладожского озера, а на ее ближайшей к ним части появилось маленькое черное пятно.

Это была Шлиссельбургская крепость.

Он показал ее рукой Грузинову и инстинктивно взялся за колесо своего руля, чтобы направить туда полет, но через несколько секунд понял, что управление отвлекло бы его от наблюдений и затушевало бы непосредственность восприятия, сохранить которую ему более всего теперь хотелось. Он попытался сказать это Грузинову, который хотел предоставить ему управление, но не было слышно. Выпустив руль, он написал Грузинову пальцем по отдельным буквам на его колене: «потом», и тот вновь принялся управлять.

Пятно вдали становилось все ярче, вырисовывались подробности. Грузинов начал снижать крылатую лодочку с ее полутораверстной высоты и показал пальцем на циферблате часов, что по истечении десяти минут они будут там.

Они пролетели над несколькими баржами, стоящими на Неве, перелетели через самую крепость, очутились за нею над Ладожским озером и, повернув назад, стали кругами, сильно накренив левое крыло, спускаться вниз.

Его сон, многолетняя мечта его долгого заточения – летать когда-нибудь над своей темницей, как стрижи и ласточки, видеть с высоты все, что они видят: и ширь лугов, и чащи лесов, и необозримую даль водной поверхности – все сбылось наяву! И чувство восторга и умиления перед силою жизни, идущей все вперед и вперед и осуществляющей через, по-видимому, непреодолимые преграды самые фантастические мечты, стало так сильно, что заслонило все последующее!

Гидроплан спустился на воду перед воротами крепости в тот самый момент, когда солнце заходило и над поверхностью горизонта виднелся один его красный полукруг. Они подплыли к берегу, но сбежавшиеся солдаты сказали, что не могут их впустить без разрешения коменданта, живущего в городе на берегу. Перелетели в город. Морозов узнал, что комендант уехал в Петроград, и разыскал его помощника. Затем, захватив его с собой, они перелетели обратно в крепость и высадились все трое на берег. Прошли по той дороге, по которой его туда когда-то привели на вечное заточение, и вошли в его бывшую тюрьму. Морозов показал им свою бывшую камеру, камеры Веры Фигнер, Людмилы Волкенштейн и некоторых других товарищей.

Но и эти полуобгорелые теперь камеры не произвели на него сильного впечатления. Несмотря на двадцать пять лет заточения в них, они казались ему хотя и близко знакомыми, но чужими.

Они посетили старую тюрьму, осмотрели ее ужасный подвальный карцер, но и тут на него не повеяло ничем былым.

Он машинально слушал, как его спутники говорили, что все это место похоже на кошмар и они совершенно не понимают, как тут можно было прожить в одиночестве не только десятки лет, не сойдя с ума, но даже и несколько месяцев.

Помощник коменданта предложил остаться ночевать у него, так как вечерняя заря уже догорала, но Грузинов не хотел подвергать свой гидроплан риску в чужом месте, и они полетели обратно.

Была удивительная ночь. Луна взошла в своей последней четверти, внизу на земле все контуры стали неопределенными, на небе вверху показались звезды. Прямо над головой — ясная, белая Вега, впереди желтоватый Арктур. Внизу ярко зажглись полосы огней на улицах приневских местечек. Отблеск Невы все время был виден и вместе с полосами огней служил им путеводителем. Они пролетели восемьдесят верст от Шлиссельбурга до Петрограда не более как в три четверти часа, перелетели через сплошные ряды его огней на взморье, на высоте более двух верст. Грузинов стал делать такой крутой винтовой спуск, что одно крыло аэроплана совсем поднялось к небу, а другое опустилось к земле. Морозову никогда еще не приходилось спускаться так круто и быстро.

Он заметил, какое странное впечатление производит на человека такой спуск. Не было ощущения, что можно вывалиться через борт. От чувства инерции казалось, что вся земля поднялась одним краем горизонта вверх, а другим опустилась вниз, и небо также опустилось, и оба вертятся вокруг, но не просто, а колесом, сверху вниз. И луна у горизонта, и дальние огни, и звезды то взлетали вверх, то опускались вниз, почти под ноги. Но вот, повернувшись колесом несколько раз, они стали приходить в обычный вид, гидроплан выровнялся и, снизившись почти на половинную высоту, стал прямолинейно спускаться к едва видневшейся поверхности моря. Перерезая небо, как острый хвост кометы, прошла перед ними узкая полоса кронштадтского прожектора, затем по небу забродил яркий сноп лучей какого-то другого близкого к ним прожектора.

«Заметили шум нашего пропеллера и ищут», — подумалось Морозову.

И он был прав: вот свет направился прямо на них, но, к счастью, в спину, потому что иначе он совершенно ослепил бы правящего Грузинова, и он не мог бы более видеть во мраке никаких предметов.

Гидроплан плавно спустился на поверхность воды и поплыл, сверкая во тьме кружащимися, как фейерверочное колесо, вспышками своего вращающегося мотора-гнома, прямо к платформе.

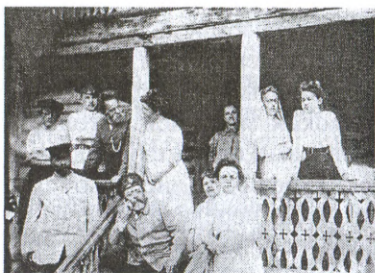
Сестра Вера

П.А. Кропоткин

Н.А. Морозов с родственниками в Борке

Морозов у Репина

Дом отца

Флигель Морозова до перестройки

Флигель Морозова после перестройки

Примечания к четвертой части

К главе I

¹ Петербург. Ложа Полярная звезда работала под руководством Велико-го Востока Франции с 15.11.1906. Инсталлирована 9 (22).5.1908 на квар-тире В.А. Маклакова. Заседания проходили на квартирах А.А. Орлова-Да-выдова и Д.О. Бебутова, а также в особняке на Английском бульваре. За-крыта в 1909 (по сведениям М.С. Маргулиеса, в 1919 «усыновлена» париж-ской ложей Дружба Народов). Знак ложи представлял собой круг с надпи-сью: «Полярная С.П.Б. звезда 1908», в центре которого были изображены де-вятиконечная звезда, ветви, перекрещенные наугольник и циркуль и сияние.

Состав:

1. Аничков Евгений Васильевич – принят в ложу в 1907.
2. Антоновский Юлий Михайлович – посвящен в ноябре 1907. Член-основатель 1-й ст. при инсталляции ложи.
3. Баженов Николай Николаевич – член ложи.
4. Бебутов Давид Осипович – посвящен по рекомендации Е.И. Кедрина 23.4.1906 в редакции газеты «Страна» на Невском проспекте, д. 92. Возве-ден во 2-ю ст. в апреле 1906. Секретарь и казначей в 1907–1908.
5. Бороздин Александр Корнилиевич – посвящен в феврале 1907. Член-основатель при инсталляции ложи.
6. Браудо Александр Исаевич – посвящен в мае 1908.
7. Букейханов Алихан Нурмухамедович – посвящен после мая 1908.
8. Булат Андрей Андреевич – посвящен в мае 1908.
9. Буслов – посвящен после инсталляции ложи.
10. Веретенников Александр Порфирьевич – посвящен после инсталля-ции ложи.
11. Гамбаров Юрий Степанович – принят в ложу в 1907.
12. Геловани Варлаам Леванович – принят в ложу в 1907.
13. Головин Федор Александрович – посвящен во второй половине 1908. Член ложи по февраль 1910.
14. Гольм Андрей Константинович – посвящен в мае 1908.
15. Гордеенко Яков Николаевич – посвящен после инсталляции ложи.
16. Демьянов Александр Алексеевич – принят в ложу в 1907.
17. Дмитриев-Мамонов Александр Ипполитович – посвящен не ра-нее мая 1908.
18. Жихарев Степан Сергеевич – посвящен в январе 1907. Член-осно-ватель при инсталляции ложи.
19. Иванюков Иван Иванович – принят в ложу в 1907.
20. Измайлов Павел – посвящен после инсталляции ложи.
21. Кальманович Самуэль Еремеевич – посвящен в мае 1908. Член ложи по февраль 1910.

22. Караулов Василий Андреевич – посвящен после инсталляции ложи.
23. Кармин Николай Валерианович – посвящен в 1907.
24. Кедрин Евгений Иванович – член ложи с сентября 1906. 1-й надзиратель в 1908.
25. Кильвейн Георгий Робертович – посвящен после инсталляции ложи.
26. Ковалевский Максим Максимович – досточтимый мастер (мастер-наместник) ложи. Историк, социолог.
27. Колюбакин Александр Михайлович – посвящен в декабре 1907. Член-основатель 1-й ст. при инсталляции ложи.
28. Котляревский Сергей Андреевич – член ложи.
29. Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич – посвящен во второй половине 1908. Возведен в 3-ю ст. в 1909. «Уснул» в 1909.
30. Лорис-Меликов Иван Захарович – член ложи.
31. Лутугин Леонид Иванович – посвящен в мае 1908.
32. Лучицкий Иван Васильевич – член ложи.
33. Майдель Герман Христофорович – посвящен в марте 1907. 2-й надзиратель и масон 18-й ст. в 1908.
34. Макаров Павел Михайлович – посвящен в ноябре 1907. Член-основатель при инсталляции ложи. Один из лидеров кадетов.
35. Маклаков Василий Алексеевич – оратор при инсталляции (основании) ложи.
36. Максудов Садретдин Низаметдинович – посвящен после инсталляции ложи.
37. Маргулиес Мануил Сергеевич – посвящен в январе 1907. Возведен во 2-ю и 3-ю степени в 1908. Оратор в мае 1908.
38. Морозов Николай Александрович – посвящен в мае 1908. Член-основатель 1-й ст. при инсталляции ложи.
39. Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич – принят в ложу в 1907.
40. Некрасов Николай Виссарионович – посвящен после инсталляции ложи.
41. Немирович-Данченко Василий Иванович – посвящен в 1907. Член-основатель 3-й ст. при инсталляции ложи. Писатель.
42. Окунев Николай Александрович – посвящен в мае 1908.
43. Орлов-Давыдов Алексей Анатольевич – посвящен Е.И. Кедриным в 1907 (по другим сведениям – в январе 1901 в Петербурге и Париже). Масон 18-й ст. в 1908. Досточтимый мастер с 1908, вслед за М.М. Ковалевским.
44. Павлов-Сильванский Николай Павлович – посвящен в феврале 1907. Член-основатель 3-й ст. при инсталляции ложи. Историк.
45. Пергамент Осип Яковлевич – посвящен во второй половине 1908.
46. Переверзев Павел Николаевич – посвящен в ноябре 1907. Возведен в 3-ю ст. в 1909.
47. Де Роберти Евгений Валентинович – член ложи.

48. Розанов Николай Сергеевич – посвящен после инсталляции ложи.
49. Свечин Алексей Александрович – посвящен в апреле 1907. Член-основатель 3-й ст. при инсталляции ложи.
50. Святловский (Светловский) Евгений Владимирович – посвящен после инсталляции ложи.
51. Сидамон-Эристов Георгий Дмитриевич – посвящен после инсталляции ложи.
52. Симонов – посвящен после инсталляции ложи.
53. Субботин Владимир Федорович – посвящен после инсталляции ложи.
54. Теплов Владимир Владимирович – посвящен в октябре 1907. Член-основатель при инсталляции ложи.
55. Тираспольский Григорий Львович – Посвящен в ноябре 1907. Возведен во 2-ю ст. в 1907, в 3-ю ст. в 1909.
56. Черносвитов Кирилл Кириллович – посвящен после инсталляции ложи.
57. Шингарев Андрей Иванович – посвящен в мае 1908.
58. Щеголев Павел Елисеевич – посвящен в феврале 1907. Член-основатель при инсталляции ложи. Историк революционного движения.

К главе IV

¹ *Эскизы и размышления*

Эволюция воздухоплавания на фоне общественной жизни народов
(Отрывки из публичных лекций Н.А. Морозова
о воздухоплавании и авиации)

У нас всегда встает в душе стремленье
Взлететь далеко от земли,
Когда над нами жаворонка пенье
Несется в голубой дали.

Гёте

1

Заоблачные мечты пробуждающегося человечества

В этот раз я буду говорить вам о нашем начавшемся пути в заоблачные высоты, в голубое небесное пространство, куда ранее залетали только вольные птицы. Я буду говорить вам о постепенном осуществлении заветной мечты всего человечества с самых отдаленных веков.

С тех пор, как существуют люди на земле, еще не было открытия, которое до такой степени возбуждало бы энтузиазм современников, как открытие воздухоплавания. Да это и понятно! Ведь наступление крылатой эры человечества будет вместе с тем прологом к его освобождению, преддверием братского слияния всех народов в голубой высоте атмосферы в одну общую великую семью!

Уже самые древние легенды о летающих людях носят на себе характер их освобождения из неволи. Возьмем хотя бы всем известное сказанье Овидия о Дедале и его сыне Икаре. Одни из нас читали его у самого Овидия в его «Метаморфозах», другие знают его сущность из различных хрестоматий, а третьи даже из всевозможных историй воздухоплавания, где это сказанье, обыкновенно, приводится в самом начале, но почти во всех известных мне случаях не выясняется читателю скрытый аллегорический смысл этой прекрасной легенды, а ведь только он один в ней и интересен!

Вот почему я, прежде всего, расскажу вам здесь снова легенду об Икаре, но в ее истинном освещении.

Когда-то, давно-давно, жил на греческом острове Крите, так геройски боровшемся недавно за свою свободу, жестокий деспот Минос. В его печальном царстве томился в неволе великий скульптор Дедал и его сын Икар, и бездушный царь заставлял их делать для себя различные работы, большею частью вредные для людей. Так, он заставлял его построить на Крите знаменитый Лабиринт, хаотическое смешенье мрачных темных ходов, где должен был заблудиться и погибнуть всякий попадавший. А в довершение бедствия в этом Лабиринте поселилось еще страшное чудовище Минотавр, получеловек-полубык, выходивший по ночам из своего недоступного убежища и пожиравший людей.

Душа талантливого пленника не могла вынести такого применения его труда, не могла вынести неволи, и он все время думал о побеге. Но кругом острова было безбрежное море, и все приходившие и уходившие суда были под наблюдением наемников тирана. Ему не было другого средства избавления, как улететь по воздуху. И вот он, наконец, придумал себе и своему сыну крылья.

С изумлением смотрели их сторожа, как Дедал собирал на острове падавшие туда по временам орлиные перья и уносил их в свою хижину, не догадываясь, для чего они ему нужны. Но, вдруг, когда их набралось достаточно, он слепил их воском, связал нитками и сделал четыре крыла. Воспользовавшись моментом, когда внимание стражи было направлено в другую сторону, он прикрепил одну пару к плечам своего сына, а другую к своим, и, взмахнув ими, оба поднялись вверх. Напрасно с криками бежали за ними слуги Миноса, напрасно посылали им вдогонку свои дротики и стрелы, ничто не помогло! В несколько мгновений они были уже вне пределов полета стрел, и царство неволи осталось далеко внизу. Перед ними расстилалось, свободное Ионическое море с катящимися по нему голубыми волнами, а над ними лазурное небо, с которого радостно смеялось им горячее южное солнце. Так и хотелось в радости освобождения броситься навстречу его ярким лучам, но опытный Дедал знал, что на крыльях, сделанных во тьме неволи, нельзя взлететь безнаказанно в свободную высоту, как из тьмы рабства и невежества нельзя подняться, не ослепнув, прямо к источнику вечного света. Он предупредил своего сына, чтоб тот не поднимался слишком высоко, но пылкий юноша не мог вытерпеть, и,

воспользовавшись моментом, когда отец отвернулся, он взмахнул своими крыльями и помчался прямо в вольную заоблачную высь, навстречу яркому солнечному свету. И вот от жара солнечных лучей растопился воск его крыльев, и несчастный упал в бездну расстилавшегося под ним моря. Когда отец обернулся, сзади уже не было его сына, и только перья, плававшие по воде, указывали место, куда он упал.

С отчаянием спустился он на песчаный берег ближайшего острова и стал умолять стихии, чтоб они возвратили ему его сына. И стихии послушались освободившегося изобретателя. Поднялась буря, взволновала морскую бездну, и бездна выбросила к ногам Дедала тело его сына. Со слезами зарыл его Дедал в прибрежный морской песок и, назвав остров Икарией в память своего сына, улетел к себе на родину, где и жил уже окончательно свободным человеком, хотя и не мог никогда подниматься на своих крыльях, сделанных в неволе, в гордую заоблачную высь.

Таков аллегорический смысл самой древней легенды о летающих людях, и вся история воздухоплавания подтверждала до сих пор ее верность!

Во все средние века, с их религиозным и политическим гнетом, не удалось человечеству свободно подняться хотя бы на несколько метров над земной поверхностью. Все рассказы о будто бы летавших в древности людях настолько же мало достоверны, как и современные таинственные рассказы о медиумах, будто бы поднимающихся под потолки комнат во мраке спиритических сеансов.

Все это лишь мечты веков. Но не было ли попыток осуществить их еще в глубокой древности? В книге «Аттические ночи» Авла Гелия нам говорят из глубины эпохи Возрождения, относившей все великое в глубокую древность, что «знаменитейшие из греческих писателей и между ними Фаворин (писаний которого нигде нет) утверждали самым положительным образом, что некий Архит сделал голубя, который мог подниматься при помощи механизма» (Aulus Helius: Nostes Atticae, X.— 12).

Но если такой голубь (вроде геликоптерической бабочки, служащей и теперь детской игрушкой) и летал, еще очень давно, то, во всяком случае, он не нес на своей спине человека. Даже гениальный Роджер Бекон, которого средневековые монахи с лишком двадцать лет держали в одиночном заключении, в надежде выпытать у него будто бы известный ему секрет приготовления золота из ртути и серы, — даже и он, сколько ни размышлял об этом предмете во мраке своей темницы 13-го века, не мог придумать никаких крыльев для своего спасенья, хотя в различных местах его трактатов и можно видеть, что он глубоко верил в эту идею. Впрочем, если б ему и удалось что-нибудь изобрести, он все равно не был бы в состоянии осуществить своего открытия: ведь средневековые монахи, в среде которых он жил, были много хитрее наивных слуг Миноса и не дали бы ему возможности поднять хоть одно орлиное перо!

Даже через четыреста с лишком лет после Бекона, когда священник Бартоломео Гусмао в Португалии изобрел и удачно демонстрировал 8 ав-

густа 1709 г. в Лиссабоне «летающий домик» из бумаги и ивовых прутьев, имевший 8 футов в высоту и наполненный нагретым воздухом, инквизиция обвинила его в сношениях с дьяволом, и он принужден был бежать в Испанию в Толедо, где и умер в нищете. (M. Bernhard. Museum museum. Frankfurt. M. 1704–1714, № 10.) «Человек не должен домогаться того, что дано в удел только ангелам, этим крылатым властелинам воздуха и ветров, находящихся в их распоряжении» – говорило духовенство. И король вполне согласился с этим решением. Но если таковы были мнения глав церкви и государства в начале 18 века, то что сделали бы они с бедным Роджером Беконом в его темнице за подобную же попытку в мрачные дни и ночи XII века?

Затем началась эпоха Возрождения, эпоха наук и искусств.

Знаменитый Леонардо да Винчи с 1560 года начал думать о том же самом великом вопросе, и для его решения специально изучал законы полета птиц. В результате он пришел к заключению, что человеку удобнее всего было бы сделать себе крылья – не по пернатому способу, а перепончатые по образцу летучих мышей. Вслед за ним английский писатель Годуин предложил летать на птицах, запряженных в особые легкие повозки, и для популяризации своей идеи написал (в 1638 г.) роман «Человек на луне», в котором герой рассказа взлетел на дюжине гусей до самого светила ночи и видел там удивительные вещи. Затем итальянец Франческо Лана составил (в 1670 г.) проект гондолы, носимой по воздуху четырьмя привязанными к ней большими медными шарами, из которых выкачан воздух и которые, сделавшись таким образом легче воздуха, поднимались бы в нашей атмосфере, как пробка в воде. Однако и его проект нельзя было осуществить, так как, если сделать стенки шаров очень тонкими, то их сплющит давление воздуха, а если сделать достаточно твердыми, то заключающееся в них безвоздушное пространство не поднимет даже и самых стенок, а не только приделанную к ним гондолу с путешественником. Отсюда нетрудно видеть, что в эпоху Возрождения мы имеем как бы в зародыше целых три способа летанья, из которых два уже удалось осуществить. Действительно, мысль Леонардо да Винчи о крыльях как у летучих мышей представляет истинный зародыш последующих планеров Лилиентала, из которых теперь развились аэропланы; мысль Франческо Лана о возможности полета на шарах легче воздуха является как бы предвестником последующих водородных и светильно-газовых аэростатов, а идея Годуина о возможности полета на птицах еще никем не была испытана до сих пор на практике.

Однако нет ни малейшего сомнения, что и она осуществима. Когда я был еще мальчиком и ничего не знал о Годуине, мне тоже приходила в голову эта самая мысль. Я уже знал тогда из «Жизни животных» Брема, что орлы могут уносить в свои гнезда на вершинах гор молодых баранов и не раз уносили мальчиков и девочек, знал, что они способны быть прирученными, что соколы прежде часто употреблялись на охоте во всей Евро-

пе, а беркуты и до сих пор употребляются киргизскими охотниками и справляются, благодаря своей огромной силе, не только с лисицами, но даже и с волками... Почему же, казалось мне, нельзя было бы впрячь их по десяти в одну упряжку, причем на каждого придется от поднятого ими взрослого человека не более 20 фунтов веса? И чем больше я мечтал «о своих будущих полетах», тем более казался мне естественным и легким этот способ сравнительно со всеми остальными, хотя практика воздухоплавания и решила вопрос совсем с другого конца. Я тогда же предусматривал даже и некоторые неудобства летать на хищных птицах, которые, заведя внизу добычу, могут ринуться на нее с высоты и причинить путешественнику если не опасный удар по земле, то, во всяком случае, очень сильные ощущения. Но ведь птица, казалось мне, поймет из предварительных опытов в каком-нибудь закрытом манеже невозможность бросаться в упряжке, сломя голову, на землю... А кроме того, почему бы не заменить в случае нужды орлов или беркутов двумя десятками журавлей, и без того летающих стаями в виде ломаной линии, причем управлять придется только одним их вожаком?

И не раз мне страстно хотелось начать такие опыты летанья, но обстоятельства моей жизни все время складывались так, что и я, подобно Роджеру Бэкону, не имел для этого ни малейшей возможности.

А между тем, несомненно, этот способ будет самым дешевым и общедоступным.

2

По воле ветров

Вслед за эпохой Возрождения наступил во второй половине 18 века бурный период умственного и гражданского освобождения западных народов. В начале этого периода произошел политический переворот в Англии с образованием в ней временной республики, с Кромвелем и Мильтоном во главе, и, в результате, твердо установились там представительный образ правления и свобода совести. Затем произошла в Новом Свете война за освобождение, и возникла великая заатлантическая республика, а затем в конце того же периода грянула во Франции великая Революция, отголоски которой прокатились, как громовые удары, почти по всему остальному миру... В это дурное время жизни человечества общественные деятели провозгласили взамен старого режима, основанного на рабстве и насилии, другой, основанный на гражданской свободе и гражданском равенстве всех людей, а мыслители, взамен старинного преклонения перед авторитетами, возвестили принцип свободного исследования религиозных и научных вопросов.

Человечество стало понемногу выбираться из темного Миносова лабиринта средних веков, и только тогда удалось ему, как мифическим Дедалу и Икару, взлететь хоть немного в свободную заоблачную высь и как будто

оправдать аллегорию старинной легенды, что только свободному человеку будет доступна свободная высота.

Как раз в конце этого периода в одном из небольших городков близ Роны, в южной Франции, жил фабрикант бумаги Жозеф Монгольфье. Охваченный с детства тем же самым стремлением осуществить золотую мечту веков, он старался приспособить к ней все известные в то время силы природы, увлекая этим и своего брата Этьена. Наблюдая в ясный летний день, как белое облачко несется в голубой лазури, и зная уже, что оно состоит из ледяных паров, он пробовал делать небольшие пакеты из тонкой бумаги и наполнять их водяным газом, поднимавшимся над кипящим котлом воды. Но водяной газ, конечно, сейчас же осаждался на внутренней поверхности его пакетов, и они беспомощно падали на землю. Узнав из дошедшей до него брошюры английского физика Пристлея «О различных видах воздуха», что существует газ, добывающийся путем растворения железных опилок в кислоте, более легкий, чем наша атмосфера у земной поверхности, он пробовал добывать и его и наполнял получавшимся водородом свои бумажные пакеты.

Но хотя оба брата и были очень образованные, по своему времени, люди, они все еще не знали, что водород до того низкомолекулярный газ, что проникает не только сквозь бумажные ткани, но даже и сквозь некоторые металлические перегородки, например, сквозь платину. Он улетал из их бумажных воздушных шариков, как теплый воздух улетал бы из перевернутого вверх дном решета, а они не могли заметить этого, потому что примесь водорода к воздуху можно определить лишь химическим путем, а не нашими органами чувств. Чистый водород, как известно, представляет из себя газ без цвета, вкуса и запаха, и мы не можем ощущать его незначительной примеси. Разочаровавшись и в этом способе, Жозеф Монгольфье на некоторое время оставил свои попытки. Вдруг однажды он, наблюдая во время своего пребывания в Авиньоне, на юге Франции, дым, поднимавшийся из трубы соседнего дома, был осенен мыслью: «А что если бы наполнить бумажные пакетики дымом?».

У него здесь не было тонкой бумаги, и он употребил для опыта мешок из легкой шелковой ткани, раскрыв его над грудой бумажек, зажженных на очаге камина. И можете представить себе его восторг! Наполнившись дымным горячим воздухом, мешок плавно взлетел до самого потолка, оставался там некоторое время как будто привешенный к нему, а затем медленно спустился на пол. Жозеф Монгольфье тотчас помчался домой и, сделав на принадлежавшей ему и брату бумажной фабрике значительной величины шар, стал наполнять его дымом от шерсти и соломы. Но шар тут же загорелся и погиб в огне, не успев даже взлететь в высоту.

Немедленно был устроен другой, и этот был счастливее: он поднялся на высоту около 300 метров и спустился на одном из соседних холмов. Нескольким людям видели необыкновенное событие, и слухи о нем быстро разнеслись по окрестностям. Все окружающие стали приставать к братьям

с просьбами повторить их опыт публично, и они охотно согласились. И вот в конце 1782 г., в дни господства идей Руссо и Вольтера, когда в недрах французского общества вызревала уже великая революция, взлетел в высоту при многочисленном стечении публики, как предвестник приближающегося освобождения, второй воздушный шар. В каких-нибудь десять минут он поднялся на две тысячи метров (около двух верст) и медленно опустился в поле на таком же расстоянии от места своего взлета. Весь воздух огласился восторженными криками. Братья Монгольфье стали сразу героями в своем местечке. Протокол об этом событии, подписанный всеми местными «именитыми гражданами», был послан в парижскую академию наук, где он вызвал тоже всеобщее волнение.

Парижская академия наук горячо приветствовала открытие «братьев Монгольфье» и ходатайствовала перед государственным казначейством об отпуске необходимой суммы для вызова обоих в Париж и для повторения опыта в нем.

Однако государственное казначейство медлило отпуском требуемой суммы, и не без причины. Открывшаяся так неожиданно возможность летать по воздуху вызвала, понятно, массу всевозможных соображений не только в обществе, но и в административных сферах. Казалось, что изобретение Жозефа Монгольфье должно было перевернуть вверх дном все устои тогдашней жизни, и будущее королей стало представляться небезопасным. Вот как писал по этому поводу шеф французской полиции маркиз д'Аржансон, еще ранее благоразумно предусмотревший такую возможность.

«Наши теперешние крепости сделаются тогда бесполезными. Охрана имущества, честь женщин и девушек подвергнутся большой опасности, если не будут учреждены воздушные патрули, которые обрежут крылья летающим нахалам и разбойникам».

Многие, в том числе и сам король, склонны были смотреть на дело с этой точки зрения, и потому казначейство медлило со своей ассигновкой...

Но, как и всегда бывает, наиболее образованные и передовые круги общества сейчас же приняли дело под свое покровительство и горячо приветствовали открывающийся для людей, как говорили тогда, «путь к звездам». Молодой директор Парижского зоологического сада Фожа-де-Сенфон открыл частную подписку, и в несколько дней она принесла необходимые для опыта десять тысяч франков. Талантливый физик Жак Шарль, лишь недавно получивши кафедру, немедленно предложил сделать опыт, не ожидая без конца приезда братьев Монгольфье, которым администрация все еще не хотела выдать нужных для опыта денег. Он не знал, чем наполняли свой аэростат братья Монгольфье, но тотчас же догадался, что наилучшим средством для успеха было бы наполнение его водородом. Он сделал опыт в небольшом размере, и зная, как физик, что обычные ткани легко проницаемы для водорода, озабочился покрыть приготовленную для него оболочку лаком. И вот едва было окончено наполнение, как его маленький шар, совершенно подобный тем, какие продаются теперь для детей разно-

счиками на улицах больших городов, быстро поднялся в высоту и исчез из вида. Убедившись в верности своей догадки, Жак Шарль тотчас заказал на одной из известных ему фабрик значительный по объему шелковый аэростат в 3,5 метра в диаметре. Не прошло и месяца, как он был уже готов и на три четверти наполнен водородом. Он рвался вверх с такою силой, что его должны были привязать веревками к нагруженной платформе. В таком виде его и понесли ночью, чтобы избежать запружения улиц публикой, на Марсово поле, где было решено сделать опыт.

Это было единственное в своем роде зрелище.

Впереди шли факельщики и освещали глубокий мрак тогдашних улиц, а за ними вдали несколько человек несли платформу, над которой, качаясь, парило в воздухе какое-то огромное круглое чудовище. Редкие ночные путники в ужасе бросались при виде такой процессии в соседние переулки. Несколько дремавших на углах извозчиков, проснувшись, выскочили из своих экипажей и пали ниц, уткнувшись лицом в землю и шепча французскую вариацию любимого заклинания всех верующих душ:

«Свят-свят-свят, господь Бог, Саваоф, исполни небо и земля славы твоея!»

Наконец аэростат в два часа ночи был принесен на Марсово поле, где оставался до 5 часов вечера 27 августа 1783 г. С раннего утра, среди стечения огромного количества публики, покрывавшей берега Сены и все ближайшие окрестности, его начали дополнять газом, чтобы показать всем причину его стремления вверх. Для ученых были приготовлены особенные места, с которых они могли бы делать свои наблюдения и определять высоту подъема, и только обеспокоенный новшеством король блистал здесь своим отсутствием. Освобожденный от привязей шар взлетел вверх с необыкновенной скоростью и, достигнув в какие-нибудь две минуты высоты около версты, исчез там в проходившем мимо клочковом облаке. Через несколько минут он прошел через облако и снова появился, как говорили свидетели, на «страшной высоте». Потом он вновь затерялся в облаках и исчез совсем из поля зрения публики, унесенный ветром далеко в сторону.

Он поднялся на такую огромную высоту, что расширившийся газ разорвал в одном месте его наглухо завязанную оболочку, и аэростат спустился, потеряв избыток газа, на расстоянии 24 километров от Парижа, в небольшой деревушке Гонесс. Суеверные обитатели приняли его за какого-то апокалипсического зверя, низвергнутого с неба на землю, чтоб погубить людей, и в отчаянье бросились к своему священнику, прося его прогнать демона своими всемогущими молитвами и заклинаниями. Но вышедший священник при виде зверя, о скором пришествии которого уже так давно возвещали апостолы и пророки, испугался еще больше, чем его паства, и, спрятавшись за спинами нескольких крестьян, не мог выговорить ни одного слова молитвы. Наконец нашелся смельчак, выстреливший в ворочающееся на земле от ветра чудовище из своего ружья дробью. Дробь пробила во многих местах оболочку аэростата, его газ начал с шипеньем выходить вон, а чудовище все более и более съеживалось.

– Убит, убит! – закричали обыватели и, бросившись к нему под предводительством своего ободрившегося духовного отца, принялись швырять в него камнями, колоть вилами и косами и, наконец, привязали, по совету священника, изорванную оболочку к хвосту невыезженной лошади и, нахлестав, пустили скакать по полям и дорогам. Скоро от оболочки шара остались только ключья, висевшие на ветвях терновых кустов и острых выступах каменных изгородей. Так встретила суеверная толпа и ее духовный пастырь накануне уже собиравшейся общественной грозы третье взлетевшее в небеса произведение человеческих рук, третьего предвестника грядущих воздушных кораблей.

Зато свободомыслящие дети Парижа, воспитанные республиканскими и гуманитарными идеями философов второй половины 18 века, единогласно приветствовали новое открытие с неопишущим энтузиазмом. Шарль стал самым популярным человеком образованной Франции. Этот порыв восторга был так могуч, что ничто не могло ему противостоять, и даже те, кто опасался в глубине души «летающих нахалов и разбойников», должны были волей-неволей выражать свое одобрение, чтоб не подвергнуться всеобщему презрению. Как всегда бывает в подобных случаях, сейчас же стали появляться соображения и в пользу нового открытия. Ведь вот, говорили патриоты, наши конкуренты, англичане, завладели морями, завладеем же мы, французы, атмосферой и будем летать над их морскими судами! Повсюду на улицах начали распевать только что сочиненный куплет:

Гордые англичане
Завладели морем,
Легкие французы
Берут себе воздух!

Ограниченным людям казалось, что действительно произойдет такое разделение властей: Британии – моря, а Франции – атмосфера. Умы всех техников и физиков напрягались в следующие годы, чтобы открыть механизм для управления аэростатами. Одни предлагали впрягать птиц, другие придумывали весла, как у лодок. Изображения аэростатов появились на дамских платьях, потом и дамские юбки стали делать в виде воздушных шаров (кринолины).

Для нас, смотрящих хладнокровно на прошлые великие события, кажется странным такое ослепление... Ведь ясно, что изобретение воздушных шаров нельзя было удержать в национальном секрете, что после первых же успехов французов все цивилизованные нации заинтересовались бы новым способом передвижения, и вскоре наибольший воздушный флот оказался бы у той нации, которая была бы всех богаче и всех свободнее, в которой каждый частный человек мог бы беспрепятственно владеть и управлять, не спрашиваясь, воздушным кораблем. Но разве в моменты великих народных увлечений кто-нибудь способен рассуждать вполне беспристрастно?

Так было и в то время. Все должны были, хотя бы по внешности, разделять оптимистические мнения большинства или быть с позором изринутыми из общества. Понятно, что при таком настроении и государственное казначейство не могло далее задерживать ассигновки, требуемой у него академией наук для приглашения в Париж братьев Монгольфье.

Она была дана, и Этьен Монгольфье, более практический, чем его мечтатель-брат, Жозеф, истинный изобретатель монгольфьеров, явился на эти средства в Париж и принялся за изготовление огромного шара по способу своего брата. Шар был выкрашен в небесно-голубой цвет и богато украшен золочеными вензелями и всевозможными орнаментами. Пустить его Этьен Монгольфье хотел в Версале, непременно в присутствии короля. Но чтоб заранее быть уверенным в успехе, он решил сделать за неделю до срока пробный опыт.

И вот вся воздушная стихия словно взбунтовалась против него. В самый момент пробного полета поднялась сильная буря; наполненный дымом шар, рвавшийся ввысь, начало качать из стороны в сторону. Оставалось только одно средство для его спасения: выпустить его на свободу, но устроители, предназначавшие его для придворного опыта, тянули его веревками к земле. Потоки полившегося дождя и бешеные порывы бури в несколько минут смыли и сорвали с него все монархические вензеля и позолоту и оставили одно голое, попорченное полотно.

Воздух не захотел его принять в таком виде...

После катастрофы с первым шаром Этьен Монгольфье принялся за сооружение второго, и 19 сентября 1783 года новый шар поднялся, наконец, благополучно на воздух в Версале в присутствии короля, не высказавшего, впрочем, при виде его никакого восторга. Один молодой энтузиаст, Пилатр де Розье, тогдашний учитель физики и будущий великий воздухоплаватель и первая жертва заоблачных высот, еще за две недели перед этим просил академию наук позволить ему подняться вместе с шаром, но король ни за что не хотел разрешить полет своих подданных и отдал приказ по полиции не допускать подобных попыток. Просьба Пилатра де Розье была оставлена без последствий, и к шару вместо него была привязана клетка, в которую посадили барана, петуха и утку. Таким образом, благодаря королевскому запрету, они и оказались первыми международными путешественниками на аэростатах в заоблачные страны. (Проф. Галле. Открытые тайны древних магов и чародеев. М., 1799 . Ч . II, с. 363.)

Порывом непокорного ветра, как будто протестовавшего против такой насмешки, шар был значительно поврежден еще ранее взлета и отчасти лопнул, но прореха все же была невелика. Горячий дымный воздух продержал его в высоте около 10 минут, а ветер унес за 4 километра от места отправления. Несколько молодых людей верхами поскакали вслед за шаром, и когда он спустился, вынули из клетки трех ее пассажиров. Все оказались целы, и только петух расцарапал себе голову, да и то лишь потому, что очень бился о прутья, когда клетка некоторое время волочилась по земле.

С торжеством повезли их обратно в Версаль, показывая восхищенной публике, и кто съел потом этого петуха и утку, так и осталось неизвестным в летописях воздухоплавания... О баране же проф. Галле в своей книге «Открытые тайны древних магов и чародеев» (русск. перев. 1799 г.) повествует, что он был пущен в придворный зверинец и гулял там с ошейником, на котором было написано: Неболёт (Monte-au-ciel).

С этого момента ничто не могло уже остановить попыток различных смельчаков добиться отмены королевского указа. Король все не соглашался, и наконец, когда различные влиятельные люди, побуждаемые то тем, то другим из желающих летать, начали слишком упрашивать его, объявил, что если уж нужно кому-нибудь раз навсегда сделать подобный опыт, то пусть посадят в гондолу шара двух убийц, недавно осужденных на смерть, и он за это даст им помилованье. Но о таком решении вопроса никто и слышать не хотел. Мысль, что первыми пионерами великого дела после барана, петуха и утки будут еще двое убийц и грабителей, возмущала всех. Неизвестно, как кончился бы конфликт между королем и народом, если бы Пилатр де Розье не нашел себе товарища в одном молодом аристократе, маркизе д'Арлан, который через свою приятельницу, маркизу Полиньяк, пользовавшуюся большим влиянием на короля, добился, наконец, через два месяца хлопот отмены королевского декрета и получил разрешение для себя полететь вместе с Пилатром де Розье.

Так сбылась заветная мечта, и два представителя человечества свобод-но взлетели в высоту!

Это великое событие произошло 21 ноября 1783 года, за 7 лет до великой французской революции. Шар системы Монгольфье отделился от земной поверхности в саду Мюет, в Пасси, предместье Парижа, и через полчасу спустился в другом предместье Бют-о-Гайль на расстоянии 8 километров, пролетев почти над всем городом. Здесь впервые обнаружилась и большая опасность полетов на монгольфьерах, как с тех пор стали называть аэростаты, поднимаемые нагретым воздухом, в отличие от шарльеров, т.е. наших обычных аэростатов, наполняемых водородом или более дешевым светильным газом.

В то время как путешественники находились уже на высоте около одного километра, д'Арлан вдруг заметил, что прутья пола у их корзины начали тлеть от искр, разбрасывавшихся из находившегося по ее середине железного очага, служившего для поддержания высокой температуры внутри шара. Через несколько мгновений прутья должны были загореться, и огонь затем охватил бы весь шар. С помощью влажной губки он потушил начинающийся пожар, а вместе с ним погас и огонь в очаге, и аэростат стал спускаться прямо в Сену. Чтоб не попасть в реку и не быть прикрытым в воде оболочкой собственного шара, Пилатр де Розье вновь развел огонь в очаге и, поднявшись, держался в высоте, пока их не отнесло на сухое место. Но и тут спуск произошел не совсем благополучно. В самый момент прикосновения к земле успел быстро выскочить из корзины под ша-

ром только один д'Арлан, а Пилатр де Розье, предоставивший ему выйти первым, был прикрыт упавшей оболочкой, и только распоров ее ножом, выскочил вон, чуть не задохнувшись в наполнявшем ее дыме.

Весь возвратный путь смелых воздухоплателей через Париж представлял из себя одно триумфальное шествие. В тот же день был составлен о событии новый протокол, подписанный учеными и известными общественными деятелями, в том числе и первым посланником Заатлантической республики в Европе Вениамином Франклином, одинаково замечательным и как ученый, и как политический деятель.

Этой уступкой общественному мнению королевское правительство, по-видимому, и думало ограничиться в деле развития воздухоплавания, но общество и тут взяло на себя дальнейшую инициативу. В несколько дней открывая Шарлем подписка дала ему 10 тысяч франков, необходимых для приготовления полета на водородном аэростате. Не прошло и месяца, как был готов большой шелковый шар, и 1 декабря 1783 г. в Тюльери два новые путника отправились в высоту.

Это был сам Шарль вместе с одним из братьев Роберов, приготовлявших на своем заводе его шары. В толпе, смотревшей на это поднятие, находился и Этьен Монгольфье.

Увидев своего предшественника, Шарль перед полетом горячо приветствовал его и с той скромностью, которая характеризует всех истинно талантливых людей, подал ему веревочку с маленьким пробным воздушным шаром и просил пустить его вверх, чтоб определить направление ветра для предстоящего полета.

– Вы показали нам дорогу к небесам! – сказал он ему после взлета шара, в знак признания за ним первенства в открытии, и его слова послужили потом для известной надписи, отчеканенной, по инициативе академии наук, в честь братьев Монгольфье: «*sis itur ad astra* (так идут к звездам)».

«Ничто, – писал потом Шарль о своем полете, – не может сравниться с тем радостным состоянием, какое овладело всей моей душой, когда я почувствовал, что поднимаюсь над землей. Это было не удовольствие, это было счастье. Оно сменилось затем восторгом перед величественной картиной, открывшейся перед нами. Внизу было одно сплошное море человеческих голов, вверху безоблачное голубое небо, вдали открылись чудные горизонты»...

Аэростат медленно перелетел через Сену и, пройдя около 36 километров, спустился в местечке Нельи, где обитатели, уже слыхавшие, как и повсюду во Франции, о начавшихся воздушных полетах, встретили их с энтузиазмом. Но Шарль не хотел еще успокоиться и, высадив своего спутника и облегчив, таким образом, вес прибора сразу пудов на пять, велел державшим шар крестьянам выпустить веревки и снова взлетел в 10 минут на высоту около трех километров (верст).

В этот раз он оставил земную поверхность уже после того, как закатилось на ней солнце, но на высоте около двух километров он снова увидел

его, и оно озолотило своими розовыми лучами и его, и шар, и гондолу... «Я был, – писал он, – единственным освещенным предметом, а вся остальная природа представлялась мне в эту минуту погруженной в ночь».

Но вскоре солнце зашло и для него, и он спустился в полной темноте в 4 километрах от прежнего спуска.

Путешествие Шарля было вместе с тем и первым из научных полетов. Он захватил с собою термометр и барометр и тщательно записывал их показания на разных высотах. Подробности его полета произвели фурор в Париже.

Население устраивало ему овации, академия наук назначила его вместе с Пилатром-де-Розье, Робером и д'Арланом своими сверхштатными членами, а король, все время сопротивлявшийся таким полетам, назначил ему теперь пенсию в 2 тыс. ливров...

Так, преодолев одним могучим порывом все преграды, воздухоплавание завоевало себе сразу права гражданства во Франции, а с ней и во всех цивилизованных странах. Одни за другими стали взлетать в свободную высоту воздушные шары, но гордая высота все еще не признавала себя побежденной. В продолжение целого столетия после изобретения аэростатов они носились в ней по воле ветров, и все попытки управлять их полетом оканчивались неудачей.

3

Ковры-самолеты и воздушные корабли

Да! Легенда о Дедале и Икаре не теряла своего пророческого смысла во весь период деспотизма в истории человечества, и на крыльях, сделанных в неволе старого режима, ни одному человеку не удалось по своей воле летать в голубой дали. Но как изобретение крыльев из орлиных перьев было для Дедала и Икара предвестником их грядущего освобождения, так и изобретение аэростатов, сделанное за немного лет до великой революции, было кануном гражданского освобождения западноевропейских государств.

Это была первая ступень нашего открывшегося пути к звездам, той легендарной лестницы Иакова, ведущей от земли в небеса, конца которой мы в настоящее время не можем еще видеть...

Теперь мы поднялись уже на ее вторую и третью ступень. Изобретено, наконец, управляемое воздухоплавание. Величественные воздушные корабли – дирижабли – начинают плавать над нашими земными жилищами, и, как ласточки, начинают проноситься вверх аэропланы. И хочется думать, что не утратится и здесь пророческий смысл древней легенды, и наш переход к свободному движению в высоте будет предшественником окончательного освобождения народов от последних остатков господствовавших над ними когда-то в полной силе произвола и суеверия. Как это ни странно, но и теперь счастье быть первыми пионерами этого великого дела принадлежит не самым высокообразованным народам Старого света, но

самым свободным Нового. Сантос-Дюмон, осуществитель воздушных кораблей, родился и вырос в глубине Бразилии, накануне ее перехода к республиканскому образу правления, братья Райт, изобретатели аэропланов, родились свободными гражданами Соединенных Штатов Северной Америки.

Я расскажу сначала об изобретении управляемых аэростатов.

Как и все искатели новых путей в воздухоплавании, Сантос-Дюмон стремился летать с самого раннего детства. Едва достигнув восемнадцатилетнего возраста, он отправился в Европу, в более близкую ему по духу Францию, и тотчас же обратился к одному профессиональному воздухоплавателю с просьбой взять его с собой при одном из будущих полетов.

Но тот запросил с него две тысячи франков, и Сантос-Дюмон, не будучи в состоянии дать такую сумму, грустно уехал обратно в глубину Бразилии, так и не осуществив своей заветной мечты. Прошло несколько лет. Он получил по наследству большое состояние и вновь отправился в Париж с тем же самым давнишним желанием. Потерпев уже раз разочарование от ярмарочных профессионалов, он более не захотел к ним обращаться и вошел в переговоры с одним из фабрикантов, изготовлявших, между прочим, и аэростаты, который дал ему возможность за умеренную сумму принять участие в полете. В восторге от пережитых ощущений Сантос-Дюмон заказал аэростат собственного изобретения, небывало малых размеров и веса (около полутора пудов), и, назвав его в честь своей далекой родины Бразилией, начал совершать на нем полеты, приводившие своею смелостью в изумление весь Париж...

Летание в высоте по воле ветров скоро перестало его удовлетворять. Но как можно бы было сделать аэростат управляемым? Хорошо знакомый с теорией и практикой воздухоплавания и со всей его предыдущей историей, так как книги об этом были его любимым чтением в детстве, Сантос-Дюмон уже понимал, что приспособить обыкновенные паровые или даже электрические двигатели здесь было совершенно невозможно. Их тяжесть требовала постройки огромных шаров, а громадность увеличивала сопротивление воздуха движению, и потому лучший образец этого рода, дирижабль «Франция», построенный в Париже Ренаром и Кребсом в 1884 году, с электрическим двигателем, не мог бороться даже с ветром средней величины. Хотя скорость его и доходила вначале до 6,5 метров в секунду, что соответствует лошади, бегущей средней рысью, но она быстро терялась, и электрические батареи требовали скорого перезарядки на земле.

И вот Сантос-Дюмону, постоянно думавшему об этом предмете, вдруг пришла в голову мысль: нельзя ли приспособить к решению задачи легкие бензиновые двигатели, выработанные в начале двадцатого века сильно развившейся автомобильной практикой? Профессионалы воздухоплавания, с которыми он советовался, только качали головами, утверждая, что неизбежно произойдет катастрофа, так как бензиновые двигатели, работая толчками, скоро перетрут и разорвут оболочку аэростата, благодаря тому, что мотор будет привешен к ней тонкой и дрожащей веревочной сетью и стержнями. Но Сантос-Дюмон не хотел помириться с такой мыслью. В один

прекрасный день он отвинтил мотор у своего автомобиля, отправился с ним в лес и, привязав к деревьям, сел на него верхом и пустил в ход, прикрепив к оси нечто вроде мельничного крыла. Крыло быстро завертелось, мотор рванулся вперед, а предприимчивый всадник почувствовал, что толчки вовсе не так резки и сильны, чтоб можно было опасаться повреждения оболочки шара.

Немедленно он заказал продолговатый рыбообразный аэростат, приделал к нему гондолу с бензиновым двигателем и 18 сентября 1898 года сделал первый опыт.

Его нетерпение было так велико, что он не мог подождать даже более или менее тихой погоды или подыскать открытое ровное место. Порывом сильного ветра его дирижабль нанесло на группу деревьев и разорвало оболочку раньше, чем он мог взлететь над их вершинами. Сантос-Дюмон, не теряя времени, принялся за починку и через два дня предпринял новый полет. В этот раз сначала все пошло прекрасно. Мотор заработал безукоризненно, лопасти винта замелькали с неуловимою для глаза быстротою, руль действовал прекрасно, воздушный корабль то поднимался, то опускался, по мере того как аэронавт передвигал его груз то назад, то вперед, заставляя этим подниматься поочередно вверх то его нос, то корму.

Но тут, увлекшись, Сантос-Дюмон сделал неосторожность: он допустил свой аппарат подняться вверх на целых 400 метров и этим освободить часть наполнявшего его газа, так как он не был герметически замкнут. Пока продолжалось поднятие, это было безвредно. Но при обратном спуске в более плотные слои атмосферы давление наружного воздуха, не находя достаточного противодействия изнутри, стало сплющивать дирижабль, и он совершенно перегнулся, как бы переломился посередине. Его спуск превратился в падение, и Сантос-Дюмон остался цел и невредим только благодаря какому-то чуду.

Однако главное дело было сделано. Возможность достигать значительных скоростей с помощью бензиновых двигателей и легкая управляемость таких аэростатов были доказаны. Один за другим делал Сантос-Дюмон все новые и новые дирижабли и на третьем из них совершил, наконец, 13 ноября 1899 г. один из самых замечательных своих полетов.

«Это было счастливейшее воздушное путешествие, – рассказывает он сам, – из всех, сделанных мною до того времени. Из Вожирара (предместье Парижа) я отправился по воздуху на Марсово поле, которое привлекало меня сверху своей гладкой поверхностью. Там, над этим огромным планом, я мог свободно упражняться. И мой аэростат послушно делал круги в воздухе, поднимался и опускался, шел по ветру и против ветра. Это была победа, давножданная, страстно желанная победа! Но мне не было времени всецело отдаться охватившему меня чувству. Увидав Эйфелеву башню, я решил облететь ее, держась на почтительном расстоянии, и выполнил это успешно несколько раз.

Затем я отправился в Парк-о-Пренс; оттуда в Багательль и спустился там, на том самом месте, где год назад потерпел крушение мой первый аэростат».

Это был настоящий триумф управляемого воздухоплавания. Полет Сантос-Дюмона вызвал в Париже взрыв энтузиазма не меньший, чем первый полет Пилатра де Розье сто лет тому назад в том же городе. Сантос-Дюмон стал самым популярным человеком во Франции. Все спешили его увидеть, выразить ему свой восторг и сочувствие. Один богатый любитель воздухоплавания Дейч, убедившись по полету Сантос-Дюмона, что задача управления аэростатом почти решена, передал Французскому аэроклубу приз в 100 тысяч франков, предназначенных тому, кто, поднявшись с аэродрома в Сен-Клу, пролетит над Парижем и, обогнув Эйфелеву башню, вернется на место отправления не позже как через полчаса, сделав таким образом около 11 верст.

Сантос-Дюмон не нуждался в деньгах, но, желая доказать, что задача Дейча исполнима, решился 8 августа 1901 г. сделать предложенный полет. У него не было конкурентов, и, исполнив задачу, он тотчас получил приз, половину которого отдал своему механику, а другую на разные общественные благотворительные учреждения.

С этого момента все цивилизованные страны начали строить воздушные корабли. Частные лица и общества делали их для воздушного передвижения, а правительства для разведок неприятеля на случай войны. Кроме мягкой системы дирижаблей Сантос-Дюмона и потом Парсеваля появилась полужесткая конструкция Лебоди и совершенно жесткая: гигантские сооружения Цеппелина в Германии. Был выработан, наконец, целый ряд других систем, придуманных, главным образом, военными воздухоплателями. Но вскоре боевое значение воздушных кораблей сильно пошатнулось, если не парализовалось новым, третьим фазисом развития воздухоплавания: изобретением аэропланов.

И это вполне понятно. Всякий, кому хотя раз в жизни приходилось наблюдать совместный полет аэропланов и дирижаблей, мог наглядно убедиться в полной беспомощности каждого из последних перед десятками первых. Аэропланы кружатся вокруг дирижабля, поднимаются над ним и ныряют под него совершенно как ласточки вокруг тяжелого журавля.

Нетрудно видеть, что аэропланам ничего не стоит подняться над дирижаблем и пробить разрывными или зажигательными пулями его даже жесткую оболочку и, таким образом, вызвать или крушение, или необходимость быстрого спуска на землю. Для меня нет ни малейшего сомнения, что воздушным кораблям предстоит только мирное будущее: их ожидаемое некоторыми правительствами военное значение отцвело, не успевши расцвести, и после первой же войны все окончательно убедятся в их бесполезности для боя и будут употреблять исключительно для культурных целей и для быстрого международного сообщения.

Примечание 1924 года: эта лекция была читана до войны, в 1913 году, и, как увидим далее, несмотря на постройку площадки с пулеметами на верхней части германских цеппелинов, они действительно совсем не могли появляться днем в районах действия аэропланов.

Ковры-самолеты

Как произошло открытие аэропланов? Я уже рассказывал, что все первоначальные мечты человечества были направлены, главным образом, не на изобретение воздушных кораблей, а на устройство крыльев, вроде птичьих, или – как советовал Леонардо да Винчи в эпоху Возрождения, – по образцу летучих мышей... Но много лет прошло до того времени, когда Отто Лилиенталь в Германии практически осуществил в 1891 г. такую идею, устроив свой планер и удачно слетая на нем с холма, как парящая птица, причем он отлетал иногда почти на полверсты расстояния от места спуска. Но этот парящий полет, хотя восходящие порывы ветра и поднимали Лилиенталья иногда выше обрыва, с которого он бросался, все же был не взлетом, а лишь своеобразным падением.

На его планере не было винтового двигателя, который побуждал бы самостоятельно идти вперед и забираться вверх, а его плотно укрепленными крыльями нельзя было махать по-птичьи и заменить этими движениями винтовой двигатель. Нужно было так или иначе сообщить аппарату самопроизвольное движение, и Лилиенталь уже мечтал о приспособлении к нему винта, когда при одном из своих полетов, в августе 1896 года, неожиданный порыв ветра перевернул его крылья и он погиб, успев сказать лишь одну фразу: «К сожалению, я не обладал инстинктом птицы, чтобы угадывать невидимые течения воздуха!..»

Но попытки Лилиенталья не погибли бесследно. Еще в первые годы его полетов у него явились последователи в разных странах, и среди них выдавались особенно братья Райт в Соединенных Штатах. И они с раннего детства увлекались вопросами воздухоплавания, читали с жадностью все книги по этому предмету, и лучшими их играми было пускание воздушных змеев и винтовых летающих бабочек в окрестностях их родного городка Дейтона в штате Огайо. Героический период в развитии летательных аппаратов тяжелее воздуха, начавшийся с Лилиенталья, застал их уже взрослыми людьми. Сделав более двух тысяч полетов, они освоились вполне с пребыванием в воздухе и пришли к заключению, что самым устойчивым летательным прибором является биплан, т.е. воздушный змей из двух плоскостей, находящихся друг над другом. Узнав об успешном применении Сантос-Дюмоном бензиновых двигателей к аэростатам, они захотели применить их и к планерам, и вот 19 декабря 1903 года в одном из уединенных мест около города взлетел в атмосферу, еще без пассажира, первый аэроплан.

В восторге от успеха братья Райт переселились в очень уединенную местность около своего родного города в 40 километрах от ближайшего постороннего жилища и там, построив мастерскую, занялись дальнейшими опытами. К осени 1903 г. они уже окончательно овладели своими приборами, описывали на них в воздухе всевозможные кривые линии, а к концу 1906 года совершали полеты, продолжавшиеся до получаса, и достигали скорости 60 километров (верст) в час. Как ни таинственно про-

изводили они свои опыты, но смутные слухи о их попытках начали проникать в американскую печать, а сама идея планирующего летания начала независимо возникать сразу у многих лиц. И здесь наиболее предприимчивым и смелым оказался Сантос-Дюмон, который устроил биплан своего собственного изобретения и, испытав его пригодность, совершил 12 ноября 1906 г. на одной из полян Булонского леса, близ Парижа, два небольших полета: один в 60, а другой в 220 метров длины.

Это было еще очень немного. Он, в сущности, только вспорхнул два раза в воздухе. Но весь энтузиазм общества, вся предприимчивость изобретателей сейчас же направились с тех пор на этот новый путь, где смелость и находчивость авиаторов, как стали называть летающих на аэропланах, в отличие от аэронавтов, плавающих на воздушных шарах и кораблях, играла первенствующую роль.

Сначала все как будто замерло от изумленья, и почти целый год после взлета Сантос-Дюмона не было сделано ни одной попытки, если не считать братьев Райт, все еще практиковавшихся в Америке в своем уединении. Но вдруг как будто хлынул какой-то поток из прорвавшейся плотины!

С конца 1907 г. с каждым месяцем начали осуществляться все новые, все более длинные и высокие полеты. Стали изобретаться все новые и новые системы аэропланов. Наряду с бипланами Сантос-Дюмона и братьев Райт и развившимися из них бипланами Вуазена, Фармана и др. появились новые аппараты-монопланы, напоминающие собою стрекозу и содержащие только одну пару крыльев, как, например, монопланы Блерио, Ньюпора Антуанетт и др. Благодаря новым усовершенствованиям в моторах и в конструкции самих аэропланов стало осуществляться то, что казалось осужденным навеки оставаться в области волшебных снов и мечтаний. Уже к концу 1909 г. Анри Карман пролетел на своем биплане (3 ноября 1909 г.) с лишком 234 километра в продолжение 4 часов 17 минут, а Латам 19 ноября того же года достиг высоты 510 метров. Наибольшая же скорость аэропланов была доведена Сантос-Дюмоном до 100 километров в час, тогда как скорость воздушных кораблей дошла в то время лишь до 38 километров (дирижабль Colonel Renard).

Ничто уже не могло и не будет в состоянии задержать поднявшуюся волну, охватывающую теперь могучим приливом весь земной шар, потому что она возникла в граждански свободных странах, где нет и не будет никакого противодействия для частной инициативы в стремлении человека улететь в высоту.

И тогда легенда о Дедале исполнится во всем ее пророческом смысле, и сын его, грядущий свободный Икар, уже не обожжет себе крыльев в свободной высоте, потому что они будут сделаны граждански свободными людьми. И это великое изобретенье само будет новым и могучим фактором дальнейшего освобождения человечества!

Никто из тех, кому хоть раз приходилось летать и видеть картины дивной красоты, раскрывающиеся с высоты, ни на минуту не усомнится в

этом. С развитием управления воздушных кораблей, а затем и аэропланов, мы подыдем теперь на третью ступень той великой лестницы, которая ведет от земли в небеса.

Мы будем летать теперь, как Блерио, через моря, носиться, как Шавес, над снежными вершинами альпийских гор, куда не ступала еще нога человека, и скоро перелетим через ледяные континенты полярных стран и через знойные безлюдные пустыни Азии и Африки! И мы сделаем нечто много большее. Не пройдет и двух десятков лет, как в голубой атмосфере, над нашими головами, будут плавать по всем направлениям воздушные корабли, совершая кругосветные путешествия! И тогда исчезнут границы наций, а вместе с ними войны и вражда, и все народы сольются в свободной высоте в одну общую великую семью! Конечно, этот новый подъем обойдется и без новых жертв. Но где же их не было? Разве первые пионеры всякой новой великой идеи не гибнут за нее первыми? «Безумству смелых поем мы славу!» – и смелые приведут нас к победе; они унесут нас в заоблачные страны и сделают, наконец, человечество свободным и счастливым!

Научное и культурное значение воздухоплавания и авиации

(Из лекций «Систематического курса воздухоплавания и авиации», читавшихся при авиационной школе Всероссийского аэроклуба в 1912 году)

И жизнь манит наверх, где нет ни зла, ни боли,
Туда, где лишь века своей оставляют след...
Подальше от земли, подальше от неволи,
Наверх, чтоб видеть свет!

Яго

Из всех теоретических и практических лекций, читающихся в нашей авиационной школе, на мою долю выпала сегодня самая трудная. Действительно, во всех остальных случаях приходится говорить о том, что было сделано и что делается теперь в области воздухоплавания и авиации, а вот сегодня я должен рассказать вам еще и о том, что в ней не сделано, но будет сделано, и какое значение это, еще не сделанное нами, будет иметь для культурного развития человеческого рода, потому что, как вы сами знаете, равная культурная роль воздухоплавания и авиации пока лежит целиком в грядущем!

Но ведь это то же самое, что предсказать, не будучи пророком, судьбу только что родившегося младенца.

В средние века такими целями задавались забытые теперь бронтологи, предсказывавшие судьбу людей и всевозможных их предприятий по формам и движениям облаков; то же самое делали по звездам и более памятные нам астрологи.

А мы теперь не верим уже ни в бронтологию, ни в астрологию, и потому, носясь над землей на наших аэропланах и аэростатах между вещами когда-то облаками и под еще более вещими небесными светилами, не призываем ни тех, ни других, чтоб они предсказали нам дальнейшую судьбу

хоть того самого изобретения, которое привело нас в надоблачные высоты, а в грядущем, по-видимому, приведет и за пределы нашей атмосферы. Однако же, и теперь мы не совсем беспомощны! Даже совершенно наоборот! Современная наука часто дает нам способы узнавать будущее, несравненно более надежные, чем оккультные науки прошлого давали нашим предшественникам в темные средние века. И все эти способы зиждутся на одном первостепенном основном положении: корни грядущих событий глубоко уходят в прошлое, и, таким образом, по виду этих корней мы, подобно кротам, роющимся в земле и не видящим никогда того, что творится над ее поверхностью, можем качественно и количественно определять и соответствующие им вершины.

В точных науках мы это делаем даже с величайшей верностью. Так, в астрономии по прежним движениям небесных светил мы, как вы знаете, вычисляем безошибочно и все их будущие движения, как только выведем их законы, пользуясь фактами, наблюдаемыми в прошлом. Мы предсказываем благодаря их корням в минувшем и солнечные, и лунные затмения, и возвращения периодических комет, и ослабления в блеске переменных звезд... И все происходит так точно, как будто бы мы описывали нечто видимое для наших собственных глаз в будущем...

То же самое и в других, менее точных науках. В социологии, например, пользуясь указаниями истории и статистики предыдущих лет, т.е. опять-таки корнями грядущих событий в прошлом, мы указываем дальнейшее развитие различных социологических факторов и явлений. Зная прирост населения в какой-либо стране за предыдущие десятилетия, мы определяем его и для ближайшего будущего; наблюдая развитие какого-либо рода промышленности в прежние годы, мы указываем, чего должны ждать для него и впереди...

Да и вообще, исходя из известного нам первобытного общественного строя и первобытных идеалов человечества, мы предугадываем его идеалы и его общественный строй в отдаленные века и сознательно или бессознательно стремимся к их осуществлению...

Обращаясь теперь к затронутому нами сегодня предмету, мы видим, что его корни еще очень невелики.

Авиация насчитывает пока лишь несколько лет своего существования, а воздухоплавание – менее полутора столетий... А ведь это – лишь один момент в сравнении с сотнями тысяч, даже миллионами лет, которые будут жить люди на земле и пользоваться их услугами!

Однако же и по доступным для нас ничтожным корням их в прошлом мы можем предсказать, основываясь на их специфических особенностях и на быстром росте, что они принадлежат могучему дереву, которому суждено покрыть своими ветвями весь земной шар.

Посмотрим же, откуда это видно.

Культурное значение какого бы то ни было открытия для человечества может быть или прямое, или косвенное, посредством соприкасающихся с ним посторонних общественных факторов.

Рассмотрим же сначала прямое культурное влияние воздухоплавания и авиации.

Хотя оно почти целиком еще впереди, но и теперь применение воздушных путей сообщения к общественной жизни рисует воображению такие увлекательные картины, что на этот сюжет написаны уже десятки самых фантастических романов. Я, конечно, не могу здесь перенестись с вами в мир волшебных грез, так как у нас не литературный вечер, а одна из научных лекций нашей Авиационной школы. Здесь я могу говорить вам лишь о том, что имею возможность обосновать серьезными соображениями, и потому укажу только на ближайшие культурные результаты, с которыми едва ли кто-нибудь не согласится. Прежде всего культурное значение воздухоплавания, когда оно достаточно разовьется, скажется на общественной жизни океанских островов. Подумайте только, сколько поистине райских клочков земли разбросано по поверхности Тихого океана и других земных морей, среди необозримого водного простора, с вечно свежим, чистым морским воздухом! До настоящего времени они неизбежно оставались захолустьями цивилизации. Их жители теперь чувствуют себя почти совершенно отрезанными от остального человеческого рода, который кажется им, вдали, за пределами видимого горизонта, чем-то чуждым, посторонним. Ведь весь огромный мир, о котором они слышат от редких заезжих мореплавателей, является для них почти таким же недоступным, как для нас – луна!.. Управляемое воздухоплавание и авиация сразу все это изменят и из захолустьев культурной жизни превратят острова (именно благодаря их отдаленности от густонаселенных равнин) в любимые места отдыха для человечества в каникулярное время. Это будут лучшие культурные и курортные пункты, тесно связанные воздушными путями со всем остальным миром.

То же самое будет и с оазисами пустынь, этими своеобразными островками среди бесплодных каменистых или песчаных морей, окруженных сказочным царством миражей, словно детских грез земли, с их своеобразной красотой, которою так восхищаются путешественники, достигавшие этих заколдованных уголков с великими трудами и опасностями на качающихся горбах своих верблюдов... А горные вершины? Всякий, кому приходилось на них взбираться в Швейцарии или у нас на Кавказе, знает, каких трудов это стоит, но зато, добравшись, наконец, до вершины, измучившийся путник вдруг видит с высоты такую дивную картину, которая мгновенно заставляет его забыть о своей страшной усталости...

Воздухоплавание и авиация сделают их так же легко доступными в несколько минут, как доступна для вас зала нашего аэроклуба!

А доступность горных вершин окажет человечеству в культурном отношении и еще одну, и притом очень важную услугу. Вы все знаете, что тропические страны часто являются, благодаря своей жаре и лихорадке, почти совсем невозможными для постоянного пребывания уроженцев умеренных климатов, т.е. для наиболее цивилизованной части современного

человечества. Однако во всех жарких странах есть высокие горы; в Индии – Гималаи, в Центральной Африке – Кения и Килиманджаро, в тропической Америке – Анды и т. д.

Их малодоступные теперь вершины характеризуются не только умеренными, но, на некоторой высоте, даже холодными климатами. Таким образом, огромные пояса на склонах тропических гор как бы самой природой приспособлены для постоянных поселков человеческих рас, наиболее активных как в умственном, так и в физическом смысле. При развитии воздухоплавания они тоже станут культурными центрами и любимыми местами отдыха для всех нуждающихся в нем и, кроме того, сделают вполне доступными для уроженцев умеренных стран все заросшие тропическими лесами равнины и низины у своего подножия, так как с наступлением вечерней или утренней прохлады легко будет на них слететь и возвращаться обратно на горы перед наступлением нестерпимого дневного зноя. Точно так же сделаются доступными для всех и менее роскошные по своей природе, но заманчивые по своему исключительному положению полярные страны с их ледяными горами и полями, во мгле полугодной ночи, под своими подвижными занавесями полярных сияний... На каждом полюсе земли вырастет, конечно, благодаря воздухоплаванию, по целому оригинальному городу с постоянно прибывающим туда и через несколько времени снова уезжающим переменным населением.

Но все эти непосредственные культурные услуги воздухоплавания человечеству окажутся совершенно ничтожными в сравнении с одной, тоже прямой его услугой: оно уничтожит все границы народов и сольет их в одну общечеловеческую семью!

Нетрудно видеть, что границы, изолирующие народы, могут существовать только до тех пор, пока человечество ограничено в своих движениях исключительно пространством двух измерений, т.е. поверхностью земли, по которой оно может двигаться лишь в длину и ширину. Только такое пространство и можно огородить китайской стеной всевозможных таможен и застав, как древним магическим кругом, через который не в силах переступить непосвященный. Как только воздухоплавание, развившись, даст массам населения возможность двигаться и по третьему измерению нашего пространства – высоте, – так люди сейчас же перепрыгнут через всякие стены и загородки! Для охраны границ до высоты облаков, особенно в ненастное время года, потребуются такие армии пограничной стражи, которые в несколько лет поглотят все финансовые ресурсы самого богатого государства. О такой самоубийственной изоляции государств, конечно, не будет и речи при будущей общедоступности воздухоплавания и авиации.

Экономические потребности, постоянно влекущие массы рабочего народа на заработки в отдаленные местности, при скорости и легкости путей воздушного сообщения сделаются непреодолимыми и будут перебрасывать по воздуху массы народа не только в соседние государства, но и на соседние континенты, по мере колебаний в них спроса и предложения на

труд. Противодействовать таким приливам и отливам посредством пограничных препятствий будет так же наивно, как пытаться остановить весенний разлив рек воткнутыми поперек их русла ивовыми прутиками.

Начавшееся благодаря этому умственное, моральное и экономическое сближение народов проявится прежде всего в самопроизвольном избрании ими какого-либо языка как международного.

Не можем ли мы и теперь уже предсказать, которому из современных языков придется сыграть эту роль? В настоящее время с такой целью предлагаются некоторые искусственные языки: эсперанто, воляпюк и т.д. Почему предлагаются искусственные, а не один из естественных?

– Для того, – отвечают, – чтобы не было зависти у народов, принужденных учиться новому языку, к тому народу, который будет говорить на нем, не учась...

Мне лично всегда очень стыдно слышать этот аргумент.

Я не думаю, чтобы крылатые люди будущего были так мелочно завистливы, и, вероятно, они, как и я, скорее будут радоваться, если хоть одному из их собратьев удастся избежать такой малоинтересной науки, как зубрежка нового языка.

Затем, говорят, искусственный язык будет очень легок для изучения... Но каков бы он ни был, он будет легок только тому, кто заранее уже знает корни его слов! Кто этих корней не знает из своего родного наречия или из заранее изученных им иностранных языков (эсперанто, например, требует предварительного знания одного из романских наречий), тому изучение искусственного языка будет почти настолько же трудно, как и любого естественного...

Вот почему, стараясь в своих выводах стоять на чисто объективной точке зрения, на точке зрения беспристрастного исследователя или простого наблюдателя совершающихся явлений – а не агитатора, желающего способствовать достижению какой-нибудь заранее предусматриваемой им цели, – я думаю, что ближайшим международным языком окажется тот, который наиболее распространен по земной поверхности, который обладает крупной научной и изящной литературой и, кроме того, принадлежит промышленному и подвижному населению, способному сильно развить воздушное судоходство, когда оно пройдет свой теперешний героический период и сделается сравнительно безопасным и общедоступным...

Из всех современных языков таким, несомненно, является английский. Он овладел уже двумя полными континентами: северной Америкой и Австралией; он стремится в Африку с севера, из Египта, а также с запада и с юга из других английских областей; он овладевает, как международный язык, Азией, скоро проникнет через Панамский канал в Южную Америку; он сильно распространяется по Европе, вытесняя в обществе прежний его международный язык – французский... Говорящий им народ – один из самых промышленных и подвижных. (Все это было сказано еще до войны в 1912 году, но и теперь я не вижу причины изменять своего мнения [1924 г.])

Все эти факты заставляют ожидать, что крылатая эра человеческой жизни в первое время поведет к сильному международному распространению английского языка, до тех пор, пока из всех своих наречий смешавшееся в воздухе человечество не выработает один высший язык, такой богатый в грамматическом, звуковом и идейном отношениях, о каком мы теперь не можем и мечтать.

Вместе с тем воздухоплавание приведет и к полному торжеству гражданской свободы. При легкости перемещения ни у кого не окажется охоты оставаться на всю жизнь под деспотическим режимом, да он и немислим будет в такую эпоху, когда гражданам свободных стран, не привыкшим подчиняться насилию, придется постоянно массами посещать малокультурные страны и невольно прививать им привычки гражданственности, в основе которых лежит свободолюбие и трудолюбие.

Таковы неизбежные ближайшие культурные результаты предстоящего развития воздухоплавания и авиации. Я не буду далее развивать его прямые последствия, чтобы не сходить с твердой реальной почвы и не ударяться в фантазерство, и потому перехожу к косвенному культурному влиянию, через соприкасающиеся с воздухоплаванием и авиацией науки и искусства.

Я не буду здесь говорить о применении воздухоплавания в войне как разведочного средства, как способа разрушения крепостей и так далее. Об этом предмете в нашем курсе будет прочитана особая лекция специалистом, который и покажет вам, до какой степени воздухоплавание и авиация стали необходимы, чтобы обеспечить победу на войне. Я хочу здесь говорить совсем о другой, еще никем не затронутой стороне вопроса: о культурном значении воздухоплавания и авиации для человечества даже через самые его войны!

Конечно, ни я и никто из гуманных людей не пожелает войны самой по себе. Но раз войны существуют помимо нашей воли и, вероятно, не одно десятилетие будут еще существовать, то с общекультурной точки зрения желательно, чтобы победа в них всегда оставалась за наиболее передовыми странами. А этому-то, прежде всего, и будет способствовать применение к военному искусству воздухоплавания как средства, сильно облегчающего победу! По самой своей природе оно таково, что быстро и успешно может развиваться только в граждански свободных государствах. Деспотические правительства, стремящиеся принизить население к земле, не дадут ему возможности взлететь в высоту, непременно задержат его всестороннее применение в своих странах и по этому самому будут поражены и низвергнуты им при первом же вооруженном столкновении даже и с менее многолюдными свободными государствами, в которых нет причины бояться летающих людей, где поэтому их образовалось много, и в момент нужды они взлетят легионами неожиданных добровольцев на защиту своей родины. С такой точки зрения косвенное культурное значение воздухоплавания во время войн не может не быть огромным!

Но и в мирные периоды оно не мало, так как способствует развитию нескольких наук, важных для человеческого прогресса. Рассмотрим только некоторые из них.

Оно, прежде всего, сильно облегчит окончательное географическое исследование поверхности земного шара, в особенности таких ее непроходимых пространств, как тропические леса, известные до сих пор лишь на незначительном протяжении от берегов судоходных рек, текущих кое-где среди них. Легкодоступными для исследователя окажутся и местности умеренных и холодных стран, окруженные топкими болотами или заваленные вечными снегами. Утомительную съемку планов посредством астролябий и землемерных цепей воздухоплавание заменит моментальным фотографированием с высоты и чисто механической трансформацией ряда таких снимков в обычные географические карты.

Астрономии развившееся воздухоплавание тоже окажет важное содействие. Не говоря уже о постоянной возможности взлететь за тучи в ненастную погоду для наблюдения внезапно появившейся кометы, внезапно загоревшейся звезды, солнечного затмения или другого небесного явления, воздухоплавание даст возможность построить обсерваторию на каждой заоблачной горной вершине и этим превратить ее как бы в никогда не засыпающий глаз Земли, смотрящий в бесконечность пространства при самых благоприятных атмосферических условиях.

Однако наибольшее косвенное культурное влияние воздухоплавания произойдет через его содействие развитию метеорологии.

В самом деле, едва ли есть какая-нибудь наука, более необходимая для экономического благосостояния человечества, чем метеорология, конечная цель которой есть установить законы изменений погоды и дать возможность предсказывать ее на каждый день и для каждой местности земли. Ведь вся наша жизнь зависит от погоды, это фон всего, что делается на свете! Сколько неудач терпит сельский хозяин только потому, что, не угадав погоды, посеял хлеб перед засухой или не поторопился сжать перед наступающим дождем, и хлеб его пророс на корню!

Половина всего сена портится у нас более или менее, а отчасти и совсем сгнивает только оттого, что наступает ненастье, прежде чем скошенная трава успела окончательно высохнуть. Точно то же и в распределении товаров, которое производится главным образом морем. Сколько кораблей ежегодно гибнут от невозможности предвидеть поднимающейся бури! Благодаря этому самый дешевый, можно сказать, почти ничего не стоящий, способ судоходства – парусное мореплавание – сменился у нас более дорогим способом – пароходами. Возможность предсказывать погоду возвратит парусным судам их первоначальную роль во всех тех случаях, где передвижение товара не требует особенной быстроты. Покорившаяся погода сама будет служить человеку, вместо того чтобы противодействовать ему, как теперь... А путешествие по морю будет тогда приятнее и безопаснее, чем по земле... Такова огромная культурная задача метеорологии как

науки о законах атмосферических явлений, а воздухоплавание сроднилось с нею, можно сказать, с самого дня своего рождения и стало уже прочным базисом ее последующего развития!..

Еще при самом первом полете физика Шарля, изобретателя водородного аэростата, 1 декабря 1783 г., он захватил с собою термометр для измерения температуры в свободной высоте. Через год после этого, 30 ноября 1784 года, Джеффри в Лондоне поднялся специально для метеорологических наблюдений. В самом начале 19 века, 24 июня 1802 г., взлетели с такой же целью Гумбольт и Бонплан до высоты 5878 метров, а в следующем году Робертсон и Лост, поднявшись в Гамбурге, достигли 7400 метров, производя термометрические, барометрические и магнитные наблюдения. Последние привели их к выводу, что сила, ориентирующая магнитную стрелку одним концом к северу, а другим к югу, значительно ослабевает в высоте, и это обстоятельство до того заинтересовало ученых, что наша русская академия наук пригласила Робертсона повторить его полет в Петербурге вместе с академиком Захаровым. Они вслед затем и поднялись оба до высоты 2745 метров и вынесли из своего путешествия, казалось, точно такие же результаты, как Робертсон и Лост.

Конечно, рассуждая вообще, ослабление магнитного поля Земли, по мере увеличения расстояния от ее центра не подлежит сомнению. Всегда можно сказать, что если бы нам удалось поднять стрелку компаса, например, на половину расстояния от Земли до Луны, то она еще задолго до этого приравнялась бы к простому кусочку стали и оставалась бы в том положении, в каком мы ее поставили. Однако наблюдения Робертсона давали слишком уж большие величины. Основываясь на законе Кулона, что магнитное поле ослабевает, как и поле тяготения, пропорционально квадрату расстояния от центра коротких магнитов, великий астроном того времени Лаплас пришел к заключению, что достигнутая поднятием Робертсона прибавка в 7 000 метров к расстоянию от земной поверхности до центра земли, как магнита, слишком мала для того, чтобы вызвать ощутимые изменения ее магнитной силы. Лаплас так энергично оспаривал результаты наблюдений Робертсона и Захарова, что Парижская академия наук поручила своим членам Био и Гей-Люссаку произвести поверочные опыты, и они, сделав ряд свободных полетов, подтвердили теоретические выводы знаменитого творца теории происхождения миров и их систем из скоплений первобытного туманного вещества. Магнитная сила Земли оказалась действительно убывающей так слабо, что они не могли заметить никакой разницы, несмотря на лучшие качества своих инструментов.

Кроме того, поднявшись при втором из своих полетов до 7 000 метров высоты, Био и Гей-Люссак взяли оттуда в непроницаемом мешке пробу воздуха, которая при последующем химическом исследовании в лаборатории показала тот же самый процентный состав постоянных газов, как и у земной поверхности. Этот результат был очень важен для метеорологии, так как прежние исследования, приводившие к подобным же результатам

на вершинах высоких гор, могли всегда вызвать возражения. Ведь слой воздуха, который мы исследуем на горе, в сущности, тот же самый, который полчаса или час тому назад был у ее подножия. Он только прилетел сюда вместе с ветром, ни разу не отставая от земной поверхности, а тот слой, который летел высоко над равниной, был поднят еще выше над горой. Отсюда ясно, что только исследования в свободной атмосфере могли удовлетворительно решить такой важный вопрос.

Затем, после целого ряда научных полетов, сделанных другими учеными и подтвердивших вышеприведенные выводы, Барраль и Биксио совершили по поручению Парижской академии наук два рискованные полета во время бури, давшие ценные указания относительно состояния атмосферы в такие критические моменты. На высоте около 7000 метров они нашли температуру -39° Цельсия и прошли сквозь кучевое облако в два километра высотой, внутренность которого состояла из снежинок. Они не сделали из этого обстоятельства никаких теоретических выводов, но выводы эти, мне кажется, настолько ясны, что мы и сами можем их сделать здесь. Вот один из них.

Во время гроз поверх плоских или клочковатых облачных оснований — начинающихся всегда почти на той же самой высоте и слившихся между собою в сплошную тучу — невидимо проносятся над нашими головами вершины чрезвычайно высоких кучевых облаков. Они лежат, как горы, на сплошной основной туче, из них часто происходят ливни, сопровождающиеся разрядами электричества и состоящие из чрезвычайно крупных, хотя и редких, капель. Как могут произойти подобные капли? Очень трудно допустить, что путем последовательного поглощения первоначальными крошечными капельками водяного газа из атмосферы при их падении. Еще меньше можно допустить, что они образовались слиянием близких друг к другу мелких капелек, потому что заряженные однородным электричеством, все капельки должны отталкиваться друг от друга. Остается только одно допущение. Крупные капли происходят здесь от таяния больших снеговых хлопьев или целых градин, образующихся в таких же высоких кучевых облаках, как и то, через которое пролетели Барраль и Биксио. Только в таком случае объяснится для нас общая картина грозы, проследить которую во всех подробностях нам удастся лишь при помощи новых специальных надоблачных полетов во время гроз.

Затем в 1851 и 1852 годах Уэллш и Грин совершили по поручению Британской Ассоциации ряд полетов из Кью в Англии для выяснения закона убывания температуры по мере поднятия в свободную высоту. В промежутки 1862–1864 годов их работу продолжали на средства того же самого английского ученого общества Глешер и Коксвелль, поднявшиеся двадцать восемь раз, достигнувшие наибольшей высоты 8838 метров и окончательно выяснившие распределение теплоты в нижнем десятикилометровом слое атмосферы, единственно способном к образованию обычных облаков.

Оказалось, что слоистые, дождевые и отчасти кучевые облака чаще всего начинаются на высоте ниже двух километров над земной поверхностью,

а на высоте около 7–9 километров образуются так называемые перистые облака, состоящие из снежных хлопьев и представляющие собою метели и вьюги, бушующие там нередко в самые жаркие летние дни. Их снежинки не способны долететь тогда до земной поверхности, потому что они неизбежно растают и испарятся в более теплых нижних слоях атмосферы еще задолго до того, как успеют снизиться даже до уровня обычных кучевых облаков.

Неизбежность такого явления предусматривается и теоретически адиабатическим законом распределения теплоты в атмосферах всех небесных светил, который путем наблюдения был фактически обнаружен для Земли Коксвеллем и его предшественниками еще задолго до того, как сделалось возможным прийти к нему и путем научной теории.

Закон этот оказывается совершенной противоположностью так называемого «второго закона термодинамики», по которому теплота может передаваться только от более нагретого физического тела к более холодному. Возьмите, например, железную плиту, накаленную с одного конца, и повесьте ее на проволоке. Через несколько минут теплота распространится по ней равномерно и более не будет перемещаться иначе как через воздух, да и здесь опять только к более холодным предметам, чем наша плита. На основании такого закона лорд Кельвин и многие другие физики-философы конца девятнадцатого века вывели даже неизбежность конца всякой жизни во Вселенной. Все роды физической энергии, рассуждали они, способны целиком превращаться в теплоту, а теплота может обратно перейти в них только при переходе от более нагретых тел к более холодным. Значит, когда все тела нагреются одинаково, теплота уж не будет переходить ни в какой иной род энергии, и все заснет в бесконечной Вселенной...

И вот основной закон распределения теплоты в свободных атмосферах небесных светил оказывается в прямом противоречии с этим вторым законом термодинамики! Уравновешенную в такой атмосфере температуру он стремится перераспределить так, чтоб нижние слои атмосферы (в случае ее однородности) нагрелись по возможности больше на счет верхних, которые, наоборот, должны принять леденящую температуру!

Покажу вам наглядно, как это происходит. Возьмем какой-нибудь объем воздуха – вот хоть между моими руками здесь. У земной поверхности его стискивает вся толща находящейся над ним газовой оболочки земного шара; у верхних же пределов атмосферы над ним уже не найдется никакого постороннего воздуха, и потому ничто на него не надавит. А газы, как известно из физики, почти беспредельно расширяются при уменьшении на них давления и при этом самоохлаждаются. Значит, пока в атмосфере какой-либо планеты существуют восходящие и нисходящие течения воздуха, они всегда будут самоохлаждаться при своем поднятии и самонагреваться при опускании. Своим контактом они вызовут даже и в неподвижных областях соответствующие изменения температуры на каждом уровне газовой планетной оболочки. Значит, если бы температура в какой-либо атмосфере и

оказалась в данный момент одной и той же на разных высотах, то восходящие и нисходящие течения ее газов быстро нарушили бы такое распределение тепла и повысили бы температуру нижних слоев ее на счет верхних, охладив последние (в случае идеальных газов) до абсолютного нуля.

А такого рода течения неизбежно должны возникать на всех небесных светилах, так как у них различные слои атмосферы находятся всегда в неустойчивом равновесии, и малейшей разницы в нагревании различных мест поверхности светила достаточно, чтобы вызвать над ними восходящие и нисходящие токи. Следовательно, концентрирование внизу тепла есть общий закон строения атмосфер у всех небесных светил (если они не слои), и воздухоплавание подтвердило это фактически для земного шара, до высоты в 10 000 метров.

После Глешера и Коксвелля исследованиями этого слоя атмосферы занимались за границей, между прочим, Фламмарион, Фон-Виель и Тиссандие, а у нас в России: Рыкачев, Кованько и Поморцев на средства Военного воздухоплавательного парка и воздухоплавательного отдела нашего технического общества.

Не далее как год тому назад пришлось заняться этим, между прочим, и мне, вместе с Шабским и Раевским, когда мы летали на аэростате «Треугольник» для наблюдения солнечного затмения 4 апреля 1912 года.

Так как этот полет был совершен при содействии нашего аэроклуба, то я попрошу у вас позволения остановиться несколько подробнее на его научных результатах.

Прежде всего, мы отметили следующую интересную метеорологическую подробность. Перед тем как взлететь, мы видели, что все небо было покрыто легкими, так сказать, мажковыми облаками.словно какой небесный художник обмакнул гигантскую кисть в жидкую, полупрозрачную белую краску и размазал ее по голубой лазури неба.

Такого рода облака сами по себе не представляют ничего необыкновенного.

Их очень часто видят на небе и относят к той же высоте, как и перистые, т.е. редко ниже 6000 метров. Перед полетом мы пытались определить по ним посредством нефаскопа направление ветра в высоте, но они были так неясны и расплывчивы, что в наш инструмент их почти совсем не было видно. Поднявшись выше 1500 метров, через полчаса после начала нашего полета, я вновь обратил внимание на состояние неба, но уже не видел этих облаков совсем. Зная их обычную огромную высоту, я думал, что они уже растаяли над нашими головами, и не привел их ни в какое соотношение с тем, что обнаружилось в это самое время под нашим аэростатом на земной поверхности.

Там началась уже полная, хотя и ранняя весна. К западу от нас на огромное расстояние тянулась белая широкая полоса Финского залива, еще покрытого льдом и снегом, а к северо-востоку виднелось такое же белое огромное пятно еще не оттаявшего Ладожского озера.

Остальная поверхность земли была расписана под нами, выражаясь не поэтически, как кожа легкой коровы, то белыми неправильными пятнами снегов, то бурыми пространствами уже оттаявшей почвы между ними.

Кое-где виднелись под нами хвойные леса, как будто кто-нибудь набрызгал здесь и там мелкими, частыми крапинками темно-зеленой краски..

Но самое удивительное, что я мог заметить внизу, это были в разных местах как бы моря и озера какой-то голубой мглы, лежавшие, казалось, на самой земной поверхности, словно весенние воды разлились там широкими пространствами по полутоттаявшей земле и затопили ее низменные места, особенно ближе к горизонту, приняв при этом самые причудливые очертания. Я исследовал эту голубую мглу спектроскопом, и она показала мне полосы поглощения водных паров, как этого и можно было ожидать.

Когда, спустившись снова на землю, я делал доклад в Астрономическом обществе о результатах этого своего полета и отметил, что небо в высоте было совсем безоблачно, мне сообщили по окончании доклада, что наблюдатели внизу все время видели его покрытым теми же самыми мазковыми облаками, как и я перед полетом, что в момент затмения мазки были еще многочисленнее. Примирить такую разницу в условиях видимости неба можно было лишь тем, что эти облака носились очень низко, не выше 500 метров над земной поверхностью, и что именно их я и наблюдал внизу в виде морей и проливов голубоватой мглы...

А отсюда выходит, что и вообще такого рода облака могут возникать не только очень высоко, но также и на уровне обычных дождевых облаков и даже представлять результат легких испарений, поднимающихся с полутоттаявшей земной поверхности в весеннее время. За такое объяснение говорит и замеченный в этот день некоторыми наблюдателями их слишком быстрый относительный полет. Я уже сказал вам, что я исследовал их спектроскопически и определил таким способом их состав. Такого рода спектроскопическое изучение всего, что можно видеть с высоты, и составляло, собственно говоря, главную задачу моего тогдашнего полета, так как самое солнечное затмение было кольцеобразное, а не полное, и потому не обещало богатой астрономической жатвы.

Мне же очень хотелось исследовать Землю как планету и сравнить полученные результаты с тем, что было добыто такими же способами для других небесных светил. Дело заключалось в следующем.

Вы сами, конечно, понимаете, что когда астроном рассматривает с Земного шара какую-либо планету, например, Луну или Юпитер, тогда он в точности уподобляется аэронавту, высоко взлетевшему над ними на огромном воздушном шаре. Значит, думал я, и поднявшись над самой землей возможно выше на аэростате, я создам себе аналогические условия для ее наблюдения как светила.

Сущность дела здесь в том, что наблюдать какой-либо предмет прямо над собой со свободной высоты – это далеко не одно и то же, что рассматривать его по горизонтальному направлению или даже вкось, с вершины высокой горы.

Возьмите хотя бы водные пространства. Когда вы глядите в глубину самого прозрачного озера или моря с борта парохода или даже с очень высокого берега, вода их всегда вам кажется не вполне прозрачной, и вы не увидите ее дна даже в самую тихую погоду на расстоянии пяти-шести сажен, а при обычных условиях, например, в текущей по равнине реке или в море близ песчаного побережья даже ничего не рассмотрите и на глубине нескольких вершков. А поднявшись на высоту от 300 до 500 метров, вы прекрасно увидите дно даже у слегка мутного моря и укажете все затонувшие на нем предметы, несмотря и на волнение. Вода начинает казаться вам тогда почти совершенно прозрачной.

Это значит, что луч света, падающий вертикально, проникает исключительно глубоко под водную поверхность и возвращается обратно из нее без особенных повреждений, несмотря на легкую муть, а потому естественно ожидать, что и спектроскопирование глубины озер, рек и особенно морей даст в этом случае своеобразные результаты, и притом как раз аналогичные тем, какие получаются в астрономии при спектроскопическом изучении планет.

Исследовать море мне в этот раз не пришлось, так как мы все время летели над сушей, к юго-востоку от устьев Невы, но снятый мною спектр глубины Невы показал в ее воде три интересные теллурические линии поглощения между линией солнечного водорода Hb и фраунгоферовой линией C, совершенно скрывшейся в четвертой широкой полосе поглощения, занявшей весь красный конец спектра. В фиолетовом же конце ясно вырисовался целый ряд узких полосок. Эти результаты, вместе с самими photographиями, уже были опубликованы мною в «Метеорологическом Вестнике» (Т. 22. С. 161–170, 1912 г.), и потому я здесь не буду более на них останавливаться.

Перейду прямо к третьему результату этого нашего полета, о котором до сих пор я не сообщал еще нигде в печати.

Результат этот, конечно, можно бы было предусмотреть и до нашего полета, но человеческий ум так уж устроен, что самые простые идеи являются к нему в гости нередко последними. Так было и в данном случае.

Дело в том, что как только солнечный диск начал скрываться за луною и посылать на желтую оболочку нашего аэростата меньше лучей, она, понятно, стала охлаждаться и охлаждать собою заключенный в ней светильный газ. Газ стал сжиматься, увеличивая свой удельный вес, и от этого аэростат наш начал быстро падать на землю со своей более чем двухверстной высоты. Пришлось выбросить до шести пудов балласта, чтоб остановить его падение, да и то всего лишь на шестистах метрах от земной поверхности.

Зато потом, когда окончилась максимальная фаза затмения и умножающиеся лучи восстанавливающегося солнца вновь стали нагревать оболочку аэростата, он самопроизвольно начал взлетать все выше и выше, пока не достиг приблизительно своей максимальной высоты – около 3 тыс. метров без того, чтобы мы выбросили хоть щепоть балласта.

И вот, уже после того, как мы возвратились домой, мне пришло в голову, что совершенно такого же рода явления должны происходить не только

во время затмения солнца луною, но также и покрытия его любым кучевым облаком. Ведь за каждым из них должна следовать, так сказать, косая колонна его тени, в которой воздух, не нагреваемый более прямыми солнечными лучами, должен охлаждаясь сжиматься и потому падать вниз, образуя начало своего нисходящего течения. Но, едва выйдя вниз из тени облака, этот же воздух должен опять нагреваться и потому не только прекратить свое дальнейшее падение, но и подняться вновь вверх, чтобы заполнить там место соседнего слоя, попавшего теперь вместо него в ту же движущуюся тень и тоже начавшего нисхождение. Значит, что же здесь произойдет? Очень простое явление!

Если облако, положим, идет горизонтально мимо солнца, то его тень летит вперед своим боком, и на всем ее протяжении, от облака до земли, в ней будет нисходящее течение. А сзади этой тени, там, где солнечные лучи опять нагревают вышедший из нее воздух, он будет снова подниматься. В результате за тенью каждого кучевого облака произойдет в атмосфере воздушный круговорот, особенно сильный в наиболее жаркое время, т.е. летом, после полудня.

Это очень важно знать каждому авиатору при планирующем полете. Заметив, например, что облака идут горизонтально мимо солнца и видя, что одно из них, летя на солнце более или менее против движения аэроплана, находит уже на солнечный диск, т.е. сам авиатор уже попадает в тень против ее движения, ему лучше повернуть свой аэроплан прямо поперек солнечных лучей, т.е. пролететь сквозь тень в перпендикулярном к ней направлении. При этом он должен приготовиться к тому, что попадет в тени, прежде всего, в так называемую «воздушную пропасть», и аэроплан его опустится вниз, потеряв опору в воздухе, пока не пролетит сквозь всю тень и не попадет вслед за нею в восходящее наружное течение, которое подбросит его снова вверх.

И, наоборот, догоняя тень от облака (т.е. когда оно горизонтально налетает на солнце почти в том же направлении, в каком летит он сам, но тише его), он перед входом в тень должен ждать, что будет сначала подброшен восходящим течением, а затем, внутри тени, повергнут вниз, пока не вылетит из нее вновь в освещенную солнечными лучами область.

Влетать в косом направлении в такие тени опасно на слабомоторных аппаратах или на планерах, так как кружащийся в них и за ними воздух будет стараться перевернуть их, поднимая винтом одно их крыло и опуская другое. Хотя круговорот воздуха здесь и не быстр, но он приобретает свойства быстрого при скором пролете через него.

Все это, как я уже сказал вам в самом начале, относится только к теням облаков, идущих горизонтально мимо солнца в жаркие летние дни, когда солнце поднялось уже высоко над горизонтом. Ну а если кучевое облако летит на солнце не горизонтально, а закрывает его сверху вниз, или, другими словами, если ветер, несущий облака, летит прямо к солнцу, а не поперек его лучей, как в только что разобранным случае?

Тогда косая колонна тени между облаком и поверхностью земли, взятая в каждом своем отдельном пункте, падает вниз, значит, еще быстрее будет падать в ней и ее охладившийся воздух, образуя нисходящее течение. Если при этом не происходит никакого бокового движения тени относительно солнечных лучей, то по краям ее могут возникнуть сразу два восходящие течения, чтобы замещать воздух, опускающийся в тени вниз. Понятно, что и в этом случае удобнее влететь в поперечном направлении.

Однако восходящие и нисходящие потоки в атмосфере могут обуславливаться и не одними облачными теньями.

Благодаря тому, что водяной газ, т.е. растворившийся в воздухе пар, по своему удельному весу почти вдвое легче главных компонентов воздуха, азота и кислорода, местное насыщение им воздуха над более нагретыми влажными участками земли тоже должно вызвать восходящие течения, причем в зависимости от скорости ветра их невидимые столбы будут подниматься не прямо вверх, а более или менее в косых направлениях.

Достигнув известной высоты, на которой воздух, благодаря саморасширению и соответствующему самоохлаждению уже не в силах сдерживать своего водяного газа в растворенном состоянии, восходящее течение начнет выделять свою влагу на заключающихся в нем микроскопических пылинках, если они обладают противоположным электрическим зарядом, и образует первое, обыкновенно плоское основание кучевого облака. А так как выделение растворенного водяного газа в виде облака или паров сопровождается всегда соответственным освобождением теплоты и, следовательно, дальнейшим уменьшением удельного веса этого объема воздуха, то он будет еще более выдавлен вверх образующимися около него нисходящими и более его тяжелыми потоками атмосферы. Он взлетит, благодаря этому, облачной шапкой. От дальнейшего саморасширения и самоохлаждения вследствие такого поднятия он будет выделять из себя и остальной растворенный в нем водяной газ, пока его не останется слишком мало для продолжения такого процесса.

Вот причина, которая и вызывает характерную форму кучевых облаков.

Если воздух в высоте при этом сух и мало ионизирован, т.е. плохо проводит электричество, то последнее накапливается в облаке по мере его выделения. Возникают кучевые облака громадной высоты, которые сливаются между собою своими основаниями и образуют грозовую тучу, многочисленными кучевые вершины которой всегда заслонены для нас, живущих внизу, их плоскими слившимися основаниями.

Но для воздухоплавателя важен не процесс образования кучевых и грозовых облаков, а то, что при нем обязательно происходят восходящие и нисходящие потоки, угадывать которые так важно современному авиатору. Возвратимся же обратно к изложению первостепенных услуг, какие воздухоплавание уже оказало метеорологии, а через нее и культурной эволюции человечества.

С восьмидесятых годов минувшего столетия научное воздухоплавание сделало особенно большие успехи. В 1881 году германское правительство выдало большие субсидии «Обществу поощрения германского воздухоплавания» для систематической организации научных полетов. В продолжение семи последующих лет общество это совершило более ста таких полетов, обработанных затем в трех томах капитального труда «Wissenschaftliche Luftfahren» (1899 г.). Они дали возможность вполне точно узнать обычное распределение температуры и влажности в свободной атмосфере до высоты 10 тыс. метров как в ее спокойном состоянии в различные времена года, так и в циклонах и антициклонах. При этом впервые было установлено экспериментально, что электрическое поле Земли и ионизация воздуха убывают с высотой.

Для того, чтобы получать более точные показания относительно метеорологических условий, инструменты при этом стали выноситься за гондолу на особых мачтах. Термометры тщательно защищались от действия даже отраженных землею солнечных лучей, а в заключающих термометры коробках вызывалось искусственное движение воздуха. Особенно надежные показания как о температуре, так и об относительной влажности воздуха дал придуманный Ассманом аспирационный психрометр, который пришлось, между прочим, применять для измерения и во время моего уже упомянутого ранее полета с Шабским и Раевским для наблюдения солнечного затмения 4 апреля 1912 г.

Вместе с тем наряду с барометрами-анероидами стали постоянно применяться и барографы, автоматически записывающие все подробности полета по мере течения его времени, а с ним и пройденного пути, если движение аэростата или аэроплана было равномерно.

Метеорологическая ценность результатов, получаемых из таких наблюдений, конечно, тем значительнее, чем далее простирается в высоту захваченная ими область атмосферы.

Вот почему все ученые-аэронавты, как физики, так и метеорологи, стремились подняться как можно выше. И вот оказалось, что уже около 7000 метров поднятия у огромного большинства людей (а еще выше – и у всех без исключения) начинается особого рода болезнь, так называемая «болезнь высоты», особенно характерным симптомом которой является полное равнодушие к жизни и смерти и ко всему на свете.

«При подъеме на 7000 метров, – пишет немецкий воздухоплаватель Гросс, – мы начали мерзнуть, но у нас не было ни сил, ни желанья надеть шубы, лежавшие у наших ног. Мы находились в состоянии полной апатии и чувствовали невыразимую слабость».

«Мы испытывали, – говорит Робертсон, – какое-то беспокойство и общее недомогание. Шум в ушах все усиливался, по мере того как падал барометр. Грудь словно растянулась и потеряла упругость, пульс ускорился, губы вспухли, глаза налились кровью, все вены вздулись, кровь силь-

но прилиwała в голову. Вскоре я впал в нравственную и физическую апатию и едва находил силы бороться с дремотой».

«На высоте 7500 метров, – рассказывает Тиссандье, – тело и дух незаметно – настолько незаметно, что даже и не чувствуешь этого – начали у нас ослабевать. Я ко всему стал равнодушен. Всего охватило какое-то оцепенение, руки сделались ледянными. Хотел надеть перчатки, но вынуть их из кармана не было сил. Вскоре меня охватила уже такая слабость, что я не мог даже повернуть головы, чтобы посмотреть на товарищей... Язык был парализован... Я потерял сознание. Когда я пришел в себя, шар уже спустился до высоты 5000 метров. Мои товарищи, Ствель и Кроче-Спинелли, лежали на дне корзины, как-то странно скорчившись и уткнувшись головой под одеяло. Лицо Ствеля было черно, глаза мутны, рот открыт и полон крови. У Кроче глаза были тоже полуоткрыты и рот окровавлен... Они умерли»...

По автоматической записи барографа оказалось, что они в бессознательном состоянии поднимались при этом полете до 8600 метров.

Первые воздухоплаватели, испытывавшие болезнь высоты, думали, что она происходит от уменьшения атмосферного давления на тело человека, приспособившегося к тяжести волной земной атмосферы. Однако все симптомы болезни показывали, что она более всего походит на удушье. Удушье же здесь может происходить от недостаточной емкости наших легких для такой разреженной атмосферы.

Представьте себе, что ваши легкие вдруг сделались вчетверо меньше, чем нормальные. Для того чтобы доставлять ими достаточно кислорода вашей крови, вам пришлось бы тогда вместо каждого дыхания делать четыре. Но точно то же будет и в том случае, когда при неизменности ваших легких плотность атмосферы уменьшится вчетверо, как это происходит на соответствующей высоте. Чтобы посодействовать этому, придумали брать с собою прорезиненные мешки, наполненные чистым кислородом, и вдыхать его через трубку, как только обнаружатся сильные признаки «болезни высоты». Благодаря такому способу профессору Зюрингу вместе с Берсоном удалось достигнуть в 1901 г. 10 800 метров, причем они все-таки страшно ослабели. Едва успевши открыть несколько раз клапаны азростата для его спуска, они оба впали в обморочное состояние, от которого опомнились лишь на высоте 6000 метров.

Достигнутый ими результат был превзойден Мином, поднявшимся в 1909 г. на 13 000 метров. Едва ли найдется достаточно крепкий человек, которому удастся подняться много выше, даже при помощи вдыхания кислорода.

Дело в том, что, кроме недостаточности воздуха для дыхания, здесь имеет значение и его давление. Вы все знаете, что вода кипит при 100° Цельсия только близ поверхности Земли под нормальным давлением, равным 760 миллиметрам ртутного столба. На вершине Монблана она кипит

уже при настолько низкой температуре, что в ней не развариваются овощи, а поднимаясь еще выше, вы достигнете и такого слоя, где она кипит ниже $+36^{\circ}$.

Но $+36^{\circ}$ – это температура нашего тела. Значит, если б вы поднялись на высоту, где вода кипит ниже ее, то ваша кровь закипела бы, вода ее стала бы обращаться внутри вашего тела в газ, и это причинило бы вам моментальную смерть.

Итак, есть предел уменьшения атмосферического давления, которого человеку не перейти. Однако и перед этим пределом, наверно, не остановится человеческая изобретательность.

Мне не раз уже приходило в голову подняться в самые отдаленные области для исследования физического и химического состояния атмосферы в прорезиненном костюме вроде водолазного, в котором нормальное давление поддерживалось бы насосом, постоянно накачивающим туда свежий воздух, тогда как испорченный дыханием удалялся бы с противоположной стороны через клапан, достаточно придавленный пружиной.

Я уверен, что такой костюмированный подъем и будет рано или поздно осуществлен, если не мной, то кем-либо другим, обладающим для того достаточным желанием и достаточными материальными средствами. А в ожидании этого исследованиями очень высоких слоев атмосферы занимается пока воздухоплавание без человека. Скажем и о нем несколько слов, так как оно тоже оказало крупные услуги метеорологии.

В 1892 году Эрмит в Париже сделал первую попытку подобного воздухоплавания. Он начал пускать в воздух аэростатики из бумаги, пропитанной керосином, снабжая каждый открытым письмом к тому, кто найдет, чтобы он прислал этот аппарат по приложенному адресу. Оказалось, что такие шары могут достигать значительных высот и большинство их возвращается нашедшими. Успех Эрмита побудил его сконструировать небольшой специальный аэростатик под названием «Аэрофил Первый». Он снабдил его самопишущими приборами и пустил в воздух. Это было в марте 1893 года. Шар-зонд (как стали потом называть такие приборы) спустился благополучно и был возвращен нашедшими.

Оказалось, что он поднимался до небывалой тогда высоты 16 000 метров и записал там самую низкую из наблюдавшихся до тех пор в свободной атмосфере температуру минус 51° .

Все главные метеорологические обсерватории начали продолжать опыты Эрмита. В следующем же году был выпущен первый шар-зонд в Германии. Затем, в октябре 1894, второй, названный «Циррус» (кучевое облако), который зарегистрировал температуру в минус 68° на высоте 17 210 метров.

Шары-зонды стали после этого часто делаться и из резины, и с помощью их наша атмосфера оказалась исследованной по температуре до 30 000 метров в высоту. Воздух был захвачен одним из шаров-зондов с высоты 14 000 метров и не показал заметной разницы с нашим в составе постоянных газов.

С осени 1896 года шары-зонды стали пускаться и в России. Как показала практика, у нас бесследно пропадает один из четырех или пяти, а ос-

тальные возвращаются нашедшими по приложенному адресу, принося с собою более или менее интересные сообщения о состоянии недоступных вам пока атмосферических высот.

Результаты подобных зондирований в различных странах уже произвели полный переворот в наших представлениях о физическом состоянии земной атмосферы. Остановимся же на этом предмете несколько подробнее.

В 1896 г. организовалась на съезде метеорологов в Париже «Международная комиссия научного воздухоплавания», поставившая сначала своей целью организовать время от времени одновременные научные полеты для того, чтобы сразу можно было судить о состоянии атмосферы на значительном протяжении. Первая попытка таких полетов была сделана 14 ноября (нов. стиля), когда свободные аэростаты одновременно полетели из Парижа, Страсбурга, Мюнхена, Берлина, Варшавы и Петербурга, но она не дала материалов для каких-либо интересных новых обобщений. То же самое можно сказать и о следующих за нею обычных полетах. Совсем не то оказалось с шарами-зондами.

В мае 1902 г., на третьем съезде Международной комиссии научного воздухоплавания, Тейсеран де-Бор сделал на основании ночных полетов своих шаров-зондов чрезвычайно важное сообщение. До того времени думали, что понижение температуры в земной атмосфере с высотой непрерывно продолжается до самых ее границ, и вдруг по записям шаров-зондов обнаружилось, что это имеет место только до высоты около 10 километров в наших умеренных странах, а затем начинается слой, идущий на неопределенную высоту, где температура на различных уровнях оказывается почти постоянной, около минус 60°! Такое утверждение с первого взгляда показалось совершенно невероятным, но все дальнейшие исследования шарами-зондами подтвердили его как факт. Высота уровня «инверсии», т.е. границы правильного уменьшения температуры, слегка повышается летом и понижается зимой. Над тропиками она — около 14 километров, в полярных странах — около 7–8 километров, а в наших умеренных, как уже было сказано выше, близка к 10 километрам.

Все это показывает, что восходящие и нисходящие течения воздуха по какой-то причине прекращаются на известной высоте, достигающей максимума на экваторе. Это неизбежно, так как иначе адиабатический закон, о котором я говорил ранее, продолжал бы и выше свое действие и охлаждал бы земную атмосферу все более и более по мере ее поднятия над землей, до такой степени, что ее постоянные газы — кислород, азот, аргон и другие — начали бы сгущаться в жидкое, а затем и в твердое состояние и повсюду покрыли бы верхние пределы газовой оболочки нашего земного шара непроницаемым слоем облаков.

Прекращение восходящих и нисходящих течений воздуха на описанной нами инверсионной высоте одно только и противодействует этому.

Но почему же здесь останавливаются вертикальные течения? Почему выше инверсионного уровня несутся в нашей атмосфере только гори-

зонтальные ветры? Мы знаем, что этот уровень есть верхний предел образования водных облаков. Здесь появляются только самые высокие из перистых облаков, представляющих собою, как мы уже знаем, снежные метели. Самый их волнистый вид, напоминающий гребни пены на волнах моря при сильном ветре, показывает, что инверсионный уровень по временам бывает очень взволнован. Чем же именно? Очевидно, горизонтальным ветром в находящемся над ним втором слое земной атмосферы, движущемся независимо от нижнего.

Значит, атмосфера наша слоиста и этим уподобляется солнечной газовой оболочке и атмосферам больших заастероидных планет.

Вот факт первостепенной важности, установить который нам помогло воздухоплавание, сделавшее, таким образом, полный переворот в учении о воздушной оболочке земного шара!

Теперь благодаря ему мы не только решили вопрос, почему температура нашей атмосферы не понижается вверх до замерзания всех ее газов, но также составили себе ясное представление о их вертикальном распределении.

Нижний атмосферический слой до инверсионного уровня мы называем теперь тропосферой, т.е. нагревающейся сферой. В ней температура почти плавно понижается по мере поднятия в высоту благодаря частым восходящим и нисходящим течениям.

От привычной нам температуры, которая наблюдается у земной поверхности, термометр опускается у инверсионного уровня до минус 55–60°, весной и летом несколько менее, осенью и зимой несколько более. Подобно тому как близ земной поверхности, и здесь бывают сильные временные скачки температуры вверх или вниз, как, например, во время полета шаразонда у озера Ширати в экваториальной Африке, когда на высоте 19 350 метров, т.е. уже значительно выше конца тропосферы, термометр опустился до 84°, достигнув самых низких из исследованных до сих пор (лекция читана в 1914 году) воздушных температур. Но такие скачки обуславливаются всегда лишь исключительными обстоятельствами.

Обычным легким отступлением от требований адиабатического закона является в тропосфере лишь небольшой скачок температуры вверх на высоте около 1,5–2 километров, где обычно выделяются слоистые и дождевые облака. А так как выделение водяного газа из его невидимого раствора в воздухе сопровождается всегда соответственным выделением теплоты, то этот скачок является здесь не только нормальным, но даже и неизбежным.

Второй слой воздуха, лежащий над тропосферой, называется теперь стратосферой, так как в ней, как мы уже видели, господствуют только горизонтальные течения воздуха и совершенно отсутствуют вертикальные.

Каким образом могло бы это случиться, раз мы знаем, что всякий объем воздуха, нагретый по каким-либо местным причинам немного свыше окружающего, сейчас же поднимается вверх, вызывая этим соответственное опускание соседних слоев?

Конечно, можно сказать, что благодаря отсутствию пыли и водяных паров воздух стратосферы настолько прозрачен для солнечных лучей, что

они проходят сквозь него целиком, а потому и не нагревают ее. Но этой причины еще недостаточно для объяснения ее устойчивости. Сколько я ни думал об этом, я не мог найти никакого другого объяснения, как то, что инверсионный уровень – это крайний предел, до которого восходящие и нисходящие течения воздуха, всегда возникающие от неоднородности нагревания солнцем земной поверхности, в силах поддержать однородный состав нашей атмосферы, в которой более тяжелые газы по кинетической теории должны располагаться в большем процентном количестве внизу, а более легкие – вверх. Выше десяти километров распределительная сила разнородных молекул, очевидно, берет уже верх над ослабевшими вертикальными течениями атмосферы.

Самые тяжелые газы нашего воздуха – ксенон, криптон и аргон – начинают, вероятно, убывать в стратосфере с каждым километром, а самые легкие – неон, гелий и водород (если последние два газа могут вообще прочно держаться в земной атмосфере) – начинают там прибывать с высотой.

Таким образом, нормальный удельный вес воздуха становится там более легким с каждым километром благодаря изменению своего химического состава, и перемешать слои по вертикальному направлению там становится затруднительным.

Каждый слой такой оболочки должен самостоятельно нагреваться солнечными лучами, поскольку он для них непрозрачен сам по себе или благодаря носящимся там микроскопическим пылинкам застывших тяжелых газов, придающим стратосфере ее обычный голубой вид. Ни один шарзонд еще не достигал верхних пределов стратосферы, но, судя по так называемому «сумеречному сегменту», т.е. границе темной выемки, часто наблюдаемой по вечерам на восточной части остатков дневной лазури после заката солнца, можно вычислить, что высота стратосферы простирается до 75–80 километров, и – что всего интереснее – именно на этой высоте и образуются иногда (хотя и очень редко) так называемые «светящиеся облака», по виду своему похожие на перистые или слоистые, но слегка люминисцирующие, придавая летним ночам характер тусклого дня.

Почти нет ни малейшего сомнения, что эти облака не состоят уже из водяного пара и представляют продукт временного сгущения какого-либо из атмосферических газов от страшно низкой температуры... Но в таком случае в стратосфере могут, хотя и редко, благодаря исключительно сильным неравенствам температуры, возникать вертикальные течения воздуха, перемешивающие местами ее состав и чрезвычайно понижающие вместе с тем температуру ее верхнего уровня. Разрешить экспериментально этот вопрос помогут нам, конечно, только новые успехи воздухоплавания. Оно же покажет нам когда-нибудь и то, что находится над стратосферой, в той третьей и самой легкой оболочке земного шара, достигающей 300–400 километров высоты, которая так прозрачна, что уже ничем не выдает своего присутствия нашему глазу и обнаруживает себя лишь тем, что в ней загораются от трения пролетающие вблизи земного шара мировые пылинки и другие скопления неземной материи, образуя падающие звездочки и болиды...

Здесь я и закончу мою лекцию. Я показал вам в ней в легком абрисе сначала прямое культурное значение воздухоплавания как великого изобретения человеческого гения, которое, облегчив сношения людей, неизбежно приведет к смешению всех народов в одно общее человечество, сломав все пограничные знаки, и вместе с тем послужит прочным основанием гражданской свободы всех людей. Я показал вам затем и его косвенное значение через другие науки, которым оно оказывает могучее содействие в их великом стремлении облегчить человеческий труд, улучшить экономическое благосостояние народов и раскрыть новые обширные горизонты для человеческой мысли.

И вы везде видите, что значение его громадно, и что с этой точки зрения содействовать успехам воздухоплавания и авиации значит работать для блага всех бесчисленных будущих поколений человеческого рода. Так пусть же эта мысль облегчит вам трудный и опасный путь и поможет вам проложить для людей широкую воздушную дорогу в ту волшебную страну, полную дивной красоты, которая раскрывается уже перед нашим умственным взором с высоты даже современных наших аэростатов и аэропланов!

К главе VI

¹ Война как один из факторов психологической
и общественной эволюции человечества

*(Мысли в старом деревенском доме под шум дождя за окном.
Опыт естественнонаучного объяснения войн)*

В год, мучительно-тяжелый для всякого отзывчивого к чужим страданиям человека, когда небывалая по своим размерам и ужасам война прервала почти всю умственную, общественную и литературную деятельность наиболее цивилизованных народов, невольно задасшь себе вопрос: зачем она? Почему правительства народов не могут до сих пор решать своих споров такими же способами, какими они уже давно принудили делать это своих подчиненных, т.е. путем разбирательства посторонним беспристрастным учреждением?

Думать, что такое захватывающее почти каждую семью в Европе стихийное бедствие является делом отдельных личностей, вроде Вильгельма II или его юнкеров, так же странно, как вообразить, например, что широкие революционные движения внутри народов есть дело отдельных вожаков, которых стоило лишь своевременно устранить, и ничего бы не произошло...

Конечно, всякий умственно развитый современный человек только грустно улыбнется при такой наивной идее.

Нет, то, что мы видим теперь, не может быть делом отдельных лиц, как бы «высоко» они ни стояли в общественной иерархии. Не может оно также быть исключительным делом и «военных партий», тонутих по своей численности среди сотен миллионов вовлеченного прямо или косвенно в войну чисто обывательского населения. Не может оно быть исключительным

делом и буржуазии, ищущей новых рынков для сбыта своих продуктов. Я видел на войне обгорелые развалины фабрик и заводов, видел, далеко за пределами полей сражений, парализованную торговлю и промышленность, полное крушение всего того, что составляет главную цель буржуазии, и для меня не осталось ни тени сомнения, что для нее начать такую, да и всякую другую тяжелую войну, сводящуюся почти всегда к финансовому истощению воюющих государств, это то же самое, как если б кто-нибудь задумал доставить своим наследникам посредством самоубийства страховую премию за свою жизнь...

Ведь война, прежде всего, вызывает падение финансов и, как результат его, массовое разорение именно капиталистов, не говоря уже о прямой гибели значительной их части при всеобщей воинской повинности.

И действительно, наблюдая настроение различных слоев населения в европейских странах после начала войны, мы не замечаем, чтобы среди капиталистов и промышленных рабочих, даже в Германии, она находила себе больше сочувствия, чем среди земледельческой части населения, совершенно не заинтересованной в новых рынках. В некоторых случаях мы видим, особенно среди рабочих, даже прямо обратное, хотя они и не менее буржуазии заинтересованы в сбыте своих произведений на новых рынках.

Все это приводит нас к выводу, что основная причина современной войны лежит в чем-то несравненно более глубоком, вызывавшем и все прежние войны, еще задолго до начала капиталистического строя, от которых современная война отличается только своими небывалыми размерами.

Основные причины такого огромного столкновения между собой народных масс надо искать в самой психике этих масс, лежащей в основе всего государственного строя, всех форм социальной жизни и всех крупных исторических событий.

Идея эта еще не вошла в общественное сознание. Совершенно наоборот. Некоторые мыслители пытаются доказать, будто экономический строй общества является фактором, обуславливающим все остальное, в том числе и самую психику людей. Но с этим современный естествоиспытатель или психолог никак не может вполне согласиться, и не без основательной причины.

Нет, конечно, ни малейшего сомнения, что общественный строй и его воспитательные средства сильно влияют на душевное состояние, привычки и некоторые поступки живущих в нем граждан, подобно тому, как прогресс языка влияет на прогресс мыслительных способностей у говорящих на нем людей. Но это только точка опоры для рычага, а не поднимающая его сила. Никто не скажет, что основной причиной интеллектуального развития европейских народов есть разработанность их языка. Всякий знает, что телеграфы и телефоны изобретены ранее, чем были даны им названия. То же самое и в области идей.

Точно так же и психическая эволюция есть основной рычаг эволюции социальной, а никак не наоборот. И это можно доказать биологически.

Дело в том, что в основе человеческой психики лежит, прежде всего, темперамент, передающийся по наследству, как органический признак, мало

зависящий от общественного строя, способного дать темпераменту лишь внешнюю одежду идей и привычек, да еще слегка смягчить или обострить те или другие его проявления. Вообразим, например, что тотчас после своего рождения вы были похищены арабами и воспитаны в безграмотном состоянии на каком-нибудь уединенном оазисе Аравийской пустыни. Вы одевались бы как араб и думали бы об окружающем мире и всех народах по-арабски, но ваш темперамент, как основа вашей психики, остался бы тот же. Совершенно ясно, что слабоумный от прирожденной вялости мозга младенец ни при каких формах экономического строя не превратится в гения, кроткий по натуре останется кротким во всякой стране, необузданный всадник будет необузданным, предприимчивый – предприимчивым и так далее. Все, что может сделать воспитание как результат того или иного общественного строя, это – заставить человека сдерживать внешние проявления одних своих психических качеств и давать волю другим. От этого сдерживаемые качества могут, конечно, ослабевать, как и всякий орган от неупражнения, а поощряемые – развиваться, но все это только до известной степени... Как вы ни упражняйте свою руку, вы все-таки не доведете ее до величины ноги, а если какого-либо качества у вас нет даже и в зародыше, то вам нечего будет и совершенствоваться. Сколько ни поливайте пустую грядку, на ней не вырастет никаких овощей. При том же упражнение какой-либо особенности, по-видимому, влияет лишь на ее развитие у данного индивидуума, а никак не на ее передачу потомству. Все добытое личной практикой человека, вроде языка, знаний и всякого рода опытности, так и остается при нем, а его детям приходится все начинать с начала.

По отношению к общественной психике, как слагающейся из всех индивидуальных психик, воспитательные влияния точно так же имеют лишь поверхностное, второстепенное значение, а остальные ее особенности определяются наследственными факторами. Значит, общественная психика должна эволюционировать от поколения к поколению по мере ее эволюции в отдельных индивидуумах, так же, как эволюционируют и все физические качества животных и растений, т.е. по законам наследственности Менделя. А законы эти установили не только теоретически, но и экспериментально, что для каждой передающейся детям особенности имеются в родительском организме элементарные «носители» и что каждый такой «носитель» есть молекулярно маленькое скопление вещества или, если хотите, физической энергии в воспроизводительных клеточках хотя бы одного из родителей.

Я не имею здесь возможности излагать, какими многочисленными и удивительно остроумными опытами над всевозможными животными и растениями Менделю и его новейшим последователям удалось обнаружить этих «носителей» в воспроизводящем себя организме и показать их нашему умственному взгляду так же ясно, как если бы мы их видели под микроскопом. Желаящие могут найти все это в современных трактатах о наследственности и эволюции органического мира. Скажу только, что для биолога менделевские «носители наследственных качеств в соединяющихся друг

с другом зародышевых клеточках отца или матери при зачатии всякого существа» стали теперь фактом и легли в основу науки об организмах, подобно тому, как молекулярная теория легла в основу современной физики и химии.

Рассматривая с этой точки зрения, как единственно научной в настоящее время, соотношение между психологической эволюцией человечества и общественным строем его народов и поколений, мы не можем не прийти к заключению, которое мы уже высказали и выше, что именно психологическая эволюция, как прямо зависящая от менделевских «носителей», должна лежать в основе эволюции общественного строя, а никак не наоборот, потому что всякий общественный строй есть дело человеческих рук и не закладывает каких-либо «носителей» в воспроизводительные клеточки своих создателей.

Значит, переход от современного строя, основанного на эгоизме, к альтруистическому может совершиться только в такой период психической эволюции человечества, когда «носители альтруистической энергии» в самих эмбрионах людей окажутся по тем или иным причинам в огромном численном и качественном превосходстве над первобытными «носителями эгоистической энергии».

А это может (или уже могло в значительной части человечества) совершиться только:

1) по закону Ламарка, т.е. путем ослабления эгоистических качеств посредством их принудительного неупражнения, да и то если это неупражнение влияет на состояние их «носителей», или 2) по закону Дарвина, т.е. преимущественной передачей носителей альтруистической энергии каждому дальнейшему поколению человечества путем соответствующего полового подбора или путем постепенного уничтожения носителей эгоизма посредством борьбы за существование.

Рассматривая сначала наш предмет с последней точки зрения, мы сейчас же видим, что войны имеют к нему чрезвычайно близкое отношение, потому что нигде с такой резкостью не обнаруживается борьба за существование, как на полях сражений.

Однако прежде, чем приступить к непосредственному решению этого вопроса, мы должны предварительно выяснить себе: представляли ли собою войны болезненный процесс в общечеловеческой исторической жизни или они были естественным результатом нормального развития прежнего человечества?

С первого взгляда нам может показаться, что войны были всегда болезненным процессом, так как они причиняют людям много боли, и не только погибающим или искалечиваемым на полях сражений, но и всем их близким, остававшимся вдали. Однако ведь причиняющие боль события часто наблюдаются и не при болезнях, а при самых нормальных случаях развития органической жизни. Женщина, например, очень страдает при родах, и однако же это – не болезнь, а, напротив, торжество жизни. Точно так же, когда гусеница бабочки сбрасывает свою кожу, превращаясь в куколку,

а затем образовавшаяся в этой куколке и окончательно сформировавшаяся бабочка прорывает ее твердый покров, чтобы выйти наружу и полететь радостно по воздуху, ей, несомненно, тоже очень неудобно, а может быть, и больно в такие моменты. Однако и это тоже – не болезнь, а естественные процессы развития.

Значит, и та боль, которую народы всегда чувствовали при войнах, не есть еще доказательство того, чтоб они страдали какой-то неизлечимой хронической болезнью вроде чахотки или перемежающейся лихорадки. Войны были болезнью лишь в том случае, если они приносили вред правильному развитию человечества, и наоборот, (как это ни печально для человека, перешедшего на высшую ступень душевного развития, когда преобладает альтруизм), они являлись естественным фактором эволюции той части народов, которая не дошла еще до этой ступени, если они способствовали совершенствованию остающихся после них людей. Постараемся же разобраться беспристрастно в этом вопросе.

Что войны оказывают незаметное для нас, но огромное влияние на количественное изменение в человечестве менделевских носителей эгоизма, а с ними и альтруизма, в этом не может быть сомнения. В природе бывают два рода процессов. Одни из них, как, например, смена дня ночью, лета зимою и т.д., называются двусторонними или обратимыми. Они производят резкие, ясно видимые изменения в жизни природы, но в результате их все приходит в прежнее состояние. Другие же процессы, вроде незаметного от столетия к столетию остывания земного шара или такого же невидимого размывающего действия дождей на все земные возвышения – необратимы, и потому их влияние в течение тысячелетий совершенно преобразовывает земную поверхность. Мы даже прямо можем указать и на окончательные результаты, к которым они приведут, если не окажется таких же незаметных и односторонних процессов, противодействующих им: медленное охлаждение земли приведет к ее полному оледенению, а действие дождей нивелирует все ее возвышенности.

К какому же из этих двух родов процессов исторически принадлежат войны?

Ясно, что они всегда были процессом односторонним: война не возвращала своих убитых и в ней больше погибало воинственных, т.е. рвущихся в бой, представителей человеческого рода, чем личностей миролюбивых. А раз она — процесс односторонний, то ее влияние на человечество, как влияние всякого другого одностороннего процесса, должно с течением веков производить в людях незаметные, но глубокие изменения. Если бы она была процессом болезненным при той стадии развития, на которой находятся способные к ней народы, то, приняв во внимание, что войны почти не прекращались в человеческом роде с того самого момента, как они возникли на земле, мы должны бы были прийти к заключению, что человечество — хилое, болезненное дитя земли, что оно с каждым поколением ослабевает в своих силах от этого не оставляющего его хронического недуга.

А однако же мы совсем не замечаем ничего подобного! Мы видим с каждым новым поколением человечества эволюцию лучших сторон его психики, отразившихся уже в прекращении в общественной жизни передовых народов сначала людоедства, затем рабовладельчества и крепостного права, в переходе от абсолютизма к представительным формам правления, в развитии гражданского равенства и свободы, в сильной эволюции интеллекта, обнаружившейся в подчинении человеку сил природы, и в бескорыстном искании им везде истины и справедливости...

Это – никак не характеристика все более и более хилеющего от неизлечимой болезни существа!

Значит, и война вплоть до настоящего времени не была хронической болезнью человечества, а каким-то из факторов его эволюции.

Куда же он ведет? Каковы должны быть его окончательные результаты, после которых этот фактор перестанет действовать сам собой, как огонь, пожравший все свое топливо и после этого погасший?

Ответ ясен, если мы хоть немного задумаемся в сущность дела.

Эволюция животного мира, главным фактором которого была борьба индивидуумов за существование, привела животных к индивидуализму, в основе которого лежит себялюбие и непонимание чужих страданий, для восприятия которых у животных даже не выработалось никаких специальных органов. Правда, функцию таких органов исполняет отчасти слух, но и это только тогда, когда голос чужого страдания доходит до данного существа на понятном ему языке. Нам надрывают сердце вопли больного человека, нам тяжело слышать отчаянный визг свиньи, когда ее режут, потому что они сходны с выражениями наших собственных страданий. Но почти все из нас, идя по дорожке, без сожаления давят ползущих по ней насекомых, потому что у них – другие способы проявлять свои ощущения. А между тем мы вовсе не жестоки. Нисколько не жесточе нас и хищные животные, даже ядовитые змеи, когда жалят и пожирают своих жертв, в чем нетрудно убедиться при их воспитании. Мысль о мучениях существ, которыми они питаются, даже не приходит им в голову. Они поступают с ними, как наивное дитя, обрывающее крылышки у насекомого, чтобы посмотреть, что оно будет делать после этого. Животные все благодущны по природе и приходят в ярость лишь при самозащите, или из ревности, или когда предполагают видеть в ком-либо из встречных опасного врага и желают его устранить.

Так же выработался по своей психике и первобытный человеческий род благодаря тому, что в зародышевых клеточках одного или нескольких представителей непосредственно предшествовавшего ему вида обезьян по каким-то еще неизвестным нам эмбриональным причинам появился «носитель воображения, свободного от импульсов окружающего мира».

Это был зародыш способности ставить себя при достижении известного возраста на место других существ и чувствовать в себе эхо их ощущений в различных обстоятельствах жизни, особенно когда эти ощущения

выражаются звуками, что способствовало и выработке членораздельного языка, фундаментом которого, таким образом, является именно способность к воображению.

Здесь мне опять приходится объясняться, так как только что высказанная мною мысль тоже еще нова. Однако справедливость ее нетрудно сделать очевидной. Почему, когда вы произносите слово «дом» или «люблю», слушатель вас понимает? Только потому, что при этом он воображает дом, которого перед ним совсем нет, или чувство любви, к которому он способен, но которое в нем в данный момент не вызывается никакими реальными жизненными стимулами. Как только у человека будет парализована способность воображения, так ваша речь, хотя и будет легко доходить до его мозговых центров, уже не будет возбуждать в его душе той игры образов и чувств, которую вы желаете в ней вызвать своими словами. Он будет слышать ваши слова, как всякие звуки, будет способен рефлексивно даже повторять последнюю вашу фразу, но только как попугай, совсем не понимая ее смысла.

И наоборот. Когда в живом существе имеется свободное воображение, то это существо непременно научится, путем простого наблюдения за себе подобными, ассоциировать звуковые или иные символы их речи с соответствующими предметами или явлениями окружающего мира, и само будет пользоваться такими же символами, если имеет для этого необходимые органы, т. е. будет способно «говорить». Самая наша память, и та сводится к нашей способности воображать время от времени то, что уже минуло, чего уже нет более около нас.

Вы видите теперь, что именно в сильно развитом и свободном от влияний окружающей действительности воображении – главная разница между человеком и животными. Животные живут почти одной созерцательной жизнью, наполненной зрительными, слуховыми, обонятельными и другими внешними или внутренними впечатлениями. А наша человеческая жизнь на девять десятых есть жизнь воображательная, и наши непосредственные впечатления от окружающего мира являются только стимулами к тем снам наяву, которые всегда составляют главное содержание нашего сознания.

В этих-то снах наяву и коренится наша способность ставить себя на место других существ и любить не только себя, но и их. Таким образом, момент возникновения человека на земном шаре характеризуется появлением в органическом мире «эмбриональных носителей» нового психического фактора – альтруизма.

Этот новый фактор тотчас же очутился в человеке в резком антагонизме с прежним, эгоистическим.

В душе человека появилась двойственность побуждений, давшая начало его понятию о добре и зле, поставившему людей, по древней библейской легенде, «наравне с богами», тогда как без нее они были еще на уровне животных.

Новый «носитель» стал передаваться, как и все остальные носители, по наследству, внедряясь с каждым поколением во все большее и большее

число человеческих индивидуумов путем их скрещивания между собою, но он не был способен, как следует по той же теории Менделя, вытеснить сам собою в зародышах людей ни одного из других «носителей», в том числе и носителей эгоистической энергии. Это можно было сделать только посредством уничтожения тем или иным способом всех или, по крайней мере, большинства индивидуумов, обладающих исключительно или преимущественно такими носителями в своих воспроизводительных элементах.

Одним из таких способов, и притом самым действительным, и явилась первобытная индивидуальная война, возникшая с того самого дня, когда человек сделал первое копье, а затем и меч, чтобы легко убивать, кого хочет.

Совершенно ясно, что люди эгоистические, без всякой примеси жалости к себе подобным, должны были в первобытные времена особенно часто вступать в бои именно между собою, и потому в каждом поколении они должны были уничтожать друг друга в большем числе, чем те, которые не особенно сильно рвались в бой при первом противоречии своих интересов с интересами того или другого из окружающих. В результате представители чистого эмбрионального эгоизма (редкие пережитки которых появляются еще время от времени среди нас в виде ломброзовских «преступных типов») постепенно самоуничтожались в первобытном человечестве, не оставляя после себя потомства, и их место занимали в последующих поколениях те, которые оказывались по условиям своего эмбрионального развития более отзывчивыми на радость и горе своих близких и более восприимчивыми к идеям добра и справедливости.

Такое гуманизирующее с каждым новым поколением действие первичных индивидуальных войн увеличивалось еще их могучим влиянием на половой подбор, этот второй великий эволюционный фактор теории Дарвина.

Первобытная женщина, принужденная самой своей природой время от времени вынашивать и воспитывать детей и попадать при этом в зависимость от мужской части своего племени, как ни стояла она низко в умственном отношении, но все же ранее мужчины выработала в себе носителей мягкосердечия и мало участвовала в воинственных подвигах своих соплеменников. Однако постоянные войны влияли и на ее физическую и психическую эволюцию. Благодаря самоистреблению с каждым поколением чуть не половины, если не более, мужского населения в брачном возрасте женщины оказывались в продолжение многих веков в огромном избытке, и наиболее миловидные и приветливые из них естественно притягивали к себе весь остаток мужчин, предоставляя жить в безбрачном состоянии всем своим подругам, у которых наследственность вызвала более или менее отталкивающие свойства.

Этот процесс естественного отбора лучших женщин должен был сильно сказываться на них даже и в случае многоженства, при котором ласковая и привлекательная жена тоже более приковывает к себе мужа, чем сварливая и безобразная, между тем как при численном равенстве даже и самая отвратительная женщина во всем племени неизбежно доставалась бы кому-нибудь и воспроизводила бы в потомстве свои свойства.

Таким образом, война мужчин вызвала сильную эволюцию лучших душевных и телесных качеств у женщин, и если мы теперь видим в этом отношении их превосходство, то ему они обязаны главным образом былым войнам. И несомненно, что все эти их преимущества достигли бы еще большей степени, если бы «носители» большинства душевных и телесных свойств у каждого родителя не передавались безразлично детям и того, и другого пола, постепенно уравнивая таким образом по душевным качествам в последующих поколениях и мужчин, и женщин.

Отсюда снова ясно, что первобытная индивидуальная война была не истощающей хронической болезнью человечества, а могучим фактором эволюции его психики по пути от эгоистического к альтруистическому состоянию.

Она же вызвала и первые зародыши общественности, хотя и совершенно не похожей на начальном фазисе своего развития на тот гражданский идеал, который рисуется нашему современному сознанию как окончательная фаза нашей общественной эволюции.

Сражаясь постоянно друг с другом, первобытные эгоистические индивидуумы истребляли сами себя во всем своем округе до тех пор, пока из них оставался только один *всеобщий победитель*, который подчинял себе всех более миролюбивых и потому оставленных им в живых мужчин и царствовал над ними, давая начало мелким государствам, какие можно теперь встретить разве только в самых малодоступных, людоедских странах центральной Африки.

С этого момента война вступает в новый период своего развития, в период борьбы мелких деспотий, причем сражения приняли характер стадных побоев, при которых тоже наиболее воинственные индивидуумы в большей пропорции истребляли друг друга, очищая таким образом дальнейшие поколения человечества от носителей своих качеств.

Мотивами нападений друг на друга стали в это время уже не индивидуальные ссоры, а представление о всех членах окружающих деспотий как о своих коллективных врагах, поддерживаемое стремлением их мелких первобытных царьков расширить область своей власти, пользуясь всякими поводами и возможностью всегда легко набербовать себе достаточно вояк приманкой грабежа.

Войны в этот период послужили непосредственной причиной дальнейшего развития государственности, постепенно сокращая путем завоеваний число независимых правительств и увеличивая район их власти, как это ясно замечается при простом рассматривании любого исторического атласа от столетия к столетию. Вместе с тем постепенно смягчались и формы правления, благодаря возрастающей отдаленности границ, а власть во многом трансформировалась к лучшему по мере дальнейшей эволюции человеческой психики.

Нетрудно видеть, что отмеченный нами процесс последовательного укрупнения государств – тоже процесс односторонний, в том смысле, как

мы определили выше этот термин, и потому он тоже должен был производиться с течением веков огромные изменения в общественной жизни народов, а в будущем должен привести, как и всякий односторонний процесс, к некоторому окончательному результату, после которого он должен сам собою прекратиться. А таким результатом здесь явно может быть только создание мирового государства, к чему откровенно и стремились, начиная с древнего Рима, все последующие сильные империи, вроде империи Карла Великого и Наполеоновской, как только к этому представлялась физическая возможность, и лишь дальность прежних расстояний и непреодолимые преграды земной поверхности мешали в прошлом осуществлению такого конечного результата.

Затем, в последние столетия, явилось и другое препятствие к созданию единого всеземного государства путем завоеваний. Постоянные, почти не прекращающиеся войны, действуя все время односторонне, до такой степени очистили выжившие массы человечества от активной воинственности, что стало трудно собирать в достаточном числе добровольные дружины не только, как в первобытные времена, одной перспективой грабежа, но даже и более возвышенными идеями, вроде религиозных, которые возникли в средние века как искусственные стимулы угасавшей воинственности.

Добровольное поступление простыми воинами в наиболее цивилизованных странах Европы стало, наконец, давать так мало материала, что правительствам, не только желавшим расширять свою власть, но даже и просто защищаться от таких же претензий соседей, пришлось прибегнуть к принудительным вербовкам.

С этого момента война потеряла свой характер одностороннего процесса в деле изменения человеческой психики. Истребляя под градом убийственных снарядов как воинственных, так и миролюбивых индивидуумов, она стала в этом отношении наносить человечеству почти лишь одни бесполезные раны, не вызывая в его душе более ничего, кроме временного возбуждения разрушительных страстей, окрупнения государств, да еще нового увеличения женской привлекательности посредством оставления без мужей и потомства менее симпатичной части женского пола.

Какой же из этого окончательный вывод?

Уже один простой факт недостаточности добровольных воинов показывает нам ясно, что война теперь окончила в человечестве свою главную эволюционную роль. Она до такой степени истребила и ослабила в людях эмбриональных носителей первичного животного эгоизма, что борьба с их остатками стала возможной и чисто идейными и воспитательными влияниями, хотя бы эти влияния и не передавались по наследству и их пришлось бы возобновлять в каждом новом поколении, подобно обучению языку.

Но если это так, то почему же в ту самую минуту, когда я пишу, бушует над всей Европой кровопролитнейшая война, подобной которой по числу вовлеченных в нее людей и разрушительности употребляемых средств не было во всей человеческой истории?

Очевидно, потому, что войны еще далеко не закончили своей второй исторической миссии – не достигли создания всемирного государства и что это всемирное государство – т.е. всеобщая организация народов – не достигнуто пока и никакими другими средствами.

Нет ни малейшего сомнения, что современная война вызвана именно этим стремлением Германской империи, и им же объясняется противодействие ей прочих первоклассных держав. Все остальное – лишь предлоги, о которых не стоит и говорить. Ведь постепенное увеличение своей территории есть лишь продолжение исторического роста каждой великой державы, естественным пределом которого является только весь земной шар, а остальные, национальные или даже континентальные границы – лишь временные ступени, через которые правительства перешагивали всякий раз, как представлялась возможность. Вот почему с доисторических времен и до самого последнего времени все великие державы и старались перегонять друг друга в военной мощи. Каждая обыкновенно говорила, что делает это для самозащиты... Но если никто не думает нападать, то к чему же такие хлопоты? Это странно было слышать и ранее, а теперь о подобном фиговом листке смело даже и говорить.

Современная война важна для нас тем, что она разбила много общественных иллюзий и предрассудков, опасных для будущей эволюции человечества.

Прежде всего, если даже вы и не согласитесь с моим выводом, что всякая великая империя стремится сделаться всемирной, то вы должны признать теперь совершенно уничтоженной прежнюю иллюзию многих государственных и общественных деятелей, будто небольшие государства могут пользоваться покоем и независимо существовать рядом с крупными. Посмотрите на Бельгию – что с ней сделано в несколько недель? Подумайте, что было бы сделано с Сербией, если бы Россия в решительный момент не отвлекла на себя почти всю австрийскую армию? И каждое другое мелкое государство, несомненно, будет превращено в руины, как только очутится в критический момент на пути крупной империи в присущем ей стремлении к мировому господству.

Для мелких государств теперь только одно спасение: вступать в федеративные союзы как между собою, так и с более крупными державами, внутренний строй которых допускает это. Надо соединять мелкое, а не расчленять крупное, если это крупное по своему гражданскому строю не слишком отстало от века и дает всем равные гражданские права.

Современная война показала, что даже и великие державы не могут теперь существовать без прочных соглашений друг с другом. Сама Великобритания, несмотря на защиту морей, должна была отказаться от своей прежней системы «великолепной изолированности». То же самое мы видим при последней попытке Скандинавских государств вступить между собою в обязательные оборонительные отношения и в попытке устройства балканской федерации, которая, впрочем, доказала, что прочный федеративный союз мелких монархий невозможен благодаря неизбежному стрем-

лению его отдельных государей к гегемонии. Здесь устойчивой формой является только сложная империя вроде Германской с многочисленными владетельными князьями и королями и господствующим над всеми ими «царем царей» – императором. Но опыт той же Германии теперь наглядно показал, что подобная империя всегда будет особенно воинственно настроена по отношению к своим соседям, потому что естественной ее основой непременно будет милитаризм. Здесь более чем где-либо проявится, благодаря уже существующим кадрам, стремление верховного главы страны сделаться «царем царей» не только уже подчиненной ему части земного шара, но и всего его. А для осуществления подобных планов здесь всегда окажется много военных средств вследствие обилия родовой военной аристократии, в какую постепенно превращаются подчиненные монархии и их потомство, а родовая военная аристократия по природе своей стремится к войнам, так как иначе пропадет и самый смысл ее существования.

Отметим еще один урок современной войны. Она доказала нам лучше, чем что-либо другое, ложность старинного латинского парадокса: «если хочешь мира, готовь войну». Теперь всякий может громко сказать, как и следует по здравому смыслу: «готовься к войне, и ты непременно ее получишь».

Но есть и еще одна иллюзия, уничтоженная современной войной. До сих пор часто говорили: «необычайное усовершенствование орудий истребления сделает скоро войны невозможными». А теперь мы видим, что это приводит только к изменению военной тактики. Истребительные пулеметы и шрапнель только заставили воюющих уйти с земной поверхности в траншеи. Возникающие теперь флотилии подводных лодок, когда они будут достаточно многочисленными, сделают невозможным существование эскадренных броненосцев и больших крейсеров, но взамен их останутся они сами вместе с мелкими и быстроходными боевыми судами. Выиграет от этого только одна островная часть Великобритании, высадка в которую в Европе, Австралии или Африке делается надолго невозможной, но Индия при этом останется уязвимой до тех пор, пока не будет способна защищать сама себя. Летательные аппараты вроде современных аэропланов и воздушных кораблей, как и можно было ожидать с самого их возникновения, оказались неоценимыми только для разведочной службы, и все попытки сделать из них серьезные орудия разрушения оказались тщетными. Как ни громадны немецкие цеппелины, но и их боевые действия свелись на практике на одно простое хулиганство, без всякого влияния на окончательные результаты войны. И кроме того, чем более велик и могуч воздушный корабль, тем уязвимее он с земной поверхности и еще более с высоты, в которой легкий и быстрый аэроплан может носиться кругом него, как ласточка вокруг тяжелой и неповоротливой птицы.

Но, может быть, средства вроде ядовитых газов, примененные впервые германским правительством, сделают войны невозможными?

Действительно, эти газы окончательно разрушают в войнах то, что нам с детства восхваляли в сказках, т.е. представление о проявлениях героиз-

ма. Какой уже тут героизм! Когда воин бросается на вражеские ряды, хотя бы даже на пулемет, и погибает, его провозглашают героем лишь потому, что тут представлялась хоть маленькая возможность уцелеть или способствовать своей гибелью победе. Но кто назовет героем, а не самоубийцей, человека, который бросится в туман ядовитого газа и в нем сейчас же задохнется? Ясно, что война с применением подобных средств теряет последнюю «привлекательность и поэзию».

Однако и это средство едва ли способно уничтожить войны, потому что против ядовитых газов уже придуманы особые респираторы. Все, что здесь достигнуто, это невозможность употреблять подобное средство в мирное время, при обучении войск, чтобы не отравить всей земной атмосферы.

Одним словом, усовершенствование орудий истребления способно лишь осложнить войны. Прекратить же их может только достижение (ими же самими или другими более гуманными средствами) их двух главных эволюционных задач, о которых я все время только и говорил, т.е. окончательного освобождения человечества от эгоистической энергии и объединения всех земных племен и народов в одном общем сложном целом, абрисы которого рисовались знаменитым полководцам вроде Юлия Цезаря и Наполеона в форме всемирной империи, а великим общественным деятелям вроде Вашингтона – в форме Всемирных Соединенных Штатов.

Какая из этих двух форм будет достигнута в более или менее отдаленном будущем, покажет только оно само. Мы же, отдельные люди, можем только симпатизировать той или другой из этих форм, в зависимости от нашего личного вкуса, и стараться, как граждане своей страны и дети всего человеческого рода, направлять естественный поток исторических событий в наиболее симпатичное нам русло.

Если мы не желаем новых войн, еще более кровопролитных, чем настоящая, мы должны при окончании войны не только не разрушать уже создавшихся международных союзов, но расширять и укреплять их всеми возможными способами и сделать их более тесными посредством постоянных и обязательных учреждений, достаточно сильных, чтобы проводить свои решения в международную жизнь.

Тогда, быть может, войны и не понадобятся более для дальнейшей психической и гражданской эволюции человечества...

Но это все возможно, конечно, лишь в том случае, если, как я не раз повторял, носители альтруизма уже взяли в нас верх над носителями эгоистической энергии.

Есть ли хоть какие-нибудь указания на это?

Мне кажется, что да, и что даже в самых наших войнах мы можем видеть, что перелом в борьбе добра со злом уже совершился в душах множества людей.

Разве вместе с боевыми армиями не мчатся теперь на поля сражений десятки тысяч сестер милосердия? Разве тысячи врачей не доходят до полного изнеможения, перевязывая день и ночь раны не только своих соб-

ственных воинов, но и враждебных им? Какое поразительное противоречие в современных войнах среди культурных народов! Одна часть людей наносит без устали раны друг другу, а другая старается их исцелять! И обе эти части не противники друг другу, а прекрасно уживаются вместе!

Точно так же и мотивами современных войн являются теперь или прямо освободительные великодушные идеи, или причины национального характера, в которых прежний личный эгоизм заменился эгоизмом национальным, а ведь это уже наполовину альтруизм, т.е. переходная ступень к дальнейшей стадии гражданского развития человеческого рода, единого во всех своих племенах и народах.

Все это показывает, что война на земле уже не играет теперь руководящей эволюционной роли. Она явно еще не достигла своих конечных результатов, но уже освободила к пышному развитию зародыши новых, великодушных чувств в человеческой душе, которые могут совершать дальнейшую эволюцию человечества и без потоков человеческой крови и целого океана страданий.

Академик Н.А. Морозов. 1934 год

Часть пятая
Академик Морозов

В созвездиях горняго мира
Полночною тихой порой
Нетленная Звездная Лира
Горит над уснувшей землей.

В таинственной мгле бесконечной,
В безмолвьи пространства и лет
Мелодией дивной и вечной
Звучит в небесах ее свет.

И если дыханьем науки
Очищено сердце твое,
Услышишь ты нежные звуки,
Как только увидишь ее.

Но с музыкой горняго света
Останется тот незнаком,
Чья тусклая жизнь не согрета
Любви беспредельным огнем.

Пусть внемлют созвездию ясно
И горы, и реки, и лес, –
Все будет он слушать напрасно
Мелодию вечных небес.

Глава I

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА

Пока тужусь – я право жить имею!

Николай Морозов

Петроград. Зима 1918 года... В профессорской квартире на углу Торговой и Английского проспекта тепло удастся сохранить лишь в маленькой комнатухе-купе, где с трудом помещаются узкая железная кровать и маленький столик. Здесь и живет теперь Николай Александрович. Для отопления большей комнаты не хватает дров. Питание очень скудное – пшено, сушеная вобла, селёдочный суп, конина...

Правда, будучи сладкоежкой, он всегда носил в кармане жестяную коробку с крошечными кусочками сахара и всех из нее угощал. Разумеется, где-нибудь ее забывал и долго мучился, пока ему не возвращали потерю...

Каждый день приходится много ходить пешком по заледенелому городу для решения многочисленных неотложных вопросов, зачастую километров по десять. Для научной работы остается лишь вечер. Временами ему казалось, что он летит на аэроплане, который все время неожиданно делает мертвые петли, и делать записи удастся лишь в те моменты, когда, перевернувшись, вновь оказываешься головой вверх...

Зачем же он остался здесь, в голоде и холоде?

Вернемся чуть-чуть назад. Последние месяцы шестнадцатого года. Беседа с присяжным поверенным О.О. Грузенбергом, тем самым, который в свое время добился для Морозова права жить в любом месте России, и знаменитым теперь своими защитами в политических процессах.

– Уважаемый Николай Александрович, как Вы думаете, когда в России будет революция? – поинтересовался Грузенберг.

– Я думаю, Оскар Осипович, что через два-три месяца в России грянет революция.

– Вы просто удивительный человек, у Вас всегда такие неожиданные ответы... Ну ладно, если Вы окажетесь правы, я готов внести сто рублей в Шлиссельбургский фонд, а если нет – Вы дадите мне свой автограф, который я отдам одному человеку, готовому заплатить за него в Шлиссельбургский фонд сто рублей.

– Мне кажется, это не совсем справедливое пари?

– Ничего, если произойдет революция, я готов пожертвовать не только ста рублями. Но все-таки объясните мне, почему Вы так думаете?

– В последнее время я много ездил по стране. И всюду чувствуется, что авторитет государственной власти сильно упал. Существую-

щая сейчас в стране обстановка напоминает пересыщенный раствор: достаточно любой флуктуации, чтобы выпал осадок...

– Но позвольте, Николай Александрович, общество – не раствор. Где тот лидер, где та партия, которая возьмет на себя роль инициатора нового дела?

– Новое делают не лидеры. Напротив – обстоятельства выдвигают лидера. Ведь если бы правительство знало лидера, который возьмет на себя роль инициатора, оно давно бы его уничтожило...

26 февраля 1917 года. Профессор Морозов должен был читать курс мировой химии в Психоневрологическом институте. Слушателей обычно приходило много, поэтому для лекции арендовали актовый зал частной гимназии Гуревича на углу Лиговки и Бассейной. Перед самым началом в аудиторию влетел возбужденный студент и крикнул:

– В городе собираются вооруженные отряды!

Все зашумели. Кто-то предложил отменить лекцию. Но сказала старая школа П.Ф. Лесгафта: Морозов сумел убедить слушателей дослушать лекцию до конца. Потом все вместе отправились к Николаевскому вокзалу, но подходы к нему оказались перекрыты патрулями. Домой он вернулся под утро.

*Н.А. Морозов с сотрудниками Института
перед октябрьской демонстрацией*

На следующий день часть курсов была занята под революционный штаб округа.

Потом были восторженные поздравления и телеграммы. Они приходили со всех концов России, где он читал лекции. Морозова поздравляли с наступлением новой эры жизни, за которую он боролся. Он и сам тогда думал, что Россия, став демократической республикой, пойдет по пути других стран...

Коллективом Биологической лаборатории и Высших курсов февральская революция и низвержение самодержавия были, как и большей частью российской интеллигенции, встречены восторженно. Учащиеся курсов и многие сотрудники лаборатории активно включились в работу новых организаций, направленных на оказание помощи возвращающимся с фронтов солдатам, дежурили на питательных пунктах.

В 1917 г., в период двоевластия, курсы Лесгафта стали революционным центром части города. В их помещении заседал районный Совет рабочих и солдатских депутатов. Многие слушатели активно включились в революционную деятельность. Из эмиграции в Петроград возвратился В.И. Ленин, а 24 апреля открылась VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). В основном заседания ее проходили в актовом зале Женского медицинского института, названного потом «Зал Ленина», но из соображений безопасности место заседаний приходилось менять. И одно из них перенесли в помещение Биологической лаборатории и курсов П.Ф. Лесгафта. На этом заседании присутствовал и выступал В.И. Ленин.

Морозов представлял себе социализм как идеал общественной организации, однако этот идеал воспринимался им как некая конечная цель, к которой придется идти долгим путем всемерного развития науки и техники, всех производительных сил страны, что было возможно только на основе капитализма.

Николай Александрович понимал, что социалистические лозунги в накаленной революционной обстановке должны привести к гражданской войне и хаосу. Он доказывал несостоятельность идеи социалистической революции в крестьянской России в споре с основными положениями марксизма.

Главная мысль его выступлений в период между апрелем и октябрём 1917 г. состояла в том, что капитализм сам способен разрешать социальные проблемы, встающие перед его классами. Он считал, что с приходом капитализма потребность в революции как повивальной бабке истории отпадает, и общество может и должно развиваться только эволюционным путем. Выступления Морозова в печати после Февральской революции были сосредоточены на раскрытии этих возможностей.

Он считал, что разоренная войной, нищая крестьянская страна не готова к социализму и подготовить ее к этой новой стадии обществен-

ной жизни может только всемерное развитие капиталистического производства. Только с развитием цивилизации и ростом культуры будут усиливаться в обществе «гены солидарности» и ослабевать «гены эгоцентризма». И только в ходе этой эволюции человечество придет к подлинному коллективизму.

Морозов стал членом «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук», основанной в марте 1917 г. В организацию, кроме него, входили И.П. Павлов, А.Н. Крылов, А.Е. Ферсман, В.Г. Короленко, М. Горький и другие видные ученые, писатели и общественные деятели. Ассоциация стремилась продвигать знания и культуру в народ. В создании специально предназначенной для народа научной и художественной литературы члены ассоциации видели одну из первых задач момента. Николаю Александровичу были близки ее идеи. Но развернуть сколько-нибудь широко намеченную работу членам ассоциации не удалось: мешала неустойчивая обстановка в стране, особые трудности просветительной деятельности в возбужденных революционными событиями массах. После Октябрьской революции ассоциация была ликвидирована. На одном из собраний ассоциации Морозов выступил с речью «Наука и Свобода».

12 августа 1917 г. в Москве в Большом театре открылось Государственное совещание. На нем присутствовали представители всех крупнейших политических партий и течений, от монархистов и кадетов до эсеров и меньшевиков. Глава Временного правительства А.Ф. Керенский привлек к участию в работе совещания «исторических», по его словам, деятелей освободительного движения: кн. П.А. Кропоткина, Е.К. Брешко-Брешковскую, Г.А. Лопатина, Г.В. Плеханова и Н.А. Морозова.

В своем выступлении Морозов говорил, что без буржуазии в настоящее время пролетариату не прожить. Он объяснил, что представление о выгоды перехода орудий труда в руки рабочих неверно, так как выборные директора не будут так заинтересованы в успехе дела, как хозяева предприятий – капиталисты. Поднять подорванное войной производство можно только увеличив продолжительность рабочего дня. Он доказывал, что нужна постепенная, хорошо подготовленная национализация промышленности, а не ее насильственная экспроприация. По его мнению, производственные отношения между рабочими и капиталистами взаимовыгодны, он призывал оба противоборствующих класса осознать свою великую эволюционную роль. Экономический фундамент можно преобразовать только осторожно, гуманно, заменяя в нем камень за камень. С помощью революции, т.е. быстрого насильственного переворота, добиться этого нельзя. Особого понимания на совещании он не встретил.

Николай Александрович предчувствовал, что вслед за первым ударом землетрясения (т.е. за Февральской революцией) последуют еще удары.

В сентябре 1917 г. Морозов стал членом Совета республики Демократического совещания – задуманного как некий предпарламент. Большевики во главе с Л.Д. Троцким открыто отказались от каких-либо соглашений и ушли с заседаний. Морозов высказывался не только против экспроприации помещичьей собственности, но и против раздачи крестьянам казенных земель, которая предусматривалась многими либеральными и народническими программами. Он говорил лишь об усилении государственного контроля над земельными владениями, предлагал постепенную муниципализацию земли.

Редактор кадетской газеты «Речь» И.В. Гессен вспоминал о встрече с Морозовым в Марининском дворце, где проходило Демократическое совещание: «Ну как, Николай Александрович, стоило отсидеть двадцать лет в Шлиссельбурге, чтобы такого дня дожждаться?» По словам Гессена, собеседник даже испугался такого вопроса: «Ой, что вы, что вы. Не грешите. Годика через два мы с удовольствием будем с вами об этом времени вспоминать». Ответ бывшего шлиссельбургца вывел Гессена из себя: «Хочется от злости ударить его или тесно к нему прижаться, не заражусь ли этой детской верой, и тщетно терзаю воображение, чтобы представить себе, каким был этот террорист двадцать лет назад, когда за ним замкнулись тяжелые ворота шлиссельбургского каземата».

Морозов участвовал в выборах в Учредительное собрание по спискам кадетской партии и в тот момент не одобрял его разгон. В это время он говорил: «Я предвижу уже неизбежность гражданской войны, бедствий голода и разрухи как ее результатов, и потому сознательно занял примиряющую позицию среди враждующих между собой партий, но вскоре убедился, что это совершенно бесполезно и что удержать от эксцессов стихийный натиск народных масс будет так же трудно нашим политическим партиям, как остановить ураган простым маханьем рук».

После разгона Учредительного собрания Морозов решил окончательно уйти из политики. Ему было жаль оторванного от науки и потраченного на политику времени в течение 1917 года. Теперь наука стала его основным занятием. Именно наука должна была способствовать не только подъему разрушенного войной и революциями хозяйства, но и облагородить нравы, ожесточенные братоубийственной бойней. Темнота и невежество в понимании ученого были несовместимы с демократическими свободами. Просвещение народа, распространение научных знаний, по его убеждению, неизбежно содействовало гражданскому взрослению общества, утверждению в нем принципов свободы и прав личности. Поэтому его не прельщала возможность заниматься наукой за рубежом, где его имя пользовалось достаточной известностью, и все свои силы он отдал организации науки в родной стране.

Благодаря своим друзьям, Новорусскому и Лукашевичу, Морозов был знаком со всей семьей Ульяновых. (А эти двое были дороги Улья-

новым как друзья их брата Александра, состоявшие в одной с ним организации.) Но к Ленину Николай Александрович обращался только по проблемам науки, не затрагивая политики.

«La première chose après la pain c'est l'éducation» (Первая вещь после хлеба – это образование), – Морозов теперь особенно часто повторял давно полюбившуюся мысль Дантона. Что ж, в новых условиях хлеб, рано или поздно, будет, и надо всерьез подумать об образовании народа. Теперь ничто не мешало взяться за разрушение той непреодолимой серой стены невежества, с которой он столкнулся еще при первом хождении в народ и которая маячила перед ним много-много лет.

Но шло время, и Петербург начал пустеть день за днем. Ученые, деятели культуры постепенно покидали город. Начиналась разруха. Морозову тоже предлагали уехать на юг или за границу, но... у него на руках оставалась погибающая лаборатория.

Положение Биологической лаборатории было тяжелым. Вследствие хозяйственной всеобщей разрухи научная деятельность ее резко ослабла. Средства, подаренные И.М. Сибиряковым, давно иссякли, прекратились и пожертвования просвещенных богатых лиц. Невелики были и доходы с жилого дома, а с 1916 г. они превратились в дефицит. Квартирной платы не хватало даже для отопления квартир жильцов. Меньше оказалось и работы в учебных заведениях: в 1917 г. число слушателей Вечерних курсов для рабочих сократилось с 300–400 до 80 человек. Одни слушатели были отвлечены от занятий политическими событиями; другие ушли воевать; третьи, спасаясь от голода, разъехались в другие города. В 1917 г. успешно окончили Высшие курсы 47 человек, а заявления о поступлении подали лишь 150 желающих. Но в холодных, плохо отапливаемых аудиториях и лабораториях лекции и занятия все же продолжались. Положение Биологической лаборатории и курсов стало критическим, уникальные музейные ценности оказались на краю гибели. Дело осложнялось и отсутствием директора: С.И. Метальников был в Крыму, где занимался организацией Крымского университета в Симферополе. Не имея возможности вернуться в Петроград, он письменно сложил с себя обязанности директора. Вместо него совет лаборатории избрал директором Н.А. Морозова. Это произошло зимой 1918 года.

Для восстановления нормальной деятельности Биологической лаборатории новый директор сразу же предложил членам совета просить советское правительство преобразовать ее в более разностороннее учреждение – Петроградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта – и принять на государственный бюджет. Дело в том, что раньше лаборатория была частным заведением, ибо ее вольные порядки не могли получить одобрения у правительства. Существовала она на добровольные пожертвования и на сбережения самого Лесгафта и сотрудников.

Теперь, когда власть в руках народа, лаборатория должна принадлежать государству.

Предложение было единодушно одобрено, и Николай Александрович обратился с ним к наркому просвещения А.В. Луначарскому. Луначарский сообщил об этом Ленину. Вскоре Анатолий Васильевич вызвал Н.А. Морозова и информировал его о том, что Владимир Ильич поручает ему вместе с товарищами выработать новый устав лаборатории и что она переходит на государственный бюджет по Народному комиссариату просвещения. Даже в первые, такие горячие дни революционной борьбы и преобразований глава Советского правительства не оставил без внимания судьбу в общем небольшого научного учреждения¹.

А пока надо было спасти лабораторию от неминуемого замерзания, а оставшихся работать энтузиастов – от грозившей им голодной смерти. Надо было спасти накопленное за 23 года огромное имущество, приспособленное для научных исследований. Кто, если не легендарный Морозов, мог справиться со столь непростыми задачами? Вот и получались каждый день «мертвые петли»...

Худо-бедно, зиму они пережили. Весной Морозова уже будоражили фантастические по тем временам планы переустройства лаборатории. Он задумал создать научное учреждение, которое бы объединило специалистов из разных областей естествознания для решения общих, единых для всего института проблем. Вообще-то идея преобразования лаборатории в комплексное научное учреждение, в котором бы дружно уживались и физики, и астрономы, и ботаники, и физиологии, появилась еще при П.Ф. Лесгафте, который считал, что природа едина в многообразии своих проявлений, а потому должна изучаться как единое целое. Но только сейчас, кажется, появилась возможность реализации этой идеи. Советское правительство шло навстречу инициативе ученых, если она способствовала развитию науки в стране. И одной из насущных задач молодого государства была следующая: максимально используя потенциал старых научных учреждений, начать создавать новые, способные решать возникающие народнохозяйственные проблемы.

Инициатива лесгафтовцев была поддержана Наркомпросом, и 26 апреля 1918 года Николай Александрович Морозов был утвержден директором нового института, возникшего на базе лаборатории, – Петроградского научного института имени П.Ф. Лесгафта². Был выработан новый устав института, не похожий на первоначальный. Институту предоставлялись права открывать учебные заведения и отдельные курсы, устраивать публичные лекции и собрания, издавать труды («Известия Петроградского научного института им. П.Ф. Лесгафта»), полная свобода научных исследований, избрания членов совета и руководите-

лей отделений. Несмотря на финансовые затруднения молодой Советской республики, институт не только был принят на государственный бюджет, но и сразу же получил одновременно значительные материальные дотации. Но из-за обесценивания рубля этих денег хватило на очень небольшое время, а новые поступления задерживались.

А 17 июня 1918 года из далекой Сибири пришло письмо. Прислал его Григорий Николаевич Потанин. В письме сообщалось, что Томский технологический институт избрал Морозова своим ординарным профессором. Чуть раньше Николай Александрович, вероятно, с радостью бы принял предложение, тем более что это отвечало его желанию. Но теперь, начав такое большое дело, он не имел права бросить его на полпути.

В предисловии к книге «Кибернетика», вышедшей в 1948 году, Н. Винер рассказывал, что идея создания новой науки появилась у него при попытке разобраться в областях, которые находятся на стыке наук и являются, по его выражению, «ничейной территорией». Винер считал, что все самое интересное находится именно там. Морозов же отчетливо понимал это уже в 1918 году. Идея работы на стыке наук, на ничейной территории, воплотилась в новом институте, который он создал, продолжая идеи П.Ф. Лесгафта. Это отвечало философским взглядам Морозова-естествоиспытателя. Он даже хотел просить о присвоении своему новому детищу имени Ф. Энгельса, так как программа работы Института предполагала изучение природы по программе Энгельса, сформулированной им в «Диалектике природы». Потом все же решил оставить имя основателя лаборатории П.Ф. Лесгафта, поскольку уже в его программе исследований был заложен этот принцип.

В институте были предусмотрены следующие отделения: анатомии человека и сравнительной анатомии с музеями, экспериментальной биологии и зоологии с музеем, физиологии, ботаники, микробиологии, минералогии, геологии, химии и физики. Позднее, в 1918 г., были открыты еще отделение астрономии, для которого усилиями Николая Александровича на шестом этаже одного из институтских домов была построена астрономическая обсерватория и оборудована площадка для наблюдений, а также отделения физической химии и зоопсихологии. Забегая немного вперед, следует сказать, что со временем этот список несколько изменился: прекратили свое существование отделения минералогии, геологии и химии, было организовано новое отделение – экспериментальной патологии (в 1932 г. переименовано в отделение физиологической химии), а отделение физики преобразовано в отделение астрофизики. Если не считать отделений астрономии и астрофизики, институт стал биологическим.

Существенно была расширена и обогащена научная библиотека, организованы хорошо оборудованные механические мастерские, укомплектованные кадрами самой высокой квалификации.

Заведующим физиологическим и зоопсихологическим отделениями был назначен будущий академик Леон Абгарович Орбели, известный физиолог, физическим – академик Евграф Степанович Федоров, выдающийся кристаллограф, астрономическим – сам Николай Александрович Морозов.

В организации института большую помощь Н.А. Морозову оказывал Л.А. Орбели. В состав нового совета наряду с прежними членами (Н.А. Морозовым, В.И. Бауманом, А.А. Красуской, Е.С. Федоровым, Л.А. Орбели, Ф.И. Чентуковой) вошли новые (заведующий отделением ботаники В.Н. Любименко, зоолог Б.Ф. Соколов, выдающийся советский микробиолог В.Л. Омелянский).

Через четырнадцать лет заведующий астрономическим отделением Н.А. Морозов, составляя план работы своего подразделения, писал:

«Отличительной чертой Ленинградского научного института им. П.Ф. Лесгафта является разработка таких вопросов, при решении которых необходимо сотрудничество нескольких наук. Астрономическое отделение разрабатывало и будет разрабатывать ряд таких комплексных проблем, как, например, вопросы об условиях существования жизни на планетах, вопросы, связанные с межпланетными перелетами, вопросы физиологической оптики (зрение и его ошибки) в астрономических наблюдениях и обработке результатов, определение времени древних документов, содержащих достаточно для этого астрономических указаний, где необходимы и астрономические вычисления, и знание языков и исторических условий, соответствующих тому или иному из них. Исходя из этой целевой установки, Астрономическое отделение на остающиеся годы пятилетки ставит в план ряд работ, выполнение которых может быть сделано в стенах Научного института им. П.Ф. Лесгафта, где наравне с Астрономическим отделением представлены и химические, и биологические отделения».

Столь же обширные планы на текущую пятилетку были составлены и другими отделениями института. Но это потом, сначала надо было *выжить!*

Первая проверка его как директора состоялась в конце лета 1918 года. У института не осталось ни копейки денег, а надо было как-то поддерживать тех немногих сотрудников, которые остались в Петербурге и продолжали работать на одном энтузиазме. Нужны были дрова, чтобы не проморозить помещение и не погубить экспонаты музея и приборы. От Николая Александровича потребовались нечеловеческие усилия. И вот 2 февраля 1919 года можно было вздохнуть свободнее – было добыто финансирование института, причем по повышенным ставкам, так как рубль еще сильнее упал в цене и прожить со старыми ставками было немыслимо.

Вступая в новую должность, Морозов поставил себе такое условие: если добьется финансирования, то останется директором, в противном случае он не может оставаться на этой должности, не оправдав доверия поверивших ему людей. Теперь можно было с чистой совестью оставаться на посту.

Трудности, казалось бы, непреодолимые, нарастали лавинообразно. Многие сотрудники в борьбе за выживание покинули столицу, и где они теперь находились – неизвестно... Нужно было во что бы то ни стало, сохранить научные кадры института.

Большая проблема возникла вокруг издания научного журнала нового института. В стране не хватало бумаги. Но основной продукцией научного института являются статьи, а потому журнал – не роскошь, он крайне необходим для нормальной работы. Издания журнала добиться удалось. И сразу же встал вопрос: на каком языке, помимо русского, писать аннотации статей, содержание и название журнала? По этому поводу велись большие дискуссии, но Морозов считал, что теперь, после мировой войны, ни немецкий, ни французский язык не будут ведущими в научном мире; английский – вот тот язык, на который следует ориентироваться.

В декабре 1918 года Николай Александрович съездил на короткое время в Борок, где оставались его близкие – мать, сестры, жена. Но даже там он думал о текущих делах Института. Вот о чем он писал оттуда Е.С. Федорову:

«Ввиду того, что в будущем нам, русским, несомненно, придется читать и вести свою научную деятельность в большем контакте с англо-американцами, чем с немцами и французами, то подзаголовок “Известий” и все резюме делать только на английском языке...»

В феврале 1918 года профессор Морозов читал лекции по астрономии в Рабочем и солдатском университете, организованном на курсах П.Ф. Лесгафта, а летом следующего года приложил много усилий, чтобы получить ассигнования на школы в Веретее, Марьине и Плесе – ближайших окрестностях родного Борка. Да и потом пришлось затратить немало сил на создание сети школ и сельскохозяйственного техникума для земляков.

Благородную миссию просветителей почти с первых дней советской власти пришлось взять на себя и прочим лесгафтовцам. Большое внимание, как и до революции, уделялось научно-просветительной работе. Только теперь она принимала новые формы: экскурсии студентов и школьников, которые проводили сотрудники отделений зоологии и анатомии, в музеи института, организация активно работающих кружков юных натуралистов. Такие кружки были в трех отделениях: зоологии, анатомии и астрономии. Часто на экскурсии приходили рабочие ленинградских фабрик и заводов. Для них, как и для воинов близлежащих

частей, организовывались выездные лекции по вопросам естествознания в плане научной и атеистической пропаганды.

Институт стал базой для нескольких учебных заведений разного уровня – трудовой школы I и II ступени, курсов для рабочих и красноармейцев и высших курсов, оставшихся еще от П.Ф. Лесгафта. Было и еще одно интересное начинание, в котором институт принял немалое участие.

В 1918 году в Петербурге открыли Географический институт, директором которого стал шлиссельбургский товарищ Морозова И.Д. Лукашевич. Раньше в России не было специального института, который готовил бы географов. Лесгафтовцам пришлось потесниться, чтобы разместить у себя новорожденного. Кроме того, они взяли на себя часть лекций и лабораторных занятий по ботанике, зоологии, анатомии и химии для студентов-географов.

А вот какая была дальнейшая судьба знаменитых курсов Лесгафта.

Они имели 4 отделения – естественное, физического образования, историческое и народного образования. Помимо этого, были открыты годичные курсы по внешкольному и дошкольному образованию для подготовки руководителей детских площадок, садов и клубов. Однако уже к лету 1919 года было решено преобразовать курсы в Государственный институт физического образования – ГИФО. Почему? В новых условиях все желающие получили доступ в университеты, поэтому отпала необходимость в естественном и историческом отделениях. Потребность в физкультурном образовании, родоначальником которого в России был П.Ф. Лесгафт, напротив, была огромна – специалистов такого рода в советском государстве пока нигде не готовили. Так родился широко известный ныне Государственный институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта.

Долгое время после разделения между ГИФО и Научным институтом существовала тесная связь. Многие заведующие отделениями и сотрудники Научного института были одновременно профессорами и преподавателями ГИФО (Л.А. Орбели, А.Н. Крестовников, Н.В. Веселкин, В.М. Веселкина, А.А. Глаголева, А.А. Красуская, Е.А. Котикова, И.Д. Стрельников и др.), а некоторые лекции и занятия со студентами проводились еще в помещениях Научного института.

Новое учебное заведение было также весьма своеобразно. Чтобы студенты приобретали навыки, необходимые в будущей работе, при институте открыли детские учреждения – ясли, сад и клуб – своеобразные исследовательские лаборатории. Там занимались поиском новых путей воспитания, наблюдением физического и психологического развития детей. Детскому клубу присвоили имя П.Ф. Лесгафта, и не случайно – там проповедавались его идеи. Летом дети уезжали в одно старинное имение пригорода Петербурга, где были все условия для их труда и отдыха. Зимой в клубе работали самые разнообразные кружки –

игр, картонажный, мироведения, санитарный, переплетный, ритмики и пластики, театральный. Дети сами организовали библиотеку-читальню, в которой к началу двадцатого года имелось около 2000 томов детской литературы. Что же здесь, казалось бы, удивительного – детский клуб и т.п.? Однако шел только девятнадцатый год...

Внешне все складывалось замечательно. Но вот любопытный архивный документ – копия письма Н.А. Морозова В.И. Ленину, датированного июлем 1919 года. На документе рукой Морозова написано: «Отстоял институт». В этом письме Николай Александрович подробно излагает историю своего взаимодействия с институтом и свою озабоченность угрозой, нависшей над его детищем.

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Пишу Вам это письмо в большой тревоге. Дело в следующем. Со времени моего освобождения из Шлиссельбургской крепости, как только были опубликованы мои первые научные работы, я был приглашен покойным П.Ф. Лесгафтом для преподавания химии в Вольной Высшей школе, основанной им при созданной им же ранее на средства Сибирякова Петроградской биологической лаборатории (Английский, 32) как свободном исследовательском учебном учреждении. После его смерти я был избран Советом лаборатории членом совета взамен выбывшего Лесгафта, а директором был выбран проф. Метальников. В это время Высшая Вольная школа была уже закрыта правительством, и осталась только создавшая ее Биологическая лаборатория, которая стала разрабатывать и другие науки – все отрасли естествознания, как показывают 22 тома напечатанных ею трудов, где есть ряд и моих исследований по химии (см. приложенную брошюрку: стр. 16, § 9–17, а о биологической лаборатории стр. 8).

С этого момента я перешел почти целиком от преподавательской деятельности к исследовательской, так как учреждение давало для этого возможность. Перед войной я нашел, как когда-то и Лесгафт, одного богатого человека д-ра Симонова, который из дружбы ко мне дал несколько сот тысяч для расширения этого учреждения, с которым я сжился, и на эти деньги мы с ним построили новый шестиэтажный дом, надстроили два этажа над одним из прежних и начали постройку для меня астрономической обсерватории, но не успели прикрыть ее куполом, потому что д-р Симонов скоропостижно умер.

В прошлом году зимой я был избран советом Биологической лаборатории ее директором, взамен выбывшего Метальникова, сейчас же преобразовал ее в Петроградский научный институт имени Лесгафта с 9-ю естественнонаучными отделениями, в том числе астрономическим по такой специальности, по какой еще нет

учреждений в других странах: разработке памятников древности и определения их времени по заключающимся в них астрономическим фактам, что, по моему мнению, обещает сделать полный переворот в истории древности и особенно религий.

Еще ранее этого, когда времена старого режима стали легче, мы (хотя учреждение по своему уставу чисто исследовательское) задались целью дать молодежи, не пускаемой по тем или иным причинам в казенные учебные заведения, учиться, отдали часть наших помещений якобы внаем Высшим курсам Дмитриева, которые на деле под флагом этого инженера были устроены нами же, и потому, как только произошла революция, и переименовались в высшие курсы имени Лесгафта.

Теперь с реформой высшей школы и с падением значения Петрограда для учащейся молодежи он оказался слишком обремененным учебными заведениями, и мне сообщили в марте в Комиссариате Народного Просвещения (в ведение которого перешел, как только я стал директором, Научный институт Лесгафта и который помог мне закончить обсерваторию), что бывшие курсы Дмитриева, а теперь Курсы имени Лесгафта, помещающиеся у нас, потеряли значение, и Коллегия Петроградского Наркомсевпроса по предложению В.Р. Менжинской предполагает присоединить их ко 2-му Педагогическому институту, где директором Н.А. Рожков. Я согласился с ее мнением, что курсы надо преобразовать, но выразил опасение, что бракосочетание по желанию родителей и одного жениха, не спросив невесты (т.е. Курсов Лесгафта), может повести к разрухе обоих учебных заведений, и, кроме того, отметил, что Курсы Лесгафта, только приемное дитя Научного (исследовательского) института имени Лесгафта, созданного им и мною в самые тяжелые времена старого режима и уже оказавшего свободной науке и культуре немало услуг, а в будущем способного оказать еще более, и потому его следует сохранить.

Я говорил об этом также с Гринбергом и Киммелем, как с двумя лицами, которых я очень люблю (Луначарский тогда уже уехал в Ярославль), и они, как и Вера Рудольфовна Менжинская, сказали, чтобы я не беспокоился, и что я буду приглашен в коллегия, когда будет решаться этот вопрос, и все мои соображения будут приняты во внимание; то же сказал мне и Кристи, заведующий научным отделом, в ведении которого находился институт, но мне сказали, что это будет не скоро и потому я могу отправиться на месяц или два в командировку для окончания там задуманной мною работы астрономического исследования евангельских книг, для чего условия петербургской жизни, при которой все время у меня уходило на приискание пропитания и беготню по административным делам института, не давали мне ни малейшей возможности.

Я уехал 5 июня, работал над этим предметом с утра до ночи и вычислил неожиданный, но совершенно и безусловно достоверный факт: лунное затмение, описанное с мельчайшими подробностями во всех Евангелиях, имевшее место при распятии Иисуса и поведшее к тому, что он преждевременно был снят с креста и потом ожил, было за весь исторический период жизни человечества только один раз: в ночь со страстного четверга на страстную пятницу 368 года нашей эры, 21 марта, в равноденствие.

Это сразу привело Евангелия в согласие с уже ранее сделанным мною исследованием Апокалипсиса, давшим для него 395 год, 30 сентября, и исследованиями, опубликованными мною перед самой войной в книге «Пророки», быстро разошедшейся, но оставшейся благодаря войне без отголосков в научной литературе.

Теперь же я вычислил еще, по астрономическим указаниям, время 22 Псалма, где тоже описывается распятие, и получил для него то же самое время. Я сделал уже более 15 таких вычислений, и каждое в отдельности приводило к той же самой эпохе, концу IV и началу V века, и мало-помалу перед моими глазами вырисовывалась грандиозная и своеобразная картина жизни этого времени, которая средневековыми теологами была совершенно разрушена, так как все главные события они отнесли на 300 лет ранее, чем они были в действительности, а по древней истории религии хронологический сдвиг достигает даже 1320 лет назад (в целом ряде документов, содержащих астрономические указания – положения планет, затмения и т.д.). Это и была одна из главных причин организации мною в Научном институте Лесгафта астрономического отделения, куда я привлек лучших молодых астрономов-специалистов, уже сделавших ряд вычислений времен египетских памятников, давших для них большую часть I века нашей эры. Все эти вопросы я сверил в последние две недели с многочисленными первоисточниками историй III и IV века, с которыми и ранее был знаком, и получил полное согласие идейной жизни того времени с моими выводами, а в некоторых случаях нашел и самих авторов книг, как, например, Иоанна Златоуста для Апокалипсиса и Евангелия Иоанна, Новосионского епископа Павла для посланий апостола Павла и т.д.

На днях я закончил начерно книгу под названием “Христос”, которая представляет весь миф о Христе в совершенно новом свете и, несмотря на то что при исследованиях я отбрасывал всякую предвзятую цель и руководствовался только стремлением выяснить истину с помощью выработанных мною методов астрономического вычисления, совершенно разрушает все основы современной теологии.

Так как оставались только корректурные поправки и несколько справок о первоисточниках, которые можно было найти только в

Москве, Петрограде и Пулковской обсерватории, то я уже собрался выехать и посоветоваться с издательским отделом Комиссариата просвещения о возможности скорейшего издания этой книги, как вдруг получил за два дня до назначенного дня отъезда от секретаря Научного института Лесгафта следующую телеграмму: "Петроград. 3.7.19. Нам официально сообщено постановление коллегии Наркомсевпроса о присоединении Лесгафтовского института и Курсов ко 2-му Педагогическому институту. Ваше присутствие необходимо".

Эта телеграмма упала мне как снег на голову. Мои отношения с членами коллегии были, по крайней мере с моей стороны, самые искренние и наилучшие, а между тем по самому смыслу телеграммы устроено мое увольнение от должности директора самостоятельного Научного института имени Лесгафта и замена меня Николаем Александровичем Рожковым, а также фактическое уничтожение всякой самостоятельной деятельности в только что начавшем функционировать с необыкновенной энергией астрономическом отделении. Передача всего этого другому учреждению, задающемуся чисто педагогическими целями и интересами, равноценна его упразднению, а между тем Петроград перегружен только учебными, а не учеными (исследовательскими) учреждениями. Исследовательским учреждениям, требующим самых редких книг, музеев и инструментов, даже выгоднее быть сосредоточенными в определенном городе, где они могли бы помогать друг другу.

В чем же дело? Может быть, тут замешалась политика? Эта мысль прежде всего приходит мне в голову, может быть, потому, что я уже так много терпел от нее в своей научной деятельности при старом режиме. Конечно, я не скрывал (когда меня спрашивали об этом, но сам никому не навязывался со своими мнениями), что очень сомневаюсь в возможности введения социалистического строя в настоящее время не только в России, но и в других странах, что считаю современное человечество психически неподготовленным к полной общественности, индивидуалистическим по своему складу. Но я не скрывал и того, что вижу постепенную психическую эволюцию в этом направлении, которая ведет к коммунизму, как к идеалу развития общественности.

А относительно современного состава верховного правительства всегда говорил и в частных разговорах и при случайных публичных беседах, что этот состав и по умственным и по моральным качествам является выдающимся и что если даже ему не удастся осуществить идеалов коллективизма, то и никто другой не будет в состоянии ничего сделать в этом направлении. Тогда пусть никто и не берется по крайней мере триста лет, все равно ничего не выйдет, кроме разрухи всей экономической жизни страны.

Однако я считал то, что делается в настоящее время, исторически неизбежным. Принимать активное участие в этой героической попытке я не мог, потому что оказался бы нечестным полководцем, который посылает армию на штурм такой крепости (индивидуализма, мешочничества и нечестной мелкой спекулятивности мало еще развитых умственно и морально масс), при которой вся она погибнет, а случайные оставшиеся будут разорваны в клочки. С этой идейной точки зрения я и теперь, конечно, могу считаться в оппозиции, но только никак не к личному составу, а к тем или другим частям его платформы. А некоторые части и вполне одобряю.

Так я всегда говорил и говорю теперь, что за разгон Учредительного собрания состава 1917 г. современному правительству простится много грехов, что оно хорошо сделало, что расшевелило монастырские мощи и этим способствовало очищению истинного религиозного чувства, то есть благоговейного настроения, возникающего у всякого мыслящего человека при виде красоты и величия Вселенной. Заключение Брестского мира, при котором Россия признала себя побежденной накануне победы, я не ставлю ни в плюс, ни в минус современному правительству или пацифистам всевозможных оттенков, к одному из которых принадлежу и я сам. Заключило его не правительство, а русские крестьяне и рабочие, и не из своего великодушия или социальности, а потому только, что, не будучи способны составить какое-нибудь правильное понятие о том, что делается и что подготовлено на западном фронте, они пришли к убеждению, что «немца никто не сможет побить, а нам все равно будет жить, что под Николаем, что под Вильгельмом». Никакой Геркулес не смог бы удержать эту панически бегущую толпу, и я удивлялся в свое время только одному: умению, с которым была произведена демобилизация и разделена на небольшие куски та чудовищная лавина, которая была готова обрушиться на весь запад России и, разбившись вдребезги сама, раздавить под собою и половину населения Европейской России.

Но если Вы спросите меня, как я отношусь к некоторым другим мерам современного правительства, то я скажу, что некоторые из них мне были совершенно непонятны, так как казались губительными для него самого и которые я мог объяснить только тем, что оно село на спину такого зверя, который несет его неизвестно куда и, в конце концов, поднимет на рога.

Так, например, когда был опубликован декрет об аннулировании всех вкладов в банки свыше 15 000 рублей (что сводилось, в сущности, к аннулированию права граждан на личную инициативу в хозяйственной жизни страны, так как аннулирование записей в банковских книгах не давало правительству никакой реаль-

ной выгоды), то я тогда же говорил всем знакомым, что это смертный приговор правительства над собою, так как такая мера перепугает всех крестьян, у которых будет скапливаться при новых условиях вся масса денег, и они, воображая, что следующая очередь аннулирования будет за ними, не понесут более в кассы ни одной копейки, а все будут зарывать в землю и таким образом удалять с рынка деньги, и правительству ничего не останется делать, как без конца печатать денежные знаки для уплаты многочисленным при всякой национализации служащим, и все эти деньги тотчас будут проваливаться в землю, пока, наконец, земледельцы, как основные производители страны, пресытятся ими и начнут меновую торговлю, разувая и раздевая городских обывателей и всех не земледельцев, пока не оставят их совершенно нагими и босыми и не лишат советское правительство его главной опоры. И все, что было потом с финансами, показывает справедливость моей тогдашней оценки этой меры.

Вы видите из этих нескольких примеров, что одни мероприятия современного правительства я считал полезными, а другие губительными главным образом для него же самого, но всю эту оценку я делал как человек науки, а не как прокурор или адвокат и не навязывал ее никому насильно, а прежде всего наблюдал с огромным интересом (потому что такой исторический момент не повторится тысячелетия) все происходящее кругом, чтобы потом, если уцелею среди общей катастрофы, беспристрастно описать происходившее и выяснить психологические причины, двигавшие разными партиями и течениями, из непосредственных наблюдений над ними.

До сих пор все идет так, как я и ожидал в первые дни революции, когда говорил (тем, кто меня спрашивал), что напрасно они воображают, что все пойдет у нас как на параде, что прежде всего неизбежна попытка повторения Парижской коммуны во всей России и вспышка гражданской войны, какой не видела история, и вмешательство в нее иностранных держав, так как экономическая и гражданская жизнь всех народов земного шара находится в тесной зависимости, но что конец смутного времени у нас наступит лишь после окончания Мировой войны, т.е. после подписания мира с Германией. Теперь этот момент наступает, и я не хочу от Вас скрывать своего мнения, к которому меня привели беспристрастные наблюдения, что победа коммунистов над «мешочниками» и мелкими спекулянтами, в которых благодаря ажиотажу от быстрого падения ценности денег обратилась основная масса населения, мне представляется сомнительной и даже очень сомнительной.

Но именно в этот момент мне не хотелось бы сделаться похожим, хотя бы по внешности, на крысу, бегущую с загоровшегося

корабля, и оставлять все подготовлявшееся мною в Научном институте Лесгафта, ссылаясь на то, что правительство меня само выгнало. Мне, как директору, которому члены этого учреждения вверили его судьбу, нельзя равнодушно отнестись к лишению его самостоятельности, мне не хочется также ссориться с Петроградской Коллегией Просвещения, не хочется обижать и 2-й Педагогический институт, в составе которого много хороших людей. Не хочется, чтоб приютившиеся у нас курсы, которые желали сделаться Отделением Высшего Физического образования при нашем институте, на которых я преподавал астрономию и мировую химию, думали, что я оставил без внимания их неоднократную просьбу ко мне оставить их при Научном институте, так как тогда никому и в голову не приходило, что и сам Научный (исследовательский) институт имени Лесгафта будет присоединен ко 2-му Педагогическому институту. Положение еще более осложняется тем, что педагогические учреждения находятся в ведении другого отдела, чем научные (первыми заведует В.Р. Менжинская, вторыми Кристи), а потому при соединении Научного института Лесгафта со 2-м Педагогическим институтом это будет учреждение, у которого два господина, что очень неудобно. Уж лучше передать наши помещения Географическому институту, где директором мой товарищ по заключению в Шлиссельбурге И.Д. Лукашевич, а помещения Географического института, находящегося недалеко от нас, передать 2-му Педагогическому институту, но об этом я не решаюсь говорить, не посоветовавшись предварительно с его деятелями.

Нельзя ли поэтому приостановить действие декрета Петроградской Коллегии Наркомсевпроса, поскольку оно касается уничтожения самостоятельности Научного института Лесгафта, восстановить его, как он был прежде, а относительно бывших курсов Дмитриева, а теперь имени Лесгафта, относительно необходимости преобразования которых я совершенно согласен с Комиссариатом Просвещения, сделать решение по совещанию с ними.

Не скрою от Вас, что относительно курсов меня предупредили негласно, что на них смотрят не особенно хорошо, потому что там директор д-р Острогорский, бывший лейб-медик наследника Алексея. Но я знаю, что он там был на подозрении и при перевороте 27 февраля первый прибежал меня поздравить с революцией. Он выборный директор, но я уверен, что сейчас же уйдет, если ему скажут, что дело в нем.

Очень прошу Вас уладить как-нибудь все это.

Сердечно Ваш Николай Морозов».

Чем же закончилась эта история? Институт был сохранен благодаря бойцовским качествам его директора, а письмо так и не было от-

правлено адресату. Об этом свидетельствует еще один приводимый ниже документ – выдержки из письма Н.А. Морозова жене.

«Москва, 19 июля 1919, Суббота, вечер.

...Дела окончил блестяще: интрига Рожковым была проведена крепкая, но он забыл только одно. Чтобы быть хорошим дельцом или администратором, нужно кроме головы иметь еще и автомобиль для того, чтобы везде побывать. У меня автомобиля нет, но зато есть ноги, способные делать в день по 30 верст в продолжение многих дней. А он думал, что достаточно сидеть целые дни у влиятельного комиссара – Веры Менжинской, и он ее подсидел.

За неделю моего пребывания здесь повидался со многими комиссарами, даже и не из просвещения, и в результате Луначарский, приехавший сюда вчера, и с которым я уже повидался, сказал, что все это было недоразумение, что институт наш будет сохранен в полной неприкосновенности и ничего не будет предпринято такого, что я найду стеснительным, что это все “Рожков натворил чепуху”.

Письмо Ленину оставил в резерве, жены его (Крупской) до сих пор нет и потому ассигновки на народные дома в Веретее и Марьино провел через ее заместительницу Берзину, которая все подписала тотчас же, и деньги должны быть скоро посланы.

Сегодня Сытин окончательно решил издавать моего “Христа” и дал предварительно 5 000 р. на его переписку и изготовление клише. На этом предмете будет сосредоточено мое главное внимание в Петрограде, помимо, конечно дел института.

Подкармливал меня, главным образом, академик Лазарев, директор здешнего Физического института. Завтра передам ему в подарок “Повести моей жизни”...»

В том же 1919 году умер академик Евграф Степанович Федоров, ровесник Морозова и товарищ по революционной юности, выдающийся ученый-кристаллограф. Для института это была огромная утрата. С его смертью пришлось закрыть физическое отделение, так как не удалось найти ему достойную замену...

Родился Евграф Степанович в 1853 году в Оренбурге. Он был средним из трех братьев. Чтобы воспитать в своих детях усидчивость, мать заставляла их вязать крючком. Гимназию Евграф Степанович не закончил, а ушел в Николаевское инженерное училище, где привычка к усидчивости была развита дальше. Он старался не терять ни минуты и занимался даже в перерывах между занятиями. В 21 год он ушел в отставку и поступил на второй курс Технологического института, на химическое отделение, а в 23 года, оставив институт, ушел в революционную деятельность...

Когда летом 1876 года готовился побег П.А. Кропоткина, Евграфу Степановичу поручили играть на скрипке, дабы таким образом подать знак узнику, что путь свободен...

Через два года, будучи несогласным с тактикой террора, он бросил политическую деятельность и занялся наукой. В 48 лет он получил степень почетного доктора Московского университета, а в 1919 году был избран в действительные члены Российской академии наук.

Е.С. Федоров занимался такой областью естествознания, где соприкасаются материя и пространство – кристаллографией, и сделал очень много для развития этой науки. В этом ему помогли увлечения геометрией и минералогией, петрографией и геологией и, в немалой степени, философией. По всем этим разделам Евграф Степанович оставил научные труды. Он занимался сбором фактов, группировкой фактов в эмпирические законы и, наконец, построением стройных теорий, объединяющих факты и законы ...

В сентябре 1919 года на месте ликвидированного после смерти Е.С. Федорова отделения физики было создано новое отделение – астрофизическое. Его заведующим был избран знаменитый пулковский астроном Гавриил Адрианович Тихов.

Г.А. Тихов родился в 1875 году. В 17 лет он увлекся астрономией, и это определило его будущее. Он поступил на физико-математический факультет Московского университета, а у себя дома построил маленькую обсерваторию. Свою первую статью он опубликовал по окончании университета, а на следующий год уехал в Париж, в Сорбонну, где продолжил образование. В 1899 году, вместе с тремя другими аэронавтами, Тихов совершил подъем на аэростате для наблюдения метеоритов из метеорного потока Леонид. И лишь перед первой мировой войной он защитил диссертацию на степень магистра астрономии.

В 1906 году Гавриил Адрианович приступил к работе в Пулковской обсерватории, а с 1919 года началась его преподавательская деятельность и заведование астрофизическим отделением в институте им. П.Ф. Лесгафта.

Этот грузный, на первый взгляд мрачный, но в действительности добродушнейший человек, склонный к грубоватому юмору (его любимой присказкой была, например, такая: «А мы это сделаем по-своему, по-простецки, по-мужицки... по-дурацки!»), автор методов астрометрии и спектрофотометрии звезд и планет, отличался удивительной ясностью мысли и видением далеких научных перспектив, что привело его в конце жизни к созданию нового направления астрофизики – астроботаники, к исследованию возможности жизни (в растительной форме) на планетах с помощью разработанного им метода спектрального анализа. Сотрудниками его первоначально были С.В. Муратов, М.Я. Мошонкин, Д.О. Мохнач, Н.П. Шанин, а позднее – Н.И. Кучеров, Е.А. Кринов, К.Т. Стоянова, А.Ф. Богородский, Г.Г. Ленгауэр. Штатный со-

став отделения был немногочисленным, но в нем работали и многие пулковские астрономы и астрофизики: Г.С. Неуймин, А.Н. Дейч, В.П. Цесевич, Н.И. Идельсон, Н.Н. Сытинская и др.

Г.А. Тихов был пионером изучения небесных светил через цветные сфетофильтры путем как наблюдения, так и фотографирования. Эти светофильтры были изготовлены в Естественнаучном институте и первоначально здесь же применены. При использовании их определялись цвет, яркость и температура ряда звезд в созвездиях Большой Медведицы, Персея, Возничего, Быка и Ящерицы, а также цветовой показатель поверхности Луны. Особенно привлекало Г.А. Тихова исследование поверхности Марса. Было установлено, что полярные шапки его, изменяющиеся в размерах по сезонам года, представляют собой лед или твердую уголекислоту, а темные пятна низменностей, называемые морями, при фотографировании через красный фильтр выглядят более темными, чем при обычном наблюдении; следовательно, они сине-зеленого цвета. Сопоставление этих данных со снятыми через различные светофильтры спектрами зеленых растений (березы, канадской ели и др.) позволило предположить, что в таких местах имеется растительность типа нашей арктической, поглощающая не только красные, но и желтые лучи солнечного света. Остальная же поверхность Марса, гораздо большая по площади, – пустыня с красным песком или песчаником. Так родилась новая отрасль астрофизики – астроботаника, у основания которой стоял Н.А. Морозов и которой Г.А. Тихов занимался уже позднее, работая в Алма-Атинской горной обсерватории. Немало внимания в отделении уделялось изучению метеоритов и теоретическим вопросам бесконечности Вселенной в пространстве и времени, а также проблемам атмосферной оптики, дисперсии солнечного света в земной атмосфере и исследованию утренних и вечерних зорь, что имело большое практическое значение (для синоптиков и при аэрофотосъемке).

К научным степеням у Тихова было своеобразное отношение, он говорил своим аспирантам:

– Скорее защищайте свою диссертацию и начинайте заниматься делом!

Сам Гавриил Адрианович считал, что надо просто работать, и как можно больше. Естественно, он первым следовал этой заповеди, и поэтому на докторскую диссертацию у него нашлось время лишь в 1934 году; к этому времени он уже 7 лет был членом-корреспондентом АН СССР.

В 1947 году Тихов организовал сектор астроботаники АН Казахской ССР. Основные представления астрономической биологии были им сформулированы совместно с Н.А. Морозовым еще до революции, но сам термин «астроботаника» появился 6 марта 1946 года и принадлежал Тихову, он ввел его на страницах газеты «Казахстанская правда».

Таков был заведующий новым отделением института.

Раз уж мы забежали вперед, то уместно будет поговорить об истории других отделений и о работавших в них энтузиастах.

Вот, например, отделение физиологии. Его заведующий Леон Абгарович Орбели работал во многих местах: он руководил рядом первоклассных лабораторий, заведовал кафедрами физиологии I Ленинградского медицинского института и Военно-медицинской академии, был директором Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР и его биологической станции в Колтушах. Это далеко не полный список. Но самым любимым его детищем и его главной кузницей кадров было отделение физиологии Естественного научного института им. П.Ф. Лесгафта. Здесь работали не только штатные сотрудники, но и помощники Л.А. Орбели из других научных учреждений, а когда Леон Абгарович был избран членом-корреспондентом АН СССР, а затем академиком – и члены его академической группы.

В отделении физиологии института прошли аспирантуру и работали будущий академик Армянской АН Э.А. Асратян, будущий заведующий кафедрой физиологии МГУ Л.Г. Воронин, видный физиолог-эндокринолог Л.Г. Лейбсон, выдающийся советский физиолог А.Г. Гинцинский, впоследствии академик АМН А.В. Лебединский, видные физиологи Е.А. Ганике, Е.А. Моисеев, В.С. Дерябин и ряд других ставших известными своими исследованиями физиологов. В академическую группу Л.А. Орбели, возглавляемую будущим академиком, выдающимся физиологохимиком Е.А. Крепсом, входила известная исследованиями физиологических адаптаций (приспособительных реакций организма к неблагоприятным условиям среды) З. И. Барбашова, прославившийся в области физиологии мышц электрофизиолог Е.К. Жуков, видный исследователь в области эволюционной физиологии Н.А. Вержбинская, известный физиолог А.В. Войно-Ясенецкий и мн. др.

Близким по направлению к отделению физиологии было организованное в 1921 г. отделение экспериментальной патологии, в 1932 г. преобразованное в отделение физиологической химии. Возглавил его друг и соученик Л.А. Орбели по Военно-медицинской академии, известный патофизиолог и физиологохимик Николай Васильевич Веселкин. Это отделение по составу было немногочисленным, но достаточно хорошо оборудованным.

Отделением микробиологии с 1918 г. руководил один из крупнейших советских микробиологов – академик Василий Леонидович Омелянский. Это был ученый, способный к глубокому анализу и широким обобщениям, посвятивший свою жизнь решению не только важных теоретических вопросов микробиологии, но и в равной мере чисто практических, прикладных, выдвигаемых жизнью или предвидимых Василием Леонидовичем в близком или далеком будущем. После смерти в 1928 г. В.Л. Омелянского заведение принял его ученик Григорий Львович Селибер.

В течение 20 лет (1916–1936) отделение ботаники возглавлял Владимир Николаевич Любименко – один из крупнейших советских бо-

таников, академик АН УССР. Большое внимание было уделено влиянию света и различных участков его спектра на растения, фотопериодизму растений и (совместно с отделением физиологической химии) влиянию освещенности на синтез витаминов в растениях.

После отъезда на Украину В.Н. Любименко на заведование отделением был приглашен профессор Педагогического института им. А.И. Герцена Федор Данилович Сказкин. Исследования в большей мере стали проводиться на базе совхозов, в частности в Детском Селе (ныне г. Пушкин), и путем экспедиций в южные районы страны, а на пустыре, смежном со зданием института (на ул. Союза Печатников), где сейчас находится Тургеневская АТС, был построен вегетационный домик, в котором велись эксперименты с сельскохозяйственными культурами.

Отделение анатомии, возглавляемое до 1936 г. Анной Адамовной Красуской, продолжало исследования П.Ф. Лесгафта по вопросам функциональной анатомии. В 1936 г. из-за преклонного возраста А.А. Красуская вынуждена была оставить руководство отделением, и на ее место из Минска был приглашен Сергей Иванович Лебедкин – талантливый и полный сил ученый, видный анатом.

При отделении анатомии в начале 1930-х гг. было организовано и отделение гистологии, на руководство которым был приглашен Алексей Алексеевич Заварзин – один из крупнейших гистологов, впоследствии академик.

В отделении зоологии с музеями зоологии и сравнительной анатомии работал многолюдный коллектив, представляющий разные отрасли зоологии: ихтиологию, орнитологию, энтомологию, зоологию низших беспозвоночных, а позднее еще и экологию. Но руководители отделения на протяжении 1918–1929 гг. часто менялись, а так как ими всегда были крупные ученые, то каждый из них вносил в исследования свое направление. Так, с 1919 по 1924 г. отделением заведовал Константин Николаевич Давыдов, интересы которого лежали в области высших беспозвоночных и хордовых; с 1924 по 1928 г. – академик Петр Петрович Сушкин, занимающийся орнитологией и сравнительной анатомией позвоночных; с 1928 по 1929 г. – академик Николай Викторович Насонов, в основном изучающий беспозвоночных. И только с 1929 г. в течение 10 лет отделением руководил крупнейший ихтиолог Константин Михайлович Дерюгин. После его смерти отделение, сохранив территориальное единство, разделилось на собственно зоологическое (заведовал орнитолог С.К. Красовский) и экологическое (им руководил И.Д. Стрельников).

Наиболее колоритной фигурой среди зоологов был заведующий музеями Иван Дмитриевич Стрельников – главный хранитель традиций П.Ф. Лесгафта в институте. Выделялся он и внешним видом: высокий, крепко сложенный, широколицый, с седеющими длинными кудрями, всегда с пышным бантом вместо обычного галстука. У него были две любимые темы для разговоров: о П.Ф. Лесгафте и его временах, а также о своей экспедиции в Южную Америку, когда он жил среди перво-

бытных индейских племен. В последнем случае Иван Дмитриевич проявлял даже большую сентиментальность, особенно когда рассказывал о том, как, обливаясь слезами, он, сидя у водопада Игуасу, размышлял о тшете человеческой жизни.

Все время пополнялся и музей (как за счет материалов, привозимых из экспедиций, так и за счет животных, погибавших в Зоологическом саду), в 1930-е гг. занимавший почти два этажа главного здания. Музейные препараты с удивительной ювелирной тонкостью изготавливала, как правило, Е.М. Непенина, не уступавшая по мастерству А.А. Красуской и ее сотрудницам, а чучела — высококвалифицированный таксидермист Н.П. Опаровский. Е.М. Непенина делала препараты не просто животных, заспиртованных в банках. Это были препарированные внутренние органы, кровеносная, нервная и мышечная системы самых различных животных, что позволяло видеть их строение, ход нервов и сосудов. Препараты были уникальны. Ни в каком другом музее нельзя было познакомиться со строением сердца редкого пресмыкающегося, с желудком муравьеда, мозгом колибри или казуара и т. п. А чучела, изготавливаемые Н.П. Опаровским, не были статичны, им придавались характерные положения движения животных.

В 1921 г. вместо закрытого еще до революции отделения психологии было организовано зоопсихологическое, возглавляемое профессором С.И. Малышевым. Сергеем Ивановичем и его помощником Л.Е. Аренсом на базе биологической станции «Лес на Ворскле» проводились исследования, направленные на рационализацию пчеловодства. Они касались развития материнского инстинкта у пчел, искусственного оплодотворения пчелиных маток и ряда практических вопросов пчеловодства.

Отделением химии до 1922 г. руководил Павел Людвигович Мальчевский — один из старейших сотрудников института, из-за тяжелой болезни вынужденный оставить работу. Однако даже будучи прикованным к постели, он продолжал проявлять живой интерес к делам института. На его место был приглашен известный физикохимик Михаил Степанович Вревский. Основное направление, принятое им и его сотрудниками А.А. Глаголевой, Н.А. Гельд и др., касалось дальнейшего развития и углубления теории растворов, созданной Д.И. Менделеевым. После смерти М.С. Вревского на должность заведующего отделением был избран другой крупный химик — Иван Иванович Жуков, интересовавшийся в большей степени вопросами коллоидной, а не физической химии.

Руководимое Н.А. Морозовым отделение астрономии занималось наблюдательной астрономией, исследуя яркость переменных звезд, что привело к открытию 11 новых светил этой группы и одной кометы. Астрономы под руководством Н.А. Морозова изучали также солнечные пятна, ряд лунных цирков (кратеров) и т.д.

В работе над фундаментальным трудом «Христос» Морозову потребовалась колоссальная вычислительная работа. И здесь неоценимую помощь ему оказали его сотрудники Н.И. Идельсон, А.В. Мар-

ков, Д.О. Святский, Н.М. Штауде и рано умерший талантливый молодой астроном М.А. Вильев, разработавший теорию определения времени заданной планетной конstellляции, т. е. вычисления, в какой день и в каком году могло иметь место то или иное расположение планет.

А теперь вернемся к насущным делам девятнадцатого года. Наркомпрос, в подчинении которого находился институт, принадлежал к сравнительно небогатым (не в пример Академии наук) наркоматам, да и расходовать свои основные средства он должен был, прежде всего, на народное образование. Хотя институт крайне нуждался в средствах, Морозов считал возможным обращаться в Наркомпрос лишь в крайних ситуациях. Его детище должно было выжить, противопоставив царящему вовне хаосу внутреннюю самоорганизацию. Осенью они обзавелись физико-механическими мастерскими; теперь можно было самим ремонтировать оборудование и изготавливать приборы для астрономической обсерватории. Вообще, всю вспомогательную работу научные сотрудники выполняли сами: конструировали и создавали установки, ставили эксперименты без помощи лаборантов, которых в институте попросту не было, да зачастую на свои собственные средства. Леон Абгарович Орбели, например, тратил свою зарплату на содержание подопытных животных. Для этих людей, как и для их директора, научная работа была не средством, а смыслом существования.

Каким же образом сравнительно малочисленным коллективом Естественного института даже в тяжелые годы гражданской войны и в период реконструкции народного хозяйства, требовавшие максимального напряжения всех сил страны, были достигнуты крупные успехи?

Дело было в людях, в их отношении к науке, в микроклимате института, в умелой организации его работы руководством. Еще до революции крупные ученые шли в Биологическую лабораторию П.Ф. Лесгафта не ради денег, а ради прогрессивных идей свободной науки и широкого народного просвещения, провозглашенных и проводимых в жизнь П.Ф. Лесгафтом. Как уже говорилось, многие из них вообще трудились бесплатно, получая средства для существования в других учреждениях, где работали параллельно. Почти до середины 1930-х гг. зарплата сотрудников Естественного института по сравнению с другими научными учреждениями (особенно академическими) была невысокой (надбавки за ученые степени ввели только в 1934 г.). И тем не менее все работали с полной отдачей, не думая о переходе туда, где материальное обеспечение было бы лучшим. В институте существовал своего рода патриотизм, сплачивающий коллектив, а новые лица в подавляющем большинстве своем быстро присоединялись к нему, ассимилировались и становились «правверными лесгафтовцами».

Основными чертами сотрудников института были преданность науке, бескорыстие, отсутствие карьерных стремлений и искреннее доб-

рожелательство во взаимоотношениях. В институт шли энтузиасты науки. Здесь незримо витал дух П.Ф. Лесгафта, а живым примером и образцом служили такие люди, как Н.А. Морозов, Л.А. Орбели и др. Если нужно было, каждый всегда готов был оказать помощь и поддержку любому товарищу, нуждавшемуся в этом, отложив в сторону свои дела и не отговариваясь занятостью.

Те, кто не смог жить по существующим в коллективе традициям, уходили из института. Условия работы в нем и общий дух его как бы проводили естественный отбор, сохраняя лучшее (конечно, с коэффициентами поправки по принципу «все мы люди, все мы человеки»). Здесь трудились люди разных способностей и разного культурного уровня, различных характеров и неодинаковой воспитанности, но их объединяли интерес к науке и полная отдача ей, чувство товарищества и безусловная порядочность. В институте не бывало никаких склок, ни ловкачества, ни подхалимства, ни подсиживания коллег.

Для всех работников института характерна была твердая и сознательная дисциплина, выражавшаяся не в том, чтобы не опаздывать на работу и не уходить раньше звонка, а в том, чтобы лучше и эффективнее выполнять порученное дело. Сотрудник мог прийти и после 9 ч, если его задерживало какое-либо существенное личное дело, или отлучиться среди дня, но тогда он и оставался в лаборатории допоздна. Чаще многие приходили раньше положенного времени. Бывало, что свет в окнах той или иной лаборатории появлялся в 7–8 часов утра и горел до 9–10 часов вечера. Как правило, всякие расчеты, написание статей, чтение текущей научной литературы сотрудники института осуществляли дома в нерабочее время.

Лесгафтовцы отличались высоким демократизмом. Любой руководитель отделения, как бы он ни был прославлен и какими бы высокими званиями (академика или почетного доктора зарубежных университетов) ни был облечен, всегда был прост в общении и равно доступен любому члену коллектива, не проявляя никакого зазнайства и высокомерия. Руководитель был знающим, более опытным товарищем, а не начальником, но слово его считали законом (заметим, оно всегда было разумным, а не вызванным высокомерием или раздражением). А вне науки он был просто старшим, уважаемым товарищем. Л.А. Орбели, например, посещал аспирантские вечера и танцевал там наравне с молодежью, а Е.М. Крепс, тогда уже известный ученый и руководитель группы, вместе с аспирантами активно участвовал в лыжных вылазках. В институте никогда не было людей белой и черной кости, не было разницы между учеными и обслуживающим персоналом. Все были равноправными членами коллектива. Никто не позволил бы себе называть уборщицу по имени, а тем более обратиться к ней на «ты»; только на «вы», только по имени-отчеству. Благодаря таким взаимоотношениям в институте никогда не возникала проблема технического пер-

сонала. Работали по много лет и целыми династиями. Существовали, например, династии Волковых, Головкиных, Симашиных, Спиридоновых, Сухановых. И все они были из Боровичского уезда Новгородской губернии, многие приехали даже из одной деревни и находились в том или ином свойстве. Представители этих династий выполняли разные работы: от дворников и уборщиц до препараторов самой высшей квалификации и научных сотрудников (примером может служить род Головкиных).

Коллектив института умел сочетать работу с активным отдыхом, умел и развлечься. Здесь задавала тон комсомольская организация. Проводились коллективные выезды за город и лыжные вылазки, чаще всего в Токсово и Кавголово. На праздничных вечерах успехом пользовалась самодеятельность. В институте были певцы, декламаторы, разыгрывались скетчи. Инсценировались отрывки из произведений классики. В особо торжественных случаях приглашали солистов Академического театра оперы и балета, а также музыкантов, нередко весьма известных, которые выступали, разумеется, бесплатно.

Традицией на этих вечерах стали «световые газеты» — юмористические, а нередко и острокритические обзоры. Критике мог подвергнуться любой сотрудник, но никто не обижался. Чаще всего попадало работникам хозяйства за те или иные промахи и упущения; иногда объектом критики оказывались и замдиректора Д. Я. Глезер за нередко проявляемую им излишнюю нервозность и горячность, а также те или иные функционеры общественных организаций. Объектами дружеских шаржей были люди почтенные, критики не вызывавшие: Г. Л. Селибер — личность в некоторых аспектах комическая, но пользующаяся любовью коллектива; И. Д. Стрельников за свое фанатическое упрямство; Л. А. Орбели, проводивший в связи со своими академическими обязанностями немало времени в Москве, и даже К. А. Морозова как ударник-снабженец, так как однажды она попыталась добыть для нужд института какие-то болты и преуспела в этом.

Отделения не обременялись мелочным контролем и обилием бумажной отчетности. Невыполнение плана или недобросовестное выполнение его — это было не слыхано и не видано. При планировании обязательно обращалось внимание на то, чтобы тематика не носила оторванного от жизни, слишком теоретического характера, чтобы результаты имели выход в практику народного хозяйства, медицины или физической культуры. Это всегда находило живой отклик со стороны руководства и коллективов отделений.

И такой стиль работы и общения в институте был не в последнюю очередь заслугой его руководителя. Н. А. Морозов был бессменным директором института со дня его основания в 1918 году и до своей смерти в 1946 г.

Его сотрудники вспоминали о нем как о человеке широкой, доброй и отзывчивой души, простом и доступном всем, в общении и обращении

одинаковым и с государственным деятелем, и с прославленным академиком, и с любым сотрудником института (от членов совета до дворников и уборщиц). Николай Александрович ежедневно с часу до двух совершал прогулку. Выходя во двор дома, где он жил при институте, Николай Александрович не ждал поклонов, а сам здоровался со всеми встречавшимися (и обязательно за руку): был ли то сотрудник института, жилец дома, дворник или играющие во дворе дети. И для каждого находил приветливое слово: у одного спрашивал, как идет работа; у другого справлялся о здоровье; у ребят – о школьных успехах. Николай Александрович всегда присутствовал на всех институтских вечерах и культурных мероприятиях (нередко и приходил первым). В дни Октябрьской революции и Первого мая он сам выносил из института знамя и нес его обычно до угла просп. Маклина и Садовой улицы, после чего передавал постоянному знаменосцу – дворнику И.В. Суханову или коменданту И.Ф. Попутникову. Далее Николай Александрович шел уже налегке.

Один из сотрудников института вспоминал, что, будучи аспирантом, он серьезно заболел (жил он в то время в институтском доме, этажом выше квартиры Морозовых). Николай Александрович и Ксения Алексеевна, узнав об этом, немедленно прислали своего личного врача, а вместе с ним (для поддержания сил) и целый короб продуктов питания (времена тогда были трудные, а аспирантский кошелек чаще бывал пуст): головку голландского сыра, баночку икры, масло, фрукты, а вдобавок и сообщение, что их домработница Дарья Семеновна будет ежедневно приносить обед, так как больной, естественно, в столовую ходить не может. И это не исключение, не какое-то особое избирательно хорошее отношение, а правило: помочь человеку, если он в этом нуждается. Например, когда у одного из сотрудников Института внезапно умерла мать, жившая далеко в провинции, и надо было ехать на похороны, Морозовы немедленно предложили ему деньги на дорогу.

Руководил институтом Николай Александрович твердо, но демократично. Проводя свою линию, он вместе с тем никому не давал императивных указаний, не навязывал своих мнений; все вопросы решались коллегиально советом института. Он умел создавать атмосферу увлеченности наукой и бескорыстного служения ей. В институте всегда господствовал дух товарищеской взаимопомощи. Под руководством Н.А. Морозова институт (даже в самые тяжелые голодные годы, в период гражданской войны) расширял, умножал и усложнял свои исследования не только теоретического плана, но и связанные с практикой (для народного хозяйства, медицины, физического воспитания). Сам Николай Александрович не был членом партии. Заполняя анкету, в графе «партийность» он писал: «Партия “Народной воли”», но в своей директорской деятельности всегда опирался на партийную организацию, которая в свою очередь поддерживала все его начинания.

Как старый революционер и общественный деятель, Морозов имел многочисленные связи в партийных и правительственных кругах. Это помогало ему решать ряд трудных вопросов. Приезжая в Москву, Николай Александрович, минуя многочисленные канцелярские бюрократические ступени, обращался прямо к первоисточнику. Такие поездки в институт в шутку называли «поднятием чудотворной иконы». Был такой случай: в институте внезапно вышли из строя котлы парового отопления. Помощник директора по административно-хозяйственной части, весьма добросовестный и энергичный Ф.В. Мазуркевич буквально сбился с ног, но ничего не смог сделать: в Ленинграде не было соответствующих котлов. Николай Александрович поехал в Москву, в Наркомат тяжелой промышленности, прямо к Г.К. Орджоникидзе. И уже через неделю нужные котлы были доставлены в институт. Аналогичным путем (через Москву или через ленинградские организации) добывались дефицитная бумага для издания «Известий» института и другие необходимые вещи. Или еще пример несколько иного рода. Один из сотрудников начал работать в Естественнонаучном институте еще студентом. После окончания медицинского института он был распределен здесь же в аспирантуру (в те годы в аспирантуру не сдавали экзаменов, а распределяли по представлению партийной или комсомольской организации). Однако, желая продолжать начатую в студенческие годы работу, он стремился в аспирантуру Естественнонаучного института. Эти институты были в подчинении разных наркоматов: первый – Наркомздрава СССР, второй – Наркомпроса РСФСР. Дирекция же мединститута ставила вопрос ребром: или к нам в аспирантуру, или на лечебную работу. По просьбе проф. Н.В. Веселкина (его руководителя) в дело вмешался Н.А. Морозов. Он написал приватное письмо В.М. Молотову, хорошо знавшему институт и неоднократно до революции бывавшему в нем. И уже через две недели вопрос был решен положительно.

Если в молодые годы, а тем более в тюрьмах, Николай Александрович привык вставать рано, спать на жестких досках, довольствоваться простой и скудной пищей, то к глубокой старости, когда ему было уже за 80, привычки у него несколько изменились. Однажды понадобилось сделать фотографию Морозова для стенгазеты. Поручили это молодому сотруднику института Н.Н. Яковлеву, который часто бывал на квартире директора.

На вопрос Яковлева о том, когда можно прийти, он ответил: «А когда хотите, я ведь с солнышком встаю». Конечно, «с солнышком» идти фотограф не решился, а позвонил около десяти утра. Было воскресенье. Открывает Дарья Семеновна: «Что Вы, что Вы! Еще спят, приходите часов в 12». Посетитель пришел в половине первого и застал Николая Александровича только-только заканчивающим завтрак. Но при этом надо иметь в виду, что он очень поздно ложился. Таким обра-

зом, произошел сдвиг в его распорядке дня, а Николай Александрович этого не замечал, считая по-прежнему, что он встает очень рано.

Николай Александрович утверждал: «Я в крепости привык спать на досках и теперь сплю на жестком». Однажды, когда доктор ставил ему банки, то обнаружил, что на кровати действительно лежат доски, но поверх досок... пушистая мягкая перина. Но Морозов ее просто не замечал, считая, что он по-прежнему спит на досках.

Всякие медицинские процедуры Николай Александрович переносил терпеливо. При инъекциях только кричал или говорил: «Ух, как!». С присосавшимися банками лежал спокойно, но все время причитал: «Ах, какие злые люди!».

Николай Александрович всегда любил сладкое, но к старости по состоянию здоровья шоколадные конфеты были ему запрещены, и если они у него появлялись, Ксения Алексеевна их немедленно отбирала и прятала, изредка выдавая по одной. Николай Александрович находил конфеты и прятал их уже у себя в кабинете. Однажды одному из гостей в отсутствие Ксении Алексеевны предложил: «Хотите шоколадную конфетку? Только сами найдите. Большая коробка с цветами». Посетитель поискал, но коробки не увидел: «Не могу же я, Николай Александрович, рыться в ваших книгах и на столе». – «А и не надо рыться. Вот они, на стеллаже. Я старый конспиратор: и близко спрячу, а никто не найдет». И действительно, коробка лежала на видном месте, но как-то маскировалась окружающими книгами и другими предметами.

Но, несмотря на такие старческие причуды, Николай Александрович до последних дней своих сохранил ясный и острый ум, человеческое обаяние и всегда видел перспективу исследований.

Николай Александрович считал, что душевное настроение человека, бодрое или унылое состояние духа зависят не только от окружающей его обстановки – человек носит их в своей собственной душе. «Кто от природы склонен к унынию, кто думает только о самом себе, тот будет несчастлив, где бы он ни был и с кем бы он ни был», – не раз говорил он...

В Ленинграде на Фонтанке, 34 до войны существовал «Дом занимательной науки». Большинство ученых принимали Дом с восторгом, довольно часто заходили на «огонек». Это были академики А.Ф. Иоффе³, А.Е.Ферсман, С.И. Вавилов, тогда еще молодой В.А. Амбарцумян... Заходил сюда и Н.А. Морозов. Он был единственный в истории Дома занимательной науки, кто, пройдя по Дому, ни разу не сел «в лужу», что было, несомненно, достижением. «В лужу» садились даже самые достойные. И не потому, что мало знали. Просто, овладев вершинами, люди часто забывали азы. А особенно в соседних, не своих науках.

В советское время было три юбилея Н. А. Морозова – в 1924, в 1934 и в 1944 г. Юбилейные даты Н.А. Морозова отмечались всегда

очень торжественно и приобретали всесоюзный размах. Николай Александрович получал массу приветствий и телеграмм: правительственных, от Наркомата просвещения, Академии наук СССР, различных партийных, советских и научных организаций Ленинграда и других городов, а также от многочисленных трудящихся, в том числе от еще живущих старых народовольцев. Особенно хорошо запомнилась ему одна из них – от В.Н. Фигнер, жившей тогда в доме отдыха политкаторжан в Пушкинских Горах: «Поздравляю и обнимаю великомученика Николая. Вера». На торжественном заседании всегда присутствовали представители Москвы, Наркомата просвещения, ленинградских партийных организаций, Академии наук СССР, старые народовольцы и обязательно делегации от пос. Морозова и от Шлиссельбурга. В институте существовала традиция: подносить Николаю Александровичу на этом заседании букет алых роз, по числу их равный количеству прожитых лет.

Вот его 80-летний юбилей. Ленинградская правда от 5 июня 1934 г. в статье «У шлиссельбуржца Н.А. Морозова» писала:

«4 июня в Ленинград приехал старейший революционер-шлиссельбуржец Н.А. Морозов, отдыхающий в настоящее время в Доме отдыха и труда академии наук в совхозе «Борок». Приезд Н.А. Морозова в Ленинград связан с чествованием его по случаю 80-летия, организуемым Обществом бывших политкаторжан совместно с Академией наук, Институтом им. Лесгафта и Пулковской обсерваторией 7 июня в Выборгском Доме культуры».

А вот отчет о юбилее в этой же газете:

«80-летие Н.А. Морозова.

Сегодня в большом зале Выборгского дома культуры состоялось чествование Н.А. Морозова в связи с его 80-летием.

На чествование юбиляра собрались старые большевики, бывшие политкаторжане. Здесь был президент Академии наук Карпинский, академики Н.И. Вавилов, Орлов, заслуженный деятель науки проф. Орбели.

Феликс Кон яркими красками рисует портрет Н.А. Морозова, человека, который 60 лет своей жизни провел в неустомимой борьбе, который родился в эпоху крепостничества и дожил до эпохи социализма.

– Я приветствую Вас не только как бывшего политкаторжанина, но и как большого ученого, – под дружные аплодисменты заканчивает свое выступление Феликс Кон.

С теплым приветствием выступил президент Академии наук академик Карпинский.

– Николай Александрович, – сказал он, знает чудесное лекарство против убийственного действия тюрьмы. Он знал науку и верил в революцию. Поэтому он и сейчас юношески бодр и работоспособен.

С приветствиями Морозову выступали ученые, политкаторжане, представители научных организаций. Делегация краснофлотской части объявила о зачислении Морозова почетным краснофлотцем Балтики.

Под бурные аплодисменты были оглашены приветственные телеграммы наркомпроса, тов. Бубнова и секретаря ленинградских областного и городского комитетов партии тов. Кирова».

С приветствиями выступили ученые, бывшие политкаторжане и представители многочисленных научных и общественных организаций.

В связи с юбилеем в газете «Известия» была опубликована большая статья В.Н. Фигнер. «Сестра по революции и тюремному заключению», как она называла себя в статье, горячо приветствовала Морозова, поздравляя его с 80-летием и называя его «исключительной личностью».

В статье профессора Г.А. Тихова «Излюбленная наука» отмечалось многообразие интересов Морозова как ученого: «...Разносторонность Николая Александровича поистине изумительна. Трудно найти такую науку, в которой Н. А. не чувствовал бы себя, как дома, или с которой, по крайней мере, он не был бы знаком.

Несомненно, однако, что излюбленной наукой Н.А. является астрономия».

Юбилей Николая Александровича Морозова отметили журналы «Мироведение», «Вестник знания», «Природа» и многие другие.

Нескончаемый поток поздравительных телеграмм и писем от ученых, друзей и родственников юбиляра поступил в адрес ленинградской квартиры Морозовых и в Борок.

Во время чествования Николай Александрович хотя и был взволнован, но как всегда владел собой и проникновенно благодарил организации, ученых, общественных деятелей и частных лиц, поздравивших его.

К сожалению, не прошли мимо института репрессии 1930-х гг. Несколько сотрудников без предъявления обвинений были сосланы в места не столь отдаленные. Одним из них (в частности, Н.Н. Яковлеву и Л. К. Лозина-Лозинскому) посчастливилось вернуться через год с полной реабилитацией, другие (Н.С. Штауде, Л.Е. Аренс, С.М. Амром, Н.Г. Туркевич) были реабилитированы значительно позднее, но все при жизни. Эти временные потери кадров существенно не отразились на работе института.

Страхуя себя от возможных провокаций со стороны многочисленных «доброжелателей», Н.А. Морозов специально держал в своем ленинградском кабинете на видном месте записку следующего содержания:

«Для тех, которые снова придут обыскивать, здесь не найдется ничего, на что я не мог бы дать объяснение.

Этот кабинет был обыскан уже более сотни раз.

Все началось еще зимой 1929 года, когда и диверсанты, у которых было как бельмо на глазу мое сотрудничество с большевиками, особенно начали вредительствовать мне тайными кляузами и стали распространять слухи, будто собственными глазами видели у меня в институте бомбы. Я употребил против этого такой способ. Пригласил к себе заместителем директора товарища Забрежнева, которого я считал Шерлоком Холмсом самого высокого полета, потому что он по его собственным секретным рассказам мне был уполномоченный ОГПУ для политической разведки в Германии, где служил в Комиссии иностранных дел, а затем, когда ему стало слишком опасно оставаться там, ему пришлось бежать во Францию, где он поступил в масонскую ложу, а затем и на Восток и т.д.

Вполне понимая, что его роль во всех этих приключениях была разведочная, я подумал, после того, как моему тогдашнему заместителю Л.А. Орбели пришлось уйти от административной должности в нашем институте, пригласить товарища Забрежнева моим заместителем, хотя у него и не было научных трудов и научной квалификации. Что – думалось мне – будет лучше для усмирения клеветников на меня и на институт, как то, что в дирекции его будет находиться сам Шерлок Холмс?

И я радовался, когда убедился по блуждающим после полуночи огонькам в темных окнах института, что там происходит тайный обыск чуть не каждую ночь. Но в первый же месяц я разочаровался: придя в свой кабинет в институт, где хранился мой архив и библиотека, я вдруг убедился, что мой ключик от библиотечного шкафа исчез из стола и заменился новым, который не открывает шкафа, а мой настоящий лежит на полу.

“Шерлок Холмс не сделал бы такой неосторожности”, – подумал я с разочарованием.

Желая посмотреть, что будет дальше, я оставил на месте подложный ключ, а свой унес в кармане и через один – два дня увидел, что вместо прежнего не открывающего ключика лежит какой-то другого формата, но уже с явно подпиленным язычком и открывающий дверь.

Мое разочарование в его сыщических способностях еще более увеличилось, когда и остальные сотрудники стали заявлять мне, что в их шкафах и лабораториях кто-то постоянно копается по ночам и что все следы указывают на Забрежнева. Я ответил, что тем лучше, пусть ОГПУ убедится, что у нас ничего нет. Я все еще считал Забрежнева за истинного осведомителя, но скоро заставили меня усомниться и в этом. Начались сознательные вредительства. Были заведены в ОГПУ на заведующих отделов Носкова, Заварзина дела, в результате чего они ушли из Института. На

профессора Малышева был сделан донос, что у него в заповеднике “Лес на Ворскле” будто бы открыто “гнездо контрреволюционеров” от Курской губернии, вследствие чего Комиссариат народного просвещения закрыл в нашем институте базирующийся там зоологический отдел, а потом уже через два года после ухода Забрежнева на другую работу обнаружилось, что все это было сознательное вредительство, а затем начались клеветы и на меня.

Сначала я думал, что Забрежнев просто бесцеремонный авантюрист, желающий устранить меня, способный сесть на мое место, но он не рассчитал момента. Подкоп, который он вел против меня, был обнаружен новым партийным ученым секретарем института Ольгой Юргенс, и ему пришлось уйти, тем более в архивах царского департамента полиции было обнаружено, что, сидя в тюрьме, он струсил, и предал своих товарищей по революционному кружку, о чем он умалчал, поступая в партию ВКП(б). Но, однако, теперь, когда обнаружилась небывалая панорама не только “шкурных вредителей, но и фашистских наемников”, дело стало представляться мне иначе. Если Забрежнев действительно (как представляется мне теперь, припоминая рассказывавшиеся мне им тогда его явно сказочные приключения в Берлине) агент фашизма, то ему захочется во что бы то ни стало воспользоваться первым случаем, чтобы исправить свою неудачу со мною и начать против меня в благоприятный, по его мнению, момент какие-нибудь новые клеветы. С целью предотвратить их я и кладу сюда этот листок.

Само собой понятно, что при таких обстоятельствах никто не стал бы хранить в этом обыскиваемом постоянно кабинете ничего противозаконного, а потому если и найдете что-нибудь, то знайте, что это подброшено вредителем и постарайтесь его найти для вашей же собственной пользы, а я охотно окажу содействие».

Надо понимать, что эта записка предназначалась для «товарищей». Поэтому здесь все эти разговоры о «немецких шпионах и шкурных вредителях». Главный смысл ее был в том, что «если что найдете» (читай – подбросите), то это провокация и топорная работа агентов, и институт здесь не причем.

Сегодня кое-что прояснилось в интриге ОГПУ с внедрением этого, в общем-то, не слишком умного агента к Н.А. Морозову для принесения максимального ему вреда и развала руководимого им института. Неудачный результат деятельности В.И. Забрежнева можно объяснить наличием борьбы между партийными структурами и ОГПУ и борьбы внутри самого ОГПУ.

13 января 1926 года Морозову пришло письмо от Забрежнева, в котором сообщалось, что автор письма уже давно знаком с работой

Н.А. Морозова «Откровение в грозе и буре». Кроме того, в 1922 году Николай Николаевич Крестинский (с 1921 полпред в Германии) рассказал ему сюжет «Христа» (заметим, что напечатанной книги еще не было, а рукопись, очевидно, ходила по разным инстанциям), но он якобы испытывал некоторое предвзятое отношение к его работам из-за неправильных истолкований некоторых моментов в его книге «В поисках философского камня». Но вот недавно он приобрел два тома «Христа», прочитать их еще не успел и лишь просмотрел картинки, разрезая их. И решил, что он может представить Морозову некий документ, автор которого сейчас находится в Тибете, представляющий из себя перевод первой главы «Бытия» на древнееврейском языке с фонетическим смыслом ее на египетском, в результате чего получается поэтический гимн солнцу. Но дал не весь текст, а лишь кусочек, с условием, что если Морозова это интересует, он может прислать и весь документ.

Николай Александрович тут же ответил на это письмо. Во втором письме Забрежнев еще больше напустил тумана о том, что он кое-что знает о «...каббалистическом толковании еврейских слов в связи с Тибетским посвящением, как приложение численного значения “разрезов куба”»... И пропал на десять месяцев.

А следующее письмо прислал уже из города Урумчи, из Западного Китая, с сообщением о том, что он собрал небольшую коллекцию старинных китайских предметов с астрологическими знаками.

Потом опять пропал на десять месяцев. Следующее письмо – уже из Москвы, о том, что хотел бы встретиться, но сейчас это трудно осуществить, так как он готовится к поездке в Данию от Наркомторга.

Далее было письмо от 30 марта 1928 года из Дании, в котором он, в частности, сообщает: *«Иллюстрацией к вашему указанию на постоянное искажение рукописей могло бы послужить предисловие Каутского к изданию 1914 года “Капитала”, в котором рассказывается, каким искажениям подвергся на протяжении трех предыдущих изданий текст Маркса (печатный!)»*

«В общем, – говорит он, – я насчитал в 5-м издании 150 таких ошибок, искажающих смысл и отсутствующих во втором издании. Я, во всяком случае, не ручаюсь, что это полный список».

В письме от 13 июня 1928 года, очень большом, Забрежнев рассказывает о своей биографии. Что он сын богатых родителей, увлекся революцией, из-за этого не смог получить систематического образования. Во время эмиграции учился в Парижском университете на медицинском факультете, увлекся гипнозом, после революции был заведующим отделом печати НКВД, начальником Научно-технического отдела управления уголовного розыска республики, затем стал работать в Институте экспериментальной психологии. Работал над выяснением личности оператора в гипнозе. Н.А. Морозова удивило, что такое письмо было послано из Дании. Закралось подозрение, что оно написано не

для него, а для начальства Забрежнего, чтобы напомнить о себе. Ведь письмо из Дании обязательно должны были «просмотреть», прежде чем отдать его адресату.

Как бы там ни было, очень скоро Забрежнев оказался уже в Ленинграде на должности заместителя директора Эрмитажа. Теперь он заманивал Морозова возможностью посетить запасники музея, в которых есть много чего интересного для его работы по истории.

И вот он, наконец, заместитель Н.А. Морозова. Какова же область его интересов? Освободили из заключения профессора Г.А. Тихова – заведующего астрофизическим отделением института, а Забрежнев предлагает его уволить, так как он отсутствовал больше двух месяцев. Затем он успешно стал раздувать скандал по поводу высказывания Л.А. Орбели, назвавшего сгоряча плановую комиссию по науке «шантапой». Забрежнев вел дело к тому, чтобы ученого за это уволить.

22 марта 1932 г. Николай Александрович писал: «...В институте завелась червоточина благодаря вошедшим в него новым людям, возникла взаимная подозрительность сотрудников, а работа наша, требующая взаимного доброжелательного отношения, значительно ослабела. С моей стороны требовалась огромная затрата нервной энергии, чтобы институтская деятельность не сошла с рельсов».

И вот в конце 1932 года Забрежнев был, по требованию сотрудников Института, уволен. Всех возмутило поведение замдиректора во время работы комиссии райкома. Сам Морозов находился в это время в командировке в Москве. А Забрежнев попытался представить дело так, что в институте царит разруха и вся вина за это лежит на директоре института. Единственная возможность наладить дела – уволить Н.А. Морозова с должности.

Стараясь сохранить с Морозовым хорошие отношения, он написал ему 9 января 1933 года письмо. В нем он в частности писал: «Я не в курсе подводившихся под Вас мин по линии Академии и “Христа”. Но в чем, я смело могу сказать, Вы ошибаетесь, так это в предположении, что имелись посяательства на устранение Вас от директорства института».

И кем, вы думаете, он стал после всех этих историй? Уполномоченным, говоря обычным языком, цензором, Обллита и Горлита по естественнонаучной, медицинской и иностранной литературе.

Забрежнев, очевидно, был не единственный агент, внедренный в окружение ученого. Обыски в его кабинете по-прежнему продолжались. Н.А. Морозов неоднократно замечал, что у него стали пропадать бумаги, а в дальнейшем стали пропадать уже готовые к печати рукописи томов «Христа».

Очень плохую услугу в положительном решении по изданию исторических трудов Морозова сыграло убийство С.М. Кирова в конце

1934 года. В Ленинграде начались чистки. В этих условиях никто даже обсуждать вопрос издания «политически не выдержанной» книги не стал, не говоря уже о самом издании. Кроме того, опять встал вопрос защиты ряда сотрудников от арестов и высылки из города. Правда, это были уже не первые годы революции. К «народовольцу», автору работы «Террористическая борьба», отношение было более чем прохладное. Но кое-что удавалось сделать.

Его ближайшая сотрудница Н.М. Штауде вспоминала: «Надо сказать, что в 1929 и 1930 годах научные общества, особенно имевшие членов среди жителей провинциальных городов (а таким как раз и было Общество мироведения), привлекли к себе внимание следственных органов, и многие из обществ были закрыты, а главные деятели их арестованы. Так произошло, например, с Обществом краеведения, и был в 1929 г. арестован Даниил Осипович Святский. Он же был одним из основателей «Мироведения», очень активным членом совета и редактором журнала. Общество осиротело».

Глава II

ОКРЫЛЕННОЕ СОЛНЦЕ

Ты взглянул ли, путник, в вечность
С перепутья своего
И спросил ли бесконечность:
Почему и для чего?

Николай Морозов

6 сентября 1920 года закончился съезд астрономов, который уже неделю шел в Петербурге. Морозов присутствовал там как заведующий астрономическим отделением своего института. На первом же заседании съезд выбрал Н.А. Морозова и В.К. Цераского в члены Всероссийского союза астрономов. Но здесь же произошло одно весьма неприятное событие. Астрономы-профессионалы проявили большую недоброжелательность к любителям. В члены Союза были выдвинуты известные деятели Общества любителей мироведения – Святский, Турчинович и Мошонкин, но при голосовании съезд забаллотировал всех троих. Вопиющая несправедливость! Святский, к примеру, был довольно хорошо известен в научных кругах своими трудами по истории астрономии. Конечно же, любители восприняли это как вызов со стороны профессионалов. Назревал скандал. Это понимали и организаторы съезда. Поэтому, чтобы охладить накалившиеся страсти, председатель съезда, пулковский астроном А.А. Иванов, в перерыве провел письменный референдум относительно кандидатуры Святского. Удалось собрать достаточное количество голосов, чтобы снова поставить вопрос о его выборе. Повторное голосование оказалось более удачным, и справедливость частично восстановили – Святский был избран в члены Союза, однако полностью погасить конфликт не удалось...

31 декабря 1920 года председатель Русского общества любителей мироведения Николай Александрович Морозов написал в Комиссариат народного просвещения:

«За 12 лет своего существования РОЛМ, в противоположность нашим старинным официальным обществам и учреждениям, включающим в свою среду людей, уже получивших достаточное образование, успело объединить свыше 700 человек любителей науки, интересующихся физико-математическими и естественными знаниями и идущих под знамя нашего Общества из глубин народных масс, где таятся подлинные самородки и таланты, не выдвигавшиеся лишь потому, что не имели поддержки и руководства.

В настоящее время наблюдается особо усиленный приток не только новых членов – этих культурных одиночек, рассеянных по

всему пространству нашей страны, но и стремление целых организаций, по своим задачам родственных нашему Обществу, группироваться вокруг него, ища в нем поддержки и направления своей деятельности...

РОЛМ поставило своей целью, прежде всего, заинтересовать наукой широкие массы населения, далее – всемерно поддерживать заинтересовавшихся в их научных работах и тем доводить их до степени серьезности ученых, и, наконец, создавать научную обстановку, где эти наиболее выдвинувшиеся любители могли бы без помехи работать в избранном направлении...

РОЛМ ходатайствует о разрешении летом 1921 года в Петрограде Съезда любителей миропведения для установления единообразной программы работ, для ознакомления с деятельностью провинциальных членов и организаций и для выяснения условий, в которых из каждого любителя мог бы выработаться серьезный научный деятель...»

Какова же была предыстория вышеозначенных событий?

Русское общество любителей миропведения – добровольный союз любителей астрономии, физики и других естественных наук – родилось в Петербурге 12 января 1909 года. 30 января того же года был избран Совет РОЛМ, председателем которого стал Морозов, а членами – горный инженер С.В. Муратов, художник А.А. Чикин, студент физико-математического отделения Петербургского университета И.О. Селец-

Съезд миропведов

кий. Председателем астрономической секции избрали знаменитого пулковского астронома Г.А. Тихова. Первые, немного торжественные собрания РОЛМ созывались в зале Петербургской консерватории. Этому способствовал ее директор, большой любитель астрономии композитор А.К. Глазунов.

Как во всяком уважающем себя Обществе, вскоре возник вопрос о его печатном издании, и в 1911 году образовали комиссию для подготовки такового. Редактором нового журнала «Мироведение. Известия Русского общества любителей мировстения» был утвержден метеоролог и астроном, историк науки Даниил Осипович Святский (1881–1940), известный своими работами по истории астрономии (самой крупной его работой было исследование «Астрономические явления в русских летописях» (1915). Первый номер «Мироведения» вышел в марте 1912 года, и сразу же журнал приобрел большую популярность. Генеральный секретарь Французского астрономического общества Камиль Фламмарин выразил пожелание, чтобы в новом издании публиковались статьи в переводе на французский язык. Пожелал вести переписку с русскими любителями астрономии и редактор «Бельгийского астрономического журнала». Это было весьма ценно для поддержания престижа русской науки, тем более что с ней происходили следующие неприятные и несправедливые события.

Во Франции некто Р. Эно-Пельтри опубликовал работу «Соображения о результатах безграничного уменьшения веса моторов», в которой приводились формулы, полученные ранее К.Э. Циолковским. Фамилия русского ученого в книге не упоминалась, хотя в 1913 году Эно-Пельтри был в Петербурге, и ему показывали работы Циолковского. Несколько позже расчеты Циолковского использовали в своих книгах американский профессор Р. Годдард и немецкий профессор Г. Оберт, но они также не упомянули о великом русском ученом – основоположнике космонавтики.

На собрании РОЛМ в 1913 году лесовод и литератор Я.И. Перельман выступил с докладом «Межпланетные путешествия», в котором пытался восстановить приоритет русской науки в данном вопросе. Немало сделали для утверждения справедливости и другие «мироведы»...

За несколько лет существования Общество окрепло, обзавелось солидным хозяйством... И вот суровой зимой восемнадцатого года этот хорошо налаженный механизм, подобно многим другим, оказался на краю гибели, но... Морозову пришла спасительная идея. Фактически он объединил РОЛМ с астрономическим отделением института, и от этого объединения выиграли обе стороны. «Мироведы» получили хорошее помещение в одном здании с Естественнаучным институтом. Сюда перевели богатую библиотеку Общества, его научный архив, редакцию журнала «Мироведение», Бюро астрономических наблюдений и другие организации РОЛМ. Лесгафтовцы, в свою очередь, при-

ческих приборов и дополнительные силы для проведения научных наблюдений – ведь задачи РОЛМ и астрономического отделения совпали. В 1919 году институт закончил строительство астрономической обсерватории, начатое еще в годы войны, и «мироведы» получили возможность проводить там регулярные наблюдения. Очень скоро в обсерватории собралось большое количество астрономических инструментов, а хорошая научная база привлекла в Общество новых членов. Авторитет РОЛМ сильно вырос. К старым отделам (переменных звезд, солнца, метеоров, атмосферного электричества) прибавились новые – отдел планет и отдел Луны. Многими отделами руководили сотрудники института.

Это тяжелое время, тем не менее, было очень плодотворным: число открытий, сделанных любителями, сильно увеличилось. 1 сентября 1919 года мировед С.М. Селиванов открыл на обсерватории Общества новую комету в созвездии Цефея. Так было опровергнуто мнение «профессиональных» астрономов о том, что русские не способны открывать кометы. При поддержке наркома иностранных дел Г.В. Чичерина об этом событии была послана телеграмма на четырех языках с адресом: «Всем! Всем! Всем!»

Итак, проследив историю Общества, мы подошли к тому, что возникла необходимость в координации действий «мироведов». Стало быть, съезд?

Российским мироведам, оторванным от культурных центров войной и разрухой, было необходимо живое общение. Скептики удивлялись:

– Съезд? Это при нынешних-то условиях переезда, при отсутствии гарантий в снабжении делегатов необходимым продовольствием? Весьма и весьма проблематично...

Но уже к концу января 1921 года организационный комитет по созыву I Всероссийского съезда любителей мироведения, в состав которого вошел Н.А. Морозов, приступил к работе.

Решили устроиться «по-домашнему», в помещении Лесгафтовского института, где находились все учреждения общества, библиотека и обсерватория. Вопрос с общежитием решился довольно просто: хозяевам удалось получить от государственных деревообделочных предприятий во временное пользование 50 новых топчанов и 20 пудов стружек, а от Отдела народного образования – 50 матрасников, свободные же помещения в институте были. Здесь же устроили столовую для делегатов. Вопрос об отпуске денежных средств на съезд оказался значительно более сложным, и Морозову пришлось ездить в Москву, чтобы ускорить продвижение этого дела по инстанциям.

Оргкомитету пришлось немало потрудиться, чтобы приискать докладчиков по самым злободневным научным вопросам. Так, помимо набравших организационных вопросов, в программе съезда появились такие увлекательные мероприятия, как опыты по радиотелефонии и

радиоконцерт Л.С. Термена, доклад А.П. Афанасьева «О разложении элементов» и лекция Н.А. Рынина по воздухоплаванию с демонстрацией диапозитивов.

В помещении института была устроена выставка, где были собраны и представлены результаты всех любительских, главным образом астрономических, наблюдений, присланные в Общество за все время его существования. Тут же была выставлена карта распространения членов РОИМ по России. Мировед М.А. Величковский организовал выставку живой природы, экспонаты которой специально к съезду собрал в водоемах окрестностей Петрограда. Он же демонстрировал делегатам съезда институтский Зоологический музей, а заведующей анатомическим отделением института А.А. Красуской с сотрудниками была устроена выставка препаратов Анатомического музея им. П.Ф. Лесгафта. Помощник заведующего физиологическим отделением института А.Н. Крестовников демонстрировал делегатам устройство физиологического кабинета, хозяином которого был Л.А. Орбели.

Ждала гостей и гордость мироведов – астрономическая обсерватория Общества с 7-дймовым рефрактором Мерца, нормальными часами Эриксона и электрическим маятником работы мироведа М.Я. Мошонкина, передающим по проводу из Пулкова секунды. Члены кружка молодых мироведов позаботились о том, чтобы делегаты разъехались по домам, хорошо снабженные научной литературой – они организовали при библиотеке продажу изданий РОИМ и других издательств. Здесь же была организована продажа различных научных инструментов.

Члены оргкомитета подготовили экскурсии в различные научные учреждения: в Павловскую магнитную обсерваторию, в Зоологический музей Академии наук, в Пулковскую обсерваторию, в Палату мер и весов, на Главную физическую обсерваторию. Кульминационным моментом должен был стать подъем делегатов съезда на привязанном воздушном шаре на Волковом поле. (Из-за ненастной погоды это заманчивое мероприятие пришлось отменить.)

Итак, все было готово. Праздник начался 1 сентября 1921 года. Лучший зал института, отведенный для заседаний, был украшен ельником и цветами, портретами М.В. Ломоносова, Ф.А. Семенова, И.П. Кулибина, Камиля Фламариона. В зелени и цветах были и другие помещения съезда. Подъезд института иллюминирован... Праздник начался, но, к великому сожалению собравшихся, на нем не оказалось Старшего мироведа, как любовно назвал Морозова председатель съезда нижегородский астроном Г.Г. Горяинов. Задержавшись в Москве по делам съезда, он должен был появиться несколькими днями позже...

Мироведы, пережившие многолетний духовный голод, обсуждали свои проблемы горячо и страстно. Тон всему был задан эмоциональным приветствием Горяинова и вступительным докладом Святского – своеобразным гимном любителю мироведения:

«...Любитель – это друг знания и просвещения. Под “любителем науки” надо понимать человека, для которого наука не является прямым, профессиональным занятием, но который, тем не менее, горячо предан ей, в часы досуга он нередко занимается ей не менее серьезно, чем ученые специалисты.

Из всех наук более других обязана любительскому труду астрономия. Величественное звездное небо прежде всего другого привлекало к себе любознательный ум. Часто случалось, что человек, живущий в неблагоприятных условиях, но одаренный пытливым и светлым умом, увлекался красотами неба и, сам того не замечая, становился сначала усердным его наблюдателем, а потом и исследователем, превращаясь в настоящего астронома. Целый ряд блестящих открытий в астрономии был сделан любителями. Учитель музыки Вильям Гершель, радовавшийся тем свободным часам, которые он мог посвятить работе на шлифовальном станке для изготовления зеркала к телескопу, открыл планету Уран в этот собственноручно изготовленный телескоп. Аббат Пиацы, страстно занимавшийся на старой башне в Палермо определением звезд, открыл новую малую планету – Цереру. Доктор Ольбере, отдыхавший от своей врачебной практики за вычислениями планетных орбит, открыл малые планеты – Палладу и Весту. Кандидат богословия Гардинг открыл Юнону. Наконец, скромный почтмейстер Бенке, открывший четыре малых планеты при помощи трехдюймовой трубы, работал на обсерватории, состоявшей из чердака, в крыше которого вынималось несколько черепиц для направления трубы на небо.

История русской астрономии также может похвалиться трудами и открытиями любителей. Еще в XVIII веке нижегородский мещанин Иван Петрович Кулибин, известный в широкой публике как самоучка, делавший часы, был первым в России человеком, самостоятельно изучившим зеркальный телескоп, микроскоп и электрическую машину. В XIX столетии курский мясник Федор Алексеевич Семенов собственноручно отшлифовал себе линзу, соорудил рефрактор и занимался астрономией настолько серьезно, что Русское Географическое Общество напечатало его труд по вычислению солнечных и лунных затмений в своих “Записках”, а специалисты-астрономы Савич и Перевошиков, его современники, давали самые лестные отзывы о его работах.

Но Кулибин и Семенов были исключением в безбрежном море безграмотности, царившей в их время на “святой Руси”...

И вот в начале XX века на Руси стали, наконец, возможны открытия, сделанные любителями. В 1901 году, одновременно с тем, как в Англии любитель, богослов Андерсон, заметил новую звезду Персея, в России эта звезда была самостоятельно изучена киев-

ским гимназистом А. Борисяком и другими любителями. В 1914 году преподаватель Митавского реального училища В.М. Златинский открыл комету, носящую его имя. В 1916 году конторщик горного завода в Кулебаках Нижегородской губернии В.А. Соловьев открыл новую переменную звезду в созвездии Возничего. А в 1918 г. преподаватель Учительского института в Феодосии В.К. Островлев, тульский реалист В.А. Шумаков и многие другие любители открыли новую звезду в созвездии Орла. В 1919 году была открыта комета С.М. Селивановым и В.К. Островлевым, в 1920 году новая звезда в Лебеде целым рядом русских любителей и в 1921 году две кометы А.Д. Дубяго в Казани – это все любительские открытия.

Если в прошлом роль, которую играли любители в астрономии, была очень значительна, то в наше время, вместе с демократизацией науки, им предстоит сыграть в ней еще большую роль.

...В России тоже замечается стремление любителей, рассеянных по медвежьим углам провинции, столкнуться между собой и сплотиться вокруг журнала "Мироведение".

...Немалую роль сыграл русский любитель природы и в деле собирания различных материалов, коллекций и всяких сведений по другим отраслям науки. В особенности труд любителя становится неоценимым для специалистов, когда дело касается местных особенностей в флоре и фауне, в области палеонтологии, этнографии, археологии. Россия так обширна и так мало изучена, что в этих областях знания возможны – и случаются в действительности – целые открытия.

Таково значение любителя в науке. Роль же, которую он играет и должен играть в настоящее время в науке, определяется его общественным положением, и роль эта велика и ответственна. Всем давно было хорошо известно, а в настоящее время с особенной остротой подчеркивается печальный факт оторванности нашей официальной науки от широких слоев населения. Наша официальная наука с ее методами и специальным сухим языком недоступна и не может быть доступна широким массам. Но это не значит, что массы не доросли до науки. Массы народные рвутся к знанию и просвещению. Это особенно хорошо известно тем мироведам, которые имеют дело с популяризацией знания. И вот тут роль любителя как посредника между этими массами и специалистами вырастает во весь свой рост. Педагог часто бывает любителем и любитель педагогом, но полного совпадения тут нет. Это касается лишь школы. Школа же вне школы не имеет своих педагогов и таким учителем народных масс, близко к ним стоящим, призван быть по своему положению любитель. Он должен стать мостом, связующим звеном между народными массами и

специалистами и поколебать окончательно предубеждение широких масс против науки и её адептов. И когда это станет свершившимся фактом, в русскую историю науки впишется золотыми буквами имя любителя мироведения».

Морозов приехал лишь 10 сентября. В 12 часов он уже был в зале заседаний. Старшему мироведу сразу же предоставили слово, и он обратился к заждавшимся его товарищам:

«Глубокоуважаемые коллеги и дорогие друзья, позвольте, прежде всего, передать самый сердечный привет уже вторично от РОЛМ. Затем от Научного института имени Лесгафта, который очень рад видеть вас в своих стенах и, будем надеяться, не последний раз, когда он оказывает вам приют и возможность обмениваться мыслями. Обстоятельства, касающиеся самого съезда, заставили меня перед самым съездом уехать в Москву, где мне удалось более или менее привести все дела в порядок. Пришлось затем отправиться на родину, где меня выбрали в комитет помощи голодающим и требовали, чтобы я во что бы то ни стало туда приехал для устройства этого дела. Наша обычная железнодорожная разруха задержала меня на три дня, так как не было поезда, но тем не менее удалось, наконец, приехать к вам, к чему я стремился всей своей душой, и, будем надеяться, завтра я сделаю свой доклад. Еще раз примите мои пожелания успехов съезду, хотя это мое пожелание запоздалое, так как успех съезда превзошел все ожидания; мне остается только поздравить вас с таким успехом и пожелать, чтобы будущие съезды, которых, надеюсь, будет немало, проходили так же успешно, как этот настоящий съезд».

А на следующий день он сделал свой доклад на тему «Принцип относительности в природе и в математике».

По окончании доклада председатель съезда Г.Г. Горяинов выразил чувства удовлетворения по поводу того, что члены съезда имели удовольствие слышать доклад Н.А. Морозова, имя которого дорого всем мироведам, и пожелал ему здоровья и продолжения научной деятельности. Поблагодарив за внимание, Николай Александрович раздал делегатам свой печатный труд «Принцип относительности и абсолютное».

На последнем заседании избрали комитет по подготовке второго съезда, одним из членов которого стал и Н.А. Морозов.

Вечером того же дня была прощальная беседа делегатов за чашкой кофе. Одному из главных инициаторов съезда Д.О. Святскому преподнесли художественно оформленный адрес работы мироведа А.А. Чикина с изображением юноши, устремившего свой взор на окрыленное солнце – символ мироведов.

А потом экспромтом образовался музыкально-вокальный вечер, и многие делегаты продемонстрировали свои не только вокальные, но и композиторские таланты. Морозов читал свои «Звездные песни». Была

и комическая часть – читались отрывки из курьезного сочинения «Физика без приборов», стихотворения-шутки.

Вечер закончился в приподнятом настроении пением хором «Из страны, страны далекой» и даже танцами. А в своей прощальной речи Г.Г. Горяинов внес предложение: «Считать 11 сентября всероссийским праздником мироведов и ежегодно в этот день всем организациям любителей мироведения на местах устраивать торжественные заседания, оканчивая их таким же весельем, как было на съезде».

Назавтра участники праздника разъезжались по России с чувством уверенности в том, что их работа важна для серьезной науки, поддерживается государством, а потому должна развиваться еще шире...

О каких еще добрых делах российских мироведов мы не успели рассказать?

Очень важное и интересное дело, затеянное РОЛМ, – научная экспедиция в район падения знаменитого Тунгусского метеорита, упавшего 30 июня 1908 года. Инициатором и организатором экспедиции был Л.А. Кулик, заведующий метеоритным отделом РОЛМ. Он сумел привлечь широкий круг любителей естествознания к поиску «пришельцев» из космоса. Кулик даже разработал специальную инструкцию для любителей, занятых поиском космических гостей, и они обнаружили много метеоритных останков.

В июне 1920 года при Обществе организовался кружок молодых мироведов, где многие молодые люди получили первые знания о Вселенной. Вот как, например, вспоминал об этом доктор физико-математических наук, лауреат золотой медали Международной федерации астронавтики Н.А. Козырев: *«...Кружок молодых мироведов помог мне не только избрать окончательно профессию, но практически содействовал поступлению в университет: я получил рекомендацию для поступления за подписью председателя РОЛМ Н.А. Морозова»*. Путь в большую науку начинался с Общества любителей мироведения для многих известных советских астрономов. В их числе был академик В.А. Амбарцумян, который так вспоминал о днях своей юности: *«...В кружке молодых мироведов мы впервые серьезно, на уровне новейших знаний того времени, столкнулись с наблюдательной астрономией, верность которой пронесли через всю нашу жизнь, сохранив до сих пор...»*

Не без влияния членов РОЛМ в разных концах нашей страны открывались народные астрономические обсерватории, планетарии. Таким образом возникла первая в Московской области общедоступная обсерватория в городе Богородске (Ногинске). Ее начали строить еще до революции, но из-за отсутствия средств не закончили. В советское время к этому делу подключилось государство. С помощью мироведов удалось узнать, где можно достать хороший цейсовский телескоп.

Его установили на смотровой площадке достроенной обсерватории, которой присвоили имя Н.А. Морозова. Николай Александрович был приглашен на ее открытие.

Народная астрономическая обсерватория открылась в ноябре 1920 года в Полтаве. Инициатором ее создания был член РОЛМ с 1915 года А.Б. Поляков. Он же был и одним из основателей Московского планетария, где работал долгие годы лектором-астрономом. Здание Полтавской обсерватории находилось во дворе школы, где более ста лет назад учился Гоголь. Там с помощью членов РОЛМ было собрано множество астрономических инструментов и большая библиотека. Одним из активистов обсерватории был ученик местной школы Д.Д. Иваненко, впоследствии известный советский физик-теоретик.

В голодные двадцатые годы по всей Руси Великой тянулись к звездам. Одно за другим открывались отделения РОЛМ с обсерваториями: во Пскове в конце 1920 года, в Старой Руссе в начале 1921 года, в Трубчевске в 1922 году, в Курской губернии, в Туле, Рыльске, Кашине, Новониколаевске (Новосибирске) и многих других городах.

Второй съезд РОЛМ проходил в Нижнем Новгороде 25–30 мая 1928 года.

А в тридцатых годах Русское общество любителей мироведения прекратило свое существование. Произошло это так. Ученый секретарь РОЛМ В.А. Казицын имел привычку вести дневник, в котором он, между прочим, аккуратно записывал, кто и что говорил на чаепитиях. Не все в действиях и решениях властей было по душе членам общества, и многие откровенно это высказывали. К несчастью, дневник Казицына попал в руки сотрудников ГПУ.

Весной 1930 г. арестовали Святского. Журнал «Мироведение» перевели в Москву и его ответственным редактором утвердили Тер-Оганезова, весь состав редколлегии был обновлен. Казицын срочно информировал обо всем происходящем председателя Н.А. Морозова, находящегося в Борке. Но Николай Александрович ничем не мог помочь. Административным решением Ленгубисполкома в декабре 1930 г. РОЛМ было закрыто. Были арестованы Н.М. Штауде, Г.А. Тихов, В.В. Шаронов. Но их скоро выпустили. В конце 1930 г. арестовали Казицына и Муратова, заместителя председателя РОЛМ. Святского и Казицына после длительного содержания в тюрьме судили и отправили на строительство Беломорско-Балтийского канала.

Даниила Осиповича Святского освободили от общих работ и назначили (по специальности) метеорологом, а потом освободили досрочно в 1932 г. Но три года спустя о нем опять вспомнили и в феврале 1935 г. вместе с женой в административном порядке выслали в Алма-Ату. Там в январе 1940 г. он скоропостижно скончался.

Владимир Алексеевич Казицын, отбыв недолгий срок, был выслан в Саратов. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Нину Михайловну Штауде, ближайшую сотрудницу Н.А. Морозова, арестованную в начале 1931 г., вскоре выпустили, но сослали в Рыбинск. Летом 1934 г. она получила возможность работать в Пулковской обсерватории, но через некоторое время ее выслали в Уфу. Во время войны она переехала в Алма-Ату, где работала во вновь организованном Институте астрономии и физики АН Казахской ССР. В 50-х годах она бросила науку, переехала в свой родной город Елец и там постриглась в монахини.

Официально общество «Мироведения» было включено во вновь образованное Всесоюзное астрономо-геодезическое общество (ВАГО) при Академии наук СССР. А в 1938 г. был закрыт журнал «Мироведение».

Вот некоторые итоги деятельности РОЛИМ за 20 лет его существования. Число членов общества перед его закрытием составляло около 2400 человек, состоялось 210 общих собраний, 250 заседаний Совета, прочитано около 800 научных докладов и сообщений. Отдел переменных звезд получил 7600 наблюдений, Отдел падающих звезд – около 16 000 наблюдений.

Глава III

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Велика глубина миновавших времен.
И чем дальше века, тем мутнее...

Николай Морозов

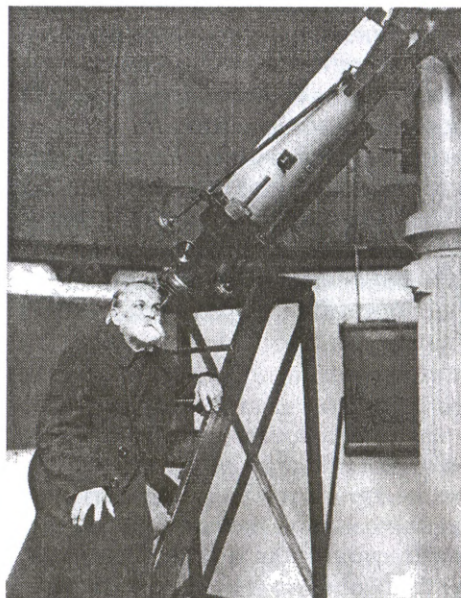
1919 год принес много горя. На восемьдесят четвертом году жизни умерла его мать, умерли две сестры... В это печальное время он работал, в основном, над фундаментальным трудом «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении», в котором развивались идеи, заложенные еще в «Откровении в грозе и буре» и «Пророках».

Эта титаническая работа была не случайной. Октябрьскую революцию он принял сразу же. Правда, в социально-экономической части тогдашней революционной программы многое казалось ему великодушным увлечением, трудно осуществимым в реальной жизни. В июле 1919 года он даже отправился в Москву с целью – поговорить с членами советского правительства, а если удастся, то и с Лениным, о текущем общегосударственном положении и, если почва окажется более-

менее подготовленной самой жизнью к частичному восстановлению частной собственности и свободной торговли, предложить такой шаг советскому правительству. Но всю гражданственно-радикальную часть программы он считал осуществимой в настоящее же время и потому решил работать исключительно для нее.

До революции, по настоянию Священного Синода, Морозову запретили чтение лекций об «Апокалипсисе». Теперь, казалось бы, не должно быть препятствий к изданию книги, трактующей в нетрадиционном направлении вопросы религии...

Однако при первой попытке сдать рукопись в издательство автору было отказано из-за от-

Н.А. Морозов у телескопа

существования бумаги. Когда же этот вопрос был решен, редактор ОГИЗа рекомендовал ему изменить название:

– Читателя надо завлечь броским названием, коротким, а Ваше – «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении» – оставит всех равнодушными.

– Но ведь это название передает суть книги, – возразил Николай Александрович. – Да лет сто – сто пятьдесят назад название книги занимало целую страницу и читатель, ознакомившись с ним, уже знал, что его ждет впереди. А Вы говорите – покороче... Получится, в некотором смысле, кот в мешке.

– Современному читателю при обилии книг некогда вчитываться в название. Оно должно поразить его сразу. Я тут просмотрел рукопись, – и он похлопал по пухлой пачке. – Вы выясняете личность Христа, ну и назовите ее «Христос».

– Но позвольте, это частный вопрос, не охватывающий всего содержания, – снова пытался возразить Морозов.

– Не спорьте, я старый книжный работник. Название замечательное, броское, давайте оставим его.

– Ну ладно, в конце концов, надо решить главный вопрос – когда Вы начнете ее печатать? А название – это уже дело второе...

Как ошибался Николай Александрович! Уже очень скоро он понял, что название неудачно. Мало того, что оно не отражало сути работы, – многие, не взяв на себя труд даже ознакомиться с произведением, обвиняли автора в том, что в тот момент, когда все борются с религией, он пишет книги о Христе...

Но пока, несмотря на все старания, книга не печаталась. И Морозов решил побеспокоить своей просьбой В.И. Ленина.

Секретарь главы государства В.И. Горбунов, с которым у Морозова были очень хорошие отношения, 15 июля 1921 года прислал ему ответ такого содержания:

«Владимир Ильич просил А.В. Луначарского представить отзывы специалистов о Вашей книге “Христос”. А.В. Луначарский просит Вам передать, что рукопись Ваша им с нетерпением ожидается».

Анатолий Васильевич хотел сначала прочесть рукопись, но, увидев ее объем, решил ограничиться разговором с автором. Идея, положенные в основу работы Морозова, ему понравились, и он решил содействовать ее изданию. 12 августа 1921 года Луначарский писал Ленину:

«Хотя я и не мог ознакомиться с самой рукописью большого труда товарища Морозова “Христос и его время”, но после устного доклада автора о ее содержании с демонстрацией некоторых таблиц нахожу чрезвычайно желательным и необходимым всемерно ускорить выпуск этой книги в свет, так как труд велик (8 томов в общем) и мы все еще не вышли из острого бумажного кризиса, я предложил бы Петроградскому отделению Госиздата

во избежании задержки выхода в свет этой книги лучшие сократить количество экземпляров хотя бы в 4000».

Но, к сожалению, издание книги по-прежнему задерживалось.

Однажды Николай Александрович встретился по своим делам с начальником ОГПУ Ф.Э. Дзержинским. Незаметно зашел разговор о текущих делах Морозова, и Николай Александрович посетовал, что решение об издании «Христа» существует уже несколько лет, а в издательстве говорят, что нет бумаги. Феликс Эдмундович обещал похлопотать об этом деле. Оказалось достаточным одного его звонка, чтобы книгу начали печатать.

Первый том вышел в 1924 году. Морозову шел уже семидесятый год, а впереди еще семь объемных томов... Николай Александрович часто болел, было много дел по институту, бросать который теперь, когда там все налаживалось, он не хотел. Но, несмотря ни на что, он по-прежнему много работал.

Николай Александрович был исключительно требователен к своим работам. Ему хотелось, чтобы они были написаны понятным языком. Этого он добивался и от своей «Истории», а потому постоянно к ней возвращался: работал над стилем, а частично и над содержанием.

В чем же основная идея этого фундаментального труда?

Морозов, пожалуй, первым попытался применить методы естественных наук, как наиболее объективные, к реконструкции истории. Правда, астрономические методы применялись давно, но в основном для проверки дат по затмениям. Морозов же существенно расширил возможности этих методов – это даже было одним из основных направлений работы астрономического отделения Лесгафтовского института. Двигаясь дальше, он разработал еще несколько методов, основанных на географии, геологии, лингвистике, этнографии, психологии, а попутно и каждой из этих наук подарил несколько интересных идей – в этом был стиль его работы.

Критики относили Морозова к процветавшей в конце XIX – начале XX века школе гиперкритицизма, не замечая существенного отличия его труда от работ этой школы. Он не просто критиковал отдельные неудачные датировки исторических событий, даваемые официально признанной исторической школой по хронологии, заложенной астрономом Иосифом Скалигером, одним из первых взявшим на себя труд дать сквозные хронологические определения для всей истории. Он предлагал новую схему, в которой увязывались почти все события глобальной хронологии. Работа, проделанная Скалигером, была титанической, и понятно, что в ней осталось много неясного. Многие сомнительные моменты скалигеровской хронологии критиковались сразу же после того, как его труд был обнародован. Продолжали критиковать и спустя века. Морозов же не просто критиковал, а давал новое решение вопроса сквозной хронологии исторических событий. Труд Скалигера, спустя сто лет

после его создания, был канонизирован специальной буллой папы римского, и это позволило ему завоевать признание в науке. Работа же Морозова не могла встретить всеобщего признания сразу после издания, так как, наверняка, содержала целый ряд не согласующихся деталей, согласовать которые одному человеку было немислимо из-за их огромного количества. Но главное – этот труд в своей основе шел вразрез с уже устоявшимися представлениями по хронологии. В результате же борьбы за детали критики упускали основу труда Морозова, его методы, его методологический подход к истории как науке... Предстояла долгая и утомительная борьба...

4 октября 1924 года Александр Леонидович Чижевский выслал из Калуги на рецензию Морозову свою книгу «Физические факторы исторического процесса». Биолог и физик по образованию, он уже около десяти лет посвятил историческим работам; в 1918 году защитил по этой теме докторскую диссертацию. Чижевский также использовал естественнонаучные методы и обнаружил циклические закономерности в различных исторических явлениях, совпадающие с периодами активности солнца; синхронность массовых исторических событий была выявлена им в истории около семидесяти стран. Как увязать это с морозовскими представлениями о глобальной хронологии? Вроде бы и методы Морозова безупречны; кто же прав? К сожалению, посылка до адресата не дошла, но спустя некоторое время автору книги представился случай поговорить с Николаем Александровичем. Их пути сошлись в марте 1926 года при следующих обстоятельствах.

В Мраморном дворце Ленинграда шло совещание директоров учреждений Главнауки Наркомпроса, на котором присутствовали Морозов и Чижевский. В перерывах Николая Александровича сразу же окружали коллеги, среди которых были академики Г.М. Кржижановский¹ и А.Ф. Иоффе, профессора Ю.М. Шокальский², К.И. Скрябин³, Л.А. Сакулин, М.Л. Кристи и многие другие. Чижевский мог бы тоже подойти к Морозову, но ему не хотелось в присутствии людей, с большинством из которых он не был знаком, начинать разговор на волновавшую его тему. Да и обстановка, в которой внимание постоянно рассеивалось, тому не способствовала. И Александр Леонидович отчаялся использовать столь удачную встречу с Морозовым...

Окончилось вечернее заседание. Чижевский вышел на улицу. Было уже темно и после дневной оттепели подморозило, идти надо было с большой осторожностью. Возле самой двери он заметил сгорбленную фигуру пожилого человека в теплом пальто с меховым воротником. Увидев Чижевского, человек заговорил с ним:

– Простите меня, молодой человек, за бесцеремонность, но без Вашей помощи я не смогу добраться до извозчика. Позвольте взять Вас за руку. Я Морозов, – и он выполнил свое намерение, балансируя, чтобы не упасть. Чижевский сразу же узнал его:

– Знаю-знаю, опирайтесь как следует. Я Чижевский.

– Позвольте, Вы автор книги «Физические факторы...»?

– Я самый!

– Да, Ваше имя мне знакомо, знаю и о... скандале. Несчастный Вы человек, разве можно книги двадцать первого века писать в двадцатом? Ай-яй-яй!... Вы тоже с совещания?

– Да. Скучновато, хотя народ все интересный.

– Я ждал большего от того сонма ученых, которые заполнили зал заседаний. Впрочем, это ведь заседание не научное, а отчетное... Я хотел рассказать кое о чем интересном, но потом воздержался, – сказал Морозов с досадой.

Извозчик долго не попадался. Семидесятидвухлетний и двадцатидевятилетний ученые быстро нашли общий язык. Перебрав несколько тем, очень быстро добрались до истории.

– Ах, Вас вот что интересует! – оживился Николай Александрович.

– Я сейчас приведу Вам исчерпывающие доказательства, что история человечества несколько моложе, чем принято думать.

– Но, к сожалению, Николай Александрович, это не согласуется с моей статистикой, хотя в то же время я не могу, конечно, оспаривать Ваших исследований.

– Вы первый, кто противопоставил моим работам статистические данные, а не общие разговоры, – неубедительные и весьма слабые.

– А Сергей Федорович Платонов⁴ или Николай Иванович Кареев⁵? – спросил Чижевский.

— Да, вспоминаю: именно Сергей Федорович и говорил о ваших исследованиях, но я с удовольствием познакомился бы с ними более подробно. Сама судьба способствует нашей встрече. Вы живете, кажется, в Москве?

– Да, а мои родители в Калуге, и я провожу там много времени.

– В Калуге? А Вы не знакомы с Константином Эдуардовичем Циолковским? Он тоже там живет.

– Очень хорошо знаю. Это мой старший друг, – с гордостью произнес Александр Леонидович.

– Он замечательный человек, мыслитель, ученый... Мы с ним в переписке.

И тут они натолкнулись на извозчика.

– Вы мой пленник, – сказал Морозов. – Если у Вас свободен вечер, то поедemте пить чай ко мне. У нас есть много о чем поговорить.

Морозов назвал извозчику адрес, и они тронулись. Сидя в кабинете Николая Александровича в окружении книжных шкафов, картин и рукописей, Чижевский мог хорошо рассмотреть давно известное ему по печатным портретам, и особенно по портрету Репина, лицо неукротимого революционера, отважного мыслителя и ученого.

Он отметил, что, несмотря на свой возраст, Морозов выглядел достаточно бодро. Поджарый, с живыми, быстрыми добрыми глазами и белой бородкой, Николай Александрович производил впечатление человека, которому еще предстояло долго жить... По пути домой он говорил о своих работах, о новой теории космических магнитных полей, которая не признается учеными, но он не сдается и уверен в своей правоте.

– Космические магнитные силовые линии подобно гигантской паутине беспорядочно заполняют все мировое пространство, – говорил гостю Николай Александрович. – Природа настолько значительнее, чем ее рисует себе мозг человека, что она, безусловно, владеет такими поразительными возможностями, каких человек не может производить в своих земных лабораториях... Возьмем хотя бы космические магнитные поля, простирающиеся на миллионы километров. Ну, как бы это лучше выразить... – и он делал руками различные криволинейные движения. – Вот так магнитные силовые линии обволакивают мировое пространство, межзвездные магнитные поля сопровождают межзвездную материю, блуждающие скопления протонов и электронов, которые должны обязательно находиться в космическом пространстве. Многие думают, что Космос – вакуум. Это верно, но не вполне. Я подсчитал и нашел, что в каждом кубическом сантиметре этого вакуума находится несколько атомов.

Гипотезу о космическом, или межзвездном, магнитном поле слабой напряженности выдвинул позже, лет через двадцать пять, Э. Ферми. Затем его теория была рассмотрена Г.А. Шайном, Хилтнером, Холлом, В.А. Домбровским и другими и получила общее признание, но в те годы о космических, или межзвездных, полях думал только Н.А. Морозов. И не только думал, но и вычислял их. И не только вычислял, но и писал об этом. Но все считали, что старик рехнулся, и не допускали его сочинений до типографии. Он жаловался, но бороться уже не мог.

Чижевский даже не ждал, когда Николай Александрович вернется к интересующей его теме, — настолько все то, о чем он говорил, было ново и интересно...

– Ну а теперь поговорим о моей хронологии и вашей синхронологии. Я считаю себя правым, по-видимому, и вы считаете также правым себя. Это вполне законно. Давайте-ка подумаем... Я вам прочту основные выводы из первого тома «Христа», хотя вы эту книгу наверно уже читали.

– Конечно, читал.

Н.А. Морозов встал, подошел к шкафу и вынул первый том «Христа», изданный в 1924 году и вызвавший глухие, но жестокие нарекания среди историков. «С ума он сошел, что ли? – говорили они. – Какая чушь...» И тем не менее исторические факты подтверждали точку зрения Н.А. Морозова, а он, привыкший к противоречиям, молчал и только усмехался в свои белые усы.

– Итак, – сказал он, – прочтем основные выводы. Я вычислил время Апокалипсиса по гороскопу для него, данному в шестой главе этой же самой книги, и оказалось, что он написан по поводу «вещего сочетания планет», имевшего место на небе только в ночь с 30 сентября на 1 октября 395 юлианского года. Сомнений здесь не могло быть, так как основное вычисление подтвердилось, по данным той же книги, тремя независимыми друг от друга астрономическими способами, и оказалось, что автор этой книги, Иоанн Богослов, отождествляется с великим сирийским учителем того времени Иоанном Златоустом, умершим в 408 году. Существование этого последнего Иоанна и вычисленное мною время для Апокалипсиса подтвердили справедливость моего вычисления и исторически.

Я вычислил время столбования Евангелистского Христа (что в переводе с греческого значит «священник»), и оказалось, что лунное затмение, описанное при неудачной попытке опозорить его на столбе, имело место на нашем полушарии Земли лишь один раз на протяжении нескольких веков до и после начала нашей эры (так называемого Рождества Христова): оно было 21 марта 368 года. Я начал искать около этого времени в Сирии «Великого Святого», соответствующего «Царю Иудейскому», и тотчас нашел Василия Великого (333–379), имя которого в переводе значит «Великий Царь». Я исследовал его жизнь по «Житиям святых» и увидел, что он был сыном тоже царя (Василия – по-гречески), и все в них, до попытки столбования, оказалось однородным с евангельским сказанием об Иисусе.

Николай Александрович прочитал гостю все пункты резюме своего исторического и археологического исследования и акцентировал внимание на следующем месте из пункта шестого:

«...Теперь отмечу только, что сдвиг Рождества Христова на 333 года вперед, к году рождения Василия Великого, передвигает и Александра Македонского и всех его преемников тоже на 333 года вперед».

Исследование Н.А. Морозова было колоссально. Он указал на десятки толстых папок с рукописями, долженствующими показать только основной факт, подтверждения которого он искал много лет и неизменно находил в истории всех царств и народов древнего мира: это сдвиг истории на 333 года вперед.

– Остается согласовать это обстоятельство с вашими, Александр Леонидович, синхронистическими исследованиями, в которых я также не вижу ошибки, если не считать этих 333 лет.

– Досадная цифра! – размышляя, сказал Чижевский. – Вижу, что ваши исследования так же объективны, как и мои. Никаких предвзятых точек зрения. Ничего навязанного, лишнего. Голые факты, а тем не менее... Как же согласовать ваши работы с моими? Эти 333 года...

И вдруг... Плодотворная мысль, как молния, озарила его сознание:

– Позвольте, Николай Александрович, но ведь ваше число «333» делится без остатка на значение одного солнечного цикла – 11,1, давая в частном ровно 30. Хуже, если бы период был равен 11 годам или 11,2. Тогда получили бы остаток, и наши работы не могли бы примириться одна с другой. Надо было бы искать ошибку либо у вас, либо у меня. Эта изумительная делимость без остатка говорит о том, что сдвиг хронологии на 333 года ничуть не задевает мирового ритма – синхронистических таблиц всеобщей истории. Естественный, обусловленный мощным внешним фактором ритм остается незыблемым. Мои работы не могут опровергнуть ваших, а ваши – моих. Вопрос о признании как ваших, так и моих исследований приходится отнести к будущим временам. Только будущие историки и глубокие специалисты в области космической биологии решат эти два острых вопроса.

– Поистине, признание наших работ – дело будущего. Немало еще сломают копий в борьбе за эти точки зрения, но мы-то с вами уверены в верности наших выводов, а это самое главное. Впрочем, для признания моей точки зрения понадобится не менее ста лет жизни человеческого общества. Резкие крены в науке требуют большого времени – иногда не десятилетий, а столетий. То же должно произойти и с идеями Циолковского. Ваши идеи поймут также не скоро, и вы будете биты многократно. Теперь, к счастью, не сжигают и не столбуют, но есть еще много, много «но».

В этих словах Николая Александровича было много правды. Он горько улыбнулся:

– Вот видите, Александр Леонидович, а вы тайну хотите превратить в таблицу умножения. Вашему учению это удастся не ранее как в будущем столетии, когда от ваших теперешних критиков не останется не только детей, но и внуков. Злые критики, навязавшие свою ложную точку зрения обществу, должны будут его покинуть. Для такого преображения общественной точки зрения нужен почти целый век.

Постепенно они перешли к работам Циолковского. Оказалось, что они уже давно интересуют Н.А. Морозова, однако он с безнадежностью и грустью смотрит на отдаленные космические тела, считая их фантомами.

– То, что мы видим сейчас на небе, – сказал Николай Александрович, – давно исчезло, и к нам летят лучи мириадом светил, погасших миллионы лет назад. На эти лучи нельзя ориентировать космические корабли, ибо они, в конце концов, наткнутся на пустоту. Небо уже перестроилось по-новому. Знаки зодиака сменились другими. Грандиозные туманности и скопления темной материи за громадный промежуток времени приобрели другие формы или иначе разместились в пространстве. Конечно, не все звезды являются фантомами! Например, свет от яркой звезды идет более четырех лет, следовательно, расстояние от нее равно $3,8 \times 10^{13}$ километра. Чтобы вообразить себе это колоссаль-

ное расстояние, допустим, что реактивный корабль Циолковского летит со скоростью 1000 километров в час. Этот корабль достигнет звезды только через четыре с половиной миллиона лет. Другие звезды стоят от нас еще дальше, несравненно дальше, в сотни, тысячи и миллионы раз. Соответственно и свет от них доходит до нас за грандиозные промежутки времени. Луч света от одного края нашей Галактики, опоясанной Млечным Путем, идет до другого ее края сто тысяч лет. Самая пылкая фантазия не может представить себе этого расстояния. А ведь за пределами нашей Галактики насчитывается около миллиарда других галактик, свет от которых идет уже сотни миллионов и миллиардов лет. Это – уже явные призраки. Может ли когда-нибудь человек достичь этих уголков Космоса? Очевидно, нет. Это может случиться только тогда, когда физика откроет новые, неизвестные нам, законы пространства и когда можно будет управлять расстояниями или пространствами по желанию. А время – тоже пока загадка! Человек живет крайне ограниченное число лет. Как же быть? Движению же вперед со скоростью света я не придаю особого значения. Это нереально. При такой скорости, как известно из теории относительности, масса тела возрастает до бесконечности, а само тело превращается в блин. Я уверен, что живые существа не способны к таким умопомрачительным метаморфозам. В наше время мы даже не можем представить себе таких возможностей. Они – достояние научной фантастики. Не исключено и то, что этого никогда не случится и человек будет навсегда обречен передвигаться только между телами Солнечной системы. В такую возможность я верю и думаю, что она не за горами. В этом Циолковский прав, и его инициативу я приветствую, несмотря на глубокий скептицизм к его работам подавляющего большинства ученых. Они ни во что не ставят Циолковского и с презрением и пренебрежением отзываются о его работах.

И Николай Александрович безнадежно махнул рукой.

– К сожалению, – продолжал он, – все новое неугодно им, они боятся нового. Перед новым они чувствуют себя мышью, которую новое – кот – может съесть без остатка. Отсюда их ненависть к новому, их открытая борьба с новыми идеями. Они признают только прописные истины. Это – факт, весьма плачевный факт. Наши университеты и академии должны быть перестроены на новых началах. Многие думают, что завоевание или овладение планетами Солнечной системы – дело далекого будущего. Это неверно. Я много занимался теоретической химией и, мне кажется, нечто предвидел и предвижу. Скоро будет добыто такое радиоактивное горючее для ракет, что ракеты с пассажирами можно будет направлять к Луне, Венере и Марсу и, естественно, возвращать их обратно на Землю. К концу этого века такие путешествия будут считаться заурядными. С легкой руки Циолковского русские космонавты будут, очевидно, первыми путешественниками в меж-

планетное пространство. Что их ждет на Луне или других соседних планетах? Ничего живого, но зато богатства металлов и минералов. На этой почве будут разгораться споры между народами, однако к тем временам кровопролитие должно быть исключено. Для решения таких споров люди будут собираться где-нибудь в тени олив и акаций в Греции или Италии, где раньше звучали речи Платона или Сенеки, Эпикура или Цицерона. Мне трудно представить себе войны из-за Луны, Венеры или Марса. Человечество едино, и эти планеты должны быть присоединены ко всей Земле, ко всем людям, ко всему человечеству.

Вошедшая Ксения Алексеевна прервала их беседу, пригласив их в столовую, и разговор о Циолковском сменился другим – о картинах Рылова, украшавших стены уютной столовой квартиры Н.А. Морозова. Николай Александрович и Ксения Алексеевна восхищались полотнами Рылова и любили их творца.

Эта случайная встреча переросла в большую дружбу. В последующие пятнадцать лет (1926–1941), бывая в Ленинграде, Чижевский всегда навещал Николая Александровича и Ксению Алексеевну Морозовых и всегда испытывал от бесед с ними чувство глубокого удовольствия и уважения к ним. Со многими выдающимися людьми он познакомился в гостиниой Морозовых. Они постоянно приглашали его на летние месяцы в Борок, но, вечно занятый, вечно спешивший и торопившийся в своих опытах, он так и не побывал в этом имении с тихим домом и зеленым садом.

В один из своих приездов в Ленинград Чижевский привез Николаю Александровичу и продемонстрировал толстый том неопубликованных синхронистических таблиц всемирной истории – плод его многолетних трудов. Александр Леонидович ни разу – ни раньше, ни позже – не встречал более основательного и часто придирчивого критика. Куда там его оппоненты! Н.А. Морозов, что называется, въедался в его таблицы, сверял со своими данными и... отступал. Но и против его доводов Чижевский не имел возражений. А когда разговор касался сложностей, связанных с изданием «Христа», Николай Александрович, грустно улыбнувшись, неизменно отвечал:

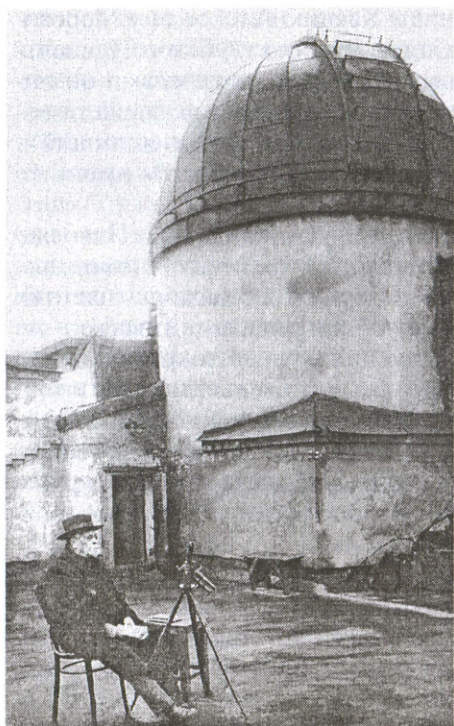
– Мой товар от времени не портится...

Глава IV

ПРОЩАНИЕ С НЕБОМ

Будучи в Москве летом 1923 года, Николай Александрович услышал о полетах, совершаемых вокруг столицы. Разумеется, он сразу же отправился в названное место.

Был теплый июньский день. Остатки дождевых облаков еще носились кое-где среди голубой лазури неба. Они вылетели с Московского аэродрома на восьмиместном пассажирском аэроплане Викиерс-Вернон. В кабине сидели шесть пассажиров обоего пола. Капитан этого небольшого крылатого вагончика, пилот А.В. Панкратьев, позволил Николаю Александровичу расположиться рядом с собой, на открытом пилотском месте. Морозову еще ни разу не приходилось летать над

Н.А. Морозов на крыше института

Москвою. Все его полеты были с берегов Невы, и любопытство посмотреть с надоблачной высоты на места, где он учился в юношеские годы, где мечтал о полетах еще задолго до изобретения аэропланов и много раз видел во сне, как он летает по воздуху, влекло его давно на этот аэродром.

Но во сне он летал всегда один, поднимаясь на воздух лишь напряжениями своей собственной воли с мучительным сознанием, что не может взлететь выше какого-то определенного для него горизонтального уровня, находящегося ниже крыш многих встречных зданий, через которые ему, однако, всегда удавалось перебираться посредством страшных усилий, едва не задевая их ногами. А теперь он пронесился так много выше крыш, что дома казались ему не то рядами игральные косточки,

повсюду разбросанных по земле, не то выросшими из земли друзьями кристаллов. Извилистой синей лентой тянулась между ними река Москва, удаляясь впереди в туманную даль, и узенькой змейкой присо-

салась к ней Яуза, на льду которой они – тогда еще гимназисты – катались позднею осенью на коньках.

Как на плане, внизу вырисовывался Кремль, который сразу можно было определить по большому количеству колоколен перед самой высокой из них – колокольней Ивана Великого. В стороне виднелся огромный храм Спасителя, и далеко впереди – Чистые пруды, Красные ворота, а направо от них он разглядел и место, где на косом слиянии двух Басманных улиц находился огромный дом Московской 2-й гимназии, где он когда-то учился.

Ему казалось, что он видит и тот каменный дом в Токмаковом переулке, где он жил в первые годы своей гимназической жизни и мечтал по ночам, начитавшись Жюль Верна, о необычных приключениях на суше, в море и в воздухе.

Оранжевое солнце сзади них почти совсем склонилось к закату, и длинные тени тянулись по земле от всех предметов. Вот впереди показался обрывок радуги в отдаленном облаке, а прямо перед ними было другое, сероватое, клочковатое облачко, их товарищ по воздушному путешествию. Они подлетели к нему сбоку, почти вплотную, и, круто повернувшись, стали обходить его кругом. Вот они обошли его совсем, и солнце повернулось прямо им в лицо, слепя глаза и мешая видеть находящиеся перед ним предметы.

Прикрывая одной рукой лицо, Панкратьев повернул аэроплан слегка в сторону, не делая крутого крена, чтобы не напугать сидящих в каюте пассажиров, и они понеслись прямо к Воробьевым горам, облетев кругом в полчаса почти всю Москву. Выключив мотор, стали, планируя, спускаться, как с невидимой горки, на аэродром. Вот аэроплан пронесся над его передней оградой и, мягко коснувшись земли, упруго запрыгал, катясь на рессорах шасси. А солнце, уже скрывающееся за горизонтом, глядело на них круглым, большим, багровым глазом.

Находившиеся на аэродроме знакомые подбежали к ним и, отворив дверку кабины, стали помогать пассажирам высаживаться на землю, а Морозов с Панкратьевым со своих пилотских сидений смотрели на них из-за пропеллера. Какие у большинства счастливые, взволнованные лица! Как побежали они к барьеру, где стояла публика, и живо, поспешно рассказывали что-то столпившимся там людям, напоминая ему то время, когда и он сам, пятнадцать лет назад, летал первый раз с безвременно погибшим Л.М. Мациевичем.

С тех пор прошло много лет и много полетов. Положение в высоте перестало волновать его, и не раз, находясь среди облаков на аэроплане или аэроплане и не чувствуя уже прежнего волнения, он жалел о минувшей яркости впечатлений. Так и теперь на вопрос подошедших знакомых после спуска, о чем он думал при взлете, он, не кривя душой, мог ответить: «Прежде всего, хотелось как можно удобнее усесться на своем месте, чтобы ничто не мешало наблюдениям окружающего с

высоты». Он полагал, что это же ответит и всякий, уже совершивший десятки воздушных путешествий или отсутствовавший на земной поверхности более двух суток.

А прежде было совсем другое, да и авиация была рискованнее в десятки раз в то время, когда еще все было неведомо в воздухе и каждое усовершенствование аэроплана делалось ценою катастрофы. Как за это время далеко шагнула техника! И как жаль, что ему так мало удалось сделать для любимого дела, к которому он часто возвращался в мыслях и наяву и с которым, видимо, придется простаться...

Новые перспективы научной работы, открывшиеся для него со времени революции, не дали ему возможности более посещать опустевший зал собраний аэроклуба и его некогда богатую авиационную библиотеку на Моховой, 11, находившуюся почти на противоположной стороне от Научного института имени Лесгафта.

С некоторых пор старый аэроклуб заменило «Общество друзей воздушного флота», в организации которого ему тоже пришлось принять участие.

Авиации он посвятил 9 лет своей жизни. В 1917 году был даже председателем Всероссийского съезда деятелей авиации. А когда зарождался молодой советский воздушный флот, Морозов считал необходимым внести свой вклад в это жизненно важное дело и так написал В.И. Ленину:

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Я уже собирался уезжать из Москвы, но вчера прочел в “Известиях” статью о необходимости создания воздушного флота. Там оказались все мысли, которые я высказывал еще несколько лет назад и особенно в последние годы. Я принимал близкое участие в возникновении русской авиации: мой крестный отец в ней – Мациевич, погибший на моих глазах. Сам я после этого был председателем комиссии научных полетов и постоянным членом научно-технического комитета по воздухоплаванию, и даже был обыскан императорским правительством после одного из полетов (через Царское Село), но молодые деятели воздухоплавания и авиации меня очень ценили, и ни одного научного полета со времени гибели Мациевича не было без моего участия. Если есть практическая возможность к созданию воздушного флота, я с величайшим усердием взялся бы за воссоздание научного воздухоплавания и принялся бы за организацию ряда научных полетов.

Вопрос этот настолько важен, что если и Вы разделяете мнение о необходимости скорейшего устройства воздушного флота, не уделите ли мне четверть часа для личного разговора...

Ваш Николай Морозов. 29 января 1921 г.»

Ленин со вниманием отнесся к предложению старого шлиссельбуржца и рекомендовал ему встретиться с Э.М. Склянским, членом

Реввоенсовета республики. Эта встреча состоялась, и был обсуждён абрис будущих действий по созданию воздушного флота. А дальше опять возникли сложности. Текущие дела института, научная работа, которой он руководил и которая в ближайшее время не могла быть закончена по ряду объективных причин, требовали много времени, и он не мог заняться новым делом, не закончив предыдущего. Об этом в том же году было написано следующее письмо Ленину. Владимир Ильич распорядился, чтобы Морозову оказали возможную помощь, но, к сожалению, далеко не все вопросы удалось решить положительно. Полностью отдаться занятиям авиацией не удавалось.

Спустя некоторое время, летом 1922 года, на заседании Петроградского отделения Общества друзей воздушного флота Николай Александрович так говорил о любимом предмете:

«Многоуважаемые товарищи!

Период восстановления воздушного флота в нашей стране закончился. Теперь настало время подумать о будущем и разработать строго научный план гармонического развития всех родов и видов авиации и воздухоплавания. Необходимо обеспечить могучие крылья нашей Отчизны и оправдать доверие народа. Для того, чтобы выполнить свое предназначение, мы должны научиться видеть и, главное, понимать то, что сейчас, по мнению многих, принадлежит к разряду изящной литературы или даже к области “чистой фантазии”. Так, по моему глубочайшему убеждению, наше общество должно уделить особое внимание реактивным летательным аппаратам – реактивным аэропланам и внеземным ракетам для межпланетных сообщений. О полетах к Луне и планетам Солнечной системы мечтали прекрасные русские люди... Теперь над проблемами реактивной авиации и межзвездных и межпланетных путешествий успешно работает в Калуге наш великий соотечественник Константин Эдуардович Циолковский. Я нахожу его труды исключительно интересными. Мы должны ходатайствовать перед революционным правительством об ассигновании золотых рублей на реактивные исследования – в количестве, достаточном для опытной разработки теоретических выводов Циолковского. Давайте же дерзать, не останавливаясь на достигнутом! Воздушный флот строится усиленно. Сделать его сильнейшим в мире – наш долг перед памятью тех, кого нет сейчас рядом с нами: Кибальчича, Николая Егоровича Жуковского, отважного авитора Льва Мациевича, Петра Нестерова и других лётчиков, отдавших жизнь за грядущую окрыленность человечества, переходящего ныне к высшим формам общественного устройства – коммунистическим...»

Реактивная авиация, межпланетные путешествия... Морозов все-раз задумывался об этом еще в Шлиссельбургской крепости. Узнав о

работах Циолковского, он сразу же воспринял идеи калужского мечтателя и всеми силами старался ему помочь.

5 июня 1919 года на общем собрании Русского общества любителей мироведения рекомендованный Н.А. Морозовым выдающийся русский ученый К.Э. Циолковский был избран почетным членом РОЛМ как «...автор многочисленных трудов по физико-математическим наукам, в которых им проводились смелые и при том научно обоснованные идеи о межпланетных сообщениях и по теоретическим и практическим вопросам воздухоплавания». В тот же день Старшей мировед отправил в Калугу письмо с сообщением о решении общего собрания, особо подчеркнув значение пионерских работ по межпланетным сообщениям. Эта официальная поддержка была чрезвычайно важной для Циолковского. Тронутый вниманием Общества, он ответил благодарственным письмом на имя Морозова. Завязалась переписка, в которой два выдающихся ученых обменивались мыслями о текущих работах. А по случаю 70-летия Николая Александровича Циолковский прислал в РОЛМ поздравление:

«Поздравляю дорогого юбиляра Н.А. Морозова и желаю ему столько же сделать и прожить, сколько он сделал и прожил. Поздравляю и дорогих товарищей с юбилеем председателя Общества, про которого легче всего сказать, что он был и остался человеком. Ваш товарищ К. Циолковский».

Интересна оценка, которую Циолковский дал морозовскому «Строению вещества»:

«Весьма удивительные предвидения заложены в книге Николая Александровича. Если же считать, что книга создана в 80-х и 90-х годах прошлого столетия, то предвидение это просто ошеломляющее. Он верно нащупал основные тракты атомной физики. Надо только уметь вчитываться между строк. Он, очевидно, увидел, чем все это грозит человечеству, испугался атомного чудовища и остановился. Он отложил развитие этой нечеловеческой идеи превращения материи в энергию».

Морозов знал о бедственном положении своего калужского коллеги, а потому предложил утвердить его пожизненным членом Общества, что освобождало Константина Эдуардовича от уплаты ежегодных взносов. Но более важным было то, что, став членом научного общества, К.Э. Циолковский получил возможность получать пенсию как научный работник. По сути дела это был единственный источник его существования. Как пожизненному члену, Циолковскому регулярно высылались журналы «Мироведение». На этих журналах осталось множество пометок великого мечтателя...

И все-таки с авиацией надо было прощаться. Последняя надежда всерьез заняться этим предметом ушла вместе со смертью Ленина...

Николай Александрович неоднократно обращался к Владимиру Ильичу для решения трудных вопросов и очень часто получал требуемую помощь. Смерть вождя его глубоко поразила. Как только до Петрограда долетела эта тяжелая весть, в Институте было организовано траурное собрание, и в тот же вечер Морозов отправился в Москву. Он явился в здание Реввоенсовета и был зачислен стоять в почетном карауле у гроба.

В назначенный час он пришел в Колонный зал. Вместе с ним у изголовья гроба встали несколько неизвестных ему военных. Бесконечная вереница рабочих, крестьян и служащих печально двигалась мимо под звуки траурного марша. Рядом с изголовьем сидел бальзамировавший Ленина врач и время от времени проводил губкой, смоченной каким-то составом, по лицу и кистям рук покойного. Лицо Владимира Ильича было белое, но мало изменилось после смерти...

Вспоминалось, как глава государства во множестве своих непростых дел находил время, чтобы помочь институту Лесгафта, в котором он не раз бывал на тайных собраниях до революции. Именно Ленин дал добро на переход бывшей Биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта на госбюджет и рождение одного из первых советских научно-исследовательских институтов. И потом он еще не раз выручал институт в затруднительных обстоятельствах, особенно в первые три-четыре года после революции...

На следующий день, несмотря на сильный мороз, Николай Александрович провожал гроб до Мавзолея, пройдя весь путь с непокрытой головой...

В 1924 году вышла книга «Среди облаков», в которой Николай Александрович собрал все свои впечатления от воздухоплавания. И это, пожалуй, было все, что он мог в это время сделать для горячо любимого дела.

Глава V

ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

Кто мы? Мы только процесс,
Жизни стихийной явления!

Николай Морозов

Год от года ему все чаще приходилось соизмерять свои неиссякаемые замыслы с иссякающими физическими возможностями. Вот если бы заполучить эликсир молодости – мечту средневековых алхимиков! И все чаще он мысленно возвращался к одной старой шлиссельбургской идее...

В утрюмую обитель узника Шлиссельбурга странным образом попал крохотный кусочек жизни – обыкновенная зеленая гусеница. Гусеница превратилась в куколку, куколка – в бабочку... Привычное, казалось бы, явление. Привычное и... загадочное.

Он долго размышлял о загадках органической жизни, явления которой во многом идут вразрез с законами энтропии, господствующей в стихийной природе. Какие химические реагенты развиваются в червякообразной гусенице-бабочке, как только она достигнет определенной зрелости, и быстро превращают в ней все внутренние ткани, за исключением нервной системы, в сметановидную сплошную массу, защищенную хитиновой оболочкой? Какие реагенты образуют из этой массы новые тела? Последнее явление он приписывал воздействию на нее

К.А. и Н.А. Морозовы в Борке

нервной системы, которая одна оставалась нерастворенной. Это она вырабатывает в куколке из раствора ее прежних внутренних органов новые органы другого типа, и в результате то же самое по своей нервной системе, а следовательно, и по психике существо выходит из защитительной оболочки вместо ползучего летучим и, расправив скованные в куколке крылышки, начинает кружиться в воздухе.

В то время Морозову было знакомо развитое в химии учение о катализаторах. Он знал, что эти замечательные вещества, практически не меняясь сами, одним своим присутствием, даже в незначительных количествах, заставляют другие вещества реагировать между собой или переходить в другие состояния. Он знал также, что в синтезе различных биологических веществ участвуют биологические катализаторы – так называемые энзимы. И вот появилась первая гипотеза, объясняющая таинственное превращение гусениц: в определенный момент развития гусеницы в ее тельце вырабатываются какие-то энзимы, ответственные за перерождение тканей насекомого. А если это так, то следовало бы попытаться выделить их из куколок и проверить их действие на животных. Не будет ли это ключиком к омоложению организма? Быть может, на основе энзимов удастся создать препарат, позволяющий обновлять ткани не только насекомых, но и высших животных, и, как знать, может и человека? Ведь при перерождении гусеницы нервная система остается неизменной, по меньшей мере, с виду. Тогда при воздействии предполагаемого препарата на человека не должна пострадать его нервная система, его психика? Душа остается той же самой, а тело периодически обновляется. Заманчиво... Ему так хотелось приступить к работе сейчас же, немедленно...

При первой же возможности Николай Александрович сообщил о своей идее химикам и биологам. Их реакция была, в общем-то, однозначной: с точки зрения теории идея интересна, но на современном уровне развития биохимического эксперимента практически невыполнима. Но ведь любую новую идею далеко не просто реализовать? Не встретив энтузиазма со стороны современников, Морозов решил начать эксперименты сам. Но для того, чтобы вести с успехом такое дело, недостаточно было намариновать несколько банок шелковичных гусениц в момент их зрелости или куколок (рассчитывая, что в них еще сохранились энзимы, осуществляющие метаморфозу насекомого), а надо было иметь еще хорошо оборудованную лабораторию. Надо было найти талантливых помощников-экспериментаторов, специалистов по органической химии и физиологии, которые бы разделяли его интерес к этому замечательному явлению органической жизни, так как в разработке этой проблемы он мог быть только теоретиком. Однако мечта жила. И жила надежда найти молодых энтузиастов, способных начать рискованное дело, результат которого был под большим вопросом...

Вот любопытный документ – письмо от 17 июня 1924 года доктору Воронову, проводившему в Париже опыты по омолаживанию тканей живого организма. Николай Александрович информирует адресата, что недели две тому назад он получил вторую из его замечательных книжек о жестикулярных прививках от обезьян к человеку. Он сообщает, что его жена так увлеклась книжкой, что, не успев спросить разрешения автора, сговорилась с издательством «Книга» о ее немедленном издании на русском языке и тотчас же начала переводить ее, а теперь он везет перевод в издательство.

«Посылаю Вам свой привет, моя жена надеется, что Вы и для меня приготовите обезьянку, когда я одряхлею! Пока же я еще ничего, могу заниматься, памяти не потерял и думаю подождать хоть четыре годика – хотя увя!»

8 июля с. г. мои друзья, кажется тайно от меня, готовят мне 70-летнее чествование, не знаю за что: держат от меня в секрете и только перешептываются за моей спиной...»

Далее он рассказывает доктору о своей старой шлиссельбургской идее и заключает: *«И вот теперь Вы почти осуществили эту мечту, но только не через энзимы шелковичного червя при окуклинии, а через более родную нам обезьянку!»*

И все-таки какие-то практические шаги удалось осуществить. Нужная встреча произошла летом 1928 года. В приемной заведующего Главнаукой ожидали своей очереди двое: директор Естественного института им. П.Ф. Лесгафта Н.А. Морозов и молодой доктор Я.Г. Лившиц, заведующий небольшой лабораторией экспериментальной терапии в Москве. Незаметно завязался разговор. Собеседники представились друг другу. Конечно же, Лившиц знал Морозова по работам, по заметкам о нем в печати. Приятно было воочию познакомиться с человеком из легенды. И молодой ученый стал с увлечением рассказывать о своей работе – в то время он занимался изготовлением медицинских препаратов на основе извлеченных из биологических объектов различных энзимов. Морозов вздрогнул: ведь это тот человек, которого он так давно искал, молодой, энергичный, увлеченный, одновременно и физиолог, и специалист по органической химии. А что, если попытаться его заинтересовать?

И заинтересовал. Их сотрудничество продлилось чуть более двух лет, оборвавшись с трагической гибелью доктора Лившица, убитого на почве ревности, но сделать удалось немало. Предварительные результаты, полученные в лаборатории экспериментальной терапии, Морозов опубликовал в газете «Известия» от 24 октября 1930 года в статье «Интересная проблема органической жизни», довольно подробно для такого издания. Вот краткая хронология их сотрудничества.

Весною того же 1928 года они сообщили заведующему Главнаукой проф. Ф.Н. Петрову и его заместителю проф. Е.Ф. Вангенгейму свои соображения. Те признали разработку бросового материала от шелководства тоже небезынтересной и с научной, и с практической точек зрения, так как проблема превращения насекомых еще не разрешена, а из куколок действительно могут быть выделены полезные вещества. Просьба о командировке д-ра Я.Г. Лившица в Закавказье была удовлетворена.

Когда осенью 1929 г. Морозов снова приехал в Москву и пришел в лабораторию, он был поражен большим количеством заготовленного материала. Я.Г. Лившиц очень активно взялся за поиск «энзима долголетия», проводя большое количество опытов по получению вытяжек из куколок шелкопряда, их очистке и опробованию на морских свинках.

У свинок после укола необработанным еще материалом наступило часа на два сонное состояние, потом они почти трое суток ничего не ели, но не теряли в весе. На месте укола получился сухой некроз, так что, по мнению Я.Г. Лившица, может быть, удастся применять это средство к уничтожению злокачественных опухолей. Со временем некротизировавшееся место заросло бесследно, свинка совершенно выздоровела и сделалась чрезвычайно живой и подвижной.

Для химического исследования и разъединения веществ, находящихся в куколках, была приглашена сотрудницей химик А.М. Симская, которая совместно с доктором Лившицем производила все работы.

Что же касается главного предмета этого исследования – ферментов, то к моменту написания статьи работа над этим предметом еще не была закончена.

В заключение статьи Морозов написал, что выделение в чистом виде фермента, производящего метаморфозу насекомых, еще не удалось и, может быть, долго не удастся. Но они считают необходимым теперь же опубликовать полученные результаты, которые показывают, что из бросового материала можно выделить вещества, имеющие не только теоретический интерес, но и практическое значение. И чем более лиц, независимо от них, будет разрабатывать этот предмет, тем будет лучше.

Статья вышла очень вовремя – иначе старая идея Морозова могла не увидеть свет, пока не явилась бы кому-нибудь еще. К сожалению, призыв заняться этой проблемой, обращенный к новым энтузиастам, не был услышан. А вскоре погиб и единственный помощник Морозова. Работа в этом направлении остановилась.

Глава VI

ЧЛЕН АКАДЕМИИ

...самое дорогое для стариков – сохранить молодость ума и искание научной истины, сознание организованности жизни, дающей ей смысл и ценность.

*Из письма В.И. Вернадского
Н.А. Морозову*

В марте 1936 года в Москве проходила сессия Академии наук СССР по вопросам физики и оптики. Один из участников столь представительного собрания начал свое выступление с обсуждения романа Герберта Уэллса «Человек-невидимка»:

– В этом романе допущена одна важная физическая ошибка. Если глаз человека-невидимки не видно, то и он ничего не видит, так как прозрачные тела свет не поглощают. Но если тела поглощают, то они должны и излучать...

А далее следовало предложение:

– Мы в нашем институте занимались изучением глаз кошки, но, к сожалению, наши приборы имеют недостаточную светосилу. Хорошо было бы объединиться в изучении этих вопросов с ГОИ. И я обращаюсь по этому вопросу к присутствующему здесь его директору академику Рождественскому.

Автором этого выступления был почетный член академии Н.А. Морозов, в лице которого академия приобрела себе нового активного члена. А поначалу были опасения: много ли сил у восьмидесятилетнего человека, да еще со столь экзотической биографией? Поэтому, собственно, вместо «действительного члена» и получился «почетный член».

Однако, что это за звание? Обратимся к его истории.

В Императорской Академии наук, подобно многим зарубежным академиям, наряду с действительными членами (академиками) были и почетные члены. Это звание первоначально получали выдающиеся зарубежные ученые. Первым из них с 19(30) марта 1725 г. стал философ, математик и физик барон Христиан фон Вольф (1679–1754), лично помогавший в создании Академии наук в Санкт-Петербурге.

24 июля 1747 г. императрица Елизавета Петровна утвердила Регламент Академии наук и художеств, где в пункте 6 были предусмотрены 10 почетных членов. Через четыре дня это звание получил первый русский, в прошлом адъютант по ботанике и ассессор канцелярии академии Григорий Николаевич Теплов.

Вскоре, опять же вслед за европейскими академиями, почетными членами академии стали избираться видные деятели государства, церкви, армии, а позже – члены правящих монархических домов России и Европы.

Почетными академиками были государственный и военный деятель князь Г.Г. Орлов; канцлер, дипломат граф Н.И. Панин; полководец и дипломат светлейший князь Г.А. Потемкин; полководец и генерал-губернатор Малороссии П.А. Румянцев – граф Задунайский; великий князь Павел Петрович, будущий император Павел I. Так возникла традиция избирать наследников престола почетными членами Императорской Академии наук. Ими были Николай I, Александр II, Александр III и Николай II.

После 1917 г. почетными членами академии были юрист-криминалист Н.С. Таганцев (избранный 2 декабря 1917 г.), микробиолог С.Н. Виноградский (почетный член с 7 декабря 1923 г.), изобретатель и конструктор В.Г. Шухов (почетный член с 31 января 1931 г.), математик профессор Д.Ф. Егоров (почетный член с 31 января 1929 г.), историк и социолог Н.И. Кареев (избран почетным членом 31 января 1929 г.).

1 февраля 1931 г. АН СССР избрала в почетные члены «теоретика марксистской педагогики» Н.К. Крупскую.

Следующим почетным членом АН СССР стал Н.А. Морозов (избран 29 марта 1932 г.).

1 июня 1935 г. в почетные члены был избран зоолог, гидробиолог, ихтиолог Н.М. Книпович.

В уставе АН СССР, принятом в 1935 г., статья 12 говорила о праве Академии наук *«избирать почетных членов из числа ученых, обогативших науку трудами мирового значения»*, т. е. корифеев науки. 22 декабря 1939 г. И.В. Сталин был избран почетным членом АН СССР. К этому времени он был младшим по возрасту по сравнению с тремя престарелыми, но еще живыми тогда почетными членами: И. А. Каблуковым¹ (82 лет), Н. А. Морозовым (85 лет) и Ю. М. Шокальским (83 лет). 29 мая 1940 г. был избран еще один почетный член – 80-летний микробиолог Н.Ф. Гамалея. А 18 ноября 1942 г. последним по времени почетным членом стал иностранец, иранский филолог и историк Мохаммед Али Форути.

В предвоенном ежегоднике АН СССР (1941 г.) раздел «Почетные члены» поместили перед разделом «Академики».

Звание «почетный член» существовало в Академии наук СССР до 29 марта 1945 г. В тот день Совет народных комиссаров СССР (СНК), в чьем ведении находилась академия, принял постановление, согласно которому члены Академии наук СССР, имевшие к моменту издания этого постановления звание почетных членов АН СССР, получили звание почетных академиков АН СССР. Таковыми стали: Н.А. Морозов, И.В. Сталин и Н.Ф. Гамалея.

Летом 1946 года умер Н.А. Морозов, но уже осенью был избран новый почетный академик – В.М. Молотов.

После смерти Н.Ф. Гамалеи (29 марта 1949 г.) остались два почетных академика – партийно-государственные деятели. С 1954 по 1958 гг. в ежегодных справочниках АН СССР в разделе «Почетные академики» значился только В.М. Молотов.

Так что Н.А. Морозов был избран как «почетный член АН СССР», а в 1945 г. его звание стало именоваться «почетный академик АН СССР».

В 1957 г. почетный академик АН СССР Молотов попал в партийную опалу. И когда принимался новый устав АН СССР 1959 г., в нем не оказалось ни почетных членов, ни почетных академиков АН СССР.

История с выборами Н.А. Морозова была такова.

В 1929 году Н.А. Морозову исполнилось 75 лет. Это заставило его задуматься, что станет с его родовым имением Борок после его смерти. Здесь он родился, здесь прошло его детство, сюда он вернулся после тюрьмы. Сюда он приезжал каждый год на летний период.

До 1917 года хозяевами Борка были наследники помещика Щепочкина, в их числе и Н.А. Морозов. Еще при Временном правительстве Николай Александрович передал имение Борок государству в лице министра земледелия Шингарева, по соглашению с Ярославским земством, оставив за собою право пожизненного пользования домом и частью полей. За уступку остальной земли Николаю Александровичу и Ксении Алексеевне Морозовым назначалась пожизненная пенсия.

Так сложилось, что после революционных событий 1917 года Николай Александрович стал единственным хозяином этого имения. Советское правительство дало некоторую «охранную грамоту» на него, но по мере укрепления правовой базы государства это следовало узаконить.

Очень скоро «охранная грамота» потеряла свою силу в глазах местных властей, и Ксения Алексеевна в течение 5 лет после революции не выезжала из Борка, спасая от разграбления морозовскую усадьбу.

Когда Морозов пожаловался на произвол местных властей в правительство, народный комиссар земледелия С.П. Середа 26 июня 1920 года послал письмо заведующим Ярославским и Мологским земельными отделами:

«Уважаемые товарищи. Обращаюсь к вам с товарищеской просьбой оказать всяческое содействие Н.А. Морозову (о выдающихся заслугах перед русской революцией и наукой Вы, конечно, знаете) в его заботах по устройству хозяйства, в котором он живет. Народный Комиссариат земледелия считает необходимым сохранить в целостности хозяйство (бывшее имение Н.А. Морозова), в котором он сейчас живет со своей семьей, и сделать это хозяйство рассадником сельскохозяйственной культуры и помощи окрестным крестьянам, что полностью отвечает заветным желаниям самого Н.А. Морозова.

С товарищеским приветом нарком С. Середа».

В ответ на это обращение местные власти вручили Николаю Александровичу следующее постановление:

«Выписка из протокола № 2 распорядительного заседания коллегии Мологского земельного отдела от 23 января 1921 года.

Присутствовали: заведующий уездным земельным отделом тов. Сироткин; члены коллегии: тов. Новиков, тов. Усанов; заведующий подотделом землеустройства тов. Семаев; председатель народного суда тов. Розанов и секретарь тов. Ушаков.

Председательствовал: тов. Сироткин.

Секретарь: тов. Ушаков.

Слушали: Имение Борок, бывшее Морозова, Марьинской волости.

Постановили: Оставить в ведении уездного земельного отдела усадебную землю – 11 гектар, пашни – 20 гектар и покоса – 10 гектар для предполагаемой к открытию школы с уклоном в сторону сельскохозяйственных знаний.

Бывшего владельца Морозова, принимая во внимание его заслуги перед Революцией, согласно указания наркома Середы, временно оставить в имении.

Председатель: тов. Сироткин. Секретарь: тов. Ушаков».

Николай Александрович Морозов, конечно, не стал держать в тайне эту бумагу, и уже 26 января 1921 года Народный Комиссариат земледелия направил им еще одно письмо, в котором, в частности, потребовал:

«...Ввиду исключительной важности для Республики научных работ Н.А. Морозова, проживающего в имении Борок, Мологскому уездному земельному отделу необходимо позаботиться о предоставлении Н.А. Морозову и его семье полной возможности для нормальной жизни и спокойной работы и обеспечить Борок фуражом и продовольствием из совхоза “Андреевское” или других совхозов уезда.

Член коллегии Народного Комиссариата земледелия: Муралов».

Но вопрос надо было решать на более высоком уровне, так как и это письмо не произвело особого впечатления на местную власть.

И вот, наконец, было получено решение на уровне правительства:

«Постановление Совета народных комиссаров.

Представление имения Борок в пожизненное пользование Н.А. Морозова.

Принимая во внимание заслуги перед революцией и наукой шиллесьбуржца Н.А. Морозова, Совет народных комиссаров постановляет:

1. Предоставить в пожизненное пользование Н.А. Морозова имение Борок Рыбинской губернии со всеми постройками, живым и мертвым инвентарем, в нем имеющимся.

2. Передачу имения, равно как и установление границ последнего, возложить на Народный Комиссариат земледелия.

3. Освободить имение Борок от всех денежных налогов и продналога, приравнявая таковое к государственным культурным хозяйствам.

*Заместитель председателя Совета народных комиссаров Каменев.
Управляющий делами Горбунов.*

Секретарь Л. Фотиева.

Москва. Кремль, 24 января 1923 года».

До 1917 года владельцы дворянской усадьбы Борок в собственности имели 200 гектаров земли. Из них усадьба и парк занимали 20,06 гектара, пашни – 33,65, сенокосы – 99,75, выгон – 47,26, дороги – 1,87, пруды и каналы – 0,68.

В 1923 году Народный Комиссариат земледелия на основании постановления правительства приказал местным властям восстановить бывшую дворянскую усадьбу Борок в прежних дореволюционных границах.

3 августа 1923 года заместитель начальника Мологского уездного земельного управления Жубрин передал все находящиеся в Борке постройки, земли и наличный сельскохозяйственный инвентарь в пожизненное пользование Николаю Александровичу Морозову по акту согласно постановлению Совета народных комиссаров от 24 января 1923 года. А 18 октября 1923 года вышло постановление № 245 Землеустроительного совещания при Мологском уездном земельном управлении, согласно которому бывшая дворянская усадьба Борок передана Николаю Александровичу Морозову. Подписал это постановление председатель Мологского уездного земельного управления тов. Сироткин.

С этого момента Н.А. Морозов стал полноправным владельцем имения, о судьбе которого после своей смерти он и волновался. Детей у него не было, а разорения столь дорогого его сердцу места он допустить не мог.

Сначала он хотел завещать его обществу «Политкаторжан». Там состояли членами он сам и многие его друзья. Но он понимал, что это общество временное и оно исчезнет вместе с последним его членом, а все они люди далеко не молодые и не богатырского здоровья. А после ликвидации общества проблема с имением возникнет вновь. Поэтому он решил отдать его Академии наук, так как его страсть к науке была более сильной, чем любые другие увлечения, испытанные им в жизни.

Хлопоты по передаче имения начались в том же году, но лишь к 1931 году все формальности были закончены.

На заседании президиума от 14 марта 1932 был заслушан доклад управделами, ездившего в Борок. Было вынесено решение:

1. Поблагодарить Н.А. Морозова за его инициативу и хлопоты по передаче Борка АН.

2. Утвердить организацию в Борке дома труда и отдыха АН СССР.

А чуть раньше в Известиях ЦИК СССР от 19 сентября 1931 года было опубликовано объявление Академии наук о том, что на основании § 13 устава АН объявляются выборы на вакантные кафедры академиков. Согласно § 14 того же устава, действительными членами АН могли быть исследователи, обогатившие науку трудами первостепенного значения и способствующие социалистическому строительству СССР. В связи с этим гражданам предлагалось сообщить имена кандидатов из числа выдающихся ученых.

Друзья Н.А. Морозова убедили его, что ему требуется укрепить свое положение для того, чтобы иметь возможность продолжать работу по истории и иметь надежду на ее публикацию, если его снимут с директорства. Кроме того, членство в академии позволит ему пользоваться и в дальнейшем научными библиотеками, где можно получить редкие книги и документы.

И вот, основываясь на этом объявлении, один из его почитателей, а в дальнейшем сотрудник и близкий друг, московский адвокат В.Л. Блюминау послал в академию заявку. В ней он написал:

«...Я предлагаю в действительные члены АН СССР директора научного института им. Лесгафта в Ленинграде известного иллицельбуржца Н.А. Морозова, которого считаю гениальным историком, произведшим революционный переворот во всех наших исторических познаниях...».

Заявление было принято, и в «Известиях» от 19 декабря 1931 года сообщалось, что по группе исторических наук в члены АН СССР, среди прочих, выдвигается и Н.А. Морозов.

В общем-то, академия оказалась в двойственном положении. С одной стороны, Морозов был человек известный и своим революционным прошлым, и научными трудами. Вот только что все обсуждали его подарок академии, за что ему была выражена искренняя признательность, но, с другой стороны, выбрать его академиком по группе исторических наук...

Еще были свежи воспоминания, как академия забаллотировала нескольких общественных деятелей, рекомендованных к избранию ЦК. В результате историческая группа лишилась трех своих членов, якобы участников контрреволюционного заговора – С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и Н.П. Лихачева.

В академии был человек, который проводил там политику руководства страны – академик А.Е. Ферсман. Он обладал способностью выйти из сложного положения так, чтобы, не указывая на реальную причину, получить нужное решение. Вот, например, когда надо было провалить на выборах 1931 года Ю.М. Шокальского, президента Географического общества СССР, он выступил с такой речью: «Все мы хорошо знаем профессора Шокальского, очень уважаем за его деятельность, за многие работы, которые он произвел, но мне думается,

что все-таки надо учитывать ту роль, которую он сможет сыграть в нашей науке, в частности, в работе академии. Ю.М. Шокальский сейчас пожилой человек, он сделал много в прошлом, но сможет ли он внести вклад в создание новой жизни, которую нужно сделать в АН, в такой большой работе, как работа океанографическая? С этой точки зрения, может быть, было бы желательно, отмечая большие заслуги вообще Ю.М. Шокальского, сделать его почетным членом АН в уважение больших работ, которые он произвел». Потом немного подумал и добавил: «Он пожилой человек. Вот мы его выберем, а он возьмет и умрет от радости. Надо о человеке подумать». Коллеги подумали и забаллотировали. Правда, когда в 1939 году его все-таки избрали почетным академиком, он, и правда, вскорости умер.

С Морозовым так обойтись было нельзя. И выход опять же нашел А.Е. Ферсман. В этот раз он сказал так: «Н.А. Морозов – выдающийся ученый. Он внес вклад во многие науки. Будет несправедливо, если мы выберем его академиком по исторической группе. Я считаю, что он должен принадлежать всей академии. Его надо избрать почетным членом академии».

Все с облегчением вздохнули. Лучшего решения найти было трудно.

На заседании отделения общественных наук, состоявшемся 27 марта 1932 г., 12 пунктом стояло рассмотрение кандидатов в почетные члены АН. Отзыв о Н.А. Морозове давал непременный секретарь Президиума АН В.П. Волгин, специализирующийся на истории социалистических и коммунистических идей домарковского периода.

Через два дня состоялось заседание общего собрания АН. Почетными членами академии из советских граждан были избраны три человека: Морозов (за – 39, против – 7), физико-химик И.А. Каблуков (за – 46) и специалист по сельскохозяйственному машиностроению В.П. Горячкин (за – 43, против – 3).

Иван Алексеевич Каблуков был всего на год младше Морозова. Это был ученый, известный своими работами по электрохимии неводных растворов, старый друг Николая Александровича.

Основоположник науки о сельскохозяйственных машинах Василий Прохорович Горячкин был несколько моложе первых двух ученых, но и ему уже исполнилось 64 года.

Кстати, на этом же собрании действительными членами академии стали будущий президент АН С.И. Вавилов (за – 42, против – 4) и будущий лауреат Нобелевской премии Н.Н. Семенов (за – 40, против – 6).

Результаты выборов были уже на следующий день обнародованы в «Правде», где был помещен список 24 новых членов Академии наук. Среди новых членов-корреспондентов были В.А. Фок, Г.С. Ландсберг и, что особенно приятно Николаю Александровичу, Леон Абгарович Орбели – известный физиолог, сотрудник его института и его заместитель по научной работе.

Что ж, возраст кандидатов приходилось принимать во внимание, ибо от новых членов академии ждали активной деятельности. Но не есть ли «почетный член академии» тот самый «свадебный генерал», в роли которого он всегда боялся оказаться? Во всяком случае, он не мог этого допустить. А сил, действительно, оставалось мало, и их надо было сосредоточить на главном.

Его шлиссельбургский товарищ Фроленко в 1934 году вступил в члены ВКП(б). Морозов же, несмотря на положительное отношение к советской власти, в партию не вступил. Он считал, что быть членом партии – это значит активно работать, в частности, над социальными проблемами, а он, сосредоточившись на научных вопросах, не может достаточно времени уделять партийной работе и потому не имеет права быть членом партии.

В 1935 году Морозова избрали депутатом Ленсовета. В первый год, по мере сил, он работал в комиссии по проверке научных учреждений, но через некоторое время написал заявление с просьбой освободить его от депутатских обязанностей – просто числиться он не хотел, а заниматься депутатскими делами всерьез было крайне тяжело из-за большой загруженности в институте. Расширялась и без того обширная тематика института. Кроме того, он начал новое большое исследование по геофизике.

В 1935 г. в имении Борок открыли «Дом отдыха и труда Академии наук СССР». Но академии не повезло. Пять подряд сменявшихся директоров оказались просто жуликами и проходимцами, грабившими и вконец разграбившими этот дом отдыха. В 1938 г. его закрыли, и в доме была организована научная база. Здесь стали жить зоологи и ботаники. В 1939 г. здесь было организовано отделение северной базы Академии наук. В этих местах предполагалось создать огромное Рыбинское водохранилище. Вода должна была подойти к самому Борку, и Николай Александрович предложил учредить здесь научную станцию, чтобы установить, что здесь есть сейчас и что будет после затопления.

Жителей города Мологи, который должен был оказаться под водой, переселили в Рыбинск, где был выстроен целый новый город под названием «Новая Молога».

После выселения граждан целый квартал при въезде в город Мологу занимал Волгострой. Здесь работало 65 тыс. заключенных, строивших плотины – Угличскую и Рыбинскую.

Свое 85-летие Морозов праздновал в Борке. На его юбилей прислали приветствия Академия наук, Институт им. Лесгафта, завод им. Морозова в Шлиссельбурге. Приветствовали представители Балтийского флота, как своего почетного краснофлотца. А больше всего Николая Александровича обрадовало приветствие, присланное в шуточной форме, от планеты имени Н.А. Морозова – Морозовии, преподне-

сенной ему в день его 80-летия Пулковской обсерваторией и утвержденной международной комиссией Всемирного бюро астрономов в Берлине.

Прислал приветствие академик С.И. Вавилов:

«Привет энтузиасту науки!»

Празднуя 85-летний юбилей Николая Александровича Морозова, Советская страна отмечает деятельность одного из замечательных представителей старой русской интеллигенции. Талантливый юноша с глубоким и органическим стремлением к научной работе в области естествознания, Н.А. Морозов все свои силы бросает на борьбу с царским правительством. Двадцатипятилетнее заключение в Шлиссельбурге – это одна из страниц истории науки, которая должна быть поставлена наряду с преследованием Галилея инквизицией и другими фактами из истории мучеников науки.

Вдохновение научного творчества не оставило Н.А. Морозова и в стенах заключения. В тюрьме он создал ряд интереснейших книг по теории атомов, математике и истории. Оторванный от мировой науки, Н.А. Морозов сумел в ряде случаев увидеть то, к чему пришла наука много позднее в результате усилий громадного коллектива ученых. Необычайная широта круга интересов и талантов Н.А. Морозова, охватывающего поэзию, историю, физику, математику, астрономию, – явление поразительное и исключительное.

Я помню вдохновенные доклады Н.А. Морозова в 1906 г., вскоре после освобождения из Шлиссельбурга, вызвавшие восторг тогдашней молодежи. Молодежи передавался энтузиазм самого Н.А. Морозова. Он и теперь, в преклонном возрасте, сохранил этот энтузиазм, этот юношеский интерес к самым разнообразным вопросам науки, культуры и общественной жизни.

Приветствуя Николая Александровича по случаю его 85-летия, я должен прежде всего выразить ему глубокую благодарность за ряд интереснейших часов, которые мне доставили его сочинения и доклады. Желаю Н.А. Морозову сохранить ту же бодрость мысли и юношеский пыл и на дальнейшие годы.

Депутат Верховного Совета РСФСР

академик С. Вавилов,

19.VII.1939 г.».

28 июля прибыли Известия ЦИК СССР, в которых сообщалось, что «в связи с исполнившимся 85-летием тов. Морозова Николая Александровича, почетного члена Академии наук СССР, и принимая во внимание его выдающиеся заслуги перед трудящимися, как революционера и ученого, наградить тов. Морозова Н.А. орденом Трудового Красного знамени. – Председатель Верховного Совета СССР – М.Калинин. Секретарь ВС А.Горкин. – 27. VII.1939 г.»

Верхне-Никульский сельсовет прислал приветствие, а затем и целую делегацию. Приветствовал Некоузкий районный комитет ВКП(б)

и ВЛКСМ и просил разрешения лично приветствовать через делегацию от этих учреждений с поднесением адреса и ценного подарка, и просьбой к Николаю Александровичу сделать сообщение о своей жизни и научной деятельности. Прибыл целый отряд пионеров в красных галстуках, прошедших церемониальным маршем перед Морозовым и приветствовавших его трубным гласом и приветствием: «Будь готов! – Всегда готов!». Пришли местные крестьяне, а также и местные научные работники Академии наук. Чувствовалась большая удовлетворенность этой наградой, полная ее заслуженность, огромная любовь к Николаю Александровичу, к его революционной и научной деятельности и человеческой личности. Наиболее частым был недоуменный вопрос: почему не орден Ленина, а только орден Трудового Красного знамени? Ведь Николай Александрович вполне заслужил высший орден Ленина. На это Морозов отшучивался:

– Трудовое знамя больше. Оно говорит о моих трудовых заслугах. У меня есть труды, есть и ненапечатанные. Пусть их теперь напечатают. Правительству того же числа была направлена телеграмма:

«Москва, Кремль, Сталину, Молотову, Калинин.

Сердечно тронутый высокой оценкой моей революционной и научной деятельности, выразившейся в награждении меня орденом Трудового Красного знамени, я на склоне лет обязуюсь все свои силы, знания и опыт до последнего дня посвятить служению науке и народу.

Николай Морозов».

Ответа не последовало, и телеграмма в газетах не появилась.

Окрыленный наградой, Морозов заявил:

– Я буду просить о напечатании моих трудов. Я буду просить за арестованных моих сотрудников – профессора Мрочека и научного сотрудника Сумакова. Они ни в чем не виноваты. Я их знаю. Я буду лично просить об этом НКВД, т. Берия.

Вручение ордена состоялось 7 октября 1939 г. При вручении награды Николай Александрович сказал следующее: *«От всей души благодарю за награду. Мой жизненный путь пройден не даром. Мои научные работы, задуманные еще в Шлиссельбурге, окончательно оформились и были напечатаны при Советской власти, при активном содействии Владимира Ильича Ленина и Феликса Дзержинского. Мой сегодняшний праздник совпадает с великими событиями нашей внешней политики в Польше, Эстонии, Латвии, Литве. Я поражен гениальной политикой наших руководителей, которые так быстро и успешно разрешили эти вопросы».*

«Эхо космических бурь» – так образно определил Морозов свою новую работу. Пожалуй, это была третья (после «Строения вещества» и «Истории человеческой культуры в естественнонаучном освещении»)

глобальная проблема в его научной биографии. Она была посвящена исследованию влияния космоса на климат Земли.

Будучи ученым-энциклопедистом, Морозов все-таки считал себя прежде всего астрономом, а потом химиком. Космос тревожил его с детства. Космос помог пережить пожизненную каторгу. К космосу он вернулся на склоне лет.

Идея этой работы появилась очень давно. Все началось с обыкновенного компаса. Наблюдая за ним в течение суток, Николай Александрович заметил, что стрелка прибора, лежащего вполне неподвижно, почему-то меняет свое положение. Складывалось впечатление, что эти суточные колебания стрелки нельзя объяснить просто влиянием движущегося Солнца – здесь были еще какие-то причины...

Сначала нам придется сделать небольшое отступление и рассказать о современных воззрениях на климат нашей планеты. Еще в начале 20 века было обнаружено влияние Солнца и Луны на климат Земли, а точнее – их взаимное влияние. Наблюдая за уровнем воды в различных водоёмах, за наступлением и отступлением ледников, проводя раскопки болот, ученые заметили, что климат на Земле периодически меняется. Были определены периоды. Оказалось, что есть некий закон, по которому повторяются те или иные климатические особенности. Причем есть особенности, которые повторяются через 11 лет, 33 года и т.д., и есть такие, которые повторяются каждые 1800–2000 лет. Возможно, существуют и более долгопериодные колебания, но те способы, с помощью которых мы можем составить представление о климате, не дают определенного ответа на этот вопрос. Ныне виновниками всех этих метаморфоз считают Луну и Солнце. Так ли это?

Но вернемся к идее Морозова, навеянной беспокойной стрелкой компаса.

Известно, что существуют разные способы измерения времени. Суточное вращение Земли относительно звезд определяет звездное время. На практике же пользуются солнечным временем. Допустим, что на земные процессы влияют некоторые космические силы, не связанные с Солнцем и Луной. Как их заметить? Николай Александрович решил проанализировать результаты огромного количества метеорологических, магнитных, сейсмических наблюдений, предварительно переведя их с солнечного времени на звездное. Но как справиться с такой работой? Одному человеку это не под силу, на помощь ЭВМ рассчитывать еще не приходилось, а поручать кому-либо проверку идеи, в правильности которой еще не было уверенности, он считал неудобным. Выход был таков: он разработал ряд простых методов, которые позволяли за вечер обработать данные измерений за целый год. Таким образом, были получены интересные графические зависимости, в которых полностью исключалось влияние Солнца. Каков же результат?

Его идея о влиянии космоса на земные процессы полностью подтвердилась. Влияние было, да притом очень сильное: и на температуру, и на давление, и на влажность, и на магнитное поле, и на частоту землетрясений, и т.п. Но откуда оно приходит? Он указал, ориентировочно, направления наиболее сильных влияний. Их оказалось всего два. Выходит, что при анализе климата нашей планеты за большой период (столетия, тысячелетия...) надо брать в расчет не только взаимное положение Солнца и Луны, но влияние этих могучих космических центров. Тогда, может быть, выяснится причина многих периодических явлений из прошлого Земли или, напротив, станет понятно, почему некоторые события, которые должны были бы происходить с периодичностью, обусловленной влиянием Солнца и Луны, не происходят или происходят с меньшей интенсивностью, чем обещает стандартная теория.

Опубликовать этот фундаментальный труд помешала война...

Война застала семью Морозовых в Борке. Что делать? Уехать, как предлагают, из Москвы за Урал? Он решил остаться здесь. Что касается безопасности, то тут будет много спокойнее, чем где бы то ни было. Немцы вряд ли будут наступать в этом направлении, так как здесь нет ни крупной промышленности, ни крупных центров. Зато недалеко Ленинград, институт... И они остались на месте, внимательно следя по газетам и радио за тем, что происходило на фронте.

В Борке нашли приют и многие их знакомые и сотрудники из Ленинграда, а оставшимся в городе они слали продуктовые посылки.

В 1941 году к ним приехала Елизавета Ивановна Пельконен (1906–1989) – племянница финна-сапожника Пельконена, который в свое время учил Николая Морозова сапожному искусству перед его хождением «в народ». Морозовы с удовольствием приютили ее у себя. Но гостя не хотела есть даром хлеб, она стала выполнять обязанности скотницы, помогала по дому. После смерти Морозова работала в его музее, следила за памятником, чтобы всегда возле него было чисто и прибрано.

Весной 1942 года произошло несчастье. Николай Александрович сильно заболел, потребовалась операция. Ближайшим местом, где ее можно сделать, была Москва. Но как туда попасть, ведь навигация еще не началась, а машина не пройдет из-за распутицы? Осталась одна возможность – самолет.

И вот маленькая полянка справа от березовой аллеи, ведущей к имению Борок, наполнилась шумом моторов. Вскоре на нее, сделав круг, приземлилась легкая двукрылая машина. Самолет был специально прислан советским правительством за Морозовым. Место для посадки он указал сам, и, как оказалось, весьма удобное.

В самолет его принесли на носилках. Момент отрыва от земли он четко определил по прекращению тряски. На склоне жизни ему опять

удалось испытать давно знакомое чувство полета, но теперь – при весьма скорбных обстоятельствах...

Операция прошла успешно, и уже через несколько месяцев Морозов снова был в Борке.

Перед войной Николай Александрович сдал в академические журналы четыре свои статьи. Первая – «Аберрации от вращения наблюдательной базы и их космологические последствия», где он математически доказал, что импульсы силы тяготения распространяются со скоростью света. Статья эта была (весной 1941 г.) уже была набрана в «Астрономическом журнале», сверстанная корректура подписана им к печати и отослана в типографию в июне 1941 г., но война помешала выходу в свет этой академической книжки, и готовый набор ее был где-то затерян или рассыпан при суматохе.

Вторая – «Влияние небесных воздействий на частоту землетрясений». В ней он доказывал, что, хотя землетрясения и медленно нарастают от химических процессов и механических натяжений и сдвигов верхних геологических напластований, но прорываются они в те часы, когда Луна, или Солнце, или центр обращения Млечного пути приближаются к меридиану места натяжения и этим способствуют вертикальному разрыву, а находясь близ горизонта – их горизонтальному сдвигу. Он подтвердил это тысячами случаев из истории землетрясений в разных странах, в которых они были отмечены не только по дням, но и по часам. Эта статья тоже была уже набрана в геологическом журнале АН, и корректура исправлена им и отослана в издательство. Но и эта книжка не вышла из-за войны.

То же самое случилось и с его третьей статьей «Влияние электрического и магнитного поля планет на устойчивость их орбит». Тут он математически доказывал неизбежность образования колец, вроде сатурновых, на экваториальной части планеты от присоединений к молекулам ее атмосферы электрических зарядов, вроде наших грозových, и последующего разрыва этих колец от отталкивания тех же зарядов с образованием планеты-спутника, после чего и его орбита должна (хотя и чрезвычайно медленно) расширяться по той же причине, а когда на ней от вращения образуется и свое магнитное поле – орбита эта должна переходить из круговой в эллиптическую.

Аналогичная история произошла из-за войны и с рукописью его четвертой статьи о возможности научного предвычисления погоды, введя в анализ галактические воздействия. В этой работе он доказывал, что вариации наших местных погод, т.е. сухости, влажности, тихости, ветренности, ясности, облачности воздуха и т.д. в данном районе зависят не только, как думают до сих пор, от положений Солнца над горизонтом, стимулирующих температуру и электризацию, и от положения Луны, вызывающей вместе с Солнцем приливы и отливы атмосферы и их

последствия, но и от положения двух огромных небесных невидимых центров, этих темных сверхсолнц, одного, ближайшего к нам, в созвездии Единорога, вокруг которого вращаются ближайшие к нам звезды, а другого – в созвездии Стрельца, вокруг которого обращаются все многочисленные скопления звезд Млечного пути. Он показал, что без учета их влияний нельзя предсказывать погоду. Где теперь эта статья – ему тоже было неизвестно. (К счастью, ее удалось позже найти и издать.)

Николай Александрович понимал, что война – не самое лучшее время для издания его трудов, и он позаботился о том, чтобы сохранить хотя бы их черновики.

Не тратя сил бесполезно на хлопоты о печатании, он решил продолжать в Борковском убежище свои исследования, главным из которых являлось «Основы теоретической метеорологии и геофизики». Это был большой фолиант с несколькими сотнями диаграмм, показывающих закономерности в изменениях различных компонентов погоды.

Здесь он пользовался материалами, напечатанными в ежегодниках физических и магнитных обсерваторий: Ленинградской (главной физической), Московской (Тимирязевской), Гринвичской, Парижской, Вильгельмсхафенской, Венгерской (Старо-Дальской), Тбилисской, Зуйской, Иркутской, Соданкильской, Пушкинской, Гонконгской, Малайской, Крист-Черчской, Колаской, Ташкентской, Мадагаскарской, на мысе Доброй Надежды, на св. Елене, в Рио-де-Жанейро, в Аргентине, в Аризоне близ Вашингтона и временных обсерваторий на Шпицбергене и Южном полярном континенте.

Так проходило здесь все его время в ежедневных теоретических научных работах и вычислениях (зимою, насколько позволял короткий зимний день, так как при керосиновом освещении очень сильно уставали глаза). Он считал, что для печатания результатов его работ когда-нибудь настанет время. Хотя и грустно было смотреть на лежащие на шкафу груды рукописей, уже готовых и переписанных на машинке.

Наблюдая успехи современной физики, Морозов искал в них подтверждение своим давним шлиссельбургским идеям. Он пытался согласовать свое «Строение вещества» с современными воззрениями на строение атома.

Вот что он писал в президиум химического отделения АН 14 января 1944 г.:

«...Как я уже писал в президиум химического отделения, в последние годы мне пришлось отложить уже обдуманную мною работу о том, как моя теория, выработанная еще в Шлиссельбургском заточении и опубликованная еще в 1907 г. в книге “Периодические системы строения вещества”, о сложном строении атомов и о том, что непременно компонентами их являются: газ

небесных туманностей (который я назвал там архонием), а кроме него гелий, протоводород и положительные и отрицательные электроны, т.е. современные позитроны и электроны, только названные там мною анодием и катодием, подтвердилась теперь опытами новейших ученых, выделивших все эти компоненты, кроме “архония”, который еще ждет методов для своего выделения в чистом виде.

Но стремление выяснить генезис этих компонентов во Вселенной увлекло меня в область спектрального анализа небесных светил и в выяснение эволюции звездных систем вообще.

В связи с этим появилось мое исследование *“Die Evolution der Materie auf den Himmelskörpern”*, вышедшее отдельным изданием только на немецком языке в конце царского режима, и другие исследования по астрофизике. А революция отвлекла меня в область историологии, так как проверка всех летописей по описанным в них солнечным и лунным затмениям показала мне в них огромные сдвиги хронологии, а разрабатывать это при старом режиме было невозможно ввиду противоречия получаемых результатов со “священной историей старого и нового завета” и с тогдашним богословием вообще.

Так обстояло дело до недавних лет, когда я написал в дополнение к уже напечатанным уже до 1932 г. семи томам моего исследования по древней и средневековой истории христианской культуры (названной мною по совету заведовавшего тогдашним Госиздатом общим названием “Христос”) еще три тома “Об Ассиро-Вавилонских клинописях”, “Сенсационные находки европейцев в первой половине XIX века в Азии, Индии и Египте с точки зрения точных наук” и “Новые основы русской средневековой истории” (проверка всех астрономических указаний в русских летописях и ее неожиданные результаты)...

Вы спрашиваете, не нужно ли мне чего-нибудь по литературе? Я был бы очень рад, если бы возможно было достать и прислать мне наложным платежом какие-нибудь обзоры того, что и какими методами было сделано в последние годы по вопросу о разложении атомов? И не было ли обнаружено их синтеза при могучих давлениях во время современных могучих взрывов?»

Согласно представлениям квантовой механики, дискретный спектр излучения возбужденных атомов связан с переходом электрона с одной орбиты на другую. Это был основной аргумент, приводимый в пользу планетарной модели атома. Но ведь и в случае линейной модели возможен дискретный набор частот излучения при возбуждении?! И Морозов много думал над экспериментами, которые могли бы решить, какая модель более правильна. Для этого он обратился в Академию наук с просьбой о консультации по последним достижениям физики ато-

мов. На просьбу старого академика откликнулся Игорь Васильевич Курчатов. Он с удовольствием проконсультировал Николая Александровича, а о его книге отозвался так: *«Современная физика ядра полностью подтвердила утверждение о сложном строении атомов и взаимопревращаемости всех химических элементов, разработанное в свое время Н.А. Морозовым в монографии “Периодические системы строения вещества”»*. Отзыв ведущего ученого-ядерщика доставил Морозову большое удовлетворение, а присланный список новейших работ помог составить достаточно полное представление о современной атомной физике.

В письме от 5 апреля 1944 г. Николай Александрович пишет в президиум химического отделения АН: *«Я очень благодарен Вам за Ваше письмо, полученное мною в первых числах апреля, в котором Вы перечисляете нужные мне новейшие работы по физике атомного ядра. Я постараюсь теперь же получить некоторые из них через академическое издательство и привести их в сопоставление с моими давнишними теоретическими работами по строению атомов периодической системы Менделеева. Передайте при случае мой сердечный привет И.В. Курчатову, отзыв которого о моей книге “Периодические системы строения вещества” доставил мне большое удовлетворение, а список новейших работ дал возможность получить в моем современном уединении интересные меня книги»*.

Что касается экспериментов, то он готовился осуществить ошеломляюще смелый проект, о котором в письме от 12 ноября 1944 года писал так: *«...у меня тотчас после открытия циклотронов появился проект новой работы, но я по уши был погружен последние годы в геофизические соображения и не знаю, когда освобожусь от большого моего теперешнего труда “Основы теоретической геофизики”... Но, несомненно, через год или около этого наступит и для меня возможность приняться и за циклотронные явления, и я не премину это сделать, если другие исследователи не сделают выводов, представляющих моему воображению, ранее, чем я успею освободиться от своих современных геофизических и метеорологических работ»*.

В это время Морозову уже исполнилось 90 лет.

Девяностолетие он встретил в Борке. Несмотря на войну, на дорожные сложности, поздравить старого академика съехалось около девяноста гостей. Приехал Отто Юльевич Шмидт, его старый друг. Советское правительство 5 июля 1944 года наградило Морозова орденом Ленина за выдающуюся многолетнюю научную деятельность. Было подписано постановление Совнаркома СССР о присвоении имени Морозова биологическому стационару «Борок» АН СССР и об учреждении

стипендий имени Морозова студентам и аспирантам, работающим в области астрономии, физики и химии. И еще долго шли в Борок многочисленные поздравления тех, кто не смог поздравить его лично...

12 июня 1945 г. Н.А. Морозова наградили вторым орденом Ленина за выдающиеся заслуги в развитии науки в связи с 220-летием АН СССР. С этой наградой связана такая история.

Празднование 90-летия Н.А. Морозова в Борке

3 мая 1945 г. президент АН В.Л. Комаров писал Председателю Совета народных комиссаров Союза ССР тов. И.В. Сталину:

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

В связи с 220-летием АН я счел возможным обратиться к Вам с просьбой, чтобы некоторые академики, известные своей долголетней плодотворной научной деятельностью и имеющие заслуги перед Родиной, были награждены высшим званием Героя Социалистического труда.

Этого звания, как мне кажется, достойны следующие:

- 1. Почетный академик Морозов Н.А.*
- 2. Бах А.Н.*
- 3. Зелинский Н.Д.*
- 4. Фаворский А.Е.*
- 5. Обручев² В.А.*
- 6. Орбели Л.А.*
- 7. Бардин И.П.*
- 8. Мещанинов И.И.*
- 9. Мухелишвили Н.И.*

10. Лысенко Т.Д.

11. Прянишникова Д.Н.»

Но И.В. Сталин счел, что Н.А. Морозова достаточно наградить орденом Ленина, о чем и оставил на этом письме свою резолюцию синим карандашом: «Вместо этого – орден Ленина, включить в общий список». Как говорили, причина была в том, что Николай Александрович во время войны не так активно работал на обороноспособность страны. Так ли это или нет – неизвестно.

Сотрудники института П.Ф. Лесгафта потихоньку возвращались из эвакуации в Ленинград. Здание почти не пострадало. Жизнь входила в свою обычную колею. Несмотря на возраст, Николай Александрович продолжал активно работать. Он шутил:

– Природа не зачала мне тридцать лет, проведенные в тюрьме. Так что мне сейчас лишь шестьдесят – самый рабочий возраст...

И все-таки возраст вызывал опасения. В 1945 г. Николай Александрович решил переехать в Москву. С просьбой о предоставлении ему квартиры он обратился в Академию наук. Вскоре, в связи с уходом по болезни с поста президента АН СССР академика В.Л. Комарова, президентом Академии наук СССР был избран С. И. Вавилов. С такой же просьбой Н.А. Морозов обратился к Сергею Ивановичу:

«Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Прежде всего поздравляю Вас с высоким постом президента Академии наук СССР. Я уверен, что Ваши знания, талант и энергия принесут большую пользу русской науке.

Извините, что я Вас беспокою по личному делу. Весной этого года я обратился в Президиум АН с просьбой предоставить мне подходящую квартиру в Москве, так как моя ленинградская совершенно непригодна для жилья из-за отсутствия отопления, воды и других подходящих бытовых условий.

Я твердо решил переселиться в Москву, так как только там я был бы в непосредственной близости от всегда внимательной ко мне Академии наук и мог бы спокойно жить и работать.

Оставаться в деревне при моем возрасте совершенно невозможно из-за полного отсутствия в Борке медицинского надзора, который мне совершенно необходим, так же как и моей очень слабой здоровьем жене. Кроме того, здесь я чувствую полную оторванность от научного мира.

Решить этот для меня чрезвычайно важный вопрос нужно теперь же, так как переехать я могу только осенью, до окончания навигации.

Очень прошу Вас помочь мне в этом вопросе.

С искренним уважением и приветом

Н. Морозов».

Осенью 1945 года Морозов получил квартиру в Москве, на Большой Калужской, почти напротив здания Президиума Академии наук, но жил сначала в санатории «Узкое», а затем в «Барвихе».

О смерти он так говорил: «Когда она придет, то я скажу: “Ну, нечего делать, надо умирать”». Но смерти он не хотел и не думал о ней.

С.И. Вавилов побывал в Борке в августе 1947 г., когда Николая Александровича уже не стало. Под непосредственным впечатлением Сергей Иванович тогда же писал научным сотрудникам биологической станции Борок им. Н. А. Морозова:

«Мне пришлось прожить две недели в Борке. Все здесь овеяно памятью Николая Александровича Морозова. В Борке он родился, в Борке и умер, здесь начался и замкнулся круг его долгой и замечательной жизни. В маленьком доме с антресолями, надстроенными Николаем Александровичем, живо чувствуется он сам, особенно на “фонарике”, наверху. Нужно сохранить полностью этот красноречивый памятник жизни и работы Николая Александровича.

По инициативе Н.А. Морозова в Борке возникла и работает станция Академии наук. Работники этого учреждения никогда не должны забывать образ почетного академика Н.А. Морозова. В его деятельности были некоторые совсем особенные черты. Он соединил в себе беззаветное общественное, революционное служение родному народу с совершенно поразительным увлечением научной работой. Этот научный энтузиазм, совершенно бескорыстная, страстная любовь к научному исследованию должны остаться примером и образцом для каждого ученого, молодого или старого.

Поразителен также диапазон творческих научных интересов Н.А. Морозова – от математики, физики, астрономии, химии до запутанных исторических и филологических вопросов. В наше время такая творческая широта в науке – большая редкость. Между тем во многих случаях она нужна и здесь, в Борке. В живой природе, во всей ее сложности исследователю особенно полезен широкий “морозовский” кругозор.

Желаю дальнейшего процветания Борку как очень интересно-му и своеобразному научному учреждению. Научные успехи Борка будут самым достойным памятником Николаю Александровичу».

1918 г.

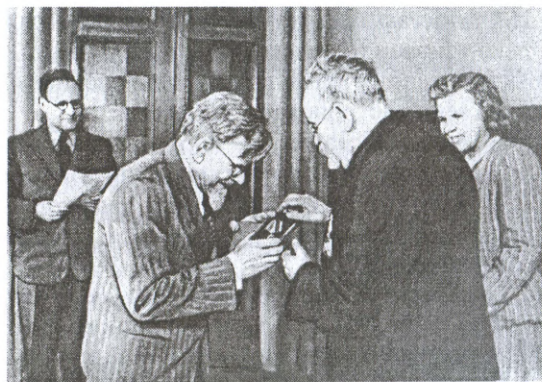
Н.А. Морозов в Борке, 1944 г.

1929 г.

В.Н. Фигнер

М.И. Калинин вручает орден Н.А. Морозову, 1945 г.

Примечания к пятой части

К главе I

¹ Вообще В.И. Ленин достаточно хорошо знал Н.А. Морозова: и по литературе (в библиотеке В. И. Ленина в Кремле сохранился ряд книг Н.А. Морозова, в том числе и с дарственными надписями Владимиру Ильичу), и лично. Из воспоминаний Н.А. Морозова следует, что В.И. Ленин неоднократно бывал в Биологической лаборатории и на курсах П.Ф. Лесгафта. Об этом свидетельствуют и переписка Н.А. Морозова с В. И. Лениным, и дружеские отношения Н.А. Морозова с А.И. Ульяновой-Елизаровой, с которой у него были не только общие интересы, но и общие друзья. В дальнейшем, по словам Н.А. Морозова, «...со дней основания института В.И. Ленин не раз интересовался нашими делами (т.е. вновь созданным Научным институтом), выручал в затруднительных обстоятельствах, особенно в течение первых 3–4 лет революции».

² Впоследствии – Государственный естественнонаучный институт им. П.Ф. Лесгафта Народного комиссариата просвещения РСФСР.

Два документа, относящиеся к образованию астрономического отделения института

*Отношение Главной астрономической обсерватории в Пулкове
в научный отдел Народного Комиссариата по просвещению
от 11 ноября 1918 г. № 825*

В ответ на отношение Ваше от 31 окт. с. г. за № 306, Главная астрономическая обсерватория в Пулкове имеет честь сообщить Вам следующее.

Заслушав выписку из докладной записки Н.А. Морозова относительно учреждения астрономического отделения при Научном институте имени П.Ф. Лесгафта, совет астрономов Пулковской обсерватории был несколько удивлен тем обстоятельством, что этому отделению составителем проекта предполагается дать главной специальностью довольно далекую, от собственно астрономии, задачу.

Между тем обсерватории хорошо известно, что в программу деятельности этого отделения входят между прочим следующие задачи:

1. Обработка фотографических снимков звезд на стеллокомпараторе, спроектированном и построенном членами Русского о-ва любителей мирведения.

2. Обработка обширного материала любительских наблюдений, собранных астрономической секцией указанного о-ва в течение последних семи лет, в частности отделы переменных, падающих звезд, планет и т.п.

3. Решение обширных задач вычислительных, как например, вычисление солнечных и лунных затмений, не вошедших в известный Канон Оп-

польдера, до 2500–3000 лет до нашей эры, вычисление орбит потоков падающих звезд и т.п.

4. Теоретическое и практическое обучение шлифовке оптических зеркал и стекол для астрономических приборов.

Усматривая в этой программе целый ряд важных задач, содействующих развитию в широких кругах населения любви к астрономическим наблюдениям и, что особенно важно, к извлечению из них, путем тщательной обработки, ценных для науки результатов, совет астрономов Пулковской обсерватории вполне поддерживает идею учреждения астрономического отделения при Научном институте имени Лесгафта и просит научный отдел Комиссариата по просвещению оказать всемерное содействие по проведению в жизнь указанного астрономического отделения.

Что касается упрощенных планетных таблиц, о которых говорит Н.А. Морозов, то они могут оказаться полезными для историков, археологов, языковедов в деле исследования древних памятников культуры.

Директор *А. Белопольский.*

Ученый Секретарь *Л. Окулич.*

*Отношение директора института в научный отдел Народного
Комиссариата по просвещению от 15 ноября 1918 г. за № 298*

В дополнение к моему ходатайству об открытии Астрономического Отделения при Петроградском Научном институте имени П.Ф. Лесгафта и к отзыву о нем Николаевской Главной физической обсерватории в Пулкове от 11 ноября 1918 г. за № 825, прибавлю следующее:

Высказанное Пулковской обсерваторией замечание, что я в своей докладной записке научному отделу комиссариата недостаточно полно изложил все задачи предполагаемого отделения, о необходимости которого я не раз предварительно совещался с пулковскими астрономами, объясняется исключительно тем, что я хотел отметить прежде всего оригинальную особенность проектируемого отделения и потому невольно оставил в тени те задачи, которые указаны Пулковской обсерваторией в п.п. 1, 2 и 3 ее отзыва. Эти задачи действительно будут осуществляться, и исследование астрономических памятников древности и определение их времени не может считаться специальностью, далекой от астрономии, уже по тому одному, что никто на свете не в силах ее осуществить, кроме коллектива астрономов-математиков. В этом смысле указанная мною оригинальность нашего отделения действительно является как бы мостом, проводимым от современной чисто наблюдательной и математической астрономии к области наук исторических, к которым относится и история самой астрономии.

Директор института *Николай Морозов.*

³ Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) – известный советский физик, академик АН СССР, с 1918 г. – руководитель организованного по его предложению физико-технического отдела Государственного рентгенологичес-

кого и радиологического института, а затем директор Физико-технического института, созданного на основе этого отдела. С 1932 г. – директор Физико-агрономического института, также организованного по его инициативе. В 1954 г. возглавил организованный им Институт полупроводников. Основные работы посвящены изучению механических свойств кристаллов, электрических свойств диэлектриков и свойств полупроводников. В Физико-техническом институте начинали свою научную деятельность многие крупные советские физики, в последующем составившие всемирно известную «школу Иоффе», определившую становление ряда фундаментальных направлений современной теоретической и прикладной физики.

К главе II

Заявление в совет института директора института и председателя Русского общества любителей мироведения

Новыми штатами Петроградского Научного института имени П.Ф. Лесгафта предусмотрена должность заведующего астрономической обсерваторией, постройка же самой обсерватории еще не закончена и в наступающем 1918–1919 учебном году использовать ее вряд ли придется.

Между тем и до окончания постройки обсерватории в настоящее время можно было бы уже приступить к организации астрономического отделения института. В этом отношении можно бы было использовать знания, опыт и труды астрономической секции Русского общества любителей мироведения, библиотека и редакция «Известий» которого с осени будут помещаться в здании института. При астрономической секции Русского общества любителей мироведения имеются отделы, в которых уже производится самостоятельная разработка научных проблем членами секции общества. Но отделы эти, не имея собственных помещений и общего руководства, до сего времени не могли быть прочно поставлены на ноги, и если бы совет института решил организовать в своих стенах с осени астрономическое отделение, то в нем могли бы найти приют себе работники астрономической секции названного Общества. Переходя к более конкретному указанию тех работ, которые частью намечены, а частью уже ведутся в астрономической секции, можно указать на следующее:

1) Обработка пулковских фотографических снимков звезд на теллокомпараторе, сконструированном и построенном членами РОЛМ. Эта обработка давно уже была предлагаема членам секции ее председателем пулковским астрономом Г.А. Тиховым, но не могла быть приведена в исполнение по чисто внешним причинам, за отсутствием помещения и соответствующей обстановки для данной работы, и самый теллокомпаратор был временно взят в Пулково.

2) Обработка обширного материала любительских наблюдений, собранных бюро астрономических наблюдений при секции в течение последних 7 лет, в частности – отделы переменных, падающих звезд, наблюдения планет.

3) Возникшее в 1916 г. при РОЛМ бюро астрономических вычислителей, занявшееся в первую очередь вычислением солнечных и лунных затмений, не вошедших в известный Канон Оппольцера, до 2500–3000 лет до нашей эры. Эта работа, в настоящее время наполовину уже выполненная, не может продолжаться успешно в значительной степени вследствие, опять-таки, внешних причин – отсутствия объединяющего центра и удобного для вычислений помещения. В последнее время в задачи бюро намечаются еще две работы – вычисление орбит потоков падающих звезд каталога Денцинга и вычисления для составления таблиц для решения спорных вопросов в области истории астрономии.

4) Ввиду сильно развитого в последнее время, особенно ввиду отсутствия на рынке оптических средств, стремления русских любителей астрономии к самостоятельной шлифовке зеркал для рефлекторов, было бы целесообразно в астрономическом отделении института поставить научно и эту прикладную отрасль астрономии, путем учреждения показательного шлифовального отделения в астрономическом кабинете института, имея в виду использовать знания специалистов и пионеров этого дела в России – членов РОЛМ.

В заключение можно указать, что накопленный научный материал, обширная и ценная библиотека по астрономии, необходимые инструменты, карты, атласы имеются в распоряжении РОЛМ и могли бы быть предоставлены астрономическому кабинету научного института имени П.Ф. Лесгафта на условиях научно-совместной работы и оставления руководства означенным отделом за РОЛМ, для каковой цели следовало бы возбудить ходатайство о переименовании должности заведующего астрономической обсерваторией в заведующего астрономическим отделением института.

Николай Морозов.

Август 1918 г.

К главе III

¹ Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – известный партийный и государственный деятель, ученый-энергетик, академик, возглавлял Комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО), в 1921–1930 гг. руководил Госпланом, с 1930 по 1942 г. – председатель Комитета по высшему образованию при ВЦИК и заместитель наркома просвещения. В 1930 г. организовал Энергетический институт АН СССР и возглавлял его до конца жизни.

² Шокальский Юлий Михайлович (1856–1940) – выдающийся русский географ, океанограф и картограф, почетный член Академии наук СССР. Был профессором Военно-морской академии (1910–1930) и Ленинградского университета (1925–1940). Научные труды посвящены вопросам метеорологии, гидрологии, океанографии, был составителем ряда общегеографических и специальных карт, редактором многих широко известных

атласов. Вел большую научно-организационную работу в Геодезическом комитете Госплана СССР, Главном управлении гидрометслужбы СССР и других организациях. Член-корреспондент и почетный член ряда иностранных академий и научных обществ.

³Скрябин Константин Иванович (1878–1972) – выдающийся гельминтолог, действительный член Академии наук СССР, академик Академии медицинских наук, академик ВАСХНИЛ. Изучал морфологию, биологию, филогению и систематику гельминтов, эпидемиологию и эпизоотологию гельминтозов. Под его руководством было определено около 200 новых видов гельминтов. Разработал многочисленные инструкции и наставления по борьбе с гельминтозами и широко внедрил их в медицинскую и ветеринарную практику. Ввел в науку представление о гео- и биогельминтозах. Вел большую научно-организационную деятельность.

⁴Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – русский историк, академик АН СССР в 1920–1931 гг., профессор Петербургского университета. Был председателем Археографической комиссии (1918–1929), комиссии по изданию сочинений Пушкина (с 1928 г.) директором Пушкинского дома (Институт русской литературы АН СССР), в 1925–1929 гг. директор библиотеки АН СССР. По своим политическим взглядам – монархист. В центре его научных интересов были события второй половины XVI – начала XVII в., получившие в исторической литературе название «смутного времени». Занимался также историей земских соборов, временем Петра I, освоением русского Севера и другими вопросами. Внес крупный вклад в изучение памятников публицистики конца XVI – начала XVII в. Жизнь свою закончил в ссылке в Самаре.

⁵Кареев Николай Иванович (1850–1931) – крупный историк нового времени, профессор Варшавского и Петербургского университетов, член-корреспондент Российской Академии наук, с 1929 г. – почетный член АН СССР. Его лучший труд – «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (М., 1870), за которым последовал в 1881 г. «Очерк истории французских крестьян с древнейшего времени до 1789 г.». До Кареева крестьянский вопрос — этот основной вопрос французской буржуазной революции — не подвергался серьезному исследованию даже во Франции. К. Маркс высоко оценил труд Н.И. Кареева, назвав его превосходным. Сам же Кареев в трудах Маркса не увидел ничего, кроме «экономического материализма», и пытался построить свою, «социологическую» теорию истории. Его докторская диссертация называлась «Основные вопросы философии истории» (т. 1–3. М., 1883–1890 гг.), объявляя содержанием этой темы «идеальный мир норм, должного, мир истинного, справедливого, с которым будет сравниваться действительная история». В годы первой русской революции вошел в кадетскую партию и был

избран членом 1-й Государственной думы. В 1924–1925 гг. опубликовал работу «Историки французской революции» в 3 томах – непревзойденный и по сию пору по полноте историографический обзор основных трудов в этой области, хотя и рассматриваемых с буржуазной точки зрения.

К главе VI

¹ Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942) – выдающийся русский физикохимик, почетный член Академии наук СССР, заслуженный профессор Московского университета. Его труды сыграли важную роль в развитии физической химии. Он является пионером нового научного направления – электрохимии неводных растворов. Одновременно с В.А. Кистяковским, но независимо от него, ввел в науку представление о гидратации (сольватации) ионов, послужившее основой для объединения химической теории растворов Д.И. Менделеева с физической теорией растворов Вант-Гоффа – Аррениуса. В области термохимии впервые показал, что теплоты образования изомерных молекул неодинаковы. Изучал фазовые превращения веществ, применив в этом новые методы и установив новые закономерности. Ему принадлежит ряд работ по истории химии. Разрабатывал многие прикладные задачи, в особенности связанные с пчеловодством.

² Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956) – выдающийся советский геолог и географ, исследователь Сибири и Центральной Азии, академик, почетный президент Географического общества СССР.

Н.А. Морозов за работой, 1939 г.

Часть шестая

Четыре встречи

Моих стихов невняты звуки
Живущим тускло в наши дни:
В них мир таинственный науки,
В них неба вечные огни.

Мои слова – иероглифы:
Их разберет грядущий век.
И что прочесть не смогут скифы,
Узнает новый человек.

Глава I

В МОСКВЕ

Обстоятельства сложились так, что Н.А. Морозову не удалось создать свою собственную научную школу. У него были помощники, но никто из них не стал его учеником, а тем более продолжателем его работ.

В 1907 году Петр Францевич Лесгафт пригласил его работать в свою С.-Петербургскую биологическую лабораторию. Здесь Н.А. Морозов читал лекции по химии и астрономии в Вольной школе, открытой при лаборатории, и занимался теоретической доработкой тех проблем, над которыми он начал работать еще во время своего долгого заключения. В это время у него были ассистенты, помогавшие ему при решении лишь технических вопросов, они участвовали, в основном, в проведении различных расчетов. Возможно, со временем они вникли бы в те вопросы, над которыми работали вместе с ученым, и стали бы его активными сотрудниками. Но этого времени не было. Сначала война изменила обычный ход вещей, а затем революция поменяла весь быт. С началом разрухи Морозову поступил ряд предложений заняться наукой в другом месте, но он решил остаться в Петрограде и попытаться выжить вместе с С.-Петербургской биологической лабораторией.

*Встреча Н.А. Морозов
со своими сторонниками в Москве*

Весной 1918 года Морозов предложил фантастическую, по тем временам, программу работы института. Он предлагал создать научное учреждение, которое бы объединило специалистов из разных областей естествознания для решения общих, единых для всего института проблем. Вообще-

то, идея объединения в единое целое физиков, астрономов, химиков и биологов появилась еще при П.Ф. Лесгафте, который считал, что природа едина в многообразии своих проявлений, а потому должна изучаться как единое целое. Но только сейчас появилась возможность реализации этой идеи. Советское правительство шло навстречу инициативе ученых, если последняя способствовала развитию науки в стране.

Н.А. Морозов, помимо руководства институтом, взял на себя заведование астрономическим отделением. Сотрудниками нового отдела стали его соратники по РОЛМ. Это были Даниил Осипович Святский,

Михаил Яковлевич Мошонкин, Сергей Владимирович Муратов, Михаил Анатольевич Вильев, Наум Ильич Идельсон, Нина Михайловна Штауде, Сергей Михайлович Селиванов.

Одной из основных задач отделения являлась разработка вопросов исторической астрономии, выдвинутых в области звездной мифологии, и установление времени различных исторических памятников древности, содержащих в себе астрономические указания. Для этой цели астрономы-вычислители отделения, кроме различных специальных работ, приступили к составлению системы таблиц, посредством которых можно было бы определить все времена, соответствующие данному расположению Солнца, Луны и планет. Кроме того, астрономическое отделение занималось исследованиями астрофизического характера; обработкой произведенных на частных обсерваториях России наблюдений над переменными звездами; теоретическими исследованиями и обработкой наблюдений падающих звезд.

Под общим руководством Н.А. Морозова выполнялись все работы его сотрудников. Но они не проявляли особого интереса к идеям своего начальника. Одним из самых лучших его сотрудников был молодой астроном М.А. Вильев. Но и он порой проявлял строптивость. Например, когда Морозов просил расширить интервал вычислений, включив в него и позднее средневековье, для различных астрономических явлений, описанных в считающихся древними исторических сочинениях, его помощник полагал это пустой тратой времени. Как дальше сложились бы их отношения – неизвестно, так как М.А. Вильев, выдающийся талант, несмотря на свои молодые годы уже стяжавший себе известность своими трудами среди ученых Европы, из-за тяжелых условий жизни простудился и умер от воспаления легких в 1919 году.

Другие же сотрудники либо обладали узким кругозором, либо, будучи верующими, испытывали постоянный дискомфорт, выполняя поручения Н.А. Морозова по проверке астрономических событий, описываемых в Священном писании. К последним относилась Н.М. Штауде. В конце концов она в письменном заявлении обратилась к Морозову с просьбой перевести ее в астрофизическое отделение. Ее просьба была тут же удовлетворена. Хотя он и терял хорошего сотрудника, но ее желание было для него не менее важным.

Д.О. Святский, первый ученик Н.А. Морозова, работавший вместе с ним в лаборатории П.Ф. Лесгафта и бывший его заместителем по РОЛМ, впоследствии стал профессором. Он был автором ряда историко-астрономических исследований. Казалось, он должен был быть самым активным его помощником. Но ему приходилось очень много времени уделять работе в обществе «Мироведения». А в 1930 году его арестовали.

Так что, к сожалению, в институте как-то не сложилось сообщество сотрудников, способных воспринять интересы и взгляды своего руководителя, готовых к достаточно широкому подходу к науке.

После выхода из печати первых томов «Христа» Н.А. Морозов стал получать письма от различных людей с предложением дать им возможность принять посильное участие в его работе по истории. Два наиболее активных таких помощника, Дмитриевский М.С. и Сумаков В.Г., были введены в штат института.

Новые помощники появлялись не только в результате переписки, но и в результате различных встреч.

28-го сентября 1929 года в Ленинграде на квартире у Н.А. Морозова, под его председательством, собралась часть его помощников, чтобы выработать стратегию дальнейших действий. Они решили создать «Общество истории и методологии точных наук и техники», в задачу которого входило бы изучение проблем истории, методологии и педагогики точных наук и техники; популяризация перечисленных проблем путем лекционной и литературной деятельности; объединение всех лиц, могущих и желающих осуществлять поставленные задачи; установление связи с учреждениями, разрабатывающими вопросы марксистской методологии. Устав и список общества были представлены на рассмотрение Главнауки, но там ответили, что подобное общество уже создано при Академии наук, и желающие работать в этом направлении могут вступить в него. Но вступить в это общество значило бы отказаться от разработки своих идей, так как они были несовместимы с идеями, лежащими в основе академического общества.

И они продолжали действовать разрозненно. Вот некоторые из его добровольных помощников.

Блюминау Владимир Леонтьевич, адвокат, посылал заявление в комитет по сталинским премиям, вел переписку о выдвижении Н.А. Морозова в действительные члены АН. Написал воспоминания о Морозове и краткие изложения различных томов «Христа».

Дворецкий Алексей Иванович, переводчик с немецкого, написал резюме к «Христу» – «Великий хронологический сдвиг» – краткое изложение семи томов «Христа».

Николаев Борис Николаевич – архитектор, профессор Института путей сообщений. Его работа по деформации строительных материалов «Физические начала архитектурных форм» со временем легла в основу пролога к 9 тому «Христа» «О погружении старинных построек и их развалин в землю, о их хронической деформации как средстве установления их возраста».

Прудковский Петр Николаевич, написал для второго издания 1 тома «Христа» два приложения: «Алфавитный указатель собственных имен первой книги “Христа”» и «Алфавитный справочник-указатель значений главнейших библейских имен и названий 1 и 2 книги “Христос” в их толковании по Н. Морозову».

Роцаковский Михаил Сергеевич, инженер, написал популярное изложение «Христа».

Мрочек Вацлав Ромуальдович, профессор математики и истории науки, помогал Морозову в его работе над русской историей.

И еще много других.

В один из приездов Н.А. Морозова в Москву на собрание его единомышленников попал только что закончивший мехмат МГУ Сергей Александрович Стебаков. До 14 лет он жил в Ленинграде, недалеко от музея народовольцев. Мальчик был постоянным гостем музея и знал все его экспонаты наизусть. Но однажды он пришел туда, а музей закрыт. Часть экспонатов валялась тут же возле двери на улице. Возможно, причина закрытия была в том, что как ни крути, а это была партия террористов. Вскоре юноша переехал в Москву, но интерес к народовольцам не потерял. В дальнейшем он собрал достаточно большую коллекцию материалов о них. В частности, он посетил и сфотографировал все здания и помещения, связанные с деятельностью партии «Народная воля».

К этому времени осталось в живых только три народовольца: М.Ф. Фроленко, В.Н. Фигнер и Н.А. Морозов. Сергей Александрович очень хотел с кем-нибудь из них встретиться. И вот случай свел его с Морозовым.

Приведший его знакомый представил молодого человека Николаю Александровичу и рассказал о его увлечении. Вообще-то Морозов не любил рассказывать о прошлом, он всегда жил текущим, и его больше волновало то, над чем он работал сейчас. Но, перебросившись с новым знакомым несколькими фразами и увидев, что тот достаточно хорошо подготовлен, он сказал, что сегодня им вряд ли удастся поговорить по интересующему его вопросу, и предложил встретиться на следующий день. Так между ними завязалась дружба.

Когда они встретились вновь, молодой человек получше разглядел своего собеседника. Простое и сердечное отношение Николая Александровича мгновенно расположило молодого человека к нему, и он сразу стал родным и близким. Его взгляд, казалось, проникал в самую глубину души. Голос у Николая Александровича был высокий, глуховатый, говорил он тихо и спокойно, никогда не повышал тона.

Достаточно было с ним поговорить небольшое время, как начинал чувствоваться незаурядный ум, отсутствие спеси и менторства. Не случайно всюду, где он выступал публично, его восторженно приветствовали люди всех званий и состояний. Есть на свете много людей добрых, искренних, честных сердцем. Но далеко не так много таких, из души которых снопами излучается ее свет, ее жар, ее высокая моральная красота, так что всякий, входящий в общение с ними, попадает под действие этих лучей, невольно становится лучше, добрее, гуманнее, чище. Причем сам он этого не замечал и не прилагал никаких усилий.

Они не заметили, как проговорили несколько часов, пока их не позвали пить чай. На самом деле говорил в основном Николай Александр-

рович. После встречи Сергей Александрович сделал для памяти запись об их разговоре. Вот пересказ их беседы.

Итак, Вы хотите узнать, как я стал революционером? Но для этого надо начать с самого начала. Мой родитель рано остался сиротой. При этом финансовое положение семьи было полностью расстроено. Барский дом был взорван, имение заложено, и за ним числился большой долг. Кроме того, нужно было выделить приданое сестрам. Отдавать им часть имущества было бессмысленно, так как это было бы отдачей долгов, а не реальных капиталов. И вот в таких условиях, проявив достаточную волю, ум и расторопность, он не только выкупил имение, расплатился с долгами и отдал часть капитала сестрам, но и стал к тридцати годам очень богатым помещиком.

Такой же самостоятельности он хотел и от меня. Заметив мое увлечение наукой, он решил, что если дать мне хорошее образование, то я, окончив университет и оставшись в нем работать, очень быстро достигну высоких чинов и получу дворянское звание и подобающее место в обществе. Все так бы и было, если бы не тогдашняя система образования. Моими любимыми предметами были астрономия, физика, геология, минералогия, ботаника и т.п., а нас пичкали, в основном, филологией. Поэтому приходилось заниматься самообразованием. Я самостоятельно проштудировал Ч. Дарвина, М. Фарадея, К. Фохта, Э. Геккеля. В 17 лет я стал вольнослушателем Московского университета. Все свободное время я проводил в экскурсиях по берегам Москвы-реки. Тогда я увлекся палеонтологией, и вот почему. Изучив работу Ч. Дарвина, я проникся идеей эволюционизма. И поэтому считал, что изучение живой природы следует начать с изучения ее ранних форм, то есть с палеонтологии. В этих занятиях я достиг некоторого успеха, и даже в шутку говорили, что я будущий профессор геологии.

Но жизнь распорядилась так, что я примкнул к обществу революционной молодежи. Русское революционное движение всегда ставило своей целью перемену не только политического, но и экономического строя, без которого немыслима полная политическая свобода для рабочего населения. Проповедь в народе идей социализма – вот орудие, которое избрала для достижения своей цели русская социалистическая партия во время своего возникновения в начале 70-х годов. Для достижения этой цели было организовано «хождение в народ» для пропаганды.

Вы говорили, что нас считали террористами. Но вот как это получилось, например, у меня. Совершив не один «поход в народ», я убедился, что там следовало проводить не политическую пропаганду, а вести обычную просветительскую работу, заниматься

обычным образованием, чем большинство из нас и занималось. И именно за это нас и преследовали.

Но как ни неожиданно было это движение для правительства, последнее немедленно приняло против него свои меры, и к концу 1874 года почти все пропагандисты томились в казематах в ожидании ссылки, каторги или бесконечного заключения в центральных тюрьмах. В 1875 году, потерпев окончательное поражение в деревнях, движение снова направилось к городскому люду для того, чтобы действовать через него в деревне, но и здесь оно было задушено правительством; почти все пропагандисты этого периода и рабочие, последовавшие за ними, были схвачены при первых шагах своей деятельности.

Продолжать прежний путь, не обращая внимания на преследования правительства, было очевидно невозможно. Стало ясно, что в тогдашних беспредельных равнинах России, с ее редкими деревнями и сравнительно незначительными рабочими городами, трудно организовать большое народное восстание, и начинающееся революционное движение приняло совершенно своеобразные формы. Волей-неволей приходилось сводить с властью счеты. Так мы перешли к тому, что Вы называете «терроризмом».

И вот мало-помалу начались таинственные убийства правительственных деятелей.

Неизвестные ни обществу, ни правительству личности все чаще и чаще стали появляться, словно из-под земли, и устранять с дороги того или другого правительственного деятеля. Совершив казнь, они исчезали без следа. Ни обыски, ни аресты, массажи практикуемые правительством, не привели ни к чему.

Это движение было результатом преследований со стороны правительства, сделавших пропаганду чрезвычайно затруднительной, если не невозможной. Очевидно, что террористическая борьба немедленно прекратилась бы, как только социалисты завоевали бы свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия. Тогда движение молодежи снова направилось бы в народ, и после упорной работы народ осознал бы, наконец, свои права и, восставший, смел бы со своей дороги тогдашний экономический и общественный порядок, а потом устроил бы новый, лучший строй, основанный на требованиях всеобщей свободы и справедливости.

В одном из «Листков “Земли и Воли”», редактором и автором которого я был один, мной была помещена статья, подводившая теоретические основы к уже практиковавшемуся в России новому виду революционной борьбы по способу Вильгельма Телля и Шарлотты Корде. Слово «терроризм», уже практиковавшееся в публике, я нарочно исключил в этой статье, так как оно мне чрез-

вычайно не нравилось, да и действительно не подходило к делу. Владычество путем террора, по моему убеждению, целиком принадлежало правительству, и мы только боролись с ним с оружием в руках. Но это название, к моему сожалению, быстро распространилось в публике.

Правительство, смотревшее на арестованных прежде социалистов как на заложников, стало вымещать на них свою злобу. Произошло несколько казней. В ответ на это 5 февраля в самом Зимнем Дворце под столовой императора был произведен взрыв динамита, убивший 10 человек из его стражи, контуживший и ранивший 53-х.

Правительство стало заигрывать с консервативными элементами общества, стараясь привлечь их на активную борьбу с революционерами. Наступил период лицемерного либерализма и скрытой жестокости.

Ситуация складывалась следующая. Во главе государства стояло всемогущее правительство со шпионами, тюрьмами и пушками, с его миллионами солдат и добровольных слуг, и ведающих, и не ведающих, что творят; правительство, в борьбе с которым были бессильны все народные восстания, все открытые революционные попытки молодежи. Против этой громадной организации, стягивающей железными когтями всю страну, способной по одному мановению своего повелителя раздавить и уничтожить десятки тысяч его явных врагов, подавленный, но живучий элемент населения – интеллигентная русская молодежь – выдвинул горсть людей, незначительную по числу, но сильную и страшную своей энергией и неуловимостью.

Ей не были страшны многочисленные шпионы, потому что ее оберегали от них способ борьбы, не требующий сближения с посторонними мало известными личностями, и немногочисленность ее рядов, которая позволяла ей выбирать к себе в товарищи только людей испытанных и надежных. Ей были не страшны штыки и армии правительства, потому что она не искала столкновения с этой слепой силой. Ей была страшна только ее собственная неосторожность, которая губила отдельных ее членов.

Ненависть к народным угнетателям всегда была сильна в человечестве, и уже не раз самоотверженные люди ценою своей собственной гибели пытались уничтожить жизнь того, в ком олицетворялось насилие. Но каждый раз они погибали и сами. Акт человеческого правосудия над тираном совершался, но вслед за ним наступало и возмездие.

Самая мысль о цареубийстве стала, наконец, казаться чем-то страшным, трагическим. Она скорее вызывала представление о безнадежном отчаянии, о великодушном самоубийстве, чем о не-

примиримой борьбе с угнетением. Она говорила людям о страшных нравственных страданиях, о невыносимой внутренней ломке, которую пришлось пережить цареубийце, прежде чем он, окончив расчет с жизнью, шел на свой подвиг, и делала этот подвиг исключительным, недостижимым, ненормальным. Цари знали, что таких героев-самоубийц мало – и потому, оправившись от первого потрясения, снова продолжали свои насилия.

Поэтому я предлагал совершенно другой способ борьбы. После свершения правосудия исполнители должны были остаться в живых. Исчезая бесследно, они могли бы снова бороться с врагами, снова жить и работать для своего дела. Мрачное чувство не примешивалось бы к сознанию восстановленного человеческого достоинства.

Массовые революционные движения, где люди нередко восстают друг против друга в силу простого недоразумения, где народ убивает своих собственных детей, в то время как его враги из безопасного убежища наблюдают за их гибелью, в предлагаемом способе борьбы должны быть заменены рядом отдельных, но всегда бьющих прямо в цель политических убийств. Террористическая революция казнит только тех, кто действительно виновен в совершающемся зле, и поэтому представляет собой самую справедливую из всех форм революции. Это борьба силы с силой, равного с равным, борьба героизма против гнета, знания и науки – против штыков и виселиц. Цари и деспоты, угнетающие народ, уже не смогут жить спокойно в своих раззолоченных палатах.

«Народная воля» выдвигала ультиматум: созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права – тогда она прекращает борьбу, занимаясь только пропагандой и агитацией. Власть не собиралась идти ни на какие уступки. Оставался только путь продолжения насилия.

За что же мы боролись? Вопросы справедливости во всех сферах человеческой жизни и деятельности с давних пор глубоко и сильно затрагивали меня. Я много думал об этом предмете и во время моего хождения в народ, и в эмиграции, и во время 29-летнего заточения в политических темницах прежнего режима.

И вот к чему я пришел. Если попытаться проследить историю социалистических идей, то можно отметить, что первой стадией социализма был христианский монашеский коммунизм. Но его недостаток был в том, что монахи рассматривали справедливость только для живущих в данный момент. Вопрос о будущих поколениях и не возникал, так как они считали, что жизнь Вселенной закончится вместе с ними. Эти монашеские коммуны имели естественную смерть, вследствие бесплодия монахов и монахинь. У других же граждан забота о детях не позволяла раздавать взрослым все свое имущество до последней рубашки. Но эта бе-

режливость вырабатывалась чисто инстинктивно. Отсюда следует вывод: монашеский путь социализма – антиэволюционный.

Так какой же путь будет эволюционным? Возникшие в более поздние времена социалистические учения даже не ставили вопрос о том, что для правильного развития человечества каждому современному поколению нельзя тратить на самого себя весь свой заработок, а надо, даже при крайней нужде, «экспроприировать» у себя для улучшения жизни будущих поколений определенное и несравненно большее, чем берется общественными и государственными налогами, добавочное количество продуктов труда. А такой путь является эволюционным, и легко видеть, что это не есть простое «деление всего поровну».

Со времен французской революции мы везде видим в качестве обоснования всех социалистических учений только жалобы на крайнюю обременительность современного труда человека, на то, что у трудящихся насильно отбирается некоторая прибавочная стоимость в виде государственных налогов и податей, в виде рент землевладельцев и прибыли капиталистов. Чтобы исправить эту несправедливость, анархисты предлагали низвержение государства, коммунисты – уничтожение всякой частной собственности, а социалисты – только недвижимой, вместе с орудиями производства. Но для развития общества все эти перемены мало изменяют положение трудящихся, если иметь в виду последующее развитие.

В марксистской литературе, начиная с коммунистического манифеста Маркса и Энгельса, вышедшего в 1848 году, и особенно после выхода трехтомного «Капитала» Карла Маркса, прекрасно разработан весь процесс «экспроприации», или изъятия капиталов из рук рабочих, но оставлено в полной тени и даже освещено совершенно неправильно все, что касается того, на что же идет эта «экспроприированная» часть продуктов. Куда же идет эта громадная прибавочная стоимость?

Легко показать, что ее нельзя всю проесть – тогда все капиталисты давно бы лопнули. Не идет она и на «предметы роскоши», которые описываются в ярких красках: бриллианты на женах и дочерях, роскошные дома, картины, люстры, мебель и т.д.

Чтобы разобраться с этим вопросом, следует ввести коэффициент их индивидуального потребления. Поясню на примере, что такое этот коэффициент. Положим, что мне довольно восьмисот граммов сахара в месяц, а я решу, начиная с будущего года, из обжорства, съесть в два раза больше. В год, значит, я буду съедать лишних без малого десять килограмм. И этот сахар кто-то где-то должен для меня ежегодно воспроизводить.

Значит, я этимотягощу общий труд современного мне человечества на время производства всего этого количества сахара,

заставлю кого-то трудиться на мое обжорство, терять на это соответствующее число рабочих часов. Но все это только потому, что сахар потребляется мною одним, и притом целиком.

А так ли с драгоценностями? На шее дамы бриллиантовое ожерелье, оцениваемое много выше сахара, и получено оно от матери и бабушки. Она его носит год, оно остается неистраченным; она его носит десять лет, а оно все то же; она умирает, а оно цело, как прежде. Его носит ее дочь, положим, тоже десять лет и, разорившись, продает в ювелирный магазин, из которого его покупает другая дама и носит еще десять лет. Не будем следить за его дальнейшей судьбой. И так ясно, что этот «предмет роскоши богатых» сильно отличается от приведенного мною выше сахара. Ясно, что он не изнашивается, совсем не потребляется, а потому и его годовичная потребительная стоимость равна нулю или очень близка к нему. Сколько лет ни носили бы его дамы, и как бы ни переходило оно от одной к другой, все равно: никакому труженику не придется тратить свой труд и время на его ежегодное возобновление, как это происходит при потреблении сахара или табака.

А если прежняя хозяйка решит продать это ожерелье, то для этого нужно, чтобы какая-нибудь другая дама пожелала его купить, т.е. употребила бы на него деньги. Получается заколдованный круг: ожерелье будет, таким образом, передаваться из рук в руки без конца и будет предметом роскоши до тех пор, пока женщины желают его носить на своей шее и способны передавать за него тому, у кого оно находится в продаже, большие деньги. Ожерелье может только передаваться от одного владельца другому, да и деньги, которые передаются за него, не тратятся, а переходят из рук в руки. Покупка их богатыми людьми друг у друга, прямо или через посредников, является вовсе не растратой поступающей к ним прибавочной стоимости продуктов труда рабочих, а лишь передачей права на распоряжение ею в пределах их же собственного класса от одного лица к другому, что совершенно безразлично для трудящихся масс.

Обременительным для трудящегося человечества могло бы быть лишь большое ежегодное увеличение таких предметов роскоши. Запрещение добывать такие предметы роскоши можно бы сделать и теперь, но это оказало бы лишь ничтожное влияние на облегчение общечеловеческого труда, несравненно менее, чем, например, запрещение возделывать табак, ежегодно целиком выпускаемый курильщиками в воздух и требующий все нового и нового ежегодного труда на возобновление своего запаса.

Точно такое же явление общественно-экономической безвредности мы наблюдаем у большинства остальных предметов роскоши богатых.

Их роскошные жилища обыкновенно украшены дорогими картинами, статуями или другими произведениями знаменитых художников и скульпторов. Однако же эти картины и статуи, как и драгоценные камни, никем не тратаются, подобно табаку, ежегодно, а сохраняются неизменными из года в год.

Если бы диктатура пролетариата или земледельческого населения прекратила этот вид роскоши богатых, запретив в своей стране такие производства, как бесполезные для трудового народа, тогда художники и скульпторы, конечно, перешли бы к земледелию или ремеслам. Но они составляют ничтожную часть трудящегося человечества. Упразднение их всех до одного не сократило бы рабочего дня земледельцев и ремесленников даже и на десятую долю минуты.

Правда, есть предметы роскоши, вроде дорогих духов, которые прямо потребляются, но по их всегда вздутой продажной цене нельзя судить об их обременительности. Точно так же необычно вздута и продажная цена бальных и концертных платьев, сводящихся на простую передачу значительной суммы денег из кармана франтихи в карман модистки, которая, конечно, распорядится этими деньгами много лучше. Из общего взгляда на современное производство на земном шаре видно, что число лиц, занятых производством всех вообще предметов роскоши, не достигает и одного процента земледельцев, фабричных, заводских рабочих и промышленников.

Немногим более облегчило бы ежегодный труд трудящегося человечества и запрещение постройки удобных каменных домов богатыми. Обычно нам говорят, сколько стоит постройка большого каменного дома и сколько часов рабочего труда потрачено на него. Но нам совершенно не говорят, сколько десятков, а может быть, и сотен лет этот дом будет стоять после своей постройки и сколько поколений разных людей будут в нем последовательно жить даже и после того, как не будет на свете ни задумавшего его капиталиста, ни построивших его рабочих.

Правда, иногда возникали явления, которые можно бы назвать «безумием роскоши», особенно в аристократической, придворной среде: кем-нибудь овладевала мания строительства таких огромных роскошных домов, одно отопление которых и содержание в чистоте требовало десятка людей. Но эта болезнь почти всегда оказывалась смертельной. Истратив большую часть имущества на постройку для одного своего семейства и прислуги подобных зданий, аристократ или его потомки оказывались потом не в силах его содержать; им часто ничего не оставалось делать, как уступить их под какое-нибудь культурное или учебное учреждение.

Отсюда ясно, что постройка всякого хорошего и долгосрочно-го сооружения всегда полезна для человечества. Она прибавляет

труда современному поколению только для того, чтобы освободить от него целый ряд грядущих поколений, с какой бы личной целью ни строил это сооружение землевладелец или капиталист-предприниматель.

Теперь рассмотрим вопрос о капиталах. Раньше мелкие ремесленники в городах большею частью прямо обменивали свои произведения на пищевые продукты, инстинктивно руководясь при этом их трудовым эквивалентом, т. е. отдавая в продукте своего производства приблизительно такое же количество часов труда, какое и получали в обмениваемом товаре.

Сбережения этих ремесленников были, конечно, ничтожны, за временными исключениями, когда изобретательность кого-нибудь из них давала ему более сокращенный по времени способ производства, но и это длилось лишь до тех пор, пока об изобретении не узнавали другие производители, скоро сбивавшие своей конкуренцией повышенную продажную цену до трудовой ее нормы.

Отсюда и возникло средневековое стремление держать каждое изобретение в секрете для одной своей семьи или рода, не делая его всеобщим достоянием людей и средством для общего улучшения их жизни. Талант, таким образом, зарывался в землю.

Деньги как средство обмена должны были неизбежно войти в употребление и в Западной Европе, как везде, благодаря, главным образом, кочующим торговцам, которым было неудобно обменивать у провинциальных землевладельцев свои ремесленные легкие товары прямо на громоздкие произведения земледельческого труда. Благодаря незначительному весу и малой емкости трудовых эквивалентов, золота и серебра, появилась возможность посредством «торговой прибыли» накапливать в одних руках большие трудовые ценности в виде не портящихся от времени и легко помещаемых в каком-нибудь тайном месте монет и слитков. Никакой пользы ни современникам, ни последующим поколениям человечества, конечно, не было от этих скрытых богатств.

Так продолжалось вплоть до 1716 года, когда Джон Ло изобрел коммерческий банк, впервые примененный в Париже. Здесь Ло основал свой частный банк, превратившийся через два года в государственный.

Идея его была очень проста. Он предлагал всем, у кого, так или иначе, накопилась некоторая прибыль от торгового или другого рода труда: «Не зарывайте своих монет и слитков золота и серебра в землю, не держите их в подвалах и запертых сундуках, не дрожите над ними каждый день, опасаясь, что вас ограбят и зарежут. Несите их ко мне. Я дам вам расписку, по которой вы их получите от меня в любое (или определенное вами самими) время, и я не только ничего не возьму с вас за сохранение, но сам буду

платить вам каждый год проценты». Немало труда стоило Джону Ло убедить современников, что он имеет полную возможность платить ежегодные проценты, употребив отдаваемые ему деньги на постройку новых производительных учреждений, которые дадут банку несколько больший доход, чем он сам платит своим вкладчикам.

Но все банки и подобные им ссудо-сберегательные учреждения могут давать своим вкладчикам проценты лишь тогда, когда они немедленно употребляют их на устройство каких-нибудь приносящих доход, т.е. нужных и полезных, предприятий. Такими являются, например, постройки больших домов в больших городах для нужд квартирантов, постройка пароходов, железных дорог, телеграфов, фабричных и заводских зданий, мастерских, платных учебных заведений, лабораторий для выработки лекарственных веществ, а в земледелии — машин для капиталистической разработки земель, и так далее.

В результате началось поразительно быстрое всеобщее преобразование человеческой жизни, которое в два века сделало неузнаваемой всю земную поверхность.

Понятно, что для банков и акционерных компаний было все равно, в какой стране приложат они свои деньги, и они стали безразлично применять средства своих вкладчиков и в Европе, и в Азии, и в Африке, и в Америке, и в Австралии, везде, где это было нужнее, а следовательно, и прибыльнее; да и сами прибыли банков, капитализируясь в них же, стали делаться орудием дальнейших созданий предприятий, ускоряя их темп в геометрической прогрессии.

Всюду на земной поверхности, как грибы, начали вырастать огромные города; дикие и пустынные места начали превращаться в культурные центры. Капитал стал поощрять науку, расширяющую область человеческой любознательности и подчиняющую власти человека новые силы природы, не говоря уже о технике, которая постоянно изобретала, да и теперь изобретает для трудящихся масс все более и более легкие средства производства, чтобы сократить время их труда, необходимого для удовлетворения насущных и ненасущных потребностей всех существующих людей, и широко подготовить всю землю для более удобной и счастливой, чем наша, жизни грядущих поколений.

Вот куда идет та огромная доля прибавочных ценностей, которую капиталисты земного шара ежедневно получают от продуктов труда сотен миллионов работающего человечества.

Почти вся громадная прибавочная ценность, ежедневно собирающаяся в продолжение почти двух веков капиталистами и крупными землевладельцами и держателями акций, сделала жизнь не только имущих классов, но и трудящейся части нашего поколения

более удобной, чем раньше. Все эти телеграфы, телефоны, железные дороги, пароходы, каналы, города, здания, мосты, болота, превращенные в цветущие луга, и целые отдаленные дикие страны, превратившиеся в центры цивилизации, есть откристаллизовавшаяся прибавочная ценность, поступившая от городских рабочих и деревенских земледельцев в распоряжение имущих классов.

Все это не пропито, не проедено и не проиграно ими на бирже. Все это откристаллизовывалось в прошлом на улучшение жизни современного нашего поколения, а все, что собирается капиталистами теперь, тотчас же кристаллизуется почти целиком на улучшение жизни будущих поколений, да отчасти и современного, в ближайшие же годы.

Капиталист-производитель прежде всего стремится обеспечить сбыт вырабатываемых его рабочими товаров, да и рабочим это не менее важно, чтобы не быть выброшенными из своего производства. А сбыт требует спроса. Но кто же больше всего спрашивает самые обычные, наиболее распространенные товары? Конечно, не ангелы небесные, а те же самые сотни миллионов трудящегося человечества. Отсюда ясно, что для увеличения спроса капиталисту волей-неволей приходится повышать потребительный уровень всего трудящегося населения, а не низводить его до степени самого жалкого существования.

Сбыт товаров можно увеличивать, поднимая, прежде всего, уровень потребления до существующей в Европе нормы, как это и делается теперь в колониальной политике. В результате современный рабочий через посредство капиталиста как бы тянет на свой культурный уровень своих оставших братьев по человеческому роду, отдает, так сказать, свою прибавочную рубашку, т. е. часть прибавочной ценности производимых им товаров. С уменьшением же числа некультурных в капиталистическом смысле стран для капиталиста не останется других средств увеличивать сбыт, как повышая требования своих собственных рабочих, что, впрочем, делается и теперь, как всякий может видеть, сравнив хотя бы современные культурные потребности рабочих во всей Европе с потребностями их дедов и отцов.

Отсюда ясно, что утверждение, будто капитализм сам по себе стремится низвести уровень потребления трудящегося населения до пределов полуголодного и полухолодного состояния, противоречит действительности. Такое состояние было бы губительно, прежде всего, для самого капиталистического строя, потому что уменьшило бы емкость общечеловеческого рынка, т. е. спроса на товары.

Марксистская школа общественной экономии давно установила это, но, к сожалению, не дала ясного представления о потребительной ценности, сводящей все товары к одному знамени-

лю, а потому не указала ничтожности той доли капиталистических доходов, которая идет на личную жизнь капиталистов.

В результате получилось у большинства, если не у всех, ее последователей крайне увеличенное представление о значительной выгоде передачи орудий труда в распоряжение государства или рабочих. А между тем материальной выгоды совсем не будет, если принять во внимание, что при социализации капитализированных учреждений хозяев придется не упразднить, а заменить выборными директорами-распорядителями, которые тоже, конечно, не будут питаться одним воздухом, а лично менее заинтересованы в успешном ходе дел.

Я читал «Манифест» и «Капитал» К. Маркса еще в эмиграции. И до тех пор я много читал по политической экономии – и Адама Смита, и Рикардо, и Джона Стюарта Милля, – но ясно чувствовал, что все они ходят вокруг чего-то основного, но не в состоянии его сформулировать. И вот наглядное выражение Маркса, что «товар есть откристилизовавшийся полезный труд», объединило для меня все формы продуктов в их трудовой ценности, которую до Маркса смешивали с рыночной ценою, тогда как она производит на деле лишь приливы и отливы на уровне трудовой ценности в зависимости от колебаний спроса и предложения на данный продукт. Я понял, что только с этого момента политическая экономия стала действительно наукой, и вывел из основных положений Маркса дальнейшие последствия.

Следует сказать, что о марксизме мы спорили и в Шлиссельбурге. К нам попала статья, критикующая народничество с марксистских позиций. Я, М.П. Шебалин, И.Д. Лукашевич и М.В. Новорусский приветствовали капиталистическое производство не только как силу, организующую рабочих и составляющую революционные кадры, но и как созидующую промышленное богатство страны.

В рамках этих идей я оценивал англо-бурскую войну 1899–1902 годов. Вопреки общему мнению, мои симпатии были на стороне Британской империи, вытеснявшей из Южной Африки республику Трансвааль и Оранжевое Свободное государство, основанное голландцами. В интересах цивилизации в Южной Африке должна господствовать новая прогрессивная и предприимчивая английская раса, а не патриархальная и довольно-таки невежественная раса старинных голландских переселенцев.

С такими мыслями я встретил февральскую революцию. Но то, что происходило потом, внесло определенные коррективы в мои взгляды. Очень трудно было среди этого вихря событий правильно оценить совершающееся на наших глазах. Большинство общественных деятелей оказались в положении лжепророков, несмотря на всю свою убежденность и искренность.

Наша обрушившаяся от собственной гнилости монархия оставила страшно тяжелое наследство. Умышленно разделяя население на обособленные друг от друга касты, она столетиями ослабляла страну, поселяя в разных слоях общества недоверие друг к другу и взаимную вражду, и потопила, наконец, все в потоках человеческой крови. Отнимая в продолжение почти трех лет все-разрушающей войны крестьянские руки от их обычного занятия – земледелия, она не позаботилась даже заменить их в достаточной мере, как в Германской империи, руками пленных. Она отправляла пленных неизвестно зачем в отдаленные места Сибири и Закаспийского края, чуть не на голодную смерть, и даже в центральной России назначала их, главным образом, на малоспециальные работы, вроде канализации и осушения болот. В результате всего этого она поставила перед нами в эти трудные дни призрак самого ужасного из всех земных царей – царя Голода.

Трудно было указать в подробностях пути, которыми мы могли с наименьшими потерями выбраться из безвыходного по внешности положения. Однако и в этом хаосе противоречивых интересов и условий беспристрастное применение к современному моменту основных законов общественного развития человечества могло дать надежный компас.

Прежде всего мы должны были себе сказать раз и навсегда, что монархический образ правления отжил свой век на земном шаре. Он препятствует дальнейшему развитию человечества, ближайшей ступенью которого является образование соединенных штатов всех цивилизованных государств как единственной формы международного союза, которая может навсегда прекратить войны.

В основе всех изменений хозяйственного строя жизни, как и в основе гражданских и религиозных изменений, лежит постоянное развитие человеческого духа от поколения к поколению. Лишь то поколение способно будет осуществить гражданственно-свободный, а не деспотический социализм, у которого угаснут в душах первобытные чувства корыстолюбия, зависти, злобы, ревности, самомнения, суеверия, честолюбия, властолюбия и т.д. Кроме того, гражданственно-свободный всенародный социалистический строй возможен только при высоком развитии человеческой умственности. При безграмотности или полуграмотности большинства и его духовной малоразвитости всякий социалистический строй будет иметь непреодолимую готовность вновь выделить из себя все прежние привилегированные классы частновладельческого строя и перейти в него.

Одна из величайших и прекраснейших задач современной всенародной интеллигенции – готовить грядущее царство все-

общего братства. Но для этого нужно много трудиться. Просто революция в том смысле, как мы обычно понимаем это слово, есть быстрый, насильственный переворот. Таким переворотом, как правильно приспособленным взрывом пороха, можно сбросить без больших повреждений давящую крышу деспотического государства, но нельзя этим способом вырвать из-под него фундамент, т.е. исторически сложившийся экономический строй, без крушения всего здания. Экономический фундамент всякого сложного государства можно только преобразовывать на новый лучший склад, и притом осторожно и гуманно, заменяя в нем камень за камнем в отдельности.

Я считал, что все мы, революционеры, неизбежно должны стать эволюционерами: одни – в области развития и расширения горизонтов человеческой мысли, другие – в развитии гражданственности и гуманности, и третьи, наконец, в последовательном мирном преобразовании междуклассовых экономических отношений на началах справедливости не только к одному какому-либо классу, но и ко всякой живой человеческой душе в своей стране.

После февральской революции я опять окупнулся в политическую борьбу.

В февральские дни я сблизился с партией кадетов. В ней состояли многие мои друзья-ученые и все мы считали, что настало время эволюционного развития общества. Мне даже предлагали пост товарища министра просвещения. Но я посчитал, что это требует очень много времени и я не смогу заниматься наукой. В марте 1917 года я стал членом «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». В нее входили ученые, писатели и общественные деятели. Мы мечтали продвигать знания и культуру в народ. Но развернуть сколько-нибудь широко намеченную работу не удалось из-за общей неустроенности, а после Октябрьского переворота ассоциация была ликвидирована.

Одной из проблем первых дней революции была следующая проблема: «Как уплатить долги и расходы мировой войны?» Решение «экспроприировать у капиталистов их кубышки» оказалось ложным. У капиталистов на деле очень мало денег: поступая от них в банк через одни двери, деньги их тотчас же выходят из него через другие в руки того же рабочего народа, привлеченного банком или прямо, или косвенно (через его должников) на всевозможные полезные работы.

Во всех банках и кубышках фабрикантов, заводчиков, торговцев и богатых землевладельцев, от конца до конца России, не было и двадцатой доли того, что лежит по домам почти двухсот миллионов простого народа и что вложено им в различные кооперативы и ссудосберегательные кассы.

Тогда в России в ходу не было никаких денег, кроме бумажных. Золотая монета ушла за границу, серебряная спрятана не в кубышки капиталистов, которые понимают, что им нет расчета держать у себя в сундуках неполновесное серебро, а у самой беднейшей части населения, не знающей, что в этих монетах действительного серебра очень мало, и что они не стоят той цены, которую за них дают.

Избыток бумажных денег – это самый страшный яд для общественного организма. Он вызывает в нем конвульсии, лихорадку всеобщей неуверенности в завтрашнем дне, ажиотаж, спекуляцию, приостановку работ. Единственно верным противоядием является в этом случае изъятие избытка денег путем распродажи государственного имущества. Однако можно перевести эту опасную болезнь из острого состояния в более безопасное, хроническое, и путем процентных займов, обратно возвращающих часть денег в казначейство и избавляющих его от необходимости выпускать новые дозы отравы.

У нас не было по многим причинам возможности продать государственное имущество и потому можно было избавиться от отравы, подписавшись на заем свободы и этим перенести часть нашей тяготы на будущее поколение.

Поправить наше положение можно было поднятием нашей производительности путем возможного увеличения часов рабочего времени на фабриках и заводах и путем повышения производительности культурных земель.

Мы считали, что разоренная войной, нищая крестьянская страна не готова к социализму и подготовить Россию к этой новой стадии общественной жизни может только всемерное развитие капиталистического производства. Для построения социализма в разоренной войной стране нет необходимых условий – мощной развитой промышленности и жизнеспособного сельского хозяйства. В этой ситуации экспроприировать наличные ресурсы и распределить их «по справедливости» означало бы создать непреодолимые трудности для будущих поколений. Для нормального социально-экономического развития нужны накопления и излишки, а не имущественное равенство, утвержденное насильственным путем.

Временному правительству, прежде всего, нужно было решить вопросы о земле и о мире, но этого не было сделано. Поэтому и созыв Государственного совещания, представленного в печати как общероссийский форум с участием крупнейших государственных и политических деятелей страны, не принес успокоения.

Выступившие на Государственном совещании Плеханов и Кропоткин были единодушны в своем стремлении остановить разрастающуюся в стране междоусобицу. Капиталистам они доказывали необходимость пойти навстречу рабочим, а рабочих угова-

ривали не предъявлять предпринимателям невыполнимых требований и не прибегать к насилию. Правительство же Плеханов и Кропоткин призывали к широким социальным реформам. Я объяснял, что представление о выгодности перехода орудий труда в руки рабочих неверно, так как выборные директора не будут так заинтересованы в успехе дела, как хозяева предприятий – капиталисты. Поднять подорванное войной производство могла бы постепенно хорошо подготовленная национализация промышленности, а не ее насильственная экспроприация. Я называл отношения между рабочими и капиталистами взаимовыгодными и призывал оба противоборствующих класса осознать свою великую эволюционную роль.

Когда капитал окончил бы свою культурно-эволюционную миссию, т.е. довел бы всю земную поверхность через ряд поколений до цветущего состояния, он умер бы своей естественной смертью, благодаря тому, что ни один банк, после окончания этой миссии капиталом, не мог бы давать своим вкладчикам никаких процентов.

Владельцам земель, фабрик и заводов стало бы некуда отдавать свою прибавочную стоимость, а растратить ее на себя они не были бы в силах по той же самой причине, о которой я говорил ранее, потому что большинство бросающихся в глаза предметов роскоши долговечны и потому редко возобновляются, а съесть и выпить человек не в состоянии даже вдвое более того, что вмещает его желудок.

Кроме того, понятно, что низведение банками к нулю процента за вклады произошло бы не сразу, а постепенно. Поэтому и капиталистам пришлось бы в соответствии с этим понижать свою прибавочную стоимость, с которой им нечего было бы делать, а потому и уменьшать время рабочего труда, в особенности благодаря тому, что постепенное развитие образования, как среди них самих, так и среди трудящихся физически народных масс сделало бы их вкусы более культурными, чем теперь, задолго до окончания процесса социализации всего через капитализм, и направило бы их на улучшение жизни всех людей.

Такова схема марксистского перехода к всеобщему социализму. Несомненно, что она является наиболее строго законченной из всех социалистических гипотез улучшения быта людей, так как покоится на психологической основе, т.е. соответствующей эгоцентрическому складу человеческой души настоящего, да, безусловно, и многих следующих поколений.

Капиталисты, не сознавая этого, стремились до сих пор и теперь стремятся как можно скорее приспособить к наилучшему пользованию грядущих поколений человечества весь земной шар,

заставив для этого рабочих трудиться в дополнительные часы, и таким образом являются фактором прогрессивным.

Рабочие же стараются как можно более сократить эти излишние часы, и потому бессознательно являются фактором консервативным. Ведь им непосредственно нет выгоды от того, что капиталист на их избыточный труд увеличивает мировое богатство или поднимает на высший потребительный уровень полудикие народы, и это их чувство совершенно понятно с эгоцентрической точки зрения. Однако не их воля и не воля капиталистов, а железный закон движения жизни все вперед и вперед обуславливает и величину придаточного труда в каждый данный момент, и средний уровень потребления человечества.

Всеобщая бессознательность в борьбе капитала с трудом и труда с капиталом, тогда как на практике происходит их обоюдное сотрудничество в достижении той же самой великой и доброй цели, видна на каждом шагу.

Каждый отдельный собственник может распорядиться своими доходами как хочет, но только при одном условии: лишить другого собственника права распорядиться его доходами на эту же самую сумму.

Ради этой-то иллюзии собственности капиталист или крупный землевладелец трудится иногда в поте лица не менее своих рабочих, контролируя правильность хода работ, изыскивая новые рынки для сбыта их произведений, меняя места сбыта в зависимости от спроса и т.д., и т.д.

И он, как его рабочие, эгоцентричен в душе, но железные законы жизни при капиталистическом строе обращают результаты чисто себялюбивой деятельности его и их на пользу грядущим поколениям, и эти же законы обуславливают необходимое время человеческого труда в каждую историческую эпоху. Капиталист фактически не может увеличить число трудовых часов рабочего более того, сколько их нужно, чтобы производство не переполняло рынка и не вызвало торгового кризиса, а рабочий не может сократить при капиталистическом строе этих часов своего труда до такой степени, когда капиталист, а за его спиной и другие поколения человечества, уже не получит никаких выгод.

В сентябре 1917 г. я стал членом некоего парламента. Призыв: «подавить распри, объединиться для спасения Родины» потонул в партийной полемике. Сохранить демократические свободы, не подкрепив их социально-экономическим освобождением народа, было невозможно.

Никто из лидеров либерально-демократических партий, участников парламента, не выдвинул соответствующей стремлениям крестьянства программы. Зато это сделали большевики и

эсеры. Вот почему масса народа, поначалу доверявшая Временному правительству и ожидавшая от него коренных перемен, к осени 1917 г. уже отошла от капиталистов на сторону революционных рабочих.

Вопрос о земле был очень важным, но беда была в том, что в стране не было особых запасов свободной земли. На одной лекции для крестьян я вступил в спор с лектором. Он считал, что крестьяне получают прирезку от монастырских земель. Но ведь и монахи, и монашенки почти все из крестьян: пахотные земли у них вспаханы, луговые — скошены, а лесные утилизируются, как и у крестьян. Напротив, при уравнительном разделе от крестьян придется, по-видимому, еще отрезать для бывших монахов и монахинь, потому что теперь у них меньше земли на душу, чем у крестьян. Лектор считал, что монахам и монахиням не будет ничего оставлено; они будут переселены на свободные земли в Сибирь.

Крупные помещики обрабатывают землю машинами, где один рабочий в день нарабатывает за семерых земельных крестьян. При равномерном распределении земель упадет производительность. Будет уничтожено применение машин к земледелию. Другое дело, у крупного землевладельца, или когда не земля будет разделена на наделы, как у нас теперь, а сами плоды земли после сбора будут делиться между всеми участниками. Тогда будет все равно, с какого места начать косить и каким кончить. Но это изменение всего крестьянского быта. Обобществление всего.

Все удельные и казенные земли Европейской России почти везде, где они удобны для разработки, разработаны чьими-то руками, а болота, тундры, солончаки и пески делить бесполезно; казенные и частные леса не только не надо делить для быстрого использования, а надо отдать под государственную опеку, так как их в большинстве губерний слишком мало, и что вообще девиз «Земля и Воля» имел реальный смысл лишь в пятидесятые годы 19-го века, когда он возник, т.е. пока он обозначал всем понятную вещь: освобождение крестьян от крепостной зависимости с наделом обрабатываемой ими земли. А теперь для наделных крестьян он являлся лишь миражем, так как переселить насильственно в Сибирь всех, кто до сих пор обрабатывал ежегодно и притом целиком в Европейской России все удобные монастырские, церковные, частновладельческие, удельные и казенные земли, фактически невозможно и не гражданственно, так что «Земля и Воля» теперь не общекрестьянский, а исключительно батрацкий и мелкоарендаторский девиз. Да, кроме того, и батраки не возьмут одной земли, без материального обеспечения им возможности продуктивно работать на ней. Ну, а сколько десятков или даже сотен миллиардов денег, целую их гору, надо раздобыть, чтобы

устроить все это миллиону батраков, когда в государственном казначействе нет ничего, кроме многих миллиардов долгов?

Многие после Февральской революции смотрели на земельную социализацию, как на простое сохранение и насильственное распространение на всех земледельцев уже почти распавшейся фактически среднерусской крестьянской общины, создавшейся при крепостном праве, с прибавкой к ней обязательного передела земли только внутри общины, через каждые двенадцать лет.

Возможны были только два решения земельного вопроса. Первое – полное обобществление, но к нему крестьяне были не готовы. Второе – полная частная собственность на землю и все находящиеся на ней постройки с правом передачи путем продажи или завещания.

Я считал, что, с точки зрения эволюционной социологии, заботясь о судьбе будущих поколений, при этой форме наиболее целесообразно не ограничение максимума земельной собственности, а, наоборот, ограничение ее минимума, т.е. установление наименьшей величины земледельческого участка, который семья, при помощи усовершенствованных машин, могла бы обработать лично, без чрезмерного напряжения сил. Несомненно, что эта культурная земельная единица была бы много больше тогдашнего крестьянского надела, и быстрый переход к ней от него было бы невозможно осуществить.

Пришлось бы ожидать, пока малоземельная часть населения не продаст сама таких недостаточных участков, как невыгодных, соседям, или даже не соседям, и не перейдет таким образом от земледелия к другим родам труда, не менее важным и не менее нужным для человечества. Таким образом, увеличилось бы относительное количество людей, занятых неземледельческим трудом, и разрешилось бы земледельческое население без нарушения равновесия; так как применение машин к земле и успехи культуры дали бы возможность прокормить всех.

«Право каждого живого человека на землю» – такая же фикция, как и право всех быть художниками, актерами, музыкантами, плясунами на канате и т.д.

Не менее очевидной мне виделась возможность постепенной национализации земель; например, мы имели в некоторых государственных лесах разработки их наемными артелями рабочих, это и есть уже готовая национализация земель. Мы наблюдали то же самое на городских землях; это – муниципализация земель, хотя и не в полном виде, так как на них нет постоянных помещений для рабочих, но, очевидно, и они возможны.

Пример мелкой социализации земли, т.е. коммунального владения ею в небольших общинах, мы видели в монастырских общестиях, но никак не в современных деревенских крестьянских

общинах, которые обнаруживают все неудобства и частной, и коммунальной собственности.

Аналогичные же попытки образования мелких коммун делались толстовцами, а также и фурьеристами, оуэнистами и т.д., но все они быстро саморазрушались, хотя и тратили весь свой труд только на себя.

Значит, все три возможные формы социализма уже отчасти осуществлены или осуществлялись на практике.

Необходимо ввести во всеобщее сознание, что никакие социалистические перемены не могут принести существенных материальных выгод для современного им поколения или сократить его рабочей труд хотя бы на полчаса в день, не подкосив будущность детей, внуков и всех дальнейших потомков его и не отдалив наступления царства всеобщего братства на много веков.

Приблизить же царство братства может только упорный труд нас всех и особенно – труд интеллектуальный.

Я участвовал в выборах в Учредительное собрание по спискам партии кадетов. Все это время у меня было тревожное настроение. Я предвидел уже неизбежность гражданской войны, бедствий голода и разрухи как ее результатов и потому сознательно занял примиряющую позицию среди враждующих между собой партий, но вскоре убедился, что это совершенно бесполезно и что удержат от эксцессов стихийный натиск народных масс будет так же трудно нашим политическим партиям, как остановить ураган простым маханьем рук.

После разгона Учредительного собрания я бесповоротно и решительно ушел из политики. В науку и ее преобразующую силу я верил безгранично. Именно она должна была способствовать не только подъему разрушенного войной и революциями хозяйства, но и облагородить нравы, ожесточенные братоубийственной бойней. Темнота и невежество были несовместимы с демократическими свободами. Просвещение народа, распространение научных знаний неизбежно содействовало гражданскому взрослению общества, утверждению в нем принципов свободы и прав личности. Здесь я мог принести пользу, и этим я и решил заняться.

В заключение Николай Александрович сказал:

– К сожалению, нам еще о многом не удалось поговорить. Вы говорили, что у Вас в Ленинграде есть родственники и Вы их время от времени посещаете? Так вот, когда Вы будете в Ленинграде, милости прошу к себе, только сообщите заранее. Вот тогда мы и продолжим наш разговор.

Глава II

В ЛЕНИНГРАДЕ

Очень скоро С.А. Стебакову случилось съездить к родственникам в Ленинград. Он списался с Николаем Александровичем и при первой же возможности поспешил на проспект Маклина, к дому № 32. Здесь размещался Научно-исследовательский институт имени П.Ф. Лесгафта, здесь же находилась и квартира Морозовых. Через низкие ворота, невзрачный двор, по темной лестнице, он поднялся во второй этаж, в квартиру № 31. В прихожей его встретили Николай Александрович и Ксения Алексеевна. Оба – сама любезность. Сразу же пригласили в столовую пить чай. Посредине комнаты большой обеденный стол, дубовые резные стулья, а стены в картинах первоклассных русских художников. После чая хозяева и гость перешли в большой зал, который являлся одновременно приемной и рабочим кабинетом Николая Александровича. Здесь все стены также были увешаны картинами. Несколько портретов и скульптур Морозова. На столах и диванах везде книги. А на рояле и письменном столе – рукописи и материалы еще не законченных или не напечатанных трудов, исследований и работ ученого. Николай Александрович пребывал в очень хорошем настроении, бодр, весел, полон энергии.

Неожиданно к Николаю Александровичу пришел посетитель с неотложными делами. Попросив извинения у гостя и оставив его на попечение Ксении Алексеевны, Морозов с посетителем ушел в институт.

Ксения Алексеевна с удовольствием показал гостю 26 толстых рукописных книг-тетрадей в самодельных переплетах. Все они были пронумерованы, на некоторых стояла дата, когда эти тетради были закончены. Молодой человек с интересом стал их пролистывать, делая, с разрешения хозяйки, пометки для себя.

Одиннадцать тетрадей посвящены работам по химии. Это тома 1, 3, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 26. Общий объем этих тетрадей – более четырех с половиной тысяч страниц. Это материалы к работе «Строение вещества», черновики и окончательные варианты этой работы. Первая тетрадь была заполнена в 1889 году, а последняя в 1905 году.

Второй и третий том содержат научно-популярные статьи и материалы к ним. Всего там чуть больше трехсот страниц. Эти работы датируются 1890–1893 годами.

Томы 5, 8, 17 и 25 посвящены математике. Здесь работы «Функции, дифференцирование и интегрирование», «Начала векториальной алгебры и их генезис из чистой математики», «Аллотропическое состояние 4 метаморфоз алгебраического количества» с рецензией Лукашевича,

а также «Заметки и вычисления по чистой математике, геометрии и механике». Всего около тысячи двухсот страниц.

Две тетради, 19 и 24, посвящены работе «Основные начала физико-математического анализа», всего более восьмисот страниц.

Том 21 – работа «Законы сопротивления упругой среды движению тел. Аналитические исследования». Это самый тонкий том, всего 90 страниц.

Тома 18 и 23 посвящены работе «Откровение в грозе и буре» и заметкам к ней. Всего восемьсот страниц.

И четыре тетради, 6, 16, 20 и 22, содержат вычисления, выписки, заметки и наброски по математике, физике, химии, ботанике, биологии, истории культуры в связи с работой над «Апокалипсисом» и «Пророками», заметки по астрономии, стихотворения, письма родным и их ответы, заметки по физике, письмо Бекетову о строении вещества и многое другое. Всего около двух тысяч страниц.

Даже беглый просмотр тетрадей не оставлял сомнений в огромной эрудиции ученого. Вот и сейчас в его кабинете лежали рукописи по истории человечества и астрономическим изысканиям о влиянии «Угольных мешков» Млечного пути на жизнь нашей планеты Земля, над которыми он работал последнее время.

Ксения Алексеевна разъясняла возникающие вопросы. Было видно, что она во всем этом разбирается. И это не удивительно. Еще в Мос-

кве Морозов говорил, что его супруга – это помощница и бессменный секретарь в его научной деятельности. Она разбирает его обширную корреспонденцию, готовит ответы на некоторые письма, помогает в чтении корректур. Кроме того, Ксения Алексеевна, разумеется, ведаёт всеми житейскими и хозяйственными делами, которых Николай Александрович не касается вовсе.

Ксения Алексеевна показала гостю толстый альбом-гербарий растений и цветов, собранных в Шлиссельбурге. Здесь были мхи, лишайники, грибы, наросты на березе, папоротники, цветы, злаки – все то, что удалось собрать в Шлиссельбургской тюрьме, что выращивалось на нелегальном огороде внутри тюремных стен, и все то, что случайно попадало в эти стены. Молодого человека поразило, насколько тщательно был разделан каждый листочек, каждый усик, каждый цветок, как старательно все это наклеено на бумажные листы. Каждый лист гербария производил впечатление художественного произведения, старательно нарисованного.

Но вот вернулся Николай Александрович. Он посетовал, что много времени забирает административная работа:

– Мне хочется работать для науки. Столько идей вертится в голове. Административная работа – нечто вроде диспетчера, который распределяет автомобили, а ездят на них другие. Для ученого лучше всего быть знаменитым после смерти. Тогда уже никто не будет мешать его работе.

Николай Александрович привел пример Д.И. Менделеева, которому мешали всякого рода посетители:

– Ему говорят: «К Вам посетитель». Он: «Опять посетитель. Опять нужно белые камергерские штаны надевать». Так однажды пришел к нему посетитель. Дмитрий Иванович надел свои камергерские штаны белые, пошел показывать по плохо отапливаемому помещению Палаты мер и весов, простудился и умер. У меня не было давно (с незапамятных уже времен) ни одного дня, к вечеру которого не оставался бы хвост недоделанных дел, хотя с утра не теряю даром ни одной минуты времени, иначе как на еду да питье.

Эти разговоры и просмотренные рукописные книги определили тему их дальнейшей беседы – занятие наукой в Шлиссельбурге. Вот что записал в своих заметках об этой беседе С.А. Стебаков:

Даже в период своего «хождения в народ» я собирал растения, насекомых, минералы, как бы пополняя свои прежние коллекции. В эмиграции я находил время слушать лекции в Женевском университете, встречаться с географом Элизе Реклю и астрономом Камилем Фламарионом. К моменту своего ареста я был в курсе основных открытий в области естествознания и точных наук и довольно свободно ориентировался в их проблематике.

Сразу после суда было несколько лет такого полного одиночества, что я почти разучился говорить и не узнавал своего собственного голоса. Вот в это-то первое время и сложилась у меня, в общих чертах, та теория, которой, в основном, я и занимался в Шлиссельбурге. Вероятно, только это счастливое обстоятельство, наполнившее пустоту моей жизни, и спасло меня от сумасшествия.

Вообще-то диапазон научных моих занятий в тюрьме был широк: я работал в области естествознания, математики, химии, физики, минералогии, геологии, астрономии, политической экономики, истории и ряда других наук.

На первых порах я не имел возможности использовать научную литературу. Только в последние годы пребывания в крепости, когда условия содержания были несколько смягчены, мы стали получать некоторые печатные издания: «Журнал Русского физико-химического общества», мой самый любимый для чтения журнал, «Научное обозрение», «Климат», «Вестник Европы», «Нива», «Chemical News» и др.

Книги попадали в крепость полулегально – тюремный врач, доктор Н.С. Безроднов, отдавал их в мастерскую «для перепле-

та», и я имел возможность ими пользоваться. Он же приносил мне химические реактивы и лабораторную посуду, так что я мог даже проводить некоторые опыты и обучать этому своих товарищей. Я имел возможность пользоваться довольно значительным количеством книг на русском, французском, английском и немецком языках. Всего я в то время владел десятью иностранными языками.

В Шлиссельбурге я несколько лет занимался астрономией, конечно, без телескопа, по одним книгам и атласу, но я настолько хорошо помнил наши северные созвездия, что по вечерам узнавал каждое из них вверху через окно. Года 2 или 3 я специально занимался здесь ботаникой, разводил цветы в крошечном садике, а для зимних занятий составил гербарий, в котором набралось более 300 видов растений. Кроме всего этого я занимался постоянно теоретической физикой и химией, а через некоторое время даже имел в своем распоряжении хороший микроскоп.

Затем я почти все время посвящал работе над книгой «Строение вещества» – и чувствовал невыразимое удовольствие всякий раз, когда после долгих размышлений, вычислений, а иногда бессонных ночей мне удавалось найти порядок и правильность в таких явлениях природы, которые до этого казались загадочными.

Я настойчиво, день за днем, обдумывал и набрасывал на бумаге гипотезы и соображения, делал бесконечные вычисления, составлял таблицы и схемы. Впереди была – если вдуматься – одна безнадежность. И все-таки я работал.

Я каждый новый день ждал с нетерпением, так как каждый новый день позволял мне продвинуться вперед в разработке моих научных идей.

В чем была суть моей работы по химии?

Еще в 1816 г. английский ученый В. Праут высказал гипотезу, согласно которой водород является первичной материей всех веществ, и что многообразие элементов может быть объяснено различными сочетаниями атомов этого вещества. Среди первых книг, которые разрешили передать мне в камеру, была книга А. Секки «Единство физических сил (опыт естественнонаучной философии)», опубликованная на русском языке в 1873 г. В этой книге мое внимание привлекло изложение работ французского химика Ж.Б. Дюма, который в 1857–1858 гг. провел аналогию между изменениями эквивалентных весов в группах сходных химических элементов и изменениями молекулярных весов в гомологических рядах органических соединений.

Развивая идеи Праута и Дюма, я начал изучать основные органические вещества и сразу увидел, что можно из системы карбогидридов (углеводородов C_nH_n) составить периодическую систе-

му по аналогии с периодической системой химических элементов Менделеева. Обе периодические системы оказались поразительно похожи. Различие их состояло лишь в одном: если у элементов изменения химических свойств наблюдались при возрастании «павового веса», то у углеводов те же изменения происходили при его убывании. Одна периодическая система являлась как бы зеркальным отражением другой.

Подобные представления привели меня к выводу, что такое сходство не может быть случайным и обе системы должны подчиняться некоторому общему структурному закону. Так я пришел к заключению, что атомы химических элементов не могут представлять собой нечто неделимое, а должны состоять из нескольких компонентов. Длительные размышления привели меня к выводу, что в образовании атома принимают участие протонводород h (вес атомикула 1), протогелий x (вес атомикула 2) и небулэзий или архоний Z (вес атомикула 4), анодий $Ап$ и катодий $Кт$, которые несут в себе положительное и отрицательное электричество. Индивидуумы x , h и Z должны реально существовать в природе как последняя ступень осложненных первичных единиц, из которых построены атомы тех металлов и металлоидов, которые я определил именем археогелидов. Археогелидами я называл химические атомы элементов, образовавшиеся из более мелких частиц – архония и гелия. Архоний – газ небесных туманностей – частица Z с восемью электроотрицательными единицами сродства. Я предполагал, что неизвестный, или еще неузнанный, химический элемент Z , играющий роль углерода в периодической системе современных минеральных элементов, вероятно, является представителем совершенно особой системы архаических элементов, глубоко погребенных в недрах современной Земли.

Я боялся, как бы мое введение электрических зарядов – $Кт$ и $Ап$ – в структуры атомов не скомпрометировало в глазах современных химиков и остальной части общества моей работы. В то время мне и в голову не приходило, что опытная физика уже стоит накануне одного из величайших открытий, которое должно было сразу преобразовать прежние представления об электрических явлениях как раз в том смысле, какой указывала для них моя теория.

Действительно, что такое мой катодий и анодий? – Те самые отрицательные и положительные электроны, или электрические атомы, о которых теперь все говорят и пишут.

Я считал, что если закон периодичности есть действительно физический закон, а не искусственное эмпирическое сближение разнородных физических факторов и химических индивидуумов, не имеющих на деле ничего общего между собою, то он должен быть в то же время и законом, выражаемым математически. И эту

мысль я подтвердил рядом алгебраических формул, отображающих функциональную зависимость между атомным весом, валентностью и числом звеньев интраатомной цепи.

Периодическое подрастание и падение валентности элементов я связывал со степенью их ионизации, зависящей от внутреннего строения атомов. В связи с объяснением периодичности валентности мне удалось разработать структурную модель молекул. Тогда получалось, что все химические реакции происходят благодаря существованию у молекул «пунктов сцепления», отражающих их отрицательные и положительные валентности. Сумма положительных и отрицательных валентностей всегда равна восьми, за исключением водорода и гелия, сумма валентностей у которых равна двум, причем водород имеет один пункт сцепления.

Дальнейшее сравнение обеих периодических систем показало, что таблица Менделеева должна быть дополнена еще одним, совершенно отсутствующим в ней столбцом химически неактивных элементов, аналогичных предельным углеводородам в таблице карбогидридов. Я подсчитал приблизительные величины их атомных весов: 4; 20; 40; 82; 128 и т.д. По моим соображениям, все они должны быть легкими инертными газами, по всей вероятности, входящими в состав земной атмосферы. Интересно отметить, что именно так и оказалось, когда эти элементы были открыты. Но именно этот вывод вызвал главные возражения со стороны моего товарища по заключению – И.Д. Лукашевича – первого критика моей теории. Он отмечал, что земная атмосфера достаточно хорошо исследована и присутствие в ней неоткрытых газов представлялось ему совершенно невероятным. Какова же была моя радость, когда я узнал, что в Англии В. Рамзай и Д. Рэлей в 1894 году открыли в атмосфере химически инертный элемент, названный аргоном. В тот же самый момент, как я узнал, что его атомный вес близок к 40, он был зарегистрирован мною в то самое место периодической системы Менделеева (дополненной на основании моих структурных представлений недостававшей в ней полной 8-й колонкой), где он теперь и находится. После этого у меня уже не было ни малейшего сомнения, что будут открыты и все остальные элементы этой необходимой для меня серии, и открытие каждого нового ее члена было для меня настоящим праздником.

Для меня было ясным, что инертные элементы являются тем мостом, который связывает химию и физику и прокладывает путь к исследованию структуры атома. Этот столбец стал ключом к пониманию периодической системы. Поэтому естественно, что я поместил безвалентный по водороду столбец справа и в дальнейшем подчеркивал необходимость объединения нулевого и восьмого столбцов таблицы Менделеева в один, расположенный справа.

Мне было совершенно ясно, что безвалентность инертных элементов вызвана «насыщением» всех восьми их свободных валентностей. Следовательно, эти элементы, наиболее сложные в своем ряду, и должны его замыкать, а не начинать, так как в периодической системе наблюдается развитие элементов от простого к более сложному. Кроме того, при сравнении системы Менделеева с системой углеводородных радикалов оказалось, что гелий и водород располагаются над столбцом инертных газов в соответствующих таблицах. Размышляя об особом положении этих газов, я пришел к выводу, что оно тесно связано с происхождением химических элементов из более простых, к которым, прежде всего, следует отнести водород и гелий.

Спектральный анализ — это могущественнейшее орудие исследования химического состава светящихся миров — создал новую эру в истории естествознания и сделал легко осуществимым то, о чем до этого не смели и мечтать. Спектроскопические исследования, проведенные в конце XIX века, показали, что как наша планетная система, так и самые отдаленные звезды и туманности состоят из тех же элементов, которые были найдены на Земле. Новые данные, полученные в области астрономии, позволили ученым приступить к решению проблемы образования из первичной материи химических элементов, а также превращения одних элементов в другие.

Объединяя данные физики и астрономии, из которых следовало, что как наша планетная система, так и самые отдаленные звезды и туманности состоят из тех же элементов, которые были найдены и на Земле, я занялся разработкой эволюционной теории образования химических элементов, а также превращения одних элементов в другие.

Я задал себе вопрос, можно ли заключить, что каждый из известных нам до сих пор семидесяти восьми видов материи так же вечен, как и она сама; что газы нашей атмосферы, металлы земной коры и все вообще химические элементы, наблюдаемые нами на небесных светилах, не произошли и не происходят где-нибудь теперь, среди туманных скоплений, носящихся в бездонной глубине небесных пространств?

Конечно, нет. Атомы химических элементов тоже должны совершать свою эволюцию в бесконечной истории мироздания.

Таким образом, вопрос о происхождении химических элементов я неразрывно связывал с общей эволюцией небесных тел. Поэтому, рассматривая процессы, приведшие к образованию современных химических элементов на Земле, я широко привлекал все известные в то время астрофизические данные. Я обратил особое внимание на изменение процентного содержания химических

элементов на разных глубинах туманности Ориона, имеющей однородный химический состав. Рассматривая спектроскопические наблюдения звезд и туманностей, комет и планет, я высказал ряд предположений о происхождении этих объектов. Проследив эволюцию химических элементов в космосе, я поставил вопрос о возможности их разложения и синтеза в земных условиях.

Можно было вывести и законы их образования из трех компонентов небесных туманностей – протогелия, протоводорода и небулэзия, но каким путем их создала природа, оставалось лишь гадать по тем отрывочным фактам, которые доставляла нам только нарождавшаяся тогда химия неба.

Многочисленные накопившиеся факты и их обобщения, которыми мы обязаны, главным образом, великому исследователю этой области знания, английскому астрофизику Локьеру, дают нам возможность проследить историю наших металлов и металлоидов на каждой стадии развития небесного светила и удостовериться собственными глазами, что все они – продукты эволюции звезд в определенный период их жизни и что они одни и те же на каждой звезде в ту же самую стадию ее развития.

Следствием моей теории было предположение, что раз в процессе образования химических элементов гелий и водород играют главную роль, то они должны быть наиболее распространенными в космическом пространстве. Мы сегодня знаем, что так оно и есть.

Однако я понимал, что для разложения и синтезирования элементов нужны не обычные химические средства, а особые физические методы. Уже после тюрьмы в 1910 году я, проанализировав явления радиоактивного распада, подробно рассмотрел его сущность и пришел к выводу, что при радиоактивном распаде сначала отделяются «наиболее наружные компоненты» – электроны, а затем – полуатомы гелия.

Позже я с восторгом узнал об открытии В. Рамзаем и Ф. Содди превращения эманации радия в инертный газ – гелий. Я увидел в этих открытиях зарю новой эры в развитии химии, когда чудеса науки о превращениях вещества превзойдут самые экстравагантные мечтания.

В «могучей новой силе» – радиоактивности – я видел современного Геркулеса, который поднимет закон Менделеева на новый уровень.

Еще один вопрос, который я рассматривал в это время, – представления о природе растворов.

Я считал, что само существование раствора требует, чтобы между избыточными ненасыщенными пунктами сцепления у молекул растворенного тела и такими же пунктами у молекул ра-

створителя образовались ритмически-переменные связи. Благодаря этой переменности молекулы растворенного тела будут как бы перебрасываться от одной молекулы растворителя к другой, смотря по случайностям своего положения, и весь раствор скоро примет однородный состав, т.е. в каждой его части отношение между количеством растворенного тела и растворителя будет одно и то же. То есть растворенное вещество активно взаимодействует с растворителем. Общей точкой зрения на природу растворов в это время была такая: молекулы растворителя представляют собой лишь механическую среду, в которой размещается растворяемое вещество. Следовательно, полностью отрицалась какая-либо химическая связь между растворенным веществом и растворителем.

Молекулы всякого растворителя находятся в непрочных, постоянно разрушающихся и постоянно возобновляющихся химических соединениях с молекулами растворимого в нем вещества. При этом происходит распадение молекул растворенного тела на ионы в электролитических растворах.

Я считал, что частицы вещества будут скользить или плавать в растворителе, прицепляясь поочередно к различным его молекулам. Молекулы растворимого тела будут химически присоединяться то к одной, то к другой молекуле растворителя, которая удобнее расположится после разрыва связи с предыдущей. Можно сказать и наоборот, что все молекулы растворяющей среды будут, как бы по очереди, сменять друг друга на свободных пунктах сцепления ионизированных или неионизированных молекул растворителя, как часовые на своих постах.

Всякое представление о паевом соотношении здесь исчезает, и оба вещества окажутся смешивающимися друг с другом во всех пропорциях, пока не настанет известный максимум, обусловливающий насыщение растворителя.

Связи не имеют постоянного, неизменного напряжения, но ритмически то усиливаются, то ослабевают, вероятно, в связи с тепловыми и световыми колебаниями окружающей среды. Вот как можно пояснить это наглядным примером, рассматривая несколько лодок с прикрепленными на них магнитами. Пусть по океану идет флотилия. Если в океане поднимается легкое волнение, то самостоятельные качания каждой лодки будут поочередно раздвигать и сближать связывающие их полюсы и взаимное сцепление их будет ритмически то усиливаться, то ослабевать; но каждая пара лодок все еще будет оставаться в связи между собою, и общая форма и строение всей флотилии не изменятся, хотя и увеличился ее контур. Если волнение в океане будет усиливаться все более и более, то наступит, наконец, такой момент,

когда оттолкнувшиеся лодки будут удаляться настолько далеко друг от друга, что в их промежутки будут вступать и другие случайно отброшенные лодки, и сами они будут входить в сферы действия новых. В таком случае все связи флотилии из ритмически-постоянных обратятся в ритмически-переменные, и она потеряет свою определенную форму и гексагональное строение, хотя все лодки и будут плыть еще как одно внутренне-подвижное целое.

То есть существует некоторый порядок в размещении частиц жидкости. И сила молекулярного сцепления между частицами в жидкости оказывается постоянной величиной лишь в смысле среднего арифметического, да и то при постоянной температуре.

Таковы были основные идеи работы «Периодические системы строения вещества». В это время многие авторитетные русские ученые придерживались мнения об абсолютной неразложимости атомов. Они отвергали идею об их сложном строении и их эволюции.

В первый раз я пытался освободить свою рукопись от тяготевшего над ней вместе со всеми другими моими научными работами бессрочного заключения еще в конце 90-х годов. При посещении крепости тогдашним министром внутренних дел Горемыкиным я его просил отдать ее в распоряжение Д.И. Менделеева или Н.Н. Бекетова. Но, получив книгу, Министерство внутренних дел почему-то не пожелало исполнить мою просьбу и дало ее только на просмотр проф. Д.П. Коновалову с обязательством возвратить ее обратно после просмотра.

Но я тогда не знал, кому пошлют книгу на рецензию, и считал, что это будет Н.Н. Бекетов, поэтому написал такое предупреждение для своей рукописи: «Моя работа – не компиляция общепринятых истин или фактов. Она трактует предмет, о котором идут в настоящее время горячие споры. Вопрос о сложном строении атомов имеет еще много почти фанатических противников».

Но рукопись послали одному из самых крайних противников практической разложимости современных химических элементов Д.П. Коновалову. Естественно, он не убедился моими доводами, но возвратил книгу в департамент полиции с очень лестным отзывом обо мне как химике. Таким образом, книга снова попала в бессрочное заключение без права иметь какие-либо сообщения с внешним миром.

Ксения Алексеевна по просьбе Николая Александровича нашла отзыв Д.П. Коновалова на «Периодические системы строения вещества». Позже Стебаков снял с него копию. Вот этот текст.

Автор сочинения обнаруживает большую эрудицию, знакомство с химической литературой и необыкновенное трудолюбие. Задаваясь общими философскими вопросами, автор не останавли-

ливается перед подробностями, кропотливо строит для разбора частных весьма сложные схемы. Обращаясь к вопросу о том, в какой мере путь, выбранный автором, и приемы, им применяемые, можно было бы признать целесообразными, могу рекомендовать следующие соображения. Химия представляет область, чрезвычайно заманчивую для абстрактной мысли: в недостижимых глубинах материи полный простор для построения гипотез о силах и воздействиях, могущих дать картину реальных наблюдаемых явлений. Такие гипотезы могут всегда более или менее удачно воспроизводить наблюдаемые явления, как в свое время теория флогистона давала многому удачные объяснения. Но история химии ясно показывает, где истинные корни могущества этой отрасли. Пока химия была подавлена абстрактной стороной, она влчила жалкое существование на рубеже колдовства и чародейства. Силу современной химии дала твердая рука Лавуазье, сумевшего обуздать полет фантазии и подчинить извлеченные начала химии реальным наблюдаемым свойствам вещества. С тех пор вес и непревращаемость элементов сделались основными понятиями химии. Все, что есть ценного в этой науке, построено на этих понятиях, все колоссальное здание современной химии выросло на этой почве. Конечно, никому и теперь не возбраняется предполагать, что элементы могут превращаться друг в друга, но опыты, беспощадные опыты, показывают, что во всех случаях, когда дело как будто бы шло о превращениях элементов, была или ошибка, или обман. Достоинство современной науки именно в том, что она не дорожит теориями, могущими лишь служить для успокоения ума в качестве разгадки якобы одной из тайн природы, а выбирает из них лишь такие, которые находятся в согласии с действительными законами природы. Одна из тайн природы – химические элементы – не будет разгадана тем, что мы построим гипотезу сложности того или иного вида как гипотезу сложности элементов. Работа автора – удовлетворение естественной потребности мыслящего человека выйти из пределов видимого горизонта, но значение ее чисто субъективное. Это удовлетворение собственного ума, это личная атмосфера, ибо недостает еще проверки, нельзя было бы прийти к тем же выводам (как, например, интересные соображения автора о кристаллизационной воде) обыденными средствами, не прибегая к гипотезам, требующим такой радикальной реформы ходячих понятий. Работа в химии, на почве чисто абстрактной, очень тягостна, так как простор мысли уже сильно стеснен обилием имеющегося уже фактического материала. После той большой работы мысли, которая затрачена автором на анализ химических отношений с высоты, так сказать, птичьего полета, можно было бы ему посоветовать

товать остановить свое внимание на областях, более ограниченных, с тем, чтобы дать их законченную обработку. Опыт мышления и приобретенный навык не пропали бы даром. Могло бы случиться то, что произошло с Карно, открывшим свой знаменитый закон термодинамики при помощи неправильного представления о теплоте: «представление» о сущности теплоты, как видно, не играло роли в выводе, созданном верным пониманием реальных соотношений. Пусть же мне автор простит малое внимание, уделенное мной в этой записке его представлениям. Ежедневная работа в области науки приучает оставлять в стороне субъективное и выдвигать лишь объективное.

А тем временем Николай Александрович продолжил свой рассказ.

Разумеется, я не мог в то время подтвердить свои представления бесспорными опытными данными. И не только из-за того, что я сидел в тюрьме. Просто общий уровень развития экспериментальной науки того времени не позволял это сделать. Таким образом, даже столь крупный ученый, как Д.П. Коновалов, не увидел в моем труде того, что вскоре стало ясным многим ученым.

28 октября 1905 г. передо мной раскрылись ворота тюрьмы. Я поселился на окраине Петербурга, и там меня разыскал профессор П.Ф. Лесгафт. Сначала я руководил практическими занятиями, потом стал доцентом и вскоре стал профессором по кафедре физической химии, утвержденным Министерством народного просвещения. Вышедшие за эти два года мои труды дали мне звание не только профессора, но и доктора химии.

Вскоре после освобождения из заключения я познакомился с Н.Н. Бекетовым и Д.И. Менделеевым, от которых надеялся получить отзыв о своих работах по химии, главным образом, по теории строения вещества и происхождения химических элементов.

20 декабря 1906 г. я встретился с Менделеевым. Во время этой беседы мы затронули вопрос о значении полученных мной выводов для раскрытия сущности периодического закона. Пытаясь убедить Менделеева в том, что его периодическая система представляет собой лишь частный случай среди многих периодических систем, существующих в космосе, я указывал на поразительное сходство периодических систем химических элементов и углеводородных радикалов. Однако Менделеев ответил, что аналогия не есть доказательство, хотя и соглашался, что многие сходства между его системой и системами углеводородов поразительны.

Моя попытка подтвердить справедливость проведенной мной аналогии ссылкой на открытое в конце XIX в. явление радиоактивности, при которой эманация радия со временем превратилась в гелий, также не достигла цели. К своему величайшему удивлению, я обнаружил, что Менделеев отрицал даже самый факт

радиоактивного распада радия, рассматривая его как ошибку наблюдений вследствие малого количества исследованного вещества. Согласившись, наконец, с тем, что моя теория может объяснить химические свойства атомов, Менделеев остался убежденным в том, что нет в природе такой силы, которая могла бы их разложить.

Ссылка на эволюцию химических элементов в связи с эволюцией небесных тел показалась Менделееву наиболее убедительной. В данном случае мои аргументы сводилась к тому, что невозможно предположить, чтобы в первоначальной туманности, в которой образовались Солнце и планеты, с самого начала химические элементы существовали в тех же пропорциях, как в теперешних планетах и на Солнце. То же самое – относительно звезд и порождающей их материи. Следовательно, химические элементы должны были эволюционировать вместе с небесными телами. Выслушав меня, Менделеев некоторое время оставался в недоумении, а потом воскликнул: «Ну, тут Вы меня застали врасплох!» – и попросил меня зайти к нему через месяц. Однако второе свидание не состоялось – через месяц Менделеева не стало. Но перед смертью он успел добиться для меня звания доктора химии *honoris causa*.

На основе рукописи, созданной в Шлиссельбурге в 1907 году, я издал книгу «Периодические системы строения вещества. Теория образования химических элементов».

Наиболее серьезной из работ, вышедших до революции, я считаю именно эту книгу, потому что изложенная там теория строения атомов, детали которой в некоторых случаях я сам считаю теперь устаревшими, оправдалась уже в общих чертах всеми позднейшими экспериментальными исследованиями. Не надо забывать, что она была написана еще в конце XIX века, когда взгляды Менделеева об абсолютной неразложимости атомов считались чем-то вроде аксиомы среди русских ученых, и что выработанная в уединении крепости моя теория предусматривала: 1) существование безвалентных элементов; 2) разложимость атомов на гелий и остаточные компоненты вроде электронов; 3) существование изотопов у каждого тяжелого атома; 4) существование предельной нормы оводненных растворимых кристаллов и 5) необходимость принимать в расчет, кроме добываемых опытным путем чисел для атомных весов, еще идеальные числа, лежащие в их основе и возрастающие на ту же самую величину от атома к атому. Эти числа найдены теперь экспериментально в ходе исследования дифракции рентгеновых лучей в кристаллах. Они называются порядковыми числами атомов. Не трудно видеть, что эти порядковые числа вытекают из моих представлений о сложном строении атомов.

Услышанное потрясало. Из крепости, после 25-летнего заключения вышел человек, научные идеи которого были более передовыми, чем

представления и убеждения некоторых профессоров, которые с кафедр университетов читали лекции, участвовали в заседаниях научных обществ, могли в любое время пойти в библиотеки и, наконец, работать в тиши своих уютных кабинетов.

Правда, пониманию новых идей, им выдвинутых, мешали и архаичные термины, и понятия, которыми он пользовался. Но какую бы книгу или статью Морозова ни взять, в ней всегда присутствует оригинальная мысль самобытного ученого. И все же признание его работ было.

Ксения Алексеевна показала молодому человеку диплом, выданный Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии на годичном заседании 15 октября 1907 г., об избрании Николая Александровича в почетные члены за «выдающиеся научные заслуги, выразившиеся в обширном, весьма интересном и важном в теоретическом отношении труде “Периодические системы строения вещества”». Диплом подписали такие известные русские ученые, как Н.А. Умов, К.А. Тимирязев, Д.Н. Анучин, Н.Е. Жуковский, И.А. Каблуков, Н.Д. Зелинский и др.

Николай Александрович продолжил свой рассказ:

«Сокращенный вариант моей работы “Периодические системы строения вещества” был переведен в 1910 году на немецкий язык. В широко известном международном органе физико-химиков, “Журнале физической химии” (Z. Phys. Chem) был опубликован реферат этого перевода с положительной его оценкой известным немецким физико-химиком В. Оствальдом. Он писал: “Хотя автор идет довольно далеко в своих рассуждениях и этим самым на первый взгляд немного отталкивает читателя, все же референт считает, что в этих рассуждениях многое достойно внимания”.

Но были и неудачи. В. Крукс, редактор английского журнала “Новости химии” (“Chemical News”), не принял мою статью для публикации, так как считал, как это ни странно, мои представления о строении атомов “чистой спекуляцией”».

Ксения Алексеевна достаточно быстро нашла нужную бумагу. Она была на английском языке, но Ксения Алексеевна перевела, что в ней было написано:

«Профессору Морозову,

Свободная высшая школа, Ст. Петербург. Дорогой сэр! Я получил Вашу статью своевременно, но, к сожалению, считаю ее неподходящей для помещения в “Новостях химии”. В настоящее время это чистая спекуляция; нет никаких экспериментальных доказательств, подтверждающих эту гипотезу. Кроме того, иллюстрации трудно воспроизвести, и они требуют больших затрат.

По Вашей просьбе я посылаю ее сэру Вильяму Рамзаю. Он прочитал ее и вернул мне. Если Вы хотите знать его мнение, то свяжитесь непосредственно с ним. Прилагаю к настоящему письму

Вашу статью и с благодарностью за предоставленную возможность прочесть ее, остаюсь преданный Вам Вильям Крукс».

«Но о моей работе все же узнали за границей, – продолжал Николай Александрович. – В 1908 г. на страницах журнала Русского физико-химического общества появилась положительная рецензия на мою книгу.

Популярный среди русских естествоиспытателей журнал “Физическое обозрение” опубликовал в 1909 г. статью Б.А. Шишковского “Последние открытия в области радиоактивности с точки зрения теории строения атомов Н.А. Морозова”. Богдан Андреевич Шишковский (1873–1931) окончил Киевский университет. После заграничной стажировки у В. Оствальда и у В. Рамзая работал в Киеве, в 1907 г. получил степень магистра химии в Киевском университете за работу “Применение теории строения атомов и молекул Дж. Томсона к химии”. После революции он заведовал кафедрой физической химии Краковского университета. Сокращенный вариант этой статьи он опубликовал в Англии, в журнале “Nature”».

Затем Николай Александрович показал на книгу В. Рамзая «Элементы и электроны», написанную в 1908 г. и переведенную на русский язык в 1913 г. под редакцией и с примечаниями Н.А. Морозова. В своей книге В. Рамзай в виде вопроса писал: «Не могут ли элементы быть сложными и быть построенными из более простых веществ, подобно тому, как построены углеводороды?» Н.А. Морозов в примечании написал: «Эта идея была подробно разработана мною в “Периодических системах строения вещества” (изданных в 1907 г.), где показано, что все свойства элементов в полных периодах вышеприведенной системы можно объяснить комбинациями первичных радикалов гелия, водорода и “архония” в их атомах».

Николай Александрович заметил:

В истории естественных наук нередки случаи, когда представления и системы, составленные чисто теоретическим путем, подтверждались впоследствии с такой стороны, о которой и не думали их авторы. То же самое случилось и с теорией строения атомов. Выработанная мною в общих чертах еще в 80-х гг. прошлого столетия, она оправдалась с тех пор уже тремя важными открытиями: открытием гелия и его аналогов, а затем открытием катодных корпускул и медленным распадом атомов радия на гелий и остаточный элемент, по-видимому, сходный по химическим реакциям с обычным радием, но несколько меньшим по атомному весу.

Жизнь ученого лучше всего обрисовывается на фоне исторического развития тех идей, которым он служил. Только таким путем и понимается вполне его роль и значение.

Международность – это главная характеристика всякого истинного знания. Ньютон и Кеплер, Дарвин и Маркс, а с ними и Менделеев в своих теоретических выводах являются достоянием всего мыслящего человечества. Их открытия ложатся в основу мировоззрения каждого из нас и лягут в основу мировоззрения каждого из будущих поколений.

Эволюционная теория проникает теперь и в невидимый мир атомов и тоже обнаруживает в нем закон прогрессивного осложнения действующих единиц. Вместе с тем она бросает нам луч света и на химию будущего.

Проблема строения вещества была ключевой в моих теоретических рассуждениях, так как она лежит в основе всех остальных наук о природе.

А вот книга, которая вышла в 1909 году – «В поисках философского камня». В ней я проанализировал процесс возникновения и развития химических знаний с древнейших времен до 1908 г. В ней я на основании редких источников, но вместе с тем стараясь сделать это увлекательно, описал путь человеческого познания от алхимии до радиохимии. Переживая мысленно весь тернистый и извилистый путь, пройденный химией со времени ее возникновения на земле, нельзя не убедиться, что на всем этом пути почти неизменно светила ей одна и та же путеводная звезда – стремление разяснить законы эволюции всех видов вещества и найти способы для их трансформирования.

В этой книге представлен исторический анализ начального периода развития учения об элементах, связанного с представлениями о единстве вещества и его строении.

Я коснулся и происхождения химии, появления алхимии, связи ее с культурой того времени. Обращаясь к началу наук, в том числе химии, теряющемуся «в глубине веков», я показал, как мысль рождается из практической деятельности человека. Чтобы понять, каким образом появилась мысль о возможности получения философского камня, я воспроизвожу мысленно позицию алхимиков, пытавшихся отыскать средство для превращения металлов в золото и серебро. Я старался проникнуть в их сознание и воспроизвести способ мышления алхимиков. Даже и не роясь в исторических документах, а лишь на основании одних элементарных соображений о несложной психологии древнего человека, мы можем восстановить перед собой все его последующие поступки и ощущения с такой же точностью, как если бы мы все это незаметно наблюдали собственными глазами. Вот, например, представления древнего человека, который получил впервые бронзу. Случайно сплавив в горне около четырех частей меди с одной частью олова, он вдруг получил вместо красной меди и белого олова

желтоватое металлическое вещество, которое никто в то время не имел возможности отличить от золота. Вынув сплав из горна, человек с волнением торопливо рассматривал его, с тревогой, смешанной с восторгом, он зарыл полученное им сокровище. Потом он старался срочно приобрести все имеющиеся в окрестностях медные и оловянные вещи для того, чтобы сплавлять их вместе и зарывать свои сплавы в землю. Но как передать озорничество древнего человека, когда, проверяя через несколько недель после первых дождливых дней свои сокровища, он вдруг увидел, что они покрылись тем самым зеленоватым налетом, каким при подобных условиях покрывается обыкновенная медь.

Древний человек думал, что приготовленное им искусственное золото позеленело потому, что не были соблюдены какие-то таинственные обряды, всегда охраняющие естественное золото от подобных заболеваний. И вот к химическим работам того времени все более и более начала примешиваться мистика, сразу поставившая только что нарождающуюся науку на совершенно ложный путь, где грезы заменили логическое мышление. Химия породила магию и сама наполовину превратилась в нее.

Более важным для исторического познания развития химии я считаю не сухой набор фактов, а понятие о психологии пионеров науки, которое объясняет, почему наука о строении вещества после первого своего возникновения неизбежно должна была перейти сначала через стадию магии, а затем и через стадию алхимии. С точки зрения психологического подхода, магия была первой стадией развития науки о веществе, а алхимия – естественным концом магии, когда благодаря накоплению реальных знаний широко разыгравшееся воображение человека должно было наложить на себя первую узду.

Таким образом, мысль о философском камне, дающем человеку вечное здоровье и бесконечное могущество, появилась как следствие мистического настроения средних веков.

Изучая историю древности и алхимии, я пытался выявить главную проблему естествознания – развитие учения о веществе. В результате изучения источников средних веков я не нашел никаких достоверных и детально разработанных теорий эволюции вещества вплоть до Роджера Бэкона. Р. Бэкон в 1250 г. проповедовал идеи о единстве вещества. Бэкон первый заявил о ненужности магии, объявив истинным знанием опыт и наблюдения.

Я показал, что мысль Бэкона пошла по ложному пути потому, что была направлена на получение золота, в чем Бэкон видел совершенство природы. Я объясняю этот исторический момент тем, что наука средних веков была еще настолько слаба, что не давала возможности отличать существенное от второстепенного, внутреннее сходство от внешнего.

Сопоставляя содержание понятия «атом» и «вещество», я показал, что в сущности атомистической теории уже скрывается идея превращения металлов и всех видов вещества друг в друга. Но положение о неразложимости атомов оказалось плодотворным в развитии химии и, пройдя путь через интереснейшие открытия в химии и накопление многих новых элементов, привело к созданию периодической системы Д.И. Менделеева.

С открытием периодического закона в истории эволюции вещества начиналась новая эпоха, с которой становится ясным, что периодичность свойств химических элементов совершенно отображает идею о вечном существовании атомов в природе. Особенно важно, что мнение о простом составе атомов у окружающих нас металлов, как и многие другие старые мнения, совершенно противоречит истине. Именно понятие о сложности атома делает реальной идею трансформирования элементов, присутствовавшую в алхимии.

Как уже не раз случалось в истории естествознания, человеческая мысль и здесь шла многообразными путями к одной и той же конечной цели – выяснению истинного строения и эволюции атомов. В самый разгар реакции против алхимических фантазий, реакции, господствовавшей почти безраздельно среди химиков XIX века, провозглашенная алхимиками идея о единстве вещества и трансформируемости его видоизменений нашла себе приют у самых выдающихся физиков. В то время как многие химики того периода наделяли атомы современных минеральных элементов даже предвечным существованием в природе, физики и астрономы постепенно приходили к совершенно обратным выводам.

А после появления в астрономии спектроскопа, чему способствовали исследования Фраунгофера, Пюккера, Кирхгофа и Бунзена, появилась новая точная наука под названием «химия небесных светил», содержащая знания о химическом составе вещества во Вселенной, тождественного веществу Земли.

Связь различных наук с химией, в том числе и биологии, способная определить развитие химии. Эволюционная теория, которую применили Ламарк и Дарвин к органической жизни, проникла в невидимый мир атомов и тоже обнаруживает в нем закон прогрессивного осложнения действующих единиц, она бросает нам луч света и на химию будущего.

Не кажется ли и самая мысль о камне философов как бы предчувствием той новой силы, которую, может быть, дадут нам скоро в руки явления радиоактивности? Движение человеческого познания не упраздняет, а только исправляет то, что было достигнуто уже ранее. Разъяснение эволюции всех видов вещества,

способы их превращения и разложения до самых первичных компонентов – это конечная цель, достигнув которой, химия закончится как отдельная наука и в дальнейшем своем пути сольется, как один из притоков, с могучим потоком объединенного знания, общей естественной философией будущего.

Позже С.А. Стебаков узнал, что долгое время книга Морозова оставалась единственным монографическим изданием по истории алхимии на русском языке. Книгу «В поисках философского камня» нельзя причислить только к исторической, так как она насыщена фактически данными современной автору эпохи и творческой их интерпретацией. Однако сочетание истории науки с идеями современности в ней отличалось гармоничностью. Эта органичная связь четко вырисовывает не только познавательное, но и прогностическое значение истории науки. Многие видные ученые нашей страны с благодарностью вспоминали, что труды Н.А. Морозова оказали значительное влияние на формирование их научного мировоззрения и вызвали у них неослабевающий интерес к историко-научным исследованиям.

Но это было позже, а сейчас они расстались, договорившись встретиться на следующий день.

На следующий день Николай Александрович продолжил свой рассказ о занятиях наукой в Шлиссельбурге.

«Несмотря на то, что к моменту ареста я достаточно много занимался наукой, многое мне пришлось осваивать уже в заключении. Я самостоятельно пополнил свои знания по механике, сопротивлению материалов, дифференциальному и интегральному исчислению, астрономии, физике, химии. Иногда мне в этом помогали более сведущие в том или ином предмете товарищи. В процессе изучения у меня возникали различные идеи, которые после дополнительного продумывания выливались в научные работы. Многие из них были положены в основу книг и статей, изданных уже после выхода на свободу. Вот некоторые из них».

И он махнул рукой на полку, на которой разместилось с десяток книг разного формата и переплета. Там стояли: «Функция», «Основы качественного физико-математического анализа и новые факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы», «Законы сопротивления упругой среды» и ряд других. Но Николай Александрович обратил внимание гостя на книжку небольшого формата «На границе неведомого».

Я занимался в крепости и литературным трудом. Здесь было написано много стихотворений, рассказов, первая часть мемуаров «В начале жизни» и «Письма из Шлиссельбургской крепости». А вот эта работа лежит на границе литературы и науки. Я в литературной форме описал ряд научных идей для развлечения своих

товарищей по заключению. После освобождения я собрал эти рассказы вместе и издал в 1910 году. И хотя сборник имеет подзаголовок «научные полуфантазии», он содержит обсуждение ряда интересных проблем строения и эволюции Вселенной, к которым я возвращался в дальнейшем и развивал их в своих трудах.

В книге шесть рассказов, посвященных обсуждению разных проблем астрономии и физики.

В первом, «Эры жизни», рассматривались последовательные этапы эволюции звезд, планет и различных форм органической жизни, которые могли бы возникнуть в разных физических условиях, характерных для всех этапов эволюции. Эти проблемы постоянно меня волновали, наиболее подробно они были развиты в моей работе «Периодические системы строения вещества» и в ряде работ, выполненных уже после освобождения. Но об этом мы подробно говорили вчера.

Во втором, «Путешествие по четвертому измерению», я рассмотрел вопрос вопросов – о свойствах пространства, времени и размерности реального физического мира. Сравнение пространственных координат с временной показывает, что в отличие от трех пространственных координат, вдоль осей которых можно свободно перемещаться в обе стороны, временная ось, к которой мы хронологически прикреплены, доступна нам лишь в одном направлении — от прошлого к будущему. Именно это свойство позволяет использовать время для измерения скоростей перемещения в трехмерном пространстве. Я полагаю, что вообще для полного описания физических явлений необходимо выбирать такие координаты, из которых хотя бы одна обладала такими же свойствами, как время.

Касаясь вопроса о том, сколько измерений имеет реальный физический мир, я задался вопросом, какие факты могли бы доказать существование четвертого или более высоких пространственных измерений. Я показал, что такие факты должны были бы казаться необъяснимыми с помощью известных физических законов и воспринимались бы как чудеса, вроде проникновения предметов сквозь неповрежденную стену. Установив, что современное мне естествознание такими фактами не располагает, я обратился к математике, с ее геометрией n -мерных пространств и неевклидовыми геометриями, а также с ее алгеброй, включавшей теорию мнимых и иррациональных величин.

Из этого рассмотрения я пришел к выводу, что геометрия Евклида описывает лишь идеализированный и неподвижный мир, тогда как неевклидовы геометрии, хотя и не дают фактов о существовании пространства четырех и более измерений, описы-

вают реальное пространство — время в движении. Аналогичный вывод был сделан и об алгебре, с ее бесконечным рядом степеней, с ее лжемнимыми и лжеиррациональными выражениями. Мы не имеем никаких указаний на существование пространств с большим числом измерений, чем то, в котором мы обитаем.

Этому же вопросу я посвятил ряд страниц в работах, написанных еще в Шлиссельбургской крепости, — «Основы качественного физико-математического анализа» и «Начала векториальной алгебры в их генезисе из чистой математики». В последней я показал, что мнимые и иррациональные величины занимают вполне определенное место в реальном физическом мире, а потому их действительно можно назвать лжемнимыми и лжеиррациональными.

К началу XX в. векторное исчисление, созданное в 40-х годах XIX в. У.Р. Гамильтоном и Г. Грассманом, получило признание значительного числа математиков. Существенную роль в этом признании играло систематическое применение исчисления Гамильтона Дж. К. Максвеллом к теории электромагнитного поля, в результате чего была создана теория электромагнитных волн, являющаяся теоретическим основанием радиотехники; при этом Максвелл фактически пользовался не всей алгеброй кватернионов, открытой Гамильтоном, а только векторной алгеброй. По сути дела «Начала векториальной алгебры» представляют собой популярное сочинение, отражающее в то же время мои раздумья по этому вопросу.

Я ограничился рассмотрением векторов на плоскости, которые отождествил с комплексными числами. По существу эта книга и посвящена комплексным числам.

Так в первой главе «Метаморфозы и аллотропические состояния различных именованных величин с точки зрения их изотезичности, или однородности» я ставил вопрос о том, когда мы имеем право складывать величины различной природы, или, по моей терминологии, «различные именованные величины». Мой подход к математике был подходом не математика, а естествоиспытателя, поэтому я и ставил этот вопрос и отвечал на него так. Мы никогда не могли бы сложить между собой линии или расстояния, лежащие по различным направлениям, если бы не обладали возможностью вращать их, т.е. совершать над ними мысленную работу. Поэтому сложение действительного и чисто мнимого чисел и объединение их в «комплексное число» я считал правомочным, поскольку мнимую единицу $\sqrt{-1}$ можно рассматривать как символ поворота на 90° . Расположения величин в разных направлениях я, применяя физическую терминологию, называл «аллотропическими состояниями», а преобразование одной из них в другую — «метаморфозой». Кстати, как раз из-за применения изобретенной мной терминологии для многих это стало препятствием к их восприятию.

В этом же русле была написана моя работа «Функция. Наглядное изложение дифференциального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии. Руководство к самостоятельному изучению высшего математического анализа». В гимназии у нас не было высшей математики, и я ее освоил с помощью своего товарища по заключению Манучарова. А когда освоил, то решил написать руководство для тех, кто захочет изучить этот предмет сам.

Понятие «функция» было важнейшим понятием, введенным в математику одним из создателей дифференциального и интегрального исчисления Г.В. Лейбницем. Я поставил своей целью разъяснение читателям моей книги этого важнейшего понятия математики. Всякий раз, когда мы видим, что одна непостоянная (переменная) величина каким-нибудь образом зависит от других, возрастающих или убывающих, величин, мы можем сказать, что она – их функция. Особенное внимание я уделил в книге предельным значениям функций, тем моментам, когда они проходят через так называемую бесконечность, и везде старался графически показать, в согласии с воззрениями проективной геометрии, на полную условность этой «бесконечности» и на возможность геометрической интерпретации того поразительного обстоятельства, что после своего перехода через недостижимые трансцендентности функция снова возвращается к нам с противоположной стороны.

И здесь, как и в «Началах векториальной алгебры», я подходил к излагаемому мной материалу как естествоиспытатель. В книге я привел ряд примеров применения дифференциального и интегрального исчисления к задачам механики и физики.

Вопросам применения математики, дифференциального и интегрального исчисления к естествознанию посвящена была моя статья «Природа и математика», приложенная мной к изданию русского перевода книги Ф.Л. Кольрауша «Введение в дифференциальное и интегральное исчисление и дифференциальные уравнения», вышедшему под моей редакцией и с моим предисловием.

Что касается моей работы «Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы», то качественный физико-математический анализ – это разработанный мной метод научного исследования. Он предназначался для открытия общих безусловных законов природы путем исследования уже установленных наблюдением частных соотношений между теми или другими факторами. Таким образом, объектом, над которым предстояло работать, были математические формулы различных разделов естествознания. Эта книга была как бы введением к моим

работам по физике, химии, астрономии и механике. Поводом к ее написанию послужили размышления о физическом значении коэффициента пропорциональности в ньютоновской формуле тяготения. Недавно у нас вышла книга американского физика П. Бриджмена «Анализ размерности». По сути дела, именно этот метод и был мной назван «качественным физико-математическим анализом», и разработан мной лет на 30 раньше этого ученого.

После освобождения, получив свободный доступ к научной литературе, я написал две работы, посвященные теории относительности: «Принцип относительности и абсолютное» и «Принцип относительности в природе и в математике».

Но вернемся к книге «На границе неведомого». Следующий рассказ назывался «В мировом пространстве». Я мечтал и о космическом путешествии. И написал об этом рассказ с описанием состояния невесомости внутри космического корабля и физических условий, с которыми люди должны были встретиться на Луне. Эта планета постоянно привлекала мое внимание.

В этом рассказе я изложил свою гипотезу о метеоритном происхождении лунных кратеров и выразил твердую уверенность в том, что на поверхности Луны постоянно происходят изменения.

Когда я возглавил в 1918 году астрономический отдел Естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта, я включил в план работы отдела исследования по поиску возможных изменений на поверхности Луны и изучению физической природы этого небесного тела. Этим вопросом занимались и занимаются мои сотрудники А.В. Марков, В.В. Шаронов, Н.И. Кучеров и Н.Н. Сытинская.

Сотрудником отделения А.В. Марковым производились систематические наблюдения дна лунного цирка Платона и закончена их обработка за период времени с 1913 по 1918 годы с точки зрения реальности видимых на Луне изменений.

Позже С.А. Стебаков узнал, что подтверждение идей Н.А. Морозова о реальности этих изменений было получено лишь в 1958 году Н.А. Козыревым, снявшим спектрограмму истечений газа из одного из лунных кратеров.

Я был автором раздела «Вселенная» в книге «Итоги науки в теории и практике», вышедшей двумя изданиями, в 1911 и 1916 г., – продолжал Николай Александрович, – я много думал о возможности жизни на Марсе. Можно предположить, что и сам желтый цвет Марса происходит от растительности. Это очень вероятно потому, что хлорофилл и у наших растений содержит в себе существенную желтую составную часть – ксантофилл, который и придает охваченным осенними морозами листьям их характерные красные и желтые цвета.

Для того чтобы сравнить спектр земных растений со спектрами поверхностей Марса и других планет и сделать на основании такого сравнения выводы, необходим был соответствующий материал. 4 апреля 1912 г. я совершил полет на аэростате, во время которого получил первые спектрограммы земной поверхности, снятые через толстый слой атмосферы. При проведении этой работы я консультировался с К.А. Тимирязевым.

Конечно, эти спектрограммы не могли решить весьма сложный вопрос, который требовал для своего разрешения более глубоких и систематических исследований. Поэтому, как только появилась возможность, я создал при Институте Лесгафта астрофизическое отделение и пригласил для его руководства своего старого друга, специалиста по спектроскопическим исследованиям звезд пулковского астронома Г.А. Тихова.

В своих исследованиях Г.А. Тихов опирается на работы другого сотрудника моего института В.Н. Любименко, заведующего ботаническим отделом института. Последний занимался вопросом о том, какими свойствами должны обладать животные и растительные организмы, приспособляющиеся к жизни в различных условиях. Изучалась зависимость между количеством хлорофилла в растениях и условиями географической среды, в которой они произрастают. Исследования морских водорослей привели Любименко к заключению, что водоросли, с их малым содержанием хлорофилла, можно было бы рассматривать как особый биологический тип растений, более совершенно использующих световую энергию, чем высшие растения. Несомненно, именно этот вывод Любименко привел впоследствии Г.А. Тихова к заключению, что растительность на Марсе, если она есть, по своим оптическим свойствам должна быть близка к земным низшим растениям типа мхов, лишайников и водорослей.

Я понимал, что для освоения космического пространства требуется изучение физиологического состояния организма в полете, изучение изменения функций организмов в экстремальных условиях существования и тому подобных вопросов. В свое время я предложил даже специальный костюм для высотных полетов.

Увлекаясь астрономией, я был одним из инициаторов создания и председателем Русского общества любителей миропведения.

Позже С.А. Стебаков узнал, что многие сотрудники Морозова, работавшие под его руководством над решением комплексных проблем изучения космоса, успешно участвовали и в последующих исследованиях космического пространства.

Если о космосе пока можно только мечтать, то свое желание летать мне удалось реализовать уже в 1910 году, когда по реко-

мендации друзей, членов Русского астрономического общества, инженеров С.В. Муратова и В.А. Казицына, мне удалось с большим трудом поступить во Всероссийский аэроклуб. Причина этих трудностей была в моем «террористическом» прошлом. Зато потом моя синяя бляшка действительного члена аэроклуба как магическим ключом отворила мгновенно мне все двери.

Простые прогулки по воздуху, без всякой иной цели, кроме самого летания, со временем перестали удовлетворять меня. Хотелось далеких путешествий, хотелось уже не самого ощущения полета, а каких-либо научных исследований, для которых он – только средство.

В том же году я совершил свой первый полет на воздушном шаре, выполняя обязанности штурмана. Я вел записи в лоцманской книжке, как тогда называли бортовой журнал: отмечал высоту, скорость и курс полета, фиксировал условия полета, производил наблюдения над облачностью. Во время полета обращалось внимание на слои облаков, их высоту и вид, характер снежинок, изменение ветра с высотой, шум города, освобождение аэростата от балласта...

Я был активным пропагандистом и нередко инициатором использования летательных аппаратов в научных целях. Например:

- исследование физиологического состояния организма в полете;
- спектроскопическое исследование Земли как планеты;
- астрономические исследования;
- исследования атмосферы Земли.

Астрономическое общество высоко оценило результаты моих полетов, и научно-технический комитет аэроклуба поручил мне организацию экспедиции в Киев для наблюдения в августе 1914 г. солнечного затмения в полете на свободном аэростате. Начавшаяся война помешала осуществлению этого тщательно продуманного полета.

Учитывая мой опыт участия в полетах, как члену научно-технического комитета Всероссийского аэроклуба, мне предложили организовать ряд полетов с научной целью. Комитет аэроклуба поручил мне создать особую воздухоплавательно-авиационную комиссию для научных исследований. Затем ее переименовали в Комиссию научных полетов. Она начала свою деятельность с исследования влияния высоты и условий полетов на физиологическое состояние человека. В ее составе совет аэроклуба учредил медицинскую комиссию из 30 человек, среди которых были врачи, ученые и пилоты. Члены медицинской комиссии положили начало русской авиационной медицине.

Для физиологических наблюдений в полете комиссия наметила провести ряд свободных полетов. Участником первого полета

посчастливилось стать мне 4 апреля 1914 года вместе с командиром аэростата Н.А. Якуком и доктором И.С. Цитовичем.

Воздухоплавание с момента своего зарождения сроднилось с метеорологией и стало прочной основой развития ее, средством изучения атмосферы. Я сам во многих полетах производил метеорологические исследования и высоко ценил результаты исследований других ученых, полученные на летательных аппаратах.

После революции я уже не летал сам на аэростатах, но принимал участие в анализе научных данных полетов других ученых. Так, например, проанализировав результаты наблюдаемых дифракционных явлений, позволил оценить размеры облачных частиц. Наблюдения показали, что наименьшие частицы имеются на краях кучевого облака, где, например, в полупрозрачных выступах, выходивших из нижнего основания облака, были отмечены капли радиусом 0,0071 мм. Особенно крупные капли наблюдались в наиболее высоком слое облака, даже и в том случае, когда интенсивность вихревых движений в облаке и его рост указывали на процесс его развития. Здесь капли достигали радиуса 0,011 мм. Такой рост капель я объяснял конденсацией водяного пара на уже ранее образовавшихся капельках тумана. Мне кажется, что я первым дал данные о микроструктуре конвективных облаков и ее эволюции.

Я один из первых предложил использовать наблюдение дифракционных явлений для определения размеров облачных капель с самолета, т. е. при наблюдении облачных образований сверху. До меня этот метод применялся только для изучения наземных туманов и облаков, наблюдаемых с земли. Этими моими рекомендациями заинтересовался Ленинградский институт экспериментальной метеорологии, и в 1934–1936 гг. этот метод был рекомендован для наблюдения в свободной атмосфере. И эти измерения подтвердили мои расчеты о размерах капель.

Я обращал внимание на необходимость серьезной постановки изучения электрических явлений в атмосфере. Это стало ясным после одновременной гибели трех аэростатов от молний на XII Международных состязаниях сферических аэростатов 23 сентября 1923 г. в Брюсселе. Я думаю, что в результате этих наблюдений мы еще встречаем много неясных и нерешенных вопросов.

Я много занимался вопросами безопасности полетов на аэростатах и предложил для спасения экипажа аэростата экваториальный пояс, действие которого заключается в превращении аэростата в полете в случае опасности в парашют.

Мне довелось читать в открытой при аэроклубе авиационной школе лекции о культурном значении полетов для человечества и цикл лекций «Систематический курс воздухоплавания и авиации». В нем я излагал историю развития воздухоплавания и авиации, рассматривал перспективы развития авиации.

Я читал лекции не только в аэроклубе, но и выступал с ними почти в 50 городах России. В своих лекциях «Крылатая Эра», «В высоту», «Прошедшее и будущее воздухоплавания и авиации» я говорил не только о достижениях авиации, но и о несоответствии деспотического государственного строя старой России идеалам окрыленной жизни человечества, за что после чтения почти каждой лекции присутствующие на ней представители власти делали мне выговор.

С учетом этих заслуг в 1917 году мне поручили председательствовать на Всероссийском съезде летчиков в Ярославле.

С первых лет советской власти В.И. Ленин уделял большое внимание развитию науки, а также авиации. Он стремился поставить на службу народу все достижения науки и техники, и, естественно, авиацию. Поэтому в январе 1921 г. я написал письмо В.И. Ленину с предложениями о создании воздушного флота в России. Секретариат В.И. Ленина уже через два дня предложил мне обратиться к Склянскому (Реввоенсовет республики) и Акашеву (Воздухофлот). В тот же день я с ними встретился, и мы составили план будущих действий по созданию воздушного флота.

Мной было написано свыше 20 статей и книг по авиации и воздухоплаванию.

Четвертый рассказ в моей книге «На границе неведомого» называется «Почему мы не рассыпаемся», он посвящен вопросу о природе сил, цементирующих Вселенную и мешающих галактикам, звездам, планетам и различным телам на их поверхности рассыпаться на составляющие их атомы. Я полагал, что роль своеобразного «цемента» играют атмосферы, обязательно возникающие вокруг всех тел во Вселенной. Подробно обсуждая свою гипотезу молекулярного сцепления, я провел аналогию между атмосферой Земли и атмосферой Солнечной системы, которой является зодиакальный свет, и пришел к выводу о важной роли «мировых атмосфер». Все, что мы видим: газы, жидкости, эластические и твердые вещества, звезды, планеты, кометы, даже сами полуэфирные элементы зодиакальных атмосфер, – все это, едва попав за пределы мировой атмосферы, тотчас разлетится на атомные компоненты, пока эти новые химические элементы не образуют новой мировой атмосферы, достаточной для сдерживания остатков от распадаения. Без мировых атмосфер вся Вселенная осталась бы однородной пустыней.

Идея мировых атмосфер, с помощью которых можно было объяснить различные свойства, приписывавшиеся в то время физическим телам, в том числе инерцию и гравитацию, наиболее детально были рассмотрены в моей книге «Основы качественно-физико-математического анализа». Проанализировав все, что

было тогда известно о гравитационных, электрических и магнитных полях, я предложил объяснить эти явления свойствами полей, или «мировых атмосфер», как я их называл. Я высказал предположение о том, что зодиакальная атмосфера Солнечной системы могла бы играть роль эфира в электродинамике Максвелла.

Изучение свойств зодиакальной атмосферы я продолжил в книге «Законы сопротивления упругой среды движущимся телам». В ней я подробно рассмотрел особенности движения тел различной конфигурации в земной атмосфере, разработал на этой основе теорию сопротивления среды и применил ее к решению вопроса о сопротивлении межзвездной среды движущимся в ней небесным телам. Это сопротивление оказалось ничтожно мало. Так, Земля в своем движении по орбите испытывала максимальное сопротивление на ее переднюю поверхность, не превосходящее давления гирьки весом 2,3 грамма.

Понятно, что такое ничтожное противодействие окажет лишь совершенно неощутимое влияние на скорость орбитального движения нашей планеты. Сопротивление межзвездной среды движению в ней всей Солнечной системы оказалось еще меньшим.

Следующий рассказ – «Неисчислимо как один из распределительных факторов в жизни природы».

Я всегда понимал ограниченность детерминизма, свойственного ньютоновой механике. Есть законы природы, носящие вероятностный характер. Анализируя различные физические явления и события, изучаемые теорией вероятностей, каждое из этих событий, как и факт нашей собственной жизни, или проявления нашего свободного, сознательного выбора, суть только определенные эпизоды в жизни одного целого – Вселенной. А потому и присутствие в каждом частном испытании, подчиняющемся теории вероятностей, известной доли произвольного, т.е. не поддающегося никакому подсчету, никакому предвиденью и не выразимого никакой точной формулой, и является характеристикой всей бесконечной Вселенной, всей бесчисленности действующих в ней влияний.

Теории вероятностей я не посвятил специальных сочинений, но эта математическая теория занимает значительное место в моих исторических сочинениях.

В 1916 году я опубликовал статью «Лингвистические спектры. Средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или иного известного автора». Здесь я выдвинул идею о том, что каждый писатель обладает индивидуальным, свойственным только ему стилем. Причем речь идет не о применении им всего словаря, а только служебных слов, так как именно они характеризуют индивидуальный стиль человека. Закономерности в употреблении тех или иных предлогов, союзов и других частиц были

подсчитаны для различных сочинений известных русских писателей. Вот распределение частоты встречаемости этих слов я и назвал «лингвистическими спектрами».

Вопрос применения статистических методов к естествознанию, а конкретно к биологии, меня волновал еще в Шлиссельбурге. Там я написал работу «Факторы биологической эволюции», изданную только в 1936 году.

В этой работе я рассматривал вопросы наследственности и изменчивости. Так, например, при бесполом размножении происходит утеря широких эволюционных возможностей. Этот способ не дает видам прочности и устойчивости, дробит породу на новые частные вариации. Половое же размножение, напротив, дает виду эволюционную перспективность, совершенствует его как одно целое.

Далее я перешел к статистическому рассмотрению законов наследственности. Первый закон гласит: «Общее действие всей суммы наследственности побуждает всякое вновь нарождающееся существо быть математически похожим на среднюю норму его исторических предков». Второй закон касался отклонений от средней нормы. Любой материал, взятый для исследования и поддающийся измерению, например, окружность грудной клетки, скорость бега различных людей и др., красноречиво говорит нам, что любое качество при передаче его потомству варьируется всегда по одному и тому же строгому закону, который теория вероятностей уже давно выработала и математически сформулировала для всех случайных событий неорганического мира.

Далее я перешел к обоснованию приложимости математического подхода к процессу эволюции. То есть возможности вычисления хода эволюции всякого определенного численно качества на определенный промежуток времени.

Я выделил следующие факторы эволюции: элиминирующее действие среды на менее приспособленные виды, борьба за существование, половой отбор. Признавая ведущее значение в эволюции дарвиновских факторов борьбы за существование и естественного отбора, я вместе с тем принимал и ламарковский принцип – приспособление к среде через упражнение органов. Трактую борьбу за существование как фактор эволюции, я обратил внимание на разные типы борьбы: межвидовую и внутривидовую борьбу. Динамическая сущность биологической эволюции действительно отражается в статическом состоянии подвергающихся ей видов, и по этому состоянию можно определить и ее направление, и даже скорость.

Я дал здесь только основу метода ее вычислений, но придет время, когда всякую эволюцию органов и качеств будут определять этим способом по достаточному ряду статистических на-

блюдений с такой же точностью, как в настоящее время астрономы вычисляют пути комет по трем разновременным определениям их местонахождения на небесной сфере.

Коль скоро мы заговорили о биологии, то я вам расскажу об одной своей идее, которую пока так и не удалось реализовать.

Органическая жизнь идет вразрез с законами энтропии, господствующей в стихийной природе. Но это не все. Так, например, насекомые претерпевают в течение жизни различные метаморфозы, меняя свои формы. Какие же химические реагенты позволяют гусенице через куколку превратиться в бабочку? Над этим я задумался еще в Алексеевском равелине.

И первая же пришедшая мне в голову мысль состояла в том, что у гусениц насекомых в их тельце возникают какие-то энзимы, обновляющие все ткани куколки, за исключением нервной системы, как бы лежащей в их основе, чем сохраняется и психическое единство прежней и новой формы насекомого.

И если это так, то эти энзимы можно выделить из куколок насекомых и испытать их действие на животных не только того же типа, но и других типов, и в случае благоприятных результатов применить их к человеку. Не произойдет ли в результате этого и у них обновления всех тканей без изменения мозга и нервной системы, обуславливающей психическую сторону нашей жизни?

Эти исследования весьма трудоемки и, естественно, я не мог и мечтать их провести в тюрьме. А когда после освобождения я при первой же возможности сообщил свои теоретические соображения и биологам, и химикам, то мои мысли показались им хотя и интересными с теоретической стороны, но трудно осуществимыми на практике. Ведь выделение в чистом виде неведомых еще органических энзимов, легко теряющих свои каталитические способности при химической обработке содержащего их сырого материала, — действительно, задача очень трудная и рискованная, и людям, занятым разработкой других вопросов науки, не было расчёта резко менять направление своих исследований.

Но в 1928 году я познакомился с директором лаборатории экспериментальной терапии в Москве Я.Г. Лившицем. Узнав, что он занимается извлечением энзимов как медицинских средств, я тотчас же сообщил ему свои соображения и с радостью увидел, что он отнесся к ним не только с простым интересом, но и с полной готовностью практически разработать мою идею.

Доктор Я.Г. Лившиц начал активно работать, он заготовил большое количество экспериментального материала. Приготовил из него ряд вытяжек, которые опробовал на морских свинках с весьма интересными результатами.

Принимая во внимание, что сквозь хитиновую оболочку куколок не просачивается ничто, Я.Г. Лившиц для прекращения их дальнейших метаморфоз и для сохранения в неизменном состоянии вводил в одной их порции шприцем стерильный глицерин и заливал тоже глицерином, а в другой порции вводил шприцем спирт и заливал спиртом, так что куколки хорошо сохранялись. Третью порцию куколок он растирал и обрабатывал спиртом, нагретым до 55°, с целью извлечения липоидов. При этом после охлаждения спирта из растворившейся в нем части вещества выделился в большом количестве белый аморфный осадок.

У первой морской свинки, взятой для опыта, после укола этим необработанным еще материалом наступило часа на два сонное состояние, потом она почти трое суток ничего не ела, но не теряла в весе. На месте укола получился сухой некроз, и Я.Г. Лившиц высказал предположение о возможности применения этого средства к уничтожению злокачественных опухолей. Со временем некротизировавшееся место заросло бесследно, свинка совершенно выздоровела и сделалась чрезвычайно живой и подвижной.

Когда доктор Лившиц сообщил о сонном состоянии свинки после укола, я приписал это ее опьянению от остатков спирта в препарате. Но был сделан еще ряд опытов уже с обработанным веществом, а сонное или очумелое состояние все же наблюдалось каждый раз, хотя большого некроза уже не было, а только быстро рассасывавшееся затвердение, после чего свинки всегда казались более оживленными, чем раньше.

Для химического исследования и разъединения веществ, находящихся в куколках, т.е. во второй период метаморфозы (в расчете, что в нем еще сохранились энзимы, вызвавшие в гусенице растворение ее тканей), была приглашена сотрудницей химик А.М. Симская, которая совместно с доктором Лившицем производила все работы: вещество куколок из глицерина было растерто и отфильтровано через марлю, после чего в полученной массе ясно различались три слоя. Верхний представлял собой маслянистую желтую массу, средний слой был глицериновая вытяжка, а нижний — аморфный осадок.

При обработке глицериновой вытяжки спиртом по способу д-ра Лившица выпал белый осадок, буряющий на воздухе и при продолжительном стоянии дающий при реакции на лейцетин по определению фосфорной кислоты положительный результат. Это опять подтверждало мнение д-ра Лившица о значительной примеси тут липоидов, содержащих фосфор. Что же касается главного предмета этого исследования — ферментов, то работы над этим предметом не были закончены. В 1926 г. Оппенгеймер указал, что большинство их растворимо в глицерине и что глицериновые экстрак-

ты многих из них сохраняют активность продолжительное время (липаза, трипсин, амелаз). Следовательно, можно было ожидать присутствия активных ферментов именно в глицериновом материале. Но глицерин мешает применять методы для очищения ферментов, и потому определение протеолитических ферментов производилось по способу Гросса, Смородинцева и Адова.

Ни тем, ни другим способом им не удалось обнаружить протеолитических ферментов типа трипсина и пепсина. Lipаза исследовалась по способу Рона, разработанному Вильштаттером, но активаторы не прибавлялись. Каталаза исследовалась способом Баха и Зубковой, причем обнаружилась значительная активность этого окислительного фермента, а исследование других ферментов – тирозиназы, нуклеазы и протеазы – не было закончено.

Выделение составляющих веществ в их общей смеси в куколках производилось из спиртовой вытяжки. Растертые куколки обрабатывались теплым спиртом и профильтровывались. Фильтрат получался в виде прозрачной желтой жидкости, оптически не активной. При выпаривании на водяной бане он дал липкую тягучую массу, в которой под микроскопом ясно видны капли жира, а при перегонке были выделены из него несколько фракций.

Фракция, кипящая при 94–100°, отличается резким запахом, напоминающим акреолин; она дает с аммиачным серебром положительную реакцию на альдегиды и на полифенолы. Окисление на холоде марганцево-кислым калием указывает тут на непредельные соединения.

Остаток от перегонки дал положительную реакцию на холестерин и углеводы; спиртовая вытяжка из него дает с медью изумрудно-зеленое окрашивание. Реакции на белки указывают на присутствие в нем свободных аминокислот. Пользуясь тем, что Вильштаттер, Вельшмидт, Лейц и др. широко применяли ацетон для выделения ферментов из органов тела (причем белки свертываются и с трудом частично переходят в водный или глицериновый раствор, а ферменты переходят легко), был применен и этот способ к глицериновому материалу. Осажденный ацетоном осадок был еще несколько раз обработан ацетоном. Допуская, что он содержит частично ферменты и липоиды, 20 граммов его (в воздушно-сухом виде) были подвергнуты обработке двухсот кубических сантиметров 0,0025 раствора аммония. Вытяжка была выпарена в аппарате Фауст-Гейма при 40° досуха и растворена в 50 кубических сантиметрах физиологического раствора хлористого натрия. Раствор получил бурый цвет; он был простерилизован фильтрованием через свечу Беркефельда, и 10 кубических сантиметров его были введены свинке подкожно. У нее несколько

часов наблюдался сонный, очумелый вид, потом она поправилась, и каждый раз получался тот же результат. Некроза в этом случае больше не было, и инфильтрат быстро рассасывался. Свинка стала живей и, наконец, очень бодрой.

Но когда работа была в самом разгаре, доктор Ливиц трагически погиб. Он был застрелен на личной почве. Все остановилось.

Я опубликовал полученные результаты, которые показывали, что из бросового материала можно выделить вещества, имеющие не только теоретически-научный интерес, но и практическое значение. Но, к сожалению, это никого не заинтересовало.

Последний рассказ в моей книге назывался «Атомы-души». Помимо прочего, в нем рассматривался вопрос о познаваемости мира. Обсуждая вопрос, может ли конечное человеческое сознание познать бесконечную Вселенную, я отвечаю: возражение, будто бесконечное не может отразиться в конечном, совершенно неосновательно. Разве, сидя на берегу безбрежного океана и наблюдая бегущие по нему волны, мы не представляем себе его во всей безбрежности, хотя и не видим его конца? Почему же мы не можем представить себе и всей Вселенной в ее бесконечности, если бесчисленные звездные небеса, подобные нашему звездному архипелагу – Галактике, возникают из первобытного эфира и снова тают в его бесконечности, как волны в море, как облака в нашей атмосфере, по тем же самым единым физическим законам?

Но опять наступило время расставаться. Николай Александрович попросил гостя прийти к нему на следующий день пораньше, так как хотел организовать ему экскурсию по институту.

На третий день, когда Сергей Александрович пришел к Морозовым, Николай Александрович пригласил его в институт.

Экскурсия началась с главного здания института. Они вошли с проспекта Маклина через тяжелые двери с зеркальными стеклами. Издали доносился лай собак. Справа был гардероб и две кладовые. Слева – мочева лаборатория отделения физиологии. В станках, удерживаемые мягкими лямками, стояли собаки с фистулами мочеточников, из которых в периодически сменяемые цилиндрики капала моча, подвергаемая затем исследованию. Здесь же, на первом этаже, в особом отсеке был расположен весь административный комплекс – пять небольших комнат, каждая в одно окно: директорский кабинет Н.А. Морозова, кабинеты заместителей по научной и административно-хозяйственной части, канцелярия и бухгалтерия.

– В своем кабинете я бываю нечасто и не подолгу, – сразу же объявил Николай Александрович, – руководящий состав института я принимаю или в своем домашнем кабинете, или в кабинете заместителя,

или в канцелярии, где подписываю представляемые мне бумаги. Иногда, как сегодня, я совершаю обходы отделений, но это больше для общения с коллективом, а не с административными целями. Однако случается, что во время таких обходов решаются и серьезные вопросы.

Николай Александрович познакомил своего молодого друга со своим заместителем по науке Давидом Яковлевичем Глезером, старым большевиком, по специальности физиологом. Он был небольшого роста, коренастый, с коротко подстриженными усами и очками на близоруких глазах.

Когда они вышли из кабинета Глезера, Морозов сказал:

– Он прекрасный администратор, энергичный и доброжелательный человек, но с непредсказуемыми реакциями: внезапно он может взорваться, накричать, но через минуту будет смущенно улыбаться и просить прощения. Давид Яковлевич – военный, ассистент Л.А. Орбели по Военно-медицинской академии. Вообще-то он военврач 1-го ранга.

Заместителя директора по административно-хозяйственной части Феликса Владимировича Мазуркевича не было на месте. Николай Александрович пояснил, что он бывает в кабинете только тогда, когда совещается со своими помощниками – комендантом и завхозом; обычно он или где-то на объекте, или в городе по тем или иным научно-хозяйственным делам. Он очень скромн, но энергичен, постоянно болеет за дела института и принимает их близко к сердцу.

Персонал канцелярии и бухгалтерии был немногочислен. Штат первой состоял из управделами Е.Г. Гедда и машинистки С.А. Сахаровой, а второй – из трех человек: высокого, массивного, похожего на борца-тяжеловеса бухгалтера К.И. Телушкина, счетовода Ю.Н. Казиной и кассира, которого на данный момент не было, так как старый уволился, а новый еще не приступил к выполнению своих обязанностей. На первом же этаже находился и красный уголок, а через него – вход в комнаты отделения физиологии, где проводились электрофизиологические исследования и где стоял струнный гальванометр – по тем временам последнее слово техники и великая роскошь.

Второй этаж весь был занят отделением физиологии. Здесь был кабинет Л.А. Орбели, рабочие комнаты, предоперационная и операционная, клиника оперированных животных. Здесь был лай и собачий запах. Прооперированные собаки лежали в люльках-гамачках; по полу мыкались «глупые» собаки, у которых были удалены большие полушария головного мозга; пытались сохранить равновесие и правильно скоординировать свои движения «умные» собаки, лишенные мозжечка.

Третий этаж – отделение анатомии. Слева – два зала музея, справа – рабочие комнаты и мемориальный кабинет П.Ф. Лесгафта, оберегаемый как святыня. И в залах музея, и в рабочих комнатах на стенах – портреты Петра Францевича; на столах – микроскопы и микротомы, кюветы и инструменты для препарирования, банки с консервированным материалом. Пахло формалином, карболовой кислотой и всякими

другими консервантами. Здесь они встретили совсем престарелую женщину в черной вязаной наколке на лысеющей, слегка трясущейся голове. Это была ученица П.Ф. Лесгафта А.А. Красуская. Многие экспонаты в музее были сделаны ее руками. В большой соседней комнате трудился Сергей Иванович Лебедин, подвижный, слегка картавящий, с коротко подстриженными усами, в помятом сером костюме. Морозов сказал, что он, увлеченный результатами и перспективами текущих исследований, обыкновенно засиживался подолгу в лаборатории. Близкие знают, что раньше десяти вечера его ждать домой бесполезно. Еще дальше находилась комната для изготовления крупных анатомических препаратов и склад музейных банок, реактивов и т.п.

Четвертый этаж почти весь был занят музеем сравнительной анатомии. Но здесь же помещалась и научная библиотека, где посетитель приветливо встретила высокая крупная женщина, заведующая библиотекой Е.А. Зиннакс, и маленькая старушка в кружевном жабо, заколотом старинной брошью – ее помощница М.А. Грацианская. В центре главного библиотечного зала стоял большой стол новых поступлений, а кругом, до высокого потолка, — стеллажи с книгами и журналами; между ними остались только узкие проходы, куда едва помещались стремянки, которыми пользовались, чтобы сверху достать книгу.

– У нас очень богатая библиотека, – похвастался Николай Александрович. – По всем представленным в институте отраслям науки она получает и книги, и периодические издания, выпущенные в свет как в нашей стране, так и за рубежом (немецкие, английские, американские, французские, голландские и даже некоторые японские). Хотя валюты на приобретение их отпускалось немного, но институт сумел найти выход из положения: в соответствующие издательства и редакции высылаются «Известия Научного института им. П.Ф. Лесгафта», а в обмен поступают зарубежные издания. Кроме того, отдельные издательства и зарубежные ученые в знак памяти П.Ф. Лесгафта, из уважения к институту, ко мне, Л.А. Орбели и некоторым другим руководителям отделений присылают свои книги и журналы. В библиотеке есть и беллетристика, собранная еще во времена Лесгафта, а также библиотека-передвижка современной литературы из Дома ученых АН СССР, периодически обновляемая. Недостаток библиотеки – отсутствие читального зала. Его просто негде поместить.

Центральный зал музея сравнительной анатомии – царство разных скелетов: бизона, африканского буйвола, жирафы, лошади Пржевальского, различных зебр и антилоп, взрослого бегемота с маленьким детенышем, человекообразных обезьян, мартишек, тапира, муравьеда и многих других как редких, так и хорошо знакомых животных.

– В торжественные дни и во время научных сессий это помещение служит нам конференц-залом, – пояснил Морозов. – Тогда скелеты сдвигаются к стенам или частично выносятся в соседнее помещение

и расставляются скамьи с бюпитрами, сохранившиеся еще со времен Высшей вольной школы.

В других комнатах и залах музея – тоже скелеты, чучела, банки с уникальными препаратами внутренних органов самых различных животных.

Через музей, в сторону двора, они прошли в отделение химии, занимавшее комнаты главного здания, сообщающегося с основным домом по проспекту Маклина. Морозов пояснил, что в связи с небольшим штатом этого отделения часть его помещений была передана сначала физиологохимикам, а с 1935 г. – физиологической группе Е.М. Крепса.

В химической лаборатории грелись стеклянные бани-термостаты с терморегуляторами и чуть слышно жужжали автоматические мешалки, стояли установки для определения электропроводности и концентрации водородных ионов, много другой физико-химической премудрости. В этом помещении помещался и кабинет заведующего отделением Ивана Ивановича Жукова, но так как он в лаборатории бывал нечасто (основное место его работы – в университете), здесь работала его сотрудница А.А. Глаголева, которая, как пояснил Николай Александрович, занималась исследованием свойств растворов.

Из химического отделения они опять вернулись в главное здание и поднялись на пятый этаж. Потолки здесь были ниже, окна меньше. Весь он занят зоологическим музеем. Чучела и банки с препаратами размещались в витринах, на стеллажах, а то, что покрупнее, – на полу. Энтомологические коллекции лежали в шкафах... Но был еще и шестой этаж. Там находились отделения зоологии и экологии, занимающие две большие общие рабочие комнаты и несколько маленьких комнатушек-келий.

– Работать здесь тихо, удобно, но зимой бывает прохладно, а летом слишком жарко, – пожаловался Николай Александрович.

В одной из келий работала скромная, старенькая, седая женщина, окруженная большими и маленькими банками со всякой зоологической всячиной.

– Это Елена Михайловна Непенина, великолепный изготовитель тончайших, ювелирных препаратов, – представил ее Морозов и добавил:

– По соседству, в другой келье, трудится таксидермист Николай Петрович Опаровский, тоже большой мастер своего дела, мы сейчас зайдем к нему.

Через отделение зоологии они прошли в отделения астрономии, астрофизики и в астрономическую обсерваторию, которые располагались уже в жилом доме.

– Днем здесь мало сотрудников, можно встретить лишь тех, кто занят какими-нибудь вычислениями или фотографическими работами. Жизнь начинается здесь только тогда, когда темнеет, особенно если ясная погода. Тогда раздвигаются створки куполов башен, где стоят телескопы и прочая аппаратура, что-то из нее выносится и устанавливается на открытой площадке, и астрономы с астрофизиками, одев-

шись потеплее, проводят здесь за наблюдениями нередко всю ночь, – пояснил Николай Александрович.

Из отделения астрономии по винтовой железной лестнице они спустились на пятый этаж жилого дома, окруженного другими домами института и не выходящего ни на проспект Маклина, ни на улицу Союза Печатников. В нем находились квартиры ряда сотрудников, в том числе и Н.А. Морозова. В этом же доме были расположены три отделения: химии, в котором они уже побывали, микробиологии и физиологической химии, которые собирались еще посетить. Отделение микробиологии занимало квартиру с окнами на юг, светлую и солнечную. Здесь был кабинет заведующего Г.Л. Селибера, три рабочие комнаты с микроскопами, термостатами и биохимической аппаратурой, главная термостатная, стерилизационная и кухня, где приготавливали питательные среды для посева микробов. Первый, кого они встретили, был сам Григорий Львович Селибер — маленький старичок с мохнатыми бровями и небольшой острой бородкой, в больших круглых очках, чем-то напоминавший сову. Перекинувшись парой слов с Морозовым по своим делам, он стал рассказывать смешную историю о том, как, проходя задолго до революции простым солдатом действительную военную службу, он, боясь стрелять, стрелял всегда с закрытыми глазами. И вот однажды на смотре в присутствии какого-то великого князя он, стреляя подобным образом, всеми тремя пулями попал в самое яблочко, за что великий князь наградил его часами. «Не верите?» — и он извлек из жилетного кармана круглые большие серебряные часы с надписью на внутренней стороне крышки: «Рядовому Г. Селиберу за меткую стрельбу». Все весело рассмеялись.

Отделение физиологической химии занимало соседнюю квартиру, окна которой выходили на север. Поэтому здесь было темнее.

– У них есть еще одна комната, но она на пятом этаже. Чтобы попасть в нее, надо выйти на лестницу черного хода. Кстати, зимой эта лестница не отапливается, а поэтому площадка между этажами используется физиологохимиками как холодная комната для химических операций, которые надо проводить на холоде, – пояснил Николай Александрович.

В нижней квартире, где они находились, была операционная, большая общая комната, где стояли центрифуги, наиболее громоздкая общая аппаратура и вивисекционные столы. Здесь же были две индивидуальные рабочие комнаты; темная колориметрическая комната; кухня, где готовили пищу подопытным кошкам и собакам; малый виварий, в котором содержались кролики и морские свинки. Подопытные кошки находились в клетках, стоящих вдоль стены длинного коридора. Одни клетки простые (даже двухэтажные); другие – специальные, для изучения обмена веществ, приспособленные для сбора материала (у них были оцинкованные пирамидальные днища со стоком в центре, под которым стояла колба, куда стекала моча).

В верхней лаборатории, куда они поднялись, находилась весовая, колориметрическая, хранилище реактивов и посуды, а также большая рабочая комната, где трудился заведующий отделением Николай Васильевич Веселкин. Это был, несмотря на весьма почтенный возраст, все еще стройный, подтянутый человек, с бородкой-кисточкой только на самой середине подбородка, в узких золотых очках, черной (как говорили, профессорской) шапочке и коричневой вельветовой толстовке. Рядом с ним трудилась его супруга Валентина Михайловна – весьма строгая, полная пожилая дама с гладко зачесанными седыми волосами, собранными в узел на затылке, в серой шерстяной жакетке, заколотой у ворота египетской брошкой – бирюзовым скарабеем с распростертыми золотыми крыльями. Потом Николай Александрович сказал Стебакову, что Николай Васильевич – страстный охотник и все свободное время проводит в лесах.

От физиологохимиков они спустились во двор со стороны улицы Союза Печатников. Их целью был трехэтажный флигель. Слева, в первом его этаже, находилась механическая мастерская.

– Здесь трудятся высококвалифицированные механики Обрам и Подшивалов, оба выдающиеся мастера, сменившие ранее работавших здесь создателей аппаратуры для отделений астрономии и астрофизики Муратова и Мошонкина. Мастерская занята не только ремонтом и модификацией аппаратуры; в ней изготавливаются уникальные приборы для отделений, и даже новые образцы, которые затем передаются промышленности. А наш стеклодув Гейбах изготавливает такую химическую посуду и стеклянные приборы любой сложности, в том числе измерительные: пипетки, микропипетки, бюретки, колбы с прецизионной градуировкой, которая не уступает изделиям всемирно известной фирмы Шотта, – похвастался Николай Александрович.

И вот последнее подразделение – ботаническое, которое занимало два этажа дома по ул. Союза Печатников, соединенных внутренней винтовой лестницей. Здесь были размещены гербарии, образцы растений, микроскопы, химическая посуда и аппаратура (ботаники, как и микробиологи, широко применяли биохимические методы). В банках и колбах находились различные семена. В этих помещениях было светло и просторно, как-то особенно чисто, никаких собачьих и кошачьих запахов, дышалось легко, и казалось, что пахнет свежим сеном и цветами.

Заведующий отделением ботаники Ф.Д. Сказкин здесь бывал не очень часто, так как его основной работой было руководство кафедрой в Педагогическом институте им. А.И. Герцена. В отделении командовала его помощница – Елизавета Рудольфовна Гюббенет, высокая худощавая седая дама в пенсне без оправы на остром носу.

– Она известный ученый, но в быту отличается большой рассеянностью и через это часто попадает в комические ситуации. Так, однажды в столовой она подала кассирше носовой платок; в другой раз,

заполняя анкету и глядя то в нее, то на футляр от пенсне, в графе «Занимаемая должность» она написала: «Старший научный футляр», – рассказывал про нее Морозов, когда они возвращались в его квартиру.

– Вот мы и прошли по всему институту. Правда, рядом на пустыре есть еще вегетационный домик, где произрастают в больших банках экспериментальные гидропонные культуры, но туда можно и не заходить.

Когда они снова оказались в его кабинете, Николай Александрович рассказал об истории института.

В девяностых годах Петр Францевич Лесгафт, известный анатом, педагог и общественный деятель, принужденный отказаться от профессуры, открыл небольшие частные курсы анатомии и физиологии, которые проходили в течение многих лет у него на дому для всех желающих. В числе его слушателей на этих домашних курсах был очень богатый молодой человек И.М. Сибиряков. Ему настолько пришили по душе идеи П.Ф. Лесгафта, что он осенью 1893 года предложил ему в полную собственность около 350 тысяч рублей и дом по Бассейной, № 43, с тем, чтобы он устроил в нем на эти деньги частную научную лабораторию, в которой мог бы свободно и беспрепятственно работать сам и его ученики. Так возникла «Биологическая Лаборатория». Она состояла из научных кабинетов – химического, физического, физиологического, анатомического, ботанического и зоологического.

В это же время П.Ф. Лесгафт основал Высшие курсы, на которых студенты получали по его системе образование в области физической культуры и широкие знания по естественным наукам под руководством ученых, работавших в Биологической лаборатории. Вообще-то, Лесгафт мечтал об устройстве Частного университета, но в то время это было несбыточно.

В таком виде курсы просуществовали до 1905 года, когда, воспользовавшись временной свободой, Лесгафт реорганизовал их в Вольную высшую школу с биологическим, педагогическим и социальным факультетами. Однако Вольная высшая школа существовала не долго, и летом 1907 года была внезапно закрыта по совместному распоряжению министра внутренних дел и министра народного просвещения.

Но я успел преподать в ней. И пригласил меня туда лично Петр Францевич.

После нашего освобождения в 1905 г. из Шлиссельбургской крепости он пригласил работать к себе меня, И.Д. Лукашевича, М.В. Новорусского и В.Н. Фигнер, свою бывшую ученицу по Казанскому университету. Но Вера Николаевна отказалась, сказав, что «все они – ученые (имея в виду нас), а я Вам могу только убирать пыль с Ваших препаратов».

В 1906 г. я начал читать курс лекций по мировой химии. Студентам демонстрировались некоторые опыты по спектральному анализу. Я и ассистирующий мне М.В. Новорусский, впервые наблюдая демонстрируемые нами опыты, вместе со студентами приходили от них в восторг.

Жил я тогда достаточно далеко от места, где проходили учебные занятия, и однажды опоздал к их началу. Лесгафт, который не терпел опозданий, для избежания их в дальнейшем предложил мне для проживания одну из квартир на третьем этаже в доме, в котором располагалась биологическая лаборатория, и на одной площадке с его квартирой. Так завязалась между нами личная дружба. Я счастлив, что судьба свела меня с таким замечательным человеком. К сожалению, 28 ноября 1909 года П.Ф. Лесгафт умер от воспаления почек в Каире, куда он поехал по настоянию врачей.

После его смерти дело П.Ф. Лесгафта продолжал вести «Совет биологической лаборатории», состоявший тогда из девяти пожизненных членов: профессоров Горного института Е.С. Федорова, В.И. Баумана, В.В. Никитина, И.П. Долбни, Н.Н. Яковлева и профессоров бывшей Вольной высшей школы С.И. Метальникова, А.А. Красуской, меня и казначея Ф.И. Чентуковой. Сергей Иванович Метальников был избран директором лаборатории.

В директорство С.И. Метальникова, незадолго до войны, были надстроены еще два этажа над лицевыми домами по Английскому пр. и Торговой ул., а затем при огромном материальном и деловом содействии введенного мной в Совет моего друга, доктора И.Г. Симонова, старый флигель во дворе был сломан и вместо него построен большой шестиэтажный дом, над которым по моей инициативе была начата постройка астрономической обсерватории. Но из-за всеобщей хозяйственной разрухи, вызванной войною, научная деятельность Петроградской биологической лаборатории к концу 1917 года очень ослабела. Не удалось даже достроить обсерваторию вследствие скоростной смерти Симонова. Из-за прекращения всяких доходов с имуществ лаборатории и разорения большинства просвещенных богатых лиц, способных оказать материальную помощь, она осталась без всяких денежных ресурсов, так как в течение 23 лет ее существования все расходы по научной и просветительной ее деятельности покрывались частными пожертвованиями и доходами с ее домов, отдававшихся под частные квартиры.

В 1917 году С.И. Метальников выехал на лето в Крым и там застрял. Не будучи в состоянии возвратиться, он сложил с себя обязанности директора.

Вот в таких условиях Совет лаборатории 26 апреля 1918 г. избрал меня директором.

Я с радостью принял предложение и с помощью моих сотрудников провел через самые тяжелые годы народных бедствий и борьбы Государственный научный институт имени Лесгафта. Главной моей задачей было не только восстановление, но и расширение деятельности лаборатории.

В июне 1918 г. я, Л.А. Орбели и И.Д. Стрельников подготовили и представили в Наркомпрос записку о создании на базе биологической лаборатории нового научного центра исследований, где бы изучались вопросы естествознания – от астрономии до ботаники и физиологии человека. В этом мы следовали принципу, которому следовал П.Ф. Лесгафт, – наука едина в своем многообразии.

Вот Устав нашего института, утвержденный осенью 1918 года.

Николай Александрович достал первый том «Известий ленинградского научного института им П.Ф. Лесгафта» в котором он был напечатан Устав Петроградского научного института им. П.Ф. Лесгафта.

§1. Петроградский научный институт имени П.Ф. Лесгафта имеет целью предоставление лицам, получившим высшее естественнонаучное или медицинское образование, заниматься по возможности безвозмездно теоретической или практической разработкой естественных наук в широком смысле слова и является самостоятельным научным учреждением, состоящим в ведении Министерства народного просвещения, на одинаковых с другими учеными учреждениями основаниях.

§2. Институт имеет все права юридического лица, в том числе и право владеть недвижимыми имуществами и капиталами и право распоряжаться ими.

§3. Институт имеет право входить в договоры с общественными организациями, с научными и учебными учреждениями для совместной с ними деятельности и предоставлять им с этой целью на специально выработанных условиях часть своих имуществ и научных средств. В особых случаях для управления создаваемыми таким образом новыми учреждениями может быть составляем особый комитет из членов Совета научного института и представителей данного учреждения.

§4. Лица, желающие быть допущенными к занятиям в институт, подают прошение с приложением своего *curriculum vitae* и с изложением цели занятий. Лицам, допущенным к занятиям в лабораториях или кабинетах института, ведутся специальные списки, которые прилагаются к годовичным отчетам.

§5. Институт имеет право открывать учебные заведения и отдельные курсы, устраивать публичные лекции и собрания.

§6. Отчеты о трудах института публикуются в издаваемых им «Известиях Петроградского научного института имени П.Ф. Лесгафта» (Продолжение «Известий Петроградской биологической лаборатории»).

§7. Институт имеет отделения: анатомии человека и сравнительной анатомии; экспериментальной биологии и зоологии со специаль-

ными музеями; физиологическое, ботаническое, минералогическое, геологическое, химическое, физическое; научную библиотеку, астрономическую обсерваторию и обладает помещениями для практических занятий.

Совет института может по мере надобности открывать и другие отделения.

§8. Средства института состоят: 1) из доходов с недвижимых и движимых его имуществ, его изданий и другого рода предприятий и 2) из ассигнований государственных, городских и земских и из пожертвований.

§9. Общее направление научной деятельности института и общее наблюдение за его имущественной частью возлагается на Совет, состоящий из 9 членов, избираемых Советом на открывшиеся в нем вакантные места.

§10. В члены Совета могут быть избираемы: а) ученые, известные своими научными трудами и б) лица, оказавшие институту особые услуги своим трудом или предоставлением материальных средств.

Примечание. Члены Совета, избранные из лиц, означенных в пункте б), пользуются при рассмотрении научных вопросов лишь правом совещательного голоса.

§11. Совет имеет право избирать в почетные члены института известных ученых и лиц, оказавших крупные услуги институту. Он имеет высшее наблюдение над научной и хозяйственной жизнью института, избирает из своей среды директора на каждые три года и ученого секретаря; избирает заведующих отделениями, утверждает лиц, занимающих прочие штатные должности в институте, сметы доходов и расходов по всему имуществу института, за исключением предусмотренных в §3. В случае отъезда из Петрограда какого-либо из своих членов на продолжительный срок Совет имеет право выбрать на это время его заместителя. Для действительности заседаний Совета требуется присутствие, по крайней мере, трех членов, кроме директора, а при его отсутствии – его заместителя.

§12. Дела в Совете решаются простым большинством голосов присутствующих членов, причем при равенстве голосов перевес дает голос председателя, за исключением вопроса, указанного в §20, и выбора новых членов, для действительности которых необходимо то же самое число голосов, как и в §20.

§13. По каждому заседанию Совета ученым секретарем составляется журнал, к которому приобщаются и особые мнения членов.

§14. Член Совета, не посещавший заседаний в течение года без уважительных причин, считается выбывшим из Совета.

§15. Непосредственное наблюдение за научной и хозяйственной деятельностью института вручается директору. Директор созывает Совет на очередные заседания, не менее шести раз в год, и на экстренные по мере надобности.

§16. В случае болезни или отсутствия директора его обязанности исполняет один из членов Совета, а при невозможности этого одно из штатных лиц института по выбору Совета.

§17. Непосредственное ведение хозяйственной части возлагается на заведующего хозяйством Петроградского научного института имени Лесгафта, утверждаемого Советом по представлению директора.

§18. Институт имеет печать с надписью: Петроградский научный институт имени Лесгафта.

§19. В случае ликвидации отношений, предусмотренных в §3, все переданные такому договорному учреждению имущества научного института возвращаются ему обратно, с вознаграждением могущих произойти ущербов. Относительно имуществ второй договорившейся стороны должно быть указано в самом договоре. В противном случае и они остаются за научным институтом.

§20. Изменения пунктов устава института допускаются при согласии на это не менее 5-ти членов его Совета.

Директор Николай Морозов.

Члены совета: Л. Орбели, Ф. Чентукова, В. Бауман, Е. Федоров.

После того, как молодой человек ознакомился с текстом, Николай Александрович продолжал:

В этом же томе есть структура института на 1919 год. Я – директор и заведующий астрономическим отделением, ученый секретарь и заведующий зоологическим отделением – Иван Дмитриевич Стрельников, заведующий астрофизическим отделением, а после смерти Евграфа Степановича Федорова и физическим отделением, – Г.А. Тихов, заведующий ботаническим отделением – Владимир Николаевич Любименко, заведующая сравнительно-анатомическим и зоологическим музеями – София Александровна Егунова, заведующая анатомическим отделением – Анна Адамовна Красуская, заведующий физиологическим и зоопсихологическим отделениями – Леон Абгарович Орбели, заведующий химическим отделением – Павел Людвигович Мальчевский, заведующий микробиологическим отделением – Василий Леонидович Омелянский, заведующий отделением физической химии – Виктор Алексеевич Анри, место заведующего биохимическим отделением было вакантным, хранителем обсерватории был Сергей Михайлович Селиванов, председателем хозяйственного комитета был Даниил Осипович Святский и, наконец, заведующим хозяйством был Георгий Иванович Селиванов.

С целью финансирования деятельности всех этих отделений и их расширения было решено сделать институт государственным учреждением. Для этого велись долгие и трудные переговоры с Народным комиссариатом по просвещению. Вся основная работа лежала на моих плечах.

Например, в институте давно ощущалась потребность в собственной механической мастерской. Это мы смогли осуществить осенью 1919 г., когда институту удалось приобрести за 55 тыс. руб. ликвидировавшуюся физико-механическую мастерскую.

Мастерская была переведенная в институт. Она состояла из четырех токарных станков, токарно-фрезерного, одного строгального станка, трех тисков, некоторого количества инструмента и приспособлений.

При штате из двух механиков и одного слесаря мастерская сразу же приступила к большой работе по ремонту и переустройству астрономической обсерватории института. Попутно с этим там производились текущие работы для лабораторий института: ремонт микроскопов, исправление микротомов, некоторые стеклянные работы и точение различных режущих инструментов.

Мастерская, призванная обслуживать научные нужды лаборатории, в связи с потребностями времени была принуждена уделять немало внимания и хозяйственным нуждам института. В начале зимы она произвела крупный ремонт электрической дропилки, а затем исполняла мелкий, но многочисленный хозяйственный ремонт.

Директорство научным учреждением в это время было делом сложным и хлопотным. В ноябре 1917 г. для руководства наукой и культурой был создан Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос), который возглавил А.В. Луначарский. Организацией научных институтов и руководством их деятельностью в системе Наркомпроса занимался Научный отдел. А в 1922 году произошла реорганизация, и делами института стало заниматься Главное управление научными и музейными учреждениями (Главнаука). Количество бюрократов, занимавшихся наукой, увеличилось. Увеличивалось и количество требований к институту.

Следуя традициям Петроградской биологической лаборатории, мы предполагали сочетать научно-исследовательскую работу с педагогической. В конце 1918 г. Совет Высших курсов, состоящих при биологической лаборатории, вынес решение о преобразовании курсов в специализированное высшее учебное заведение – институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта, который вошел в ведение Комиссариата здравоохранения. В последующие годы Петроградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта и институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта сохранили тесные связи. Ученые Научного института читали лекции студентам и вели практические занятия, пользуясь кабинетами и музеями своего института.

Предметом особого моего внимания стала организация астрономического отделения. В августе 1918 г. я представил в Совет

Научного института обширную программу работ нового отделения. Исходным моментом создания астрономического отделения явилась научная деятельность астрономической секции Русского общества любителей мироведения (РОЛМ).

И вообще, многими успехами институт обязан привлечению к работе средств и сотрудников Русского общества любителей мироведения. Я стоял у истоков его создания.

Астрономией я увлекся еще в детстве. И это было серьезное увлечение. В 1907 году меня выбрали действительным членом Русского астрономического общества. После прочитанного мной цикла лекций по астрономии в 1908 году в Париже я был избран постоянным членом Французского астрономического общества, а через небольшое время и постоянным членом Британского астрономического общества.

13 января 1909 г. в Петербурге было основано Русское общество любителей мироведения (РОЛМ). При обществе планировалось открыть обсерватории, лаборатории, метеорологические и биологические станции. Общество должно было способствовать открытию мастерских для изготовления научных приборов и пособий, созданию библиотеки для работы как членов общества, так и для широкой публики, организовывать лекции и экскурсии, участвовать в снаряжении научных экспедиций.

И надо сказать, что за 20 лет своего существования оно полностью реализовало свою программу.

Я был избран председателем Совета РОЛМ. В обязанности Совета входило: созыв и организация общих собраний, предварительное рассмотрение вопросов, подлежащих докладу на общем собрании, устройство и организация лекций, экскурсий, ведение переписки и делопроизводства, составление сметы и т.д.

В 1910 г. Петербургский университет передал обществу 175-миллиметровый рефрактор Мерца. Но надо было решить, где и на какие средства построить обсерваторию. После долгих исканий было решено построить ее в здании Лаборатории имени П.Ф. Лесгафта. Но война, а потом революция, тяжелые условия голода и разрухи, привели к тому, что строительство затянулось до 1920 г. В конце марта 1921 г. обсерватория начала действовать, и многие члены общества, а также учащая молодежь города получили возможность проводить астрономические наблюдения и приобщаться к астрономии. На крыше обсерватории, с асфальтовой площадки, очень удобной для установки малых переносных инструментов, изучалось звездное небо, наблюдались падающие звезды.

По постановлению Общего собрания РОЛМ с января 1912 г. стал издаваться журнал «Мироведение. Известия Русского об-

щества любителей мирозведения». Его редактором стал Д.О. Святский. Издание журнала способствовало образованию ряда провинциальных отделений и привлекло в Общество новых членов.

Весной этого же года по инициативе И.В. Егизарова была основана физико-химическая секция Общества, вслед за ней – астрономическая, куда вошли Центральное бюро астрономических наблюдений с четырьмя отделами: Солнца и планет; Луны; комет; переменных и падающих звезд. Был образован также отдел метеоритов. Секретарь астрономической секции С.В. Муратов в сотрудничестве с механиком О.К. Лукасевичем основали небольшую мастерскую для изготовления дешевых телескопов и установок к ним. Председателем астрономической секции был Г.А. Тихов.

Астрономическая секция в 1913 г. немало времени уделяла подготовке к наблюдениям предстоящего солнечного затмения (8 августа 1914 г.). Но из-за начавшейся первой мировой войны сорвалась тщательно готовившаяся экспедиция для наблюдения солнечного затмения.

Летом 1916 г. М.П. Преображенская вместе с Г.А. Тиховым совершили восхождение на Казбек для выбора места будущей высокогорной станции, строительство которой было отложено до окончания войны. В том же году была организована обширная вычислительная работа по продолжению «Канона затмений» Т. Оппольцера. Эта работа проводилась под руководством М.А. Вильева. В составе астрономической секции была учреждена постоянная комиссия солнечных затмений.

После создания Научного института им. П.Ф. Лесгафта в помещение астрономического отделения были переведены: библиотека РОЛМ, бюро астрономических наблюдений, редакция журнала «Мирозведение». Личный состав астрономического отделения института комплектовался исключительно членами РОЛМ. Ассистентами были избраны С.В. Муратов и Д.О. Святский, научными сотрудниками-вычислителями – М.А. Вильев, Н.М. Штауде и Н.И. Идельсон, хранителями обсерватории – С.М. Селиванов, В.А. Казицын. Таким образом, между Институтом и Обществом установился тесный контакт, содействующий продуктивности и научной постановке астрономических работ, и вообще развитию и успешной деятельности Общества.

Несмотря на все трудности 1919 года, после окончания 124-го собрания Совета Общества, посвященного 10-летию со дня основания РОЛМ, был устроен товарищеский обед, и я читал новые «Звездные песни» и «Иоанна на Патмосе», в котором изложено астрономическое понимание апокалипсиса. На собрании присутствовал неприменный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург.

В 1921 г. РОЛМ ходатайствовало о разрешении провести в Петрограде Съезд любителей мироведения для установления единой программы работ, ознакомления с деятельностью провинциальных членов и организаций и т.д. Совет Общества избрал организационный комитет по созыву 1-го Всероссийского съезда любителей мироведения. Комитет разработал проект Положения о съезде и смету. Государственный ученый совет утвердил проект Положения о съезде. Положительно был решен и самый трудный в то время вопрос: организовано питание, жилье, своевременное снабжение делегатов съезда всем необходимым.

С начала 1930 г. РОЛМ прекратило свое существование. На совещании астрономических учреждений, проходившем в Москве 30–31 октября 1930 г., было объявлено о создании единого астрономического общества, которое образовалось в августе 1932 г. Итак, на смену РОЛМ пришло Всесоюзное астрономо-геодезическое общество (ВАГО) при АН СССР.

Конечно, я люблю весь институт, но особо мне близко астрономическое отделение.

В октябре 1918 г. я обратился к наркому просвещения А.В. Луначарскому с просьбой поддержать мое ходатайство об организации астрономического отделения при Петроградском научном институте и о выделении на него дополнительных ассигнований. Далее в письме к А.В. Луначарскому я раскрыл цель создания нового направления, которое я собирался возглавить. Я отмечал, что главной специальностью моего отделения будет то, чего еще нет на земном шаре: исследование древних документов, содержащих астрономические указания, и определение их времени астрономическими способами, выработанными мною еще в Шлиссельбургской крепости. Здесь же я подробно изложил свой метод вычисления: по нескольким планетам путем просеивания сроков одного светила через сроки другого, а потом третьего удастся получить не более одного решения на целое тысячелетие взад и вперед. Применяя этот метод, я надеялся с помощью молодых астрономов и математиков начать всеобщую обработку египетских, ассирийско-вавилонских, еврейских, латинских, китайских и японских древних документов с астрологическими и астрономическими указаниями, чтобы дать их строго научную хронологию.

Мою идею о создании астрономического отделения и план его научных исследований поддержали ученые Главной астрономической обсерватории в Пулкове.

В конце ноября 1918 г. мое ходатайство о создании нового научного отделения было санкционировано государственными органами, руководящими наукой, и выделены средства на приобретение инструментов и необходимого оборудования.

Я наметил обширную тематику исследований в области астрономии и астрофизики. Это – разработка вопросов исторической астрономии, обработка пулковских фотографических снимков звезд, обработка богатого материала любительских наблюдений, проведение наблюдений целого ряда переменных звезд и изменений на лунной поверхности, вычисление орбит потоков падающих звезд. В программу работ входили и визуальные наблюдения, а также исследования зависимости телескопических изображений от различных метеорологических факторов. Ввиду недостатка оптических инструментов и приборов я считал необходимым в астрономическом отделении института поставить научно и эту прикладную отрасль астрономии путем учреждения показательного шлифовального отделения в астрономическом кабинете института, имея в виду использовать знания специалистов и пионеров этого дела в России – членов РОЛМ. Я выдвинул идею объединить усилия вновь создаваемого отделения со знаниями, опытом и трудами астрономической секции РОЛМ. Это объединение позволяло широко использовать уже накопленный научный материал, ценную библиотеку по астрономии, необходимые инструменты, карты, атласы – все, чем располагала астрономическая секция Русского общества любителей мироведения.

Приходилось много внимания уделять завершению строительства астрономической обсерватории. Несмотря на чрезвычайно трудные условия жизни в Петрограде, нам удалось к середине 1919 г. в основном завершить строительство купола обсерватории. Купол вращался на восьми чугунных роликах, изготовленных на Балтийском судостроительном заводе, при помощи электрической установки.

Мне удалось создать работоспособный коллектив сотрудников, которые начали такие исследования, как наблюдения протуберанцев со спектрометром, изучение яркости фона неба и его зависимости от различных условий, систематическое фотографирование путей метеоров, изучение переменных звезд и т.д. Мне вместе с сотрудниками Отделения удалось приступить к разработке вопросов исторической астрономии и установлению времени различных исторических памятников древности, содержащих в себе астрономические указания; в частности, было вычислено время постройки египетской гробницы, обнаруженной в 1857 г. в г. Фивы, было предпринято вычисление системы своеобразных таблиц, посредством которых можно определить все времена, соответствующие данному расположению Солнца, Луны и других планет. Результаты вычислений, проведенных мной в сотрудничестве с другими членами астрономического отделения, легли в основу одной из книг моего труда «Христос».

30 ноября 1919 г. скончался от воспаления легких астроном-математик Михаил Анатольевич Вильев. Это был один из самых деятельнейших и талантливых сотрудников астрономического отделения института. Тяжелые условия, существовавшие в стране, подкосили этот выдающийся талант, несмотря на свои молодые годы уже стяжавший себе известность своими трудами среди ученых Европы. Сотрудники астрономического отделения приняли решение продолжить задуманные им работы.

Это была не единственная потеря института. Среди наиболее тяжелых была и смерть 20 мая 1919 г. от голода академика Евграфа Степановича Федорова, заведующего физическим отделением, основателя современной кристаллофизики. Это был старый мой друг еще со времен нашей общей революционной молодости.

Развитие исследований в области астрофизики привело к необходимости организации нового отделения. 17 сентября 1919 г., по моему предложению, совет института утвердил создание астрофизического отделения, которое возглавил видный ученый-астрофизик Г.А. Тихов.

Задачей этого нового отделения было:

- 1) производство таких физических исследований, которые имеют применение в астрофизике;
- 2) проектирование астрофизических приборов и осуществление их как в механической мастерской института, так и на стороне;
- 3) производство астрофизических наблюдений как с площадки на крыше института, так и в других местах, вне института;
- 4) организация экспедиций для производства астрофизических наблюдений специального характера и, в частности, для наблюдений, требующих особых условий прозрачности воздуха;
- 5) измерительная и вычислительная обработка наблюдений, произведенных как в самом институте, так и в других местах.

Каждую неделю под моим председательством проводились совместные заседания астрономического и астрофизического отделений, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады сотрудников, рассматривались проекты новых приборов, утверждались планы предстоящих исследований и наблюдений. Эти два отделения института работали в тесном контакте с другими родственными учреждениями Петрограда – с Главной астрономической обсерваторией, с Главной физической обсерваторией, с Оптическим институтом и другими организациями.

Многие сотрудники имели по несколько нагрузок. Так, например, ассистент отделения С.В. Муратов был занят постройкой астрономической обсерватории и конструированием различных приборов, необходимых для выполнения общего плана намеченных отделением научных работ. Ассистента отделения М.Я. Мошонкина, разрабатывавшего проект постройки специального аст-

рографа для фотографирования падающих звезд, избрали советом института для организации и временного заведования механической мастерской института. Хранителем обсерватории и астрономом-наблюдателем отделения, С.М. Селивановым, велись постоянные метеорологические наблюдения.

Как я уже говорил, отличительной чертой института является разработка таких вопросов, при решении которых необходимо сотрудничество нескольких наук. Астрономическое отделение разрабатывало и будет разрабатывать ряд таких комплексных проблем, как, например, вопросы об условиях существования жизни на планетах, вопросы, связанные с межпланетными перелетами, вопросы физиологической оптики (зрение и его ошибки) в астрономических наблюдениях и обработке результатов, определение времени древних документов, содержащих достаточно для этого астрономических указаний, где необходимы и астрономические вычисления, и знание языков и исторических условий, соответствующих тому или иному из них. Исходя из этой целевой установки, институт ставил в план ряд работ, выполнение которых может быть осуществлено только в его стенах, где наравне с астрономическим отделением были представлены и химические, и биологические отделения.

Главную особенность нового института я видел в организации таких отделений, которые не получили официального выражения и признания в виде кафедр в университетах и в Академии наук. Это были, по большей части, новые или мало разработанные направления в естественных науках, такие, как генетика, зоопсихология, физическая химия, микробиология и др.

Вот, например, отделение зоопсихологии. К его организации приступили в конце 1918 года. В его задачи входило изучение сравнительной психофизиологии животных. Предполагалось, что это отделение будет находиться в самой тесной связи с зоосадам, над животными которого можно будет производить психофизиологические опыты.

Но из-за экономических трудностей летом 1919 года сотрудники отделения были командированы в Курскую губернию для зоопсихологических наблюдений и исследований в естественных условиях над жизнью главным образом перепончатокрылых насекомых. (Позже Стебаков узнал, что этология, наука, занимающаяся изучением поведения животных, достигла достаточно высокого уровня развития и стала очень важным разделом биологии.)

Сотрудники зоологического отделения выработали проект преобразования петроградского зоологического сада в научное учреждение. Проект был одобрен Комиссариатом просвещения.

В научный совет зоосада от лесгафтского института вошли Л.А. Орбели и И.Д. Стрельников.

Кроме того, они выступили авторами проекта экспедиции в Бразилию. Проект экспедиции был рассмотрен и одобрен конференцией Академии наук, Географическим обществом, Ботаническим садом и другими учеными учреждениями. Отмеченная всеми этими учреждениями потребность русской науки в изучении тропических стран и их сочувственное отношение к проекту экспедиции послужили основанием для создания Комитета русской тропической южно-американской экспедиции под председательством академика И.П. Бородина; одним из секретарей комиссии был избран И.Д. Стрельников. В июне 1919 г. Академия наук постановила образовать в своем составе постоянную комиссию по изучению тропических стран (тропическую комиссию), наряду с давно существующей полярной комиссией.

Сегодня мы были в институтских музеях. Они хорошо известны в Ленинграде: музей анатомии человека, музей сравнительной анатомии и зоологии, астрономический музей, а также Астрономическая обсерватория. Эти музеи и обсерватория служили научной работе и являлись крупным просветительным центром, который посещали учащиеся средних и высших учебных заведений, научные работники других городов и частные лица.

Анатомический и зоологический музеи были основаны еще в 1894 году, в год создания биологической лаборатории. Их началом послужили препараты П.Ф. Лесгафта и его ученицы А.А. Красуской. Они непрерывно пополнялись препаратами, отчасти изготовляемыми ученицами и учениками П.Ф. Лесгафта. Биологическая Лаборатория, постоянно нуждаясь в средствах, не могла выделить из своего бюджета средств, необходимых для того, чтобы разместить коллекции музеев в витринах и помещениях, соответствующем количеству имеющихся там препаратов; из-за этого многие шкафы в музеях представляли собой скорее склад материала, чем выставленную коллекцию.

Институт – это целый комплекс разнообразных специализированных подразделений. Как директор института я должен заботиться обо всех.

Обширная тематика института позволяла найти практическое применение в различных областях народного хозяйства страны. Сотрудниками института исследовались вопросы, связанные с физиологией движения, изучалось, как различного рода деятельность отражается на строении организма, разрабатывались проблемы физиологии трудовых процессов. Исследования сотрудников микробиологического отделения сочетали теоретическое и практическое значение. Например, их работа по изучению гид-

ролиза крахмала различными микроорганизмами может получить и практическое применение к проблеме создания туберкулезной вакцины. Работы, имеющие целью изучение разложения жиров микробами и влияния состава среды на бродильную способность дрожжей, представляя теоретический интерес, имели и большой практический выход. Здесь же велись работы, связанные с улучшением пищевых качеств различных видов хлеба путем увеличения содержания витаминов. Ученые зоопсихологического отделения, изучая проявление инстинктов в жизни животных и использование этих проявлений на практике, нашли более совершенные методы рационального пчеловодства.

Биологические исследования координируются вокруг основной проблемы – человек и влияние на него окружающей среды, в особенности производственных условий, которые проводились по трем основным направлениям: 1) влияние среды и рода деятельности на строение организма человека и его органов; 2) физиология движения и трудовых процессов; 3) обмен веществ (включая проблемы иммунитета). Материалы, полученные в процессе многих исследований, послужили научной базой для законодательства по охране труда.

Биологические лаборатории с 20-х годов приступили к экспериментальному изучению разнообразных влияний внешней среды на строение и функциональную деятельность растений, животных и микроорганизмов в связи с корреляцией их органов и функций. Результаты этих работ имели значение для познания путей приспособления организмов к различным условиям внешней среды.

С 1918 под руководством В.Н. Любименко велись работы физиологического характера. Это были исследования в направлении изучения приспособительной деятельности растения и его фотосинтетического аппарата к изменению напряженности света и температуры, спектральному составу света и периодичности освещения.

В ботанической лаборатории были получены данные, доказавшие зависимость содержания хлорофилла в листьях от их освещения, выполнены эксперименты по определению количества хлорофилла и суточного хода фотосинтеза у морских водорослей. Ботаническая лаборатория, согласно новой конструкции института, входит в состав сектора общей экологии и морфологии. Проблема развития растительного организма, с исторической эволюционной точки зрения, под влиянием различных комбинаций внешней среды и сожительства с животными и растениями является основной проблемой для исследовательских работ лаборатории.

В соответствии с этой общей установкой лаборатория в настоящее время разрабатывает, главным образом, вопросы при-

способления растений к таким основным факторам роста, как температура и лучистая энергия.

По мере расширения научных изысканий институт все активнее включался в выполнение работ, связанных с социалистическим строительством. Он проводил исследования в контакте с такими учреждениями страны, как Комитет по химизации сельского хозяйства СССР, Центральный исследовательский институт сахарной промышленности, Соевый институт, Отделение промысленных животных Сельскохозяйственной Академии им. В.И. Ленина, Высший совет физической культуры и т.д.

Уже в декабре 1918 г. обсуждалась программа институтского журнала. Я являюсь бессменным его редактором. Наши «Известия Научного института им. П.Ф. Лесгафта» начали выходить с 1919 г. и были одним из немногих научных изданий, которые регулярно печатались в то трудное для страны время. Я придавал огромное значение печатанию этого журнала. Институт считал издание «Известий» одной из существенных сторон своей научной деятельности, так как опубликование результатов научных работ является как бы завершением процесса научного творчества, который оканчивается только тогда, когда его результаты делаются всеобщим достоянием. На страницах «Известий» печатались статьи ведущих сотрудников института и известных ученых-естествоиспытателей, освещались важные даты в жизни института и видных его ученых, помещались отчеты о деятельности отделений. Журнал пользовался широкой известностью не только в нашей стране, но и за рубежом. (Позже Стебаков узнал, что под редакцией Н. А. Морозова вышло 22 тома «Известий», последний том вышел в 1940 г.)

Институт является центром подготовки научных кадров. Нам разрешено допускать к занятиям в институте лиц, не принадлежащих к его составу, в качестве практикантов. Еще до создания аспирантуры здесь проходили практику многие выпускники и студенты высших школ РСФСР, а позднее и союзных республик – Среднеазиатского, Томского, Грузинского и Армянского университетов.

Предыдущий заведующий ботаническим отделением В.Н. Любименко развивал мысли, близкие моим, об изучении процесса видообразования, о необходимости союза экологии и эволюционной теории. В свете этих проблем он собирал данные о приспособлении растений к разнообразным факторам среды. Между мной и Любименко установились тесные деловые контакты, которые вскоре переросли в дружеские. Он посвятил мне статью «Смерть и бессмертие в биологическом освещении».

Как кормчий, я веду корабль – институт среди рифов в штормовую погоду. Но эти трудные и бурные годы памятли также

как годы, полные надежд, большого духовного подъема и жажды творческой деятельности.

Во всем я ищу общее, закономерное, ряд аналогичных явлений. А это значит, что для меня тесно переплетаются вопросы астрономические и физические с проблемами биологии и психологии. Это происходит и в институте, где разрабатываются темы как биологические, так и астрономические.

Те проблемы и дисциплины, которые порой кажутся далекими друг от друга, работы по которым ведутся независимо, оказываются часто взаимосвязанными, на их стыке делаются открытия и возникают новые проблемы. Стремление к узкой специализации в науке является иногда препятствием для понимания важности комплексных исследований в области смежных наук, для системных исследований.

Как администратор я старался не проявлять себя, я не вмешивался в тематику и научные работы, с моей стороны никогда не было никакого нажима на сотрудников. Но вместе с тем в институте деловая творческая атмосфера, атмосфера дружеской, дисциплинированности и бескорыстной отдачи всех сил общему делу. Эту атмосферу поддерживают и мои заместители: академик Л.А. Орбели, профессор А.Н. Крестовников, Д.Я. Глезер.

Я стараюсь вести скромный образ жизни, того же прошу и от своих сотрудников. Как директор я считаю, что, хотя институт всегда нуждался в средствах на научную работу, нужно как можно меньше предъявлять требований к Наркомпросу, не привлекать к себе внимания. Это приучает людей смотреть на научную работу как на главное и любимое дело жизни, учит проявлять инициативу, самостоятельно конструировать, создавать установки, ставить эксперименты без помощи лаборантов, которых в институте нет.

В Ленинграде нет интенсивного строительства, помещений не хватает для новых учреждений, и поэтому делаются неоднократные попытки отобрать некоторые здания института. И тогда я еду в Москву, в Совнарком, и добиваюсь отмены «опасных» постановлений.

Но вот их беседу прервала Ксения Алексеевна, приглашая их обедать. За обедом она дополнила предыдущий рассказ Николая Александровича:

Николай Александрович сохранил мягкость характера, оптимизм, чистую душу, житейскую наивность и ясный замечательный ум. Он прост и демократичен: для него совершенно естественно беседовать с ребятами в институтском дворе, здороваться со служителями и дворниками за руку, знать их по имени и отчеству, расспрашивать их о здоровье и жизни. Ребята его лю-

бят и даже организовали охрану своему «дедушке Морозу», когда он ходил гулять на набережную реки Пряжки. Во время субботников Николай Александрович вместе со всеми сотрудниками ездит в село Рыбацкое дергать морковь или в порт складывать дрова. И это он делал вопреки всем уговорам поберечь себя.

После обеда Сергей Александрович простился с гостеприимными хозяевами. Сегодня ему надо было возвращаться в Москву. При прощании он получил приглашение посетить Морозовых в их имении Борок. Сергей Александрович с огромным удовольствием его принял.

Глава III

В БОРКЕ

После небольшой переписки они согласовали дату выезда. Когда билет был уже на руках, Сергей Александрович телеграфировал Морозовым, и они прислали к поезду, на станцию Шестихино, экипаж. После долгой тряской дороги, чуть позже одиннадцати молодой человек наконец оказался в Борке.

Все было готово к завтраку, ждали только его. На открытой террасе за столом сидели: Николай Александрович, Ксения Алексеевна, их управляющий Александр Васильевич Щеголев и его жена Мария Тимофеевна, заведовавшая кухней у Морозовых, а также специально приглашенный к Морозовым врач из Ленинграда Анна Семеновна Фомина. Встретили Стебакова очень ласково и мило. Завтрак был замечательным: каши, творог со сметаной, зелень с огорода, ягоды, чай.

После завтрака Николай Александрович пошел на прогулку. Ксения Алексеевна сразу же предупредила, чтобы молодой человек с ним не ходил:

— Я Вас прошу по утрам с Николаем Александровичем не ходить. Утром он привык ходить на прогулку один. Он обдумывает свои работы. Всякий другой человек ему мешает. Сходите лучше к пруду. Я составлю вам компанию.

В центре Борка — старый помещичий дом и рядом флигель примерно той же архитектуры, в котором живут Морозовы. В помещичьем доме с 1938 г. находилась Научная станция Академии наук. Кругом прекрасный, тенистый, запущенный, заросший парк. На окраине парка — пруд, а посреди пруда — остров в кустах и деревьях. Гуляя, они обошли пруд кругом. На подмостках пруда ботаники рассадили в ящиках свои опытные насаждения, пробуя разные сорта луговых трав и растений на влажность и затопляемость. А в парке были посажены азалии, рододендроны, тисы, цуги и другие растения. Ученые делали попытку акклиматизировать здесь эти южные растения.

Вскоре к ним присоединился и Николай Александрович, и они втроем направились к дому.

После утренней прогулки Николай Александрович поднялся наверх, в свой рабочий кабинет, и там трудился с 12 до 17 часов, т.е. от завтрака до обеда, как он говорил, «в одиночном заключении». Затворившись со всех сторон, пользуясь абсолютным покоем и тишиной, он творил свои произведения, превращая в строчки свои идеи, думы, мысли, одновременно производя сложные математические вычисления и доказательства.

Ксения Алексеевна осторожно провела молодого человека наверх и через полуоткрытую дверь кабинета показала работающего Нико-

лая Александровича. Дощатые стены, полки с книгами, повсюду книги, книги и книги. И среди них за столом в простой рабочей курточке увлеченно работал ученый. Что-то считал, затем полученный результат записывал на другой листок, опять возвращался к старому... Так же тихо они спустились вниз:

Ксения Алексеевна повела его в поле. Был разгар сенокоса, и из соседних деревень пригласили косцов. Мужики косили, а бабы сгребали скошенное сено и укладывали его в кучи. Сена было много.

– Рабочих рук не хватает, – пожаловалась Ксения Алексеевна. – Я нанимаю их за деньги из расчета стоимости половины урожая.

Бабы работали дружно, хорошо и аккуратно. Деловым шагом, с тросточкой в руке Ксения Алексеевна обходила сенокосы.

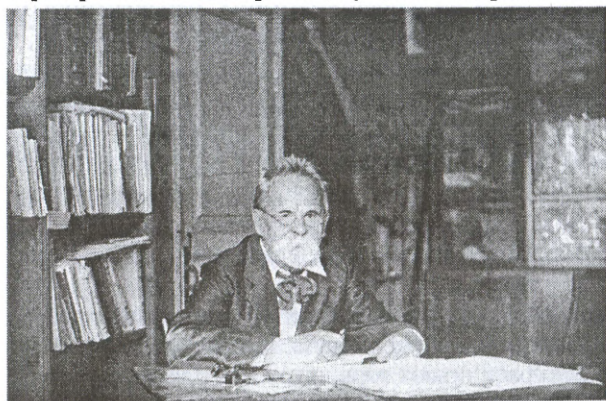
– Везде хозяйский глаз нужен, – пояснила она.

По обычаю, заведенному здесь Морозовыми, она со всеми здоровалась за руку. Со всеми говорила ласково. Всех она знала, и все ее знали. Вот на поле появился и управляющий Александр Васильевич. Он отвечает за все хозяйство. Его фигура видна всюду. Он вечно в движении, в работе, в заботе, в хлопотах. И дело у него движется, и все в порядке.

– Вот поле ржи, а там пшеница. Вот овес, а дальше лен. Но лен уже не наш, а деревенский, колхозный. На грядках картофель, – поясняла хозяйка.

– С лугов собирается сено на прокормление скота. У нас 5 коров, 3 лошади, телята, птица. Рожь сеется на прокормление обслуживающего персонала, овес для прокормления лошадей, гречиха для кухни. Есть пчельник из нескольких ульев. Кое-что из продуктов продается, кое-что покупается, – включился в разговор Александр Васильевич.

Перед домом разместились огород и фруктовый сад. Здесь снова картофель, затем морковь, лук, помидоры, кабачки, клубника, огурцы.

Н.А. Морозов за работой в борковском кабинете

Кругом яблони, сливы, коринка, смородина, малина, крыжовник. Есть несколько сортов мичуринских деревьев, присланных в подарок лично И.В. Мичуриным. Это 2–3 яблони, рябина-вишня: лист вишни, плод – рябины; и еще что-то. Мичуринские сорта плодов еще не давали. Все поля, огороды, фруктовый сад, цветы тщательно ухожены, за всем виден хозяйский глаз, внимание, забота, любовь и интерес.

Тут же рядом служебные помещения: хлев, конюшня, скотный двор, сарай для молотбы. Здесь же прекрасный колодезь, глубиной в 11 метров, дающий очень хорошую воду для питья. Есть сельхозмашины: борона, косилка, молотилка, грабли и проч. На дворе несколько ульев пчел.

Хозяйство у Морозовых большое, требующее много рабочих рук, большой работы, внимания и руководства, больших расходов. Пока Николай Александрович в своем кабинете занимается наукой, Ксения Алексеевна и Александр Васильевич управляют хозяйством.

Управляющему больше пятидесяти лет, но он очень живой, всегда в движении. У Морозовых он работал уже более 10 лет. У него 3 взрослых детей, которые живут отдельно от родителей. До революции он был торговцем. Когда пошло раскулачивание, его обвинили в спекуляции, осудили на 3 года, посадили и сразу же конфисковали дом и все имущество. Тут же придрались к жене, арестовали и ее, и дочь, и осудили на 2 года. Затем оба приговора были отменены, но имущество и дом не возвратили. Александр Васильевич кинулся искать работу, но с его прошлым устроиться было довольно трудно. Но вот его познакомили с Морозовыми, и те взяли его управляющим в Борки. Первые пять лет его работы имение давало одни убытки, но после того как его поймали на обмане и строго поставили это на вид, он покаялся и был оставлен в Борке. С тех пор хозяйство дает доход и является безубыточным. Очевидно, что и сейчас он себя не забывает, но делает это, зная меру.

После прогулки Ксения Алексеевна позволила гостю почитать неизданные рукописи Морозова. Это VIII, IX и X тома «Христа». Теперь Стебаков был надолго обеспечен интересным чтением. При этом он сделал многочисленные выписки, около 6 тетрадей.

– В Ленинграде у нас украли из нашей квартиры, неизвестно кто, работу Николая Александровича о темных телах, угольных мешках, в Млечном пути. Но у него сохранился черновик. Теперь он восстанавливает эту работу заново, заново производит многочисленные вычисления, – пожаловалась Ксения Алексеевна. – Еще у нас пропал VIII том Христа, бывший у профессора Мрочка и отобранный у него при его аресте. Но у нас сохранился второй экземпляр, и Николай Александрович пытается восстановить утраченное.

К этой теме Стебаков вернулся во время вечерней прогулки с Николаем Александровичем:

– Напечатайте Ваши работы в «Известиях Научного института имени Лесгафта». Ведь Вы – директор института. Ваши сочинения – это вклад в мировую науку. Они расширяют горизонты всего человечества.

– Не могу, – ответил Николай Александрович. – В институте много молодых ученых, для которых напечатание их сочинений есть огромное жизненное переживание. Вход в науку. У меня же 25 томов напечатанных сочинений.

– Да, но работа молодого ученого в большинстве случаев и ничего не стоит, – возразил Сергей Александрович. – Во многом это пересказ известного. Каждая же Ваша работа есть новое слово, новый вклад в науку. Сейчас они внутри Вас. Никто, кроме Вас, их создать не может. Рукописи же пропадают и расхищаются.

– И все же я остаюсь при своем мнении, – закончил эту тему Морозов.

Возраст у Николая Александровича в то время был весьма почтенный, но на вид он казался бодрым и крепким. Его любимая присказка: «Я здоров. Я крепок. Я не поддаюсь болезни». Ежедневно утром он делал гимнастику, сохранив этот обычай еще из Шлиссельбурга: ворочал шей, поднимал ноги, вертел руками. В глаза прыскал борной водою, промывал глаза. Обтирался холодной водою. Ежедневно делал прогулки в 6–8 километров. Работал он много. Специальный врач следил за его здоровьем. По секрету она рассказала Сергею Александровичу, что недавно Николай Александрович доработался до полного переутомления мозга и глаз. Пришлось на некоторое время запретить всякую работу.

Морозов очень боялся сквозняков и всегда наглухо запирали все двери и окна, чтобы ниоткуда не дуло.

Вставали в Борке поздно, к завтраку, к 11 часам утра. К завтраку, обеду, ужину должны были являться все. Пока все не соберутся, Николай Александрович к столу не садился. За столом у всех сложились определенные места. Во главе стола – Николай Александрович. Справа от него – Стебаков и врач Анна Семеновна. Напротив них – Ксения Алексеевна и управляющий Александр Васильевич. Напротив Морозова – супруга управляющего Мария Тимофеевна. Ей приходилось часто вставать, чтобы принести новые блюда из кухни.

Иногда приходили гости. Их всегда звали за стол и кормили по всем правилам русского широкого гостеприимства.

На завтрак на стол ставили кипящий самовар. Подавали крынки с молоком, творогом, сметаной, кашей, тарелки с луком, огурцами, хлеб, лепешки. Продукты свои, и их было много. Николай Александрович ел яичницу, кашу, пил чай с молоком.

После завтрака Николай Александрович около получаса гулял, обдумывая предстоящую работу. Затем работал в своем кабинете. Никто в это время к нему в кабинет не заходил. Никто ему не мешал.

После пяти – обед. Сначала суп. Затем либо жаркое, либо рыба, либо что-нибудь с огорода. Зарезали телят – телятина. Привезли рыбу с Волги – стерлядка. Много овощей со своего огорода. На третье сладкое: ягоды, мороженое. Еда сытная, вкусная, все свежее.

После обеда – обязательная прогулка. Командовал Николай Александрович. Он намечал место и конечный пункт, цель путешествия. Прогулки были по 6–8 км каждый день, и каждый день в новое место.

Около девяти вечера возвращались домой. Затем следовал легкий ужин и чай, и если не было гостей, Морозов уходил работать в свой кабинет.

Беседы происходили во время вечерних прогулок среди полей и перелесков.

Вот эти беседы в пересказе Стебакова:

Я не понимаю, почему не печатают мои сочинения. Ведь они построены на марксистской теории. Я доказываю, что татарское иго было немецкое иго. Что древний Рим и Италия никогда не были великим государством. Что на Балтийском побережье жили славяне-поморы, Поморье стало Померанией. Что Пруссия была По-Руссией, подобно Велико-России, Бело-России, Мало-России. По-Руссия, ныне Пруссия, была славянской страной. Славяне шпревяне жили на реке Шпрее, где ныне расположен город Берлин. Бранденбург назывался Брани-бор или Брати-бор. Любек – Любеч, здесь жило славянское племя любечи. Штетин – Щетин, от щетина и т.д.

Сейчас можно печатать только тенденциозные темы, ни вправо, ни влево. Критика и уклоны не разрешаются.

Думали, что я пишу на антирелигиозные темы. А оказалось, что я иду дальше и подрываю основы нынешней официальной науки истории. Я критикую, а критиковать нельзя. Это поняли, и меня перестали печатать. Если я дожидался 30 лет в Шлиссельбурге, пока будут напечатаны мои книги, то я дождусь и теперь, что найдется человек, который заинтересуется моими работами и их напечатает. Мой товар от времени не портится.

Но я не жду, когда все образуется, а работаю сейчас над проблемой предсказания погоды. Если говорить кратко, то при ее предсказании нужно учитывать не только влияние Луны и Солнца, но еще двух космических тел. Но я не буду сообщать вам все подробности этой работы, коль скоро мы решили поговорить о моих исторических трудах. Тем более, что я постоянно к ним возвращаюсь, будучи требовательным к своим работам, стремясь сделать их наиболее понятными, работая над стилем, а частично и над содержанием.

Вот Вы меня спрашиваете, как я пришел к своей теории преемственной непрерывности человеческой культуры? Лучшее бы сказать не «как я пришел», а как необычайные условия моей научной деятельности против моей собственной воли привели меня к новым взглядам на историю человечества, причем мне часто приходилось вступать в тяжелую борьбу со всем своим прежним мировоззрением и сдирать его болезненно с себя, как будто приросшую кожу.

Этому моему исследованию я дал название «Христос», понимая его не в смысле одного евангельского Иисуса, а в общем смысле – Посвященный в тайны оккультных знаний.

Это мое исследование было задумано мною еще в уединении Петропавловской крепости. А написано оно было в разгар обще-

ственной бури, когда все кругом как бы рушилось, словно при землетрясении. Вот почему и вся эта работа похожа на статую, вырубленную топором из мягкого мрамора. Но все же она – законченная статуя и имеет сходство с былой действительностью. А прежние повествования древней истории представляют собою простой мираж, показывающий нам роскошные висячие сады Семирамиды в таких местах минувшей пустыни, где в действительности ничего не было, кроме груд песка да прослоек чахлой растительности.

Дальнейшее тщательное изучение Библии привело меня к убеждению, что все «Пророки» написаны под непосредственным влиянием Апокалипсиса, вплоть до того, что их сюжеты, аллегории, даже самые образы и отдельные выражения повторяются в каждом из «Пророков» как слабые раскаты того сильного грома, каким прогремел Апокалипсис. Следовательно, они принадлежат уже к V веку нашей эры, а не написаны за тысячу лет ранее, как считали до этого. Кроме того, имена «пророков» – не имена авторов, а просто заголовки книг. Так, Иеремия означает «Осилит Бог», Захария – «Помни, Грядущий», Исайя – «Грядущее освобождение» и так далее. Издать книгу удалось только в 1914 году.

Когда я теперь оглядываюсь на свою жизнь с ее многочисленными превратностями, то мне кажется, что она как будто нарочно готовила меня к разбираемому теперь труду.

Еще в ранней юности я увлекался астрономией и лазил с подзорной трубой на крышу своего дома, чтоб наблюдать небесные светила, и так запомнил все небо, что представлял его с закрытыми глазами.

Если бы я работал в обычных условиях, из меня получился бы общего типа астроном. Тюрьма заставила меня пойти по совершенно новому пути.

Я заинтересовался и геологией, и физикой, и математикой, и органической природой еще гимназистом.

Но вот и эта полоса моей жизни прервалась. Я примкнул к кружку революционной молодежи. На этом новом пути своей жизни я почувствовал необходимость пополнить свое образование по общественным наукам. И когда я попал в тюрьму, мои друзья доставляли мне нужные книги по истории, социологии, языковедению и т.д., так как занятия этими предметами не требовали лаборатории.

Я с жадностью накинудся на многотомные всемирные истории Шлоссера, Гервинуса, а затем на русскую историю Соловьева. Но все эти истории не давали мне удовлетворения. Привыкнув в естествознании иметь дело с фактами только как с частными проявлениями общих законов природы, я старался и здесь найти

обработку фактов с общей точки зрения, но не находил даже и попыток к этому. Специальные курсы оказались только расширением, а никак не углублением средних курсов, которые я зубрил еще в гимназии.

Кроме того, вся древняя и средневековая история казалась мне совсем не убедительной. В естествознании ты сам можешь проверить все, что угодно, в случае сомнения. Там благодаря этому – истинное знание, а здесь больше вера, чем знание. Я должен верить тому, что говорит первоисточник, большей частью какой-нибудь очень ограниченный и односторонний автор, имеющийся лишь в рукописях эпохи Возрождения или исключительно в изданиях нашей печатной эры и проверяемый по таким же сомнительным авторам. А кто поручится, что этот первоисточник и его подтвердители написаны не перед самым печатанием. Тысячи имен различных монархов, полководцев и епископов приводятся в истории безо всяких характеристик, а что такое собственное имя без характеристики, как не пустой звук. Разве два Ивана всегда больше похожи друг на друга, чем на двух Петров. Да и все вообще характеристики разве не всегда характеризуют больше характеризующего, чем характеризуемого. Разве мизантроп не даст совершенно другого изображения тех же самых лиц, чем добродушный человек? А ведь историк не машина, а тоже человек, да еще вдобавок никогда не знавший лично характеризуемых им лиц! Чего же стоят его характеристики!

Месяца четыре продолжался у меня период сплошных исторических занятий, но если принять во внимание, что я читал часов по двенадцати в сутки, да и остальное время ни о чем другом не думал, то это время можно приравнять не менее как к двум годам обычных занятий на свободе, когда человек постоянно отвлекается от своих главных работ и размышлений окружающими людьми или своей посторонней деятельностью.

Всего Шлоссера я прочел от доски до доски, кажется, дней в десять, и затем прочел более внимательно второй раз. На чтение всего Соловьева пошло, кажется, две недели, и он был тоже повторен вновь. Так я читал и каждую другую книгу. Первый раз для общего ознакомления, второй раз для отметки деталей. Начав один предмет, как в данном случае историю, я уже не уклонялся от него ни в какой другой, пока не чувствовал, что осилил все.

Так я поступал и со всякой другой наукой. Взявшись за одну, я уже шел в этом направлении, отмахиваясь от всяких случайных соблазнов, как бы ни были они привлекательны. Я не могу заниматься сразу двумя предметами и никогда не мог. Мне легче работать самостоятельно, а не под чужим руководством, как это

было в учебные годы. Но и тогда, кроме школьных предметов, у меня всегда был какой-нибудь один излюбленный, которому я и посвящал все свободное время.

Итак, сухая политическая история мало удовлетворила меня сначала в моем заточении, не показав мне никаких общих законов, и я сам стал отыскивать их.

И вот, по аналогии с современными зоологией и ботаникой, мне захотелось написать естественную историю богов и духов, и я составил ее план. Вырабатывалась большая и очень оригинальная книга, иллюстрированная старинными и новейшими рисунками фантастических существ, которые я уже отметил в разных попадавшихся мне изданиях для воспроизведения в ней.

Эскизировав эту свою предполагаемую большую работу в общих чертах и чувствуя, что ее детальная отделка требует редких материалов, которые можно добыть только в академических библиотеках, я оставил ее в том общем наброске, какой я мог сделать при своих наличных условиях, и принялся пока изучать последнюю отрасль исторических наук – экономическую.

В результате двух-трех месяцев постоянных занятий я составил план и начал писать наброски для новой книги, опять по образцу зоологии, которую я назвал: «Естественная история человеческого труда и его профессий».

Несмотря на то, что и тогда я был уже эволюционистом, мне еще и в голову не приходило усомниться в существовании древних культур, так все казалось хорошо известным с незапамятных времен.

Так набрасывал я мало-помалу свои заметки в полутемной камере Дома предварительного заключения, но мне не суждено было их там окончить. Скоро меня выпустили, и более важные дела отодвинули эту работу. А мои наброски, отданные на хранение товарищам, были утеряны.

Потом я снова был арестован и посажен «на всю жизнь» в одиночное заточение, скачала в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбург, без права иметь какие-либо сношения с внешним миром.

Мне не давали два года ничего читать, а затем, вообразив меня, вероятно, уже достаточно приспособленным к восприятию православной веры, дали изучать Библию по французской книге, остающуюся еще от декабристов.

И вот, когда я прочел в Апокалипсисе слова автора: «Я увидел на небе Деву, одетую Солнцем, под ногами ее была Луна, а над головою ее венок из двенадцати звезд», мне представилась не какая-нибудь прекрасная мистическая девушка с солнцем на груди вроде медальона, а созвездие Девы, в которое, как я и сам не раз

наблюдал в сентябре, входило солнце, одевая ее своими лучами, а под ногами ее мне ясно представилась Луна, как это бывает каждый год после сентябрьского новолуния, и над головою ее, как венок, мне представилась кучка тесных звездочек, называемых теперь Волосами Вероники.

А когда я прочел слова: «Вот вышел на небе Конь Красный и сидящему над ним дан в руки меч», то мне, уже знавшему, что Красным Конем (по-египетски Гор Тезер) называлась планета Марс, ярко представился не какой-то рыцарь на сказочном Красном Коне, а Красный Марс, над которым находилось созвездие Персея, держащего в руке полоску звезд, называемую его мечом, как это происходит и теперь через каждые два года.

Со все возрастающим интересом начал я пересматривать в Апокалипсисе и другие места и вновь и вновь узнавал в них давно знакомые мне картины неба.

«Вот вышел на небо Конь Бледный, и сидящему на нем имя Смерть», – читал я, – а моему воображению представлялся совсем не скелет, на каком-то невиданном бледном коне, а бледноватая планета Сатурн, в сидящем на ней всаднике я узнавал созвездие Скорпиона, астрономический символ смерти, в которое Сатурн входит через каждые двадцать девять с половиной лет.

Я читал далее.

«Вот вышел на небо Конь Темный, и сидящему на нем были даны Весы», – и мне ясно представлялась большею частью невидимая планета Меркурий под созвездием, и до сих пор называемым Весами.

Я читал еще: «Вот вышел Конь Ярко-Белый, и сидящему на нем даны в руки Лук и Венец». А я снова видел яркую белую планету Юпитера в созвездии Стрельца, в руке которого одна полоска звезд и до сих пор называется луком, а под ним группа звезд и до сих пор называется Южным Венцом.

С нетерпением я читал далее и во всех без исключения псевдо-мистических образах Апокалипсиса узнавал созвездия неба. Ничего мистического в нем не оставалось, а только самая обычная астрономия.

Но почему же никто из ученых не указал этого до меня? – думал я и находил только один ответ: теологи никогда не наблюдали звездного неба и не читали астрономий, а если и читали и видели, что тут описаны планеты и созвездия, то скрывали, чтоб не соблазнять верующих. А астрономы, очевидно, не читают Библии, как не читал бы ее и я сам, если б мне не дали ее насильно.

Я стал с интересом читать и другие библейские книги и увидел в них много таких же ярких астрономических картин, выдаваемых за мистические.

И тут же мне, как уже знакомому с небесной механикой, пришла в голову мысль, что такие сложные сочетания планет, какие тут описаны, не могут повторяться чаще, чем через тысячу лет, если не более. Это ведь верный способ установить точную хронологию библейских книг.

Мне с нетерпением хотелось за это приняться, но для этого у меня не было опоры, т.е. точного описания положения всех планет в каком-нибудь уже известном году, да и бумаги с карандашом для вычислений мне не давали.

Так, в ожидании улучшений, я прошел весь богословский факультет, так как кроме Библии мне дали читать еще «Жития святых», «Творения святых отцов», «Историю православной церкви», «Богословие догматическое», «Богословие полемическое» и т.д.

Наконец, мне разрешили иметь тетрадки и карандаш, и я получил курс астрономии Хандрикова, где были приведены положения планет, кажется на 1875 год, и даны точные времена их гелиоцентрических обращений.

Но как же теперь быть с историческими традициями? – думаю я. – Какой Иоанн Астролог мог быть в 395 году?

Было ясно: только автор христианской литургии Иоанн Златоуст, который вслед за тем стал византийским патриархом.

А как же быть со всеми оригенами, киприанами, евсевиями и другими авторами первых трех веков, уже многократно цитируемыми Апокалипсис, написанный после них?

Книга «Откровение в грозе и буре. История возникновения апокалипсиса» вышла весной 1907 г. Первое издание в 6 тыс. экземпляров разошлось в полгода, что для такого сочинения являлось рекордом. В 1912 году вышло его немецкое издание с предисловием известного историка проф. Артура Дрекса.

В поднявшейся бурной дискуссии оспаривали не астрономические вычисления, а толкование текста. Кстати, можно добавить, что произведенные в 1906 г. двумя пулковскими астрономами проверочные вычисления, притом независимо друг от друга, дали полное подтверждение моих расчетов.

Из всех трудных задач, представляющихся для нашего ума при изучении чужой нам исторической эпохи, одна из самых труднейших – это необходимость ясно и отчетливо усвоить себе во всей их логической последовательности как чуждый для нас склад мышления, так и чуждые для нас основы мирозерцания ее современников.

Работа над истолкованием «Апокалипсиса» предопределила ход дальнейших моих астрономических работ. Вышло совершенно неожиданно, что занятия теоретической астрономией завлекли

меня в такую область науки, по которой я никогда и не собирался путешествовать, в историю первых 4 веков христианства.

Опровергающий установившуюся церковную дату «Откровения», мой расчет побудил меня обратиться к другим гороскопам. Такими оказались библейские пророчества. Три из них я исследовал в том же году, а остальными занялся в 1912 г. в Двинской крепости, где «на свободе» (как я шутиливо определял новое свое заключение) изучил древнееврейский язык и выполнил новый перевод библейских пророчеств. Результатом работ явилась книга «Пророки. История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика», вышедшая незадолго до войны 1914 г. и поэтому не успевшая широко распространиться.

После этого мне пришлось прервать на время свои исследования по истории, так как официальные власти стали выражать неудовольствие работами, подрывающими основы веры.

Свою давнюю мечту – написать «Историю человеческой культуры в естественнонаучном освещении» – я начал осуществлять в 1918 г. За короткий срок я подготовил фундаментальный труд в десяти объемистых томах. Этот труд вышел в свет в семи томах под заглавием «Христос».

Основная задача этой моей большой работы была такова: согласовать исторические науки с естествознанием и обнаружить общие законы психического развития человечества на основе эволюции его материальной культуры, в основе которой, в свою очередь, лежит постепенное усовершенствование орудий умственной и физической деятельности людей.

Я старался только расширять старые исторические бастионы с водруженной на них, видимо или невидимо, хоругвью «нерукотворного спаса» и лишь наметить общими чертами возможность построения на развалинах старой исторической крепости (в которой многие и теперь ищут себе защиты) новой, осмысленной исторической науки.

Ведь, когда работаешь в области науки, не идя главным образом по уже открытым другими дорожкам, то чувствуешь себя, как в глухом лесу, еще не снятом на географическую карту. Пробуешь по всем направлениям и думаешь только об одном: как бы поскорее выбраться из него, и не остается времени на чисто дружеские собеседования.

Так теперь и со мною. И я работаю мысленно не только когда держу в руках перо, но даже и за обедом, и по ночам, когда просыпаюсь, тем более, что мне приходится пересказывать от одной науки к другой.

Я сам понимаю основные причины недоверия к моему труду. Тотчас после выхода из Шлиссельбургской крепости я напечатал

в 1907 году мое исследование «Периодические системы строения вещества». Я дал в нем впервые научно обоснованную теорию сложности химических атомов, указав на необходимость вхождения в них электронов и гелия как основных компонентов, и указал необходимость химических изотопов в виде разомкнутых и циклических структур. Но в то время ученые считали еще атомы абсолютно неразложимыми, меня никто не знал как химика, и потому первые критики обсуждали мою книгу тоже не по существу, и не раз я слышал возражения: «Как мог он изучить химию, просидев почти всю жизнь в одиночном заточении? Что путного может он сказать? Не стоит даже и читать его книгу, тем более, что она полна сложных структурных химических формул».

Только потом, когда действительно были доказаны экспериментально и сложность атомов, и присутствие в них гелия, и сами изотопы, отношение к моим химическим и математическим книгам совершенно изменилось. И вот аналогичное отношение проскальзывало до сих пор и у всех впервые увидавших мою книгу «Христос», где на историю культуры высказываются совершенно новые взгляды и где она рисуется много более молодой, чем обычно думают до сих пор. Никто не хотел верить, что за 28 лет упорного ежедневного труда и размышления можно было кое-чему научиться и кое-что обнаружить даже и в темнице, особенно после того, как и до нее человек посвящал с 12 лет почти все свое время как естественным, так и общественным наукам. А о том, что после освобождения я получил возможность пользоваться для своих работ на дому богатым материалом Академической, Пулковской обсерватории и Государственной публичной библиотеки, по-видимому, никто из моих критиков даже не подозревал.

Понятно, что работа в разгар общественной бури, когда все кругом как бы рушилось, словно при землетрясении, далеко не самое лучшее время для столь фундаментальной работы. Приходилось обдумывать вразброд то ту, то другую деталь и записывать урывками, то здесь, то там, часто в холоде и голоде, с постоянными перерывами и переездами из одного места в другое для совершенно посторонних дел. Ведь в это время на моих плечах лежала еще забота об организации и нормальном функционировании Научного института им. П.Ф. Лесгафта. Затем добавились хлопоты по пробиванию издания этой работы.

Легко можно понять, почему возражали против моих исторических трудов до революции. Я был фигурой для властей весьма подозрительной, хоть и амнистированный, но все же «государственный преступник». Отношение ко мне было настороженным. Меня даже посадили в 1912 году в Двинскую крепость на один год за стихотворения, за которые я уже отсидел прежде. Кроме

того, мои работы действительно не способствовали укреплению православия. Так что «притеснения при старом режиме», вроде бы, понятны.

Но вот заключения с печатанием этих работ при «новой власти», для которой я был «живой иконой», было странным. Ведь я был членом Исполнительного комитета партии «Народная воля». Я был лично знаком почти со всеми первыми лицами нового государства и неоднократно их посещал по разным вопросам и в моменты этих встреч не уставал хлопотать о своем историческом труде. Однако, несмотря на протекцию власть имущих, когда я приходил в издательство, мне, конечно, не отказывали, а просто говорили: «Нет бумаги».

Я пытался при каждом обращении к В.И. Ленину по тем или иным вопросам напомнить ему о своей исторической работе, все никак не печатаемой. Председатель совнаркома довольно хорошо относился ко мне, так как его старший брат Александр, которого он очень любил, сложил голову за идеи партии «Народная воля». После каждого такого обращения он давал указание раздобыться с этим вопросом. Те, кому предназначались эти распоряжения, также были всегда, по крайней мере, лояльны ко мне. Вот, например, А.В. Луначарский. Сначала он хотел честно ознакомиться с работой, но, увидев ее объем, решил ограничиться разговором со мной. Идеи, положенные в основу моей работы, ему понравились, и он дал положительный отзыв на нее.

Но дело по-прежнему стояло на мертвой точке. И книга так бы никогда и не увидела свет, если бы не вмешательство прагматичного начальника ОГПУ Ф.Э. Дзержинского.

Однажды я встретился с ним по поводу возможности освобождения нескольких старых моих друзей, за которых готов был поручиться. Незаметно разговор перешел на мои собственные проблемы, и я посетовал, что решение об издании моей книги по истории существует уже несколько лет, а в издательстве говорят, что нет бумаги. Этого было достаточно. Феликс Эдмундович тут же позвонил в издательство и объявил, что у него сейчас находится известный революционер Николай Александрович Морозов, книгу которого все никак не начнут печатать в Ленинградском отделении издательства якобы из-за отсутствия бумаги. Так вот, он лично даст указание оперативной группой провести обыск в типографии при издательстве, и если найдут излишки бумаги – все будут арестованы.

Оказалось, достаточно было только этого звонка, чтобы все тут же завертелось.

Уже очень скоро я понял, что название, которое мне навязал редактор ОГИЗа, неудачно. Мало того, что оно не отражало сути

работы, – многие, не взяв на себя труд даже ознакомиться с произведением, обвиняли меня в том, что в тот момент, когда все борются с религией, я пишу книги о Христе. Им было невдомек, в силу неграмотности, что «Христос» (Cristox) по-гречески значит «посвященный, помазанник в тайны высших знаний». Именно в этом смысле он и фигурирует в моей работе и имеет малое отношение к евангельскому Христу.

К моменту начала печатания первого тома реально готовым был только этот том. Что касается остальных, то основной материал для них был подобран, но он постоянно увеличивался, так как работа все время продолжалась. Когда после вмешательства Ф.Э. Дзержинского работа над изданием началась, можно было более целенаправленно трудиться над каждым томом, доводя их до «товарного вида», состояния, удобного для издания.

К сожалению, импульса, данного Ф.Э. Дзержинским, не хватило на все издание. Его хватило лишь на издание шести томов. А для того, чтобы увидеть свет седьмой том, потребовались дополнительные усилия. Дело дошло до того, что при издании этого тома «наверху» было принято решение разбить уже готовый набор. Работники типографии вместо выполнения приказа поставили меня в известность. А я в свою очередь срочно выехал в Москву, где получил поддержку у Председателя СНК Союза ССР А.И. Рыкова и Управляющего делами СНК СССР и СТО Н. Горбунова, с которым был знаком еще со времен, когда я добивался издания своего первого тома. Удалось добиться следующего. Решение о приостановке печатания книги отменили, но тираж ее должен был быть существенно уменьшен и распространяться он должен был через спец. распределители, а не через свободную продажу.

В октябре 1932 года седьмой том поступил в продажу. В Ленинграде его можно было купить лишь в одном месте – в закрытом распределителе на Невском, 72.

Томы выходили очень медленно, в год по одному, и поэтому при издании пришлось не только руководствоваться первоначальным планом, но и изменять его, прислушиваясь к мнениям читателей и нередко к их советам.

А это увеличивало объем выходящих томов, включение в них того, что по первоначальному плану не предполагалось, а то, что планировалось, приходилось переносить в другие тома.

Вот простая статистика. Первый том был объемом в 548 страниц, второй уже 693 страницы, третий – 735 страниц, четвертый – 816, пятый – 896, шестой – 1211 страниц. И когда стало понятным, что все равно придется издавать дополнительные тома, седьмой том приобрел объем в 915 страниц.

Предполагалось, что восьмой том будет «Об Ассиро-Вавилонских клинописях», девятый – «Сенсационные находки европейцев в первой половине XIX века в Азии, Индии и Египте с точки зрения точных наук» и десятый по «Новым основам Русской средневековой истории». Пока я добивался разрешения на продолжение издания и приводил в порядок подготовленные рукописи, я понял, что в русской истории есть много интересного, требующего специального описания. В итоге то что планировалось сначала как часть восьмого тома, а потом – как десятый том, вылилось в два самостоятельных тома. Они должны были стать 11 и 12 томами. Десятый же том стал называться «Азиатские Христы». Так получилось из-за того, что против продолжения «Христа» возникла очень большая оппозиция. Тогда я решил предложить «Русскую историю» как самостоятельное произведение, а оставшиеся тома издать попозже, когда страсти улягутся. В результате исходно единая работа разделилась на две: три тома продолжения «Христа» и два тома «Русской истории».

Под названием «Христос» вышли следующие тома: «Небесные вехи земной истории человечества», «Силы земли и небес», «Бог и слово», «Во мгле минувшего при свете звезд», «Руины и привидения», «Из вековых глубин», «Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры». Причем в 1927 году вышло второе издание первого тома, а в 1924 году одновременно с первым томом издали его часть в виде отдельной брошюры «Христос или Рамзес? Попытка применения математической теории вероятностей к историческому предмету».

Первоначально планировалось, что в шестом томе будут содержаться результаты исследований по месопотамским клинописям, египетским иероглифам, арабским и другим историческим переводам. Но поскольку все семь томов не удалось достаточно быстро издать, первоначальный план сильно изменился, так как появлялся новый материал, не включать который было нельзя. В результате к моменту подготовки к печати седьмого тома стало ясно, что остается неизданным достаточно много материала, которого хватит еще на несколько томов.

И поэтому надо было добиваться продолжения издания. В приватной беседе в «инстанции» мне популярно объяснили, что они не могут приветствовать издание моей работы, так как в ГИЗ приходят с разных сторон увещевания прекратить печатание книг о Христе и прекратить религиозную пропаганду. (Вот оно – неудачное название.) Не помогали мои возражения, что книга не только не религиозная, а как раз наоборот, вполне антирелигиозная. В своих исторических трудах я старался наметить общими чертами возможность построения на развалинах старой исто-

рии новой исторической науки на революционных началах в связи с географией, геофизикой, политической экономией, историей материальной культуры и со всем вообще современным естествознанием. Но вот мне наконец-то сказали, в чем дело. Оказывается, мой труд идет вразрез с учением Маркса и Энгельса, признававшим Древнюю Грецию. Против этого возразить было нечего.

Моя работа «История человеческой культуры в естественно-научном освящении» – серьезная научная работа, основанная на результатах различных междисциплинарных исследований. Поэтому, чтобы она была понятной большому кругу читателей и имела научную убедительность, позволяя пользоваться научными методами всем желающим, каждый том предварялся прологами и интермедиями.

В первой книге они были посвящены движению планет, во второй – геофизике, в третьей – сравнительной лингвистике, антропологии, мифологии. В четвертой – «методам историко-астрономической разведки». В пятом – дана классификация всех солнечных и лунных затмений от начала нашей эры до эпохи введения григорианского календаря. В шестом – о кометах. В седьмом – применение статистических методов к проблемам хронологии.

Но все-таки моя книга остается сложной для восприятия большинства. Многие читатели, будучи не в состоянии понять мои рассуждения, останавливались только на выводах. А они, естественно, расходились с тем, что они знают. Это несоответствие и рождало неприятие всей работы. Ладно, если этот читатель обычный гражданин, а если он обладает властью? А если результаты расходятся с догматически усвоенным марксизмом? Ясно, что в этом случае будут посылаться «сигналы» в «инстанции». А те будут принимать адекватные действия.

Вообще-то я прекрасно предвидел, что нечто подобное рано или поздно должно было произойти.

Я внимательно следил за публиковавшейся критикой на свою работу. При этом наибольшее количество «ругательных» работ публиковалось в журнале «Антирелигиозник» и «Революция и культура», довольно оголтелых изданиях, где новая идеологическая поросль оттачивала свои способности. Они учились писать критические статьи, не вникая в суть того, что критикуется, а ориентируясь лишь на мнение «руководства» по поводу этих работ.

«Хватит ли у Ленгиза терпения для издания шести остальных томов?» – восклицал один рецензент после выхода первого тома. «Можно только искренне удивляться, – восклицал другой, подписавшийся «Историком» в «Книгоноше», – как государственное издательство тратит деньги в бумагу на издание подобного рода произведений! Прекрасно изданный, с массой никому(?) не нуж-

ных рисунков том в 700 с лишком страниц годится только на раз-молку (т.е. снова на бумагу)»).

И я не знаю, не утопился ли бы я с отчаяния в Неве, читая такие перспективы для своей книги, если б «Постоянная комиссия Академии наук по истории знаний» под председательством академика Вернадского и с участием первоклассных историков не примирила меня с жизнью, избрав меня, несмотря на такое мое полное невежество в истории, своим членом, кажется недели через две после вышеприведенного смертного приговора надо мною «историка» из «Книгоноши», да и государственное издательство не вняло этим мольбам, и вот я остался жив.

Основная канва моей работы «Христос» заключается в том, что культурная жизнь человечества и даже его отдельных народов не шла то назад, то вперед, как думают теперь историки, от расцвета к упадку и от упадка к расцвету, а двигалась не прерывающимся эволюционным путем, подобно развитию живого организма, хотя бы по временам, как доказывает академик Вернадский, и со «взрывами». Отрицать такие взрывы, конечно, нельзя.

Вспомним хотя бы Великую Французскую революцию или наши собственные недавние переживания. Тут надо только твердо помнить, что как ни болезненны бывают такие взрывы, но они всегда приводят общество в своем окончательном результате не на низшую, а на высшую ступень развития.

В своих исканиях я, как и все другие серьезные работники науки, независимо от их воззрений, ищу только истины и высказываю свои мнения и сомнения только после серьезного и всестороннего ознакомления с предметом. Но я все-таки не считаю себя непогрешимым и потому готов серьезно исправить каждую указываемую мне ошибку или привести причины, по которым я не считаю ее ошибкой.

Основная цель моей работы, как я уже сказал, была согласовать исторические науки с естественными, установив, прежде всего, научную хронологию взамен существующей до сих пор скалигеровской. При этом для критического разбора излагаемых в наших первоисточниках сообщений употреблены были мною ряд методов.

1. Астрономический метод – для определения времени памятников древности, содержащих достаточные астрономические указания в виде планетных сочетаний, солнечных и лунных затмений и появлений комет. Результат исследования этим методом, захватывающий у меня более 200 документов, получился поразительный: все записи греческих и латинских авторов, отмечающих вычислимые астрономические явления после 402 года нашей эры, подтвердились, и, наоборот, все записи о затмениях, планетных

сочетаниях и о кометах (последние я сравнивал с записями китайских летописей Ше-Ке и Ма-Туань-Линь, а сочетания вычислял сам) не подтвердились и привели к датам тем более поздним, чем ранее они считались. То же самое случилось с клинописными астрономическими записями в Месопотамии и с идеографическими в Китае. От древности за началом нашей эры не осталось ничего.

2. Геофизический метод, состоящий в рассмотрении того, возможны ли те или иные крупные историко-культурные факты, о которых нам сообщают древние авторы, при данных географических, геологических и климатических условиях указываемой ими местности. И этот метод дал тоже отрицательные результаты за началом нашей эры. Так, например, геологические условия окрестностей полуострова Цур (где помещают город Цур, т.е. Царь, по-гречески – Тир) показывают физическую невозможность образования тут, да и на всем Сирийском берегу, от Яффы до Анатолии, какой-либо закрытой от ветров или вообще удобной для крупного мореплавания гавани. Значит, и центра мореходства здесь не могло быть, а только в Царь-Граде. Точно так же и гора Синай, никогда не бывшая вулканом, не подходит для места законодательства Моисея на огнедышащей горе.

3. Материально-культурный метод, показывающий несообразность многих сообщений древней истории при сопоставлении их с историей эволюции орудий производства и состояния тогдашней техники, как, например, постройка Соломонова храма в глубине Палестины до начала нашей эры и т.д. и т.д.

4. Этико-психологический метод, состоящий в исследовании того, возможно ли допустить, чтоб те или другие крупные литературные или научные произведения, приписываемые древности, могли возникнуть на той стадии моральной и мыслительной эволюции, на которой находился тогда данный народ.

5. Статистический метод, состоящий в сопоставлении друг с другом многократно повторяющихся явлений и в обработке их деталей с точки зрения теории вероятностей. Образчиком этого метода служит излагаемое здесь сопоставление родословной Ра-Мессу II с родословной евангельского Христа, а также диаграмматические сравнения времен продолжительности царствования царей «израильских» и «иудейских» с царями Латино-Эллино-Сирийско-Египетской империи после Константина I и т.д.

6. Лингвистический метод, особенно выявление смысла собственных имен, который часто с поразительной ясностью вырисовывает мифичность всего рассказа. Возьмем хотя бы начало библейской книги Бытия: «Супруга Адама Ева родила ему Каина и Авеля, и Каин убил Авеля». По внешности это вполне исторично, а переведите здесь собственные имена по их смыслу, и выйдет

«Жизнь, супруга Человека, родила ему Труд и Отдых, и Труд убил Отдых». Вместо историчности обнаружилась аллегоричность. И такими курьезами полна вся древняя история.

7. Метод, основанный на изучении физических свойств строительных материалов.

Конечно же, астрономия как таковая играет достаточно большую роль в развитии истории. Даже не столько астрономия, сколько астрология. Последняя отнюдь не всегда считалась «научным заблуждением». Во времена заката Александрийской школы греческие слова «астрономия» и «астрология» были почти синонимами, а то, что мы ныне понимаем под астрологией, в трудах, приписываемых Птолемею, называлось «прогностикой», то есть составлением предсказаний с помощью астрономии. Занятия астрологией не наносили ни малейшего ущерба репутации тогдашних ученых вплоть до начала науки нового времени. Тихо Браге, Коперник, Кеплер, Региомонтан, Галилей и Лейбниц (список легко можно было бы продолжить) либо сами занимались составлением гороскопов, либо пытались подвести под астрологию более прочное научное обоснование.

Для многих принципиальная возможность астрологических предсказаний не вызывала сомнений, в нее верили, а случавшиеся ошибки относили на счет либо неумения составителя предсказания, либо несовершенства измерений и вычислений.

Во многом развитие таких наук, как медицина, химия, этнография, минералогия и ботаника, шло под сенью астрологии.

Более того, она объективно стимулировала развитие наблюдательной астрономии. Как и астрономия, астрология изучала положение небесных светил, но, прежде всего, ее интересовали такие «ужасные» с точки зрения средневекового человека явления, как солнечные и лунные затмения, появление ярких комет, вспышки новых звезд, необычайное сочетание планет. Астрологи видели свою задачу в том, чтобы предугадать, предвестием каких событий эти явления окажутся в жизни государств и отдельных лиц. По мнению астрологов, страны и народы Ойкумены находятся под разнообразными влияниями, исходящими из космоса от созвездий. Полагали, что от того или иного расположения звезд зависят земные события, человеческие судьбы, исход предпринимаемых дел.

Основным способом предсказания будущего было составление так называемых гороскопов – таблиц взаимного расположения планет и звезд на определенный момент времени, что становится главной и, по сути дела, единственной задачей астрологии. Это можно было сделать только после того, как были развиты мето-

ды наблюдения и расчета места небесных светил на небосклоне. Для этого астрологу необходимо было вести непрерывные наблюдения и производить довольно сложные вычисления, т.е. он должен был обладать запасом знаний по астрономии и геометрии и уметь пользоваться астрольбией.

Постоянно изучая расположение планет и звезд, астрологи тем самым объективно увеличивали объем знаний человечества по астрономии, уточнению периодов движения светил и этим содействовали ее дальнейшему развитию. Высокий авторитет и непререкаемое влияние астрологии в течение всего средневековья объясняются тем, что в своем лице она объединяла одновременно науку и мистику. Именно последняя гарантировала астрологии успех и широкое распространение во всех слоях средневекового общества.

В силу недостаточной точности измерений и расчета астрологи пришли к заключению, что, с одной стороны, звезды и планеты дают однозначное влияние на земную жизнь, а с другой – «небесные движения» периодичны. То есть существует такой период времени, через который все положения на звездном небе будут повторяться, а значит, будут повторяться и события на земле.

В трудах Михаила Пселла изложена теория «великого года», т.е. мирового периода, по истечении которого все планеты возвращаются в исходное положение в 30° созвездия Рака или в 1° созвездия Льва и происходит всемирный потоп. Число лет данного «великого года» у Михаила Пселла равно 1753200 годам. Михаил Пселл обсуждал и смену времен года. Он указывал, что «великая зима» наступает, когда солнце и планеты оказываются в «зимних созвездиях (Рыбы, Водолей)», а «великое лето», когда они появляются в «летних созвездиях (Льва)».

Естественно, подобный взгляд противоречил представлению христианской церкви о мире. Ведь если принять такой взгляд, то, значит, будет новое творение мира, грехопадение, потоп, приход в мир Христа и его распятие. А как же Бог? Он что, тоже живет по этим циклам и не может из них вырваться? Значит, он не всесилен? И т.д.

Поэтому Церковь проповедовала, что астрология – ложное учение, и ставить человеческие действия в зависимость от положения и движения светил – это противоречит основным догматам христианства. Наиболее грозными врагами и гонителями астрологии были «отцы церкви». Они осуждали ее, так как она неизбежно приводила к фатализму, не совпадающему с учением церкви о свободе воли, как ее понимали и трактовали христианские идеологи. Василий Великий называл астрологию тщетой и

суемой, требующей усиленных занятий. Но, даже преследуя астрологов, отдельные деятели церкви верили во влияние звезд на судьбу человека.

Вера в астрологию накладывала отпечаток на понимание того, как должна протекать история. Так, например, Эратосфену приписывают желание проверить историю с помощью математики. Он знал, что от эпохи Пифагора и Фалеса его отделяют примерно 300 лет. Но какой срок отделяет Пифагора от Гомера или от героев Троянской войны? Что творилось в те далекие времена в Египте? Сколько веков простояли до той поры великие пирамиды? Эратосфен был уверен, что все природные факты можно упорядочить с помощью здравого смысла и строгой математики.

Я не утверждаю, что эти идеи высказывал некий конкретный человек по имени Эратосфен. Но подобные идеи содержатся в средневековых трактатах и прикрываются именем Эратосфена. Ведь мы помним, что Церковь не одобряла подобных размышлений. Вот и прикрывшись неким именем человека, уже давно мертвого.

Но эта идея, что в количестве независимых царств в разные эпохи и периоды их существования есть определенный порядок, продолжается в работах Ж. Бодена, И. Скалигера, Д. Петавиуса и т.д.

И как раз борясь с астрологией и привлекая астрономию, И. Ньютон попытался исправить существующую хронологию.

Старался привлечь астрономию для независимой датировки и я. При этом я не абсолютизировал ее возможности. Я вовсе не собирался ими ограничиваться, а считал их лишь методами разведки, после которой наступает время других методов для подтверждения или не подтверждения предполагаемых результатов.

И все же именно то обстоятельство, что я еще в детстве увлекался астрономией, и позволило достичь успехов в истории. Чтобы понять это, обратимся к классификации наук.

Научные дисциплины, образующие в своей совокупности систему наук в целом, распадаются на три большие группы – естественные, гуманитарные и технические науки, различающиеся по своим предметам и методам.

В системе классификаций наук особое место занимает математика. Ее предметом является не какая-либо особая форма движения материи, а абстрактно выделенные (количественные и пространственные) стороны движения и взаимоотношения тел природы. Метод ее построения – аксиоматический. В своем генезисе (зарождении) она была экспериментальной наукой, но сейчас она не нуждается в экспериментальном подтверждении.

Среди естественных наук есть тоже особенная. Это астрономия. В отличие от других она является наукой наблюдатель-

ной, а не экспериментальной. И происходит это по той простой причине, что у нас просто нет никаких возможностей проводить эксперименты с космическими объектами. Но вместе с тем моделировать некоторые процессы мы все же можем. И занимается этим астрофизика.

Но такой же статус, как и астрономия, среди гуманитарных наук имеет история. И та наука, которую я развиваю – история человеческой культуры в естественнонаучном освещении, – и призвана играть ту же роль при истории, что и астрофизика при астрономии.

Всякая наука пользуется отдельными фактами лишь как материалом для вывода из них общих законов, объясняющих эти факты. Значит, и история в ее обычном чисто описательном состоянии не есть еще наука, а лишь материал для науки.

Общество является более сложным объектом изучения по сравнению с объектами естественных наук. Специфическая особенность его познания обусловлена тем, что люди сами творят свою историю. Изменяющийся характер общества влияет на его познание, так как анализируемые процессы весьма скоро становятся историей, а изучение истории находится под влиянием настоящего. Теории прошлого с необходимостью переосмысливаются в свете настоящего.

Предметное и методологическое единство познания природы и общества определяется предметным единством мира. Из этого же следует принципиальное единство логической структуры естественных и общественных наук.

Но Природа достаточно сложна для того, чтобы ее можно было бы изучать всю сразу. Поэтому ее познание осуществляется системой наук, каждая из которых занимается лишь одной стороной единого целого. Но изучается-то единая Природа. А это значит, что наряду с тенденциями дифференциации наук (анализа знания) должен идти процесс и их интеграции (синтез).

В соответствии с этим можно выделить три этапа развития изучения Природы. Первый – синкретический (нерасчлененный). Второй, начавшийся в эпоху Возрождения и длившийся до конца 18 века, – этап дифференциации наук. И, наконец, третий, идущий и сейчас, – их интеграция.

Именно владение методами астрономии и понимание роли астрофизики для развития астрономии позволили мне достичь успеха в создании науки, применяющей естественнонаучные методы к истории.

Случилось так, что весь май и часть июня 1934 года я «жил» в XII веке, участвовал в Крестовом походе и увидел, что там все

было не так, как нас учили и учат. Монашеские, католические и рыцарские ордена заходили дальше, чем думают теперь.

В 1204 году они захватили Константинополь, а через год Киев и другие русские княжества.

Пришли они из Татрских гор в Венгрии, обременяли подчиненные страны поборами в пользу римского папы, и их власть стали называть Татарским игом.

Но через 80 лет пришли турки и прогнали их при радости славян и греков. Потом прошли два-три поколения, внуки уже не разделяли ненависти к ним своих дедов, и хитрым папистам в Риме захотелось создать Унию Восточной и Западной церкви против турок, и вот перед Флорентийским униатским собором были выпущены подложные путешествия на восток от имени Марко Поло, Плано Карпини, Рубрука и др., где татарское иго крестоносцев было выдано за «татарское иго монголов», и это вошло в учебники, по которым учили меня.

Вы сами понимаете, что когда я, читая русские летописи, впервые попал на эту мысль, то я уже не мог оторваться от документального изучения этого предмета со всех сторон. Я отбросил всякую переписку, все постороннее, пока не изучил всю литературу этого предмета. Книги все брал из библиотеки Академии наук.

Особой трудностью в моей работе было отсутствие единомышленников. Мои исследования шли бы значительно быстрее, если бы часть работы можно было бы поручить профессионалам в различных областях, особенно в астрономии. Но это очень трудоемкие задачи, и лежат они вне магистрального направления науки. Поэтому многие мои сотрудники по астрономическому отделению сопротивлялись проведению этой работы и саботировали ее. И уже к началу 20-х годов это стало для меня абсолютно ясным.

Как и всегда бывает в тех случаях, когда какой-либо исследователь идет против общих представлений, установившихся в продолжение нескольких веков, у меня в течение всего подготовительного периода этой работы не было ни одного помощника, и всю эту трудную задачу переработки древней и средневековой хронологии мне пришлось делать в одиночку. Даже и самый доброжелательный и математически подготовленный из моих сотрудников по астрономическому отделению Государственного научного института имени П.Ф. Лесгафта – М.А. Вильев, так рано умерший в самом начале своей астрономической деятельности, – и тот уговаривал меня бросить дело, представлявшееся ему штурмом неприступно защищенной крепости. Дошло до того, что когда предложенное ему мною вычисление Атрибских египетских городов не дало, как я и ожидал, никаких результатов от минус 484 года и до начала нашей эры, он долго не хотел продолжать

его на более позднее время, как противоречащее установившейся хронологии, хотя именно для средних веков у меня и вышло уже тогда единственно удовлетворяющее решение. А некоторые другие сотрудники моего астрономического отделения прямо отказались участвовать в моем предприятии.

Кстати, эту ситуацию я описал еще в 80-х годах 19 века, когда анализировал процесс образования новых политических партий. Допустим, существует некоторая партия. Упорным трудом своих членов она добилась определенного авторитета и признания в обществе. Принадлежать к ней стало престижно. И большое количество конъюнтурищиков начинает заполнять ее ряды, но при этом это «большинство» требует, чтобы партия следовало уже оправдавшим себя курсом. Но наряду с этим «большинством» в ней есть члены, которые примкнули к ней не потому, что это престижно, а искренне разделяя ее стремления. Они начинают выступать против мнения большинства. Становятся внутренней оппозицией, и в результате их изгоняют из партии. Но они организуют новую. Своими искренними действиями добиваются признания и авторитета для новой партии. В нее опять устремляются те, кто хочет быть при авторитетном деле, и, чтобы это дело продолжало быть авторитетным, требуют ее «окаменения». Опять появляется внутренняя оппозиция. Их изгоняют и т.д.

Ровно то же самое можно наблюдать в истории. Огромная армия конъюнтурищиков требует канонизации того, что в ней достигнуто, и с жестокостью изгоняет всех, кто собирается что-то изменять.

В таких беседах они провели несколько дней, но надо было возвращаться в Москву. При прощании договорились, что будут поддерживать переписку и встречаться при первой же возможности.

Глава IV

В БАРВИХЕ

Через месяц началась война. Так как у С.А. Стебакова из-за болезни в детстве одна нога была существенно короче другой, его на фронт не взяли, а отправили вместе с институтом, в котором он преподавал математику, в Среднюю Азию. Николай Александрович жил в это время в Борке, и они время от времени обменивались письмами. Но вот война закончилась, молодой человек вернулся в Москву и через некоторое время получил от Морозова письмо, в котором сообщалось, что зиму 1945–1946 года он с Ксенией Алексеевной собирается провести в санатории «Барвиха» в ожидании московской квартиры, так как их ленинградская стала необитаемой после бомбежек. В связи с этим он приглашал Сергея Александровича навестить его в санатории.

Эта зима была очень неудачна для Николая Александровича. Он трижды тяжело болел в течение этих нескольких месяцев, и каждый раз врачи считали, что близится роковой конец. Он был весь исколот введенными сердечными лекарствами, был слаб до невероятия, но по-прежнему ни на что не жаловался, и нельзя было узнать, что он думает, так как он не только не выражал никаких грустных мыслей, но уверял всех, что чувствует себя хорошо. Но это было не так. Как потом рассказывала Стебакову Ксения Алексеевна, однажды, когда она одна сидела у изголовья мужа, он, подняв на нее глаза, безо всякой горечи в голосе сказал: «И Некрасов тоже медленно умирал».

Н.А. Морозов в Барвихе

Но это было исключение. Обычно он с доброй улыбкой и ясным взглядом мягким тихим голосом говорил не о себе, не о своих недугах, а с увлечением рассказывал о Борке, о Волге, о предстоящей летом поездке в родные места.

Сергей Александрович несколько раз приезжал к ним, и когда здоровье не позволяло Ни-

колаю Александровичу много говорить, он беседовал с Ксенией Алексеевной, которая рассказывала ему об их жизни в Борке во время войны.

Она рассказала о юбилее Николая Александровича. В Борок съехалось много гостей. Это были видные деятели науки, культуры, близкие знакомые. За обеденным столом шли интереснейшие, оживленные беседы о литературе, искусстве, науке, о текущих событиях. В них участвовали академики Тарле, Орбели, Шмидт, профессора Ланг, Вольфкович, артист Качалов и др.

Гости совершили небольшую поездку по водохранилищу и Волге на катере. Николай Александрович не переставал, будто впервые видел, восхищаться Волгой, живописными берегами, с увлечением рассказывал о городах и деревнях. Вызывали удивление исключительная память Николая Александровича, его обширные знания природы этих мест и различных исторических фактов, о которых не прочтешь, пожалуй, ни в каких книгах.

В Борок они вернулись к вечернему чаю. В уютной столовой их ожидал кипящий самовар. Было заметно, что от путешествия Николай Александрович устал, говорил мало. Однако чувствовалась его удовлетворенность обстановкой любимого дома, где все ему дорого, близко.

Затем гости и хозяева направились в центр приусадебного парка – к месту, где была захоронена любимая лошадь отца Морозова. Вечером в большой зале музицировали – Ксения Алексеевна, гости, в частности, семья академика В.Л. Комарова, Качалов декламировал.

Однажды, когда Стебаков так беседовал с Ксенией Алексеевной, в Барвиху к Николаю Александровичу приехал секретарь Отделения химии АН, к которому совсем недавно был приписан Н.А. Морозов, Семен Исаакович Вольфкович. Они были очень дружны с Николаем Александровичем.

С.И. Вольфкович общался с Николаем Александровичем на протяжении восьми последних лет его жизни. Будучи с 1939 г. заместителем академика-секретаря Отделения химических наук Академии наук СССР, которое возглавлял тогда академик-секретарь А.Н. Бах, товарищ Морозова по революционной деятельности, он нередко общался с Николаем Александровичем по научным и организационным вопросам. Разумеется, он стремился оказывать Николаю Александровичу максимальное внимание и содействие — доставал для него интересовавшие его новые книги, составлял ему некоторые научные справки, помогал его встречам или переписке с другими учеными, не раз навещал его дома и в санаториях. Его всегда поражало в Морозове неутомимое трудолюбие, не прекращавшееся даже во время болезни.

– Однажды вечером в конце войны я пришел навестить Николая Александровича в подмосковный санаторий «Узкое», где он поправлялся после воспаления легких. Когда я появился, его жена Ксения Алексеевна, стоявшая в коридоре перед дверью в его комнату, сообщила, что его состояние неожиданно резко ухудшилось, температура повысилась почти до 40° С. Разумеется, я сейчас же у двери повернул

обратно. Не тут-то было: Николай Александрович, услышав мой голос, вызвал Ксению Алексеевну и попросил ее пустить меня к нему, – рассказал Семен Исаакович.

Он рассказал, что месяцев девять назад, в начале апреля, он получил от Морозова письмо, в котором было следующее: «...Я очень благодарен Вам за Ваше письмо, полученное мною в первых числах апреля, в котором Вы перечисляете нужные мне новейшие работы по физике атомного ядра. Я постараюсь теперь же получить некоторые из них через академическое издательство и привести их в сопоставление с моими давнишними теоретическими работами по строению атомов периодической системы Менделеева. Передайте при случае мой сердечный привет И.В. Курчатову, отзыв которого о моей книге “Периодические системы строения вещества” доставил мне большое удовлетворение, а список новейших работ дал возможность получить в моем современном удивлении интересующие меня книги».

А в письме, присланном 12 ноября 1944 г., Николай Александрович писал: «...у меня тотчас после открытия циклотронов появился проект новой работы, но я по уши был погружен последние годы в геофизические соображения и не знаю, когда освобожусь от большого моего теперешнего труда “Основы теоретической геофизики”... Но, несомненно, через год или около этого наступит и для меня возможность приняться и за циклотронные явления, и я не премину этого сделать, если другие исследователи не сделают выводов, представляющихся моему воображению, ранее, чем я успею освободиться от своих современных геофизических и метеорологических работ».

С.И. Вольфович, по его собственному признанию, был ошеломлен: «На 91-м году своей жизни он был более страстен и смел, чем многие из нас – на 40–50 лет его моложе».

В один из приездов своего молодого товарища Николай Александрович чувствовал себя достаточно хорошо, и им удалось побеседовать.

Морозов сильно изменился, появились черты старческой дряхлости, он быстро уставал, но оживленно интересовался самыми различными вопросами. В этот раз он рассказал о своей последней работе по геофизике.

В последние годы я закончил большой труд о теоретических основах геофизики и метеорологии, в котором по-новому подошел к предсказаниям погоды.

Еще в Шлиссельбургской крепости мне удалось познакомиться с «предсказательным календарем» Н.А. Демчинского, где в высшей степени легкомысленно по состоянию погоды за прошлые зимы были указаны вероятные стояния термометра и барометра на

лето. Вообще я всегда интересовался успехами метеорологии. И имел некоторые идеи по этому вопросу.

Еще в первой половине 19 века появились попытки научно обработать уже давно существовавшую общенародную примету о связи перемен погоды с сочетаниями Солнца и Луны, особенно с новолуниями. Действительно, в этой примете было много заслуживающего серьезного внимания: от солнечного нагревания происходят восходящие, а благодаря им и нисходящие течения воздуха с образованием кучевых и грозовых облаков местного происхождения, а также и пассатные ветры и непассатные течения воздуха, перемешивающие его холодные полярные слои с более нагретыми слоями умеренных поясов Земли.

Благодаря приливным и отливным действиям Луны, а также и Солнца, неизбежно должны существовать приливы и отливы не только в морях, но и в атмосфере, причем от-солнечные приливные волны атмосферы, набегая разнообразно на отстающие от них от-лунные, должны, судя по времени года, вызывать разнообразные по месту возникновения циклоны, главные факторы неустойчивости земной погоды.

Все это казалось так ясно, что многие астрономы и метеорологи, начиная со знаменитого Ф. Араго, положили массу труда, проверяя эту идею на огромном количестве ежедневных записей в метеорологических обсерваториях Земного шара. Но как они ни комбинировали эти записи, приводя их в связь с сочетаниями Солнца и Луны, всегда выходило одно и то же: процентов шестьдесят предвычислений сбывалось, а процентов сорок не оправдывалось, показывая этим, что кроме Солнца и Луны на перемены погоды влияют еще какие-то космические факторы, так как с естественнонаучной точки зрения никакое явление природы не может быть беспричинным. Уже много лет назад и я специально занимался этим предметом. У меня тогда же появилась мысль, что недостающий третий фактор перемен погоды может и даже должен быть где-то в нашем Галактическом космосе.

Но как доказать, что такое влияние есть? Вы, конечно, знаете, что Земля вращается вокруг своей оси и движется вокруг Солнца. Теперь представим себе, что есть еще центр, назовем его X , который влияет на погоду на Земле и находится вне нашей солнечной системы. Теперь представим, что мы провели мысленно прямую, соединяющую этот центр X и Солнце. Тогда, когда Земля пересечет эту прямую и будет находиться между центром X и Солнцем, на той половине, которая обращена к солнцу, например, температура будет определяться Солнцем, а с противоположной стороны, там, где ночь, температура будет определяться центром X . А в тот момент, когда Земля пересечет эту линию и

между ней и центром X будет находиться Солнце, на той стороне Земли, которая повернута к Солнцу, температура будет определяться совместным действием последнего и центра X . Во всех же остальных точках траектории Земли вокруг Солнца эти два влияния будут принимать промежуточные значения между главными.

Но для выяснения такого влияния и определения его размеров необходимо было бы перечислить записи всех метеорологических ежегодников с обычного нашего солнечного времени, по которому они ведутся, на звездное время, сутки которого на 4 минуты короче солнечных суток. А это перечисление сотен тысяч метеорологических отметок, необходимых для получения определенного вывода, было бы такой огромной работой, для которой потребовался бы труд сотен вычислителей в продолжение не одного года.

В 1932 году мне удалось после многих размышлений по этому предмету найти новый метод перечисления, по которому можно в один вечер перевести с солнечного времени на звездное такое количество метеорологических записей, на которое, по существовавшему до сих пор методу, потребовалось бы не менее месяца, и я тотчас же принялся за работу.

Взяв последовательно из Академической и из Пулковской библиотек метеорологические ежегодники Парижской, Лондонской, Бомбейской, Батавской на Яве, Ленинградской, Московской, Тбилисской и ряда других иностранных обсерваторий за несколько последних лет, я лично, а потом и поручая, при собственной проверке, своим помощникам, сделал несколько тысяч таких перечислений и перевел полученные результаты на двести с лишком диаграмм и получил ряд интересных зависимостей.

Сейчас же я увидел по ним, что и для звездно-суточных влияний всего нашего звездного скопления получились ярко выраженные графические конфигурации того же самого типа, как и конфигурации солнечных влияний, только другого размера. Среди нескольких сотен вычисленных мной таблиц не оказалось, ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке, ни в Америке, ни в Австралии, ни одного противоречащего случая. Все мои таблицы и диаграммы говорили одно и то же: влияния Космоса никак не могут быть игнорируемы при предвычислении погоды.

Космические влияния я обнаружил на температуре, абсолютной и относительной влажности; кроме того, космический фактор влияет на земные магнитные и электрические поля.

Относительная влажность атмосферы есть ее склонность к ясности и дождю. Систематизирование по моему диагональному методу наблюдений разных метеорологических обсерваторий дало кривые того же типа, как и для магнитных и электрических суточных вариаций. То же можно сказать и относительно су-

точных вариаций дождевых осадков. Амплитуды от-солнечных и от-галактических вариаций здесь почти равны друг другу.

Влияние Галактики проявляется и в скорости испарения с водной поверхности, причем уже априорно можно сказать, что суточный ход испарения должен быть обратен ходу выделения из атмосферы дождевых осадков. Последние увеличиваются при ночном охлаждении атмосферы, а скорости испарения увеличиваются при нагревании воздуха Солнцем, что ясно было видно на графиках.

Галактические центры влияют и на скорость ветров суточно-го периода в земной атмосфере.

Оказалось возможным определить и места, откуда исходят недостававшие до сих пор космические воздействия на Землю. Все обнаружившиеся максимумы и минимумы звездно-суточных влияний на температуру воздуха единогласно показали, что в районе созвездия Корабля Аргонавтов существует гигантское скопление высокотемпературного вещества, излучение которого, как невидимой ночью гигантской печи, повышает во время своего наивысшего подъема над горизонтом любого места температуру воздуха над ним более чем на седьмую долю солнечного нагревания. Еще в XVIII веке для удобства ориентации это созвездие было разделено на Киль, Корму, Парус и Компас. Темные туманности я определял в пределах Паруса и Кормы.

По мере его поднятия над горизонтом увеличивается относительная влажность воздуха, т.е. насыщенность его водяным газом. Обозначая через 100% такое насыщение, при котором водяной газ начинает выделяться в виде тумана или дождя, мы получаем и для от-солнечного и для от-галактического воздействия очень правильные максимумы, причем от-галактический максимум достигает в климатически умеренных поясах Земли до половины от-солнечного.

Кроме основного максимума были обнаружены еще несколько. Но второй по величине находится между созвездиями Стрельца и Скорпиона, где скопились звездные кучи и гигантские массы темного вещества, называемые «угольными мешками». Гигантские, даже в астрономическом масштабе, темные массы, которые обнаруживаются на фоне Млечного Пути, впервые были описаны и названы Гершелем «угольными мешками неба».

Третий максимум соответствует участку звездного неба, где на фоне Млечного пути нет ничего особенного, но рядом с ним вырисовывается гигантская туманность Ориона с угольным мешком внутри и две главные из видимых простым глазом звездных скоплений: Плеяды и Гиады. Однако утверждать, что второстепенные максимумы есть результат реальных космических объектов пока преждевременно. Нужно обработать гораздо больше данных.

Вообще же говоря, например, абсолютная влажность (т.е. количество водяного газа в атмосфере места наблюдения), как это выражается парциальным давлением, варьируется даже и в среднем годовичном подсчете в продолжении солнечных и звездных суток очень капризно в разные часы и требует достаточно аккуратной статистической обработки.

Кроме давления воздуха и его собственной теплоты и скорости движения, а также непосредственного действия солнечных лучей в ясную погоду, тут присутствует еще какая-то могучая причина. И уже априорно можно ожидать, что тут применено действие электромагнитных сил, потому что искусственный вызов дождей посредством рассыпания наэлектризованной пыли с аэропланов на достаточной высоте земной тропосферы ясно обнаруживает влияние этого фактора на весь водный режим нашей атмосферы.

Надо признать, что распределение дождевых осадков зависит не от одних перемен температуры и барометрического давления, но в огромной степени от электромагнитных бурь, постоянно происходящих не только на Солнце, но и на исследуемом нами теперь галактическом центре в созвездии Корабля. Возможно даже, что такие бури на Солнце – только резонанс галактических бурь, которые должны одновременно повторяться и на Земле, и на Луне, и на всех планетах. Иначе трудно было бы себе представить, почему на наших диаграммах скачки, показанные звездочками, повторяются не только в полдень, когда данный горизонт обращен к Солнцу, но и в разные часы суток, и почему они так же распределяются и по различным звездным часам. Выходит даже так, как будто каждый удар космических молний и протуберанцев на каком-либо галактическом центре сопровождается многократным эхом на остальных. Во всяком случае, грозовые явления, постоянно сопровождающиеся ливнями, достаточно указывают на связь между этими двумя метеорологическими проявлениями.

Уже давно высказывались мнения, что землетрясения обуславливаются приливным влиянием Солнца и Луны. Я же ввел космические факторы в систему своих рассуждений о непрерывности попеременного действия относительно малых сил и пришел к заключению, что в этом отношении на Землю влияют комбинации Космоса и Урания. Так я назвал эти два центра. Я произвел проверку своих предположений по 115 алтайским и байкальским и 110 приохотским землетрясениям, а также по Каталогу И.В. Мушкетова. Во всех случаях я получил диаграммы с закономерными четырьмя максимумами. Эти максимумы, в отдаленных друг от

друга районах, сдвинуты друг относительно друга в результате «индивидуальных» особенностей. Мне кажется, что и вулканические явления также зависят от толчков из Космоса.

Само собой понятно, что землетрясения происходят не от небесных влияний, а от физических и химических процессов, происходящих на глубине от 15 до 800 километров. Но подбросить прикрывающие их слои им легче всего в то время, когда Солнце, Луна и галактические центры, поднимаясь над горизонтом, тянут к себе эти слои, ослабляя силу их тяжести, и этим помогают их подбросу.

Количество землетрясений в подверженных им местностях повышается более чем на 30% в январе, когда Солнце (в особенности вместе с Луной) противостоит гигантским скоплениям темного вещества на фоне Млечного пути в созвездии Корабля (этот центр назван мной Уранией).

Растягивая Землю в этом месяце в противоположные стороны, эти два центра притяжения облегчают разрыв постепенно назревающих под поверхностью Земли местных напряжений.

Мой общий вывод – геофизические процессы тесно связаны с явлениями в Галактике, так как галактический тепловой поток на Землю может достигать 14% от солнечного. Я отметил существование «от-галактической» климатической периодичности, в частности, периода в 521 юлианский год. Только через этот период повторяются прежние сочетания Солнца, Луны и Галактики для каждого данного места Земного шара. Такой длинный период не дает, конечно, никакой практической помощи для предвычислений, потому что в течение большей части его не было еще никаких метеорологических записей. Однако вырисовывается и другой период, 19 лет, но только по этому периоду выходит, что циклон, который, например, пронесся над Ленинградом сегодня, пронесется через 19 лет где-нибудь над Иркутском, потом над Токио, потом над Сан-Франциско, и т.д. и т.п. А в Ленинград придет тот циклон, который был 19 лет назад где-нибудь вроде Лондона, а 38 лет назад – близ Нью-Йорка и т.д.

Я продолжил работу моего друга Чижевского, обнаружившего примерно 11-летние циклы в природе, связанные им со средней ритмичностью максимума солнечных пятен. Я же предположил, что сами эти пятна – следствие воздействия крупных галактических центров и времени их обращения вокруг своих осей.

И этот период ничем нельзя объяснить, кроме того, что в галактическом космосе существует еще более могучий центр, вращающийся вокруг своей оси приблизительно в 280 лет с отклонением в несколько лет.

Есть тесная связь явлений геолого-географических и социальных, а через них и документов древней истории, а также мифов, религии, астрологии.

Сегодня, после проведенной мной и моими сотрудниками огромной работы по обработке огромного количества геофизических данных разработанным мной методом перевода их на звездное время, я убежден, что действия Галактики на метеорологические и геофизические процессы Земного шара носят закономерный характер и настолько велики, что без введения их в расчеты нельзя даже и мечтать о научном предвычислении погоды, хотя бы и на месяц вперед.

Большой помощью при употреблении опорных пунктов для определения предстоящих перемен погоды в данном географическом районе должны служить уже имеющиеся предвычисления солнечных и лунных затмений. Прибавка к ним галактических влияний несомненно устраним все случаи неудачи таких предвычислений по одним солнечным и лунным влияниям, но для этого нужна работа не одного человека или группы людей, а работа многих метеорологических учреждений при использовании всей сети метеорологических записей Земного шара.

Еще много придется поработать, и не одному человеку, а целым институтам, чтобы дать такие же точные методы для предсказания предстоящих перемен погоды в любой местности Земного шара, какие в настоящее время имеются для солнечных и лунных затмений, но обнаружение галактических влияний и введение их в систему астрономических вычислений, наряду с солнечными и лунными затмениями, несомненно является новым, необходимым шагом к точному, научному предвычислению погоды.

Свои предварительные результаты я послал в «Известия АН СССР» в конце 1940 года. Но из-за начавшейся войны и эвакуации редакции из Москвы набор статьи был потерян и восстановлен был уже только в конце 1944 года.

Теперь я заканчиваю большую книгу по этому вопросу. Вот только успею ли?..

Это была их последняя встреча...

Эпилог

Мы умираем только для других.
О смерти собственной умерший не узнает —
Ушел он в новый путь, он мертв лишь для живых,
Для тех, кого он оставляет.

Вот гроб стоит, и в нем недвижим тот,
С кем я делил и радость и страданье.
Он умер дня меня, но он во мне живет,
А я исчез в его воспоминаньи.

Я умер в нем, меня хоронят с ним.
В его душе мое исчезло отраженье.
В стихийный мир ушел попутный пилигрим,
Хранивший в памяти мое изображение.

А для меня тесней сомкнулся горизонт.
Русло моей души как будто уже стало.
Но в глубину времен душа спустила зонд,
И нить его нигде до грунта не достала.

Сомкнулся мир стихий, бывшее заслоня,
В нем своего конца, как все, я не узнаю,
Но с каждым из людей, умерших для меня,
Мне кажется, я тоже умираю.

И все ж не умер тот, чей отзвук есть в других,
Кто в этом мире жил не только жизнью личной!
Живой средь мертвых мертв, а мертвый жив в живых, —
Как это странно все, как это необычно!

От того места, где пристал небольшой речной пароходик, до дома было несколько километров. Повинуясь давней привычке, он решил пройти их пешком. Правда, голова немного кружилась, но это, наверное, от долгой дороги. Его довольно сильно продуло на верхней палубе, но он не мог заставить себя спуститься вниз, так не хотелось расставаться с этими дорогами и знакомыми до каждого холмика местами. До дома он добрался достаточно быстро, но чувствовал, что температура поднимается... Сил хватило лишь на то, чтобы войти в свою комнату и опуститься на диван...

Очнулся он уже в постели. В комнате суеилось несколько человек в белых халатах. Возле кровати сидела как-то сразу сильно постаревшая его Ксана:

– Никусь, что с тобой? Ты так нас всех напугал! Ну ничего, доктор уже приехал, и все будет хорошо. Он в два счета поставит тебя на ноги.

К кровати приблизился доктор:

– Да-да, Николай Александрович, мы Вас быстро поставим на ноги.

Морозов устало улыбнулся:

– От чего Вы собираетесь меня лечить, от старости? Ну что же, я с интересом посмотрю, как это у Вас получится...

Последняя фотография Н.А. Морозова

Он опять улыбнулся. Шутить, конечно, можно, но дело, кажется, совсем плохо. Хорошо хоть, что это случилось здесь, в его любимом Борке. Здесь он родился. Недалеко отсюда, под толщей воды, в Афанасьевском монастыре, могила отца. Здесь была их с Ксаной свадьба. Здесь, в ближнем селе Никульском, могилы матери, брата, сестер, няни Татьяны... А что за чудная природа в здешних местах! Что может сравниться с мягким июньским вечером? Нежное, бледно-голубое вверху небо на склонах плавно переходит к тончайшим розовым оттенкам и у самого горизонта снова синее. Ветер такой ласковый, приветливый. Дышится так легко... Старинная березовая аллея выводит на холм, с которого чудесно наблюдать закат: громадное темно-красное

светило медленно скрывается за редкими домами деревни Григорово и небольшим еловым лесом... Все в природе словно ласкает тебя. Од-

нажды жарким полднем он прижался грудью к земле на лугу и почувствовал ее всю, как планету, у своего сердца. Казалось, что они вместе летят куда-то, прижав сердце к сердцу, – она, такая огромная, и он, ее крошечное дитя... Здесь он написал свои лучшие стихи – «Как в этом мире все полно очарования», «На земле покой и нега», «Внизу спустился сон над каждою былинкой», «Уж ночи летние становятся темней», «Осенние грезы»...

Он вспомнил, как после революции боролся за свой Борок и сколько радости было, когда Совнарком издал постановление, по которому имение передали Н.А. Морозову за заслуги перед революцией и наукой в пожизненное пользование, освободив от всяких налогов и приравняв к другим культурным учреждениям страны. Николай Александрович всю жизнь довольствовался малым, а тут – такой подарок! И он решил большую часть имения отдать какой-нибудь организации, оставив за собой лишь флигель, в котором родился и жил после возвращения из Шлиссельбурга и который перестроил по своему проекту перед первой мировой войной. Он сделал правильный выбор – отдал свой родной Борок Академии наук. Теперь здесь создано серьезное научное учреждение, которому предстоит блестящее будущее.

Когда задумали создавать Рыбинское водохранилище, Морозов с интересом ознакомился с документами по этому вопросу, а вскоре столкнулся с проблемой на практике.

Однажды в его флигель зашел приезжий землемер и сказал:

– Мы сейчас определяем границы будущего водохранилища, и у нас получается, что Ваш дом будет затоплен. Так что Вам придется выезжать отсюда, и как можно скорее.

– Я боюсь, что в Ваших расчетах закралась ошибка, вода не поднимется так высоко. Хотите, я покажу Вам границу будущего водохранилища? – предложил Николай Александрович.

– Ну что же, очень интересно, давайте посмотрим, – высокомерно ответил молодой землемер.

Они вместе вышли в парк, старинной березовой аллеей опустились к пруду, обогнули его справа и прошли еще метров триста.

– Вот она, граница. Причем это самая верхняя граница, выше нее вода ни в коем случае не поднимется, – остановившись, оказал Николай Александрович. Немного подумал и добавил:

– К сожалению...

– Я Вас предупредил, а Вы поступайте, как знаете, – обиделся молодой человек.

Он был уверен в себе и считал старого академика выжившим из ума. А тот уже забыл о нем... Да, к сожалению, водохранилище будет очень мелким, а болотные реки, в долине которых оно расположится, очень быстро наташат сюда ила, и оно со временем превратится в огромное болото. А ведь это не единственное водохранилище – их будут строить много, по всем основным рекам страны! Польза это или

нет? Трудно сказать так сразу, нужны исследования... Да, нужны исследования. Для страны, для Академии, для Борка будет лучше, если здесь откроют биологическую станцию, которая будет следить за изменениями воды, окружающей растительности и животного мира... Решено, так и надо сделать! И, круто повернувшись, он зашагал к дому.

В Академии его предложение приняли с пониманием. И вот уже организована биологическая станция «Борок», а Морозов, в благодарность за заботу об этом научном заведении, выбран его почетным директором. А когда, уже после войны, водохранилище заполнили полностью, оказалось, что в споре был прав старый академик. Он довольно точно указал то место, до которого поднялась вода...

Сюда, в Борок, к нему приезжали гости со всей страны – посмотреть, как он живет, как работает, посоветоваться по разным вопросам. Было много молодежи, а с ними он сам становился моложе. Он исходил здесь пешком каждый клочок земли. И не просто гулял, а пристально всматривался в мельчайшие особенности рельефа. Для него это была открытая книга, по которой читалось прошлое родного края... Вспомнилось, как в свое время Валерий Яковлевич Брюсов назвал его Борок «знакомым всей читающей России». Будут ли помнить Борок в будущем? Будут, если станция будет хорошо работать. Теперь слава Борка – в ее работе...

Страшно ли ему умирать, все ли он сделал, что мог? Он привык ничего не бояться, его девизом было – «Ничего не страшно!» Он всегда жил честно и поступал так, как считал нужным. Он не раз бывал в ситуациях, когда считал себя обреченным, и потому давно был готов к этому моменту. Все ли он сделал? Его научное наследство огромно, но, к сожалению, еще не изданы три тома «Истории человеческой культуры в естественнонаучном освещении», два тома «Истории государства Российского в допечатный период», объемистая рукопись «Теоретическая геофизика» да с десяток мелких статей, не напечатанных из-за войны. Но он неизменно повторял: «Мой товар от времени не портится». Настанет время – напечатают и эти работы. Хуже с теми многочисленными идеями, которые он не успел записать и разработать в достаточной степени, чтобы эти идеи не пропали...

Под окнами гостиной, закрывая окно, стоит ель, его ровесница. Ее посадили, когда Коле исполнилось семь лет. Отец приказал привезти из лесу семилетний саженец, и мальчик сам засыпал землю у этого хрупкого деревца. А теперь это могучая ель, которой не страшна никакая непогода. Его не будет, не будет людей, которые встречались на его пути, а дерево, посаженное его руками, будет жить...

Его взгляд упал на печь. Вспомнилось, как мастера вылепили ее очень плохо, асимметрично, печь пришлось перекладывать. А здесь, за стенкой, поскрипывала лестница наверх. С ней тоже была история. Лестница держалась на столбе, которому в основании нужно было сделать фундамент из камня. Мастер, делавший кладку, удивительно бис-

тро справился с этой работой, чем взволновал Николая Александровича: ведь если фундамент непрочен, то лестница вскоре завалится. Морозов сам полез в сырой погреб с лампой. Его худшие опасения оправдались – камни были набросаны в навал и обляпаны глиной, которая, засыхая, трескалась и обваливалась. Он попросил переделать, но при проверке оказалось, что ничего не изменилось, лишь замазаны трещины. Тогда ему пришлось самому спуститься в подвал, просидеть там полдня в сырости и добиться, чтобы фундамент был сделан как следует... И так он вникал в каждую мелочь. Не напрасно – дом стоит уже более тридцати лет и еще простоит долго, быть может, даже переживет его ель...

Похоронили его в парке, недалеко от дома, на том самом месте, которое он давно для себя выбрал. Под звуки государственного гимна гроб опустили в могилу. И вот над свежим могильным холмом, покрытым цветами, над головами многочисленных скорбящих о старом академике раздался звонкий молодой голос:

Из каждой былинки
В земле и в воде,
Из каждой пылинки
Я слышу везде
Напев сокровенный,
Как сон наяву:

«Я атом Вселенной,
Я вечно живу!»

На каждом светиле
Таинственно скрыт,
В энергии, силе
Напев тот звучит,
Напев неизменный,
Как сон наяву:

«Я атом Вселенной,
Я вечно живу!»

Из центров сознания,
В началах начал,
Я в каждом создании
Напев тот слышал,
Напев вдохновенный,
Как сон наяву:

«Я атом Вселенной,
Я вечно живу!»

Памятник на могиле Н.А. Морозова в Борке

Краткая хронология*

1772–1829 – годы жизни прадеда Н.А. Морозова Егора Алексеевича Алексеева.

1807 г. Прадедом Н.А. Морозова Е.А. Алексеевым куплены земли, на котором построено имение Борок Мологского уезда Ярославской губернии.

1802 г. Родился Алексей Петрович Щепочкин, дед Н.А. Морозова.

1804 г. Родилась Вера Егоровна Алексеева, бабушка Н.А. Морозова.

1832 г. 7 октября родился Петр Алексеевич Щепочкин, отец Н.А. Морозова.

1834 г. Родилась Анна Васильевна Плаксина (Морозова), мать Н.А. Морозова.

1840 г. 21 сентября от взрыва дома в Борке погибли бабушка (Вера Егоровна Алексеева) и дед (Алексей Петрович Щепочкин) Н.А. Морозова.

1854 г. 8 июля (25 июня) родился Николай Александрович Морозов, числящийся по документам «мещанином г. Мологи». Он получил фамилию матери, а отчество – по крестному отцу, мологскому помещику Александру Ивановичу Раджицкому.

1856 г. Родилась сестра Николая Морозова Екатерина.

1858 г. Родилась сестра Николая Морозова Надежда.

1860 г. Родилась сестра Николая Морозова Аграфена.

1862 г. Родилась сестра Николая Морозова Вера.

1864 г. Родилась сестра Николая Морозова Варвара.

1866 г. Родился брат Николая Морозова Петр.

1868 г. В августе Николай Морозов поступает во 2-й класс Московской 2-й гимназии.

1870 г. Н. Морозов организовал гимназическое «Общество любителей естествознания», где выступал с докладами, выпускал рукописный журнал.

1870–1871 гг. Н. Морозов – вольный слушатель Московского университета.

1873 г. Н. Морозов написал статью «В память нечаевцев» для рукописного журнала.

1874 г. В начале года состоялось первое знакомство Н. Морозова с кружком «чайковцев» («Большим обществом пропаганды»), имевшим отделения в Москве, Петербурге, Одессе и Киеве;

в начале лета Н. Морозов совершил первое хождение в народ с фальшивым паспортом, выписанным на имя Семена Вахромеева, прибыл в Даниловский уезд Ярославской губернии, в усадьбу Потапово, расположенную рядом с большим торговым селом Вятское;

работал кузнецом в староверческой деревне Коптево;

в июне – начале июля – второе хождение в народ;

в середине июля Н. Морозов и О. Алексеева едут в имение Леонтьевых в Кашино Курской губернии;

в конце октября – ноябре состоялся третий поход Н. Морозова в народ вместе с И. Союзовым, в деревню Шелково, Московской губернии, Дмитровского

* Составлено совместно с В.Б. Бирюковым

уезда, Морозовской волости; на этот раз Морозов ходил в народ с паспортом на имя Воробьева, что в дальнейшем стало поводом для появления партийной клички «Воробей» – в память о последнем хождении в народ;

в ноябре «чайковцы» (С. Кравчинский, Д. Клеменц, С. Перовская и др.) телеграммой вызвали Н. Морозова в Петербург, чтобы затем послать его и Н. Саблина в Женеву для содействия создающемуся там революционному журналу для народа;

в декабре Н. Морозов и Н. Саблин нелегально перешли прусскую границу.

1875 г. Н. Морозов вступил в члены Международного Товарищества рабочих (I Интернационал);

в начале марта Морозов и Саблин выехали из Женевы в Россию;

12 марта Морозов и Саблин арестованы при переходе русской границы;

18 марта Н. Морозова отконвоировали в Петербург, в здание Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии;

20 марта Н. Морозов был доставлен в Петропавловскую крепость для допросов, после чего препровожден в Коломенскую полицейскую часть Петербурга;

летом Н. Морозова перевезли в Москву, в Тверскую полицейскую часть, для допросов по делу о московском кружке, а затем снова перевезли в Петербург в Дом предварительного заключения.

1876 г. 10 марта П.А.Щепочкин подал просьбу об освобождении Морозова под залог;

24 марта член Московской судебной палаты Ф.Ф.Крахт получил из Министерства юстиции специальное предписание о вторичном аресте Морозова.

1878 г. С 18 октября по 23 января в здании Петербургского окружного суда на Литейном проходил процесс над участниками «хождения в народ» (процесс «193-х»);

в феврале Н. Морозов вышел из тюрьмы, по процессу «193-х» он был приговорен к 15 месяцам тюрьмы, но с учетом трехгодичного предварительного заключения его освободили;

в начале марта Н. Морозов отправился в Тамбовскую губернию;

в марте Н. Морозов переехал в Саратов;

18 мая Н. Морозов прибыл в Москву, а через несколько дней перебрался в Петербург, где находился центр землевольческой организации;

с 25 мая по 10 июля Н. Морозов участвовал в попытке освобождения Войнаральского (1 июля 1878 г.), попытка окончилась неудачно;

в июле Н. Морозов участвовал в попытке освобождения Е.К. Брешко-Брешковской, попытка окончилась неудачно;

в начале августа Н. Морозов вернулся в Петербург;

знакомство с Ольгой Любатович;

Н. Морозов становится членом редакции газеты «Земля и воля» вместе с С.М. Кравчинским и Д.А. Клеменцом;

Н. Морозов принят в партию «Земля и воля»;

25 октября вышел первый номер «Земли и Воли».

1879 г. С марта по июнь Н. Морозов был редактором «Листка “Земли и воли”» (вышло 6 номеров);

в апреле Н. Морозов уехал в Финляндию;

с 15 по 17 июня принимал участие в Липецком съезде;

с 18 по 21 июня принимал участие в Воронежском съезде;

избран членом Исполнительного комитета партии «Народная воля»;

Н. Морозов вместе с Л.А. Тихомировым был назначен редактором газеты «Народная воля»;

в октябре вышел первый номер газеты «Народная воля»;

осенью Н. Морозов участвовал в московском подкопе для взрыва царского поезда;

с конца ноября по начало декабря Н. Морозова и О. Любатович поместили «в карантин» в народовольческой типографии.

1880 г. В январе была арестована типография «Народной воли» и прервалась редакторская деятельность Н. Морозова;

в первых числах февраля Морозов и Любатович уехали из Петербурга в эмиграцию;

5 февраля в Берлине Н. Морозов узнал о взрыве в Зимнем дворце;

с мая Н. Морозов стал официальным представителем Исполнительного комитета за границей;

в июле было объявлено о начале издания в Женеве «Русской социально-революционной библиотеки» при сотрудничестве Л. Гартмана, М. Драгоманова, П. Лаврова, Н. Морозова, И. Павловского и других;

в Женеве в типографии «Громады» вышел сборник «Стихотворения Н. Морозова, 1875–1880 гг.»;

Н. Морозов стал слушателем факультета «Sciences et lettres» Женевского университета;

в октябре у Н. Морозова и О. Любатович родилась дочь;

в декабре 1880 г. в Лондоне Н. Морозов посетил К. Маркса для переговоров об участии последнего в «Русской социально-революционной библиотеке»;

в декабре Вера Фигнер в очередном зашифрованном письме по поручению ИК просила Н. Морозова поторопиться с приездом.

1881 г. 23 января Н. Морозова и А. Остафьева арестовали при переходе границы у Эйдкунена, в деревне Стошки, Владиславского уезда, Сувальской губернии;

26 февраля Н. Морозов и А. Остафьев были переведены в Варшавскую цитадель;

в апреле Н. Морозова и А. Остафьева отправили в Петербург, в Дом предварительного заключения;

в июле Н. Морозова перевели из Дома предварительного заключения в Трубецкой бастион Петропавловской крепости;

летом в Монпелье от менингита умерла дочь Н. Морозова, которую О. Любатович оставила знакомым, отправляясь в Россию спасать Морозова;

в мае О. Любатович прибыла в Петербург и установила кратковременную связь с Н. Морозовым;

в ноябре арестована О. Любатович.

1882 г. 9–15 февраля проходил «Процесс 20 народовольцев» в здании Петербургского окружного суда на Литейном, по этому процессу Морозов был приговорен к пожизненному заключению;

26 марта Н.А. Морозова, А.Д. Михайлова, М.Ф. Фроленко, К.Н. Колоскевича, Г.П. Исаева, А.И. Баранникова, М.Р. Лангаса, А.Б. Арончика, М.Н. Тригони, М.В. Тетерку, К.В. Клеточникова перевели из Трубецкого бастиона в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости;

Н.А. Морозов помещен в одиночную камеру № 10 Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

1883 г. Летом дали книги, но только богословского содержания;

в августе Н.А. Морозов начал работу над астрономическим содержанием Апокалипсиса, позже это стало основой его работы «Откровение в грозе и буре».

1884 г. 2 августа оставшихся в живых обитателей Алексеевского рavelина, Н.А. Морозова, М.Ф. Фроленко, М.Н. Тригони, Г.П. Исаева и А.Б. Арончика, перевели в Шлиссельбургскую крепость;

Н. Морозов помещен в камеру под № 4.

1885 г. Шести самым слабым заключенным разрешили прогулки вдвоем, образовались пары: Морозов и Буцевич, Тригони и Грачевский, Фроленко и Исаев;

летом в прогулки было внесено некоторое разнообразие: чтобы узники совсем не захирели от отсутствия движения, с берега привезли песок и в клетках для прогулок насыпали кучи, воткнув в них деревянные лопаты, которыми можно было перекидывать песок с одного места на другое;

30 сентября начальнику Шлиссельбургского жандармского управления предписано разрешить заключенным более разнообразное чтение и письменные занятия в камерах.

1886 г. В феврале к клеткам для прогулок добавили 6 клеток площадью 15х6 м² под огороды, занятия в огородах предполагались 3 раза в неделю;

24 марта, 54 лет от роду, умер отец Морозова Петр Алексеевич Щелочкин.

1887 г. Заключенным впервые дали бумагу.

1888 г. 19 сентября заключенным выдали чернила.

1889 г. Открыли первую мастерскую для столярных работ.

1891–1892 гг. Устроили еще несколько мастерских.

1892 г. В Шлиссельбурге был открыт «университет», его участниками стали И.Д. Лукашевич, Н.А. Морозов, М.В. Новорусский и В.Н. Фигнер.

1897 г. Шлиссельбуржцы впервые узнали о том, что в Петербурге существует Подвижной Музей учебных пособий, основанный еще в 1894 году;

заключенные занялись массовым составлением коллекций по ботанике, энтомологии, минералогии, палеонтологии; эти коллекции были столь высокого качества, что на Парижской выставке 1898 г. получили золотую медаль, в настоящее время сохранился гербарий Н.Морозова;

заключенные получили разрешение писать письма родным, два раза в год на одном листе, Морозов с 1897 по 1905 годы написал в Борок матери и родным 18 писем.

1905 г. 21 октября подписан указ об амнистии ряда заключенных Шлиссельбургской крепости, в том числе и Н.А. Морозова;

26 октября об указе объявили заключенным;

28 октября на двух пароходиках по 4 человека получивших свободу по указу заключенных вывезли из Шлиссельбурга в Петропавловскую крепость;

7 ноября Н.А. Морозов выпущен на свободу, он вывез из тюрьмы 26 томов им самим переплетенных рукописей по разным отраслям знания.

1906 г. 24 января Николай Александрович встретился со своей бывшей женой О. Любатович (Джабадари);

в начале года в салоне М.В. Ватсон Н.А. Морозов познакомился со своей будущей женой Ксенией Алексеевной Бориславской (1880–1947);

осенью Морозов предложил Ксении Алексеевне давать уроки по физике для подготовки в медицинский институт;

Н.А. Морозов избран членом Русского физико-химического общества, на заседаниях которого выступал с докладами «Кристаллизационная вода» и «Апокалипсис с астрономической точки зрения»;

в декабре Н.А. Морозов попросил руки Ксении Бориславской;

20 декабря Н.А. Морозов встретился с Д.И. Менделеевым;

в конце года Н.А. Морозову присуждена ученая степень доктора химии *honoris causa* за монографию «Периодические системы строения вещества. Теория образования химических элементов» по представлению Д.И. Менделеева.

1907 г. 7 января в церкви села Копань близ Борка состоялось венчание Н.А. Морозова и К.А. Бориславской;

9 января супруги Морозовы вернулись в Петербург и поселились на Гончарной улице в меблированных комнатах;

18 января в Политехническом музее, в обществе любителей естествознания, Н.А. Морозов читал лекцию по строению вещества, присутствовало до 1,5 тысяч человек;

Н.А. Морозов избран почетным членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и химического кружка имени проф. Коновалова при Киевском политехническом институте;

Н.А. Морозов избран действительным членом Русского астрономического общества;

Н.А. Морозов – приват-доцент, а затем – профессор аналитической химии в Высшей вольной школе П.Ф. Лесгафта;

летом закрыли Вольную школу, начатые курсы продолжали дочитывать лишь П.Ф. Лесгафт и Н.А. Морозов;

на заседании Русского физико-химического общества Н.А. Морозов выступил с докладом «Значение работ Д. И. Менделеева для теории растворов»;

19 сентября Н.А. Морозов был выдвинут депутатом в Государственную думу от Мологского уезда, Ярославская губернская комиссия отклонила избрание Морозова;

в последние дни декабря 1907 года состоялась встреча Н.А. Морозова с провокатором Е. Азефом.

1908 г. 29 апреля Н.А. Морозов читал лекцию по астрономии (об истории создания «Апокалипсиса») в Париже;

Н.А. Морозов избран постоянным членом Французского астрономического общества (Societe astronomique de France);

Н.А. Морозов избран постоянным членом Британского астрономического общества (British astronomical association);

Н.А. Морозов сообщил ЦК партии социалистов-революционеров в Париже о провокаторской деятельности Евно Азефа;

28 сентября состоялась поездка Н.А. Морозова к Л.Н. Толстому в Ясную Поляну.

1909 г. Н.А. Морозов избран председателем Русского общества любителей миропведения;

летом Н.А. и К.А. Морозовы совершили поездку на Кавказ к подруге Ксении Алексевны Н.Г. Геловани (урожденной Тархановой);

предпринята попытка (неудачная) открыть Университет Лесгафта;

28 ноября умер П.Ф. Лесгафт.

1910 г. Н.А. Морозов избран членом ученого совета С.-Петербургской биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта;

после длительных хлопот вместо закрытой Вольной школы удалось открыть учебное заведение, которое теперь называлось Высшими курсами, но вскоре они опять были закрыты и вновь открылись лишь в 1911 г.;

Н.А. Морозов избран почетным членом Московского общества испытателей природы;

Н.А. Морозов принимал участие в работе XII съезда естествоиспытателей и врачей и Московского общества испытателей природы (Москва), где выступил с докладом «Эволюция вещества на небесных светилах по данным спектрального анализа»;

в конце августа Н.А. Морозов избран в члены Императорского Всероссийского аэроклуба;

15 сентября Н.А. Морозов совершил первое воздушное путешествие с авиатором Л.М. Мациевичем на биплане Фармана;

31 октября 1910 года состоялся первый полет Н.А. Морозова на аэростате.

1911 г. В мае Н.А. Морозов с двумя товарищами предпринял ночной полет для того, чтобы сделать ряд спектрограмм в лучах восходящего солнца;

24 ноября Московская судебная палата приговорила Н.А. Морозова к одному году заключения за стихи, опубликованные в сборнике «Звездные песни»;

Н.А. Морозов принимал участие в работе II Менделеевского съезда (Петербург), где выступил с докладом «Прошедшее и будущее миров с современной геофизической и астрофизической точки зрения».

1911–1915 гг. Н.А. Морозов – редактор отдела «Мертвая природа» в издании «Итоги науки в теории и практике» (т. 1–4).

1912 г. 4 апреля Н.А. Морозов совершил полет на аэростате во время солнечного затмения;

15 июня Н.А. Морозов был арестован в Крыму для приведения приговора в исполнение и отправлен по этапу в Двинскую крепость, там он написал ряд работ и изучил еврейский язык (12-й из тех, которые он знал).

1913 г. 16 февраля Н.А. Морозов освобожден по амнистии в связи с празднованием 300-летия дома Романовых;

21 февраля Николай Александрович вышел из крепости (из-за традиционной задержки с документами);

по выходе из крепости Н.А. Морозов был выбран председателем Комиссии научных полетов

в конце лета Н.А. Морозов был избран в гласные от избирательного собрания Мологского уезда, постановлением Ярославского присутствия по земским и городским делам его исключили из состава земских гласных.

1912–1914 гг. Редактор Отдела астрономии «Технической энциклопедии» (т. 1–9).

1913–1914 гг. Редактор отдела «Стихийная природа» «Детской энциклопедии» (т. 1–10).

1914 г. Весной Н.А. Морозов составил особую воздухоплавательно-авиационную комиссию для научных исследований;

4 апреля был осуществлен полет на аэростате для исследования физиологического состояния аэронавтов;

21 мая в Борке на 48 году жизни умер брат Н.А. Морозова Петр, похоронен на кладбище в селе Верхне-Никульское;

в сентябре-ноябре Н.А. Морозов начал перестройку флигеля в Борке, была сделана надстройка мезонина.

1915 г. В конце января Н.А. Морозов отправился на фронт делегатом Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам;

весной из-за бронхита Н.А. Морозов был принужден вернуться в Петербург, а затем для поправки здоровья уехал в Борок;

в 20-х числах августа Н.А. Морозов совместно с К.А. Морозовой совершил лекционную поездку по Сибири и Дальнему Востоку, длившуюся почти 3 месяца.

С 1907 по 1917 год Н.А. Морозов выступал с лекциями в следующих городах: Петербург и Москва (неоднократно), Киев, Юрьев, Двинск, Рига, Ковно, Вильно, Гродно, Елизаветград, Никополь, Екатеринослав, Кременчуг, Полтава, Харьков, Ярославль, Рыбинск, Пошехонье, Молога, Вологда, Таганрог, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Симферополь, Севастополь, Кострома, Пермь, Екатеринбург, Нижний Новгород, Саратов, Пенза, Самара, Симбирск, Тифлис, Баку, Кутаиси, Архангельск, Тюмень, Томск, Ново-Николаев, Омск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита, Благовещенск на Амуре, Хабаровск, Харбин, Никольск-Усуйский, Владивосток.

1916–1917 гг. Н.А. Морозов – профессор курса «Мировая химия» Психоневрологического института в Петрограде.

1916 г. Осенью в гостях у присяжного поверенного О.О. Грузенберга Н.А. Морозов предсказал, что раньше начала лета в России будет революция.

1917 г. 24 февраля Н.А. Морозов был председателем съезда российских летчиков в Ярославле;

избран товарищем председателя Петроградского аэроклуба и авиашколы и почетным председателем Ярославского аэроклуба;

26 февраля Н.А. Морозов принял участие со своими студентами в народном выступлении в Петрограде;

в марте Н.А. Морозов стал членом «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук»;

11 мая в Москве в зале Большого театра на собрании Свободной ассоциации Н.А. Морозов читал доклад «Наука и свобода»;

летом вместе с пилотом Грузиновым на двухместном гидросамолете Н.А. Морозов совершил полет над местами своих прошлых заключений;

Н.А. Морозов был избран кандидатом в Учредительное собрание от Ярославля;

12 августа Н.А. Морозов был приглашен на Государственное совещание, открывшееся в Москве в Большом театре, где прочитал доклад о революции и эволюции;

в сентябре Морозов стал членом Совета республики Демократического совещания, задуманного как некий предпарламент;

19–22 декабря Н.А. Морозов председательствовал на Всероссийском авиационном съезде;

Н.А. Морозов выслал документы в высшие учебные заведения Юрьева, Перми и Томска.

1918 г. Имение Борк было передано в пользование Н.А. Морозова;

15 февраля Н.А. Морозов читал лекции по астрономии в рабочем и солдатском «университете», организованном на курсах Лесгафта;

зимой Н.А. Морозов избран директором Лаборатории П.Ф. Лесгафта.

26 апреля Н.А. Морозов был назначен директором нового института, возникшего на базе лаборатории, – Петроградского научного института имени П.Ф. Лесгафта, он оставался на этой должности до 1946 года;

12 мая Н.А. Морозов вернулся в Петербург после недолгого пребывания в Борке;

28 мая Н.А. Морозов был в военном комиссариате по поводу научного воздухоплавания;

11 июня Н.А. Морозов спас Институт Лесгафта от финансовой катастрофы;

17 июня пришло письмо от Г.Н. Потанина о том, что Томский технологический институт избрал Морозова своим ординарным профессором;

в декабре Н.А. Морозов съездил на короткое время в Борок.

1919–1940 гг. Н.А. Морозов – редактор «Известий Ленинградского научного института им. П. Ф. Лесгафта».

1919 г. 2 февраля Н.А. Морозов «выбил» деньги для доплаты сотрудникам института в связи с обесцениванием рубля;

11 марта в возрасте 85 лет скончалась мать Н.А. Морозова Анна Васильевна Морозова, похоронена на кладбище села Верхне-Никульское;

21 мая Н.А. Морозов читал доклад в Институте по принципу относительности, опубликованный в Известиях института;

5 июня на общем собрании Русского общества любителей мироведения рекомендованный Н.А. Морозовым выдающийся русский ученый К.Э. Циолковский был избран почетным членом Общества;

5 июля Н.А. Морозов ездил в Москву в физический институт П.П. Лазарева и в обсерваторию к Блакко;

9 июля Н.А. Морозов в Москве в Наркомпросе получил ассигнования на школы в Веретее, Марьине и Плесе – ближайших окрестностях Борка;

14 августа в Борке умерла сестра Н.А. Морозова Аграфена Александровна Франция, похоронена в Верхне-Никульском рядом с матерью;

умерла сестра Н.А. Морозова Екатерина Александровна Зыкова, похоронена в Верхне-Никульском рядом с матерью.

1920 г. 1–6 сентября Н.А. Морозов присутствовал на астрономическом съезде, выбран в члены Всероссийского союза астрономов.

1921 г. 1–11 сентября состоялся I съезд общества «Мироведения», Морозов присутствовал на нем с 10 сентября и выступил с докладом «Принцип относительности в природе и математике».

1923 г. 24 января по Постановлению Совета народных комиссаров за заслуги перед наукой и революцией имение Борок передано в пожизненное пользование Н.А. Морозову, освобождено от всяких налогов и приравнено к другим культурным учреждениям страны.

1924 г. В октябре с помощью Ф.Э. Держжинского вышел первый том «Христа» Н.А. Морозова.

1926 г. В марте Н.А. Морозов принимал участие в совещании директоров учреждений Главнауки Наркомпроса, проходившем в Мраморном дворце Ленинграда, здесь он впервые встретился с А.Л. Чижевским.

1927 г. В марте Н.А. Морозов выступил на торжественном заседании бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, посвященном десятой годовщине свержения самодержавия в России. Заседание состоялось в Ленинградском государственном театре оперы и балета. Тогдашнюю свою речь о царских тюрьмах Морозов затем переработал в очерк «В Алексеевском равелине», который поместил вместо эпилога в «Повестях моей жизни» (1928 г.).

1928 г. Летом в приемной заведующего Главнаукой Н.А. Морозов познакомился с молодым доктором Я.Г. Лившицем, заведующим небольшой лабораторией экспериментальной терапии в Москве.

1929 г. В честь 75-летнего юбилея Н.А. Морозова постановлением Петрогубисполкома Шлиссельбургскому пороховому заводу присвоено его имя, с тех пор он стал частым гостем на заводе, проводя беседы с рабочими, читая им лекции;

28 сентября в Ленинграде на квартире у Н.А. Морозова, под его председательством, собралась часть его помощников, чтобы создать «Общество истории и методологии точных наук и техники», в регистрации Общества им было отказано;

в Мологе умерла сестра Н.А. Морозова Вера Александровна Захарова.

1931 г. Н.А. Морозов передал в ведение Академии наук СССР большую часть имения Борок;

в Мологе умерла сестра Н.А. Морозова Варвара Александровна Мяснищева.

1932 г. 14 марта Президиум АН принял решение организовать в имение Борок Дом труда и отдыха Академии наук СССР;

29 марта Н.А. Морозов избран почетным членом АН; благодаря поддержке А.И. Рыкова был напечатан 7-й том «Христа».

1934 г. Н.А. Морозову по ходатайству наркома просвещения А.С. Бубнова присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля науки»;

именем Н.А. Морозова названа малая планета – астероид.

1935 г. 7 марта Н.А. Морозов вел репортаж по радио из своей камеры в Петропавловской крепости;

Н.А. Морозова избрали депутатом Ленинградского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

1938 г. На научной сессии Ленинградского естественного института им. П.Ф. Лесгафта Н.А. Морозов выступил с докладом «Влияние центрального тела Галактики и других ее сверхсолнц на окружающие нас геофизические и метеорологические явления»;

по инициативе Н.А. Морозова в Борке создана Верхне-Волжская база Академии наук СССР, Н. А. Морозов избран почетным председателем этой базы.

1939 г. 29 июля Н.А. Морозов награжден орденом Трудового Красного знамени в связи с 85-летием со дня рождения за заслуги перед трудящимися как революционер и ученый;

7 октября состоялось вручение ордена М.И. Калининым в Кремле.

1940 г. В Коломне умерла сестра Н.А. Морозова Надежда Александровна Грушецкая.

1941 г. Весной снят короткометражный документальный фильм о Н.А. Морозове.

1942 г. Весной Н.А. Морозов был на три месяца вывезен в Москву в кремлевскую больницу, где ему была сделана сложная операция.

1944 г. 5 июля Н.А. Морозов награжден орденом Ленина в связи с 90-летием со дня рождения за выдающуюся многолетнюю научную деятельность в области естествознания;

Совет народных комиссаров СССР присвоил имя Н.А. Морозова Биологическому стационару «Борок» Академии наук СССР и учредил стипендии имени его по астрономии, физике и химии.

1945 г. 12 июня Н.А. Морозова наградили вторым орденом Ленина за выдающиеся заслуги в развитии науки в связи с 220-летием Академии наук СССР;

осенью Н.А. Морозов переехал в Москву и поселился в доме на Большой Калужской.

1945–1946 гг. Н.А. Морозов – член ученого совета Института истории естествознания Академии наук СССР.

1946 г. 30 июля в имении Борок, где он родился и жил, скончался Николай Александрович Морозов, похоронен в усадебном парке имения Борок;

в Борке, в доме, где родился, жил и умер Н.А. Морозов, был открыт его музей.

1948 г. 27 января скончалась К.А. Морозова, похоронена в Борке рядом с Н.А. Морозовым.

1952 г. В Борке на могиле Н.А. Морозова и К.А. Морозовой установлены бронзовый памятник Морозову работы скульптора Г.И.Мотовилова и мемориальная плита К.А. Морозовой.

Директора дома-музея Н.А. Морозова

1946–1948 – Ксения Алексеевна Морозова.

1948–1950 – Мария Александровна Зыкова, племянница Н.А. Морозова.

1951–1953 – М. Корольков, бывший военнослужащий.

1953–1961 – Константин Константинович Матвеев.

1961–1984 – Борис Степанович Внучков.

С 1984 – Татьяна Григорьевна Захарова.

Библиография*

Хронологический указатель трудов Н.А.Морозова

1875

Данилов (Ярославской губ.): Письмо. – Работник, 1875, № 1 с. 5. – [Подпись А. Б.]

Село Рябово: Письмо. – Работник, 1875, № 3, с. 2–3. – [Подпись Н. В-в.]

Даниловское дело. – Вперед! 1875, 1 марта, № 4, стб. 107–110. – [Без подписи].

1877

Литературная злоба дня. – Отеч. зап., 1877, № 1, Отд. 2, с. 1–47. – Разд. паг.

Стихотворения. – В кн.: Из-за решетки. Сб. стихотворений русских заключенных по политическим причинам в период 1873–1877 гг., осужденных и ожидающих суда. Женева: Работник, 1877, с. 63–83. – Подпись М. Н.

Тюремные видения: (Отрывок из поэмы «Борьба»). – В кн.: Вперед! Непериодическое обозрение. Лондон, 1877, т. 5, с. 121–127.

1878

Разные известия. – Земля и воля, 1878, 25 окт., № 1.

[Хроника арестов]. – Земля и воля, 1878, 15 дек., № 2.

Тюремные видения: (Поэма). – СПб.: Тип. газеты «Начало», 1878. 11 с.

1879

Казнь Кропоткина (9 февр. 1879 г.). – Земля и воля, 1879, 11 февр. – [Листовка].

Казнь агента тайной полиции Рейнштейна в Москве, 26 февраля 1879 г. Вольная петербург. тип., 1879, 1 марта. – [Листовка].

Покушение на жизнь Дрентельна. – Земля и воля, 1879, 13 марта. – [Листовка].

«Исполнительный комитет, имея причины предполагать...»: [По поводу возможной пытки А.К. Соловьева, арестованного 2 апр. 1879 г. за покушение на Александра II]. [Вольная петербург. тип.], 1879, 3 апр. – [Листовка].

Наши домашние дела: (Аресты и обыски. Студенческие волнения. Земство и администрация. Татарские волнения. Чума). – Земля и воля, 1879, 15 янв., № 3.

Попытка освобождения Войнаральского: Фельетон. – Земля и воля, 1879, 20 февр., № 4.

[Несколько слов от издателей: От Исполнительного комитета]. – Листок «Земли и воли», 1879, 12 марта, № 1.

Убийство шпиона Рейнштейна. – Там же.

Февральские аресты в Петербурге. – Там же.

* Составлена В.Б. Бирюковым.

Фомин. – Листок «Земли и воли», 1879, 12 марта, № 1; 22 марта, № 2/3.
[Сообщение об агенте III Отделения Баталине и о том, что все заявления организации будут печататься официально в ее органах «Земля и воля» и «Листок “Земли и воли”»]: От Исполнительного комитета. – Листок «Земли и воли», 1879, 22 марта, № 2/3.

Хроника арестов. – Там же.

[Значение политических убийств]. – Там же.

Новый тип революционеров. – Там же.

Суд над Бобоховым. – Там же.

Покушение на жизнь Дрентельна. – Там же.

[Сообщение о возможности применения пыток к А. Соловьеву, арестованному за покушение на жизнь Александра II, и предостережение некоторым лицам, ранее принимавшим участие в пытках политических заключенных]: От Исполнительного комитета. – Листок «Земли и воли», 1879, 6 апр., № 4.

[Сообщение об агенте III отделения Б.В. Гильхене и о казни А.К. Соловьева]: От Исполнительного комитета. – Листок «Земли и воли», 1879, 8 июня, № 5.

Суд над Дубровиным. – Там же.

Киевские события. – Там же.

[Сообщение об агенте III отделения Б. Александровском-Черкасском и о письме В. Осинского, написанном за несколько часов до казни]: От Исполнительного комитета. – Листок «Земли и воли», 1879, 14 июня, № 6.

Дело братьев Избицких в Киеве. – Там же.

Урюпинское дело. – Там же.

Хроника военного положения. – Там же.

От Редакции. – Народ. воля, 1879, 1 окт., № 1, с. 1. – [Совместно с другими].

[Извещение о Рачковском]: От Исполнительного комитета. – Там же, с. 1–2.

Хроника преследований. – Там же, с. 16–20. – [Совместно с О. Любатович].

[О задаче социально-революционной партии в настоящее время]: [Передавая]. – Народ. воля, 1879, 15 нояб., № 2, с. 1–4.

[По поводу смертных казней весны и лета 1879 г.]. – Там же, с. 5–6.

[Извещение об агенте III отделения Семеко-Максимовиче]: От Исполнительного комитета. – Там же, с. 9.

О Валериане Осинском: (Биографические заметки). – Там же, с. 9–13.

Два слова о генерал-губернаторстве. – Там же, с. 15.

Хроника преследований. – Там же, с. 17–19. – [Совместно с О. Любатович].

Стихотворения. – В кн.: Собрание стихотворений. [СПб.: Вольная петербург. тип.], 1879, с. 8–9, 12–15, 17–19, 21–24. – Подпись Н. Никто.

1880

Террористическая борьба. – Лондон: Рус. тип., 1880. – 14 с.

[Извещение об агентах III отделения]: От Исполнительного комитета. – Народ. воля, 1880, 1 янв., № 3, с. 8.

Хроника преследований. – Там же.

Арест «Вольной петербургской типографии». – Общ. дело, 1880, № 31/32, с. 13–14.

Русское террористическое движение. – Общ. дело, 1880, № 33/34, с. 10–12.

Завещание: Посвящается Н. А. С. [Н. А. Саблину] – Там же, с. 16.

Proclamation des révolutionnaires russes. – Ni Dieu, ni maître, 1880, 4 déc., № 15.

Proclamation des ouvriers révolutionnaires russes du parti «Narodnaia volia». – Ni Dieu, ni maître, 1880, 13 déc., № 24, p. 2.

Стихотворения, 1875 – 1880. – Женева: Тип. Работника и Громады, 1880. – 80 с. – На обл. 1881 г.

После казни 4 ноября: (Стихотв.). – Народная Воля, 1880, 5 дек., № 4.

1900

Террористическая борьба. – Женева: M. Elpidine, Libraire – Ed., 1900. – 23 с. + прил. Стихотворение «Завещание». Посвящается Н. А. С., с. 23.

1903

Две заметки по поводу прокламаций «Народной Воли». – Былое (Лондон), 1903, №3.

1906

Кристаллизационная вода. – ЖРФХО, 1906, т. 38, вып. 9, с. 481 – 496.

Из стен неволи. – Ростов н/Д: Дон. речь, [1906]. – 54 с., портр.

Две заметки по поводу прокламаций «Народной воли». – В кн.: Былое. Вып. 1 (1900–1902 гг.). Ростов н/Д: Дон. речь, 1906, с. 144. – (Рус. ист. б-ка; № 4).

Эры жизни. – Соврем. мир, 1906, нояб., № 2, с. 89–108. – На обл. № 11. Разд. паг.

В начале жизни. – Рус. богатство, 1906, май, с. 76–124; июнь, с. 108–134. – Разд. паг.

Возникновение «Народной воли»: (Из воспоминаний о Липецком и Воронежском съездах летом 1879 г.). – Былое, 1906, № 12, с. 1–21.

28 лет в Шлиссельбурге: (Беседа). – Страна, 1906, 22 февр., № 3.

Именины в полицейском участке: Фельетон. – Русь, 1906, 7 дек., № 69.

«Дон-Кихот» в переводе М. В. Ватсон. – Русь, 1906, 19 дек., № 80.

Рассказ шлиссельбуржца: [Беседа]. – Речь, 1906, 4 марта, № 10.

Стихотворения. – В кн.: Вперед: Сб. стихотворений и песен / Сост. М. Львович. Ростов н/Д: Дон. речь, 1906, с. 45–46, 67–68, 106, 113–114, 128–129.

Из шлиссельбургских мотивов: (Неизданные стихи, посвященные товарищам по заключению). – Былое, 1906, №2, с. 118–120.

Зимой: Стихотворение. – Север, 1906, № 5, стр. 115–116.

1907

Периодические системы строения вещества: Теория образований химических элементов. – М.: Сытин, 1907. – XVI, 437 с., черт.

Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего. – М.: Сытин, 1907. – IV, 104, XI с., портр., табл.

Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса. – СПб.: Изд-во журн. Былое, 1907. – 304 с., рис., табл.

Откровение в грозе и буре. – 2-е изд., испр. и доп., с 65 рис. и снимками с древних астрономических карт Пулковской обсерватории. – М.: Саблин, 1907. – XIV, [2], 322 с., ил., карт.

Д.И. Менделеев и периодическая система химических элементов. – Изв. СПб. биол. лаб., 1907, т. 8, вып. 3, с. 22–33.

Теоретический вывод периодической системы современных химических элементов. – Изв. СПб. биол. лаб., 1907, т. 8, вып. 4, с. 11–41, табл.

Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам. – Изв. СПб. биол. лаб., 1907, т. 9, вып. 2, с. 26–84, табл.

Новая планета типа астероидов. – ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 2, с. 54–56.

То же. – Вопр. физ., 1907, вып. 2, с. 54–56.

О новейших определениях температуры поверхностных областей Солнца. – ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 2, с. 56–58.

То же. – Вопр. физ., 1907, вып. 2, с. 56–58.

Значение работ Д.И. Менделеева для теории растворов. – ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 5, с. 134–143, черт.

Неисчислимое, как один из распределительных факторов в жизни природы. – ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 7, с. 257–263.

Апокалипсис с астрономической точки зрения: (Доклад на заседании Физического отделения РФХО, 12 дек. 1906 г.). – Вестн. зн., 1907, № 2, с. 85–98, рис., табл.

В начале жизни: Как из меня вышел революционер вместо ученого. – М.: Саблин, 1907. – 265 с., ил.

Вера Николаевна Фигнер. – *Ариян П. Н.* Первый женский календарь на 1907 год. СПб.: Тип. Ревитцера, 1907, с. 342–347.

Андрей Франжоли: (Очерк из движения в «народ» в 70-х годах и из последних дней «Народной воли»). – Былое, 1907, № 3, с. 283–289.

Отголосок давних дней: (По поводу статьи М.Р.Попова «Из моего революционного прошлого»). – Былое, 1907, № 10, с. 241–245.

Апокалиптические звери: (Ответ моим критикам). – Русь, 1907, 21 апр., № 111.

Литературные заметки: (М.В.Ватсон «Библиотека итальянских писателей»). – Русь, 1907, 27 окт., № 287.

Четвертое измерение: (Из писем к товарищам по заключению). – Соврем. мир, 1907, №3, с. 50–67. – Разд. паг.

Стихотворения. – Вперед: Сб. стихотворений и песен / Сост. М. Львович, 2-е изд. Ростов н/Д: Дон. речь, 1907, с. 67–68, 106, 113–114, 128–129.

Числа: (Стихотворение). – Соврем. мир, 1907, № 12, с. 127. – Разд. паг.

Знак: (Стихотв.). – Перевал. Журнал свободной мысли. М., 1907, № 7, с. 8

[Автограф: «Дорогие друзья! Освободитесь от партиозности и вы будете всесильны»] – Помощь голодным / Под ред. М. Зензинова. М., 1907.

1908

Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы. – М.: Сытин, 1908. – XII, 402 с.

Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам. – СПб.: Тип. Т-ва Худ. печать, 1908. – 66 с., ил.

Iahna parahdischanas grahmata no astronomiska redsis stahwokla. – Riga: J. Pihra, 1908. – 16 p.

Новь открытое превращение эманации радия с точки зрения эволюционной теории строения атомов. – Изв. лаб. 1908, т. 9, вып. 3, с. 6–13.

Три аллотропические состояния серы и ее аналогов. – Изв. СПб. биол. лаб., 1908, т. 9, вып. 4, с. 28–49.

Озон и перекиси. – Изв. СПб. биол. лаб., 1908, т. 10, вып. 1, с. 9–28.

Опыт истолкования физического значения коэффициента пропорциональности в Ньютоновой формуле тяготения. – ЖРФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 2, с. 23–36. – Рез. на фр. яз.

По поводу новой кометы. – ЖРФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 9, с. 381–387, ил.

Периодическая система химических элементов в ее теоретическом выводе. – Физ. обзор., 1908, т. 9, вып. 2, с. 73–84, табл.; вып. 3, с. 121–135, табл.

Апокалипсис с астрономической точки зрения: (Две публичные лекции). – Мир, 1908, № 3 с. 11–18, ил.; № 4, с. 17–23, ил.; № 5, с. 15–23, ил.

В мировом пространстве. – Соврем. мир, 1908, №1, с. 159–175. – Разд. паг.

Почему мы не рассыпаемся?: Новая гипотеза молекулярного сцепления. – Соврем. мир, 1908, № 12, с. 1–18. – Разд. паг.

О гражданском равноправии женщин. – *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1908 год. СПб.: Тип. В.Ф. Ревитцера, 1908, (Отд.5), с. 1–3. – Разд. паг.

Франсуа Мари Аруэ Вольтер. – *Вольтер Ф.М.* Собрание сочинений. СПб.: Н.Ф. Мертц, 1908, т. 1, с. III–XV.

L'apocalypse et l'astronomie, expose par M. Rollet de l'Isle. – Bull. Soc. astr. Fr., 1908, an. 22, p. 166–168.

Formation d'un Cumulus. – Ibid, p. 478.

Памяти А.Н. Ганского. – Речь, 1908, 8 авг., № 188.

Свидание с Л.Н. Толстым [28 сент. 1908 г.]: (Письмо к редактору). – Рус. вед., 1908, 3 окт., № 229.

На пути к превращению металлов: [Научный фельетон]. – Речь, 1908, 15 дек., № 308.

[Стихотворения]. – Избранные произведения русской поэзии. 3-е изд., вновь пересмотр. и значит. доп. / Сост. В.Д. Бонч-Бруевич. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908, с. 123–126.

1909

В поисках философского камня. – СПб.: Обществ. польза, 1909. – 300 с., ил., портр.

Начала векториальной алгебры в их генезисе из чистой математики. – СПб.: Обществ. польза, 1909. – VI, 178 с., табл.

Objawienie srod, gromow I burzy: Wyklad Ahjkalipsy. – Lwow, 1909.

Ilmutus koues ja tormis. – Tartus: I. Depman, 1909.

Эволюция вещества в природе. – Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии, состоявшегося в С.-Петербурге с 20-го по 30-е дек. 1907 г. СПб.: Тип. – лит. Фроловой, 1909, с. 191–200.

Три аллотропические состояния фосфора и его аналогов. – Изв. СПб. биол. лаб., 1909, т. 10, вып. 2, с. 7–22.

Три аллотропические состояния галоидов. – Изв. СПб. биол. лаб., 1909, т. 10, вып. 3, с. 7–18.

Свет и Вселенная. – Образование, 1909, № 1, с. 126–134.

Из личных воспоминаний о П.Ф. Лесгафте. – Весна, 1909, № 46/48, с. 294–296.

Sulla necessita di nuovi studii sulla forza di gravitation. – Scienza per tutti, 1909, № 10.

На пути к превращению металлов: [Научный фельетон]. – Речь, 1909, 5 янв., № 4; 2 февр., № 32.

Вечность жизни. [Жизнь, как фактор, противодействующий энтропии во Вселенной]. – Рус. вед., 1909, 14 янв., № 10.

Письма из Шлиссельбургской крепости. – Вестн. Евр., 1909, № 1, с. 196–215; № 2, с. 630–650; № 3, с. 99–119; № 5, с. 116–132; № 6, с. 583–606; № 7, с. 52–77.

Айзик Арончик. – Еврейский мир, 1909, № 3, с. 89–99.

Атомы души. – Соврем. мир, 1909, №11, с. 1–9. – Разд. паг.

Ученый в стенах крепости: Беседа. – Голос, 1909, 13 марта, № 19.

Из личных воспоминаний о П.Ф. Лесгафте. – Речь, 1909, 7 дек., № 336.

Пролог. – Под сводами. Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / Сост. Н. Морозов. М.: Звено, 1909, с. 5–8.

По общим законам природы: (Юмористический рассказ). – Там же, с. 195–208.

Весна неволи: [Стихотворение]. – Там же, с. 303.

[Выступление на первом чтении рассказа Л.Н. Андреева «О семи повешенных»]. – Огонек, 1909, № 6, с. [4, 7].

Пер.: Уэллс Г. 50 тысяч лет назад: Рассказ из каменного века. Пер. с англ. – СПб., Пантеон, 1909. – 133 с.

Пер.: Уэллс Г.Д. Машина времени. – Уэллс Г.Д. Собр. соч.: Пер. с англ. СПб.: Шиповник, 1909, т. 3, с. 111–232.

Ред.: Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / Сост. Н. Морозов. М.: Звено, 1909. – 305 с.

На пути к превращению металлов. – Речь, 1909, 9 янв., №5; 2февр., № 32.

[Стихотворения]. – Избранные произведения русской поэзии. 5-е изд./ Сост. В.Д.Бонч-Бруевич. СПб., 1909, с. 123–126, 318 (Светоч).

1910

Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Саблин, 1910. – XVIII [2], 335 с., ил., карт.

Письма из Шлиссельбургской крепости. – СПб.: [Аверьянов], 1910. – 267 с.

На границе неведомого: Астрономические и физические полуфантазии. – М.: Звено, 1910. – 189 с., ил.

Что может принести нам встреча с кометой?: Публичная лекция. – М.: Сытин [1910]. – 64 с., ил., табл., портр.

Эволюция вещества на небесных светилах по данным спектрального анализа: Речь, произнесенная на соединенном заседании XII съезда естествоиспытателей и врачей в Московском обществе испытателей природы, 3 янв. 1910 г. – М.: Тип. Моск. ун-та, 1910. – 28 с.

Там же. – Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910, с. 276–301, ил. – Разд. паг.

Di Evolution der Materie auf den Himmelskörpern. Eine theoretische Abteilung des periodischen Systems. – Dresden: Steinkopff, 1910. – 41 s.

Эволюции элементов на небесных светилах. – *Штерне К.* Эволюция мира. М.: Мир, 1910, т. 3, с. 381–432, ил.

Три аллотропические состояния азота. – Изв. СПб. биол. лаб., 1910, т. 10, вып. 4, с. 16–36.

Три аллотропические состояния углерода в минеральных соединениях. – Там же, с. 37–48.

К вопросу о зависимости силы тяготения от температуры тел. – ЖРФХО. Физ. отд., 1910, т. 42, вып. 4, с. 166–169.

То же. – Вopr. физ., 1910, вып. 4, с. 166–169.

Загадки Луны. – Вестн. зн., 1910, № 1, с. 3–11, ил.

Глубины небес и глубины земли: (Успехи астрономии, физики, геологии и химии за 1909 год). – Рус. вед., 1910, 1 янв., № 1, с. 12.

Мое первое свидание с кометой Галлея. – Рус. вед., 1910, 2 марта, № 49.

Каковы будут последствия, если мы попадем 5-го мая в хвост кометы Галлея? – Бирж. вед., 1910, 11 марта, № 11608.

Комета Галлея: [Беседа]. – Речь, 1910, 10 мая, № 126.

Звездные песни. – М.: Скорпион, 1910. – 8, 192с., ил.

Княжна Мария Михайловна Дундукова-Корсакова. – *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1910 год. СПб.: Тип. М.Я. Квара, 1910, с. 25–29. – Разд. паг.

По Военно-Грузинской дороге: Из путевых воспоминаний. – Нов. сл., 1910, № 1, с. 40–45.

Из научных стихотворений. – Вестн. Евр., 1910, № 1, с. 199–201.

Научные стихотворения. – Вестн. Евр. 1910, № 3, с. 109–113.

За снежными вершинами: (Из путевых заметок). – Вестн. Евр., 1910, № 4, с. 50–71; № 5, с. 64–88.

Звездные песни. Стихотворения. – Вестн. Евр., 1910, № 9, с. 91–93.

Памяти авиатора Л.М. Мациевича. – Рус. вед., 1910, 28 сент., № 222.

Памяти В.А. Караулова: (Из личных воспоминаний). – Речь, 1910, 22 дек., № 351.

Ред.: Уэллс Г. Остров доктора Моро. – Уэллс Г. Собр. соч.: Пер. с англ. СПб.: Шиповник, 1910, т. 8, с. 7–143.

Куда мы идем? – Куда мы идем? М.: Заря, 1910, с. 107–108.

1911

Вселенная. – М.: Мир, 1911. – 300 с., ил. Экземпляр книги оформлен в 1972 г. из 5–7 книг 2-го тома «Итоги науки в теории и практике». (М., 1911). Книга подарена Домом-музеем Н.А. Морозова Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина и находится в отделе редких книг.

Вселенная. – Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1911, т. 2, кн. 5/7, с. 605–904, ил., табл.

Природа и математика: (Объяснение дифференциала и интеграла на законах падения тел). – *Кольрауш Ф.Л.* Введение в дифференциальное и интегральное исчисление и в дифференциальные уравнения. СПб.: Обществ. польза, 1911, с. 195–210.

Предисловие. – Там же, с. III–IV.

О необходимости новых исследований относительно силы тяготения. – Вестн. опыт. физ. и элемент. матем. 1911, № 479/480, с. 540–544.

Новейшие выводы о внутреннем строении небесных тел. – Запр. жизни, 1911, № 6, стб. 369–376.

Эволюция воздухоплавания на фоне общественной жизни народов. – Нов. жизнь (СПб.), 1911, № 5, с. 122–139; № 6, с. 143–162.

Свободный полет на воздушном шаре. – Рус. мысль, 1911, № 2, с. 34–47.

Предисловие. – *Свяцкий Д.* Лестница Иакова или сон наяву: Библейско-астрономический этюд. СПб.: [Тип. Стасюлевича], 1911, с. 3–4.

Завоевание воздуха: (Успехи авиации в 1910 г.). – Рус. вед., 1911, 1 янв., № 1.

По поводу авиационных катастроф: (К перелету Петербург – Москва). – Речь, 1911, 14 июля, № 190.

[Автобиография]. – Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей/ Сост. Ф.Ф. Фидлер. М.: Сытин, 1911, с. 73–80.

Сказка как своеобразный род изящной литературы. – В кн.: Морозова К.А. В царстве сказки. М.: Сытин, 1911, с. 3.

Перспективы будущего. – Русское воздухоплавание. История и успехи. Выпуск 2. СПб., 1911.

1912

Функция. Наглядное изложение дифференциального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии: Руководство к самостоятельному изучению высшего математического анализа. – Киев: Сотрудник, 1912. – XII, 464 с., черт.

Полет на аэростате Всероссийского аэроклуба «Треугольник» во время кольцеобразного солнечного затмения 5 апр. 1912 г. – [СПб.: Тип. Александра, 1912]. – 10 с., ил.

Die Offenbarung Iohannis: Eine astronomisch-historische Untersuchung/ Mit einem Geleitwort von Prof. A. Drews. – Stuttgart: Spemann, 1912. – XX, 229 S, Abb., Taf.

Задачи современного воздухоплавания. – Левашев А.П. Завоевание воздуха: (Популярный очерк развития и современного состояния воздухоплавающей). СПб.: В. Яковенко, 1912, с. 3–6.

Эволюция светил с геофизической точки зрения: [Докл. от 30 янв. 1912 г. Крат. излож.]. – В кн.: Отчет Русского общества любителей мироведения за 1911 год. СПб.: Ред. период. изд. М-ва финансов, 1912, с. 23–24.

Звездные рои. – Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1912, № 1, с. 2–8.

Солнечное затмение 4(17) апр. 1912 г.: Полет на аэростате во время затмения. – Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1912, № 2, с. 23–27, рис.

Прошедшее и будущее миров с современной геофизической и астрофизической точки зрения: (Речь, произнесенная 27 дек. 1911 г. в актовом зале С.-Петербургского университета на заключительном собрании секции астрофизики 2-го Менделеевского съезда). – Природа, 1912, № 3, стб. 333–362, ил.

Скоро ли остынет и оледенеет наша земля? – Заветы, 1912, № 3 [Отд. 2], с. 1–9. – Разд. паг.

На азростате во время солнечного затмения. – Солнце России, 1912, № 16, с. 1–4, ил., портр.

Экваториальный пояс для превращения сферического азростата в парашют. – Воздухоплаватель, 1912, № 4, с. 257–259, ил.

Основные вопросы современной астрономии. – Вестн. Евр., 1912, № 7, с. 225–233.

К открытию Южного полюса. – Запр. жизни, 1912, № 9, стб. 557–559.

Полет на азростате во время кольцеобразного солнечного затмения 5 апр. 1912 г. – Метеорол. вестн., 1912, № 5, с. 161–170, ил.

Памяти заботливого друга. – Памяти Петра Францевича Лесгафта. [СПб.]: Шк. и жизнь, 1912, с. 174–181.

Скловдовская-Кюри. – *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1912 год. СПб.: [Тип. Т-ва Печат. Станок], 1912, с. 53–56. – (Из прошлого и настоящего).

Наука в поэзии и поэзия в науке. – Рус. вед., 1912, 1 янв., № 1.

Памяти Петра Николаевича Лебедева. – Речь, 1912, 4 марта, № 62.

В лазури голубой... (Стихотворение). – Сб. Памяти Л.М. Мациевича. СПб., 1912, с. 67.

1913

Л.Н. Толстой и современная наука. – Толстовский ежегодник 1913 года. М., 1913, с. 51–53. – (Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом). – Разд. паг.

Артур Дреус. – Дреус А. О личности Христа: Пер. со 2-го англ. изд. М.: Соврем. пробл., 1913, с. VII–IX.

Сообщение Е. Колосову об участии Н. К. Михайловского в газетах «Народная воля» и «Земля и воля». – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, т. 10, стб. XXXIII.

Культурное значение воздухоплавания. – Вестн. зн., 1913, № 7, с. 611–620; № 8, с. 766–776.

De Saint-Petersbourg á Vologda: 600 kilométres au dessus des nuages et des marais. – Rev. aéronaut. et automob., 1913, q 3, d. 60–62.

О своих тюремных настроениях и злочлечениях. – Бюл. лит. и жизни, 1913, № 20, с. 905–912.

В роли «германского подданного Энгеля». – Бюл. лит. и жизни, 1913, № 22, с. 977–986.

Как Н.А. с товарищами в тюрьме проявляли свободу. – Бюл. лит. и жизни, 1913, № 23/24, с. 1015–1020.

Вперед, дитя! (Стихотворение). – Цветные сборники: Розовый. СПб.: Печат. сл., 1913, с. 18.

Во имя братства. – Голос минувшего, 1913, № 8, с. 87–118; № 9, с. 65–113; № 10, с. 108–139; № 11, с. 122–161; № 12, с. 117–167.

В глубине преисподней: По заметкам, писанным в ней самой. – Вестн. Евр., 1913, № 4, с. 213–263; № 5, с. 132–175; № 6, с. 54–77.

На перепутье: (Из воспоминаний). – Соврем. мир, 1913, № 6, с. 45–86; № 7, с. 47–84. – Разд. паг.

Мир, рассматриваемый через хрустальную призму. – Жизнь за неделю, 1913, № 2, с. 30–32.

Дни испытания. – Рус. мысль, 1913, № 6, с. 101–146; № 7, с. 104–144; № 8, с. 125–153.

Перед грозой: (Из воспоминаний в Двинской крепости). – Сев. зап., 1913, № 5/6, с. 96–123; № 7, с. 54–72; № 8, с. 87–109.

На моноплане: [Впечатления о полете]. – Рус. вед., 1913, 31 мая, № 124.

Пер.: Уэллс Г. 50 тыс. лет назад: Рассказ из каменного века. Пер. с англ. – СПб.: Б-ка Колосья, М.И. Семенов, 1913. – 133 с.

Ред.: Рамзай В. Элементы и электроны. – М.: Природа, 1913. – 138 с.

Предисловие. – Там же, с. 5–6.

Ред.: Содди Ф. Материя и энергия: Пер. с англ. – М.: Природа. 1913.–182 с.

Предисловие к русскому переводу. – Там же, с. 11.

Пояснения ко второй периодической таблице. – Там же, с. 8–10.

Примечания. – Там же, с. 25, 50, 125–126, 167, 169–170.

Отец и сын: (Из повести «На перепутье»). – Бюл. литер. и жизни, 1913, № 2 (сент.), с. 104–113.

Мечта о городах будущего: (Из повести «Перед грозой»). – Бюл. литер. и жизни, 1913, № 4 (октябрь), с. 242.

Из революционного прошлого: (Из повести «Во имя братства»). – Бюл. литер. и жизни, 1913 (ноябрь), с. 361–366.

1914

Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. – М.: Сытин, 1914. – 310 с., ил.

Завоевание воздуха. – Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1914, т. 4, кн. 12/13, с. 232–271, ил., табл., 6 л. ил.

Светящиеся облака: (С фотоснимками Н.Ф.Мертца). – Альманах «Севера». СПб.: Н.Ф. Мертц, 1914, кн. 1, с. 28–33, рис.

Вера Евстафьевна Богдановская. – Ариян П.Н. Первый женский календарь на 1914 год. СПб.: [Тип. Бережливость], 1914, с. 307–309.

Древняя кабалистика, как предчувствие грядущего могущества слова. – Нов. сл., 1914, № 1, с. 76–84; № 2, с. 17–25.

Былое. – Ежемес. журн. лит., науки и обществ. жизни, 1914, № 1, с. 138–144; № 2, с. 121–129; № 3, с. 85–92.

К читателю. – Шк. для всех, 1914, № 1, с. 1.

Из воспоминаний о друге: (Памяти Д. А. Клеменца). – Речь, 1914, 12 янв., № 11.

С полета в болото: (Воздушное путешествие). – Рус. вед., 1914, 17 июля, № 163.

1915

Эволюция элементов на небесных светилах. – Штерне К. Эволюция мира. 2-е изд. М.: Мир, 1915, т. 3, с. 381–432, рис., 1 л. ил.

Лингвистические спектры. – Изв. АН ОРЯС, 1915, т. 20, кн. 4, с. 93–134.

Берта фон Сутнер. – В кн.: Ариян П. Н. Первый женский календарь на 1915 год. СПб.: [Тип. Я. Трей], 1915, с. 148–150, портр.

Когда прекратятся войны: (Естественно-научное объяснение войны). – Бюл. лит. и жизни, 1915, № 13/14, с. 744–748.

Воспоминания революционера. – Бюл. лит. и жизни, 1915, № 20, с. 1099–1104.

За свет и свободу. – Голос минувшего, 1915, № 4, с. 108–143; № 5, с. 85–121.

Легенда о Дедале и Икаре. – Журн. журн., 1915, № 36, с. 5, портр.

Война как один из факторов психологической и общественной эволюции человечества: (Опыт естественно-научного объяснения войн). – Рус. вед., 1915, 6 февр., № 29; 10 февр., № 32.

На войну. – Рус. вед., 1915, 13 февр., № 35.

На пути к месту боя. – Рус. вед., 1915, 28 февр., № 48.

Бомба с неба. – Рус. вед., 1915, 1 марта, № 49.

После победы. – Рус. вед., 1915, 7 марта, № 54.

С войны. – Рус. вед., 1915, 8 марта, № 55.

Ответ русских писателей английским собратьям. – Бирж. вед., 1915, 30 марта, № 14753. – [Совместно с другими].

Тревожные слухи. – Рус. вед., 1915, 3 апр., № 75.

Свободные горы. – Русская мысль, 1915, № 10, с. 103–140; № 11, с. 97–126; № 12, с. 85–108.

1916

Лингвистические спектры: Средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или иного известного автора. – Пг.: Тип. Акад. наук, 1916. – 42 с.

Вселенная. – Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1916, т. 2, с. 605–904, ил., табл.

Упрощенные таблицы движения Солнца, Юпитера и Сатурна: [Ч. 1]. – Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1916, т. 5, № 5, с. 223–236. – [Совместно с М.А. Вильевым].

Как прекратить «вздорожание жизни»: Основные законы денежного хозяйства. С прилож. статей: Выгоды и невыгоды социалистического землепользования. Обременительно ли брачное состояние для трудящегося человека. Социализм и милитаризм и т.д. – М.: Сытин, 1916. – 128 с.

Повести моей жизни. – М.: Задруга, 1916. – Т. 1. – 320 [4] с.

На войне: Рассказы и размышления. – Пг.: Бычковский, 1916. – 149 с. [О детских рисунках]. – Наш журнал. Пг.: Свобод. искусство, 1916, с. 10–11 приложения «Художественное творчество детей». – Разд. паг.

[Мысли о книге]. – Полвека для книги. М.: Сытин, 1916, с. 320, портр.

Памяти усопшего друга бывших шлиссельбургских узников (В.И. Семеновского). – Голос минувшего, 1916, № 10, с. СХII–СХIII. – [Совместно с другими].

Невозвратно былое: (Автобиографический рассказ). – Сев. зап., 1916, № 2, с. 118–137; № 12, с. 107–118.

Армия и народ. – Бирж. вед., 1916, 16 февр., № 15388.

На новые мотивы: (Пародии). 1. Беглец. 2. Псонт. – Бирж. вед., 1916, 15 мая, № 15559.

Психология современного европейского милитаризма. – Бирж. вед., 1916, 11 нояб., № 15917.

Венецианский узник. (Из вариантов одной сожженной поэмы). – Бирж. вед., 1916, 18 дек., № 15991.

War in the future. – В кн.: The soul of Russia. London, 1916, с. 167–169.

1917

Эволюционная социология, земля и труд. Пг.: Свет и свобода, 1917. – 39 с. Наука и свобода. – Пг.: Парт. нар. своб., 1917. – 14 с.

Повести моей жизни. – 2-е изд. – М.: Задруга, 1917. – Т. 1. – 302 с.

Ек. Брешко-Брешковская, бабушка русской революции. – Пг.: Хромо-лит. Злотников и Волк, 1917. – 30 с., ил., портр. – (Герои дня. Биографические этюды; № 2).

Полет в Шлиссельбург над местами заточения. – Пг.: [Солнце свободы], 1917. – 16 с., портр.

Революция и эволюция. – Пг.: Копейка, 1917. – 8 с.

Липецкий съезд 1879 г. – Календарь русской революции. Пг.: Шиповник, 1917, с. 165–168.

Упрощенные таблицы движения Солнца, Юпитера и Сатурна: Ч. 2. – Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1917, т. 6, № 1, с. 32–49. – [Совместно с М.А. Вильевым].

Каменный гроб: [Шлиссельбургская крепость]. – Аргус, 1917, № 4, с. 7–17, ил.

Наука и свобода. – Природа, 1917, № 5/6, с. 670–675.

Кучевые облака и грозы местного происхождения: (К вопросу о предсказании погоды). – Иниц. и изобр., 1917, № 1/3, с. 117–123, рис.

К реформе русской орфографии. – Рус. вед., 1917, 7 июня, № 127.

Любомирский: (Рассказ из жизни 70-х годов XIX века). – Голос минувшего, 1917, № 1, с. 185–198.

В высоте. Эхо: [Стихи]. – Гимн свободе: Песни воли. Пг.: Копейка [1917], с. 24, 31. – (Сер. полит.-социал. брошюр; № 1).

Перед судом. В высоте: [Стихи]. – Гимн свободе: Песни воли. 2-е изд. Пг.: Копейка, 1917, с. 16–17. – (Сер. полит. социал. брошюр; № 1).

Революция и эволюция. – Биржевые ведомости, 1917, 29 марта (11 апр.), № 16158, утр. выпуск.

Призыв (автограф). – Родина в опасности. Призывы в автографах. Пг.: Народная Воля, 1917 г., с. 4–5.

1918

Повести моей жизни. – М.: Задруга, 1918. – Т. 2–4. – Т. 2. 280 с.; т. 3. 264 с.; т. 4. 309 с.

[Теория взрыва темного светила: Выступление в прениях по докладу Г.А. Тихова на 24-м заседании Астрономической секции, 1918 г. Крат. излож.]. – Мироведение, 1918, т. 7, № 4, с. 213.

Планеты: [Стихотворение]. – Нива, 1918, № 13, с. 193.

Дни избрания, обаянья... : [Стихотворение]. – Нива, 1918, № 36, с. 571.

1919

Устав Петроградского Научного института им. П.Ф. Лесгафта. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1919, т. 1, с. XII–XIV. – [Совместно с Е. Федоровым, Л. Орбели, В. Бауманом и О. Чентуковой].

Заявление в Совет Института директора Института и председателя Русского общества любителей мироведения: [Об открытии Астрономического отделения при Петроградском Научном институте им. П.Ф. Лесгафта]. – Там же, с. 1–2 приложений.

Отношение директора Института в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 15 нояб. 1918 г.: [Об открытии Астрономического отделения при Петроградском Научном институте им. П.Ф. Лесгафта. Дополнение к «Заявлению в Совет...»]. – Там же, с. 3 приложений.

О научном значении математических софизмов. – Там же, с. 193–207, черт.

1920

Принцип относительности и абсолютное: Этюд из области проявлений волнообразного движения. – Пб.: ГИЗ, 1920. – VII, 88 с., фиг., табл.

Элементарный способ для быстрого определения и нанесения на звездную карту положений и движений Марса в любом году до и после начала нашей эры. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1920, т. 2, с. 184–210, ил. – [Совместно с Н.Т. Турчиновичем].

О недосмотре влияния междуволнового давления при теоретическом обосновании принципа относительности Эйнштейна и вывод рационального закона образования, распространения и действия лучистой энергии. – Там же, с. 217–296, черт.

Эволюционная мораль и эволюционная теология. – *Немоевский А.* Бог Иисус. Происхождение и состав евангелий. Пб.: ГИЗ, 1920, с. I–XVI.

Звездные песни: Первое полное издание всех стихотворений до 1919 года в 2-х кн. – М.: Задруга, 1920. – Кн. 1. – 190 с.

Зимой. Друзья. К другу в заточении: [Стихотворения]. – Перед рассветом / Сост. В.М. Перова (Бонч-Бруевич-Величкина). М.: Ком. памяти В.М. Величкиной, 1920, с. 63–65.

1921

Принцип относительности в природе и в математике: Речь председателя Русского общества любителей мироведения на I-м Всероссийском съезде любителей мироведения. – Труды I-го Всероссийского съезда любителей мироведения, [1–11 сент. 1921 г.]. Пг.: ГИЗ, 1921, с. 228–243.

Звездные песни: Первое полное издание всех стихотворений до 1919 г. в 2-х кн. – М.: Задруга, 1921. – Кн. 2. – 206 с. Экземпляр книги с дарственной надписью Н.А. Морозова В. И. Ленину хранится в библиотеке В.И. Ленина в Кремле.

[Стихотворения]. – *Львов-Рогачевский В.* Революционные мотивы в русской поэзии. Тула: ГИЗ, 1921, с. 78–79, 106, 110, 133–134, 151–152.

[Стихотворения]. – Революционные мотивы в русской поэзии / Сост. В. Львов-Рогачевский. Тула, 1921, с. 78–79, 97, 101, 106, 110, 133 (Пророк), 151.

1922

Принцип относительности в природе и в математике. – Пб.: Начатки зн., 1922. – 40 с., ил.

Классификация солнечных и лунных затмений, которые были видимы в Европе, Северной Африке и Западной Азии: (По месяцам года и созвездиям Зодиака от +600 по –430 год). – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1922, т. 5, с. 247–284 – [Совместно с Н. Штауде].

Ред.: *Эйнштейн А.* Специальная и общая теория относительности: Пер. с 10-го нем. изд. – Пг.: ГИЗ, 1922. – 82 с. – [Совместно с Б.С. Бычковским].

1923

Классификация солнечных и лунных затмений, которые были видимы в Европе, Северной Африке и Западной Азии: [Окончание]. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1923, т. 6, с. 141–153. – Рез. на фр. яз. – [Совместно с Н. Штауде].

1924

Христос. Кн. 1. Небесные веки земной истории человечества. – Л.: ГИЗ, 1924. – XVI, 543 с., ил., 3 л. табл.

Среди облаков: [О воздухоплавании и авиации]. – Л.: Путь к зн., 1924. – 320 с., ил. – На обл. 1925.

Христос или Рамзес?: Попытка применения математической теории вероятностей к историческому предмету. – М.; Пг.: ГИЗ [1924]. – 39 с., 1 л. табл.

Победа над расстоянием. М.: Мир, 1924, с. 183–309, ил., табл., 17 л. ил. и портр. – Описано по оттиску. – [Совместно с П.П. Юреневым, Б.С. Швецовым и Д.М. Соколовым]. Авт. статьи: Завоевание воздуха, с. 232–271, ил.

Отклонение орбитных осей больших и малых планет солнечной системы от оси эклиптики. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, т. 8, с. 279–284, ил. – Рез. на фр. яз. – [Совместно с Н. Штауде].

Первая вольная академия: К 30-летию Научного института им. П.Ф. Лесгафта. – Человек и природа, 1924, № 1, стб. 1–6, портр. П.Ф. Лесгафта.

Поезд сознания: (Грезы о времени и пространстве). – Человек и природа, 1924, № 7/8, стб. 539–546.

Предисловие. – Колосов Е. Е. Государева тюрьма Шлиссельбург. Л.: Атений, 1924, с. 5–8.

О своей книге «Христос»: [Беседа]. – Кр. газ., веч. вып. 1924, 11 нояб., № 257.

О помощи студентам. – Кр. газ., веч. вып., 1924, 16 дек., № 287.

1925

Отклонение орбитных осей комет от оси эклиптики. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1925, т. 11, вып. 1, с. 99–108, черт. – [Совместно с Н. Штауде].

Астрономический переворот в исторической науке.: (По поводу статьи проф. Н.М.Никольского). – Нов. мир, 1925, № 4, с. 133–143.

Памяти М. В. Новорусского. – Вестн. зн., 1925, № 19/20, с. 1225.

[Письма к О. С. Любатович и к родным, 1882 г.]. – Каторга и ссылка, 1925, № 3, с. 170–175.

Мир действительный и мир видимый. – Мир приключ., 1925, № 4, стб. 143–150, ил.

1926

Христос. Кн. 2. Силы земли и небес. – Л.: ГИЗ, 1926. – IX, 693, [3] с., ил., 3 л. табл. и карт.

[Автобиография]. – Энцикл. сл. Гранат. 7-е изд., б. г., т. 40, стб. 305 – 317.

[Краткие биографические очерки к десяти портретам шлиссельбургских узников]. – Новорусский М.В. Тюремные робинзоны. М.-Л.: ГИЗ, 1926, с. 32, 42, 48, 88, 96, 128, 134, 156, 170, 184.

Шлиссельбургская крепость. – Прожектор, 1926, № 4, с. 6–9, рис.

1927

Христос. Кн. 3. Бог и Слово. – М.-Л.: ГИЗ, 1927. – VIII, 735 с., ил., 2 л. табл.

Христос. Кн. 1. Небесные веки земной истории человечества. – 2-е изд. – М.-Л.: ГИЗ, 1927. – XVI, 551 с., ил., 5 л. табл.

Последняя лекция [из курса «мировая химия», читанная 26 февр. 1917 г.]. – На волю: Сб. воспоминаний к 10-летию Февральской революции, 1917–1927. Л.: Прибой, 1927, с. 125–129.

[Автобиография, написанная специально для «Огонька»]. – Огонек, 1927, № 20, с. 11–12, портр. – (Советская страна должна знать своих ученых).

К любителям астрономии. – Информ. бюл. ВОКС, 1927, 11 марта, № 9/10, с. 29.

Русское общество любителей мироведения в Ленинграде. – Информ. бюл. ВОКС, 1927, 25 марта, № 11/12, с. 20–21.

Последняя лекция. – Кр. газ., 1927, 12 марта, № 59. 1928

1928

Христос. Кн. 4. Во мгле минувшего при свете звезд. – М.-Л.: ГИЗ, 1928. – VIII, 816 с., ил., граф., план., 2 л. карт. и табл.

История изучения Вселенной /Под ред. и с дополнениями Н. Морозова. – Л.: Сойкин, 1928. – 80 с., ил., портр. и диагр. – (Вселенная и человечество; Кн. 1).

Повести моей жизни. – М.-Л.: ГИЗ, 1928. – Т. 1–3. – Т. 1, 287 с., 1 л. портр.; т. 2. 231 с.; т. 3. 152 с., 1 л. портр.

«Многомерности» и «кривизны» пространства: (послесловие к рассказу С.Красновского «Катастрофа пространства»). – Мир приключ., 1928, № 9, с. 22.

[Краткие биографические очерки к десяти портретам шлиссельбургских узников]. – Новорусский М.В.Тюремные робинзоны. 2-е изд. М.-Л.: ГИЗ, 1928, с. 36, 48, 56, 98, 104, 140, 146, 168, 182, 196.

Письма к П. Н. Ткачеву от 25/V 1880 г. и П.Л. Лаврову в мае 1880 г. и от 2/VIII 1880 г. – Каторга и ссылка, 1928, № 11, с. 38–42.

В защиту реализма в исторической науке: Коротенький ответ нападающим на мою книгу «Христос». – Правда, 1928, 9 мая, № 106.

1929

Христос. Кн. 5. Руины и привидения. – М.; Л.: ГИЗ, 1929. – VII [1], 896 с., ил., черт., карт., факс.

Метеорные катастрофы и их влияние на умы людей. – Мироведение, 1929, т. 18, № 3, с. 149–153, ил.

Памяти «Народной воли»: [К 50-летию «Народной воли»]. – Вестн. зн., 1929, № 1, с. 5–8, портр.

Предисловие. – Сытин В.А. В тунгусской тайге. Л.: Сойкин, 1929, с. 3–14. – (Природа и люди; Кн. 2).

1930

Христос. Кн. 6. Из вековых глубин. – М.-Л.: ГИЗ, 1930. – XII, 1216 с., ил., портр., черт., диагр., схем. и карт., 3 л. ил. и табл.

Знание и прогресс: (Старо-новые мысли). – Вестн. зн., 1930, № 1, с. 2–3.
Интересная проблема органической жизни. – Известия, 1930, 24 окт., № 294.

Липецкий съезд. – «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 14–17.

Письмо к Вере Фигнер в 1880 г. – *Колосов Е.Е. (Д. Кузьмин)*. Народовольческая журналистика. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 241–243. (Ист.-рев. 6-ка. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России; 1930, № 2).

Письмо к Вере Фигнер от 26 июля 1929 г. – Там же, с. 250–251.

Предисловие. – *Колосов Е.Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 5–8.

Ред.: *Уэллс Г.* Полное собрание фантастических романов. Т. 3. Остров доктора Моро. Машина времени. Пер. с англ. – М.-Л.: Земля и фабрика, 1930. – 296 с.

1931

Тени минувшего: Опыт психологической характеристики Шлиссельбургской крепости. – Народовольцы. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1931, сб. 3, с. 39 – 71.

Письмо в редакцию «Мироведения»: [По поводу статьи Сергеева «Здание на песке»]. – Мироведение, 1931, т. 20, № 2, с. 110–112.

В те дни: (К годовщине казни первомагистров). – Стройка (Ленинград), 1931, апр., №12, с. 14.

1932

Христос. Кн. 7. Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. – VIII, 920 с., ил., табл.

Несколько слов об архиве «Земли и воли» и «Народной воли». – Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1932, с. 32–38. – (Ист.-рев. 6-ка; № 11/12).

[Заметки на Воронежском съезде и в период подготовки первых покушений (1879 г.)]. – Там же, с. 150–159.

1933

Повести моей жизни. – М.: Изд-во Всесовз. о-ва политкаторжан, 1933. – Т. 1–4.

Т. 1. 344 с., портр.; т. 2. 251 с.; т. 3. 329 с., портр.; т. 4. 436 с.

Повісті мого життя. – Харків: Партвид-во Пролетар, 1933. – 398 с.

Михаил Васильевич Новорусский. – *Новорусский М.В.* Записки шлиссельбуржца (1887–1905). М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 11–13.

Мое знакомство с Карлом Марксом. – Природа, 1933, 5/6, с. 1–4, портр. – На рус. и нем. яз.

Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. – Каторга и ссылка, 1933, № 3, с. 142–148.

Данилов (Ярославской губ.): Письма, сентябрь 1874 г. – Газета «Работник» (1875–1876 гг.) / Ред. и вступит. статья В.И. Невского. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 19–20. – [Подпись А.Б.].

Село Рябково (Костромской губ.): Письма. – Там же, с. 31–33. – [подпись Н. В.].

Встреча с К. Марксом: Воспоминания. – Веч. Кр. газ., 1933, 16 февр., № 39.

То же. – Ленин. искры, 1933, 21 февр., № 16, портр.

Проблема «сметаны»: [Биохимические исследования. Беседа]. – Веч. Кр. газ., 1933, 17 мая, № 112.

Ред.: *Новорусский М.В.* Записки шлиссельбуржца (1887–1905). – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933. – 415 с.

1934

За массовую популяризацию достижений советской науки: Ко всем научным работникам СССР. – Вестн. зн., 1934, № 6, с. 378–379. – [Совместно с другими].

Клочки воспоминаний. – Известия, 1934, 6 июня, № 131, портр.

[Приветствие Москве]. – Веч. Москва, 1934, 7 июня, № 129.

В Алексеевском равелине. – Ленингр. правда, 1934, 6 июня, № 132, портр.

Воспоминания шлиссельбуржца. – Веч. Кр. газ., 1934, 7 июня, № 129, портр. 1935.

1935

Всемирны ли все силы и законы Вселенной. – Мироведение, 1935, т. 24, № 6, с. 423–426.

У Карла Маркса. – Известия, 1935, 7 нояб., № 260.

1936

Факторы биологической эволюции. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1936, т. 19, вып. 2, с. 1–26, ил.

1937

Петр Францевич Лесгафт: К столетию со дня рождения. – Правда, 1937, 19 сент., № 259, портр.

1938

Влияние центрального тела Галактики и других ее сверхсолнц на окружающие нас геофизические и метеорологические явления. – Тезисы докладов научной сессии [Государственного естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта], 1938 г., май. Л., 1938, с. 3–5.

Зустріч з Карлом Марксом: [Беседа]. – Білшовик, 1938, 16 березня, № 61, портр.

Моя встреча с Карлом Марксом: Беседа. – За оборону, 1938, 5 мая, № 43.

1939

Пережитки суеверий уходят в прошлое. – За большевист. науку, 1939, 1 мая, № 3, портр.

1940

У Карла Маркса. – Воспоминания о Марксе. М.: Мол. гвардия, 1940, с. 178–180.

1944

О возможности научного предвычисления погоды при введении в анализ галактических воздействий: (Предварительное сообщение). – Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1944, т. 8, № 2/3, с. 63–71, табл. – Рез. на англ. яз.

В редакцию газеты «Правда». – Правда, 1944, 15 июля, № 169.

1945

Эхо солнечного света. – Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1945, т. 9, № 4, с. 289 – 293, фиг. – Рез. на англ. яз.

1947

Повести моей жизни. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 1–3. – Т. 1. 503 с., 5 л. ил.; т. 2. 555 с., ил.; т. 3. 416 с., 5 л. ил., портр.

[Письма Л.Н. Толстому от 31 марта 1907 г. и 16 апр. 1910 г.]. – Огонек, 1947, № 29, с. 23, портр.

1949

[Письмо от 25 авг. 1901 г. председателю Русского физико-химического общества Н.Н. Бекетову]. — Сообщ. о науч. работах чл. ВХО, 1949, вып. 4, с. 23–25.

Там же. – Тр. Ин-та ист. естествозн., 1949, т. 3, с. 201–204.

1956

У Карла Маркса. – Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Политиздат, 1956, с. 317–319.

1957

Письмо И.А. Каблукову от 25/XII 1917 г. – *Соловьев Ю.И., Каблукова М.И., Колесников Е.В.* Иван Алексеевич Каблуков. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 181–182.

1958

У Карла Маркса. – Они встречались с Марксом: Воспоминания русских общественных деятелей. М.: Политиздат, 1958, с. 27–30.

[Одиннадцать писем к И.П.Малютину (1923–1935)]. – *Малютин И.* Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1958, с. 77–79, 91–99.

1959

Стихотворения и поэмы. – Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л.: Сов. писатель, 1959, с. 338–348, 393, 450–453, 456–458, 474–490, портр.

1960

[Письмо В. И. Ленину от 29 янв. 1921 г.]. – Письма трудящихся к В.И. Ленину. М.: Политиздат, 1960, с. 220–221.

Письмо И. А. Каблукову [от 25/XII 1917 г.]. – История естество-знания в России. Т. 2. Физико-математические и химические науки (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 531.

[Стихотворения]. – Русские поэты / Сост. Н. Гайденков. М.: Учпедгиз, 1960, с.784–785, биогр. данные.

1961

Повести моей жизни: Мемуары. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 1–2. – Т. 1. 407 с., 3 л. портр.; т. 2. 703 с., портр.

1962

Повести моей жизни: Мемуары. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 1–2. – Т. 1. 408 с., 1 л. портр., т. 2, 702 с., 1 л. портр.

Стихотворения и поэмы. – Поэты-демократы 1870–1880-х годов. М.-Л.: Сов. писатель, 1962, с. 379–437.

1963

Лунные кратеры и цирки: Путешествие в мировом пространстве. – Техн. мол., 1963, № 7, с. 12–14, портр., рис.; № 8, с. 30–31, рис.

1964

Очерк истории кружка «чайковцев» (1869–1872 гг.). –Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870–1875 гг. М.: Наука, 1964, с. 202–240, 1 л. ил.

[Письмо М.Р. Попову от 20 марта 1908 г.]. – Юность, 1964, 30 июня, № 77. Слово о книге. – Умное слово. М., 1964, с.185.

1965

Письмо В.И.Ленину от 1 февр. 1921 г. – История СССР, 1965, № 2, с. 85.

Повести моей жизни: Мемуары. – М.: Наука, 1965. – Т. 1–2. –Т. 1. 408 с., портр.; т. 2, 702 с., 1 л. портр.

1966

У таинственного порога. – М.: Дет. лит., 1966. – 208 с., ил., портр.

Cári börtönkben és erődökben: Eletem regénye. (Rövidített kiadás). – Budapest: Gondolat, 1966. – 1.621.

Воспоминания о П.Ф. Лесгафте (1940 г.). – Сов. арх., 1966, № 2, с. 77–80.

Конец рассказа: (Запись для киноочерка). – Волга, 1966, № 7, с. 148–250.

1967

Стихотворения. – Поэты революционного народничества. Л.: Худ. лит., 1967, с. 121–156.

1968

Из докладной записки о деятельности Научного института им. П.Ф. Лесгафта в Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса 12 авг. 1918 г. – Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): Сб. документов. Л.: Наука, 1968, с. 254–256.

Из письма А.В. Луначарскому о создании Астрономического отделения при Петроградском научном институте им. П.Ф.Лесгафта, 3 окт. 1918 г. – Там же, с. 256–257.

Стихотворения и поэмы. – Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л.: Сов. писатель, 1968, с. 187–217, портр.

1969

Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. – Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М.: Политиздат, 1969, с. 78–84.

У Карла Маркса. – Там же, с. 84–86.

С усердием взялся бы за создание воздушного флота: [Письмо В.И. Ленину от 20 янв. 1921 г.]. – Товарищу Ленину: (Письма трудящихся В.И. Ленину). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1960, с. 280–281.

[О Дмитрие Ивановиче Менделееве]. – Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников /Сост. А.А. Макареня и И.Н. Филимонова. М.: Атомиздат, 1969, с. 71–73.

[Письма академику О.Ю.Шмидту от 24 окт. и 12 дек. 1941 г.]. – Нас водела молодость: Литературно-художественный сб. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1969, с. 65–67.

Пророк. Сквозь стену (Вере Фигнер). Числа. Г.А. Лопатину: [Стихотворения]. – Наука и жизнь, 1969, № 6, с. 119–120.

[Письмо И.Д. Сытину от 24 января 1918 г.] – *Коничев К.* Русский самородок. Ярославль, 1969, с. 340–341.

1970

[Письма В. И. Ленину от 29 янв., 1 февр. и 11 авг. 1921 г. и от 11 мая 1922 г.]. – Ленин. Ленину. О Ленине. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1970. с. 113, 278–280.

[О встрече с Карлом Марксом, 1880 г.: Из записи на киноплёнку]. – О Ленине: Владимирцы, ивановцы, костромичи, ярославцы о В.И. Ленине. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1970, с. 291–202. – На обл. загл.: Всегда с нами.

[Письмо В.И.Ленину от 11 мая 1922 г.]. – Там же, с. 298.

К реформе русской орфографии [1917 г.]. – *Чернышев В.П.* Избранные труды. М.: Просвещение, 1970, т. 2, с. 641–643.

[Публикации в «Земле и Воле» и в «Листке Земли и Воли»]. – Революционная журналистика 70-х годов. Дюссельдорф, 1970 (Репринт с русского издания 1906 года), с. 179–188, 202–206, 277–312.

[Из письма к А.И. Ульяновой-Елизаровой в 1919 г.]. – Озера Ярославской области. Ярославль, 1970, с. 382.

1971

[Письма В.И. Ленину от 1 февр., 11 и 18 авг. 1921 г.]. – Литературное наследство. Т. 80. В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971, с. 269, 280, 281, 310.

1972

Письмо академику А.Н. Баху от 2 февр. 1940 г. – Юн. техн., 1972, № 2, с. 26–27.

[Письма В.И. Ленину в 1921 году: (Об издании книги «Христос»)]. – *А.В.Луначарский.* Об атеизме и религии.М., 1972, с. 455–461.

1973

[О Дмитрие Ивановиче Менделееве]: Воспоминания. – Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. /Сост. А.А. Макареня, И.Н. Фили-

монова, Н.Г. Карпило. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Атомиздат, 1973, с. 73–75.

[Письмо Клименту Аркадьевичу Тимирязеву от 2 февр. 1909 г.]. – Юн. техн., 1973, № 3, с. 25.

1974

Звездные песни. Стихи и поэмы. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974. – 128 с., портр.

[Письмо К.А. Тимирязеву от 2/II 1909 г.]. – Тимирязевец, 1974, 12 июня, № 17; Моск. ун-т, 1974, 22 февр., № 9.

Телеграмма В.И. Ленину от мая 1920 г. – Сев. Рабочий, 1974, 8 сент., № 211 (Публ. Б. Внучкова).

1975

[Из письма С.И. Вольфовичу, 14 янв. 1944 г.] – Химия и жизнь, 1975, № 10, с. 5, 7, 8, 10.

В доме предварительного заключения: [Стихотворение]. – Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии. Л., 1975, с. 180.

1976

[16 писем В. Брюсову, 1910–1913 гг.] – Вопр. лит., 1976, № 7, с. 188–205.

[Из письма к В.С. Мусиной-Пушкиной от 20 сент. 1909 г.]. – Природа, 1976, № 7, с. 62–63.

[Из писем И.Д. Сытину от 1 июля 1906 г. и 2 нояб. 1907 г.]. – В мире кн., 1976, № 2, с. 81.

[Из речи на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота, 19 авг. 1923 г.]. – Кр. звезда, 1976, 12 авг., № 188.

Поездка к Карлу Марксу. – Сев. рабочий, 1976, 25 дек., № 302, ил.

1977

[Речь на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота, 19 авг. 1923 г.]. – Моск. автозаводец, 1977, 31 окт., № 251. – (Прищепенко В. Дорога к звездам).

1978

[Письмо к В.Г. Короленко от 18 июня 1909 г.]. – Огонек, 1978, № 31, с. 13. – (Б. Внучков В.Г. Короленко и Н.А. Морозов).

[О значении трудов К. Э. Циолковского: Речь, произнесенная 19 авг. 1923 г. на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота]. – Знамя, 1978, 14 марта, № 61. – (Внучков Б. «Давайте же дерзайте!»).

Там же. – Моск. ун-т, 1978, 3 окт., № 41. – (Прищепенко В. Через тернии к звездам).

Воспоминания о В. И. Ленине. – Сев. рабочий, 1978, 21 апр., № 92. – (Внучков Б. Морозов Н.А. Воспоминания о В.И. Ленине).

Письмо Л.Н. Толстому от 11 апреля 1910 года. – Звезда, 1978, №11, с. 157.

1979

Путешествие в космическом пространстве. – Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX – начало

XX века) / Сост., автор предисл., справок об авторах и комментариев С. Калмыков. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 238–247.

По общим законам природы. – Огонек, 1979, № 28, с. 20–22, портр. (Публ. В. Бирюкова).

Первое путешествие по воздуху. – Неделя, 1979, 2–8 июля, № 27 (Публ. В. Бирюкова).

Числа. «Мы умираем только для других...» При свете лампы. Голоса Земли: [Стихи]. – Химия и жизнь, 1979, № 10, с. 76–77.

Первое путешествие по воздуху. – Вперед (Н. Некоуз, Ярославской обл.), 1979, 25 авг., № 102. – (Публикация В. Бирюкова).

1981

На воздушном шаре из Санкт-Петербурга в Вологду. – Северный рабочий, 1981, 11 сент., № 211. – (Публикация Б. Внучкова).

[Письмо академику О. Ю. Шмидту в 1944 году]. – Сев. рабочий, 1981, 17 нояб., № 264 (Публ. Б. Внучкова)

Атом жизни: (Стихотв.) – Сов. Россия, 1981, 6 дек., № 281.

1982

Письма в книге: Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. – М., Наука, 1982, 264 с. 1. Н. Н. Бекетову в 1901 г. – с. 57–62; 2. И. А. Каблукову в 1917 г. – с. 41–42; 3. В. И. Ленину 11 и 18 авг. 1921 г. – с. 26 и 50; 4. С. И. Вавилову в 1945 г. – с. 201.

[Стихотворения]. – Муза в храме науки / Сост. В. Ноздрев. М.: Сов. Россия, 1982, с. 23–38, портр.

[Письмо академику В. И. Вернадскому в 1944 году]. – В кн.: *И. И. Мочалов*. Вернадский. М.: Наука, 1982, с. 392.

О крестьянине д. Григорово И. В. Комарове. – Вперед, 1982, 16 окт., № 124 (Пуб. Н. Тележкина).

1983

Поездка к Карлу Марксу. – Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Ч. 2. М., 1983, с. 44–50.

К. Маркс и «Народная Воля» в начале 80-х годов. – Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Ч. 2. М., 1983, с. 51–58.

1984

После казни 4 ноября: (Стихотв.) – Русская литература, 1984, № 2, с. 166. (Публ. В. Твардовской).

1986

[Два письма к отцу П. Щепочкину в 1874 г.] – Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1986, 13 мая, № 56; 15 мая, № 57. – (Публ. Г. Мишулиной).

1987

Попытка освобождения Войнаральского. – Штурманы будущей бури. М.: Сов. Россия, 1987, с. 112–118.

1988

Между чувством и долгом. – Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1988, 9 июля, № 32, портр. – (Публикация В. Бирюкова).

[Стихотворения]. – Муза в храме науки. 2-е изд./ Сост. В. Ноздрев. М.: Сов. Россия, 1988, с.167–180, портр.

Путешествие в космическом пространстве. – У светлого ядра Вселенной. М.: Правда, 1988, с. 33–42.

[Стихотворения]. – Чудное мгновенье. – М.: Худ. лит., 1988, с. 382–384.

1989

О гражданском равноправии женщин. – Сев. рабочий, 1989, 8 марта. – (Публикация Г. Мишулиной).

[Автобиография]. – Деятели СССР и революционного движения в России. М.: Сов.энц., 1989, с.167–173, портр.

[Отдельные высказывания]. – Я верю в разум! Л.: Лениздат, 1989, с. 62, 78, 84, 195, портр.

[Стихотворения]. – Кибернетический Пегас. Л.: Детск. лит., 1989, с.59–66.

Памяти 1873–75 годов: (Стихотв.). – Русские поэты XIX века. 2-я пол. М.: Просвещение, 1989, с.439–440.

Проклятие: (Стихотв.) – Факел. М.: Политиздат, 1989, с. 105, портр.

У гроба Кирова. – Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1989, 14 дек., № 149 (публ. Г. Мишулиной).

1990

Христос или Рамзес? – М.: Кн. палата, 1990. – 40 с. (Репринт с изд. 1924 г.).

В народ! – Ярославия. М.: Современник, 1990, с.125–142.

[Письмо И.Д. Сытину 1 июля 1906 г.]. – Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1990, 28 ноября, № 142. – (Публ. В. Бирюкова).

1991

История возникновения Апокалипсиса. Откровение в грозе и буре. – М.: Изд. Академии общ. наук. – 307 с. (Репринт с изд. 1907 г.)

Пусть мой путь остановки не знает. – Ленингр. рабочий, 1991, 19, 26 апр., 1 мая, № 16–18, портр. – (Публ. Н.Н. Сотникова).

[Письмо академику Н.И. Вавилову 18 июня 1934 г.]. – Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1991, 20 июня. – (Публ. Г. Мишулиной).

1994

[Письма И.Е. Репину в 1912 и 1926 гг.]. – Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1994, 10 авг, № 63. – (Публ. Г. Мишулиной).

1995

В поисках философского камня. – Теория и символы алхимии. Великое деланье. Киев: Новый Акрополь, 1995, с. 53–155, рис.

Павлушкин мост. – Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1995, 25 янв., № 7. – (Публ. В. Бирюкова)

1996

Новый тип революционеров. – История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996, с. 91–95.

Террористическая борьба. – История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996, с. 95–109.

О высоком и вечном: [Письмо академику С.И. Вольфовичу 14 янв. 1944 г. и стихотворение «Мы умираем только для других»]. – Вестник Росс. АН, 1996, №10, с. 899–902. – (Публ. Ю. Соловьева).

1997

[Фрагменты рукописи о русской истории]. – Г. Носовский, А. Фоменко. Новая хронология Руси. М.: Факториал, 1997, с. 238–248.

Христос. Небесные вехи земной истории человечества. – М.: Леан, 1997. – 576 с.: ил. – (Предисловие С.И. Валянского).

1998

Христос. Силы земли и небес. – М.: Леан, 1998. – 704 с.: ил.

Христос. Бог и слово. – М.: Крафт+Леан, 1998. – 752 с.: ил.

Христос. Во мгле минувшего при свете звезд. – М.: Леан, 1998. – 832 с.: ил.

Христос. Руины и привидения. – М.: Крафт+Леан, 1998. – 912 с.: ил.

Христос. Из вековых глубин (части I–III). – М.: Крафт+Леан, 1998. – 656 с.: ил.

Христос. Из вековых глубин (части IV–VIII). – М.: Крафт+Леан, 1998. – 592 с.: ил.

Христос. Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры. – М.: Крафт+Леан, 1998. – 929 с.: ил.

1999

[Фрагменты рукописи о русской истории]. – Г. Носовский, А. Фоменко. Новая хронология Руси, Англии и Рима. М. Анвик, 1999, с. 281–294.

2000

Христос. Новый взгляд на историю Русского государства. Вступление С. Валянского: Н.А. Морозов – историк, (с. V–LIV). – М., Крафт, 2000, 888 с. [с. 1–666], портр., илл.

Письмо В.И. Ленину. Июль 1919 г. – Там же, с. 669–675.

Из писем В.И. Ленину в 1921 г. – Там же, с. 680.

О своей книге «Христос». – Там же, с. 686.

Астрономический переворот в исторической науке. – Там же, с. 710–721.

Как я пришел к своей теории преемственной непрерывности человеческой культуры. – Там же, с. 722–726.

В защиту реализма в исторической науке. – Там же, с. 727–733.

Несколько слов о диалектическом материализме. (Комментарий В.Б. Бирюкова). – Там же, с. 744–754.

Письмо академику О.Ю. Шмидту в 1944 г. – Там же, с. 755–756.

Письмо академику С.И. Вольфовичу в 1944 г. – Там же, с. 757–759.

2002

Христос. Миражи исторических пустынь между Тигром и Евфратом. Клинописи. Предисловие С. Валянского. – М., Крафт, 2002, 560 с.

Исторические основы легенды о великом маге и учителе Иисусе. (К 2000-летию христианства). – Потаенное, Спб., 2002, № 2 (15), порт. (Публ. О. Гусева).

Был ли какой-нибудь «Христос» когда-нибудь распят? – Потаенное, Спб., 2002, № 3 (16), фото. (Публ. О. Гусева).

Мы умираем только для других. На кладбище (стихи). – Влад. Некрополь. Вып. 5, Владимир, 2002, с. 2, 62. (Публ. В. Титовой).

2003

Христос. Азиатские христы. Предисловие С. Валянского. М., Крафт, 2003, 580 с.

Христос. Небесные веки земной истории человечества. Предисловие С.И. Валянского. – М., Крафт, 2003, 576 с. ил. (доп. тираж).

Христос. Силы земли и небес. М., Крафт, 2003, 704 с. ил. (доп. тираж).

Христос. Великая Ромея – первый светоч средневековой культуры. – М., Крафт, 2003, 929 с., ил. (доп. тираж).

Литература о жизни и трудах Н.А. Морозова

Адрес, поднесенный Н.А. Морозову в день его 85-летия, 8 июля 1939 г., сотрудниками Государственного Естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1940, т. 23, с. 7–8, портр.

Адрес, поднесенный Николаю Александровичу Морозову в день его семидесятилетия, 8 июля 1924 г., сотрудниками Ленинградского научного института им. П. Ф. Лесгафта. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1924, т. 10, с. 7–8, портр.

Азарова Н.И., Серебряная Н.З. Л.Н. Толстой. Искусство. Время. (Альбом). – М.: Сов. Россия, 1981, стр. с рис.133 – текст; рис. 138 – Неизв. художник. Н.А. Морозов. 1909.

Аксаков Н.П. Беспредельность невежества и Апокалипсис: (Краткий ответ на книгу Н.А. Морозова). – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. – 24 с.; Церк. вестн., 1908, № 1, стб. 4–9; № 2, стб. 39–43, № 4, стб. 99–103.

Андреанов В. К. Маркс и русские революционеры. – Сев. рабочий, 1976, 25 дек., № 302.

Андреанов В. Новая книга о революционере-ученом (Книга В. Твардовской). – Сев. рабочий, 1985, 4 янв., № 3.

Аржанова О.К. Борьба Н.А. Морозова за материализм в естествознании: Автореф. дисс. канд. филос. н. – М.: МГУ, 1956. – 16 с.

Арин М. Скупые строки [анкеты Н.А. Морозова]. – Кр. газ., 1934, 6 июня, № 129.

Армфельт Б.К. Опыт применения качественного физико-математического анализа к критическому сопоставлению научных мировоззрений. – Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1917, т. 6, № 4, с. 196–207.

Астафьев А.В. Лев Толстой и его современники: (Связи писателя с Ярославским краем). Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1967, с. 51–63: (Л.Н. Толстой и шлиссельбургский узник Н.А. Морозов).

Астафьев А. Л.Н. Толстой и Н.А. Морозов. – Вперед, 1963, 15 сент., № 85.

Астафьев А.В. Революционер и ученый: К 110-летию со дня рождения Н.А. Морозова. – Юность, 1964, 30 июня, № 77, портр.

Астафьев А.В., Астафьева Н.А. Писатели Ярославского края. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974, с. 171–181: (Н.А. Морозов, 1854–1946), портр.

Астафьев А., Астафьева Н. Писатели Ярославского края. – 2-е изд. – Ярославль, 1990, с. 202–213: (Н.А. Морозов), портр.

Астафьев А. Л.Толстой и Н.Морозов. (Ярославская литературная летопись). – Юность(Яросл.), 1963, 10 сент.

Астафьев А. Николай Александрович Морозов. – Сев. рабочий, 1964, 7 июля, № 159, портр.

Астров П. По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре». – М.: Сытин, 1908. – 16 с.

Афросимов Ф. Рец. на кн.: Морозова К. Н.А. Морозов: (К 90-летию со дня рождения). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. – Славяне, 1944, № 12, с. 42.

Барабанова А., Ямицкова Е. Народовольцы в Петербурге. Л., 1984. – 223 с.

Баранников К. Памяти Н. А. Морозова. – Щербаков. правда, 1954, 11 июля.

Баскаков Н. Живой среди живых. – Вперед, 2001, 25 июля, № 59.

Белицкий Я.М. Спартаковская улица. 2/1. – М.: Моск. рабочий, 1986. (Гимназия на Елоховской, с. 33–52. Портрет Н.А. Морозова.)

Белов М. Н.А. Морозов: К 80-летию со дня рождения. – Экон. жизнь, 1934, 6 июня, № 129, портр.

Белов С.В. В.Я. Брюсов и Н.А. Морозов: (Неопубликованные письма В.Я. Брюсова). – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1964, т. 23, вып. 4, с. 331–339.

Беляев Е. Н.А. Морозов об исламе. – Антирелигиозник, 1933, № 3, с. 40–43.

[*Беляева Е.К.* Воспоминания о Н.А. Морозове]. – Вперед, 1974, 13 июля, №84. – (Родственница о Н.А. Морозове. Подготовил Б. Внучков).

Беркенгейм Б.М. Действительные и почетные члены Академии наук химической специальности: (К 220-летию АН СССР). – Усп. хим., 1945, т. 14, вып. 2, с. 122–123.

Бибанов Т. Повесть о Николае Морозове: [М. Поповский. Победенное время]. – Юность(Яросл.), 1975, 11 дек., № 147.

Бибииков Е. Из Шлиссельбургской крепости. – Веч. Челябинск, 1984, 4 июля, № 152.

Бирюков В. Н.А. Морозов и вопросы хронологии. – Вперед, 1995, 2 авг., № 59.

Бирюков В. Подарок Дому-музею Н.А. Морозова: [Книги от А.Т. Фоменко]. – Вперед, 1997, 6 дек., № 95.

Бирюков В. Революционер, ученый, поэт: [К 120-летию Н.А. Морозова]. – Филателия СССР, 1974, № 10, с. 4–5, портр.

Бирюков В. Смелость и бескорыстие издателя: [О роли И. Д. Сытина в издании трудов Н.А. Морозова]. – В мире кн., 1976, № 2, с. 81, ил.

Бирюков В. Узник Шлиссельбурга. – Вперед, 1991, 16 апр., № 47.

Бирюкова Н.К. Мой дядя Н.А. Морозов. – Вперед, 1981, 21 апр., № 48.

Бирюков В.Б. Библиография Н.А. Морозова. – Н.А. Морозов. Новый взгляд на историю Русского государства. М., Крафт, 2000, с. 770–825.

Бирюков В.Б. Комментарий к работе Н.А. Морозова «Несколько слов о диалектическом материализме». – Н.А. Морозов. Новый взгляд на историю Русского государства. М. Крафт, 2000, с. 748–754.

Бирюков В.Б. Памяти Н.Е. Громова, Виноградовых и Пиотровских. – Владимирский Некрополь. Вып. 5. Владимир, 2002, с. 42–47, фото. (Письма Н.А. Морозову).

Богданович Т.А. Хожение в народ. – Пг.: изд. «Новая Россия», 1917, с. 12–15, 18–19 и др.: (Н.А. Морозов).

Бойко В. Сквозь тернии – к звездам. [Рец. на кн.: Морозов Н.А. Звездные песни. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974]. – Волга, 1975, № 10, с. 186–188.

Борисов И.Н. Н.А. Морозов о строении вещества: (К вопросу о приоритете русских химиков). – Химия в школе: Методический сб. М.: Учпедгиз, 1950, вып. 4, с. 153–159.

Борисова Н. Звучит голос Н.А.Морозова. – Сев. рабочий, 1983, 29 окт, № 251.

Борисова Н. Славная судьба: Рец. на кн.: Поповский М. Победенное время: Повесть о Николае Морозове. М.: Политиздат, 1975. (Серия «Пламенные революционеры»). – Нева, 1976, № 3, с. 185–186.

Бронштэн В.А. Разгром общества любителей мироведения. – Природа, 1990, № 10, с.122–126, портр.

Брюсов В. (Гармодий). Рец. на кн.: Н. Морозов. Из стен неволи. – Весы, 1906, № 6. с. 71.

Брюсов В.Я. Рец. на кн.: Морозов Н. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб.: Изд. М. Аверьянова, 1910. – Рус. мысль, 1910, кн. 9, с. 283–285. – Разд. паг.

Бубнов А. Телеграмма Н.А. Морозову [в связи с 80-летием со дня рождения]. – Ленингр. правда, 1934, 6 июня, № 132.

Бубнов А.С. Телеграмма Н.А.Морозову в связи с 80-летием. – За коммунист. просвещение, 1934, 6 июня, № 129; Социалистическое земледелие, 1934, 6 июня.

Бубнов Н.А. Незабываемые встречи. – Вперед, 1982, 27 марта, № 37; 30 марта, № 38.

Буянов А. Творцы химической науки. – Техн.-мол., 1949, № 4, с. 30–31: (Революционер-ученый. Предсказание нулевой группы химических элементов).

Быков Г. В. История электронных теорий органической химии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 57–59: (Дубликация электрических зарядов в органических соединениях по Морозову).

В.Б. [В. Бурцев] Шлиссельбуржцы: 1. Н.А. Морозов. – Наша жизнь, 1905, 13 нояб., № 333.

В «Борке» в день 90-летия почетного академика Н.А. Морозова. – Вестн. АН СССР, 1944, № 9, с. 92.

Вавилов С.И. Привет энтузиасту науки! – Сергей Иванович Вавилов. М., 1981, с. 282–283.

Валк С. Г.Г. Романенко. Из истории «Народной воли». – Каторга и ссылка, 1928, №11(48), с. 36–59.

Валянский С.И. История создания работы «История человеческой культуры в естественно-научном освещении» («Христос»). – Н.А. Морозов. Христос. Небесные вехи земной истории человечества. М.: Крафт+ЛЕАН, 1997, с. 7–10.

Валянский С.И. Н.А. Морозов (1854–1946). Краткий биографический очерк. – Н.А. Морозов. Христос. Небесные веки земной истории человечества. М.: Крафт+ЛЕАН, 1997, с. 5–7.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Николай Александрович Морозов. – Хронотроника. Оптимальные пути развития систем в условиях ограниченных ресурсов. М, 1998, с. 51–52. (Препринт/ИОФРАН).

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Новая хронология земных цивилизаций: Современная версия истории. – М.: Олимп, 1996. – 384 с. – С. 5, 6, 16–17, 49, 50–51, 299–304 и др.: (Н.А. Морозов).

Валянский С.И., Калюжный Д.В. О графе Гомере, крестоносце Батые и знаке Зверя. – М.: Крафт+ЛЕАН, 1988. – 336 с. – С. 307–319: (Реальная хронология [по Н.А. Морозову]), с. 176–180 и др.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Путь на Восток, или Без вести пропавшие во времени. – М.: Крафт+ЛЕАН, 1988.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Тьма горьких истин... Русь. – М.: Крафт+ЛЕАН, 1988. – С. 4, 5, 65, 110, 134, 194, 298, 308, 319–320: (О Морозове).

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Явление Руси. – М.: Крафт+ЛЕАН, 1988.

Валянский С., Недосекина И. Революционер, ученый, поэт. – Литературная Россия, 1985, 14 июня, № 24.

Валянский С., Калюжный Д., Недосекина И. Николай Александрович Морозов. – Введение в хронотронику. М., Аиро-XX, 2001, с. 200–202.

Валянский С., Калюжный Д. Человек, проживший три жизни. – Другая история средневековья. Серия «Версии мировой истории». М., Вече, 2001, с. 398–398, портр.

Валянский С. Н.А. Морозов – историк. – Н.А. Морозов. Новый взгляд на историю Русского государства. М. Крафт, 2000. с. V–LIV.

Ваняшова А. «Знакомый всей читающей России...». – Правда, 1970, 22 мая, № 142.

Васецкий А.А. Идеи социокосмизма в произведениях Н.А. Морозова: Автореф. дис... канд. филос. н. – М.: Изд. МГУ, 1987. – 26 с.

Васильев М. Николай Морозов: Народолюбец, ученый, поэт. – Юн. техн., 1972, № 2, с. 25–29, портр.

Васильев М. Рядом с Циолковским: [О повестях К.Э. Циолковского «На луне» и Н.А. Морозова «В мировом пространстве»]. – В мире кн., 1972, № 3, с. 14–15.

Васильев П. И пили чай с Н.А. Морозовым: [О фотографии С. Ухове из п. Волга]. – Вперед, 1992, 25 дек., № 115, фото.

Васильев П.И. Последние крепостники земли Некоузской (Об отце Морозове П.А. Щепочкине). – Вперед, 1999, 20 фев., № 14.

Васильева А. Голос современника Маркса: [О звукозаписи рассказа Н.А. Морозова о его встрече с К. Марксом]. – Веч. Москва, 1979, 20 июля, № 165.

Вересов А.И. Конец «Русской Бастилии». Л.: Дет. лит., 1964, с. 65–66, 111–114, 324–331, 361–366, 411–416.

Вересов А.И. Улица Иустина Жука: [Об узниках Шлиссельбургской крепости]. – Нева, 1962, № 11, с. 128, 132, 135, 144–146, 150–151, 155–156, портр.

Вересов А. И. Шлиссельбургские повести. Л.: Лениздат, 1965, с. 17–18, 43–44, 95–102.

Вечер памяти Н.А. Морозова. – Краткий астрономический календарь на 1958 год. Киев: Изд-во АН УССР, 1957, с. 99.

Виноградов К. Пример служения Родине. – Вперед, 1979, 27 сент., № 116.

Виноградов К.В. Письмо Н.А. Морозову в 1928 г. – Влад. Некрополь, Вып. 5. Владимир, 2002, с. 45–47, фото.

Виноградова Е.К. Революционер, ученый: [Воспоминания]. – Вперед, 1977, 7 июля, № 81.

Виноградова А.А. Письмо Н.А. Морозову в 1906 г. – Влад. Некрополь, Вып. 5. Владимир, 2002, с. 44–45, фото.

Внучков Б.С. В.Г. Короленко и Н.А. Морозов. – Огонек, 1978, № 31, с. 13.

Внучков Б.С. В гостях у Короленко: [О встрече Н.А. Морозова и В.Г. Короленко в 1906 г.]. – Сев. рабочий, 1977, 25 дек., № 299.

Внучков Б.С. В Доме-музее Н.А. Морозова. – Нов. жизнь (Рыбинск), 1962, 13 мая, № 8, портр.

Внучков Б.С. Встреча с Марксом. – Сев. рабочий, 1967, 19 сент., № 220, фото; Ленин. знамя, 1968, 14 июня, № 137; 15 июня, № 138.

Внучков Б.С. «Выборы» по-полицейски: [О признании недействительным избрание Н.А. Морозова выборщиком в III Государственную думу в 1907 году]. – Сев. рабочий, 1970, 27 мая, № 122.

Внучков Б.С. Высокая культура духа: Н.А. Морозову 125 лет со дня рождения. – Заря коммунизма, 1979, 10 июля, № 82.

Внучков Б. Высокая культура духа. – Вперед, 1979, 30 июня, № 78.

Внучков Б. Гости Дома-музея Н.А. Морозова (К.К. Виноградов и В.Б. Бирюков). – Вперед, 1977, 14 июля, № 84.

Внучков Б.С. «Давайте же дерзгать!»: [О взаимоотношениях К.Э. Циолковского и Н.А. Морозова]. – Знамя, 1978, 14 марта, № 61.

Внучков Б. Дар музею: [О книге А. Малютиной «Повесть об отце»]. – Вперед, 1979, 19 сент., № 111.

Внучков Б.С. Дар хабаровчан: [О сборе средств на постройку Н.А. Морозовым обсерватории]. – Тихоокеан. звезда, 1967, 19 авг., № 194.

Внучков Б.С. Два письма: [О письмах Н.А. Морозова к К.Э. Циолковскому от 22 июля 1920 г. и 1 мая 1921 г.]. – Знамя, 1973, 12 апр., № 86.

Внучков Б.С. Два письма В.Я. Брюсова [Н.А. Морозову]. – М., 1969, № 11, с. 193–195.

Внучков Б. Дом-музей Н.А. Морозова: [О реконструкции в 1914 г.]. – Вперед, 1977, 27 окт., № 130.

Внучков Б.С. Жизнь, отданная людям: [К 20-летию со дня кончины Н.А. Морозова]. – Вперед, 1966, 29 июля, № 90, фото; Ленин. знамя, 1966, 27 сент., № 224, рис.

Внучков Б.С. Жизнь – подвиг. – Вперед, 1979; 7 июля, № 81, портр.

Внучков Б.С. «За ленинской строкой»: [О телефильме, посвященном Н.А. Морозову]. – Кр. знамя (Даугавпилс), 1966, 10 нояб., № 176; Рыбин. правда, 1966, 11 нояб., № 226.

Внучков Б. Как Н.А. Морозов избирался в Думу. – Вперед, 1977, 7 июня, № 68.

Внучков Б. К.И. Чуковский и Н.А. Морозов. – Сев. рабочий, 1982, 7 апр., № 81.

Внучков Б.С. К. Маркс и Морозов. – Вперед, 1968, 5 мая, № 55.

Внучков Б.С. Как Н.А. Морозов избирался в Думу. – Вперед, 1977, 7 июня, № 68.

Внучков Б.С. «Капитал» К. Маркса и Н.А. Морозов. – Вперед, 1967, 14 сент., № 113.

Внучков Б. Карлу Марксу посвящается: [О записи голоса Морозова на пластинку «Кругозора»]. – Вперед, 1983, 20 сент., № 113.

Внучков Б.С. Лекции народовольца. – Кр. знамя (Владивосток), 1973, 13 окт., № 241.

Внучков Б.С. Лекции революционера. – Правда Севера, 1968, 4 сент., № 207.

Внучков Б.С. М.О. Морозов у Елисаветграді. – Кіровоград. правда, 1976, 26 вересня, № 226.

Внучков Б.С. Морозов едет к Марксу. – Кр. знамя (Даугавпилс), 1968, 26 апр., № 66; 27 апр., № 67; 30 апр., № 68; 1 мая, № 69; 6 мая, № 70.

Внучков Б.С. Музей в поселке имени Морозова. – Сев. рабочий, 1968, 4 февр., № 29.

Внучков Б.С. [Н.А. Морозов и Научный институт им. П.Ф. Лесгафта]. – Сев. рабочий, 1978, 21 апр., № 92.

Внучков Б.С. Н.А. Морозов и религия. – Вперед, 1968, 30 марта, № 40.

Внучков Б.С. Н.А. Морозов на Дальнем Востоке. – Дальний Восток, 1969, № 4, с. 130–137.

Внучков Б.С. Найдено в архиве: [Письмо Я. М. Свердлова Н.А. Морозову]. – Урал, 1968, № 12, с. 66–69, рис.

Внучков Б. На пороге крылатой эры. – Сев. рабочий, 1983, 5 мая, № 105.

Внучков Б.С. Находка в архиве ученого-революционера: [О книге В.И. Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» издания 1894 г., найденной в архиве Н.А. Морозова]. – Сев. рабочий, 1977, 31 марта, № 75.

Внучков Б.С. Невыдуманные истории о Н.А. Морозове. – Сев. рабочий, 1969, 5 марта, № 54; Сев. заря, 1970, 30 мая, № 85.

Внучков Б.С. Новые экспонаты Музея Н.А. Морозова. – Сев. рабочий, 1968, 11 мая, № 108.

Внучков Б.С. Об одном ошибочном утверждении: [Н.А. Морозов и религия]. – Сев. рабочий, 1970, 5 марта, № 53.

Внучков Б.С. Памяти революционера. – Сов. Россия, 1979, 24 июля, № 168.

Внучков Б.С. Переписка друзей: Письма В.Я. Брюсова к Н.А. Морозову. – Сев. рабочий, 1967, 23 авг., № 197; 24 авг., № 198; 25 авг., № 199.

Внучков Б.С. Письма В.Г. Короленко к Н.А. Морозову. – Сев. рабочий, 1966, 18 сент., № 220.

Внучков Б.С. Письмо Я.М. Свердлова революционеру Н.А. Морозову. – Урал. рабочий, 1967, 15 авг., № 191.

Внучков Б. «Пионер научной поэзии» (Брюсов и Морозов). – Сев. рабочий, 1982, 6 янв., № 5.

Внучков Б.С. Пламенная жизнь ученого. – Вперед, 1968, 26 апр., № 52.

Внучков Б.С. Планета у сердца: [Репортаж из Дома-музея Н.А. Морозова]. – Сев. рабочий, 1967, 27 апр., № 99, фото.

Внучков Б. Предвидя будущее. – Вперед, 1984, 17 июля, № 85.

Внучков Б. Предвидя будущее. К 130-летию Н.А. Морозова. – Сев. рабочий, 1984, 10 июля, № 161.

Внучков Б.С. Проникновение: [О встрече Н.А. Морозова с К. Марксом]. – Нев. заря, 1968, 5 мая, № 70.

Внучков Б. Рассказы о Н.А. Морозове. – Вперед (газета Рыбинского объединения моторостроения), 1978, 6, 10, 13, 15, 17, 20 марта, № 28, 30–34.

Внучков Б. Революционер и ученый (Из воспоминаний К. Морозовой). – Рыбинская правда, 1976, 29 июля, № 150.

Внучков Б.С. Революционер-ученый Н.А. Морозов: [К 20-летию со дня кончины Н.А. Морозова]. – Сев. рабочий, 1966, 31 июля, № 178.

Внучков Б.С. Революционер, ученый писатель: К 125-летию со дня рождения Н.А. Морозова. – Сев. рабочий, 1979, 6 июля, № 154.

Внучков Б.С. С большим интересом: [Дому-музею Н.А. Морозова 25 лет]. – Вперед, 1972, 5 февр., № 17.

Внучков Б.С. С.И. Вавилов и Н.А. Морозов. – Сергей Иванович Вавилов: Очерки и воспоминания/Под ред. И.М. Франка. М.: Наука, 1979, с. 239–243.

Внучков Б.С. С.И. Вавилов и Н.А. Морозов. – Сергей Иванович Вавилов. – 3-е изд. – М., 1991, с. 311–315.

Внучков Б.С. С.И. Вавилов о Н.А. Морозове. – Вперед, 1976, 6 июля, № 81. – (Памяти ученого-революционера).

Внучков Б. Свидетель удивительных событий. – Невская заря, 1981, 10 февр., № 23; 11 февр., № 24, портр.

Внучков Б. Скульптурный портрет земляка. – Сев. рабочий, 1979, 2 авг., № 176.

Внучков Б.С. Телеграмма Ильича. – Дальний Восток, 1974, № 4, с. 129–131.

Внучков Б.С. Телеграмма (По поручению Ленина). – Сев. рабочий, 1974, 8 сент., № 211.

Внучков Б.С. Узник Шлиссельбурга: О жизни и деятельности Н.А. Морозова. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1969. – 184 с., ил. – Библиогр.: «Основные труды Н. А. Морозова и литература о нем» с. 165–170.

Внучков Б.С. Узник Шлиссельбурга. – 2-ое изд. – Ярославль, 1988. – 160 с., ил.

Внучков Б.С. «Шлиссельбургский узник» в Вологде. – Кр. Север, 1973, 12 сент., № 214.

Внучков Б. Юбилей Н.А. Морозова в Москве. – Вперед, 1979, 20 дек., № 152.

Внучков Б.С., Лозовский И. Узник Шлиссельбурга в Томске. – Кр. знамя (Томск), 1967, 13 мая, № 111.

Внучков Б. Издано в Москве. (О издании библиографии Н.А. Морозова, сост. В.Б. Бирюковым). – Вперед, 1981, 4 июля, № 79.

Внучков Б. Из воспоминаний К.К. Виноградова. – Вперед, 1983, 22 февр., № 23

Внучков Б. Помогая другим. (О А.В. Буцевиче: 1849–1885). – Вперед, 1981, 27 окт., № 127.

Внучков Б. Давнее и недавнее (Н.А. Морозов и В.И. Ленин). – Вперед, 1981, 24 дек., № 154.

Внучков Б. Рассказы о Н.А. Морозове. – Вперед (Газета Рыбинского объединения моторостроения), 1978, 6, 10, 13, 15, 17, 20 марта №№ 28, 30–34.

Волков А. Встречи Н.А. Морозова с копряками. – Молога. Рыбинск, 1996, с. 73–75.

Волков В.А. и др. Выдающиеся химики мира. – М., 1991, с. 305–306: (Н.А. Морозов).

Волков-Ланнит. Искусство запечатленного звука. – М., 1964, с. 196–197: (Запись голоса Н.А. Морозова в 1909 году), портр.

Вольфович С.И. Выдающийся русский ученый и революционер: (К 100-летию со дня рождения Н.А. Морозова). – Вестн. АН СССР, 1954, № 8, с. 56–63.

Вольфович С.И. «Искренне преданный Вам...». – Сельская молодежь, 1980, № 6, с. 30–35, портр. – Материал подготовила И. Кленская.

Вольфович С.И. Личность: Николай Морозов – ученый и революционер. – Химия и жизнь, 1975, № 10, с. 4–10, портр.

Вольфович С.И. Н.А. Морозов и его труды по химии. – Труды Совещания по истории естествознания, 24–26 дек, 1946 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 197–212, 1 л. портр. – Библиогр.: 24 назв.

Вольфович С.И. Научные предвидения Н.А. Морозова. – Огонек, 1948, № 1, с. 26.

Вольфович С.И. Николай Александрович Морозов: [К 10-летию со дня смерти]. – Химия в шк., 1956, № 4, с. 19–25, портр.

Вольфович С.И. Николай Александрович Морозов, его жизнь и труды по химии. – Природа, 1947, № 11, с. 81–88, портр., ил.

Вольфович С.И. Николай Александрович Морозов как химик (1854–1946). – Изв. АН СССР. ОХН, 1947, № 5, с. 523–533, 1 л. портр.

Вольфович С.И. О «Периодических системах строения вещества» Н.А. Морозова. – Сообщ. о науч. работах чл. ВХО, 1949, вып. 4, с. 22–26.

Вольфович С.И. Переписка Н.А. Морозова, Д.П. Коновалова и В. Крукса о «Периодических системах строения вещества». – Тр. Ин-та ист. естествозн., 1949, т. 3, с. 200–208.

Вольфович С.И. Почетный академик Николай Александрович Морозов: [К 30-летию со дня смерти]. – Вопр. ист. естествозн. и техн., 1976, вып. 1, с. 67–72.

Вольфович С.И. Краткий очерк научной, революционной и общественной деятельности [Н.А. Морозова]. – Николай Александрович Морозов (1854–1946). Библиография ученых СССР. М., Наука, 1981, с. 7–21.

80-летие Н.А. Морозова. – Правда, 1934, 8 июня, № 156.

80-летие Н.А. Морозова. – Правда, 1934, 3 июня, № 151.

80-летие шлиссельбуржца Н.А. Морозова. – Соц. землед., 1934, 6 июня, № 129.

Вселенов В. Вечер памяти в Доме-музее Н.А. Морозова: [Памяти Б.Внучкова и Г. Мишулиной]. – Вперед, 1997, 26 нояб., № 92.

Вселенов В.Б. В защиту реализма. – Философские исследования, 1999, № 1, с. 251–258. (Н.А. Морозов о невежестве – с. 256–257.)

Вселенов В. В честь Н.А. Морозова: [Подарок музею вновь вышедших томов «Христа» и книг по истории из серии «Хронотрон» С.И. Валянского, Д.В.Каляжного]. – Вперед, 1998, 11 июля, № 59.

Вселенов В. Новый подарок Дому-музею Н.А. Морозова: [От А.Т. Фоменко]. – Вперед, 1998, 8 июля, № 54.

Вселенов В. Семинар в Доме-музее Н.А. Морозова. (Памяти К.К. Виноградова. 1908–1997) – Вперед, 1997, 30 июля, № 59.

Вселенов В. О книге «Христос» Николая Морозова. – Вперед, 1999, 7 июля, № 52.

Вселенов В. Подарок от Дома-музея Н.А. Морозова. (Книги для Некоузской б-ки). – Вперед, 2000, 12 июля, № 55.

Вселенов В. Новая книга Н.А. Морозова. (8-й том «Христа» по русской истории). – Вперед, 2001, 16 мая, № 39.

Вселенов В. Еще одна книга Н.А. Морозова. (9-й том «Христа») – Вперед, 2002, 21 авг., № 67.

Вселенов В. Сказание о Борке. (О книге «Борок», Рыбинск, 2002). – Вперед, 2002, 17 июля, № 57.

Гагарин В. Памяти ученого-революционера. – Сев.рабочий, 1979, 26 июля, № 170.

Гайденов Н. Поэзия борьбы и страданий. – Вопросы литературы, 1962, № 5, с. 213–215: (Н.А. Мюрозоз).

Гартман Л. Письма Н.А. Морозову в Женеву в 1880 году. – Русские сочинения о К. Марксе и Ф.Энгельсе. М., 1969, с.180–182, 192.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 7. 3. 1870–1900. М.: Госюриздат, 1961, с. 104, 109, 111, 153–154, 161, 188, 234, 238, 240, 249, 264–269, 275, 277, 279, 286.

Гессен С.Н. А. Морозов: (К 80-летию со дня рождения). – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1934. – 40 с., портр.

Глезер Д. Государственный научный институт им. П.Ф.Лесгафта. – Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б). М. -Л., 1934, с. 246–265, портр. Морозова

Глезер Д.Я. Н.А. Морозов: К 80-летию со дня рождения. – Природа, 1934, № 8, с. 59–64, фиг., портр.

Головин Г., Бирюков В. Человек поразительной судьбы. – Сов. Союз, 1979, № 8, с. 52, портр., ил.

Горбачевич К., Стрелков И., Хабло Е. Славные имена: О людях, именами которых названы населенные пункты Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1965, с. 72–77: (Революционер и ученый), портр.

Горбунов Н.П. Луначарскому. О книге «Христос» по поручению Ленина. – Литературное наследство. М., 1971, т. 80, с. 269, 278–280.

Городецкий С. Н.А. Морозову: (Стихотворение). – Цветущий посох. Спб., 1914, с.95.

Гороховатский Я. Б. Вчений-революционер: (До 10-річчя з дня смерті М.О. Морозова). – Наука і життя, 1956, № 7, с. 35–36, портр.

Горшков Д.Н. Значение творческого наследия Н.А.Морозова в формировании диалектико-материалистического мировоззрения. – Теоретико-методологические проблемы формирования коммунистического мировоззрения. Ярославль, 1987, с. 123–127.

Горюн Т.В. Творческие связи К.Э. Циолковского и Н.А. Морозова. – Идеи К.Э. Циолковского и современные научные проблемы. М., 1984, с. 39–48.

Гревс Ив. Старый революционер за эволюцию. – Речь, 1917, 7(20) апр., № 80.

Гргежоржевский Б. К дискуссии о «Христе» Н.А. Морозова. – Мирведение, 1932, № 1–2, с. 135–138.

Грибков Н., Внучков Б. За ленинской строкой: [По поводу Постановления Совета Народных Комиссаров о предоставлении имени Борок в пожизненное пользование Н.А. Морозову]. – Владимирцы, ивановцы, костромичи, ярославцы о Ленине: 50 рассказов, очерков, воспоминаний, интервью. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1970, с. 290–298. – На обл. загл.: Всегда с нами. Библиогр.: 9 назв.

Григорьев Г. Английский проспект, 32: Фрагменты из жизни одного дома. (В.И. Ленин, П.Ф. Лесгафт и Н.А. Морозов). – Аврора, 1971, № 11, с. 45–50.

Григорьев Г. «Звездные песни»: [О грамзаписи голоса Н.А. Морозова в 1910 году]. – Нева, 1969, № 6, с. 220, портр.

Григорьева Е. (Гончарова). Помнят, любят, изучают. (К 145-летию Н.А. Морозова). – Вперед, 1999, 21 июля, № 56.

Громыко А. Теплое слово о Н.А. Морозове. – Вперед, 1988, 27 сент., № 116 (Публ. Лукина).

90-летие почетного академика Н.А. Морозова. – Известия, 1944, 5 июля, № 158.

Десяткина А.В. Н.А. Морозов (1854–1946): [Библиографический указатель]. – Ярославль: Обл. б-ка, 1956. – 15 с., портр.

Дело Н.А. Морозова: (Из зала суда). – Утро России, 1911, 25 нояб., № 271.

Дело Н.А. Морозова. – Речь, 1912, 2 марта, № 60.

Дерман А. Рец. на кн.: Круковская Л. Очерк жизни и деятельности Н.А. Морозова. Книгоизд-во К.Ф. Некрасова. – Заветы, 1912, № 9, с. 201–202.

10 лет со дня смерти Н.А. Морозова: [Вечер, посвященный памяти Н.А. Морозова, 26 декабря 1956 г. в Москве в Доме ученых]. – Вестн. АН СССР, 1957, № 2, с. 133.

Дзержинский Ф.Э. Письмо Н.А. Морозова от 14 августа 1921 г. – Морозов Н.А. Новый взгляд на историю Русского государства. М. Крафт, 2000, с. 681.

Дубянская М. Закат на Лодманском острове. – Аврора, 1976, № 12, с. 64–67: (о Н.А. и К.А. Морозовых).

Егоров И. В местечке Борок. – Голос льновода, 1959, 15 марта, № 32, фото.

Елин М. Ученый среди облаков. – Вперед, 1963, 3 апр., № 15.

Емельянов В.С. Атом и мир. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Атомиздат, 1967, с. 17, 33–35, 37, портр., ил.

Ермоленко Г.В. Анонимные произведения и их авторы. – Минск, 1988, с. 7, 22–23, 99, 101: (Н.А. Морозов).

Ершов Г. В те далекие годы [Серафимович и Морозов]. – Огонек, 1983, № 3 (15 янв.), портр.

Жаворонкова М.Н. Для нытиков: откройте его книги! – Вестник здорового образа жизни (ЗОЖ), М., 2002, № 15, с. 22.

Жданов С. Життя в ім'я революції і науки. – Мол. гвардия, 1979, 13 июля, № 135.

Жданов С.М. К.Маркс і російський природодослідник М.О. Морозов. – Філософ. пробл. сучас. природозн., 1968, вып. 11, с. 153–161. – Рез. на рус. яз. Библиогр.: 23 назв.

Жданов С.М. М.О. Морозов. – Київ: Вид-во Київ. ун-та, 1971. – 211 с., ил., табл., портр. – Библиогр.: «Праці про М.О. Морозова» с. 200–202; «Праці М.О. Морозова» с. 202–210.

Жданов С.М. М.О. Морозов – один з перших послідовників пропагандистів марксизму в Росії 70–80-років XIX ст. – Пробл. філос., 1969, вып. 13, с. 78–85. – Рез. на рус. яз. Библиогр.: 15 назв.

Жданов С.М. Мировоззрение Н.А. Морозова: Автореф. дис... канд. филос. н. – Киев: [Гос. ун-т], 1965. – 20 с.

Жданов С.М. Невтомний пропагандист діалектико-матеріалістичного світогляду. – Вісн. Київ. ун-ту, 1961, № 4. Сер. іст. та філос., вып. 1, с. 64–77. – Рез. на рус. яз.

Жданов С.М. Про деякі зв'язки М. О. Морозова з Україною. – Боротьба між матеріалізмом та Ідеалізмом на Україні в XIX ст. Київ: Наук. думка, 1964, с. 207–225. – Рез. на рус. яз.

Жданов С. М. Світогляд Миколи Олександровича Морозова – видатного вченого-революціонера (1854–1946). – Науковий щорічник за 1958 р. Київ.: Від-во Київ. ун-та, 1959, с. 50–52.

Жданов С. М. Хімічні ідеї М. О. Морозова в світлі сучасної теорії будови атома. – Філософ. пробл. сучас. природозн., 1965, вып. 3, с. 120–131. – Рез. на рус. яз. Библиогр.: 14 назв.

Житова Н.К. Н.А. Морозов как историк религии и атеист. – Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М.: Изд-во МГУ, 1977, вып. 3, с. 71–84. – На об. тит. л. 1976.

Житова Н.К. Общественно-политические и философские воззрения Н.А. Морозова: Автореф. дис... канд. филос. н. – [М.]: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 19 с.

Жуковский П.Е. Из неопубликованной переписки: (Материалы к биографии). К 110-летию со дня рождения. [М.: ЦАГИ], 1957, с. 53–54: [Письмо Н.А. Морозову. Январь 1908 г.].

За ученые заслуги: [О предложении Д.И. Менделеева присвоить Н.А. Морозову звание почетного химика]. – Сегодня, 1906, 13 окт., № 46.

Забродский Г.А. Мировоззрение Д.И. Менделеева. М.: Госполитиздат, 1957, с. 122–123: [Эволюционная теория вещества Н. Морозова].

Запрудов В. Подарок народному музею: [Картина «За свет и свободу. Н. Морозов – узник Шлиссельбурга» А. Рассказчиковой]. – Вперед, 1989, 27 апр., № 51.

Захарова Т. Вечер памяти Н.А. Морозова. – Вперед, 1979, 6 ноября, № 133.

Захарова Т. 80 лет назад... (Из тюрьмы через 25 лет). – Вперед, 1985, 5 нояб., № 132.

Захарова Т. День рождения Н.А. Морозова. – Вперед, 1988, 7 июля, № 81.

Захарова Т. Звездная песня. – Вперед, 1987, 6 янв., № 2, фото.

Захарова Т. Из архивных документов: [Письмо красноармейца А. Овчинникова Н.А. Морозову]. – Вперед, 1986, 7 авг., № 94.

Захарова Т. Н.А. Морозов в изобразительном искусстве. – Вперед, 1987, 9 июня, № 69, фото.

Захарова Т. Н.А. Морозову – 130 лет. – Вперед, 1984, 19 июля, № 86.

Захарова Т.Г. Мемориальный дом-музей Н.А. Морозова. – Альманах – 1998. Музеи Российской академии наук. М.: Научный мир, 1988, с. 157–165, фото.

Захарова Т. Музей Н.А. Морозова в Борке. – Вперед, 1985, 2 февр., № 16, фото В.Коргина.

Захарова Т.Г. Письма священника Иоанна Всехсвятского (церкви села Копань Мологского уезда в 1907 г.) Морозову Н.А. – Опочининские чтения. Вып. 2. Мышкин, 1992, с. 43–46.

Захарова Т. Посвящается юбилею ученого. – Сев.рабочий, 1984, 21 июля, № 170.

Захарова Т. «Твой друг на жизнь и смерть» (Н. Морозов и В. Фигнер). – Сев. рабочий, 1987, 23 авг., № 196.

Захарова Т. «Это замечательно хороший снимок» (А.В. Морозова с внучкой Ниной). – Сев. рабочий, 1983, 21 авг., № 194, фото.

Захарова Т.Г. Н.А. Морозов в изобразительном искусстве. – Альманах – 2000. Музеи РАН. М., 2001, с. 170–175, илл.

Захарченко В. А может быть, стоит задуматься? [О «Христе» Н. Морозова]. – Чудеса и приключения, 1994, № 1, с. 2.

Там же: Сенсация, замолченная на полвека (с. 6–7, портр. Морозова).

Там же: Исторические сновидения – Вот, что такое античность, – утверждал Николай Морозов (с. 8–13, фото, рис.).

Звучит голос Н.А. Морозова. – Вперед, 1984, – 22 марта, № 36.

Зелинский Н. Памяти К.А.Морозовой. – Вестник АН СССР, 1948, № 4, с. 84. (Совместно с другими).

Зимин В. «Любите свет, народы!»: [О школе им. Н.А.Морозова в селе Веретея в 1924 году]. – Вперед, 1977, 1 сент., № 105.

Зимин Л. Математические труды Н.А. Морозова. – Вперед, 1977, 1 мая.

Злобина Л. Встреча в Москве. – Веч. Челябинск, 1979, 16 июля, № 162.

Злобина Л. Кто может быть идеалом. – Веч. Челябинск, 1989, 13 марта, № 60.

Злобина Л. Легендарная жизнь. – Челябинский рабочий, 1983, 24 февр., № 45.

Злобина Л. «...чей отзвук есть в других». – Челяб. рабочий, 1979, 23 дек., № 294.

Злобина Л. Человек из легенды. – Челябинский рабочий, 1984, 7 июня, № 130.

Злобина Л. «Чудесный человек!» – Веч. Челябинск, 1977, 28 марта, № 72.

Золотарев А. Большая жизнь. – Сев. рабочий, 1944, 9 июля, № 135.

Золотарев А.А. Николай Александрович Морозов: [К 110-летию со дня рождения]. – Сев. рабочий, 1964, 7 июля, № 159, портр.

Зубашева-Корнилович. Обзор рецензий на книгу Н. Морозова «Пророки». – Бюлл. литературы и жизни, 1914, №19 (июль), с. 582–586.

Зубковский И. «Звездные песни» Николая Морозова. – Кн. новости, 1937, № 15, с. 45–46, ил.

Зузульский А. «...Рад буду ответить». (Письмо Н.А. Морозова М.К. Тихонову в 1921 г.) – Политическая агитация (Ярославль), 1989, № 23, с. 26–29.

Иванов Н. Откровение в грозе и буре: Критический разбор книги Морозова. Публичная лекция, читанная в дек. 1915 г. в народной аудитории при Томском архиерейском доме. – Томск: Б. г., 1916. – 44 с.

Иванов Ю. В фондах литературного музея. – Сев. рабочий, 1979, 15 июля, № 161.

Игонин В. В. Атом в СССР: Развитие советской ядерной физики. [Саратов]: Изд-во Гос. ун-та, 1975, с. 74–77: [Представления Н.А. Морозова о строении атома], портр.

Известия Научного института им. П.Ф. Лесгафта. Т. 15. Вып. 1/2. [Посвящается 10-летию Октябрьской революции и 10-летию организации Института по инициативе Н.А. Морозова]. – Л.: Изд-во Гл. упр. науч. учрежд., 1929. – XV, 347 с.

Измайлов А. Перевернутый космос. Парадоксы Н.А. Морозова о Библии и пророках. – Веч. Биржевые ведомости, 1914, 3 апр., № 14085; 4 апр., № 14087.

Измайлов А. Звездная сказка. «Пророки» Н.А. Морозова. – Русское слово., 1914, 5 апр., № 79.

Иевлева Е. С. Встречи с Н.А. Морозовым. – Вперед, 1995, 8 июля, № 52. (Публ. П. Васильева).

Ильинский А. Памятный вечер. – Вперед, 1964, 17 июля, № 87.

История естествознания в России. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 2, с. 312, 315, 426, 427, 529–531, 614–617, портр.

Их призвание – служение народу: [И. Сытин и Н. Морозов]. – Вперед, 1990, 28 нояб., № 142. (Публ. В. Бирюкова)

Кабалкина Е. И в одиночке не был одинок. – Советская культура, 1986, 23 дек., № 153.

Кабалкина Е. Никогда не смотрел уныло. – Семья и школа, 1987, № 10, с. 25–27, портр, фото.

Каверин В. А. Живая история. Н.А. Морозов глазами восьмидесятых. – Литератор. М., 1988, с. 158–166.

Каверин В. А. Эпюд о Н.А. Морозове. – Новый мир, 1966, № 11, с. 142–143.

Калинин А. Жизнь, отданная народу и науке: [К 120-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Рыбин. правда, 1974, 6 июля.

Калинина А. И. Воспоминания о Н.А. Морозове. – Вперед, 1982, 16 окт., № 124 (Публ. Н. Тележкина).

Калмыков С. Николай Морозов (1854–1946). – Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX – начало XX века). Сост. автор предисл., справок об авторах и комментариев С. Калмыков. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 236–237, портр.

Кан Г. С. Идейные «еретики» «Народной Воли». – Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX века. М., 1996. с. 24–32.

Каргин В. Экспедиционное судно «Академик Морозов» перед выходом в первый рейс. – Голос льновода, 1959, 15 мая, № 59, фото.

Карпинский А. П. Приветствие Н.А. Морозову. – Вестник знания, 1930, № 1, с. 6–7.

Киконин Л., Кириллов Н. Мужество революционера, талант ученого. – Юность (Яросл.), 1968, 20 апр. № 48.

Киров С. М. Н.А. Морозову: [Приветствие к 80-летию со дня рождения]. – Ленингр. правда, 1934, 8 июня, № 133.

Клевенский М. Н.А. Морозов. – БСЭ, 1938, т. 40, стб. 220–221, портр. – Библиогр.: 14 назв.

Ковалев В. Эрмитаж науки. – Неделя, 1968, № 3, 14 янв., с. 5.

Козьмич Б. Послесловие. – Морозов Н.А. Повести моей жизни. М.: Наука, 1965, т. 2, с. 660–664.

Колосов Е.Е. Государева тюрьма Шлиссельбург. По официальным данным. Предисловие Н.А. Морозова. – М., Изд-во политкатаржан, 1930, 332 с.

Колосов Е. Шлиссельбургские материалы. – Киевская мысль, 1914, 4, 15, 30 мая, 1 и 13 июня.

Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригес М.Г. Астрономы: Биографический справочник. Киев: Наук. думка, 1977, с. 175–176: (Н.А. Морозов. Биографический очерк), портр.

Комаров В.Л. Почетному члену Академии наук СССР Николаю Александровичу Морозову: [К 85-летию со дня рождения]. – Вестн. АН СССР, 1939, № 8/9, с. 127, 1 л. портр.

Комраков А. Встреча с шлиссельбуржцем. – Вперед, 1968, 1 авг.

Комраков А. Правительственное поручение. – Вперед, 1969, 16 янв.

Кон Ф. Славная жизнь: [К 80-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Кр. газ., 1934, 6 июня, № 129, портр.

Конгисер Н. Из истории создания скульптурного портрета. – Вперед, 1979, 17 июля, № 85.

Константинова И. Спектакль в крепости (О В. Фигнер и Н. Морозове). – Литерат. Газета, 1983, 7 дек., № 49, фото.

Корень Б. Рец. на кн.: Морозов Н. Функция. Киев: Сотрудник, 1912. – Заветы, 1913, № 7, с. 187 – 188.

Короленко В.Г. Письма Н.А. Морозову в 1907, 1909 и 1910 гг. – Сев. рабочий, 1966, 18 сент., № 220 (Публ. Б.С. Внучкова).

Король В. «Вперед, на крыльях белой птицы!» – Гатчин. правда, 1979, 28 июля, № 90.

Костерина Л. По страницам фотоальбома [о Н.А. Морозове]... – Сев. рабочий, 1964, 7 июля, № 159.

Кравчинский С.М. Эскизы и силуэты. – СПб., 1908, с. 1–39: (Ольга Любатович), портреты Морозова и Любатович.

Крохалева В., Виноградова Р., Луканина И. – Мы были у академика Н.А. Морозова. – Голос льновода, 1939, 18 авг., № 114.

Круковская Л.Я. Н.А. Морозов: Очерк жизни и деятельности. – М.: Книгоизд-во К.Ф. Некрасова, 1912. – 96 с., портр. – Библиогр.: «Перечень трудов Н.А. Морозова», с. 87–96.

Круковская Л.Я. Н.А. Морозов: Очерк жизни и деятельности. – Пг.: Петрогр. Совет рабочих и красноарм. депут., 1919. – 80 с., портр. – На обл. 1920. Библиогр.: «Перечень трудов Н.А. Морозова», с. 72–80.

Ксенофонтова А.С. Портреты ученых в собрании С.А. Мусина-Пушкина: [О роли Н.А. Морозова в судьбе данной коллекции]. – Природа, 1976, № 7, с. 62–63, портр.

Кубланов М.М. Новый завет: Поиски и находки. М.: Наука, 1968, с. 194–202: (Николай Морозов), портр.

Куванова Л.К. Из неопубликованной переписки И.Е. Репина с Н.А. Морозовым. – Вестн. АН СССР, 1955, № 9, с. 74–78.

Куванова Л.К. Морозов Николай Александрович. – Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 4, с. 32–40. – (Тр. Арх. АН СССР; Вып. 16). – Библиогр.: 4 назв.

Кудрявцев П.С. История физики. Т. 2. От Менделеева до открытия кванта (1870–1900 гг.). М.: Учпедгиз, 1956, с. 444–452: (Предвидения Н.А. Морозова), портр.

Кудрявцев П.С. История физики. Т. 2. Від Менделеева до відкриття квантів (1870–1900 рр.). Переклад з рос. вид. Київ: Рад. шк., 1959, с. 399–406: (Передбачення М. О. Морозова) портр.

Кузнецов Б.Г. Н.А. Морозов. – Встречи. М., 1984, с. 45–49.

Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. Послесловие Веры Фигнер. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 25–28, 33–36, 41, 43–48, 58–61.

Кузьмичев А. Бессмертие. – Вперед, 1997, 5 июля, № 52.

Кузьмичев А. Грустная история морозовского сарая. – Вперед, 1993, 4 сент., № 71.

Кузьмичев А. Его имя принадлежит России. – Вперед, 1996, 14 авг., № 61.

Кузьмичев А. Н.А. Морозов и ботаническая культура дореволюционной России. – Вперед, 1994, 14 мая, № 38.

Кулагин И. Встреча в купе. – Рабочий край, 1972, 21 апр., № 94. – (Ильич в судьбах людей).

[*Куракин Б.*, князь. Письмо Н.А. Морозову из Парижа в 1923 году]. – Вперед, 1993, 29 июня, № 52 (Дворянская усадьба Андреевское), Вперед, 1998, 8 июля, № 54. (Публ. К. Озерова).

[*Ларина А.М.* Несбывшийся прогноз]. – Вперед, 1988, 22 дек., № 153. (Публ. В.Бирюкова).

Ларцев В. «Звездные песни» Н. Морозова. – Тр. Самарканд. гос. ун-та, 1970, вып. 175, с. 36–51.

Лбовский А. Почетный член Академии наук: [К 100-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Ленингр. правда, 1954, 10 июля.

Лебединский В.К. Рец. на кн.: Морозов Н. Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы. М.: Изд-во Т-ва Сытина, 1908. 402 с. – ЖРФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 7, с. 315–317. – Разд. паг.

Лебедин С.И. К статье Н.А. Морозова «Факторы биологической эволюции». – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1936 т. 19 с. 382–384.

Лео. Д.И. Менделеев и Н.А. Морозов. – Вестн. зн. 1934, № 6, с. 382–384.

Леонидов Ф. Рец. на кн.: Внучков Б. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1969. – Октябрь, 1971, № 10, с. 219–220.

Лепешинский П. Рец. на кн.: Морозов Н. Повести моей жизни. ГИЗ, 1928. Т. 1. – Пролет. рев., 1928, кн. 9, с. 204–207.

Лесгафт П.Ф. Письма Н.А. Морозову в 1907–1908 гг. – Памяти Петра Францевича Лесгафта. Спб., 1912, с. 135–142.

Лизогубов С. «Государственный преступник»: [О жизни и деятельности Н.А. Морозова]. – Моск. комс., 1967, 15 янв., № 13. 1926, 2 апр., № 13, с. 5.

Лингвистическая теория Н.А. Морозова. – Информ. бюл. ВОКС, 1926, 2 апр., № 13, с. 5.

Лисин А.И. Об элементах исторической симметрии или идеальность истории (Н.А. Морозов, А.Т. Фоменко). – Идеальность. Реальность идеального, т. 1. М., Информациология, 1999, с. 306–308.

Лозовский И. Конец одной легенды: [О картине художника Гуркина «Озеро горных духов», подаренной Н.А. Морозову томичами в 1915 г., и связанной с ней легенде]. – Кр. Знамя (Томск), 1971, 13 февр., № 37.

Лонгинов А. Подвиг революционера и ученого. – Сельский календарь 1979. М.: Колос, 1978, с. 145, портр. – (Из истории науки).

Луначарский А.В. Ленину. Отзывы о книге «Христос». – Литературное наследство. М., 1971, т. 80, с. 271–272, 309–310.

Лысов Р.А. Атомные теории в России второй половины XIX века (Н.А. Морозов и В.Н. Чичерин): Автореф. дис... канд. физ.-мат. н. – М.: Моск. обл. пед. ин-т, 1954. – 16 с.

Львов С. «Пророки» Н.А. Морозова. – Голос Москвы, 1914, 4 мая, № 102.

Любатович О. Далекое и недавнее. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политка-торжан, 1930, с. 6–16, 26–32, 39–40, 60, 64, 67–70, 74–93.

Лященко К.Г. Об авторстве и истории создания рукописи [Н.А. Морозова] «Очерк по истории кружка “чайковцев”». – История СССР, 1965, № 4, с. 145–150.

М.Л. Рец. На кн.: Морозов Н. Д.И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего. М., 1907, 103 + IX с. – ЖРФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 1, с. 33–34; Вопр. физ., 1908, вып. 1, с. 33–34.

Малинин В.А. Николай Александрович Морозов. – В кн.: Русская философия. Словарь. М., 1995, с. 304.

Малинин В.А. Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972. – 340 с.

Малов К. Ученый-революционер. – Вперед, 1963, 7 июля, № 55.

Малов К. «Штурман великой бури». – Вперед, 1965, 9 июля, № 82, фото.

Малютин И. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1958, с. 77–9: [Н.А. Морозов].

Малютина А. Николай Морозов и Сибирь. – Енисейская правда (Енисейск), 1984, 1 авг., № 122.

Малютина А. Сильный духом. – Заря Енисея (Лесосибирск), 1984, 7 июля, № 81.

Малютина А. Он знал Маркса. – Енис. правда, 1979, 7 июля, № 108.

Малютина А. Повесть об отце. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1974, с. 29, 46, 51, 52, 61–65, 85: [Воспоминания И.П. Малютина о Н.А. Морозове].

Малютина А. Шлиссельбургский узник: [Н.А. Морозов и его связи с Сибирью]. – Сибирские огни, 1985, № 9, с. 150–156.

Марасинова Л. Усадьба «Борок». – Газета «Рыбинск», 1995, № 14, фото.

Маргарян А. Валерий Брюсов и шлиссельбуржец Николай Морозов. – Рус. лит., 1965, № 1, с. 169–187.

Мареза К. Я его знал. – Веч. Челябинск, 1971, 2 июля, № 162.

Марков А.А. Об одном применении статистического метода: [О статье Н.А. Морозова «Лингвистические спектры»]. – Изв. АН ОРЯС, 1916, т. 10, № 4, с. 239–242.

Марков С. Зачем человеку исповедь? М.: Политиздат, 1978, с. 75, 80–83.

Марков С.Н. Кропоткин в Дмитрове. 1919 г.: (Стихотворение) – День поэзии. 1956–1981. Избранное. М., 1982, с. 134–135.

Марков С.Н. Шлиссельбургский узник. – Летопись. М.: Молодая гвардия, 1978, с. 196.

Матвеев К. Дом-музей Н.А. Морозова. – Голос льновода, 1956, 16 сент., № 73.

Матвеев К. Почетный академик Н.А. Морозов. (Наши выдающиеся земляки.) – Голос льновода, 1959, 8 июля, № 81.

Мельник В. Борок. Дом-музей Н.А. Морозова: у порога истории. – Рабочий (пос. имени Морозова), 1992, 6 июня, № 17–18.

Мельшин Л. (П. Якубович). Н.А. Морозов. Из стен неволи. Ростов н/Д: Дон. речь, [1906], с. V–VII, портр.

Меркулов А. Земля Санникова: [Борок – форпост АН СССР]. – Моск. Правда, 1972, 23 апр., № 96, портр. И.Д. Папанина.

Миронов Г. М. Морозов Николай Александрович. – Кр. лит. энцикл. 1967, т. 4, стб. 981.—Библиогр.: 9 назв.

Михайлова С.Б. Воспоминания Н.А. Морозова как исторический источник. – Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с.113–121.

Михайлова. С.Б. Заключенный «номер 4». – Узники Шлиссельбургской крепости. Л.: Лениздат, 1978, с. 156–171, 1 л. портр.

Мишулин М. История с астрономией или астрономия против истории. – Революция и культура, 1930. № 23, с. 69–80.

Мишулина Г. А знаете ли вы? (Из биографии Морозова). – Вперед, 1991, 29 окт., № 131.

Мишулина Г. А.П. Остроумова-Лебедева в Борке. – Вперед, 1994, 14 сент., № 73.

Мишулина Г. Борок в прошлом. Страницы истории. – Вперед, 1992, 25 сент., № 89, фото.

Мишулина Г. В музее Н.А. Морозова. – Вперед, 1987, 3 окт., № 119.

Мишулина Г. В подарок музею Н.А. Морозова: [Книга К. Морозовой 1944 г.]. – Вперед, 1988, 17 сент., № 112.

Мишулина Г. Возвращаясь к напечатанному: [О бюсте Морозова скульптора Н. Конгисера]. – Вперед, 1988, 3 нояб., № 132, фото.

Мишулина Г. Возвращение на круги своя: [О книге «Периодич. системы строения вещества» и бюсте Морозова]. – Верхневолжская правда (Рыбинск), 1990, 30 янв., № 22, фото.

Мишулина Г. Воспоминания о С.М. Кирове: [Н.А. Морозова]. – Вперед, 1989, 14 дек., № 149.

Мишулина Г. Все повторяется?: [Морозов о деньгах в 1917 году]. – Вперед, 1991, 21 сент., № 113.

Мишулина Г. «Вы показали своим примером»: [Н.И. Вавилов и Н.А. Морозов]. – Вперед, 1988, 9 янв., № 4.

Мишулина Г. «Вы показали своим примером»: [Н.И. Вавилов и Н.А. Морозов]. – Сев.рабочий, 1987, 13 дек., № 287.

Мишулина Г. Вы пришли в музей: [Отзывы посетителей]. – Вперед, 1986, 28 окт., № 129.

Мишулина Г. Гербарий узников Шлиссельбурга. – Сев. рабочий, 1986, 16 окт., № 240.

Мишулина Г. Два юбилея: [И.Е. Репина и Н.А. Морозова]. – Вперед, 1994, 6 авг., № 62; 10авг., № 63.

Мишулина Г. Дом на берегу пруда: [А. Малютин и Н. Морозов]. – Сев. рабочий, 1989, 1 окт., № 228, фото.

Мишулина Г. Друзья моих друзей – мои друзья. – Вперед, 1992, 24 нояб.

Мишулина Г. Души прекрасные порывы: [О Л.А. Волкенштейн]. – Вперед, 1989, 2 марта, № 27.

Мишулина Г. Елка в «Пенатах». – Вперед, 1989, 7 янв., № 4.

Мишулина Г. Замечательные земляки: [А. Ухтомский и Н. Морозов]. – Вперед, 1991, 12 сент., № 110.

Мишулина Г. История с продолжением: [Н. Вавилов и Н. Морозов]. – Вперед, 1991, 20 июня, № 75.

Мишулина Г. История фотографии: [90-летие Морозова в Борке]. – Вперед, 1987, 12 нояб., № 136, фото.

Мишулина Г. Книги о Н.А. Морозове. – Вперед, 1988, 10 сент., № 109.

Мишулина Г. Л.Н. Толстой и Н.А. Морозов. – Вперед, 1988, 27 окт., № 129.

Мишулина Г.С. Мы живем и будем жить: [Гербарии узников Шлиссельбурга]. – Природа и человек, 1987, № 10, с.14–15.

Мишулина Г. «Мой лучший друг Кравчинский». – Вперед, 1990, 31 мая, № 65.

Мишулина Г. Н.А. Морозов – директор Ленинградского научного института им. П.Ф. Лесгафта. – Вперед, 1988, 24 нояб., № 140.

Мишулина Г. Н.А. Морозов и Ленинград. – Вперед, 1989, 31 янв., № 14.

Мишулина Г. Н.А. Морозов о В.И. Ленине. – Вперед, 1989, 21 янв., № 10.

Мишулина Г. Н.А. Морозов о науке, свободе и демократии. – Вперед, 1990, 15 февр., № 20.

Мишулина Г. Н.А. Некрасов в жизни Н.А. Морозова. – Вперед, 1993, 30 апр.

Мишулина Г. О истории фотографии и многом другом: [Морозов, И. Малютин, А. Малютина]. – Вперед, 1991, 3 сент., № 107.

Мишулина Г. О книге Н.А. Морозова «Звездные песни». – Вперед, 1990, 5 мая, № 54.

Мишулина Г. О книге Н.А. Морозова «Письма из Шлиссельбургской крепости». – Вперед, 1988, 22 окт., № 126.

Мишулина Г. О книге Н.А. Морозова «Повести моей жизни». – Вперед, 1988, 7 дек., № 146.

Мишулина Г. О музее «Шлиссельбургская крепость». – Вперед, 1993, 21 мая, № 40.

Мишулина Г. О чем рассказал календарь: [Морозов о равноправии женщин]. – Сев. рабочий, 1989, 8 марта, № 57.

Мишулина Г. О чем рассказали календари для женщин: [Морозов о равноправии женщин]. – Вперед, 1991, 20 авг., № 101.

Мишулина Г. Памяти К.А. Морозовой. – Вперед, 1987, 17 дек., № 151.

Мишулина Г. Письма ученого: [Морозова к отцу в 1874 году]. – Вперед, 1986, 13 мая, № 56; 15 мая, № 57.

Мишулина Г. «Посвящается Ксане». – Сев. рабочий, 1987, 18 ноября, № 267.

Мишулина Г. Последний энциклопедист. – Сев. рабочий, 1990, 6 июля, № 155.

Мишулина Г. Почему Н.А. Морозов был долгожителем. – Вперед, 1989, 11 июля, № 83.

Мишулина Г. При ярком свете знания: [О мыслях Морозова в 1917 году]. – Сев. рабочий, 1989, 19 февр., № 43.

Мишулина Г. Прочная связь Борок-Рыбинск: [Морозов и Золотаревы]. – Вперед, 1987, 15 авг., № 98, фото.

Мишулина Г. Прочтите эту книгу: [Б. Внучков. «Узник Шлиссельбурга»]. – Вперед, 1989, 29 марта, № 38.

Мишулина Г. П.Ф. Лесгафт – друг Н.А. Морозова. – Вперед, 1987, 15 сент., № 111.

Мишулина Г. Репинские среды. – Вперед, 1990, 6 янв., № 3, фото.

Мишулина Г. Стихи о любимых: [Ольге Любатович и К. Морозовой]. – Вперед, 1989, 7 марта.

Мишулина Г. Судьба одной книги: [С автографом Морозова]. – Вперед, 1988, 8 дек., № 147.

Мишулина Г. Ученые, писатели, художники о Н.А. Морозове. – Вперед, 1990, 6 июля, № 80.

Мишулина Г. Юбилей книги: [О сборнике «Под сводами»]. – Вперед, 1989, 5 мая, № 54.

Морозов Микола Олександрович. – Укр. рад. енцикл. 1962, т. 9, с. 368, портр.

Морозов Н.А. (1854–1946): 125 лет со дня рождения. – Библиография к знаменательным и памятным датам Ленинградской области на 1979 г. Сост. Л.А. Леонтьева и В.А. Рудый. Л.: Упр. культуры Ленобл-исполкома, Ленингр. обл. б-ка, 1978, с. 16–17.

Морозов Николай Александрович. – Большая энцикл. 1909, т. 22, с. 43–45.

Морозов Николай Александрович. – БСЭ. 2-е изд., 1954, т. 28, с. 309–310, портр.

Морозов Николай Александрович. – БСЭ. 3-е изд., 1974, т. 10, с. 580, портр. – Библиогр.: 10 назв.

Морозов Николай Александрович. – В кн.: Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М.: БСЭ, 1959, т. 2, с. 51–52.

Морозов Николай Александрович. – Лит. энцикл. 1934, т. 7, с. 506–507.

Морозов Николай Александрович. – Энцикл. сл. Гранат. 7-е стереотип. изд., [1916], т. 29, с. 338–339.

Морозов Николай Александрович: [Автобиография]. – Энцикл. сл. Гранат. 7-е изд [1926], т. 40, стб. 305–317.

Морозов Николай Александрович (1854 – 1946). – Энциклопедия фантастики. Минск, 1995, с. 392–393, портр.

Морозов С. Здоровье воды: [О работе Института биологии внутренних вод в Борке, созданном по инициативе Н.А. Морозова]. – Известия, Моск. веч. вып., 1968, 31 июля, № 178.

Морозова К.А. В Пенатах с Николаем Александровичем Морозовым. – Репин. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 2, с. 247–256, ил. – (Художественное наследство).

Морозова К. Как семилетний Коля познакомился с одним из важных законов высшей математики. – Зимние сказки. М., 1915, с. 15–22, рис.

Морозова К. Николай Александрович Морозов: К 90-летию со дня рождения/ Отв. ред. А. Ф. Иоффе. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. – 48 с., портр.

Морозова К.А. Письмо академику С.И. Вольфовичу от 19 декабря 1946 г. – Морозов Н.А. Новый взгляд на историю Русского государства. М. Крафт, 2000, с. 760.

[*Морозова К.* Отличительные черты характера Н.А. Морозова.] – Вперед, 1996, 27 июля, № 56 (Публ. В. Бирюкова).

Морозова К.А. Человек и Радость: (Посвящается Н.А.М.). – Сказка. – Север, 1907, № 46, стб. 721–724.

Морозова Н. Встреча: [Воспоминания племянницы Н.А. Морозова]. – Север, 1906, № 38, стб. 751–758.

Мрочек В.Р. Н.А. Морозов революционер-ученый: (К 80-летию со дня рождения и 60-летию революционной деятельности). Работы его в области химии, астрономии, математики и механики. – Мирведение, 1934, т. 23, № 4, с. 286–293.

Мрочек В. Научные труды Николая Морозова. – Вестн. зн., 1934, № 9, с. 562–567, 1 л. портр.

Мрочек В. Ученый из каземата: [К 80-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Веч. Москва, 1934, 31 мая, № 123, портр.

Музеи АН СССР и АН союзных республик. М., 1983, с.41–42: (Мемориальный Дом-музей академика Н.А. Морозова).

Музеи АН СССР и АН Союзных республик. – 2-е изд. – М., 1989, с. 43–44: (Мемориальный Дом-музей академика Н.А. Морозова), фото.

Мусабеков Ю. Карл Маркс и химики. – Сев.рабочий, 1968, 26 апр. № 98.

Мусабеков Ю. Н.А.Морозов - видный ученый и революционер. – Сев. рабочий, 1949, 13 сент., № 181.

Мусабеков Ю. Ярославцы – ученые химики. Ярославль: Обл. гос. изд-во, 1950, с. 44–57: (Николай Александрович Морозов), портр.

[Н.А. Морозов]. – Техн. – мол., 1963, № 7, с. 12,портр.

Н.А. Морозов: (К 75-летию со дня рождения). – Человек и природа, 1929, № 14, с. 55, портр.

Н.А. Морозов: (К 125-летию со дня рождения). – Календарь знаменат. и памят. дат, 1979, М 6, с.12 – 15, портр. – Библиогр.: с. 14–15.

Н.А. Морозов: [К 110-летию со дня рождения]. – В кн.: Революционно-исторический календарь-справочник на 1964 год. М.: Политиздат, 1963, с. 171–173, портр,

Н.А. Морозов: [Краткий биографический очерк]. – В кн.: Поэты революционного народничества. Л.: Худ. лит., 1967, с. 252–254.

Наследство, ждущее исследователей (К 110-летию Н.А. Морозова). – Юность(Яросл.), 1964, 7 июля, № 80.

Небаев Н. Встречи с Н.А. Морозовым. – Вперед, 1978, 6 июля, № 81.

Небаев Н. Открытие памятника Н.А. Морозову. – Сев. рабочий, 1954, 11 июля, № 137.

Небаев Н. Открытие памятника Н.А. Морозову. – Голос льновода, 1954, 15 июля, № 54.

Небаев Н. Революционер и ученый. – Голос льновода, 1939, 16 авг., № 114.

Невская Н.И. Н.А. Морозов – организатор науки. – В кн.: Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 3. Материалы для обсуждения на симпозиуме по проблемам науковедения, 20–21 авг. 1970 г. Л.: [Ин-т ист. естествозн. и техн. АН СССР], 1970, с. 225–259.

Неужели еще тюрьма? По поводу суда над шлиссельбуржцем Морозовым. – Бюлл. литературы и жизни, 1911, №7 (15 дек.), с. 275–276 . (Без подписи.)

Неяченко И. Звезда в подарок. – Симферополь, 1984, с. 53–56: (Н.А. Морозов), с. 85: («Морозовия»).

Неяченко И.И. Планета в дар. Симферополь: Таврия, 1973, с. 63–68, 90: («Морозовия»).

Неяченко И. Прикосновение к истории: [Беседа с В.П. Морозовой-Подосеновой, племянницей Н.А. Морозова]. – Курорт. газ., 1971, 30 марта, № 63, портр.

Никеров В.А. Н.А. Морозов как основоположник современной хронологии. – История как точная наука. – М., Яуза, 2002, с. 24, портр., илл.

Николаев И. Ученый и революционер Н.А. Морозов. – Стрелка, 1960, сб. 1, с. 62.

Николай Александрович Морозов: (К 90-летию со дня рождения). – Наука и жизнь, 1944, № 7/8, с. 25–27, портр.

Николай Александрович Морозов: (К 75-летию со дня рождения). – Мироведение, 1929, № 3, с. 145–148, портр.

Николай Александрович Морозов: (Этапы жизни и деятельности). – Вестн. АН СССР, 1944, № 7/8, с. 33–36, портр.

Николай Александрович Морозов. – Атлас обратной стороны Луны. М., 1975, ч. 3, с. 204.

Николай Александрович Морозов: ученый-энциклопедист. Сборник. М., 1982. – 264 с., библиогр.: с. 228–239.

Николай Александрович Морозов (1854–1946). Материалы к библиографии ученых. – М.: Наука, 1981. (Вступительная статья С.И. Вольфовича. Библиография составлена В.Б. Бирюковым, Г.Н. Финашиной, И.А. Махровой.)

Николай Морозов: Краткий очерк научной и литературной деятельности. – Пг.: Тип. Т-ва Пгр. печ. произв. И. Р. Белопольского и Ко, 1918. – 23 с.

Николай Морозов: 7 июля – 110 лет со дня рождения. – Коммунист Эстонии, 1964, № 7, с. 80.

Никольский Н. Спор исторической критики с астрономией: По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре». – М.: Типолит. Рус. т-ва печат. и издат. дела, 1908. – 32 с.

Никольский Н.М. Астрономический переворот в исторической науке: (По поводу книги Н. А. Морозова «Христос». Л., 1924). – Нов. мир, 1925, № 1, с. 157–175.

Никольский Н.М. Н.А. Морозов о евреях, Палестине и Библии. – Антирелигиозник, 1933, № 2, с. 45–48.

Новиков С.П. Математики и история: [Первые шаги морозовщины и др.]. – Природа, 1997, № 2, с. 70–74.

Новожилов Н.И. Работы Н.А. Морозова в области метеорологии. – Природа, 1954, № 10, с. 79–82, портр. – Библиогр.: 5 назв.

Новорусский М.В. Записки шлиссельбуржца, 1887–1905. Пб.: ГИЗ, 1920, с. 86, 114, 190, 213, 223–225, 232.

Новорусский М.В. Записки шлиссельбуржца, 1887–1905. 1-е полное изд. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 110, 143, 155–156, 195, 272, 312, 326–328, 337.

Новорусский М. В. Тюремные робинзоны. М.; Л.: ГИЗ, 1926, с. 96, 148, 150–151, 185–186, 189, 193, илл., портр.

Новорусский М.В. Тюремные робинзоны. 2-е изд. М.–Л.: ГИЗ, 1928, с. 104, 110, 160, 162–163, 200, 206, 210–211, портр.

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Библейская Русь. Русско-Ордынская империя и Библия. – М., 1998, т.1, с. 43–44: (Николай Александрович Морозов), т. 2, с. 343 : (Идея Н.А. Морозова).

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. – М.: Факториал, 1996. – 752 с., ил. – С. 43–44 и др.: (Н.А. Морозов).

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. О рукописи восьмого тома Н.А. Морозова, посвященной русской истории. – Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима, М.: изд. Учебно-Научного Центра довузовского образования МГУ, 1995, т. 1, с. 25–31.

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Рукопись Н.А. Морозова о русской истории. – Новая хронология Руси. М.: Факториал, 1997, с. 236–248.

[О встрече Н.А. Морозова с К. Марксом]. – Сов. Россия, 1958, 5 мая, № 104, рис.

Об увековечении памяти выдающегося русского ученого в области естествознания, старейшего революционера, почетного члена Академии наук СССР Н.А. Морозова и об обеспечении его семьи. – Правда, 1946, 1 авг., № 181. – (В Совете Министров СССР).

Овсянко-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Пб.: Время 1923 с. 115–116.

Огородников К.Ф., Невская Н.И. Периодическая система элементов Д.И. Менделеева и космические идеи Н.А. Морозова. – История и методология естественных наук. Вып. 4. Астрономия, механика, физика. М.: Изд-во МГУ, 1966, с. 52–58.

Один из немногих: (Н.А. Морозов). Биографический очерк. – Иниц. и изобр., 1917, янв./март, с. 111–116, портр.

Озеров К.К. Дворянская усадьба Борок и ее владельцы. – Вперед, 1996, 29 мая, 1, 5, 8 июня, № 39–42.

Озеров К.К. Дело о передаче дворянской усадьбы Борок в пожизненное пользование революционеру Н.А. Морозову. – Вперед, 1998, 4 июля, № 53; 8 июля, № 54.

Озеров В.С. Н.А. Морозов. – Л.: Лениздат, 1966. – 36 с., ил., портр. – (Узники Петропавловской крепости).

Озеров В.С. Победивший смерть. – Узники Петропавловской крепости. Л.: Лениздат, 1969, с. 208–225, портр.

Озеров К.К. История усадьбы «Борок» и ее владельцев. – Борок (сборник). Рыбинск, 2002, с. 63–69.

Ольхин А. Н.А. Морозову: [Стихотворение, написанное в 1879 г.]. – Былое, 1906, № 3, с. 258.

Омский А. Интересная встреча: [Беседа о Н.А. Морозове в Кисловодском театральном музее]. – Кавк. здравница, 1973 30 мая, № 103.

Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. М.: Изобр. иск., 1974, т. 3, с. 191–195, 200–201, 210–214, 333, портр.

Осьмаков Н.В. Морозов Николай Александрович. – В кн.: Русские писатели: Биобиблиографический словарь. М.: Просвещение, 1971, с. 449–450, портр. – Библиогр.: 8 назв.

Осьмаков Н.В. Поэзия революционного народничества. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 105–112, 125–130, 157–161.

П.Ю. Рец. на кн.: Морозов Н. Периодические системы строения вещества: Теория образования химических элементов. М., 1907. – Соврем. мир, 1907, № 3, [Отд. 2], с. 62–64. – Разд. паг.

Памяти ученого-революционера. – Вперед, 1979, 31 июля, № 91.

Патриарх революционного движения в России: (К 75-летию со дня рождения Н.А. Морозова). – Вестн. зн., 1929, № 1, с. 2–4, портр.

Пахомов Н.П. Дар шлиссельбуржца: [Собрание картин в санатории «Узкое», Москва]. – Художник, 1968, № 6, с. 30–33, ил., портр.

Песочинский К. Культурное значение воздухоплавания: [Содержание лекции Н.А. Морозова]. – Школа для всех, 1914, № 4–5, с. 133–137.

Петренко А. Дочь народовольца: [О Н.М. Шрейдер – дочери народовольца М.Н. Шрейдера, ее встречах с Н.А. Морозовым]. – Кавк. здравница, 1971, 6 янв., № 3.

Петренко А. Неизвестное письмо: [О письме Н.А. Морозова дочери народовольца М.Н. Шрейдера Н.М. Шрейдер]. – Кавк. Здравница, 1970, 15 янв., № 10.

Петрицкий В. Библиофильские истории. – Альманах библиофила. М., 1978, вып. 5, с. 158–168, фото.

Петрицкий В.А. Живые меты трагического времени. Три автографа академика Н.А. Морозова. – Книга. Исследования и материалы. Сборник 63. М., 1991, с. 155–159.

Петров Ф.Н. 65 лет в рядах ленинской партии: Воспоминания. М.: Политиздат, 1962, с. 41–42.

Пирумова Н.М. Морозов Николай Александрович. – Сов. ист. энцикл. 1966, т. 9, стб. 697–698, портр. – Библиогр.: 5 назв.

Писаржевский Л.В. Шесть писем Н.А. Морозову в 1911–1912 гг. – Природа, 1974, № 3, с. 41–43.

Пищулин Ю. Летопись Шлиссельбургского Парнаса: [О книге «Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости, составленный Н. Морозовым», 1909]. – Наука и жизнь, 1969, № 6, с. 118–119.

Планета Морозова: [Планета-астероид № 1210, названная «Морозовией»]. – Известия, 1934, 9 июня, № 133.

Плещеев А. Что вспомнилось: Актеры и писатели. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1914, т. 3, с. 250–256: (Шлиссельбургский узник Н.А. Морозов).

Полет «Треугольника» (Морозов, Гебауэр, Фриц). – Веч. Биржевые ведомости, 1910, 1 ноября, № 11698.

Поляковский В.Т. Татаро-монголы, Евразия. Многовариантность. (Гипотеза Морозова и ее обработка, с. 198). М., 2002, 232 с.

Попов А. Рец. на кн.: Н.А. Морозов: ученый-энциклопедист. – Новый мир, 1983, № 8, с. 270.

Попов М. Человек необычной судьбы (К 125-летию Н.А. Морозова). – Коммунист Таджикистана, 1979, 7 июля, № 156.

Попов М. Удивительной судьбы человек: [К 125-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Призыв, 1979, 7 июля, № 156.

Попов Е.Б. Н.А. Морозов и исследование изменчивости. – Наука и техника. М.–Л.: [Ин-т ист. естествозн. и техн. АН СССР], 1977, вып. 9, с. 113–115.

Попов М.Р. Из моего революционного прошлого. – Былое, 1907, № 7, с. 241–277.

Поповский М. Победенное время. Повесть о Николае Морозове. М., 1975. – 479 с. Серия «Пламенные революционеры».

Постников М.М. Величайшая мистификация в истории? Идеи Морозова. – Техника и наука, 1982, № 7, с. 28–33, портр., илл.

Постников М.М., Фоменко А.Т. Три идеи Морозова. – Новые методики анализа древней истории. М.: АН СССР, 1980, с. 3–14.

Постников М.М. О достоверности древней истории (О концепции Н.А. Морозова). – Математич. образование, 1977, № 2, с. 89–107.

Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. (В свете концепции Н.А. Морозова), 1–3 тт. – М., Крафт+Леан, 2000. (т. 1. Античность, 448 с., т. 2. Библия, 400 с., т. 3. Восток и Средневековье, 400 с.)

Потанин Г. Н.А. Морозов. – Сибир. жизнь, 1915, 21 окт., № 229.

Потемкин А. С Н.А. Морозовым в Пулкове. – Веч. Биржевые ведомости, 1910, 6 мая, № 11669.

Похороны Н.А. Морозова. – Правда, 1946, 4 авг., № 184.

Праздник Н.А. Морозова: [К 75-летию со дня рождения]. – Вестн. зн., 1930, № 1, с. 4–9, портр.

Преображенский П. Николай Морозов и наука о человеке. – Антирелигиозник, 1926, №11, с.41–47.

Приветствие Президиума АН СССР почетному члену Академии наук СССР Николаю Александровичу Морозову в связи с 90-летием со дня его рождения. – Вестн. АН СССР, 1944, № 7/8, с. 30, портр.

Принцип построения таблицы углеводородов (карбогидридов) по Н.А. Морозову. – Агафшин Н.П. Периодический закон... М., 1982, с. 30–32.

Прищепенко В. Дорога к звездам. – Моск. автозаводец, 1977, 31 окт., № 251.

Прищепенко В. Звездная песня: [О деятельности Н.А. Морозова в области авиации и воздухоплавания]. – Пионер. правда, 1973, 17 авг., № 66, портр.

Прищепенко В. Море мечты: [Н.А. Морозов и космонавтика]. – Соц. индустрия, 1975, 6 апр., фото.

Прищепенко В. Предвидение: [О Н.А. Морозове]. – Сов. патриот, 1979, 15 апр., № 30.

Прищепенко В. Предвидение: (О работах Н.А. Морозова в области авиации и космонавтики). – Кр. звезда, 1976, 12 авг. № 188,

Прищепенко В. Хлорофилл далеких планет: [Об открытии К.А. Тимирязевым спектральных линий хлорофилла в световых лучах, достигающих поверхности Земли от других планет, и его переписка с Н.А. Морозовым по этому поводу]. – Моск. ун-т, 1974, 22 февр., № 9; Тимирязевец, 1974, 12 июня, № 17.

Прищепенко В. Через тернии к звездам: [О Н.А. Морозове]. – Моск. ун-т, 1978, 27 сент., 3 окт. – (К 225-летию Московского университета).

Прищепенко В. Через тернии к звездам! – Трибуна (Москва, Люблинский р-н), 1990, окт.–ноябрь–дек., № 16, 17, 21, 22.

Прищепенко В.Н. Сквозь тернии – к звездам! (Эскиз жизни и деятельности Н.А. Морозова.) – Культура, образование, педагогика искусства. Сборник научных трудов. М., Альфа, 2003, с. 58–68.

Прудковский П. Сквозь грозы и бури. – Книжное обозрение, 1985, 20 дек., № 51.

Прудковский П. Чем я обязан шлиссельбургскому узнику? – Подъем (Воронеж), 1983, № 8, с. 107–110.

Прудковский П. Ученый, революционер, атеист. – Подъем (Воронеж), 1987, № 3, с. 126–128.

Прямков А. Какой Толстой читал книгу Н. Морозова? – Литерат. газета, 1975, 2 апр., № 80.

Пудвиль А. Шлиссельбуржец Морозов в Екатеринбурге. – Урал, 1983, № 6, с. 166–176.

Путинцева А.Н. Научная биография Н.А. Морозова. – Борок (Сборник), Рыбинск, 2002, с. 21–29.

Путинцева А.Н. Морозовские чтения. – Борок (Сборник), Рыбинск, 2002, с. 118–126.

Разумовский В.В. Воззрения Н.А. Морозова на строение молекул. – Природа, 1948, № 11, с. 66–70, рис., табл., портр. – Библиогр.: 20 назв.

Разумовский В.В. Проблема химической связи в трудах почетного академика Н.А. Морозова. – Наука и техника. М.–Л.: [Ин-т естествозн. и техн. АН СССР], 1977, вып. 9, с. 81–84.

Ранович А.Б. Методология Н.А. Морозова в истории античности. – Антирелигиозник, 1933, № 1, с. 28–34.

Революционер и ученый: К 110-летию со дня рождения Н.А. Морозова. – Юность, 1964, 30 июня, № 77.

Рейн Б. Проблема «сметаны»: [О биологических исследованиях Н.А. Морозова]. – Веч. Кр. газ., 1933, 17 мая, № 112.

Репин И.Е. Письма Н.А. Морозову в 1907–1915 гг. – И.Е. Репин Художественное наследство. М., 1949, т. 2, с. 252–256.

Рец. на кн.: Н. Морозов. В поисках философского камня. – Новое слово, 1909, №7, с. 151–153. (Без подписи.)

Рец. на кн.: Н. Морозов. Письма из Шлиссельбургской крепости. – Исторический вестник, 1910, № 9, с. 1083–1085. (Подпись: Б.Г.)

Рец. на кн.: Н. Морозов. Принцип относительности в природе и математике. – Человек и природа, 1923, № 2–3, с. 96. (Подпись: П.Ш.)

Рец. на кн.: Н. Морозов. Христос. Т. 1. – Человек и природа, 1924, № 11, с. 940. (Подпись: Ш.)

Рец. на кн.: Морозов Н. А. Повести моей жизни. М.: Задруга, 1916–1918. – Комс. правда, 1928, 1 мая, № 101, порт.

Рец. На кн.: Фигнер В.Н. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Николай Александрович Морозов. 2-е изд. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан. 31 с. – Летоп. маркс., 1929, № 9/10, с. 181.

Ринаров М. Памяти Н.А. Морозова. – Щербаковская правда, 1956, 31 июля, № 154.

Ринаров М. Революционер-ученый. (К десятилетию со дня смерти Н.А. Морозова) – Сталинская смена (Ярославль), 1956, 2 авг., № 92.

Ринаров М. Революционер и ученый Н.А. Морозов. – Новая жизнь, 1962, 28 дек., № 137.

Рожdestвенский Д.С. Письма Н.А. Морозову в 1911 и 1939 гг. – Природа, 1976, № 5, с. 98–99.

Рожсков М. Н.А. Морозов – основоположник анализа размерности. – Усп. физ. наук, 1953, т. 49, вып. 1, с. 180–181. – Библиогр.: 3 назв.

Рожкова В. Человек, победивший время: (К 125-летию со дня рождения Н.А. Морозова). – Блокнот агит., 1979, № 18, с. 32–42.

Розанов В. Новый Робинзон (Н.А. Морозов) – Новое время, 1910, 13 (26) апр., № 12244, с. 5.

Розенштейн М. Рассказывает узник Шлиссельбурга: [О книге Н.А. Морозова «Повести моей жизни»]. – Призыв, 1975, 30 сент., № 229.

Романенко В.А. Морозовские чтения. – Вперед, 2002, 31 июля, № 61.

Романов Д. Академик Морозов о Шлиссельбурге. – Рыбин. правда, 1974, 6 февр., № 26.

Романов Д. Незабываемый образ: [К 120-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Рыбин. правда, 1974, 6 июля, № 136.

Романов Д. Посвящается Н.А. Морозову. – Рыбинская правда, 1983, 4 марта, № 45.

Руднев Д. В гостях у Маркса. – Руднев Д. Интервью с самим собой. Таллин: Ээсти раамат, 1973, с. 245–250, портр.

Румянцев А.А. Методы исторического анализа в работах Николая Александровича Морозова. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1924, т. 10, с. 9–14.

Румянцев В.Г. Две судьбы – Н.А. Морозов и И.Д. Папанин. – Борок (Сборник), Рыбинск, 2002, с. 9–20.

Сагетдинов В. Ученый-революционер. – Юность (Яросл.), 1962, 9 авг., № 96.

Сайкин О.А. Н.А. Морозов – ученый, революционер, писатель. – Химия в школе, 1979, № 5, с. 10–12.

Сайкин О. Человек из легенды: [К 125-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Кур. правда, 1979, 7 июля, № 156.

Санаров К.С. Гражданские традиции семьи Брюсовых: История знакомства Я.К. Брюсова с Н.А. Морозовым. – Русская литература, 1987, № 4, с. 230–231.

Святский Д. Новая книга Николая Морозова «Пророки»: Рец. На кн.: Морозов Н.А. Пророки. СПб., 1913. – Речь, 1914, 31 марта, № 88.

Святский Д.О. Н.А. Морозов. К 75-летию со дня рождения. – Русский астрономический календарь. Н.-Новгород, 1930, с. 187–191, портр.

Седов М.Г. «Земля и воля» и новые задачи революционного движения. – Седов М.Г. Героический период революционного народничества: Из истории политической борьбы. М.: Мысль, 1966, с. 134–178.

Северов Н. Ученому-энциклопедисту посвящается. – Сев.рабочий, 1982, 16 окт., № 242.

Сеземан В.Э. Лингвистические спектры Н.Морозова и Платоновский вопрос. – Изв. отд. Русск. языка и слов. Рос. АН, 1918, т. 22, кн. 2, с. 70–80.

Селешников С.И. Вечер памяти Н.А. Морозова (Ленинград, 19 февр., 1957 г.). – Краткий астрономический календарь на 1958 год. Киев: Изд-во АН УССР, 1957, с. 99.

Селешников С.И. [К 25-летию со дня смерти Н.А. Морозова] – Астрономический календарь: Ежегодник. Переменная часть. 1971. М.: Наука, 1970, с. 200–203, портр. – (Юбилей отечественной и мировой астрономии в 1971 г.).

Селешников С.И. [100 лет со дня рождения Н.А. Морозова]. – Краткий астрономический календарь на 1954 год. Киев: Изд-во АН УССР, 1953, с. 68.

Семенов В. Хранитель имени Н.А. Морозова: [Г.С. Мишулина]. – Вперед, 1989, 20 мая, № 61.

Серебровская К.Б. Концепция Н.А. Морозова. – Сущность жизни. История поиска. М., 1994, с. 245–247.

Серебрякова Г.И. Избранные произведения: В 2-х томах. М.: Худ. лит., 1975, т. 2, с. 320–328, 583: [Н.А. Морозов].

Серебрякова Г.И. О других и о себе. – Лит. Россия, 1970, 6 февр., № 6, с. 6–7: (В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, Ф.Я. Кон), портр.

Серебрякова Г.И. О других и о себе. Новеллы. М.: Сов. писатель, 1971, с. 153–160: (Н. А. Морозов).

Скребков А. Революционер, ученый, поэт. – Новая жизнь, 1961, 6 авг., № 94, фото.

Сметанин М. Гениальное предвидение: К 125-летию со дня рождения Н.А. Морозова. – Вперед, 1979, 23 июня, № 75.

Сметанин М. О Н.А. Морозове как химике. – Сев. рабочий, 1983, 7 мая, № 259.

Сметанин М. Развитие идей Н.А. Морозова. – Вперед, 1983, 15 окт., № 124.

Сметанин М. Развитие идей ученого-энциклопедиста: [О книгах академика А. Фоменко]. – Вперед, 1998, 11 июля, № 55.

Сметанин М. Великому закону [Д.И. Менделеева] – 100 лет. – Вперед, 1978, 1 фев., № 14.

Сметанин М. Новая книга о Н.А. Морозове (Н.А. Морозов: ученый-энциклопедист). – Вперед, 1983, 12 фев., № 19.

Сметанин М. История одного открытия. (О Морозове в книге Н.П. Агафошина «Периодический закон»). – Вперед, 1983, 2 окт., № 120.

Сметанин М. Выдающееся открытие. К 140-летию Н.А. Морозова. – Вперед, 1994, 13 июля, № 55.

Сметанин М. Человек широкой и отзывчивой души. – Вперед, 1999, 19 мая, № 38.

Сметанина М. Вклад Н.А. Морозова в развитие периодической системы химических элементов. – Вперед, 1998, 1 авг., № 61.

Смирнов И. За двадцать лет. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1971, с. 83–85: (Морозовия. Стихотворение).

Смирнов И. Морозовия: Стихотворение. – Сев. рабочий, 1969, 20 февр., № 43.

Сойкин П.П. Письмо Н.А. Морозову 12 ноября 1935 г. – Адмиралский А., Белов С. Рыцарь книги. Л., 1970, с. 202–203.

Соловейчик М. О «Пророках» Н. Морозова. – Еврейская старина, 1916, вып.5 (окт.–дек.), с. 469–478.

Соловьев В. Н.А. Морозов – пропагандист и узник Шлиссельбурга. – Северянка (Данилов, Яросл. обл.), 1999, 21 янв., № 5.

Соловьев Ю.И. Новые данные к научной биографии Н.А. Морозова. – Природа, 1969, № 7, с. 70–71, фото, ил.

Соловьев Ю.И. Н.А. Морозов в истории отечественного естествознания. – Вопр. ист. естествозн. и техн., 1980, № 2, с. 67–72. – Рез. на англ. яз.

Соловьев Ю.И. Предвидения Н.А. Морозова по химии. – Химия в школе, 1979, № 5, с. 12–13.

Сотников Н. Удивительная жизнь узника Шлиссельбурга. – Волга, 1966, № 7, с. 139–150. – (Наши замечательные земляки).

Список трудов Н.А. Морозова по химии. – Труды совещания по истории естествознания, 24–26 дек. 1946 г. Под ред. Х.С. Коштоянца. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 211–212.

Старейший революционер: 80-летие Н.А. Морозова. – За индустр., 1934, 6 июня, № 131, портр.

Старейший революционер и ученый. – Сев. рабочий, 1946, 2 авг., № 153.

Стеклов Ю. Рец. на кн.: Морозов Н. Христос. Кн. 1. Небесные веки земной истории человечества. Л.: Госиздат, 1924. XVI + 545 с. – Известия, 1924, 21 окт., № 241, с. 7.

Степанов Б. (Внучков Б.) Диссертация о Н.А. Морозове (Житовой Н.К.). – Вперед, 1979, 18 сент., № 112.

Степанова Р. Ученый-энциклопедист. – Калининградская правда (Моск. обл.), 1991, 24 дек., № 154, портр.

110 лет со дня рождения Н.А. Морозова (С конференции в Ярославле). – Вперед, 1964, 10 июля, № 84.

Столетие со дня рождения почетного академика Н.А. Морозова. – Изв. АН СССР. ОХН, 1954, № 5, с. 949–950.

Стуков Ю.Ю. Революционные народники и первые рабочие-революционеры России середины 60–80-х гг. XIX в.: Рекомендательный указатель литературы. М.: Книга, 1972, с. 35–37: (Николай Александрович Морозов).

Суровцев Д. Вместо визитной карточки: [Стихотворение. Посвящается Н.А. Морозову]. – Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / Сост. Н.А. Морозов. М.: Звено, 1909, с. 299.

Суханов Н.Н. Ученые пусть дадут ответ: Рец. на кн.: Морозов Н.А. Христос. Т. 1–4. 1924–1928. – Правда, 1928, 27 мая, № 122.

Тамбиева Е.Ф. Из воспоминаний врача. – Вопр. ист. естествозн. и техн., 1980, № 2, с. 73–75, портр.

Тамбиева Е.Ф. О человеке с большой буквы. – Вперед, 1996, 27 июля, № 56 (Публ. В. Бирюкова).

Таратута Е.С. М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М.: Худ. лит., 1973, с. 73–75, 212–220.

Твардовская В.А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870–1880-х годов. – М.: Наука, 1969, с. 25, 38, 41–42, 49, 53, 161–162, 207.

Твардовская В.А. Революция и наука в судьбе Н.А. Морозова. – Вопр. ист. естествозн. и техн., 1980, № 2, с. 58–66. – Рез. на англ. яз.

Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. – 192 с., портр.

Твардовская В.А. Неизвестное о стихотворении [Морозова] «После казни 4 ноября». – Русская литература, 1984, № 2, с. 166–169.

Твардовская В.А. Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту. – Отечественная история, 2003, № 2, с. 50–72.

Тележкин Н. Когда и кем был основан Борок. – Вперед, 1987, 30 июня, № 78.

Теодорович И.А. Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом. – Каторга и ссылка, 1932, № 7, с. 7–60.

Теодорович И.А. О мемуарах Н.А. Морозова. – Н. Морозов. Повести моей жизни. М., 1933, т.1, с. 5–68.

Теория Н.А. Морозова: [Проф. И. Скворцов о теории строения вещества Н.А. Морозова]. – Нов. сл., 1910, № 6, с. 146.

Титова В.И. [О Н.А. Морозове в связи с письмами к нему из Владимира]. – Влад. Некрополь, вып. 5. Владимир, 2002, с. 42.

Тихов Г.А. Излюбленная наука. – Веч. Кр. газ., 1934, 5 июня, № 128, портр. – (Н.А. Морозову 80 лет).

Тихов Г.А. Шестьдесят лет у телескопа. – М., 1959, с. 75–76 (Н.А. Морозов), портр.

Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.–Л.: Центр. арх., 1927, с. 36, 72, 96, 100; 113, 116, 120, 126, 128, 131–133, 201, 202.

Толстой Л.Н. [Письма к Н.А. Морозову от 6 и 11 апр. 1907 г. и от 20 апр. 1910 г. Публикация В. Д. Лебедевой]. – Современник, 1912, № 4, с. 187–188.

Топоровский Б. Рец. на кн.: Н. Морозов. «Пророки». – Южная заря (Екатеринослав), 1914, 1 апр., № 24.

Торж. собрание, посвященное 90-летию академика Н.А. Морозова. – Правда, 1944, 10 июля, № 165.

Торопыгин В. Пора признаний. М.: Мол. гвардия, 1970, с. 10–12: (Еще о сорок первым: Стихотворение); Лит. газ., 1968, 11 сент., № 37.

Троицкий И. Мечта, пронесенная сквозь казематы Шлиссельбурга. – Воздушный транспорт, 1982, 24 июля, № 88.

Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом, 1880–1891 г., Саратов: Ивд-во Саратов. ун-та, 1971, с. 7, 17; 43, 51–54, 65, 66, 89, 119, 160.

Трофимова Н. Письмо из семейного архива. – Сев. рабочий, 1989, 5 февр., № 31.

Труды Н.А. Морозова. – Кр. газ., веч. вып., 1924, 8 окт., № 229.

Турков А. Жребий Николая Морозова (О книге В. Твардовской о Морозове). – Известия, 1984, 4 марта, № 64.

Турупанов Н. Издано в Женеве. – Сев. рабочий, 1959, 27 сент, № 228.

У Н.А. Морозова: [Беседа]. – Голос Земли, 1912, 11 февр., № 31; 6 марта, № 42, портр.

У шлиссельбуржца Н.А. Морозова. – Ленингр. правда, 1934, 5 июня, № 131, портр.

Усанович М.И. Научные предвидения Н.А. Морозова. – Усп. хим., 1947, т. 16, вып. 3, с. 241–253, портр.

Успенский Л. Дом занимательной науки. (Всеотдельческий экскурсовод Н.А. Морозов). – Техника-молодежи, 1971, № 8, с. 35–36.

Успенский С. Перечень критических статей на «Откровение в грозе и буре», вышедших до 21 февр. 1909 г.: I. Различные издания «Откровения в грозе и буре» и заметки о нем самого автора. II. Из переводов на иностр. языки. III. Заметки и критики. – Морозов Н. Откровение в грозе и буре. 3-е изд. М.: Саблин, 1910, с. 323–330.

Ученый-революционер: [К 100-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Наука и жизнь, 1954, № 7, с. 41–42, портр.

Файбусович Г. 26 тетрадей Морозова: [К 25-летию со дня смерти]. – Химия и жизнь, 1971, № 8, с. 24–31, портр.

Федоров Г. Откровения и наука. – Новый мир, 1975, № 1, с. 203–210.

Фенов И. По указанию Ильича. – Вперед, 1970, 21 апр., № 48.

Фесенков В.Г. Идея Морозова плодотворна: [О метеоритной природе происхождения лунных кратеров и цирков]. – Техн.-мол., 1963, № 8, с. 31, рис.

Фигнер В.Н. Николай Александрович Морозов. – Галерея шлиссельбургских узников. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1907, ч. 4, с. 96–107, 1 л. портр.

Фигнер В.Н. Николай Александрович Морозов. – Шлиссельбургские узники, 1884–1905 гг.: Биографические очерки. М.: Задруга, 1920, с. 175–198.

Фигнер В.Н. О юбиларе Н.А. Морозове: (Строки из неоконченной характеристики). – Известия, 1934, 9 июня, 133, портр.

Фигнер В.Н. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Николай Александрович Морозов. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1926. – 32 с., портр.

Фигнер В.Н. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». Н.А. Морозов. – 2-е изд. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1928. – 31 с., портр.

Фламарион К. Письмо председателю Русского общества любителей мироведения Н.А. Морозову от 10 апр. 1917 г. – Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1917, т. 6, № 3, с. 188–190. – На рус. и фр. яз.; Аргус, 1917, № 4, с. 28–29.

Фоменко А.Т. Глобальная хронология. (Исследования по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. Глобальная хронология.) – М.: изд. механико-математического факультета МГУ, 1993, с. 22–24.

Фоменко А.Т. К вопросу о мистификациях. – Техника и наука, 1982, № 11, с. 26–29.

Фоменко А.Т. Кто и как оспаривал Н.А. Морозова? – Критика традиционной хронологии античности и средневековья (Какой сейчас век?). Реферат. – М.: изд. механико-математического фак. МГУ, 1993. с. 143–147.

Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии. – М.: Изд МГУ, 1990. (Посвящается памяти Н.А. Морозова.)

Фоменко А.Т. Николай Александрович Морозов. – Статистическая хронология. М.: Знание, 1990, с. 13–14.

Фоменко А.Т. Новая хронология Греции. Античность в средневековье. – М.: изд. Учебно-Научного Центра довузовского образования МГУ, 1996, т. 1, с. 383: (Идея Н.А. Морозова), с. 112: (Портрет).

Фоменко А., Носовский Г. Какой сейчас век? – М.: АиФ-Принт, 2002. – 511 с. (Морозов Н.А. – 5–7, 9–10, 22, 25–28 и др.; фото).

Фроленко М.Ф. Комментарий к статье Н.А. Морозова «Возникновение “Народной воли”». – Былое, 1906, № 12, с. 22–36.

Халтурин И.И. Н.А. Морозов и его воспоминания. – Морозов Н.А. У таинственного порога М.: Дет. лит., 1966, с. 196–205

Хамарханов А. «Мы умираем только для других...»: [К 125-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Химия и жизнь, 1979, № 10, с. 76.

Херсонов-Удачин А. Николай Морозов «О грозе и буре». – Здоровье (Аргументы и факты), 1998, № 7, с. 6.

Хлопин В.Г., Баландин А.А., Погодин С.А. Химические науки /Под ред. С.И. Вольфовича. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1945, с. 55–56. – (Очерки по истории Академии наук, 1725–1945).

Храмов Ю.А. Физики. Биографический справочник. – Киев, Наукова думка, 1987, с. 230 (Н.А. Морозов, порт.)

«Христос» Николая Морозова: Проспект. – Л.: ГИЗ, 1930. – [13] с., ил.

Хомяков А. В. Каверин о Н.А. Морозове. – Вперед, 1988, 21 апр., № 47.

Царев П. Его большая жизнь: [К биографии Н.А. Морозова]. – Авиация и космонавт., 1963, № 10, с. 80–83, ил., портр.

Царев П. Человек большой судьбы. – Вперед и выше, 1959, 30 янв., № 4, ил.

Чествование Н.А. Морозова. – Ленингр. правда, 1934, 8 июня, № 133; Веч. Москва, 1934, 25 мая, № 118.

Четвериков Б. Вольная школа: [О работе Н.А. Морозова в Высшей вольной школе Лесгафта]. – Звезда, 1940, № 3/4, с. 147–158.

Черненко Г. В неведомом пространстве: (О Н.А. Морозове). – Глобус. Географический сборник. Л., 1990, с. 223–231, портр.

Чествование Н.А. Морозова. – Веч. Москва, 1934, 25 мая, № 118.

Чивилихин В.А. Память. – Наш современник, 1983, № 10, с. 22, 85–91, 93, 97, 101: (Н.А. Морозов).

Чивилихин В.А. Память. – Дорога к звездам. М., 1986, с. 39–48: (Н.А. Морозов).

Чивилихин В.А. Четверть века в одиночке. – Ярославия. Сборник. М., 1990, с. 125–142.

Чижевский А.Л. Вся жизнь. М.: Сов. Россия, 1974, с. 200–207 (Звездные бездны), 1 л. портр.

Чижевский А.Л. Звездные бездны: [Из воспоминаний о Н.А. Морозове]. – Смена, 1968, № 17, с. 22–23, портр.

Чижевский А.Л. Звездные бездны: [О Н.А. Морозове]. – На берегу Вселенной. М., 1995, с. 383–395, портр.

[*Чижевский А.Л.* Н.А. Морозов и К.Э. Циолковский: Публикация Б. Внучкова]. – Сев. рабочий, 1977, 18 авг., № 192; Вперед, 1977, 1 окт., № 118.

Чикин В. Звездная песнь: [О Н.А. Морозове]. – Сов. Россия, 1979, 8 июля, № 156, портр.

Чирвинский П.Н. Патмосское землетрясение 30 сентября 395 г. по Р.Х.: [О книге Н.А. Морозова «Откровение в грозе и буре»]. – Ежегод. по геол. и минерал. России, 1908, т. 10, вып. 1/2, с. 15–18. – На рус. и нем. яз.

Чирвинский П.Н. Попытка применения закона компликации Виктора Гольдшмидта в химии. Киев: Тип. Ун-та Акц. о-ва Н.Т. Корчак-Новицкого, 1909, с. 5–20, 27: [О книге Н.А. Морозова «Периодические системы строения вещества»]; Зап. Киев. о-ва естествоисп., 1910, т. 21, вып. 3, с. 1–31, табл. – Рез. на нем. яз.

Чубукова Ю. «Я сидел во Вселенной...» [Очерк о жизни и деятельности Н.А. Морозова]. – Русь (Ростов Великий), 1995, № 4, с. 154–167, портр.

Чубукова Ю.И. Н.А. Морозов. – Правьте на звезды. Рыбинский край в отеч. науке XIX–XX веков. – Рыбинск, 1999, с. 164–175, фото.

Шевчук В. Выдающийся ученый-революционер: [К 100-летию со дня рождения Н.А. Морозова]. – Сев. рабочий, 1954, 7 июля, № 134.

Шифман А. Встреча: [О встрече и переписке Л.Н. Толстого с Н.А. Морозовым]. – Звезда, 1978, № 11, с. 150–157.

Шифман А. Встреча [Н.А. Морозова с Л.Н. Толстым]. – Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983, с. 222–243.

Шихова Н.М. Еще одна сверкающая грань (Н.А. Морозов как математик). – Вперед, 2000, 5 июля, № 53.

Шишковский Б.А. Последние открытия в области радиоактивности с точки зрения теории строения атомов Н.А. Морозова. – Физич. обозрение

(Киев), 1909, т. 10, вып. 5, с. 273–276. (На английском языке: Nature, 1909, vol. 80, p. 276.)

Шишкин В.П. Изложение работ русских ученых в курсе общей химии. Л.: [Ленингр. политехн. ин-т], 1951, с. 38–39: (Н.А. Морозов, 1854–1946).

Шмишкис С. Николай Александрович Морозов – революционер-народоволец и ученый-химик. – Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та, 1963, вып. 45, с. 63–73, портр., фото. – Библиогр.: «Список важнейших работ Н.А. Морозова» 15 назв. и «Использованная литература» 12 назв.

Штауде Н.М. О работах Н.А. Морозова по астрономии и смежным наукам. – Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1924, т. 10, с. 15–22.

Штрайх С. Л.Н. Толстой и Н.А. Морозов. – Огонек, 1947, № 29, с. 23, портр.

Шубняков Б. Рец. на кн.: Внучков Б.С. Узник Шлиссельбурга. Ярославль: Верх. Волга. – Сев. рабочий, 1969, 25 дек., № 300.

Шуvalов Ф.П. Шлиссельбургский узник. – Физкульт. в шк., 1967, № 6, с. 24–25, портр.

Шумов В. Был учеником деревенского кузнеца. – Знамя труда (Данилов, Яр. обл.), 1989, 8 июля, № 8, портр.

Шумов В. А. Серафимович и Н. Морозов. – Сев. рабочий, 1989, 19 ноября, № 267.

Шустер С. Штрихи к портрету советского помещика. – Новое время, 1993, № 39, с. 43–44, портр.

Щерботкина В. Любимец детей. – Голос льновода, 1959, 31 мая, № 65, портр.

Экономов Л. Страстный учитель: Повествование о П.Ф. Лесгафте. М.: Физкульт. и спорт, 1969, с. 228–231: (Большая дружба [П.Ф. Лесгафта и Н.А. Морозова]).

Эль. Н.А. Морозов и его парадоксы. – Кр. газ., веч. вып., 1924, 28 окт., № 246.

Эрн В.Ф. «Откровение в грозе и буре»: [Рец. на кн.: Морозов Н.А. Откровение в грозе и буре. СПб., 1907]. – Серг. Посад: Богосл. вестн., 1907, № 10, с. 282–311.

Эрн В.Ф. Филологизирующий астроном. – В.Ф. Эрн. Сочинения. М.: Правда, 1991, с. 220–244.

Юбилей узника Шлиссельбурга: [80 лет со дня рождения и 60 лет революционной и общественной деятельности Н.А. Морозова]. – Веч. Москва, 1934, 7 июня, № 129.

Ювачев И.П. Шлиссельбургская крепость. М.: Посредник, 1907, с. 64–71, рис., портр.

Юнгеров В. «Откровение в грозе и буре»: (Опыт критического разбора книги Н. Морозова). – Чернигов: изд. Братства св. Михаила, 1913. – 60 с.

Юценко П. К вопросу о сопротивлении упругих средин: [Рец. На кн.: Морозов Н.А. Законы сопротивления упругой среды движущимся телам. СПб., 1908]. – Вестн. О-ва технол., 1909, № 2, с. 84–94, фиг.

Яковлев Н.Н. Вольная школа науки и просвещения. – М., 1990, с. 3, 9, 34–35, 57–66 и др.: (Н.А. Морозов).

Якуб З. Революционер Н.А. Морозов в Двинской крепости. – Авангард, 1966, 30 июля, № 90; Кр. знамя (Даугавпилс), 1966, 2 авг., № 120.

Якубович П.Ф. Шлиссельбургские мученики. – СПб.: Тип. А. Гольдберга, 1906. – 32 с.

Belkin L. Nikolai Morozov's Life – Moscow News Weekly. № 3, 1980, постр.

Morosov Nicolai. – In: Biographical encyclopedia of the world. 3rd ed. New York: In-te research biogr., [1946], p. 874. – (Who's important in science).

Morozov Nikolai A. (1854–1946). – Space Sci. Rev., 1971, vol. 12, № 2, p. 162.

Morozov Nikolaj. – Wielka encycl. powszechna ilustr. Ser. 1, 1912, t. 48, p. 480–481.

Выражение признательности

Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как мы впервые познакомились с творчеством Н.А. Морозова, поразились, восхитились и навсегда стали его поклонниками. За это время судьба свела нас со многими замечательными людьми, без помощи и поддержки которых эта книга навряд ли увидела бы свет. Мы благодарны всем этим людям, кое-кого из которых уже, к сожалению, нет в живых.

Мы благодарны Владимиру Борисовичу Бирюкову, правнучатому племяннику и активнейшему биографу Н.А. Морозова; директорам Дома-музея Н.А. Морозова в Борке Борису Степановичу Внучкову и Татьяне Григорьевне Захаровой; сотрудникам музея Галине Сергеевне Мишулиной и Валентине Александровне Романенко; старейшей работнице музея Елизавете Ивановне Пельконен; великолепному краеведу, знатоку Мологского края Константину Константиновичу Озерову; научным сотрудникам Института истории естествознания и техники Юрию Ивановичу Соловьеву и Кире Борисовне Серебровской; нашим духовным наставникам настоятелям Верхне-Никульского храма отцу Павлу (Груздеву) и отцу Георгию (Захарову); нашему давнему другу, журналисту Алле Николаевне Путинцевой; директору издательства «Крафт» Александру Александровичу Румынскому, благодаря которому «Христос» Морозова получил новое рождение; активному пропагандисту идей Морозова научному сотруднику Института биологии внутренних вод Михаилу Михайловичу Сметанину; одному из старейших знатоков народовольцев Сергею Александровичу Стебакову; наконец, нашему молодому коллеге Александру Недосекину с надеждой, что интерес к этой теме не погибнет вместе со старшим поколением. Мы также благодарны участникам ежегодных Морозовских чтений, сотрудникам архива АН, ЦГАОР, ряда С.-Петербургских архивов и многим, многим другим, чьи имена невозможно привести из-за большого их количества.

Оглавление

Пролог	5
--------------	---

Часть первая Коля Морозов

Глава I. На берегу Волги	12
Глава II. В классической гимназии и за ее пределами	30
Глава III. Конец классического образования	39

Часть вторая «Воробей»

Глава I. В народ!	62
Глава II. На родине Вильгельма Телля	78
Глава III. Испытание одиночеством	90
Глава IV. «За свет и свободу»	112
Глава V. За шаг до бессрочной каторги	143

Часть третья «Зодиак»

Глава I. Начало новой жизни	188
Глава II. Заживо погребенный	197
Глава III. Заключенный № 4	203
<i>Из истории Шлиссельбурга</i>	203
<i>В крепости год за годом</i>	206
<i>Жизнь во Вселенной</i>	264

Часть четвертая Николай Морозов

Глава I. Воскресение	298
Глава II. Заботливый друг	313
Глава III. Праздник	329
Глава IV. Певец воздуха	335
Глава V. Вокруг «Звездных песен»	370
Глава VI. Война	402
Глава VII. Пропагандист научного знания	430
Глава VIII. Полет в Шлиссельбург над местами бывшего заточения	436

Часть пятая
Академик Морозов

Глава I. Директор Института	500
Глава II. Окрыленное солнце	537
Глава III. «История человеческой культуры в естественном освещении»	548
Глава IV. Прощание с небом	558
Глава V. Эликсир молодости	564
Глава VI. Член Академии	568

Часть шестая
Четыре встречи

Глава I. В Москве	596
Глава II. В Ленинграде	619
Глава III. В Борке	674
Глава IV. В Барвихе	698
Эпилог	707
Краткая хронология жизни	713
Библиография	724

Валянский Сергей Иванович
Недосекина Ирина Сергеевна
Отгадчик тайн, поэт и звездочет

Отв. за выпуск. А.А. Румынский
Художник Л.Л. Михалевский
Верстка В.Г. Кузнецов

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.

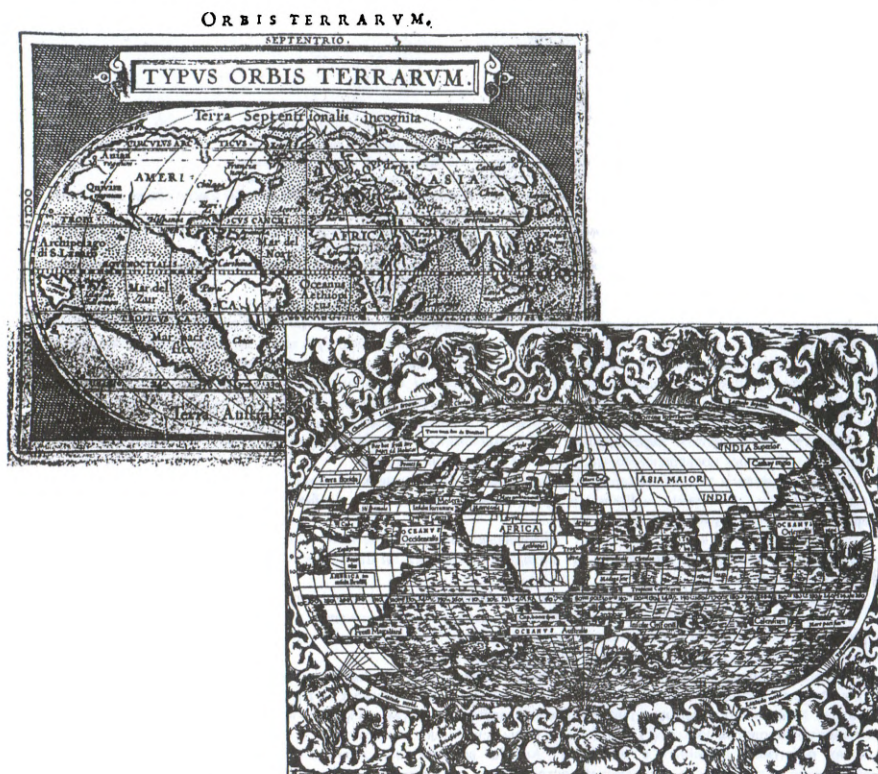
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Подписано в печать 26.03.2004. Объем 49 п.л.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3880.

ООО Издательство «Крафт+»
129343, г.Москва, проезд Серебрякова, 14.
Тел. 189-93-78, 363-68-73

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

«Атлас» Абрахима Ортелия, «География» Птолемея
с комментариями А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского

Знаменитые «Атлас Ортелия» и «География Птолемея» дошли до наших времен лишь в нескольких экземплярах XVI и XVIII веков. Недоступные до сих пор, сегодня эти исторические материалы готовятся к своему переизданию ограниченным тиражом.

Карты раскрывают происхождение многих известных названий. Дополненный комментариями А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, материал послужит прекрасным продолжением публикаций из цикла новой хронологии.

Книги можно приобрести только, оформив предварительный заказ.

Заказать эти уникальные альбомы можно в издательском доме «Деловой экспресс» по телефонам: (095) 745-71-47, 916-70-17 или по электронной почте shop@dex.ru.

О других, не менее интересных, проектах «Делового экспресса» Вы можете узнать, посетив наш сайт: www.dex.ru.

Крафт+ возвращает России объективную реальность

Я знаю буквы:
Письмо - осязание,
Трудиться усердно, жеманно,
И, как подобает разумным людям,
Постижение мирозданья!
Несите слово убеждение;
Знание - оар божий!
Держите, выпящите, чтобы
Сущего свет постичь!

Послание к Славянам (Из книги Я. Кеслера)

Единственные книги которых былись в академии наук всего мира

Впервые Вам возвращают реальную историю человечества

Имя мудрости так называемых античных народов, с их мистикой, философией, архитектурой и искусством создано почти нашими современниками.

Веселые интеллигентные эпохи возрождения выдумали Римскую империю и римское право, Античную Грецию и греческое искусство, древнюю Индию и древний Китай.

В эпоху Возрождения (того чего не было) была "создана" священная история, с Библией, Кораном и Евангелиями.

XX век. Николай Морозов

Выстрел по истории из телескопа астронома

Народный герой которого загнали умирать в Петропавловку. Изучая Альмагест Птолемея Морозов открывает что античное расположение звезд, соответствует небу XVI века, а саму звездную карту Птолемея отпечатал А. Дюрер! С первой книги, написанной в 1910 году до последней в 1927 году, Морозов громит историю, точнее, то представление о ней, которое лучшие умы человечества считали отражением объективной истории. Он первый кто доказал, что реальную историю можно проследить с XII-XIX веков. А по сути, с XV века, когда началось повсеместное изготовление бумаги. Ответом на книги Морозова было тотальное организованное молчание академических кругов.

Крафт+ представляет: переиздание (1999) семитомника великого русского ученого Николая Александровича Морозова «Христос» посвященного исследованию хронологии истории.

Небесные вехи в земной истории человечества. – Династические параллелизмы. – Бог и слово. – Во мгле минувшего при свете звезд. – Руины и привидения. – Из вековых глубин (в 2-х книгах). – Великая Ромея – первый светоч средневековой культуры.

В 2001-2003 гг. вышли следующие неизданные книги Н. Морозова: Новый взгляд на историю Русского государства. – Восточное эхо крестовых походов. С Востока ли был свет. – Миражи исторических пустынь. – Азиатские христы.

В издательстве Крафт+ вышли следующие книги посвященные исследованию хронологии истории:

Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира в 3-х томах. – Античность. – Библия. – Средневековье. По сути первый новый учебник истории. Это курс лекций в которых уточняются и подтверждаются основные позиции великого основоположника Н.А. Морозова

Из серии "Версии мировой истории": О графе Гомере, крестоносце Батые и числе зверя. – Путь на Восток или без вести пропавшие во времени. – Явление Руси. – Тьма горьких истин... Русь авторов Сергея Валицкого и Дмитрия Калужного которые в занимательной и доступной форме изложили новую вполне революционную версию истории и хронологии событий. Показано, что отцы-основатели научной хронологии неверно определили место и время многих событий, описанных в летописях. Авторы доказательно опровергают многие казавшиеся незыблемыми, освященные академической традицией исторические представления. Взламывая сцементированный веками лед догматических установок, авторы не претендуют на истину в конечной инстанции. Их главная цель – стимулировать мыслительный процесс читателя, предоставить ему самому возможность докапываться до того, как все в нашем прошлом обстояло на самом деле.

Второй удар по истории. А.Т. Фоменко

Уже в наше время атаку на твердолобую оборону гуманитариев от иллюзорной академической так называемой истории повел академик АН СССР математик А. Фоменко. Он без деликатного почтения к академической науке присущего Н. Морозову нанес сокрушающий удар по фальсифицирующей истории Карамзинных, Ключевских, Соловьевых и иже с ними прилежаших. По сути А. Фоменко подорвал основы всех теорий политологов которые делали свои выводы на основе исторических событий.

Крафт+ представляет следующие книги:

Фоменко А.Т. Методы статистического анализа исторических текстов. Приложения к хронологии. В 2-х томах. – Комментарии изданных

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Введение в новую хронологию. (Какой сейчас век?)

Кеслер Я.А. Алфуба и русско-европейский словарь. В книге проанализирована и заново систематизирована лексика около двадцати основных современных европейских языков. Словарь сгруппирован по 250 корневым группам, общим для всех этих языков и содержащим порядка 1000 ключевых русских слов, которые охватывают все понятия, необходимые для полноценного общения. Корневые группы словаря основаны на балто-славянской фонетике и охватывают, например, около 90% словарного запаса английского языка, в котором сами англичане многие слова сегодня не воспринимают как однокоренные. В каждой корневой группе словаря представлены слова, однокоренные ключевым русским, из 15 языков: болгарского, сербского, чешского, польского, литовского, латышского, английского, немецкого, шведского, норвежского, итальянского, французского, испанского, португальского и греческого.

И. Табов. Закат старой болгарии (Новая хронология Балкан). В книге приведен целый ряд противоречий в общепринятой болгарской истории.

129343 г. Москва, пр-д Серебрякова, 14, ООО «Крафт+». Email: kraft@podlipki.ru; www.podlipki.ru.-kraft
Тел/факс (095) 186-93-78, 363-6872, 363-6873. В Санкт-Петербурге (812) 141-23-37

Николай Александрович Морозов русский ученый-энциклопедист (1854 – 1946)

Он ярко заявил о себе в 70-х годах XIX века и исчез на 30 лет в каземате Шлиссельбурга. Как птица-феникс, возродился из небытия в начале XX века и стал известен «всей читающей России». После революции был директором уникального научного учреждения – Государственного естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта. После смерти Н.А. Морозова его имя стали вспоминать все реже и реже, хотя он был известным общественным деятелем и ученым, которого можно сравнить с Леонардо да Винчи. Он прославился своими разработками в области химии, астрономии, физики, математики, метеорологии, биологии, истории, филологии, геофизики. Н.А. Морозов был неутомимым пропагандистом научного знания и пионером научного воздухоплавания, проявил себя как яркий публицист, поэт в науке и ученый в поэзии.

Издательство
«Крафт+»
